В. НЕВСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)

ТОМ I

РАБОЧЕЕ ИЗД-ТВО „ПРИБОЙ" ЛЕНИНГРАД. 1924

Товарищу и другу жене моей
Любови Васильевне
Филипповой-Сафоновой
этот труд посвящает автор.

ОТ ИСТПАРТА.

Настоящий том «Очерков по истории Р. К. П.» знаменует своим выходом в свет давно жданную счастливую возможность реализации подготовительных процессов для написания большой работы по истории нашей партии. То немногое, что в этом направлении было сделано раньше, не может удовлетворить ни человека науки, ни массового читателя, вкусы которого рассчитаны на «легкое и занимательное» чтение. Монографии Н. Н. Батурина («Очерк Истории Социал-демократии в России»), Акимова («Очерк развития Социал-демократии в России») и Лядова («История Р. С.-Д. Р. П.») при всех своих достоинствах не могут претендовать на роль крупных исторических работ, более или менее исчерпывающих предмет даже в тех ограниченных рамках, за пределы которых авторы названных сочинений, по тем или иным обстоятельствам, не успели выйти (Исторические очерки Батурина и Акимова доведены до 1905 г. включительно, а Лядова только до 1903 г.). Брошюры по Истории Р. К. П., изданные в последнее время (напр., Зиновьева и Лядова), представляют ряд более или менее удачных, более или менее талантливых легких эскизов в области популяризации исторических схем развития Партии, но и только.

Вот почему позволительно думать, что книга В. И. Невского, доводящая пока историю Р. К. П. до периода, наступившего после I-го с'езда, представляет в данной области в такой мере крупное явление, что если автору удастся осуществить полностью свое большое начинание, то, быть может, мы, русские коммунисты, наконец-то будем иметь настоящую научно-популярную Историю Р. К. П. И это будет не только личная заслуга т. Невского, но и всей той плеяды добросовестных и кропотливых историков, которые последовательно, кладя кирпич за кирпичем, создавали прочный фундамент для возведения будущего большого здания. Список приведенных в книге В. И. Невского литературных источников, которыми он пользовался, великолепно иллюстрирует эту мысль. Нельзя, однако, сказать, что все трудности для историка, задумавшего большую, многотомную, выдержанную в марксистском духе историю партии

рабочего класса в России в связи с рабочим движением и с фактами экономического развития страны, в настоящее время уже совсем устранены. Есть целые полосы общественной жизни — самые глухие и самые темные (напр., годы реакции после революции 1905—1906 г.г.), на которые и до сих пор еще так мало брошено света, что нашим партисторикам предстоит не мало работы в архивах для заполнения этих исторических дыр. К счастью, автор настоящей книги не только умелый популяризатор и знаток литературы в данной области, но и испытанный работник - архивист, любящий архивное дело и знающий его. Можно поэтому надеяться, что задуманная им большая работа, счастливо соединяющая в себе прекрасную форму, серьезную научность и высокую степень популярности, будет в недалеком будущем доведена до конца и пополнит, наконец, пробел в нашей партийной литературе, который давным-давно очень остро чувствуется.

П. Лепешинский.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

РОДОНАЧАЛЬНИК РУССКОГО МАРКСИЗМА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые читателю «Очерки» явились в результате работы двоякого рода, — чтений по истории нашей партии в Свердловском Университете в течение 1920/21 акад. года и работы в наших Историко-революционных архивах в течение 1922 года.

Проведя курс лекций в Университете, автор еще тогда убедился, что теперь совершенно недостаточно тех фактов и данных, какими обыкновенно оперирует лектор в наших партийных и советских школах, с одной стороны, а с другой, большое количество новых данных и фактов, освещающих доселе неосвещенные моменты нашей истории, появившихся в результате работы «Комиссии по Истории октябрьской революции и РКП» заставило пересмотреть многие установившиеся взгляды на недостаточно обследованные периоды истории нашей партии. Отсюда явилась вполне законная потребность обращаться к первоисточнику.

Поэтому в настоящей работе некоторые отделы написаны на основании обработки сырого архивного материала; таковы, напр., отделы: «Южно-Российский союз рабочих», рабочие кружки 80-х и начала 90-х годов, социал-демократические организации этого же периода, отчасти рабочее движение 80-х и 90-х годов и т. п. По некоторым из этих моментов автором уже опубликованы отдельные работы, а по вопросу о соц.-демократических кружках 80-х годов готовится специальное исследование, касающееся одного из интереснейших явлений этого периода — Благоевской Группы.

Таким образом, предлагаемая работа является результатом самостоятельных занятий автора над новым еще не обследованным материалом.

К сожалению спешность выполнения работы и необходимость выполнять ее лишь в течение того времени, какое оставалось от текущей работы, далеко не располагающей к систематическим и спокойным научным занятиям, очень сильно повлияли на многие отделы нашей книги. Многое хотелось бы еще дополнить свежим новым материалом, многое необходимо было бы еще раз проверить в свете новых фактов и данных, наконец, многое необходимо было бы просто иначе изложить, если не по существу, то по форме.

К сожалению, выпуск книги итак задержался и поэтому она выходит далеко не такой, как хотелось бы.

Книга названа «Очерками», и читатель прекрасно понимает почему: мы еще так мало изучили нашу историю, у нас еще так мало освещены важнейшие моменты нашей истории, мы еще так мало издали материалов и документов, что еще далеко до того времени, когда можно будет написать историю нашей партии.

Первый том охватывает два первые периода нашей Истории и заканчивается первым с'ездом нашей партии. «Экономизм» и вообще ревизионизм предполагается рассмотреть во втором томе, который должен охватить все события, явившиеся прологом первой русской революции.

Книга снабжена приложениями, отчасти уже известными широкой коммунистической аудитории, отчасти мало известными или даже впервые появляющимися в печати (некоторые уставы, прокламации). Это сделано для того, чтобы читатель имел возможность самостоятельно сравнить их, не полагаясь на наш текст а, главное, использовать их во время преподавания.

Никто, быть может, более чем сам автор этой книги, не представляет все недочеты и слабые места своей работы, и только искреннее желание дать более или менее подробное изложение событий хотя бы за первые два периода нашей Истории вынудили автора издать эту книгу.

Надеясь, что читатель и критик так же искренне и беспристрастно, хотя и сурово, но с фактами в руках отнесется к нашей работе, мы выпускаем ее.

Автор выражает свою горячую благодарность всем, помогавшим ему своими советами и указаниями, и прежде всего всему старому составу Петроградского Бюро Истпарта т.т.—В. Д. Перазичу, Н. Л. Сергиевскому, С. М. Познер, Н. К. Васильевской, Э. А. Корольчук и Н. А. Бухбиндеру. Их всех, а в особенности таких знатоков движения 80-х и 90-х годов, как Н. Л. Сергиевский и В. Д. Перазич, указания которых не раз спасали автора от ложных выводов и заключений,—приходится благодарить особенно горячо. Большую благодарность выражаю П. Н. Лепешинскому, любезно просмотревшему в гранках первую четверть книги. Его советы и указания были, как понятно само собой,—чрезвычайно ценны и дороги.

Точно так же выражаю большую благодарность и одному из лучших знатоков Историко-революционных материалов вообще и материалов захваченного нами периода в частности С. Н. Валку: его постоянная любезность, постоянная готовность придти на помощь, его знания, его опыт всегда приходили во время в тех или других затруднительных случаях. Точно такую же благодарность выражаю и т. Ш. М. Левину.

Вообще без той удивительно теплой и товарищеской атмосферы, какая создалась в Петербургском Историко-революционном архиве, и без той помощи, которую автор находил как со стороны партийных товарищей (Старый Состав Петр. Бюро Истпарта), так и со стороны работников архива, эта книжка не увидела бы света.

Издательство «Прибой» в лице т. А. М. Гертика, взявшего на себя труд печатать эту книгу автора, заваленного текущей работой и не могущего своевременно доставлять рукопись издателю, необходимо причислить к числу тех, кто помог выходу в свет наших «Очерков».

В. Невский.

Петроград, июнь 1923 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОМИССИЯ
по истории Октябрьской революции
и Р. К. П. (б.).

В. НЕВСКИЙ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

ЧАСТЬ I

РАБОЧЕЕ КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
Петроград — 1923.

Типография Коминтерна. Петроград, Екатерингофский пр., 87.

Отпечатано 20.000 экз.

Введение.

Наша партия развилась и выросла из левого крыла российской социалдемократической рабочей партии, а левое крыло в свою очередь было только частью большого политического образования, вполне оформившегося и сложившегося уже в начале первой четверти двадцатого века. Но едва ли теперь найдется хоть один историк, который взялся бы отрицать ту связь, какая была в конце прошлого века между первыми русскими социал-демократами и представителями революционного течения, известного под именем народничества.

Развитие промышленности в России в XVIII столетии.

Стало быть, чтобы понять и изучить те источники, откуда начинается могучее идейное течение, вылившееся в конце концов в то, что мы называем Коммунистической партией, точнее, чтобы определить те течения и направления революционной мысли, которые могли и должны были пойти особым потоком, превратившимся в конце концов в могучую коммунистическую струю, необходимо обратиться к изучению тех условий и причин, в каких и по каким развивалась российская социал-демократия. Изучение же этих условий и причин приводит неизбежно к рассмотрению той экономической и социальной подпочвы, на которой и из которой выростали всякого рода надстройки, идеологии, идейные и умственные течения, в той или другой форме кристаллизовавшиеся в общественной жизни.

Вот почему необходимо собственно истории Коммунистической партии предпослать хотя беглый очерк развития той революционной борьбы, что кипела в течение всего девятнадцатого века еще задолго до появления на исторической сцене русских социал-демократов. Как непонятна история германской социал-демократии, если вырвать ее из той общей обстановки, в какой развивалась Германия в течение девятнадцатаго и двадцатого века, так непонятна история русской социал-демократии, если не рассмотреть той революционной борьбы, в которой выковывалась социалдемократическая мысль. Отсюда понятно, что при изучении истории нашей партии приходится начинать издалека. Это, конечно, не означает, что нужно подробно излагать историю революционного движения в России, но это обязывает показать причины, вследствие которых на смену народничества и даже рядом с ним русская действительность выдвигала социал-демократов. Но понять это, значит уяснить себе классовую структуру, сложившуюся к концу 19 столетия, а это в свою очередь заставляет обратиться к уяснению той экономической эволюции, какую проделала Россия в течение прошлого века.

Остановиться на всех вышеуказанных моментах тем более необходимо, что если старым членам нашей партии все это достаточно хорошо известно и понятно, то не так обстоит дело с нашими молодыми товарищами, у которых не было ни возможности ни средств, в особенности в течение пяти лет невиданной гражданской войны, ознакомиться хотя бы с главнейшими фактами нашей экономической и социальной борьбы, уясняющими историю российской социал-демократии.

Это тем более необходимо, что и до настоящего времени есть люди, которые думают, что для нашей России указаны господом богом какие-то особенные пути и что все у нас делалось и делается совсем не так, как в других государствах.

Еще не так давно, лет двадцать-тридцать назад, даже самые лучшие люди, не мирившиеся с произволом и гнетом царских чиновников, помещиков и капиталистов, в серьез думали, что в России никогда не будет такого рабочего класса, как в западных государствах, и что освобождение от царского гнета произойдет силою восставших крестьян.

Понятно, что такие люди неправильно думали и о классовой борьбе, что давно уже кипела в России, и о том, что в этой борьбе на первом месте впереди всех стояли рабочие.

Неправильно эти люди думали и о том, как и по каким причинам появились у нас в России рабочие.

Обыкновенно об этом рассуждали так: жила-была себе темная, отсталая Россия, и потому что она была темна и отстала, не было у нее хорошо обученного войска, одолевали ее более образованные народы—поляки, шведы и немцы.

Вот и пришлось подумать русским людям, как выйти из такой беды. Тут появился необыкновенно умный царь, гениальный, как говорится, преобразователь России Петр Великий.

Он понял, что для того, чтобы не обижали русских более сильные и образованные соседи, необходимо завести хорошее, обученное войско на манер других государств; а так как войску нужны и пушки, и ружья, и снаряды, и сукно, и полотно, и парусина для кораблей, то и пришлось подумать о том, как бы завести и у нас в России фабрики и заводы, где выделывалось бы все, что нужно для армии.

Петр так и сделал: приказал завести фабрики и заводы, и они, мол, стали строиться и заводиться.

Ну, а раз завелись фабрики да заводы, то появились и рабочие.

Вот таким путем и началась будто бы в России промышленность.

Верно ли это? Правильно ли мнение, что будто бы фабрики и заводы появились при царе Петре?

Нет, еще задолго до Петра в России пытались заводить фабрики и заводы и заводили их богатые люди, купцы с большим капиталом, и первейший купец в России—царь.

Еще задолго до Петра, при его отце царе Алексее в России были заводы и фабрики, принадлежавшие как самому царю, так и частным лицам.

Отец Петра торговал не только хлебом, водкой, шелком, мехами, но и стеклянной посудой и сковородами, гвоздями. полосовым и иным железом.

И посуда эта, и гвозди, и сковороды выделывались на царских и иных заводах.

Так в селе Измайловском еще в 1668 году существовал стеклянный царский завод, где выделывалась посуда, которую царь и продавал купцам помельче, чем сам; были и в других местах такие же стеклянные заводы, где выделывалось стекло, посуда и бутылки.

Стеклянные заводы были устроены однако еще раньше, в конце шестнадцатого века; в это же время примерно были построены писчебумажные фабрики.

При царе Федоре Иоанновиче основаны фабрики бархатные и парчевые, царь Михаил Федорович разрешил иностранцам устройство стеклянных заводов и фабрик для выделки лосиных шкур.

Задолго до Петра существовали заводы поташные и клеевые, а также маслобойные и канатные, шелковые и суконные.

Железоделательные заводы тоже стали строиться не только при Петре, а еще при его отце и деде, причем цари и были самыми главными владельцами таких заводов.

У царя Алексея был кроме стеклянного и железоделательный завод, и притом не один, и выделывались на этом заводе кроме пушек и ружей, как и на частных заводах, железо всякого рода, гвозди, чугунные плиты.

Стало быть, ясно, что царя Петра никак нельзя назвать таким необыкновенным человеком, который из ничего создал сразу в России и промышленность и заморскую торговлю.

О торговле и подавно такое мнение неправильно потому, что русские купцы издавна вели торговые дела с другими странами, причем купцы, которые торговали не только у себя дома, но и с чужими странами, были гораздо богаче купцов, торговавших только у себя дома.

Для того, чтобы построить фабрику, завод или начать торговлю с заморскими странами, нужно было гораздо больше денег, чем открыть маленькую лавочку в Москве или в Рязани.

Железоделательный завод иностранца Марселиса стоил на наши деньги 400 тысяч рублей, а о том, какие большие деньги нужны были для заморской торговли, видно из того, что через город Архангельск привозились в Россию десятки тысяч пудов разного товара еще задолго до Петра, железа, оружия, сельдей, бумаги.

Русские купцы отправляли заграницу хлеб, лен, меха, шелк и другие продукты, получавшиеся или в самой России или скупавшиеся русскими купцами на востоке в Азии, в Персии, в Сибири.

Таким образом, большая торговля России с заморскими странами шла давно, и для этой торговли нужны были большие деньги, капиталы.

Такие большие деньги и находились в руках крупных русских и иностранных купцов, или гостей.

Иностранные гости,—англичане, голландцы, шведы,—закупавшие в России хлеб, лен, шелк, орудовали тоже не малыми капиталами, и, обыкновенно, добивались того, чтобы торговля каким-нибудь одним или несколькими товарами находилась в одних руках, то-есть добивались монополии; но так как монополия приносила большие выгоды, то русские купцы, и в особенности царь, не охотно выпускали прибыли из своих рук (одни кабаки сколько давали царю, а ведь для кабаков

был нужен хлеб, чтобы накурить вина), и потому вся почти крупная торговля осталась в руках царя и богатеев-купцов.

Что действительно в России еще до Петра были очень богатые купцы, известно всякому, да и как же иначе возможно было бы завести сразу при Петре много больших фабрик и заводов, если бы не было больших капиталов в самой России, у русских купцов?

Но, может быть, капиталы эти принадлежали иностранным купцам, ведь позволяли же русские цари разным иностранцам заводить разные фабрики и заводы?

Позволяли, конечно, но все же главными хозяевами первых фабрик и заводов были русские торговые люди.

Вот фамилии фабрикантов, устроивших фабрики при Петре—Щеголины, Пушниковы, Твердышевы, Микняевы, Шафиров, Апраксин, Толстой, Турчанинов, Евреинов, Старцов, Павлов, Мыльников, Цымбальщиков, Гончаров.

Это были богатейшие фабриканты и кроме трех царских вельмож, Толстого, Апраксина и Шафирова, все это были простые торговые люди, купцы, гости.

Хозяевами фабрик поменьше были также больше все русские люди, —Волковы, Филатовы, Никифоровы, Бабушкины и подобные им.

Какие большие деньги требовались для заведения всех этих суконных, полотняных и иных фабрик, железоделательных, стеклянных и прочих заводов, мы уже знаем из примера железоделательного завода Марселиса, стоившего 400 т. рублей; шелковая фабрика Шафирова стоила более миллиона рублей, причем казна дала на обзаведение всего тысяч около трехсот, остальные внесли сами купцы—хозяева этой фабрики; полотняная фабрика Гончарова тоже обошлась более миллиона рублей, и тоже деньги были купеческие.

Так дело обстояло и с другими фабриками, все они стоили дорого и все они строились и заводились на купеческие деньги.

А раз они строились на купеческие деньги, значит, еще задолго до Петра были эти деньги, капиталы, значит существовал этот самый торговый капитал и купцы, которые этим капиталом ворочали.

Откуда же и как появились эти большие капиталы на Руси?

Да оттуда и так, как они появились и в других странах.

И в России, как и в других государствах, существовали ремесленники. Об этих ремесленниках, производивших разные мелкие, необходимые в хозяйстве вещи, вырабатывавших изделия из кожи, дерева, железа, с большой похвалой отзываются иностранцы, посещавшие Россию.

Товары, производившиеся нашими ремесленниками, стоили дешево, сам ремесленник обыкновенно сбывал их торговцу, который уже и наживал большие деньги.

Особенно же шли в ход такие изделия русских ремесленников, какими интересовались иностранные купцы. Тогда это ремесло расширялось, увеличивалось, иностранные гости обыкновенно добивались себе преимуществ на льготных условиях покупать эти изделия или предоставить им одним вести торговлю этими товарами, русские же купцы всячески боролись с этим и сами или в компании с иностранцами захватывали всю торговлю с чужими странами в свои руки.

Среди этих русских купцов, как уже сказано, первое место занимал царь: он торговал и хлебом, и водкой, и рыбой, и шелком, и всяким товаром, на какой был спрос как дома, так и в чужих странах.

Таким путем к тому времени, когда начал царствовать Петр, в России и оказались очень сильные люди, владевшие большими капиталами и производившие большую торговлю с иноземными государствами.

И нам ясно теперь, что ежели первейшим купцом в России был царь и что если важно и интересно ему было продать как можно больше и дороже, то рано или поздно этому первейшему купцу и царю нужно будет воевать с другими царями, с другими купцами за те земли, какие нужно было иметь купцу, чтобы торговать в них с большими барышами для себя.

Так и войны, что вели русские цари до Петра, и шведская война самого Петра—это были такие войны, которые велись ради того, чтобы русский купец мог безопасно владеть берегами моря и выгодно торговать с иностранцами.

Стало быть, не потому заводили фабрики и заводы дед и отец Петра и сам Петр, что им нужно было содержать войско,—а для этого войска необходимы пушки, ружья, сукно и прочие припасы,—а само войско появлялось потому, что оно было необходимо, чтобы силою оружия защищать интересы и капиталы купца, богатого человека.

Ну, а когда оно появилось, то понятно, что без пушек и ружей, без снарядов и обмундирования существовать оно не может; понятно также и то, что лучше все это—и пушки, и ружья, и снаряды, и сукно, и прочий материал—приготовлять у себя дома, чем покупать у своих соседей, с которыми, пожалуй, еще и воевать придется.

Да и не в одном войске дело: на тех же царских заводах, стеклянных и железоделательных, на канатной фабрике, на клеевых и поташных заводах выделывались товары, которые продавались в самой России,—посуда разная, бутылки, стекла оконные, гвозди, плиты чугунные, железо полосовое и кровельное, поташ, клей и т. п. Все эти товары продавались в России, так же, как хлеб, рыба, лен, пенька, холст и другие продукты сельского хозяйства и небольших ремесленных мастерских. В самой России был рынок, где продавались и покупались всякого рода товары, выделывавшиеся на возникавших еще со времен Иоанна Грозного фабриках.

А раз был рынок, раз был купец, то, стало быть, были и в самой России причины, условия, вследствие которых росли капиталы торговцев, купцов, увеличивался торговый капитал.

Капитал же по самой сути своей требует дальнейшего своего увеличения и чем больше капитал, тем успешнее владелец этого капитала душит мелких своих соперников и еще скорее увеличивает свое состояние.

Но для того, чтобы успешно и безопасно увеличивать свои капиталы, крупный торговец-купец, гость, как его называли в старину, заставлял служить себе, своим интересам не только бедняка, крестьянина, мелкого ремесленника, но и владельца земли и того, кто обладал государственной властью.

Так было везде, так было и у нас в России.

Все дело только в том, что наш торговый капитал вырос ко времени Петра настолько значительно, его потребности были так велики, что это стало бросаться в глаза и потому очень долго казалось, что как будто бы только с Петра и притом по его воле стали заводиться фабрики и заводы.

Как мы видим, однако, это вполне понятное и ясное явление, когда при наличии хорошо развитого торгового капитала Россия естественным путем постепенно перешла к промышленности, к фабрике и заводу.

Кто же работал на этих первых русских фабриках и заводах? Ведь и пушку отлить и ружье сделать, да притом хорошее, можно было только после очень долгой выучки, так как ни машин, ни станков особых тогда почти не существовало, а все делалось руками.

Прежде всего на фабрики и заводы шли те беглые крепостные и казенные люди, которые знали какое-нибудь ремесло или которые даже и не знали ремесла, но кого нужда гнала вон из-под барской опеки.

Это была главная рабочая сила, и Петр даже издал указ о воспрещении возвращать с фабрик и заводов беглых крепостных крестьян тем владельцам, от которых эти крепостные сбежали.

Но ясно, что таких людей не хватало для фабрик, и потому правительство своими указами разрешало набирать рабочих из „убогих людей", нищих и бродяг, солдатских детей и даже преступников и публичных женщин, а также солдатских и матроских жен.

Но и этих людей не хватало, и потому нужно было во что бы то ни стало найти какие-либо источники, откуда этот рабочий люд мог бы прибывать в потребном для фабрикантов числе.

Царским указом от 18 января 1721 г. этот источник был найден,— этим источником являлось крепостное право, власть и возможность распоряжаться крестьянами, как вещами, продавать и покупать их, как продавали и покупали рабочий скот.

Указом разрешалось владельцам заводов и фабрик покупать целые деревни с тем, чтобы крестьяне этих деревень работали на фабриках и заводах „неотлучно".

Этим правом покупать крепостных крестьян на свои фабрики и заводы капиталисты пользовались почти безо всяких помех 41 год, именно по 29-е марта 1762 г., когда царем Петром Третьим был издан указ, запрещающий владеть крестьянами кому-либо кроме „благородных" дворян.

За это время было куплено фабрикантами 21.005 душ мужчин, причем к суконным фабрикам—2.600 д., шелковым—3.630 д., полотняным—11.738 д., игольным—969 д. и прочим 2.068 д.

Число как будто бы небольшое, но нельзя забывать, что ведь кроме фабрик и заводов, принадлежавших частным лицам, купцам, были фабрики и заводы казенные, а с тех пор, как вышел указ 1762 г., стали увеличиваться и фабрики дворянские.

И указ-то 1762 г. был издан потому, что дворяне стали усиливаться, их власть и значение после Петра Первого росли и увеличивались, а со времен Екатерины Второй дворянство сделалось окончательно господствующим сословием, вершившим все дела в государстве.

И по мере того, как дворяне приобретали все больше и больше власти, они все решительней и решительней борятся за свое право — владеть крепостными крестьянами. Выгоды же, получавшиеся от фабрик и заводов, ясно указывали им, что гораздо лучше самим пользоваться крепостными крестьянами, как рабочими, чем уступать это право недворянам капиталистам.

Вот почему очень скоро после указа Петра Первого дворяне добились ограничения прав на крестьян, данных царями фабрикантам: указом царицы Анны Иоанновны фабриканты могли покупать к заводам крестьян, но только без земли. В 1744 году купцы добились отмены этого указа, но в 1752 г. при царице Елизавете снова права фабрикантов были ограничены тем, что каждый фабрикант мог покупать лишь столько душ крестьян, сколько их требовалось для фабрики или завода по числу машин и станков, действовавших в предприятии.

В 1762 г. и это право, наконец, было отнято у фабрикантов.

Помещики сообразили, что им самим выгодней пользоваться даровым крепостным трудом и получать барыши от промышленности.

Имелась тут и еще одна причина, заставлявшая помещиков заводить фабрики и заводы, то-есть брать крестьян от земли и запирать их в мастерскую.

Население России после Петра очень быстро увеличивалось. При Петре населения в России насчитывалось 5.600.000 чел., при Елизавете 6.643.000 чел., а к концу царствования Екатерины Второй население России доходило до 9 милл. душ.

Это обстоятельство влияло очень сильно на сельское хозяйство, потому что не хватало земли для увеличивающегося населения: часть населения становилась избыточным, создавалось так называемое перенаселение. Крестьяне Московской, Рязанской, Ярославской, Калужской, Тульской губерний вынуждены были либо уходить в города на заработки, либо заниматься кустарными промыслами, либо бежать на юг, где земли было больше.

Что же смотрели помещики? Почему же они не препятствовали этому бегству крестьян? Ведь у них имелись и власть и сила.

Помещики всегда поступали так, как им было выгодно: если увеличивались цены на хлеб, они заставляли крестьян работать на земле, сажали их на барщину, так как выгодно было получить больше хлеба и дороже его продать; если цены на хлеб падали, помещики пользовались тем, что крестьяне, страдающие от малоземелья, занимались ремеслом, и заставляли этих искусных ремесленников либо переходить на оброк, то-есть вместо барщины просто платить деньги за свою крепость, либо заводили фабрики, куда и запирали в качестве рабочих своих подневольных крестьян.

А мы знаем, что уже очень давно иностранные купцы охотно покупали многие товары, производившиеся русскими ремесленниками, например, холст и, вообще, изделия из пеньки и льна. Их, этих изделий, к концу царствования Екатерины вывозилось из России не менее как на 10 милл. р. в год.

Точно так же, как холст и парусина (она шла на паруса кораблей), потреблялось за границей, особенно в Англии, и уральское железо, очень хорошее по своим качествам.

Выгодно, стало быть, помещику было делаться фабрикантом и заводчиком.

Под влиянием вот таких причин русский помещик Екатерининских времен и предпочитал жить в городе, в столице, иметь фабрику или завод, отпустить крестьян на оброк или прикрепить к барщине, смотря по обстоятельствам, получать деньги от оброка или с фабрики и жить на эти деньги сиятельным вельможей или просто российским благородным дворянином.

Мы действительно знаем, что во времена Екатерины Второй число фабрик и заводов очень сильно возросло: до 1729 г. основано 26 фабрик, с 1729 г. до 1738 — 52, с 1738 до 1742 г. — 26, с 1742 до 1762 г.—335. При вступлении на царство Екатерины всего фабрик и заводов в России было 984, а в 1796 г., то-есть в год ее смерти, уже 3.161.

И в это число еще не входят горные заводы, которые принадлежали либо казне, либо титулованным дворянам, вроде графов Шуваловых.

Сколько же рабочих было на этих фабриках и заводах?

Больше всего рабочих числилось на горных и железоделательных заводах как частных, так и казенных.

В 1741—1743 г.г. всех рабочих, приписанных к частным и казенным заводам, было 87.253, причем к частным заводам из этого числа 24.199 чел.; во времена царицы Елизаветы число таких рабочих, приписанных к частным заводам, увеличилось до ста тысяч, а число рабочих, приписанных к казенным, уменьшилось до 15.000 в течение же царствования Екатерины число рабочих росло беспрерывно; крестьян-мужчин, приписанных к горным заводам, числилось

	Казенным	Частным	Всего.
В 1762 г.	99.330	43.187	142.517
„ 1781—1783 г.г. . .	209.554	54.345	263.899
„ 1794—1796 г.г. . .	241.253	70.965	312.218

О числе рабочих, находившихся на прочих фабриках и заводах, не имеется таких подробных цифр за прошлые времена, но за время, начиная с первых годов прошлого века, мы их имеем: в 1804 г. на одних фабриках было 87 с половиною тысяч, а в 1825 г. уже 210 с половиною.

Интересно теперь знать, что же это были за рабочие, какова была их жизнь, имели ли они какие-либо права, каковы были их обязанности?

Подавляющее большинство этих рабочих были подневольные крепостные крестьяне, только ничтожное число их вначале являлись рабочими вольнонаемными; необходимо было пройти целой сотне лет после указа Петра Первого в 1721 г. о приписке крестьян к фабрикам и заводам, чтобы образовалось небольшое количество вольнонаемных „свободных“ рабочих; в начале прошлого века всего рабочих нужно считать до полумиллиона, и из них только пятая часть были вольнонаемными. Действительно, в 1825 г., кроме горных и железоделательных заводов, на всех 5.261 фабриках считалось 210.568 рабочих, причем из этого числа было приписных и покупных (так называемых по-

сессионных) — 29.328 чел., крепостных — 66.725 и вольнонаемных — (на горных и железоделательных заводах рабочие, как сказано выше, были крепостные крестьяне) 114.515 душ.

Итак, подавляющее большинство рабочих на русских фабриках и заводах прежних времен были крепостные крестьяне, и хотя те из них, что были приписаны к частным заводам, не считали себя крепостными, однако, положение их почти ничем по сути дела от крепостных не отличалось.

Хотя по закону им полагалось работать за плату, но работа эта должна была производиться без всякого прекословия.

Приписные крестьяне должны были заготовлять топливо для заводских нужд, — рубить его в лесу, выжигать уголь и доставлять к печам,—а также добывать руду, доставлять ее к заводу и исполнять всякого рода иные заводские работы, напр., доставка заводских продуктов (стали, чугуна, железа) к пристаням и в торговые города на рынки.

Но само собою понятно, что владельцы заводов и фабрик не ограничивались этим и заставляли приписных крестьян выполнять множество и других работ, не заводских, работать на себя — в полях, на дому в качестве сельско-хозяйственных рабочих и слуг.

Плата за эту работу по закону установлена была прямо ничтожная; летом крестьянину с лошадью—10 к., без лошади — 5 к., зимою с лошадью—6 к., без лошади—4 к.

А так как очень большое число приписных крестьян жило часто очень далеко от заводов (иногда за 500 и даже 700 верст), то правительство установило так называемую плату за проход по 6 к. за 50 верст каждому рабочему.

Рабочие должны были отрабатывать оброк, установленный в размере 1 р. 73$^{1}/_{2}$ к. на одну ревизскую душу, а так как один взрослый рабочий приходился на три ревизские души, то каждому крестьянину нужно было выработать не менее пяти рублей в год.

Для этого в среднем с праздниками требовалось не менее 120 дней, а если принять во внимание проход на завод и обратно, то у крестьянина требовалось еще больше времени, что в высшей степени вредно отзывалось на крестьянском хозяйстве.

Завод не принимал в расчет те упущения, которые происходили в крестьянском хозяйстве вследствие продолжительного пребывания рабочего на заводе, а между тем эти упущения были очень велики и подрывали хозяйство: работа крестьянина на заводе летом, в самую горячую пору, заставляла его нанимать для поддержания своего хозяйства батраков, которым приходилось платить раза в 3 или 4 больше того, что получали сами рабочие на заводе.

Нечего и говорить, что условия работы и на заводах и в шахтах были страшно тяжелы—темнота, сырость, вредные газы, грязь, — все это вызывало болезни, преждевременную старость, увечья и смерть.

Не лучше было положение рабочих и на фабриках. Рабочий день продолжался от 12 до 16 часов в среднем, но были заводы и фабрики, где рабочий день доходил до 17 и даже до 24 часов без всякого отдыха.

Рабочая плата была также ничтожно мала,—на суконных фабриках рабочий зарабатывал 40 р. в год, на полотняных—52 р., на шелковых—от 55 р. до 120 р., на стеклянных—от 70 до 260 р.

Очень распространен был женский и детский труд. Средняя годовая плата женщин на бумажных фабриках равнялась 25 р. в год, 2 р. в месяц и 9 к. в день, но бывали и такие случаи, когда работница зарабатывала 2 к. в сутки.

На полотняных фабриках дети зарабатывали от 4 до 19 р. в год, на писчебумажных—от 10 до 25 р., от 5 до 8 к. в день, а иногда не более 3 к. в сутки.

Очень часто фабриканты совсем ничего не платили рабочим, а выдавали им пищу, одежду и платили за них подати, считая себя благодетелями рабочих.

Помещения для рабочих были большею частью от фабрикантов, но ремонт этих помещений производился сплошь и рядом за счет рабочих, точно так же, как и за отопление и за освещение частенько высчитывали с рабочих.

Хотя по закону недворяне владельцы фабрик и заводов не имели права судить и наказывать приписанных к их предприятиям крестьян, на деле это было не так: владельцы заводов и фабрик частенько и наказывали (напр., батогами), и судили, и при содействии правительства ссылали своих непокорных рабов в Сибирь.

Дело доходило даже до того, что по видимости независимый от фабриканта человек не мог свободно жениться или выйти замуж и должен был платить отступное владельцу завода.

Понятно, что такое положение вызывало страшное озлобление рабочих и как ни были забиты и покорны они, чаша терпения переполнялась до краев, и начинались волнения, принимавшие очень часто характер восстаний.

Весь восемнадцатый и первая половина девятнадцатого века русской истории это не только волнения крепостных крестьян против помещиков, но и борьба крестьян-рабочих, приписанных к заводам частных лиц недворян и находившихся на помещичьих фабриках.

Особенно большие волнения происходили в 1701, 1722, 1726, 1743, 1761, 1762, 1763, 1764 годах. Не было губернии, где бы закабаленные на фабриках и заводах рабочие не бунтовали и не устраивали забастовок.

Необыкновенно упорные и большие волнения происходили на Урале, в Московской губ. (в 1797, 1806, 1823, 1834 и 1844 годах), Казанской губ. (1796, 1800, 1817, 1819, 1834 годах), в Ярославской губ. (1806, 1816, 1818 и 1823 годах), в Воронежской губ. (1821 и 1851 годах), в Калужской губ. (в 1814 и 1821 годах), во Владимирской губ. (в 1823 г.) и в Тульской губ. (1827 г.). Волнения эти очень часто превращались в настоящую вооруженную борьбу и продолжались десятки лет.

Например, на заводах, принадлежавших князю Репнину, Липецком, Козьминском и Боренском волнения тянулись несколько лет.

Притеснения рабочих там дошли до того, что мастеровые не вытерпели и в 1760 г. отправили в Воронеж с жалобой своего выборного Куприянова. В жалобе подробно перечислялись все обиды и притеснения. Но Воронежская губернская канцелярия приказала Куприя-

нову ехать в Питер, в берг-коллегию, главное учреждение по делам фабрик и заводов.

Куприянов поехал, подал жалобу в Сенат, но вместо удовлетворения требований рабочих начальство отправило на заводы поручика с командою с предписанием наказать нещадно плетьми 19 зачинщиков.

Поручик по приезде на завод немедленно приступил к экзекуции; остановившись в доме управляющего заводом, он потребовал туда рабочих, запер двери и с помощью управляющего и его конюхов начал экзекуцию. „Рвите их, ребята, яко злодеев!“ крикнул управляющий и приступили к порке Куприянова. Но его успели ударить только раза два, он стал кричать и звать на помощь товарищей. Рабочие ворвались в дом, освободили Куприянова и остальных и наотрез отказались повиноваться и поручику и управляющему. Поручик уехал ни с чем. Но волнение на заводах не улеглось. В 1762 г. Куприянов снова явился в Петебург и подал жалобу царю Петру III.

Но и по этой жалобе существенного ничего сделано не было.

Тогда рабочие отправили в Питер нового ходока, молотобойца Давыдова. И по этой жалобе, однако, дело отправили на рассмотрение опять все в ту же ненавистную рабочим берг-коллегию, по представлению которой Сенат послал на заводы поручика Рагозина. Рабочие наотрез отказались работать на Репнина и заявили свое желание вновь быть казенными крестьянами, обязуясь платить не только подушную подать, но и четырехгривенный оброчный сбор.

После этого командированный на заводы поручик Павлов со своей командой занялся экзекуцией, но и это не помогло.

Рабочие отказались работать на Репнина и послали около сотни человек в Воронеж к губернатору Лачинову с заявлением, что на Репнина работать не будут.

Дело тянулось уже несколько лет, и потому в 1766 г. Сенат занялся рассмотрением жалобы и подал самой царице доклад, в котором предлагалось Куприянова и десять человек зачинщиков высечь кнутом и с семействами сослать в Сибирь на Нерчинские заводы, а остальных бить плетьми публично и об‘явить им, что в случае дальнейшего неподчинения начальству и они будут сосланы в Сибирь.

Царица утвердила приговор в отношении Куприянова и десяти зачинщиков и предписала новому губернатору Маслову расследовать причины волнений.

Начальство заводов торжествовало и издевалось над рабочими, а рабочие снова отправили шесть человек ходоков к царице, которой и подали жалобу лично.

Дело опять попало на расследование к губернатору Маслову.

Теперь все приняло очень решительный поворот: рабочие препятствовали отправлению Куприянова в Сибирь, а Маслов собирался пустить в ход военную силу. Долго бы еще так мучились рабочие, если бы какая-то случайность не помогла им и дело их не было рассмотрено более тщательно: в 1769 г. заводы перешли в казну и волнения утихли.

Но напрасно было бы судить по приведенному примеру, что волнения носили всегда такой сравнительно мирный характер. Чаще всего дело доходило до вооруженной борьбы.

В 1760 г. произошли волнения крестьян на заводах Демидова в Пермской губернии. Эти волнения носили характер настоящего восстания,—крестьяне пытались добиться удовлетворения своих требований не только забастовками, но и вооруженной силой: они устроили несколько отрядов, вооружили их бердышами, ружьями и копьями и располагали иногда даже пушками.

Между этими отрядами и царскими войсками происходили настоящие сражения.

Вот как описывает одно из таких сражений историк В. И. Семевский в своей книге „Крестьяне в царствование Екатерины Второй".

„В начале декабря был получен новый указ из Сената, в котором строго предписывалось немедленно усмирить крестьян и выслать их на заводы. Теперь все войско было стянуто на Масленский острог. Крестьяне, вооруженные бердышами, копьями, иногда насаженными на шесты, топорами, пешнями [1]) и кистенями, собрались в трех местах: одни засели в конторском замке (двор мирской избы в Масленском остроге, окруженный забором, провиантскими и соляными магазинами), другие в Барневской слободе, третьи в селе Воденикове; соседние деревни совершенно опустели. 8 декабря казаки, пешие и на конях, собранные в Масленском остроге, пошли на приступ к замку. Крестьяне стали стрелять. У самого забора произошла жаркая схватка: осажденные, стоя за забором на подмостках, так энергично отражали нападение, что многие казаки были ранены и, наконец, принуждены были отступить. Тогда осаждавшие выстрелили из пушки по строению: в стене образовался пролом, но крестьяне не испугались и продолжали стрелять. Солдаты бросили в замок несколько гранат, но и это не подействовало. Наконец, прапорщик Азовского полка повел на приступ своих драгун. Крестьяне храбро встретили их, но дружный залп солдат заставил их очистить пролом и обратиться в бегство. Многие из крестьян успели бежать, но все-таки около 300 человек было схвачено и отослано в тюрьму в Шадринск" (часть II, стр. 340, изд. 1901 г.).

Только после таких побед над крестьянами-рабочими хозяева заставляли их сносить те обиды и притеснения, какие они причиняли своим подневольным мастеровым.

Понятно, что после поражений положение рабочих становилось еще хуже, победители издевались над рабочими хуже, чем над врагами во время настоящей войны.

Когда на Камских заводах Шувалова рабочие потерпели неудачу в своей борьбе с хозяевами, в деревни Нижнюю Тайму и села Тавели, Секенесы и Костенеево, где жили крестьяне, приписанные к заводам, расположили на постой драгунский полк под начальством Левашова.

„Это было", говорит Семевский, „чуть ли не поголовное изнасилование и растление женского населения: эти преступления совершали и офицеры и солдаты. Крестьян всевозможными наказаниями заставляли отдавать своих дочерей на жертву страстям разнузданной солдатчины; от насилия не избавлялись ни замужние женщины, ни девочки, еще не достигшие зрелости" (стр. 397). Вот что делалось, например, в селе Тавелях: „В конце 1761 г. туда прибыл подпоручик Стрелков со своею командою. Жестоко избив крестьянина Григорьева

[1]) Железный лом с трубкою, в которую вставляется рукоятка.

и его жену, он заставил отдать ему их дочь, которую продержал у себя около месяца и, уезжая оттуда, передал прапорщику Сафонову. У Сафонова она пробыла столько же времени, а потом тот уступил ее вновь приехавшему капитану Карлову. Другую девушку привели к прапорщику Сафонову; он велел передать ее подпоручику Петрову, а затем еще одному драгуну. Один солдат растлил 13-летнюю девочку, после чего она умерла. Если родители сопротивлялись, их били палками или секли плетьми, иногда, впрочем, с помощью взяток, им удавалось спасти честь своих дочерей. Если у замужних женщин, которых солдаты хотели изнасиловать, был на руках ребенок, его без церемонии бросали, куда попало, — под лавку или на землю. Местом также не стеснялись: иные просили с этой целью истопить себе баню, но более нахальные удовлетворяли свои страсти и на улице" (стр. 398).

Нечего говорить, что порка, битье батогами и кошками, приковыванье к кольцам за руки и ноги, тюрьма, равно как и взятки, поборы со стороны приказчиков и управляющих были обычным явлением на заводах.

Рабочие сплошь и рядом не только не получали установленной платы, но вынуждены были еще и сами платить деньги за те бракованные товары, которые им давали хозяева вместо платы.

Заводчики и фабриканты нередко заставляли своих мастеровых и рабочих совершать преступления, когда же злодеяния открывались, хозяева не задумывались отправить на тот свет совершавших по их приказаниям преступления, чтобы скрыть следы преступления: так, напр., поступили хозяева, заставлявшие своих рабочих в шахтах делать фальшивую монету, — они просто залили водой ту шахту, где производилась эта преступная фабрикация денег.

Так преступлениями, насилием, кровью угнетенных рабочих-крестьян составляли себе капиталы Шуваловы, Демидовы, Репнины, Строгановы и прочие „благородные" хозяева фабрик и заводов.

Но рабочие снова и снова поднимались на борьбу и в этой борьбе действовали дружно и согласно.

Это согласие, это стремление действовать сообща у рабочих было очень сильно, и когда хозяева пытались раз'единить рабочих, то они отвечали: „у нас у всех душа за-едино".

Но важнее всего то, что уже тогда рабочие прибегали к тем же способам борьбы, к каким они, правда более сознательно и успешно, прибегают и теперь: к отказу от работ, к забастовкам, продолжавшимся часто целые месяцы, к подаче требований, заранее обдуманных и написаннных и к посылке делегатов с жалобами на своих угнетателей.

Мало того, уже тогда рабочие для руководства своей борьбой выбирали вожаков, устраивали организации, напоминающие нынешние стачечные комитеты, имели людей, занимавшихся пропагандой во время стачек, распространяли письма, которые теперь мы назвали бы просто листками или прокламациями, и карали жестоко тех из своей среды, кто изменял им и либо становился на работу без общего согласия, либо по слабости принимал условия фабриканта.

Так, во время волнений на Каслинском и Кыштымском заводах Демидова, когда рабочим пригрозили военною силою, они все же на

работу не стали и разослали в разные правительственные учреждения заявления о продолжении стачки; во время волнений на заводах Шувалова в 1762 г. забастовщики рассылали по другим заводам и деревням агитаторов, а тех из своих товарищей, которые не желали подчиняться общему решению, либо заставляли присоединяться к забастовке (выгоняли с заводов и мастерских), либо жестоко наказывали.

Когда рабочие во время волнений на заводе Репнина отказались работать и начали борьбу, то, „они,—говорит В. И. Семевский,—даже устроили свое особое управление, так называемую „станичную избу", во главе которой стоял Григорий Куприянов. Из этой избы выдавались рабочим отпускные письма, ею же собирались со всех мастеровых денежные поборы на необходимые для хлопот по их делу расходы.

Нежелание нескольких рабочих повиноваться распоряжениям станичной избы, участвовать в общей челобитной и платить деньги вызывали суровые кары со стороны их товарищей. Так, один из них был подвергнут за это телесному наказанию, у другого выбили окна и двери, и вытащили за косу и избили жену".

Так, забастовками, вооруженным сопротивлением, вилами, копьями, ружьями и даже пушками боролись рабочие в XVIII и первой половине XIX века за сокращение рабочего дня, за повышение заработной платы, за отмену законов, делавших их рабами фабрикантов, за уничтожение того гнета, кабалы и насилий, какие им приходилось выносить не только от хозяев, но и от их слуг, приказчиков и управляющих.

Так на эти попытки рабочих улучшить свое положение фабриканты и заводчики с помощью правительства отвечали тюрьмами, Сибирью, плетьми, расстрелами и насилием.

Кроме того, что возникновение фабрик и заводов было мыслимо только потому, что до Петра в России были уже накоплены большие капиталы, нужно сказать, что эти фабрики и заводы жили не только тем, что сбывали свои товары правительству,—товары, вырабатываемые на русских фабриках и заводах, шли и заграницу. В течение всего XVIII века русские фабричные льняные и пеньковые фабричные изделия, парусные и фламские полотна вывозились заграницу, особенно в Англию; так, в среднем в год вывозилось заграницу в 1758—1762 г.г. 77 тыс. кусков, в 1793—1795 г.г.—251 тыс. кусков, в 1800—1813 г.г.—212 тыс. С того времени вывоз уменьшился, 1825—196, 1830—190, 1841—188, 1845—156 и 1861—100 [1]).

Конечно, вместе с вывозом увеличивалось и число полотняных фабрик: в 1762 г. их было 135, а в 1804 г. уже 285, правда, число их затем уменьшилось, но как раз именно потому, что уменьшился спрос заграницей на русские полотна и паруса: в 1804 г. английский флот был еще парусным, а в 60-ые годы, когда число полотняных фабрик в России было только сто, английский флот уже двигался паром.

Но из России вывозилось не только полотно и парусина, в XVIII столетии русские железоделательные заводы также производили товар для вывоза заграницу. В конце этого века чугуна в России вы-

---

[1]) Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-эконом. исследов. Том I. С.-П.-Б. 1898 г., стр. 67 и 68.

плавлялось 8 милл. пуд., в конце царствования Александра I уже 10 милл. 200 тыс. пуд., в конце царствования Николая I—1851—55 г.г.— 13 милл. 900 тыс. пуд., в 1856—60 г.г.—16 милл. 600 тыс. пуд.; вывоз железа из России был таков: в 1760 г. было вывезено 820 тыс. пуд., а в 1793—95 г.г.—2966 тыс. пуд. [1]).

Но этого мало, заграницу отправляли свои товары не только фабриканты и заводчики, купцы, но и помещики.

Помещики в XVIII столетии особенно много вывозили пеньки и льна, причем главным потребителем опять-таки была Англия и Франция; помещику представлялась большая выгода разводить коноплю, даже выгодней, чем рожь, овес и пшеницу, не потому, что заграницей не хотели русского зерна, а потому, что овес, пшеницу трудней было доставить заграницу, так как к портовым городам Черного моря не было никаких дорог. Вот почему десятина ржи давала доходу 14 р. 40 к., овса—16 р. 50 к., пшеницы—54 р., а конопли—83 р.

Из России в 1758—62 г.г. вывозилось ежегодно пеньки 2.214.956 пуд., в 1763—67 г.г.—2.490.588 пуд. и в 1793—95 г.г.—3.062.387 пуд.

На теперешние деньги это значит вывозилось на десятки миллионов рублей.

Все это прекрасно понимали и помещики. И в то время, когда господа фабриканты искали свободных вольнонаемных рабочих, помещики переводили своих крестьян с тяжелой барщины на оброк; только не следует думать, что помещик „ярем от барщины старинной оброком легким заменил“ по каким-либо человеколюбивым соображениям, совсем нет.

Барщина заменялась оброком, главным образом, в нечерноземных губерниях и, по словам Семевского, она не только преобладала в этих губерниях, а даже увеличивалась из года в год: по 8-ми нечерноземным губерниям при Екатерине оброчных было 54%, а к середине XIX в.—63%, а по 5 черноземным губерниям и при Екатерине и в половине XIX в., как было оброчных 29%, а барщинных 71%, так и осталось.

Чем же это об'ясняется? Об'ясняется это тем, что в нечерноземных губерниях уже при Екатерине не хватало своего хлеба и помещику выгоднее было отпускать крестьянина на оброк и получать с него за это деньги, чем кормить его и возиться с ним. В черноземных же губерниях выгоднее было держать крестьянина на барщине, чтобы побольше засеять хлеба на продажу в тех же нечерноземных голодающих губерниях. Цены на хлеб были очень выгодные для торговца хлебом: в то время, как в Воронежской губ. пуд ржи стоил 60—70 к., в Харьковской губ. пуд пшеницы—1 р. 20 к., в Петербургской губ. пуд ржи—2 р., а пшеницы—3 р., во Владимирской—1 р. 60 к. и 2 р. 30 к.

Было ради чего хлопотать.

Вот почему так рано развиваются отхожие промыслы в нечерноземных губерниях, и вот почему еще в XVII столетии целые десятки тысяч крестьян бегут в города на фабрики и заводы: в 1799 г. в Московской губ. ушли на заработки 48.932 чел., а в 1803—52.922 чел.

[1]) Там же, стр. 77 и 78.

Таким путем и получался тот вольнонаемный рабочий, который был так нужен фабриканту, и вот почему в 1825 г. на 5261 заводах и фабриках из общего числа 210.568 рабочих вольнонаемных было 114.515 чел.

Неудивительно поэтому, что фабриканты и заводчики с каждым десятилетием, особенно в царствование Николая I, когда и в Россию стала проникать машина, все более и более убеждались в том, что им требуется совершенно новый, вольнонаемный рабочий, который хотя слегка был бы заинтересован в том, чтобы выполнить свою работу лучше и добросовестнее.

Вот почему в царствование Николая I все чаще и чаще раздаются заявления фабрикантов о выгодах вольнонаемного труда.

Конечно, и здесь огромное значение имело то, что приписанные к фабрикам и заводам принудительно крепостные с каждым годом становились дорого стоящей обузой для фабриканта, людьми, которых он должен был кормить, и худо ли, хорошо ли, оплачивать и которые вследствие применения машин на фабрике не работали, были излишни.

Суконный фабрикант Осокин в 1833 г. жаловался на то, что из 33 годных машин, имеющихся у него, он может пустить в ход только 7, так как употребление в дело всех 33 машин оставило бы без работы многих мастеровых, хотя жалованье пришлось бы им платить.

Другой фабрикант прямо говорил, что производить работы крепостными рабочими прямо невыгодно, а потому ходатайствовал отписать от его фабрики таких рабочих.

Ясно, таким образом, почему фабриканты добились издания в 1840 г. закона, которым им представлялось право отпускать своих рабочих на волю и которым воспользовались владельцы фабрик очень широко, опустив на волю около 15 тыс. человек в то время, как законом об отпуске на волю крестьян по желанию помещика землевладельцы почти не воспользовались.

Стало быть, в царствование Николая I само хозяйство России тоже так усложнилось, что дальнейшее его развитие и рост требовали перехода к высшей ступени, замене крепостного труда вольнонаемным, как более выгодным, но вместе с тем падение цен на хлеб, плохое, низкое состояние помещичьего хозяйства не могло окупить вольнонаемного рабочего и сельскохозяйственной машины и вполне мирилось с более дешевым крепостным рабочим.

Так и выходило после подавления заговора декабристов, что одна сила—буржуазия—тянула помещичье правительство на путь прогресса, развития, требовала свободных рабочих, специальных учебных заведений для подготовки специалистов—инженеров, техников, вообще образованных людей, хороших путей сообщения, машин, а другая—помещики—тянула назад к крепостному труду, а стало быть, и ко всему тому, что держит народ в невежестве, кабале и угнетении.

Отсюда и ясно, что правительство Николая в одно и то же время пыталось завоевать новые рынки сбыта для купцов и вело ради этого войны и преследовало всякую попытку, всякий намек на более свободные, свойственные буржуазному государству формы жизни.

Но как-никак, несмотря на страшную борьбу с просвещением, правительство Николая I вынуждено было хотя медленно, но уступать требованиям жизни.

Специально для нужд промышленности пришлось открыть Технологический Институт, преобразовать Горный и Лесные институты. В Киеве был открыт университет, и хотя программа занятий в гимназиях с каждым годом все ухудшалась, число гимназий росло: в 1826 г. их было 48, а в 50-х годах—74, число учащихся в них возросло с 7.000 в начале царствования до 18.000 в конце его.

Как бы то ни было, число образованных людей хотя и медленно, но возрастало: с 1797 по 1812 г.г. число лиц, получивших законченное научное образование в Московском университете, было 50, с 1813 по 1826 г.г. уже 4625 ч. получили в университете законченное образование. Число студентов медленно, но все же увеличивалось, и в Киевском университете, напр., на высший курс было переведено в 1835/36—45 студентов, в 1836/37 г.г.—93 студента, в 1837/38 г.г.—171 студент, в 1838/39 г.г.—184 студента, в 1839/40 г.г.—102 студента.

В 1858 г. на 65½ милл. жителей всех учащихся числилось 528.494 чел., а высшее образование получили 5.630 граждан. В 1855 г. в год смерти Николая всего окончило курс всех университетов 328 чел., а через семь лет в 1862 г. перед освобождением крестьян почти вдвое больше—621 чел.

Остались ли незаметными эти изменения, происходившие в России для людей, живших тогда? Конечно, нет. Наиболее внимательные из них очень хорошо видели эти изменения; так, *Ахшарумов*, член тайного общества петрашевцев, в одном из своих сочинений говорит: „Мне кажется даже, что теперь с нашим народом можно уже говорить так; в нем есть уже люди, которые поймут свою пользу“...

„Эти люди заметны в большем числе между горожанами, между работниками, приходящими в разные города, особенно в столицы для постройки домов и для другого. Лодочники, извозчики, ремесленники, торговцы разных губерний, вольные крестьяне“. („Гол. Мин.“ 1916 г., март, стр. 65). Говорить „так“ это значило, по мнению Ахшарумова, призывать всех этих ремесленников к борьбе с самодержавием и крепостничеством.

Замечание Ахшарумова очень характерно, очень важно, так как оно показывает, что уже к концу царствования Николая I состав русского общества очень сильно изменился. Мы уже видели раньше, в каком направлении произошло это изменение, как увеличилось число фабрик, заводов, рабочих, число учащихся, образованных людей к концу 50-х годов.

Это изменение пошло еще дальше в 60-х и 70-х годах в соответствии с развитием русской промышленности.

Мы уже знаем, как русские помещики изменяли свои мнения о барщине и оброке под влиянием изменений хозяйственных, как они, с одной стороны, под влиянием изменения цен на хлеб, то считали, что, при отсутствии усовершенствований в своем хозяйстве, им выгоднее было иметь барщинного крестьянина, нежели оброчного, то предпочитали оброк барщине; сдругой стороны, пользуясь всякого рода льготами, капиталисты развивали свою фабрику, прибегали к машине, вольнонаемному труду и отпускали на волю крепостного рабочего.

Это было в конце царствования Александра I и начале царствования Николая I. Но к концу этого царствования цены на хлеб начи-

нают расти, и становится опять выгодным вводить в сельское хозяйство усовершенствования, машины и вольнонаемный труд, превращать имение в „хлебную фабрику".

Действительно, цена хлеба растет, и если принять, напр., цену пшеницы в 20 г.г. за сто, то цена ее выразится в 1831—1840 г.г. в 113 к., в 1841—1850 г.г.—138 к. и 1851—1860 г.г.—174 к., а в соответствии с этим увеличился и вывоз хлеба заграницу: в 1838 г. было вывезено только 20 милл. пудов пшеницы, в 1851 г.—22 милл. пуд., в 1852 г.—40 милл. пуд., а в 1853 г.—64½ милл. пуд.

Только слепому было не видно, что нужно заводить „хлебную фабрику" в деревне.

Но всякий помещик понимал, что если еще в 1840 г. свободный работник с работницей в деревне обходился в 170 р. в год., тогда как крепостной с работницей стоил 288 р., что если от крепостного тягла было дохода 15½ четв. ржи, а от вольнонаемного 43 четв. ржи, и что если купеческое хозяйство давало до 57% прибыли вольнонаемному труду, то необходимо было искать выхода из того тупика, в которое зашло помещичье хозяйство.

К этому помещиков толкало еще одно важное обстоятельство: их страшная задолженность. Нуждаясь в деньгах, помещики закладывали свои души в банках, и в то время, как в начале царствования Николая I их долги равнялись 270 милл. р., в 1859 г. они уже выросли до 425 милл. р.; но еще больше к этому толкали помещиков непрекращавшиеся крестьянские волнения.

Ясно, что иного выхода, как продать крестьянам их волю за деньги не было.

И такой выход был сделан: крестьян заставили заплатить за выход на волю огромные деньги, а земли им дали так мало и такую плохую, что сейчас же после освобождения крестьянин попал из одной петли в другую.

Такое освобождение достигало двух целей: лишая крестьян земли, ставя их в зависимость от помещика, оно давало им дешевую рабочую силу, вольнонаемного батрака, и в то же время, разоряя крестьянина, оно гнало его на фабрику к капиталисту в качестве вольнонаемного рабочего.

Это в свою очередь способствовало росту промышленности, так как фабрикант, теперь не нуждаясь в рабочем, имея избыток рабочих рук, расширял свое производство, ибо деревенское население, выгнанное в города, нуждалось в продуктах его промышленности, как и крестьянство, переставшее заниматься земледелием, нуждалось в хлебе. Создавалось теперь внутри России такое положение, которое само толкало Россию к развитию промышленности, создавался внутренний рынок: не только спрос заграницей на русский хлеб и другие товары толкал промышленность к развитию, но расширял ее и свой отечественный спрос и потребности.

Действительно, начиная с 60-х годов, Россия гигантскими шагами двинулась по пути капиталистического развития,—железные дороги, фабрики, заводы, банки, торговля возникали и росли со сказочной быстротой.

Пушкин в царствование Александра I в своем романе „Евгений Онегин“ очень скромно мечтал о том, что лет через 500 у нас будут хорошие дороги:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Современем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

Мы знаем, что действительность превзошла не только Пушкина, но самые смелые ожидания: меньше чем через четверть века к 1 января 1857 г. было в России 979 вер. жел. дор., в 1865 г. уже 3.566 вер. в 1875 г.—17.658 вер. а в 1892 г.—27.361 вер. (в настоящее время до 70.000 вер.).

Уже одно это развитие путей сообщения очень сильно способствовало развитию промышленности и торговли; в самом деле, в 1846 г. доставка четверти ржи из Орловской губ. в Псковскую за 600 вер. стоила 4 р. сер., а в 1891 г. за перевозку из Ростова до Оренбурга за 1.999 вер. брали 20,3 коп., от Белой Церкви до Оренбурга за 2.183 вер.—23 к.

Число фабрик и заводов растет; в 1852 г. число их было 10,126, а в 1889 г.—уже 19.742. Число рабочих в 1852 г.—405.016, а в 1893 г. уже 1.577.970.

При этом фабрики становились крупнее; число рабочих на 1 фабрику, не обложенную акцизом, в 50 губерниях Европейской России, было: в 1865 г.—28, 1885 г.—36, в 1891 г.—44; то же самое явление замечается по отдельным производствам.

Число рабочих на 1 фабрику в 50 губерниях Европейской России:

	Сукон. фабр.	Шелков. ткацк.	Полотн.
1885	114	70	290
1890	125	79	330

О чем говорят все эти цифры? Не только о том, что росла промышленность, но что она была и крупнее, фабрик становилось больше, и каждая из них делалась больше.

Это явление заметно решительно во всех производствах,—в текстильном, писчебумажном, химическом, металлургическом и т. п.

Развитие железных дорог потребовало развития чугунной промышленности, и мы, действительно, видим, что в то время как в 1860 г. добывалось в России 20 милл. пуд. чугуна, в 1880 г. уже свыше 60 милл.. а в 1896 г. около 100 милл. пуд. До 1887 г. на юге

России работало только 2 железоделательных завода, а после 1887 г. уже 12 огромных чугуноплавильных заводов—Александровский, Дружковский и др.

Но для заводов и фабрик нужно топливо, и мы видим, что добыча угля, бывшая ничтожной до 60-х годов, начинает быстро расти после этих годов,—в 1882 г. вся добыча угля в сотнях вагонов была 891 ваг., а в 1894—1895 г.г. уже 9.348 ваг., причем и здесь добыча на крупных копях увеличилась по сравнению с добычею на мелких: за 13 лет 1882—1894 г.г. добыча на крупных копях увеличилась в 7 раз, на средних осталась без перемены, а на мелких увеличилась только в 2 раза.

Стало быть, не просто капитал завоевывал Россию, а Россию завоевывал *крупный капитал.*

Это явление относится решительно ко всем областям промышленности: на табачных фабриках в 1889 г. приходилось на один завод 91 рабочий, а в 1895 г. уже 133, на пиво и медо-варенных в 1889—7 а в 1895 г.—9, на свеклосахарных 389 и 390.

Но для торговли и промышленности нужны капиталы, и вот как они росли после 60-х годов.

Капиталы составляли ежегодный прирост в процентах:

	В милл. руб.	Ежегодный прирост милл. руб.	в проц.
1860	115	—	—
1865	139	4,8	5%
1870	214	15,0	10,8%
1875	504	58,0	27,0%
1882	1.030	75	15,0%

Прирост капиталов за 20 лет поднялся до 75 милл. рублей в год.

В 1852 г. всех об'явленных купеческих капиталов было 134.220.000 р., а через 30 лет одна прибыль с купеческих капиталов превышала эту цифру; эта одна прибыль была 145.378.000 р., причем обороты купеческих капиталов выражались цифрой в 5.912.000.000 р.

Увеличилась и общая торговля в России в миллионах рублей:

	Ввоз.	Вывоз.
1830—1833	62,8	44,3
1860—1863	161,0	134,0
1890	610,0	357,0

Мы прекрасно понимаем, что кроме рабочих для приведения в движение всей этой капиталистической машины нужен еще целый штат служащих, бухгалтеров, приказчиков, конторщиков, переписчиц, машинисток, инженеров, адвокатов, техников, судей, жандармов, городовых, маклеров, комиссионеров и т. д., и мы увидим, как быстро стало увеличиваться число этих людей.

Не говоря уже о самих купцах, число которых с 47.063 человек в 1852 г. увеличилось до 86.905 человек в 1887 г., число приказчиков росло еще быстрее: в 1852 г. их было 14.158 человек, а в 1887 г. уже 193.326 человек; стало быть, на одну тысячу купцов в 1852 г. приходилось 300 приказчиков, а в 1887 г. уже 2.224 человека.

В 1852 г. число служащих на железных дорогах, то-есть конторщиков, инженеров, начальников станций и т. д., было ничтожное

количество, а в 1893 году их было уже 195.712 человек (при 105.634 рабочих).

Все эти люди должны были знать свое дело, иметь подготовку, а для этого были необходимы как общие школы, так и учебные заведения, которые готовили специалистов; и мы действительно видим, что число образованных людей, хотя и медленно, но растет.

Те люди, которые работали в 60-х годах, вышли из учебных заведений в 40-х годах, но в 1832 г. было в высших школах всего 2.513 чел. или 5 чел. на 100 тыс., в 1842 г.—3.488 чел. или 6 чел. на 100 тыс., а в 1880 г. уже 7 чел. на 100 тыс.

В 1832 г. учащихся в средних и низших учебных заведениях было 69.246 чел., т. е. 177 чел. на 100 тыс. жителей, в 1842 г.— 92.755 чел., т. е. 191 чел. на 100 тыс. жителей, а в 1880 г. уже 891 чел. на 100 тыс. жителей.

Чтобы обучить этих людей, открывались гимназии, уездные сельские училища, университеты, техническиеи к оммерческие школы, технологический и иные институты.

Все это было ничто по сравнению с потребностями России в образованных людях, но все же это был большой шаг вперед.

Рабочие, купцы, капиталисты, торговые служащие, учащие и учащиеся работали и обучались по-преимуществу в городах, а потому увеличение этого сорта людей должно было увеличить городское население, и действительно городское население России очень быстро растет: в 1724 г. население городов было всего 328.000 чел., т. е. Россия была в полном смысле слова страной деревенской, крестьянской, в 1796 г. в городах жило уже 1.301.000 чел., а в 90-х годах городского населения имелось уже до десяти миллионов. При этом население особенно быстро росло в южных городах: население Екатеринослава утроилось (в 1885 г.—47.000 жителей, а в 1897 г.—120.000), Ростова н-Д. почти удвоилось (в 1885 г. — 79.000, а в 1897 г. — 147.000), незначительные поселки, как, напр., Юзовка, стали городами (29.000 жителей) и т. д.

В середине прошлого столетия только 32 города имели больше 20.000 жителей, а теперь таких городов 65, больше 150.000 жителей 9 городов; есть города, как Петроград, Москва, Киев, Варшава, Одесса, Харьков, где число жителей считается миллионами или сотнями тысяч.

Но довольно этих утомительных цифр. Их можно найти в большем количестве в самых разнообразных комбинациях во всевозможных статистических сборниках и ученых трудах и придется к ним возвращаться в дальнейшем изложении.

Нам они были необходимы, чтобы показать, что не праздная выдумка коммунистов мысль о том, что Россия постепенно превращалась в капиталистическую страну, а в соответствии с этим изменялось и общество России.

Ведь, что значит увеличение городского населения, числа рабочих, приказчиков, купцов, капиталов, железных дорог, служащих, образованных людей? Это прежде всего означает разделение населения на *различные классы*: на класс капиталистов,—фабрикантов, купцов, банкиров, заводчиков, землевладельцев,—крупную буржуазию; класс рабо-

чих; класс средней и мелкой буржуазии,—мелких торговцев, мелких собственников, служащих, инженеров, адвокатов и т. д.

Каждый из этих классов определенным образом участвует в хозяйстве страны: крупная буржуазия владеет капиталами, землями, фабриками, заводами и выжимает прибыль из рабочих, к ней примыкает помещик, имеющий много земли и выжимающий соки из мелкого собственника-крестьянина; рабочий ничего кроме своей рабочей силы, рабочих рук, не имеет, рабочей силы, которую он продает капиталисту, давая ему прибыль в виде неоплаченного труда; рабочие составляют класс рабочих, пролетариат; мелкие служащие, мелкий лавочник, инженер, адвокат, учитель, маклер находится между капиталистом и рабочим, это класс мелкой и средней буржуазии; это не капиталист, потому, что у него нет крупного капитала, он служит у капиталиста и зависит от него, это и не рабочий, ибо он больше получает, лучше живет а главное, чаще всего имеет мелкую собственность в виде ли денег, домика, лавки или процентных бумаг. Кроме того есть многомиллионное крестьянство, делящееся тоже на классы: батраков, с.-х. рабочих, пролетариев, полупролетариев, мелкое крестьянство, середняков и кулаков.

Все эти классы, стало быть, живут в различных условиях хозяйственных, экономических, занимают разные ступени и по разному участвуют в полезной хозяйственной деятельности: буржуазия, как общее правило, не работает, а получает прибыль угнетением трудящихся; средняя и мелкая буржуазия работает, но работа ее легкая, она заключается в помощи крупному буржуа, в помощи угнетать и обдирать рабочего, получая награду от капитала, а рабочий класс и батраки-крестьяне всегда работают, создают прибыль богачам, истощают свои силы и ничего кроме ежедневного каторжного труда не имеют. Понятно, что у этих классов, как разная жизнь, так и разные мысли, заботы и интересы. Интересы капиталиста не потерять свой капитал, а сохранить его и даже увеличить, а так как этого можно добиться только угнетением рабочего, то, стало быть, интерес капиталиста все большее и большее угнетение рабочего. Мысли, цели, интересы среднего и мелкого буржуа удержать и улучшить свое положение, а так как этого можно добиться, только помогая капиталисту угнетать рабочего, то, стало быть, интерес среднего и мелкого буржуа то же угнетение рабочего, интересы рабочего улучшить свое положение, а улучшить его можно только борьбой с капиталистом и его друзьями.

Таким образом между этими классами сама жизнь создает классовую борьбу. Эта борьба состоит в том, что капиталист, пользуясь своими капиталами, военной силой, государственной властью подавляет рабочего и стремится держать его в угнетении; средний и мелкий буржуа помогает ему в этом, а рабочий стремится сбросить с себя это иго.

При этом мелкий и средний буржуа тоже чувствует тяжесть капитала и потому порой бунтует против него, и тогда он склоняется к рабочим, но стоит капиталисту хоть немного улучшить его положение, он продает рабочего и сново становится верным лакеем крупного капиталиста и помещика.

Итак, мы видим, что в России после 60-х годов все только что названные классы налицо и что, стало быть, был прав петрашевец Ахшарумов,

когда утверждал что есть люди, которые могут понять необходимость переворота. Ахшарумов заметил этих людей, когда их было мало, тем более нужно было рассчитывать на этих людей в 60-х и 70-х годах, когда рабочие начали настоящую борьбу с капиталистами.

Революционное движение в XIX веке. Декабристы.

Но и значительно раньше 70-х годов, раз на лицо были классы складывающегося буржуазного общества, то должна была быть и борьба этих классов за власть, за господство в том государстве где эти классы жили и развивались. И действительно, еще в самом начале девятнадцатого века в России произошло первое выступление с оружием в руках против самодержавия. Это так называемое восстание декабристов. Современникам, да и не одним современникам и ближайшему поколению это движение рисовалась чаще всего как идеалистическая попытка благородных самоотверженных людей, части аристократической и вообще дворянской молодежи, побывавшей заграницей, начитавшейся вольных французских книжек, посравнившей наши русские порядки со свободными иностранными и решившей изменить нашу ужасную действительность к лучшему в духе тех идеалов, что составила себе эта молодежь, читая Вольтера, Руссо и Монтескье.

„Различные обстоятельства", говорится, напр., в воспоминаниях Т. П. Пассек: „вместе с походами заграницу, имели влияние на идеи и взгляды, на жизнь и на положение родины, молодых людей того времени, по преимуществу из классов образованных и офицеров гвардейских полков. Во Франции они увидали мир новый, о котором имели понятие только отдельные лица. Лучшие, более способные стали всматриваться в жизнь того народа, для усмирения которого пришли. Изучая борьбу политических партий, впивая идеи гражданственности и прав конституционных, многие вздумали передать родной стране лучшие из преобразований. С пылкостью молодости, считая все возможным, они не брали в рассчет ни исторической необходимости, ни времени, ни степени образованности своего народа. Составились тайные общества, с целью добыть конституционную форму правления для России... Некоторые думали, что они действуют в духе императора, принимались за приуготовительные меры, самые ярые из реформаторов обратились к идеалу республики. Часть солдат, возвратившихся с Запада, желала, чтобы с ними обращались так, как они привыкли во Франции. Отречение от Престола Цесаревича послужило предлогом к восстанию. 14 декабря 1825 года восстание вспыхнуло,—и было подавлено" [1]). Можно сказать, что нельзя приводить мнения женщины аристократки, далеко стоявшей от политики о таком важном событии, как первое вооруженное восстание против самодержавия, но дело в том, что основные мысли этой женщины не так уже отличаются от тех мнений, какие высказываются историками—идеалистами и в наше время о причинах восстания декабристов. По их мнению все сводилось к тому, что в головах декабристов, образованнейшей части русского дворянского офицерства, зародились под влиянием иностранных ученых, философов и публицистов свободолюбивые идеи. Эти идеи и заста-

[1]) Восп. Т. П. Пассек. Из дальних лет. Т. I, стр. 181

вляли декабристов критически смотреть на русскую жизнь и желать коренных перемен, а так как перемены были немыслимы при существовании самодержавия, то отсюда и возникало неизбежное столкновение с правительством.

Да и сами участники и организаторы восстания так и об'ясняли свое вступление на опасный и роковой для них путь. Пестель, главный и самый яркий из декабристов, так и об'ясняет тот путь, который привел его на виселицу. Чтение книг политического характера и, вообще, занятие политическими науками, по его мнению, привело его к борьбе с самодержавием.

„Когда я получил довольно основательные понятия о политических науках“, говорит Пестель в своих показаниях: „тогда я пристрастился к ним. Я видел, что благоденствие и злополучие царств и народов зависит по большей части от правительств, и сия уверенность придала мне еще более склонности к тем наукам, которые о сих предметах рассуждают и путь к оным показывают“. А так как науки эти доказывали, „что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна“, то Пестель по его словам и укреплялся в той мысли, что революция необходима и в России.

Если взять, напр., такого историка, как Иванов-Разумник, то он недалеко ушел от только что изложенных мнений Пестеля и даже Пассек, ибо он в своей „Истории русской общественной мысли“ полагает, что декабристы по существу ничем не отличались от русской интеллигенции XVIII века, а эта последняя „впервые сумела выйти из узких сословно-классовых рамок, будучи сословно-классовой по составу, она шла однако против своих дворянско-земледельческих интересов и была глубоко внеклассовой и внесословной по своим целям и идеалам“ [1]). Мы привели эти примеры для того, чтобы показать, как просто представляется дело общественного и революционного развития идеалистам историкам и как они склонны забывать то значение, какое имеет классовое устройство общества на всякого рода идеологии, в том числе и на революционную мысль и на революционные действия. Однако так ли просто обстояло дело, как это рисовалось самим декабристам, их современникам и доселе кажется историкам идеалистам?

История восстания декабристов общеизвестна. Еще в конце XVIII и начале XIX в. известная часть дворянства, недовольная порядками, царившими у нас и, как они полагали, стеснявшими и умалявшими права первенствующего сословия, пыталась организоваться в тайные политические общества. Причины, толкнувшие дворянство в оппозицию, были чисто экономические. Эти экономические причины особенно хорошо были вскрыты „нашествием двунадесяти язык“, которое и толкнуло очень быстро к организации средние слои русского дворянства. Дело об'ясняется тем, что континентальная блокада, в которую была втянута Россия, страшно ударила русское землевладение по карману, в особенности крупное и среднее. Это станет очевидным, если принять во внимание, что ко времени отечественной войны цены на железо по сравнению с ценами начала столетия упали на 60%, а цены на пеньку даже на 75%, а ведь главной покупательницей этих про-

---

[1]) Иванов-Разумник. История русской общественной мысли I стр. 151.—П. П. Г. 1918 года.

дуктов являлась Англия, которую блокада отрезала от России, а главными поставщиками пеньки и железа являлись крупные землевладельцы, помещики-дворяне и вместе с тем владельцы поссесионных заводов. Таким образом, блокада била дворянскую знать и вообще дворянские круги по карману, а экономический ущерб, отсюда вытекавший, заставлял эту знать и эти круги становиться в оппозицию к царю Александру и создавать всякого рода конституционные проекты, суть которых сводилась к передаче власти в руки этой знати. Но в царствование Александра I, как мы видели выше, в России был уже не только торговый капитал, существовала уже и фабричная промышленность, имелись, хотя и в небольшом числе, и вольнонаемные рабочие. Когда запрещение торговых сношений с Англией вступило в силу, это очень быстро сказалось в том, что крупные русские торговцы и фабриканты, не имея иностранных конкурентов, очень хорошо заработали. Русское сукно, русский ситец, сахар, бумага пошли в ход и сильно возросли в цене и русский частный капитал имел возможность построить несколько десятков частных текстильных предприятий. Отсюда ясно, что вокруг блокады шла борьба между дворянской знатью,—крупными землевладельцами, дворянами-помещиками и промышленниками капиталистами. Победили первые, Александр I вынужден был порвать свой союз с Францией, началась отечественная война, во время которой опять-таки интересы крупного дворянства пострадали менее, чем интересы другого крупного дворянского слоя—среднего помещика. В то время как крупные магнаты землевладельцы имели возможность отсиживаться в своих крупных имениях (стоит вспомнить только яркие описания этого отсиживания у гр. Толстого) в глубине России, масса среднего дворянства, особенно тех губерний, которые подверглись нашествию неприятеля, особенно пострадали. Так под напором то крупной землевладельческой знати, то уже крепнувшей буржуазии, то массы среднего дворянства правительство Александра I делало свою политику, возбуждая симпатии одних, негодование других, надежды третьих. Буржуазии было ясно, что при существовании подневольного крепостного труда невозможно успешное развитие капитализма, отсюда вытекали стремления буржуазии добиться уничтожения крепостного права; помещикам было ясно, что без применения капитала нельзя вести с выгодой свое хозяйство, а без свободы торговли нельзя выгодно продавать лен и пеньку за границу, отсюда определенная склонность дворянства пойти на встречу экономическим требованиям времени, поступиться частью своих прав в области отношений к крестьянам; но тем же самым помещикам было невыгодно раскрепощать крестьян и, таким образом, терять даровую рабочую силу, отсюда их крики против батрачества и пролетариата западных стран и стремление не отпускать своих крестьян на оброк, а держать на барщине. Война 1812 года, всколыхнувшая все слои населения, только резче оттенила все эти противоречия, возбудивши между прочим надежды и крестьян на освобождение. Крестьянам давались в этом отношении туманные обещания и крестьяне сплошь и рядом избивали не безвредных французских солдат, а своих же русских господ.

Конечно после войны крестьяне никакой свободы не получили, а, как раз наоборот, правительство под давлением тех же дворянских

интересов продолжало проводить в высшей степени тяжелую меру для государственных крестьян—военные поселения. Суть военных поселений сводилась к тому, чтобы, заменив рекрутчину, отрывавшую слишком много рабочих рук особенно у крупного и среднего дворянства, натуральной повинностью государственных крестьян, при чем эти государственные крестьяне, оставаясь крестьянами, содержа себя своим трудом, отбывали воинскую повинность на тех же условиях, на каких часть помещичьих крестьян несла барщину. Этой мерой правительство думало с одной стороны угодить помещикам, а с другой стороны мечтало создать такую военную силу, которая могла быть всегда к услугам правительства, т. е. того же крупного землевладения, и в случае надобности употреблена против недовольной правительством части дворянства, главным образом среднего, и между прочим против офицерства, выходившего из рядов помещичьего сословия. Эта мера, таким, образом была ненавистна не только крестьянам, но и той части дворянства, которая имела основание опасаться военных поселений, имевших целью создать особую военную касту: ведь эту касту можно было употребить не только для подавления бунтующих крестьян, но и против дворянского офицерства, которое вздумало бы бороться с правительством.

„Одна мысль о военных поселениях, прежним правительством заводимых, наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом“, восклицает Пестель в своей „Русской Правде“ [1]).

Если посмотреть с точки зрения этих экономических противоречий на заговор и восстание декабристов, то станет вполне очевидным как несостоятельность идеалистических об‘яснений этого движения, так и многие черты движения и идеи его деятелей и организаторов. Несовместимостью крепостных отношений с элементами нового буржуазно-капиталистического общества об‘ясняются те идеи декабристов, которые можно характеризовать кратко словом республиканизм (крайнее течение его нашло себе выражение в проекте конституции Пестеля „Русской Правде“); этим же обстоятельствам об‘ясняется вообще та черта всех конституционных проектов того времени, какую можно назвать вообще *буржуазной*; вместе с тем то обстоятельство, что декабристы были дворяне - помещики, об‘ясняет помещичий, узко-сословный характер их конституционных проектов и заговора; классовое же расслоение самого дворянского сословия, покоившееся на экономическом расслоении, на крупных помещиков-магнатов и на среднее дворянство, противоречия интересов тех и других об‘ясняет то обстоятельство, что большинство декабристов вышло из средних дворянских слоев, которым необходимо было во что быто ни стало изменение некоторых черт крепостного режима и что декабристов-дворян подавляли, судили и вешали их же товарищи по сословию—дворяне; отсутствие связи у декабристов с народом, с крестьянами, противоречие и антогонизм помещичьих и крестьянских интересов об‘ясняет то в высшей степени важное обстоятельство, что декабристы не нашли, да и не могли найти, широкого сочувствия даже в солдатской крестьянской массе.

В самом деле, чтобы вскрыть все только что указанные черты, достаточно посмотреть на те пункты конституционных проектов, которые

---

[1]) „Русская Правда“ С. П. Б. 1906 стр. 75.

касаются крестьян. В первоначальном проекте конституции Никиты Муравьева крестьяне освобождались совсем без земли, которая должна была остаться у помещиков [1]); по предположениям другого декабриста Якушкина, как он сам об этом рассказывает в своих воспоминаниях, крестьяне при освобождении должны были получить свой движимый скарб,—избы, усадьбу и выгон, а вся главная ценность *земля* должна была остаться за помещиком. Неудивительно, что крестьяне не согласились на все убеждения Якушкина, когда он предложил им освобождение на этих условиях. Крестьяне спросили его: „земля которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?“ Я им ответил, что земля будет принадлежать мне, но что они властны будут ее нанимать у меня. „Ну, так, батюшка, оставайся все по старому; мы ваши, а земля наша“ [2]).

В окончательном проекте конституции Никиты Муравьева условия, на которых должны быть освобождены крестьяне, мало чем отличались от предложений Якушкина: крестьяне должны были получить усадьбы, живой и мертвый инвентарь и по две десятины на двор; остальная земля оставалась у помещика и крестьянин мог арендовать ее у помещика. Даже в самом радикальном проекте конституции декабристов в „Русской Правде“ Пестеля по этому коренному крестьянскому вопросу говорится так, что „освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемых“. И хотя по мнению Пестеля „освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать“, однако пришлось подумать и о том, что „освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается Верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей спокойствия“ [3]). Нарушителей спокойствия опасаться нужно было безусловно, если освобождение крестьян должно было произойти так, что доход помещиков оставался в неприкосновенности! Пестель в своей „Русской Правде“ как очень удачно выражается наш историк-марксист М. Н. Покровский, предлагал нечто похожее на полунационализацию: вся земля каждой волости по его проекту должна была делиться на две части. „Одна половина получит наименование земли общественной, другая земли частной“ при том так, что во всей республике „не будет ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли“. Пестель, рассуждавший о том, что „земля есть собственность всего рода человеческого и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом исключен“ направляет острие своей аграрной реформы, как выражается М. Н. Покровский „исключительно против крупной феодальной собственности“, так как суть аграрных проектов Пестеля сводилась к раздроблению земельной собственности, что, конечно, не уничтожало ни самой частной собственности, ни возможности создания крупного буржуазного землевладения. Эта буржуазная струя декабристских проектов и отталкивала от них крупное дворянство. А этих буржуазных черточек и в „Русской

[1]) Проект Конст. Никиты Муравьева. Библ. дек. в V 1907 г.
[2]) Записки Якушкина. Москва 1905 г.
[3]) Пестель, „Русская Правда“. Спб. 1906.

Правде" и в других проектах декабристов можно найти достаточно. Пестель находит, например, что „весьма будет полезно завести в каждой волости по мере возможности, маленькие банки и ломбарды, а равным образом и страховые учреждения", он убежден, что „одни вольнонаемные работники должны быть при всяких заводах употребляемы", так как „из политической экономии известно что те только изделия полезны, которые заводимы быть могут без всяких насильственных или принудительных мероприятий и которые, следовательно, собственным своим избытком себя поддерживать могут"; он стоит за свободу торговли, за пересмотр тарифов в пользу купечества, за уменьшение налогов и пошлин, за то, чтобы „каждому дозволено было любой заниматься промышленностью не только в одних городах и назначенных местах, но равным образом и в селениях всякого рода и вообще везде, где только пожелает"; уничтожение сословий, равноправие всех перед законом, свобода вероисповедания, свобода книгопечатания, равноправие национальностей, и всякие прочие свободы, необходимые для развития буржуазного общества вплоть до республиканского образа правления—все это находит место у Пестеля. Но точно так же, как в „Русской Правде" Пестеля, так и в проекте Никиты Муравьева очень ярко проглядывают выражения интересов среднего помещечьего слоя, это особенно наглядно выступает в его избирательном цензе: избирательным правом по проекту Никиты Муравьева обладает всякий гражданин, располагающий имуществом в 5 тыс. рублей т. е. владелец 50 душ, а избиратель располагающий имуществом в 30 тыс. рублей, т. е. владелец 300 душ имеет право быть выбранным на самые высокие государственные должности. Владельцы в 50 и 300 душ это и были средние землевладельцы. Пестель, как известно, видел главное зло в „аристократии" и заявлял на допросе, что „главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода" [1]) и исходя из этого же убеждения и укорял Никиту Муравьева в том, что он своим проектом отдает власть в руки ненавистной ему „аристократии". Но владелец 50 или даже 300 душ не крупный помещик. „Коробочки—или их мужья и братья—замечает по этому поводу Покровский: могли выбирать Собакевичей: какая же тут аристократия?"

Покровский же приводит цифры, рисующие классовую диференциацию среди дворянства и эти цифры как нельзя лучше говорят о том, чьи интересы выражали декабристы. „В 1834 году—очень скоро после эпохи, нами изучаемой, так что данные годятся—в России считали 1453 помещика, имевших 1000 душ каждый (в среднем 2461 душа на каждого), 2273, имевших каждый более 500 душ (в среднем по 687) и 16.740, имевших более, нежели по 100 душ (в среднем 217). Эти последние должны были составить главную массу избирателей по проекту Н. Муравьева".

Эти цифры как нельзя лучше говорят за то, почему приверженцы Пестелевских и Муравьевских проектов судились и приговаривались к четвертованию и повешению представителями того же самого благородного сословия. Мудрено было возбудить сочувствие в душе по-

---

[1]) Цитаты из „Русской Правды" Пестеля нами взяты по изд. П. Щеголева 1906 г.

мещика, владевшего 2 тысячами душ, проектами, по которым власть в государстве передавалась 16 тысячам помещиков, обладавших в 200 душ каждый. (Проектом Муравьева император хотя оставался, но больше так, для проформы).

Если просмотреть списки декабристов, то на ряду с князьями и графами, как Волконские, Трубецкие, Оболенские, встречаются и совсем небогатые и незнатные средние дворяне, как, напр., Гавриил Степанович Батенков, сын небогатого дворянина; да ведь даже один из самых деятельных руководителей декабристов в Петербурге, поэт Кондратий Федорович Рылеев, был небогатый дворянин, служивший в Американской Компании. Были среди декабристов генералы и полковники, командовавшие полками и даже близкие ко двору, но очень много было капитанов, поручиков и более мелких чинов в роде прапорщиков, мичманов и небольших чиновников [1]). Даже самый состав декабристов отражал те экономические противоречия, какие придавали всему движению буржуазно-помещичий характер,—князьями и графами декабристы связывались со двором и с крупной земельной аристократией, а мелкими офицерскими чинами и мелкими чиновниками с тем нарождающимся слоем городской буржуазии, который очень скоро в семидесятые и 80-ые годы занял первенствующее положение в русском образованном обществе—с либеральным чиновником и интеллигентом разночинцем. Правда то обстоятельство, что среди декабристов насчитывалось 3 генерала, 8 полковников и 17 штаб-офицеров заставляло отчасти их тянуть к верхам, но факт все же остается фактом: декабристы в общем и целом выражали интересы среднего землевладения и нарождающегося буржуазного общества, при чем этим последним фактом и об'ясняется весьма определенное сочувствие, каким пользовались декабристы среди купечества.

Определенные симпатии декабристов по отношению к буржуазии во всяком случае запечатлены в их конституционных проектах: в то время как горожане т. е. главным образом купечество по этим проектам после низвержения самодержавия должны были послать в Учредительное собрание („великий собор") столько же депутатов, сколько и дворянство, избирательные права крестьянства были ограничены. Да и откуда появиться этим правам, если по проекту Н. Муравьева нужно было иметь для избирательного ценза не менее 50 душ.

Необходимо отметить еще одну важную черту декабристского движения, именно то, что крупнейшими идеологами его являлись как раз наиболее буржуазные представители тайного общества,—К. Рылеев, А. Бестужев, Батенков. Литераторы-декабристы и тогда уже ничем не отличались от буржуазных литераторов нашего времени, о чем свидетельствует, напр., хотя бы литературное предприятие Рылеева по изданию альманаха „Полярная Звезда" давшего его участникам заработок, а издателям даже около 2 т. р. чистой прибыли.

Да и наиболее яркий идеолог декабристов Пестель, хотя и был полковником и дворянином, но крестьян не имел.

Фактическая сторона заговора и движения общеизвестна. Тайные общества русского дворянства начались в 1814 году „Орденом рус-

[1]) См. напр. „Роспись госуд. преступн." П. Базилевский Гос. прест. в России XIX в. стр. 97.

ских рыцарей"; в 1816 году возникает „Союз Спасения", через два года этот союз преобразовывается в „Союз Благоденствия". В 1821 г. на с'езде представителей двух обществ „Северного" и „Южного" постановлено „Союз Благоденствия" закрыть. Но, конечно, этим постановлением дело не кончается, наоборот после этого в тайном обществе собираются все наиболее энергичные и деятельные члены и с этого момента и начинается, собственно, то, что известно в истории под именем заговора декабристов.

Разделение тайного общества на северное и южное об'ясняется отчасти и тем, что часть армии, именно вторая армия стояла на юге, здесь то в главной квартире этой армии братья Муравьевы и положили основание южному тайному обществу.

Муравьевы и затем главным образом Пестель и были руководителями этого общества, как в Петербурге главным организатором и идеологом северного общества являлся поэт Рылеев.

Правительство Александра I прекрасно знало не только о существовании тайных обществ, но и о составе их, и весьма, вероятно, что именно опасения, что правительству многое известно, заставило декабристов в 1821 году закрыть „Союз Благоденствия" и перейти к более конспиративной организации. Да и было, действительно, чего опасаться. Александр I к концу царствования становился окончательно на реакционный путь; революционные вспышки в Западной Европе и такие события, как бунт в Семеновском полку, заставляли и Александра I и его ближайших помощников и друзей усиленно следить за недовольным офицерством.

Александр I прекрасно понимал, что тот же самый Семеновский полк, который возводил его на престол, мог при стечении некоторых обстоятельств и низложить его. Примеры Екатерины второй, Петра III и Павла были у него в памяти всегда. Армия становилась ненадежной и взоры Александра I все больше и больше обращаются на солдат военных поселений, армию, которая находилась вне влияния недовольного офицерства дворян-помещиков. Александр I начинает не на шутку бояться своей армии, командного состава этой армии. И если у декабристов имелись основания бояться правительства Александра I, то и у этого последнего оснований бояться тайных обществ было не меньше. К концу царствования, когда началось усиленное наблюдение за тайными обществами, были закрыты все массонские ложи, когда всем стали ясны, какие надежды возлагались на армию военных поселений, у декабристов был уже вполне разработанный план переворота.

План этот начинался убийством царя; затем следовало издание двух прокламаций, к войску и к народу. Далее намечались уже настоящие военные выступления: поход 3-го корпуса на Киев и на Москву, присоединение войсковых частей, расположенных по пути следования 3-го корпуса. Одновременно с занятием Киева в Петербурге заговорщики должны были поднять гвардию и флот, арестовать царскую фамилию и отправить заграницу. Вместе с тем в Москве должен был собраться Сенат и приступить к преобразованию государства. Был, правда, и другой план,—момент естественной смерти царя должен был быть и моментом переворота, но больше оснований имеется для того, чтобы утверждать, что цареубийство и военное восстание явля-

лось окончательным планом декабристов, наметивших даже день восстания—ожидавшийся смотр 3-го корпуса в 1826 году.

Смерть Александра 19 ноября 1825 года в Таганроге неожиданно ускорила события. Это ускорение произошло само собой, ибо по сути дела наследника престола у царя не было. Детей он не имел и наследником должен был считаться старший из двух следующих братьев царя Константин, но этого было невозможно, ибо это был человек по выражению М. Н. Покровского „уголовного характера" да притом еще женившийся не на принцессе; потому еще лет за пятнадцать до своей смерти Александр I назначил своим наследником младшего своего брата Николая Павловича, личность уже настолько определившуюся к концу царствования, что издавать по поводу назначения его наследником публичного акта тоже было не безопасно. Положение осложнялось тем, что существовало письмо Константина к брату об отречении. Для декабристов наступил решительный момент, колебаться дальше было нельзя тем более, что Николай, основываясь на письме брата, назначил день присяги себе уже, как законному царю.

Четырнадцатого декабря 1825 года декабристы вывели часть войск на Исаакиевскую площадь и началось восстание декабристов.

Восстание было подавлено картечью войск, с большим трудом собранных теми из приверженцев Николая, которые не сочувствовали декабристам. Но Николай победил не только потому, что у декабристов оказались предатели в роде Майбороды и Ростовцева, не только потому, что в нужный момент на площади не оказалось энергичного организатора и руководителя, а назначенный на этот пост князь Трубецкой скрылся и его не могли найти, так что пришлось штатскому Рылееву действовать за военного (у Николая в особенности сначала дело обстояло не лучше), Николай победил потому, что солдатская масса не знала, за что борятся их начальники декабристы и что им, солдатам, принесет эта борьба.

Правда уже после того, как декабристы принесли присягу Константину, трое из них, братья Бестужевы и Рылеев, попытались было выпустить прокламацию к солдатам, в которой обещалась свобода крестьянам и сокращение солдатской службы до пятнадцати лет, но попытка эта так и осталась попыткой. А между тем другая попытка тех же декабристов по их собственному признанию ночью устно обратиться к солдатам с такою же пропагандой была встречена с нескрываемым сочувствием и восторгом. Отдельные декабристы на свой страх и риск могли еще обращаться с такой пропагандой к крестьянам-солдатам, но все декабристы, как общество, как представители помещичьего землевладения, звать на восстание крестьян во имя освобождения этих крестьян не могли. Они, как сознался впоследствии декабрист Штейнгель, боялись обращаться к крестьянам просто потому, что боялись сами крестьянского восстания, им самим грезилась Пугачевщина и потому они сами не верили в революцию в республиканском духе и некоторые из них больше рассчитывали на революцию дворцовую.

В личном мужестве, благородстве и преданности своему делу декабристам отказать, конечно, нельзя. Некоторые из них, такие люди, как Каховский, Пестель, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Юшневский отличались и большой революционностью и

решимостью. Каховский во время самого восстания проявил изумительную энергию: он обращался с агитационными речами к солдатам, действовал оружием,—убил Милорадовича и Стюрлера, ранил Гастефера, держался очень твердо и непреклонно на допросах у царя и рассказал о заговоре только тогда, когда увидал, что даже лучшие из членов общества давали откровенные показания. Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол вместе с Пестелем были также активнейшими людьми и не задумались выступить с оружием в руках против царских войск. О Пестеле, этом самом выдающемся человеке из декабристов, говорить нечего, он, как Рылеев, Бестужев-Рюмин, Сергей Муравьев-Апостол, Никита Муравьев являлся несомненным идеологом и руководителем движения. В его „Русской Правде“, а затем и в „Государственном завете“, двух произведениях, где он развивает свои взгляды на общественно-политическое устройство государства, он является настоящим республиканцем: в его конституции нет царя, издание и изменение основных законов предоставлено референдуму, власть в его республике после переворота принадлежит диктатуре временного правительства; он, как мы видели, своим проектом раздробления земли показал себя противником крупного землевладения, а однопалатной системой и всяческими демократическими гарантиями, какие он мечтал установить после революции, он выказал себя, как настоящий революционер, идеолог тех буржуазных тенденций, которые уже заявляли себя тогда в русском обществе; он, наконец, не останавливается перед цареубийством. Но Пестель, этот мужественный, решительный, обладавший большими знаниями, умом, и твердостью человек представлял крайнюю левую движения. Его собственное бытие (он не имел земли и капиталов) очень хорошо отразилось на его творчестве и деятельности, точно так же, как на князе Трубецком и его проектах конституции отразилось бытие тех аристократических слоев, из каких вышел этот неудачный диктатор и руководитель восстания, сбежавший с поля битвы в самый решительный час выступления. В программе преобразованний, которая была выработана князем Трубецким, нет тех радикальных требований, какие присущи Пестелю: в общем Трубецкой-монархист, он отвергает республику и стоит за весьма умеренные требования, от которых не отказывался самый умеренный землевладелец: облегчение налоговых тяжестей, уравнение всех пред законом, суды присяжных и т. п. Но в самом главном вопросе того времени он не идет даже так далеко, как Никита Муравьев, этот типичный представитель среднего дворянства: Трубецкой стоит только за „уничтожение права собственности на людей“.

Всеми своими взглядами и всем своим поведением и во время восстания, от которого он сбежал, и в застенках у Николая I, где он вел себя униженно и постыдно, Трубецкой так хорошо подчеркнул, что ему, аристократу, совсем не по дороге „с такой дрянью“ по выражению царя, как Пестель и в особенности не знатные и нечиновные декабристы в роде Рылеева. Да и что общего могло быть у князя Трубецкого с таким человеком, как рядовые декабристы, чиновники с маленькими чинами или средние помещики. Слоем ближе всего стоящим к аристократической части декабристов были такие люди, как барон Штейнгель, которому, как мы видели, мерещился пугачевский

бунт. Этот слой составляли такие люди, как фон-Визин или Н. Тургенев, занимавшие высокие должности чиновников при царском правительстве и, конечно, не разделявшие радикальных взглядов Пестеля. Самым многочисленным слоем декабристов являлись средние помещики-дворяне, типичным представителем которых были такие люди, как Якушкин или Никита Муравьев со своей умеренной конституцией и чисто дворянским проектом освобождения крестьян без земли. Между ними и крайней левой Пестеля можно поставить Рылеева, этого пламенного поэта-гражданина, человека, у которого дело не разошлось со словом, также как у Пестеля и Каховского. Справедливый, неподкупный, самоотверженный, он однако же, как на духу, рассказал на допросах деспоту Николаю многое из того, чего не следовало бы говорить революционеру. Но Рылеев все же был дворянин, член своего класса и общие предрассудки и идеи, свойственные декабристам, были и у него. Таким образом, общество декабристов соединяло такие три разнородные слоя, как верхи дворянской аристократии и бюрократии, среднее дворянское помещичье землевладение и дворянскую и чиновничью безземельную мелкоту, три группировки, которые, хотя и внутри одного сословия, по своему экономическому, классовому положению не могли не тянуть в разные стороны. Отсюда вытекают и те глубокие различия, какие замечаются в конституционных проектах различных представителей этого дворянского движения, и тот драматизм неудачного их восстания и сама неудача и жестокость, с какою люди одного и того же сословия расправлялись со своими противниками. Отсюда же становится ясным и понятным это движение: экономические противоречия, несовместимость крепостных отношений с новыми формами нового буржуазного уклада заставляли лиц, заинтересованных в сохранении старого крепостного режима, в одной и то же время и поддерживать его и протестовать против него и бороться с ним во имя новых буржуазных отношений и пасть под ударами старой мертвой силы, ибо не в интересах этой старой силы, крупного дворянского землевладения, новый буржуазно-дворянский строй, к чему стремились декабристы.

Николай I жестоко расправился с декабристами. Пятеро из них,—Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский были повешены, а остальные,—более сотни человек сосланы в каторжные работы, на поселение, в Сибирь, на Кавказ, разжалованы в солдаты, отданы под надзор Николаевской полиции.

Наступила мрачная эпоха царствования Николая I. Все царствование этого коронованного изверга и барабанщика прошло в борьбе с новыми общественными силами, вызванными хозяйственным развитием страны. Правительство Николая I, ведя беспощадную борьбу с малейшим проявлением этих новых общественных сил, под напором экономической необходимости вынуждено было однако идти на уступки. Власть по прежнему находилась в руках первенствующего сословия—благородного дворянства, но все ясней и ясней становилось для всех, что та главная опора, на которой держалась эта власть, колеблется—ни у коро не оставалось сомнения, что крепостное право должно пасть и весь вопрос состоял в том, как лучше, как выгоднее ликвидировать старый крепостной порядок в интересах все того же дворянства.

Аграрный кризис первой четверти XIX столетия и развитие промышленности в России.

В 1825 году во время восстания декабристов победило крупное дворянство, ибо интересы этого слоя находились в противоречии с интересами тех широких слоев среднего дворянства, идеологами которых выступали такие борцы декабристов, как Никита Муравьев; но после восстания все дворянство, вернее подавляющая часть его грудью поддерживало правительство. Некогда было думать о борьбе с правительством, ибо русское сельское хозяйство в течение всех 20-х и 30-х годов прошлого столетия переживало небывалый экономический кризис. Причинами этого кризиса является колоссальное понижение цен на хлеб на европейскнм рынке: цена пшеницы и ржи на берлинской бирже в 1825 году по сравнению с ценою этих хлебов в 1821 г. понизилась на 64—65%, а во Франции понижение цен на пшеницу за те же годы хотя было и меньше, но все же достигало 50%. Такие же чрезвычайно низкие цены на хлеб стояли и в России. Русское сельское хозяйство переживало страшный кризис,—в связи с низкими ценами на хлеб падал и вывоз его заграницу. Так крепостное хозяйство, жившее на основе варварской низкой техники производства, мстило владельцу крепостных душ. Но эта низкая техника с другой стороны заставляла помещика держаться старых приемов хозяйства—барщинное хозяйство снова выдвигается на первый план и никаких разговоров о выгодности оброчного хозяйства в 20-ые и 30-ые годы в помещичьей среде не заметно. Выгоднее крепостная даровая сила закрепощенного крестьянина, для применения машин и свободно-вольнонаемного труда у помещика нет капитала, помещик вообще не может вести своего хозяйства без помощи правительственной субсидии и вот почему так прочно, так уверенно чувствовал себя Николай I в особенности в первую половину своего царствования: его поддерживал застой в земледелии, аграрный кризис и помещик, получавший государственную субсидию.

Впрочем уже явственно теперь обозначалась и другая сила, поддерживая которую Николай I в свою очередь получал от нее поддержку: этой силой была буржуазия,—купечество и промышленники. Русская промышленность развивалась поразительно быстро как раз в то время, когда барщинное помещичье хозяйство терпело очень большие затруднения. Со времени отечественной войны, несмотря на разорение, какое она принесла, число фабрик и заводов увеличилось почти вдвое (2.332—в 1812 году и 5.244—в 1828 г.), число рабочих поднялось с 119.093 чел. в 1812 году до 225.414 чел. в 1828 году, растет и производство этих фабрик с невиданной дотоле быстротой. Правительство всеми силами поддерживает буржуазию, так еще в 1822 году, значит до восстания декабристов, купцы и фабриканты добились покровительственного тарифа и это очень скоро дало очень большие результаты для русской промышленности и торговли: начиная с этого времени растет ввоз сырых продуктов, необходимых для фабричного производства, напр., хлопка и бумажной пряжи, и падает ввоз иностранных фабричных изделий, бумажных, шерстяных, шелковых; зато

увеличивается производство этих последних на наших российских фабриках. Например, производство солдатского сукна увеличилось с 3.683.881 аршина в 1812 г. до 5.449.666 арш. в 1825 году. Но ведь армия, которую одевали российские фабриканты, нужна была правительству Николая I как раз для ведения тех войн (персидской и турецкой), какие были необходимы и выгодны и для российского купечества и для российской торговли. Персидская война окончилась очень определенными выгодами для России и после ее окончания Персия покрылась русскими консульствами, а в результате Турецкой войны русские купцы получили право беспошлинной торговли во всей Турции. Эта работа самодержавия на русскую буржуазию не ограничивалась только в области льгот и помощи с оружием в руках на внешнем рынке, внутри, у себя дома, самодержавие тоже шло на встречу буржуазии,—выше уже было отмечено, как правительство вынуждено было открывать специальные школы для буржуазии (напр. Технологический Институт), но оно не остановилось на этом,—было организовано специальное учреждение для нужд промышленности и торговли, Мануфактурный Совет, где участвовали уже фабриканты и купцы, стали организовываться выставки, был издан закон о потомственных и почетных гражданах, открывались коммерческие школы для детей купцов и фабрикантов, наконец, был поднят вопрос и о постройке железных дорог.

В конце 30-х годов аграрный кризис идет на убыль и дела помещиков начинают поправляться. Цены на хлеб на европейских биржах растут и вывоз русского хлеба заграницу снова возрастает. Эта связь русского хлебного вывоза с ценами на хлеб видна особенно наглядно из следующих цифр:

Десятилетия 20-ые годы.	Пшеница 100.	Годы.	Вывоз пшеницы.
1831—40	113,84	в 1838 г.	20 мил. пуд.
1841—50	138,06	„ 1851 „	22 „ „
1851—60	174,14	„ 1852 „	40 „ „
—	—	„ 1853 „	$64^1/_2$ „ „

Работа помещичьего хозяйства на рынок становится выгодной, но только при одном условии, при условии применения к сельскому хозяйству капитала и свободного вольнонаемного труда. Действительно, помещик усиленно ищет капиталов и всячески изыскивает выходы, при помощи которых он мог бы заменить невыгодную теперь барщину вольнонаемным трудом. В отношении капиталов на помощь пришло все-таки правительство т. е. государственная казна: в 1833 г. задолженность помещиков правительству выражалась в 270 милл. р., в середине 50 годов она дошла до 398 мил., а к концу десятилетия до 425 миллионов. Помещики закладывали те самые крепостные души, барщинный труд которых они считали теперь в противовес мнениям 20 и 30 годов невыгодным. Таким образом, внутренняя логика экономического развития толкала дворянство к разрешению крестьянского вопроса во что бы то ни стало. Задолженность помещичьего хозяйства росла, невыгодность барщины была очевидна, нужны были капиталы, это с одной стороны, а с другой—применение вольнонаемного труда в сфере промышленности давало такие блестящие результаты.

Естественно, что под давлением экономической необходимости дворянство само заговорило об освобождении крестьян. Мы теперь знаем, что все проекты, исходившие из среды дворянства, сводились в сущности к двум главным вариантам,—либо освободить крестьян совсем без земли, либо наделить их таким количеством земли, притом за выкуп и так, чтобы освобожденный крестьянин попал в новую кабалу к помещику, но уже не как крепостной раб, а как вольнонаемный, сельско-хозяйственный рабочий, батрак; мы знаем, что так и вышло при освобождении. Декабристы, как мы видели, выступали тоже с проектами освобождения крестьян и их проекты, за исключением только Пестеля, носили явно дворянский характер, а проект Якушкина, предложенный на практике своим собственным крестьянам, пожалуй, ничуть не отличался от реакционных проектов позднейших времен. Но если так дело обстояло в двадцатые годы, то чем же отличались революционные проекты сороковых годов от того, что выдвигали декабристы и вообще выдвинула ли что-либо революционная мысль сороковых годов в этом отношении?

Петрашевцы.

Действительно, и в сороковые годы, даже самые жестокие репрессии Николая I не могли остановить того внутреннего процесса, который на указанной экономической основе должен был так или иначе отразиться и в области политической. На смену революционерам 20-х годов—декабристам, сороковые годы выдвигают интересную политическую группу известную под именем петрашевцев. Родоначальником и идейным руководителем петрашевцев был Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский. В отличие от декабристов, принадлежавших в подавляющем большинстве к среднему зажиточному дворянству, большинство петрашевцев было хотя и дворянского происхождения, но это были либо мелкопоместные дворяне, либо не имевшие вовсе земли чиновники и разночинцы. Только Н. С. Кашкин принадлежал к крупному дворянству, так как во время следствия имел 2500 дес. земли; следующим по своему состоянию был другой помещик Н. Л. Спешнев, имевший 500 дес. земли и дом в Петербурге, сам же Петрашевский должен быть причислен к мелкопоместным помещикам, так как хотя всего за его семьею числилось 250 душ и 3000 дес., два дома в Петербурге и пустопорожнее место, но после раздела на долю самого Петрашевского пришлось бы не более 40—50 душ. Что касается остальных членов общества петрашевцев, то все это были люди лишенные собственности,—земли и капиталов. Ахшарумов, сын небогатых родителей (отец его оставил своим четырем сыновьям капитал в 10 т. р.; небольшое место на окраине Петербурга принадлежало его матери) он служил чиновником в азиатском департаменте и получал всего на всего 23 руб. в месяц. Европеуса можно считать также чиновником небогатым, так как в общем владении с братом у него было 80 д. крестьян. Ханыков, Толстов, Катенев, братья Дебу, Достоевский и большинство петрашевцев были люди совсем небогатые, а некоторые, как напр., Момбели и круглые бедняки, не имевшие часто денег на обед или ужин. Второй важной чертой петрашевцев является то, что по своему социальному положению это люди новые, правда, в большинстве дворяне, но не

имеющие земли и живущие умственным интеллигентным трудом,—чиновники, как Петрашевский и Ахшарумов, учителя, как Ястржембский, Пелецкий, Введенский, студенты, как Филиппов, Ханыков, Данилевский, офицеры, как Львов, Кузьмин, наконец представители совершенно нового слоя, о котором во времена декабристов в качестве члена тайного общества нельзя было и мечтать—купцов и мещан. Утин был сыном купца 3-ьей гильдии, Катенев—почетный гражданин, Шапошников—мещанин, хозяин небольшой табачной лавочки. Важно отметить еще и то обстоятельство, что в обществе петрашевцев принимали участие литераторы, либо уже печатавшиеся, как Ф. М. Достоевский, Плещеев, либо будущие литераторы как Салтыков-Щедрин. На этом как будто бы маленьком ничтожном обстоятельстве, социальном, классовом, экономическом составе группы петрашевцев необходимо остановиться потому, что по сути дела это обстоятельство имеет очень большое значение при определении и выяснении тех революционных взглядов, какие исповедывали и распространяли петрашевцы. Эти люди были уже новыми людьми, новым слоем, выдвинутым тем экономическим процессом, какой проделала Россия со времени декабристов до конца сороковых годов. Большинство петрашевцев—это люди свободных профессий, люди интеллигентного труда, мелкие чиновники (коллежские и титулярные) и отчасти разночинцы, отчасти представители мелкой буржуазии. Одной своей частью,—Кашкин, Спешнев, Петрашевский—они примыкают к поколению декабристов (Кашкин был даже сыном декабриста), среднему помещичьему слою, другой—как Ахшарумов, затем студенты и учителя, они являются той группой интеллигенции, которая даст в шестидесятые и семидесятые годы многочисленный слой мелкобуржуазной интеллигенции разночинцев. Учитель, студент и в особенности купец и мелкий лавочник впервые появляются на революционной арене России.

Это—в высшей степени важное обстоятельство, которое несомненно очень сильно наложило свой отпечаток на всю революционную идеологию петрашевцев. В самом деле, революционная идеология декабристов—это помещичий, дворянско-буржуазный республиканизм; ни о каких социалистических чертах декабристов говорить нельзя; петрашевцы же все были социалистами-фурьеристами, а некоторые из них причисляли себя даже к коммунистам. Правда, на практике, когда петрашевцы пытались применять свои теоретические положения к конкретной русской действительности, от их социализма и тем более „коммунизма" оставалось очень мало, тем не менее в теории они все же были настоящими социалистами-утопистами.

Внешняя история петрашевцев несложна. Вызванные к жизни ходом экономического развития новые элементы русского общества не могли уже удовлетвориться той идеологией, что была выработана декабристами; несмотря на все запреты и рогатки Николая I новые люди самыми разнообразными путями знакомились с социалистическими идеями Запада. Идеи Р. Оуэна, Сен-Симона и Ш. Фурье, с которыми знакомились образованные люди, попадавшие заграницу, становились достоянием целых кружков и групп. Анненков, Бакунин, Станкевич и подобные им люди заинтересовывали в этих идеях своих соотечественников, а наиболее сильные и умные из них здесь, у нас, на родине сами становились центрами, откуда это влияние западно-европейской

мысли распространялось и на людей, не могущих выехать из России. Известно, как Белинский, этот величайший из русских просветителей, под конец жизни подошел к социализму, понявши, что единственный путь освобождения России от гнета самодержавия это путь нарождения русской буржуазии. Не потому, конечно, стал так думать Белинский, что идеи западно-европейских социалистов изменили его мировоззрение, а, наоборот, мировоззрение западно-европейских социалистов стало понятно Белинскому потому, что русская действительность в сороковые годы была уже не такова, как в 20-ые, что все элементы буржуазного общества были налицо, так что понять и усвоить эти идеи было легко и необходимо.

Буташевич - Петрашевский, окончивший в 1839 г. царскосельский лицей, поступил в 1841 году в Министерство Иностранных дел на 114 р. 29 коп. годового жалованья, а также в Петербургский университет на юридический факультет, который и окончил в 1844 г. со степенью кандидата. Здесь на Петрашевского, как и на его товарищей А. В. Ханыкова, Ип. Дебу, П. Ламанского, большое влияние имел профессор Порошин, читавший политическую экономию. Он познакомил молодых людей с сочинениями Фурье, Прудона, Л. Блана, Л. Штейна. Проникшись учением Фурье, Петрашевский задался целью распространять это учение и проводить его в жизнь. Он ищет себе сторонников и последователей прежде всего из среды своих лицейских и университетских товарищей. Так составляется сначала один кружок Петрашевского, собиравшийся у него еженедельно по пятницам с 1845 по 1848 год, затем кружок Кашкина, затем число фурьеристов растет, завязывается связь с провинцией, так что по словам самих петрашевцев в тот момент, когда их арестовали, они насчитывали всего фурьеристов в России до 800 человек. В Петербурге было привлечено по делу петрашевцев около ста человек, хотя пострадало по николаевскому суду всего двадцать один человек. Правительство случайно узнало о существовании кружков Петрашевского, но раз узнав, направило к петрашевцам ловкого провокатора Антонелли (а затем на помощь ему и другого шпиона Наумова), который втерся в кружок Петрашевского и регулярно делал доклады полиции Николая I. В апреле 1849 года петрашевцы были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость и после восьмимесячного заключения были приговорены за „умысел на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка“ к смертной казни через расстреляние. Все приговоренные были привезены на Семеновский плац и там в присутствии властей и войск привязаны к столбам; по прочтении приговора солдаты взяли на прицел, забили барабаны и внезапно было прочтено помилование. Петрашевский был отправлен в каторгу без срока, Спешнев в каторгу на 10 лет, поручик Николай Мамбели тоже на 15 лет, поручик Николай Григорьев на 15 лет, штабс-капитан Федор Львов в каторгу на 12 лет, студент Петербургского Университета Николай Филиппов в арестантские роты на 4 года, а затем в солдаты на Кавказ, Димитрий Ахшарумов в арестантские роты на 4 года и затем на Кавказ в солдаты, студент Петербургского Университета Александр Ханыков в рядовые Оренбургских линейных батальонов, коллежский ассесор Сергей Дуров в каторжную работу на 4 года, а затем в рядовые, отставной инженер поручик Федор Достоевский в ка-

торгу на 4 года, а затем рядовым, коллежский ассесор Константин Дебу в арестантские роты на 4 года, а затем в рядовые, Ипполита Дебу в арестантские роты на два года и в рядовые, Феликса Толя в каторгу на 2 года, титулярного советника Иеана Ястржембского в каторгу на 6 лет, Алексея Плещеева в рядовые в Оренбургские батальоны, Николая Кашкина и Василия Головинского в рядовые на Кавказ и в Оренбургские батальоны, Лейб-Гвардии Егерского полка поручика Александра Пальма перевести тем же чином в армию, титулярного советника Константина Тимковского на 6 лет в арестантские роты, коллежского секретаря Александра Европеуса рядовым на Кавказ, мещанина Петра Шапошникова на 6 лет в арестантские роты и затем в рядовые. Подпоручика Черносвитова решили оставить в сильном подозрении, а почетного гражданина Костенева, так как он помешался в уме, привлечь к суду по выздоровлении.

В чем же заключалась вина этих людей, так жестоко поплатившихся за свою приверженность к идеям Фурье?

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что, по крайней мере, наиболее выдающиеся из петрашевцев, как например, сам организатор пятниц Буташевич-Петрашевский, отличались стройным выработанным ими путем систематических занятий миросозерцанием. Как это видно из некоторых показаний и из сочинений Петрашевского, он выработал свое мировоззрение под влиянием сочинений западно-европейских материалистов.

„Я заставлен был“, говорит Петрашевский: „холодным размышлением признать зависимость совершенную всех жизненных явлений в человеке от общих законов природы; я заставлен был признать ничтожность своей личности пред лицом природы, отбросить в сторону всякое самолюбивое мечтание, отвергнуть в себе то, что называется свободою произвола, и высшею премудростью признать—стремление правильно последовать законам природы“...

„...Все в природе между собою находится в тесной связи и зависимости. Всякое существо имеет свое назначение. Назначение же каждого существа в полном развитии его свойств,—что и составляет его счастье“. „Я признал безразличие для себя жизни и смерти“.

Если принять во внимание список тех книг, какие находились в библиотеке Петрашевского, то там бросается в глаза, что на ряду с сочинениями социалистов, участниками кружка брались такие книги, как Гельвеций „О человеке“, Морелли „Кодекс природы“, Гольбах „Всеобщая мораль“, сочинения Л. Фейербаха, „Жизнь Иисуса“ Штрауса, Если же вспомнить, что и Гельвеций, Гольбах и Фейербах были материалистами и рассматривали человека, как произведение природы, подчиненное законам природы, то невольно напрашивается вопрос, не оказала ли влияние на Петрашевского философия материализма XVIII века? По крайней мере чувствуется определенное значение этой философии при выработке мировоззрения Петрашевского. В самом деле, почти нет никакой разницы между только что приведенными словами Петрашевского и, например, следующим отрывком из Гольбаха:

„Человек есть произведение природы. Он существует в природе, подчинен ее законам и никогда даже мысленно не может преступить их. Напрасно ум его устремляется за пределы видимого мира; он всегда принужден возвращаться обратно“ *).

*) Гольбах. „Система природы“.

И Петрашевский точно так же, как философы материалисты считал, что самым страшным злом являются предрассудки и суеверия, и когда он, например, писал, что „нет ничего труднее, как освободиться от вредоносного влияния предубеждений, предрассудков и суеверий всякого рода (безотчетное схоластическое верование в авторитет я отношу к суевериям)", то так и кажется, что это повторение мыслей, развитых тем же Гольбахом в следующих словах: „Ум его (т.-е. человека) до такой степени заражен предрассудками, что его считали навек обреченным на заблуждения. Он крепко сжился с ложными взглядами, внушаемыми ему с детства, и был счастлив ими, и только с большим трудом можно заставить его отказаться от них".

Как бы то ни было, несомненно одно, что взгляды Петрашевского проникнуты материалистической струей, при чем на этой стороне взглядов сказывается очень сильно влияние Л. Фейербаха, что в особенности видно из статейки „Натурализм" помещенной им в словаре иностранных слов Кириллова.

„Натурализм обыкновенно противополагается супернатурализму... В дальнейшем своем развитии это учение, вмещая в себя пантеизм и материализм, считает божество ничем иным, как общей и высшей формулой человеческого мышления, переходит в атеизм и даже, наконец, преображается в антропотеизм т. е. в учение, признающее высшим существом только человека в природе. Натурализм, находясь на этой ступени своего рационального развития, считает всеобщее признание божества в положительных религиях происшедшим от обоготворения человеком своей личности и общих законов своего мышления, все религии, которые представляют нам историческое развитие человечества, считает только постепенным развитием приготовлением человечества к антропотеизму или полному самопознанию и сознанию жизненных законов природы".

Совершенно правильно заметил еще Герцен, что в этом отрывке Петрашевский изложил взгляды Фейербаха на религию. В самом деле здесь чувствуется влияние этого философа, провозгласившего, что „задачею новейшего времени было осуществление и очеловечение бога— превращение и растворение теологии в антропологию" (§ 1 „Основ философии будущего") и что „искусство, религия, философия, или наука, суть лишь проявления или откровения истинного человеческого существа" (§ 55). Во всяком случае с положительностью удостоверяется и показаниями других петрашевцев и сочинениями самого Петрашевского, что он и многие его товарищи развивали взгляды Фейербаха и в частности в области религиозной были последователями этого философа и атеистами. Так, сам Петрашевский заявлял, что хотя он пишется православным, но не имеет никакой религии, видел в Христе „известного демагога, несколько неудачно кончившего свою карьеру" и усматривая в религии только остатки и пережитки предшествующих эпох, препятствующие развитию народа, постоянно критиковал религиозные взгляды. Другой петрашевец Толь в одну из пятниц, 11 марта 1849г. произнес речь „О ненадобности религии в социальном смысле", где развивал Фейербаха, Бауэра и подобных им философов. Правда во взглядах на происхождение религии не у всех петрашевцев было единомыслие как много было и неправильного и ненаучного (напр., их мнение, что причиною происхождения религии в первобытные времена

является страх перед силами природы), но в общем и целом можно сказать, что Петрашевский и его наиболее выдержанные последователи были в этом вопросе материалистами и атеистами. Эта материалистическая струя петрашевцев особенно хорошо выражена Кашкиным в одной его речи, сказанной им на вечере в декабре 1848 г. В этой речи он критикует разделение наук на точные и неточные, утверждая что самое понятие наука уже тем самым отрицает понятие неточности; затем определяя науку, как нечто, имеющее в своем основании собрание общих, непогрешимых истин, он обрушивается на абсолютную философию Конта и Гегеля и стремится доказать, что ошибка этой философии заключается в том, что она пытается из одного разума вывести весь мир и законы природы; это мнение абсолютной философии, что один разум есть источник истины и добра, ложно и, как раз наоборот „инстинкт человека, его страсти никогда не подчинялись и никогда не подчинятся разуму; из столкновения их всегда происходила и будет происходить борьба, а понятие борьбы противоположно понятию гармонии. Такое понятие прямо ведет к атеизму". Заканчивает свою речь Кашкин так: „Но истина не в слепой вере, не в неверии, не в том, не в другом метафизическом учении: истина в природе. В ней высший разум начертал волю свою, и из природы человек должен перенести ее в свою жизнь, в свое общественное устройство. Он научился открывать в естественных науках законы природы,—остается применить их к науке общественной и когда он это сделает, человечество будет иметь закон счастья и совершенства"... Если оставить в стороне какой то „высший разум" Кашкина, то не напоминает ли его панегирик законам природы первую главу. „Системы природы" Гольбаха, который говорит там: „Пусть же человек перестанет ждать от каких то существ вне обитаемого им мира благ, в которых отказала ему природа. Пусть изучает самую природу, познает ее законы, наблюдает ее энергию и неизменный образ ее действий, и пусть применит свои открытия к достижению счастья". Как известно, утопическая система Фурье отнюдь не отрицала ни бога ни государства с его монархами и властителями. По мыслям Фурье развитым в его сочинениях в мире господствуют три начала: активное и движущее начало—это бог или дух; пассивное и движимое начало—это материя, и регулирующее начало—это справедливость, основанная на законах математики. Подобно этим началам мира в природе господствуют три начала,—активное и движущее—это страсти, пассивное и движимое—это тело и нейтральное или регулирующее—это разум. Бог по учению Фурье желает единства и гармонии в мире, а потому между всеми элементами мира существует взаимодействие и должна существовать гармония. Назначение человека счастье и если между страстями человека и общественными порядками нет гармонии, то в этом виновато само общество, его социальная организация. Это и дает основание Фурье обрушиться со своей беспощадной критикой на порядки современного ему буржуазного общества. Нетрудно заметить, изучая произведения Фурье, что ядовито и беспощадно критикуя современное ему буржуазное общество с его борьбой классов, он не понимал механики классовой борьбы и звал трудящиеся классы к построению нового мира не путем создания боевой классовой организации трудящихся против эксплуататоров, но путем сотрудничества, гармонии интересов

и страстей тех же самых классов, борьбу которых он наблюдал. Как известно, в его обществе фаланстеров остаются и капитал и даже монархи и бог, который открыл людям руководящий кодекс о притяжении страстей. В „Теории четырех движений" Фурье устанавливает четыре принципа:

1)„Необходимость существования регулированного богом труда", 2) „Присутствие элемента притягательности в божественном механизме", 3) „Необходимости изучения притяжения страстей" и 4) „Совпадение притягательности труда с истиной". Фурье претендует на то, что он как Ньютон, открывший законы притяжения в мертвой материи, открыл такие же законы притяжения страстей. При всей фантастичности его мыслей несомненно, что базирование Фурье на природе человека сближает его с материалистами XVIII в., которые смотрели на человека не как на какое-то духовное существо, а как на существо, в котором самый дух выростает из чувств этого существа. L'homme n'apporte en venant au monde que la faculté de sentir, et de sa sensibilité découlent toutes ses facultés que l'on nomme intellectuelles" *). Так говорит Гольбах. Но и Фурье, не бывший ничуть материалистом (какой уже там материализм, если вся система о притяжении страстей построена на кодексе якобы открытом богом) пытался построить свое новое общество, исходя не из выдуманного человека, а из того действительного человека, который живет на земле—с его стремлениями, желаниями, любовью и ненавистью, с его страстями. Несомненно также и то, что и другая идея сближает Фурье с материалистами, это идея взаимоотношений в природе с одной стороны и в природе и человеке с другой. Об этой взаимной связи толкуют и Гольбах и Гельвеций и Робинэ. Но в то время как суть этой связи у материалистов в материи, у Фурье в конце концов выскакивает бог. Тем более чести делает петрашевцам, что наиболее вдумчивые из них сумели отбросить эту слабую сторону фурьеризма и стать на точку зрения Гольбаха, Гельвеция и Фейербаха с их отрицанием бога, дойти, так сказать, до материализма.

Фурье, беспощадно обрушиваясь на современное ему буржуазное общество с его дисгармонией классовой борьбы, не понимал всей прогрессивности этой классовой борьбы и потому звал эти классы к гармонии, к сотрудничеству; он не понимал и той зависимости политических форм общества от его экономики, которую открыл Маркс, поэтому он так легкомысленно обращался за помощью по устройству своих фаланстеров ко всяким монархам вплоть до русского царя.

Тем более чести делает петрашевцам то обстоятельство, что некоторые из них доходили в своих теоретических рассуждениях до выводов, от которых было недалеко уже и до правильных представлений о зависимости, какая существует между политикой и экономикой. Петрашевский, борясь с коммунистическими взглядами, которые проявлялись в некоторых его товарищах, на обеде 7 апреля 1849 г. между прочим сказал: „Ничто не может избегнуть влияния условий времени и местности. Стремясь к осуществлению чего бы то ни было, упустить из виду значение этих двух условий, значит заранее осудить

*) Человек является в мир только со способностью чувствовать, и из этой способности вытекают все свойства называемые интеллектуальными.

себя на неудачу. Этого забывать не следует тем, кого их страстное влечение поставило на поприще общественной деятельности, кто сознал и нашел свое соотношение к механизму общественному не для того, чтобы смиренно, рабски покоряться гнету всех неудобств настоящей организации общественной, но для того, чтобы эти отношения преобразив, дать каждой индивидуальности надлежащую цену и значение и дать ей ту массу благосостояния, которая необходима для полноты его органического развития и счастья".

Нужен был еще целый десяток лет для того, чтобы в руках Чернышевского эта формула: „Ничто не может избегнуть влияния условий времени и местности" превратилась в более точное и полное материалистическим содержанием положение: „Все зависит от времени, места и обстоятельств", но, пользуясь и этой формулой далеко не охватывающей зависимости политических форм от экономической структуры общества, Петрашевский прекрасно понимал, что он и его друзья стоят, как он говорил „на дикой почве нашего отечества", что в общественной жизни этого отечества все „являет следы восточной патриархальности и варварства".

В бумагах Петрашевского имеются конспекты и проекты его речи, которую он должен был произнести на обеде 7 апреля 1849 г. В этих конспектах есть такое место: „Наша mission, как социалистов фурьеристского толка в России, не так легка, как может показаться с первого взгляда. Если мы освобождены судьбою от труда изобретательности, если имеем эту звезду путеводную в учении Фурье, то при самом акте практического применения могут, или, лучше сказать, должны встретиться такие трудности..., местные неудобства, которые никак не могли быть предвидены ни самим нашим учителем, ни его талантливыми истолкователями на Западе. Условия местности никогда не следует упускать из виду. Трудностей много. Пристальный взгляд на действительность нас может ознакомить с ними, открытый враг не опасен, так и трудности, препятствия, доставляемые нам самым бытом общественным, это враги, противодействующие нам, не должны нимало устрашать людей сознательно положивших стремиться к достижению известной цели. Знание трудностей и препятствий, ожидающих какого-либо общественного действователя на пути его к достижению его цели, отнюдь не должно печалить, но скорее должно радовать его: чем полнее будет знание его действительности, тем положительнее может быть его уверенность в успехе, тем вернее будет каждое его действие, тем с наименьшими средствами можно будет произвести наибольшие результаты. Знания, больше знания, и торжество поборников истины и общечеловеческого счастья несомненно..." Вот это знание действительности, этих условий, в которых жила страна, варварство и невежество и убеждало Петрашевского в том, что нужно делать прежде всего, чтобы устроить общество по Фурье т. е. согласно „с потребностями природы человеческой". Первым важнейшим делом в области социально-экономических отношений Петрашевский, как и все его товарищи, считал освобождение крестьян. По проекту Петрашевского освобождение должно произойти самым простым способом т. е. „безусловное освобождение их с тою землею, которая ими была обрабатываема, без всякого вознаграждения за то помещика". Но полагая, что освобождение крестьян должно было совершиться с

землей и без выкупа, Петрашевский понимал, что эта мера не совместима с самодержавием Николая I и потому он полагал, что „перемена правительства *нужна, необходима для нас*“, при чем по его мнению „одно правительство республиканское, представительное, достойно человека“. Здесь примечательны те аргументы, какие по мнению Петрашевского оправдывали необходимость правительства республиканского. Единодержавный монарх не может защищать интересы всех подданных, потому что он защищает „только тех, которые были бы к нему ближе и имели бы на него большое влияние“. Необходимость гласного суда присяжных и реформы законодательства (мера, которую по мнению Петрашевского, быть может, нужно было провести прежде даже освобождения крестьян путем петиций дворянства и среднего сословия к царю) Петрашевский аргументирует тем, что не может человек, принадлежащий к господствуюшему классу писать законы полезные для другого класса, интересами которого он чужд и враждебен.

Как видно из всех бумаг, свидетельств и показаний Петрашевский понимал, что для политического и экономического развития России, а главное, для свержения самодержавия необходимо развитие буржуазных отношений. Поэтому свержение самодержавия посредством восстания возможно не сейчас, а после подготовки именно того среднего класса, который имеет основание быть недовольным самодержавием.

„Действовать нужно на средний класс людей, как на имеющих более средств и более причин быть недовольными. Высший класс... естественно, имеет и больше выгод, и удовлетворенной гордости при правительстве монархическом, потому я и записался членом в мещанское танцевальное общество, чтобы там действовать на ремесленный класс народа и привлекать его на нашу пользу. Уже не говоря о том, что этот класс многочислен сам собою, но в случае нужды каждый из них может быть предводителем от 5 до 150 человек совершенно ему преданных и подвластных“.

Это понятие зависимости политических форм от условий времени и места, как видим, и помогало Петрашевскому понять тот путь развития, какого не могли понять люди следующего поколения, народники 60-х и 70-х годов, необходимость развития буржуазии и класса ремесленного, а стало быть, и рабочего. Петрашевский также понимал, что без восстания народа свергнуть самодержавия нельзя, но только он полагал, что именно вследствие условий времени и места, нужно сначала дать окрепнуть мещанству т. е. буржуазии, организовать тайное общество и, подготовивши этот средний и ремесленный класс, начать восстание. Вот почему он боролся с теми мнениями своих товарищей, которые сводились к немедленному действию.

Например, Головинский предлагал освободить крестьян немедленно посредством восстания их против помещиков.

Вообще Петрашевский занимал среднюю позицию в числе своих друзей и последователей.

К левым петрашевцам принадлежали также люди, как Спешнев и тот кружок лиц, которых Спешнев пытался об'единить. Есть основания утверждать, что Спешнев, Тимковский и еще несколько людей (напр., Головинский) были сторонниками далеко не таких мирных

средств, какие предлагал Петрашевский и в особенности правое крыло петрашевцев, как напр., Достоевский, Плещеев, Майков, Беклемишев, Ахшарумов. Последний причисляет Спешнева прямо к „отчаянным личностям", которые бывали у Петрашевского. Отчаянность эта состояла в том, что Спешнев считал себя коммунистом, проповедывал атеизм отстаивал экспроприацию земли у помещиков, причем стоял за восстание крестьян, признавал террор и, повидимому, пытался организовать тайное общество. По крайней мере у него в бумагах была найдена клятва, которую должен был давать всякий вступающий в какое то тайное общество, при чем в этой клятве интересен пункт, где вступающий в общество клялся в случае нужды принять участие „в драке", т. е., повидимому, в восстании. Что это за общество, в чем заключались коммунистические взгляды Спешнева и Тимковского пока за отсутствием данных трудно сказать, несомненно одно, что Спешнев пытался свои планы как то осуществить, о чем свидетельствуют его разговоры с Черносвитовым, предлагавшим поднять восстание на Урале. В общем можно сказать, что все эти предположения остались только предположениями, как и все попытки других петрашевцев — как самого Петрашевского, вести пропаганду среди народа (буржуазии и ремесленников), так и других, как Григорьева (среди солдат) и Ахшарумова (среди ремесленников, извозчиков) все это не вышло из сферы предположений.

Не только Петрашевский, но и другие участники кружка подходили к более или менее правильному пониманию причин общественного развития, но все они останавливались вслед за своим учителем Фурье на полпути. Ханыков на обеде 7 апреля 1849 г. в честь Фурье в своей речи сказал между прочим следующее: „Один закон, выражающий отрицание (прав человечества) идет чрез всю историю в различных видах: это закон победителей и побежденных, проявлявшийся на востоке борьбою каст, в Греции борьбою демоса с эвпатридами, в Риме—плебеев с патрициями, в средние века—разнообразной борьбой освобожденной личности с авторитетом, борьбою расколов, партий, сословий, новых, образовавшихся в то время, характеристическою, наконец, борьбою крестьян, промышленных коллон с вассалами и в наше время борьбой пролетариев с капиталистами. Вникните в эту борьбу, господа, и вы признаете в ней неудовлетворенность страстей— страстей чувственных в сфере нужд и потребностей матерьяльных"...

А дальше идут рассуждения о том, как примирить борьбу этих страстей, при чем все учения вплоть до коммунизма считаются неудовлетворительными и только фурьеризм с его ассоциациями и гармонизм и признавался действительным средством против зла. Таким образом петрашевцы, подходя иногда близко к правильному пониманию причин исторического процесса, оставались, в конце концов, утопистами далекими от действительности. Впрочем эта действительность в виде, напр., крепостного права давала себя чувствовать в особенности в идеологии правого крыла петрашевцев.

Если взять главнейший вопрос, волновавший петрашевцев, освобождение крестьян, и посмотреть, как разрешали его те из них, кто занимал более умеренную позицию, то мы увидим, что разницы между тем, что предполагали декабристы и наиболее умеренные из петрашевцев нет: Беклемишев предлагал освобождение крестьян за выкуп,

правда, небольшой, но который должен был дать деньги все тому же помещику. Ахшарумов, как это видно из его записок и воспоминаний, стоял и за уничтожение государства и за коренное изменение семьи и частной собственности и за изменение политического строя, но все эти меры должны быть проведены постепенно, без потрясений, без революций, так что, напр., в государстве остается монарх с конституцией. „Надо изменить правление, но осторожно, чтобы не произошел слишком большой беспорядок, который бы вовлек народ опять в старое.

Я думаю, что если народа нельзя вдруг лишить его любимого предмета, которому он вверился и которым дурачен столько веков, то надо оставить монарха для названия, но уже взять его в руки: надо конституцию, которая дала бы свободу книгопечатания, открытое судопроизводство, устроило бы особое министерство для рассмотрения новых проектов об улучшении общественной жизни, и чтоб не было никаких стеснений, никаких вмешательств в дело частных людей, в каком бы числе они не сходились вместе". Словом, нужен буржуазный порядок, конституционная буржуазная монархия так как „стоять непременно и дожидаться упрямо республиканского правления значит терять время, потому что конституционное лучше монархического". Словом добиться конституции, а там монарху можно дать хоть 10 голосов в парламенте, лишь бы власть то была через парламент у народа.

Буржуазный характер взглядов и мировоззрения петрашевцев быть может особенно хорошо виден из той записки, которую сам Петрашевский распространил во время дворянских выборов в 1848 г. (ведь он был землевладелец и избиратель Петербургской губ.). В этой записке Петрашевский полагал, что цена населенных имений ниже их действительной ценности по причине предоставления права владеть населенными имениями только одному классу, помещикам и предлагал для устранения этого 1) предоставить купцам право приобретать населенные земли с тем, чтобы крестьяне этих земель делались обязанными и с тем, чтобы купцы таких имений имели право участвовать в дворянских собраниях с решающим голосом. 2) Дать крестьянам право выкупаться на волю. 3) Ввести „гипотетические книги" (ипотеки). 4) Устранить кредитные земские учреждения. 5) Устроить дворянские банки. 7) Уменьшить в одинаковом размере проценты, как платимые кредитным учреждениям за ссуженные деньги, так и уплачиваемые этими учреждениями за отданные ими на хранение капиталы. 7) Учредить сохранные кассы во всех уездных городах и поручить прием взносов в них всем приходским священникам. 8) Устроить ломбарды с тем, чтобы в залог принимались и продукты земледелия. 9) Улучшить судопроизводство и надзор за администрацией и 10) пополнить библиотеки уездных училищ книгами по сельскому хозяйству и промышленности и предоставить бесплатное пользование этими книгами всем крестьянам и горожанам.

Петрашевский прекрасно понимал всю буржуазность этих мер, так как искренне думал, что эти меры укрепят основы „гражданской свободы". Не даром другой фурьерист Кайданов, когда Петрашевский послал ему свою записку для распространения и среди дворян ярославской губ., ответил ему из Ростова через своего брата отказом,

мотивируя свой отказ тем, что меры предлагаемые Петрашевским клонятся к укреплению и возвеличиванию купцов т. е. „того класса, который я никогда не любил и к которому, прочитав Фурье, чувствую полное отвращение".

По его мнению „уже лучше крестьянам принадлежать государству нежели купцам à ces sangsues politiques, которые сумели к своим деньгам присоединить еще и самые источники богатства, получать полную власть ворочать делами государства, производить искусственные голода и прочие perfictibilités de l'immense commerce au profit des amis de Commerce, как хочет Петрашевский".

Не менее, если не больше Кайданова, знавший учение Фурье Петрашевский разумеется был ближе к действительности, ибо он все же понимал, что, все зависит от времени и места, а время и место, т. е. Николаевская Россия конца сороковых годов уже становилась буржуазной монархией и большинство тех мер, какие предлагал Петрашевский не более как через 10—12 лет стали самой настоящей действительностью.

Это понимание действительности и помогало таким петрашевцам, как Григорьев и Филиппов, да как это мы видели выше и Ахшарумов выйти из узкого круга интеллигенции и пытаться обратиться со своей проповедью к народу.

Ахшарумов видел эту новую аудиторию на базарах, в новой толпе городов—лавочников, извозчиков, ремесленников, прислугу, то чего не видели да и не могли видеть декабристы потому, что во-первых этой толпы не было еще в те времена заметно, а во-вторых, и это самое главное, по своему социальному положению декабристы были неизмеримо дальше от этой толпы солдат и крепостных, к которым неизмеримо ближе был бедняк студент Филиппов или Григорьев.

Первый из них сочинил „Десять заповедей" а второй „Солдатскую беседу" несомненно, с целью пропаганды среди солдат и крестьян. В „Солдатской беседе" солдат-ветеран, проделавший заграничную кампанию 1813 г., рассказывает, как французские крестьяне во время революции расправились со своими помещиками и королем и как после этого „теперь они не хотят царей и управляются, как мы в деревне—миром сообща и выборным".

Описавши все прелести жизни в свободной Франции, солдат рассказывает, как плохо живется русскому крестьянину и солдату, особенно потому, что и начальники над ними не русские, а немцы, да и царь их руку держит. Поэтому единственный выход задать „нашим немцам кузькину мать! проплясали бы они у нас трепака под российскую балалаечку. Нас больше; чего бояться чудо-богатырям, залихватским разудалым добрым молодцам, удалым братцам солдатикам? Умереть, так умереть, лишь не дать в обиду богачам да нехристям своих кровных и свою волюшку".

Так обращаться и к такой аудитории (солдаты то ведь при декабристах, как и при петрашевцах были крепостные крестьяне), конечно, не могли декабристы-помещики, которые как никак а в общем и целом сочиняли проекты ни больше ни меньше как буржуазно-помещичьей конституции и в крестьянском вопросе в большинстве случаев дальше освобождения с выкупом не шли (за исключением Пестеля).

В конце сороковых годов дело превращения России в буржуазную монархию шло гигантскими шагами и все классы свойственные такому строю были налицо: была не только аудитория (крепостные и ремесленники и мещанство—буржуазия), но и люди, которые понимали, что без этой аудитории революции не сделаешь, а главное, люди, которые этой аудитории не боялись.

Так изменившееся экономическое основание изменяло и верхушку, идеологическую надстройку, говорившую другим языком, чем декабристы, и пытавшуюся говорить с народом, о чем и не мечтали декабристы, если не считать неудачных разговоров Якушкина со своими крестьянами.

Однако, как не далеко ушли петрашевцы в этом отношении от декабристов, они все же оставались социалистами-утопистами. Их идеалом был тот союз свободных общин (фаланстеров), который проповедывал Фурье. Петрашевский, как истинный фурьерист, попытался даже осуществить на деле идею Фурье и устроить фаланстер в своей деревне со своими крестьянами. Товарищ Петрашевского по лицею Зотов рассказывает, что Петрашевский построил новую просторную избу. Предполагалось, как и следовало по рецепту Фурье, что в этой избе должны были поместиться все семь семей крестьян Петрашевского, каждая в отдельной комнате, но с одной общей кухней и залой для посиделок. Хозяйство—земля, скот и инвентарь—должны были быть общими. Петрашевский потратил на все это много денег и слов. На слова крестьяне отвечали: „Воля ваша; вам лучше знать, мы люди темные, как прикажете, так и сделаем“, а на приказание переселиться ответили действием, лучше всего доказавшим, что, предпринимая свой опыт барин забыл свое же мудрое изречение, что нужно принимать во внимание время и место: крестьяне просто сожгли накануне переселения в земной рай весь „фаланстер“ со всем купленным для него добром. Эта неудача, причинившая большое горе Петрашевскому, однако не разочаровала его и он был глубоко убежден, что довольно мили земли, двух тысяч человек и капиталов „для первоначального осуществления, чтобы самую вычурную мечту о райском блаженстве сделать действительностью“. Без сомнения среди петрашевцев встречались люди самых разнообразных оттенков, начиная от таких, как Спешнев, признававших коммунизм и думавших о создании тайного общества и восстании и кончая довольно умеренными людьми в роде Ф. М. Достоевского, некоторые из них не выработали даже определенного политического мировоззрения, они не создали никакой прочной организации (хотя и было несколько кружков Петрашевского, Кашкина и сторонники учения Фурье находились не только в Петербурге, но и в других городах России), они только еще мечтали о создании такой организации; конечно, они сплошь и рядом сами не ясно представляли себе, что же нужно делать для осуществления идей своего учителя Фурье, но все же по сравнению с декабристами они сделали большой шаг вперед и в основном руководящем своем ядре они были социалистами-утопистами и по составу своему и по своим убеждениям они отражали те новые экономические изменения, какие переживала страна, выражали те интересы и те требования, осуществление которых как раз было так необходимо тому самому буржуазному укладу, что сформировался и укреплялся в Николаевской России. Петрашевцы

только бессознательно отражали потребности этого уклада, но не понимали как следует всей сущности и механизма этого уклада, и потому в их миросозерцании не было исчерпывающей стройности и в их взглядах наряду с элементами несомненного материализма встречается самый несомненный идеализм, и рядом с самыми здоровыми и верными взглядами, напр., по вопросу крестьянскому встречаются самые отсталые и несоответствующие действительности. Так они думали, что освобожденные от крепостной зависимости крестьяне должны жить общиной, так как эта община есть уже готовый зачаток той ассоциации, от которой легко перейти и к фаланстеру Фурье. Все это понятно, если вспомнить, что петрашевцы были прежде всего хотя и социалисты, но социалисты-утописты, полагавшие, как и Фурье, что мнение правит миром и что достаточно одного убеждения чтобы добиться улучшения в обществе. Точно также не менее характерно для некоторых из петрашевцев как последователей Фурье, что не нужно давать права купцам покупать земли с крестьянами, потому что купцы самый вредный слой общества и что самое ужасное, слой на Западе даже управляющий государством. Что не нужно было помогать купцам покупать земли с крестьянами (в этом заключалась ошибка Петрашевского) это, конечно, верно, но уже совсем неверно, что для России было бы плохо, если бы вместо дворян в конце сороковых годов государством стали управлять купцы, т. е. буржуазия. Россия становилась страной буржуазной и дело шло к тому, что дворяне должны были поступиться хотя бы частью своей власти в пользу буржуазии и это было об‘ективно прогрессом, движением вперед, а не назад и то, что это смутно хотя бы понимали некоторые русские фурьеристы делало их идеи жизненными и сильными, и наоборот безнадежным непониманием русской действительности веет от возражений Кайданова на предложения, которые делал Петрашевский петербургским дворянам. Правда, даже Петрашевский, самый сильный из русских фурьеристов предлагал свои мероприятия чисто буржуазного характера провести *дворянам* т. е. классу, который *суб‘ективно* не мог пойти на это, но ведь не даром же и Петрашевский и Кайданов оба были фурьеристами т. е. утопистами чистейшей воды т. е. между прочим и эклектиками, в головах которых уживались идеи Фейербаха и Гольбаха наряду с такими мыслями, что и при буржуазной монархии можно мирным путем перейти к социализму, как наивно думал Ахшарумов. Все это однако, становится понятным, если принять во внимание, что первые русские фурьеристы были социалистами-утопистами и что, додумавшись до некоторой связи, существующей между политическими установлениями страны и ее условиями, из которых вырастают эти установления, они не могли повести анализа дальше и глубже и додуматься до мысли, что политика диктуется экономикой.

Освобождение крестьян.

А между тем как раз именно в эпоху петрашевцев т. е. в конце сороковых и начале 50-х годов эта экономика очень сильно давила на политику. Потребности развивающегося буржуазного общества вынуждали русское дворянство идти на освобождение крестьян. К концу пятидесятых годов стало очевидным даже самым черным реакционе-

рам, что рабский, подневольный труд крепостного невыгоден и что так или иначе какие-то уступки новым буржуазным отношениям сделать нужно. Но было бы, конечно, совершенно неправильно представлять себе дело так, что все дворянство, как класс, было заинтересовано в перекрепощении крестьян по одному рецепту и образцу. Нельзя забывать того факта, что само дворянство экономически было неоднородно: не говоря уже о более детальном делении, две главные классовые группы дворянства имели решающее значение на исход реформы,—меньшинство, не более 10%—крупнейшие собственники, владевшие каждый более чем 1000 дес., имело три четверти всей земли и большинство, средние и мелкопоместные дворяне, владевшие от 100 до 500 дес. каждый, имело значительно менее, чем четверть всей помещичьей земли. Да и этим делением дело не ограничивалось, 10% крупных собственников делились так, что три пятых из всей земли, принадлежавшей им, принадлежало крупнейшим из собственников (32 мил. дес. и 35 мил.) обладавших каждый не менее, чем 5 тыс. десятин. Отсюда, из этих простых цифр становится понятным, как характер того освобождения, какого добились помещики, так и борьба, какую вели отдельные классовые группы дворян. *)

Крупное феодальное землевладение выдвинуло программу безземельного освобождения крестьян. Крупные землевладельцы, уже давно поняли (а отчасти и на практике перешли к буржуазным формам хозяйства), что экономически выгодно было освободить крестьян без земли, чтобы иметь дешевую почти даровую рабочую силу. Но такой способ освобождения для помещиков нечерноземной полосы (север и промышленный район) означал прямое разорение, ибо крестьянин лишенный земли не привязанный ничем к деревне ушел бы на фабрику, на завод, в город на заработки; для среднего землевладения это был бы зарез, ибо даже в случае предложения крестьянином своих услуг в качестве работника, денег для его найма у помещика не было, отсутствием капитала средний помещик страдал всегда. С другой стороны отдать крестьянину ту землю, которая по сути дела принадлежала ему, тоже было нельзя, земля в особенности в черноземных губерниях представляла огромную ценность. Поэтому та борьба, которая началась вокруг вопроса освобождения, сводилась по просту к тому, как выгоднее для помещика перейти к новым условиям буржуазного существования. Небольшая кучка крупнейших феодалов не прочь была укрепить свою власть, освободивши крестьян без земли, и, таким образом, зажавши их в тиски невыносимо тяжелой аренды, иметь вместе с тем дешевую рабочую силу; среднее дворянство нечерноземных губерний готово было отдать крестьянам часть земли (самой плохой, неудобной) в таком размере, что крестьянин все равно вынужден был брать землю в аренду у помещика и наниматься к

*) Нельзя, конечно, забывать и еще один фактор заставивший правительство ускорить освобождение крестьян,—крестьянские бунты. Вот их число по годам:

1828—17	1834—20	1843—19	1849—25
1829—13	1838—15	1844—34	1850—21
1830—13	1839—14	1845—31	1851—28
1831— 9	1840—15	1846—16	1852—44
1832—10	1841—17	1847—31	1853—33
1833—11	1842—24	1848—54	1854—23

нему в батраки или отрабатывать свою аренду; при этом крестьянин в черноземной губернии получал значительно меньше, чем его собрат в нечерноземной полосе, мало того, даже получая ту землю, какую соблаговолил отвести ему помещик, крестьянин должен был заплатить дворянам огромные суммы денег, так что либеральный помещик, освобождая крестьян с землей, — получал как раз тот капитал, какого у него не было. Таким образом это экономическое, классовое деление дворянства, потребности помещичьего хозяйства и сказалось на том делении, какое на поверхности общественной жизни выразилось как деление на две группы — сторонников реакционных проектов освобождения и сторонников либеральной реформы—комитетов, где заседали крупные зубры и редакционных комиссий, где заседали либералы-дворяне.

Началась борьба, в которой приняли большее или меньшее участие все слои русского общества, но исход этой борьбы в конце концов был решен крупной феодальной собственностью,—сделавши кое какие уступки среднему дворянству, феодалы добились того, что помещики решали в каждом данном случае „освобождать" крестьян, сейчас же пуская землю на выкуп или нет.

Таким образом, когда закон об освобождении был введен в действие (к 1 мая 1864 г.) во всей Европейской России, то оказалось, что на выкуп перешло 34.301 имение с 4.465.739 крестьянами (в это число входят и крестьяне получившие четвертной дарственный надел), а 5.300.000 крестьянских душ оставались еще оброчными, временно-обязанными крестьянами.

Все освобождение обставлено было так, что от него выигрывал только помещик. Помещики выделили крестьянам землю самого худшего качества, выделили ее при этом так, что у крестьян были отрезаны те части земель, которыми они пользовались и без которых хозяйства вести было нельзя—крестьянская земля находилась в разных местах, ее окружали помещичьи угодья и т. д. и т. п., так что крестьянин поневоле должен был обращаться к помещику за арендой необходимой для ведения хозяйства земли.

Далее помещики получили за крестьянскую землю огромный выкуп. Мало того этот выкуп был выше чем сама стоимость „освобожденной" земли: в нечерноземной полосе за 12.286 тысяч десятин надела крестьяне заплатили господам 342 милл. рублей, а стоимость этой земли была всего 180 милл. руб., в черноземной за 9.841 тыс. дес., которые стоили 284 милл. руб., крестьяне выплатили 342 милл. руб., и только в западных губ. (в Польше), где польские помещики бунтовали против царя, они не получили лишку: за 10.141 милл. дес. они получили 183 милл. руб., т. е. почти столько же, сколько стоила земля (184 милл.). Как видно из этих цифр помещик нечерноземной полосы получал огромный капитал, далеко превышавший стоимость самого надела. Крестьянин чем дальше на север, где земля была хуже и дешевле, платил помещику все дороже и дороже: в Тульской губ., где десятина стоила 32 р., крестьянин платил по выкупу 50 р., в Московской, где при покупке десятина стоила 26 р., по выкупу она обходилась крестьянину в 51 р. 33 коп., а в Петербургской при цене дес. в 24 р., по выкупу она стоила 61 р. 50 коп.

Это были большие барыши для помещика, который говорил либеральные фразы о свободе труда. Эта свобода труда, однако, была

на деле опять же простым закрепощением крестьянина, но только в другой форме: помещики прекрасно понимали, что крестьянин, получивший недостаточное количество земли и при том далеко не лучшего качества, обязанный кроме того за эту землю платить выкупные суммы, вынужденный снимать у помещика землю в аренду или за отработку т. е. зажатый в тиски сбежит при первом удобном случае либо в город на фабрику либо на заработки на юг, где крупное помещичье хозяйство уже носило чисто капиталистический характер и где всегда требовались рабочие руки. Поэтому крестьянину были дарованы новые „свободные“ формы жизни—самоуправление миром.

Крестьяне управлялись миром, во главе которого стоял выборный староста, целиком зависевший сначала от мирового посредника, а затем от земского начальника т. е. от того же дворянина.

Мирское самоуправление покоилось на общинном владении землей, которое было связано со многими отрицательными чисто экономическими сторонами и кроме того, с так называемой, круговой порукой: мир, а не отдельный крестьянин отвечал, как за исправные взносы выкупных платежей, так и за выплату царских податей, а для того, чтобы никакая отдельная „освобожденная“ душа не могла уклониться от несения повинностей этот мир в лице старосты, а значит в конечном счете помещика, которому староста был подчинен, мог пустить или не пустить крестьянина, желающего уйти от помещичьей кабалы.

Так освобождение крестьян давало помещику капитал, дешевых рабочих, ставило этих рабочих в зависимость от помещика и, таким образом, с одной стороны создавало условия для развития крупно-капиталистического помещечьего хозяйства (особенно на юге) и с другой выбрасывало всегда излишек крестьянских рабочих рук на рынок, откуда и черпал дешевую, забитую и покорную рабочую силу русский капиталист, фабрикант и заводчик.

Ясно, что такая реформа рано или поздно должна была разорить крестьянство (она к этому и привела), ясно также, что радикальные круги русского общества видели это прекрасно. Величайший из русских социалистов-утопистов Чернышевский сознавал все это очень хорошо и предсказывал все ужасные последствия того освобождения, какое предполагали помещики.

Герцен, Чернышевский и освобождение крестьян.

Вокруг этого вопроса об освобождении крестьян и развернулась идейная борьба различных партий и направлений русского общества. Герцен, как и Чернышевский и как раньше его петрашевцы, сосредоточили свое внимание на освобождении крестьян, ибо они понимали, что вопрос освобождения это основной вопрос их времени, вопрос о движении России вперед, вопрос о ее развитии. Как петрашевцы, Герцен прошел длительную теоретическую подготовку, причем особенно большое влияние на него имели сочинения Сен-Симона. Поэтому, затем во всей последующей деятельности Герцена чувствовались очень сильно, как положительные, так и отрицательные стороны учения великого утописта. Герцен усвоил в высшей степени плодотворную мысль Сен-Симона о том, что в каждой стране основным законом является тот, который устанавливает собственность и охраняет ее т. е.

иными словами в любой стране все формы ее общественно-политического бытия суть результат чисто хозяйственных отношений. Усвоивши эту мысль Герцен вместе с тем не пошел в своих выводах дальше, так же, как его учитель Сен-Симон, не сумевший сделать тех выводов, какие сделали и Маркс и Энгельс, развивая далее совершенно правильную и плодотворную мысль Сен-Симона. Как и Сен-Симон, применяя эту мысль к прошлому человечества, Герцен не сумел применять ее к настоящему и будущему. Только что указанная черта мировоззрения Герцена и давала в его руки сильное оружие при рассмотрении вопроса освобождения крестьян: Герцен рассматривая этот вопрос принимал во внимание прежде всего отношения собственности в России и интересы разных классов, вытекавшие из этих отношений. Но принимая это во внимание и не будучи однако в состоянии пойти дальше выводов своего учителя, Герцен не мог отрешиться и от интересов того класса, вернее определенного слоя того класса, членом которого он был т. е. среднего либерального дворянства.

Полагая вместе с Сен-Симоном и его учениками, что западноевропейское общество было создано борьбою классов, Герцен однако думал, что к России этот закон не относится и что история России идет совершенно особым своеобразным путем. Герцен полагал, что развитие буржуазии на Западе вполне понятно и естественно и что дело обновления Западной Европы это дело победы рабочих в той борьбе, которую вел в его время пролетариат на Западе. Революция 1848 г., когда поднявшийся пролетариат был побежден, разочаровала его, он перестал верить в обновление Запада, ему казалось, что Запад начал гнить, но думая так, он все же не оставлял своего взгляда, что развитие Запада зависит от борьбы классов и, проклиная буржуазию, склонен был, однако, думать, что, пожалуй, и вообще без развития буржуазии дело обновления выиграть не может, так как и в победу пролетариата он верил только при том условии, если на помощь пролетариату в его борьбе придут образованные и просвещенные классы.

Поэтому, рассуждая о России, Герцен видел два здоровых элемента будущего развития своего отечества: молодое дворянство и сельскую общину. „Я говорю о молодом дворянстве и о сельской общине, которая представляет основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало славянского государства“. Что же это за дворянство, на которое надеялся Герцен и на которое даже советовал русскому правительству опереться, как на силу, которая способна его поддержать в его реформаторских начинаниях? Это „отдел дворянства средней руки, который, с одной стороны, образовался в высших учебных заведениях и привык мыслить, а с другой стороны жил в деревнях и знает народ и его потребности и, между тем, не продавал своей совести за места на службе“. Эти слова принадлежат Огареву, другу Герцена, но в данном вопросе и Герцен и Огарев были вполне согласны. По их мнению сам народ не может отстоять своих интересов, но ни „баре“ т. е. крупное, феодальное дворянство, ни мелкопоместные дворяне, ни тем более чиновники - бюрократы, ни купечество т. е. буржуазия, „мещанство“, как любил выражаться Герцен, тоже не будут отстаивать интересов народа т. е. крестьянства. Остается только тот „отдел дворянства“, образованная дворянская интеллигенция, к

которой принадлежал и сам Герцен. Это говорилось в 1856 году, а несколько позднее, совершенно разочаровавшись в правительстве Александра II, к которому Герцен даже специально обращался со своим знаменитым письмом „Ты победил Галилеянин!", Герцен уже расширял рамки своего „отдела дворянства" присоединяя к нему и образованных разночинцев т. е. выходцев из той самой буржуазии, из того самого „мещанства", которое он так ненавидел. В 1864 году Огарев уже определенно писал, что спасение России в трех слоях русского общества,—в народе т. е. в крестьянстве, в среднем образованном дворянстве и в разночинстве. Эти два последние слоя и должны соединиться с народом т. е. с крестьянством. „В народ! в народ!" писал Герцен по поводу исключения студентов из высших учебных заведений, „вот ваше место, изгнанники науки"... Итак соединиться с народом, идти в народ, вот лозунг, который выдвинул Герцен еще задолго до основания общества „Земля и Воля", лозунг, который в 60-х годах был подхвачен и развит народничеством. Выдвигая этот лозунг, Герцен полагал, что „нашу особенность, самобытность составляет деревня с своей общинной самозаконностью, с мирской сходкой, с выборными, с отсутствием личной поземельной собственности, с разделом полей по числу тягол". Таким образом Герцен должен по праву считаться родоначальником той волны, которая известна у нас под именем народничества и которая окрасила в такой своеобразный оттенок все общественное движение 70-х годов прошлого века.

Бакунин и его взгляды на русскую общину.

Молодое поколение 60-х годов.

Но сам будучи представителем того слоя среднего образованного дворянства, которое он призывал идти в народ, Герцен в полной мере отражал интересы этого слоя, когда выдвигал свои проекты освобождения крестьян, которые по сути дела сводились к тому, чтобы „строго сохранить при освобождении интересы помещиков и крестьян" и чтобы освобождение было „произведено только выкупом" и при том так, что „должны быть выкуплены как земля, так и крепостное право". Представитель более левого крыла русского образованного общества, на которое так надеялся Герцен, именно Чернышевский, тоже веривший, что русская община при известных условиях может помочь русскому народу миновать стадию буржуазного развития, как известно, в вопросе об освобождении крестьян держался более радикального мнения и, как и следовало разночинцу, вышедшему не из среды дворянства, отстаивал освобождение без выкупа и насколько хватало сил и возможности боролся со своими противниками и сторонниками нового закабаления крестьян при помощи выкупа и отрезков. И не только Герцен и Чернышевский, но и третий великий русский деятель, представитель все того же образованного дворянства, М. Бакунин так же верил в самобытную, особенную миссию русской общины. Полагая, что цель всенародного восстания, которое близится во всем мире, есть социальная революция, он далее рассуждал так: „Это в настоящее время всеобщий идеал, ныне во всех народах живущий и действующий. Существует ли такой идеал в представлении народа русского?

Нет сомнения, что существует, и даже нет необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить главные его черты. Первая и главная его черта, это всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом. Вторая столь же крупная, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности с предыдущими, это квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление, и, вследствие того, решительно враждебное отношение общины к государству". И Бакунин, как Герцен и Огарев, звал молодежь, русскую образованную молодежь в народ, но в его зове, но в целях, для каких звал Бакунин молодежь и в тех целях, для каких звали эту молодежь Герцен, а затем впоследствии и Лавров, была огромная разница. Герцен, как и Огарев, чувствовал „отвращение от кровавых переворотов", не хотели „беспорядочного взрыва" и, выдвигая чуть ли не идею черного передела, вместе с тем в политических своих стремлениях они не шли дальше бессословного земского собора, который должен быть чем то в роде учредительного собрания, а Бакунин звал молодежь прямо к бунту. „Скажем только одно: русский народ только тогда признает нашу образованную молодежь своей молодежью, когда он встретится с нею в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте. Надо, чтобы она присутствовала отныне не как свидетельница, но как деятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всех народных волнениях, как крупных, так и самых мелких.

Надо, чтобы действуя сама по строго обдуманному и положенному плану, и подвергая в этом отношении все свои действия самой строгой дисциплине для того, чтобы сохранить то единодушие, без которого не может быть победы, она сама воспиталась и воспитала народ не только к отчаянному сопротивлению, но так же и к смелому нападению".

Как видно из сопоставления этих взглядов Бакунина и Герцена, можно определить эти два направления русской общественной мысли 60-х и 70-х годов как направление либерально-монархическое, в центре которого стоял Герцен и его единомышленники, придававшие Герценовскому мировоззрению монархический оттенок и как социалистическое, в центре которого стоял Бакунин заграницей и его молодые последователи в России. Между ними возвышался „Современник", руководителем которого был Чернышевский и откуда вышел „Великорусс", как представители направления либерально-демократического.

Что же, однако, представляла из себя та молодежь 60-х и 70-х годов, то разночинство, к которому взывал Герцен, Бакунин, а затем и Лавров да и вообще все более или менее выдающиеся передовые русские деятели той эпохи и не только революционеры, как например, Ткачев или Нечаев, а и все те, кто не стоял в лагере феодалов и реакционеров?

Развивающиеся буржуазные отношения—промышленность, торговля, пути сооообщения, кредит—требовали и новых людей, нового образованного молодого поколения,—техников, агрономов, юристов, статистиков, словом представителей той мелкой и средней буржуазии, тех

людей свободных и либеральных профессий, без которых не может развиваться ни одно буржуазное общество; они, эти новые люди, почти незаметные в эпоху Петрашевского, в эпоху 60-х и особенно 70-х годов становятся не только заметными, но приобретают определенное значение и вес, игнорировать которых не решается уже ни одна политическая группировка, больше того они эти новые люди пытаются сами сформироваться и скоро сформируются в партию, драматическая история которой наполнит шумом и блеском всю историю русского молодого поколении 70-х и 80-х годов.

Самую живую сознательную и восприимчивую часть этого молодого поколения в 60-ые и 70-ые годы да еще долго спустя, вплоть до 900-ых годов 20 века, составляла учащаяся молодежь, русское студенчество. Но что представляло из себя это студенчество экономически? из каких слоев набиралось оно? Это были дети мелкопоместных дворян, чиновников, купцов, городской интеллигенции, и начиная с 60-х годов, дети русского духовенства, семинаристы, дети мещан, словом совершено новый невиданный раньше слой русского общества. Как свидетельствуют многие современники, близкие к жизни высшей школы, русское студенчество 60 и 70-х годов представляло из себя страшную бедноту, терпевшую голод, холод и всяческие лишения. Часто, приходя пешком в столицу из городов, отстоящих за сотни верст от Петербурга или Москвы, они и здесь терпели страшную нужду, находя с величайшим трудом заработок либо в виде уроков, либо на службе во всякого рода конторах, учреждениях или часто даже на черной тяжелой работе.

О том, что это была за молодежь и как она жила и училась, можно найти самые яркие доказательства и примеры в современной русской литературе. Чернышевский в своем знаменитом романе так, например, описывает своего героя Лопухова: „Отец его, рязанский мещанин, жил по мещанскому званию, достаточно, то есть его семейство имело щи с мясом не по одним воскресеньям, и даже пило чай каждый день. Содержать сына в гимназии он кое-как мог; впрочем с 15 лет, сын сам облегчал это кое-какими уроками. Для содержания сына в Петербурге, рессурсы отца были неудовлетворительны; впрочем в первые два года, Лопухов получал из дому рублей 35 в год, да еще почти столько же доставал перепискою бумаг по вольному найму в одном из кварталов выборгской части,—только вот в это время он и нуждался. Да и то был сам виноват: его было приняли на казенное содержание, но он завел какую-то ссору, и должен был удалиться на подножный корм. Когда он был в третьем курсе, дела его стали поправляться: помощник квартального надзирателя предложил ему уроки, потом стали находиться другие уроки“...

Другой герой шестидесятых годов Базаров был, как известно, сыном уездного лекаря. Писарев так говорит о студенческой жизни Базарова: „...значит Евгений Васильевич содержал себя в университете собственными трудами, перебивался копеечными уроками и в то же время находил возможность дельно готовить себя к будущей деятельности“.

Третий герой шестидесятых годов, или если и не герой, то во всяком случае человек новой породы, Молотов, был совсем „подлого“ происхождения, он был сыном слесаря.

Сын лекаря, сын мещанина или даже мастерового вот, если исключить последнюю категорию, бывшую не правилом, те новые слои, дети которых теперь стали проникать в высшую школу и присоединяться, как выражался Писарев „к той небольшой горсти мыслящих пролетариев, которые ничем не связаны с почвой и которые по своему положению и образованию могут относиться совершенно беспристрастно ко всему в нашей жизни".

Итак, по Писареву эти новые люди были мыслящими пролетариями и их была горсть. Что это были часто круглые бедняки, это несомненно верно (ведь Базаров и Лопухов—это типы), но что их была горсть, это было верно только с оговорками: по сравнению со всем количеством народа они составляли горсть, но по сравнению хотя бы со временем Петрашевского они являлись довольно большим слоем и притом приобретавшим с каждым днем все большее значение.

Понятно, что среди такой молодежи имелось огромное тяготение ко всяким организациям, задавшимся целью взаимопомощи и содействия,—землячествам, артелям, кассам, кооперативам, организациям, без которых и на самом деле сплошь и рядом очень многие молодые люди не могли совершенно получить образования, к чему их толкала та же экономическая необходимость. Понятно также, как встречала такая молодежь всяческие попытки правительства и реакции стеснить жизнь учащейся молодежи решительно во всем и между прочим в самой важной области—в экономической.

Поэтому, когда в 1861 году правительство попыталось ввести в университетах строгую дисциплину и ограничить туда доступ этим новым молодым людям новой разночинной России, вспыхнули крупные беспорядки. Без всякого предупреждения была повышена плата и вместо нескольких сотен студентов, которые раньше в каждом университете освобождались от платы, таких счастливцев теперь оказались только десятки. При самом поступлении в университет требовалось и внесение платы, так что многие студенты („рязанские семинаристы, пришедшие пешком в Москву на экзамен" говорит проф. Ешевский) вынуждены были возвратиться домой ни с чем, а многие, не имея денег на дорогу, терпели нужду и чуть ли не побирались с рукой. Кроме того полицейский режим в университете — всяческие стеснительные правила и требования, запрещения и придирки — все это действовало как искра, зажигающая порох. Вот почему в ответ на новые правила, введенные в 1861 году студенты ответили беспорядками, кончившимися столкновением с полицией и Петропавловкой для молодого поколения.

К этому молодому поколению и обращались, как Герцен и его сторонники, так и лучшие, наиболее смелые и решительные из самого молодого поколения.

М. Б. Михайлов и „Молодая Россия".

Шестидесятые годы ознаменовались двумя в высшей степени интересными попытками такого обращения к молодому поколению—это прокламация 1861 г. М. Л. Михайлова „К молодому поколению" и вторая прокламация 1862 года под названием „Молодая Россия". Здесь интересно подчеркнуть ту эволюцию социально-политических взглядов,

которые отражаются в этих произведениях. В прокламации „К молодому поколению“ наряду с требованиями равноправия всех пред законом, открытого и словесного суда, выборности всех общественных должностей, отчетности правительства пред народом, выдвигалось и коренное требование в земельном вопросе. „Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель и капусту; чтобы каждый гражданин мог сделаться членом земледельческой общины, т. е. или приписаться к общине существующей, или несколько граждан могли бы составить новую общину. Мы хотим сохранения общинного владения землею, с переделами через большие сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса“.

Выдвигая это требование, покоющееся на герценовской вере в русскую общину, прокламация вместе с тем требует „изменения основных законов и очистки всех остальных“ и задается вопросом, кто же, какой слой может добиться этих требований. Дворянство, спрашивает автор листка и отвечает: нет, ибо дворянство дискредитировало себя всем своим поведением.

„Надежду России составляет народная партия из молодого поколения всех сословий; затем все угнетенные, все, кому тяжело нести крестную ношу русского произвола“. Эти угнетенные, это чиновники, войско и 23 миллиона крестьян. Прокламация кончается призывом вербовать себе сторонников и вожаков.

Итак, земельная община русской деревни, герценовский идеал и здесь кладется во главу угла, а мирное привлечение сторонников и искание вожаков не далеко ушло от мирных желаний либерально-монархического идеала герценовского же кружка. Далеко не такие мирные средства предлагает другая прокламация „Молодая Россия“. Автором этой прокламации был студент П. Г. Зайчневский, сын генерала, сосланный на поселение в Сибирь.

Здесь точно также господствует вера все в ту же русскую общину: „Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которой пользуются одинаковыми правами. Всякий человек должен непременно приписаться к той или другой из общин...“; „...земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не в пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земель...“; здесь также требуется равноправие всех пред законом, независимый суд, выборность должностей и т. д., но здесь же требуется и общественное воспитание детей, и полное освобождение женщины, и заведение общественных фабрик и общественных лавок и полная независимость Польши и Литвы и, наконец, созыв Национального Собрания для установления социальной и демократической республики, главное же здесь рекомендуется как раз тот способ добиться всего этого, которого так боялись и Герцен, и Огарев, и Лавров и даже Чернышевский—кровавая революция.

„Выход один...“—„...революция, революция кровавая и неумолимая,—революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка“.

„Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это, и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная“!

И авторы „Молодой России“ надеются на народ, на офицеров и солдат, но „наша главная надежда на молодежь“, так заканчивают они и с лозунгом восстания против самодержавия и с криком „в топоры!“ провозглашают: „да здравствует социальная и демократическая республика русская“!

Известно как испугалось этой прокламации русское образованное общество и между прочим то самое дворянство, которое Герцен приглашал идти в народ (даже Бакунин, игравший такую большую роль вскоре со своей идеей крестьянского бунта отнесся отрицательно к „Молодой России“), но факт остается фактом: новое молодое поколение, новые люди, разночинство, мелко - средне - буржуазные слои, молодежь, выходящая из этих слоев начиная с 60-х годов подхватывает социалистические лозунги Герцена Бакунина и Лаврова, по своему усваивает их и образует ту партию, которая в 70-х годах действует, как народническая партия „Земля и Воля“ и 80-х годах, как партия „Народной Воли“. Если не считать Чернышевского, идеи которого имели такое огромное значение на формирование социалистического мировоззрения молодежи 60-годов, то революционная идеология и практика 70-х годов находилась всецело под влиянием двух выдающихся деятелей той эпохи Бакунина и Лаврова.

Мы уже видели, как в основе Бакунинского мировоззрения лежала как и у Герцена, вера в русскую общину, но эта же вера была основным камнем в фундаменте той программы, которую выдвинул Лавров в первом номере журнала „Вперед“ в 1873 году, редактором котором он и был.

Развитие взгляда об особых путях развития России.

Вера в особые пути, по которым будто бы должно пойти развитие России имеет очень длинную историю и опять-таки об'ясняется далеко не идеальными причинами не действиями того духа, что по мнению идеалистов правит миром, а опять все теми же экономическими отношениями, какие господствовали в России еще в первой четверти прошлого столетия.

Развитие промышленности, начиная с Петра, приняло в царствование Екатерины, Александра I и особенно Николая I весьма быстрый темп. Но принося выгоду высшим классам общества европеизация России очень дорого обходилась народу, она буквально на костях народных, как при постройке Петербурга, создавала новое государство. Против увеличения податей, налогов, тяжестей крепостного права и кабалы поссесионных заводов и фабрик народ, как мы видели протестовал бунтами и восстаниями, а во времена „добродетельной матери“ даже чуть ли не всенародным крестьянским восстанием. Но все эти попытки народа освободиться от кабалы господствующими классами подавлялись свирепо и беспощадно. В начале царствования Николая I особенно после неудачной попытки декабристов правительство с его государственностью настолько основательно расправилось

со всякими попытками изменить это течение государственности, что многим образованным людям казалось даже, будто русский народ вообще не может сравниваться с народами Западной Европы и что он осужден на вечное рабство.

Этим об'ясняется безнадежная философия Чаадаева, высказанная им в знаменитых „философических письмах". На Западе было, рассуждал этот русский барин, одно зиждительное начало, движущее историей— это католицизм, а в России и этого нет: ведь не в мракобесии же православия искать творческих начал? Известно, что мрачная реакция сороковых годов даже такого гиганта мысли, как Белинский, одно время как и всех почти западников, довела до той нелепой мысли, что в России возможен прогресс только сверху и что на народ наш надеяться в этом отношении нельзя. Но жить с. такой безнадежной философией невозможно и, как мы знаем, люди сороковых годов очень скоро после мучительных сомнений и исканий нашли выход. Правда, разные люди нашли этот выход по разному. Так как государственность т. е. реформа Петра, пыталась своротить русскую жизнь на Западный лад, так как она принесла все зло Запада, не дав ничего *положительного*, то отсюда напрашивался протест против этого Запада и искание у себя дома каких-то своих родных, исконных русских начал.

Отсюда и становится понятным тот протест, который мы находим против государства не только у Бакунина, но даже у славянофилов. Костантин Аксаков, напр., по этому поводу писал так: „Передовые умы Запада начинают сознавать, что *ложь лежит не в той или иной форме государства, а в самом государстве,—как в идее, как в принципе*; что надобно говорить не о том, какая форма хуже и какая лучше, какая форма истинна, какая ложна, а о том, *что государство, как государство есть ложь*". Но где же выход из этой государственности? На Западе в борьбе классов, в „мещанстве", буржуазии, а в России ведь нет ни „мещанства" ни „пролетариатства". Да и спасение ли в этом, когда все это развитие приводит к „язве пролетариатства", как выражались люди 60-х годов? Славянофилы, как люди вышедшие из помещичьей среды, сами помещики, сами владельцы крепостных душ, без которых они *как класс* жить не могли, сознавая вместе с тем, что крепостные души может быть бессознательно и путем бунтов ищут выхода из лжи николаевской государственности, стали искать этого выхода, этих светлых точек и основ в том самом крепостном укладе, какой они проклинали и нашли его в *общине*. „Славянские народы представляют нам *иное начало, начало общины*". Это писал К. Аксаков, а еще раньше его Ю. Самарин (в сороковых годах прошлого века) утверждал, что западно-европейский социализм „совпадает с нашей субстанцией", а эта наша субстанция и есть не что иное, как наш быт, в основе которого лежит русская крестьянская община. А. С. Хомяков так же утверждал еще в конце сороковых годов, что „община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории". Славянофилы уже тогда в сороковые годы делали и не только эти выводы из своих рассуждений, а приходили к тому заключению, что русская жизнь или вернее русская цивилизация вообще лучше западной. Так один из выдающихся славянофилов (так же помещик, как и Аксаков) Киреевский так прямо и говорил что основная черта западно-европейской цивилизациии в *раздвоении и*

рассудочности, а русской в *цельности и разумности* и видел эту цельность и разумность „в святой православной церкви" а потому и советовал русскому образованному обществу обратиться „к чистым источникам древней православной веры своего народа", и „чутким сердцем" прислушиваться „к ясным отголоскам этой святой веры отечества в прежнее время родимой жизни России". Как видно отсюда, классовое положение даже весьма образованного просвещенного помещика, каким был Киреевский, приводила его к идеалам мракобесия и невежества.

Какой же выход из русской государственности находили западники, Белинский, Герцен, Огарев и другие?

Белинский, как известно, в конце концов, пришел к заключению, что спасение России как раз именно в том раздвоении, которого так боялся Киреевский т. е. в классовой борьбе, так как Белинский полагает, что развитие России сопряжено с развитием „мещанства", т. е. буржуазии, а, стало быть, и классовой борьбы. Герцен, как мы уже говорили, тоже под конец жизни думал, что, пожалуй, без развития „мещанства" и немыслимо развитие народа, потом же Герцен, боровшийся со словянофилами и думавший, что славянофильские „иконописные идеалы и дым ладана" мешали разглядеть „народный быт и основы сельской жизни", уверовал в этот быт и эту общину и даже полагал, что в этой русской общине и заключаются эти самобытные российские „стихии". Герцена, как и славянофилов, дворянина и помещика влекло к этому самобытному духу, ни котором покоилась вся дворянская, хотя бы и либерально-буржуазная жизнь, не то, что Белинского, у которого не было ни крепостных душ, ни прекрасного родового имения Долбина, как у Киреевского.

Таким образом прав Плеханов, когда он, говоря о Самарине, утверждает, что в этих взглядах „заключается an sich почти все русское народничество". От этой веры в русскую общину не отрешились все петрашевцы. Чернышевский также верил в самобытность и чудесные ее свойства. Правда, вера Чернышевского имела несколько иные оттенки и черточки. Рассуждая об условиях, на которых должны быть освобождены крестьяне, Чернышевский полагал необходимым сохранить ту форму землевладения, которая помогла бы крестьянину наиболее выгодно начать жизнь при новом укладе, именно при усиленном развитии экономической и торговой деятельности. Такой формой он считал русскую общину, так как по его мнению большинство русского народа понимало землю как общинное достояние и, что важно, каждый член общины имел право на участок ее и даже в том случае, если кто-либо сам отказывался от такого участка, то дети его все-таки не теряли права требовать себе этого участка. Отсюда и вытекает та отличительная черта русской жизни, отсутствие которой так мучительно отзывается на Западе: в России нет пауперизма, „пролетариатства", на Западе он есть и уничтожение этого недостатка на Западе составляет доселе неразрешимую задачу. Вся борьба, какая ведется сейчас на Западе, сводится к тому, чтобы возвратить утерянное благо, когда то существовавшее и там, общинное владение землею, уничтожение частной собственности, но в то время как на Западе это доселе является утопией, у нас в России это факт. „Порядок дел,—говорит Чернышевский,—к которому столь долгим и трудным путем

стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта"...

Почему же Запад стремится возвратить это утерянное благо и почему и нам необходимо так крепко держаться за это благо? Один пример, приводимый Чернышевским, поясняет в чем дело. Уральские казаки живут общиной, при чем вся Уральская область составляет одну общину и в хозяйственном и в гражданском и в военном отношении. Если уральцы доживут до такого времени, когда к сельскому хозяйству будут применяться усовершенствованные машины, то неизмеримо выгоднее вести машинное хозяйство, требующее земельной площади на многих сотнях десятин. Чернышевский, несомненно, хотел этим сказать, что будущему обществу будет гораздо легче перейти к коллективным формам хозяйства от русской общины, чем от формы индивидуального мелкого хозяйства. Эта вера в возможность более легкого перехода к высшей стадии общественного развития, социалистической, от русской общины, чем от западно-европейской формы частной собственности, и двигала Чернышевским, когда он в своей знаменитой статье „Критика философских предубеждений против общинного землевладения", пользуясь диалектическим методом Гегеля, доказывал, что не обязательно в процессе общественного развития мучительный и постепенный переход от низших к высшим ступеням. Он полагал, что „1) Высшая степень развития по форме совпадает с его началом и 2) под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты". Такими средними логическими моментами Чернышевский считал именно ту язву пролетариатства, которую он усматривал на Западе.

Зачем же все мучения, все страдания, какие неминуемо сопровождают эту язву пролетариатства, если возможно миновать средние промежуточные степени развития? Ведь пауперизм и развитие пролетариатства и есть то отрицательное, чего нужно избежать в России. Изображая борьбу классов во Франции, Чернышевский рисовал себе дело так, что либерализм на Западе всюду обречен на бессилие именно потому, что он не пользуется поддержкой большинства народа, а „сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа". Почему же народ не поддерживает либералов? Да потому, что они, либералы, понимают свободу очень узко и формально, она состоит для них в отвлеченном праве. Народу же, пролетариату не до отвлеченного права, не до свободы слова, не до парламентских прений ибо „народ невежествен, и почти во всех странах большинство его безграмотно" и „нет такой европейской страны, в которой огромное большинство народа не было бы равнодушно к правам"... Отсюда у Чернышевского и следует та мысль, что для демократа, который борется за то, чтобы уничтожить „преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве"... „Наша Сибирь, в которой простонародье пользуется благосостоянием, гораздо выше Англии, в которой большинство народа терпит сильную нужду". Чернышевский не понимал сущности классовой борьбы, которая кипела на Западе, не знал учения Маркса, который совсем не безраз-

лично относился к формам политического государственного бытия как раз во имя того, чтобы уничтожить „преобладание высших классов над низшими". Как раз после того „страшного взрыва со стороны пролетариата", который произошел в 1848 году во Франции и который так, повидимому, смущал Чернышевского своими неудачными последствиями для низших сословий, Маркс и показал в блестящих своих работах, что в своей борьбе за улучшение своего благосостояния в своей борьбе экономической пролетариат ведет и должен вести борьбу и политическую и что совсем не безразлично для пролетариата, в каких формах политического бытия приходится пролетариату бороться за улучшение своего благосостояния.

Чернышевский не понимал этого и потому так боялся язвы пролетариатства и, сам борясь за уничтожение „преобладания высших классов над низшими", полагал, что в России возможно избежать и этих промежуточных степеней и этих страшных взрывов „пролетариатства" как раз именно потому, что Россия к счастью сохранила драгоценные остатки первобытной коммунистической общины. Тогда еще не было известно, что русская община не является остатками этих древних форм, что она есть явление сравнительно новое и что не в ней спасение России. Чернышевский, как и многие его современники, не замечал, что в порах старого крепостного общества уже зарождается новая жизнь, которая несет России и язву пролетариатства и те классовые бури, какие неминуемо возникают в этой новой жизни. И не видя этого, Чернышевский искренне думал, что возможно миновать средние степени развития и сразу от общины перешагнуть к социализму. Вот почему он восклицал, рассуждая об условиях освобождения крестьян: „...да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землею,—на это благо, от приобретения которого теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы".

Лавров и Бакунин.

„Для русского", говорил Лавров: „социальная почва, на которой может развиться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной элемент русского общественного строя, поместить в общинной собственности частную, дать крестьянству образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться легальными своими правами, как бы они широки не были, и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота,—вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству". В чем же однако заключалась разница между учением Лаврова и Бакунина, если основные их положения были одни и те же, вера в самобытное развитие России, исходящие из социалистических начал, заложенных в русскую общину?

Плеханов, лично переживший эпоху влияния на русскую молодежь 70-х годов Лаврова и Бакунина, так определяет это различие. Лавров,

несмотря на всю разносторонность своего образования, был эклектиком; „в его миросозерцании всегда уживались самые разнородные, даже прямо противоречивые элементы“; испытавши на себе влияние философской мысли Германии 40-х годов Бруно Бауэра и Макса Штирнера, он впитал в себя очень много элементов философии Канта, а также и Огюста Конта. Таким образом, „он“, говорит Плеханов, „знал все, что было до Маркса, но не имел никакого понятия о Марксе“, и изобрел свою особую российскую социологию, так называемый суб'ективный метод в социологии.

Лавров учил, что „сущность исторического процесса заключается в переработке культуры критически мыслящими личностями“. Эта переработка должна была состоять в том, что критически мыслящие личности, сами достигая чуть ли не ступени всеоб'емлющего энциклопедиста, опираясь на превосходство своего идеала и справедливость своих требований, распространяли свое учение. „Западно-европейские социалисты ведут свою пропаганду, опираясь на неотвратимый ход экономического развития буржуазного общества. В нем видят они ручательство за удачный исход революционных усилий. П. Л. Лавров был как нельзя более далек от такого взгляда. С его суб'ективной точки зрения за успех социалистов ручались отвлеченное превосходство их „идеала“ и не менее отвлеченная справедливость их требоваиий. Действительное положение трудящейся массы принималось ими в соображение лишь с одной стороны: со стороны ее бедности, со стороны эксплуатации государством и имущими классами. Утописту кажется совершенно ясным, что чем более страдает народная масса, тем более она должна обнаруживать склонности к усвоению социализма. Он и не подозревает, что способы производства продуктов и их обмена, существующие в данной стране в данное время, имеют решающее значение для ее дальнейшего социального развития“. Задавленность и невежество русского народа должны быть побеждены пропагандой критически мыслящей личности, при чем в этой пропаганде социализма лавристы, т. е. последователи Лаврова, очень упорно противопоставляли социализм политике, считая всякого рода агитационную политическую деятельность в высшей степени вредной для победы того самого социализма, во имя которого они действовали. Между тем действительная жизнь русского общества 70-х годов далеко не носила мирного характера,—забастовки студентов, стачки рабочих, манифестации и массовые протесты против безобразий администрации—все это не способствовало мирным формам лавровской пропаганды, и потому молодежь 70-х годов все больше и больше уходила из-под влияния лавризма, его „Исторических писем“ и журнала „Вперед“. „*В половине семидесятых годов*, говорит Плеханов: влияние *бакунизма* было у нас уже несравненно сильнее влияния журнала „Вперед“.“

Исходя из тех же самых оснований, что и Герцен, что и Лавров, из мысли, что особенности русского общинного устройства в деревне приведут Россию к самобытному гармоническому развитию социализма, минуя развитие буржуазных отношений (мысль, высказанная еще в сороковых годах славянофилами и усвоенная Герценом и Чернышевским), противополагая, как и Лавров, социализм политике, Бакунин однако полагал, что немедленному началу социальной революции в русском крестьянстве мешает только разрозненность крестьянства и

три недостатка русского крестьянина, которыми он омрачен. Эги три недостатка—патриархальность, поглощение лица миром и вера в царя. Бакунин говорит еще и о четвертом недостатке русского крестьянина, омрачающем его социалистические инстинкты—православной вере, но к счастью „у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе". Вот против этих-то недостатков и должны направить свою борьбу русские революционеры. К счастью революционеров и с этой борьбой дело обстоит уж не так плохо. Дело в том, что по мнению Бакунина, два недостатка—поглощение лица миром и вера в царя—вытекают из патриархальности, так как сама община есть не что иное, как расширение семьи, рода, а потому царь и является всеобщим патриархом и родоначальником. Но народ уже сам начал борьбу против этих недостатков и нет уже в России, рассуждал Бакунин, ни одной деревни и ни одной семьи, где не велась бы борьба против патриархальности. Это происходит потому, что русское правительство даже общину превратило в орудие произвола и угнетения, и, стало быть, борьба, какую ведет крестьянин против патриархальности, есть борьба и против царя и государства. Стало быть, рассуждал Бакунин, в самом на оде за ожены элементы и условия той борьбы, какую русскому революционеру стоит только расширить и укрепить. Правда, тут появляется еще один ужасный недостаток русского народа—это его разрозненность, неорганизованность, но вот здесь-то и начинается как раз роль русской революционной интеллигенции.

Доселе, рассуждал великий бунтарь, каждая община, представляя из себя замкнутое целое, живет отдельною жизнью; единственная связь, существующая между этими общинами, царь-батюшка, и потому перед революционерами стоит огромная задача соединить эти разрозненные силы, связать наиболее развитых „лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей", попытаться связать крестьян с рабочими, раз'яснить им, что народ в своем великом союзе и восстании представляет несокрушимую силу.

Стоит только эти разрозненные попытки крестьянства к немедленному воплощению социалистического идеала об'единить, отдельные вспышки и бунты сделать планомерными и организованными, как в пламени всеобщего протеста и бунта против государства и угнетения погибнет старый мир и наступит царство социализма. Отсюда и вытекала сильная сторона бакунизма, его *„пристрастие к агитации, к бунтам"*.

И Лавров и Бакунин, оба считали себя сторонниками учения Маркса, но оба они усвоили лишь внешнюю его сторону и хотя лавристы, как утверждает Плеханов, гораздо больше, чем Бакунин способствовали ознакомлению русских революционеров семидесятых годов с учением германской социалдемократии т. е. с научным социализмом, однако пользовались они этим ученьем больше для того, чтобы говорить против бунтарской тактики Бакунина, по сути дела оставаясь идеалистами и не понимая учения Маркса. Точно также и Бакунин и бакунисты твердо верили, что пролетариат в своей борьбе не нуждается в политике, но все же „от искаженного, если даже хотите *каррикатурного*, марксизма Бакунина и его последователей всетаки было ближе до научного социализма, чем от эклектического

взгляда Лаврова и лавристов, ибо бакунисты, противопоставляя, как и Лавров, социализм политике, на практике звали к этой самой политике, бросались в самую настоящую гущу той народной среды, той классовой борьбы, какая кипела повсюду, и таким образом поневоле изучали эту среду, ее нужды, стремления, идеалы, не книжные, не выдуманные, не отвлеченные, создавшиеся в голове критической мыслящей личности, а выстраданные и созданные народом в непосредственной борьбе за свои интересы.

Правда, сами бакунисты, бунтари были глубоко убеждены, что они остаются правоверными бакунистами и никак не занимаются политической борьбой, но думали они одно, а делали другое, и когда в конце семидесятых годов их собственная практика, их политическая деятельность превратила их в настоящих борцов за политическую свободу, они с удивлением увидели, что в их первоначальной программе что-то неладно и что нужно эту программу пересмотреть и исправить. Этот пересмотр, как известно, и привел к расколу народнической партии „Земля и Воля".

Но как были ни глубоки различия между бакунистами и лавристами, в одном сходились они между собой, да и не только они, а решительно все течения и оттенки социалистической мысли, это в вопросе о том, кто же должен быть инициатором и организатором революции. Этим инициатором и организатором должна быть интеллигентная молодежь, та разночинная интеллигенция, которая появилась на исторической сцене и лучшие представители которой уже громко заявляли о себе не только своими словами, но и делами.

По словам одного из самых видных участников движения 70-х годов, Плеханова, как раз только что указанной общей чертой, действительно, и примирялись все революционные течения того времени 60-х и 70-х годов.

„Этой общей им всем чертой, говорит он: была вера в возможность могущественного, решающего влияния нашей революционной интеллигенции на народ. Интеллигенция играла в наших революционных рассчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону. Как бы кто из революционеров ни об'яснял современное порабощение русского народа—недостатком ли в нем *понимания*, отсутствием ли сплоченности и революционной энергии, или наконец, полною *неспособностью* его к политической *инициативе*—каждый думал, однако, что вмешательство интеллигенции устранит указываемую им причину народного порабощения. Пропагандисты были уверены, что они без большого труда научат крестьянство истинам научного социализма. Бунтари требовали немедленного создания „боевых организаций" в народе, не воображая, что оно может встретить какие-либо существенные препятствия, наконец, сторонники „Набата" полагали, что нашим революционерам стоит только „захватить власть",—и народ немедленно усвоит социалистические формы общежития. Эта самоуверенность интеллигенции уживалась рядом с самой беззаветной идеализацией народа и убеждением—по крайней мере большинства наших революционеров—в том, что „освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся". Предполагалось, что формула эта получит совершенно правильное применение, раз

только наша интеллигенция примет народ за об'ект своего революционного воздействия". Как уже было указано раньше, состав этой революционной интеллигенции в 60-х годах был уже далеко не тот, что в сороковые годы, хотя бы во времена петрашевцев. Когда, после студенческих волнений в 1861 г., после ссылки в Сибирь М. Михайлова, Н. Г. Чернышевского в 1864 г., и Н. Л. Серно-Соловьевича в 1865 году, произошло покушение Карокозова на жизнь царя (4 апреля 1866 г.), то из расследования этого дела выяснилось целое общество, состав которого представляет большой интерес. Покушение Карокозова было единоличным актом, так по крайней мере уверяли его товарищи, которые всячески отговаривали Карокозова от его намерения. но факт остается фактом. Карокозов вышел из *революционного кружка*, имевшего определенную программу и весьма интересный состав. Сам Карокозов был сыном небогатого помещика Саратовской губернии, не утвержденного в дворянстве; из 32 же молодых людей, привлеченных по делу Карокозова, только одиннадцать человек были дворянами, четыре человека—сыновьями небольших чиновников (от титулярного советника до X класса), а остальные как раз являлись представителями нового слоя разночинцев, теми новыми людьми, из среды которых выходили Базаровы, Молотовы и Кирсановы, при чем здесь встречались уже не только почетные граждане или купцы, но и такие, как вольноотпущенный человек О. Л. Мотков, сыновья священников, как Лапкин, сын причетника как Соболев, учителя, студенты, провизор и мещанин, как Никифоров. Все это была в подавляющем большинстве зеленая молодежь от 19 до 25 лет, за исключением трех почтенных людей, учителя Маркса 50 лет, Лаунгауза 29 лет и Трусова, 33 лет, да нескольких молодых людей 27 лет.

Карокозовцы.

Как это видно даже из правительственного сообщения, общество этих молодых людей („Организация") задалась целью распространять социалистическое учение, „разрушать начала общественной нравственности, колебать веру в основы религии и путем революции ниспровергнуть существующий порядок в государстве. В задачи общества входили: а) „пропаганда между сельским населением, с об'явлением, что земля составляет собственность всего народа. б) Возбуждение крестьян против землевладельцев, дворянства и вообще против властей. в) Устройство разных школ, артелей, мастерских, переплетных, швейных и иных ассоциаций, дабы посредством их сближаться с народом и внушать ему зловредные учения социализма. г) Заведение в провинции библиотек, бесплатных школ и разных обществ, на началах коммунизма, которые, находясь в руках членов главного общества, могли бы удобнее привлекать и приготовлять новых членов и в то же время состояли бы в зависимости от центрального общества в Москве и получили бы от него дальнейшее направление. д) Распространение в народе социалистического учения посредством воспитанников семинарий и сельских учителей и—е) пропаганда на Волге, пользуясь удобством пароходного сообщения". Как видно из другого правительственного сообщения молодежь не остановилась на одних теоретических предложениях своей программы, а постаралась осуществить на

практике свои идеи,—кроме чисто вспомогательных экономических организаций. „Взаимного вспомоществования“, „Переводчиков и переводчиц“, „Поощрения частного труда“, организаций, которые должны были оказывать материальную помощь той студенческой бедноте, из какой состояло общество „Организация“, кроме этих учреждений, карокозовцы задавались целью осуществить свои социалистические идеалы в таких учреждениях, как швейные мастерские, переплетные заведения, и даже пытались поставить на социалистических началах ваточную фабрику в Можайском уезде и завод в Жиздринском уезде. Кроме этих мирных целей, молодежь ставила себе и иные задачи, в особой организации, носившей название „Ада“,—„не только экономический переворот“, как выражается официальное сообщеиие,—„посредством устной и письменной пропаганды, но и социальной революции, дележ собственности и переворот государственный насильственными мерами“.

Верно или нет все то, что приписывает правительство этим молодым людям (добывание средств путем ограбления почты, убийства купца и т. п.), но факты говорят о том, что мечты, которые двадцать лет тому назад у петрашевцев были только мечтами,—пропаганда среди нового слоя буржуазии—здесь уже были самой настоящей действительностью: кто же как не мелкая буржуазия были все эти студенты, курсистки, семинаристы, сельские учителя, дети причетников, из которых состояло само общество? И если в намерениях карокозовцев завести швейные и переплетные чувствуется влияние романа „Что делать“, то совершенно новыми мотивами звучат их попытки завести нелегальную типографию, их обращения к рабочим, их попытки вести пропаганду среди крестьян, их, наконец, практическое (хотя бы и единоличное) осуществление покушения на царя. Экономическое развитие страны выдвинуло новый слой буржуазного общества, разночинцев, умственных пролетариев, мелкобуржуазную молодежь, которой и экономически и идеологически было невыносимо тяжело жить в рамках самодержавного государства, и она пыталась разбить эти рамки, встречая на своем пути препятствия даже для таких невинных вещей, как устройство швейных или переплетных заведений. Этого мало, изменившийся социальный состав интеллигенции, уже не чисто дворянский, а на половину разночинно-мещанский, давал ей возможности ближе подойти к народу,—вольноотпущенный крестьянин, мещанин, сын причетника или сельского священника должен был для вербовки себе сочувствующих идти не в салоны князей Трубецких, не в кабинеты помещика Спешнева или Кашкина, а в бедную комнатку сельского учителя или даже на фабрику.

Нечаев.

И он, этот разночинец,—бедный студент, бедный сын священника, сын мелкого чиновника, сын мелкого захудалого дворянина уже в начале 70-х годов пошел не только к своему брату студенту, но и дальше, в гущу народную. Правда, еще в процессе Нечаева людей из низов народа почти нет, здесь, как и в прежних революционных обществах, преобладает дворянин и разночинец, студент или сын священника, семинарист, но и здесь уже чувствуется, несмотря на всю

неприемлемость приемов борьбы, практиковавшихся Нечаевым, связь с теми могучими новыми тенденциями разночинной интеллигенции, которые характерны для семидесятых годов прошлого века: народ, низы его—вот об'ект, на который направляется или по крайней мере должно быть направлено воздействие революционеров и ни в каком случае нельзя отмахиваться от Нечаева и нечаевцев одним росчерком пера, как это делают историки идеалисты.

Рассуждать так, что „в истории русского освободительного движения „нечаевщина“ была лишь эпизодом характера исключительного, и умозаключать что-либо по ней о самом движении было бы совершенно несправедливо“, рассуждать так это значило бы как раз не понимать, что является причинами революционного движения в 60 и 70-ые годы, это значило бы совершенно игнорировать те классовые группировки, какие были выдвинуты новыми экономическими условиями, тех новых людей, что появились на поверхности русской жизни под влиянием этих условий. Среди каких слоев вербовал своих сторонников Нечаев?

Среди все тех же разночинцев и, главным образом, студенческой молодежи. А этот слой, как уже неоднократно подчеркивалось выше, был слой настоящей мелкобуржуазной разночинной бедноты, интеллигентные, умственные пролетарии, легко возбуждавшиеся и приходившие в движение не только по причинам идеального порядка и заоблачных метафизических высот, а и по причинам чисто экономическим. Развивающееся буржуазное общество требовало новых людей, специалистов всякого рода, и нарождающаяся буржуазия и прежде всего мелкая откликнулась на этот зов и послала сотнями, а затем и тысячами (в 70 ые и 80-ые годы) своих детей. Они, эти дети должны были жить, они, выражая интересы и стремления народившегося буржуазного общества, требовали новых буржуазных условий, бытия, а вместо этого встречали полуголодное существование и административный произвол и гнет за малейшие попытки устроить не только подпольную типографию, а самую невинную кассу взаимопомощи. Не даром студенческая прокламация во время студенческих волнений в Военно-Медицинской Академии, где как раз Нечаев навербовал так много своих сторонников, говорила не о чем либо радикально-политическом, а о кассах взаимопомощи, которые через какой-либо десяток лет под давлением буржуазии правительство разрешить все же было вынуждено, правда не так, как хотелось это студентам, но все же было вынуждено.

„Мы, студенты Медицинской Академии, Университета, Технологического Института, Земледельческой Академии, желаем: 1) чтобы нам предоставлено было право иметь кассу, т. е. помогать нашим бедным товарищам, 2) чтобы нам предоставлено было совещаться об наших общих делах в зданиях наших учебных заведений и 3) чтобы с нас была снята унизительная полицейская опека, которая с ученической скамьи налагает постыдное клеймо рабства...“

Так писали студенты, прежде всего подстегиваемые голодом, и прямо чувствуется тесная связь между этой студенческой молодежью и той, что в „Организации“ Карокозова или Ишутина пыталась устроить кухмистерские и переплетные на „социалистических“ началах. Без сомнения, убийство, обман, кража чужих писем и прочие подобные

приемы, практиковавшиеся Нечаевым, были неприятным эпизодом в революционной истории 60-х годов, но ведь к тем же самым студентам, к которым обращался со своими прокламациями Нечаев, обращался и Бакунин. И если внимательно вчитаться в эти обращения Бакунина и в то, что писал Нечаев в своей „Народной Расправе“, право же разницы мало, если отбросить грубоватый, откровенный и, конечно, далеко не барский язык Нечаева.

„Итак, молодые друзья, писал Бакунин в своей прокламации „Несколько слов к молодым братьям в России“: бросайте скорей *этот мир, обреченный на гибель*, эти университеты, академии, школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились всегда раз'единить вас с народом. *Ступайте в народ!* Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, как служить народу и как лучше вести его дело. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителем, не благодетелем и не диктатором-указателем для народа, а только повивальной бабкой самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Чтобы приобрести способность и право служить народному делу, она должна утопиться в народе. Не хлопочите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. *Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель.* Наука же новая и живая несомненно народится *потом*, после народной победы, из освобожденной жизни народа“.

Итак, учащаяся молодежь должна забыть науку, буржуазная наука должна погибнуть вместе с буржуазным миром, для революционера есть только одна наука—революция. Вот смысл Бакунинских призывов к молодежи. Но разве не тот же смысл вложен в следующие параграфы Нечаевской программы:

„Отношение революционера к самому себе.

§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью—революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный и, еслиб он продолжал жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает денно и нощно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одно — наискорейшее разрушение (этого) поганого строя...“

Правда, в своей деятельности Нечаев допускал и ставил такие задачи и прибегал к таким средствам, от которых, Бакунин отмахнулся раскусив их. Не говоря уже о том, что вся нечаевская организация была построена так, что члены низших периферийных кружков

являлись простыми пешками в руках лиц, стоящих на верху нечаевской иерархии, так что даже „устраняются всякие вопросы от членов к организатору, имеющие целью дело кружков подчиненных", самые приемы — обман, убийство и характер деятельности были необычны. „В числе необходимых условий для начала деятельности отделения суть: 1-е, образование притонов; 2-е, допущение своих ловких и практических людей в среду разнощиков, булочников и прочее; 3-е, знакомство с городскими сплетниками, публичными женщинами и другие частные собрания и распространение слухов; 4-е, знакомство с полицией и с миром старых приказных; 5-е, заведение сношений с так называемой преступной частью общества; 6-е, влияние на высокопоставленных лиц чрез их женщин; 7-е, интеллигенция литературы; 8-е, поддержание агитации всевозможными средствами".

От всех этих способов и приемов организации открещивались все революционеры и того времени и всех последующих периодов, но если отбросить голую циничную форму нечаевских формулировок, то разве не остается суть, которой пользовались революционеры и 70 и 80-х годов, оставаясь чистыми и незапятнанными: разве не пользовались своими связями в буржуазном и аристократическом обществе революционеры 70 и 80-х годов, разве они не допускали в исключительных случаях даже службу в третьем отделении и разве не находили одобрения среди очень большого круга революционеров те приемы обмана, какие пустил в ход Стефанович со своей царской граматой? Наконец, Нечаев только последовательно развил идеи своего учителя Бакунина, когда писал: „У товарищества нет другой цели кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т. е. чернорабочего люда." Точно так же, как Бакунин, он под народной революцией понимал „не регламентированное движение по западному классическому образцу—движение, которое всегда, останавливаясь перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительною для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции порядка и классы России."

На этом основании революционеры не должны навязывать народу никаких форм общественной организации, это дело будущих поколений.

„Наше дело страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение".

В „Народной расправе" Нечаев выражался еще более определенно и энергично.

„Мы имеем только один отрицательный и неизменный план беспощадного разрушения" и затем намечает, как первый шаг, убийство царских Аракчеевых, причем в особом списке перечисляются все намеченные жертвы от самых рядовых литераторов и кончая самыми высокопоставленными лицами, затем рекомендуется чуть ли не выжигать города с их „поганой" культурой*) и, наконец, уничтожить царя. „Мы

*) В своей прокламации к крестьянам он так и говорит: „А для этого надо будет, братцы, города их жечь. Да, выжигать до тла".

убережем его для казни мучительной и торжественной пред лицом всего освобожденного черного люда, на развалинах государства."

Если отбросить все нечаевские гиперболы, если принять во внимание, что по его мнению сначала деятельность должна быть сосредоточена „в среде разночинцев, семинаристов и провинциальной голытьбы", а затем уж перенесена в народ, если посмотреть на самую сущность нечаевской программы, то, право, нет никакой разницы между его идеей „беспощадного разрушения" и такими же идеями Бакунина, аппелировавшего и к тому же Степану Разину и Пугачеву, и к раскольникам и не задававшегося вопросом, какая же организация должна наступить после удачной революции. Будущие поколения выдвинуты были Нечаевым ведь с легкой руки своего учителя Бакунина. Конечно, приемы Нечаева коробят истинного революционера, и от его приемов обмана и лжи открещивались не только его противники, но впоследствии даже Бакунин, который был близок с ним, но за всем тем нечаевщина с ее призывами в народ, с ее бунтарскими целями и задачами, с ее планами всеобщего восстания, с ее отрицательным взглядом на политические перевороты—все это законное детище конца шестидесятых и семидесятых годов, и нельзя считать за одну уже слишком „демократическую" форму борьбы, какую рекомендовал и практиковал Нечаев, Нечаева и нечаевщину эпизодом. И по своему социальному составу (разночинцы, студенты) и по целям, по своей программе Нечаев и нечаевщина законное детище условий и настроений 60-х годов, несмотря на то, что на практике плебей Нечаев не по-дворянски, не в белых перчатках, а по-плебейски, по-мужицки советовал действовать да и сам действовал, не останавливаясь ни перед убийством протестанта товарища, ни перед обманом и сознательной ложью. И если идеалисты историки занимаются гаданием, чего было больше в действиях Нечаева—„морального помешательства или прямой бессмыслицы", то этими гаданиями выяснить сущность и причины нечаевщины нельзя, ее сущность и причины лежат в том общественно-экономическом развитии, которое выдвинуло на арену русской истории, на смену умирающему и разлагающемуся дворянству, новый класс—буржуазию, одним из слоев которой и был мелкобуржуазный разночинный слой, всех этих нечаевских семинаристов, студентов, учителей и прочей учащейся молодежи. Совершенно правильно говорит о Нечаеве историк-марксист М. Н. Покровский, отмечая установившееся у историков идеалистов мнение о необыкновенном заговорщике, как о мономане и уголовном преступнике, и рассматривая нечаевщину, как заговорщический тип революционного движения, который до Нечаева так ярко выразился в одной стороне карокозовщины с ее „Адом", с ее планом цареубийства, ядом и прочими атрибутами заговорщической тактики, и который в конце 60-х годов нашел свое почти идеальное завершение в единоличной воле Нечаева, в его мономании. „Что касается „мономании", говорит Покровский: „то те, кто изучал французский бланкизм—согласятся, вероятно, что эта нечаевская болезнь обладает весьма большим распространением, и что Нечаев отличается от своих европейских образцов только разве истинно русскою широтою размаха. Основной же принцип в обоих случаях один и тот же: народ, масса рассматривается, как своего рода сырое тесто, из которого революция, воплощенная в кружек заговорщиков, лепит

все, что ей нужно. Разговаривать с этой массой до времени совершенно излишне: „мы должны народ не учить, а бунтовать“, писал Бакунин, вначале, как известно, совершенно солидаризовавшийся с Нечаевым и разошедшийся с ним, насколько можно судить по избранной бакунинской переписке, чисто на личной почве—когда нечаевская тактика стала затрагивать лично близких Бакунину людей. А, насколько Бакунин принципиально мало нашел бы возражений против „нечаевщины“, видно хотя бы из того знаменитого пассажа, где он рекомендует самым настойчивым образом вниманию русских революционеров — *разбойника*, по его мнению идеальное воплощение самородной русской революции". Что Нечаев был вместе с тем далеко не уголовным преступником, следует между прочим и из того поразительного факта, что Нечаев отказался от товарищеского предложения народовольцев освободить его из Петропавловки, так как это могло помешать акту первого марта, и что он умер в казематах этой крепости.

Два типа революционной тактики, вообще, существовали в движении 60-х и 70-х годов: тип заговорщический и бунтарско-пропагандистский, и оба эти типа, все время причудливо сплетаясь, живут вплоть до гибели последних эпигонов „Народной Воли“, стало быть, до конца 90-х годов; они, эти элементы, имеются и у карокозовцев, и у Нечаева, и у бунтарей и пропагандистов 70-х годов, только всякий раз сообразно условиям и обстоятельствам времени и места в революционной народнической тактике, преобладал то бунтарско-пропагандистский, то заговорщический характер. Ведь даже Нечаев намечает определенные градации своей пропагандистской деятельности: сначала организуется центр, затем областные центры, затем организаторы и пропагандисты едут по губернским городам и пропагандируют среди семинаристов, городской голытьбы и затем уже спускаются в самые низы народа.

Однако же, как было указано выше, деление на мирных пропагандистов и бунтарей в 60-ые и 70-ые годы было фактом. Об этом говорят решительно все участники движения в своих воспоминаниях. Историк общества „Земля и Воля“ О. Аптекман различает в первой половине 70-х годов фракции „лавровистов“ (пропагандистов), бакунистов („бунтарей“, вспышкопускателей) и еще молодых бакунистов-анархистов.

Учение Лаврова о „Критически мыслящих личностях“.

Выше было указано в главных чертах различие в тактике между лавристами и бакунистами и сейчас необходимо только подчеркуть одну отличительную черту лавровской тактики, так резко отличавшей ее от тактики бакунистов. Как известно, Лавров думал в согласии со всеми народниками, что „социальная основа, на которой должно строиться будущее русского народа есть общинное землевладение“, и потому он считает за исходный пункт развития социализма в России общину и артель. В то же время, в том же журнале „Вперед“, где была высказана эта программа, Лавров неоднократно высказывал мысли, сводившиеся к тому, что социализм фатально подготовляется развивающимся капитализмом. Это противоречие эклектической системы, не отказывавшейся и от Маркса и русской общины, как исходного

пункта социализма, и делало программу Лаврова более близкой к бакунизму, чем к марксизму. Эта эклектичность очень сильно отзывалась и на тактике самого Лаврова и его последователей. С одной стороны, полагая надежды на общину, лаврист должен был обращаться со своей проповедью к крестьянину, с другой, признавая неизбежность капитализма, он должен был заставлять своих критически мыслящих личностей идти к рабочим. Этим последним лавристы занимались весьма охотно и даже успешно, а что касается крестьян, то, упираясь в страшное невежество народа, они откладывали революцию ad Calendas Grecas. Но что же тогда делать, если главная народная масса— крестьянство так невежественно и так неподготовлено к революции? Очевидно, готовить эту массу к революции, а для этого прежде всего нужно подготовиться самим. И Лавров усиленно рекомендовал учиться как своим последователям, так и своих последователей заставлял учить пропагандируемых, при чем об‘ем знаний, который рекомендовал усвоить Лавров своим последователям, был так велик и обширен, что одно их приобретение заполнило бы всю жизнь и ни о какой революции речи быть не могло. И действительно, были такие лавристы, пропаганда которых носила вполне мирный характер и даже ничем от культурно-либеральной работы не отличалась. Но как же быть тогда с революцией? Лавров так отвечал на этот вопрос в 34 номере своего журнала „Вперед“: Первая сотня „убежденных личностей из молодежи“, т. е. лавровских критически мыслящих личностей, начинает свою мирную пропагандистскую работу. Каждый из пропагандистов создает своей проповедью новые критически мыслящие личности, так что каждый год только половина из привлеченных последователей остаются в работе, годными и стойкими. Тогда по строгому арифметическому рассчету через два года было бы привлечено годных критически мыслящих личностей из народа 200, через 4 года 248 и через 6 лет 260 человек; а эти прозелиты из народа в свою очеред привлекли бы из народа же через четыре года 2400, а через шесть лет 33576 человек. Таким образом, через шесть только лет была бы уже целая революционная армия, полки которой через десяток лет будут составлять уже сотни тысяч. Арифметические рассчеты Лаврова были конечно верны, но русская действительность зло издевалась над утопическими мечтами редактора „Вперед“, пытавшегося заставить свои критически мыслящие личности перерабатывать русскую культуру таким черепашьим шагом. И несмотря на всю пользу, которая приносила пропаганда лавристов среди рабочих, люди более живого темперамента, а главное люди обеими ногами стоявшие на русской почве и не закрывавшие глаз на русскую действительность с ее тюрьмами и полицией, никак не хотели так долго ждать революционной армии лавровских пропагандистов. Они жаждали действия и настойчиво хотели ускорить медленный ход революционного движения. Вот почему революционная молодежь 70-х годов очень быстро отвернулась от Лаврова и пошла по пути, который указывался Бакуниным—в народ, к непосредственной работе в его гуще. „Только весьма незначительная часть нашей революционной молодежи удовлетворилась вашим органом. Громадное большинство было противником его“. Так писал С. Кравчинский Лаврову в 1876 году и, указывая на страшную медленность той „социальной революции в самом полном, самом обшир-

ном, одним словом, в самом *научном* смысле этого слова", восклицает: „Мы не верим ни в возможность, ни в необходимость такой революции, какой вы ждете". Утверждая, что все революции начинаются бессознательно и затем в своем ходе и развитии приобретают сознательный характер, он говорит: „Всякая революция начинается *бунтом*. Но достаточно, чтобы в нем тлела хоть одна революционная искра, чтобы бунт перешел со временем в революцию".

И вот, не веря в утопические мечты Лаврова, революционная молодежь бросилась в народ. Это стремление к непосредственной пропаганде среди самого народа началось еще в 1873 году, когда многие члены кружка чайковцев (Перовская, Кравчинский, Клеменс и др.) „пошли в народ". Кружок Чайковского (названный так по имени своего основателя Н. В. Чайковского), считавший своими членами таких деятелей движения, как Перовская, Крапоткин, Шишко, С. С. Синегуб, не задавался по категорическим заявлениям самих участников революционными целями и ограничивался только самообразованием и саморазвитием, выработкой из самих себя критически мыслящих личностей. Но очень скоро деятельность его изменилась и направилась в сторону создания таких же критически мыслящих и из среды учащейся молодежи. С этой целью чайковцы заводят связи с молодежью провинциальных городов, организуют распространение книг и сочинений лучших русских и иностранных авторов (Чернышевского, Добролюбова, Лаврова, Флеровского, Маркса, Лассаля и др.). Этим дело, однако, не ограничилось. Чайковцы переходят к пропаганде среди петербургских рабочих и, наконец, к составлению и печатанию книг и прокламаций революционного содержания („Сказка о копейке", „Мудрица Наумовна", „Хитрая механика", „Чтой-то братцы"), а также к переделке книг иностранных авторов в роде „История одного французского крестьянина" Э. Шатриана.

Кружки учащейся молодежи, подобные кружку чайковцев, в начале 70-х годов возникают повсюду и в провинции, — в университетских, губернских и даже уездных городах. Везде в течение первых лет своего существования кружки эти занимаются саморазвитием, обсуждают волнующие вопросы о том, что же должна делать учащаяся молодежь, чтобы принести пользу народу, вывести его из мрака, тьмы и невежества. Народническая идеология о долге народу, об обязанности выплатить этот долг распространяется среди молодежи и скоро кардинальный, основной вопрос становится перед молодежью,— по какому пути идти, по пути ли медленной подготовки социальной революции, как советовал Лавров или по пути бунтарскому, какой пропагандировал Бакунин. Это покаянное настроение, это решение уплатить свой долг народу, эта концепция, развитая Лавровым в его „Исторических письмах", захватывает решительно все кружки, несмотря на то, что в одних из этих кружков преобладало бунтарское настроение, как в южных кружках, напр., Ковалика, а в других мирное пропагандистское. Чем же об'яснить это настроение, в особенности настроение той части молодежи, которая никак не могла причислить себя к дворянству, у которого в действительности было очень много оснований говорить о своем долге народу? Ведь очень большая часть студенчества уже и тогда состояла не из дворянства, а подавляющая его часть была не только не богата, а, наоборот, отличалась крайней

бедностью и жила своим личным, часто очень тяжелым трудом. Без сомнения, есть своя доля истины в том, что этот слой мелкобуржуазных бедняков, эта молодежь вырабатывала свою индивидуалистическую идеологию под влиянием тех условий, в силу которых ей приходилось добывать себе средства к жизни. „Нет ничего индивидуалистичней интеллигентской работы: ни в какой области *личность* не чувствует себя в такой степени хозяином всего „процесса производства“ с начала до конца“. Это замечание М. Н. Покровского совершенно верно, но несомненно и то обстоятельство, что молодежь эта принадлежала к новому классу, буржуазии, приобретавшей все больше и больше значение в жизни государства, классу, в котором господствует беспощадная конкуренция, который созидает общество, где личность, как носитель частной собственности, поднимается на недосягаемую высоту по сравнению с обществом крепостным, где личность крепостного настолько принижена, что никого не удивляет мена целой семьи на борзых щенят. И русская буржуазия, добиваясь господства, отражала в своей идеологии стремления своего класса, его борьбу за уравнение в правах с высшими сословиями, за утверждение своего индивидуалистического буржуазного общества. То обстоятельство, что отставной полковник и часть дворянской молодежи являлись вместе с семинаристами и мещанами идеологами нового общества, нисколько не противоречит сущности буржуазного общества, так как и молодые люди из дворян по сути дела мало чем отличались от своих мелкобуржуазных коллег и были за редким исключением, как Синегуб, либо дети небогатых помещиков, либо дети незнатных мелких чиновников. Вот почему из-под пера Лаврова выливается такая формула прогресса, какую мы находим в его третьем письме: „*Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости*—вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом“. Вот почему мы находим у Лаврова буквально дифирамб индивидуальности, критически мыслящей личности.

Говоря „об этих критически мыслящих личностях, единственных орудиях человеческого прогресса“, Лавров разражается такой тирадой: „Каков бы он (прогресс) ни был, он зависит от них. Он не выростает из земли, как выростают сорные травы. Он не размножится от плавающих в воздухе зародышей, как инфузории в гниющей жидкости. Он не окажется внезапно в человечестве результатом мистических идей, о которых так много толковали тому назад лет сорок, а многие и теперь еще толкуют. Его семя есть, действительно, идея, но не мистически присутствующая в человечестве: она зарождается в мозгу личности, там развивается, потом переходит из этого мозга в мозги других личностей, разростается качественно в увеличении умственного и нравственного достоинства этих личностей, количественно в увеличении их числа и становится общественною силой, когда эти личности сознают свое единомыслие и решатся на единодушное действие; она торжествует, когда такие личности, ею проникнутые, внесли ее в общественные формы“.

Хождение в народ.

Как бы то ни было учащаяся молодежь после бесконечных споров в течение весны 1874 года готова была к походу в народ. Споры

прекратились, и все начали приготовляться к новой жизни: учились сапожному, столярному, слесарному ремеслу; курсистки,—кто держал экзамен на учительницу, кто на фельдшерицу, кто шел прямо на тяжелый физический труд, но все, решительно все думали, что к народу нужно явиться так, чтобы войти в его среду незаметно своим нужным, полезным человеком.

Таким образом, образовались поселения революционеров на Волге, на Дону, на Украине. Революционеры-пропагандисты рассеялись среди того самого народа, который они вслед за Бакуниным наделяли такими чудесными социалистическими инстинктами, и в необыкновенную приверженность которого к бунтам они так верили. Пропагандисты народники увидели теперь вблизи ту самую общину и артель, на которой они думали построить социализм. Мы не пишем историю революционного движения, но будущий историк, без сомнения, особенно внимательно остановится на этом удивительном историческом явлении, когда сотни молодых людей, нередко из так называемых „хороших“, даже зажиточных и богатых семей бросают прежнюю буржуазную жизнь, отряхают прах от старого мира, совлекают с себя ветхого Адама и идут куда? в неизвестное крестьянское сермяжное царство, часто на очень тяжелый труд, — чернорабочего, батрака, поденщика, фельдшера, кузнеца, изредка учителя или писаря для того, чтобы там в самой настоящей народной гуще, во-первых, хорошо узнать этот самый народ, а во-вторых, отдавши ему свои знания, разбудить в нем дремлющие силы, те самые социалистические инстинкты, которые и помогут перешагнуть из царства необходимости в царство свободы.

Причины неудачи пропаганды народников в крестьянстве.

Известно, что это героическое беспримерное явление в истории революционного движения, это массовое движение революционной молодежи потерпело крах. В сознании самих деятелей причины этой неудачи об'ясняются, конечно, далеко неудовлетворительно. Почти все народники революционеры в один голос твердят, что неудача произошла главным образом потому, что в ответ на мирную часто даже не революционную пропаганду и просто просветительную деятельность молодежи, правительство ответило небывалыми репрессиями и преследованиями,—тюрьмами, судами, ссылкой, каторгой. Действительно, факт репрессий несомненен, но верно ли то, что преследования правительства были главной причиной неудачи народников? Еще Плеханов доказал с несомненностью, что это было далеко не так. И Серебряков и Аптекман и другие историки народничества считают, что репрессии правительства являлись главными причинами неудачи. Но в сочинениях этих же самых историков имеются неопровержимые доказательства обратного. В самом деле, Серебряков утверждает, что хождение в народ окончилось страшным погромом весною 1874 года, и уцелевшие пропагандисты должны были спасаться в города.

Точно также и Аптекман утверждает, что „правительственные гонения—это *общая основная причина*“ неудачи хождения в народ. Он кроме того перечисляет еще несколько причин этой неудачи: „недостаток материальных средств и важных связей еще при возникновении наших поселений стали нам по дороге: они затормозили

расселение землевладельцев по деревням,—во-первых, они этим вызвали скопление избыточных сил в городе,—во-вторых, а это последнее, наконец,—в-третьих, в свою очередь обострило бдительность властей и обусловило неизбежный погром городских организаций". Причины эти, конечно, были, но совсем неверно, что главной причиной неудачи были погромы правительства.

Это неверно, ибо как раз, наоборот, погромы начались именно в городах, а не в деревне, где в особенности сначала крестьяне просто не понимали, зачем к ним идут эти люди или в худшем случае смотрели на них только подозрительно, но во всяком случае доносами на народников не занимались и рук им не вязали. Затем, и это самое главное, с какой целью шли народники в деревню и что они там встретили? Как мы видели, исходя из того убеждения, что община и артель должны послужить исходной точкой для развития социализма в России, народники и думали найти в деревне у русского крестьянина такие предпосылки, которые помогут ему усвоить ту проповедь социализма, какую понесет ему пропагандист-революционер. Кроме того, так как, по Бакунину, в душе русского крестьянина живут инстинкты бунта и протеста, воспоминания о бунте Пугачева и Разина, недовольство реформой 19 февраля, протест против государства и власти вообще, то стоит только эти разрозненные попытки об'единить, организовать выступление крестьян по общему плану, как настанет всеобщее восстание, которое сметет весь старый прогнивший строй. Крестьянин общинник, крестьянин мирской человек, крестьянин инстинктивный коммунист, община и артель — вот исходные точки социализма и было бы страшным злом и России проходить через все стадии капитализма, как Запад, если есть возможность без буржуазии, безо всяких политических потрясений, начать прямо эру социальной революции.

Согласно с этой схемой народники ожидали немедленного и решительного успеха от своей проповеди. Что же, однако, дала им действительность? Действительность их жестоко разочаровала. Все, решительно все добросовестные участники говорят об этом единогласно. Прежде всего крестьяне просто не понимали пропагандистов интеллигентов и сначала относились к ним недоверчиво. Лукашевич говорит, что в Московской губернии крестьяне очень неохотно пускали к себе даже на ночлег странных невиданных пешеходов, принимая их в лучшем случае за попрошаек, а в худшем за воров. То же самое подтверждает и Дебогорий Мокриевич по отношению к южным губерниям. Затем, пропагандисты-народники встретили страшное невежество и неразвитость крестьян. Не только о социализме нечего было толковать, но даже того, что по учению Бакунина было присуще русскому мужичку—равнодушие к религии и царю не существовало и в помине; наоборот, когда Лукашевич попытался натолкнуть крестьян как на причину их бедствий на начальство, крестьяне упорно указывали как на причину своих бедствий на то, что они все „поголовно *пьяницы* и *забыли бога*".

Вера же в царя была настолько велика, что Брешковскую, которую крестьяне, недовольные реформой 19 февраля, охотно слушали, они спрашивали, нет ли у нее царской грамоты, а ее самое принимали за царицу или цареву дочку. Но, быть может, в другой

области дело обстояло лучше, в области крестьянского коммунизма. Увы! и на этот счет народники потерпели страшную неудачу. Аптекман, рассказывая о своих попытках пропаганды в народе, выражается очень определенно и категорически. „Я увидел, говорит он: как мало-по-малу, почти незаметно для меня самого, *пропаганда социализма в массе отодвигалась на задний план и как, наоборот, насущные злободневные вопросы крестьянства выдвигались все более и более на авансцену*". Не *социализм* и не анархия, конечно, а самые животрепещущие вопросы его повседневной серой жизни: безземелие и тягота податей были всегдашними предметами постоянных и нередко задушевных бесед. Здесь пропагандист был неуязвим: знание, которым он обладал, давало ему возможность обобщить данные частные факты и осветить их более ясным светом... Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву социализма, как все совершенно изменялось.

Не то, чтобы его не хотели слушать („Пошто не послухать"?)— а слушали, как обыкновенно слушают занятную сказку: „не любо не слушай, а лгать—не мешай!" Пропагандисты *тогда же* почувствовали, что здесь кроется что-то не ладное, но торопливость, с какой велась пропаганда, не позволяла вдуматься в глубокое значение этого факта, проанализировать его с необходимою серьезностью".

А дело, действительно, было неладно. Вместо социализма в деревне изо всех углов так и лезли в глаза результаты нового буржуазного хозяйства, которое давило на крестьянина, формировало его мелкособственническую идеологию, а идеалист народник упрямо искал в темном мелко-буржуазном крестьянском море зачатков, остатков или инстинктов социализма. До какой степени уже тогда в семидесятые годы определилась эта мелко-буржуазная сущность крестьянина, рассказывает сам Аптекман. „Как-то раз я был в ударе. С „плантом" в руках я развернул перед моей аудиторией картину будущего социального строя, долженствующего воцариться у нас после народного восстания, когда сам народ сделается хозяином всех земель, лесов и вод. На самом, так сказать, интересном месте меня вдруг прервал один из моих слушателей торжествующим возгласом:—„Вот будет хорошо, как землю то поделим! Тогда я принайму двух работников, да как заживу-то!"

Как и следует ожидать, несчастный индивидуалист и мелкий собственник крестьянин был посрамлен талантливым пропагандистом, но тот же талантливый пропагандист в другом месте своих воспоминаний, подводя итоги хождению в народ, с грустью сознается: „Если не считать *единичных*, успешных случаев пропаганды, то в общем результат ее пропаганды в народе почти неуловим".

„Земля и Воля" и ее программа.

Такое об'ективное отношение к вопросу делает, без сомнения, большую честь проницательности и искренности народника О. Аптекмана, но факты, приводимые, как им, так и его товарищами, свидетельствуют с несомненностью, что действительная жизнь жестоко и беспощадно разбила иллюзии идеалистов народников и что не одни репрессии правительства повернули народников с пути мирной социалистической пропаганды, а нечто другое, более сильное и могу-

щественное, жизнь с ее экономическими и социальными отношениями. Принято думать с легкой руки народников, что программа их партии „Земля и Воля“, уже довольно прочно сорганизовавшейся в 1876 году, совершенно устраняла политический элемент, политическую борьбу и политический характер всего народничества. Действительно, и Бакунин и Лавров и их последователи, как мы видели, все решительно держались того мнения, что община и артель должны послужить исходной точкой развития социализма, что нечего в России насаждать такое зло, как капитализм, и что стоит только об'единить разрозненные попытки крестьян к восстанию, как вспыхнет всеобщая социальная революция. Что будет дальше, это дело будущих поколений, наше дело разрушать. Так рассуждали бакунинцы. „Исходя из того положения“, говорила землевольческая программа по словам Аптекмана, „что только *экономическая* революция снизу, при посредстве самого народа, может привести к окончательному разрушению современного общественного строя и к осуществлению более справедливой, согласной с народными идеалами, общественной организации—землевольцы считают необходимым, чтобы операционным базисом их революционной деятельности была обязательно народная масса“.

Очень хорошо охарактеризована программа народников в работе Аптекмана „Черный передел“. Программа эта, говорится там: „представляет собою амальгаму различных элементов, что придает ее архитектонике крайне многостильную, но отнюдь неизящную форму. Это—пестрое сочетание нео-славянофильства Герцена (идеализация архаических форм народного быта) с элементами научного социализма (критика капиталистического строя, экономический и исторический материализм, контрабандой проведенные самим Бакуниным) да еще плюс своеобразного, так сказать, сожительства (симбиоза) элементов материалистической философии Фейербаха, Чернышевского и Маркса с суб'ективно-идеалистической философией Лаврова-Михайловского. Но, что особенно отличает народническую программу—это ее *анархо-синдикалистическая основа* (по Бакунину-Прудону): решительное отрицание демократических буржуазных форм государственного устроения, как они вылились на Западе, в процессе завоевания политических свобод. Отсюда—*аполитизм*, легший в основу программы землевольческой и прочих народнических организаций: отрицание политической борьбы, как орудия *экономического* освобождения народа, *экономического* переворота. Политическая свобода должна быть достигнута лишь как, так сказать, *побочный* продукт завоевания ее в процессе *социальной*, как результат социального переворота, произведенного *самим* народом,—который и установит согласную с его извечными идеалами и исконными взглядами форму политической организации. Отсюда примат „практической“ программы: сосредоточение всех, по возможности, наличных, революционных сил в деревне, организация в деревне *революционных поселений*—как постоянных и необходимых очагов революционного брожения в народе („пропаганда действием“), конечная цель которого—народное восстание, *социальный* переворот с лозунгом „Земля и Воля“, исконный лозунг всех народных революционеров, „титанов народно-революционной обороны: Болотникова, Булавина, Разина, Пугачева и др.“ (Плеханов)“.

Эта прекрасная характеристика народнической программы, вернее тех элементов, из каких она составилась, как нельзя лучше отражает

те социальные общественные группы, которые в историческом своем развитии накладывали свой отпечаток на революционную идеологию народничества.

Социальный состав революционной интеллигенции 60 и 70-х годов.

Как мы видели выше, лозунг: „в народ!" раздался еще из уст Герцена и Огарева, но и Герцен и Огарев были как раз теми деятелями, которые принесли в революционную среду те элементы программы, какие Аптекман характеризует словом нео-славянофильства „идеализация архаических форм народного быта"; Чернышевский и Добролюбов вместе с взглядами и верой в общину, как исходную точку социалистического развития России обратили внимание русской революционной интеллигенции на материалистическое учение Фейербаха и, наконец, Бакунин и Лавров, в особенности последний, эклектически сочетавший и Маркса и Огюста Конта и Прудона, внесли те элементы, какие характеризуются Аптекманом, как элементы научного социализма, как мы видели, весьма своеобразно усвоенного и очень часто искаженного в устах русских народников до неузнаваемости. Если прибавить, что мировоззрение народников революционеров складывалось под очень сильным влиянием анархических взглядов Бакунина, то становится понятной вся та пестрая амальгама, какую представляла из себя программа народников-революционеров к концу 70-х годов. Но если это так, а это действительно так, то спрашивается, по каким причинам эта программа могла представлять из себя такую эклектическую амальгаму? Ответ на этот вопрос находится в самом составе той революционной интеллигенции, которая эту программу вырабатывала и осуществляла. Мы видели как уже со времен петрашевцев изменился классовый состав революционной интеллигенции; среди петрашевцев дворяне-помещики составляли уже ничтожное меньшинство, среди них преобладали дети чиновников, разночинцы и даже представители мещанства. По мере развития буржуазно-капиталистических отношений, требующих новых людей, выращивающих этих людей, мелко-буржуазную интеллигенцию,—всех этих адвокатов, врачей, техников, специалистов—ряды революционной интеллигенции пополняются совершенно новым слоем—сыновьями священников, причетников, мелких чиновников, мещанами. Карокозовский кружок и организации шестидесятых годов (напр., нечаевская) это уже совершенно не тот слой, что давал протестантов в сороковые и пятидесятые годы, это „новые люди", как окрестил их Чернышевский. В семидесятые годы, когда классовая дифференциация пошла еще дальше, состав революционной массы изменился еще более в сторону ее, так сказать, демократизации. Правда, по процессу 193-х и по процессу пятидесяти, как совершенно верно указывает М. Н. Покровский, из числа привлеченных в первом случае было 50%, а во втором 44% обвиняемых дворянского и чиновничьего происхождения, но что это были за дворяне, если подавляющее большинство не только не имели земли, но очень часто самых необходимых средств к существованию. Да и что касается обвиняемых чиновничьего происхождения, то это в большинстве случаев были маленькие не титулованные чиновники, за очень редкими исклю-

чениями. Так, в процессе 50-ти чистокровных дворян привлекалось всего четырнадцать человек: Джабадари, Чекоидзе, Бардина, Кикодзе, Александров, Капорина, Гамкрелидзе, Сидорацкий, Млодецкий, Антимое Гамкрелидзе, князь Цицианов и дочь действительного статского советника Батюшкова, если причислить сюда троих сестер Субботиных, дочерей штабс-капитана, чина не столь уже большого, чтобы считать его стоящим на верху бюрократической лестницы. Отставной коллежский регистратор Кардашов, почетная гражданка Александрова, дочь коллежского ассесора Спиридонова, дочь титулярного советника Медникова, дочь священника Георгиевская или Введенская—дети мелких чиновников или поповичи и поповны мало чем отличаются от тех мещан или крестьян, которые уже начинают фигурировать, как общее правило в политических процессах, начиная с 60-х годов. Четырнадцать человек дворян из 50, это всего 28%, процент не такой уже большой как кажется с первого взгляда; преобладающим элементом является тот новый тип людей, которые выходили уже не из дворянства, а из совершенно новых классов, приобретавших все большее и большее экономическое и политическое значение. Цифры, относящиеся к социальному составу судившихся по процессу 193-х, где 50% были дворянского и чиновного происхождения, тоже подтверждают только что сказанное. Процесс 193-х закончился, как известно 23 января 1878 года, но, конечно, с ним не закончилось революционное движение и цифры, относящиеся к последующим процессам еще ярче подчеркивают то обстоятельство, что представители дворянства среди народников уже не являются преобладающей группой. Из числа 376 лиц, привлеченных за шесть месяцев 1879 года (с первого января по 31 июня), дворяне составляли уже только 15%, мещане 14%, крестьяне 35%, нижние воинские чины 18%, духовного звания 6% и т. д. Словом, лиц, так сказать, демократического происхождения было подавляющее большинство, именно 67%. В высшей степени важно распределение этих лиц по роду их занятий,—лица физического труда составляют довольно значительную группу в 45%, свободные профессии—умственный труд 21% и служба 12%, чистые „пролетарии“ („без занятий“) 10% и только ничтожное меньшинство составляют учащиеся—всего 5%. По образовательному цензу цифры также дают весьма поучительную картину: из всего числа 376 подсудимых только 25% обучались в средних учебных заведениях и только 9% приходится на обучавшихся в высшей школе, остальные либо получили домашнее образование, либо были вовсе неграмотны (28%). Точно также и распределение по возрастному составу дает перевес не молодежи, а людям зрелых лет: людей зрелого возраста (от 25 до 40) было 42%, пожилых (от 40 до 55) 22%, стариков (от 55 до 75)—11%, а молодежи только 25%. Рассматривая эти цифры, можно было бы возразить, что они относятся к 1879 году, когда состав участвовавших в революционном движении сильно изменился в сторону демократизации движения, пополняясь рабочими и крестьянами; действительно, такие процессы, как дело „южно-русского рабочего союза“, включали главным образом рабочих-крестьян и мещан (в „южно-русском союзе“ был только один дворянин Заславский), но с другой стороны такой процесс, как дело казанской демонстрации, на которую должны были явиться рабочие и в которой участвовала и учащаяся

молодежь, почти не дает дворян. Впрочем, в этом процессе, по словам участников движения фигурировали случайно задержанные лица, но элемент случайности всегда был присущ всем процессам, которые „сочиняло“ русское самодержавие, о чем можно судить хотя бы по примеру того же большого процесса 193-х, по которому, начиная с 1874 г., было сначала привлечено 770 человек, а судилось только 193 человека, настолько случайный элемент был захвачен полицейскими сетями.

Таким образом, можно с полным правом утверждать, что уже в семидесятые годы из революционной среды постепенно отливает дворянин, и она заполняется элементами разночинскими. Дети незнатных чиновников, духовенства, мещане и крестьяне—вот тот социальный состав, из которого революционное движение питается и пополняется.

В конце семидесятых годов появляется на сцене еще один новый элемент, это рабочий, но он заполняет историческую сцену целиком уже в следующий период истории.

Аполитичность народники считали одним из признаков своей программы. Действительно, они подчеркивали это повсюду и при всяком удобном случае. Софья Бардина на процессе пятидесяти в своем последнем слове определенно это заявила и подчеркнула. Заявив, что она и ее товарищи не отрицают ни собственности, ни религии, ни семьи, ни государства, она сказала: „Я, господа, принадлежу к разряду тех людей, которые между молодежью известны под именем мирных пропагандистов. Задача их—внести в сознание народа идеалы лучшего, справедливейшего общественного строя, или же уяснить ему те идеалы, которые уже коренятся в нем бессознательно; указать ему недостатки настоящего строя, дабы в будущем не было тех же ошибок, но, когда наступит это будущее, мы не определяем и не можем определить, ибо конечное его осуществление от нас не зависит...“

„... Обвинение называет нас политическими революционерами; но если бы мы стремились произвести coup d'état, то мы не так стали бы действовать; мы не пошли бы в народ, который нужно еще подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами“. Признавая себя анархисткой, Бардина, однако, решительно подчеркивает, что и анархия не имеет в виду никаких политических потрясений и немедленного переворота. Это же обстоятельство решительно подчеркивается и в речах других подсудимых по этому делу, напр., Здановича; это же повторяют на тысячи ладов и все воспоминания участников движения, часто с недоумением задавая вопрос, откуда же появились разногласия, разделившие в конце семидесятых годов народников на чернопередельцев и политиков-народовольцев. Ведь сам Плеханов, будущий основатель русской социал-демократии, писал еще, можно сказать, накануне раскола все в том же правоверном народническом духе в третьем номере „Земля и Воля“, в январе 1879 г. Задаваясь вопросом, может ли общество перескочить через естественные фазы своего развития, когда оно напало на след естественного закона этого развития, Плеханов дает такой ответ: „Значит, покуда общество не нападало на след этого закона, обусловливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна“. На Западе общество напало на след этого закона, когда там пала община. Отсюда прогрессивная роль западного капитализма. „На Западе он, действительно, был естествен-

ным предшественником социализма; но мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно иной, если бы община не пала там преждевременно. Сам принцип общественного землевладения не носит в себе того неизгладимого противоречия, каким страдает, положим, индивидуализм, поэтому он не носит в себе самом элементов своей погибели..." Говоря затем, что „в принципе первобытной общины, как она существует, положим, в России, мы не видим никаких противоречий, которые осуждали бы ее на гибель.

Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станциею на пути прогресса. Тенденция этого закона будет заключаться, напротив, в понижении уровня социальных чувств нашего народа, между тем как на Западе он был когда-то явлением действительно прогрессивным.

Отсюда делались самые решительные выводы, что и без капитализма в России „одно из требований западно-европейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существенный факт". Таким образом, один из деятельнейших народников накануне раскола в органе партии попрежнему утверждал святое святых народничества—веру в общину и самобытные пути развития России. Больше того, уже после раскола в первом номере „Черного Передела" Плеханов все попрежнему отстаивал свои народнические позиции и утверждал, что „неизбежность капиталистической продукции, как переходной ступени к социалистической организации будущего общества, признается нами лишь для тех сфер и имущественных отношений людей, где индивидуализм являлся до сих пор исключительно господствующим принципом". У нас же в России есть община и артель, а потому „в настоящее же время только общинное землевладение и артельная организация народной промышленности составляет практически осуществимую в России часть социалистической доктрины". Словом, в области теории как будто бы все обстояло благополучно, а раскол тем не менее произошел. Ведь даже еще в 1880 году Плеханов еще держался народнических взглядов, когда в статье „Поземельная община и ее вероятное будущее" (в „Русском Богатстве", 1880 г. в январе) он признает, что, „при известной комбинации отрицательных влияний, это разрушение (общины В. Н.), действительно, неизбежно. Именно такие комбинации и обусловили собою разрушение общины почти во всех известных нам культурных странах"; он признает, что и „в России община исчезнет,—если только исчезнет,—повидимому, уже в борьбе с капитализмом" и тем не менее он все же надеется, „что поземельная община может иметь прочное будущее при благоприятном стечении обстоятельств". В легальном журнале Плеханов не мог распространяться об этих благоприятных обстоятельствах, но зато в нелегальном „Черном Переделе" он очень подробно говорит об этих обстоятельствах и о том, что должна делать интеллигенция, при чем борьба с государством „может совершаться только на почве „Земли и Воли" и потому интеллигенция необходимо должна вести агитацию „во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и другие..." Нечего и говорить, что и остальные руководящие члены партии „Земли и Воли" держались тех же основных взглядов—на рус-

скую общину, на ее роль и значение в деле социалистического переворота в России. Так почему же произошел раскол? Современникам казалось, что все дело в личностях. О. Аптекман так прямо и говорит: „Первая склока в обществе „З и В“ зачалась в редакционной его группе, где редакторами органа „З и В“ были: Г. В. Плеханов, Н. А. Морозов, Л. Тихомиров, С. Кравчинский (до от'езда заграницу) и Д. Клеменц“. Но без сомнения сводить причину раскола к борьбе, хотя бы идейной, личностей нельзя. Сама идейная борьба требует об'яснения и находит себе причину далеко не там, где ее ищут современники и участники движения. В самом деле, еще в конце шестидесятых годов, когда действовали нечаевцы и карокозовцы, ведь и тогда существовала в революционных кругах вера в общину, в самобытное развитие России, ведь и тогда как будто бы наши революционеры мечтали о социалистическом перевороте. Даже более, карокозовцы мыслили себе переворот происходящим только постепенно. Однако и они уперлись прежде всего в то же самодержавное правительство. Совершенно не упоминая о политической борьбе в своей прокламации „Друзьям рабочим“, они тем не менее силою вещей дошли до естественного конца, до какого дошли народники в 80-х годах, до цареубийства.

В одной из прокламаций по проекту одного из подсудимых должен был быть такой диалог:

„Кто заселил и обработал землю?

„Народ!

„Кто отстаивал ее от врагов?

„Народ!

„Кто содержал целую тысячу лет правительство и войско?

„Народ! Следовательно, земля принадлежит народу!

„Владеет ли он ею?

„Нет!

„Кто отнял ее у него?

„Помещики!

„Кто им помогал в этом?

„Правительство!“

Вывод отсюда был неизбежен. Он напрашивался сам собою в особенности в условиях самодержавного режима, когда за малейшие попытки не только действовать в разрез с правительственными предначертаниями, но и мыслить не так, как приказано в участке, правительство отвечало невиданными карами. Отсюда понятны и те выводы, какие сделали Карокозов и Ишутин, дошедшие до мысли уничтожить первого из помещиков, царя.

Сторонников решительного более быстрого революционного образа действия было, вообще, не так уже мало и в шестидесятые и, без сомнения, особенно семидесятые годы. Напрасно думали сами народники, что в их среде нет приверженцев политики; такие революционеры были всегда и помимо Карокозова, в особенности в семидесятые годы; исходя из чисто народнических убеждений, проповедуя в теории социальную революцию и до времени мирные способы борьбы, они на деле вели *политическую* борьбу. Так, Кравчинский, полемизируя с Лавровым в своем письме и указав ему на медленность его методов борьбы, говорит ему: „мы хотим действия более решительного, более быстрого, мы хотим непосредственного восстания, *бунта*“. Это писа-

лось в 1876 году, а в следующем году на процессе 193-х Мышкин в своей речи заявил: „Учение, которого я придерживаюсь, гласит, напротив, что обеспечение трудящемуся человеку права полного пользования продуктом его труда и уничтожение власти, которая ему препятствует, безусловно необходимы для осуществления на земле блага трудящихся классов".

Можно сказать, что Мышкин здесь говорил о власти вообще, это, конечно, так, но человек заявляющий, что он считал своею обязанностью печатать и рассылать сочинения, запрещенные правительством, и знающий, что это преследуется этим самым правительством, конечно, не мог не думать о свержении этой самой власти.

Стоит только вспомнить, как и какую борьбу вели народники-революционеры, чтобы раз навсегда отказаться от легенды, что их борьба носила только *мирный* пропагандистский характер. После первого вооруженного сопротивления князя Цицианова все семидесятые годы и особенно вторая половина их наполнена настоящей политической и притом вооруженной борьбой революционеров с правительством. Взять хотя бы главные факты этой борьбы; на протяжении восьми месяцев 1878 года, начиная с выстрела В. Засулич, идут следующие революционные акты: 30 января вооруженное сопротивление Ковальского и товарищей в Одессе, немного позже покушение Осинского на Котляревского и убийство Гейкинга рукою Попко; в мае происходит освобождение из тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановского, затем следует неудачная попытка вооруженным путем отбить у стражи следующего из тюрьмы Войнаральского, потом происходит вооруженное столкновение народников на улице с войсками во время суда над Ковальским в Одессе, затем после приведения в действие смертного приговора над ним убийство в Петербурге Мезенцева рукою Кравчинского... Это только главные факты. И они уже одни достаточно свидетельствуют о том, что борьба народников, теоретически стоявших за мирную пропаганду, отрицавших политическую борьбу на деле, была ярко политической борьбой. Одно дело были слова самих деятелей, другое факты. Впрочем, к концу 70-х годов было уже очень много народников, которые пришли к убеждению необходимости политической борьбы.

После убийства Мезенцева Кравчинский в своей брошюре „Смерть за смерть" писал: „Нас же, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы только избавить от них других,—русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, *возводим их в систему*". В подчеркнутых нами словах лучше чем где бы то ни было выражена та мысль, что партия перешла на почву политической борьбы, ибо возвести в систему политические убийства означает не что иное, как планомерную политическую борьбу, или по крайней мере один из видов ее. Можно возразить, что Кравчинский еще не партия, но все же воспоминания участников движения и документы говорят о том, что уже года за четыре до формального раскола среди народников существовали глубокие расхождения по вопросу о политической борьбе: еще в 1877 году Валерьян Осинский на собрании Большого Совета землевольцев пытался поставить на принципиальное обсуждение вопрос о допустимости политической борьбы. Его торжественно прова-

лили. Но он не успокоился на этом и пытался контрабандным путем провести это признание политической борьбы—под видом—признания партией необходимости экспроприации государственных, общественных, а в крайнем случае и частных имуществ. И эта попытка Осинского не удалась.

Практика, правда, была за Осинским и за его единомышленниками, тем более ведь, что самим уставом признавалось существование, так называемой дезорганизаторской группы, в задачу которой входила самозащита от репрессий правительства, но которая по сути дела и была техническим органом, организовавшим политические акты партии.

Как бы то ни было, но непосредственная активная борьба с правительством в той или другой форме „*фактически* становится стимулом революционных действий людей 1878 года". Это говорит Аптекман и так рисует происшедшую перемену: „И революционер становится все более и более агрессивным. Даже внешность его преобразовывается: вместо прежнего чумазого пропагандиста или даже современного деревеньщика-народника в косоворотке и высоких сапогах—перед нами теперь джентльмен, весьма прилично одетый. У него за поясом кинжал, а в кармане—револьвер: он не только будет защищаться, но и нападать; он даром не отдаст своей свободы. Так думали, говорили и действовали люди 78 года. И революционная хроника этого года вполне подтверждает это. Революционные силы все более и более стягиваются *в город*, борьба все более и более *непосредственно* направляется на правительство—она становится политической". Отсюда следует только один неизбежный вывод: воронежский конгресс народников в июле 1879 года только подвел итог действительным фактам и разделил всех народников на две части,—оставшихся верными старой программе и признавших необходимость изменения этой программы—признавших главнейшей задачей момента борьбу политическую *народовольцев*.

Нет нужды останавливаться на общеизвестных фактах борьбы народников и народовольцев с правительством, но тем необходимее указать, как причины такого расхождения, так и дальнейшую эволюцию разделившихся частей.

В цитированном уже не раз письме Кравчинского имеется в высшей степени важное место. Полемизируя с Лавровым, он говорит о страшных кровопусканиях правительства, т. е. о преследованиях правительства он говорит: „Мы рады отдать всю нашу кровь для народного дела, но не станет у нас ее, если каждый год будут проливаться такие реки! Вы говорите о „гидре стоглавой", говорите, как на место срубленной головы выростает две новых. Уж позвольте мне уверить вас, что вы ошибаетесь. Это, может, издали так кажется. Я же был на месте, я видел как рубят головы этой гидре. Не вырастает на их месте двух новых, уверяю вас. Уже теперь мы обанкрутились. У нас нет почти ничего, мы ходим последним козырем. Теперь жизнь чуть теплится. Скоро она потухнет совсем. Наступит полная реакция. И будет тянуться эта канитель, пока наша молодежь не обуржуазится, как она обуржуазилась во всех других странах, где она была когда то революционной. И ведь это не за горами. Процесс этот совершается с весьма достаточной скоростью и недостает только *конституции*, чтобы он распустился полным цветом. Но и она по всем при-

знакам не заставит себя ждать". Что касается сроков, то Кравчинский сильно ошибался и „конституции" пришлось ждать вплоть до 1905 года, а что касается процесса „обуржуазивания", то он был глубоко прав, только вся беда заключалась в том, что он не замечал, как этот процесс „обуржуазивания" оказывал свое могучее влияние и на самих землевольцев.

Еще в 1878 году, когда Осинский и киевский конституционалист Ювеналиев предлагали землевольцам совместно издавать революционный орган, это предложение было торжественно провалено, а уже через два года новое общество „Земля и Воля", основанное частью землевольцев, оставшихся верными старому социалистическому знамени, не только не цурается конституционного движения, но считает возможным его использовать, правда, с целью „ослабить веру народа в значение мирных легальных реформ".

Дело в том, что процесс буржуазного развития страны двигался настолько быстрыми шагами, что не считаться с ним могли либо упрямые догматики, либо люди ничего не понимавшие в экономике и политике. И мы знаем, что этот могучий процесс действовал между прочим и на самих народников, при чем то классовое расслоение, какое испытывала страна, испытывала на себе и русская интеллигенция. Крупно-буржуазные и средне-буржуазные слои ее никогда и не сочувствовали социалистической струе движения, их привлекала политическая борьба народников с правительством, и правительство это очень хорошо понимало. Вот почему оно всегда пугало либералов тем, что революционеры идут против семьи и собственности, и вот почему революционеры всегда старались показать обществу, что они мирные пропагандисты, а иногда заявляли, что они совсем не против собственности и семьи. После покушения Соловьева на Александра II, этот последний в ответ на поздравление Петербургской думы сказал: „Благодарю вас, господа, за чувства, выраженные за вас вашим головою. Я в них никогда не сомневался. Обращаюсь к вам, господа: многие из вас домовладельцы. Нужно, чтобы домовладельцы смотрели за своими дворниками и жильцами..."

Домовладельцы не замедлили откликнуться на призыв царя, эти собственники буржуа не прочь были получить конституцию, не прочь были и от того, чтобы молодежь, т. е. по большей части мелко-буржуазная интеллигенция, т. е. часть той же буржуазии припугнула правительство, но они были против кровавых переворотов и потрясений. Они были сторонниками мирных реформ, как земцы, либеральные помещики и вся либеральная буржуазия. Да и они ли одни боялись кровавых переворотов и потрясений? Далеко нет. Вот что писал Михайловский, этот признанный вождь идеологов народников, один из столпов „суб'ективного метода социологии", Лаврову на его предложение принять участие в организуемом им органе за границей: „Скажите мне ваше повелительное наклонение не в теоретической области, а в практической. В ожидании я вам скажу свое: *сидите смирно и готовьтесь*. Другого я не знаю, другого, по моему, русский социалист теперь иметь не может. Никакой радикально социалистической оппозиции в России нет, ее надо воспитать. Задача молодого поколения может состоять только в том, чтобы готовиться к тому моменту, когда настанет время действовать. Само оно бессильно его вызвать и

будет только задором гибнуть в этих попытках. А что момент настанет и даже, несмотря на теперешнюю реакцию, в более или менее близком будущем, это, по моему, несомненно. Япония, Турция имеют конституцию, должен же придти и наш черед. Я впрочем, не знаю, в какой форме придет момент действия, но знаю, что теперь его нет, что молодежь должна его встретить в будущем не с Молешотом на устах и не с игрушечными коммунами, а с действительным знанием русского народа и с полным уменьем различать добро и зло европейской цивилизации. Откровенно говоря, я не так боюсь реакции, как революции". Сам представитель радикальной и мелко-буржуазной интеллигенции Михайловский с откровенностью, делающей ему честь, заявляет, что он больше боится *революции*, чем *реакции* и, называя героические усилия революционеров устроить уже сейчас коммуны „игрушечными коммунами", признает единственной задачей революционера-радикала—мирную подготовку к конституции. Дальнейшие фразы о том, что „готовить людей к революции в России" нужно, остаются только фразами, на которые не поскупится даже ни один либерал. Михайловский остался верен себе и впоследствии и говорил о конституции таким языком, что настоящие революционеры, не зная, кто автор этих слов, принимали эти слова за слова чистокровных либералов. Цитированное письмо Михайловского относится к началу семидесятых годов, а в апреле 1878 г. тот же Михайловский в „Летучем Листке", изданном подпольно (после дела В. Засулич), ища выхода из создавшегося положения, находит его в одном принципе, и „принцип этот называется *Конституция, Земский Собор*". Приведя это место, О. Аптекман восклицает в своих воспоминаниях:

„Вот, наконец, каким языком заговорили наши либералы еще в апреле 1878 года". Народник не узнал в этом конституционном листке своего учителя; до такой степени учитель ушел в сторону от того пути, который в теории признавался всеми землевольцами и который на практике уже был изменен так основательно и решительно. Это радикально-демократическая струя в народническом движении защищалась Михайловским и впоследствии. В номере втором „Народной Воли" в октябре 1879 года Михайловский в статье, подписанной псевдонимом Гроньяр, еще более настойчиво отстаивал свои радикально-демократические взгляды.

Он упрекает народовольцев за их боязнь конституционного режима и утверждает, что буржуазное иго лежит уже над Россией (что, однако, не мешало Михайловскому со старанием, достойным лучшей участи, еще десятки лет потом в спорах с марксистами отрицать прогрессивную роль капитализма и нарождение и освободительную миссию марксизма) и приходит к заключению, что конституцию нужно вырвать у самодержавия, т. е. рекомендует политическую борьбу. На Западе политическая свобода была завоевана „уже после того, как сложилось крепкое, организованное, умственно и материально, сильное третье сословие. В этом горе Европы и урок нам. У нас политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чем буржуазия настолько сплотится и окрепнет, чтобы не нуждаться в самодержавном царе и его эманациях. Такая минута наступит. Буржуазия, выросшая под сенью царской порфиры, разорвет ее в клочки, и что вы скажете тогда на неподкупном суде истории? Отстраняясь от политической борьбы, задержали ли

вы развитие буржуазии? Нет, вы помогли ему, потому что, чем самодержавнее исправник, тем легче кулаку грабить".

„Вы боитесь собственной мысли!" упрекал народовольцев Михайловский и советовал бить по обоим клювам самодержавного орла,— дворянско-самодержавному и буржуазно-самодержавному, и, советуя это, он действительно был самым настоящим радикалом демократом. Но, будучи радикальным демократом, он вместе с тем был и социалистом-утопистом, идеологом мелкой буржуазии, сбивающимся на самого ординарного либерала, боящегося больше революции, чем реакции и не видевшего той силы, которая в будущем убьет самодержавного орла с его двумя клювами.

„Люди революции расчитывают на народное восстание. Это дело веры. Я не имею ее".

Эту боязнь, эту неуверенность в успешности борьбы проявлял Михайловский и после, когда уже шумели и вздымались могучие волны доподлинно народного рабоче-крестьянского движения в 1898 г. и 1901 годах.

В 1898 году он писал Русанову о том, что в России может возобладать либо либеральное течение, либо террор, а в 1901 году, повторяя эту же мысль, говорил: *„Я предчувствую смутные мрачные времена и вижу исход только в одном, в чем принять личное действие не могу, а потому и другим рекомендовать не могу, но что фатально рано или поздно должно быть"*.

Эта неуверенность, этот мрачный взгляд на вещи понятен и ясен у человека, проглядевшего огромное значение рабочих масс и вместе с тем всю жизнь насаждавшего лавровскую теорию критически мыслящих личностей, теорию героев, руководящих толпой. Это тем более понятно, что приток мелко-буржуазной интеллигенции был хотя и велик, но интеллигенция эта была уже не та: она расслоилась, разделилась, т. е. продолжала тот процесс, который в ней начался уже давно. Очень интересно, что деятели Ишутинской „Организации", обдумывая вопрос о работе среди народа, думали опереться на сельских и городских учителей, семинаристов, служащих, учащуюся молодежь. В их рассуждениях есть один очень характерный момент. „Тесно соединившись, развитые люди найдут, во-первых, средства к увеличению школ, а, во-вторых, разместившись по губернским городам, будут способствовать развитию семинаристов, этих естественных учителей народа. Развитые семинаристы обыкновенно выходят из духовного звания, поступают в университет и навсегда теряют свои связи с народом, потому что развитому человеку жить в деревне, с ничтожными денежными средствами, без книг, без людей равного образования очень тяжело". Но эту связь с народом теряли и мещане и вся та мелкая буржуазия, которая попадала в среднюю и высшую школу и устраивалась в городах, завоевывая себе положение в новом буржуазном укладе. Лопухов, этот новый человек Чернышевского, был далеко не пролетарий и имел очень тесное касательство к тому самому капитализму, миновать который так страстно хотел Чернышевский. Кирсанов был сын писца уездного суда и тоже, превратившись в разночинца, не чуждался ни хорошей сигары, ни хорошей музыки, ни буржуазной обстановки. Соломин Тургеневской „Нови" так характеризуется устами Паклина: „Соломин!—Этот молодцом...

Теперь говорят свой завод имеет—небольшой—где-то там, в Перми, на каких-то артельных началах. Этот дела своего не оставит! Он продолбит!—Клюв у него тонкий—да и крепкий зато. Он—молодец! А главное: он не внезапный исцелитель общественных ран". Скажут, нельзя отожествлять Соломина, Кирсанова и Лопухова с народниками революционерами. Никто и не сравнивает их, и Лопухов, и Кирсанов, и Соломин эти „новые люди" тоже были разночинной интеллигенцией, тоже желали перемены проклятого самодержавного строя, но только их желания и их способ действия был иной, чем радикальной части, той же части мелко-буржуазной интеллигенции и, конечно, в силу их экономического положения. Расслоение задевало и разночинца, и все большая часть этой разночинной интеллигенции с каждым годом отбрасывалась все правее и правее, и с каждым годом все больше и больше напоминал о себе революционер из более низших слоев народа, но только в 70-е, 80-е годы представители этих слоев были еще мало заметны, как разночинец, напр., в эпоху Петрашевского. И прямо пророчеством звучат слова Чернышевского, когда он говорит о своих новых людях: „Недавно родился этот тип и быстро распложается. Он рожден временем, он знамение времени и, сказать ли?—он исчезнет вместе с своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; теперь... но все равно, что думают о них теперь; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: „спасите нас!" и что будут они говорить, будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканные, срамимые. Так что же, шикайте и срамите, гоните и проклинайте, вы получили от них пользу, этого для них довольно, и под шумом шиканья, под громом проклятий, они сойдут со сцены, гордые и скромные, суровые и добрые, как были. И не останется их на сцене?—Нет. Как же будет без них? Плохо. Но после них все-таки будет лучше, чем до них. И пройдут года и скажут люди: „После них стало лучше; но все-таки осталось плохо". И когда скажут это, значит пришло время возродиться этому типу, и он возродится в более многочисленных людях, в лучших формах, потому что тогда всего хорошего будет больше, и все хорошее будет лучше; и опять та же история в новом виде".

Мы повторяем еще раз, что не сравниваем народников ни с Кирсановым, ни с Соломиным, но факт остается фактом, экономическое развитие России не стояло на месте, и это отражалось и на идейной эволюции народничества. Мы видели, как неудачи хождения в народ, мелко-буржуазные инстинкты крестьянина, наконец, репрессии правительства заставили народников на деле перейти на почву политической борьбы, как среди них самих все больше и больше становилось сторонников политической борьбы, как даже их собственные теоретики и учителя, в роде Михайловского, становились на почву борьбы за конституцию, как, стало быть, назревал тот мемент, когда необходимо было размежеваться на две части. Этот формальный момент, узаконяющий уже давно фактически существующий раскол, и произошел на Воронежском с'езде. Здесь, летом 1879 года и произошел генеральный спор между двумя сторонами. На с'езд явились наиболее деятельные и призна-

ные вожди землевольцев: Александр Михайлов, Александр Квятковский, Плеханов, Тихомиров, Морозов, В. Н. Фигнер, С. Перовская, М. Ошанина, „Титыч", М. Р. Попов, „Сергей Андреев", „Егорыч", Кокевич, М. Фроленко и О. Аптекман.

Во время заседаний с'езда были приняты в общество „Земля и Воля"—Желябов, Ширяев, Колоткевич и Сергеев. На с'езде обсуждались следующие главнейшие вопросы: о программе, о терроре, о лиге цареубийства и о редакции центрального органа партии.

По вопросу о программе очень скоро было достигнуто единогласие: в основе старая, землевольческая программа осталась прежняя, неизменная. По вопросу же о терроре разгорелись очень жаркие прения.

Страстные прения разгорелись по вопросу о терроре. Плеханов был одним из самых горячих сторонников старой землевольческой программы и противником террора. Мы уже цитировали некоторые места из его статей в „Земле и Воле" и в „Черном Переделе" как раз этого описываемого периода размежевания двух течений народнической мысли.

— „Чего добиваетесь вы,—обратился он прямо с вопросом к террористам,—на что вы рассчитываете?"

— „Мы получим конституцию,—неожиданно в пылу спора выпалил Михайлов,—мы дезорганизуем правительство и принудим его к этому".

„Произошло полное замешательство. Плеханов горячо возражал, что дезорганизаторская деятельность наша только приведет к усилению правительственной организации, что в окончательном результате борьбы победа останется на стороне правительства, что единственная перемена, которую можно с достоверностью предвидеть, это—вставка трех палочек, вместо двух, при имени „Александр"; что, дальше, стремиться народнику революционеру к конституции почти равносильно измене народному делу. Желябов поставил вопрос ребром и решился прямо без обиняков: надо де совсем отказаться от классовой борьбы, выдвигая в этой борьбе на первый план *политический* ее элемент. Тихомиров всячески старался смягчить, сгладить эти резко столкнувшиеся противоречия и разногласия. В конце концов соглашение все-таки было достигнуто, и я думаю, что буду близок к истине, если я выражу окончательное на этот счет постановление конгресса в такой форме: *политический террор*, как форма борьбы, *признается лишь как крайняя и исключительная мера для данных специальных случаев*". Так описывает эти споры один из участников с'езда Аптекман. Дело, однако, было значительно глубже: уже тогда среди народничества наметились три весьма определенных течения,—чистые народники, полагавшие, что низвержение самодержавия является непременным условием для развития общины в направлении социализма, затем радикалы в западно-европейском смысле и, наконец, люди, убеждения которых представляли амальгаму западно-европейского радикализма и народничества. Лучшим представителем радикалов в западно-европейском смысле этого слова был А. Желябов. Плеханов в этом термине или названии очень хорошо охарактеризовал именно эту сторону эволюционирующего народничества. В самом деле, все народники, как представители мелко-буржуазного утопического социализма, идеализирую-

щего разлагающуюся общину, всегда противопоставляли социализм политике. Так же думал и Желябов. Он прямо, по словам его биографа Тихомирова, полагал, что „социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ". Это дело либералов. Но либералы бессильны и не могут добиться свободы. Между тем без политической свободы невозможна в России никакая идейная борьба. Поэтому, рассуждал Желябов, „мы должны остановиться, как на ближайшей цели, на чем-нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе и стремление к чему могло бы об'единить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности".

В другом месте той же биографии Тихомиров такими словами характеризует Желябова: „Вообще надо сказать, что этот *мужик*, по своему происхождению, никогда не отвертывался от „общества", как делало большинство отправлявшихся в народ. Русская революция представлялась ему не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще". Плеханов, говоря о Желябове, подчеркивает именно эту сторону взглядов и указывает, что так мог рассуждать не социалист, а радикал, и что Желябов, желавший об'единить на платформе политической борьбы все элементы общества, уже не мог пользоваться принципом классовой борьбы, этот принцип не мог об'единить „все элементы" общества, и вот почему Желябов на с'езде заявил, что революционеры теперь должны оставить всякую мысль о классовой борьбе, и потому, когда его спросили, будет ли он поддерживать стачку рабочих, он бесстрашно ответил: „стачечник ведет двоякую борьбу,—он ведет классовую борьбу с фабрикантами и политическую борьбу с полицией; и я его буду поддерживать именно потому, что он борется с этой последней". Товарищи Желябова называли его тогда на с'езде „истым конституционалистом", между тем как в его взглядах ярко проскальзывали весьма определенные нотки, чьи интересы он отстаивает и выражает.

В высшей степени важны и интересны взгляды Желябова поэтому на конституцию и на ту пользу, которую она может принести крестьянам.

„Я знаю, — говорил Желябов — много очень умных, энергичных общественных мужиков, которые теперь сторонятся от мирских дел, потому что крупного общественного дела они себе не выработали, не имеют, а делаться мучениками из-за мелочей не желают: они люди рабочие, здоровые, прелесть жизни понимают и вовсе не хотят из-за пустяков лишиться всего, что имеют. Конституция дала бы им возможность действовать по этим мелочам, не делаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дело. А потом, выработавши себе крупный общественный идеал, не туманный, как теперь, а ясный, осязательный, и создавши великое дело—эти люди уже ни перед чем не остановятся, станут теми героями, каких нам иногда показывает сектантство. Народная партия образуется именно таким путем". Революционер, рассуждающий о том, что умные общественные мужики, понимающие прелести жизни и не желающие жертвовать по пустякам, могут развиться при конституционном режиме, это—революционер радикал, отстаивающий об'ективно интересы крепкого мужика, идеалы мелкой буржуазии, хотя бы он клялся всеми клятвами, что он социалист. Но сила

Желябова в том и заключалась, что он очень хорошо отражал потребности именно развивающейся в буржуазно-капиталистическом смысле страны, отражал об'ективно, вероятно не сознавая, что в данном случае он отстаивает интересы именно того слоя буржуазии, который в деревне тогда уже народился и развивался.

В высшей степени важно для характеристики взглядов народников и его заявление на суде, что народовольцы государственники, а не анархисты, что „правительство всегда будет, что государственность неизбежно должна существовать"... заявление, под которым, без сомнения, не подписался бы ни один из правоверных народников 70-х годов.

Как бы то ни было жизнь была за Желябова и его товарищами, и потому он победил на с'езде. Остальные вопросы после разрешения вопроса о терроре в благоприятном для Желябова смысле тем самым были решены,—решено было помогать и лиге цареубийц и оказывать материальную поддержку террористической деятельности, и хотя редакция органа террористической фракции народников „Народной Воли" была составлена так, что в ней были представлены и сторонники старых землевольческих взглядов, ясно было, что наступил настоящий разрыв.

Часть народников, не разделявших мнение Желябова и его сторонников, образовали новое общество землевольцев, или, как они называли себя, по имени своего органа „Черный передел"—чернопередельцев. В августе 1879 года уже не было единой партии „Земля и Воля, а существовало две партии „Народная Воля" и „Черный передел". В эту последнюю вошли следующие лица: Г. В. Плеханов, Попов, Ю. Преображенский, О. Николаев, Н. Короткевич, М. Крылова, В. Игнатов, Л. Гартман, О. Аптекман, Я. Стефанович, Л. Дейч, П. Аксельрод и В. Засулич. Кроме того, были кооптированы в партию: Козлов, Е. Козлова, Е. Н. Ковальская, Е. Шевырева, Н. П. Щедрин, Переплетчиков, П. В. Приходько-Тесленко, А. Жарков (наборщик-предатель) и И. П. Пьянков.

Уже первого января 1880 года была опубликована программа „Народной Воли", где ясно и определенно сказано, что народовольцы ставят своей ближайшей задачей „снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу".

В программе кроме того выдвигалось: Созыв Учредительного Собрания; установление такой конституционной формы управления страной, которая бы в полной мере обеспечила установление всех демократических гарантий и давала бы возможность осуществить передачу земли народу, а фабрик и заводов в руки рабочих. Террор занимал в этой программе одно из первых мест, как средство достижения поставленных партией целей. Но эволюция народничества не остановилась на этом.

Взгляды Желябова об об'единении всех элементов русского общества, способных к политической борьбе, против самодержавия, скоро выродились в самый обыкновенный либерализм. Тихомиров, полагавший, что революционеры, захватив власть, немедленно приступят к осуществлению социалистической революции, Тихомиров-якобинец еще в третьей книжке „Вестника Народной Воли" прямо и определенно отожествлял миросозерцание и идеалы революционеров-членов партии „Народной Воли" и идеалы „наиболее развитой, культурной части

русского общества, „при чем, по мнению Тихомирова, и революционеры и наиболее развитая культурная часть общества добиваются одного и того же, а именно: „осуществления прав человека и гражданина, разумной политической организации государства, обеспечения трудящегося, правильной организации национального производства“...

Как быть с террором, с захватом власти, с социалистической революцией, Тихомиров умалчивал *), потому что „наиболее развитая культурная часть русского общества“, т. е. по-просту либералы, как чорт ладана боялись и террора, и захвата власти революционерами и социалистической революции. Принять же те демократические требования, какие предлагал Тихомиров, либералы готовы были всегда, лишь бы достижение всего этого не требовало борьбы и отдало бы власть в их руки.

После казни в марте 1881 года самых выдающихся вождей „народной воли“—Желябова, Михайлова, Перовской, после других казней, арестов и ссылок, когда Тихомиров, один из уцелевших идейных вождей партии, эмигрировал заграницу, эволюция и вырождение народничества пошли еще дальше. В 1883 году были уже такие народовольцы, которые, как А. Н. Корба, на суде заявляли, что „цели партии совершенно миролюбивые“ и что „партия не стоит непреоборимо упорно за террор; рука, поднятая для нанесения удара, опустится немедленно, как только правительство заявит намерение изменить политические условия жизни“; в доказательство она указывала на известное письмо Исполнительного Комитета к Александру Третьему. Якубович, осужденный по процессу 21 народовольца, выражал еше более умеренные взгляды. Утверждая, что былая идея народовольцев, идея захвата власти заставляет теперь улыбаться народовольцев, он так формулирует свои взгляды: „Наша формула стала иная: призыв народа с высоты трона, поколебленного ударами революционеров“. Вслед же за этим должен быть Земский Собор. Итак, вместо гордых призывов к беспощадной борьбе с самодержавием, призывов таких титанов народничества, как Желябов, теперь раздавалось робкое и жалкое лепетанье о „призыве с высоты трона“, до которого были такие охотники либералы. Дело дошло, наконец, до того, что в конце 80-х годов некоторые народовольцы совершенно отказывались от социализма и утверждали, что и вообще народовольцы признавали в своей программе борьбу за социализм „лишь в исходные моменты юношеского увлечения“ (статья Кашинцева в единственном номере журнала „Социалист“).

Все чаще и чаще теперь раздаются в статьях народовольцев такие нотки, в которых стирается всякая грань между социалистами-народниками и либералами, все чаще и чаще обращаются они с призывами к „обществу“ и все яснее и яснее становится, что партия, некогда славная, могучая и грозная, умерла. В начале 1884 года это было уже ясно для всех, и с этих пор все попытки вдохнуть в нее жизнь были безуспешны. Партия была трупом.

Группа „Черного Передела“ была также недолговечна. В редакцию журнала вошли Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефа-

---

*) Идею Тихомирова о захвате власти, как она вылилась в его статье „Чего нам ждать от революции“, в 1884 г., лучше рассмотреть в другой связи.

нович и Л. Г. Дейч. Но Плеханов, Стефанович и Дейч уже в начале 1880 года (в январе) должны были покинуть Россию (оставаться дольше в России было нельзя), а 22 января предатель Жарков выдал типографию „Черного Передела“, и в тюрьму, а затем и в Сибирь, попали М. Крылова, П. Приходько-Тесленко и Пьянков. Затем были арестованы Аптекман и другие чернопередельцы. Печатание журнала, правда, возобновилось, но его вышло всего пять номеров, и на пятом номере в ноябре 1881 года он прекратил свое существование. Сама группа влачила жалкое существование.

В основном как будто бы ведь программа группы оставалась старая. В передовой статье от редакции в первом номере „Черного Передела“ так прямо и говорится, что „Земля и Воля“ попрежнему останется нашим практическим, боевым девизом, так как эти два слова наиболее полно и широко выражают народные потребности, стремления и идеалы“. Впрочем, в этой программе были сделаны уступки времени: признается политический террор и, как уже говорилось выше, признается необходимость использования возможного в России конституционного движения, правда, для того, чтобы „ослабить веру народа в значение мирных легальных реформ“. Но как мы увидим далее уже на страницах „Черного Передела“ было настолько много новых элементов, чуждых народничеству, что переход чернопередельцев к марксизму был уже не за горами.

Практической работы чернопередельцы развернуть не сумели потому, что политическая борьба Народной Воли с самодержавием поглотила почти все наличные революционные силы и потому, что ни о каких поселениях в деревне теперь не могло быть и речи. Оживить ее не мог даже приехавший из заграницы П. Б. Аксельрод; хотя он и развил необыкновенно успешную устную агитацию среди молодежи, организовал „Северно-русское общество „Земли и Воли“, органом которого и был „Черный Передел“ (программа опубликована во втором номере этого журнала), дело все-таки не пошло. После же его от‘езда прекратилось и издание журнала. Причины неудач „Черного Передела“, конечно, заключались в том же, в чем заключались они и для народничества вообще. Но была и еще одна важная причина, это тот большой идейный кризис, который переживали сами основатели группы,—постепенная эволюция их взглядов в сторону научного социализма. Эта эволюция заметна уже и на самом журнале, особенно на статьях Плеханова. В статье первого номера „Черного Передела“ Плеханов заявляет, что программа группы основывается на общих указаниях науки и специальных условиях русской истории и современной действительности. „Мы признаем социализм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе общества“. Подчеркивая затем, что каждый общественный деятель должен быть радикалом в своей деятельности, Плеханов говорит: „Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать по нашему мнению радикализмом экономическим“. Кажется, что выводы из этого правильного положения должны бы быть также пра-

вильными, однако Плеханов, не отрицая и политической борьбы, все же считает, что „борьба эта имеет лишь второстепенное значение". Точно так же еще в журнале „Земля и Воля", развив всесторонне вопрос о революционной деятельности среди рабочих, Плеханов все же в „Черном Переделе", уже после этой статьи о роли рабочих в революции, продолжает повторять свой народнический символ веры и приходит „к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и другие". Плеханов, как и все народники, верит в самобытные пути развития России, в общину и артель, и вместе с тем, в противовес Лаврову, он не верит в теорию героев и толпы и, наоборот, категорически заявляет: „Личности гибнут, но революционная энергия единиц переходит сначала только в оппозиционную, а затем мало-по-малу в революционную *энергию масс*. В этом заключается весь смысл борьбы..." За всем тем Плеханов сам впоследствии, уже будучи ортодоксальным марксистом и характеризуя свои взгляды эпохи „Черного Передела", считает, что он воспринял основные начала учения Маркса в искаженном виде, именно в том виде, какой придал ему Бакунин. Поэтому то наследство, какое осталось основоположнику русской социалдемократии от народников, заключалось только в том практическом опыте, который частью был приобретен самими чернопередельцами в их революционной работе среди масс, частью завещан социалистами первой половины семидесятых годов. Что же касается теории, то в этом отношении, по словам Плеханова, „семидесятые годы давали нам очень мало, так как „наследство", завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла „русский социализм" бакунинского или лавровского оттенка от *научного* социализма Западной Европы, и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переулка". Впрочем, эту характеристику взглядов Плеханова нельзя целиком относить к периоду „Черного Передела", так как уже тогда эволюция взглядов чернопередельцев зашла настолько далеко, что необходимо было немного времени, чтобы выкристаллизоваться новой соц. демокр. программе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Экономическое развитие России после освобождения крестьян: 70-ые, 80-ые и 90-ые годы. Положение рабочего класса в эти годы.

Освобождение крестьян, несмотря на все неблагоприятные условия, в какие этим освобождением крестьяне были поставлены, немедленно же отозвалось на всем строе нашего хозяйства; оно послужило большим толчком для дальнейшего его развития.

Прежде всего, это сказалось на производительности крестьянского труда. Увеличился сбор урожая не только на помещичьих землях, но и у крестьян; урожай стал больше не только для пшеницы, хлеба барского и являющегося, главным образом, предметом вывоза, но и для ржи, хлеба исключительно мужицкого.

Статистические сведения решительно подтверждают это мнение. Повышение урожая ржи и пшеницы видно из следующих данных:

Губернии:	Урожай—(„сам сколько") 1857—66 г. Озимые хлеба вообще.	1870—82 г.г. Озим. рожь.	Оз. пшеница.
Воронежская	4,0	4,2	4,0
Полтавская	3,9	4,8	4,3
Рязанская	3,4	4,2	5,1
Орловская	3,9	4,4	5,1
Курская	3,5	5,3	5,7
Тамбовская	3,9	5,3	5,3
Пензенская	4,1	5,1	3,8

Это увеличение урожайности особенно показательно для ржи, так как рожь является хлебом по преимуществу крестьянским; из всех крестьянских посевов $^4/_5$ засеяны рожью и только одна пятая пшеницей, в то время как на землях помещичьих целая треть земли засевалась пшеницей и только две трети рожью. Точно также, несмотря на быстрый рост населения России, хлеба на каждую душу населения оставалось больше.

Губернии:	Производство зерна четвертей на душу чистого сбора 1864—66	1870—79	1883—87
Южные степные	2,09	2,14	3,42
Нижневолжские и заволжские	2,12	2,96	3,35
Средне-черноземные	3,32	3,88	3,28

Таким образом, чистый остаток, приходящийся на каждого жителя увеличился, и это означало не что иное, как увеличение производительности труда. Крестьянин и помещик получили возможность излишек хлеба реализовать на рынке, а так как и освобождение крестьян и период после освобождения совпали с повышением хлебных цен на мировом рынке, то причины для такой реализации излишков и для дальнейшего расширения хлебного хозяйства увеличивались. Вот как под влиянием возросших цен на хлеб на западно-европейском рынке увеличивались цены на хлеб в России:

Годы:	Пшеница:	Рожь:
1861—70	168,20	177,80
1871—80	181,38	191,03
1881—84	159,97	179,37

Здесь цены 20-х годов приняты за сто и видно как велико было увеличение хлебных цен вплоть до восьмидесятых годов, когда началось снова их падение.

В начале пятидесятых годов в Одессе цена пшеницы была 5 р. 75 коп., а в конце шестидесятых уже 9 р. 54 коп., цена ржи 3 р. 28 к. и 6 р. 86 коп. В семидесятые годы это повышение цен в пунктах вывоза в Петербурге и Одессе было еще больше:

Средняя цена пшеницы. Средняя цена ржи в Петербурге и Одессе.

Годы:		
1871	11,41	6,65
1872	12,04	6,23
1873	13,04	6,05
1874	12,72	7,11
1875	11,21	6,83
1876	10,92	7,17
1877	12,17	7,41
1878	12,52	7,15

Последний столбец цифр приводит в своих таблицах народник В. В., не видавший в развитии капитализма никаких прогрессивных начал и все же вынужденный признать, что, под влиянием причин' стоящих вне воли людей, русское хлебное хозяйство получило могучий толчок к развитию. Повышение цен заграницей притягивало русский хлеб, как насосами, к таким пунктам как Петербург и Одесса, откуда иностранные корабли увозили его в промышленные страны. Действительно, вывоз русского хлеба, начиная с 60-х годов, особенно сильно увеличивался: так за трехлетие, 1857—1859 г.г., предшествующее освобождению крестьян, было вывезено 8.780 тысяч четвертей хлеба, а уже за следующее трехлетие 1860—1862 г.г. эта цифра возросла до 8.859 тысяч четвертей и затем это увеличение шло беспрерывно:

трехлетия	тысячи четвертей
1863—1865	8.708
1866— 68	13.154
1869— 71	18.154
1872— 74	21.080

Понятно, что в соответствии с этим происходил гигантский процесс преобразования России и во всех других отношениях. Для того, чтобы выбросить заграницу такое огромное количество хлеба, как в 1874 году (21 тысячу четвертей), нужны были не те жалкие средства передвижения, какими располагала Николаевская Россия, нужны были железные дороги. И мы видим, что, начиная с 60-х годов, увеличивается постройка железных дорог. В 1838 году было открыто в России всего 25 верст железнодорожного пути, к концу пятидесятых годов их было 1.250,9 верст, а к концу семидесятых уже 20.942,1 верст, к концу восьмидесятых Россия обладала рельсовым путем протяжением в 26.381,9 верст. Если взять те трехлетия, за которые так увеличился вывоз заграницу русского хлеба, то как раз в это же время замечается и увеличение постройки железных дорог:

Трехлетия	Вывоз хлеба заграницу	К концу трехлетия сеть жел. дор.
1863—65	8.708	3.566,1
1866—68	13.154	6.464,3
1869—71	18.154	12.721,2
1872—74	21.080	10.946,1

При этом сейчас же непосредственно после освобождения крестьян к концу 1862 года было 3.268,2 версты, при чем за один 1862 год сеть увеличилась на 200 верст. В это же время как раз и проводятся железнодорожные линии, соединяющие как внутренние хлебные рынки, так и районы производства хлеба с русскими портовыми городами.

В 1867 году открыта Сызрано-Рязанская жел. дорога, в 1869 г.— Козлово-Тамбовская линия, в 1857—Балтийская, в 1861 — Московско-Нижегородская и Козлово-Воронежско-Ростовская, в 1869 — Грязе-Борисоглебская, в следующем—Борисоглебско-Царицынская, Курско-Харьковско-Азовская и т. д. Но было бы, конечно, ошибочно думать, что промышленное развитие России происходило исключительно под влиянием заграничного рынка и постройки железных дорог. Само открытие этих последних, как и другие явления хозяйственной жизни, были результатом действия тех причин, которые коренились в предшествующем хозяйственном периоде. Во введении было показано, как развивалась промышленность и торговля до освобождения крестьян. Теперь в результате увеличения производительности труда в области земледелия ход капиталистического развития еще более ускорился. Прежде всего это отразилось в области того же крестьянского хозяйства.

Уже из приведенных цифр роста хлебного вывоза можно заключить, что в деревне в крестьянском хозяйстве точно также происходили изменения; эти изменения можно кратко характеризовать, как все более и более быстрое превращение крестьянского хозяйства в товарное хозяйство со всеми теми свойствами и признаками, которые присущи товарному хозяйству: конкуренцией, борьбой за самостоятельное существование, концентрацией производства в руках меньшинства, образованием сельско-хозяйственного пролетариата, накопление торгового капитала, эксплуатирующего батраков, и жестокой классовой борьбой. Таким образом, развитие товарного хозяйства уже в пределах общинного уклада вызывало то, что в политической экономии характеризуется словом дифференциация крестьянства .Правда, зачатки этой

дифференциации, этого разложения крестьянства начались значительно раньше реформы 1861 года, тогда, когда наряду с отработками крепостного режима возникла рента продуктами (натуральная рента), т. е. когда крестьянин, являясь самостоятельным производителем, выплачивает помещику ренту в виде продуктов и тем самым получает возможность приобретать своим трудом некоторый излишек сверх того, что ему нужно для удовлетворения своих потребностей. Развитие торговли и промышленности в стране только помогает переходу этих отношений в деревне в высшую форму, форму денежной ренты, когда крестьянин, непосредственный производитель уплачивает ренту владельцу земли уже не продуктами, а деньгами, т. е. форму, которая так хорошо была знакома русским крестьянам в виде оброка еще во времена Александра I. Крестьянин откупался от барщины деньгами и получал возможность сам эксплуатировать своих маломощных односельчан. Так еще в недрах крепостного общества возникали и расширялись условия, увеличивающие разложение, разделение крестьянства на различные экономические группы: сельскую буржуазию, среднее крестьянство и сельско-хозяйственный пролетариат. Обе крайние группы получались из мощной толщи среднего крестьянства, которое, выделяя верхушки деревни, сельскую буржуазию, ежегодно все больше и больше поставляло из своей среды представителей сельского пролетариата. С каждым годом сельская буржуазия становилась все более мощной и сама дифференцировалась на различные группы,—ведущих торговое земледельческое хозяйство, организующих торгово-промышленные заведения, специалистов-торговцев и эксплуатирующих наемный труд, так как размеры хозяйства или предприятия значительно превышают силы одной семьи и вынуждают к найму рабочей силы. А рабочая сила всегда к услугам этой деревенской буржуазии, так как среднее крестьянство является неисчерпаемым источником сельско-хозяйственного пролетариата, рекрутирующегося из безлошадных и однолошадных хозяйств. Условия освобождения крестьян—с нищенским крестьянским наделом и с знаменитыми отрезками—только увеличивали эти причины разложения крестьянства. Надел, с которым вышли крестьяне на волю, был так мал, сама земля, доставшаяся крестьянам, была так плоха, наконец, способ наделения был таков, что крестьянская земля была зажата в помещичьи тиски, при чем бывали такие случаи, когда крестьянская земля была разделена чуть ли не на десятки участков, отстоящих друг от друга на десятки верст. Все это вынуждало крестьянина либо идти в кабалу к помещику, платя своим кабальным трудом за арендуемую помещичью землю, либо бросить свои нищенские наделы и наниматься в батраки к тому же помещику или бежать в город на фабрику. Низкая же техника крестьянского хозяйства еще более усиливала упадок таких хозяйств, и пролетаризация крестьян с нищенским наделом шла гигантскими шагами.

Этот процесс расслоения крестьянства шел особенно быстро после освобождения, когда капиталистическое развитие страны самим фактом освобождения значительно ускорилось. К концу восьмидесятых и началу девяностых годов только упрямые сторонники самобытного развития России не замечали новых фактов деревенского бытия. Так, к началу девяностых годов данные, касавшиеся почти $2^{1}/_{2}$ миллионов дворов (112 уездов по 21 губернии), рисовали такую картину: хозяй-

ства с 3 и более штуками скота составляли всего 20,7% хозяйств, но зато обладали почти половиной всего скота, именно 47,7%; хозяйства с 2 штуками скота, составлявшие 26,0% всех хозяйств, владели несколько больше, чем третью всего скота,—33,7%, хозяйства с одной штукой скота, составлявшие 28,6% всех хозяйств, владели всего 18,6% скота, а безлошадные хозяйства составляли почти четвертую часть всех хозяйств—24,7%.

Таким образом, более половины крестьянских хозяйств по этим губерниям представляли не что иное, как пролетарские и полупролетарские элементы. Само собою ясно, что крестьянское хозяйство без скота—пролетарское хозяйство, а хозяйство с одной головой скота таит в себе зародыши гибели и превращения в настоящее пролетарское хозяйство. К концу тех же восьмидесятых годов число безлошадных, т. е. пролетарских крестьянских дворов, дошло уже почти до одной трети, именно до 28,3% (2.777.485 из всего числа 10.162.559 дворов), в то время как две верхние группы, имеющие по 3 и по 4 лошади и более на двор, составляли 22,1% или около 2 миллионов двухсот слишком тысяч дворов. При этом, верхняя группа крестьян, составляющая меньше пятой части всех дворов, владела больше чем половиной лошадей, именно на ее долю приходилось 56,3% всех крестьянских лошадей, а остальное число лошадей распределялось между группой однолошадных (17,2%) и группой дворов с двумя лошадьми (26,5%).

Уже эти цифры показывают, как далеко зашла дифференциация сельского населения в пореформенной России. Таким образом, огромное число крестьянских дворов, почти три миллиона, (2.771.485) было лишено самого необходимого живого крестьянского инвентаря—лошади. Тов. Ленин так характеризовал это явление, только что обрисованное вышеприведенными цифрами: „Если пятая доля дворов сосредоточивает половину всего числа лошадей, то отсюда безошибочно можно заключить, что все в руках не менее (а вероятно, более) половины всего земледельческого производства крестьян. Такая концентрация производства возможна только при концентрации в руках этого самостоятельного крестьянства большей части купчих земель и крестьянской аренды, как вненадельных, так и надельных земель. Именно это состоятельное меньшинство главным образом покупает и арендует земли, несмотря на то, что оно, наверное, наилучше обеспечено надельной землей. Если „средний“ русский крестьянин в самый хороший год едва-едва сводит концы с концами (да и то неизвестно, сводит ли), то это состоятельное меньшинство, обеспеченное значительно выше среднего, не только оплачивает все расходы самостоятельным хозяйством, но и получает избытки. А это значит, что оно является товаропроизводителем, что оно производит земледельческие продукты на продажу. Мало того: оно превращается в сельскую буржуазию, соединяя с сравнительно крупным земельным хозяйством торгово-промышленные предприятия“...*) Но крестьянское хозяйство существовало рядом с помещичьим и само собой понятно, что эволюция самого помещичьего хозяйства оказывала очень большое влияние на хозяйство крестьянское. Переход помещичьего хозяйства от старых способов к новым формам капиталистического производства сразу совершиться

*) „Развитие капитализма в России“, стр. 93, первое изд.

не мог, а тем самым очень долгое время после освобождения крестьян эти две системы старого барщинного хозяйства и капиталистического уживались вместе.

Старое барщинное хозяйство, как известно, характеризовалось тем, что часть земли, помещичья земля, обрабатывалась крестьянским инвентарем, крестьянской рабочей силой, для чего крестьянин получал часть земли, при обрабатке которой он и получал необходимый для своей жизни продукт. Такой способ ведения хозяйства предполагал условия натурального хозяйства, личную крепость крестьян помещику и все аксессуары крепостного права, так хорошо всем известные. Но уже в начале девятнадцатого столетия невыгодность крепостного труда, развитие торговли и промышленности, связь русского хлебного рынка с заграницей заставили, как мы знаем, поставить известные слои помещиков вопрос об изменении системы хозяйства и изменить его, что и выражалось в освобождении крестьян. Но мы знаем, как были освобождены крестьяне, мы знаем, что добрая половина тех способов принуждения, какие были в распоряжении крепостного владельца, остались в руках помещика и после реформы (круговая порука, судебная власть в руках дворян, телесное наказание крестьян и т. п.), мы знаем, как и какой землей был наделен крестьянин, и мы знаем, что именно эти условия освобождения и дали возможность помещику эксплуатировать крестьян не хуже, чем при крепостном праве. Поэтому развитие помещичьего хозяйства должно было пройти все бесконечные промежуточные формы от чистого барщинного хозяйства к чистому капиталистическому хозяйству. Действительно, еще в конце восьмидесятых годов аграрная Россия не представляла из себя страны чисто капиталистической. Сорок три губернии по преобладающей системе хозяйства распределялись так:

Группа губерний по преобладающей системе хозяйства у землевладельц.	Число губерний. В черноземной полосе.	В нечерноземной	Всего.	Количество посевов всех хлебов и картофеля на частновладельческих землях (в тыс. дес.)
I. Губернии с преобладанием *капиталистической* системы.	9	10	19	7.407
II. Губернии с преобладанием *смешанной* системы.	3	4	7	2.222
III. Губернии с преобладанием *отработочной* системы.	12	5	17	6.281
Всего:	24	19	43	15.910

Эти цифры показывают, что уже к началу девяностых годов по крайней мере половина губерний имела помещичьи хозяйства чисто капиталистического типа; кроме того из таблицы видно, что капиталистическое хозяйство находилось уже тогда не в центральных губерниях, а в огромных пространствах юга и поволжья (это последнее обстоятельство особенно наглядно вытекает из таблицы, приведенной

на стр. 108). Что же представляла из себя смешанная система хозяйства? Смешанная система хозяйства характеризовалась применением как чисто капиталистических приемов хозяйства с применением наемной рабочей силы, так и отработков во всех видах и формах: издельный наем, подесятинные заработки, т. е. обработки помещичьей земли своим инвентарем за деньги; отработка крестьянами своих долгов помещику в натуральной или денежной форме; работа за потравы, т. е. отработка штрафа за потравы крестьянским скотом помещичьих посевов; работа ради того, чтобы получить какие-либо заработки у помещика и, наконец, самый распространенный вид отработок, вызванный условиями освобождения крестьян, т. е. недостатком земли, плохим ее качеством, „отрезками", это испольщина, или прямо работа за сданную крестьянам помещичью землю. Разнообразие видов и форм отработки менялось в зависимости от местных условий и всякого рода иных обстоятельств, но все эти виды имели одну общую черту—их кабальный, полуфеодальный характер. Крестьянин, например, за десятину земли, взятую в аренду у помещика, должен был отработать помещику $1^1/_2$ десятины и дать еще помещику в придачу десяток яиц, курицу и один женский рабочий день. Отработочная система принимала иногда настолько причудливые формы, что крестьянин обязывался за полученную в аренду землю выплатить помещику, обмолотить определенное количество помещичьего хлеба и унавозить помещичью землю навозом от своего скота. Такими способами помещик добивался получения почти даровой рабочей силы, при чем эта рабочая сила всегда была к услугам помещиков, так как, снявши у помещика в аренду землю, крестьянин был вынужден отработать свою аренду на таких условиях, какие диктовал ему помещик. Даже в тех случаях, когда крестьянин получал за свою отработку деньги, размер его заработной платы был неизмеримо ниже вольнонаемного рабочего. В Саратовском, например, уезде в то время как вольнонаемный рабочий получал за полную обработку и уборку с возкой и молотьбой не менее $17^1/_2$ рублей, при отработочной системе закабаленный крестьянин брал с помещика не более 9,4 рубля. Особенно тяжелые кабальные условия создавала отработка тогда, когда она носила смешанный, полуденежный, полунатуральный характер, т. е. когда крестьянин получал за свою работу на помещика деньги и в то же время должен был за арендованную землю работать на помещичьей земле своим инвентарем. Тогда, выдавая крестьянину задаток, помещик в сущности прикреплял „свободного" крестьянина к земле и обеспечивал себе невиданно дешевую рабочую силу. „Только многие годы рабства", говорит Карышев: „крепостной работы на барина могли выработать такое хладнокровие (только кажущееся), с которым земледелец оставляет под дождем свой хлеб, чтобы ехать возить чужие снопы" *). Но отработочная система в самой себе носила и элементы своего разложения и исчезновения там, где рядом начинало создаваться капиталистическое хозяйство. Это происходило потому, что отработки прежде всего может выполнять только имеющий свое хозяйство и, главным образом, рабочий скот; стало быть, там, где число безлошадных росло, отработка постепенно отмирала. Происходило это и потому, что труд крестьянина на отра-

*) Цитата взята у Ленина из „Разв: Капит. в России", стр. 139.

ботках неизмеримо ниже по производительности вольнонаемного труда. Известный помещик Энгельгардт, сам на практике проделавший эволюцию от кабальных систем хозяйства к капиталистическим, платя вольнонаемной работнице дороже, чем при кабальных условиях работы, выигрывал на повышенной производительности труда (с 20 фунтов в ночь до 1 пуда).

Далее целый ряд работ при отработочной системе может выполнять и чистый сельско-хозяйственный пролетарий за деньги, а так как труд вольнонаемного рабочего гораздо производительнее труда полукабального крестьянина, то помещику выгоднее, по крайней мере, часть работ, требующих особой тщательности, выполнять силами вольнонаемных рабочих, т. е. переходить к чисто капиталистическим способам производства. Так, несмотря на дешевую рабочую силу при системе отработок, несмотря на то, что эта дешевая рабочая сила всегда при такой системе была в распоряжении помещика, отработки постепенно вытеснялись капиталистическими способами ведения хозяйства. Но, как извество, капиталистическое хозяйство между прочим характеризуется применением не только труда вольнонаемных рабочих, но и машин, что в свою очередь вызывает разделение труда и специальных отраслей хозяйства. Все эти явления после освобождения крестьян в области земледелия обнаружились с такой силой, что к концу восьмидесятых годов трудно было отрицать наличие капитализма даже в русской отсталой деревне. Начиная с 60-х годов прошлого столетия и у нас растет не только ввоз сельскохозяйственных машин и орудий, но и их производство на наших русских заводах. В начале семидесятых годов (за трехлетие 1869—1872 г.г.) в Россию было ввезено 259,4 тысяч пудов сельско-хозяйственных машин на сумму 787.9 тысяч рублей, в начале 80-х годов (за трехлетие 1877—1880), 629,5 тысяч пуд. на сумму 3.593,7 тысяч рублей, а в начале 90-х (за трехлетие 1889—1892) уже 509,2 тысячи пудов на сумму 2.596 тыс. рублей. В трехлетие 1893—189 г.г. ввоз достиг 864,8 тысяч пудов на сумму 4.868 тыс. рублей. Одновременно с ввозом машин из заграницы возросло и домашнее производство машин и орудий: в 1876 г. было произведено их на сумму 2.329 тыс. руб., в 1879 г.—на сумму 3.830 тыс. руб., в 1890 г. на сумму 5.046 тыс. руб., а в 1894 г. уже на сумму 9.445 тыс. руб. Производство росло несмотря на то, что ввоз нисколько не уменьшался, так в том же 1894 г., когда собственное производство достигло почти 10 милл. руб., из заграницы прибыло сельско-хозяйственных машин и орудий на сумму 5.194. тыс. рублей. (Ввоз машин за предшествующие годы 1876, 79, 1890 и 94 г. был: 3.957, 7.830 и 7.565 тыс. руб.). Этот рост как ввоза, так и производства станет понятным, если привести цифры потребления машин и орудий за те же годы; оно было в 1876 году на сумму 3.957 тыс. руб., в 1879 году на сумму 7.830 тыс. руб., в 1890 году на сумму 7.565 тыс. руб. и в 1894 году на сумму 14.639 тыс. руб. Иными словами капиталистическое развитие земледелия пошло так далеко, что земледельческое хозяйство потребило все, что произвела сельско-хозяйственная промышленность, как своя отечественная, так и иностранная. Здесь необходимо обратить внимание еще на одно весьма важное обстоятельство: из всего производства сельско-хозяйственных машин и орудий в России в 1894 году на сумму 9.445 тыс. руб. на долю южных губер-

ний,—Донской области и губерний, Екатеринославской, Херсонской и Таврической приходилось две трети, на сумму 6.183 тыс. руб.

Только что указанные губернии, действительно, являлись одним из крупнейших центров земледельческого капиталистического хозяйства; так, напр., в одном Верхнеднепровском уезде в 1894 и 1895 г.г. считалось следующее количество машин и орудий:

	в 1895 г.	в 1894 г.
Плугов, буккеров и запашников у владельцев	5.220	6.752
Плугов, буккеров и запашников у крестьян	27.271	30.112
Конных молотилок у владельцев	131	290
Конных молотилок у крестьян	672	838

Эти цифры капитализации земледелия на юге России особенно показательны тем, что характеризуют капиталистические способы производства не только помещичьего, но и крестьянского хозяйства. Но и эти цифры не дают понятия о всей широте капиталистической метаморфозы южно-русского крестьянского хозяйства, ибо, рядом с покупкой машин у частных фирм, крестьяне очень широко использовали и те земские склады, которые располагали довольно большим количеством сельско-хозяйственных машин и орудий.

Машинное производство хлебов в свою очередь толкнуло земледелие к дальнейшему чисто капиталистическому хозяйству. В помещичьем хозяйстве машина вытесняла невыгодный отработочный труд и заменяла его более выгодным вольнонаемным трудом, то совершенно изгоняя отработки, то допуская их наравне с вольнонаемными рабочими, то впитывая женский и даже детский труд. Таким образом, применение машин в сельском хозяйстве действовало как могучий фактор дальнейшей капитализации земледелия: удешевляя производство хлеба, машина расширяла его производство и способствовала его концентрации. На юге России появились в буквальном смысле слова крупные хлебные фабрики с сотнями и тысячами рабочих. Производительность и интенсивность труда повышалась, это в свою очередь создавало резервную рабочую армию и в сельском хозяйстве. К началу девяностых годов уже не существовало прежних выгодных условий для рабочих на юге России, так как машина во многих случаях заменяла их. Концентрация капитала путем применения машин сама была причиной разорения среднего крестьянства, так как становилось выгодным вести только крупное хозяйство: средний крестьянин не мог конкурировать с огромной хлебной фабрикой, где работали десятки конных молотилок, сотни плугов и жнеек. Образование новых крупных хозяйств требовало новых машин и таким образом в свою очередь было причиной, создававшей внутренний рынок на средства производства (машиностроительной и горной промышленности) и на рабочие руки. Потребности капиталистического сельского хозяйства, высокие цены на рабочие руки на юге сравнительно с остальной Россией, невыносимо тяжелые условия кабальных отношений в центральных губерниях, разорение, „оскудение“ крестьянства в центре—все это гнало проле-

таризирующихся крестьян центра, низы его, на юг, и в южных городах и местечках ежегодно собирались десятки и сотни тысяч сельскохозяйственных рабочих. В одном Ростове на Дону весной и летом скоплялось до 150 тысяч рабочих, чтобы, с наступлением полевых работ, разойтись по различным имениям, экономиям и богатым крестьянским владениям, где применялся наемный труд. Елисаветград Одесса, Ростов на Дону, Знаменка, Долинская, Кривой рог и десятки других пунктов были местами, где такое скопление происходило ежегодно. Эти десятки тысяч рабочих шли и ехали ежегодно на юг: весной и осенью, в непогоду и грязь, они толпами передвигались по степям, часто умирая от лишений и страданий и находя на месте работы в лучшем случае отвратительные бараки для ночлега. Эпидемии, всякого рода повреждения и даже смерть ожидали их впереди, и, однако, они ежегодно все такими же толпами передвигались на юг; причиной такой тяги сельско-хозяйственного пролетариата являлись опять-таки все те же капиталистические условия хозяйства: несмотря на тяжесть пути и лишения, колоссальную эксплуатацию предпринимателей, крестьянин предпочитал ежегодно отправляться на юг, чем оставаться в кабале у своего помещика, так как на юге он становился в положение вольнонаемного рабочего и не знал всего ужаса отработочной системы, заработная плата его была выше, чем дома, а большое применение вольнонаемного труда давало ему возможность выбора. Правда, гнет и эксплуатация процветали и на юге, особенно у мелких хозяев и колонистов, которые платили рабочим меньше, чем в экономиях, больше выжимали соков, заставляя работать своих наемных батраков сверх сил, не оказывая им в случае надобности никакой медицинской помощи и безжалостно выбрасывая в случае болезни или увечья. Но, несмотря на все это, по сравнению с отсталыми формами сельского хозяйства в среднечерноземных губерниях с отработочной системой, с низкой заработной платой, с неменьшей эксплуатацией рабочего, стремление рабочего на юг и применение там своих сил было выгодно не только ему самому, но и всему государству, так как это было передвижение рабочих из районов низкой заработной платы в районы более высокой оплаты труда, и так как оно ставило разорившегося крестьянина на положение сельско-хозяйственного пролетария, освободившегося от всяких пут и тягот кабальных отношений отработочной системы.

Поэтому, когда идеологи народничества 80 и 90-х годов подняли вопрос о вреде и гибельности таких ежегодных передвижений на юг, их устами высказывались и защищались только интересы помещичьего хозяйства в средней России. Известный народник экономист Н.—он так и аргументировал, доказывая, что незачем русским неимущим крестьянам направляться неизвестно куда в то время, как работа имеется здесь же на месте, и совершенно умалчивал о том, что эта работа на месте есть не что иное, как гнет отработочной системы, и весь ужас кабальных отношений, выгодных лишь одним помещикам, желающим иметь почти даровую рабочую силу. Впрочем, сожаления народников ничему помочь уже не могли: по самым скромным подсчетам статистиков к концу восьмидесятых годов в России было уже около 3 миллионов, а к концу девяностых годов около четырех миллионов сельско-хозяйственных рабочих, батраков, либо целиком

лишенных земли, либо уже навсегда лишенных возможности вести самостоятельное крестьянское хозяйство на своем нищенском наделе без скота, орудий и денег. Заставить такого крестьянина умирать с голоду в угоду народническим теориям в родной общине, конечно, не было никаких сил. В особенности потому, что в губерниях сильно развитого капиталистического хозяйства он мог действительно хотя немного заработать. Что это действительно так, стоит только сравнить заработную плату сельско-хозяйственных рабочих начала 90-х годов в различных губерниях. За восьмилетний период с 1883 по 1891 год в среднем поденьщик в сельском хозяйстве получал в

Южных и восточных губерниях .	45 к.	в уборку	97 к.
Средне-черноземных	35 „	„	58 „
Нечерноземных	49 „	„	60 „
Прибалтийских.	60 „	„	67 „

Разница между высшими и низшими размерами платы во время уборки хлебов еще более разительна:

Южные губернии . . .	в низший	64	высший	181
Средне-черноз.	„	47	„	76
Нечерноз.	„	54	„	68
Прибалтийск.	„	61	„	70

Из этих цифр становится понятной та тяга крестьян как в южные и восточные губернии из черноземной полосы, так и из этой последней даже в нечерноземные, где с развитием капиталистического молочного хозяйства спрос на рабочую крестьянскую силу возростал.

О размерах роста русского земледелия к девяностым годам можно судить потому, что посевная площадь всех хлебов и картофеля, начиная с 60 х годов, очень сильно увеличивалась: в период 1864—1866 гг. она равнялась 72.225 тыс. дес. с чистым сбором 152.851 тыс. четвертей, а за период 1885—1894 гг. она уже была 92.616 т. д. с чистым сбором 265.264 т. ч., так что, если принять цифры 60-х годов за сто, то увеличение посевов и сбора в 90-ые годы выразится в % такими числами: 128% и 173%. Еще более разительная картина получается, если взять цифры, рисующие рост картофельного производства. Посевы картофеля в период 1885—1866 гг. равнялись 6.918 т. дес. с чистым сбором 16.996 т. четв., а за период 1885—1894 гг. — 16.552 т. д. и 44.348 т. ч., так что в процентах этот рост выражался в 239% и в 260%.

Это колоссальное повышение производительности в русском сельском хозяйстве видно и из того, что количество хлеба и картофеля, остававшееся на душу населения, повышалось от десятилетия к десятилетию: в период 1864—1866 гг. на душу населения приходилось всех хлебов и картофеля 2,48 п., а в период 1885—1894 гг.—уже 3,07. Особенно важное значение имеет рост посевов и сборов картофеля, ибо увеличение их знаменует развитие таких видов сельской промышленности, как винокурение, крахмальное и паточное производство и т. п. Действительно, в 1896/7 гг. на сельско-хозяйственных винокуренных заводах (их было 1.474) и смешанных (их было 404) выкурили 24.331 ведро спирта, в то время как на промышленных (их было 159), всего 5.457; это указывает, что винокурение развилось, главным образом,

как отрасль капиталистического хозяйства, ибо больше половины всего производства приходится на заводы сельско-хозяйственные, при чем оказывается, что большинство этих заводов 225, из всего числа 239, были именно сельско-хозяйственные заводы. О том, как увеличивалось винокурение, видно из того, что в 1867 году, стало быть, вскоре после реформы, для винокурения потребовалось 76.925 тыс. пудов зерновых продуктов, из них только 6.950 т. п. картофеля, или 9,1%, а в 1896/7 году 144.038 т. п., из коих картофеля 101.993 т. п., или 70,8%. Это означало, во-первых, что хлеб теперь шел куда-то в другое место, и мы видели куда,—он готовился на рынок, вывозился заграницу, и, во-вторых, что даже в черноземных губерниях помещик превращал свое хозяйство в капиталистическое и, в-третьих, что даже там в районе исконного общинного хозяйства, это капиталистическое хозяйство выхватывало часть крестьянского населения в виде рабочей сельско-хозяйственной наемной силы. Но капиталистическое хозяйство в земледелии характеризуется, конечно, не только выделением в особую отрасль винокурения,—по мере роста капитализма выделяются самые разнообразные отрасли, прежде всего район хлебных фабрик на продажу, на экспорт (район южных и восточных губерний), затем район молочного хозяйства, винокурение, крахмальное, сахарное, маслобойное производство, табаководство и т. д. и т. п.

О районе производства хлебов на продажу мы уже говорили; здесь достаточно будет сказать, что из всего чистого сбора хлебов по 50 губ. Европейской России в период 1883—1887 гг. в губерниях Бессарабской, Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Самарской, Оренбургской и Донской области, с населением в 13.877 чел., было произведено 41,3 миллиона четвертей хлеба, т. е. более четверти всего чистого сбора. Насколько высоко было развито чисто капиталистическое хозяйство у нас на юге уже в 90-ые годы видно хотя бы из того, что там имения, засевавшие до 10 тысяч десятин, являлись типичными, и не редки были имения, засевавшие несколько десятков тысяч десятин, а в экономии Фольц-Фейна при посеве в 100 тысяч десятин в 1893 году работало на покосе 1100 машин, из которых 1000 принадлежала крестьянам. Насколько капитализм завоевал себе положение на юге России, можно для примера показать на распределении посева между хозяйствами Елисаветградского уезда. В этом уезде в 1893 году весь посев выражался цифрой в 590,6 т. дес., а всего крестьянских хозийств насчитывалось 74.006; из этого числа 2.387 хозяйств, т. е. 4% всех крестьянских хозяйств, засевали 215 тыс. десятин, т. е. более трети всех посевов. Если же принять во внимание, что 15.228 хозяйств не в состоянии были произвести даже пашни, то станет понятным, как далеки были от действительности рассуждения народников о том, что стадия капитализма не обязательна для России. В одном Верхнеднепровском уезде в 1895 году помещики располагали 6.752 штуками плугов, букерсов, запашников и 290 штуками конных молотилок, а у крестьян их было 30.112 и 838 штук. Можно было бы привести еще множество цифр, рисующих капиталистический характер зернового хозяйства и в других губерниях (напр. в поволжских), но мы не пишем специального экономического исследования, а хотим только показать, как вообще изменялась экономическая подпочва, на которой развивались явления социального характера после освобождения крестьян.

Молочное хозяйство получило особенно сильное развитие в губерниях прибалтийских и северных, как раз, стало быть, там, где производить зерновые хлеба не представлялось возможности. Сыроваренное производство, напр., в 1890 году выразилось такими цифрами: в средних черноземных губерниях производилось продуктов сыроварения на 23 т. р., в промышленных (нечерноземных) на сумму 295 т. р., в прибалтийских на сумму в 469 т. р. и в северных на сумму в 563 т. р. Масло и молоко в этих губерниях было произведено:

В губерниях:	Масла.	Молока.
I. Средних черноземных	16.140 т. ведер	133 т. пуд.
II. Промышленн. (нечерноз.)	18.810 „ „	154 „ „
III. Южных черноз., югозападных, южных и восточн. степных	20.880 „ „	174 „ „
IV. Прибалтийских	34.070 „ „	297 „ „
V. Северных	50.000 „ „	461 „ „

Приблизительный рост сыроварения за описываемую эпоху виден из следующих (весьма неполных цифр). В 1866 году считалось официальной статистикой в России 72 сыроварни с 266 рабочими и с производством в 119 т. р., в 1879 г. цифры эти возросли до 108 сыроварен с 289 раб. и с производством в 225 т. р., а в 1890 году производство 265 заведений, имевших 865 рабочих, выражалось уже 1.350 т. рублей. Но эти цифры дают только картину роста молочного хозяйства, в действительности этот рост был неизмеримо больше, так как одной Вологодской губ. в 1894 году имелось 389 сыроварен с производством в 500 т. рублей. Развитие молочного хозяйства, притом капиталистического, возможно только при высокой технике полевых культур: пашня сокращается, увеличиваются луга и пастбища, травяное многополье вытесняет зерновые севообороты, так как молочный скот требует кормовых трав, которые и начинают культивироваться. Понятно, что такое строение хозяйства не под силу маломощному крестьянину, и он уступает место крестьянину буржуа и помещику. Бедняк крестьянин не может приобрести ни сепаратора, ни других машин, которые перерабатывают молочные продукты, ни улучшенных пород скота, дающего лучшее молоко, потребляемого городом; поэтому в районе молочного хозяйства развивается рядом с капиталистом торговец-скупщик молочных продуктов, и все большее и большее число крестьян производителей работает на него и в конечном счете на производителя. Это обстоятельство вызывает дальнейшее разложение крестьянства, увеличение молочного скота вообще (как увеличение рабочего скота в районах производства хлеба) и концентрация его в руках капиталистов и богатых крестьян. Растет, таким образом, обнищание и пролетаризация мелких крестьянских козяйств и мощность крестьянской буржуазии.

О развитии других отраслей сельско-хозяйственной промышленности после освобождения крестьян можно судить по следующим цифрам. Производство льна в России, начиная с конца 60-х годов, развивалось так:

в конце 60-х	годов	производства	льна	было	12	милл. пуд.	волокна
в начале 80-х	„	„	„	„	20	„ „	„
в конце 90-х	„	„	„	„	26	„ „	„

Увеличение вывоза льна заграницу так же быстро росло; вывозилось в среднем:

за период	1857—61 гг.	4,6	милл. пуд.
„ „	1867—71 „	8,5	„ „
„ „	1877—81 „	12,4	„ „
„ „	1894—97 „	13,3	„ „

Под влиянием такого развития хозяйства на вывоз заграницу само крестьянское хозяйство претерпевало значительные изменения: крестьянин, работающий на рынок, стал заводить машины, которыми и заменял ручную работу. Так, в Псковской губ. в 1869 г. считалось льномяльных машин 557, а в 1881 г. 5.710. Но машину мог иметь только крестьянин зажиточный, стало быть, развитие льноводства на продажу вызывало дальнейшее разложение крестьянства и концентрацию капитала.

Рост свеклосахарного производства был настолько значителен, что посевы свеклы под сахар с сотни тысяч пудов в начале 60-х годов поднялись в 70-х до 160 т. п. и далее росли так: в 1886—95 гг.—239 т. п. и в 1896—98 гг.—369 т. пуд. Переработка на сахаре тоже возросла с 4,1 милл. берковцев в 1860—64 гг. до 35 милл. берковцев в 1895—1897 гг. Увеличивалось также картофельно-крахмальное производство: в 60-х годах насчитывалось всего 60 крахмальных заводов с производством в 270 т. р., а в 1890 году таких заводов имелось уже 192 и производство их выражалось 1.760 т. р., рабочих же числилось 4.418 человек. Еще значительнее возросло маслобойное производство, которое в 1864 году производило продуктов всего на 1.619 т. р., а в 1890 году на 12.232 т. рублей. Разведение табаку то же увеличилось с небольшой цифры сбора в 1.923 т. пуд. с 32.161 дес. в 1863—67 гг. до 4 милл. пуд. с 50 тыс. дес. в конце семидесятых годов. Проникновение капитала стало замечаться даже в таких отраслях сельского хозяйства, как огородничество и садоводство; и здесь мелкий огородник-крестьянин, работавший для себя, заменялся предпринимателем, сбывавшим садовые и огородные продукты на рынок в массовом количестве.

Как видно из всех только что приведенных цифр, подавляющее большинство отраслей сельского хозяйства после освобождения крестьян претерпело огромные изменения; всепобеждающий капитал проникал в самые отсталые отрасли хозяйства, отделял целые большие области его от земледелия и превращал в настоящие капиталистические предприятия. Происходило обособление особых районов сельско хозяйственной промышленности,—хлебных, молочных, свеклосахарных и т. д. и т. п. Эти районы вступали между собой в обмен и еще более увеличивали дифференциацию отдельных отраслей хозяйства и вместе с тем торговую связь. Псковская губерния, производящая лен, не производила хлеба в потребном количестве и получала его в обмен на вывозимый лен. Вывоз льна из Псковской губернии по годам был таков: в 1860 61—255,9 т. п., в 1863-64—551,1 т. п.; в 1865 66—793 т. п.; в 1867-68—1053,2 т. п. и в 1969 70—1456,9 т. п., в те же периоды ввоз хлеба выражался такими цифрами: 43,4 т. п; 464,7 т. п; 842,6 т. п; 1157,9 т. п и 1809,3 т. п. Таким образом самим развитием капиталистического и торгового земледелия

создается внутренний рынок, толкающий и сельское хозяйство и промышленность и торговлю к дальнейшему развитию и росту. Земледелие становится после 60-х годов уже делом не только одних бар — помещиков, но превращается в промышленное занятие, которое находится не в одних барских, но и крестьянских руках. Растет слой зажиточного крестьянства, слой мелкой и средней крестьянской буржуазии, но увеличивается и разорение среднего крестьянства особенно в черноземных губерниях с его общиной, миром, артелями, этими народническими устоями, из которых будто бы должен был вылупиться социализм. Община с ее отрезками, с ее нищенскими наделами, с ее принудительным северооборотом, с ее чересполосицей является только страшным тормозом для развития сельского хозяйства. Ряды пролетарских слоев крестьянства растут, число безлошадных и безземельных растет, эти слои изнемогают в борьбе с деревенской нуждой и эксплуатацией помещика путем отработочной кабальной системы хозяйства и ищут выхода в отходе на заработки главным образом на юг и юго-восток и отчасти в район северных губерний молочного и льняного хозяйства, бегут на фабрику и завод. Отработочная система постепенно становится невыгодной, тормозящей развитие хозяйства плотиной; введение машин в сельское хозяйства еще более повышает производительность труда в крупно-капиталистическом хозяйстве и окончательно произносит приговор над крепостнической системой отработок. С уменьшением и кризисом отработочной системы падает и та личная зависимость крестьянина, которая еще оставалась и была закреплена феодалом — помещиком: община трещит по швам, и никакие силы не в состоянии удержать голодного сельского пролетария на месте; он с котомкой за плечами, часто с семьей бежит на юг, на восток в Сибирь, в города. Сотни тысяч таких крестьян ежегодно передвигались с севера на юг и на восток. Эта была бродячая Русь, но эта бродячая Русь была уже далеко не той, что двадцать, тридцать лет тому назад. В соответствии с классовым расслоением деревни, изменилась и идеология и развитие самого крестьянина. Изящная русская литература очень хорошо отразила описанное экономическое изменение русской деревни. Особенно хорошо это запечатлелось в произведениях русских беллетристов народников: Успенского, Наумова, Каронина, рисующих быт и нравы и устои деревни об'ективными чертами.

В произведениях Г. Успенского прекрасно обрисована та „власть земли“, которая давила крестьянина еще долго спустя после освобождения. Труд земледельца, влачащего свое жалкое существование на крошечном клочке земли, и его психология обрисованы Успенским превосходно. „Ни в какой иной сфере, кроме сферы земледельческого труда, опять-таки в бесчисленных разветвлениях и осложнениях, мысль его так несвободна, так не смела, так не напряженна, как именно здесь, там, где соха, борона, овцы, куры, утки, коровы и т. д. Он почти ничего не знает о своих „нравах“, ничего не знает о происхождении и значении начальства, не знает— за что началась война и где находится враждебная земля и т. д., потому что он заинтересован всем этим, точно так, как мне и вам, заинтересованным этим, нет ни охоты, ни возможности три вечера к ряду думать об утке или грустить душевно, глядя на то, что овес вышел редок... Но в своем деле он вникает во всякую мелочь, у него каждая овца имеет свое имя, смотря по характеру, он не спит

из-за утки ночи, думает о камне и т. п.“. Эта „власть земли“, являющаяся причиной скудной крестьянской психологии, стала колебаться, как только в деревню ворвался капитал с его купонами и наживой. В деревне появляется новый человек, „кулак“, хищник, как его называет Успенский. Этого хищника, этого рыцаря первоначального накопления Успенский рисует так. „Что же это за явление? Что такое кулак? Существует мнение, что деревня портится, расстраивает свои порядки от пришлого со стороны человека. Пришлый человек является в деревню при помощи капиталов или копеек, покоряет под ноги свои всю округу, начинает эксплуатировать и развращать. В появлении таких людей не может быть сомнения; всякой мерзости, точно, очень много толчется вокруг деревни—но почему всякая мерзость кулацкая находит для себя почву, это не может быть об‘яснено ни капиталом собственно, ни чужеземством его обладателей“. Отрицая влияние капитала на образование кулачества в деревне, Успенский, сам не замечая того, видит причины его образования в современном новом строе деревни, т. е. опять же в том самом влиянии капитала на деревню, от которого он отмахивается. „Вся тайна этого явления в том, что всякий местный или пришлый человек наживы *имеет* непременно *деревенскую опытность*, непременно прошел всю деревенскую лямку, знает всю деревенскую подноготную и является поэтому чистейшим продуктом всех условий исключительно деревенской жизни, и притом главным образом теперешней“ „...но самая горькая и обидная черта этого явления заключается не собственно в хищничестве, а в том, что ничего другого, хотя мало-мальски равнозначащего по разработке и технике, деревенская жизнь за последнее время не представляет... Иногда блещут в деятельности кулаков подлинно гениальные способности, и в то же время вы можете убедиться, что равносильного таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни в чем другом,—ни в мирских общинных делах, ни в семейных отношениях не выразилось“. Рисуя такими чертами предприимчивую и часто талантливую деревенскую буржуазию, Успенский повсюду характеризует разложение мира и общины и те препятствия, какие община, как таковая, ставит на пути развития деревни. В особенности хорошо Успенский изобразил эти препятствия, как они рисовались самим крестьянам. Герой рассказа „Власть земли“ так описывает невыгоды общинного владения и выгоды индивидуального хозяйства, когда речь заходит о том, почему же крестьяне не удобряют общинную землю даже в тех случаях, если навоз имеется в их хозяйствах. „Теперь я везу назем кониный, а другой какой-нибудь плетется с коровьим, какое же тут может быть равновесие?.. Нет, не выйдет этого... Да, нет, нет! Это и думать даже... Помилуйте, лошадь... да как же можно, чтоб я, хозяин, доверил кому-нибудь? Навозят мне на пашню неведомо чего... Нет, не выйдет!.. Тут с одним наземом греха наживешь... Или взять так: я привез кониный навоз, а сосед куриный... ну, возможно ли ему дать согласие... Ведь, куриный, птичий, все одно червонец.., за что он должен? Да, нет, нет! Тут никаких способов нет. Как можно! Какой же я буду хозяин“. Так рассуждал Иван Босых, так рассуждали и десятки миллионов крестьян, понимая, что община с ее переделами и уравнительностью тормозит их собственное развитие и благополучие, и, не видя „никаких способов“, разорялись, бежали из

деревень и платили этой самой общине неискоренимой ненавистью. Эту ненависть, это стремление уйти из деревни, из тисков нужды очень хорошо характеризует другой беллетрист народник Каронин. Герой одного из его рассказов Дема, ушедший из деревни на фабрику, сначала тоскует по деревне и время от времени возвращается в нее, чтобы тотчас же убежать на фабрику, в город. Наконец, он окончательно возненавидел свое родное пепелище и вот по каким причинам. „Являясь туда, он не знал—как убраться назад; по приходе домой он не находил себе места. На него разом навалилось все, отчего он бежал; мигом он погружался в обстановку, в которой он раньше задыхался. Как ни жалки были условия его фабричной жизни, но, сравнивая их с теми, среди которых он принужден был жить в деревне, он приходил к заключению, что жить на миру нет никакой возможности... Вне деревни Дему, по крайней мере, никто не смел тронуть, и то место, где ему было не под силу и где ему не нравилось, он мог оставить; а из деревни нельзя было уйти во всякое время... Но важнее всего: вне деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему ряд самых унизительных оскорблений. Страдало человеческое достоинство, проснувшееся от сопоставления двух жизней, и деревня для Демы, в его представлениях, стало местом мучения. Он бессознательно стал к ней питать недоброе чувство. И чувство это росло и крепло". Старого Демы уже не было, и стоило ему отказаться от надела, как единственной его связью с деревней оставался один паспорт, и перемену, происшедшую с Демой, кратко описывает так: „В нем произошло полное разрушение старых понятий и желаний, с которыми он жил в деревне". Разложение общины шло гигантскими шагами вперед, и только слепые не видели, что эта община является тормозом развития деревни. Действительно, экономисты народники уже в то время, когда капиталистическое развитие страны было на лицо, не отрицая этого факта, закрывали глаза на отрицательные и тормозящие элементы старого хозяйственного уклада крестьянской жизни и видели спасение России в... уничтожении капитализма и укреплении отсталого общинного хозяйства. Известный экономист Николай—он в своем сочинении „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства", признавая факт капиталистического развития России (теперь уже нельзя было, как во времена Чернышевского гадать, будет в России „язва пролетариатства", или нет), видел в капитализме одни только отрицательные явления и находил выход в общине. По мнению Николая—он'а (в 1893 году) „Наше историческое прошлое оставило нам в наследство общину, которая под давлением капитализма и порожденных им условий производства и обращения, отделения обрабатывающей промышленности от земледелия, не в состоянии обеспечить своим членам средств существования. Поэтому при существующих условиях ей грозит неизбежная гибель. Но вместе с тем общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства. Нам не приходится ждать обезземеления большинства крестьянства, чтобы на его месте развилось капиталистическое землевладение, основанное на приложении науки к земледелию, как на западе. Такое массовое обезземеление указывало бы на канун нашей хозяйственной смерти". Задавая марксистам коварный вопрос, куда денутся обезземеленные крестьяне, Николай—

он видел спасение только в одном, в прививке крупной промышленности к общине, и восклицал: „Для общественно-хозяйственной организации иного пути нет: или развитие или вырождение и смерть“. Такие же мнения развивали в своих сочинениях и другие теоретики народничества экономисты, Воронцов (В. В.), Карышев, А. Скворцов и другие. Они со своей мелкобуржуазной идеологией не видели того колоссального развития промышленности, которое было фактом, выросшим на почве превращения нашего земледелия в товарно-капиталистическое хозяйство и на почве той прочной связи, какую имела наша обрабатывающая промышленность с мировой.

Крестьянская реформа сначала отрицательно повлияла на некоторые отрасли промышленности. Так, выплавка чугуна на Урале да и во всей России понизилась вследствие того, что подавляющее большинство уральских заводов работало, как мы знаем из введения к этой книге, на крепостном труде; до освобождения на Урале в 1860 г. было произведено 14.513 тыс. пудов чугуна, а во всей России 20.468 т. пуд., в 1867 году Урал произвел только 12.399 тыс. пуд., а вся Россия 17.553 тыс. пуд. Точно так же не выдержали новых условий и суконные фабрики, державшиеся на рабском труде; число фабрик и рабочих сократилось с 423 в 1858 году до 365 в 1863 году, а число рабочих уменьшилось с 97.168 до 71.797 человек. Но уже, начиная с конца шестидесятых годов, выплавка чугуна растет беспрерывно, при чем центр производства перемещается с Урала в Донецкий бассейн, где имеются огромные запасы минерального топлива. Это прекрасно видно из следующей таблички:

Годы.	Всего в империи.	%	На Урале.	%	На Юге.	%	Добыто каменного угля.
1867	17.028	100	11.084	65,1	56	0,3	26,7
1877	24.579	100	16.157	65,4	1.596	6,5	110,1
1887	37.389	100	23.759	63,3	4.158	11,1	276,8
1890	56.560	100	28.174	49,7	13.418	23,7	367,2
1896	98.414	100	35.457	36,6	39.169	39,7	574,2
1897	113.982	100	40.850	35,8	46.350	40,6	—

Из этой таблицы, приводимой в книге Ильина (Ленина), видно, как быстро росло производство чугуна и как быстро Донецкий бассейн обгонял Урал, где не было такого топлива как уголь; из этих же данных видно, как росла и добыча угля, который в половине XIX века почти не добывался, если не считать ручной кустарной его добычи местными жителями.

„Старинные уральские заводы“, говорит по этому поводу Туган-Барановский, „игравшие такую первенствующую роль в горнозаводской промышленности крепостной России, все более и более теряют свое прежнее значение. Выросшие на почве крепостного права, они оказались мало приспособленными к новым хозяйственным условиям России. Зато с изумительной быстротой возникло огромное горнозаводское производство в Донецком бассейне. Это производство,

организованное вполне на крупно-капиталистический лад, составляет новейший и самый пышный цветок российского промышленного капитализма. Важнейшим фактором развития Донецкой горнозаводской промышленности была постройка Донецкой железнодорожной сети и в особенности Екатерининской дороги, соединившей в 1884 г. криворожскую руду с донецким углем.

Выше уже во введении было указано, что до 1878 года на юге России работало только 2 железоделательных завода—Юза и Пастухова. С этого года заводы начинают расти, как грибы. За короткое время возникло 12 огромных чугунноплавильных заводов—Александровский, Каменский, Гданцевский, Дружковский, Донецко-Юрьевский, Тагангрогский и др. Число рабочих на чугунноплавильном заводе Юза превышает 8 тысяч чел., на прочих достигает нескольких тыс. чел. на каждом.

Все эти заводы работают, главным образом, по казенным заказам и притом преимущественно железнодорожный материал"... „...Весьма характерно, что южно-русские заводы устроены преимущественно на иностранные капиталы".

Так, развитие железнодорожной сети, постройка судов и тому подобные потребности вызывали потребность строить чугуноплавильные заводы, а естественные богатства Донецкого бассейна заставляли строить эти заводы именно там, при чем эти естественные угольные богатства сочетались с необыкновенными хлебными рессурсами: мы видели, что юг очень скоро после освобождения крестьян превратился в центр настоящего капиталистического земледелия. Это необыкновенное сочетание благоприятных условий, дешевизна и избыток рабочих в виде разоряющегося крестьянства привлекали на юг капиталы западно-европейской буржуазии. Но было бы неправильно представлять себе дело так, что только Юг России двинулся в промышленном отношении вперед,—общая экономика страны, в связи с экономическими переменами прежде всего в области земледелия, стала экономикой страны капиталистической, связанной тесными узами с мировым хозяйством. Это общее экономическое развитие России и связь капитализма России с капитализмом мировым в 80-х и 90-х г.г. видна из следующих цифр:

Годы.	Количество иностранного и среднеазиатского хлопка, поступившего на внутреннее потребление Рос. Империи (кроме Финляндии) в тыс. пуд.	Количество иностранной бумажной пряжи, поступившей на внутреннее потребление Рос. Империи (кроме Финляндии) в тыс. пуд.	Количество чугуна, выплавляемого в Рос. Им. (включая Финляндию) в тысячах пуд.	Число (в тысячах) рабочих на фабриках и заводах, не обложенных акцизом в 50 губ. Европ. России.	Общий сбор хлебов в 50 губ. Европ. России в миллионах четвертей.	Ценность привоза товаров на Нижегородскую ярмарку в миллионах рублей.
1860	2.840	145	20.468	—	—	105
1861	2.643	142	19.451	—	—	98
1862	850	97	15.268	—	—	103
1863	1.083	68	17.027	358	—	103.
1864	1.637	105	18.301	355	—	111
1865	1.591	117	18.281	381	—	113.
1866	2.952	130	18.568	397	—	127
1867	3.298	184	17.553	407	—	128

1868	2.556	160	19.807	414	—	126
1869	3.208	171	20.104	428	—	144
1870	2.801	254	21.949	442	280	143
1871	4.165	293	21.933	463	217	158
1872	3.606	319	24.375	492	240	178
1873	3.530	323	23.484	498	240	158
1874	4.666	343	23.213	487	270	180
1875	5.216	372	26.061	501	206	170
1876	4.708	340	26.957	491	237	169
1877	4.435	161	24.403	500	269	146
1878	7.183	508	25.476	559	280	142
1879	6.449	881	26.413	608	242	181
1880	5.743	577	27.364	648	229	200
1881	9.076	387	28.662	668	—	246
1882	7.755	361	28.237	682	—	224
1883	8.949	235	29.407	669	276	201
1884	7.373	172	31.106	665	293	206
1885	7.574	180	32.206	616	247	186
1886	8.388	229	32.484	635	289	184
1887	11.257	229	37.389	657	330	193
1888	8.362	281	40.716	707	334	190
1889	10.429	281	45.180	716	261	187
1890	11.483	238	56.560	720	293	181
1891	10.406	164	61.340	738	229	168
1892	13.797	127	65.432	742	266	144
1893	11.327	138	70.141	860	378	167
1894	15.399	148	81.347	—	380	187
1895	11.475	135	88.665	—	—	176
1896	—	—	98.414	—	—	177

Эти цифры приведены здесь для того, чтобы показать не только общий хозяйственный рост России к концу 90-х годов, но и выявить связь русского капиталистического хозяйства с мировым.

Мы видим, как в общем и целом растет привоз иностранного хлопка и иностранной пряжи в Россию. Несмотря на большие колебания по отдельным годам, количество ввозимого хлопка все же становится все больше и больше, так что в конце 70-х годов, по сравнению с 60-ми, его ввозится почти в 3 раза больше, а в конце 90-х г. уже в 5 или 6 раз больше, чем после освобождения крестьян. Количество выплавленного чугуна растет тоже беспрерывно из года в год, за исключением некоторых колебаний, о чем мы будем говорить особо: стоит только сравнить две крайние цифры выплавки чугуна,—начала 60-х годов и конца 90-х годов,—20.468 тыс. пуд. и 98.414 тыс. пуд., чтобы представить себе тот огромный рост, какой получила русская промышленность. Из таблицы, приведенной выше, видно было, как росло в России добывание угля: в конце 60-х годов его добывалось немногим больше 20 милл. пуд., а к середине 90-х годов уже более полумиллиарда пудов. Две же эти отрасли промышленности,—металлургическая и каменноугольная, как ясно каждому, составляют основу всей крупной, так называемой, тяжелой индустрии всякой капиталистической страны. Далее, в соответствии с ростом промышленности, замечается и рост числа рабочих, при чем здесь, за ничтожным исключением, происходит беспрерывное и неуклонное увеличение. Растет и сбор хлебов. Что же касается торговых оборотов на Нижегородской ярмарке, крупнейшей из русских ярмарок, то они, начиная с 80-х годов, падают. Это последнее обстоятельство в высшей степени важно в особенности потому, что, как оказывается, обороты не только Нижегородской

ярмарки сильно упали к середине и концу 90-х годов, но и обороты других ярмарок: обороты всех украинских ярмарок (Ромны, Полтава, Харьков, Курск) в 1868—1872 г. были 48,6 милл. руб., а в 1895 только 34,2 милл. руб., обороты Ирбитской ярмарки в 1887 г.—56 милл. руб., а в 1895 г.—48 мил. руб. Ярмарка знаменует собою еще неразвитые капиталистические отношения,—отсутствие железных дорог, водного парового транспорта, отсутствие широко развитого кредита и т. д.; там же, где возникли железные дороги, могущие легко и быстро доставить товар в любое место, где купец может по телеграфу совершить закупку товара через местный банк, там ярмарка, которой приходится ждать год или несколько месяцев, теряет свое значение. Мало того, приведенные цифры показывают и другое замечательное явление: связь русской промышленности с мировым хозяйством. В самом деле: число рабочих растет беспрерывно до 1872 года (498 т.), затем в 1873 году оно падает (487 т.), новый рост начинается с конца 70-х годов и в 1882 году достигает 682 тыс. чел., и потом опять падает до 616 тыс. чел. в 1885 году, чтобы затем снова начать расти уже беспрерывно до конца 90-х годов. Что же означают эти колебания? Дело в том, что конец 50-х годов был временем всемирного кризиса в промышленности. Этот кризис задел и русскую промышленность, и у нас в России в конце 50-х годов банкротства и крахи характеризовали торговлю и промышленность. К концу 60-х годов мировой кризис изгладился, и начало 70-х годов во всем мире начинается оживлением торговли и промышленности. Это оживление начинается и у нас, в соответствии с этим мы видим рост числа рабочих (1875 год—501 тыс. чел.), который, в связи с новым кризисом в конце 70-х и на Западе и у нас, опять уменьшается (1879 год—603 тыс. чел.). Кризис изживается только к концу 80-х годов, и с этого времени начинается опять под'ем промышленности, а в связи с этим увеличивается и число рабочих. Эта связь русской промышленности с мировым хозяйством, таким образом, с каждым годом становится все теснее и теснее, и теперь уже к концу 90-х годов малейшее колебание в хозяйстве мировом тотчас же отражается в высшей степени чувствительно и на хозяйстве русском. Россия с каждым годом все больше и больше втягивается в мировой капиталистический оборот.

Из приведенной таблицы видна и общая связь нашего земледельческого хозяйства с промышленностью,—сборы хлеба также растут, но такой зависимости, из которой можно было бы заключить, что развитие промышленности зависит целиком только от сбора хлебов, установить нельзя. Как мы видели в первой части этой главы, капиталистическое земледелие растет, но рост рабочих не зависит от урожая: так, застой промышленности 70-х годов совпадает с хорошими урожаями и, стало быть, сборами хлебов. Под'ем промышленности в конце 70-х совпадает с плохими урожаями; хорошие в смысле сборов хлеба 1884 и 1885 годы приходятся на понижение промышленности, а страшный неурожай и голод начала 90-х годов не останавливает ни выплавки чугуна ни роста рабочих. Все это говорит за то, что, при несомненной общей связи земледельческого хозяйства с промышленностью, нельзя было утверждать, что хороший урожай и тем самым увеличивается рост промышленности, и наоборот, плохой урожай—кризис промышленности: развитие промышленности в России дошло до

такой степени, что не только урожай, но и множество причин, коренящихся в международном хозяйстве, отзывались на расширении или сокращении русской промышленности, земледелии и торговле. Из предыдущего было видно, как изменилась промышленная структура России к началу 90-х годов. Это изменение к концу 90-х годов было еще глубже и решительнее.

Чтобы показать рост фабрично-заводской промышленности в 90-ые годы, возьмем текстильное производство. Число хлопчатобумажных фабрик с 607 в 1866 году уменьшилось до 577 в 1879 году и упало до 494 в 1894 году, но это отнюдь не означало уменьшения производства, ибо в 1866 году рабочих насчитывалось 94.566 чел., в 1879 г.—162.691 чел., а в 1894 г. уже 242.051. При этом, в то время, как в 1866 году было только 20 крупных фабрик с числом рабочих от 1 до 5 т. и с 40.848 раб., в 1879 г. таких фабрик имелось уже 40 и рабочих на них 83.583, а в 1894 году 60 с числом рабочих 119.013 чел. В 1866 году не было ни одной фабрики, где бы работало более 5 т. чел., в 1879 г. существовала одна такая фабрика, в 1894 году на 8 таких фабриках было около четверти всех занятых в производстве рабочих. Таким образом, на 68 крупнейших фабриках было сосредоточено почти две трети всех рабочих. Эта концентрация промышленности идет по всем ее отраслям, и, чтобы не утомлять внимания, приведем данные о росте крупной промышленности в 90 годы прошлого столетия по главнейшим ее областям.

Крупнейшие промышленные предприятия Европейской России в 1890 г.

Группы фабрик, рудников, копей и пр. по числу рабочих.	В горной промышленности.			В фабрично-заводской и горной промышленности.		
	Число предприятий. Всего.	Из них с паровыми двигателями.	Число рабочих.	Число предприятий. Всего.	Из них с паровыми двигателями.	Число рабочих.
А) С 100—499 раб.	236	89	58.249	1.369	858	310.906
В) С 500—999	73	38	50.607	256	221	172.160
С) 1000 и б.	71	49	149.098	186	164	398.035
Итого	380	176	257.954	1.811	1.243	881.100

Цифры говорят сами за себя: подавляющее большинство фабрик и заводов, включавшее наибольшее количество рабочих, были фабрики и заводы с приложением пара и машин. Это завоевание машиной нашей фабрики и завода, т. е. нашей промышленности, видно из следующих данных: в 1875—78 годах Россия обладала на своих промышленных предприятиях 8.510 паровых котлов и 6.353 паровых машин в 114.987 сил, а в 1892 году паровых котлов было 14.248, паровых машин 13.085 с 345.209 сил.

Применение пара и машин, конечно, идет параллельно с концентрацией производства: в 1866 г., из всего числа 1.199 крупнейших фабрик в России, паровые двигатели применялись только на 754 из них с 496.416 рабочих и с суммой производства в 607.087 тыс. р., в 1890 году, из всех 1.421 фабрики, 1.057 имели паровые машины и при 599.206 рабочих производили товаров на 815.153 тыс. р., а в 1894/5 году уже подавляющее большинство фабрик (1.264 из 1.468) работало паром, имело 655.670 рабочих, которые производили на 955.233 тыс. рублей. Фабрики и заводы становились крупнее, число рабочих на каждой из них росло. Прирост этот замечался по всей линии; если взять данные за 1890-ый год и сравнить с данными за 1885 год, то окажется, что только на фабриках по обработке питательных веществ замечается убыль числа рабочих на каждое предприятие (на 14%), а по всем остальным прозводствам замечается увеличение, в текстильном на 8%, писчебумажном на 7, обработке дерева—28, химическом—31, обработке животных продуктов—14, керамическом—25 и обработке металлов—11. На табачных, напр., фабриках среднее число рабочих на одну фабрику в 1889 году было 91 человек, а в 1895 году уже 133, на пиво-и медоваренных соответственно 7 и 9 и свеклосахарных 389 и 390; на суконных в 1885 г. 114, а в 1890—уже 126, на шелковых соответственно 70 и 79, полотняных и льнопрядильных 290 и 330. Да и вообще в начале 90-х годов по всей промышленности число рабочих, приходившееся в среднем на одну фабрику (в предприятиях, не обложенных акцизом), было 44, а в 1865 только 28. Больше того, капиталистическое производство, как мы видели, уже проникло в деревню и там с каждым годом превращало все большую и большую часть населения в самый настоящий сельско-хозяйственный и промышленный пролетариат, который все больше и больше терял средства производства, жил продажей своей рабочей силы и терял связь с землей. Фабрика вытесняла повсюду кустаря, била мелкое ремесло и превращала ремесленников в самый настоящий придаток фабрики. Еще в 1866 году из всего числа рабочих на хлопчатобумажных фабриках только 94.566 работало на фабрике, а 66.178 работали у себя ча дому; в 1879 году число фабричных рабочих увеличилось до 162.691, а число кустарей рабочих на дому на эти фабрики сократилось до 50.152, в 1894—95 годах при повышении числа рабочих, занятых на фабриках до 242.051 челов., членов семей кустарей, ремесленников, мелких хозяйчиков, работавших на дому, уже пало до 20.475 чел. Мелкий собственник либо разорялся и превращался в настоящего рабочего, лишенного средств производства, либо, это происходило в очень редких случаях, сам превращался в фабриканта. Мало того, с каждым годом в России все увеличивался и увеличивался процент рабочих, круглый год остающихся на фабрике и не уходящих летом на полевые работы: в 80-х годах на московских фабриках уже только 14,1% рабочих еще уходили летом домой в деревню, при чем механические фабрики и в этом отношении пошли далеко вперед,—оттуда уходило всего от 6,2% до 2,3% летом в деревню, остальные круглый год варились в фабричном котле. Так развивающийся капитализм создавал настоящего оторванного от земли фабрично-заводского рабочего!

О росте железнодорожной сети говорилось выше. Но рос не только железнодорожный транспорт, увеличивалось и речное и мор-

ское судоходство: в 1868 году в России имелось только 646 пароходов с 47.313 сил их паровых двигателей, а в 1895 году уже 2539 с 129.759 сил их машин. Число служащих на этом транспорте увеличилось с 18.766 в 1884 г. до 32.689 в 1895 г., а число служащих во всем речном и морском транспорте поднялось с 112.865 чел. в 1884 году до 128297 чел. с 1895 г. Россия становилась все больше и больше капиталистической страной, росла вместе с промышленностью торговля, увеличивалось население, менялся его состав.

Число жителей в России в 1856—1860 г.г. равнялось 69 миллионам человек, ценность отпуска и привоза вместе выражалась в эти годы цифрой в 314 милл. р., а ценность всего оборота внешней торговли на одного жителя достигала 4 р. 55 коп., в 1894 году население возросло до 120 миллионов человек, ценность ввоза и вывоза до 1.228,3 милл. руб. а ценность всего оборота на жителя до 10 р. 24 к.

Сколько же рабочих было занято на русских фабриках и заводах в 90-х годах прошлого столетия? К сожалению, за отсутствием точных статистических данных ответить на этот вопрос точно не легко, но из сравнения некоторых цифр можно получить хотя бы приблизительное представление о росте рабочего населения в России. Но в общем по довольно близким к действительности данным число всех рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности к середине 90-х годов, определялось в цифре около 10 миллионов человек. Эта цифра складывалась из $3^1/_2$ милл. сельско-хозяйственных рабочих, из $1^1/_2$ миллионов фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих (фабр.-зав.—840 т., 3407—горных и 253 т. железнодор. в 1890 г.), из 1 милл. строительных рабочих, из 2 милл. рабочих, занятых на лесных промыслах, на выгрузке транспорта, на земляных работах и т. п., и около 2 милл. рабочих, занятых капиталистами на дому, а также работающих по найму в обрабатывающей промышленности, не причисленной к фабр.-заводской промышленности.

„Итого, говорит В. Ильин (В. И. Ленин): *около десяти миллионов наемных рабочих.* Исключаем из них приблизительно $^1/_4$ на женщин и детей—остается $7^1/_2$ *миллионов наемных рабочих из взрослых мужчин, т. е. около половины* всего взрослого мужского населения страны, участвующего в производстве материальных ценностей. Часть этой громадной массы наемных рабочих совершенно порвала с землею и живет исключительно продажей рабочей силы. Сюда относится громадное большинство фабрично-заводских (несомненно, также горных и железнодорожных рабочих), затем известная доля строительных, судовых рабочих и чернорабочих; наконец, немалая доля рабочих капиталистической мануфактуры и те жители неземледельческих центров, которые заняты домашней работой на капиталистов. Другая большая часть еще не порвала с землей, покрывает отчасти свои расходы продуктами своего земледельческого хозяйства на миниатюрном кусочке земли...“ „...вся эта громадная масса наемных рабочих образовалась главным образом в пореформенную эпоху...“ „и продолжает быстро возрастать“.

В связи с изменением всей экономической структуры страны, конечно, менялся и вообще весь состав населения. Мы уже говорили раньше о росте городов; как он был велик, видно из того, что процент городского населения в 1863 году был всего 9,94%, а в 1897 году уже

12,76%, при чем, в то время как сельское население увеличилось на 48½ процента, увеличение городского населения достигло 97,0%. Из 94 слишком миллионов жителей Европейской России в 1897 году в уездах жило 82 слишком миллионов и более 12 миллионов в городах, при чем из этих 12 милл. приходилось более 4 милл. жителей на 14 крупнейших городов (Петербург, Москва, Варшава, Одесса, Харьков, Киев, Екатеринослав и т. д.). Это городское население, стало быть, распределялось, главным образом, по тем естественным крупнейшим промышленным центрам, на которые делилась Россия,—Петербург, центральный промышленный Московско-Владимирский район, Горнозаводский, Донецкий район, Польша, Урал, Юг. Очень хорошо видно расселение жителей России и процесс переселения или колонизации населения из следующей таблицы, приводимой В. Ильиным (В. Лениным):

Процент городского населен.		Процент увеличения населения.			Группы губерн. Европейской России.
1863	1897	Всего.	Сельск.	Городского.	
38,2	56,2	65	18	141	Столичные. I.
7,3	8,6	29	26	52	Промышлен. и неземлед. II.
14,1	21,1	36	25	105	Стол., промышл., неземлед.,
8,3	9,8	38	35	63	Центр., земл., малор. и средневолжск. III.
11,2	13,3	92	87	134	Новорос., Нижневолжск. и восточн. IV.
10,5	13,9	49	44	95,6	Сумма первых четырех групп.
11,5	25,3	31	11	188	Прибалтийские. V.
10,9	11,8	82	88	96	Западные. VI.
9,1	9,5	75	74	82	Юго-Западные. VII.
3,2	4,7	39	37	105	Уральские. VIII.
5,9	5,8	33	34	29	Крайнего Севера. IX.
9,94	12,76	53,7	48,5	97,0	Всего.

Как видно из этих цифр, больше всего увеличилось городское население в столичных губерниях, где находились такие крупные промышленные центры, как Петербург и Москва, затем идут Прибалтийские губернии, третье место занимает юго-восток с Донецким бассейном и южным хлебородным районом, куда, начиная с 60-х годов, хлынула огромная колонизационная волна и где, в особенности в 90-е и 900-е годы, замечался чисто американский рост городов. „В первом районе неземледельческом мы наблюдаем особенно быстрое повышение процента городского населения: с 14,1% до 21,1%. Рост сельского населения здесь очень слаб,—почти вдвое слабее, чем во всей России вообще. Рост городского населения, наоборот, значительно выше среднего (105% против 97%)". „Во втором районе, центрально-земледельческом, мы видим иную картину. Процент городского населения здесь очень низок и возрастает медленнее среднего. Увеличение населения с 1863 по 1897 г.г., как городского и сельского, здесь значительно слабее, чем в среднем в России. Об'яснение этого явления лежит в том, что из этого района шел громадный поток переселенцев на окраины. По вычислениям г. В. Михайловского с 1885 по 1897 г. отсюда ушло *около 3-х миллионов чел.*, т. е. более одной десятой части населения.

В третьем районе, на окраинах, мы видим, что процент городского населения увеличился несколько менее среднего (с 11,2% до 13,3%, т. е. в пропорции 100:118, при среднем 9,94 -12,76, т. е. в пропорции 100:128). Между тем рост городского населения был здесь не только не слабее, *а гораздо сильнее среднего* (+134% против 97%). Отвлечение населения от земледелия в промышленность шло, следоват., очень сильно, но оно прикрывается громадным ростом земледельческого населения вследствие эмиграции; в этом районе сельское население возросло на 87% против среднего в России 48,5%".

Россия меняет свой лик. Создаются крупные промышленные центры в совершенно новых притом самых глухих сельских местностях; медвежьи углы превращаются в шумные фабричные поселки, а во многих местах совершенно новые фабрично-заводские быстро растущие поселения. Так, в 1879 году насчитывалось с числом рабочих более тысячи 32 городских и 38 сельских центра с числом рабочих в 341722 чел., а в 1890 уже 33 городских и 53 сельских с числом рабочих в 441346 человек. Из этих центральных пунктов выделяются в 1890 г. семь крупнейших, имеющих более 10 тыс. рабочих, каждый (из них 6 городских и 1 сельский) с 206862 чел. рабочих. Такие города, как Петербург, уже в начале 90-х годов становятся городами гигантами, распространяющими свои щупальца по всей стране: уже в 1890 году в Петербурге одних жителей, занимающихся обрабатывающей промышленностью, было 341991 человек, из которых содержащих себя своим трудом насчитывалось 215704 чел. и 126287 членов семей и прислуги. Уже, стало быть, тогда Петербург был город гигант, где огромная часть населения безо всякого сомнения являлась тем торгово-промышленным пролетариатом, который так изменял общий тон, характер и настроение столицы. Крупнейшие торгово-промышленные центры только повторяли картину Петербурга в большей или меньшей степени: наверху капиталисты, чиновники, мелкая буржуазия, а внизу огромная масса пролетариев.

Каково же было положение рабочего класса в описываемую эпоху, т. е. в 60-ые и 70-ые годы вскоре после освобождения крестьян, а затем в эпоху стремительного развития капитализма, т. е. в 80-ые и 90-ые годы? Какова была его заработная плата, продолжительность рабочего дня, условия работы и жизни, умственный и вообще духовный уровень, каков был тип рабочего? Все это необходимо знать для того, чтобы понять то движение пролетариата, которое начинается с 70-х годов прошлого века.

Но к величайшему сожалению до сих пор о положении рабочих в 60-ые и 70-ые годы прошлого столетия написано очень мало. Ученые и публицисты 60-х и 70-х годов почти целиком были поглощены крестьянским вопросом и к рабочему вопросу подходили с народнической точки зрения. Многим, если не большинству русских публицистов-народников казалось тогда, что у нас в России собственно и рабочего-то вопроса не существует. Чернышевский, как и менее видные теоретики народники, полагали, что Россию можно и нужно уберечь от язвы пролетариатства и что община—вот то драгоценное наследство, которое поможет русскому народу сразу перешагнуть через капитализм.

Чернышевский, прямо высказываясь против покровительственной политики, говорит: „больше нежели о возрастании фабричного произ-

водства, больше, нежели об увеличении заграничной торговли, надобно заботиться о развитии домашней промышленности. Что касается до вопроса о том, полезно ли прямое покровительство фабрикам, то при разрешении его надобно было бы иметь в виду не столько отношение наших фабрик к заграничному производству подобных товаров, сколько отношение к благосостоянию класса людей, находящих на них работу, и еще более отношение фабрик к домашней выделке фабричных изделий". Вопрос крестьянский заслонял собою вопрос рабочий и даже в 70-х годах народники-публицисты полагали, что и рабочего-то сословия и рабочего вопроса в западно-европейском смысле слова у нас нет. В пользу развития артелей и рабочих ассоциаций высказываются многие ученые экономисты того времени, полагая, что русские артели и община и избавят Россию от всех бедствий капитализма. Так Ф. Тернер, либеральный экономист того времени, говорит: „...главным основанием и главною силою всех существенных учреждений на пользу рабочего сословия является ассоциация. А именно: идея ассоциации весьма распространена уже у нас в народных обычаях, являясь во множестве разнообразных проявлений, особенно же в артелях..." В таком же духе высказывается и другой экономист Корсак в своей книге „О формах промышленности в Западной Европе и России". Известный публицист-народник З. Елисеев в своей статье „Производительные силы России" тоже занимается вопросом о русской промышленности, но и здесь рабочий вопрос не занимает автора; его интересует другая проблема, и он доказывает, что, в случае закрытия фабрик, фабричный кризис перенесется народом „без особенного бедствия". Даже в статье, казалось бы специально посвященной рабочему вопросу, „Отчего трудно поправляться нашему рабочему" народнический журнал собственно о положении рабочих не говорит, и весь вопрос сводится, по мнению автора, к тому, обеспечен ли достаточным количеством земли русский рабочий или нет. Дело, стало быть, для народников сводилось в рабочем вопросе к вопросу крестьянскому. Они полагали, что рабочий вопрос в России будет разрешен, если будет в благоприятном смысле разрешен вопрос об артели и общине. Другой властитель дум народничества, Н. К. Михайловский, сводил разрешение рабочего вопроса к организации народного труда. „Дело, значит, только в том, говорит он: „чтобы сосредоточить орудия производства в руках представителей труда. Все, становящееся поперек дороги к этой цели—будь это свобода, промышленность, железная дорога, грандиозный финансовый план, самоуправление — подлежит уничтожению, которое будет и выгодно и справедливо". Сосредоточение орудий производства в руках производителей может быть достигнуто „организацией народного труда". Ясно, что под сосредоточением средств и орудий производства в руках производителей. Михайловский, как и остальные народники, разумели в конечном счете социалистическое хозяйство, но, разумея это, что же они предлагали своей организацией труда? Михайловский, раз'яснивши, что на Западе рабочий вопрос сводится к экспроприации рабочими теперешних собственников, говорит, что „рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только *сохранение* условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности". Стало быть, и по Михайловскому все дело сводилось к разрешению вопроса крестьянского, вопроса об

общине. Путь разрешения этого вопроса, по мнению Михайловского, „состоит в развитии тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом первобытном виде", т. е. в нашей общине.

„Понятно, что цель эта, раз'ясняет далее Михайловский: „не может быть достигнута без широкого государственного всемогущества, первым актом которого должно быть законодательное закрепление поземельной общины".

Итак, „организация народного производства", по мнению Михайловского, сводится к помощи общине, т. е. мелкому собственнику крестьянину со стороны русского, т. е. самодержавно-буржуазного государства.

Чернышевский и Елисеев высказывались за развитие мелкой домашней промышленности, а Михайловский в государственной помощи мелкому собственнику видел организацию народного производства, которое достигнет того, что в руках производителя будут и орудия и средства производства. Быть может, нигде, как в этом отношении народников к рабочему вопросу, не проглядывает так их мелкобуржуазная идеология, как в вопросе рабочем. Мы увидим далее, как впоследствии народничество в лице Плеханова отрешилось от своих мелкобуржуазных идеологий и как ему же и Ленину пришлось бороться против взглядов народников о народном производстве. Как бы то ни было эти взгляды мешали народникам трезво взглянуть на рабочий вопрос, и вот почему казалось бы даже в специальном труде Флеровского, посвященном положению рабочего класса в России, по сути дела об этом положении ничего не говорится, а восхваляется вся та же артель и община.

Во всяком случае, в книге Флеровского очень мало фактического материала, и те немногие факты, которые дает автор, сводятся к тому, что продолжительность рабочего дня простирается до $14^1/_2$—16 часов в сутки при страшно низкой заработной плате и невозможных санитарно-жилищных условиях труда. Тем не менее, несмотря на скудость данных, возможно нарисовать хотя бы приблизительно картину жизни рабочих в 60-ые и 70-ые годы. Начнем с провинции.

Вот как рисует положение рабочих на Оренбургских горных заводах уполномоченный министерства финансов Гернгросс. Рабочие этих заводов занимались рубкой дров, выжегом и перевозкой выжженного угля на завод, добычей руды, работою на печах и остальными работами, носившими название поторжных. Рубка дров производилась урочниками, полными и неполными работниками, малолетками, по окончании ими работы на рудниках, и заводскими работниками по окончании плавки. Урочники должны были заготовить 34 куренных сажени. Для выполнения всего урока урочники должны были находиться в лесу в курене от 136 до 204 дней. Плата за эту работу урочникам полагалась 90 коп. ассигн. или 30 р. 60 коп. ассигн. в год. Кроме этого урочный работник еще принудительным порядком привлекался к работе по доставке руды на завод (расстояние в один оборот 600 верст) по весьма низкой оплате. Малолетние получали за вырубку дров от 10 до 21 коп. ассигн. в день или 1 р. 50 коп. ассигн. за сажень, башкиры получали 2 р. Работа по выжегу угля производилась так называемыми углесидами. Они должны были вырубить $17^1/_4$

сажень дров, положить их в кучу, одернить, выжечь из них 53 короба угля и доставить уголь на завод. За все это они должны были получать 82 р. 15 к. ассигн., в год, но в действительности получали только 66 р. 62½ коп. ассигн., так как 15 р. 52½ коп. с них вычетали. Свою заработную плату углесиды обыкновенно выбирали вперед провиантом и другими предметами, а вычет в 15 р. 52½ к. числился за ними долгом, так что с течением времени у некоторых долг достиг до 500 р. ассигнациями. Некоторые углесиды выжигали уголь из уже нарубленных заранее дров; эти рабочие должны были получать 164 р. 30 коп. в год, но за вычетами получали только 113 р. 30 коп. ассигн. Кроме того, углесиды должны были после складки дров подвозить к заводу некоторые материалы (луб и полубину), за что получали тоже ничтожную плату.

Провиант, деготь, смолу, инструменты и все необходимое для работ рабочие должны были покупать на свои деньги хотя и по себестоимости у того же капиталиста. На рубку и выжег дров посылались лучшие и самостоятельные работники, а на рудники (300 или 400 чел.) выбирались из таких семей, где имеются другие работники. Гернгросс так описывает положение этих рабочих:

„Посылаемые на рудники на 9½ и даже на 10 месяцев в году за 300 верст от места жительства, эти несчастные люди по истине разлучаются со своими семействами и делаются им совершенно чуждыми, ибо по своей бедности не в состоянии сколько-нибудь обеспечить их существование, т. е. исполнять те священные обязанности, которые на них возлагаются законами божескими и человеческими“. Явка на рудники для таких рабочих была обязательна в течение 7 дней, кто не являлся в срок, то должен был в виде штрафа отработать бесплатно. Чтобы добраться до рудника, нужно было пройти 41 версту, и голодному и усталому сейчас же стать на работу. О тяжести работ на руднике можно судить потому, что двое рабочих должны были в день вынуть до 12 куб. аршин руды и пород и ставить крепи. Помещения, где приходилось работать, были холодные, то наполнены сыростью, то полны духотой, так что от влаги и жара все платье истлевало, и рабочие возвращались домой нагими.

Работы на печах производились плавильщиками, которые работали в течение 7½ месяцев, за что они и должны были получать 52 р. 50 к. асс.; кидальщик получал столько же, забойщик (рудобойщик) 26 р. 25 к. асс., а коногон (подвозчик) 78 р. 75 к., но фактически все они получали гораздо меньше, так как из заработной платы производили вычеты за провиант. Поторжные, кузнечные и плотничные работы производились всеми свободными, слабосильными рабочими и сдавшими уже свою работу урочниками. Плата за это полагалась в день от 21 до 28 коп.

„Средства, необходимые для существования каждого рабочего по весьма скромному подсчету самих рабочих, выражаются в следующих цифрах: для одинокого рабочего в месяц хлеба 2½ п. на 7 р., соли 3 ф. на 6 к., мяса 20 ф. на 2 р., 3 пары лаптей 31½ к. и рукавиц 1 пара в 2 мес. 45 к., всего 9 руб. 82½ коп. Полагая, что женатому необходимо вдвое больше, а на каждого малолетнего ребенка только четвертую часть против взрослого, потребуется каждому тяглому рабочему при наименьшем составе семьи в 3 человека, за 10 месяцев

221 р. 50 к. асс, или 65 р. сер. Между тем заработная плата далеко ниже прожиточного минимума. Так: дроворуб за 204 рабочих дня получает 30 р. 60 к. асс., углесид вместе с рубкой дров 66 р. 66½ к., углесид без рубки дров 116 р. 92 к., рудничный работник от 52 руб. 50 коп. до 70 р., заводский плавильщик 70 р., поторжный работник от 30 р. до 52 р. 50 к.“ *). Правда, у рабочих была земля около 1½ дес. на душу, но пользы земля не давала, так как лошадей рабочие погубили на заводской работе и пахать было нечем, да и земля была плохого качества. Но если в только что описанном положении, находились рабочие-крестьяне, то можно с уверенностью сказать, что и настоящие рабочие в самом центре промышленного района в Иванове-Вознесенске жили далеко не лучше на своих фабриках. Вот какими красками описывает эту жизнь официальная записка, составленная не каким-нибудь революционером, а жандармским капитаном Тимофеевым. „Экономический быт, пишет жандармский офицер: „собственно крестьян села Иванова, действительно весьма плох и бедствен, так как огромное большинство из них, не занимаясь вовсе земледелием и не имея никакого к тому хозяйства, суть только рабочие на ситцевых, прядильных и ткацких фабриках, получающие весьма ограниченную заработную плату, едва хватающую им на необходимое пропитание и уплату лежащих на них повинностей; к тому же, к сожалению, между ними сильно развито пьянство и вообще безнравственный разгул“... „...Нельзя не сказать, что вообще Ивановские рабочие в высшей степени подавлены гнетом своих хозяев-фабрикантов, сильно их эксплуатирующих. Низкая заработная плата, при чрезвычайной дороговизне в селе Иванове продовольственных припасов, еще более уменьшается разного рода вычетами и штрафами, которые взыскиваются фабрикантами за разгул и прочее. Но вместе с тем только фабрики и дают, как ивановским, так и многим пришлым крестьянам возможность к существованию и в случае, если бы по каким-либо причинам производство на фабрике прекратилось, то большая часть Ивановских и Вознесенских жителей, как не приготовленные к другим занятиям, остались бы безо всяких средств к существованию. В последнее время не только на больших, но даже и на менее значительных фабриках введение машин все более и более вытесняет ручной труд и при этом заработная плата заметно уменьшается“. Далее жандармский вития пускается в морализующие рассуждения по поводу пьянства и щегольства рабочих и в то же время констатирует, что даже наружный вид крестьян села Иванова, „изнуренный, как употреблением плохой и непитательной пищи, так и несоразмерной силам работой, так же как пьянством и развратом, которому предаются даже лица обоего пола с 14 и 15-летнего возраста“. Правда, по словам самого же Тимофеева, пьянство происходит потому, что в Иванове „обилие питейных домов, число которых положительно несоразмерно с действительной потребностью“. „Кроме того, здоровье рабочих на фабриках сильно страдает в тех отделениях, где производится окраска ситцев и беление их и где рабочие дышат удушливым и, по всей вероятности, не безвредным воздухом от различного рода окрашивающих

*) Л. Айзенберг. „Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае. Арх. истор. труда в России. Кн. IV.

химических веществ" *). Характеристика рабочего житья-бытья в Иванове в конечном счете даже в устах жандарма сводится к одному: к чрезмерной эксплуатации рабочих фабрикантами, так что те из рабочих, которые имели небольшие домишки, стали продавать их, что и послужило поводом для доклада жандарма по начальству, обеспокоенному таким явлением. Не лучше положение рабочих было и в Московском районе, где также нужда рабочих достигала крайних пределов. Так, напр., рабочие на фабрике купца Шибаева (в Богородском уезде, Московской губ., при селе Истомине), „согласно условию, получали по 37 коп. за каждый сотканный кусок миткаля в 7 аршин длины; после Пасхи, по установившемуся порядку, условия на-ново составляются на срок до 1 октября, и в виду этого фабричный приказчик об'явил, что вместо 37 впредь будет уплачиваться 40 коп., но письменного договора не заключил, дабы—как полагали—дать окрестным фабрикантам время для приискания других рабочих, а затем прежним рабочим, оставшимся свободными, назначить по старому 37 коп., на что те по крайней нужде должны будут согласиться; с той же целью куски миткаля принимались от рабочих со строгим разбором и увеличивались штрафы, вводившие крестьян в долги фабрике. При первом же расчете крестьянам уплатили не по 40 коп., а опять по 37 коп.—фабрикант об'яснял, что длина куска уменьшена с 67 до 55 аршин, но рабочие возражали, что миткаль стал ткаться чище, а потому требуется столько же времени, сколько прежде. Голод заставлял крестьян продолжать работы, к тому же их тревожило опасение, что по мере погашения ими долга фабрика их будет увольнять" **).

Таким образом, уже из этих отрывков, рисующих положение рабочих в разных промышленных пунктах, положение рабочих было очень тяжелое,—беспросветная нужда, недоедание, дурная пища, невыносимо тяжелая обстановка (сырость, холод, духота, вредные испарения и т. д. и т. п.), непомерно продолжительный рабочий день, штрафы, расплата товарами и провиантом, низкая заработная плата.

Хотя денежная заработная плата в течение 70-х годов к началу 80-х и повысилась, однако, ниже, чем в то же время повысилась цена продуктов первой необходимости: плата повысилась на 15—50%, а цена ржаной муки на 83%, мяса почти на 220%. Ткачи на механических станках получали в месяц в 50-х годах 10—16 р. сер., в 70-х и к началу 80-х годов 12—18 р., повышение всего на 15%. Это относится к Иваново-Вознесенскому району, но и по другим районам замечалось то же. В Шуйском районе повышение заработной платы на хлопчато-бумажных фабриках за вышеуказанный период времени было 50% не более, а средняя цена пуда ржаной муки в Москве повысилась на 123%, так что это дает право Туган-Барановскому высказать общее положение, а именно, что „к началу 80-х годов *реальная заработная плата рабочих на хлопчато-бумажных фабриках Шуйского уезда понизилась в общем не менее как на 30—40%*" ***). Заработная плата понизилась точно также в течение 70-х г.

*) Архив истории труда в России. № V. Р. Кантор. К характеристике эконом. положения раб. элемента в Ив.-Вознесенске (1871 г.).

**) И. Сидоров. Матер. по истории стачек 70 годов 19 в. Ар. ист. тр. в Рос. № V.

***) Т. Барановский. Фабрика стр. 406, перв. изд.

и в Московской губ. В виде примера можно привести цены на Кунавинской фабрике Бабкиных:

	1834 г. (в ассигнациях).	1883 г.	уменьшение.
Ткачи	36 р. — к.	17 р.	53%.
Прядильщики . . .	32 „ 50 „	20 „	38%.

Цена пуда ржаной муки в Москве в 1831 году была 1 р. 93 к., а в 1881—83 г. была 1 р. 25 к., таким образом, и здесь плата хотя и повысилась, но ее повышение было неизмеримо ниже, чем повышение цены на хлеб.

Не блестяще было положение рабочих не только где-нибудь в Оренбургской губ., или во Владимирской или Московской, но даже в столице, в самом Петербурге; они жили ничем не лучше, чем в провинции. В первом номере народнического нелегального журнала „Начало“ (март 1878 года) описывается стачка на Новой Бумагопрядильне. В каком положении находились там рабочие, видно хотя бы из тех требований, какие они пред'явили своим хозяевам: „1) Почти 15-ти часовая работа, втечение целого дня на ногах—работа непосильная; она убивает здоровье даже самого сильного человека, а на фабрике кроме мужчин работают женщины и дети. 2) Теперь начальство само сознало, что брать одну копейку в день за вонючую и не всегда кипяченую воду несправедливо и обещается давать эту воду даром. Но это не подачка, а уступка необходимости. Теперь рабочие требуют чтобы эти копейки, составляющие в год три рубля на человека, были выданы рабочим обратно. Их брали в течение 6 лет, значит их забрано начальством по 18 рублей с рабочего. 3) Инструменты и машины, а также и части машин, хозяева всегда и везде покупали и покупают сами и выбирают потом с лихвой затраченные на них деньги с рабочих. Но машины и инструменты не вечны: они постоянно ломаются, как всякие другие вещи, и нас, рабочих, заставляют, кроме того, платить и за эту неизбежную порчу, взваливая и на нас обвинения в умышленной их поломке. Но кто же в этих случаях будет решать спор между рабочим и хозяином? мы требуем уничтожения § 3 правил, чтобы за поломку челноков, вилок и щеток не взималась с нас плата. 4) Мы требуем непременно отмены штрафов за дурное поведение, так как хозяин или его наемные холуи не могут быть беспристрастными судьями нашей нравственности. 5) За прогульные дни штрафы не должны превышать заработка дня, тем более, что большинство из нас работает поштучно“ *). Из этого красноречивого обращения петербургских рабочих к своим хозяевам видно, что и в столице мастеровым людям жилось не лучше. Это незавидное житье-бытье рабочих на столичных фабриках видно и из описания положения рабочих на фабрике Кенига, в журнале „Земля и Воля“.

„...Наши рабочие“, говорится там: „по своему экономическому положению резко разделяются на „заводских и фабричных“. Между тем как первые, при меньшей продолжительности рабочего дня, получают плату, почти достаточную для сносного (в русском смысле этого слова) существования, фабричные находятся в положении по-истине ужасном. Рабочий день здесь не бывает короче 14 час., в 5 час. утра

*) „Начало“, № 1. 1878, стр. 22. Базилевский. Револ журнал 70-х г.

рабочий становится на работу, домой возвращается в 8 час. вечера. Во все это время ему дается только один час (от 12 до 1 час.) на обед и отдых. На некоторых фабриках продолжительность рабочего дня еще более. Его заработок редко доходит до 25 руб. в месяц, чаще же всего он колеблется между 17 и 20 руб. Из этой ничтожной суммы он должен найти средства для прокормления своей семьи, для уплаты податей и, наконец, для покрытия многочисленных и разнообразных штрафов. Эти последние составляют очень значительную отрицательную величину в заработке рабочего. Налагаются они под самыми различными подчас весьма остроумными предлогами: так, наприм.: хотя работа на фабрике Кенига, по условию, должна начинаться в 5 час., предприниматель по пословице „с миру по нитке— голому рубаха" начинал ее в 4¾ час., кто не являлся за 5 минут до срока, установленного таким образом, вопреки условию, подвергался штрафу" *). Уже из приведенных отрывных данных можно заключить, как тяжелы были условия, в каких жили рабочие в 70-х годах. Но эти условия с наглядностью обрисовались, когда учрежденные в 80-х годах фабричные инспектора дали картину рабочей жизни в 80-х и начале 90-х годов прошлого века **). Скажем хотя несколько слов об этой жизни, ибо для полного описания ее требуются целые томы. Начнем с фабрики и завода, где рабочий должен был трудиться. Даже на лучше устроенных фабриках, чем в России, в царстве Польском и вообще в Западном крае санитарное положение было ужасно, в особенности в тех производствах, где работа идет руками. Прежде всего рабочие страдают от отсутствия воздуха, вентиляции, от пыли и отбросов производства, от вредных испарений и газов. Даже на варшавских махорочных фабриках из сушильных отделений рабочих через 15 минут выносили в обмороке. Из 271 фабрично - заводского учреждения в Виленском округе только 5 или 10 фабрик оказались более или менее удовлетворительными в санитарном отношении. На табачных и спичечных фабриках вообще не приходится на каждого рабочего более 1 куб. сажени воздуха, обычное же содержание воздуха ½ и даже ⅓ куб. сажени. Вентиляция на этих фабриках отсутствует и для проветривания открывают прямо дверь. На табачных фабриках Харьковского округа обычное явление — отравление никотином, и отсюда острые желудочные и нервные заболевания.

Свеклосахарные заводы Киевского и Харьковского округов в санитарном отношении очень неудовлетворительны: вентиляции нет, и рабочим приходится выбивать стекла для притока чистого воздуха; в отделениях, где работа идет с известью, это отсутствие вентиляции особенно вредно, так как мельчайшие пылинки извести носятся в воздухе и попадают в легкие; очень высокая температура во многих отделениях уживается со страшными сквозняками, а отсутствие всяких заградительных приспособлений является причинами несчастных случаев; рабочие болеют нарывами от ожогов. Что касается отхожих мест, то почти на всех сахарных заводах они холодные, находятся вдали от рабочих помещений, так что из помещения, где температура до-

*) „Земля и Воля", № 3—1879 г. январь.

**) При описании положения рабочих мы пользовались как книгой Пажитнова, так отчетами фабр. инспекторов и нек. другими.

ходит до 40°, рабочим приходится бежать босиком, и они получают простуды.

Отхожие места не лучше и в других округах и на других заводах и фабриках, а на некоторых заводах и совсем нет никаких ретирад. Инспектор Казанского округа, обследуя заводы и фабрики своего района, говорит, что помещения фабрик и заводов приспособлены к требованиям производства, интересы же рабочих не приняты совершенно во внимание. Рогожные фабрики грязны, темны, сыры, с земляными полами; на спичечных фабриках и фосфорных заводах, а также кожевенных заводах этого округа, помещения малы, грязны и сыры, испарения вредных газов так велики и вредны, что рабочие лишаются зубов, болеют грудью.

В таком же неудовлетворительном состоянии, впрочем, кожевенные заводы и других местностей. По обследованию фабричного инспектора Пескова во Владимирской губернии все фабрики, за немногими исключениями, обставлены не лучше: отсутствие вентиляции, вредная льняная пыль и другие отбросы затрудняют дыхание, мастерские грязны и воздух, как в помойной яме, по картинному выражению самого инспектора. На сушильных, крахмальных и спиртовых барабанах температура очень высока, так что малолетним рабочим приходится работать нагими, и, „вспотевшие и раскрасневшиеся, они имеют вид парящихся в бане". Из 71 промышленного заведения с 53.096 рабочих только на одной Шуйской мануфактуре отхожие места имеют сносное устройство, а на остальных такое же примитивное, как везде. В самом промышленном районе, Московском округе, фабрики в санитарном отношении неудовлетворительны: кубическое содержание воздуха недостаточно, почти везде менее 3 к. с. на человека, а в рогожных мастерских иногда даже менее 1 куб. сажени; на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках при страшной тесноте помещения температура достигает от 20 до 28°, в то время как без вреда для качества пряжи она может быть не выше 17°; отсутствие вентиляции обычное явление, а на 32% всех красилен даже нет форточек; на химических заводах нет никаких приспособлений для удаления вредных газов, паров и пыли, а на мелких зеркальных заводах отравление ртутью обычное явление. И не только на фабриках, но даже и на механических заводах отсутствие вентиляции, то холод, то чрезмерно высокая температура, тесно расставленные машины и приборы, невозможные ретирады, пыль и грязь — обычные явления по всем промышленным округам.

Переходим к описанию жилищ рабочих, но кто не знает этих жилищ, жилищ русских рабочих? В самой столице, Петербурге, на Шлиссельбургском тракте *типичным* рабочим домом являлся дом Ратьковых-Рожновых и вот в этом типичном рабочем доме, в комнате, имеющей 10 аршин длины, 8—ширины и 4½ высоты помещается 22 человека. Таких домов, начиная с конца 80-х годов, в Петербурге в рабочих районах появилось несколько десятков (напр., всем известный „Порт-Артур" за Московской заставой), и жизнь в них не лучше, чем в доме Ратьковых-Рожновых, в котором на каждого жителя приходится не менее ½ куб. сажени воздуха. В таких домах обыкновенно в большой комнате идут нары, изредка койки, которые у семейных рабочих завешаны пологом. Еще хуже жилища рабочих кирпичных заводов, где

в темных грязных общих казармах без вентиляции, с отсутствием света, на нарах или простых досках, без тюфяков, простынь, на какой-то грязной рухляди с мириадами клопов, вшей, блох лежат вповалку рабочие. Множество рабочих живет и на частных квартирах, но эти частные квартиры не лучше казарм кирпичных заводов, так как хозяйка обыкновенно, снимая квартиру, устраивает по стенам комнат нары и сдает отдельные койки по 5 коп. в день или по 1 р. 50 коп. в месяц. Не малое количество помещений и подвального и полуподвального типа, где сплошь и рядом помещения, в которых ютятся семейные рабочие с малолетними детьми, находятся на уровне отхожих мест, так что содержимое их просачивается в подвалы. Нечего, конечно, говорить о достаточном содержании воздуха в таких квартирах. Но если таковы помещения рабочих в Петербурге, то жилища рабочих Московского и Владимирского промышленного районов и Донецкого горного округа превосходят всякие даже фантастические представления. Обыкновенно это общая казарма, общая спальня, и только на немногих фабриках для семейных рабочих существуют отдельные каморки. В этих спальнях, как общее правило, коек не существует, а устроены нары, где рабочие без простынь, матрацов, на всякой рухляди, покрываясь обычно своей же одеждой, спят в повалку, так что в одной и той же спальне в общей куче спят замужние женщины, дети, мужчины, старики и молодые. Тут же в общей спальне, в смраде и вони, почти на глазах у всех, во вшах и клопах, совершаются самые интимные акты человеческой жизни. Но если думать, что положение семейных рабочих, живущих в отдельных каморках, лучше чем в казармах, то это самое ужасное заблуждение: в каждой такой каморке ютится несколько семей по углам, и единственными границами этих семей является полог, едва ли скрывающий семейные тайны от любопытных соседей. Такие жилища, однако, являются еще идеалом, так как в большинстве случаев на одной и той же койке живет не одна семья, а две, и в то время, как одна находится на работе, другая идет спать, так что койки, если они чем-нибудь покрыты, не успевают остывать, и уставшему рабочему приходится бросаться в грязное, вонючее от пота и испарений логовище. Жилища горных рабочих еще ужаснее. Как общее правило—это землянки: в земле выкопана яма, она покрыта деревянными стенами, а на крышу иногда тоже насыпана земля. Внутри в низких и темных помещениях с земляным полом устроены нары, где и ютятся без постельного белья и матрацов рабочие, семейные и холостые. Очень много помещений без печей, а там, где они есть, они устроены так плохо, что от дыма и угара у рабочих постоянно головные боли. Рамы без стекол, в стенах щели, так что зимой в таких жилищах холодно и сыро. Тут же, где рабочие спят, отправляют свои семейные обязанности, где пищат дети, где производится стирка белья, тут же женщины готовят обед и ужин и принимается пища. В таких помещениях жизнь превращается очень скоро в каторгу, — от дыма, угара, грязи, вони, спертого воздуха и неисчислимого количества насекомых рабочие при первой возможности бегут из этих „квартир“, за которые хозяева взимают еще с рабочих плату. Насекомых в таких жилищах так много, что нередки случаи, когда рабочие предпочитали даже ранней весной и поздней осенью, когда стояли морозы, выселяться из этих казарм и располагаться прямо

в открытом поле в шалашах в холоде, но зато на чистом воздухе и без насекомых. Впрочем, такое же бегство из казарм замечалось и в Московской и во Владимирской губернии, и здесь устроенные рабочими на воздухе помещения ничем не отличаются от собачьих конур и курятников. Положение рабочих в горнозаводском производстве особенно тяжело и неудовлетворительно, чтобы не сказать больше. Не только в Сибири на золотых приисках, но и на юге России условия самой работы ужасающие. Работы ведутся, как известно, под землей, и всем этим забойщикам, зарубщикам, крепильщикам, запальщикам, коногонам, вагоньщикам, камеронщикам приходится работать в темных узких проходах часто в неестественном положении. Шахты и подземные ходы должны быть устроены особенно хорошо, так как в них то собирается подземная вода и сырость, то от подземных процессов поднимается очень высокая температура, то скопляются вредные и взрывчатые газы; нередки обвалы горных пород, взрывы и подземные пожары, наводнения, обвалы, по подземным ходам гуляет ветер и страшный сквозняк. Между тем далеко не на всех рудниках ходы устроены, как нужно, во многих рудниках не механическая под'емка и спуск, а старинный способ спуска по лестницам.

Благоустроенная вентиляция отсутствует, освещение самое примитивное, водоотливные машины действуют неисправно, никаких предохранительных приспособлений—вот обычные жалобы рабочих решительно на всех рудниках. Работа подземных рабочих обыкновенно кончается хроническими заболеваниями,—дыхательных органов, расстройством пищеварения, ревматизмом и болезнью сердца, между тем продолжительность рабочего дня здесь так велика, что общие неприглядные условия работы от этого еще более увеличиваются. Особенно тяжелы условия работы на золотых приисках в Сибири, где сплошь и рядом работы ведутся неподалеку от рек, так что сырость просачивается в шахты, и рабочим приходится работать по колена в воде. Необходимых костюмов,—сапог, курток, рукавиц не имеется, и рабочий—от этой тяжелой работы в суровом климате здесь на золотых приисках—рабочий, самый здоровый и сильный, через 10—16 лет к 40—50 годам превращается в инвалида. На ртутных рудниках работа еще вреднее и опаснее. При такой тяжелой работе, казалось бы, санитарно-жилищные условия должны быть особенно хорошо предусмотрены и организованы, однако, даже в Донецком бассейне еще в конце 900-х годов только при двух или трех рудниках имелись бани, да и то неудовлетворительные. Но может быть на механических и металлургических заводах условия работы были лучше? Увы, и здесь рабочие в своих мастерских и цехах были обставлены очень плохо. Решительно на всех заводах, даже на таких, как на юге, Брянские или Петербургские механические заводы, многие мастерские темны, душны и тесны. Вентиляция настолько неудовлетворительна, что литейщики да и такие рабочие, как медники, от газов, дыма, медных и железных стружек подвергаются всякого рода болезням. Во многих отделениях этих заводов во время работы стоит высокая температура от раскаленной массы металла (доменные печи, чугунноплавильные и т. п), от которой рабочие слепнут, кожа у них трескается, получаются ожоги и ранения, предохранительных же приспособлений,—фартуков, наличников, очков—не имеется. Работа у пуд-

линговых и литейных печей настолько тяжела, что уже через несколько минут рабочий обливается потом, температура у него подни мается, пульс доходит до 160 в минуту и в это же время, зимой, наприм., через дверь литейной врывается пронзительный холод, простужающий рабочего на веки. Но особенно тяжела работа даже в больших железнодорожных мастерских, неблагоустройство их так велико что в подавляющем большинстве случаев ремонт вагонов и паровозов приходится вести зимой под открытым небом на морозе. Мастерские грязны и душны, особенно депо, где рабочим часто приходится работать в паровозных ямах, в грязи, в нефти, в воде; во многих мастерских такое примитивное устройство, что только поэтому рабочие становятся калеками (напр., при работах набивки бандажей).

Особенным вредом отличается работа на химических производствах, напр., на нефтеперегонных заводах, при самом добывании нефти, на заводах кислот, содовых и т. п. На нефтяных промыслах почти все рабочие страдают накожными болезнями, на химических производствах, за отсутствием предохранительных приспособлений, почти все рабочие страдают болезнями легких, горла, зубов и глаз, накожные заболевания среди них тоже обычное явление. Что же сделали капиталисты для того, чтобы дать рабочему своевременную врачебную помощь? Почти ничего, или очень мало. Даже в Московской губернии на 147 осмотренных фабричным инспектором фабриках врачебная помощь почти отсутствовала; не везде даже были фельдшера, и кое где их обязанности выполняли фабричные лавочники; что можно сказать о провинции, если вблизи столицы, да и в ней даже на подавляющем числе фабрик и заводов, годовой доктор посещает рабочих 1—2 раза в неделю и занимается в большинстве случаев только подписыванием ведомостей. Больницы, да при том еще хорошо оборудованные, большая редкость, и в Московском, напр., округе больные отлеживаются на нарах или отправляются в городские больницы. Но хорошо, если их там примут, нередки же случаи, когда, вследствие отсутствия свободных мест или потому, что город ссылается на обязанность фабриканта иметь свою больницу, принять больного отказываются, и он умирает в дороге или подвергается более тяжелому недугу. Даже в Польше, более культурной чем Россия, медицинская помощь поставлена плохо, и нередки такие врачи, которых можно назвать летучими голландцами: они мчатся на почтовых по фабричному тракту и останавливаются только перед той фабрикой, где красный флаг указывает не о коммунистической опасности, а о том, что есть больной; врач наспех осматривает больных, выбрасывает наскоро заранее заготовленные рецепты и мчится дальше. Не даром русские рабочие с иронией говорят и доселе, что у фабричных врачей для рабочих от всех болезней одно средство,—касторка или лошадиное слабительное. Нет ничего удивительного, что рабочее население и является той средой, где свили себе гнездо—чахотка, ревматизм, всевозможные катарры и всякого рода повреждения и несчастные случаи. Одни холерные эпидемии и тиф унесли десятки, если не сотни, тысяч жертв рабочих, и в южных городах, как, напр., Ростов на Дону, имеются целые кладбиша холерные и тифозные, где покоятся, главным образом, кости тех сельско-хозяйственных рабочих, условия работы которых еще хуже, чем где бы то ни было.

О числе несчастных случаев на фабриках и заводах мы скажем ниже, когда будем говорить о положении рабочих в 900-е годы в период первой русской революции, так как за 70-е, 80-е и 90-е годы или никаких данных не имеется, или, если они имеются, то касаются только небольшого числа рабочих. Однако, чтобы дать хоть какое-нибудь понятие о числе несчастных случаев в семидесятые и восьмидесятые годы, приведем несколько данных. Мы имеем сведения о числе пострадавших рабочих и служащих на железных дорогах вне движения, т. е. при нагрузке, выгрузке, в мастерских, при строительных работах за одиннадцать лет с 1880 по 1890 год.

Годы.	Убито.	Ранено.	Итого.
1890	24	434	458
1889	19	313	332
1888	18	368	386
1887	45	373	418
1886	35	340	375
1885	19	267	276
1884	24	215	239
1883	18	252	270
1882	9	203	212
1881	21	230	251
1880	21	304	325
Всего за 11 лет .	253	3299	3552
Среднее в год. .	23,00	299,91	322,91

Кроме этого, за те же одиннадцать лет на железных дорогах пострадало рабочих и служащих при всякого рода происшествиях 6.957 чел., из которых было убито 2.155, или в среднем в год раненых было 436,54 и 195,91 убитых. О числе несчастных случаев по фабрикам и заводам за семидесятые и восьмидесятые годы, как сказано выше, нет никаких данных, потому что правительство их не собирало, а капиталисты, конечно, и не думали этим заниматься. Первая попытка правительства получить эти сведения со стороны правительства относится к 900-м годам. За восьмидесятые и девяностые годы имеются сведения, кроме железнодорожных, еще только по горной промышленности.

Вот эти сведения:

Годы.	Убитых.	Изувеченных.	Всего.
1885	170	504	674
1886	181	540	721
1887	213	703	916
1888	244	1120	1364
1889	251	1238	1490
1890	245	3508	3753
1891	332	5677	6009
1892	264	5370	5631
1893	333	9938	10271
1894	371	8231	8602
1895	326	10628	10954
Всего за 11 лет .	2940	47458	50398
Среднее за год .	267,27	4314,36	4581,63

О чем же говорят эти сухие цифры? За столбцами этих мертвых сухих цифр скрывается та кровь, слезы и страдание, которыми полнеет капитал. Ежегодно в одной горной промышленности он пожирал четыре с половиною тысячи жизней, из которых почти триста навсегда и бесповоротно.

На железных дорогах только вне движения, т. е. в мастерских и на станциях, погибало ежегодно 23 человека и 300 человек становились калеками. Теперь понятно, почему не имеется цифр о несчастных случаях на фабриках и заводах за 70-ые и 80-ые, да и за 90-ые годы по большинству производств. Врач Погожев в своей книге о фабричном быте в России и в Германии сообщает, что на известной Хлудовской фабрике (в Ярцеве, Смоленской губ.) за 6 лет 1879—1884, при $2^1/_2$ тысяч рабочих слишком, было всего несчастных случаев 2.812, так что в среднем в год на этой костоломке 468 человек получали повреждения и превращались в калек, т. е, более чем десятая часть рабочих на этой фабрике становились негодными к труду. В процентах эти потери, напр., за 1879 год достигали 14,5% в то время, как самые жестокие войны не давали такого высокого процента убитых и раненых: происходившая почти в это время русско-турецкая война дала только 13,5% раненых. Таким образом, за стенами фабрики идет постоянная и беспощадная война, только без пороха и выстрелов. Господин капитал поражает невинные жертвы ради своих барышей. Понятны причины такой высокой смертности и несчастных случаев вообще.

В России их было две: жадность капиталистов и покровительство капиталистам со стороны правительства. (Конечно, не малую роль играет и продолжительность рабочего дня и другие еще не менее важные причины). Уменьшение числа несчастных случаев зависит от мер предосторожности,—заградительных приспособлений при машинах, разумного устройства мастерских (просторные помещения, светлые и высокие, хорошая вентиляция и т. п.) и предохранительных средств у рабочих (рукавицы, фартуки и т. п.). Все это стоит денег, а денег-то капиталистам и жалко. Правительство же совершенно не беспокоилось о рабочих, и губернские фабричные присутствия, где заседали губернаторы и жандармы с капиталистами и где не было ни одного рабочего, до конца девяностых годов совершенно не занимались несчастными случаями и все свое внимание отдавали борьбе с крамолой. Не даром в Московской губернии среди фабричных распевалась известная песенка, в которой рассказывалось о том что „постылый завод“ „перепортил весь народ“ *).

---

*) Лето красное проходит,
Зима морозна настает.
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,
На работу поспеёт.
На машине задремал,
Праву ручку оторвал.
Праву ручку оторвал,
К отцу матери послал;
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,
Фабриканта все бранят!

Продолжительность рабочего дня при таких условиях и в 80-ые, да почти и все семидесятые годы, была так же велика, как и в предшествующее десятилетие.

Как общее правило, рабочий день продолжался 12 часов. Такой рабочий день существовал в текстильном производстве (бумагопрядильни, шерсто-прядильни и ткацкие и суконные фабрики), химической промышленности (свеклосахарные, стеклянные и маслобойные заводы, писчебумажные и спичечные фабрики) и в некоторых отраслях механической промышленности. На рогожных фабриках, на некоторых ситцевых и в Московской губернии и в остальной России работа продолжалась от 16 до 18 часов. В Харьковском, Казанском и Московском округах рабочий день продолжался от 16 до 19 на множестве фабрик и заведений: в булочных, на льно-прядильнях, на ситцевых фабриках и т. д. При этом нельзя забывать, что работали не только мужчины, но и женщины и дети, и рабочий день и для них продолжался так же долго, как и для взрослых. В Казанском округе малолетние работали на льно-прядильнях $13^1/_2$ часов. Но это было уже в восьмидесятых и начале девяностых годов, а в семидесятых годах дети, по словам самих же 135 фабрикантов, сообщивших эти сведения, работали столько же, сколько и взрослые, т. е. те же 14—16 часов и днем и ночью, и при том иногда дети моложе десяти лет. В Московской губернии из 151 фабрики, о которых фабричный инспектор Янжул получил сведения, только на 55 работа шла 12 часов, на остальных $^2/_3$ фабрик рабочий день продолжался более 12 часов, а на 3 он длился 18 часов. Ужас такого продолжительного рабочего дня увеличивался оттого, что работа была очень часто ночная и сменная. Смены располагались так, что рабочий совсем не имел времени. Несмотря на то, что и производительность труда при ночной работе низка, фабриканты цепко держались за нее, и еще в 90-ые годы в Московской губ. 31% всех рабочих текстилей работало на сменах, а в Петербургской губ процент этот доходил до 83%.

Стоит только посмотреть распределение работы по сменам, чтобы убедиться в губительности такой системы, как ее практиковали русские фабриканты.

1 смена работает от 5 ч. до 10 ч. пополуночи.
2 „ „ „ 10 „ пополуночи до 4 ч. пополудни.
1 „ „ „ 4 „ пополудни „ 9 „ пополуночи.
2 „ „ „ 9 „ пополуночи „ 5 „ „

Но это еще смена терпимая, а вот еще пример ночной смены, который может убить самого здорового человека:

С 8 ч. вечера до $4^1/_2$ ч. утра.
„ 8 „ утра „ $8^1/_2$ „ вечера.
„ $12^1/_2$ ч. дня „ $1^1/_2$ „ ночи.

Остальные часы суток заполняются дневной сменой.

Ах, постылый ты завод,
Перепортил весь народ.
Перепортил, перегадил;
Никто замуж не берет.
И ни барин, ни купец,
Ни фабричный молодец.
Тот лишь замуж и возьмет,
Кто свиней в лесу пасет.

Сколько же получал рабочий за свой каторжный труд? В Петербургской губернии средний месячный заработок для мастеровых (механические и машино-стр. зав.) равнялся 25—30 р., для фабричных—15—17 р. и для чернорабочих не выше 15 р. В Московской губ. для мастеровых 30 р., для фабричных-текстилей 12 р. Во Владимирской губ. те же 25 р. для механических рабочих. Механические рабочие оплачивались дороже других, но и они в провинции получали уже меньше,—так в Харьковской губ. 22 р. 50 коп. В других производствах плата еще ниже; так, в Москве на позументных фабриках получали 7 р., во Владимирской губернии кожевенники—11 р., овчинники—12 р. 83 к.; в Харьковской губ., рабочие сахарных заводов—10 р., гончары—7 р. 50 к. Женщины, конечно, получали значительно меньше мужчин, обыкновенно вдвое, а дети втрое.

Заработная плата русского рабочего неизмеримо ниже, чем рабочего иностранного: в среднем английский рабочий получал вчетверо, а американский впятеро больше, чем русский.

Вот для сравнения цифры заработка механического ткача, как их приводит фабричный инспектор Янжул:

Америка.	Англия.	Москва.
72—72,6 р.	48 р.	15 р.

Даже в Польше рабочий получает больше, чем в России. В текстильном производстве получали:

	В центральном районе.	Польше.	Больше на
Мужч. .	15,2	20,1	32,2%
Женщ. .	8,8	15,3	73,9%
Дети . .	5,5	8,8	60%

Но было бы хорошо, если бы русские рабочие получали хотя бы эти деньги на руки: они их в большинстве случаев не получали.

Не получали же они их потому, что 1) с них брали всякого рода штрафы, 2) производили вычеты, 3) платили не аккуратно и 4) очень часто вели расплату продуктами из заводской лавки. Можно смело сказать, что штрафные деньги в России составляли не менее трети заработной платы, а иногда эта цифра доходила и до 40—50%, как это было на фабрике Морозовых в Орехове-Зуеве.

История же расплаты при помощи продуктов из хозяйской лавки есть одна из самых печальных страниц жизни рабочего класса в России: продукты продавались иногда дороже, чем на рынке на 50 и даже на 100%, так что рабочий страшно переплачивал за них; продукты представляли самую страшную заваль и очень часто предметы, которые рабочему не требовались; хозяин, наживаясь при помощи лавки, имел в ней могучее средство нажима на рабочих в случае протеста,—переставал во время стачки выдавать продукты, и голодные рабочие шли на уступки. Таким образом, русский рабочий ко всем своим бедам прибавлял еще одну: он страшно плохо питался, и хотя просвещенный немецкий профессор, писавший о русской промышленности, Шульце-Геверниц уверяет в своей книге, что питание русского рабочего лучше, чем иностранного, это неверно: картофель, капуста и черный хлеб—вот главные предметы питания русского рабочего, почти не видевшего сахара, масла и мяса.

Если ко всему сказанному прибавить, что огромная масса рабочих были безграмотные крестьяне, что никаких культурных учреждений

(библиотек, клубов, театров, всякого рода обществ, часто даже просто книг и газет) при русских фабриках за редкими исключениями не существовало, что издевательству мастеров над рабочими и особенно работницами не было конца (побои были не редкость) и что рабочему, например, в праздник оставалось идти или в церковь или в кабак, то положение русского рабочего станет ясным.

Что же можно сказать вообще о положении русского рабочего?

Вызванный к жизни капиталистическим развитием России, пришедший из деревни в чуждый ему город, зажатый как в тиски фабрикантом, живущий часто в зловонной клетушке или просто в угле, не имеющий ни минуты почти свободного времени, не видящий по годам ничего кроме грязных улиц рабочего поселка или предместья, худой, изможденный, бледный, но задумчивый и серьезный русский рабочий в 70-ые и даже в 80-ые годы был совершенно неизвестен так называемому образованному обществу. И не только общество, но даже революционеры-народники не замечали его, как класс, а некоторые из них еще в 90-х годах продолжали упорно твердить, что рабочие у нас не имеют значения и что нужно организовать „народное производство“ при помощи правительственных субсидий, поддержать общину и артель, и тогда будет все хорошо.

Неудивительно после этого, что уже упомянутый выше немецкий экономист Шульце-Геверниц так характеризует русского рабочего даже в 90-ые годы *): „Но, несмотря на низкую заработную плату и длинный рабочий день, русский фабричный рабочий по своей натуре не способен к активному сопротивлению, целесообразной борьбе за улучшение своего положения, а только к буйствам и насилиям. Русский рабочий не социал-демократ и не член профессиональных рабочих союзов. Вместо портретов Карла Маркса и Лассаля, которыми немецкий рабочий украшает свои комнаты, мы находим у него изображения святых — вместо английских эмблем рабочих союзов, которые хотя и не красивы по рисунку, но зато заслуживают удивления по тому чувству собственного достоинства, которое в них выражается“.

Эта характеристика верна только отчасти, и тогда уже в 70-ые, 80-ые и 90-ые годы русский рабочий не раз доказал, что он заслуживает несколько иной характеристики.

---

*) „Очерки общ. хоз. и эконом. политики России“. СПБ. 1901 г. стр. 114.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рабочее движение в 70-ые годы прошлого столетия. Революционная работа народников среди пролетариата. „Южно-российский Союз рабочих“ и „Северно-русский Рабочий Союз“. Его программа и „Земля и Воля“. Типы рабочего народника.

Тяжелое экономическое положение рабочих, как мы знаем, вызывало большое стихийное движение еще в XVIII веке, когда вольнонаемных рабочих еще не существовало. Ясно, что и тогда, когда уже на лицо был настоящий вольнонаемный рабочий, движение это не только не прекращалось, а, наоборот, росло и с каждым годом увеличивалось.

К сожалению, до настоящего времени мы не имеем исследований о стачечном движении рабочих не только за весь XIX век, но даже и за более близкую к нам эпоху—60-ые и 70-ые годы прошлого века. Однако, кое-какие отрывочные данные можно привести и по этому периоду *). Имеются сведения о стачках в некоторых мастерских г. С.-Петербурга конца 60-х годов; в начале 70-х годов есть данные уже не только о стачках в столице, но и в провинции в 1870 году.

В 1870 году 22-го мая произошла стачка рабочих на Невской бумагопрядильне: 63 человека прядильщиков (всего рабочих было около 800 человек) об'явили забастовку, пред'явив требование о повышении заработной платы. Главный мастер Бек выгнал рабочих; тогда на другой день забастовали уже все 240 прядильщиков. Дело кончилось судом над рабочими: правительство привлекло к ответственности 63 забастовщика. Суд приговорил четырех „подстрекателей“: Семена Владимирова, Федора Петрова, Бориса Потапова и Василия Акулова к аресту при полиции сроком на семь дней, а остальных на три дня. Этим дело, однако, не кончилось,—четыре подстрекателя были высланы административным порядком на родину, и только через несколько лет после усиленных ходатайств им разрешено было возвратиться в столицу, так как, по мнению начальства, они исправились и так как они, квалифицированные рабочие, не могли найти себе работы в деревне.

В июле 1870 года в Кронштадте бастовали каменщики, работавшие по сооружению нового каменного дока вследствие того, что подрядчик удерживал с рабочих плату за дождливые дни и часы. Дело о стачке попало в мировой суд и закончилось миром. В этом же году, в Вологде, в сентябре устроили стачку 20 рабочих по выделке овчины

*) См. „Архив Истории Труда в России“, кн. III и V, статьи Ю. Гессена, Р. Кантора и И. Сидорова, а также „Русские Ведомости“ за 1870 г., № 115, и „Новое Время“ за тот же год №№ 161, 163, 164—166 и 168 и К. Пажитнов „Положение рабочего класса в России“.

и меха, причиной которой являлась плохая пища и отпуск черствого хлеба. Рабочие требовали выдачи мягкого хлеба и угрожали тем из товарищей, которые нарушили бы общее решение штрафом.

В 1871 году 9-го августа в Одессе забастовали извозчики, до 4 тыс. человек, вследствие установления Городской Думой таксы без предварительного соглашения с извозчиками. На другой день в 11 часов 200 извозчиков явились к Городской Думе для переговоров, но были разогнаны полицией. В результате „подстрекатели“ попали в ссылку в Олонецкую губернию, откуда, впрочем, скоро были возвращены обратно.

В этом же 1871 году произошли стачки в Лифляндской губернии на лесопильне, на холуницких заводах в Вятской губернии и в Одессе на тулупной фабрике купца Фаддеева. На холуницких заводах рабочие (1500 чел.) забастовали по причине неаккуратной расплаты хозяина с рабочими—не еженедельно, как было условлено, а через месяц и более (расплата производилась деньгами и продуктами). Губернатор, несмотря на мирное поведение рабочих, по телеграфу министру внутренних дел нарисовал картину чуть ли не настоящего восстания и просил разрешения, в качестве успокоительных мер, закрыть кабаки и „употребить более полезную и безвредную для народа, еще мало развитого, меру наказания розгами“. Неизвестно, употреблялась ли против мирных рабочих розга или военная сила, но забастовка окончилась, а некоторые из рабочих были все же высланы в Олонецкую губернию, где они сильно бедствовали за отсутствием занятий. На тулупной фабрике Фаддеева по официальным сведениям рабочие не работали вообще регулярно, будто бы вследствие пьянства, и, несмотря на то, что в таком случае это явление нельзя было называть стачкой, некоторых рабочих все же выслали.

Так, стало быть, с самого начала рабочего движения правительство стало на сторону хозяев и всеми мерами помогало им,—судом, полицией, тюрьмой и высылками.

В 1872 году бастовали и волновались рабочие на большой Кренгольмской мануфактуре; рабочими были пред‘явлены следующие требования: 1) продлить обеденный перерыв на $^1/_2$ часа, так как часа не хватает на обед и отдых; 2) вечером работу детей прекращать раньше, так как им необходимо посещать школу; 3) удалить из больницы одного фельдшера, которым все рабочие очень недовольны (рабочие справедливо полагали, что вычитаемые из их жалованья 2% на больницу дают им право вмешиваться в дела больницы); 4) уменьшить размер штрафов, и 5) установить более точные расценки при поштучной работе. Стачка протекала мирно, но фабричная администрация постаралась сделать из мирной забастовки бунт.

21 августа губернатору удалось уладить дело миром, администрация уступила, и рабочие стали на работу; но через несколько дней небольшое число подкупленных администрацией рабочих стало подговаривать бастующих просить администрацию установить старые порядки, при чем с этой целью рабочим выдавалась водка. Вся остальная масса рабочих выбрала депутацию и отправила ее в Нарву за защитой к жандармскому офицеру. Тогда фабричное начальство известило станового, что рабочие бунтуют и просило арестовать выборных. Становой арестовал всю депутацию в количестве 6 человек. В ответ на это забастовали все 5 тысяч человек; когда же часть рабочих пожелала стать

на работу, забастовщики не допустили штрейкбрехеров к фабрике, причем дело дошло до рукопашной схватки. Человек 500 рабочих двинулись в Нарву освобождать арестованных. Эту толпу встретили городские власти, успокоили и уговорили возвратиться на фабрику. Но по просьбе фабричной администрации прибыли войска. Рабочие встретили их враждебно, бросали в них камни и грязь, но были разогнаны. Дело и в этом случае, конечно, окончилось арестами.

В январе 1872 года произошла стачка и в глухой провинции: забастовали щетинщики, работавшие у купцов г. Устюга. Рабочие требовали прибавки, так как рабочий день был очень продолжителен, работать приходилось в пыли и без свежего воздуха. В стачке были виноваты сами купцы. Дело в том, что рабочие работали у купцов артелями, и обыкновенно все купцы сговаривались между собой, какую давать плату рабочим. На этот раз они не сговорились: одни платили 1 р. 50 коп., а другие 1. 20 коп. и меньше.

Щетинщики бросили работы. Купец Азов платил своей артели по 1 р. 20, и артель купца Красильникова стала укорять артель купца Азова, что она сбила цены. Тогда азовцы забастовали и тотчас же были пущены в ход репрессии: „головку“ красильниковской артели арестовали.

Даже власти сознавали, что виноваты в забастовке сами купцы, однако, пострадать пришлось все - таки рабочим. Все же, забастовка кончилась полной победой рабочих: заработная плата была повышена.

В следующем 1873 году в декабре вспыхнула забастовка на ситценабивной фабрике Третьяковых в Серпуховском уезде Московской губернии. Причиною стачки являлись сменные работы, введенные администрацией. Забастовало 700 человек. Стачка окончилась мирно частичной победой рабочих, так как заработная плата была повышена, 10-го декабря рабочие стали на работу, согласившись работать на новых условиях до страстной недели.

За очень редкими исключениями, во время стачек власти становились на сторону хозяев. В особенности это наблюдалось в глухой провинции, где уж совсем некому было жаловаться. В том же 1873 г. бастовали рабочие на приисках Сабашникова в Нерчинском округе. Рабочие протестовали против неправильных действий приисковой администрации в отношении работ, заработной платы и продовольствия. Послали, как водится, выборных с жалобой по начальству. В Чите их посадили в тюрьму и предложили отправиться обратно на завод. Рабочие отказались, им хотелось подать свою жалобу и добиться успеха; они забаррикадировались в тюрьме и встретили конвой кирпичами от печи и досками от нар. Все же их отправили на завод. Но как только они прибыли, началась забастовка, и 128 человек бросили работы. На завод прибыли следователи, но рабочие их встретили враждебно, и один из рабочей толпы даже ударил ашинского исправника. Следователи уехали ни с чем.

Как видно из только что описанных стачек, их причины чисто экономические: рабочие протестуют против штрафов, низкой заработной платы, продолжительного рабочего дня, против распорядков на фабрике. Фабричная администрация и хозяева ищут помощи у властей. Произвол фабричной администрации, стремление фабрикантов представить малейший протест рабочих бунтом—это явления, которые

мы встречаем с самого начала возникновения рабочего движения. До какой степени произвола и бесчинства доходили фабриканты, видно на примере забастовки 1874 года на суконной фабрике Лазарева в Москве, где стачка началась из-за несправедливой оплаты труда. На „угар" (усушку) полагалось на этой фабрике 3—4 золотника на фунт. В октябре Лазарев изменил систему сушки, так что угар достигал 12 зол. с фунта, а это означало до 6 руб. штрафа с куска, так как рабочие платили за недовес 50 коп., и таким образом рабочий, получавший за кусок только 5 рублей, оставался еще должен хозяину не меньше рубля. Рабочие, 26 октября, когда истекал срок найма, бросили работы, требуя старой системы усушки и вообще старых условий работы. В ответ на их требования Лазарев приказал прекратить выдачу продовольствия из фабричных складов и денег на покупку с'естных припасов. Но так как рабочие не побоялись и этих мер, то Лазарев распорядился выпускать рабочих с фабрики только по особым ярлыкам, выдаваемым приказчиками по своему произволу. Рабочие сидели, таким образом, на фабрике, как в тюрьме, четыре дня, и когда они, воспользовавшись тем, что Лазарев выезжал с фабричного двора, бросились через ворота толпой, то Лазарев их же обвинил в бунте, призвал полицию и подал начальству жалобу. На этот раз, однако, мировой судья рабочих оправдал. Тяжелое положение рабочих и их справедливые требования могли еще иногда разжалобить даже каменные сердца жандармов, но никогда не могли тронуть сердца капиталиста. Так, в апреле того же 1874 года во время стачки на фабрике купца Шибаева в Богородском уезде, Московской губернии, когда 812 рабочих устроили стачку, требуя повышения заработной платы, жандармский генерал-лейтенант Слезкин, хотя и старался найти зачинщиков, должен был согласиться, что требования рабочих справедливы. Правда, делалось это для того, чтобы показать рабочим заботы о них правительства, но факт остается фактом: фабриканты не останавливались в эксплуатации ни перед чем, и жандармам приходилось иногда умерять их жадность, опасаясь, что чрезмерная эксплуатация является причиной брожения и беспорядков. И во время этой стачки, конечно, была пущена в ход полиция и, хотя фабрикант согласился прибавить по 2 копейки с куска миткаля и не взыскивать за стачечные три дня, он в то же время уволил 50 человек, самых ярых по его мнению бунтовщиков. Когда рабочие явились толпой в Богородск с жалобой на хозяина, полиция удалила их силой, а мировой судья отказался разобрать их жалобу.

В 1875 году произошли более значительные и бурные стачки, причем стихийный протест рабочих вылился в беспорядках и разгромах. В мае бастовали рабочие на заводе Юза, в Донецком бассейне. Доведенные до отчаяния ужасающими условиями жизни (в первой главе мы видели, что̀ за жалкое существование влачили рабочие на юге) и несвоевременной выдачей заработной платы, рабочие разгромили лавки и кабаки. Беспорядки были подавлены войсками. Тридцать человек было арестовано; но перед Троицей рабочие забастовали снова, и снова их протест выразился также бурно и стихийно. В этом же месяце вспыхнули забастовки на строящейся Оренбургской жел. дор. Условия жизни рабочих на вновь строящихся дорогах были, по истине, нечеловеческие. Уже в то время, когда строились первые железнодо-

рожные линии, само правительство вынуждено было назначать расследование тех злоупотреблений и безобразий, какие допускались при постройке железных дорог. Обыкновенно работы производились артелями. Подрядчик заключал условия с артелью. В этих условиях было оговорено решительно все, но только не права рабочих; вернее, это был договор о бесправии и кабале рабочих *). Кратко эти условия можно формулировать так: продолжительность рабочего дня устанавливалась подрядчиком, так как он имел право принудительно заставлять рабочих работать и сверхурочно и в праздники. Заработная плата была непомерно низка, так как система штрафов и вычетов сводили ее к нулю: подрядчик вычитал с рабочих за леченье, за прогул, за дождливые дни, за попорченный и утерянный инструмент, за пьянство, за непослушание, даже за смерть во время работы, так как, если рабочий до смерти не отработал того, что он должен был уплатить за харчи, за леченье и т. д., то эти деньги удерживались с артели, которая вообще была связана круговою порукою. Эксплуатация была настолько ужасна, что подрядчики до реформы 1861 г. предпочитали брать крепостных, с которыми можно было делать все, что угодно, а после реформы крестьян, более задавленных нуждой и покорных их рабов. Само правительство констатировало при работах на постройках жел. дорог,—непомерно длинный рабочий день, низкую заработную плату, плохие харчи, обмеры выполненных уроков, неполучение заработной платы, задержки в ее выплате, недостаток рубах и обуви, спекуляцию помещиков, которые прямо торговали своими крепостными, а после освобождения превращались в подрядчиков, и круговой порукой артели не хуже крепостного права превращали „свободных" крестьян в рабов; покровительство палат государственных имуществ и вообще властей подрядчикам и т. д., словом, известное описание Некрасова работ на Николаевской жел. дороге бледнеет перед картинами действительности. Неудивительно, что брожения рабочих на постройках жел. дорог было обычным явлением. На постройке Оренбургской жел. дороги причиной стачки явилось произвольное понижение заработной платы подрядчиком вопреки договору. По договору за земляные работы рабочий должен был получать 120, 95 и 70 рублей за лето, проезд туда и обратно за хозяйский счет и т. д., а когда наступило время расплаты, то подрядчик уплатил всем по 70 р., произведя вычеты за дорогу и харчи. Начались волнения, были вызваны войска, и „свободные" рабочие подверглись порке розгами, а 15 человек подстрекателей отправились в ссылку в Архангельскую губернию. Так дорого русским рабочим и крестьянам обходилась европеизация России, и так предупредительно правительство помогало капиталистам усмирять недовольных рабочих. Первого июля в этом же году началась забастовка 4 т. ткачей на ткацкой фабрике Коншина в Серпухове, где причина стачки заключалась в прямом грабеже рабочих фабрикантом: кроме невиданно высоких штрафов, фабрикант, помимо, так сказать, нормальной прибавочной стоимости, наживался еще тем, что производил расплату с рабочими за кусок в 50 аршин, а заставлял сдавать кусок в 60 аршин. Рабочие выиграли

*) См. напр. в V-й книге „Арх. Истор. Труда", в статье Д. Каргина, описание работ на Пет. Моск. линии.

стачку, но это им стоило пяти человек, которые, как зачинщики, были отправлены в Москву, без сомнения, в тюрьму и затем оттуда в ссылку.

В 1876 году произошла забастовка в Орехове-Зуеве, на фабрике Морозова. Причиной стачки 500 прядильщиков, без сомнения, и здесь была невиданная эксплуатация рабочих хозяином: у некоторых рабочих, как это записано в рассчетных книжках и удостоверено жандармами, штрафы доходили до 300 рублей, так что такой рабочий превращался в вечного морозовского ткача. Когда 1 марта 1876 г. было вывешено новое об'явление, что для прядильщиков устанавливается штраф за бракованную пряжу в 50 коп. с фунта, прядильщики бросили работу. Стачка длилась недолго, но 170 человек рабочих очутились за воротами фабрики.

В 1878 и 79 годах происходили стачки рабочих в Петербурге, но, прежде чем перейти к их описанию, остановимся на других стачках и волнениях рабочих в эти годы. В 1878 году происходили волнения рабочих в Москве на Московско-Курской жел. дороге и на фабрике Шипова: рабочие с рогожами, надетыми на палки, являлись толпой к конторе и требовали удовлетворения своих требований. В 1879 году происходили стачки: в Киеве в железнодорожных мастерских, в Серпухове на фабрике Коншина, на фабрике Третьяковых, на фабрике Ильина, на двух фабриках в Иваново-Вознесенске и на фабрике Диля в Московской губернии. В Киевских железнодорожных мастерских забастовка вспыхнула по поводу удлинения рабочего дня с 10 до 11 часов и увольнения 17 человек, не подчинившихся этому об'явлению. Забастовали 2 тыс. человек. Стачка была выиграна. Такие же удачные для рабочих стачки происходили в Серпухове на фабрике Коншина, где 4 тысячи забастовавших рабочих заставили хозяев восстановить прежнюю заработную плату, пониженную администрацией. На фабриках Третьякова, где бастовало $3^1/_2$ тыс. человек, и на фабрике Ильиной, где бастовало 400 чел., рабочие добились повышения заработной платы. В Иванове-Вознесенске на двух фабриках добились повышения заработной платы: на одной на 10%, а на другой тоже на 10%, но только до Покрова. В последнем случае часть рабочих стала на работы, а часть продолжала бастовать. Забастовка была выиграна, но несколько рабочих были арестованы.

На фабрике Диля пять человек рабочих устроили целый „бунт“: они потребовали, чтобы им была обозначена плата в расценочных таблицах, и, получив отказ, они потребовали рассчет. Несмотря на всю законность их требований, их об'явили бунтовщиками, арестовали и выслали по этапу 2 человек в Архангельскую губ., а 3—в Вологодскую.

Эту помощь правительства капиталистам рабочие видели уже и тогда, и, хотя они не понимали еще, кто же и что являются виновниками таких явлений, и склонны были приписывать все это злой воле царских чиновников, все же иногда гнет и эксплуатация доходили до такой степени, что негодование масс прорывалось, и гнев их направлялся не только против хозяев, но и против властей. Таков был известный бунт в Ростове на Дону в 1879 году, когда ростовские рабочие разнесли участки и полицейские дома. Поводом для этих волнений послужил арест полицейским чиновником на базаре на виду

толпы какого-то рабочего, крикнувшего народу: „Братцы, заступитесь, изувечат меня в части!“ Этого было довольно, чтобы рабочие бросились отбивать арестованного.

Полиция ответила сопротивлением и угрозами и потащила арестованного в участок. Толпа, все увеличивавшаяся по пути, подошла к полицейской части и через несколько минут, разбив ворота части каким-то бревном, как тараном, разнесла участок. Городовые, сделав несколько безрезультатных выстрелов, бежали, а толпа принялась громить другие участки. К вечеру город представлял странное зрелище: улицы вблизи полицейских участков были покрыты поломанной мебелью, выброшенными канцелярскими книгами и папками и обрывками бумаги, усеявшими мостовую, как снегом. Ночью выступили босяки (лумпенпролетариат всегда находился в Ростове в изобилии) и разгромили публичные дома и кабаки. Только войска, прибывшие на другой день в город, прекратили погром и дали возможность бежавшей полиции возвратиться в свои разгромленные участки. По словам Плеханова, прибывшего в Ростов на Дону, на другой день после событий, шахтеры в количестве нескольких сот человек собирались двинуться к Ростову, но, узнавши о прибытии войск, оставили эту мысль.

Ростовский бунт являлся стихийным проявлением того недовольства, каким был проникнут рабочий люд к властям за гнет и произвол, так тяжело отзывавшийся главным образом на низших рабочих слоях народа, но этот взрыв потому и носил такой дикий характер (разгром публичных домов и избиение публичных женщин), что к протесту рабочих присоединилась масса босяков. Это была неорганизованная вспышка, которая так же быстро погасла, как она быстро возникла *).

Чисто рабочее движение, не нося черт такого буйного выступления толпы портового города, каким был Ростов, с самого своего основания бывший приютом всех „вольных“ людей (беглых крепостных, каторжан, десятков тысяч сельско-хозяйственных рабочих), однако, не имело характера организованного рабочего движения: это было тоже стихийное разрозненное экономическое движение угнетенных рабочих масс, боровшихся за улучшение своей жизни. Даже петербургские стачки 1878 и 79 годов носили следы стихийности, и, если мы здесь замечаем некоторую организованность, то это нужно приписать исключительно влиянию народнической революционной организации.

Первая стачка в Петербурге в 1878 году произошла 27 февраля на Новой Бумагопрядильне, на Обводном канале. Утром, когда рабочие пришли на работу, мастер прядильного отделения об'явил понижение заработной платы. Рабочие стали волноваться. Администрации, однако, удалось уговорить рабочих, и они проработали до обеда, но, когда они пришли на фабрику после обеда, на стенах уже красовались новые правила. Начались волнения, рабочие бросили работу и решили жаловаться начальству на фабричную администрацию **).

На этой фабрике у землевольцев была уже нелегальная организация—небольшой кружок человек в 10—12, который находился под

---

*) Утверждения некоторых авторов, что ростовский бунт был подготовлен революционерами, опровергается покойным М. Р. Поповым, работавшим в те времена в Ростове.

**) Забастовки 1878 и 79 г.г. в Петербурге подробно описаны Плехановым в его книге „Русский рабочий в революционном движении“ и в отчетах о стачках в журналах „Начало“ и „Земля и Воля“ за 1878 и 1879 г.г.

руководством землевольца Гоббста, повешенного в июле 1879 г. в Киеве. Несмотря на их нежелание, чтобы рабочие обращались к приставу и другому начальству, землевольцам пришлось, однако, согласиться на это, так как рабочая масса отличалась некультурностью, забитостью и еще верила в царя и заботы его слуг о народе. После свидания с приставом, который обещал поговорить с хозяином фабрики, рабочие, немного успокоились, ожидая перемен к лучшему. Однако, этих перемен не последовало. Тогда рабочие, порешив, что пристав снюхался с хозяевами, решили обратиться к начальству повыше. Но и об'яснения с градоначальником генералом Козловым не привели ни к чему. Козлов тоже обещал уладить дело, но просил пока приступить к работе.

К обещанному сроку, однако, расценки повышены не были, и порядки на фабрике остались прежние. Рабочие решились отправиться к самому наследнику. Землевольцы не могли отговорить от этого шага рабочих, да, впрочем, очень скоро они увидали, что это было лучшее средство убедить рабочих в бесполезности надежд на царя. Землевольцами было заготовлено прошение, которое и прочитал один из распропагандированных рабочих. Взобравшись на угольную кучу на дворе фабрики, оратор читал прошение, а вся рабочая масса одобрительными возгласами выражала сочувствие написанному. Прошение по словам Плеханова „вызвало всеобщий восторг“... „...Вашему Императорскому Высочеству, говорилось в нем, не безызвестно, какие плохие были отведены нам наделы, и как сильно страдаем мы от малоземелья“. „Верно, верно, гремела толпа, только звание, что земля, а пользы от нее никакой!“—„Вашему Императорскому Высочеству не безизвестно также, что за эти плохие наделы мы платим огромные подати“, продолжал чтец.—„И это так, и это верно, одобряли слушатели, вздохнуть не дают с податями!“—„Вашему Императорскому Высочеству не безызвестно, наконец, с какою жестокостью взыскиваются с нас эти тяжелые подати—раздавалось с высокой каменноугольной трибуны,—нужда гонит нас на заработки в город, а здесь нас на каждом шагу притесняют фабриканты и полиция“.

Затем следовало изложение событий и критика фабричных порядков. Прошение заканчивалось так: „Мы обращаемся к вам, как дети к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас, и мы должны положиться на себя и на свои руки“.

Рабочие отправились к царю, на Невский, к Аничкову дворцу, где жил тогда наследник, а чтобы полиции, которая наводняла весь рабочий район вблизи Новой Бумагопрядильни, не удалось помешать этому шествию, рабочие, руководимые своими товарищами, уже находившимися в землевольческой организации, двинулись небольшими кучками и соединились только на Невском близ памятника Екатерины. Оттуда они пошли к дворцу. Тотчас же появилась полиция и известила о происшествии градоначальника Козлова. Тот прискакал в коляске.

Как рассказывает участник этих событий, рабочий Моисеенок, Козлов сначала советовал рабочим приступить к работе, но, когда Моисеенок возразил, что плата очень низка, так что нельзя заплатить

и податей, то Козлов велел его арестовать и отвести во дворец. Его посадили в комнату, находившуюся в первом этаже, и он видел, что толпа постепенно стала расходиться *). Через несколько минут явился к нему Козлов и стал на него кричать и браниться. Однако, Моисеенка скоро выпустили, так как пока аресты не входили в рассчеты властей; власти думали, что рабочие успокоятся, и затем уж можно будет найти зачинщиков. Стачка длилась две недели и прекратилась только под давлением полиции. Плеханов рассказывает, что если бы не это давление, рабочие могли бы выиграть стачку, так как сборы петербургского революционного студенчества в обществе помогли бы рабочим продержаться еще месяц, и администрация фабрики пошла бы на уступки,—дела акционерного общества Новой Бумагопрядильни были не блестящи. Давление полиции помешало этому, но несмотря на то, что землевольцы не пытались раз'яснить на прекрасном примере вмешательства властей в дело стачки, что борьба против Самодержавного государства есть единственное средство сделать свои стачки свободными от вмешательства этого государства в рабочую жизнь, рабочие вышли из этой стачки выше на целую голову, чем они были до стачки.

„Как бы там ни было, говорит Плеханов: стачка на Новой Бумагопрядильне, несмотря на свой неудачный исход и на нашу ошибку, принесла большую пользу делу рабочего движения в Петербурге. За ее ходом внимательно следили все петербургские рабочие, и многие „серые люди", наверное, пришли к тем же выводам относительно царской власти, какие сделаны были ткачами и прядильщиками Обводного канала". Выводы же эти очень хорошо формулировали сами рабочие: „Нечего было и ходить к нему, только сапоги трепали". Необходимо все же принять во внимание, что сделать такие выводы очень помогали революционеры-землевольцы.

Пропаганда среди самых разнообразных слоев рабочих в Петербурге землевольцами велась давно, и распропагандированные рабочие теперь во время стачки пользовались всяческим случаем, чтобы прояснить сознание серой массы.

Можно прямо сказать, что даже в этом хождении к наследнику, что так не нравилось революционерам, проявилась та организованность, какую внесли в серую массу землевольцы. Плеханов рассказывает, каким огромным авторитетом стали пользоваться землевольцы, занимавшиеся агитацией и пропагандой во время стачки. „Фискалы" как окрестили рабочие новых незнакомых, но сочувствующих и помогающих им людей, пользовались среди рабочих огромным уважением, и если в начале стачки, до хождения к наследнику, рабочие еще могли думать, что „фискалы"—посланные царем агенты для того, чтобы помочь рабочим, то после того, как ткачи поняли, что они только „сапоги трепали" и что „фискалов" и студентов полиция арестовывает, они поняли, что царские заботы о рабочих идут на пользу фабрикантов. Поэтому, когда, в том же 1878 году, в конце ноября вспыхнула стачка на прядильной фабрике Кенига за Нарвской заставой, рабочие прежде всего обратились за помощью к прядильщикам Новой Бумагопрядильни и просили их найти студентов, которые помогали стачечникам. И здесь тоже депутация рабочих ходила к наследнику, но хождение это происходило с ведома революционеров и было

*) Воспоминания П. А. Моисеенка, подготовляемые Истпартом к печати.

„предпринято больше так себе, на всякий случай, чтобы окончательно убедить всех колеблющихся и сомневающихся, если бы оказались такие среди стачечников". Рабочие Кенига проиграли стачку: они все получили рассчет. Более удачно окончились стачки на фортепианной фабрике Беккера и в сентябре на табачной фабрике Мичри и на табачной фабрике Шапшал. Стойкая организованная борьба женщин не допустила понижения и без того низкой заработной платы. В ответ на об'явление, вывешенное приказчиком фабрики Шапшал, гласившее: „Мастерицам табачной фабрики Шапшал сим об'являю, что по случаю остановки сбыта товара, я сбавляю с каждой 1000 папирос по 10 коп

Шапшал",

работницы вывесили свое об'явление. Оно гласило:

„Хозяину табачной фабрики Шапшал.

Мы, мастерицы вашей фабрики, об'являем, что не согласны на сбавку, потому что и так от нашего заработка не можем порядочно одеться.

Мастерицы вашей фабрики".

Несмотря на требование администрации выдать имя писавшей, работницы заявляли, что об'явление писано от имени всех мастериц, и не уступали в своих требованиях. Хозяева вынуждены были уступить.

Забастовки на всех этих фабриках были чисто экономические. Вот что, напр., требовали рабочие Новой Бумагопрядильни,—сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, отмены штрафов, возвращения денег, вычитавшихся в течение 6-ти лет в виде штрафов, отмены вычетов за поломку инструментов, отмены вычетов за опоздание и штрафов за прогул и отмены платы за питьевую вонючую воду. Экономические же требования пред'явили и рабочие Кенига и рабочие Беккера и папиросницы.

Но рабочие тотчас же после неудачных забастовок на Новой Бумагопрядильне и у Кенига говорили землевольцам, что их тяжелое положение вызовет неминуемо новые стачки.

Действительно, положение рабочих было очень тяжело. Вот как оно рисуется в отчете о стачке у Кенига, напечатанном в номере 3-ьем нелегального органа „Земля и Воля" в январе 1879 года.

„Рабочий день здесь",—говорится в этом отчете: „не бывает короче 14 часов, в 5 часов утра рабочий становится на работу, домой возвращается в 8 часов вечера. Во все это время ему дается только один час (от 12 до 1 часу) на обед и отдых. На некоторых фабриках продолжительность рабочего дня еще более. Его заработок редко доходит до 25 рублей в месяц, чаще же всего он колеблется между 17 и 20 руб. Из этой ничтожной суммы он должен найти средства для прокормления своей семьи, для уплаты податей и, наконец, для покрытия многочисленных и разнообразных штрафов. Эти последние составляют очень значительную отрицательную величину в заработке рабочего. Налагаются они под самыми решительными, подчас, весьма остроумными предлогами: так, напр., хотя работа на фабрике Кенига, по условию, должна начинаться с 5 часов, предприниматель, по пословице „с миру по нитке—голому рубаха", начинал ее в $4^3/_4$ ч.; кто не

являлся за пять минут до срока, установленного таким образом вопреки условию, подвергался уже штрафу".

„При фабрике есть вечно пьяный и ничего не смыслящий фельдшер. Самым радикальным средством от всех недугов рабочего он считает холодную воду, которою и обливает заболевших...

„...Несмотря на, очевидное даже для рабочих. невежество фельдшера, они были обязаны лечиться у него, под страхом штрафа за попытку получить более полезный совет на стороне. Если при рассчете, происходившем 15 и 30 числа каждого месяца, рабочий позволит себе спросить, на каком основании сделан тот или другой вычет из следуемых ему денег, его штрафуют снова. Если хозяин не приезжал ко дню рассчета и рабочие осведомлялись, когда же они получат—„жалованье"—они подвергались новому штрафу. Штрафовали за нечистоту машины, за местоимение „ты", употребленное в разговоре с мастером, и т. д. и т. д. О прогульных днях нечего и говорить: несмотря на то, что плата была поштучная, за каждый прогульный день рабочий должен был проработать 2 дня бесплатно".

Порядки на других фабриках Петербурга были не лучше. Каковы были эти порядки, прекрасно видно из тех требований, какие рабочие пред'явили на двух больших фабриках, бастовавших в январе 1879 года. Вот, что требовали рабочие фабрики Шау.

„1. Чтобы на каждый вытканный кусок прибавили платы по 5 коп.

2. Чтобы прогульные дни не считались, если сам хозяин виноват в прогуле.

3. Чтобы основы выдавались хорошие и чтобы материал выдавался при наших выборных.

4. Чтобы товар не браковали зря; чтобы за этим тоже наблюдали наши выборные.

5. Чтобы не штрафовали за полом инструмента, за отсутствие из фабрики по болезни или надобности и пр.

6. Чтобы за харчи платить не в конторе, как теперь, а в лавке при получке денег на руки.

7. Чтобы на больницу платилось не по $1^{1}/_{4}$ к. с рубля, как теперь, а по 10 коп. в месяц.

8. Чтобы за кипяток на фабрике рабочие не платили.

9. Чтобы утром давалось время с $8^{1}/_{2}$ до 9 часов на завтрак.

10. Чтобы накануне праздников работа кончалась не в 6 ч. утра, как теперь, а в 9 ч. вечера.

11. Чтобы газовые горелки расположить как лучше для работы; мы сами укажем места для них; а то теперь в иных местах вовсе свету нет.

12. Чтобы прогнать с фабрики подмастерьев: Никифора Арсентьева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Нам от них житья нет! и мы с ними не хотим работать.

13. За время стачки—денег с нас не вычитать, потому что мы не работаем не по своей вине, а по упорству хозяев.

14. Чтобы никого из нас не брали в полицию за то, что не работаем; а тех, что теперь забрали, пусть выпустят".

Требования рабочих Новой Бумагопрядильни были таковы: „1. 44 человека, назначенных к исключению, должны остаться на своих местах. 2. Заработная плата должна быть повышена на 5 коп. 3. Ра-

бочий день сократить на 2½ ч. 4. Штрафы за поломку „вилок" (один из инструментов, необходимых для тканья) прекращаются, так как эти поломки—вещь неизбежная в работе. 5. При приеме готовых уже кусков полотна, кроме браковщиков от хозяина, должны присутствовать выборные от рабочих. 6. Несколько ненавистных мастеров и подмастерьев должны быть выгнаны. 7. Хозяин должен заплатить за все время стачки как будто работа и не прекращалась".

Понятно, что рабочие Новой Бумагопрядильни, потерпевшие поражение в 1878 году, при первом же удобном случае забастовали в следующем году. Причиной стачки 15-го января послужило об'явление об увольнении 44 ткачей за то, что они, по мнению администрации, были бунтовщиками. По словам мастера, об'являвшего об этом, администрация фабрики вообще решила заменить мужчин женщинами и подростками. Рабочие в ответ на это об'явление после обеда не вышли на работу, а, собравшись перед воротами фабрики, никого из рабочих в нее не пустили и об'явили забастовку, к вечеру же 15-го января ткачи пред'явили вышеприведенные требования. Стачка началась и захватила не только Бумагопрядильню. Рабочие фабрики Шау, услышав, что на Обводном канале бастуют, выбрали делегатов, послали их к бастовавшим рабочим Бумагопрядильни и, когда те разузнали, в чем дело, и посовещались, с своей стороны выработали свои требования, которые нами только что приведены выше. Действовали обдуманно и предусмотрительно: зная, что администрация Шау, сейчас же после об'явления забастовки, прекратит выдачу продуктов своим рабочим из фабричной лавки, решили начать сборы по фабрикам и заводам и прежде всего оказывать помощь рабочим Шау. Был напечатан листок, приглашавший делать пожертвования; это, конечно, сделали революционеры.

Забастовочное настроение быстро передавалось на другие фабрики: рабочие Чешера одной угрозой забастовать заставили прибавить по 3 коп. на кусок ткани, на фабрике Ильина тоже поднялось настроение, и администрация, чтобы предотвратить стачку, дала всяческие обещания улучшить положение рабочих. Но полиция тоже действовала. Начались аресты на другой же день стачки. Это только усилило брожение. Рабочие решили требовать освобождения арестованных. Было выработано такое заявление:

„Мы, рабочие Новой Бумагопрядильни, сим заявляем, что не пойдем на работу, пока не будут уважены все наши заявленные хозяину требования. Что же касается полиции, то мы отказываемся от всякого вмешательства с ее стороны для примирения нас с хозяином, пока не будут освобождены наши товарищи, люди, за которыми мы не знаем ничего худого. Если их обвиняют в чем-либо, пусть судят их у мирового, при чем мы все будем свидетелями их невинности. Теперь же их арестовали и держат без суда и следствия, что противно даже существующим законам".

Предложения полиции уладить конфликт рабочие отвергали самым решительным образом; так, когда во время чтения только что приведенного заявления, к толпе подошел околоточный и предложил свои услуги по примирению, рабочие отказались от этого и решили направиться к градоначальнику. На пути их встретили жандармы, произошла схватка, жандармы мяли рабочих лошадьми, рабочие били жандармов

кистенями и палками, а один из мастеровых ранил жандармскую лошадь кинжалом. Рабочим, однако, пришлось отступить. После этого столкновения начались массовые аресты. В журнале „Земля и Воля“, где напечатано описание стачки, указывается, что в этой битве оказалось 11 пострадавших, которых пришлось отправить в больницу.

Полиция, вообще, усилила репрессии и доходила до бесчинства и издевательства: в районе Обводного канала расположился отряд жандармов, который просто занимался ловлей проходящих рабочих; ночью производились облавы и обыски по домам; каждое утро то в той, то в другой рабочей квартире не досчитывались жильцов. Самое же сильное средство, пущенное в ход полицией, заключалось в предложении лавочникам, у которых забирали продукты рабочие, не давать больше ничего в долг и требовать старые долги. Это сильное средство и аресты и заставили рабочих сдаться. Забастовка окончилась поражением рабочих. Арестованных рабочих частью выслали на родину, частью в Вологодскую губернию, первую же категорию, как сообщает „Земля и Воля“, „в которую вошли малолетние рабочие (до 15 л.), пересекли поголовно и освободили, пригрозивши вторичной поркой, если кто-нибудь из наказанных не пойдет на работу“ *). Малолетние рабочие в забастовках играли большую роль, так, напр., во время забастовки на фабрике Кенига они, собственно, и начали стачку, отказавшись, как подручные, исполнять работы, для которых существовали особые категории рабочих. И вот этих малолетних рабочих подвергли телесному наказанию за то, что они мирной стачкой отстаивали свои права.

Правительство, вообще, было сильно встревожено первыми же проявлениями стачечного рабочего движения. Еще в 1845 году при Николае I было установлено наказание за стачки рабочих: статьей 1792-ой „Уложения о наказаниях уголовных и исправительных“ за стачку, с целью приостановки работ и принуждения хозяина повысить плату, зачинщикам полагалось наказание,—арест от трех недель до трех месяцев, а простым участникам от семи дней до трех недель; если же при этом рабочие толпой или артелью оказали при этом сопротивление хозяину, то это их действие приравнивалось восстанию против властей. Когда возникли первые стачки, то оказалось, что даже царские суды иногда не могли приговаривать к наказанию ни в чем неповинных людей.

Так, когда в мае 1870 г. забастовали 63 прядильщика на Новой Бумагопрядильне, то окружный суд приговорил только четверых рабочих, да и то дал высшее наказание—семь дней ареста. Это встревожило жандармов и высшие власти. О начавшихся стачках министерство внутренних дел доносило царю, и сам царь внимательно просматривал доклады и клал резолюции. И вот, опасаясь, что судом с рабочими не справишься, решено было издать тайный циркуляр ко всем губернаторам, которым и давалось право без суда и следствия высылать бастующих в другие губернии и на родину.

В этом циркуляре так прямо и предписывалось губернаторам, чтобы они, „не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно, по обнаружении полициею главных зачинщиков

*) „Земля и Воля“, № 3.

между фабричными людьми, высылали таковых, не испрашивая предварительно на то разрешения Министерства Внутренних Дел, в одну из нижепоименованных губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую". В то же время жандармским властям циркуляром от 14 июля 1870 г. (циркуляр губернаторам был издан 6 июля 1870 г.) *) предписывалось следить, не чинят ли фабриканты притеснений рабочим, и вместе с тем предлагалось „иметь наблюдение за теми рабочими, которые оставили фабрики и заводы не по собственному желанию"... „...особенно тщательно наблюдать за тем, что не ведутся ли рабочими между собой рассуждения о получаемой ими задельной плате... нет ли в среде рабочих таких личностей, которые по неблагонамеренности своей могут иметь вредное влияние на рабочих, поселять между ними смуты, волнения, а затем производить беспорядки и общие стачки рабочих".

А в пункте шестом этого циркуляра прямо предписывалось: „Строго и бдительно наблюдать за сношениями с рабочими лиц подозрительных, выгнанных студентов, семинаристов, гимназистов и, вообще молодых людей, обращающих на себя чье-либо внимание". Такое же наблюдение жандармы обязывались вести и за студентами-практикантами Петербургского Технологического Института. Результаты наблюдений должны были докладываться начальнику губернского жандармского управления. Мы видели, что губернаторы не замедлили пустить в ход этот циркуляр, и высылки рабочих в северные губернии за стачки начались уже с 70-х годов прошлого века. Если же принять во внимание, что забастовщики, как мы видели, немедленно же попадали в тюрьму, а в некоторых отношениях и подвергались телесному наказанию, то мы ясно представим себе, как ответил на стачки рабочих Александр, прозванный Освободителем.

Но если так реагировало правительство на рабочие стачки, то как к ним отнеслось русское общество? О первых стачках русские либеральные газеты еще писали. Так, о стачке в мае 1870 г. на Новой Бумагопрядильне писали „Русские Ведомости" и „Новое Время". В газетах печатались отчеты о судебном процессе, и даже как будто бы рабочим высказывалось сочувствие, а в 1879 году о большой стачке на Новой Бумагопрядильне и Шау, за исключением „Русской Беседы", где было всего несколько строк, ни одна газета не напечатала ни слова. „Наши газеты, говорится по этому поводу в „Земле и Воле": „посылали специальных" корреспондентов на оба театра войны, но ни один из газетных строчил и не подумал заглянуть на Обводный канал или на Нарвскую Заставу, хотя это и не стоило бы никаких издержек".

Зато революционеры-землевольцы принимали в стачках Петербургских рабочих самое деятельное участие и очень быстро завоевали огромное сочувствие рабочей массы. Как уже было сказано, рабочие, заметившие необычные в их среде фигуры, прозвали их „фискалами", считая их агентами царя, но очень скоро отказались от этих неправильных представлений и, считая „фискалов" своими друзьями, прекрасно понимали, что полиция такой же враг этим студентам, как и рабочим. Больше того, неудачное обращение рабочих к высшему начальству и

*) Архив истории труда в России, кн. III, ст. Б. Гессена и Р. Кантора.

даже к самому наследнику показало им, что ждать помощи от правительства нечего и что только дружной борьбой самих рабочих и возможно улучшить свое положение. Эту мысль еще лучше сумели доказать революционеры своей помощью стачечникам, так как научили рабочих вести дело организованно, помогали им формулировать их требования, писали им листки, собирали деньги в пользу нуждающихся, помогали семьям, не оставляли их в тюрьме и даже в ссылке, словом, внесли организованность в стихийное рабочее движение.

Спрашивается, какие же выводы сделали землевольцы революционеры для себя, для своей теории и практики? Повлияло ли развивающееся рабочее движение на их теорию, на их мировоззрение? Ведь только слепой не видел, что неуспешность борьбы рабочих проистекает именно потому, что, кроме гнета экономического, в России царит и гнет политический и что политическая свобода может очень сильно облегчить и борьбу экономическую. Это доказывали решительно все явления общественной жизни страны. Это доказывала между прочим и та борьба, какую вели рабочие. Малейший протест рабочих против гнета экономического вызывал самое жестокое подавление силами полиции и войск. Когда на Патронном заводе произошел взрыв и многих рабочих ранило, а четырех убило, рабочие решили устроить торжественные похороны в виде демонстрации. Похороны и, действительно, превратились в большую демонстрацию, несмотря на противодействия полиции: за гробами шли толпы рабочих и студентов, на кладбище произносились революционные речи, и, когда полиция попыталась арестовать оратора, рабочие не дали этого сделать и обратили полицию в бегство. Во время Казанской демонстрации 6 (18) декабря 1876 года рабочие, бывшие инициаторами этой демонстрации, несмотря на свою малочисленность (их было человек 200), принимали очень деятельное участие. Все эти факты говорили за то, что рабочие готовы бороться, что стоит им только раз'яснять, как и за что нужно бороться, и их стихийная борьба должна превратиться в организованную политическую борьбу. Как же смотрели на дело тогдашние революционеры-интеллигенты?

Вот что говорит об этом Плеханов, вспоминая об организации „Северно-русского рабочего Союза“ *): „Возникновению Союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней, народнической, точки зрения. Но программа его причинила нам не малое огорчение. В ней— о, ужас!—прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие „буржуазную“ свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении высидевшей утят курицы“. Стало быть, дело заключалось в том, что народнические взгляды землевольцев препятствовали им понять насущнейшую задачу эпохи,—необходимости борьбы за политическую свободу и, значит, поставить эту задачу, как *практическую* задачу текущей революционной борьбы. Рабочие это понимали лучше, чем интеллигенты. Мало того, революционеры интеллигенты долго не замечали того простого факта, который очень хорошо понимали многие развитые рабочие, что, в условиях самодержавного государства, без политической свободы никакая борьба только

*) „Русский рабочий...“ Плеханова.

против одного экономического гнета сколько нибудь успешной быть не может. Происходило это потому, что народники-революционеры, занимаясь революционной пропагандой среди рабочих, в силу своих народнических взглядов смотрели на рабочих, как на среду более развитую, чем крестьяне, среду, из которой легко выбрать отдельных подходящих людей, но опять же все для той же работы в крестьянстве. Крестьяне с их общиной и миром—вот та среда, в которую стремились народники, и, подняв которую, они думали перестроить общество. Так и смотрело большинство народников на свои занятия среди городского пролетариата. „Устраивая такие занятия", говорит Фроленко: „как в Питере, так и в Москве имели в виду выработать, подыскать себе помощников из самого же народа, чтобы потом с ними итти в деревню на пропаганду". Рабочие, однако, не отказываясь от борьбы и революции, не особенно охотно шли в деревни, в народ. Крапоткин, уже заграницей, вспоминая свою работу среди Петербургских ткачей, так об'ясняет это явление: „Однако, наши надежды, что эти молодые люди станут пропагандистами среди остальных работников, положение которых гораздо хуже ихнего, не вполне оправдались. В свободной стране они стали бы обычными ораторами на общественных сходках; но, подобно привилегированным женевским часовщикам, они относились к простым фабричным с некоторого рода пренебрежением и отнюдь не горели желанием стать мучениками социалистического дела. Только после того как большинство из них арестовали, и некоторых продержали в тюрьме года по три за то, что они дерзнули думать, как социалисты; после того лишь, как некоторые измерили всю безграничность российского произвола, они стали горячими пропагандистами,—главным образом, политической революции". Фроленко же прямо приписывает рабочим, занимавшимся в революционных кружках, „сильное стремление, при помощи знакомства с грамотой, занять лишь места повыше да выбиться из своей среды, которую они считали и грубой и низкой". Только величайшее непонимание классовой структуры современного общества могло внушить такие мысли: не говоря уже о том, что среди землевольцев было множество революционеров рабочих, необходимо подчеркнуть следующее: бытие, действительная жизнь, которой жили рабочие, заставила их скорей, чем интеллигентов, найти более правильный революционный путь в своей деятельности. Рабочие прежде всего не имели даже тех крупиц гражданской общественности, какими обладала буржуазия и в том числе учащаяся молодежь. У дворян имелись свои дворянские учреждения и собрания, буржуазия добилась городских установлений, даже учащаяся молодежь могла кое как собираться в своих лабораториях и аудиториях. У рабочих имелась одна возможность собираться и обсуждать свои нужды в своих своеобразных клубах-курилках, т. е. в отхожих местах. Но и за такими собраниями следили надсмотрщики капиталистов. Рабочие начинали понимать, что если полиция мешает им собираться, обсуждать свои нужды и подавляет стачки силой, стало быть, и тот строй, который поддерживает ее, надо изменить, если рабочие хотят улучшить свое положение. Наконец, рабочие, сами вышедшие из деревни прекрасно знали эту деревню и понимали, что один ужас и кабала царит там и что наша община только еще больше закабаляет крестьянина и, стало быть, не способствует развитию, а тянет русский

народ назад. Они это знали на практике и потому всеми силами стремились получить образование, развиться и подняться, стать горожанами в лучшем смысле этого слова.

Собранные вместе часто по несколько десятков тысяч, поставленные в одни и те же условия производства, подчиненные этим производством одному и тому же мастеру и хозяину, запертые в одну и ту же казарму, они на *практике*, на *деле* видели, что в отдельности каждый из них ничто и что они сила и сила очень большая вместе, в массе. Вот почему они лучше, чем кто-либо, были способны к организации и к совместным действиям, вот почему лозунг, выдвинутый землевольцами в их прокламациях во время забастовок семидесятых годов: „все за одного и один за всех“, был так понятен и так близок рабочим. Рабочие были единым *классом*, в то время как крестьяне представляли из себя, по крайней мере, три классовых группы,—пролетарские слои, мелкое, среднее крестьянство и деревенская буржуазия с разнородными и глубоко противоречивыми интересами.

Нельзя сказать, чтобы народники не понимали значения рабочего класса для революции. Пропаганда велась среди рабочих давно: ее вели и землевольцы и народовольцы.

Плеханов в своей книжке о рабочем движении 70-х годов приводит выдержку из передовой статьи четвертого номера землевольческого журнала, в которой оценивается эта роль рабочих в революционном движении. В этой статье совершенно правильно указывается на то, как сама жизнь выдвигает рабочий вопрос на первый план.

„Волнения фабричного населения, постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня, заставляют нас, раньше чем мы рассчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашим городским рабочим в этой организации. Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей“.

Приведя эту выдержку, Плеханов добавляет: „Чрезвычайно характерно это, невзначай вырвавшееся у народника признание. Рабочий вопрос, действительно, самою жизнью выдвигался вперед, наперекор народнической догматике. Неудивительно, что разрешить его нельзя было с помощью этой догматики. Народническая интеллигенция могла лишь, подобно автору указанной статьи, рекомендовать рабочим-социалистам „агитацию“, „агитацию“ и „агитацию“, да упрекать их в том, что они, будто бы забывая об этой агитации, слушают „чтение о каменном периоде или о планетах небесных“. К началу 1879 года *рабочее движение* переросло *народническое учение* на целую голову“.

Интересно то обстоятельство, что та статья, которую Плеханов цитировал в своей книге о рабочем движении 70-х годов, принадлежала не кому другому, а ему (как и отчеты о стачках, напечатанные в журнале „Земля и Воля“), и это именно обстоятельство является лучшим доказательством того, как народническая догма мешала правильно взглянуть на роль и значение рабочего класса в революции. Плеханов, правда, говорит об организации рабочих, но роль рабочего движения, по его мнению, подсобная к тому социалистическому движению, которое мыслилось всеми народниками, как движение кресть-

янское. В этой же самой статье эта роль определяется так: „Городская революция должна и может отвлечь силы правительства и дать крестьянскому восстанию время окрепнуть и развиться до степени непобедимости. Только при подобном условии и мыслим успех социального переворота“.

Крестьянское восстание, стало быть, стержень революции, а не самостоятельное революционное движение *рабочего класса*, увлекающее за собою крестьянство, вот как мыслили себе революцию даже самые проницательные из народников в то время, когда шум начинающегося рабочего движения уже наполнял революционную атмосферу. Но „*рабочее движение,* по словам самого Плеханова, переросло *народническое учение*“, и потому не интеллигенты народники, а народники рабочие, не социалисты идеологи мелкой буржуазии, а социалисты рабочие впервые поставили вопрос о классовой организации пролетариата и разрешили его, насколько он был разрешим тогда по условиям времени и места. Мы говорим о „Северно-русском рабочем союзе“ Халтурина и Обнорского. Впрочем, и здесь одним из выдающихся организаторов наравне с рабочими был интеллигент. Теперь можно считать установленным, что первая рабочая социалистическая организация получила свое начало на юге России в г. Одессе. Организатором ее был Евгений Осипович Заславский и группа его учеников рабочих *).

Виктор Обнорский.

Еще в 1872 году Е. О. Заславский, дворянин по происхождению, начал пропаганду среди рабочих, для чего и организовал кружок, в который вошли рабочие завода Белино-Фендериха: Осуховский, Изотов, Сергей и Николай Наддачины, Гренко, Сикочин, Федоров, Эрманов и Вишневецкий. В кружок, кроме того, входили железнодорожники,—Павлов и Кравченко, телеграфист Власенко, рабочий завода Фалька и Ян Ревицкий, рабочий-литейщик чугунно-литейного завода Гулье-Бланшард. Заславский лично вел пропаганду среди этих рабочих, и эта его работа характеризуется двумя чертами,— характером, содержанием пропаганды, отличной от обычной бунтарской пропаганды того времени, и характером самой организации, отличающейся от заговорщического оттенка даже рабочих народнических организаций того времени.

---

*) Приводимые нами сведения „О южно-российском союзе рабочих 1872—1875 г.г.“ появляются в учебнике по истории партии впервые. См. об этом работы: „Южно-российский Союз рабочих“ 1872—75 г.г.

Прежде всего обращают на себя внимание те книжки, какие читались в кружках Заславского, это были не только обычные агитационные брошюры в роде „Хитрой механики" или „Сказки о четырех братьях" или „Сказки о Мудрице Наумовне", но и книжки и газеты, посвященные или исключительно рабочему вопросу или важнейшим проблемам рабочего движения. Так, в кружках Заславского читались лондонская газета „Работник", „Очерки фабричной жизни", „Паровая машина", „Артели рабочих", „Историческое развитие Интернационала" и т. п. Затем, по словам участника „Союза" Сквери, Заславский сторонился от существовавших в то время народнических кружков.

„Если кто-либо из интеллигентов случайно попадал к нам на сходки, говорит М. П. Сквери*): „он начинал волноваться, утрачивать свое обычное спокойствие, и сходка каким-то непонятным и неожиданным образом наполнялась шумным и горячим спором. Он обвинял интеллигентную молодежь в ребяческой склонности к ненужной конспирации и таинственности.—Они своими переряживаниями только обращают на себя внимание,—говорил он возмущенно. „Снуют без надобности с квартиры на квартиру, с явки на явку, и всегда не просто, а с предосторожностями, с оглядкой, переряживаясь несколько раз в день, и тем только выдают себя и других!"

Не говоря уже о несомненном принципиальном и програмном расхождении, причины этого разлада лежали, полагаю, в характере и личных качествах Е. О. Заславского и той молодежи, которую он так недолюбливал". И жандармы уловили эту обособленность и оторванность Заславского и его кружков от обычных в то время народнических организаций.

В самой организации Заславского было глубокое отличие от современных революционных организаций. Прежде всего он организовал, или вернее, под его влиянием, его ученики организовали библиотеку. Библиотека эта содержалась на взносы (по 7 коп. с пользующегося книгами), и управлялась самими рабочими. Такие же библиотеки организовывали или пытались организовать ученики Заславского потом и в других городах (напр., в Ростове на Дону). Но организацией библиотеки не ограничивалась практическая деятельность Заславского: он шел дальше и организовывал сам и через своих учеников кассы, кооперативы и даже кооперативную баню и типографию. Так, учеником Заславского, Яном Рыбицким (или Ревицким) была организована вместе с Лущенком и Сквери на заводе Гулье-Бланшард ссудо-сберегательная касса рабочих.

Библиотека, о которой говорилось выше, организовалась в 1872 году, а в 1873 году Заславский устроил баню на кооперативных началах; баня, впрочем, просуществовала только 6 месяцев и за убыточностью была закрыта. В 1873 г. Заславский и его основной кружок расширяют свои связи, ведут агитацию и пропаганду среди рабочих других заводов и фабрик. Книжки и брошюры для этой агитации и пропаганды печатались в собственной типографии Заславского, легальной и прекрасно оборудованной. Впрочем, эту типографию можно назвать скорее общественно-революционной, так как Заславский печатал в этой типографии и революционные брошюры и книги, которые потом

*) М. П. Сквери. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе (1875 г.). Одесса, 1921 г.

распространялись в народнических кружках пропагандистами народниками. Наборщики этой типографии, без сомнения, были, в большинстве случаев, учениками, а некоторые, вероятно, и членами „Союза" (напр., Наумов и Соколов). К концу 1873 года на многих предприятиях Одессы имелись уже кружки Заславского. В 1873 году, в числе учеников Е. О. Заславского оказывается В. Обнорский *). Обнорский работал в Одессе на газовом заводе, на заводе Фалька, на водопроводе и на железной дороге, в мастерских. Здесь, на заводе Фалька, В. Обнорский познакомился с Кравченком и Яном Ревицким. Оба они были учениками Заславского и очень скоро заразили и Обнорского своим настроением и приступили втроем к организации рабочего кружка. В этот кружок, кроме того, входили рабочие Баранцов, Страхов и Дицман, а при помощи слесаря Масловского и слесаря Егорова этот кружок завел связи и с рабочими водопровода.

К концу 1873 года или не позже, чем к началу 1874 года и относится уже организация отдельных кружков, а „Союза", т. е. соединения всех действовавших кружков, как в Одессе, так и в других южных городах,—к 1874 году, хотя некоторые участники „Союза" узнали о его существовании только в 1875 году.

В начале этого года Ян Ревицкий, Сквери и Лущенко организовали ссудо-сберегательную кассу на заводе Гулье - Бланшард, и, в то же время, рабочие из кружков Заславского из Одессы направились в другие южные города с целью организовать и там отделения „Союза",—в Харьков, Ростов на Дону и в Таганрог. В Харьков направился (в 1874 году) Вишневецкий, а затем Изотов, в Ростов на Дону сначала Эрманов и Федоров, а затем Наддачин и Сикочин, и организовали там отделение „Союза". В Одессе же образовалось, говорит Сквери, „6 или 7 групп: группа прежних учеников Е. О. на заводе Беллинг-Фендрих, на Пересыпи, группа нашего завода (т. е. Гулье-Бланшард, В. Н.), две городские группы (группа наборщиков и позолотчиков); одна или две группы железнодорожных мастерских, особенно многолюдные и деятельные под руководством Рыбицкого и Кравченко, и группа рабочих на Слободке-Романовке. Число членов трудно поддавалось учету. В каждой группе было 5—6 преданных делу рабочих, принимавших деятельное участие в делах Союза, посещавших все собрания и сходки, читавших и распространявших „литературу" и находившихся в постоянном взаимном общении. Таких в Союзе было, вероятно, 50—60 чел., составлявших устойчивое ядро Союза, около которого было во всяком случае не менее 150—200 чел., которые считались членами Союза, но манкировали взносами и посещениями сходок, хотя и пользовались „литературой" и разделяли наши убеждения".

---

*) Документальные данные о розысках жандармами В. Обнорского в Одессе и о том, что он жил как раз в 1873 и 1874 годах в Одессе и работал там на заводах, пополняют пробел, который доселе нельзя было заполнить в жизни В. Обнорского; по словам Л. Дейча (1873 г.) Обнорский в 1873 г. жил в Олонецкой губ., а затем в 1877 г. появился снова в Петербурге. Где же он был в этот промежуток времени? В 1878 г. В. Обнорский встретился заграницей с Л. Дейчем. Но Л. Дейч указывает, что еще раньше В. Обнорский бывал заграницей. Теперь это становится понятно. Обнорский первый раз уехал заграницу в 1874 году из Одессы, уже распропагандированный Заславским всего 21—22 лет.

„Союз“ был, действительно, настоящей хорошо организованной рабочей организацией. Члены Союза вносили еженедельный взнос по 25 коп. Деньги собирал депутат кружка, а от депутата поступали к кассиру. Депутаты вводили новых членов в свой кружок, следили за членами своих кружков, раз‘ясняли им их обязанности и занимались пропагандой. „Пропаганду вели сами рабочие“, говорит Сквери: „у нас не было особых пропагандистов,—и дело у них спорилось; не может быть никакого сравнения с неумелыми попытками интеллигентной молодежи, поступавшей тогда на фабрики для пропаганды. Сыск еще не был так усовершенствован, как впоследствии; в своей среде рабочие действовали свободно, и пропаганда в короткое время захватила большие круги в особенности в железно-дорожных мастерских, куда перешел Рыбицкий“. Из интеллигентов занимался пропагандой только Е. О. Заславский, который еще с 1872 года читал рабочим лекции, охватывающие обширный круг знания, — естествознание, историю, историю рабочего движения на Западе; говорил об Интернационале, о профессиональном движении. Другой интеллигент Ф. А. Щербина (будущий известный статистик) принимал небольшое участие и тоже, по-видимому, занимался пропагандой.

Кроме пропаганды и агитации „Союз“, или вернее его организатор и вдохновитель Заславский, на практическом деле, — ссудо-сберегательных касс, библиотек, кооперативов,—учил рабочих строить свою рабочую профессиональную организацию и, затем, провел две, а, может быть, и больше, стачки в 1875 году,—на заводе Гулье-Бланшард и на заводе Беллино-Фендериха, при чем стачкам предшествовала агитация и разброска прокламаций.

Какова же была программа „Южно-российского Союза рабочих“?

Основы ее изложены в „Уставе Южно-российского Союза рабочих“. Вот первый пункт этого „Устава“: „I. Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих; что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния; что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об‘единении;—мы, рабочие южно-российского края, соединяемся в один союз под названием „Южно-российского Союза рабочих“, поставляя себе целью:

во-первых: Пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов,
во-вторых: Об‘единение рабочих южно-российского края,
в-третьих: Для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком“.

Этот параграф, как совершенно правильно замечает один исследователь, ясно показывает сходство „Устава“ Заславского с основными положениями Интернационала: и там и здесь указывается, что существующий порядок не соответствует истинным требованиям справедливости, и там и здесь говорится о том, что рабочие могут установить этот строй истинной справедливости только полным об‘единением рабочих, и там

и здесь подчеркивается, что основа и причина всякого рабства есть гнет и существование капитала, и там и здесь говорится о том, что только насильственный переворот может уничтожить экономическое и политическое угнетение рабочих. Влияние Интернационала, а, стало быть, учения Маркса на Заславского и его „Устав" несомненно.

Но, быть может, самою важною и ценною мыслью „Устава" является указание на то, что „союз" организуется „для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком".

Эта мысль ясно подчеркивала бесплодность и недостаточность борьбы теми средствами, которые признавались народниками, и указывала на то, что только путем создания чисто классовой организации единственно возможно то об'единение рабочих, которое „насильственным путем" уничтожит гнет политический и экономический. В то время, как еще в 1879 году землеволец Плеханов в своей статье о рабочем движении ничего кроме агитации рабочим посоветовать не мог, здесь уже, в 1874 году, довольно определенно вырисовывались первые контуры классовой социалистической организации пролетариата.

Единение рабочих, их обязанности вкладываются в краткую формулу: „Один за всех и все за одного". И при организации общественной библиотеки и ссудо-сберегательной кассы рабочих Ростово-Владикавказской железной дороги эта мысль, что сила рабочих в союзе, в единении, была тоже подчеркнута. „Во-первых", говорится там: „сознавая, что всякий из нас по одиночке не может представлять себе тех потребностей или удовольствий, какими мы можем пользоваться при малейших затратах, соединившись, т. е. „обществом", и что мы рабочие можем достигнуть сознания своего безвыходного положения только посредством добывания возможно лучших книг, газет и т. п. и при полном нашем об'единении, т. е. оказывать друг другу взаимно-дружеское расположение — о большем будем говорить после, а теперь коснемся настоящего дела..."

И здесь точно так же делался намек на будущую деятельность, как и в Уставе, где прямо выражалась мысль о будущей борьбе за политическую свободу, при чем, как мы видели, способ, при помощи которого достигалась эта свобода, был насильственный переворот.

Жандармы прекрасно поняли колоссальную опасность, какую представляла для самодержавного государства и вообще для буржуазного общества такая организация рабочих. Одесский жандарм, донося Министру Внутренних Дел об окончании следствия по делу „Союза", писал, что дело „Союза" заслуживает внимания правительства, по социальному положению обвиняемых, по стройности организации и по солидности ее: социальное положение всех членов „Союза" было дотоле невиданное в практике жандармов,—за исключением Е. Заславского и Щербины (роли в „Союзе" не игравшего), все остальные были рабочие. Им удалось об'единить очень большое, по тому времени, число рабочих, и придать всей организации стройность и правильность. Подчеркивая это обстоятельство, жандармы указывали, что „это сообщество не случайно и вполне систематически путем правильной организации проповедывало уничтожение всякого правительства, собственности, капитала и всех существующих социальных порядков". Жандарм вместе с тем предлагал сделать процесс известным обществу, чтобы оно убедилось, что рабочие-социалисты угрожают своим движением и организацией самим

основам буржуазного строя. „Нет сомнения, что этот процесс сможет иметь отрезвляющее на общество влияние...“ *). Так писал одесский жандарм своему начальству, уверенный в том, что революционная буржуазная интеллигенция поймет, какие силы, враждебные буржуазному строю, вызывает она своей пропагандой и агитацией.

Но правительство прекрасно понимало, что сосредоточить внимание общества на процессе „Союза“—это значит показать, что в ряды революционной армии начали вступать не одни интеллигенты, представители буржуазных слоев, а и рабочие, представители класса, который находится в самом угнетенном состоянии и который, поднимаясь, становясь сознательным, представляет гораздо более серьезную опасность, чем революционная мелкая буржуазия, „потрясающая“ основы, но не до основания.

Правительству, как раз, наоборот, нужно было, чтобы процесс прошел незаметно, чтобы не видело общество, что против самодержавия бунтуют не только интеллигенты и недовольные царем за освобождение баре (как пыталось представить дело правительство), а и тот самый народ,—крестьяне и рабочие, которых, будто бы, совращают с пути истинного революционеры. Поэтому правительство сделало все, чтобы замолчать этот процесс: он разбирался без обычного шума и треска, отчеты о нем не печатались. „Тускло и неприметно прошло это негромкое дело среди ярких процессов, приковывавших всеобщее внимание, как дело 193 и процесс 50-ти.

Не было пламенных речей и громких дел; среди участников не было видных колоритных фигур, способных сосредоточить на себе внимание, вызвать удивление или восторженное сочувствие. На скамье подсудимых молчаливо сидели рабочие—слесаря, литейщики, кузнецы, наборщики и среди них только один, скромный, молчаливый больной интеллигент не первой молодости“. Так говорит участник процесса Сквери, а между тем эти литейщики, слесаря, кузнецы, не видные и не колоритные, здесь, в зале суда, как были колоритны, пламенны и интересны там, в той народной гуще, откуда они пришли и где они боролись. Вот как, например, тот же Сквери рисует некоторых рабочих.

„...Степан Лущенко, степенный, пожилой рабочий, работавший по очистке чугунного литья. Он был матросом на военной службе и побывал в плавании на Дальнем Востоке, в Китае и Японии. Среднего роста, костистый, сухой и закаленный, с широкой, светлой бородой лопатой, с мягким взглядом маленьких впалых глаз из-под широкого выпуклого лба и строго сдвинутых бровей, он был не словоохотлив и пользовался среди рабочих большим авторитетом и уважением за свою сдержанную рассудительность, прямоту и неподкупную честность. Это был сильный и стойкий человек, способный на костре не изменить на иоту своему слову. Глубоко вросший в рабочую среду, заботливый и трогательно любящий семьянин, он осмотрительно и туго воспринимал все новое, не умел увлекаться; но то, что было им воспринято, срослось с ним, входило в плоть и кровь навсегда“.

А вот другой рабочий Ян Рыбицкий, яркая противоположность Степану Лущенко. Ян Рыбицкий также был рабочий литейщик.

---

*) Цитирую по делу Истор. рев. архива о „Южно-Росс. союзе раб“.

„Одевался он очень опрятно, одежда на нем была всегда впору и с какою-то небрежной красивостью он носил свою мягкую фетровую шляпу.

„Общительный и приветливый, он всегда вел оживленные разговоры с другими рабочими и часто был окружен ими, а работник он был не весьма умелый... ...и мне хотелось видеть в этом молодом рабочем переодетого студента и почему-то именно студента-технолога, занимающегося пропагандой на нашем заводе..." „...Чрезвычайно общительный и живой, находчивый, радостно-приветливый, несколько тщеславный и экспансивный, он умел заинтересовать, с каждым поговорить и всегда сводил разговор к протесту и осуждению существующих порядков. Все, что он умел и знал, немедленно пускалось в оборот, он сразу поражал и заинтересовывал, но при ближайшем знакомстве наступало разочарование. Казалось, что он не оправдал ожиданий, что он поверхностен и не глубок, что в нем нет внутренней силы и содержания. Происходило это оттого, что всю свою силу и горячее убеждение, все, что он знал и мог, он выявлял сразу в повышенном и возбужденном настроении первого знакомства неудержимым потоком, и в этом было его достоинство, как агитатора: если касса, а потом „Союз" в короткое время стали так популярны среди рабочих и привлекли громадное число участников, то в значительной степени это было делом Яна Рыбицкого". Но и Лущенко, и Ян Рыбицкий, и сам Сквери, автор этих характеристик, и еще десятки других не менее ярких и красочных фигур—все они являлись учениками Заславского. Что же представлял из себя Заславский?

„Я не встречал,—рисует его портрет Сквери:—человека, внешний облик которого так стройно во всем, даже в привычках, даже в бессознательных житейских мелочах совпадал бы с внутренним содержанием и убеждениями, как это было у Е. О. Заславского. Все в нем было удивительно скромно, естественно и просто; ни тени аффектации ни в слове, ни в жестах; и в то же время он был характерен и очень индивидуален, быть может, именно благодаря этой исключительной простоте и естественности, и его облик ярко и определенно запечатлевался. Ни малейшего проявления темперамента или чувства, ни единой черточки даже самого невинного и естественного тщеславия или самолюбия; ни малейшего оттенка в тоне или обращении, которое напоминало бы о громадном умственном и нравственном превосходстве его над окружающими. Во всех положениях и обстоятельствах он был естественно прост, приветлив, общителен и равен со всеми. Эти качества, по моему мнению, совершенно исключительные или по крайней мере, очень редкие в русском интеллигенте того времени в его отношениях к рабочим, не умевшем взять верного тона, подойти просто и естественно, редко умевшем отделаться от тона учительства, никогда не забывавшем, что он пришел покорно или униженно платить свой „долг народу" или, наоборот, благородно приносить себя „в жертву". Оттого и отношения рабочих к Е. О. Заславскому были свободные, простые, *свои*, несмотря на то, они сознательно глубоко уважали и любили его, преклонялись пред ним, каждому слову верили".

И, действительно, Заславский сумел создать стойких и сильных борцов за рабочее дело: в то время, как многие из примкнувших в самое последнее время давали на следствии откровенные показания,

ни сам Заславский, ни его первые ближайшие ученики ни в чем не сознались. Всего было захвачено процессом 59 человек, но на скамью Особого присутствия Сената село 39 человек, из которых двое—Заславский и Щербина (большой роли не игравший) являлись интеллигентами, один содержатель пивной, один конторщик и 35 человек рабочих. Приговор Сената был суров; каторгу получили—Заславский—10 лет *); Ревицкий и Кравченко—5 лет; Наумов, Силенко, Ляхович, Мрачковский и Сквери—поселение; арестантские роты получили:—Лущенко—2 г.; Короленко и Курганский—по 1 году; Тараненко, Наддачин, Соколов и Волощук—3 мес. тюремного заключения. Остальные:—три брата Быстриевские, Шатунский, Изотов, Гренко, Самсонов, Осуховский, Кнеппер, Сикочин, Н. и С. Наддачины, Соколов и Тараненко отданы под надзор полиции, а Щербина выслан под гласный надзор на три года в Вологодскую губернию.

Так расправилось правительство с рабочими, сделавшими первую попытку создать свою, рабочую классовую организацию, но уже были на лицо об‘ективные условия, рождавшие все новых и новых борцов. Мы видели, как на севере в Петербурге, в крупнейшем промышленном центре уже появлялись первые всплески рабочего движения: нужно было ожидать, что там с большей силой, с большей резкостью и отчетливостью будут выявлены классовые стремления, будут сделаны новые попытки создать рабочую классовую организацию. И она, как известно, была создана. Создателями этой организации нужно считать прежде всего Виктора Обнорского, а затем и Степана Халтурина.

Создателем „Северно-русского рабочего Союза“ необходимо считать прежде всего Обнорского именно потому, что он, а не кто другой внес в эту организацию ту струю, за которую по справедливости „Северно-русский Союз“ считают предшественником социалдемократии в России.

Виктор Павлович Обнорский был сыном небогатых мещан г. Кронштадта. Он с успехом окончил уездное училище. Вследствие нужды родители не могли дать своему сыну дальнейшего образования и мальчика отдали в ученье к слесарю. Пройдя все адские муки ученичества, сделавшись настоящим слесарем, Обнорский переехал в столицу и попал на завод. Здесь он быстро был захвачен землевольческими революционными рабочими кружками.

Народники, как уже говорилось выше, давно занимались революционной пропагандой среди рабочих. Довольно успешно эта пропаганда велась и кружком чайковцев. Вот в один из таких кружков и попал молодой Обнорский. Он быстро усвоил народническую идеологию и, вместе с такими рабочими, как Петр Петерсон, Григорий Крылов, Михаил Орлов, Бачин, Лавров, Митрофанов и другие, принадлежал к тем главным кадрам рабочих революционеров, на которых в своей пропаганде опирались народники. При разгроме кружков чайковцев осенью 1873 года Обнорскому удалось избежать ареста; он уехал из Петербурга в конце 1873 года а затем отправился в Одессу и здесь попал в кружки Е. О. Заславского, из которых потом вырос „Южно-российский союз рабочих“. В. Обнорский работал там в течение 1873—1874 г.г. на газовом заводе, на во-

*) Заславский умер в тюрьме в Петербурге.

допроводе, на заводе Фалька и в мастерских жел. дор. Он подружился с Кравченком и Яном Ревицким, а также с рабочим Баранцовым. С ними - то, а также с другими учениками Заславского, Обнорский и устроил кружки в железнодорожн. мастерских и на заводе Фалька. Не подлежит никакому сомнению, что здесь в этих кружках на Обнорского оказал огромное влияние Заславский и отсюда-то Обнорский направился заграницу, чтобы получше ознакомиться с рабочим движением. Л. Дейч рассказывает о поездке Обнорского заграницу летом 1878 г. и вместе с тем замечает, что он бывал заграницей и раньше. Заграницей, вращаясь в эмигрантских кругах, Обнорский держался замкнуто и в стороне, относясь критически к интеллигентам эмигрантам, и более или менее сблизился только с П. Б. Аксельродом, революционером уже тогда придававшим огромное значение рабочему движению на Западе. Побывавши в Париже, Лондоне и в Берлине, Обнорский на практике познакомился с западно-европейским рабочим движением, а теоретические основы этого движения он усваивал, как из тех статей, какие печатались в русской революционной прессе того времени (с „Работником“, органом, издававшимся русскими революционерами заграницей при ближайшем участии Ралли, Жуковского и др., газетой, правда, анархического направления, но уделявшей некоторое внимание рабочему движению, Обнорский познакомился еще в России), так и из устных разговоров с выдающимися революционерами, знавшими это движение хорошо. Встретился заграницей Обнорский и с сторонниками лавровского „Вперед“ и с набатовцами, т. е. со сторонниками П. Н. Ткачева, издававшего журнал „Набат“ и по своим взглядам в некоторых вопросах приближавшегося к тому течению Интернационала, из которого выросла немецкая социалдемократия.

Степан Николаевич Халтурин.

Зимой 1878 года, со шрифтом и прочими принадлежностями типографии и с готовой в голове программой самостоятельной рабочей организации, Обнорский появился в Петрограде и здесь вместе с другим замечательным русским рабочим Халтуриным организовал „Северный Союз русских рабочих“.

Степан Николаевич Халтурин, по происхождению крестьянин, был сыном Николая Никифоровича Халтурина, не только зажиточного, но и богатого крестьянина дер. Халевинской (Верхние Журавли), Левин-

ской волости, Орловского уезда, Вятской губ. У Николая Халтурина был об'явлен в волостном правлении капитал в 40 т. р. и он вел довольно большую торговлю сушеными грибами, ягодами, хлебом, щетиной. С. Халтурин поступил в 1868 году в уездное училище, которое и окончил в 1871 году далеко не первым, когда ему исполнилось 15 лет. Через два года, т. е. в 1873 году, он поступил в Вятскую губернскую земскую школу (Вятское земское училище для распространения сельско-хозяйств. и техн. знаний"), преобразованную впоследствии в реальное училище. Отсюда он вышел через год, не окончив ученья, и в 1875 году, не удовлетворенный своей жизнью, он задумал поездку в Америку с некоторыми из своих товарищей. Поездка не удалась, и Халтурин один, без паспорта и без денег, оказался в Москве. Здесь он попал на железную дорогу, в мастерские, где и работал с тех пор, как рабочий столяр, воспользовавшись той выучкой, какую он получил еще дома и в земской школе. В рабочей среде Халтурин и превратился в того замечательного русского рабочего, каким его знает история русского революционного движения.

Под влиянием народнической пропаганды, он сам становится народником революционером, одним из основателей „Северного Союза русских рабочих". Плеханов, знавший его уже в 1875—76 годах, говорит, что в это время он был „уже деятельным пропагандистом". „Он был из тех людей, наружность которых не дает даже приблизительно верного понятия об их характере. Молодой, высокий, стройный, с хорошим цветом лица и выразительными глазами, он производил впечатление очень красивого парня, но этим дело и ограничивалось. Ни о силе характера, ни о выдающемся уме, не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. В его манерах, прежде всего, бросалась в глаза какая-то застенчивая и почти женская мягкость. Говоря с вами, он как будто и конфузился, и боялся обидеть вас некстати сказанным словом, резко выраженным мнением. С его губ не сходила несколько смущенная улыбка, которою он как бы заранее хотел сказать вам: „я так думаю, но если это вам не нравится, то прошу извинить". Так рисует Плеханов портрет Халтурина, и затем, отметив еще одну черту его характера—сдержанность и молчаливость, он отмечает его несколько насмешливое отношение к революционной интеллигентной молодежи и необыкновенно внимательное отношение к рабочим. Не будучи выдающимся оратором, он, однако, с своими речами обыкновенно заставлял приканчивать всякие прения и разногласия. „Его речью и исчерпывались обыкновенно прения. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающих. Между петербургскими рабочими были люди не менее его знавшие и способные, были люди больше его видавшие на своем веку, пожившие заграницей. Тайна огромного влияния, своего рода диктатуры Степана заключалась в неутомимом внимании его ко всякому делу. Еще задолго до сходки он переговорит со всеми, ознакомится с общим настроением, обдумает вопрос со всех сторон и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленным. Он выражает общее настроение. То, что говорит он, сказал бы, вероятно, каждый из его товарищей, но они не так вдумчиво отнеслись к делу,—иные по лености, иные потому, что заняты были другими, может быть, даже гораздо более важными делами, а Степан ни к чему не мог относиться невни-

мательно. Не было такой ничтожной практической задачи, решение которой он беззаботно предоставил бы другим. Он приходил на собрание с совершенно установившимся взглядом на подлежавший обсуждению вопрос. Потому-то с ним и соглашались. А с другой стороны, потому-то он и досадовал, потому-то он и горячился, когда прения затягивались без толку. „Ведь это же все так просто, говорило его выразительное лицо, неужели же вас могут затруднять подобные пустяки?“

Халтурин отличался большой начитанностью, говорит далее Плеханов, но, указывая на то, что в те времена начитанные не менее Халтурина рабочие были уже не редкостью, он отмечает отличительное свойство Халтурина: „К тому же *мысль* постоянно шла у него рука об руку с *делом*“. Из этой характеристики Халтурина выясняется одно: Халтурин, как мы сказали бы теперь, был прежде всего *организатором*, претворявшим свои теоретические планы и схемы в жизнь, облекавшим их в плоть и кровь, а, познакомившись с лавристами, возбудившими в нем интерес к немецкому социалдемократическому движению, и затем с Обнорским, приехавшим с программой и планами самостоятельной рабочей организации, Халтурин и превратился в того крайнего западника, как называет его Плеханов, революционера-социалиста, который на целую голову перерос всех тогдашних революционеров и понял, что и в России уже созрели условия для создания самостоятельной рабочей, классовой организации, которая, ставя своей конечной целью—социализм, видит, однако, вопреки господствующим мнениям, свою ближайшую задачу в политической борьбе за такие государственные формы бытия, какие по его мнению необходимы именно для более успешного разрешения главной задачи—социализма, т. е. в борьбе с самодержавием за конституцию, за демократический строй,—представительный образ правления с его демократическими свободами.

Именно в этом, да еще в том, что силой, способной осуществить эти задачи, является рабочий класс с его классовой социалистической организацией, а не крестьянство, именно в этом и отличие Халтурина и его замечательной организации от всех народнических теорий, схем и организаций. Не существенно, не важно то обстоятельство, что сам Халтурин после разгрома „Союза“ весь отдался террористической борьбе и погиб, как член партии „Народная Воля“ в Одессе, в марте 1882 г., за убийство Стрельникова. Иначе не мог поступить революционер, хотя бы и организатор классовой рабочей организации в то время, когда решался вековой спор между русским самодержавием и русской революционной партией, вышедшей из недр приобретающих экономический и политический вес новых прогрессивных слоев русского общества—вообще буржуазных и в частности мелко-буржуазных слоев его. В тот момент это было наиболее действенное, наиболее революционное решение вопроса, и задачи организации пролетариата только ставились на очередь дня. Важно было понять и поставить их, и это сделал Халтурин, а разрешение их выпало на долю следующих поколений. Этого не могли понять революционеры народники, отражавшие целиком уже отходившую в вечность экономическую формацию русской истории, и это понял рабочий С. Халтурин вслед за Обнорским, которого, в противоположность организатору Халтурину, нужно назвать пропагандистом, идейным творцом „Союза“.

В программе „Северного Союза русских рабочих“ говорится прямо и определенно: „Северный Союз русских рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программой:

1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого;

2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3) Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.

4) Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства“.

Здесь еще видна народническая вера в общину, в русское обычное право, словом, здесь еще царит вполне старая народническая идеология, но уже в следующем абзаце программы звучат необычные ноты для народнической эпохи и народнического символа веры. „Так как“, говорится в программе: „политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть: 1) Свобода слова, печати, право собраний и сходок, 2) Уничтожение сыскной полиции“ и т. д.

Итак, *борьба за политическую свободу, как ближайшую цель, достижение которой облегчает борьбу за социализм*, вот та задача, разрешить которую по мысли Обнорского—Халтурина должна и может классовая организация пролетариата. Эти мысли, так робко намеченные организацией Заславского, здесь уже поставлены во весь рост, во всю ширину и глубину и не даром против этих мыслей так ополчились ближайшие друзья Обнорского и Халтурина—землевольцы в своем журнале „Земля и Воля“.

В четвертом номере этого журнала в статье, специально посвященной Программе „Союза“, между прочим, говорится: „В теоретической части программы „Сев. Союза“ мы не видим, к сожалению, полной последовательно развитой системы воззрений, а скорее смешение программ различных социалистических партий.

Отрицание государства и требование коммунальной автономии зачисляет наших товарищей в лагерь социалистов-революционеров, каковыми и мы и сами желали бы видеть членов „Северного Союза“—а последующие параграфы программы прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов.

Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами посвящается слишком много времени, и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле,—а положения революционной программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе, даже не дебатируются“.

В этих словах критиков-друзей лучше, чем в чем-нибудь другом обнаруживается вся отсталость, вся теоретическая незрелость народнической идеологии: несомненно, что в программе „Союза“ есть смесь различных программ, но как раз именно то, что в ней осталось от

народнической программы (русская община, русское обычное право и т. д.), это и есть именно реакционная часть программы, а то, что в нее внесено Обнорским, — борьба за политическую свободу и за демократический строй, как необходимое условие борьбы за социализм, это и есть сильная положительная сторона программы, не понятая народниками. Халтурин, Обнорский и их товарищи только обнаружили огромное понимание задач рабочего класса и его партии, когда писали в своем ответе на критику „Земли и Воли“: „...мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,—и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены различных стеснительных „положений“ и „уложений“. Такое требование тем более удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунам—этим деятелям будущей всероссийской говорилки, следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно“. Это понимание важности и значения политической свободы еще рельефнее выражается далее: „Да не подумают, чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и рассчеты, и для нее мы отводили столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы только говорим, что так бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса; а осмысленность в движении, как и сами знаете, есть в свою очередь опять весьма важное условие для желанного исхода революции“.

Так слесаря и столяры давали уроки политической грамоты революционерам из буржуазной среды, предвосхищая своей критикой очень многое из той критики, какую пришлось делать социал-демократам эпохи широкого рабочего движения.

„Северный Союз русских рабочих“ начал формироваться уже в конце 1877 года или во всяком случае в 1878 году, так как к декабрю этого года уже готова была его программа. В декабре—23 и 30-го 1878 г. было устроено два генеральных собрания, после чего и появилась программа „Северного Союза“.

В организации „Союза“ принимали участие, кроме Обнорского и Халтурина, выдающиеся рабочие: А. Н. Петерсон, Д. Н. Смирнов, С. Виноградов, Мясников, Бачин, Бамбин, Игнатий Гусев, Павлов, Чуркин, Гаврилов, Волков, Налетушкин и др.*). Союзом была поставлена своя типография (в квартире Смирнова), где Гусев, Павлов и Налетушкин и отпечатали первый номер первого в России рабочего органа „Заря рабочего“. И в этом скорее листке, чем газете, проводятся те же мысли, что и в программе, только в наиболее простой популярной, доступной рабочей массе форме.

„...Мы сами должны себе помочь, мы сами должны себе устроить и обеспечить свое положение...“ „...До тех пор, пока мы разобщены, пока мы не соединены все одним общим делом, мы ничего не в состоянии будем сделать...“ Но наша сила в нашем единодушии, в нашей сплоченности...“ „Смело вперед, в борьбу с правительством и хозяевами, с нынешним обществом за свои права, за новую жизнь!“

*) П. А. Моисеенок так же принимал в „Союзе“ участие.

Так писали рабочие члены „Северного русского рабочего Союза", указывая дальнейший путь рабочего движения—борьбу с правительством и хозяевами, борьбу политическую и экономическую, полное и исчерпывающее теоретическое, научное обоснование которой вскоре дал Г. В. Плеханов.

„Северно-русский рабочий Союз" не ограничился только теоретическим выяснением вопроса организации и борьбы рабочего класса, он принял участие и в действительном движении; в стачках 1878—79 годов деятели „Союза" принимали непосредственное участие и вместе с другими землевольцами были руководителями забастовочного движения этих годов.

Есть основание утверждать, что прокламации, выпущенные во время этих стачек („От ткачей Новой Бумагопрядильни, что на Новой Канаве, к рабочим всех фабрик и заводов", „От рабочих фабрики Шау всем Петербургским рабочим", „Голос рабочего народа, живущего и работающего у подлеца Максвелля", не говоря уже о прокламации от 24 января 1879 г., выпущенной за подписью „Союза"), принадлежали членам „Союза", так что факт всестороннего руководства членами „Союза" во время стачечного движения не подлежит ни малейшему сомнению.

„Союз" погиб жертвою провокации. Еще в начале 1879 г. был арестован Обнорский, при чем жандармы вспомнили его деятельность,— и в кружке Чайковцев и в Одессе и в Петербурге, и он получил 10 лет каторги; затем 14-го марта 1880 г. (при помощи провокатора Рейнштейна) была арестована типография и первый номер „Заря рабочего", а вместе с типографией и рабочие: Смирнов, Павлов, Гусев, Налетушкин, Григорьев и другие. Еще раньше попал в тюрьму Петерсон, а затем, после ссылки (в 1881 г.) административным порядком арестованных в связи с типографией, в 1882 г. погиб Халтурин. Но не погибло дело, задуманное Заславским, Обнорским и Халтуриным. Очень скоро после смерти Халтурина появились люди, которые более полно, более научно обосновали и развили взгляды этих трех родоначальников классового рабочего движения, очистили его от всех привесок и наростов мелкобуржуазной идеологии и подвели под него фундамент научного обоснования—учения Маркса.

Члены же „Союза", ученики и товарищи Обнорского и Халтурина, рассеявшись по лицу русской земли, разнесли по фабрикам и заводам идею своей организации и своим участием в практической борьбе рабочего класса очень сильно помогли организации русских рабочих.

Так, стало быть, на политической арене русской жизни уже к концу семидесятых годов начинают появляться новые люди. Но эти новые люди—не Лопуховы и Кирсановы Чернышевского, не Неждановы Тургенева или Молотовы Помяловского, нет—это новые типы, новые деятели, вышедшие из рабочей массы, не порывающие с ней, правда, неизмеримо более развитые, чем вся эта масса, однако, выражающие ее интересы и формулирующие ее желания и нужды, мало того, люди, пытающиеся теоретически обосновать и практически проверить программу классовой социалистической организации пролетариата.

Рабочий революционер теперь занимает почетное место в революционных рядах и далеко не последнее, наоборот, сплошь и рядом он на целую голову выше рядового революционера-интеллигента.

Вот какими чертами рисует тип революционера - рабочего Плеханов: „При самых обыкновенных способностях он отличался резкой жаждой знания и по истине удивительной энергией в деле самообразования. Работая на заводе по 10—11 часов в сутки и возвращаясь домой только вечером, он ежедневно просиживал за книгами до часу ночи. Читал он медленно и, как я заметил, не легко усваивал прочитанное, но то, что усваивал, знал очень основательно. Маленький слабогрудый и бледный, безбородый, с небольшими тонкими усиками, он носил длинные волосы и синие очки. В зимние холода он, поверх короткого драпового пальто, накидывал широкий плед, и тогда уже окончательно выглядел студентом. Он и жил по-студенчески, занимая крошечную комнатку, единственный стол которой был завален книгами. Когда я короче познакомился с ним, я был поражен разнообразием и множеством осаждавших его теоретических вопросов. Чем только не интересовался этот человек, в детстве едва научившийся грамоте! Политическая экономия и химия, социальный вопрос и теория Дарвина одинаково привлекали к себе его внимание, возбуждая в нем одинаковый интерес, и, казалось, нужны были десятки лет, чтобы, при его положении, хоть немного утолить его умственный голод“.

Напрасно, впрочем, было бы думать, что только Петербургу, как умственному центру, были свойственны такие рабочие, нет—это был тип, и каждый мало-мальски промышленный центр к концу семидесятых и началу восьмидесятых годов имел таких одиночек-рабочих, представляющих большую культурную силу в пролетарской массе и, по большей части, социалистов. Даже в легальной литературе восьмидесятых годов не прошел незамеченным этот тип рабочего. Каронин (Петропавловский), беллетрист—народник, такими чертами изображает этот тип провинциального рабочего: „Всегда веселый и радушный, он уже двадцати лет пользовался авторитетом среди товарищей. Водки он в рот не брал, а каждую свободную минуту употреблял на то, чтобы поучиться. Он писал письма, подавал советы, об‘яснялся с начальством в качестве представителя, и имя Фомича рабочие произносили с уважением. Он уже и в это время был довольно начитан, но все-таки ему невозможно было употреблять в день более получаса на чтение, так что, в конце концов, от постоянного урезывания отдыха он ослабел; здоровье его пропадало, улыбка исчезала с его добродушного лица...“ „К счастью, он в это время попал в острог“. Фомич, попавший в острог за протест против хозяина, Фомич, обрадовавшийся острогу, потому что там на свободе можно вдоволь начитаться книг, Фомич, находящийся под надзором полиции, являющийся большой культурной силой, выросшей на фабрике, на заводе, в мастерской, Фомич революционер хотя бы на минуту, под влиянием об‘ективных условий экономического развития и политического гнета, превращался в настоящего борца за интересы рабочего класса и социализм.

Так, с изменением экономической структуры страны, с превращением ее в настоящую страну капиталистического хозяйства, как мы только что видели, развивалось стихийное рабочее движение, а вместе с ним из самых глубин рабочей массы выделялись, выплывали на поверхность отдельные представители рабочего класса, которые сначала под руководством интеллигенции, а затем и сами выковывали новое миросозерцание.

С каждым днем это выделение таких личностей становилось все больше и больше и с каждым днем и сами носители идеи освобождения рабочих становились все сознательнее и сознательнее. То там, то здесь, то в Одессе, то в Петербурге, то в Киеве, то в Ростове появлялись такие личности, которые, то приходя извне, в роде Заславского, то рождаясь в самой рабоче-крестьянской среде (Халтурин, сын богатого крестьянина), то выделяясь городской мещанской средой (Обнорский), находящейся на границе пролетарского существования,—повсюду появлялись такие личности на поверхности политической жизни и вливали сознательность в стихийное рабочее движение и тем самым подготовляли почву для развития настоящего *социалистического* рабочего движения.

В восьмидесятые годы, в начале их, это еще одиночки, а в конце их и в начале 90-х годов это уже более или менее солидные группы. Таким образом, уже в это время готова почва, из которой должна вырости новая невиданной силы организация рабочего класса, упирающаяся, с одной стороны, в рабочее движение на родной почве, а с другой стороны, берущая свою идейную силу на Западе из неисчерпаемых источников теоретической мысли основоположников научного социализма. Эти два процесса, один—медленного самостоятельного теоретического и практического оформления у себя дома и другой—роста под влиянием Запада, и развиваются дальше в девяностые и девятисотые годы нашей истории.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первый период истории русской социал-демократии. Группа „Освобождения труда" и переход от народнических кружков к социал-демократическим (1884—1894 г.г.).

От „Черного передела" к социал-демократии.

„Своей эксплуатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. К великому огорчению реакционеров она лишила промышленность национальной почвы". Так говорит К. Маркс об интернациональном характере капиталистического способа производства в „Коммунистическом Манифесте" и указывает далее, что „быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения буржуазия толкает на путь цивилизации все, даже самые варварские народы".

Это превращение буржуазного строя общества во всемирное господство буржуазии, начавшееся еще в недрах феодального строя, было ясно для Маркса и Энгельса уже задолго до того, как он написал свое бессмертное произведение „Коммунистический Манифест", но только в этом произведении, вскоре после первого с'езда коммунистов летом 1847 г., основоположниками научного социализма были ясно и отчетливо сформулированы основные положения Коммунистической программы.

В 1848 году, можно сказать, в самый момент революционных событий во Франции вышел в свет „Коммунистический манифест", и здесь впервые были изложены те взгляды, развитию, обоснованию и практическому применению которых посвятили всю остальную жизнь великие социалисты.

В „Коммунистическом Манифесте" в сжатой и резкой форме были раскрыты пружины современного классового общества, намечен тот основной закон общественного развития, в силу которого совершается вся история современного человечества.

На основе экономических изменений, совершающихся в силу развития производительных сил, происходят всякие иные изменения общественной жизни,—политические, религиозные, правовые. В силу законов, присущих капиталистическому способу производства, покоящемуся на основе частной собственности на орудия и средства производства, капиталистический способ производства становится господствующим. Порождая классовые противоречия в одной стране, он разрывает узкие национальные рамки и делается господствующим во всем мире, неся господство буржуазии в другие страны и создавая и там антагониста и могильщика буржуазии—пролетариат. Господство буржуазии становится интернациональным, соответственно интернациональному

характеру капиталистического способа производства, и классовая борьба буржуазии и пролетариата приобретает международный характер. „История всего предшествующего общества, говорит Маркс: есть история борьбы классов". С каждым днем это победное шествие капитала, подчинение городу деревни, зависимость полуварварских и варварских стран от цивилизованных, крестьянских от буржуазных, востока от запада становилась все заметнее и заметнее, и рабочее движение, бывшее раньше уделом только капиталистических стран Запада, становилось и уделом тех уголков земного шара, где капитал делал свои новые завоевания. Промышленность и общественно-политическая жизнь и таких уголков связывалась тысячами нитей с промышленностью и жизнью передовых капиталистически - развитых государств. И в таких странах шел сначала медленный, почти незаметный, а затем все более и более ускоряющийся процесс, превращавший как хозяйство отдельной, еще вчера отсталой страны, так и явления ее общественной жизни только в отдельный момент одного гигантского мирового международного процесса.

Россия уже в начале девятнадцатого века была очень тесно связана в промышленном и торговом отношении с хозяйством капиталистических стран Западной Европы. Мы уже видели, как общеевропейский кризис 1825—30 годов очень чувствительно отразился на развитии русского хозяйства; точно так же во введении было показано, как изменение экономической мировой коньюнктуры после этого кризиса и в дальнейшем влияло на развитие русских экономических отношений и как в зависимости от этого менялись и самые формы общественной и политической жизни страны. После освобождения крестьян узы, связывавшие русскую экономическую, а, стало быть, и общественную жизнь с европейской становились все крепче и крепче, и, когда в семидесятые годы прошлого века развитие крупной капиталистической индустрии в России было фактом, фактом стало и другое явление, давно уже знакомое западно-европейскому обществу—классовое рабочее движение.

Но в то время, как экономические предпосылки современного рабочего движения были на лицо, идеология тех общественных групп, которые пытались выражать интересы угнетенных классов,—пролетариата и беднейших слоев крестьянства, далеко отставали от опередившей экономической эволюции.

Нельзя сказать, чтобы передовые слои русского общества не прислушивались к тому, что происходит на Западе, и не пытались усвоить последнее слово западно-европейской науки. Еще Белинский ознакомился с журналом, в котором принимал участие К. Маркс („Deutsch-Französische Jahrbücher", 1844 г.).

„Кетчер писал тебе о парижском Ярбюхере", говорит по этому поводу Герцену Белинский в письме: „и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от него был бодр и весел,—и все тут. Истину я взял себе..." Но во времена Белинского, в 1845 году, когда писалось это письмо, в России трудно было мечтать даже такому гениальному разночинцу, как наш великий критик, уже понимавшему под конец своей жизни все революционное значение новых буржуазных отношений и для России, трудно было мечтать о практическом применении своих взглядов. Белинский так и смотрит на это, когда про-

должает в том же письме: „Все это так, но ведь я, попрежнему, не могу печатно сказать все, что я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать?—мертвый капитал!..“ *).

Еще более мертвым капиталом были идеи Маркса и Энгельса в головах тех „русских аристократов“, о которых говорит Маркс в своем письме к Кугельману. „По какой-то иронии судьбы, пишет Маркс, именно русские, на которых я в течение 25 лет неустанно нападаю не только в немецкой, но и французской, а также английской прессе, всегда были моими доброжелателями. В 1834—44 г.г., в Париже, русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847 г.), а также книга, вышедшая у Дункера (1859 г.), нигде не нашли такого сбыта, как в России. И первая чужеземная нация, которая переводит „Капитал“, это—опять-таки русская“. Д. Б. Рязанов подробно рассмотрел в своей работе, что это за аристократы 40-х годов носили Маркса на руках. Представители либерального дворянства, как П. В. Анненков, или представители нарождающейся либеральной буржуазии, как Боткин, или даже такие люди, как Сазонов, работавший в международном рабочем движении, не могли быть проводниками идей Маркса в России. Один из таких аристократов Я. Н. Толстой оказался даже агентом русского правительства **).

Только начиная с 70-х годов прошлого столетия, знакомство русской революционной интеллигенции с сочинениями Маркса и Энгельса становится глубже и плодотворнее. Мы уже видели, что и Лавров и Бакунин испытали на себе влияние сочинений Маркса. Известен в высшей степени лестный отзыв Бакунина о Марксе, как ученом, точно так же как известно мнение Лаврова о теории научного социализма, сторонником которого считал себя основатель суб'ективного метода в социологии. Но мы уже познакомились выше со свидетельством Плеханова, характеризующего марксизм Бакунина, как искажение великого учения, и со взглядами Лаврова, охарактеризованными самим Марксом, как эклектизм чистейшей воды, несмотря на то, что Лавров признает Маркса своим учителем. Герцен, несомненно знавший сочинения Маркса, не разделял его взглядов и был, как мы видели, от них очень далек, а что касается Чернышевского и Добролюбова, то они с сочинениями Маркса и Энгельса просто были незнакомы. Только начиная с 70-х годов, русское образованное общество знакомится с сочинениями Маркса, отчасти по статьям русских передовых публицистов, отчасти по изложению, далеко неполному и искаженному в революционной прессе, отчасти, наконец, прямо из первых рук после перевода первого тома „Капитала“ в 1872 г. ***). Все буржуазные и реакционные профессора и публицисты живо отозвались на перевод первого тома „Капитала“ и в общем и целом сходились на том, что учение Маркса угрожает существованию буржуазного общества. Ю. Жуковский прямо говорил, что учение Маркса о прибавочной стоимости неправильно и что единственным законным обладателем прибавочного продукта является буржуа; известный профессор Б. Чичерин, не понимая философского учения Маркса, однако же понял, что в сочинениях великого экономиста

*) А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка.

**) Д. Рязанов. „Карл Маркс и русские люди сороковых годов“.

***) Перевод, начатый Лопатиным и законченный Н.—он'ом. Бакунин перевел часть I главы.

идет речь ни больше ни меньше как „о насильственном ниспровержении всего существующего общественного строя"; Н. Бунге прямо заявлял, что осуществление идеалов Маркса означало бы переход „в царство деспотизма большинства и всеобщего рабства". Но все эти отзывы, как и более об'ективные отзывы других русских ученых (наприм., киевского проф. А. Антоновича или И. Кауфмана) были небольшими рецензиями на появившийся в русском переводе первый том „Капитала". Даже Михайловский, казалось бы могущий оценить философские основы учения Маркса, в своей полемике против Ю. Жуковского, неверно понял это учение и только профессор Н. И. Зибер сначала в своей диссертации „Теория ценности и капитала Давида Рикардо", а затем и в специальной работе „Экономическая теория К. Маркса" (эти сочинения относятся к 1876—77 годам, позднейшие же к 80-м), равно как и в самостоятельных работах, построенных на основе взглядов Маркса, наиболее полно и без искажений познакомил русское общество с учением Маркса в области политической экономии. Но, излагая более или менее правильно экономическое учение Маркса, Зибер не понял философских основ учения. Впрочем, с русскими экономистами произошел в этом отношении еще больший курьез, так как даже Н.—он, переводчик Маркса, признававший его учение, полагавший, что он пишет исследования в духе Марксова учения, переписывавшийся с самим Марксом и Энгельсом, находил возможным, опираясь на учение Маркса, доказывать совершенно особые пути экономического развития России, не говоря уже о В. В., который все свои сочинения посвятил доказательству неприменимости учения Маркса к развитию хозяйства России. В этом, однако, нет ничего удивительного, так как до самого образования Группы „Освобождения труда", как мы знаем, у нас господствовали в среде русского образованного общества народнические взгляды на особые пути, предуказанные России историей.

Вот почему в первый период истории нашей партии, который можно назвать периодом Группы „Освобождения Труда" заграницей и первых русских кружков,—перехода от народничества к марксизму—в России основателям русской социал-демократии приходилось не только производить положительную работу закладки фундамента, но и работу расчистки почвы, борьбы со старыми народническими предрассудками.

Было бы, однако, неправильно предполагать, что Плеханов и его товарищи, эмигрировав заграницу, внезапно превратились в марксистов. Эволюция их мировоззрения началась уже в России; чтобы убедиться в этом, достаточно проследить взгляды, развиваемые Плехановым и его друзьями в „Черном Переделе".

Ещё в январе 1879 г. в журнале „Земля и Воля" (№ 3) появилась статья Г. В. Плеханова „Закон экономического развития общества и задачи социализма в России", в которой автор, признавая правильными положения Маркса для развития общественно-экономических отношений на западе, полагал, что утверждение Маркса о том, что общество не может перескочить через естественные фазы своего развития, нужно понимать так. На западе общество напало на след естественного закона своего развития как раз тогда, когда община уже разрушилась и на смену ей вступила сначала феодальная, а затем и буржуазная частная

собственность. Там на западе, значит, развитие капитализма и все вытекающие отсюда последствия неизбежны и неотвратимы. У нас не то. У нас община не пала преждевременно, она сохранилась и таит в себе предпосылки к непосредственному переходу в социализм. „Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса".

Лев Григорьевич Дейч.

Далее Плеханов развивает обычные народнические взгляды и приходит к выводу, что перед партией „Земли и Воли" стоят те же практические задачи, какие стояли и перед титанами народно-революционной обороны,— Болотниковым, Булавиным, Разиным, Пугачевым. Здесь в этой статье все еще дышет народническим утопизмом и верой в самобытные пути развития России. Но уже во второй статье, в 4-м номере „Земли и Воли", в феврале того же 1879 года, Плеханов подробно трактует вопрос о революционной работе среди пролетариата; правда, и здесь нет ни слова о самостоятельной классовой организации рабочих, но уже по тому значению, какое придается пролетариату в революционном движении, можно видеть, как жизнь заставляла наиболее вдумчивых землевольцев обращать свои взоры не в ту сторону, в какую обычно глядели народники. Но уже через год в статье журнала „Черный Передел" (№ 1) и в особой статье, посвященной специально вопросу об общине („Русское Богатство", январь) в народнических взглядах Плеханова замечаются колебания и уклонения от прежних непоколебимых положений. Плеханов признает, что „экономические отношения в обществе являются основанием всех остальных", они суть коренная причина „не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов"; признавая эти положения, Плеханов, однако, попрежнему считает, что „революционное народничество" остается незыблемо. Вместе с тем у него уже нет старой непоколебимой веры в безусловное развитие социализма через общину; он уже признает, что „при известной комбинации отрицательных влияний" разрушение общины, действительно, неизбежное историческое явление. Так было на западе, но будет ли так в России? задает себе вопрос Плеханов и дает ответ на этот вопрос уже не в такой категорической форме, как прежде. Он теперь только говорит, „что поземельная

община может иметь прочное будущее при благоприятном стечении обстоятельств". Больше того, он теперь даже не исключает и такой возможности, в силу которой община разрушится и в России. „На западе, говорит он, пахотные земли были переделены в наследственную собственность еще задолго до развития крупной капиталистической промышленности; в России община исчезнет,—если только исчезнет,—повидимому уже в борьбе с капитализмом". Но если это возможно, но если это хотя бы только мыслимо, то как же тогда быть со старой верой в общину, где же тогда искать опору для изменения общественного строя? Как сторонник учения Маркса, видевший основу в экономической структуре общества, Плеханов говорит: „Техника современного производства, начавшись социализацией труда, логически неизбежно ведет к социализации владений, т. е. к практическому осуществлению социалистических учений. Родившись на фабрике, рабочий социализм проникает и в деревню, вслед за исчезновением мелкой поземельной собственности и капиталистической организации земледельческих предприятий. При господстве индивидуального владения землею, социализация поземельного владения может явиться лишь как следствие социализации труда в таких предприятиях. Неудивительно поэтому, что социалистическая пропаганда встречает самый радушный прием в местностях, охваченных процессом капиталистического производства; напротив, мелкие собственники-крестьяне относятся к ней очень враждебно и составляют надежную опору реакционных партий. Классическим примером в этом случае может служить земледельческое население современной Франции. Но и там концентрация поземельного владения в руках крупных собственников рано или поздно вытеснит господствующую ныне систему землевладения, и французское крестьянство, силою экономической необходимости, вынуждено было присоединиться к революционной армии городского пролетариата.

Таким образом, капитализм подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником".

Дойти до признания такого рода мыслей—это означало большой шаг вперед по сравнению со старой народнической теорией; теперь только нужно было признать, что и в России капиталистический строй промышленности стал господствующим, чтобы сделать дальнейший вывод—о необходимости обращаться к рабочим для создания революционной партии, так как крестьяне-мелкие собственники по сути дела мелко-буржуазный отсталый класс.

Эта готовность признать уже тогда неизбежность такого же развития и в России, как на западе, в статьях „Черного Передела" уже на лицо. Во втором номере этого журнала в 1880 году Плеханов говорит, что „общество увидит, наконец, всю глубину пропасти, на край которой привело его правительство и, движимое чувством самосохранения, добьется необходимых реформ. В противном случае Гордиев узел современной безурядицы будет разрублен топором крестьянина. Но вероятнее первый исход". Далее Плеханов кратко и метко раз'ясняет, как в результате этого первого исхода у власти станет буржуазия, и как она, войдя в соглашение с самодержавием, будет заменять охранителей из департамента охранителями из Земского Собора. „Конечно, не нам", продолжает Плеханов: „отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России;

не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь—желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем. На этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди в России". Но признавая, что достижение политической свободы является ближайшей задачей социально-революционной партии, Плеханов подчеркивает, что партия не должна забывать и своей главной, конечной цели—социализма. Наиболее ярко и выпукло вся эта эволюция Плеханова находит свое выражение в его письме в редакцию „Черного Передела" (№ 3). Здесь уже нет и следа народнической наивности—голого отрицания борьбы за политическую свободу, утверждения, что в России нет пролетариата и буржуазии; наоборот, здесь имеются на лицо уже вполне ясно намеченными многие из тех требований, которые будут очень скоро более подробно развиты в программе Группы „Освобождения Труда". „Абсолютизм, разбитый и дряхлый, как его коронованный представитель, понимает всю непрочность своего положения и, растерянно озираясь, он ищет поддержки.

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какою ценою и где найдет он эту поддержку. Выросшая под его покровительством, вскормленная его заботами, наша буржуазия начинает уже расправлять свои крылья. Она чувствует свою силу, понимает свое значение, и, вчерашняя раба, она подсказывает сегодня программу „мирного развития", а на завтра готовится взять в свои руки все управление государством.

Не политической агитацией в так называемом „обществе" можно, если не отвратить, то сократить ее господство. Общество—не народ. В огромном большинстве своих представителей—оно эксплуататор народа, верхний европеизированный слой той самой буржуазии, против которой мы должны бороться. Приблизить час ее падения могут только успехи социально-революционной пропаганды, агитации и организации в народе.

Поэтому задача „Ч. П." может считаться оконченною лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главною целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, при чем требование политической свободы войдет, как составная часть в общую сумму ближайших требований, пред'являемых этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, вроде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда.

Исходя одинаково из народной среды, эти два рода требований будут находиться в неразрывной связи, и связь их послужит ручательством того, что предстоящий политический переворот совершится в интересах не одних только высших классов".

Таким образом, мы видим, что, уже задолго до образования Группы „Освобождения Труда", чернопередельцы очень сильно отошли от традиционных народнических взглядов. Это особенно наглядно на тех статьях, где чернопередельцы высказывались о работе среди про-

летариата и о политической борьбе. Если уже в журнале „Земля и Воля" Плеханов в статье о работе среди пролетариата придавал огромное значение движению рабочих, но все же видел в рабочем классе только удобную среду, из которой можно получить отдельных стойких революционеров, то в статье во втором номере „Черного Передела" Плеханов представляет себе развитие рабочего движения, как неизбежный и естественный результат развития промышленности; более того, он делает отсюда естественный логический вывод, а именно, что „центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам". Отсюда уже недалеко, чтобы признать и тот человеческий материал, что создается этим переносом центра экономической жизни из деревни в город, т. е. пролетариат главной движущей силой истории. Что касается вопроса о политической борьбе и о конституционных формах государственной жизни, то чернопередельцы, как мы видели, прямо признавали необходимость и полезность завоевания политической свободы, совершенно справедливо полагая, что так называемые конституционные гарантии дадут возможность более или менее свободно устраивать партийные собрания, митинги, проводить избирательную агитацию и будут благотворно влиять на общество; являясь в то же время школой для политического развития народа, все эти формы демократического конституционного существования послужат в свою очередь и для более успешного развития чисто социалистической партии и борьбы. С этой точки зрения даже террор признается теперь чернопередельцами; осуждая такие способы борьбы и организации, какие пустили в ход инициаторы Чигиринского дела, чернопередельцы придают огромное значение такому акту, как убийство Александра II, при чем, и это очень характерно для будущих соц.-демократов, они очень усиленно подчеркивают ту мысль, что террористическая борьба имеет смысл только тогда, когда она сопровождается более или менее широким народным движением и раз'ясняется широким массам пропагандистами партии, связывающими ее с общей борьбой за идеалы партии. Не заблуждались чернопередельцы и на счет роли, которую призвана была играть в политической жизни России народившаяся буржуазия: чернопередельцы считали существующим фактом эту новую силу, буржуазию, но, не относясь к ней так презрительно, как это делали народники, они вместе с тем предостерегали революционеров и от другой ошибки,—пускай буржуазия борется за политическую свободу, а мы будем бороться за социализм (отзвуки этого неправильного взгляда мы встретим потом в программах наших „экономистов")—и подчеркивали, что буржуазия представляет из себя крупную политическую силу, которая, добившись политического влияния и вырвавши некоторые уступки у дворянского самодержавия, пойдет на соглашение с дворянством и царем против рабочих и крестьян. Отсюда ясно, что чернопередельцы уже тогда, в 1880 году, исповедывали взгляды, которые в корне противоречили многим идеям народников, напр., взглядам Л. Тихомирова с его идеей захвата власти и игнорированием роли и значения пролетариата.

Правда, все эти правильные взгляды чернопередельцев были перемешаны с неправильными чисто утопическими мелкобуржуазными воззрениями чисто народнического характера. Правда, сначала, вскоре после раскола „Земли и Воли", самим чернопередельцам казалось,

что принципиальных разногласий, кроме вопроса о терроре, между ними и народовольцами нет *).

Опубликованная недавно переписка Плеханова с Лавровым, относящаяся как раз к началу 80-х годов, так же очень хорошо рисует эту эволюцию чернопередельцев от народничества к научному социализму. В примечаниях к этим письмам Л. Дейч говорит: „Но уже вскоре по приезде в Швейцарию,—хотя мы продолжали считать себя „чернопередельцами“, — в наших воззрениях стала образовываться брешь: мы почувствовали, что без завоевания политической свободы в России невозможна никакая плодотворная работа на пользу угнетенных, трудящихся масс. Вместе с тем под влиянием наблюдений западно-европейских политических учреждений, а, главным образом, благодаря ознакомлению с учением Маркса и Энгельса, мы стали склоняться к германским социал-демократам, т. е. начали признавать необходимым, наряду с пропагандой социалистических воззрений преимущественно среди рабочих, вести борьбу с правительством за завоевание политической свободы“. Ознакомление с сочинениями Маркса и Энгельса, по крайней мере, у Плеханова, началось еще в России, но несомненно, что заграницей это ознакомление было еще глубже и шире, и, что знакомство с западно-европейским конституционным строем толкало чернопередельцев к соглашению с народовольцами, которые ставили своей задачей добиться такого строя и в России. Познакомившись с положением дел в России и в особенности с успехами пропаганды среди рабочих, о чем рассказали Плеханову приехавшие из России Дейч и другие товарищи, Плеханов склонен был пойти на соглашение с „Народной Волей“. Исполнительным Комитетом Народной Воли был задуман журнал „Вестник Народной Воли“, редакторами которого предполагалось сделать Плеханова, Лаврова и Кравчинского. Плеханов колебался. Колебания эти об'яснялись исключительно той разницей мировоззрения, какая уже тогда была между Плехановым и народниками. Это видно из письма Плеханова к Лаврову. „...Несогласия наши с народовольцами

Вера Ивановна Засулич.

*) На эту эволюцию от народничества к научному социализму чернопередельцев впервые подробно указал т. Ю. М. Стеклов в своей статье „Черный Передел“ (См. книгу его „Борцы за социализм“), если не считать самого Плеханова, неоднократно рассказывавшего об эволюции своих собственных взглядов.

вовсе уже не так незначительны, как это может показаться из письма к ним". Так говорит Плеханов и хотя быть может ему самому и его сторонникам казалось, что „Народная Воля" должна возвратиться к старым своим воззрениям, о чем далее говорится в письме, дело, однако, как раз сводилось к тому, что Плеханов в то уже время являлся настоящим сторонником учения Маркса, а народники попрежнему оставались сторонниками мелкобуржуазных социалистов в роде Прудона. Эту разницу в своих воззрениях и во взглядах одного из будущих редакторов Кравчинского и подчеркивает Плеханов: „он что-то в роде прудониста, я—*не понимаю* Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из „Капитала" прокрустово ложе для всех сотрудников „Вестника Народной Воли".

Эти разногласия очень быстро приняли острую форму, как только Плеханову представилась возможность высказать свои взгляды более полно и ясно. Согласившись работать в народовольческом журнале (хотя и не в роли редактора), Плеханов послал для напечатания в нем свою статью „Социализм и политическая борьба". Тихомиров согласился напечатать эту статью, но с примечанием. Плеханов согласился и на это, но с условием ответить на это примечание. Последовал отказ, это было началом уже настоящего разрыва, а некоторые мелочи еще более усилили почву для разногласий, и, после захвата писем Стефановича из России чернопередельцами Тихомировым и Ошаниной, разрыв стал фактом *). В сентябре 1883 года была образована бывшими чернопередельцами Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем, В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом и В. Н. Игнатовым Группа „Освобождения Труда". Еще работая вместе с народовольцами, участвуя, напр., в „Социально-революционной библиотеке" (было издано: „На родине" 3 выпуска, биографии—Желябова, Перовской, Кибальчича), Плеханов ясно чувствовал, что разногласия между ним и народовольцами уже сглажены быть не могут. В августе 1883 года он писал по этому поводу Лаврову: „Назваться же редактором Н. В. журнала, не будучи народовольцем на самом деле, значило бы ставить себя в крайне двусмысленное и неудобное положение".

Павел Борисович Аксельрод.

*) Об этих других обстоятельствах рассказывается в переписке В. И. Засулич и П. Л. Лаврова, опубликованной т. Л. Г. Дейчем.

Все эти пункты разногласий, равно как и свою положительную программу, Плеханов изложил в своей замечательной книге „Социализм и политическая борьба“, книге, которая по справедливости, может и должна считаться блестящим образцом изложения взглядов Маркса и, главное, применения их к русской действительности.

В первой главе этого произведения Плеханов опровергает анархические взгляды народников 70-х годов, отрицавших необходимость борьбы за политическую свободу. Показав, что эти взгляды,—невмешательства в политическую борьбу и веры в коммунистические идеалы общинника—суть не что иное как отражение мелко-буржуазного строя нашей деревни и непонимание, что развивающееся товарное производство создает такие же условия, как и на Западе, Плеханов переходит к критике русских бланкистов, ярким представителем которых являлся редактор журнала „Набат“ П. Ткачев. Указав на то, что Ткачев расходился с народниками по вопросу о методах борьбы, Плеханов вскрывает истинную сущность взглядов Ткачева на социально-политическое положение России, которое и Ткачеву рисовалось так же, как остальным народникам. Плеханов показывает, что безнадежным утопизмом веет от заговорщической тактики „Набата“, рисующей себе дело так, что стоит только кучке самоотверженных революционеров захватить власть в свои руки и свалить самодержавие, как освобожденный народ сразу же на основе общины построит чуть ли не коммунистический строй. Переходя затем к критике Лавровской программы и тактики, Плеханов указывает, что при несомненных правильных взглядах „впередовцев“ на роль и значение рабочего класса и при усвоении лавристами некоторых идей германской социал-демократии, лавристы ограничивались только критикой бакунистов, не рисуя положительной линии поведения, и как раз наоборот перегибали палку в другую сторону, осуждая политическую борьбу русских революционеров. Далее Плеханов указывает на крупную заслугу народовольцев, которые своею практикой доказали необходимость и неизбежность, для русских революционеров, участия в политической борьбе за конституцию, и вместе с тем подчеркивает ошибки народовольцев, совершенно забывавших о классовой борьбе трудящихся масс и передвигавших центр тяжести из деревни в среду так называемой интеллигенции, вместе с тем веровавших попрежнему в подготовленность к коммунизму русского крестьянина, который, как только будет созвано учредительное собрание, явится туда чуть ли не в 90% всего состава.

Вторая глава книги Плеханова целиком посвящена изложению взглядов Маркса, при чем автор, приведя выдержку из всем хорошо известного предисловия „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, раз‘ясняет, что именно только эти основы Марксова учения являются ключем к пониманию нынешнего общественного строя и путеводной нитью в борьбе революционной социалистической партии.

Экономическая структура в конечном счете является основой всякого общества. Классовая борьба в этой смене общественно-политических форм, вызываемых изменением экономического базиса, играет решающее значение. Классовая борьба пролетариата поэтому не может не быть экономической и в то же время политической, и потому пролетариат, как главная движущая сила революции, ставит своей задачей захват политической власти, диктатуру класса, диктатуру проле-

тариата. Задачи же, какие ставит себе пролетарская диктатура, сводятся к коренному переустройству общества, т. е. к уничтожению классового общества, покоящегося на основе частной собственности. Развитие человеческого общества ведет именно к торжеству рабочего класса не только в странах западно-европейского капитализма, но и в России и в странах Востока и всего мира, так как капиталистический строй становится международным и, разрушая отсталые формы хозяйства, завоевывая отсталые страны, порождает и в них классовую борьбу пролетариата и буржуазии. И в России капиталистический способ производства становится господствующим, община разрушается и на основах этого капиталистического производства выдвигаются новые силы,—русская буржуазия и пролетариат. Община не может помешать этому промышленному развитию России. В самой общине заложены основы ее разложения: частное хозяйство внутри общины, принудительные приемы земледелия, внедрение капитала в самое общину,— все это разрушает общину, усиливает дифференциацию крестьянства и выбрасывает новые массы пролетариата в города. Там в городах рабочий класс в силу условий производства, эксплуатации и гнета, сосредоточенности в огромных массах в крупных центрах, классового антагонизма между собой и буржуазией—поднимается на борьбу сначала стихийно, а затем и организованно под руководством своей рабочей партии, создание которой и должно быть главной и ближайшей задачей русских революционеров. В третьей главе Плеханов подвергает критике программу партии „Народная Воля". Отмечая все положительные стороны этой программы—ее политический характер, раз'ясняющий необходимость добиться политической свободы, Плеханов подвергает критике ее утопические и заговорщические черты, как они наиболее ярко выразились в идее захвата политической власти, развитой особенно резко Тихомировым. Уже позже в 1884 году Л. Тихомиров во втором номере „Вестника Народной Воли", в статье „Чего нам ждать от революции", рассуждал по этому вопросу следующим образом. Пути развития России особенные; капитализм в России не имеет условий для своего развития, и русская буржуазия не в силах захватить власти. „Численно ничтожная, нравственно разрозненная, экономически слабая—какими чудесными способами она может стать во главе государственного правления?" спрашивает Тихомиров и отвечает, что неудачи всех попыток буржуазии подойти к власти заключаются в слабости буржуазии: неспособность „поставить на прочную ногу наше производство, поставить посредством него в экономическую от себя зависимость массу народа, выработать себе, наконец, хотя бы определенное политическое миросозерцание и сплотиться в действительное сословие". Если же это так, то нет никакого смысла для социалистов усиливать своей борьбой буржуазию, и, „во всяком случае, масса русских социалистов, конечно, не станет бороться за конституцию, если будет видеть в ней средство для усиления буржуазии и развития капитализма". Что касается рабочего класса, то он численно слаб, а крестьянство разрознено, и, потому, остается только героическая интеллигенция, которая, совершив захват власти вооруженной рукой, обопрется на рабоче-крестьянский народ, который—„ни по нравственной силе, ни по ясности общественного самосознания, ни по вытекающей отсюда исторической устойчивости"—нельзя сравнить

ни с каким другим общественным строем. Опираясь на эти свойства да на общину, захватившая власть партия произведет настолько глубокий демократический переворот, что перейти к социалистическим способам производства не составит большого труда, тем более, что социалистический переворот на Западе не за горами, и, что помощь западно-европейского пролетариата тогда не оставит нас одних *).

Плеханов в своей критике „этих взглядов (развитых еще раньше в „Календаре Народной Воли“) показывает всю утопичность надежд народовольцев. Если народовольцы не надеются на способность к организации крестьянства, если по мнению народовольцев рабочий класс не в силах играть самостоятельной роли, если в то же время русская буржуазия бессильна и вместе с тем далека от социалистических взглядов, то на кого же рассчитывают опереться революционеры в случае захвата им власти? На крестьянство? Но в силах ли будут революционеры, захватившие власть, не опирающиеся на вполне подготовленный и организованный класс, противостоять мелкобуржуазным стремлениям крестьянства. Экономических предпосылок для немедленного перехода к социализму в России нет, и в таком случае все социалистические мероприятия интеллигентской разночинной диктатуры разобьются о разобщенность русских провинций, отсталость деревни и мелкобуржуазную сущность хозяйства в деревне.

Товарное производство в силу присущих ему имманентных законов разобьет все начинания социалистов, ибо никакого реального базиса для развития социалистического хозяйства у группы заговорщиков разночинцев не имеется.

„...Мы не принадлежим, оговаривается Плеханов, к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую, на известной ступени общественного развития, должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства, революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält, говорит Фауст.

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это, в особенности, можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрешение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно *понимание* этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. *Решение* же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и

*) „Вестник Народной Воли“, Революционное социально-политическое обозрение, № 2, год первый. Женева 1884 г. „Чего нам ждать от революции“

уверенность в победе. Но такой пролетариат и *не позволит* захватить власть даже самым искренним благожелателям". Так ставит вопрос о захвате власти Плеханов, указывая, что, даже в случае удачи, пред революционерами стоит труднейшая задача организовать производство на совершенно новых началах, а это может выполнить только партия, опирающаяся на совершенно развитой сознательный рабочий класс, условие, которого у народовольцев не имеется. Но мыслима ли вообще удача в этом предприятии захвата власти, спрашивает Плеханов и отвечает отрицательно: если заговорщики не надеются на рабочих и крестьян, то, несмотря на все их самоотвержение и героизм, одним им это предприятие не под силу; союзников же можно найти только в той части общества, которое состоит из богатых, влиятельных слоев и офицерства; эти элементы могут примкнуть только в целях захватить власть в своих интересах, а не в интересах народа. Таким образом, результаты захвата власти будут выгодны не для трудящегося народа, а опять же для командующих классов. К счастью для русских революционеров, в России уже есть рабочий класс. „Сила же рабочего, как и всякого другого класса, зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовлять его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы, в первый же период конституционной жизни России, наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой". Таким образом, по мнению Плеханова „единственною нефантастическою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России—с другой". Каковы же задачи такой рабочей социалистической партии в России? Их две главнейших,—борьба с абсолютизмом и основная борьба за социализм. При выполнении первой задачи пролетариат будет встречать сочувствие и буржуазии, заинтересованной в успешном для нее исходе буржуазной революции, разрешение же второй задачи целиком лежит на пролетариате и его партии. „Связывать в одно два таких существенных различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с рассчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества—значит отдалять наступление и того, и другого. Но от нас зависит сблизить эти два момента". Работа в целях такого сближения и подготовит условия, при наличии которых буржуазный переворот может быть непосредственным прологом революции социалистической. Но при этом нужно всегда иметь в виду, что если немецкая буржуазия „*пришла слишком поздно*", то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не „слишком поздно" начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее современным и на-

сущным“. Совсем не оставляя в стороне русское крестьянство, распыленное и менее сознательное, чем рабочий класс, нужно обратить главное внимание на пролетариат. Естественный ход капиталистического развития постепенно вовлечет в свой водоворот и крестьянство и подготовит его к революции, но только „промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство, примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и, затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства“.

Эти взгляды, высказанные Плехановым в книге „Социализм и политическая борьба“, разделялись и всеми остальными членами Группы „Освобождения Труда“. Книга вышла в свет в 1883 году и, конечно, вызвала большое негодование в среде народовольцев. Во второй книжке „Вестника Народной Воли“ Лавров дал небольшую рецензию на нее и на перевод брошюры Энгельса „Развитие Научного Социализма“. Отозвавшись с похвалой о тех частях брошюры Плеханова, где излагается учение Маркса, Лавров упрекал автора книги за ее политические части, направленные против народовольческих взглядов. В том же втором номере „Вестника“ была напечатана статья Л. Тихомирова, посвященная развитию вопроса о захвате власти.

Группа „Освобождения Труда“ ответила на эти нападки новой работой Плеханова „Наши разногласия,“ появившейся в июле 1884 г. в Женеве, и опубликованием своей программы.

„Наши разногласия“ посвящены трем главнейшим вопросам, которые надлежало во что бы то ни стало выяснить пред всеми русскими революционерами,—критике народнических взглядов, изложению основных положений учения Маркса и анализу современной русской действительности, покоившемуся на основе Марксова учения.

В критической части книги, Плеханов рассматривает взгляды А. Герцена, об особых путях развития на основе развития общины в высшую социалистическую стадию общества; рассмотревши затем такие же ошибочные взгляды на значение русской общины Чернышевского, Плеханов переходит к анализу бунтарских взглядов Бакунина, бланкистской тактики Ткачева и Тихомирова. Затем, дав небольшой очерк эволюции народнических взглядов, как они выразились на страницах „Черного передела“, он переходит к задачам, какие ставит себе группа „Освобождения Труда“. Далее, после очерка об исторической роли капитализма вообще, как это изложено в „Коммунистическом манифесте“ и других сочинениях Маркса, Плеханов излагает историческую роль капитализма в Англии, Франции и Германии, иллюстрируя все это на исторических примерах и освещая свои положения учением Маркса. Вторая часть сочинения посвящена изложению развития капитализма в России: богатым цифровым материалом Плеханов доказывает гибель ремесла, возникновение зависимости домашней и кустарной промышленности от фабрики, развитие фабрично-заводской промышленности, путей сообщения, торговли, денежного обращения, кредита и глубокой дифференциации крестьянства уже внутри общины, ее разложение, увеличение фабрично-заводского пролетариата и внедрение капитала в сферу земледелия.

Вывод этой части формулируется Плехановым так: „*За капитализм*—вся динамика общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения. *Против капитализма* лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая по временам дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой земледельческой страны“.

В капиталистическом обществе растут новые освободительные силы—это рабочий класс. Но коммунистическая революция рабочего класса не может вырасти из мещанско-крестьянского социализма народников. Сельская община, разлагаясь, уступает место не социалистическим формам общества, а буржуазным. Но в буржуазном обществе ей предстоит не активная, а пассивная роль. Инициативу коммунистической революции возьмет в свои руки рабочий класс, который уже в пределах буржуазной России будет стремиться создать рабочую социалистическую партию. Дело такой партии не помогать развитию капитализма и эксплуатации рабочих, а организация сначала самых передовых слоев рабочих и руководство всем рабочим классом в его борьбе в двух направлениях,—против абсолютизма за политическую свободу и улучшение своего экономического положения и в борьбе за социалистический строй, переход к которому мыслим путем диктатуры пролетариата в лице его партии. Но такая борьба есть дело самих рабочих масс под руководством их классовой социалистической партии. Отсюда, конечно, диктуется и главнейшая задача момента для русских революционеров —в первую голову пропаганда среди рабочих и попытки организовать рабочую партию. Как же относится группа „Освобождения Труда“ к террору и работе среди крестьянства?

„... Взятый сам по себе, так называемый, террор, говорит Плеханов в „Наших разногласиях“, только разрушает силы правительства, очень мало способствуя сознательной организации сил его противников. Террористическая борьба не расширяет сферы нашего революционного движения; напротив, она сводит его к героическим действиям небольших партизанских кучек. После нескольких блестящих успехов, наша революционная партия видимо ослабела от сильного напряжения, и не может уже оправиться без притока свежих сил из новых слоев населения. Мы рекомендуем ей обратиться к рабочему классу, как самому революционному из всех классов современного общества. Значит ли это, что мы советуем ей прекратить на время активную борьбу с правительством? Не только—нет, но, напротив, мы указываем ей возможность сделать эту борьбу более широкой, более разносторонней, а потому и более успешной. Но само собою разумеется, что мы не можем смотреть на дело рабочего движения лишь с точки зрения важности рабочих „для революции“. Мы хотим обратить самое торжество революции на пользу рабочего населения нашей страны, а потому считаем необходимым содействовать его умственному развитию, его сплоченной организации“.

Террором, по мнению Плеханова, могут заниматься другие слои, а не рабочие. „Есть другие слои населения, которые гораздо с большим удобством могут взять на себя террористическую борьбу с правительством. Но помимо рабочих, нет другого такого слоя, который

в решительную минуту мог бы повалить и добить раненое террористами политическое чудовище. Пропаганда в рабочей среде не устранит необходимости террористической борьбы, но зато она создаст ей новые, небывалые до сих пор шансы“.

В позднейшем примечании к этому месту своей работы Плеханов замечает, что группа „Освобождения Труда“ высказывалась еще в самом начале своего существования против террора рабочих, а „высказываться против террористической борьбы интеллигенции было тогда безусловно бесполезно: интеллигенция верила в террор, как в бога“. Это конечно так, но нельзя забывать, бес сомнения, и того, что сама группа „Освобождения Труда“, вышедшая из рядов народничества, не могла сразу отрешиться от всех своих взглядов и понятий. Вот почему и в программе группы, опубликованной тоже в 1884 году, о терроре говорится в таких словах: „... Группа „Освобождения Труда“ признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией „Народной Воли“ лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о *задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса*“. Впрочем, взгляды отдельных членов группы по вопросу о терроре в то время не совпадали, да и взгляд самой группы менялся. Впоследствии группа смотрела на террор с точки зрения целесообразности, и, например, программа 1888 г. выражается по этому вопросу так: рабочие организации, „не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему решительному на него нападению, при чем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы“ (1888 год).

Как же смотрела группа „Освобождения Труда“ на крестьянство? Игнорировала ли она его? Конечно, нет. Группа „Освобождения Труда“ только констатировала отсталость и политическую неразвитость крестьянства, его мелкобуржуазную сущность, ограниченность и стремления, и, указывая на эти экономические предпосылки, как на главные неудачи работы народников в деревне, группа подчеркивала, что до тех пор пропаганда в крестьянстве не будет пользоваться успехом, пока не образуется в деревне достаточно широкого слоя пролетарско-крестьянских элементов и пока сами рабочие из крестьян, выбрасываемые обратно в деревню, не станут посредниками между крестьянством и рабочим классом и его партией. Поэтому, рассуждал Плеханов, необходимо не бросать пропаганды в деревне (заниматься этим должна так или иначе оседающая в деревне часть революционной интеллигенции и рабочих), но стремиться как можно скорее создать такую рабочую партию, которая могла бы поставить „своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения“.

Все эти положения, развитые Плехановым в двух его книгах, и были изложены в краткой и сжатой формулировке в программе социалдемократической группы „Освобождения Труда“ 1884 года, хотя официальным, так сказать, моментом образования этой *первой русской социалдемократической организации* нужно считать сентябрь 1883 г., когда было выпущено в свет об‘явление об издании „Библиотеки научного социализма“ (25-го сентября), когда основатели русской

социалдемократии писали: „Борьба с абсолютизмом — историческая задача, общая русским социалистам с другими прогрессивными партиями в России—не принесет им возможного влияния в будущем, если падение абсолютной монархии застанет русский рабочий класс в неразвитом состоянии, индифферентным к общественным вопросам или не имеющим понятия о правильном решении этих вопросов в своих интересах. Поэтому социалистическая пропаганда в среде наиболее восприимчивых к ней слоев трудящегося населения России и организация, по крайней мере, наиболее выдающихся представителей этих слоев составляют одну из серьезнейших обязанностей русской социалистической интеллигенции".

Программа группы состоит из трех частей. В первой изложена сущность социалистических взглядов группы, здесь указывается конечная цель борьбы пролетариата: уничтожение классового общества путем экспроприации экспроприаторов через диктатуру пролетариата, завоевавшего политическую власть, устанавливается связь русского рабочего движения с международным и подчеркивается та мысль, что принципы, на которых только и может и должна организоваться русская социалдемократия, уже были заложены в „Международной ассоциации рабочих". Далее указываются специфические задачи русской социалдемократии и рабочего класса — борьба с абсолютизмом за политическую свободу и выдвигаются те требования, которых должна добиваться еще в пределах буржуазного строя *самостоятельная социалдемократическая рабочая партия* в области политической (представительный строй—конституция—со всеми, так называемыми, демократическими свободами) и в области экономической борьбы за улучшение жизни рабочих и крестьян (пересмотр аграрных отношений, пересмотр податной системы, рабочее законодательство и т. д.). Заканчивается программа изложением взглядов группы на террор и на крестьянство.

Выработав свои новые социалдемократические взгляды, первые русские марксисты поставили своей задачей создание рабочей литературы и критику всякого рода революционных учений, царивших тогда в русской революционной среде. Непосредственная задача— создание партии в России из рабочих пока была неосуществима, так как главная организационная сила группы, Л. Дейч, был арестован и перед группой осталось пока только распространение учения Маркса среди русских революционеров и подготовка и создание кадров социалдемократической интеллигенции, которая бы уже в России и приступила к организации партии.

В России, однако, уже созрели условия, которые и помимо группы „Освобождения Труда" толкали русскую революционную интеллигенцию и русских рабочих к социалдемократии. Происходит незаметный процесс выделения из народнических слоев новых, социалдемократических элементов, которые часто ощупью и медленно, но все же идут к той самой цели, какую поставила себе и группа „Освобождения Труда". Этот процесс в России начинает усиливаться особенно с середины 80-х годов, когда рабочее движение усиливается повсеместно в стране.

Таким образом, в дальнейшем и необходимо изучать работу группы „Освобождения Труда" параллельно самостоятельному социалдемократическому движению на фоне стихийно-рабочего движения 80-х и 90-х годов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первый период истории русской социал-демократии. Группа „Освобождения Труда“ и переход от народнических кружков к социал-демократическим в России (1884—1894 г.г.).

Рабочее движение и соц.-демокр. организации 80-ых г.г.

В то время как между народниками велись споры о том, является ли политическая борьба с правительством за политическую свободу ближайшей задачей революционной партии, в то время, когда народовольцы напрягали все усилия, подготовляя покушения на жизнь Александра II, независящие от воли людей, экономические причины поднимали на протест уже не одиночек-героев, а целые сотни и тысячи людей, не представителей мелко-буржуазной интеллигенции, а рабочих фабрик и заводов.

Рабочее движение новейшей формации, начавшееся после освобождения крестьян в семидесятых годах, в восьмидесятые годы продолжало развиваться и принимать новые формы. Забастовки рабочих стихийно возникают повсюду, от самых крупных центров до самых незначительных мастерских. Это движение носит стихийный неорганизованный характер,—стачки иногда кончаются погромами и буйством; в нем не видно единой направляющей воли, и характер стачек исключительно экономический: рабочие борются за улучшение условий труда,—повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, уничтожение штрафов и улучшение быта.

В начале 1880 года возникла стачка рабочих в Москве на фабрике Бровкина. Причиной забастовки послужило беззастенчивое обирательство рабочих фабрикантом при помощи фабричной лавки, где самые необходимые продукты питания и предметы необходимости и притом дурного качества, продавались по более высоким ценам, чем на вольном рынке и главное дороже, чем в таких же лавках соседних фабрик.

Хозяин фабрики обратился за помощью к полиции, однако ему пришлось удовлетворить справедливые требования рабочих, так как даже полиция убедилась в недобросовестности фабриканта.

В феврале московский фабрикант Каверин понизил заработную плату рабочих на одну копейку на каждый аршин шерстяной ткани. И на этой фабрике царили такие же порядки, как у любого русского фабриканта: рабочие платили за кипяченую воду к чаю, за дрова на топливо; они должны были забирать плохие товары из фабричной лавки; если же они не желали пользоваться этой лавкой, из их заработной платы удерживали 10% в пользу фабриканта. Стачка началась

15 февраля, длилась пять дней и закончилась победой рабочих. В это же время забастовали 1.500 человек вагонного цеха железнодорожных мастерских в Киеве. Причиной стачки было столкновение рабочих с мастером.

Крупнейшей стачкой 1880 года являлась сентябрьская стачка на фабрике Хлудовской мануфактуры (при ст. Ярцево, Моск.-Брестской жел. дор.). Причины стачки—невыносимо тяжелое положение рабочих на этой фабрике. На фабрике работало около трех тысяч человек, причем работа производилась днем и ночью в две смены, так что каждому рабочему не удавалось никогда выспаться, потому что приходилось становиться на работу через каждые шесть часов. Четверть всех рабочих составляли дети от 14 лет и столько же, то-есть другую четверть, подростки до 18 лет. Жалованье деньгами рабочие не получали совсем, так как хозяин расплачивался с'естными припасами и одеждой из своей фабричной лавки. Практиковались настолько высокие штрафы, что самым обычным явлением была задолженность рабочего фабриканту от 10 до 15 руб. ежемесячно. Договор с рабочими заключался на год (от Пасхи до Пасхи), рассчетные книжки на руки не выдавались, причем по договору рабочий не имел права уйти с фабрики раньше срока, фабрикант же мог его уволить, когда угодно. Если прибавить к только что сказанному, что условия работы и жизни были ужасающими,—работать приходилось в душных пыльных мастерских с высокой температурой, в вонючей атмосфере (отхожие места держались страшно грязно, так как администрация не желала, чтобы они превратились в места отдохновения рабочих), жили рабочие в отвратительной казарме нередко по 40 человек в одной комнате, в 13 куб. саж. вместимости,—если принять во внимание, что такие условия жизни до того утомляли и изнуряли рабочих, что дети, получившие увечья на фабрике, засыпали на операционном столе без хлороформа, то вполне понятна забастовка 2.600 этих несчастных рабов, которые, наконец, ответили отказом от работ, когда в сентябре хозяин, получивший 45% прибыли, понизил расценки на 10%. Рабочие, основываясь на договоре, потребовали выполнения всех условий до окончания его срока, до Пасхи, и отмены об'явленного понижения расценок. Администрация вызвала полицию, рабочие не испугались и даже избили урядника. На следующий день после этого на фабрику явился губернатор и заставил хозяина фабрики отменить свое распоряжение о понижении платы. Рабочие, однако, потребовали, чтобы об этом было вывешено об'явление, что и было тотчас исполнено. Но как только уехал губернатор, фабрикант велел снять об'явление и вытребовал войска. Началась расправа: одиннадцать человек „зачинщиков“ арестовали, а 800 человек выслали на родину и по месту жительства. Остальные рабочие из местных испугались репрессий и стали на работы на условиях, об'явленных фабрикой. Через год 11 человек, просидевши предварительно $4^1/_2$ мес. в тюрьме, получили еще тюремное заключение от 2 до 4 недель.

Приблизительно в это же время происходили волнения рабочих в Киевском арсенале. Здесь движение началось организованно рабочими, входившими в народническую организацию Ковальской и Щедрина*). Из прокламации „Южно-русского рабочего Союза“ видны при-

*) Данные об этой стачке взяты из работы, находящейся в печати: Ковальская, „Южно-русский рабочий Союз в Киеве в 1880—81 годах“.

чины забастовки. Еще в начале русско-турецкой войны начальство увеличило рабочий день на 2 ч. (с 10 до 12 часов), пообещав уменьшить опять рабочий день до 10 часов с окончанием войны. Обещание исполнено не было, зато начальство уменьшило заработную плату. Помощник начальника арсенала Коробков, отличавшийся грубостью и ругательствами, самовольно ввел очень высокие штрафы (от 50 коп. до 3 руб.),—за опоздание даже на 5 м., за жалобы рабочих на администрацию, установил обыски и побои; его ближайшие сотрудники, мастера кузнечного цеха Корчагин, деревянного—Коновалов и слесарного—Данилов, ввели порядок, по которому мастеровые, получая для работы старые инструменты, должны были возвращать новые; кроме того, Корчагин и зав. слесарной мастерской Прохоров просто грабили рабочих, вычитая в свою пользу определенный процент (по 20 коп. и более).

Ругательства, издевательства и даже побои были обыкновенным явлением в арсенале. Рабочие, находившиеся в организации „Южного Рабочего Союза", разбросали прокламацию от имени Союза с пред'явлением требований об отмене всех безобразий, царивших в арсенале (17 августа 1880 г.). Прокламация эта заканчивалась так: „Союз предупреждает, что, в случае неисполнения изложенных требований киевских арсенальных рабочих в 14-дневный срок, он предает начальство арсенала суду, и наказание не замедлит постичь виновных".

После такого предостережения начальство немедленно уменьшило рабочий день на два часа, устранило Прохорова от выдачи жалованья и увеличило время на опоздание, но все остальные требования рабочих не удовлетворило.

Тогда рабочие в новой прокламации, ободренные первым успехом, пред'явили следующие десять требований:

1) Увеличить поденную плату до размера, бывшего по первое октября; поштучную же согласно требованию рабочих. 2) Выдавать рабочим инструменты положенной казною стоимости, а не самого низшего достоинства, как теперь, и переменять их по требованию рабочих, а не по усмотрению мастера, которому выгоден возможно большой срок пользования инструментом. 3) Дозволить рабочим брать с собою щепу, негодные обрезки, стружки и т. п., как было прежде. 4) Платить работающим в кузнечной мастерской поденщикам по восьмидесяти коп. в день из казны, а не из заработка мастеровых. 5) Усилить звук свистка и подавать первый свисток за час до начала работ. 6) Только за воровство штрафовать рабочих. 7) Уволить со службы за наушничество и придирки к рабочим дежурных Бутенко и Нетеса. 8) Заявить в полицию, что арсенальным рабочим, взамен паспортов, начальство выдает известной формы жестяные номера—мера, необходимая для устранения неправильного задержания рабочих полицией за неимение при себе паспортов. 9) Не взыскивать за потерю вышесказанного номера по 25 коп. 10) Выпускать рабочих по окончании работ без всякой задержки у ворот, без ругани и побоев". Эта прокламация кончилась уже более решительной угрозой начальству.

Начальство на дальнейшие уступки не пошло, и помощник начальника арсенала Коробков был убит революционерами (о чем извещала прокламация „Союза" от 4 декабря 1880 г.).

Этот случай протеста рабочих на киевском арсенале, окончившийся так трагически для начальства, являлся редким исключением из общего правила мирного экономического течения рабочего движения 80-х годов и об'ясняется, быть может, исключительно влиянием революционной организации Ковальской.

1881 год начался забастовкой на ткацкой фабрике Тряпкина (при дер. Савостьяновой, близ ст. Дрезны, Нижегор. губ.). Рабочие пред'явили требование восстановить прежнюю заработную плату, пониженную фабрикантом. Забастовка была стихийная и неорганизованная.

В мае рабочие грузчики Копаевской пристани г. Рыбинска пред'явили хлебоотправителям требование о повышении заработной платы. Так как часть рабочих продолжала работать, забастовщики бросились снимать их и разрушили сходни (мостки для выгрузки). Прибывшая полиция прекратила забастовку, арестовала двоих рабочих, однако грузчики добились повышения платы.

В июне (14 числа) рабочие, занятые на Свирском канале, бастовали три дня в количестве 120 человек, повидимому, требуя своевременной уплаты заработной платы, так как начальство, вообще, ожид ло беспорядков за неимением денег для расплаты с рабочими, которых тогда очень много скопилось на Мариинской системе. В июле происходили беспорядки на Миусских горных промыслах, откуда бежало 145 человек рабочих. Хотя скоро 130 человек возвратились обратно, но еще долго бастовали все рабочие, так что прибывшие казаки остались на приисках. В этом же месяце произошли стачки на торфяных разработках Кузнецова во Владимирской губ., Покровского уезда, местечке Дулеве. Причиной стачки была низкая заработная плата.

Человек 200 рабочих бросили работы, подошли к заводскому управлению и пред'явили требование повышения заработной платы, грозя в случае отказа уйти домой в Смоленскую и Калужскую губернии. Во время забастовки (всего 700 человек) рабочие пьянствовали. На работы стали после обещания управляющего заводом Чернышева сделать надбавку в 25 коп. Вскоре там же произошла вторая забастовка, при чем рабочие требовали нового повышения заработной платы. Дело кончилось вмешательством полиции и расчетом 70 человек. Газета „Голос", сообщающая об этой стачке, склонна взвалить ответственность за стачку на рабочих, которые будто бы вымогали высокую заработную плату.

В июне же месяце было брожение рабочих Ряжско-Вяземской жел. дороги, вследствие медленной и неправильной выдачи заработной платы с опозданием на несколько месяцев и с понижением против договора на 30%. Конец 1881 года ознаменовался стачкой в Иванове-Вознесенске, на фабрике наследников Н. Зубкова. Неисправность машины ухудшила работу ткачей, и они стали вырабатывать меньше, чем до порчи машины. При заключении нового договора в октябре хозяева во-время не предупредили рабочих о новых условиях найма, и рабочим пришлось поневоле согласиться на пониженные расценки. Хозяин, однако, обещал заменить испорченные части машины новыми; когда же они прибыли из-за границы, дело не улучшилось, и ткачи по прежнему вырабатывали мало, вместо 12—15 р. поштучно 8—9 р. Рабочие сначала просили хозяина о прибавке; затем подали жалобу полициймейстеру, но вместо помощи попали под суд за стачку: 348

человек из них были присуждены к семидневному аресту. Попытки рабочих подать жалобу выше также окончились неудачей, так как ни один ходатай не решался бороться с сильным фабрикантом, когда же рабочие попытались собраться, чтобы обсудить создавшееся положение и собрать деньги на адвоката, их разогнала полиция. Так эти попытки улучшить свое положение окончились ничем.

Как видно из только что перечисленных стачек, волнения рабочих происходят стихийно: то там, то здесь рабочие пытаются отстоять свои права, они инстинктивно действуют массой, но отсутствие организации, классового самосознания, запуганность и забитость, сила репрессий и тяжкая эксплуатация и нужда заставляют их почти безо всяких результатов бросать начатое дело и проигрывать стачки. Такой же характер стихийности и неорганизованности носит стачечное движение и в следующем 1882 году. В начале этого года, в феврале, возникла стачка в слесарном цехе Пермского пушечного завода, где, вследствие назначения мастером ненавистного всем Чурилова, известного своим умением понижать заработную плату, забастовали 200 человек рабочих. Рабочие требовали удаления Чурилова. В это же время бастовали дроворубы и углекопы Симского завода, требуя повышения заработной платы. Рабочие Илекского завода бастовали по той же причине, равно как и рабочие, строившие в Томске Сибирский университет. В феврале же в Иванове-Вознесенске рабочие фабрик Грезон и Дербенева тщетно пытались найти управы против своих хозяев. На первой из этих фабрик хозяин закрыл фабрику без предупреждения и выбросил на улицу 200 человек, а на второй фабрикант давал рабочим такую плохую основу, что ткачи (500 человек) не только ничего не вырабатывали в течение дня, но еще и залезали в долги фабриканту. Здесь же вследствие понижения расценок происходили забастовки и на фабриках Гречина и Небурчилова.

В Петербурге в течение этого года произошло четыре стачки: 19 мая бастовали рабочие гвоздильного завода по случаю понижения заработной платы на 10 %; рабочие разделились на 2 партии: одна осталась на заводе, другая взяла расчет. 1 июля забастовали 200 каталей, разгружавших уголь с судов, стоявших в бассейне Николаевской дороги. Причиной стачки было понижение заработной платы; рабочие требовали ее повысить. Рабочие угрожали хозяевам побоями, один из рабочих поднял на шесте красный значек. Полиция быстро справилась с забастовщиками и в тот же день выслала семь зачинщиков из столицы. 12 ноября забастовали 400 рабочих сталелитейного завода за Невской заставой в селе Александровском. Рабочие требовали уплаты денег за неделю, в течение которой завод стоял по вине администрации. Несмотря на то, что рабочие препятствовали другим рабочим становиться на работы, администрация требования забастовавших удовлетворила в виду явной своей вины. В октябре произошла стачка на знаменитой Невской Бумагопрядильне, известной своими забастовками в семидесятые годы. Бастовали рабочие, требуя повышения заработной платы. Стачка была прекращена полицией, и на фабрике было вывешено об'явление об остановке фабрики в виду „несправедливых“ требований рабочих. Рабочие вынуждены были стать на работу на прежних условиях. Под Петербургом в дер. Волынкиной на бумагопрядильне Кнопа 3 марта бастовали рабочие, требуя

уничтожения непомерно высоких штрафов, доходящих до 5 рублей в месяц. Совсем не по экономическим причинам происходили волнения рабочих в железнодорожных мастерских Варшавско-Венской дороги: рабочие отказались подписываться на листе, что заставляла их делать администрация по прочтении циркуляра о распространении среди рабочих каких-то слухов. Рабочие подписываться отказались и самый лист сожгли, полагая, что это требование согласия рабочих на оставление в мастерских нелюбимого мастера-немца. В мае произошли крупные беспорядки на золотых приисках Базунова по поводу ареста одного рабочего. Рабочие потребовали освобождения арестованного и удаления ненавистного урядника. Требования рабочих были удовлетворены, но новый урядник оказался еще хуже старого, так как начал свою деятельность сразу же арестом четырех новых рабочих. Рабочие собрались толпой и отбили арестованных у казаков. Однако, двоих из освобожденных снова арестовали и заковали в кандалы. Волнения еще более разрослись. Несмотря на угрозы казаков стрелять, рабочие снова отбили арестованных, бросились к дому управляющего и угрожали его убить. Однако, волнения были прекращены очень скоро после незначительных уступок рабочим и после ареста десяти „зачинщиков". В конце мая забастовали рабочие на Эльтонском озере Астраханской губернии, требуя увеличения заработной платы; 50 человек покинули ломки и ушли домой в Пензенскую губернию, остальные же 150 человек согласились на увещевания исправника продолжать работы. В июле (19-го) бастовали рабочие лодзинской резиновой фабрики Гаизера, протестуя против изменения условий найма, и 22-го на Третьяковской Горинской мануфактуре, где забастовали прядильщики. Стачка сопровождалась буйством: рабочие выбили до 800 стекол и 52 оконные рамы. Рабочие требовали повышения заработной платы. Стачка прекратилась в тот же день вследствие ареста 13 рабочих „зачинщиков". Август 1882 года отмечен тремя забастовками,—на Кренгольмской мануфактуре в Нарве, на фабрике Баранова при ст. Барановка, Московско-Ярославской жел. дор., и на ткацкой фабрике Гаспара в селе Дайлидах, Белостокского уезда, Гродненской губернии. Стачка на Кренгольмской мануфактуре была подавлена генералом Федоровым, специально для этого командированным в Нарву. Федоров арестовал 63 „подстрекателя", после чего рабочие толпой в 700 человек требовали освобождения рабочих. Стачка окончилась арестом 284 рабочих, в том числе 44 несовершеннолетних. Арестованных, конечно, выслали на родину. Во время стачки распространялись воззвания с угрозами штрейкбрейхерам. Распространитель рабочий эстонец был арестован.

Причина стачки на фабрике Баранова была очень своеобразна. Хозяин ввел новые паровые машины и вследствие этого, повидимому, хотел сократить число рабочих набойного отделения. Набойщики забастовали. Прибывшие на фабрику жандармы, без сомнения, нашли „подстрекателей и зачинщиков" и, после об'явления всем рабочим о расчете в недельный срок, не пожелали остаться на фабрике только 20 человек из 214 забастовщиков. В конце ноября в Белостоке на ткацкой фабрике Суражских забастовали 70 ткачей, требуя повышения заработной платы, пониженной хозяином. Рабочие выиграли стачку, так как рабочие всех других фабрик Белостока поддержали товарищей,

отчисляя в их пользу по 50 коп. в неделю. Против понижения заработной платы выступили с забастовкой и ревельские ткачи. Наконец, бастовали и железнодорожные рабочие: в Брест-Литовске рабочие столярного цеха Юго-Западных дорог против сокращения работ бастовали в течение трех дней и стачку выиграли частично: работы сокращены не были, но плата за них установлена уменьшенная; рабочие Борисоглебских мастерских Грязе-Царицынской жел. дор. против понижения заработной платы. В конце 1882 года произошла стачка на нефтяных разработках Нобеля в Баку. Рабочие требовали своевременной уплаты денег. Рабочие разделились на две части: одни согласились ждать, другие требовали немедленной уплаты. Произошло даже столкновение между теми и другими рабочими. Администрация, однако, вследствие угроз рабочих все же немедленно уплатила 30 тыс. рублей. Следующий 1883 год не принес успокоения в рабочую среду. Рабочие волновались повсюду. В феврале большая забастовка началась на Вознесенской мануфактуре (бумагопрядильной и ткацкой), в Дмитровском уезде, Московской губернии. Администрация сильно эксплуатировала рабочих непомерно высокими штрафами. Сократив число рабочих часов, администрация тем самым очень понизила заработную плату, так как рабочие работали сдельно и посменно. Забастовало 3000 человек, и для прекращения забастовки пришлось двинуть войска. В марте вспыхнула крупная стачка на Жирардовской мануфактуре. Введя новый упрощенный способ наматывания пряжи на катушки, администрация понизила плату на 1 коп. с мотка. В ответ на это распоряжение бросили работу 60 катушечниц. Их поддержали рабочие других отделений и пред'явили уже общие требования,—повышения заработной платы, отмены штрафов. Начались аресты рабочих. Настроение рабочих сразу поднялось, и огромная толпа забастовщиков двинулась к гминному управлению, где содержались десять арестованных товарищей. Здесь уже находились войска. Произошло столкновение: солдаты действовали винтовками, рабочие камнями. Залпом, произведенным солдатами, было убито три человека и пять ранено. Эти жертвы подняли всю рабочую массу в 8 тыс. человек. Рабочие действовали дружно и решительно: не имея сил бороться с войсками, они выпустили воду из фабричных чанов, приводивших в движение фабричные машины, и принесли тем самым убыток фабрике в 60 тыс. рублей. Стачку, однако, они не выиграли.

Обе эти фабрики, Вознесенская и Жирардовская, волновались и в следующем 1884 году. На первой из этих фабрик причины волнения были все те же, старые,—сокращение рабочих часов и понижение заработной платы. И здесь стачка протекала очень бурно. Рабочие портили и ломали фабричное имущество и оскорбляли фабричную администрацию. Наиболее революционным элементом были, как всегда, пришлые рабочие. Стачка кончилась арестом и высылкой 115 человек рабочих, после чего забастовка окончилась уступкой администрации.

Таким образом ясно было, что растущее рабочее движение не случайность, а неизбежное явление того самого капиталистического способа производства, от которого отмахивались руками и ногами народники. В конце 1881 года, когда стачечное движение во всей России было обычным явлением, народовольцы писали в своем органе („Народная Воля“, № 6, от 23 октября 1881 г.): „Мы не можем согласиться с непосредственными толкователями исторической теории

Маркса, утверждающими, будто разрешение современного социального вопроса не только может, но и должно явиться, как простой постулат крайнего развития капиталистической формы эксплуатации, которая будто бы, сама по себе, развивает условия, благоприятные для его разрешения. Их взгляд основывается, главным образом, на известной триаде Гегеля и его законе исторической преемственности явлений; иного индуктивного материала для такого вывода мы не находим у них". Отрицая применимость Марксова учения к России, обозреватель журнала приходит к следующему выводу: „Роль экономических аномалий, как факторов исторических явлений, с полной достоверностью может быть сведена к следующему: всякий порядок, сопряженный со страданиями масс, рано или поздно, порождает острое недовольство этих последних — террор, революцию,—порождает восстание рабов в Риме, Пугачевский бунт в России, современные погромы в России же". Сваливать в одну кучу революционное движение масс с еврейскими погромами, организованными русской полицией, мог только доктринер-народник, упорно пытавшийся не замечать классового характера развивающегося рабочего движения. Отмечая немного позже (летом 1883 г.) совершенно справедливо неорганизованный стихийный характер движения (в 1882 году рабочие сожгли спичечную фабрику Гессе в Рузском у. Моск. губ., осенью того же года рабочие подожгли лесной склад Брандта в Архангельском, рабочие Ивангородской жел. дор. устроили самосуд над лавочником, у которого их принуждали покупать товары), народовольцы писали: „Рабочим недостает организации, крепкого ядра, которое умело бы внести сознательность и стройность в стихийные протесты. Почва для такой организации есть; повсеместное пробуждение в рабочем классе сознания и духа солидарности, переход к террористическим фактам. Почва горючая и плодотворная, работать на которой—задача интеллигенции".

Сами народовольцы, развившие довольно интенсивную работу в пролетариате, однако, не понимали необходимости и неизбежности классовой партии рабочих.

Как бы то ни было, в восьмидесятые годы рабочее стачечное движение принимает постоянный характер,—это не случайное явление, а неизбежный спутник капиталистического уклада России. В течение 1884 года движение охватывает все больший и больший круг рабочих, поэтому мы укажем только на крупнейшие забастовки: в этом году бастовали паровозные мастерские Николаевской жел. дороги в Москве, табачная фабрика Бостанжогло, механический завод Малкиеля, уже упомянутые Вознесенская и Жирардовская мануфактура.

Следующий 1885 год нужно считать поворотным пунктом в истории русского рабочего движения: в этом году произошла Морозовская стачка.

Застой в торговле, кризис в текстильном производстве чувствовался очень сильно уже в 1884 году. В этом году фабриканты плохо торговали на Нижегородской ярмарке, сбыт на внутреннем рынке был также плохой, и фабриканты перекладывали убытки от кризиса на плечи рабочих. К тем тяжелым условиям, в которых жили рабочие всегда, прибавились новые тяжести. На огромной фабрике Тимофея Морозова рабочим жилось особенно плохо. Особенно донимали рабочих штрафы. Штрафовали за все,—при браковке товара, за опазды-

ванье, за прогул, за куренье, за пронос водки. У некоторых рабочих штрафы достигали до 50% их заработка, 30% было обычным явлением: за куренье, напр., штрафовали от 3 до 5 рублей. Ежегодно таких штрафов набиралось до 20 тыс. рублей в пользу хозяина. Мало того, администрация поступала очень просто: когда у рабочего штраф доходил до 50% заработка, его рассчитывали, а затем хоть в тот же день рабочий мог поступить на фабрику снова и снова получал расчетную книжку. Такими приемами Морозов забирал половину заработка рабочих в свой карман, расчетом рабочих уничтожал следы своего грабежа — расчетные книжки. Особенной свирепостью и ловкостью в назначении штрафов отличался мастер Шорин, рабочие его ненавидели, но и сам хозяин Т. Морозов занимался очень усердно этим делом. По словам Шорина на суде, распоряжение о штрафах шло всегда из Москвы, в конторе фабрики находилась особая книга штрафов, где шла запись о том, кто, как и за что штрафовался. От самого хозяина часто приходилось слышать: „мало“, „прогорю“. Владимирский губернатор Судиенко в своей секретной записке министру внутренних дел откровенно писал: „Сыздавна возведенные в систему крайне строгие и высокие штрафы и вычеты за выделку тканей, признаваемую фабричной администрацией плохою, в настоящее, в особенности, время, когда издельная плата уменьшена по сравнению с бывшей до Пасхи 1884 г. более, чем на 20%, сокращают заработок еще от 30 до 40%. Из массы рассмотренных мною расчетных книжек не встретилось ни одной, где бы не значилось вычетов. Зарабатывающий, примерно, 8 гривен, при таких условиях получает только 40 коп. и, когда идет с харчевым листком в лавку за получением провизии, то зачастую получает отказ, с об'явлением, что за ним уж значится перебор, или получает, например, селедку вместо фунта мяса, так как на последний денег у него не хватает.

Расходуя ничтожные, донельзя сокращенные, заработки на свое прокормление, значительное число рабочих состоит должниками Морозова и при таких условиях, по их выражению, находится у него как бы в кабале.

Об'ясняя нужды рабочих, один из обвиняемых, крестьянин Московской губ., Богородского уезда, д. Корпусов, Федор Леонтьев Козлов, между прочим, показал, что расценка работы чрезвычайно низка, тогда как материал (пряжа) стал выдаваться теперь гораздо хуже прежнего и постоянно рвется. Так, в прежнее время, за выработку куска миткаля прежде полагалось 55 аршин, а теперь—от 65—67. Помимо недоброкачественности выдаваемой для работы пряжи, значительно уменьшено число подмастерьев (вместо 1-го на 50 станков—один на 70), на обязанности коих возлагается помогать ткачам в работе, налаживать испортившиеся станки и проч., так что иной ткач, в особенности женщина, проработает целый день и в итоге ничего не выработает. Материала для работ часто недостает, и притом постоянно производится переделка и приспособление машин для выделки других товаров, отчего у рабочих являются невольные прогулы; часто случалось, что, вместо 4 недель в месяц, рабочим приходилось работать только 2 недели или вместо 2-х станков на одном, тогда как если рабочий по своей вине прогуливал день, у него вычитается за 3 дня работы, 2 дня—за 6 и т. д. Штрафуют немилосердно, даже не об'ясняя,

в чем заключается какой либо хотя незначительный недостаток в работе. На что уж строго штрафует Шорин (главный ткацкий мастер), а сам хозяин Т. С. Морозов еще строже. Так, около 29 декабря г. Морозов заходил в ткацкую: Шорин показал ему образцы товара, уже им принятого от рабочих. Кажется, лучше товара и быть не может, а хозяину не понравился: он его весь смял и бросил, а ткачам приказал записать штраф".

Так рассказывает губернатор Судиенко, подавлявший беспорядки рабочих, понятно, что в действительности положение рабочих было значительно хуже, чем оно описано в этом рассказе. Заработки рабочих были ничтожны. В среднем рабочий у Морозова получал от 8 до 13 рублей в месяц, если же вычесть 50%, штрафов, то от 4 до 6 руб. 50 коп. Как это выяснилось на суде, по словам директора распорядителя, главного помощника Морозова, Дианова, кроме штрафов, производились и другие вычеты: за баню, уголь, освещение и очистку ретирад от 15 до 30 коп. в месяц. Если же принять во внимание, что на свое содержание рабочие должны были потратить от 3 до 6 руб. в месяц, то ясно, что рабочие Морозова или должны были голодать или итти в вечную кабалу к хозяину. Так оно и было в действительности: рабочие, много задолжавшие хозяину, даже уйти с фабрики могли только тогда, когда пожелал бы этого хозяин. Особенно тяжелым положение рабочих стало в зиму 1884 года накануне стачки. Уже в 1884 году Морозов понизил заработную плату пять раз, а в конце этого года еще раз на 25%. Были рабочие, которые зарабатывали в месяц всего только 2 руб. 50 коп. (на материи „молескин"), так что они не выгоняли даже тех 3 рублей, которые им были нужны для жизни по словам директора Дианова.

Петр Анисимович Моисеенок.

Брожение и озлобление рабочих достигло крайней степени, когда они убедились, что все их попытки и просьбы улучшить условия труда не достигают цели.

Но, быть может, рабочие, задавленные и измученные непосильной работой, еще долго не решились бы на забастовку, если бы среди них не появились два замечательных организатора — Петр Анисимович Моисеенок и Василий Сергеевич Волков.

Петр Анисимович Моисеенок происходит из крестьян Смоленской губ., Сычевского уезда, дер. Обыденовой. Рано он попал на фабрику ткачем. Работая на фабрике Зимина, молодой ткач ходил и на соседнюю фабрику Саввы Морозова. Там однажды он увидал у

брата своего товарища ткача Гвоздарева запрещенную книгу, где говорилось о боге и о царе. Желая проверить все написанное в книжке о духовенстве, молодой ткач вместе с товарищем решил пойти во Введенскую пустынь, монастырь, находящийся неподалеку от Орехова. Понаблюдавши там жизнь монахов и убедившись в том, что все написанное в книге правда, Моисеенок решил отправиться в Петербург, чтобы там разузнать все получше. Вдвоем с товарищем он отправился сначала в Москву, а затем и в Петербург, где и остановился у земляков ломовых извозчиков. Узнав от них, что требуются рабочие на фабрике Шау, он отправился туда, нашел там к счастью своих земляков, живших артелью, получил место и быстро связался с революционерами-народниками, так как многие рабочие артели уже входили в народнические кружки. В кружках Моисеенок познакомился с видными революционерами Пресняковым, Чубаровым, Лизогубом, а затем впоследствии с Боголюбовым, М. Р. Поповыми, Г. В. Плехановым. Особо большое влияние на Моисеенка оказал Плеханов и Халтурин. „С жадностью я набросился на книги, говорит П. А. Моисеенок в своих воспоминаниях: как легальные, так и нелегальные; читал не только в свободное время, но и так же за работой; сменщик мне попался дельный и старательный; мы скоро выдвинулись, как лучшие ткачи, нам дали по другой паре станков с подручными мальчиками. Это было в 1874—75 годах. Вот с этих-то пор я начал принимать деятельное участие в партии „Земля и Воля". Кружок наш расширялся, но все же систематического занятия не было вплоть до знакомства с Плехановым, с которым мы начали разбирать сочинения Шелгунова. Благодаря Плеханову, я многое уяснил себе и стал разбираться в литературе..." *) Получив первые уроки социалистического мировоззрения у Плеханова, Моисеенок принимает затем участие в знаменитых стачках на Новой Бумагопрядильне, куда ткачем перешел Петр Анисимович. По решению товарищей Моисеенок на некоторое время оставил работу на фабрике, служил рассыльным и выполнял всякого рода поручения революционной организации.

Когда разразилась стачка, Моисеенок принимал в ней деятельное участие, читал рабочим на сходке прошение к наследнику и был тем самым ткачем, который подал это прошение генералу Козлову. Арестованный с 1879 году он просидел в тюрьме семнадцать месяцев и вместе с другими товарищами пошел в ссылку в Восточную Сибирь. Вместе с товарищем Лукой Ивановым он попал в Канский уезд Енисейской губ. (в с. Янцырь), откуда и возвратился в Россию по амнистии в 1883 году.

В ссылке Моисеенок жил вместе с политическим Аппельбергом, с которым поддерживал связь, возвратившись в Россию. Еще в Сибири он задумал возвратиться в Россию и заняться революционной работой среди ткачей. Амнистия только ускорила это намерение. Устроившись на фабрике в Ликине, Моисеенок, при помощи своего старого товарища, оказавшегося тоже здесь, Луки Иванова, быстро завязал связи с рабочими всех близлежащих фабрик и особенно сошелся с ткачем Василием Сергеевичем Волковым. Василий Сергеевич Волков, ткач Морозовской фабрики, выделился, как блестящий организатор и руководитель стачки.

*) Воспоминания П. А. Моисеенка подготовляются к печати

Он вместе с Лукой Ивановым был помощником Моисеенка и сыграл крупнейшую роль во всем этом деле.

Когда Моисеенок убедился в том, что на фабрике Т. Морозова положение рабочих самое тяжелое, он принялся постепенно организовывать силы для выступления. Для пропаганды пользовался любой газетой, даже черносотенной. За три месяца до стачки, Моисеенок перешел на Никольскую мануфактуру Т. Морозова, там же работала и его жена, Екатерина Сергеевна. Дело пропаганды и организации пошло быстро и уже в декабре 1884 года решено было устроить совещание для обсуждения вопроса о забастовке. Решено было в виду праздников отложить забастовку до января. Пятого января в ренсковом погребке Конфеева, села Зуева, состоялось заседание 20 ткачей в присутствии Моисеенка и Волкова, а затем шестого в трактире на „Песках". Здесь были одобрены требования, выработанные Моисеенком и Волковым, и разработан план забастовки.

Здесь же Моисеенок дал директиву: „Безобразий не делать, не грабить, а произвести стачку и оставить работы, чтобы явилось начальство".

Седьмого января администрацией фабрики были приняты меры, так как накануне директору Дианову донесли (конторщик Гаранин), что готовится стачка. Дианов распорядился, чтобы рабочие торфяники были расставлены около ткацкого корпуса и не допускали ткачей останавливаться. Это и помешало провести намеченный на совещании план, по которому рабочие должны были собраться на дворе и, не заходя в помещение, начать стачку.

Но предупредительные меры не остановили стачки. В пять часов раздались колотушки сторожей, созывающих по общежитиям рабочих на фабрику. Зажегся газ, и фабрика, казалось, зажила своей обычной жизнью. Но вот во втором этаже Ново-ткацкого корпуса в исходе шестого часа ткачи и ткачихи стали собираться группами и сговариваться. В шесть часов раздался крик: „Бабы, выходите вон, гасите газ, все кончайте работу, сегодня праздник!" С криком „ура!" ткачи бросили работу, и толпа в несколько сот человек вышла на улицу. Стачка началась.

Ткачи разделились на четыре партии, каждая из них вошла в один из четырех этажей прядильного корпуса и, потушив газ, остановила работы. Прядильщики тушили газ, рвали пряжу и разбивали газовые фонари. Теперь толпа ткачей и прядильщиков достигала 3 т. человек. Вооруженная кольями, кирками, ломами, кусками кирпичей и торфа, толпа разделилась на две части: одна пошла по Английской ул., а другая по Никольской ул. к зданию главной конторы, куда однако проникнуть не удалось. Разбив стекла в окнах конторы, эта часть толпы соединилась с первой и, разломав ворота красильного отделения, остановила работу и там и в машинном отделении. Таким образом, к 11 часам бастовали все 8 тысяч рабочих. В течение дня, несмотря на уговоры Моисеенка и Волкова, толпа, к которой присоединились золоторотцы, разгромила квартиры директора Лотарева, Дианова, мастера Шорина и бухгалтера. В квартире Шорина было уничтожено все имущество, а сам он с женой едва спасся, спрятавшись на чердаке. Разгромили также пекарню, харчевую лавку и розничный магазин. Пострадавших было мало, пять раненых и один умерший от

ран, Иван Захаров, приказчик розничной лавки, пытавшийся защищать хозяйское добро.

В тот же день в Орехово прибыл Владимирский губернатор Судиенко сначала с батальоном пехоты, а затем к этому батальону присоединился второй батальон того же Великолуцкого полка и первый Донской казачий полк. На другой день губернатор собрал ткачей. Собралось 60 человек под конвоем. От имени ткачей говорил Волков, рассказавший о невыносимом положении рабочих и заявивший, что, без изменения расценки, рабочие работать не станут. Губернатор вызвал из Москвы Морозова, который согласился на следующие уступки: „1) на скидку взысков за плохие работы с 1 октября 1884 г. по день забастовки; 2) на расчет всех, без исключения, рабочих с условием, за сим, приема на фабрику желающих согласиться на расценки, об‘явленные 1 октября 1884 г., предоставив себе при этом право не принимать обратно на службу рабочих по своему усмотрению“.

Губернатор распорядился вывесить об этом об‘явления, а на утро приказал созвать к себе по 10 ткачей из каждой казармы и прочесть им об‘явление. Когда ткачи сошлись и им прочли об‘явление, поднялся страшный шум и свист и крики, что рабочие на эти условия не согласны. Вместо же губернаторских и морозовских об‘явлений, которые рабочие сорвали, они вывесили свои.

„Об‘является Савве Морозову“, писали рабочие: „что за эту сбавку ткачи и прядильщики ни... не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по Пасху, а то, если не разочтешь нас по Пасху, то мы будем бунтоваться до самой Пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то, ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить.“

Десятого января толпа рабочих около тысячи человек явилась к губернатору, и там Волков от имени всех бастующих пред‘явил требования рабочих.

Во-первых:

1-е. По изданному Государственному закону хозяин не должен производить чрезмерных штрафов, которыми обременяет своих рабочих: мы, рабочие, требуем и просим, чтобы штрафы не превышали 5% заработанного рубля, и чтобы рабочий был предупрежден о его плохой работе и вызывался не более двух раз в течение месяца.

2-е. Вычет за прогул, чтобы не превышал более одного рубля, но с тем, чтобы и хозяин также был бы обязан уплатить рабочему за прогул, происходящий по вине хозяйской, как-то запросто из-за основ поломки машин и переделку оных на другие работы и пр. и пр., чтобы каждый прогулянный час записывался в тетрадь расчетную или заработную, считая по выработке по не менее сорока копеек в день (40) или двадцати копеек в смену (20).

3-е. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданному Государственному закону. Чтобы каждый рабочий мог получить полный расчет без всякого вычета и задержки по заявлению рабочим за 15 дней о нежелании продолжать работу. Также и хозяин обязан об‘явить рабочему за 15 дней о его расчете, и все это записывалось бы в расчетные тетради. Буде же будет не исполнено с какой-либо стороны, то чтобы удовлетворялось двухнедельной заработной платой, как с рабочего, так и с хозяина.

4-е. Доброкачественный материал, соответствующий спросу о работе, и заявление о сем происходило бы с свидетелями тех рабочих, которые работают по близости, и записывалось бы в товарно-приемную книгу.

Записи в книжку излишней меры в аршинах не превышать вес товара. До сего времени от нас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы, не об'явленные в расценках, производились бы поденной платой до тех пор, пока рабочие окончательно усвоят работу и об'явят, за сколько можно работать такой-то товар. Без общего соглашения на расценки, выставленные конторой, учредить Государственный контроль, который уравнял бы заработную плату. Полное удовлетворение рабочих за прогул со дня нашей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать по просьбе рабочих не менее 40 копеек в день.

Беспрепятственная выдача харчей, до тех пор, пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой расписки. Потому что у нас за них уже вычтено и на каждом счету положено клеймо, что: (деньги получены сполна). Также и на будущее время не задерживать. Потому что у нас за хозяином за декабрь месяц удержана заработка. Выдача жалованья не задерживалось бы далее 15 или в первую субботу после 15-го.

Свободный выбор старосты в артелях, и чтобы староста не мог служить более трех месяцев, в виду того, чтобы не усвоить для хищения сбыта; производить ежемесячный учет.

Уволить с должностей тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской."

Требования эти были сообщены Морозову в Москву, но он отверг их, и губернатору пришлось, как верному слуге капитала, предложить рабочим морозовские условия.

Рабочие, конечно, не согласились на это, и утром 11-го января губернатор явился к огромной толпе рабочих и предложил им стать на работу на старых условиях, а не желающим уволиться с фабрики. Рабочие единодушно ответили отказом, и выделившийся из толпы Волков обратился к стоявшему рядом рабочему Шелухину и взял у него тетрадь с только что приведенными требованиями. При этом Волков сказал: „Как здесь говорить, здесь все капиталисты, позовите моих людей; где правила?" Получив требования от Шелухина, Волков передал их губернатору, требуя немедленного их обсуждения. Губернатор ответил, что разбирать их здесь не будет и предлагает Волкову и Шелухину отправиться с ним и разобрать в спокойной обстановке. Ясно было, что губернатор желает арестовать вожаков стачки. Волков, уже оцепленный солдатами, крикнул толпе: „Что же, господа, один за всех или все за одного?" Толпа ответила: „Все, все, всех берите!" и пыталась отстоять своих вождей, но это не удалось, и Волкова и Шелухина заключили под стражу. Вместе с ними было задержано еще 51 человек.

Волнение рабочих после этого ареста достигло еще большей степени, и огромная толпа рабочих подошла к казарме, где содержались арестованные, и прежде чем конвойные успели заколотить досками внутреннюю дверь той комнаты, в которой находились пленники, рабочие выломали дверь, и большинство из арестованных оказались на

свободе. Под стражей осталось только 12 человек. На выручку подоспела новая толпа, из которой слышались крики об освобождении „Васьки—нашего человека". На толпу двинулись казаки и солдаты, произошло страшное побоище, и рабочие отступили. В это время было арестовано несколько сот рабочих, которых и стали незаметно отправлять в Москву и во Владимир для высылки их на родину; одиннадцатого же января был отправлен во Владимирскую тюрьму и Волков. Восемнадцатого был арестован, наконец, и Моисеенок. Рабочие, измученные непосильной борьбой, начали становиться на работу, и стачку можно было считать оконченной.

Дело о стачке в суде разбиралось дважды: первый раз во Владимирском окружном суде слушалось дело о 19 рабочих, обвиняемых за участие в стачке (в том числе и Моисеенок и Волков), без участия присяжных заседателей, и второй раз в том же суде с участием присяжных заседателей дело о 33 рабочих, обвиняемых (в том числе и Моисеенок и Волков) по статьям 308, 1621, 1637 и 286 Уложения о наказаниях, т. е. в подстрекательстве толпы к нападению на военный караул для освобождения арестованных и в приведении этого намерения в исполнение, в разрушении фабричных зданий и в разграблении имущества. По этим статьям полагалась в наказание каторга от 15 до 20 лет.

По первому делу, кроме двоих оправданных Васильева и Елизарова, остальных 17 человек суд приговорил к аресту при полиции на сроки от 10 дней до 3 месяцев. По второму делу все обвиняемые были оправданы. Оправдательный приговор об'ясняется как составом присяжных, среди которых не оказалось ни одного капиталиста, ни одного помещика, так и умелой защитой, которой удалось развернуть такую вопиющую картину эксплуатации, бесправия, нищеты, надругательства и страданий, что на все сто один вопрос обвинения судьи ответили: „нет, не виновны!"

Морозовская стачка и, главным образом, процесс морозовских стачечников приковал к себе внимание всей России, начиная от рабочих и кончая правящими классами. И это, понятно, почему. Катков, идеолог тогдашней реакции, стало быть, дворянства и буржуазии, в „Московских Ведомостях" от 29 мая 1886 г. в № 146 писал по поводу оправдательного приговора Владимирского окружного суда: „Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса". Меча громы и молнии на суд присяжных, Катков приходит к заключению, что лучше было бы не судить стачечников, а просто... без суда подержать зачинщиков в тюрьме и отправить их в ссылку." „Несколько сот человек, пишет он: помним мы, были пригнаны в Москву, в Пересыльный замок, откуда партиями препровождались на места жительства. Этим бы лучше было и кончить. Что же касается руководителей и подстрекателей, то они были хорошо сведомы правительству. Если бы имелось в виду только прекратить зло, то стоило бы только из'ять двух-трех человек из среды рабочего люда и выслать их в знакомые им места". Почему же, однако, так боялся суда всемогущий слуга всемогущего правительства? Он боялся агитационного действия морозовской стачки, той невиданной эксплуатаци, которая открылась на суде, и той силы, какая обнаружилась в массовом рабочем движении.

„... С народными массами шутить опасно... Что должны подумать рабочие в виду оправдательного вердикта владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край. Наш корреспондент, выехавший из Владимира тотчас после состоявшегося приговора, уже слышал о нем на всех станциях“. Катков оправдывал фабрикантов и всю вину за беспорядки взваливал на пьянство, распущенность и небрежность рабочих, при чем, по его мнению, лучше было бы пойти на закрытие всех наших фабрик, лишь бы избежать рабочего движения.

Если правительственные лакеи сумели оценить революционное значение морозовской стачки, то, без сомнения, все ее огромное значение прекрасно поняли и сами рабочие и социал-демократы во главе с Плехановым.

Действительно, стачка имела большое значение в деле рабочего законодательства. Правительство прекрасно поняло, что так или иначе надо выбросить кость измученному рабочему в надежде, что эта вынужденная уступка остановит развивающееся недовольство пролетариата. Прямо под непосредственным давлением рабочего движения (нельзя забывать, что в конце того же года произошли большие забастовки все в том же промышленном центральном районе—в Иваново-Вознесенске и в Тверской губ.) правительство спешно выработало закон о штрафах: требования морозовских рабочих были пред'явлены 11 января 1885 г., а меньше чем через год, 3 июня 1886 г., был издан закон, в котором почти буквально были повторены требования морозовских ткачей. В самом деле, рабочие требовали, чтобы вычет за прогул не превышал более одного рубля (пункт 2-й приведенных выше требований рабочих), в законе же было нинисано в статье 145: „Для рабочих, получающих задельную плату, взыскание за прогул определяется в размере не свыше рубля“. Затем рабочие требовали, чтобы увольнение не производилось без предупреждения за 2 недели (пункт 3-й требований), а в законе стояло в статье 95-й: „При найме на срок неопределенный каждая из договаривающихся сторон может отказаться от договора, предупредив другую сторону о своем намерении за две недели“.

Рабочие требовали уплаты жалованья через каждые две недели (конец пред'явленных требований), а в статье 97 закона значилось: „Выдача заработной платы должна производиться не реже одного раза в месяц, если наем заключен на срок более месяца, и не реже двух раз в месяц при найме на срок неопределенный“. Далее рабочие требовали, чтобы, в случае расчета рабочего без предупреждения или невыполнения договора капиталистом, его вознаграждали бы двухнедельным заработком (конец пункта 3-го требований), а в законе стояло (в статье 98-й): „Рабочий, не получивший в срок причитающейся ему платы, имеет право требовать, чтобы ему было присуждено особое вознаграждение в размере двух-месячного заработка при срочном договоре, а при договоре на срок неопределенный—в размере двухнедельного заработка“.

Рабочие протестовали против того, что штрафные деньги идут в карман капиталиста, закон статьей 152-й запретил это и предписал эти деньги обращать на нужды самих рабочих. Таким образом, мы видим, как законодательство только выполняло то, что требовали ра-

бочие. Конечно, закон был несовершенный, уступки, сделанные правительством, были скупы и ничтожны, конечно многое из того, что требовали рабочие, не было установлено в законе (напр., государственный контроль, т. е. фабричная инспекция, арбитражные комиссии и т. д.—четвертый пункт требований, начало), но факт остается фактом: *закон о штрафах был вырван у самодержавного и дотоле всемогущего и грозного правительства непосредственной борьбой рабочих, борьбой, а не словами, стачкой морозовских ткачей под руководством рабочих социалистов, Моисеенка и Волкова.*

Это был факт огромной важности. Плеханов посвятил Морозовской стачке специальную статью во французской газете Жюля Геда и Поля Лафарга „Социалист", где и писал: „Процесс вызвал к себе огромный интерес в России, где он, несомненно, явится исходным пунктом нового фазиса рабочего движения". Плеханов был прав, когда спешил поделиться с западными товарищами известием о процессе ореховских ткачей: ткачей этих судили за две недели до статьи Плеханова (28 июня), а меньше чем через год (3 июня) был издан закон о штрафах. Плеханов был прав, считая Морозовскую стачку отправным пунктом нового фазиса рабочего движения в России, а Ленин через 10 лет после стачки написал даже специальную брошюру о штрафах, где выяснялось значение победы морозовских ткачей. „Как ни безобразны были старые фабричные порядки—начальство ровно ничего не сделало для облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них, покуда озлобленные рабочие не дошли до того, что стали ломать фабрики и машины, жечь товары и материалы, бить администрацию и фабрикантов. *Только тогда правительство испугалось и уступило.* Рабочие должны благодарить за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений". Совершенно правильно замечает тов. Рязанов, что „Морозовская стачка есть одно из крупных звеньев того исторического развития, которое привело к Октябрьской революции". Действительно, Морозовская стачка была началом того грандиознейшего движения, которое блещет такими битвами, как стачки 1896—7 г., забастовки 1903 г. и, наконец, октябрьская стачка 1905 г. Совершенно верно оценивает Морозовскую стачку Д. Б. Рязанов, когда указывает и на то, что эта стачка, происходила в тот момент, когда во Франции стачка углекопов в Деказвиле, руководимая социалистами Дюк Керси и Рошем, тоже обнаружила, как и в России, невиданную эксплуатацию и гнет: в двух странах, с различным историческим прошлым, с различным культурным уровнем, одни и те же экономические условия, один и тот же капиталистический способ производства производил одни и те же следствия, и нужно было совершенно ничего не понимать в революционном движении масс и упорно держаться утопических мелко-буржуазных взглядов, чтобы отрицать наличие капитализма и его последствий в России.

Но Морозовская стачка ознаменовала еще одно замечательное явление, дотоле чуждое и невиданное на Руси: организаторами, вдохновителями и руководителями этого революционного рабочего движения были рабочие и только рабочие. Не только Моисеенок, Волков, Лука Иванов и Шелухин, но и все остальные подсудимые были чистокровные рабочие. На скамье подсудимых сидели не так, как

на прежних процессах дворяне, дети духовных, разночинцы и в лучшем случае, с небольшим числом рабочих, на скамье подсудимых сидели только рабочие, ткачи и прядильщики. Правда, руководитель забастовки, Моисеенок, был учеником Плеханова и Халтурина, но этим только устанавливалась преемственная связь между социалистическими рабочими кружками семидесятых годов и новым периодом революционного движения в России, социал-демократическим. И еще одно большое значение Морозовской стачки нужно знать и помнить каждому коммунисту в России: эта стачка была блестящим подтверждением того прогноза, какой давал Плеханов на основании учения Маркса по отношению к России о том, что если у нас будет революция, то эта революция будет рабочая. Вот почему, социал-демократы следующего десятилетия, принимая во внимание все значение Морозовской стачки, отметили ее десятилетний юбилей особой брошюрой („Десятилетие Морозовской стачки"), которая служила прекрасным агитационным средством во время занятий в рабочих кружках.

Само собой понятно, что и непосредственно для развития рабочего движения Морозовская стачка имела большое значение. Слухи о ней быстро проникли в рабочую среду и не только в центральном промышленном районе, но и за его пределами. Рабочие начинают понимать, что в массе они непобедимая могучая сила. В конце 1885 года произошли крупные забастовки,—в сентябре (25) в Иванове-Вознесенске, а в ноябре на фабрике Кузнецова в Тверской губернии. В Иванове-Вознесенске забастовка началась сразу в один и тот же день и час на пяти фабриках и охватила до 8 т. рабочих. Причиной забастовки было понижение заработной платы. Забастовка перекинулась в Шую. Стачка на Кузнецовской фабрике замечательна тем, что началась под влиянием слухов о забастовках в других местах и между прочим в Орехове на фабрике Морозова. Интересно то, что здесь дело происходило приблизительно так же, как в Орехове; рабочие в количестве 100 человек устроили предварительное совещание, начали стачку дружно и решительно, разгромили фабричную лавку и перебили стекла на фабрике. Стачка окончилась арестами и судом. Из 41 человека, попавших на скамью подсудимых, 27 были оправданы, а 14 человек получили от 2 до 8 месяцев тюрьмы. Кроме перечисленных выше стачек, в 1885 году были забастовки и волнения,—на железной дороге в г. Александровске, в железнодорожных мастерских в Севастополе (здесь рабочие высекли начальника тяги, начальника мастерских и главного мастера), в Херсоне среди чернорабочих, в Таганроге среди рабочих пристани, среди судорабочих в Твери и в Рыбинске на Копаевской пристани, в Варшаве, где безработные собрались на площади перед замком генерал-губернатора и были разогнаны полицией.

С каждым годом это стихийное рабочее движение охватывало рабочих самых разнообразных отраслей труда и в самых различных пунктах страны, то нося совершенно мирный характер, как, напр., в Костроме, на фабрике Зотова в 1887 г., где неудачно бастовали чесальщики шерсти, то принимая бурный характер, как в Орехове-Зуеве, в 1885 г., или как на шахтах Бахмутского уезда в 1887 году. Здесь на шахтах Юзовского района, 5 мая 400 человек шахтеров шахты № 19 сняли с работ шахтеров шахты № 11 и 13. Толпа, вы-

росшая до 1.500 чел., отправилась к управляющему рудниками Венсанжу и пред'явила требования о повышении заработной платы и об удалении особенно придирчивых и ненавистных штейгеров, конторщиков и фельдшера.

Венсанж отказался удовлетворить эти требования, в дело вмешались власти, и беспорядки усилились. Рабочие разгромили трактир Стрельцова, часть рабочих перепилась, часть бросилась разбивать бочки с водкой. Направившись затем на пивной завод Новороссийского общества, рабочие выпили 400 ведер пива и под утро подожгли завод и часов в 11 ночи направились к металлургическому заводу Юза. Разгромивши по дороге постоялый двор Соколова, дом Домбровского и трактир Гоза, забастовщики вошли в Юзовку с песнями и криками: „разобьем кабаки и магазины". Встреченные вооруженным отрядом рабочих, сорганизованных Юзом, шахтеры бежали. Седьмого мая на шахты прибыл вице-губернатор Докассовский с двумя батальонами пехоты, и началось усмирение, закончившееся арестами. Т. Новополин, описывающий эту стачку, совершенно правильно замечает, что можно проследить, как правительство более серьезно *), чем екатеринославский губернатор, отнеслось к этой стачке и в особенности обратило внимание, что наем горнорабочих не регулируется никакими правилами, как затем то же центральное правительство вынуждено было, под влиянием аналогичных волнений в других местах Донецкого бассейна, издать, наконец, 9 марта 1892 года правила о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме горнорабочих. Здесь эта связь не так заметна, как в случае Морозовской стачки, но бесспорно одно, что уже с *середины 80-х годов рабочее движение в России становится настолько заметным политическим фактором, что с ним приходится волей-неволей считаться и правительству и капиталистам.* Под его влиянием, а стало быть, и под влиянием развития производительных сил в России начинает меняться и такая идеологическая надстройка, как законы, как юридические отношения, закрепленные этим законом. Вместе с тем все ясней и ясней становится и самим рабочим, как относится к ним правительство: привлечение стачечников к суду, заключение в тюрьму, ссылка в северные губернии и в Сибирь без суда и следствия и, наконец, расстрелы, как в Жирардове,—все это, правда, медленно, но все же способствует самосознанию рабочих, как класса. Вся масса еще верит в царя и пройдет после Морозовской стачки еще двадцать лет, прежде чем эта вера будет расстреляна самим же царем, но все больше и больше становится таких рабочих, у которых этой веры уже нет и которые, как Моисеенок и Волков, пытаются сорганизовать, сплотить рабочих на борьбу с капиталистом. Самая борьба еще носит примитивный, стихийный разрозненный характер, рабочие частенько громят фабрики, магазины и кабаки, но все чаще и чаще вносится в движение сознательность и организованность. Словом, в самой России независимо от воли отдельных революционных личностей создаются об'ективные условия, благодаря которым все легче и все чаще выдвигаются личности, социалисты, пытающиеся теоретически осмыслить новое невиданное явление на Руси,—масовое рабочее движение. Нельзя сказать

*) „Летопись рев." № 2. Всеукр. изд. 1923 г

чтобы эти социалисты появились сразу, внезапно. Нет, и народники и народовольцы вели работу среди пролетариата. В сущности говоря работа народовольцев среди пролетариата не прерывалась до середины 90-х годов. В Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Ростове на Дону, Саратове и других городах у народовольцев имелись связи с рабочими, были кружки, велась пропаганда. „Народная Воля",—как известно в начале 80-х годов имела рабочую группу, где особенное участие принимали, напр., Коковский. „С особенным увлечением, затрачивая много сил, занимались в это время народовольцы пропагандой и организацией среди рабочих, как на экономической, так и на политической почве. Своей деятельности среди рабочих многие отдельные революционеры, вроде Коковского, и целые организации (напр., почти целиком все провинциальные народовольческие организации) отдавали все свои силы и все свое время, и ничто другое не отвлекало их от этих их задач: втянуть рабочую массу в борьбу с правительством было для этих революционеров главной целью их деятельности". Это утверждение „Былого" *) до известной степени верно, так как работа народовольцев среди пролетариата в Петербурге шла все время до начала 90-х годов. Даже больше того, в рабочих кружках, организованных Благоевым в 1884—5 году, согласно воспоминаниям Ольминского, вел пропаганду не социалист, а народоволец (сам Ольминский). Это был благоевский кружок рабочего Арсения Матвеевича Колодонова, наборщика по профессии. Членами этого кружка были: метранпаж Панов, конторщик Беляев, один шляпник и еще одно лицо, имя которого тоже неизвестно. Точно также и в начале 90-х годов в кружках, организованных социал-демократами брусневцами, вел пропаганду и даже играл руководящую роль тот же народоволец Ольминский Работа народовольцев в рабочей среде сталкивалась с работой социал-демократов: не редко и рабочие, считавшие себя социал-демократами или, во всяком случае, не народовольцами, ходили слушать пропагандистов в рабочие кружки, организованные народовольцами. Так, рабочий Н. Д. Богданов ходил в кружок рабочего Крутова, где занимался пропагандой тот же Ольминский. Об этой чересполосице в Петербурге, о внедрении работы только что появившихся социал-демократов в работу народовольцев и обратно, говорят все воспоминания и свидетельства.

В провинции работа среди народовольцев велась так же вплоть до начала 90-х годов. В Киеве велась пропаганда среди рабочих Ковальской и Щедриным, был даже основан „Южно-русский рабочий союз" с особой программой. Но программа эта, как небо от земли, отличалась от программы Халтурина и Обнорского. Это была типичная народническая программа с отрицательным отношением к борьбе за политическую свободу, с экономическим террором и т. п.

Союз был разбит жандармами в конце 1880 и 1881 годов, но пропаганда народовольцев шла до конца 80-х годов. В Ростове на Дону народовольцы вели довольно обширную работу среди рабочих так же еще, начиная с 70-х годов. Их организации дожили до начала 90-х годов и первые социал-демократические кружки здесь имели в своем составе и рабочих народовольцев. В Саратове, в Одессе, Харь-

*) Загр. „Былое" № 3, ст. о программе рабочих. Февраль, 1903 г.

кове, Екатеринославе, Казани, Нижнем, в Западном крае (например, в Вильне) и во многих других городах эти народовольческие рабочие организации дожили до тех дней, когда пришли новые люди, новые силы, новые деятели, которые внесли совершенно иное содержание в эту работу среди пролетариата. Но социал-демократы пришли уже на взрыхленную подготовленную почву и ни в каком случае нельзя отрицать той огромной подготовительной работы, какую проделало предыдущее поколение революционеров. Правда, эти новые люди, социал-демократы, очень быстро вытесняли народовольцев из рабочей среды, очень быстро овладевали вниманием пролетариата, но это происходило не только потому, что в силу об'ективных условий социал-демократия по праву занимала место руководительницы рабочего класса, но и потому, что своей пропагандой народовольцы настолько разрыхляли сырую почву, что проповедь социал-демократии усваивалась легко и свободно.

Об'ективные условия, без сомнения, были главной причиной успеха социал-демократии, да пожалуй и характер народовольческой пропаганды был таков, что рабочие, затронутые ею, при встрече с социал-демократами, сравнивая их новое слово со старой неопределенной проповедью народовольцев, не колебались в выборе. В самом деле, каков был характер народовольческой пропаганды? Обратимся к „программе рабочих членов партии Народной Воли“, где изложены главные, основные положения работы среди пролетариата. Не говоря уже о том, что это была все та же народовольческая программа, программа радикально-революционной партии, остановимся на той ее части, где говорится специально о задачах партии в этой специфической области работы в рабочей среде. В пункте Д и Е программы говорится о формах организации и о задачах рабочих кружков, как силы, подсобной для народовольцев в момент переворота. „Для того, чтобы добиться, говорится в программе; „чего бы то ни было, рабочие должны составлять *силу*, способную напирать на правительство и, при надобности, готовую поддержать свои требования с оружием в руках“. Эти слова подчеркнуты и К. Марксом, которому народовольцы послали свою программу *).

Но в этой же самой программе сейчас вслед за этим местом следуют такие слова: „Напасть на врагов с надеждою на победу может только вся социально-революционная партия, в которую рабочая организация входит как часть“. Рабочая организация только часть партии, это не классовая партия пролетариата, это только необходимая боевая сила народовольцев. Это знакомые нам мысли, это мысли еще революционеров 70-х годов, только яснее, резче сформулированные Желябовым, который и был одним из главных творцов этой программы.

В программе, правда, было и другое место, так же подчеркнутое Марксом. „Пользуясь уважением и любовью рабочих“, говорится там: „члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, *устраивают где нужно стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта*“. Но отмечая эту задачу рабочей организации, наро-

*) Загр. „Былое“ № 3, ст. о программе рабочих. Февраль 1903 г.

довольцы все же рассматривали „рабочие союзы“, как они очень часто называли свои рабочие кружки, как часть той социально-революционной партии, которая составляется из людей „всех сословий русского народа“ и которая собирает силы „в народе, в обществе“. Народовольцы шли в рабочую среду с задачами совершенно противоположными тем, с какими шли социал-демократы: для них рабочий класс только наиболее подходящая среда, откуда можно черпать силы для стоящей вне рабочего класса партии; для социал-демократов это — класс, который должен создать самостоятельную социалистическую классовую партию, свою рабочую партию, с классом связанную, его интересы защищающую и ведущую его на борьбу против всех остальных классов.

В программе народовольцев даже в организационном отношении эта подсобная роль рабочей организации проскальзывает ясно и определенно. Говоря о рабочих кружках, народовольцы ни слова не говорят о связи этих кружков в единую рабочую организацию.

„Кружки должны быть тайными“, говорится в программе, „недоступными для правительственных ударов“. Маркс, читая эту программу, внес у себя в своем экземпляре поправку: „Кружки должны быть связаны между собою, но в то же время тайными, недоступными для правительственных ударов“.

Ухудшенным изданием этой народовольческой программы была программа Ковальской и Щедрина в Киеве. Считая, что „главной задачей рабочих должно быть создание рабочей боевой организации“, организаторы Киевского „Южно-русского рабочего союза“ не считали возможной борьбу рабочих даже путем стачек и массовых протестов, а рекомендовали только экономический и политический террор. Совершенно правильно рассуждая, что одною из коренных причин неудач народных движений являлось „отсутствие организации народа“, организаторы южно-русского союза полагали, что задача их союза есть только борьба за экономический переворот, ибо „политические льготы, как показывает история, будут непременным результатом экономического изменения“ *).

Такие задачи, такие программы могли привлечь в лучшем случае десятки, сотни выдающихся рабочих, но явиться центром, исходной точкой, вокруг которой можно было бы создать классовую партию, не могли.

Но если народовольцы в своих рабочих кружках не могли выполнить этой задачи, зато они с успехом выполняли другую второстепенную и в высшей степени важную задачу, — подготовляли революционные кадры, численно небольшие, но достаточно развитые, цепляясь за которые, социал-демократия заводила дальнейшие новые связи в рабочей среде, расширяла и укрепляла свое влияние.

Часто, как увидим это дальше, социал-демократы, знакомясь с распропагандированными народовольцами рабочими, пользовались ими для того, чтобы познакомиться с совершенно незатронутыми народовольческой пропагандой пролетариями и затем отдалялись от этих

*) Впрочем, в Киеве Ковальская и Щедрин принимали деятельное участие в стачке рабочих арсенала (см. работу Е. Ковальской в сб. Центроархива „Южно-русские рабочие Союзы“). М. 1923 г.

старых народовольческих связей; часто социал-демократы очень быстро этих подготовленных народовольцами, нередко выдающихся, рабочих превращали в своих последователей и прекрасных работников новой организации.

За всем тем факт остается фактом: социал-демократы приходили нередко в уже достаточно подготовленную среду.

Действительно, вот как, например, рисуется работа среди пролетариата в Ростове на Дону: „О программе в деталях нечего и говорить, ее не было и не могло быть. Я знал, что пропаганда моя среди рабочих, как слоя, как класса, имеющего свои определенные интересы, и прежде всего экономические, должна была опираться или, лучше сказать, исходить из этих интересов, как наиболее понятных и близких им, рабочим. Сообразно с этим я думал, что выполню более или менее полно принятую на себя задачу, если: 1) выясню положение рабочих в настоящее время вообще как у нас, так и в других странах, т. е. выясню, что везде и всюду экономические интересы рабочего и капиталиста противоположны и при существующих условиях иначе и быть не могут, и укажу на причины такого положения; 2) укажу, что везде и всюду, а у нас в особенности, политическая власть, т. е. правительство вообще, поддерживает интересы капиталистов и помещиков против интересов рабочих и народа вообще; 3) что, при существовании у нас полного бесправия рабочих (как впрочем и других слоев) изменение экономического положения рабочего класса возможно только с уничтожением этого бесправия (т. е. при борьбе за политическую свободу, за уничтожение самодержавия) и, наконец, 4) ознакомлю с программой деятельности партии Народной Воли, т. е. выясню, что ближайшие цели партии (борьба с самодержавием для осуществления более отдаленной цели—социалистического строя) совпадают с интересами рабочего класса и потому должны быть им поддерживаемы" (Загр. „Былое", № 5—1904 г.).

Пропаганда такого характера, несомненно, была уже большой подготовительной школой для рабочих: чего не договаривал народоволец или из чего он делал неверные выводы, то исправляла жизнь и та классовая борьба, какая закипала по всей России.

Нередко на ряду с такими народническими брошюрами, как „Хитрая механика", „Сказка о четырех братьях" и т. п., народовольцы читали в своих кружках соч. Лассаля („Что такое конституция" и др.), брошюры Либкнехта и даже „Коммунистический манифест" Маркса. Сама рабочая среда, — ее потребности, нужды, уровень развития— заставляли народовольцев бросать обычные народнические издания и переходить к книгам, трактующим рабочий вопрос (напр., „Рабочий вопрос" Ланге, „Труд и Капитал" Лассаля, „Паровая машина молотилка", „Экономический вопрос" и т. д.), а общение с рабочей средой, наблюдение жизни рабочих, их гораздо большая, чем у крестьян, сознательность, их солидарность во время стачек и протестов влияли и на мировоззрение самих народников.

Это мировоззрение постепенно изменялось незаметно, неощутительно для самих народовольцев, но изменялось, и многие, через несколько лет работы в пролетариате, вдруг с удивлением констатировали, что они уже не народники, что они ближе к социал-демократам, чем к народникам. Этому изменению способствовал и тот развал, ко-

торый переживала уже в середине 80-х годов некогда славная могучая партия народовольцев.

„Народная Воля", говорит М. С. Ольминский, „в эти годы явно клонилась к упадку: все реже появлялась нелегальная литература; все менее крупными становились террористические акты (убийство Судейкина, шпиона Шкрябы в Харькове и т. п.). Вожди партии сходили со сцены, а на их место становились менее крупные люди.

На короткое время возродилась надежда на возврат недавней силы партии с приездом в Россию Германа Лопатина. Это был человек очень крупный во всех отношениях. Под его влиянием быстро стали собираться разрозненные силы; росла и крепла организация. Но Лопатину же суждено было нанести ей смертельный непоправимый удар". Арест Лопатина повлек разгром почти всей организации. „Но, конечно, продолжает Ольминский: самая роковая ошибка крупнейшего вождя не могла бы убить движения, находящегося в периоде роста. Были более существенные причины и признаки упадка. Верным его показателем было измельчание лозунгов и практических задач. Вместо цельной программы, хотя бы и ошибочной, в отдельных кружках стали выдвигаться отдельные кусочки программы. Появились террористы, не признававшие ничего, кроме террора. Создавались группы, признававшие только военные заговоры или только роль либерального „общества" *).

Словом, некогда славная партия доживала последние дни. А в то же время на историческую сцену выходил новый герой, новая сила — рабочий класс. Его первые выступления были неуверенны, робки, бессознательны, но таили в себе такую силу, уже тогда были так могущественны и грозны, что без всяких бомб и кинжалов заставляли содрогаться, казалось, тогда еще так могущественное самодержавие. Стачки 70-х годов в Петербурге, все учащающиеся забастовки первой половины 80-х годов и, наконец, грандиозные забастовки в роде Морозовской стачки или столкновения рабочих в Жирардове с человеческими жертвами—все это вместе с появлением на поверхности рабочей жизни новых людей, руководителей движения в роде Моисеенка или Волкова, выходивших из самой гущи рабочего класса, все это заставляло наиболее вдумчивых людей критически пересмотреть свои взгляды, программы и тактику. И мы, действительно, видим, как новое мировоззрение властно и решительно пробивает себе дорогу, завоевывает аудиторию, переделывает людей, внедряется свежей струей в старую, затхлую атмосферу умирающих, разлагающихся настроений, взглядов, схем и программ. Современники, сами претерпевшие эти изменения, часто не замечают их, говоря новым языком; вкладывая в старую словесную форму новое содержание, они сами не отдают себе отчета в пылу борьбы, что они уже не те, что и их взгляды и убеждения изменились. Пройдет немного лет, и они в тиши царских казематов или на далеком севере под завыванье пурги обдумают, осмыслят это изменение, подведут итоги и смело и решительно примкнут к новой жизни. Так бывает всегда, когда в глубине народной жизни на основе нового развития производительных сил новые экономические отношения создают новые общественные отношения: многое уже изме-

*) От группы Благоева к „Союзу борьбы". Давние связи.

нилось, родились новые силы, зазвучали новые слова, но только немногие понимают это, и тени прошлого, славные мертвецы еще долго будут привлекать внимание людей, делающих уже новое, нужное дело. Происходит смена общественных форм, и даже само новое еще не совсем отказалось от старых традиций, новые люди еще долго произносят старые клятвы, и только постепенно падают старые истлевшие одежды, чтобы выявить миру прекрасное живое тело и лицо.

Такую эволюцию переживала, напр., „Группа народовольцев", в которую входили: М. С. Ольминский, Н. Л. Мещеряков, Е. М. Александрова, А. А. Федулов, Л. К. Чермак, Н. Н. Фрелих, швея Н. А. Григорьева, А. А. Ергин, А. Н. Никитинский, В. И. Браудо, М. Сущинский и Н. Белецкий.

Уже тогда некоторые члены этой группы были не совсем правоверными народовольцами (речь идет о 1884—5 годах). „Насколько помню", говорит Ольминский: „в этой пропаганде Благоева и его кружка мы не видели особого принципиального греха; поэтому все время шел разговор о слиянии благоевского и народовольческого кружков, ведущих занятия с рабочими, так как в этой „специальной" области между нами, дескать, нет разногласий. Благоевцы от переговоров не отказывались, но от слияния уклонялись. В работе обособление не было строго проведено" *). Разногласия, конечно, были, и не маленькие, но был и сдвиг в сторону нового, а этим новым было народившееся рабочее движение и выражающая его интересы социалдемократия.

Что же представляло из себя это новое, эти новые люди, эти социал-демократы первой половины 80-х годов?

В своей заметке о Н. Е. Федосееве т. Ленин, говоря об арестах в Казани в 1889 году, продолжает: „Вскоре после этого марксизм, как направление, стал шириться, идя навстречу социалдемократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой „Освобождения Труда".

Таким образом, один из деятелей 80-х годов, сам являющийся организатором партии и одним из первых русских марксистов, рисует дело возникновения марксизма в России как две струи,—одну, идущую с Запада от группы „Освобождения Труда", а другую самобытную, возникшую и развивавшуюся в России, отчасти совершенно самостоятельно, отчасти под влиянием той пропаганды, какую вели деятели революционеры, знакомые с сочинениями Маркса и Энгельса. Действительно, мы уже знаем, как после ареста Л. Г. Дейча и от'езда П. Б. Аксельрода, вместе с Г. В. Плехановым, организовавших „Черный Передел", деятельность чернопередельцев, как группы, прекратилась. Но распропагандированные и вместе с Аксельродом работавшие товарищи остались в России. Они-то, эти остатки чернопередельцев, и составили первое ядро русских социал-демократов в России, дома совершенно самостоятельно эволюционирующих от народничества к марксизму. Как мы видели, уже задолго до возникновения официально-существующей первой группы социал-демократов в мировоззрении чернопередельцев имелись элементы марксизма. Эти элементы крепли и увеличивались под влиянием фактов все более и бо-

*) От группы Благоева к „Союзу Борьбы". Давние связи.

лее развивающегося рабочего движения. Морозовская стачка, наиболее выдающееся явление из этих фактов, только лишний раз подтверждала правильность пути, намеченного первыми русскими социал-демократами. Таким образом, не внезапно, а под влиянием изменившейся экономической обстановки меняются в России 80-х годов господствовавшие революционные идеологии, и чернопередельцы. П. А. Латышев и В. Е. Благославов, участвовавшие в группе Благоева, только преемственно связывают старое и новое течения.

Насколько изменившиеся экономические отношения заставляли наиболее вдумчивых из народников критически относиться к своим воззрениям и старым методам борьбы, видно хотя бы из того, что уже в самый момент образования группы „Освобождения Труда" возможно было появление таких нелегальных произведений, как одно замечательное письмо по поводу „Библиотеки Современного Социализма" *).

Издатели письма в предисловии об'сняют, что письмо частное и первоначально не предназначалось для опубликования, но в виду того, что по их мнению, в письме находятся аргументы против тех революционеров, которые придавали исключительное значение борьбе за политическую свободу и забывали о борьбе за социализм, они и решили его напечатать и распространить. Публикуя это письмо, издатели имели в виду кружки интеллигентов и рабочих, серьезно занимавшиеся революционной социалистической подготовкой.

Автор начинает свое письмо сравнением западно-европейской рабочей интеллигенции с нашей русской революционной интеллигенцией. Это сравнение оказывается не к выгоде последней: в то время, как напр., германская социалдемократия издает не только сотни брошюр по теоретическим вопросам, но печатает еще и нелегальную газету для германских рабочих, русская интеллигенция далека не только от пересмотра своего теоретического багажа, но не чувствует потребности и в его пополнении. „Провозгласив себя поборниками интернационального социализма, говорит автор: „наши революционеры постепенно дошли до революционно-славянофильского народничества, разбившегося с одной стороны в форму „Чернопередельчества" и с другой, „Народовольчества". Вместе с этим, по мнению автора, русская интеллигенция потеряла всякое стремление к ознакомлению с основами научного социализма. „Этот процесс ее превращений показывает, что такие вещи, как выработка хотя бы передовых групп среди городских рабочих с ясным социально-политическим миросозерцанием в глубине души ее мало интересует". Сказав затем о том, что русская революционная интеллигенция „индефферентная к делу социалистического воспитания рабочего класса" совсем уже потеряла способность к выработке своего собственного миросозерцания, автор указывает, что Маркс и Энгельс совершенно правильно видели центр тяжести в со-

*) Письмо целиком будет напечатано в Сборнике Истпарта по случаю 40-летия группы „Освобождения Труда" в работе т. Н. Л. Сергиевского, которым любезно и предоставлено в наше распоряжение. Это письмо-брошюра написано в конце 1883 года и напечатано в январе 1884 года, как имеет основания утверждать т. Сергиевский, в литографии Янковской в Москве. К сожалению, имени автора установить не удалось. Автор, повидимому, народник, пишет это письмо-брошюру москвичам, насколько можно судить по брошюре, в ответ на их запрос из Сибири. Брошюра эта имела довольно широкое распространение и была найдена при обысках, как в литографии Янковской, так и в других местах.

здании классовой организации „лучших рабочих“, что германская социал-демократия есть их „умственное детище и что это стремление Маркса было исторически оправдано и подтверждено, так как демократическая интеллигенция Германии, „как и следовало ожидать, оказалась впоследствии в своем громадном большинстве в ряду их либеральных и даже национал-либеральных противников социализма и пролетариата“.

Далее автор письма развивает мысль, что „общий характер освободительного движения и его историческое значение в смысле прогресса находятся в прямой зависимости от степени социально политического развития угнетенной массы и передовых застрельщиков на поле борьбы за ее интересы“. Он затем оспаривает то мнение, что ужасы французской революции об‘ясняются диктатурой якобинцев, и развивает мысль, что все противоречия этой революции только и возможно об‘яснить противоречиями „между стремлениями лучших демократов того времени, с одной стороны, и экономическим развитием Франции с соответствующими ему социалистическими тенденциями низших классов, с другой стороны“.

„Наиболее искренние демократы“, — продолжает наш автор: „смутно чувствовали и замечали, что революция идет не к установлению братства и равенства, о котором они мечтали—и им казалось, что своей личной энергией и чрезвычайными средствами им удастся доставить немедленное торжество своим идеалам. А между тем в сущности в их собственных идеалах заключались начала в корне противоположные тому царству всеобщего братства, к которому они стремились“. По мнению автора письма всякая партия только тогда сумеет выполнить возлагаемую на нее историей задачу, когда эта партия усвоит точку зрения современного научного социализма, ибо только при таких условиях она сумеет влить сознательность в стихийное и иногда даже реакционное движение масс (напр., еврейские погромы в России), и тем самым превратить это движение в революционное.

Отсюда вытекает задача для русских революционеров создать хотя бы небольшую группу социалистов, вполне усвоивших основы научного социализма. Из кого же однако можно создать такое революционное ядро? Надеяться на массу демократической интеллигенции нельзя, ибо „в виду все большего и большего выступления наружу буржуазных инстинктов и стремлений нашей интеллигенции, для которой социально-политическое развитие рабочих и собственная социалистическая выработка все более и более отходят на задний план“, из этой демократической интеллигенции не удастся создать „влиятельную социалистическую партию“.

Поэтому в данный момент автор считает возможным поставить своей задачей выработать небольшую группу таких сторонников научного социализма из меньшинства демократической интеллигенции и лучших рабочих. „Крайний демократизм нашей интеллигенции обусловливается в значительной мере тем гнетом, который лично ей приходится выносить под давлением абсолютизма. По всей вероятности, ее демократические симпатии явно улетучатся после падения абсолютизма, как это случилось с ней в Западной Европе. Удержать твердо значительную часть ее на почве теперешних ее социалистических тенденций возможно было бы только путем усиленной пропаганды теперь

в ее среде учений научного социализма, потому что люди привилегированной среды могут в большинстве случаев серьезно предаться интересам народа только под влиянием усилий мысли и теоретических доводов".

Исходя из этих соображений неизвестный автор-социалист приветствует начинания группы „Освобождения Труда", хотя и считает, что у самой группы „нет никаких твердых точек опоры в ее социально-политических мировоззрениях, нет строго продуманного критерия для оценки окружающих явлений, для понимания реальных требований данной минуты и связи их с условиями дальнейшего развития".

Таким образом мы видим, что какой-то несомненно народник, ошибавшийся в оценке Группы „Освобождения Труда", тем не менее ясно уже видел несостоятельность теоретических позиций и народников и чернопередельцев и правильно оценивал историческую роль той демократической интеллигенции, которая, по его мнению, есть не что иное, как самая естественная часть той самой буржуазии, какая уже существует в России, часть, глубоко враждебная социализму и пролетариату. Казалось бы, отсюда должен был вытекать неизбежный вывод, — создание классовой пролетарской партии. Вывода этого однако автор письма не делает и ограничивает свою задачу подготовкой 300—400 социалистов, усвоивших основы научного социализма. За всем тем важно уже и то, что тогда еще, в 1883 году, даже среди народников возникает мысль о подготовке таких социалистов не только из меньшинства интеллигенции, но и из рабочих.

И прежде рабочие, как мы знаем, втягивались народниками в революционное движение: еще в начале 60-х годов судились по процессу Хохрякова рабочие В. Трифонов, Е. Коченков и Федоров, в 1863 году Яков Ушаков получил 4 года каторги за пропаганду среди рабочих, чайковцы, долгушинцы, лавристы, народовольцы и чернопередельцы,—все они работали в пролетариате. Революционное движение 60-х и 70-х годов выдвинуло не одно славное имя революционера рабочего, стоит только вспомнить такие яркие фигуры, как Петр Алексеев с его речью, Агапов, Виктор Обнорский, Халтурин, Митрофанов, Марк Малиновский и множество других, но вся эта работа среди пролетариата имела целью создать либо народников-пропагандистов для деревни, либо впоследствии революционеров-террористов; рабочий класс играл подчиненную роль; демиургом истории была критически-мыслящая личность, интеллигенция, это было непогрешимое убеждение всех революционеров, и только в начале 80-х годов появляются мнения, критически взглянувшие на эту самую критически-мыслящую личность, на роль интеллигенции в революции. Письмо неизвестного автора—документ, отражающий эту критику народнических взглядов, этот кризис, уже назревавший в самом народничестве. Насколько далеко зашел этот кризис, эта критика народнических взглядов, свидетельствуют показания Якубовича во время следствия по делу народников. Рассказывая об организации группы „молодых" народовольцев, Якубович указывает, что он и его некоторые товарищи пришли к заключению, что многие взгляды народовольцев ошибочны и что необходимо центр тяжести революционной работы в народе перенести в среду рабочих. Чернопередельцы также вели работу среди пролетариата: они даже издавали особый орган для рабочих „Зерно".

Конечно, такие журналы, как „Зерно“, далеки были от марксизма, но, внимательно всматриваясь в статьи этого издания, в нем замечаешь новые элементы, новые мотивы, несвойственные старому народничеству. Рабочие—главный об‘ект этого журнала, организацию рабочих пропагандирует этот рабочий листок. Правда, язык этого листка подчас вульгарен, выражения в роде: „Отчего же и не выпить, выпьем! Да и насчет жратвы-то пройдусь, потому в городе был“ — пестрят среди агитационных рассказов журнала, но зато в большинстве случаев язык этот сочный, яркий, образный и совершенно доступный массе. В этом отношении „Зерно“, действительно, являлся массовым листком, доступным для понимания той массы, для которой он предназначался,— широкой рабочей массы, устремившейся из деревни в город. Журнал „Зерно“— рабочий листок в каждом номере имел, кроме серьезной статьи (напр., в № 3 говорилось о том, что такое социализм), еще обязательно агитационный рассказ („За кого царь“ в № 3, 4 и 5, „Мужицкая беседа“ в № 6), где в форме диалога велась ярко политическая агитация против самодержавия. Содержание, напр., номера шестого („Зерно“, рабочий листок, ноябрь, 1881 г., цена 3 коп.) таково: Передовая статья; 10 ноября 1881; вторая статья „Русская жизнь“, и третья „Мужицкая беседа“. Чтобы читатель мог судить о направлении журнала, приведем некоторые выдержки из него. В статье номера четвертого (от августа 1881 г.), служащей продолжением статьи третьего номера о социализме, рассказывается, как же добиться этого социализма.

Оказывается, для этого нужно совершить вооруженное восстание против дворян, буржуазии и царя, который с ними заодно. Буржуазия, оказывается, „стремится к тому же, что и дворяне, она хочет стать лишь на их место или, по крайней мере, на ряду с ними властвовать над народом, хочет, чтобы дворяне и ее допустили свободно грабить народ“.

На кого же можно надеяться? На самих себя, т.-е. на рабочих и крестьян. Во всех революциях дело было так, что народ завоевывал свободу, а плодами побед пользовалась буржуазия, Кавеньяки же расстреливали рабочих. На Западе рабочие завоюют социализм потому, что рабочий класс там многочислен и уже организован, а у нас в России рабочих еще мало.

„Русский народ живет по преимуществу в деревне: там он землю пашет и рукомеслом занимается. В городах на фабриках и заводах работает сравнительно со всей массой крестьян немного рабочих. Одних городских рабочих недостаточно для того, чтобы одолеть всех врагов народных. Они могут сделать почин восстания, прогнать власти своего города, захватить на время управление городом в свои руки. Но всего этого недостаточно для окончательной и полной победы. Рабочее восстание в городах должно быть поддержано крестьянским восстанием в деревнях, притом по возможности в большем количестве местностей“...

Это излюбленная идея революционного народничества, но это уже не старый бакунинский бунт, ибо вслед за этим автор статьи говорит: „Помните это, рабочие социалисты! Знайте, какое громадное значение для общенародного дела имеет ваш союз с деревенскими крестьянами“, и, сказав это, автор сейчас же прибавляет: „Но главная ваша забота и главная ваша деятельность должны направляться на вашего же брата, городского рабочего. Приобретайте всюду сторонников своему

делу. Проповедуйте свои стремления словом и делом. Старайтесь всячески расширить рабочее движение"...

Автор, однако, не ограничивается этими общими замечаниями и говорит далее *о союзе рабочих, как о партии.*

„Но ваша деятельность никак не должна ограничиваться одной пропагандой. Всякая живая партия не может не заявлять себя более решительно и резко: рабочее движение на пути к достижению своей великой цели часто натыкается на преграды и затруднения, которые ставят ему враги народные. Нужно опрокидывать эти препятствия во что бы то ни стало, хотя бы с значительными жертвами. Только ведя постоянную и энергическую борьбу с врагами народа, *рабочая партия* (курсив наш *В. Н.*) может разростись широко и стать грозной силой, перед которой падет современная неправда" (Стр. 3 в № 4).

Далее автор прямо указывает и средства борьбы в данное время: стачки, борьба с мастерами и террор против шпионов.

Для чего нужна эта рабочая партия и каким путем она добьется социализма?

Прежде всего нужно добиться того, чтобы народ управлял через своих выборных.

В другой статье того же № 4 „За кого царь" агитатор говорит рабочим: „Зачем брехать! ведь я не сказывал, чтобы это значит, всякий, что хошь делал! Надо, чтобы нами управляли не царь с барами, а свой народ, выборный, везде был на службе.

И суд свой у нас будет, коли кто проштрафится, и подать сами налагать будем по согласью, значит, и казну то усчитывать наши же будут, чтобы доподлинно знать нам, на какие дела наши денежки идут".

А чтобы добиться такого управления и государственного устройства, нужна революция. „Только революция, заканчивается статья № 6 „Зерна": „т. е. общенародное восстание с целью заменить невыгодные народу порядки лучшими и создать такое правительство, которое стояло бы за народ, принесет народу облегчение и освобождение! К этому следует готовиться и призывать рабочий люд и крестьянство".

Все это, конечно, далеко не марксизм, но в высшей степени знаменательно свидетельство Ковальской, которая сообщает в своей работе о „Южном Рабочем Союзе", что как раз в 1880 году Аксельрод показывал ей программу, где была смесь народовольчества с германской социал-демократией: не отразилась ли эта смесь, эта программа и на „Зерне", где так же, на ряду с самым чистым народничеством, выглядывает и народовольчество и рабочая партия? *).

Во всяком случае, можно сказать, что уже к моменту образования группы „Освобождения Труда" в самом народничестве стали проявляться тенденции к критическому пересмотру своей старой программы.

Эти тенденции чем дальше тем больше проявлялись все резче и разделились на две струи,—одна ликвидирующая революционную борьбу (слова А. П. Корбы о том, что „партия желает реформ сверху, но реформ искренних, полных, жизненных" или заявление о призыве с высоты трона) и другая, все более и более склоняющаяся к новому

*) См. „Южно-русские Рабочие Союзы", изд. Центрархива.

пути, пропаганде среди рабочих и организации самостоятельной классовой партии пролетариата.

„Партия русских социал-демократов“, или группа Благоева, возникла в 1884 году. Один из ее основателей Дмитрий Николаевич Благоев *), болгарин по происхождению приехал в Россию учиться. Будучи студентом Петербургского университета, он познакомился со многими чернопередельцами, а после 1 марта 1881 года и со многими народовольцами, уцелевшими от разгрома.

Дмитрий Николаевич Благоев.

„Споры на этих собраниях и сходках“, говорит Д. Н. Благоев в письме к социал-демократу Кольцову: „чтение общей литературы по общественным вопросам и специально по революционному движению убедили меня, что ни народовольчество, ни народничество во всех его разновидностях не могут научно быть доказаны... Тогда я обратился к изучению „Капитала“ Маркса и сочинений Лассаля. Целый 1883 г. я употребил на штудирование нового мировоззрения“... Уже в конце 1883 года Благоев начал пропаганду учения Маркса и первыми его товарищами были опять же чернопередельцы, которые вместе с ним и составили группу, назвавшую себя „Партией русских социал-демократов“. Наиболее выдающимися и деятельными членами этой партии являлись П. А. Латышев, В. Е. Благославов, В. Г. Харитонов, Н. А. Бородин и П. Н. Шатько, П. Н. Аршаулов и В. А. Кугушев, Андреев и др.

В течение 1884 года „партия русских социал-демократов“ занялась организацией рабочих кружков, которые и начали функционировать почти во всех пролетарских районах Петербурга, — на Васильевском острове, на Шлиссельбургском тракте, на Выборгской и Петербургской стороне. Для обслуживания этих кружков сорганизовали библиотеку легальных и нелегальных книг. Однако нужда особенно в нелегальной литературе была очень велика. Пытаясь завести регулярные сношения с группой „Освобождения Труда“, благоевцы в своем письме Плеханову и его товарищам жаловались на недостаток литературы: „В этом отношении здесь такое безобразие, что сказать нельзя: скоро, кажется, „Вестник Народной Воли“ и др. печатные

---

*) О Благоеве см. ст. Д. Кольцова в прил. к „Истории револ. движ. в России“ Туна, ст. Николаевского в „Былом“ за 1918 г., № 13, „Пролет. револ.“, № 5 и В. Невский Матер. для биогр. словаря“, см. в конце книги.

издания будут продаваться на вес золота, нелегальные библиотеки с последними арестами провалились, так что теперь человеку желающему познакомиться систематически с революционной литературой, нет никакой возможности. Мало того: у рабочих групп нет и 2-х экземпляров „Сытых и Голодных", книжки безусловно необходимой для занятий с рабочими" *).

Этот недостаток литературы отчасти и заставил благоевцев искать связи с группой „Освобождения Труда" и подумать о постановке своей собственной типографии и издании своего органа. Но, конечно, не только нужда в литературе заставляла первых русских социал-демократов обращать свои взоры на Запад: нужна была, главным образом, идейная поддержка в той атмосфере развала и разброда, который чувствовался в рядах умирающей „Народной Воли". Новое течение революционной мысли именно в идейном отношении требовало поддержки, так как именно с этой стороны социал-демократы подвергались нападениям со стороны народничества. Ведь народовольцы по прежнему продолжали повторять зады и даже почти год спустя, после Морозовской стачки, в передовице „Народной Воли" (в октябре 1885 г.) писали: „У нас в России никогда не было никаких сословных сил кроме единой и нераздельной народной деревенской массы. И дворянство, и духовенство, и недавно проглянувший из гнили чахлый росток буржуазии, все это было исключительно создаваемо правительством по его усмотрению и по его же усмотрению продолжало существовать, изменялось или вовсе исчезало". Так писали народовольцы как раз в то время, когда под ударами рабочего движения в тиши правительственных канцелярий, в результате Морозовской стачки, подготовлялся закон о штрафах.

Понятно, что новой группе революционного движения необходимо было позаботиться как о выработке своей программы, так и о постановке своего органа, где можно было бы откликнуться на все важнейшие теоретические и практические вопросы дня. Действительно, благоевцы в течение 1884 года вырабатывают проект своей программы, посылают его группе „Освобождения Труда" и „Народной Воле" и подготовляют издание своего органа, который и выходит под названием „Рабочий" в январе 1885 года.

Группа „Освобождения Труда", как известно, не одобрила выработанного благоевцами (повидимому, П. А. Латышевым) проекта программы. Анализируя эту программу, и сопоставляя ее с программой Группы „Освобождения Труда", мы понимаем теперь, почему это одобрение не было дано: в ней еще нет той принципиальной выдержанности, той марксистской ясности и четкости, какие должны быть присущи программе социал-демократии; в ней, как сознается и сам Д. Н. Благоев, господствовали взгляды, представлявшие „смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом". В самом деле, если сравнить те идеи, какие высказывают авторы благоевской программы о государстве, с Лассалевскими взглядами, то мы увидим, откуда черпали свои понятия организаторы первой русской социал-демократической группы. Лассаль, пропагандируя свои ассоциации, так определяет современное государство: „Что такое государство?

*) „Былое", 1918 г. № 13 ст. Николаевского.

спросил я, и теперь вы видите из нескольких цифр яснее, чем из толстых томов, что государство—это вы, великая ассоциация беднейших классов!" Исходя из этой мысли, Лассаль и полагал, что ассоциация рабочих с помощью государства и выведет рабочих из их бедственного положения. „... Я доказал вам", говорит Лассаль в „Гласном ответе Центральному комитету": „что государство есть ничто иное, как великая организация, великая ассоциация рабочих классов. Следовательно, помощь и поощрение, которыми государство дало бы меньшим ассоциациям возможность существовать, были бы не что иное, как совершенно законная и естественная общественная самопомощь рабочих классов, как великой ассоциации, самим себе и своим членам, как отдельным личностям". Повторим: „Свободная индивидуальная ассоциация работников, но осуществленная помощью и покровительством государства, есть единственный выход из бедственного положения рабочего сословия". Но выход этот, т. е. образование такой ассоциации, возможен, по мнению Лассаля, только в государстве с общим и прямым избирательным правом.

Мы видим, как в только что приведенном определении государства Лассаль был далек от истины, как им не охарактеризована самая сущность современного буржуазного государства, — этой организации, защищающей интересы одного класса, — капиталистов. Беря благоевскую программу, мы также видим, как близко подходят их взгляды к только что приведенным взглядам Лассаля. Указав, что наиболее могучей формой общественной жизни является государство, благоевцы говорят: „Государственный строй, в той или другой форме, всегда является воплощением известного нравственного принципа, но до сих пор государство благодаря узости этих принципов всегда служило интересам отдельных классов в ущерб народу". Затем развиваются мысли о господстве в современном государстве свободы конкурренции и о неправильном распределении продуктов под влиянием этого закона конкурренции. Конкурренция же приводит современное общество к новым формам производства—крупной промышленности и к новым формам организации и идее социализма. „Социализм является, как логический вывод из исторического хода вещей". Идеал социализма—обобществление труда и равномерное распределение продуктов вполне может быть достигнуто только в том случае, когда будет произведена экспроприация земли и орудий производства в собственность государства и когда труд будет организован на началах коллективизма.

„Но процесс обобществления труда", говорится далее в программе: „под властью капитала идет путем медленным и мучительным, и нельзя ждать, сложа руки, того времени, когда железные законы конкурренции сорганизуют рабочее сословие и поставят его противу кучки капиталистов того времени, когда будет возможен полный и радикальный переворот социальных отношений.

„Необходимо устремить усилия на то, чтобы ускорить и облегчить этот процесс, подготовить путь грядущему воцарению социализма, что возможно лишь путем вмешательства государственной власти в экономические отношения.

„Остановить развитие крупного производства и нет возможности и незачем. Задача государства должна заключаться в том, чтобы заменить капитализм индивидуальный производительными ассоциациями

рабочих, земледельческих и промышленных, оставляя за собой верховное право собственности на земле и орудия производства".

Мы видим, таким образом, что эти идеи о производительных ассоциациях и о помощи государства—Лассалевские идеи. Как Лассаль полагал, что „совершить это развитие свободы, развитие рода человеческого для свободы есть функция государства" и что „настоящая нравственная сущность государства" есть: „положительно развивать и постепенно совершенствовать человека", так и авторы нашей первой социал-демократической программы искренне были убеждены, что „нравственная сущность", „нравственный принцип", как говорят они, так или иначе всегда воплощается в государстве и что с помощью государства и при том постепенно только и возможно освободить рабочий класс и перестроить общество.

Известно, в чем состояли ошибки Лассаля. Маркс вскоре после смерти Лассаля писал в 1868 году Швейцеру об этих ошибках в следующих выражениях: „Что касается союза Лассаля, то он возник в эпоху реакции. После 15-летнего сна, Лассаль снова пробудил в Германии рабочее движение, — и это остается его бессмертной заслугой. Но он совершил крупные ошибки. Он слишком поддался влиянию наличных условий того времени. Мелкую исходную точку—свою противоположность ничтожному Шульце-Деличу—он сделал центральным пунктом своей агитации, — государственную помощь в противоположность самопомощи. Таким образом, он снова выдвинул тот лозунг, который Бюгие, — глава французского *католического* социализма, — выставил в 1843 г. против действительно рабочего движения во Франции. Будучи слишком интеллигентным, чтобы считать этот пароль чем-то большим, чем просто переходным pis aller (на худой конец), он мог его оправдать только тем, что он непосредственно (яко бы) является практичным. Для этой цели он должен был утверждать, что это может быть осуществлено в ближайшем будущем. „Государство" превратилось, таким образом, в прусское государство. Таким образом, он был вынужден сделать уступки прусской монархии, прусской реакции (феодальной партии) и даже клерикалам". Указав затем, что Лассаль соединяет свою государственную помощь производительным ассоциациям с чартистским лозунгом избирательного права, Маркс говорит, что он не понял различий в положении Англии сороковых годов и Германии 60 х и, главное, „не искал реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по известному, определенному доктринерскому рецепту" *). Если, по мнению Маркса, крупной ошибкой Лассаля было возлагать надежды на прусское государство, то во сколько раз крупнее эта ошибка была в наших русских условиях, когда авторы благоевской программы возлагали свои надежды на российское государство, где не было даже еще буржуазно-демократического строя и где этот строй надлежало еще завоевать в борьбе против самодержавного государства.

Но что было ясно для Маркса и тогда уж для таких его учеников, как Плеханов, то было далеко не ясно для русских революционеров да

*) См. сочинения Лассаля (том I, СПб. 1870 г.) и письма Маркса и Энгельса. Москва 1923 г., под ред. и со вст. статьей *В. Адоратского.*

еще бывших чернопередельцев, т. е. тех же народников Плеханов уже выработал свое социал-демократическое, вернее, свое марксистское миросозерцание: „годы пребывания заграницей и внимательного изучения социального вопроса“ убелили его, как говорит он в предисловии к книге „Социализм и политическая борьба“, в ошибочности прежнего мировоззрения, мало того, они дали ему в руки незаменимое оружие—диалектический метод Маркса, предохранявший от ошибок и заблуждений старого народнического подхода к русской действительности. И в программе Группы „Освобождения Труда“ (1884 г.) стояло такое же требование, как и у благоевцев, и их программа требовала, напр., государственной помощи производительным ассоциациям, но в то время, как благоевцы считают, что государство „в той или другой форме, всегда является воплощением известного нравственного принципа“ и, что „истинная и первейшая цель *всякого* (курсив наш. В. Н.) государства—дать возможность всем своим членам достигнуть наибольшего развития“, Плеханов и его товарищи в своей программе покинули эту моральную точку зрения и стали на почву классовой борьбы. Поэтому, к вопросу о государстве они подходили совершенно иначе и определяли его, как классовую организацию, охраняющую интересы господствующего класса. „Не вдаваясь в утопические фантазии, говорится в программе Группы „Освобождения Труда“: относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ—именно *государства, как политической организации, противостоящей обществу*, и охраняющей, главным образом, интересы его господствующей части“.

Исходя из такого понимания Группа „Освобождения Труда“ не искала какого-либо нравственного принципа в государстве и смотрела на дело так, что рабочий класс в своей борьбе придет к уничтожению государства, ибо в бесклассовом обществе, где будет отсутствовать угнетение одним классом других, отпадет нужда и в орудии угнетения—государстве. Само государство должно было, по мнению Плеханова, послужить в своем диалектическом развитии орудием уничтожения всякой государственной власти: захват власти мыслится Плехановым, как диктатура пролетариата, диктатура класса, в продолжение господства которого государство постепенно отомрет, а рабочий класс воспользуется своей диктатурой для того, чтобы произвести социалистический переворот и, стало быть, покончить с классовым обществом, т. е. установить такой строй, где нет никакой надобности в государстве. Борьба с абсолютизмом, завоевание политической свободы является ближайшей задачей обоих разбираемых программ; демократический строй государства и той и другой программой признаются необходимым условием более успешной борьбы за социализм, но в то время как переход к социалистическому перевороту Плеханов представлял себе не иначе, как через диктатуру пролетариата, благоевцы рассуждали иначе. „Политическую свободу“, говорит Благоев в письме к Кольцову: „мы считали первым необходимым условием для того, чтобы можно было бороться для социалистического переворота. А этот последний мы представляли себе по Лассалю, т. е. через рабочие ассоциации, субсидируемые государством“.

Но кроме этих элементов лассальянства в программе благоевского кружка были и элементы лавризма. Эти элементы особенно

ярко выявлены в некоторых статьях благоевского журнала „Рабочий“. Уже в первом номере журнала в передовой статье под заглавием: „Чего недостает рабочему народу“, автор приходит к заключению, что, кроме пищи, одежды, жилищ, хороших заработков и хороших порядков, рабочему народу не достает *знаний*. Знания же эти, между прочим, нужны для того, чтобы понять ту истину, что государство может и должно служить интересам всех граждан. Если же нынешнее государство таково, что защищает интересы только кучки привилегированных людей, то его нужно изменить.

„История всякого государства,—говорится в этой статье,—начинается с рабства, с подчинения большинства людей меньшинству. Причины такого несправедливого устройства вовсе не в судьбе, а просто напросто *в незнании*. Если люди *не знают, что государство может и должно служить интересам всех их без исключения, то такое незнание всегда* приводит к неправде. Если люди не знают, что интересы всех их согласны между собою и тесно связаны друг с другом, то такое незнание всегда приводит к угнетению слабых сильными“. „...Одним словом, *незнание всегда* приводит к угнетению“. А так как, по мнению автора статьи, „государственная жизнь одна только может дать полное счастье“, то и нужно изменить государство так, чтобы оно давало полное счастье. Но для этого нужно знать, как изменить государство. Народ темен и не знает, как установить лучшие порядки, а потому, „как ни смотри на дело, выходит, что самое главное, чего не достает рабочему народу—*знание*“. Хорошее государство, в которое заложено нравственное начало, и должно было бы давать эти знания народу, но оно их не дает, и потому такую задачу берет на себя, по словам автора статьи, газета „Рабочий“. А так как для того, чтобы государство могло давать знания народу, необходимо изменить плохие государственные порядки, которые препятствуют народу приобретать знания, то ближайшими задачами рабочего народа является „в приобретении свободы: преподавания, знания, сходок и общественных собраний, слова и печатания“.

Продолжением и более обширным развитием высказанных в этой статье мыслей служит статья второго номера „Знание и Критика“. Здесь уж автор прямо почти повторяет положения о критически-мыслящих личностях.

Автор берет в качестве такой критически-мыслящей личности Пугачева и говорит, что „Пугачев так же, как и окружающие его, вырос среди неправды, весь свой век видел эту неправду, но не махнул на все рукой, не говорил, что все от бога. Он пересилил привычки своего времени, не посмотрел на зло, как на что-то необходимое и неизбежное, а начал доискиваться причин и предложил средства к устранению его. Эта способность доискиваться причин замечаемых нами явлений и разбирать, какие из них способствуют, а какие препятствуют счастию людей,—называются *критическою* способностью. Это великая способность человеческого ума. Ведь, чтобы изменить что-нибудь к лучшему, надо сперва сознать, что прежнее плохо, надо сознать, что можно изменить это плохое, надо указать причины дурных порядков, чтобы знать, куда направить свою силу. Все это и делает критика“. Но Пугачев, однако, не освободил народа, да и не мог освободить его, потому что он не знал, какие же причины создают

того самого помещика, против которого он поднимал народ, и потому теперь народу, если он хочет изменить государственные порядки к лучшему и своей пользе, нужно узнать эти причины, а для этого нужно знать многое и многому учиться. Отсюда „само собою понятно, что дело преобразования не покажется уже таким легким, как в то время, когда человек видел одну только причину всех несчастий (как Пугачев видел причину бедствий только в помещиках)... Как только человек увидит, что всякое общественное явление зависит от множества самых разнообразных причин, он поймет, что не так легко и не так скоро можно изменить эти причины. Пугачев звал за собой народ, говоря: „Перебьем помещиков, и на земле водворится рай". Мы тоже зовем с собой народ, но мы говорим: „Надо долго и упорно работать, учиться и тогда, если не мы, то дети и внуки наши вздохнут свободнее, они, а не мы увидят „новые небеса и новую землю, в них же правда живет [Евангелие]".

Стоит только сравнить эти мысли с некоторыми страницами сочинений Лаврова, чтобы убедиться, где лежат корни этих только что приведенных взглядов благоевской группы.

Действительно, по мнению Лаврова, развитие общества сводится к развитию личностей. „Развитие личности", говорит он: „в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости—вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом". И, как вывод отсюда, вытекала та мысль, что „обществу угрожает опасность, если оно заглушит в себе критически-мыслящие личности". И потому, раз прогресс совершается этими критически-мыслящими личностями, побольше таких личностей, все для того, чтобы распространять знания для увеличения числа таких критически-мыслящих личностей.

Известно, к чему приводила эта проповедь Лаврова: с одной стороны, на сцену истории, как ее двигатели, выступали герои, а с другой, вместо революционной борьбы, работа революционеров превращалась в самую обыкновенную культурническую деятельность, и самая революция откладывалась на неопределенно долгое время. „Лишь строгою и усиленною личною подготовкой", говорит Лавров в журнале „Вперед" в 1873 году: „можно выработать в себе возможность полезной деятельности среди народа". Эти же мотивы, как мы видим, звучат и в статьях „Рабочего" [„дети и внуки наши вздохнут свободнее"...].

Но, конечно, благоевцы были бы чистыми народниками, если бы они ограничивались только такими идеями в своей программе. Они шли дальше и в той же программе, которую они послали Плеханову, уже имеются в зародыше те основные взгляды, на каких скоро будет построена программа Российской социал-демократической рабочей партии.

Элементы эти следующие. Переход к социалистическому строю от современного индивидуалистического возможен только через развитие крупного производства, через капитализм. Классовое общество и государство может быть уничтожено только развитием классовой борьбы и, стало быть, классового самосознания рабочих. Но так как в России развитие капитализма—процесс запоздалый по сравнению с западно-европейским обществом, то прежде чем добиваться отмены частной собственности на землю и орудия производства и вообще для

более успешной борьбы за максимальные требования (за социализм), необходимо добиться того, что уже есть на Западе, т. е. демократического строя со всеми его гарантиями и свободами. Главной силой в этой борьбе является рабочий класс, который и должен стремиться образовать свою самостоятельную рабочую партию. „Рабочий народ", говорится в „программе рабочих", напечатанной в первом номере журнала: „представляет *единственную* силу, которая может бороться с правительством". Правда, эта мысль в том проекте программы, который был послан благоевцами Плеханову выражена не так ярко, как здесь; в этом проекте как будто мыслятся самостоятельные организационные группы социал-демократов среди рабочих, среди крестьян и среди городской интеллигенции. Так, об этих последних в программе говорится: „Группы эти должны организоваться между собою в смысле взаимной поддержки, обмена сведений и постановки литературного дела. Для удобства этих сношений—регуляции свободных денежных средств, направление людей в желательные и доступные местности, редактирование руководящего органа—необходим местный центр с представителями от местных групп". Такие же группы создаются и среди рабочих, а через рабочих устанавливается связь и с крестьянами. Местные группы совершенно самостоятельны и местные центры не являются принудительною властью. Террор, как систему, имеющую целью вынудить политические уступки у правительства, благоевцы отрицали и признавали его в трех случаях:

„Когда само население намечает жертвы из среды администрации, когда жертвы намечаются партией из лиц высшей администрации, и их гибель не может вооружить против себя общественного мнения и недовольства народа и в случаях самозащиты от шпионов".

Ясно, почему Плеханов и его товарищи не одобрили программы первых „русских соц.-демократов". Плеханов и высказал свои взгляды на задачи русских социал-демократов в статье, напечатанной во втором номере „Рабочего",—„Современные задачи русских рабочих". Эта по истине блестящая статья в удивительно яркой, хотя и сжатой форме, ставит вопрос о задачах русской социал-демократической рабочей партии в совершенно иную плоскость. Раз'яснив, почему партия должна носить название рабочей и в каком отношении должна она быть с другими непролетарскими элементами страны, Плеханов вскрывает самую сущность капиталистической эксплуатации и устанавливает зависимость и связь политического гнета с угнетением экономическим. Доказывая затем мысль, что всякая борьба экономическая не может не быть в современном государстве в то же время и борьбой политической, он подчеркивает своевременность и необходимость для русских рабочих уже в то время борьбы с самодержавием и указывает, какие огромные выгоды приобретет рабочий класс от завоевания политической свободы. Напомнив об ошибке народников, отвергавших борьбу за политическую свободу, и указав на то, как классовый инстинкт помог „Северно-русскому рабочему союзу" пойти по верному пути, Плеханов говорит, что сила рабочего класса зависит от его сознательности, сплоченности и тактики. Неудачи борьбы рабочего класса в 70-х годах проистекали от недостатка этих трех условий. Поэтому в настоящее время необходимо увеличивать сознательность рабочего класса т. е. поставить социалистическую пропаганду в рабочих круж-

ках; это, в свою очередь, поможет сплоченности отдельных кружков в единую могучую рабочую партию, которая должна бы выработать такую революционную тактику, которая помогла в каждый данный момент использовать в интересах пролетариата решительно все выгоды данного положения. Здесь Плеханов останавливается на том взаимоотношении классов, какое по его мнению тогда существовало в стране. Резюмируя все сказанное, Плеханов говорит: „Итак, что же вам предстоит теперь делать? 1) Развивать сознательность в среде наших товарищей, 2) организовать и сплачивать их силы, 3) направить эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы вам возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а, главное, облегчили бы вам вашу окончательную победу в будущем".

Но нельзя, конечно, сказать, что программа благоевцев представляла одну сплошную ошибку; выше было уже указано, что в ней были здоровые и жизненные элементы. „Рабочий народ, говорят благоевцы,—„представляет *единственную* силу, которая может бороться с правительством". Но, чтобы он мог стать такою силой на деле, необходимо добиться сплоченности и сознательности и повести за собою крестьянство, тогда никакое правительство не страшно рабочему, тогда возможно будет осуществить и коренное переустройство общества, т. е. социализм, но, чтобы осуществить эти отдаленнейшие цели, нужно уже сейчас добиваться Земского Собора и затем свободы сходок, собраний, слова, печати и т. п. Эти мысли и развиваются благоевцами в первом номере журнала в статье „Чего добиваться рабочему народу". Еще яснее и категоричнее мысль об образовании рабочей партии высказана в статье первого номера „По поводу фабричных волнений". Описав происходившие в то время стихийные взрывы рабочих на Вознесенской мануфактуре, на Морозовской фабрике и иных местах, автор статьи указывает, что не эти вспышки помогут рабочим, а что единственным средством может быть только одно, — *„образовать из себя рабочую партию с определенной программой требований и определенным планом действий"*.

На практике первые русские социал-демократы развили большую работу. Они создали большую и солидную организацию или вернее две организации, так как в конце 1885 и начале 1886 года организация русских социал-демократов сильно пострадала от арестов.

Организаторами дела были кроме Благоева В. Г. Харитонов, Н. А. Бородин, братья Андреевы, князь Кугушев, Шатько, Аршаулов и некоторые другие молодые люди. Дело организации началось еще зимою 1883 года и просуществовало более трех лет, когда в 1887 году была окончательно разрушена жандармами. Можно сказать, что было собственно две организации: первая, где главную роль играли Благоев, Харитонов, Бородин, Кугушев и Латышев, и вторая, где главную работу несли на себе Андреев и те же самые члены, что и в первой группе, Латышев и Кугушев. Идейными вдохновителями всей работы, насколько можно судить по дошедшим до нас, отрывочным данным, являлись Благоев, Латышев, Бородин, Андреев Петр, Кугушев. По крайней мере, имеются некоторые данные утверждать, что автором программы был Латышев и перечисленное основное ядро; он же разрабатывал и теоретические вопросы.

Пропагандистской работой среди рабочих занимались, главным образом, студенты и курсистки: сам Благоев, Аршаулов, Герасимов, Шатько, Ахмаметьев, Гуревич, Плашунов, Фомин, Андреев Николай и др. Группа имела свою „технику", гектографы и типографию. Технической группой заведывали князь Кугушев и Познер, типографией ведали Харитонов и Познер. В этой отрасли работы принимали еще участие Гильгенберг, Теселкин, Слепченко и Гофман. Транспортом литературы занимались Яковенко и Магат, а также Шатько, который сам ездил в Вильно за транспортом от Группы „Освобождения Труда", хранили литературу и ведали библиотекой Голубенко, Носков, Станишевский, Соколов и Герасимов; организацией, собиравшей деньги, повидимому, занимались Соколов и Герасимов и, наконец, в ведении Сюзумовой были квартиры, адреса и явки.

„Партия русских социал-демократов" завязала сношения с заграницей, с Группой „Освобождения Труда" и „Народной Волей". Эти сношения, как можно теперь установить с достоверностью *) не исчерпывались только вопросами теоретического характера; вопросы практические занимали важное место в этой переписке, — транспорт литературы, конспиративные адреса, сообщения о положении дел и т. п. — все это находило место в письмах той и другой стороны.

Организация погибла как раз вследствие раскрытия царской полицией, в числе других, и этой переписки. Прежде всего группа пострадала во время ареста Германа Лопатина, когда у него среди других адресов был найден и адрес князя Кугушева и Познер. Кугушев был подвергнут допросу и отпущен, а Д. И. Познер арестован, так как у него нашли части первой типографии, шрифт и набор „Хитрой механики".

Полиция, однако, не напала на след „партии русских соц.-демократов" и предполагала, что Познер член партии „Народной Воли". В 1885 году, летом был арестован Д. Благоев вследствие перехваченного полицией письма хозяина народовольческой дерптской типографии Переляева к Емельянову, члену партии „Народная Воля". В письме упоминался Благоев. Его выслали в Болгарию (летом 1885 г.), откуда Благоев написал в Департамент полиции письмо, в котором сообщал, что шрифт Позерну дал он на хранение. Таким образом, на время подозрения полиции были отвлечены от группы, но вскоре жандармы перехватили переписку партии с Группой „Освобождения Труда" и в декабре 1885 г. и январе 1886 г. произошли первые аресты. В конце 1886 и начале 1887 г. произошел второй провал и в том же 1887 г. была ликвидирована и третья, примыкавшая к партии, военная группа. Есть основание предполагать, что внутри группы были провокаторы или освободители: по крайней мере, об этом говорят документы.

Первый раз были арестованы: Василий Григорьевич Харитонов, б. студент Петербургского университета. Он ведал типографией, которая у него и была найдена со множеством типографских принадлежностей и с 60 экземплярами первого и второго номера „Рабочего"; Николай Андреевич Бородин, кандидат Петербургского университета, организатор кружков, ведал сношениями с заграницей; Матрена Григорьевна Голубенко, слушательница акушерских курсов, хранила не-

*) Об этом в вышеупомянутой работе т. Сергиевского.

легальную литературу; Илья Руфович Гордеев, б. студент Петербургского университета; Евдокия Ивановна Желтухина, акушерка; студенты Петербургского университета: Семен Константинович Орлов, Николай Васильевич Носков, хранил нелегальную литературу; Андрей Балтазарович Станишевский (б. студент Военно-Медицинской Академии) хранил нелегальную литературу; Валентин Иванович Соколов, сборщик денег, и Евгений Иванович Яковенко работал по транспорту; Михаил Михайлович Теселкин, тоже студент Петерб. университета, на его квартире была найдена хорошо оборудованная типография; Давид Иосифович Гофман, студент Петерб. унив., найдена типография; Иван Иван. Гильгенберг, студент-технолог, найдены части типографии и Прасковья Петровна Сюзумова, акушерка, заведывала конспиративными квартирами. Дело до суда доведено не было и разрешено в административном порядке. Гофмана приговорили к ссылке в Средне-Колымск на 5 лет; Теселкин получил 5 лет ссылки в Западную Сибирь, Яковенко 5 лет ссылки в Восточную Сибирь, Харитонов 5 лет— в Степной Край; Бородин, Голубенко и Орлов получили гласный надзор полиции в Европейской России; Говорухин скрылся за границу, а Бутков повесился в тюрьме; остальные получили тюремное заключение от 2-х месяцев до года (Сюзумова), а Гильгенберг освобожден безо всяких последствий.

После этого первого провала у партии остались еще такие силы, как Латышев, Кугушев и Андреев, но за ними усиленно следили и участь их была уже предрешена. Выдающимся организатором этой второй группы, Андреевской, бесспорно являлся Петр Прокофьевич Андреев. Сын подполковника, студент Технологического института, он входил еще в группу Благоева, после же ареста в марте 1885 года, стал во главе оставшихся товарищей, расширил старые связи, организовал новые рабочие кружки, завел опять сношения с заграницей и получал оттуда литературу. Его брат Николай Прокофьевич, подпоручик, был пропагандистом в рабочих кружках. В 1888 году, после предварительного тюремного заключения, получили Николай Андреев ссылку на 5 лет в Восточную Сибирь, а Петр тоже на 5 лет в Семипалатинск. Князь Вячеслав Александрович Кугушев отделался очень легко и получил всего один год гласного надзора. Петр Алексеевич Латышев, окончивший Военно-Медицинскую Академию, доктор, был выслан на три года в Восточную Сибирь, туда же был выслан на 5 лет и Георгий Николаевич Лавров, студент Горного института. Студенты Лесного института, Герасимов, Анатолий Алексеевич, сборщик денег, Петр Флегонтович Коропчинский, хранил литературу, Исаак Максимович Магат, технолог, занимался транспортом, Сергей Алексеевич Платунов, — лесник, хранил литературу — получили либо небольшое тюремное заключение, либо гласный надзор полиции. Петр Павлович Аршаулов, инженер-технолог, работавший в рабочих кружках, был заключен на 6 месяцев в тюрьму и затем отдан под гласный надзор полиции; Аполлинарий Алексеевич Герасимов, инженер-технолог, очень успешно занимался пропагандой среди фабричных и рабочих Александровского завода и потому получил ссылку на 4 года в Восточную Сибирь. Остальные, Владимир Евлампиевич Ахматьев, окончивший реальное училище, пропагандист, курсистка Цецилия Самуиловна Гуревич, сборщица денег, Елена Федоровна Зауэр, курсистка,

кандидат Петерб. университета Николай Михайлович Книпович, Надежда Алексеевна Латышева, студент-лесник Сергей Алексеевич Платунов, Григорий Виталиевич Хлопин, Фанни Исааковна Познер, Владимир Михайлович Слепченко и Александр Иванович Фомин — получили либо тюремное заключение на короткие сроки, либо отделались только гласным надзором.

В связи с „партией русских социал-демократов“ находились и военные кружки, главным образом, военной учащейся молодежи. Павел Петрович Шатько, инженер-технолог, был связующим звеном этих военных кружков с „партией“, будучи сам членом последней и являясь в то же время очень деятельным организатором и пропагандистом рабочих кружков. За все это он поплатился ссылкой в Восточную Сибирь на 5 лет. Три инженера-технолога, бывшие также членами военной группы, Михаил Юлианович Беляевский, Николай Григорьевич Григоров и Василий Федорович Данилов—все они были вместе с тем и членами „партии русских социал-демократов“, занимались пропагандой среди военных моряков, а последний принимал какое-то участие в доставке транспорта литературы из-за границы. После тюремного заключения были высланы на 3 года, первый в Архангельскую, Григоров и Данилов в Вологодскую. Студент Технологического института Александр Мефодьевич Редько, библиотекарь „партии русских соц.-демократов“ вместе с тем принимал участие в военном кружке моряков — получил ссылку в Западную Сибирь на 5 лет. Сравнительно легко отделалась Марья Ильинична Югилевич, акушерка: за распространение нелегальной литературы среди военных получила 4 месяца тюрьмы.

В чем заключалась работа социал-демократов в военных кружках, трудно установить. Из тех данных, какие находились в нашем распоряжении, видно, что Шатько находился в очень близких сношениях с этими кружками. Кружки эти были организованы из моряков и юнкеров военно-учебных заведений, — Павловского, Константиновского, Михайловского, Военно-Инженерного и Пиротехнического. Организаторами этих кружков являлись и народовольцы и, повидимому, социал-демократы. Как видно из некоторых данных, кружки эти долго не могли остановиться на определенной программе и, с целью выработать свое мировоззрение, некоторые из членов военных кружков обращались и к социал-демократам с просьбой познакомить с их программой военную молодежь. Через Югилевича Николай Шелгунов, один из деятельных членов военных кружков, познакомился с Шатько (впрочем и другие члены группы были знакомы с военными, так Александрин, член военного кружка, был знаком с благоевкой Желтухиной, жил в одной комнате с Бородиным и Говорухиным и кроме того знал Василия Харитонова) и через несколько времени состоялось несколько собраний, где представители группы Благоева (военные их называли „Сергеями Дмитриевичами“, т.-е. соц.-демократами) развивали свою программу. Одно из таких собраний произошло на квартире некоего Польского в Академии Наук (Польский этот держал экзамен на право производства работ и был знаком с Югилевич), где от с.-д. присутствовали, — Шатько, Данилов и инж.-технолог Николай Григорьев, а от военных кружков, — Николай Шелгунов, Брачинский, Мауэр и другие. Влияние соц.-демократов на военные кружки несо-

мненно. В показаниях благоевца Григорьева прямо говорится: „... Шелгунов тоже не скрывал своих симпатий этому направлению (т.-е. с.-д. и В. Н.), говорил, что у него есть товарищи, более или менее разделяющие его взгляды в этом отношении"... Во всяком случае, на первых параграфах Шелгуновской программы это влияние благоевцев видно.

„Мы", говорится там, „социалисты и конечная наша цель осуществление социалистического строя в общественных формах. Мы считаем, что этот строй не только наиболее справедлив, но вытекает из условий нашей исторической жизни".

За этим чисто народническим заявлением следует второй параграф, не менее расплывчатый: „Для успеха революции в ней должны принимать участие все силы, заинтересованные в разрушении старого и создании нового общественного строя". Но дальше идет раз'яснение, что значит заинтересованные силы, и в этом пояснении говорится: „Под словом „заинтересованные силы" мы понимаем те слои общества, которые выигрывают при разрушении старого строя. Мы считаем, что главное участие в революции должны принять наиболее эксплуатируемые слои общества, т.-е. простой народ, рабочие и интеллигентные пролетарии"...

Здесь в этих „рабочих" и „интеллигентных пролетариях" несомненно чувствуется влияние благоевцев.

Впрочем, связи благоевцев с военными кружками показывают всю неустойчивость самих благоевцев в их стремлениях втянуть в свое дело и военных.

Члены военных кружков держали себя очень унизительно и во время следствия и во время суда; на суде многие из них каялись и плакали (напр., Шелгунов, Мауэр), а их откровенные показания помогли жандармам выяснить роль и некотоых благоевцев, Шатько, Редько, Данилова и др.). Во всяком случае, с.-д. литература пользовалась большим успехом в военных кружках; читались Маркс, Энгельс, Плеханов, Аксельрод, Зибер и т. п.

О рабочих, среди которых велась пропаганда, данных не имеется, но что связи с ними были и довольно большие и прочные, об этом свидетельствуют кроме самого Благоева и другие, например В. А. Шелгунов, который, по его словам, был знаком с некоторыми рабочими из Благоевской группы. „Я занимался главным образом пропагандой между рабочими", говорит Благоев (именно на Васильевском Острове), но, как мы видели, пропагандой занимался не один Благоев, пропагандистов в „партии р. с.-д." было достаточно и кружки пропаганды среди рабочих были в разных районах. Правительство сумело выследить и арестовать, главным образом, интеллигентов, так как вообще сведения о партии соц.-демократов у него были очень скудные. Аресты 1887 года произошли только благодаря перехваченной переписке и только неосторожное поведение одного из членов „партии", вследствие чего агент охранного отделения втерся в доверие некоторых членов, дало возможность несколько приоткрыть завесу над хорошо законспирированной нелегальной организацией. Несомненно, правительство захватило далеко не всех даже интеллигентов членов группы, напр. Быков, Александр Николаевич и Шапошников не упоминаются жандармами в списках обвиняемых, а, по свидетельству Кни-

повича, они состояли членами партии. Тем не менее разгром партии был настолько велик, что после этих арестов „партия русских соц.-демократов“ умерла. О работе в кружках рабочих говорят и сами члены группы, например, в своих показаниях на допросах Григоров. Шатько, бывший автором „Устава кассы“, говоря в ней о целях группы, выражается так: „Поставив своей ближайшей целью соединение возможно большого числа рабочих в одну „рабочую партию“, которая могла бы изменить существующий порядок вещей в пользу рабочего класса, мы думаем, что успех дела будет только тогда обеспечен, когда рабочие будут сильны и знанием и сознанием нравственного единства и материально“. Есть основание думать, что этот устав, написанный под влиянием сношений с Плехановым, читался в рабочих кружках.

Оценивая работу „партии русских социал-демократов“, необходимо сказать, что работа эта имела огромное значение. Это видно уже потому, как отнеслись к „партии русских соц.-демократов“ и народовольцы и Плеханов. Народовольцы, получивши письмо партии, сейчас же дали инструкцию в Россию работавшим здесь товарищам получше разузнать, что представляют из себя благоевцы и в каких отношениях с ними полезно связаться. Группа „Освобождения Труда“ отнеслась еще более внимательно и завязала деятельную переписку с благоевцами, оказала идейную помощь, что, без сомнения, имело огромное значение. При содействии Группы „Освобождения Труда“ была исправлена лассальско-лавристская программа „партии р. с.-д.“ Об этом прямо говорит и сам Благоев, который по поручению товарищей после высылки заграницу продолжал переговоры с Группой „Освобождения Труда“, программа которой, по его словам, в конце концов и была признана „партией русских социал-демократов“. Об этом свидетельствует и замечание в конце второго номера „Рабочего“, где между прочим говорится: „Программу рабочих“, напечатанную в № 1 „Рабочего“, мы думали помещать на первой странице каждого последующего номера. Но в виду того, что она подверглась пересмотру и, вероятно, будет изменена в частностях, мы откладываем печатание ее до следующего номера“. Таким образом, в этом главном отношении,— в теоретическом основании своей деятельности—партия стала на правильную дорогу.

В деле осуществления своей программы на практике „партия р. с.-д.“ сделала очень много: во-первых, она завязала связи с рабочими и вела пропаганду в их среде более двух лет; во-вторых, она поставила две прекрасные нелегальные типографии и выпустила два номера своего нелегального органа „Рабочий“; в-третьих, она сумела привлечь выдающиеся организаторские силы, как Харитонов и Андреев, которые явились продолжателями дела, начатого Благоевым [по сути правильнее было бы назвать группу не группой Благоева, а группой Благоева, Латышева, Харитонова и Андреева; вернее же различать три периода существования „партии русских соц.-демократов“—Благоевско-Латышевский (1883—март 1885 года), Харитоновский (март 1885—начало 1886 года) и Андреевский (начало 1886—начало 1887 года)], такие идейные силы, как Латышев и довольно обширный круг студенческой молодежи. Далее „партия р. с.-д.“, повидимому, сумела изыскивать и источники доходов (так по отчету, напечатанному в первом номере

„Рабочего“, видно, что за декабрь—январь 1884—5 года бюджет партии исчислялся в 750 р., а за февраль 1855 г. уже в 859 р.), получать из-за границы и распространять литературу среди рабочих *), организовать конспиративные квартиры, наладить печатание агитационной литературы, т. е. создать большой аппарат. Затем партия с.-д. завязала связи и в военной среде и организовала и там соц. демократические кружки. Интересно отметить, что организационный план „партии р. с.-д.“ сводился к тому типу, который еще долго спустя являлся господствующим почти во всех организациях: интеллигенция составляла руководящий центральный кружок, при котором существовали отдельные группы: рабочая, техническая (типография), пропагандистская и т. д. [Это обособление центрального интеллигентского кружка от рабочего („рабочая группа, рабочий кружок или комитет“) мы встретим и у брусневцев и в „Союзах борьбы за освобождение рабочего класса“ (Киевский“ и т. д.) и у рабочедельцев]. Большего трудно было ожидать от революционеров, приступивших к работе в атмосфере начинающегося идейного и организационного развала „Народной Воли“.

Наконец, и это самое главное, „партия русских соц.-демократов“ поняла задачи момента и взялась, как за главную и основную, за работу среди пролетариата, хотя и не вполне правильно, но все же наметила теоретические и практические пути и совершено самостоятельно высказала мысль в России о необходимости организовать самостоятельную рабочую социалистическую партию. Мало того, „партия русских соц.-демократов“ была преемницей „Народной Воли“ в работе среди пролетариата, но уже как в главной и важнейшей работе социалистов (60% всех расходов в дек.—янв. 1884—5 г. пошло, напр., на рабочую группу), и сумела подготовить группы первых рабочих социал-демократов, которые в свою очередь подготовляли и вербовали сторонников нового учения в самой рабочей среде и связали таким образом работу „партии р. с.-д.“ с работой следующих соц. демократических организаций, например, Брусневской [Шелгунов и его товарищи].

Но напрасно было бы думать, что в Петербурге существовала в восьмидесятые годы только одна социал-демократическая организация, носившая название „партии русских социал-демократов“. Почти в одно и то же время, как возникла „партия русских социал-демократов“ в Петербурге же создалась другая социал-демократическая организация, созданная Павлом Людвиговичем Точисским.

Точисский, сын полковника, начальника Екатеринбургской тюрьмы и матери-француженки, с раннего детства вынес ненависть к самодержавному режиму, с самыми мрачными сторонами которого он соприкасался благодаря службе отца. Мать, парижанка по происхождению, вдохнула ему любовь к республике и гуманное отношение к тем борцам за свободу, которых его отец держал под замком в тюрьме. Несомненно, встречи молодого человека с проходящими через Екатеринбург выдающимися революционерами оказали огромное влияние на формирование

*) Шатько привез из Вильны следующие издания: „Наши разногласия“, Г. Плеханова, „Развитие научного социализма“, Ф. Энгельса, „Речь о свободе торговли“, К. Маркса, „Социализм и политическая борьба“, Г. Плеханова, „Коммунистический манифест“, Маркса, и нек. др.

взглядов Точисского. Еще в гимназии он организовал кружок самообразования, повидимому, народнического характера, но столкновения с гимназическим начальством и, главное, с отцом, который был недоволен направлением сына, довели дело до разрыва с семьей: старик Точисский выгнал сына из дома, и молодой революционер бросает буржуазное общество и поступает чернорабочим на какой-то завод близ Екатеринбурга. „Тяжелая жизнь и новые условия тесно сблизили Точисского с его новыми товарищами", говорит Брейтфус в своих воспоминаниях. „Здесь он решил окончательно уйти от „ликующих, праздно болтающих" и посвятить свою жизнь трудовому, забитому и бесправному люду, работать для его раскрепощения, для уяснения ему его неот'емлемых прав человека". В 1884 году летом Точисский вместе с сестрой Марией (она поступила на Бестужевские курсы) едет в Петербург и поступает на ремесленные курсы для изучения слесарного ремесла (на Выборгской стороне). С этого момента Точисский становится настоящим рабочим-техником и соц.-демократом. Уже осенью 1885 года, т. е. как раз в то время, когда действовала и „партия русских социал-демократов", образовался и кружок Точисского. В состав этого кружка, кроме его организатора, входили трое братьев Брейтфус Людвиг, Гейнрих и Эдуард, сестра Точисского—Мария, дочь священника Любовь Васильевна Аркадакская и Елизавета Данилова. Это был, так сказать, центральный кружок. Сначала этот кружок носил название „Общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса в России", а затем „Товарищество С.-Петербургских мастеровых". Из рабочих, принимавших близкое участие в делах этой организации, были Нил Васильев, „Семеныч", „Клим" и „Фомич", лица, скрывавшие свои действительные имена под конспиративными кличками.

Павел Людвигович Точисский.

Цели общества, как рисовали их на допросах обвиняемые, были очень скромны и невинны, они сводились к организации как будто бы чисто культурно-материальной взаимопомощи и просвещению своих членов. Для этой цели Точисский организовал библиотеку по преимуществу из книг, дозволенных к обращению, и ссудо-вспомогательную кассу, средства которой составлялись из ежемесячных взносов членов по 25 коп. Но не даром правительство оценило „Товарищество" Точисского, как организацию, имеющую целью „развитие и поддержание

в среде рабочих противоправительственных идей, в интересах революционной партии“.

Действительно, хотя Устав „Товарищества“, написанный Точисским, не сохранился (его незадолго до ареста уничтожил Брейтфус), но судя по тому, что говорит об этой организации один из активнейших его членов, Брейтфус, это была настоящая социал-демократическая организация, резко враждебная народовольчеству. Он характеризует взгляды Точисского, как новые взгляды, противоположные его народовольческим взглядам, и продолжает так:

„Мне тогда представлялось (летом 1885 года), что учение революционных народников являлось альфой и омегой человеческих знаний. Поэтому, когда я в Точисском встретил строгого критика народовольчества, я был крайне удивлен и заинтригован. Его абсолютно отрицательное отношение к террору меня поразило. Я считал террор верхом героизма. А он говорит, что террор—рисовка, что адепты террора лишь жаждут славы, что террор, — в конце концов, лишь средство завоевать власть для выростающего класса буржуазии. Народ настолько темен, настолько еще несознателен, что не в состоянии воспользоваться результатами героической борьбы народовольческой интеллигенции; последняя, борясь во имя якобы народа, лишь могла бы помочь взять власть новым врагам народа. Но к великому огорчению и революционной интеллигенции и алчной буржуазии, тянущейся к власти, террор и все потуги революционной интеллигенции лишь покушение с негодными средствами. Революция и радикальный политический переворот возможны лишь в результате глубинного движения народных масс, и именно той части народа, которая является действительно революционной по отношению к существующему строю. Точисский находил, что в России может быть пригоден для революции только пролетариат, и все революционеры сильно грешили и грешат, игнорируя этот класс, бросаясь, то в крестьянскую, то в интеллигентскую среду. Крестьянская масса, несмотря на свою многомиллионность, раз'единена, не спаяна одними интересами.

Считая единственным революционным классом пролетариат, он находил, что в этот класс должны быть брошены все революционные силы страны, создан в нем революционный оплот, на почве экономической борьбы воспитать и приготовить его для политической борьбы.

Но рабочий класс России еще на низкой ступени развития, его классовое сознание находится лишь в потенции. Поэтому без помощи интеллигенции ему не обойтись; последняя должна повести его, дать ему организацию, выявить его классовое сознание.

Интеллигенцию он считал случайным гостем в революции, ибо понимал революцию, как социальную. Он часто говорил: „Вы с нами до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся“. Не реже он повторял слова Христа: „прежде чем петух пропоет три раза, вы (интеллигенция) трижды отречетесь от меня (пролетариата)“. Вообще он считал революционную интеллигенцию идеологами буржуазии и старался отсеять от нее лишь действительно революционное ядро. Поэтому он тем не менее привлекал к своей работе интеллигенцию en gros, но не забывал ставить ей на вид, что

она терпима только до тех пор, пока в среде рабочего пролетариата не создалась своя интеллигенция революционная" *).

Из этой характеристики взглядов Точисского без сомнения ясно, что это был социал-демократ, быть может, мыслящий во многих вопросах ошибочно, но понимавший по-марксистски те классовые отношения, анализ которых только и мог дать правильную революционную тактику. Роль пролетариата, крестьянства, буржуазии и интеллигенции понимал он правильно и делал отсюда правильные практические выводы.

Уже к Рождеству 1885 года, т. е. как раз ко времени первого разгрома „партии русских социал-демократов", Точисский завел прочные связи с рабочими за Невской заставой (одно время он сам там работал на заводе), у Берда, у Штритера, у Лаферма, в артиллерийском арсенале и в ремесленной школе. Пропагандой занимались не только Точисский, сам работавший на заводе Берда слесарем, но и Лазарев, работавший там же молотобойцем. Какой характер носила пропаганда, сказать трудно, но можно утверждать, что она была ярко враждебной народовольцам и, вероятно, мало отличалась от того, что делали в кружках того времени все социал-демократы. Впрочем, одну отличительную черту этой пропаганды необходимо подчеркнуть,—это подчеркивание Точисским исторической роли пролетариата, как гегемона революции, и его особое отношение к интеллигенции. В то время, как в программе „партии русских социал-демократов" проводилась мысль о создании трех отдельных организаций,—интеллигентской, рабочей и крестьянской, Точисский на интеллигенцию смотрел, как на временную подсобную силу.

Поэтому он категорически протестовал против изменения устава, изменения, предложенного одним из братьев Брейтфус, в силу которого членами товарищества могли быть и интеллигенты. Точно так же он не любил и рабочих из народовольцев, считая их неподходящими и уже „попорченными" буржуазной идеологией, и заводил знакомства с рабочими, не затронутыми еще пропагандой. Быть может, именно поэтому современные Точисскому революционеры, хотя и встретили его и его товарищество, по словам Брейтфуса, „крайне радушно", однако, не могли проникнуть в среду сорганизованных им рабочих. Вот почему о Точисском и его кружке так мало воспоминаний и следов: это было совершенно новое революционное течение, так явно враждебное настроениям и взглядам современной революционной интеллигенции, еще почти целиком находившейся под обаянием „Народной Воли" и по сути дела революционной на словах.

Однако, было бы неправильно отрицать связи организации Точисского с другими революционными организациями и группами. Через Брейтфуса, Марию Точисскую, Данилову и Аркадакскую Точисский связывался с народовольческими группами и кроме того через Лазареву же был связан и с „партией русских социал-демократов", именно с Иваном Гильгенбергом и Григорием Хлопиным, как мы видели, весьма деятельными членами этой партии. С другой стороны, организация Точисского была связана и с теми интеллигентами социал-демократами, которые отчасти работали среди рабочих в одиночку,

*) „Красная лет." № 7—1923 г. Восп. Брейтфуса.

отчасти примыкали к нарождавшейся группе, из которой вскоре создалась организация, Бруснева. К такого рода связям нужно отнести связь со студентом Гурием Петровским, покончившим с собой в 1889 году в тюрьме. Рабочие, принимавшие участие в организации Точисского, не были арестованы и впоследствии некоторые из них сыграли крупнейшую роль в истории нашего рабочего революционного движения. Двое рабочих, игравших потом большую роль в рабочем движении, несомненно были связаны с Точисским, это—Егор Афанасьевич Климанов и Василий Андреевич Шелгунов.

В „Воспоминаниях" Шелгунова рассказывается о том, как Егор Афанасьевич Афанасьев (Климанов) в 1888 году, на время устраняясь от работы, познакомил В. А. Шелгунова с Андреем Львовичем Брейтфусом, который был членом организации Точисского. Таким образом, к числу тех интеллигентов, которые воздействовали на выработку мировоззрения рабочих, организовавших ядро „Рабочей Группы" Брусневской организации нужно прибавить интеллигентов—социал-демократов—Брейтфуса и, несомненно, Точисского, которые пришли на смену революционерам „партии русских социал-демократов". Организация Точисского существовала два года с 1886 по 1888 год, хотя Точисский в одиночку начал действовать еще в 1885 году.

Разрушена она была жандармами в конце 1888 года, когда рабочие, вышедшие, как из „партии русских социал-демократов", так и из „Товарищества" Точисского и из других кружков, руководимых одиночками социал-демократами, уже сами совершенно самостоятельно могли поставить социал-демократическое дело на прочную почву, из которой потом выросла социал-демократическая организация начала 90-х годов.

Провал организации Точисского произошел отчасти потому, что выследили самого Точисского, отчасти потому, что были арестованы некоторые из членов других революционных организаций, с кем имелись связи у Точисского (Хлопин, Петровский). Так как истинная сущность организации для правительства осталась неизвестной, то участники „Товарищества" пострадали не особенно тяжело. Всего было привлечено по делу 10 человек: Павел Людвигович Точисский, Дмитрий Владимирович Лазарев, Мария Людвиговна Точисская, Любовь Васильевна Аркадакская, Вера Владимировна Лазарева, Людвиг, Гейнрих и Эдуард Брейтфусы, Иван Аггеевич Шалаевский и Елизавета Алексеевна Данилова. Все это были, за исключением Точисского, рабочего из интеллигентов, студенты и курсистки, та самая революционная интеллигенция, против которой так вооружался сам организатор „Товарищества"; рабочие ускользнули из рук полиции. Министр юстиции определил подвергнуть тюремному заключению на шесть месяцев, — Точисского, Людвига Брейтфуса и Лазарева на шесть месяцев, Гейнриха и Эдуарда Брейтфуса и Аркадакскую—на два месяца и Шалаевского на один месяц, Веру Лазареву подчинить гласному надзору полиции; Брейтфусов по окончании тюремного заключения выслать заграницу, относительно Даниловой, заболевшей психически, постановлено было разрешить дело по излечении.

Организация Точисского не произвела шума своим появлением и своей ликвидацией, но значение имела, без сомнения, большое. Это значение, как уже было отмечено выше, состояло в том, что в ней,

в ее кружках, как и в кружках „партии русских социал-демократов“, получали свою теоретическую подготовку выдающиеся из тех рабочих, на долю которых выпала задача в конце восьмидесятых и начале девяностых годов организовать Брусневскую группу. Таким образом, к тому часто высказываемому мнению, будто бы в конце 80-х и начале 90-х годов группа рабочих совершенно самостоятельно додумалась до социал-демократической теории, отделилась от народников и образовала „рабочую группу“, к этому мнению приходится внести поправку: дело было далеко не так и значительно сложнее, и влияние возникшей уже в первой половине 80-х годов социал-демократической интеллигенции на рабочих было и постоянно и более глубоко, чем принято обычно думать, и именно под влиянием этой социал-демократической интеллигенции и без сомнения в сей изменившейся обстановке вырабатывались и складывались такие типы рабочих, как Егор Афанасьев, Василий Шелгунов, Николай Богданов и другие (напр., Тимофеев, получивший в наследство библиотеку кружка Точисского).

Почему же, однако, организация Точисского не произвела такого шума, как, напр., „партия русских соц.-демократов“? Ведь работу эта организация произвела довольно значительную. Прежде всего, конечно, она была значительно меньше „партии русских соц.-демократов“ и по силам и по связям, она не успела развиться, у нее не было не только своей газеты и типографии, она не выработала даже ясно формулированной программы. Далее, и это самое главное, приемы работы Точисского глубоко отличались от приемов работы „партии соц.-демократов“: в этой последней центр тяжести всей работы лежал на интеллигенции, Точисский же стремился все сосредоточить в руках рабочих, он сам „опростился“, стал рабочим, возобновил, так сказать, старую народническую практику хождения в народ, пошел в рабочую среду, заставил это сделать и своего товарища Лазарева и Шалаевского, прием, который практиковался в конце 80-х и начале 90-х годов еще кое-где (например, Ювеналий Мельников в Харькове); он работал, как рабочий, непосредственно в рабочей гуще, и его работа была, в сущности, более плодотворная, хотя и более незаметная; он делал тихо и незаметно то, что делали десятки других развитых социалистов рабочих. Интеллигенция выполняла в „Товариществе“ чисто технические функции, за исключением только двух, трех человек.

Павел Точисский, не порвавший с рабочим классом до конца своей жизни (он был коммунистом и трагически погиб на Урале уже во время гражданской войны), с полным правом может быть назван одним из организаторов и собирателей только что выроставших социал-демократических сил в восьмидесятых годах, в эпоху перелома, в эпоху кризиса старой революционной идеологии и создания новой, социал-демократической идеологии.

Этот кризис народничества, действительно, достиг своего апогея во вторую половину 80-х годов.

Что могла почерпнуть русская революционная среда, интеллигентная молодежь и рабочие из таких органов, как „Самоуправление“ или „Свободная Россия“, издававшихся за рубежем в период между 1887 и 1889 годами, т. е. как раз тогда, когда русская социал-демократия только что расчищала себе дорогу. „Самоуправле-

ние“ попрежнему повторяло зады о том, что для России желательно избежать тех форм общественного развития, какие прошел Запад (последствия капитализма), а потому, чтобы „обеспечить народу более легкий путь для выработки новых общественных форм“, нужно, как говорилось в передовой статье первого номера, чтобы этой цели служили „все общественные силы“. В народную революцию, ни в крестьянскую, ни в рабочую, народники „самоуправления“ уже больше не верили: „невозможно основывать никаких надежд на таком стихийном явлении, как подобная революция“, говорили они и основывали все свои надежды на... терроре и захвате власти. При этом в журнале мирно уживались такие люди, как Добровольский, Дебагорий-Мокриевич, М. Драгоманов, Степняк; Добровольский думал, что добиться политической свободы можно только об'единением „всех антидеспотических элементов нашей страны“. Драгоманов полагал, что необходимо добиться демократических гарантий и самоуправления; некогда пылкий и яркий бунтарь и террорист Степняк, мечтавший о немедленном переходе к социализму, теперь в 1887 году мечтал ни больше, ни меньше... как о замене царского самодержавия „более свободным монархическим ограниченным строем“ и полагал, что самым легким способом достичь этого является все тот же единоспасающий террор. И только Плеханов, Засулич и Аксельрод писали, что, в виду неразвитого состояния среднего класса в России, „социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть созвание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты, с своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России“. А в „Свободной России“, издававшейся в 1889 году в Женеве В. Бурцевым и В. Дебагорием-Мокриевичем, редакторы журнала договорились до того, что об'явили о том, что они теперь уже не верят в борьбу за социализм и считают единственно плодотворной борьбу за политическую свободу. „Социалистические требования в программах не могут сорганизовать крестьян и рабочих вокруг революционного дела“. Немедленный созыв представителей от городских земских учреждений и земский собор—вот предел мечтаний бывших народников, при чем бороться за это они приглашали все оппозиционные силы. О том, что это за оппозиционные силы, можно судить по статье некоего В. Жука, писавшего в „Свободной России“ о том, что в число этих оппозиционных элементов ни в каком случае нельзя включать рабочих, так как рабочие, по его мнению, „приходя в соприкосновение с властями, падали духом“ и способствовали разрушению революционных организаций. Чего же можно было ожидать от менее видных представителей некогда славной народнической плеяды, если даже такие люди, как Дебагорий-Мокриевич позволяли на страницах своего органа проповедывать такую контр-революционную чепуху. Издания „Народной Воли“ прекращали свое существование один за другим, и полнейший теоретический хаос царил теперь в революционной среде. Правда, в 1889 году вышел единственный номер „Социалиста“, где была напечатана и статья Плеханова; в Париже выходила „Свобода“, где также иногда печатался Плеханов; правда, Группа „Освобождения Труда“ усиленно развивала свою издательскую деятельность, но эта

последняя уже была тем новым словом, которое с таким трудом произносилось русской революционной интеллигенцией у себя дома.

Понятно, если такой хаос в области теоретического обоснования своего революционного бытия царил заграницей, где, казалось, отсутствовали все причины, приводившие народничество к развалу, то что же переживало народничество в России, где на лицо были все условия, разлагавшие старую революционную идеологию. Она разрушалась, умирала, и новые взгляды, новые слова раздавались повсюду,—не было теперь ни одного революционного кружка молодежи, где бы сторонники новых взглядов не высказывали их, без страха выступая против народников. Попытка Карелина, народовольца, возвратившегося в Петербург из ссылки в 1889 году, снова об'единить учащуюся молодежь под народовольческим знаменем окончилась неудачей, а либеральное общество и совсем уже было не в состоянии собрать революционные силы, да, впрочем, оно и не задавалось этими целями. Об эволюции и взглядах Михайловского на задачи революционной партии говорилось уже выше; теперь все эти литературные деятели, Михайловский, Южаков, Златовратский, все резче и резче выступали против нового направления, а сами на деле либо проповедывали примирение с действительностью, либо замыкались в кругу чисто культурнической работы. Студенческая молодежь, лучшие ее представители, организовывались вокруг либо чисто научно-культурнических организаций, либо вокруг обществ взаимопомощи, в какие вылились хотя и нелегально существующие землячества. „Студенческое Научно-Литературное Общество" было именно таким чисто научно-культурническим учреждением, и оттуда, между прочим, вышли такие деятели, как В. А. Мякотин, Д. С. Мережковский, Е. В. Аничков и другие. Скоро, впрочем, и это невинное учреждение закрыли, тотчас же как и последняя героическая попытка А. И. Ульянова путем террора свалить правительство окончилась неудачей. Росла экономическая мощь буржуазии, пытавшейся договориться с царем, укреплялась реакция и ее удары сыпались кругом. Мы увидим дальше как эволюционировало то самое „общество", которое еще так недавно выдвигало таких гигантов, как Чернышевский, таких героев-борцов, как Желябов и Перовская, мы проследим эти изменения и убедимся в том, что эти изменения были естественным и понятным явлением в стране, которая изменялась под напором капитализма, теперь же укажем, что ни в чем, быть может, так ярко не выразилась эта реакция, это изменение, как в разочаровании, охватившем интеллигенцию: она отхлынула от революции, ударилась в толстовство с его непротивлением злу и стала проповедывать теорию „малых дел". Даже учащаяся молодежь не выступала в массе революционно, как это было в следующий период 90-х и девятисотых годов: самые крупные студенческие беспорядки произошли в 1887 и 1889 годах, да и те охватили меньшинство студенчества, хотя волнения и перекинулись из Петербурга в другие города. Впрочем, среди учащейся молодежи, среди незначительного меньшинства ее все же находились как раз те элементы, откуда революция продолжала черпать свой материал. Но как раз именно в этой среде тот теоретический хаос, какой царил в народнических кругах, особенно тяжело отзывался на молодежи. „...Обмен мыслей", говорит В. Б. в журнале „Минувшие Годы" за 1908 год: „стал принимать какой-то шаблонный характер,

речи произносились по какому-то общему трафарету". Выступает народоволец и, перечисливши крестьянство, пролетариат и буржуазию, он доказывает, что эти силы еще не способны на борьбу с самодержавием, что только одна доблестная интеллигенция приведет народ к победе и что единственным средством сношения является террор; выступает соц.-демократ и доказывает, что только пролетариат—революционная сила в стране; выступает какой-нибудь радикал и зовет под революционное знамя все оппозиционные элементы. „Весьма понятно", об'ясняет этот восьмидесятник: „что работа политической мысли вращалась, как белка в колесе, в кругу одних и тех же данных, в конце концов приходила к некоторым общепризнанным положениям, и дальше уже начиналось какое-то топтание на месте и варение в собственном соку"; „резкого разделения", добавляет он: „на народников и марксистов еще не было за время 1885—1890 года". Это действительно так, об этом говорят решительно все свидетельства, это явление заметно еще в начале 90-х годов, когда интеллигенты-революционеры - народовольцы, как М. С. Ольминский, руководили рабочими социал-демократическими кружками, а в кружках, организованных народовольцами, работали марксисты. В мучительном процессе, в подполье, в эпоху небывалой реакции, в хаосе развала некогда славной революционной партии, под влиянием могучих глубинных процессов экономики выковывалось новое миросозерцание. Правда, вслед за „партией русских соц.-демократов" и „Товариществом" Точисского все больше и больше появлялось из молодежи людей, которые то в одиночку, то группочками работали, как социал-демократы. Эти одиночки и группочки росли и сливались с тем большим потоком, который начал образовываться в самой рабочей среде. Одиночки-революционеры были не только новыми людьми, не затронутыми народовольческой пропагандой; как уже отмечалось выше, и народовольцы понимали, что рабочая среда и есть именно та революционная масса, которая по своему положению наиболее восприимчива к социалистической пропаганде. Некоторые из народовольцев особенно усиленно занимались пропагандой среди рабочих, напр., М. С. Александров, А. И. Ульянов. Последний еще в 1886—7 годах начал особенно внимательно изучать марксистскую литературу и даже приступил к переводу статьи Маркса о религии. В том же 1886 году он в одиночку вел пропагандистскую работу в рабочем кружке в Гавани. В 1888—9 году таким одиночкой был В. С. Голубев, занимавшийся пропагандой среди рабочих Балтийского завода. Впрочем, очень скоро Голубев вошел в Брусневскую организацию, так как у него уже с самого начала существовала связь с Родзевичем, членом именно организации Бруснева. В своих воспоминаниях Голубев говорит, что впервые с рабочими кружками и работой среди пролетариата его познакомили Егор Николаевич Лавров, Герасимов и Петровский (первый из них студент-горняк, а двое последние—технологи), но все эти лица, как мы видели, являлись членами „партии русских соц.-демократов", стало быть, действительно, правильно замечает тот же Голубев, что все время 80-х годов существовала преемственность в работе среди пролетариата. Можно теперь считать установленным, что эта преемственность существовала вообще, а не только среди студентов-технологов. Преемственность эта шла далеко в глубь 70-х годов, при чем приходится внести известную по-

правку в то общераспространенное мнение, что будто бы рабочие самостоятельно додумались до социализма: социалистическая интеллигенция сыграла в деле развития рабочего самосознания огромную роль. Мы видели, как Обнорский учился в Одессе у Заславского, который впервые поставил вопрос о рабочей организации в совершенно иную плоскость, чем ставили революционеры его времени, мы знаем теперь, что именно от Заславского Обнорский поехал заграницу и привез оттуда идею о рабочем союзе и вместе с Халтуриным претворил ее в плоть и кровь. Мы знаем, что бывшие чернопередельцы составили основное ядро „партии русских социал-демократов" (1885—1888 г.) и что члены именно этой организации передавали связи новой организации Бруснева (Лавров, Герасимов, Петровский, Голубев); мы знаем, что в это же время (1888—1889 г.г.) интеллигент Брейтфус, член „Товарищества" Точисского, связан с Егором Афанасьевым Климановым, который в свою очередь связывает Брейтфуса с Шелгуновым, членом Брусневской организации. Эта, так сказать, одна струя идейного влияния на рабочих—интеллигентская, а другая чисто рабочая идет от старых рабочих распропагандированных еще народниками и народовольцами; таких рабочих, как организаторов рабочих кружков, мы находим повсюду; о них говорят все участники движения 80-х годов,— Ольминский, Богданов, Шелгунов, Норинский и др. Эти же рабочие получили свое боевое крещение и социалистическую выучку у тех же народников или в „Северно-русском рабочем Союзе" Халтурина и Обнорского, который сам прошел школу интеллигента Заславского *).

Преемственность рабочего движения 70-х и 80 х годов несомненна, но несомненна и огромная роль интеллигенции в этом движении, причем замечание Плеханова о самостоятельной роли рабочих „Северно-русского рабочего Союза" от этого, конечно, нисколько не теряет своего значения, ибо суть его заключается в том, что идеи социализма были занесены в рабочую среду, они были ею восприняты и своеобразно переработаны: то, что казалось интеллигентам-народникам второстепенным и подсобным делом, то в головах социалистов рабочих приняло правильную формулировку и первостепенное значение. Мы увидим, что точно так же, как в 70-ые годы рабочие, распропагандированные интеллигентами-народниками, принимаются строить рабочий Союз, так рабочие 80-х годов, распропагандированные и социал-демократами и народовольцами, совершенно сознательно и самостоятельно примыкают к новому течению, социал-демократическому.

Эти рабочие во второй половине 80-х годов сыграли крупнейшую роль в деле формирования российской социал-демократии. Как раз в то время, когда под ударами правительства происходил первый разгром Благоевской группы, в 1886 году замечательный рабочий Николай Дементьевич Богданов, распропагандированный каким-то народовольцем, постепенно организует свой кружок из рабочей молодежи, близких товарищей. Здесь в этом кружке из рабочих Варшавских железнодорожных мастерских Богдановым ведется работа самостоятельно

*) См. таблицу № 1 в конце книги.

и только в 1888 году этот кружок связывается с интеллигентом Вл. Переверзиным; связь эта сохраняется до конца 1889 года, когда после ареста Переверзина на его место становится Гавриил Михайлович Родзевич, и, таким образом, богдановский кружок входит в общую Брусневскую организацию. В то же время другой не менее замечательный русский рабочий Василий Андреевич Шелгунов в 1887 году знакомится с рабочим Егором Афанасьевичем Афанасьевым - Климановым, тоже как и Богданов, занимавшимся самостоятельно с рабочим кружком. В то же время слесарь Балтийского завода Иван Иванович Тимофеев, тот самый, что получил библиотеку от Точисского, организует при помощи Норинского, молодого рабочего того же завода, кружок, в который входят рабочие, — Владимир Фомин, Иван Егоров, Михаил Яковлев, Иван Беляев, Петр Яковлев, Кайзо и другие. Члены этих кружков в свою очередь ведут пропаганду, завязывают новые знакомства, связываются с организацией интеллигентов и, таким образом, создается обширная организация, раскинувшаяся по всему Петербургу, имеющая во главе два центра „Рабочую Группу“ или Комитет и организацию интеллигентов, что в общей совокупности и известно под именем группы Бруснева.

Егор Афанасьевич
АФАНАСЬЕВ (Бубнов).

Каким же путем эти рабочие сумели создать организацию, которая охватила все районы столицы и послужила основой дальнейшего движения не только в Петербурге, но и в провинции? Что представляли собой эти пионеры русского рабочего движения? Прежде всего нужно сказать, что эти рабочие представляли именно ту самую пролетарскую интеллигенцию, какую сейчас мы создаем, пользуясь всей мощью государственной рабоче-крестьянской власти. Тогда же эта пролетарская интеллигенция создавалась под страшным гнетом самодержавного государства и под воздействием немногочисленной социалистической интеллигенции.

Николай Дементьевич Богданов, сначала ученик, а потом и настоящий рабочий Варшавских железнодорожных мастерских, в конце 1885 года был затронут пропагандой какого-то народовольца. Обычная народническая литература того времени, — „Хитрая Механика“, „Сказка о четырех братьях“, газета „Народная Воля“, была первой литературой, открывшей глаза на окружающую действительность. Действительность же эта была такова, что сама толкала в об‘ятия

протеста и недовольства. Поступив в техническое училище в 1885 году, Богданов с успехом его окончил в 1889 году. Работая в мастерских, проходя курс технического училища, Богданов в то же время пополнял свое образование чтением книг и очень скоро сгруппировал вокруг себя такую же, как сам, жаждущую знаний рабочую молодежь. Этот кружок из своих скудных заработков стал составлять библиотечку для самообразования; на толкучке Александровского рынка Богданов с товарищами натолкнулись на старые русские журналы „Современник", „Отечественные Записки", „Русское Слово", „Дело" и др., т. е. как раз на те журналы, где печатались произведения таких корифеев русской мысли, как Н. Г. Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Шелгунов, Михайловский, Гл. Успенский, Скабичевский, Златовратский и даже революционеры, как Ткачев, Тихомиров. Таким образом, рабочие этого кружка, занимаясь самообразованием, несомненно, были гораздо развитее рядового интеллигента, гимназиста буржуазной семьи, который, без сомнения, не был знаком так хорошо с русской критикой, политической экономией и литературой, как рабочая интеллигенция Богдановского кружка. В 1888 году Богданов познакомился с таким же как и у него кружком, где уже вел занятия пропагандист соц.-демократ. При помощи этих связей и Богдановский кружок познакомился с пропагандистом Бруснeвской группы Владимиром Переверзиным. Переверзин повел уже правильные занятия. Характер этих занятий очень хорошо описан самим Богдановым: „... он ознакомил нас с положением рабочего класса и его борьбой за лучшее будущее на Западе и указал, что и наше рабочее движение должно пойти по пути наших западных товарищей. Он ознакомил нас в общих чертах с социализмом, как идеалом будущего, и с нашей предстоящей трудной работой, полной опасности, по завоеванию этого лучшего будущего. Он нам говорил, что не усилиями отдельных личностей, хотя бы и героев, достигнем мы лучшего будущего, а исключительно усилиями всего рабочего класса, который и необходимо организовать для борьбы с политическим и экономическим гнетом. Но чтобы быть организатором рабочего класса, нужно самому быть, во-первых, честным во всех отношениях, а во-вторых, хорошим товарищем и, наконец,—знающим человеком, к которому могли бы обращаться со своими вопросами, и от которого получали бы обстоятельные ответы. А потому нужно воспитывать себя и учиться. Учиться же надо по известной программе. Была принесена и программа занятий. В ней большое место уделялось естественным наукам. Хороший пропагандист должен был уметь ответить и на вопрос, отчего бывает день и ночь и времена года, солнечное затмение. Должен уметь об'яснить происхождение вселенной, происхождение видов, а потому должен был знать теории Канта, Лапласса, Дарвина и Лайеля. В программу входили история и история культуры, политическая экономия и история рабочего движения" *).

Почти такой же путь развития проделал и другой рабочий Норинский. Он также, как и Богданов, окончил специальное училище (ремесленное при Балтийском заводе). Здесь на него и его товарищей оказал большое влияние учитель Будрин, а затем рабочий Иван Иванович Тимофеев, слесарь Балтийского завода, где работал и Норин-

*) От Группы Благоева к „Союзу борьбы".

ский. Этот рабочий Тимофеев имел большую библиотеку (до 1000 книг) и был большой культурной силой на заводе,—его библиотекой по его указанию пользовалась вся лучшая рабочая молодежь завода. Он и сам занимался пропагандой и часто читал рабочим вслух такие книги, как „Кто чем живет“ Дикштейна. У него же на квартире собирался и кружок, куда ходил уже настоящий пропагандист интеллигент. В этом кружке точно также дело начиналось с „Происхождения человека“ Дарвина и затем постепенно уже переходили к происхождению семьи и государства и, наконец, к популяризации „Капитала“ К. Маркса (Тимофеев, несомненно, имел еще связи с кружком Точисского).

Такую же примерно школу прошел и Василий Андреевич Шелгунов. Он также окончил вечерние курсы, где получил общеобразовательную подготовку, также начал с нелегальной литературы народников „Слово на великий Пяток“ и „Царь Голод“, так же увлеченный Егором Афанасьевым, попал, наконец. в нелегальный кружок пропаганды и сам стал потом организатором и пропагандистом нового кружка. И еще несколько человек таких же, как кружок Богданова, Норинского, Шелгунова и были тем революционным бродилом, которое просвещало и организовало темную рабочую массу. Все эти рабочие были выше среднего уровня, не только развитые, но и очень образованные люди, многие из них получили хотя и специальное, но образование, нисколько не уступавшее тому, что получали юноши в средней школе, все они дополняли свои знания усиленным самообразованием, все они, наконец, вследствие связей с социал-демократической и народовольческой интеллигенцией были социалистами.

Некоторые из них, хотя и не получили такого образования, как упомянутые Богданов, Шелгунов и Норинский, но достигали знаний исключительно путем общения с товарищами, самообразованием, усиленным чтением под руководством более знающих и опытных товарищей. Среди этой группы петербургских рабочих были прекрасные пропагандисты, агитаторы и организаторы. Особенно крупной организаторской силой был выдающийся деятель русского рабочего движения вообще Егор Афанасьевич Афанасьев (он же Климанов и Бубнов). Он родился в 1866 году в крестьянской семье Гдовского уезда, Петербургской губ. Еще подростком поступил в кузницу Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, где и стал кузнецом. Он так же получил образование в технической школе, как и его уже упомянутые товарищи. В 1888 году, а может быть, и раньше он познакомился с Точисским, который, повидимому, и оказал на него большое влияние. Знаком он был также и с Брейтфусом из той же организации. Вовлеченный таким образом в водоворот революционной работы, он знакомится с Голубевым и скоро становится душой той революционной рабочей среды, которая вместе с социал-демократической интеллигенцией Бруспевской группы создает социал-демократическую организацию в Петербурге. Являясь центральной фигурой движения, он, прекрасный природный организатор, до самой смерти был большой революционной силой. В 1891 году он один из организаторов первой русской маевки, автор одной из первых речей по поводу празднования первого мая и о задачах рабочего класса в России. Арестованный в 1892 году он высылается из Петербурга. В 1894 году он снова в столице, работает на Путиловском заводе, организует забастовку, попадает в тюрьму и снова получает ссылку теперь уже на

5 лет в Вологодскую губ. Окончив ссылку, в виду болезни переезжает на юг и там в Керчи снова становится центральной фигурой организации, принимает активнейшее участие в революционных событиях 1905 года, снова высылается жандармами на север (на 3 года в Вологодскую губ.), бежит оттуда и попадает опять в Петербург, где и живет нелегально под именем Бубнова. Несчастный случай (удар тока) лишает его трудоспособности, но не лишает революционного пыла и энергии. Будучи большевиком и затем коммунистом, он, больной и разбитый, незадолго до смерти обходит Гдовский и Ямбургский уезды Петербургской губ. и занимается агитацией по деревням, в Петербурге выступает на митингах и является одним из деятельнейших членов Выборгского района. Только смерть от сыпного тифа в 1918 году заставляет его прекратить свою кипучую деятельность. „Замечательный это был человек", говорит о нем его товарищ по работе в 90-х годах В. Карелина: „Хотя по начитанности он уступал другим рабочим, руководителям всего дела, как Богданов или Мефодиев, но зато отличался необыкновенной добротой, особой убежденностью, преданностью делу, уменьем подходить к человеку и поразительной красотой душевной. Этим он и брал и привлекал к себе, особенно женщин и ткачей. То, чего ему недоставало в смысле знаний, он с лихвой пополнял своей задушевностью и, если уступал в теории металлистам, которые вообще шли впереди всех рабочих, зато, как практик и организатор, был выдающимся человеком" *).

А вот другая фигура рабочего, организатора первых социал-демократических отрядов в России. Это тоже Афанасьев, ткач, Федор Афанасьевич Афанасьев, получивший свои первые революционные уроки еще от Петра Алексеева и Степана Халтурина. Крестьянин Ямбургского уезда, Петербургской губернии, он родился в 1859 году, стало быть, был уже полным сил юношей, когда познакомился с революционной организацией „Северно-русского рабочего Союза". Пройдя фабричную школу при Кренгольмской мануфактуре, он работал затем ткачем в Петербурге, где и стал социал-демократом и членом Брусневской группы. Как и выдающиеся из его товарищей, он был организатором рабочих кружков, подготовлял первую маевку 1891 года, произнес на ней речь. В этом же году переехал в Москву и вместе с Брусневым организовал и там социал-демократическую группу и занимался пропагандой, для чего поступил на фабрику. В 1892 году во время провала брусневцев бежал в Петербург, был арестован, выслан в Ямбург, откуда уехал в Ригу, гда и работал в социал-демократических организациях до 1901 года, когда переселился в Иваново-Вознесенск. Здесь он быстро стал центральной фигурой, организатором и душою революционной работы. Погиб на славном посту во время демонстрации в Октябре 1905 года под ударами царских казаков.

Вот какими чертами описывает этого замечательного революционного борца, „Отца", как его называли Иваново-Вознесенские рабочие, тов. Фрунзе: „Мы все уставали,—меньше всех „Отец". Сколько веры в победу рабочего движения, в социализм было в этом закаленном борце! Может быть, многих приезжих из центра поражало то же, что и меня: это—суждение партийного комитета о поступках личного

*) „Красн. Лет." № 4. В. Карелина, восп.

свойства, о домашних делах, о пьянстве, об отношениях к женщине. Но „Отец“ и это умел об‘яснить: ему хотелось воспитать, хотелось видеть в своих товарищах истинных социалистов. На всех нас производил сильное впечатление этот скромный человек, который за свою долгую революционную деятельность мог многим похвалиться и многое порассказать. И он первый был бы удивлен, если бы кто-нибудь назвал его героем. А на это он имел бы право больше, чем кто-нибудь другой“ *).

Его похоронили в лесу, но торжествующая реакция вскоре выкопала красный гроб борца и закопала его в другом месте.

А вот еще один образ рабочего тех времен и той группы пролетариев, которые были зачинателями нашего социал-демократического движения. „...Токарь Фунтиков, около 30 лет, помятый жизнью; жена и дети его жили в Тверской губернии. Он с места в карьер отдался работе. Человек откровенный, прямой, решительный, чуждый условностей и компромисса с совестью. Он часто своей прямотой отталкивал от себя массы. С первого же вступления в партию, узнав, что существуют взносы в рабочую кассу, передал кассиру нашего кружка все скопленные долгими годами деньги 200 руб. Мало того,—повел решительную борьбу с женой, убеждая отрешиться от условностей и сделаться другом его в борьбе с капиталом. Предложил бросить в печь все иконы и т. п. После борьбы, тянувшейся около 2—3 лет, он, наконец, убедившись в бесплодности увещеваний, порвал с деревней, с семьей и весь отдался рабочему движению. На вид атлетического сложения, с большой бородой, он всю зиму ходил без чулок, в штиблетах, на голую ногу. Имел всего один потертый пиджак, плохонькое осеннее,—оно же заменяло и зимнее,—пальто. Но там, где требовалось проводить линию, Фунтиков был на своем месте. Он не чувствовал устали“ **).

Понятно, что только такие образованные, сознательные рабочие социалисты, преданные делу, олицетворявшие собою лучший тип революционера-борца, только такие рабочие, всегда являвшиеся образцом и примером, и могли составить то ядро, из которого вышло не мало лучших организаторов нашей партии, как, например, Бабушкин, Шелгунов, Афанасьевы и подобные им выдающиеся деятели движения.

О том, какая нравственная чистота и преданность делу, сознание долга и самозабвение царили в этом замечательном кружке рабочих, можно судить по воспоминаниям В. Карелиной.

„В кружки новых людей“, говорит она: „допускали со строгим выбором, по рекомендации двух членов, с ответственностью рекомендующих. Хорошее было время, чистота какая-то в наших отношениях. Бывало придет много товарищей, засидятся до-поздна, домой итти далеко, постелем что-нибудь на полу, лежим все вповалку, и заснем, как убитые. И вышли потом из нечистого ***) дома в большинстве чистые и преданные рабочему делу борцы“.

---

*) Ежегодник Ив. Вознес. изд. за 1921 г.
**) Восп. Норинского в сб. От „Группы Благоева“ к „Союзу борьбы“.
***) Квартира, где собирался кружок, находилась в районе домов терпимости.

„Вспоминая теперь, почти через 30 лет, нашу чисто рабочую революционную социал-демократическую организацию, я думаю, что рост и успех происходили потому, что организовали ее мы, рабочие и работницы, правда, при помощи интеллигенции. С интеллигенцией у нас была самая тесная связь. К ее словам мы прислушивались и уважали ее. Самые формы нашей жизни выливались так просто и естественно. Сходились мы с людьми близкими, с кем сжились и кого знали хорошо".

Так в течение семидесятых и восьмидесятых годов выработался тип революционера рабочего, социалиста.

Это по большей части образованный, развитой, сознательный молодой человек, иногда девушка работница, начитанный и знающий, хороший организатор и пропагандист, преданный революции до самозабвения, стойкий и чистый, немного романтически настроенный, соединяющий в себе лучшие черты народовольчества, соединенные с несокрушимой и революционной логикой Марксова учения. Он человек массы, он вышел из нее, и связан с нею тысячами нитей, знает ее, понимает каждое ее движение и желание, умеет подходить к ней и потому действует на нее неотразимо и глубоко. Он выше этой массы на целую голову, но это только ближе связывает его с самими глубинами темной несознательной рабочей гущи, заставляет ее искать именно у этих развитых и знающих людей ответов на свои проклятые и острые вопросы и выдвигать их всякий раз, когда наступают критические минуты.

Мы увидим, как впоследствии в девятисотые годы число таких рабочих растет, как это первоначальное ядро увеличилось и разрослось в могучую, сильную, стальную организацию профессиональных революционеров.

К концу восьмидесятых годов это небольшое первоначальное ядро настолько разрослось, что включало в себя уже несколько десятков рабочих, которые в свою очередь расширяли организацию своей работой. Из этих рабочих наиболее известны: Норинский, Фишер, Вл. Фомин, Ив. Егоров, Мих. Яковлев-Стефаненков, Бабушкин, М. Пеляев, П. Яковлев, П. Кайзо, Форсов, Майоров, П. Морозов, Н. Рябов, В. Ангушевский, Н. Васильев, Клопов, Прошин, Н. Полетаев, Фунтиков, Кузнецов, К. Куприянов, Медведев, Вл. Князев, Ильин, Кириллов, Н. Желабин, Метшус, Егор и Федор Афанасьевы, Шелгунов, Богданов, Клопов, Кириллов, Вас. Буянов, Г. Мефодиев, Карелин, В. Карелина, Анна Егорова и многие другие. На них-то прежде всего и опиралась Брусневская группа.

Но прежде, чем перейти к описанию этой группы, необходимо ответить еще на один вопрос: что же в восьмидесятые годы развитие русской социал-демократии ограничивалось только одним Петербургом или это было повсеместное явление в России?

Разработка архивных материалов, касающихся 80-х годов, только что начинается и не подлежит никакому сомнению, что и в Москве, как и в Петербурге, под влиянием времени происходил сдвиг в рабочей среде и интеллигенции, хотя сейчас указать кружки переходного типа в Москве не представляется возможности.

Еще в первой половине восьмидесятых годов в Москве литография Янковской печатала в числе прочих нелегальных брошюр и книг,

упоминавшееся выше письмо по поводу об'явления Группы „Освобождения Труда" об издании своей социалистической библиотеки.

Были, стало быть, элементы, уже критически смотревшие на народническую теорию и практику и искавшие другой среды, чем народники и ставившие другие задачи. Народниками пропаганда среди рабочих в Москве велась искони; пытались эту пропаганду вести в Москве и чернопередельцы. Старейший из московских революционеров-марксистов, С И. Мицкевич, так говорит по этому поводу: „... И в этот период у интеллигенции заводились кое-какие связи и знакомства с рабочими, по большей части с рабочими высших разрядов труда: монтерами, помощниками машинистов, токарями и т. д. Связи эти носили большей частью чисто культурный характер: рабочим давали читать „хорошие" книжки и велись за стаканом чаю беседы.

Небольшой кружок таких рабочих группировался около одного известного писателя-народника Н. Н. Златовратского, другой кружок образовал в 1889 или 1890 году студент Добронравов *), живший в рабочем квартале, в Грузинах, и имевший родственников среди рабочих. Попадались небольшие толстовские кружки и отдельные толстовцы среди рабочих, сравнительно большой толстовский рабочий кружок в это время был на фабриках Морозовых в Орехове-Зуеве В это же время среди рабочих стало проявляться заметное стремление к самообразованию: они записывались в библиотеки, посещали городские читальни, публичные лекции, выписывали вскладчину либеральные газеты, по преимуществу „Русские Ведомости", больше всего ценя в них иностранный отдел, в котором попадались хорошие статьи о рабочем движении на Западе. Вот из этих-то слоев рабочих и рекрутировались члены первых социал-демократических кружков" **).

С. И. Мицкевич упоминает также некоторых рабочих, затронутых еще народовольческой пропагандой и помогавших первым социал-демократам организовать первые социал-демократические кружки. Но несомненно одно, что социал-демократическое движение в Москве было развито значительно менее, чем в Петербурге. По крайней мере, Бруснев в своих воспоминаниях, говоря о своей работе в Москве в 1891 году, указывает на то, что даже группа Кашинского, „хотя и стояла на социал-демократическом пути, но еще не отрешилась от некоторых народовольческих взглядов на политическую борьбу" ***). Повидимому, в Москве дело обстояло так, что в восьмидесятые годы марксизм пробивал себе дорогу с большим трудом и даже в кружках самообразования учение Маркса не пользовалось особенной популярностью. „В 91 и 92 годах", пишет о Москве А. Мандельштам: „марксизм был мало известен и недоступен для интеллигентских и студенческих кружков. Мне памятно то скверное настроение, которое испытывал брат после реферата в одном из лучших революционных кружков известного тогда публициста-писателя Гольцова, в котором участвовал молодой Милюков, где отнеслись с насмешкой к „какому-то Марксу" ****).

---

*) Вел работу среди рабочих Брестской жел. дор. и передал свои связи С. И. Мицкевичу.

**) „На заре рабоч. движения в Москве", сб.

***) „Пролет. рев." № 2 (14)—1923 г. Восп. Бруснева.

****) „На заре раб. движ. в Москве", сб.

Быть может, лучше всего характеризуется тогдашнее настроение в Москве одним из современников-народников Велицким, лично переживавшим кризис. „Будучи в Москве“, говорит он в письме к народнице Дениш: „познакомился с кружками народников, Златовратским, А. Пругавиным и пр. Впечатление они на меня, как люди, произвели довольно хорошее, в особенности Златовратский; но как общественные деятели, — весьма неопределенное. Видно, что и сами, как в тумане. Познакомился также с кружком радикальным, нелегальным, но с этим почти совсем не сошелся... ...Вообще, надо сказать, что время теперь весьма неопределенное, как и всякое переходное время... *).

Как видно из „Устава“ этой группы, цель М. Р. Г. рисовалась так: „М. Р. Г. должна быть центром и руководителем революционной рабочей организации в районе Московской губ. и довести эту организацию до такой степени, чтобы рабочие данной местности пошли за партией в момент переворота“. Как видно из этого, в Москве народовольцы продолжали еще смотреть на рабочих, как на подсобный революционный материал в момент переворота. „Каждый член группы“, говорится в Уставе: „заводит связи с рабочими и старается образовать вокруг себя кружки рабочих с целями саморазвития, самопомощи, пропагандистской и агитаторской деятельности в среде рабочих. Группа должна озаботиться составлением лекций для рабочих, по вопросам экономического и социального строя России, по истории рабочего движения на Западе. В этих лекциях по преимуществу должны выясняться социально-революционные требования рабочих.

Группа рекомендует и доставляет, по выработанной программе, книги для чтения, заводит библиотеки для рабочих, устраивает помещения для чтений. Группа заботится об устройстве конспиративных квартир для Общ. Собр. и с другими целями. В числе своих задач группа должна поставить издание органа для рабочих. Во время стачек и беспорядков на фабриках, группа должна употреблять все усилия для придания этим движениям более радикального оттенка, организовать и поддерживать движение своим влиянием и участием и направлять его согласно программе Н. В. и общему плану „действий партии в данный момент, по мере возможности, оказывать и материальную поддержку“... Далее идет речь о терроре,—об убийстве шпионов и хозяев фабрик и т. п.

Как видно отсюда, еще в половине 80-х годов в Москве народовольцы продолжали повторять зады и как раз накануне Морозовской стачки рекомендовали рабочим... организовать заговорщическую группу не более как из 10 членов и приспособлять стачки к целям партии.

Во всяком случае, более заметное социал-демократическое движение отмечается в Москве только в начале 90-х годов, и, как бы слабо это движение изучено не было, можно с уверенностью сказать, что оно в течение 80-х годов было неизмеримо слабее, чем в Петербурге **). (В начале 90-х годов в Москве в революционных кружках студентов работал П. Г. Смидович).

*) Ст. Невского в сб. от „Группы Благоева к Союзу борьбы“.

**) Народовольцы в Москве в 80-х годах пытались охватить и рабочую массу, по крайней мере в 1884—5 годах они образовали „Московскую рабочую группу партии Н. В.“ (См. обзоры жандарм. дозн. за 90-е годы).

Зато в провинции, как это ни странно с первого взгляда, социал-демократическое движение стало, как и в Петербурге, распространяться уже со второй половины 80-х годов.

Одним из первых марксистских кружков в провинции, несомненно, был кружок Н. Е. Федосеева в Казани, организованный еще в 1888 году. Кто был инициатором этого кружка, пока установить не представляется возможным. Некоторые данные позволяют утверждать, что Н. Е. Федосеев совершенно самостоятельно пришел к выводу, что учение Маркса единственно правильная теория научного социализма и что, исходя из нее, только и можно выработать практический и правильный революционный метод борьбы и для России *). Некоторые исследователи называют учителем Н. Е. Федосеева—Семена Григорьевича Сомова, некоторые полагают, что учителем Казанских и Нижегородских социал-демократов,—Григорьева, Кузнецова и даже Федосеева—являлся один из первых русских марксистов П. Н. Скворцов, но если последний, действительно, оказал очень большое влияние на молодежь 80-х и 90-х годов своими марксистскими статьями, печатавшимися в „Юридическом Вестнике", то нельзя того же сказать о Сомове. П. Н. Скворцов, действительно, один из самых первых русских марксистов еще первой половины 80-х годов, как утверждает С. И. Мицкевич. Во всяком случае, его статьи, печатавшиеся в провинциальной прессе и в начале 90-х годов в „Юридическом Вестнике", были ортодоксально марксистского характера и читались молодежью очень внимательно. Статьи Скворцова, собранные вместе, в начале 90-х годов были напечатаны в известном сборнике, уничтоженном правительством, „Материалы к характеристике нашего хозяйственного строя" **). В этих статьях П. Н. Скворцов на основании весьма обширного статистического материала, касающегося Нижегородской, Смоленской, Московской, Тамбовской, Новгородской, Пермской, Орловской, Рязанской и других губерний, рассматривает вопросы соотношения между размером крестьянского надела и размером семьи, между размером надела, величиной двора и количеством семьи, а также способы образования надела, аренды вненадельных земель, промыслы, эксплуатацию наемного труда в крестьянском хозяйстве и размеры крестьянской поземельной собственности и падающую на землю плату. Задача, какую ставит себе П. Н. Сквор-

---

*) С. Лившиц в своей работе „Очерки по истории Казанской социал-демократии" склонен считать именно Семена Григорьевича Сомова организатором какого-то еще другого кружка, чем тот, который носит название Федосеевского. Основанием для признания т. Лившицем за Сомовым влияния на Федосеева послужила заметка М. Горького („Былое" № 16—1921 г. стр.), где о Сомове говорится между прочим следующее: „Я познакомился с ним в Казани, где он организовал довольно обширный кружок молодежи; после переезда С. в Нижний, во главе кружка встал его талантливый ученик Федосеев, вскоре „провалившийся" вместе со всем кружком". Что Сомов мог организовать в Казани кружок молодежи, это не подлежит сомнению, но что Сомов был учителем Федосеева—это едва ли возможно, так как во 1) ни откуда не видно, был ли сам Сомов социал-демократом, и 2) наоборот, Горький дает такую характеристику Сомова, что едва ли его можно признать марксистом: Горький называет Сомова „нигилистом", а из содержания сочинения этого нигилиста можно заключить, что марксизма в этом произведении не было ни грана (Сомов доказывал, что явления общественной жизни подчиняются тем же законам, что и явления электричества).

**) П. Скворцов: „Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям". Первая, вторая и последняя главы этой работы были ранее опубликованы в „Юридическом Вестнике" в 1892 г.

цов, сводится к тому, чтобы „на основании земско-статистических исследований показать, насколько совершается преобразование русских крестьян в пролетариев". Анализируя земско статистические данные, Скворцов приходит к заключению, что почти во многих районах „менее двух третей крестьянских хозяйств самостоятельно занимаются земледелием" и что не менее 15—17% крестьян составляют неземледельческое население. Кроме того, на основании тех же данных он делает вывод, что „тот исторический процесс отделения производителя от средств производства", который тянулся в Англии довольно долго, в России под влиянием капиталистического способа производства идет быстрее и интенсивнее. Словом, выводы, к каким приходил Скворцов на основании изученного им материала, только блестяще подтверждали основные положения Маркса и тем самым доказывали всю безнадежность и ошибочность положений умирающего народничества. Мы забежали вперед ибо указанные работы Скворцова относятся к началу 90-х годов, но несомненно, что и статьи и личное общение такого выдающегося исследователя, как П. Н. Скворцов, имели без сомнения влияние и на Федосеева. Как бы то ни было, но уже в 1888 году в Казани действовал кружок Н. Е. Федосеева. Н. Е. Федосеев настолько своеобразная фигура конца 80-х и начала 90-х годов, что на ней необходимо остановиться. Он был сыном помещика-администратора Вятской губернии. Обеспеченный, прекрасно одетый и ни в чем не нуждавшийся, он принадлежал к так называемому лучшему обществу в Казани, где он учился в гимназии. „Отец", говорит Федосеев в одном из своих писем, „весьма заботившийся о моем образовании и по мере сил и уменья старавшийся познакомить меня с общественной жизнью— хотел видеть во мне прокурора, но я не мог согласиться на это предназначенье и по соображениям, вытекавшим из слов самого же отца. Отец уступил. „Ну, будь адвокатом".—Я так и не решил вопроса о моей профессии, т. е. в VII классе об'явил отцу, что хочу быть доктором медицины". Отец и на это согласился. Но молодой человек, видевший, что „в юристы идут негодяи, франты, лентяи", скоро разочаровался и в медиках. „...Наступил период страшного душевного кризиса— когда надо было во что бы то ни стало выработать взгляды, а выработка эта не давалась. Читал я тогда много и жадно. Успенского читать не мог, тошно было: и без того тяжело, а он те же раны

Н. Е. ФЕДОСЕЕВ.

растравляет, углубляет те же вопросы и, выставив их во всей логической ясности, так и оставляет не решенными. Тут катастрофа. После нее, не решив вопроса о будущем, я мучился тем же душевным недугом, выработкой взглядов (ой, как это трудно достается,—выработка убеждений, без разумной педагогики, при противодействии всего окружающего!). Мне предстояло сдать экзамены. Но тут возникло наивное убеждение: не стоит! Люди, которых я всей душой любил, взбунтовались.

„Потому что *в университете учиться нельзя*, что там мерзко, гадко. Деревня мрет от голодного тифа, ребята умирают от дурного питания и ухода,—а я буду лечить их, когда есть нечего им, и изба у них худа" *).

В результате таких сомнений и усиленного самого серьезного самообразования Федосеев начинает заниматься изучением социальных вопросов и вступает в кружок. Жандармы, наведенные на след перлюстрированной перепиской П. И. Маслова—производят обыск и у Федосеева. В результате исключение из гимназии и гибель карьеры. Федосеев еще больше отдается революционной деятельности и, повидимому, в этот период особенно близко сходится с П. Н. Скворцовым, оказывающим на него особенно сильное влияние. В июле 1889 года Федосеев арестован по делу о казанском революционном кружке. Просидев в тюрьме больше года, он получает в наказание одиночное заключение в „Крестах" на срок в 1 год и 3 месяца. Освобожденный из тюрьмы в январе 1892 года и окончательно порвавший с родными, он с двумя своими товарищами Саниным и Ягодкиным избирает Владимир. В августе этого же года он снова был арестован и после тюремного заключения выслан на 3 года в Вологодскую губернию. Но и там жандармы не оставили его в покое. Он снова был привлечен по политическому делу и в октябре 1896 года выслан на 5 лет в Восточную Сибирь. Там, измученный и больной, он пал жертвой гнусной интриги тоже ссыльного, Юхоцкого, и в июне 1898 года покончил с собой. Владимир Ильич Ленин так характеризует Федосеева: „Во всяком случае для Поволжья и для некоторых местностей центральной России, роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера" **). Если прибавить к этому еще то, что, по словам такого скупого на оценки деятеля, как В. И. Ленин, „Федосеев пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу", то станет понятным, почему фигура Федосеева имеет значение для характеристики эпохи конца 80-х и начала 90-х годов. Какова же была эволюция взглядов Федосеева и каковы были эти взгляды? Несомненно, сначала тот кружок, где участвовал и работал Федосеев, являлся кружком самообразования переходного типа от народничества к марксизму; это—кружок, состоящий из Федосеева, студентов университета А. С. Выдрина, П. Г. Воронина, В. А. Сычева, студента Ветеринарного

*) Николай Евграфович Федосеев. Сб. Истпарт М. 1923 г.
**) Там же, см. предисловие.

Института К. К. Ягодкина и ученицы фельдшерской школы Фейги Беркович. Кружок, несомненно, носил переходный характер. Члены его, тогда в 1888 году, еще только искали того пути, по какому нужно итти на революционном поприще. Они изучали всякого рода платформы и программы. При обыске одна из таких программ, принадлежавшая народовольческому московскому кружку, была найдена и у федосеевцев. Но стоит только взглянуть на эту программу, чтобы понять, что марксист, каким называют Федосеева уже все знавшие его, не мог разделять такой программы.

„Выступая на борьбу с современными порядками русской жизни", говорится в воззвании кружка „Молодая Россия": „мы ставим себе следующие цели: уничтожение абсолютизма и централизации и учреждение временного правительства, которое займется главным образом: 1) созывом выборных представителей в законодательный корпус; 2) установлением федеративной связи между частями нынешней русской империи, несомненно отличающимися самобытностью; 3) реализацией принципа свободы печати, ассоциаций и петиций. Средствами для достижения приведенных задач мы считаем: 1) систематический террор против абсолютизма, 2) организацию боевых сил и собирание боевых запасов, 3) устную и печатную пропаганду. Пропагандировать мы будем преимущественно среди лиц среднего класса, разумея под этим лиц, сделавшихся по условиям жизни более восприимчивыми к реформации нашего строя и более способными к политической организации. К этой категории относится множество лиц, имеющих фактическую силу, отчасти благодаря имущественному цензу, отчасти благодаря высокому административному положению, отчасти благодаря научному и литературному таланту. Зовем всех желающих свергнуть ярмо абсолютизма под наше знамя и на битву, битву победную для всего интеллигентного и свободолюбивого в России".

Намечая цели кружка, его программа ставила в первую очередь „пропаганду среди молодежи и народа, приурочивая сюда крестьян, рабочих и войско". Затем ставятся задачи,—организации сил для пропаганды и борьбы (образование новых кружков и вербовка членов), распространения путем печати своих воззрений, помощи политическим ссыльным и помощи своим членам. Далее указывается, что при кружке имеются библиотека (легальная и нелегальная) и склад, касса, адресный стол и бюро литературных материалов.

Принимая во внимание, что одним из идейных вдохновителей кружка был марксист Скворцов, что программа, найденная у федосеевцев принадлежала московскому народовольческому кружку, что, наконец, все свидетели (отчасти товарищи, как Лалаянц, отчасти ученики, как Сергиевский) утверждают, что уже к концу 1888 года Федосеев становится марксистом, необходимо прийти к заключению, что федосеевцы в Казани очень быстро эволюционировали от народничества к марксизму.

По словам И. Х. Лалаянца как раз зимой 1888 года в их кружках и начинается изучение Маркса. Время же от зимы 1888 и до лета 1889 года было временем, как наиболее интенсивной деятельности по образованию новых кружков, так и выработки собственного марксистского миросозерцания. „Организовывал он", говорит И. Х. Лалаянц: „кружки обычно двух типов: начального и высшего. В первых он свою

роль ограничивал устройством их, назначением руководителя, намечением программы занятий и общим наблюдением за ходом дела; вторым он руководил лично сам. Это были действительно очень интересные кружки в смысле научной, теоретической подготовки и развития их членов. Занятия в них, благодаря умелому и талантливому ведению дела самим Федосеевым, шли очень оживленно, дружно и свободно. Основными темами были политическая экономия и история; из практических вопросов больше всего обращалось внимания на положение рабочего класса и крестьянства в России. В общем и целом Федосеев был уже тогда складывающимся марксистом; но вообще тогда уже не чужды были им и I т. „Капитала" и „Каутский и Энгельс". В 1889 году Федосеев был арестован и „первые же годы тюрьмы", по словам того же Лалаянца: „выработали из Федосеева уже определенного, вдумчивого марксиста". В кружке кроме Федосеева принимали участие, как сказано выше, А. Санин и Михаил Георгиевич Григорьев. Санин уже в те времена и в особенности в следующие периоды являлся тоже незаурядной теоретической силой кружка. Благодаря знанию немецкого языка он принимается за изучение сочинений Маркса в подлинниках. Ему принадлежат некоторые переводы марксистских произведений с немецкого и английского и его самостоятельные работы, где он выявляет себя, как настоящего ортодоксального марксиста (напр., его перевод известной книги И. Гуревича „Экономическое положение русской деревни" с приложением собственной довольно большой работы „Несколько замечаний по поводу теории „народного производства"). В это же время с казанскими кружками знакомится и Владимир Ильич Ульянов, уже ставший марксистом и основательно изучавший Маркса.

Федосеев, попавши в тюрьму, получил возможность, а затем в особенности во Владимире и в ссылке, особенно внимательно заняться изучением Маркса и анализом русских экономических отношений. В результате этих занятий наметился и отчасти был осуществлен труд по истории русского крепостного хозяйства и о причинах его падения. Насколько был ценен этот труд, можно судить по тому, что уже тогда он находился в руках В. И. Ульянова, жившего в Самаре (1889—1893 годы) и даже переписывавшегося по этому поводу с Федосеевым. Насколько можно судить по уцелевшим отрывочным письмам самого Федосеева и по пересказу его ученика Н. Л. Сергиевского, воззрения одного из первых русских марксистов сводились к следующему: „Россия, точно так же как и Запад, уже вступила на путь капиталистического развития, и в России уже на лицо многочисленный промышленный пролетариат, о чем ярко свидетельствует его стихийное движение. Задача социалиста, стоящего на почве научного социализма Маркса, заключается теперь уже не в одной разработке теоретических проблем материализма и экономики, борьбы с суб'ективным методом в социологии народников, но и распространение идейного влияния марксизма на массы, создание революционной пролетарской организации. „Сам Н. Е. никогда не называл себя социал-демократом", говорит Н. Л. Сергиевский: „как он не называл других марксистов того времени. Он делал различие между марксистом и социал-демократом. Марксист по его терминологии—это теоретик - идеолог рабочего класса, обыкновенно выходец не из рядов класса, а социал-демократ—это практический борец, вождь рабочего класса, преимущественно выходец из того

же класса. Поэтому гэдизм—марксистская организация, немецкая партия—социал-демократия; Каутский—марксист, а Бебель—социал-демократ. Без Бебелей немыслима рабочая партия, потому что у партии не будет действительных вождей класса, кровно заинтересованных в его нуждах и до тонкости понимающих, знающих жизнь класса, одним словом, живущих одной психологией с классом, который они представляют. Только такие вожди в состоянии владеть массой и в нужный момент повести ее в бой. Марксист же должен теоретически обосновать программу и выработать, подготовить Бебелей и Либкнехтов. Для этого марксисту нужно было итти в народ, чтобы выявить русских Бебелей, будущих вождей российской социал-демократии". Нужна программа, но для России нужно не рабски списать программу западно-европейской социал-демократии, а наоборот, исходя из учения Маркса, анализировать русскую действительность и на основе этого экономического анализа и взаимоотношения классов построить программу русской социалдемократической рабочей партии".

Мысль о создании *боевой социалистической партии пролетариата* в России, таким образом, была не только достоянием одного Плеханова, но родилась и у нас дома, совершенно самостоятельно в головах таких теоретиков, как Федосеев и особенно, как это будет показано ниже, Ленина задолго до того времени, как действительно такая партия была создана. Вот что по этому поводу говорит сам Федосеев: „Рабочий класс должен заявить требование *политической свободы* т. е. признание законности его стремления защищать свои интересы, столь противоположные интересам господствующих классов. По отношению к господствующим классам положение всех рабочих, без различия формы труда,—одинаково; следовательно, борьба за рабочие интересы должна быть общим делом всех рабочих. Стало быть, политическая свобода, которой требуют для себя рабочие, должна распространяться на весь трудовой класс и состоять в признании законности об'единения всех рабочих во имя борьбы за свои интересы. Признание законности такого об'единения должно выразиться, во-1-х, *в полной свободе* обсуждения интересов рабочего класса, в печати и в общественных собраниях; во-2-х, *в полной свободе всякого рода организаций рабочих,* в том числе и стачек для защиты их интересов, и в 3-х, *в распространении на рабочих права участвовать через своих выборных представителей в высшем государственном управлении.* Участие рабочих представителей в государственном (законодательном) управлении крайне важно для рабочего класса, так как только этим путем он может стать сильной *политической партией* и бороться за свои интересы с враждебными партиями при решении в законодательном порядке всех вопросов общественного устройства, наконец, прочность самого законодательного признания за рабочими свободы защищать свои интересы в значительной степени зависит от участия рабочих в государственном управлении".

„Только такая политическая свобода даст рабочему классу возможность с успехом отстаивать свои интересы".

По вопросу о том, каким путем будет достигнута такая политическая свобода, Федосеев полагал, что это будет зависеть, как от ясного понимания необходимости этой свободы самим рабочим классом, так и от поведения господствующих классов, причем не исключал

даже мирного исхода борьбы. Но, полагая так, он особенно подчеркивал важность и необходимость развития классового самосознания пролетариата и отчетливого понимания им своих задач. Развитие же классового самосознания и отчетливое понимание своих задач рабочий класс, по мнению Федосеева, приобретет только тогда, когда идеологи пролетариата усвоят сами основы научного социализма и сумеют это учение внедрить в умы рабочего класса, создав рабочую партию с программой, исходящей из самой сущности учения Маркса. „Научный материализм", говорит Федосеев в одном из писем к своему ученику Сергиевскому:—„идеологическая категория новейшего времени, он создан, выращен и одухотворен идеей рабочего класса, пролетариата. Дать представление русскому пролетариату о его исторической роли, указать путь, по которому он должен итти, чтоб выполнить свою историческую миссию,—это ближайшее дело русских идеологов—„марксистов", т. е. тех немногих личностей из господствующих классов, которые могли понять сущность исторического момента и сделать своими интересами, смыслом своей жизни—интересы пролетариата. Это—великая задача,—выполнение ее *быстро* поставит их во главе сильнейшей прогрессивной партии, *выведет борьбу* пролетариата в открытое поле, на позицию, которая обеспечит *верную* победу, выведет борющихся за свои интересы пролетариев с *неудобной позиции*, где масса бойцов гибнет в трясине и от вражеского огня—гибнет бесполезно. Великое значение научного социализма, повторяю, заключается в том, что он ставит своих последователей на твердую почву практической деятельности, дает в их руки общественное знамя, которое не будет запачкано грязью реакции, вожделениями классового господства и ребяческими фантазиями".

Эта формулировка взглядов Федосеева относится к позднейшему не казанскому периоду его жизни, но взгляды эти складывались у Федосеева очень давно и, можно сказать, к началу девяностых годов были уже продуманы и готовы.

Ясно, какое большое значение имел такой выдающийся деятель, как Федосеев в особенности в тот период идейного разброда, который наступил при разложении „Народной Воли". Понятно также, почему В. И. Ленин считает Федосеева марксистом, оказавшим огромное влияние на выработку марксистского мировоззрения во всем Поволжье: ученики и товарищи Федосеева, рассеявшись по разным городам, сами стали рассадниками нового учения и организующими центрами. Да и сам Федосеев, отбывши наказание в „Крестах" и поселившись хотя и ненадолго во Владимире, был и здесь уже в начале 90-х годов источником и учителем молодого поколения революционеров социал-демократов, но этот период его деятельности удобнее рассмотреть при обсуждении развития социал-демократии в 90-ые годы.

Конечно, не одна Казань была центром выработки нового марксистского миросозерцания. Нижний Новгород, Саратов и особенно Самара, где с 1889 по осень 1893 года жил и работал В. И. Ульянов-Ленин, являлись умственными революционными центрами, где вырабатывалась новая идеология, но прежде чем перейти к этому периоду, когда русский марксизм, в особенности в формулировках Ленина, получил вполне отчетливое очертание (в начале 90-х годов), необходимо остановиться на том стихийном процессе, какой происходил по всей

России, процессе критического пересмотра старых теорий и искания новых путей еще в 80-ые годы в других крупнейших пунктах рабочего движения. Одесса, Киев, Харьков и Ростов, начиная с семидесятых годов, являлись важнейшими центрами революционного движения; за исключением Киева и тогда только что выдвигавшегося в первую линию Екатеринослава, три названные города были наиболее крупными промышленными центрами. Какие же явления в этих промышленных пунктах можем мы наблюдать в области смены революционной теории и практики? Замечались ли здесь попытки революционного творчества или здесь по прежнему царили все те же народнические теории и взгляды? Ответом на этот вопрос может служить одно из первых марксистских дел, зафиксированных усердной самодержавной полицией, это дело Давыда Борисовича Рязанова.

В Одессе со времени еще южно российского рабочего Союза рабочих продолжали действовать всякие народнические и народовольческие кружки. Во второй половине восьмидесятых годов, в один из таких кружков входил и молодой гимназист Рязанов (Гольдендах). Он скоро сумел отрешиться от народнических иллюзий и уже в 1888 году прилежно изучал первый том „Капитала" и поражал всех своей многосторонней начитанностью и знаниями. Неудовлетворенный существующими кружками, Рязанов 18 лет уезжает за границу и здесь знакомится с русскими эмигрантами всяких толков и направлений и еще более укрепляется в своих марксистских воззрениях. В Россию он возвращается уже настоящим марксистом и начинает революционную работу. При помощи народоволки Марии Дилятицкой он знакомится с рабочими и начинает среди них пропаганду.

Д. Б. РЯЗАНОВ.

В 1890 году он снова едет за границу, скоро возвращается обратно, но его уже ждут жандармы: арестованный в Волочиске, он надолго попадает в тюрьму. Рязанову удалось организовать несколько кружков из рабочих и интеллигентов и устроить около двадцати довольно многочисленных собраний. В своей работе он широко пользовался существовавшей в Одессе легальной и нелегальной библиотекой, составленной еще народниками, но в деле распространения марксизма он самостоятельно прокладывал новые пути: выбирал подходящую легальную экономическую литературу, составлял программы и каталоги книг для чтения (одну такую программу отобрали жандармы при

обыске), популяризировал Маркса и вообще совершенно самостоятельно начал пропаганду новых марксистских идей в рабочей среде. Из рабочих, бывших у него в кружках, полиции удалось установить Бениамина Рубинштейна (эмигрировавшего в Америку), Николая Оводова, Ивана Хохлова, Ивана Назарова, Фрола Лазарева, Илью Гладких, Сергея Ефимова, Терентия Картышева и Романа Кекшина.

Арест Рязанова (2 октября 1891 г.) произошел отчасти потому, что правительству удалось перехватить переписку революционеров, с которыми вел знакомство Рязанов, отчасти потому, что в одном из кружков находился провокатор Федулов, столяр по профессии, давнишний агент Жандармского Управления. Кроме рабочих, в кружках Рязанова находились и интеллигенты: Карфункель, Гуревич, Ю. М. Стеклов (Нахамкес), Г. В. Цыперович (оба гимназисты), М. Бергер и другие. В тюрьме и на допросах Рязанов вел себя независимо и с большим достоинством, а, главное, повел дело так, что своими показаниями он взял все на себя и спас других участников кружков, особенно рабочих. Такое поведение стоило Рязанову необычно тяжелого наказания: он получил 4 года одиночного тюремного заключения в „Крестах" с принудительными работами. Остальные участники получили небольшое наказание, а рабочие отделались совсем легко.

Каково же было содержание Рязановской работы? Он сам в своих показаниях говорит об этом так: „По своим убеждениям причисляю себя к научным социалистам, учение которых заключается в признании невозможности улучшения общественных отношений, как только посредством изменения экономических отношений, образующих по их мнению базис всех общественных отношений". Говоря в показаниях о том, что он организовал кружки рабочих с целью познакомить этих последних с научным социализмом, Рязанов, действительно давал в своей пропаганде большие сведения по экономике России, по рабочему вопросу на западе и у нас и, исходя из этого конкретного материала, пытался развить перед своими слушателями основы учения Маркса *).

Как бы ни были малы результаты его работы в рабочей среде, бесспорно одно, Рязанов являлся первым марксистом в Одессе, и его ученики имели возможность развить более значительную революционную работу.

В Киеве, в 1888 году точно так же, как и в Одессе, пионером социал-демократического движения был интеллигент врач Эмилий Абрамович Абрамович. Он поступил в 1888 году слесарем на завод, сорганизовал кружок около тридцати рабочих и начал социал-демократическую пропаганду. Арестованный в 1889 году, он затем отбывал наказание в „Крестах" в течение 2-х лет. Здесь он встретился с замечательным революционером Ювеналием Дмитриевичем Мельниковым, тоже отбывавшим одиночное заключение по харьково-ростовскому делу; под влиянием Абрамовича Мельников также стал социал-демократом и с этих пор был одним из самых выдающихся организаторов социал-демократического движения на юге **).

---

*) См. дело Д. Б. Рязанова в Обзоре источников.

**) Вместе с Абрамовичем работал и возвратившийся из ссылки Владимир Соколов. В этой работе принимали участие еще Гирш Поляк из Конотопа и Горба и Флеров Гальперин, Голомб, а также и Руфим Воловик, при посредстве которого были, повидимому, связи с Нежином. Абрамовичу удалось устроить библиотеку на взносы, делавшиеся рабочими, и начать пропаганду в социал-демократическом духе, но какой характер носила эта пропаганда, к сожалению, неизвестно.

Фигура Мельникова интересна не только потому, что он сам по себе представляет удивительно выдержанный тип революционера соц.-демократа начала 90-х годов, но еще и потому, что его деятельность в конце 80-х годов в Харькове и Ростове на Дону, его искания, его попытки создать новую самостоятельную программу служат примером того, как экономическая действительность, наростающее рабочее движение, развал старых революционных организаций, неприменимость их программ к новой действительности заставляли не только интеллигентов, но и рабочих совершенно самостоятельно, абсолютно ничего не знающих о группе „Освобождения Труда", ощупью и медленно выходить на тот путь, какой был уже подготовлен для России всем ходом ее развития,—на путь пролетарской борьбы.

Ювеналий Дмитриевич Мельников, незаконный сын дворянина помещика, родился в Полтавской губернии в 1868 году и первоначальное образование получил в Роменском реальном училище, откуда вышел из пятого класса.

Сойдясь еще на школьной скамье с молодыми интеллигентными людьми семьи Галковских (Анна Андреевна Галковская и была первой женой Ювеналия Дмитриевича), Мельников с 18-летнего возраста становится в ряды революционеров в 1886 году и с тех пор всю свою недолгую жизнь (он умер в ссылке в Астрахани 19-го апреля 1900 г.) он отдает борьбе за интересы рабочего класса. По выходе из реального училища Мельников обучается слесарному ремеслу, скоро становится настоящим слесарем и затем уже до смерти добывает себе средства к жизни уже почти исключительно своей работой в заводах и мастерских. В 1888 году Мельников оказывается в Харькове. Здесь еще с 1884 года существуют народнические кружки самообразования. После ареста Бражникова, один из членов его кружка Ротштейн, организует новые кружки и завязывает знакомства с рабочими. Рабочими членами этого кружка являлись Василий Соколов, Александр Бронштейн, мастеровой Харьково-Азовской жел. дор., Яков Алексеев, наборщик типографии Зильберберга, портной Иван Виденеев, Семен Чайченко, Иван Ратченко, Яков Рябоконь, Андрей Кондратенко и Соломон Бронштейн. Впоследствии к кружку присоединились Сергей Савченко, Эрейвман, Анна Сицянко, Агата Зонмеер и Лидия Мельникова. Имелись довольно обширные связи с интеллигенцией, из которой в кружке сначала большую роль играл доктор Бекарюков, затем совершенно отошедший в сторону. Центральными фигурами становятся с этих пор Мельников и студент Харьковского университета Владимир Давидович Перазич.

Мельников сразу выделяется, как крупный организатор и человек не удовлетворяющийся протоpенными народническими дорожками. Он сразу же ставит вопрос о самостоятельной революционной деятельности рабочих, вместе с другими рабочими поднимает вопрос о программе и когда дело в Харькове крепнет, по поручению товарищей едет в Ростов на Дону организовать отделение Харьковского кружка среди местных пролетариев. Там он сталкивается с организацией Мотовилова и расходится с ней во взглядах на принципы работы: по его мнению рабочие сами, самостоятельно могут и должны взять в свои руки дело организации пролетариата. Его не смущает нежелание Мотовилова дать ему связи с рабочими, он поступает слесарем в же-

лезнодорожные мастерские, быстро заводит знакомства и организует новые кружки. В то же время Харьковский кружок отправляет своих агентов в г. Александровск и Белгород с целью и там организовать новые кружки и начать пропаганду. Дело развивается и растет, но предатель Курелюк, продавшийся жандармам, проваливает организацию и главные деятели, Мельников и Перазич, попадают в одиночное заключение в „Кресты". Там Мельников встречается с киевлянином Абрамовичем, под его влиянием становится социал-демократом и по выходе из тюрьмы едет в Киев. В Киеве он организует вокруг себя все наличные социал-демократические силы и становится, действительно, идейным и практическим руководителем Киевской социал-демократической организации, сыгравшей такую огромную роль в деле строительства нашей партии. В буквальном смысле этого слова он создает своей пропагандой, примером и энергией целое поколение рабочих и интеллигентов социал-демократов, которые во второй половине 90-х годов связывают Киев со многими городами Южной и Западной России, разносят повсюду семена социал-демократического учения и окончательно подготовляют созыв первого с'езда партии. Скоро Мельников попадает в тюрьму, высылается из Киева сначала в Полтавскую, а затем в Астраханскую губ., где больной и измученный тюрьмой и своими скитаниями преждевременно погибает от чахотки в 1900 году.

Другая не менее интересная фигура Харьковского кружка—Перазич. Если Мельников был организаторской силой кружка, то Перазич был его пропагандистской силой: он уже тогда начинал переходить в своей пропаганде от чтения исключительно народнических книжек к социал-демократическим и читал с рабочими сочинения Либкнехта. Получив так же, как и Мельников, одиночное заключение в „Крестах" и высланный по отбытии наказания, как иностранец, за границу, снова возвращается в Россию, принимает участие в социал-демократической работе в Москве, попадает после тюрьмы в Вост. Сибирь, участвует в Романовской обороне в Якутске, получает каторгу, бежит из тюрьмы и амнистированный в 1905 году он затем беспрерывно стоит в рядах борющегося пролетариата.

Попытки харьковских рабочих найти новые пути в конце 80-х годов особенно рельефно выразились в их программе. Сущность этой программы сводится к тому, что авторы ее „считают наилучшим устройством общества то, при котором орудия труда составляют собственность производителей, а распределение продуктов труда совершается соразмерно участию каждого в общественном производстве". Называя себя поэтому социалистами, они называют себя также и революционерами, потому что „считают себя вправе насильственно свергнуть существующий строй для замены его лучшим" [1]).

Далее идет программа минимум, состоящая из требований политических и экономических. Свержение самодержавия—это ближайшая задача всех социалистов-революционеров и поэтому практическая работа должна сводиться к трем следующим положениям: „во-первых, приобрести как можно более сознательных сторонников среди крестьян и рабочих; во-вторых, распространить как можно более рациональное критическое отношение к государственному экономиче-

---

[1]) См. нашу работу в сб. От группы Благоева к „Союзу борьбы".

скому строю среди тех же классов; и в-третьих, сделать среди крестьян и рабочих популярным имя социалистов в смысле защитников народных интересов и этим установить связь и понимание между революционерами и социалистами и массою, и, таким образом, обеспечить поддержку требованиям социалистов со стороны массы". Террор этой программой признается весьма ограничительно; террористической борьбе обещается содействие, причем всякий раз определяется „продуктивность данного факта с точки зрения рабочей организации".

Таким образом, здесь уже замечается отрицание старой народнической догмы, с одной стороны (отрицание народниками политики), и отрицание народовольческого чрезмерного увлечения политикой и террором, с другой, и центр тяжести переносится в массы,—распространение идей социализма в рабочей и затем в крестьянской среде.

Интересны организационные формы Харьковского кружка. С этими формами мы будем встречаться еще очень долго в истории социалдемократии, почти все организации до самого образования первых соц.-демократических комитетов пройдут через них, как через наследие старых народовольческих времен.

Это существование двух центров—интеллигентский центральный кружок и рядом с ним или под ним рабочий центральный кружок; тот и другой связаны либо взаимной делегацией, либо делегацией из интеллигентского центра в рабочий. Такие организационные формы были общим явлением и для благоевцев и для брусневцев и для Харьковского революционого кружка Мельникова и для Киевского Союза борьбы и для многих других мест. Мы увидим дальше, как по мере роста социал-демократического движения, по мере того, как оно становится массовым, эта грань между интеллигенцией и рабочими стирается все больше и больше, рабочие все больше и больше заполняют комитеты, и организация, оставаясь строго конспиративной, теряет свой заговорщический характер и превращается в организацию, ничем почти по составу от всей рабочей массы не отличающуюся.

В Екатеринославе в конце восьмидесятых годов и начале девяностых первым социал-демократом был врач Тейтельбаум. Он в конце 80-х годов некоторое время тогда еще молодым человеком жил в Швейцарии, познакомился с группой „Освобождения Труда" и по возвращении в Россию привез первые произведения группы. Тейтельбаум оказал большое влияние на первые Екатеринославские кружки саморазвития в полном смысле слова смешанного переходного характера. Винокуров, один из самых первых работников соц.-демократов в Екатеринославе, определяет эти кружки именно, как переходные, и говорит, что члены этих кружков (Гамзагурдиникольская, Венгеров, Эпштейн) с одинаковой жадностью читали литературу народовольческую, толстовскую и марксистскую. Но кружки эти еще не были настоящими социал-демократическими организациями, социал-демократическое движение началось в Екатеринославе с 90-х годов.

В центральной России, на Урале, на Кавказе, в Сибири и в Западном крае (за исключением Польши) социал-демократическое движение началось в девяностых годах. Восьмидесятые годы характризуются повсюду как переходное время образования многочисленных кружков саморазвития или самообразования то чисто интеллигентских, то смешанных, состоящих из интеллигентов и отчасти рабочих, кружков,

искавших ответа на проклятые вопросы русской жизни. Социал-демократические кружки появляются в восьмидесятые годы, как мы видели, как исключение либо в крупных промышленных центрах, как Петербург, Одесса, либо вследствие стечения особо благоприятных условий, как в Казани, где оказывается один из первых русских марксистов П. Н. Скворцов.

Народовольчество и народничество, уже почти разложившееся и умирающее, еще имело некоторую силу, чтобы захватывать под свое влияние молодежь, главным образом, интеллигентскую. Работа группы „Освобождения Труда“ еще не успела дать своих результатов.

Произведения самих членов группы и марксистская литература, ею издававшаяся, с большим трудом проникает в Россию, и первым русским социал-демократам приходится совершенно самостоятельно вырабатывать свое марксистское миросозерцание.

Начиная с 1882 года, когда Плехановым был переведен на русский язык „Манифест Коммунистической Партии“ Маркса и Энгельса, по 1890 год включительно членами группы „Освобождения Труда“ было издано и написано всего около трех десятков всякого рода марксистской литературы.

Издания эти и статьи в периодической прессе следующие: К. Маркс. Наемный труд и капитал, пер. Л. Дейча, Г. Плеханов, Н. Я Аристов, А. П. Щапов. „Вестник Народной Воли“ № 1, П. Аксельрод, „Социализм и мелкая буржуазия“, Вестн. Нар. В., №№ 1 и 2 в 1883 году; эти произведения вышли в свет до образования группы „Освобождения Труда“, группа официально об'явила о своем существовании об'явлением, написанным Плехановым об издании библиотеки современного социализма 25 сентября; с этого момента в собственной типографии группы были напечатаны: Г. Плеханов. „Социализм и политическая борьба“, в 1883 году; в 1884 году,—Ф. Энгельс. Развитие научного социализма, пер. и предисловие В. Засулич; Г. Плеханов, Программа социал-демократической группы „Освобождения Труда“; П. Аксельрод, Рабочее движение и социальная демократия, с прилож.: „Об издании рабочей библиотеки“; в 1885 году,—Г. Плеханов. „Наши разногласия“, С. Дикштейн. Кто чем живет. С предисл. и прилож. Г. Плеханова; К. Маркс. Речь о свободе торговли. Предисловие и перевод Г. Плеханова; „Песни Труда“ сб. с предислов. Г. Плеханова; в 1886 году,— К. Маркс. Нищета философии, перев. В. Засулич, с предислов. Фр. Энгельса, с двумя приложениями: из речи К. Маркса перед судом присяжных в Кёльне и из соч. Маркса: „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“; в 1887 году,—Г. Плеханов. Фр. Лассаль, его жизнь и деятельность. Часть первая. П. Аксельрод. Ответ товарищу; в 1888 году,—„Чего хотят социал-демократы“, с предислов. и примеч. Г. Плеханова, с „проектом программы русских социал-демократов“, литературно-политический сборник „Социал-демократ“ со статьями Плеханова, Аксельрода, Засулич и П. Лафарга; Г. Плеханов, Реакционные жрецы искусств и А. В. Стерн; в 1889 год под фирмой Русского социал-демократического Союза, основанного группой „Освобождения Труда“, были изданы,—В. Засулич. Очерк истории международного общества рабочих. Ч. I. Г. Плеханов. Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова, Г. Плеханов. Реакционные жрецы искусства и г. А. В. Стерн (в первом номере журн. „Свобода“), П. Аксельрод. Отношение револ. интеллигенции в России

к борьбе за политическую свободу. „Знамя“ (в „Рабочей Газете“, Нью-Иорк №№ 10—11) и в журнале „Социалист“, № 1, статьи Г. Плеханова, политические задачи русских социалистов и библиогр. заметки, П. Аксельрод. Письма к русским рабочим об освободительном движении пролетариата, письмо 1-е и речь П. Алексеева с предисл. Плеханова; наконец в 1890 году появились в свет три номера интереснейшего сборника „Социал-демократ“, В. Засулич, Варлэн перед судом исправительной полиции и Листок „Социал-демократа“ (письмо об истязании Сигиды).

Без сомнения, это была богатейшая литература. Не говоря уже о таких произведениях, как работы Маркса и Энгельса („Коммунистический манифест“, „Нищета философии“, „Развитие научного социализма“ и др.), группа „Освобождения Труда“ выпустила такие капитальные вещи Плеханова, как „Социализм и политическая борьба“ (это, поистине, гениальнейшее произведение основателя русской социал-демократии) и „Наши разногласия“, произведения, где беспощадно подвергались критике старое народническое мировоззрение и народовольческие предрассудки и ошибки. Кроме этих крупнейших трудов по теории научного социализма и применения его положений к текущей русской действительности, члены группы „Освобождения Труда“ попытались ответить на все злободневные вопросы революционной практики в России и осветить эту практику с точк изрения теории Маркса. Так, Плеханов в брошюре „Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова“ показал смысл и значение взглядов Тихомирова и здесь же дал блестящее популярное изложение некоторых положений Маркса (эволюция, революция, стачки и переход количества в качество), Аксельрод изложил взгляды группы на роль и значение революционной интеллигенции в предстоящей борьбе пролетариата с абсолютизмом, В. И. Засулич дала очерк Интернационала; в статьях, напечатанных в сборнике „Социал-Демократ“, освещались и раз'яснялись разнообразные явления русской и иностранной жизни с точки зрения научного социалиста,— народническая русская литература, история развития социалистической мысли в России (статьи Плеханова о беллетристах народниках и Чернышевском), сущность и значение германской социал-демократии (статьи Аксельрода), значение революционной интеллигенции из буржуазии (статьи В. Засулич), освещались главнейшие события русской и иностранной политики, словом давался богатейший и новый материал. Мало того, группа „Освобождения Труда“, пыталась влиять и на практические шаги первых русских социал-демократов. Мы видели, как группа откликнулась на призыв о помощи „партии русских социал-демократов“, как эта партия под влиянием заграничной группы отказалась от своей ошибочной программы и приняла программу группы, как Плеханов и Аксельрод приняли участие в журнале „партии р. с.-д.“ „Рабочий“ и как, наконец, группа завязала связи с русскими социал-демократами по доставке в Россию из-за границы своей марксистской литературы. Все это бесспорно, но, к сожалению, связи группы с Россией в восьмидесятые годы были все же очень слабы: практиков членов группы, могущих работать в России и находиться в постоянной связи с заграничным центром, почти не было; отдельные случаи связи быстро рвались, и потому только случайные одиночки, в роде Тейтельбаума в Екатеринославе, привозили литературу группы и пы-

тались организовать кружки, главным образом, интеллигентов в России. Рязанов в Одессе во многом обязан самому себе и действовал не как уполномоченный группы, а совершенно самостоятельно. Литература группы в России в восьмидесятые годы была величайшей редкостью и только в девяностые годы под влиянием русских социал-демократов, выработавших свое марксистское миросозерцание самостоятельно, как Ленин, отчасти Скворцов и Федосеев, Группа „Оосвобождения Труда", брусневцы, стала приобретать действительно исключительное значение. Больше того, даже в 90-ые годы литература группы „Осв. Тр." была большой редкостью. И за всем тем идейное влияние группы „Освобождения Труда" на первое поколение русских социал-демократов огромно. Ведь группе „Освобождения Труда" приходилось действовать в первый период развития русской социал-демократии (1884—1894). „Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая как политическая партия процесс утробного развития". Так говорит т. Ленин в заключении своей работы „Что делать". Правильность этой характеристики видна хотя бы из того, что рабочее движение, действительно, шло стихийно само по себе и ни о каком руководстве им первые социал-демократы не могли и помышлять, если даже сама группа „Освобождения Труда" в течение восьмидесятых годов сама еще только ищет точной формулировки своих взглядов. Первая формулировка своих взглядов группой „Освобождения Труда", как мы видели выше, была дана еще в 1884 году, а в 1887 году группа дает уже новый проект программы русских социал-демократов (впервые издан в 1888 г. как приложение к брошюре „Чего хотят социал-демократы"). Сравнивая эти два наброска социал-демократической программы, мы видим, какую большую эволюцию проделали сами авторы этих программ: прежде всего эта эволюция отразилась на взглядах по вопросу о терроре; теперь уже изжиты последние иллюзии в этом отношении, и если еще в 1884 году Плеханов и его товарищи заявляли, что они расходятся с „Народной Волей" только по вопросу о захвате власти, то теперь такого заявления уже нет и, наоборот, террористические действия признаются только в момент решительного натиска на самодержавие да и то только в том случае „если это окажется нужным в интересах борьбы". Затем и к вопросу о захвате власти группа „Освобождения Труда" подходит смело и безбоязненно, но решает его и рассматривает не как предварительное условие политического переворота, подобно народовольцам, а как предварительное условие будущей коммунистической революции.

Если же сама группа „Освобождения Труда" только вырабатывала свою программу, то период выработки и упрочения социал-демократических взглядов в России шел еще медленнее. Утробный период социал-демократии в России продолжался до 1894 года. К последним периодам этого утробного периода мы и переходим.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первый период истории русской социал-демократии. Группа „Освобождения Труда". Переход от народовольческих кружков к социал-демократическим в России (1884—1894 г.г.).

Рабочее движение и социал-демократические организации первой половины 90-х г.г.

Брусневская организация.

Мы изучили генезис брусневской группы и видели, что при ее образовании совершалось в сущности два процесса,—один,—это консолидация интеллигентского центра и другой такая же консолидация рабочего центра, рабочей группы.

Интеллигентский центр составился из студентов-технологов и университантов. Технологическая группа состояла из студентов поляков,—Баньковского, Косинского, Лелевели, Буричевского, Цывинского и русских,—В. Н. Иванова, М. И. Бруснева, братьев Л. Б. и Б. Б. Красиных; университетская группа состояла из В. С. Голубева, Родзевича, Д. В. Страндена, В. В. Святловского и студентов-лесняков Голубева, Сивохина и некоторых других. В близких отношениях к группе стояла семья Бартеневых,— В. И. Бартенёва, его жены Е. Е. Бартеневой и сына В. В. Бартенева.

Несомненно выдающуюся роль организаторов всего дела играли Цивинский, В. С. Голубев и М. И. Бруснев. Это были естественным путем выделившиеся организаторы и руководители дела. Об этом говорят все воспоминания и документы. Эти три лица и входили, как представители интеллигентского центра в центральную рабочую группу: В. С. Голубев был представителем до своего ареста (весной 1891 года), после него таким представителем являлся М. И. Бруснев, а, уезжая, он передал это представительство Цивинскому или Ольминскому, хотя и народовольцу, но связанному с социал-демократической группой. Кроме перечисленных выше лиц, без сомнения, в работе принимало участие множество и других молодых студентов, вовлекаемых постепенно в движение. О выдающейся роли В. С. Голубева говорит и Бруснев и Красин. „В. С. Голубев", читаем мы в воспоминаниях Л. Б. Красина, „был известен в то время в рабочих кругах под кличкой „Дяди Сени". Он был в такой же степени, как и М. И. Бруснев, душой всего дела и, имея тогда, вероятно, уже за 30 лет, неутомимо шагал из одного рабочего района в другой, не возбуждая так же, как и Бруснев, благодаря своему ультра-демократическому виду, ничьих подозрений, особенно когда был соответственно одет". Рядом с интеллигентским центром был образован центр рабочий; в него входили,—Василий Буянов, Гавриил Мефодиев, Федор Афанасьев, Петр Евграфов, Егор Афанасьев (Климанов) и Николай Богданов. Как образовался этот

центр? Нельзя себе представлять дело так, что этот центр образовался сверху, был, так сказать, организован по указанию интеллигентской группы: он образовался сам по себе, естественным путем, в него вошли самые развитые, самые спевшиеся, хорошо знающие друг друга товарищи. Об этом так и говорит в своих воспоминаниях Богданов, указывая на то, что организоваться решено было еще в начале 1889 г. Но образование центра самими рабочими нисколько не означало, что марксистами рабочие сделались сами: марксистами их сделали марксисты - интеллигенты. Организация составилась из тех рабочих, которые сами были организаторами кружков. Действительно, Богданов организовал кружок в Гавани еще в 1889 г. В этом Гаваньском кружке членами были: Вл. Фомин, Петр Кайзо, Яковлев, Стефаненков, Я. Фомин, Иван Егоров, И. Яковлев, К. Куприянов, Медведев, Норинский. Такой же кружок был на Васильевском острове с руководителем Фигатнером, там принимали участие И. И. Кайзер, Вл. Князев, Фирсов, Ильин и другие рабочие. Третий кружок тоже на Васильевском острове был организован Кирилловым, четвертый Розенфельдом с членами Н. Желабиным, Метшусом, Кузнецовым *).

Дело быстро росло и скоро Брусневская группа имела около 20 кружков, рассеянных по разным частям города,—за Нарвской и Невской заставами, на Выборгской стороне, на Васильевском острове и в центре города. Кружки имелись на всех крупнейших заводах и фабриках,—на Путиловском и Балтийском заводах, на карточной фабрике, где организовал кружок Филимонов, на фабрике Воронина, на Обуховском заводе, в Экспедиции Заготовления Государственных бумаг. Существовал кружок типографских рабочих, устроенный А. Карелиным, особый женский кружок, организованный В. Карелиной и Анной Егоровой, куда входили девушки, вышедшие потом замуж за своих же товарищей,—Маша (жена Маклакова), Наташа (жена Кайзера), Паша (жена Желабина), несколько ткачих, фальсовщица от Вольфа и др. В кружки входили и играли видную роль также следующие рабочие: В. А. Шелгунов, Бабушкин, Майоров, П. Морозов, Н. Рябов, Вл. Прошин, Н. Васильев, Клопов, Н. Полетаев.

Все это были деятельные, развитые и преданные делу товарищи и с их помощью организация быстро росла и крепла. Естественно, что с развитием дела и с увеличением числа членов, нужно было подумать о более правильной организации, и интеллигентская руководящая группа стала думать об этом. Прежде, когда организация была небольшая, руководство лежало на студентах руководителях кружков, когда же дело разрослось, это было неудобно, так как студенческий состав менялся и не было единого руководства. Тогда решено было перестроить организацию и создать рабочий комитет, куда входил бы и интеллигент. Так говорит об этом Бруснев, и это нисколько не противоречит сказанному выше о самостоятельном как бы зарождении рабочего центра: в организации шло два процесса,—один снизу, из рабочей среды, другой сверху из интеллигентского руководящего центра, они дополняли друг друга, сливаясь в одно общее, важное и большое дело. Участникам движения, особенно рабочим, правда, казалось, что именно они инициаторы движения и что они именно привлекали

*) „Пролет. рев.“, № 3 (13)—1923 г.

к себе студентов, между тем как естественным путем навстречу стремлениям интеллигенции завязать связи с рабочими шло стремление рабочих найти руководителей, интеллигенцию, создать организацию.

Каково же было содержание работы этой Брусневской организации? Красин называет эту организацию первой социал-демократической организацией в России. Это, конечно, неверно. Неверно это не только потому, что еще раньше и в Киеве и в Казани да и в самом Петербурге были попытки организовать соц.-демократические об'единения (как мы видим Брусневская организация преемственно была продолжательницей дела Благоева, и благоевцы, Лавров и Герасимов, передали свои связи некоторым из брусневцев, неверно это еще и потому, что и брусневцы точно так же, как благоевцы, все еще являлись только переходным типом кружка от народовольчества к социал-демократии. Об этом невольно говорят и сами участники и характер их связи с народовольцами, наконец, их программа, найденная потом в Москве у Бруснева. „Была ли у нас программа“, говорит В. С. Голубев в своих воспоминаниях, „были ли руководящие тенденции в деятельности среди рабочих? В сущности мы не имели строго определенной программы и с современной точки зрения не выражали каких-либо строго партийных взглядов. Но нас называли социал-демократами в отличие от народовольцев. И это название в значительной мере было правильно. Мы не были народовольцами потому, что отрицали террор; потому что считали необходимым образование самостоятельной рабочей партии; потому что теоретически мы были близки к марксизму. Но в то же время мы не были и социал-демократами в собственном смысле этого слова. Относительно самостоятельности рабочего движения нужно заметить, что оно было как бы нашим символом веры. Свою роль, как интеллигенции, мы понимали, как служебную и только временно руководящую. Это выражалось и в организации рабочих и в бытовой помощи, в различных их нуждах, и даже в характере пропаганды и, наконец, в попытках привлечения рабочих к участию в периодическом издании, которое мы затеяли“...*) Так говорит один из главных руководителей группы о характере работы и если его можно заподозрить в том, что он, отойдя впоследствии от социал-демократии, писал пристрастные воспоминания, то ведь и другой организатор группы, сам Бруснев, только подтверждает эту характеристику, когда говорит о группе студентов-технологов, куда он вошел: „Сначала в этом обществе была тенденция итти в тесном единении с народовольцами, которые тоже намеревались вести пропаганду среди рабочих, но вскоре в бесконечных спорах обнаружилось, что этим течениям не по пути, так как народовольцы, идя с пропагандою социализма к рабочим, преследовали особую цель—вербовать из этой среды смелых и самоотверженных террористов, тогда как мы, социал-демократы, шли к рабочим с целью приготовить из них преданных и сознательных руководителей рабочего движения, так как основою наших взглядов на рабочее движение было то, что „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“.

Разногласия, конечно, существовали и не только по этим вопросам; Ольминский, будучи народовольцем и однако приглашенный со-

*) См. его воспомин. в „Былом“ за 1906 г., № 12.

циал-демократами не куда-нибудь, а прямо в центр организации, рассказывает, что большие разногласия существовали и по вопросу о роли пролетариата по завоевании политической свободы. Правда, Ольминский, как и многие тогдашние народовольцы уже разделяли многое из марксистского учения („молчаливо делалась уступка за уступкой марксизму, конечно“, говорит он), но правда и то, что у самих соц.-демократов по многим вопросам царил полный хаос и неясность. Находились такие марксисты, которые из статьи В. Засулич о революционерах из буржуазной среды делали вывод, что они последние интеллигенты—социал-демократы, а, рассуждая о прогрессивной роли капитализма, они заключали, что в задачи социал-демократии входит обязаность помогать ему и организовать его. Все это говорит за то, что брусневская группа носила черты переходной организации от народовольчества к марксизму, что в ней причудливо сочетались те и другие элементы и что только постепенно социал-демократические элементы оттесняли остатки старой народовольческой идеологии. Об этом, наконец, лучше всего говорит программа брусневской группы, найденная в Москве. Эта программа написана, правда, не Бруснезым, который по словам автора программы Кашинского был „строгим последователем учения Карла Маркса“ *), однако, это была программа, выработанная одним из членов организации и принятая, хотя бы и временно, этой организацией. А между тем в этой программе вопреки заявлению В. С. Голубева говорится о терроре буквально следующее: „мы глубоко убеждены, что при современном соотношении общественных сил в России, политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго центральной и дисциплинированной партии при дружном содействии всех живых сил страны“.

Это говорится в пункте восьмом программы, а в следующем девятом пункте развивается мысль, что пропаганда идеи политического террора будет вестись среди всех слоев демократии, пролетариата и сектантов-рационалистов. В десятом пункте, правда, высказывается мысль, что верховным носителем социализма является пролетариат и что поэтому путем самой широкой пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих, организация будет добиваться „создания элементов будущей рабочей партии“, однако 11 и 12 пункты снова трактуют о политическом терроре и, главное, рекомендуется рабочему классу немедленная организация такого политического террора. Даже название организации в этой программе напоминает народовольцев: „мы—социалисты-революционеры“, говорится там. Стало быть, и здесь в этом главном документе устанавливается этот переходный двойственный характер брусневской организации и, несомненно, элементов народовольческих в программе гораздо больше, чем социал-демократических; и даже по сравнению с программой благоевцев программа Кашинского есть шаг назад, в особенности, если принять во внимание, что, под влиянием Плеханова, „партия русских социал-демократов сознала свои лассальянско-лавристские грехи и приняла программу группы „Освобождения Труда“. Программа написана не Брусневым,

*) См. дело Егунова в Обзоре источников.

принадлежит Кашинскому, который еще не был соц.-демократом и которого приходилось разубеждать в его народовольческих предрассудках. О последнем собрании, где Кашинский огласил свою программу, Бруснев говорит так: „На этом собрании П. Кашинский прочитал и защищал составленную им программу Группы... Она была прочитана лишь как проект программы организующейся группы. Против программы возражали я и Ф. Афанасьев". Нет сомнения, что и сам М. И. Бруснев и Ф. Афанасьев и все главное ядро и интеллигентов и рабочих Петербурга были уже социал-демократами; несомненно, точно так же и то, что если бы не произошли аресты, то под влиянием Бруснева и вообще петербуржцев была бы выработана социал-демократическая программа, но тот факт, что на деле, в практике, в организации сочетались такие разнородные элементы, как социал-демократы, брусневцы, народоволец Кашинский и Егунов „террорист", как его называет Бруснев, и указывает на переходный характер брусневской организации.

На практике, без сомнения, сами брусневцы (их петербургское ядро и вышедшие из него товарищи) работали в социал-демократическом духе, здесь рабочая стихия, так сказать, выправляла их путанную линию, не даром в своих воспоминаниях рабочие неоднократно говорят, что они слушали споры руководителей своих кружков народовольцами, а сами уже потом решали, кто из спорящих больше соц.-демократ и кого следует предпочесть в качестве руководителя. Без сомнения и рабочие также переживали такой же переходный момент, как и интеллигенты, но факт остается фактом,—еще в начале 90-х годов русская социал-демократия переживала утробный период своего развития, и формы того организма, который создавался историей, были далеко еще не совершенны.

Это, конечно, соответствовало тому уровню развития, какой переживало тогда рабочее движение, это видно и из той программы занятий, какая господствовала в брусневских кружках; по этой программе начинали с обучения грамоте, арифметике, физике, химии и через историю культуры подходили к политической экономии и истории рабочего движения, чтобы только после этого подойти собственно к социал-демократической программе. Не все, без сомнения, кружки проходили через эту учебу, кружки существовали двух типов,—высшие и низшие, для которых, собственно, и предназначалась эта программа, но за всем тем не подлежит сомнению, что работа брусневцев во многом носила чисто культурнический характер. Да, впрочем, это и вытекало из некоторых взглядов самих брусневцев. Так как освобождение рабочих есть дело самих рабочих, а роль интеллигенции все уменьшается и уменьшается, то нужно поскорей приготовить из самих рабочих руководителей, организаторов, пропагандистов. И нужно сказать, в этом отношении работа брусневцев дала большие результаты, ибо они достигли больших результатов не только в Петербурге, но и в других городах.

В Петербурге они приняли участие в двух забастовках, издавали листки, рукописный журнал, выступили публично с политической демонстрацией на похоронах Шелгунова и явились организаторами первых двух русских маевок, а в Москве они попытались выйти из узких рамок одного, хотя бы и столичного, центра и намечали план общероссийской рабочей организации.

Стачки были организованы зимой 1890—91 года у Торнтона и в Порту. Организация выпустила прокламации (Голубев писал Торнтоновскую, а Красин для рабочих порта), организовала денежную помощь, но в этой первой попытке руководить рабочим движением проявила довольно большую беспомощность, так как долго не знала, как же роздать деньги стачечникам.

Вскоре была создана рукописная газета, составляемая обычно Голубевым и пользовавшаяся большим успехом среди рабочих.

Публичное выступление организации или вернее рабочих, руководимых ею, произошло в связи с болезнью и смертью публициста Шелгунова, пользовавшегося особенным вниманием и любовью рабочих. Шелгунов в эту пору безвременья и реакции оставался на славном посту и в своих статьях-обзорах („очерки русской жизни“) и специальных статьях много уделял внимания рабочему вопросу.

Он посвятил большую статью положению рабочих в Англии и во Франции, причем в основу этой статьи были положены такие работы, как „Положение рабочего класса в Англии“, Энгельса; всякий раз, когда только это было возможно по цензурным условиям, он касался и положения русских рабочих,—так он не пропустил Морозовской стачки („Наша косность и газетный консерватизм и либерализм“) *), воевал против насилия и произвола и горячо отстаивал интересы трудящихся классов.

В его лице сторонники реакции и „малых дел“ встречали ожесточенного и беспощадного противника. „И в самом деле“, писал он однажды по поводу поколения восьмидесятых годов: „что такое совершилось в мире, чтобы правда перестала быть правдой, справедливость—справедливостью, а любовь—любовью? И солнце, попрежнему, встает с востока, и Волга течет сверху вниз, и вся громадная земледельческая Россия, этот исполинский нижний пласт, живет тою же жизнью, какою жила, с теми же желаниями и стремлениями, и надеждами и чаяниями. И не ради этого лежащего внизу пласта шевелилась усомнивавшаяся в себе мысль верхов; шевелилась она только ради себя, и вся теория „нового поколения“ восьмидесятых годов есть только теория личных забот о себе, о своем собственном месте в природе“. Так писал Шелгунов о поколении „малых дел“, т.-е. о буржуазии, которая упорно пробивалась к власти, и, конечно, его сочинения пользовались большим успехом и любовью рабочих. Когда Шелгунов тяжело заболел, рабочие решили поднести ему адрес, несмотря на противодействие своей соц. демократической интеллигенции. Адрес, написанный В. С. Голубевым и поднесенный Шелгунову Федором Афанасьевым, Климановым, Богдановым и Мефодиевым, произвел на умирающего публициста огромное впечатление.

„Только благодаря людям“, говорилось между прочим в адресе: „которые, по вашим собственным словам, имеют несчастье смотреть выше общего уровня или выше классовых интересов, научились мы понимать ваши сочинения и узнали, как наши товарищи рабочие в Западной Европе добились прав, борясь за них и соединяясь вместе. Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, по-

*) См. собр. сочин. Шелгунова.

мимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы".

Вскоре рабочие брусневской организации приняли участие в демонстрации на похоронах Шелгунова. Опять интеллигентный центр высказался против участия рабочих на похоронах из боязни разгрома, но рабочие настояли и человек до ста пролетариев с венком, где красовалась на ленте надпись: „Указателю пути к свободе и братству", приняли участие в похоронах и заставили говорить о себе весь Петербург,—до того в те глухие времена это было необычным явлением. Рабочие выступили впервые на улицу организованной сознательной силой.

Опасения брусневцев оправдались, и эта демонстрация стоила организации ареста и высылки из Петербурга Мефодиева и Красина.

Празднование первой маевки в 1891 году имеет гораздо большее значение: это было первое организованное празднование международного праздника русскими рабочими.

Здесь нет смысла подробно останавливаться на описании этой тайной маевки, собравшей по одним сведениям около сотни, по другим—более двухсот участников, но зато необходимо подчеркнуть, что речи, произнесенные рабочими в этот день, имеют огромное историческое значение: впервые русские рабочие социал-демократы выступали перед своими организованными товарищами и ясно и отчетливо формулировали задачи русско-революционного рабочего движения. С речами выступали Н. Богданов, Ф. Афанасьев, В. Прошин и Егор Климанов. Только один Прошин заранее подготовил свою речь и дал ее просмотреть интеллигентам, остальные говорили самостоятельно, а Климанов произнес свою речь экспромтом. В этих, действительно, замечательных исторических речах рабочие показали и свою политическую зрелость, и понимание задач рабочего движения, и необыкновенное понимание задачи момента и вполне практический подход к делу. Богданов в своей речи подчеркнул, что только знание рабочими „исторических законов развития человечества" дает в их руки непобедимое оружие, и они победят врага. Это знание пыталась дать рабочим героическая революционная интеллигенция 70-х годов, но темная рабочая масса не поняла их. „Взгляните, товарищи, на эту борьбу с исторической точки зрения, как эти друзья и борцы народа несли в народ все свое знание и, нередко жертвуя даже жизнью, оправдали себя перед историей и не остались в долгу у народа. Они всюду откликались на народный стон и давали руки для помощи, но народ не признал в них друзей и смотрел на них с недоверчивостью. Так понесем же теперь мы, товарищи, свое скромное знание в народ: не сумеем ли мы передать его народу и не поймет ли он теперь нас, потому что мы ближе стоим к нему, как интеллигенция".

Это сознание той исторической миссии, какую возложила история на передовой революционный слой пролетариата, сквозит во всех речах и окрашивает их своеобразным героическим пафосом. Речь Федора Афанасьева не менее замечательна, так как в ней кратко формулирована программа рабочей социалистической партии.

Начав свою речь с указания, что все страдания рабочих происходят „от существующего экономического строя", Ф. Афанасьев продолжал:

„Следовательно, чтоб улучшить наше положение, мы должны стремиться к замене существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулаческой эксплоатации, на более лучший и справедливый социалистический строй“. Далее идет изложение, как мы выразились бы теперь, программы-минимум; заканчивается речь призывом „заняться развитием и организацией рабочих“, несмотря ни на какие препятствия и угрозы правительства. Этот призыв к организации и накоплению знаний проходит красной нитью во всех четырех речах и показывает, что уже к началу девятидесятых годов понимание необходимости политической организации пролетариата передовыми его слоями было уже сознано. Оставалось только дать ясную, отчетливую и научную формулировку этой мысли, и мы увидим, как через несколько лет, под пером выдающегося вождя рабочего класса Ленина, эта формулировка получила свое законченное и блестящее выражение.

Нечего говорить о том, что эти речи неоднократно после этого перепечатывались и переиздавались и служили в руках соц.-демократических работников незаменимым агитационным средством: пожалуй, не было кружка особенно в девятидесятые годы, где бы пропагандисты не пользовались этими речами. В письме, отправленном брусневцами польским товарищам и прочитанном также на этой маевке, уже явно сквозит политическая струя социал-демократии (См. С. Валк. К докум. истории 1 мая в России, „Кр. Лет.“, № 1).

Организация после этого праздника просуществовала еще год слишком: ей удалось еще раз устроить (правда:, менее удачно) маевку в 1892 году и несколько больших собраний (напр., за Волковым кладбищем), но дни ее были уже сочтены: незадолго до похорон Шелгунова арестовали Голубева, вскоре выслали Красина, который опять возвратился в Петербург и снова был выслан в Нижний Новгород, после демонстрации на похоронах выслали Мефодиева в Ревель и, наконец, весной и летом 1892 года были произведены большие аресты, почти совершенно разгромившие организацию, как в Москве,. так и в Петербурге. Есть большие основания предполагать, что некоторые из участников организации стали предавать: по крайней мере рабочий Руделев, высланный в Тулу и организовывавший там кружки, как это видно и из жандармских обзоров и из показаний, давал весьма откровенные показания, а одно из главных действующих лиц Московского кружка Егунов, как известно, оказался форменным предателем. Но и помимо этого утаить такого большого дела, какое получилось из скромной сначала пропаганды студентов было нельзя: полиция выследила рабочих франко-русского завода Петра Лопатина, Федора Пашина, Евграфова, Стефаненкова и пропагандиста Дмитрия Владимировича Страндена.

Затем была выслежена сходка за Волковым кладбищем и бывшие на ней Петр Кайзо, Петр Кожевников, Иван Егоров, Григорий Лунегов, Анна Егорова и Михаил Стефаненков, а затем, в связи с Московским кружком в начале 1892 года, произошли большие аресты в Петербурге, Москве, Туле, Харькове, Нижнем Новгороде, Варшаве и Риге.

Эти аресты показывают, что организация брусневцев охватила не только рабочих Петербурга. Действительно, еще после шелгуновской демонстрации в Ригу был выслан Мефодиев, он там завел связи, а,

попавши затем в Тулу, где уже находились ранее туда высланные Буянов и Руделев, он вместе с ними быстро поставил там организацию. Сначала втроем эти брусневцы открыли слесарную мастерскую, а затем, когда их приняли на Тульский оружейный завод, они оставили свое дело и организовали кружок, вовлекши в него и местных рабочих (Марущака, Ананьева и др.). Руделев и Мефодиев действовали, как в Петербурге: организовали библиотеку, собирали с рабочих для этого деньги и, получая помощь из Петербурга и Москвы, они скоро поставили дело и в Туле.

Летом 1891 года Бруснев окончил институт и переехал в Москву, где и поступил в мастерские Брестской жел. дороги; для того же, чтобы завязать связи с рабочими, из Петербурга в Москву выехал Федор Афанасьев, которому опасно было оставаться в Петербурге, и поступил на Прохоровскую мануфактуру. Потом в Москву приехал и рабочий Хренов. В Нижнем находились братья Красины, связей среди рабочих у них еще не было, но зато уже организовалась интеллигентская очень сильная группа, куда входили, кроме Красиных, П. П. Румянцев, М. Г. Григорьев, М. А. Сильвин, И. П. Гольденберг и другие, и над всеми ними стоял П. Н. Скворцов, как выдающийся теоретик марксист. Теперь не подлежит ни малейшему сомнению, что в планы руководящего центра Брусневской организации входила задача создать организацию общероссийскую. Это следует и из всех воспоминаний и из документов. Еще в Петербурге, когда кого-либо высылали из столицы, руководящий центр не терял с высылаемым связей, старался помогать ему и руководить его работой: так поддерживались связи с Мефодиевым в Ревеле, с Руделевым в Туле, с Хреновым в Череповце. Когда же вышедший из тюрьмы весной 1891 г. Мельников повидался с Брусневым, он передал некоторые киевские связи Бруснева. Как раз в это время из Москвы приехал студент Кашинский и завязал связи с Петербургской организацией. „Таким образом“, говорит М. И. Бруснев: „у нас наметились связи с другими городами, и в нашем Комитете был поставлен вопрос о расширении нашей организации на другие города и об организации рабочих кружков в тех местах, где у нас есть связи с рабочими“. Бруснев должен был побывать в Нижнем и Туле и завязать связи с Киевом. В Туле имелась организация Руделева и Мефодиева; Федор Афанасьев и Хренов организовали кружки в Москве, были завязаны связи с Харьковом и Киевом, через Кашинского завели связи с Егуновым, а Егунов дал связи с Варшавой и заграницей, откуда и доставил транспорт литературы Райчин, член Варшавской организации („Пролетариат“); уже был поставлен вопрос о связях с Плехановым, и вообще с группой „Освобождения Труда“; намечалась, таким образом, организация общероссийского масштаба. Шли разговоры даже о том, что, если все подготовительные работы будут проведены успешно и организация станет твердо на ноги, возможно будет созвать с‘езд.

Словом Брусневская организация с полным правом может быть названа первой социал-демократической организацией, где был впервые поставлен вопрос о расширении и об‘единении работы не в узких пределах одного города, а в общероссийском охвате. Мы увидим далее, как эта мысль, зародившаяся в Петербурге и Москве, уже не может заглохнуть, как к ней все чаще и чаще возвращаются социал-демократы то в Москве, то в Петербурге, то в Киеве, как она, по мере расшире-

ния социал-демократического движения, приобретает все более и более реальные формы и, наконец, облекается в плоть и кровь. М. И. Бруснев так об'ясняет провал своей организации: „С присоединением к нам Егунова дела нашей московской группы пошли быстрым темпом. Но мы росли в ширь, а не в глубь. Не наладив рабочего дела в самой Москве, где у нас насчитывалось всего 2—3 рабочих кружка, не закрепив, как следует, нового направления в нашей собственной группе, мы стали заводить сношения и вступать в организационную связь со многими городами, где только была какая-либо зацепка в виде высланного студента, революционно-настроенного земца и т. п. Это и привело нас к краху" *).

В этих словах большая доля правды: разнородный состав организации, ее переходный характер способствовал ее развитию в Московский период ее существования, и он же привел ее к гибели. Самодержавие жестоко расправилось с главным руководителем организации: М. И. Бруснев получил 4 г. одиночного заключения в тюрьме и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь; такое же наказание получил и Райчин; Виктор Ванновский—2 г. одиночного заключения и 5 лет ссылки в степное генер.-губернаторство; Красин—ссылку на 3 г. в Вологодскую губ.; тюремное заключение еще получили:—на 2 года Терентьев и Квятковский, на 1 год—Федор Афанасьев, Егор Ананьев, Евгений Лебедев, Митрофан Красильников, Ив. Борозенко; на шесть месяцев—Павел Филатов, Вас. Морозов, Николай Руделев. Николай Сивохин и Гавриил Мефодиев; на 3 мес.—Ф. Шевелева, Ш. Епифанова; остальные: Егунов, Александров, Серебренников, Федотов, Смышляев, Балдин, Липкин, Русанов получили только надзор полиции в избранном им месте жительства, за исключением Кашинского, высланного на 5 лет в степное генер.-губернаторство. Петербуржцы также пострадали и понесли наказание тюрьмой, ссылкой в отдаленные места и надзором полиции.

В Петербурге в 1892 году были привлечены: П. Лопатин, Ф. Пашин, П. Евграфов, М. Стефаненков, В. Фомин, А. Яковлев, Е. Туманов, Г. Лунегов, Н. Балабанов, Е. Афанасьев, В. Маркова, П. Кайзо, П. Кожевников, И. Егоров, А. Егорова, Н. Сивохин, Цивинский, ст. Тиц, Иванов, ст. Лесн. Инст. Гавр. Баринов, зубной врач Н. Михайлов. Больше всех пострадал М. И. Бруснев.

„М. И. Бруснев", говорит о нем Красин: „был приговорен в административном порядке к одиночному заключению в Крестах на четыре года с высылкой затем на десять лет в Верхоянск, Якутской области. За разными манифестами пребывание М. И. в Верхоянске было немного сокращено, и он возвратился в Россию, если не ошибаюсь, в половине 1904 года. Таким образом, царское правительство отняло у этого человека, правда, не 14, но все-таки 12 полных лет жизни" **).

Бруснев после ссылки не возвратился к политической работе, но семена, им посеянные, дали пышные всходы, а организаторы рабочие, им и его товарищами созданные, и были тем ядром, из которого очень скоро выросла та удивительная организация, где работал В. И. Ленин, и которая носит название „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса".

*) „Пролет. Рев.", № 2 (14)—1923 г.
**) Там же, № 3 (15)—1923 г.

Однако, прежде чем перейти к изучению истории этой организации, необходимо изучить развитие соц.-демократического движения начала 90-х годов в остальной провинции.

Взгляды Федосеева на русск. с.-д. в начале 90-х г.г.

Мы уже видели, что еще в Казани, а затем в особенности во Владимире и в ссылке в Сольвычегодске, Н. Е. Федосеев стал настоящим марксистом. Ему почти совсем не довелось работать практически (если не считать весьма кратковременного периода во Владимире 1892 г.), но взгляды, им развиваемые, оказали большое влияние на его ближайших учеников. Мало того, личность Федосеева, как марксиста, важна потому, что на ней очень хорошо видно то самостоятельное развитие марксистской мысли, какое характеризует конец 80-х и начало 90-х годов. Раньше были показаны общие взгляды Федосеева на значение теории Маркса для русского рабочего движения и на роль пролетариата, как гегемона революции. Эти мысли еще более окрепли и получили большее обоснование и крепость у Федосеева в половине девятидесятых годов и в особенности под конец его жизни (он умер в июне 1898 года). Эти же прочно сложившиеся марксистские взгляды заставили Н. Е. Федосеева вступить в полемику с Н. К. Михайловским, тогда идейным вождем народничества. Полемика эта, впрочем, была странная: все было на стороне Михайловского и все было против Федосеева. Михайловский открыл полемику против марксистов в 1893 году в десятой книге „Русского Богатства", искажая взгляды русских марксистов. Федосеев написал возражение Михайловскому и послал его в виде частного письма народническому публицисту, так как марксисту надеяться на возможность выступить в печати в те времена было нельзя. Михайловский не постеснялся в следующем году в январской книжке своего журнала использовать частное письмо Федосеева и процитировать его так, что получалось самое невозможное впечатление не только об авторе письма, но и о русских марксистах. Федосеев написал уже теперь горячий протест, но Михайловский тогда имел уже достойного противника, который скоро и выступил против него нелегально: мы говорим о Ленине. Пока же до выступления Ленина Михайловский и другие народники торжествовали свои легкие победы, пользуясь тем, что марксисты просто не имели возможности легально бороться с ними. Ни подлинных писем, ни копий этих писем Федосеева не сохранилось, но, судя по взглядам Федосеева, как они сложились к этому времени, это были достойные ответы на выпады умирающего народничества. В этом нет никакого сомнения, если судить о взглядах Федосеева хотя бы уже по тем отрывочным мыслям, какие остались в его далеко неполной переписке, дошедшей до нас. Так, отвечая какому-то неизвестному корреспонденту, он так характеризует „господ мелко-буржуазных философов": „Господа! Вместо того, чтобы питаться надеждой на жизненность и зиждительные, скрытые от непосвященных, свойства общины—вам следовало бы заняться изучением во всех подробностях происхождением современного строя—это ваше дело"... „...Постарайтесь понять, что интересы крестьянства противоположны интересам буржуазного дворянства, не увлекайтесь вместе с г.г. Харизоменовым и Сазоновым кажущейся гармонией интересов у крупных землевла-

дельцев с крестьянами. Поймите, что правительство выражает интересы не крестьянства, а крупной буржуазии..." *)

„...В заключение мы должны сказать вам, маленькие буржуа, что если вы будете поддерживать вашу излюбленную общину насильственными мерами, будете вводить общественную запашку, препятствовать выходу из общины и т. п., то мы будем относиться к вам, как к реакционерам. Приветствовать отмену 165 ст., закон о ростовщичестве, неотчуждаемость („за исключением кулаков общинников") общинных земель, школы грамотности, поддержку кустарничества—вы, разумеется, можете сколько вам угодно. Для нас это только забавное зрелище, как хорошо вы понимаете действительное положение вешей. Мы не думаем, чтоб вы когда-нибудь сумели разглядеть, что „целостного" крестьянина не существует уже, тотчас после освобождения, на базисе его, началась имущественная дифференциация. Теперь уже существует многочисленная группа крупных деревенских буржуа, для которых собственно и предназначаются плоды вашей культурной деятельности".

Чтобы понять этот отрывок, нужно только вспомнить те, действительно, реакционные хвалебные статьи, какие писались публицистами и экономистами народниками в защиту мер, предпринимаемых правительством для сохранения общины, этого, по мнению народников, оплота социалистического производства в России.

Они упорно отрицали факты действительности,—проникновение капитала в деревню, дифференциацию крестьянства, защиту правительством интересов буржуазии и под фирмой организации „народного производства" при помощи реакционного правительства скрывали в сущности свою собственную реакционную сущность.

Не менее беспощадную характеристику дает Федосеев и русским либералам, совершенно определенно вскрывая буржуазную природу и политическое бессилие их. „Господа либералы! Вы хорошо умеете только чужими (переводными) словами бранить социал-демократию и отыскивать „очевидные" признаки ее бессилия! Взгляните, господа, на себя—вы самые от'явленные буржуа, я сказал бы даже, что вы буржуи, хотя вы не хотите признать себя даже за буржуа... ...Вы все скромные разговоры говорите, и в действительности *охраняете* процесс первоначального капиталистического накопления во всех его ужасах! Ведь должны же вы знать, что либерализм, если он крупная общественная сила—бывал в истории революционной силой при таких условиях, как наши современные. Нет! Вы, господа либеральные буржуа (помесь бывшего помещика-нигилиста с денежным капиталистом)--политическое ничтожество. У вас даже гражданского мужества ни капли нет! Вы боитесь проявления классового антагонизма и спешите уверить правительство относительно всякого такого проявления, что оно „домашнее дело", которое легко „уладить". Так, напр., вы поступили недавно с проявлением антагонизма со стороны сельской крупной буржуазии к городской, таким образом вы поступали всегда. Для оправдания своего политического ничтожества, вы придумали самобытническую русскую историю, отличающуюся полнейшим отсутствием классовой борьбы..."

Исходя из принципов научного социализма и полагая, что „прогресс в общественных отношениях совершался в зависимости от про-

*) См. изд. Истпарта—Николай Евграфович Федосеев. М. 1923 г.

гресса в материальных условиях производства", что личности „там" были не более, как ретортами... в которых совершалась переработка „материальных условий" в „идеи", Федосеев давал об'ективный анализ той революционной борьбы, какую проделала наша интеллигенция 70-х годов и вскрывал буржуазную сущность этой интеллигенции.

Анализируя эту борьбу народников-бунтарей и народовольцев против „голого насилия" государства, Федосеев говорит: „Для борьбы с „наростом", с „голым насилием", посторонней силой считалось возможным выдвинуть внешнюю силу, угадавщую народные идеалы. Когда „голое насилие" было бы сломлено, тогда „благородный рыцарь должен был сложить к ногам избавленного им народа свободу", совершенно подчинившись при этом „воле" народа, как она выразится при свободных условиях. Народные представители должны были пересмотреть „все законодательство и все учреждения сообразно инструкциям своих избирателей". Такова была наивная мечта мелкобуржуазных идеалистов; они стремились осуществить представительство мелкой буржуазии, но, благодаря тактике борьбы, являлись борцами сорганизованной крупной буржуазии, поскольку этой последней не соответствовал феодально-буржуазный режим. Но они были не мелкие буржуа в душе, они были „утопистами" (подчиняясь вполне народной воле, „долгом считавшими явиться перед народом со своей программой")... Таков был наивный идеализм. Деятельность их вдребезги разбилась о неподготовленность буржуазного общества к серьезной борьбе с феодальным режимом, о „пассивность общества", как говорят обыкновенно".

Переходя затем к современному поколению народников, Федосеев говорит: „если те были наивными мелкобуржуазными идеалистами, то эти являются уже просто на просто глупыми идеалистами". Где же та сила, которая, по мнению Федосеева, может совершить переворот и свалить феодальный режим? „Я совсем недвусмысленно говорю", заявляет этот марксист: „что по моему убеждению только пролетариат может открыть энергичную борьбу с феодальным режимом в видах достижения представительства трудящегося класса; ему же должна принадлежать инициатива и окончательного завершения этого дела. Я не могу возлагать слишком больших надежд в этом деле на мелкую буржуазию (крестьянство), хотя и признаю антагонистичность ее интересов к современной форме государства. Поскольку крестьянство враждебно феодальному режиму и заинтересовано во всеобщем представительстве, постольку оно прогрессивный класс; но коренные условия антагонизма интересов крестьянства с современной формой государства—толкают его на реакционный путь. Я слишком сомневаюсь в том, чтобы крестьянство могло возвыситься до мысли, что корень его социальных бедствий—частная собственность, мелкое частное товарное хозяйство..."

Пролетариат единственная сила, по мнению Федосеева, могущая понять, что корень зла в современном обществе—частная собственность и, главное, могущая понять, что у нас в России для расчистки пути, для борьбы за социализм нужно уничтожить сначала феодальный режим.

„*Эта задача*", говорит он: „и вообще более быстрое и прочное изменение существующего политического режима—может быть выполнена только пролетариатом..."

Мы уже знаем, что Федосеев считал необходимым для более быстрого и решительного разрешения пролетариатом этой задачи,—создание сильной социалистической партии рабочего класса, и вожди и программа которой опирались бы на прочные основы „идеологической категории новейшего времени", „научного материализма", учения Маркса.

Федосеев, конечно, был хорошо знаком с произведениями группы „Освобождения Труда", но, разделяя в основе взгляды Плеханова, он, однако, шел своим самостоятельным путем и далеко не во всем соглашался с заграничными марксистами: так он совершенно не разделял воззрений группы на террор, как они были высказаны в первой ее программе. Федосеев являлся удивительно своеобразным оригинальнейшим продуктом переходной эпохи, типом марксиста, сумевшего, подобно немногим современникам, понять и разглядеть те экономические и социальные пружины, которые толкали Россию на путь революции и, главное, увидеть ту единственную революционную силу, на какую история возложила творить эту революцию. В ряду марксистов современников, появившихся в то глухое время в России—П. Н. Скворцов, Санин и немногие другие—Федосеев был, несомненно, наиболее талантливым и блестящим, и только несчастное стечение обстоятельств воспрепятствовало ему развернуть свои силы. Он погиб... Впрочем, в это время уже выступала более крупная марксистская сила, будущий гениальный вождь международного пролетариата Владимир Ильич Ульянов.

В. И. Ленин в Самаре в начале 90-х г.г.

Еще в конце 80-х годов В. И. Ульянов в Казани начал изучение сочинений Маркса и имел связи с федосеевскими кружками. Это изучение произведений великих социалистов с еще большей интенсивностью продолжалось в Самаре, куда В. И. Ленин переехал весной 1889 г., благополучно избежав весьма вероятного ареста во время разгрома кружка Федосеева летом этого же года. „Этот благополучный исход", пишет А. И. Елизарова (Ульянова) в № 2 казанского журнала, „Пути революции": „дал возможность Владимиру Ильичу мирно заниматься в Самаре теоретической работой по изучению марксизма, пропагандой его среди молодой самарской публики, а также получить разрешение на сдачу экзамена экстерном, о чем усердно хлопотала мать.

Получив это разрешение, Владимир Ильич так усердно засел за подготовку, что в 1891 году, т.-е. не отстав ни на год от своего выпуска—сдал этот экзамен при Петербургском университете".

В Самаре Владимир Ильич Ульянов жил до осени 1893 г. и, стало быть, больше трех лет работал, как по своей теоретической подготовке, так и в тех кружках молодежи, что к этому времени сорганизовались в Самаре. Работа эта, несмотря на свой скромный масштаб, имела огромное значение, во-первых, потому, что уже тогда многие взгляды В. И. Ленина по вопросам русской экономики и по применению основ Марксова учения к русской действительности, облеченные в научную форму статей и распространенные среди, правда, немногочисленных тогда еще учеников В. И., имели большое влияние на формирование их марксистского мировоззрения; во-вторых, потому, что, работая вместе с молодежью того времени, В. И. сам проходил,

так сказать, первоначальные стадии развития социал-демократии в России: с самого начала движения он, значит, был не только гениальным теоретиком его, но и практиком в полном смысле этого слова.

В Самаре в то время жил Алексей Павлович Скляренко, народник, молодой человек, имевший огромное влияние на самарскую молодежь, организатор народнических кружков, обладавший выдающимся пропагандистским талантом и уже тогда весьма начитанный и образованный революционер. Он называл себя „вевистом", т.-е. считал себя последователем народника-экономиста В. В.

С приездом В. И. Ленина дело изменилось. „В. И. Ульянов", говорит М. И. Семенов (Блан) в своих воспоминаниях о Скляренке *): „оказал огромное влияние как на Алексея Павловича, так и на все кружки молодежи, группировавшиеся вокруг него". Об этом влиянии В. И. Ленина на Скляренку и на другого молодого революционера, тогда уже марксиста И. X. Лалаянца, говорит и А. И. Елизарова (Ульянова). „Оба эти молодых человека очень сблизились с братом и образовали с ним первый марксистский кружок в Самаре. Помню их дебаты с некоторыми осколками народнического или народовольческого движения, как Вадим Андреевич Ионов, или Василий Васильевич Водовозов, переведенный для окончания ссылки в Самару из Вологодской губернии в 1891 или 1892 г. В то время,—время большого авторитета Михайловского, В. В. и других народников, когда отблеск „Народной Воли" горел еще ярко, а свет социал-демократической пропаганды только еще загорался,—особенно в таких специфических крестьянских провинциях, как Поволжье,—на молодых людей, несущих эту пропаганду, смотрели как на чересчур самонадеянных юнцов. Все бывшие ссыльные (Самара была первым этапом из Сибири)—поднадзорные или состоявшие в тесной связи с ними,—из каковых составлялось тогда передовое провинциальное общество, или не удостаивало вовсе своим вниманием взгляды таких мальчишек, или обрушивалось на них очень резко.

Со вниманием прислушивались тогда к речам марксистов лишь молодежь, — гимназисты, семинаристы и слушательницы тамошних фельдшерских курсов. В то время как Владимир Ильич занимался больше теоретической работой, его два друга сеяли семена социал-демократического учения среди этой молодежи".

Эта работа В. И. оказала большое влияние на молодежь, и Самара долго еще после от'езда В. И. Ленина в Петербург служила марксистским центром Поволжья. Во время пребывания Ленина и Скляренки, вокруг них и затем Лалаянца образовалась небольшая группа марксистов, — М. И. Семенов, его жена С. А. Семенова, С. М. Моршанская, А. Г. Буянов, его жена Е. Буянова фельдшерица, Ф. И. Казманова, М. В. Беляков, мастер оружейного Воткинского завода В. А. Вахрушев, С. П. Кузнецова — (Локерман), фельдшерица Р. П. Поморцева, фельдшер земской больницы И. К. Иванов и А. Ф. Иванова (Есырева). В конце 1893 года этот кружок был арестован, жандармы нашли много нелегальной литературы, и участники кружка поплатились ссылкой на север и надзором полиции, при чем Скляренко получил 3 года Архангельской губернии. Еще в то время, когда в Са-

*) Сб. Истпарта об А. И. Скляренке (См. Обзор источников).

маре действовал этот молодой кружок, Самара превратилась в марксистский центр, куда приезжали послушать, поучиться и просто поспорить с новыми людьми, социал-демократами. В провинции еще больше, чем в столицах, царил хаос в революционных кругах. Михайловский, с его теорией „героев и толпы“, с его суб'ективным методом в социологии, как теоретик народничества в области философии, экономисты Н—он, В. В., проф. Карышев и целая рать земских статистиков в области экономической, народовольцы и народоправцы в области политической—вся эта пестрая смесь увлекала молодежь, живя еще отблесками былой славы „Народной Воли“. Михайловский попрежнему продолжал в своих статьях повторять то, что он высказал в лучшие годы своей литературной деятельности. Еще в статье, написанной в 1869 году, „Что такое прогресс?“ он обрушился на Спенсера как раз за то, что составляло сильную сторону его учения (попытки подойти научно, об'ективно к изучению общественных явлений, так, как подходит к изучению явлений природы естествоиспытатель). Совершенно не понимая того, что ошибки Спенсера вытекают от отсутствия диалектического метода при изучении развития общества и ненаучной попытки целиком перенести законы природы на общество, Михайловский утверждал, что, „кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности, и, смотря по высоте идеала, он более или менее приблизится к пониманию смысла явлений общественной жизни“.

Жизнь общества, его история, законы его развития—все это может быть изучено и открыто только тогда, когда исследователь будет подходить к изучению с предвзятым мнением своего идеала справедливости. Исследуя жизнь и историю общества суб'ективный социолог исследует не конкретную действительность и затем уж, на основании этого исследования, делает определенные выводы, а как раз наоборот составляет себе свое суб'ективное представление, свой идеал и, с точки зрения этого идеала, какой-то высшей справедливости и нравственности, составляет себе формулу развития, формулу прогресса. „Что такое прогресс?“ восклицает Михайловский в своей статье и отвечает: „Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов“. История всего общества Михайловскому представлялась, как история приближения к такому всеобщему идеалу справедливости и нравственности. Этот идеал справедливости живет где-то в душе людей и его-то и несет толпе герой, критически мыслящая личность, через которых и посредством которых и осуществляется прогресс. В начале восьмидесятых годов (1882 г.) появилась как раз статья Михайловского „Герои и толпа“, а затем в конце этого десятилетия и в начале девятидесятых годов его же статьи „Патологическая магия“, „Еще о героях“ (1891 г.) и „Еще о толпе“ (1893 г.).

И здесь, и в этих статьях Михайловский трактует вопросы общественных движений с точки зрения суб'ективного метода в со-

циологии, т.-е. все с той же бесплодной абстрактно отвлеченной точки зрения воздействия на общество критически мыслящих личностей, героев. Михайловский отрицает взгляд Карлейля, видящего в истории только творчество этих героев, вместе с тем он не согласен рассматривать историю, как результат причин, стоящих вне воли отдельной человеческой личности, он отрицает детерминизм в общественной жизни и создает эклектическую и идеалистическую гипотезу о развитии какого-то нигде не существовавшего общества, в котором совершается прогресс, т.-е. его „постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми",причем законы нравственности и справедливости должны двигать критически мыслящими личностями, а эти последние должны двигать прогресс. Не задаваясь вопросом, что сама нравственность и справедливость не есть нечто всеобщее и обязательное и что существует столько справедливостей и понятий нравственности, сколько существует, по крайней мере, классов, Михайловский и его последователи свысока смотрели и на теорию Маркса и русских марксистов; последователи Михайловского не замечали, какую в сущности умеренную политическую платформу подпирала их собственная социологическая теория. Как раз в это время, когда только что начиналось социал-демократическое движение, в начале девятидесятых годов действовала и „Группа Народовольцев", организованная А. А. Федуловым и М. С. Александровым (Ольминским). В январе 1892 года группа выпустила две прокламации: одну под заглавием „От группы народовольцев" и другую „Свободное Слово". Если в первой, написанной А. А. Федуловым, еще звучал призыв к революционной борьбе, то во второй, написанной Михайловским по поводу голода, вялой и весьма умеренной, автор скромно говорит в конце: „Пора призвать других людей. Только созыв выборных представителей земли и свободное обсуждение настоящего положения рассеют вялость и недоверие общества, сделают ненужными развращающие лотереи, вызовут энтузиазм самоотвержения, который всегда спасал Россию".

Михайловский оставался верен себе и точно так же, как и вся те масса мелкобуржуазной интеллигенции, вождем которой он был, па собственному сознанию, боялся больше революции, чем реакции. Его тянуло к более умеренным группам, какие возникали повсюду и наиболео яркой из которых являлась партия „Народного Права".

Программа этой партии, главными деятелями в которой в числе других были, между прочим, Н. Тютчев, П. Николаев и покойный М. Натансон, была очень характерным явлением и лучшим показателем того пути, по какому пойдет мелкобуржуазная идеалистически-настроенная ителлигенция.

„В жизни государств бывают моменты", читаем мы в этой программе: „когда на первый план, отодвигая все интересы, как бы существенны они ни были сами по себе, выступает один только вопрос, от разрешения которого в ту или иную сторону зависят дальнейшие судьбы народа. Такой момент переживает в настоящее время Россия и таким вопросом, определяющим будущую судьбу ее, является вопрос о необходимости политической свободы". Дав затем краткое описание губительной политики Александра III-го, программа видит выход в достижении

политической свободы и представительных учреждений и указывает методы их достижения.

„Так как нет и не может быть надежды на то, что правительство добровольно вступит на указанный путь, то народу остается одно— противопоставить сорганизованную силу общественного мнения правительственной косности и узко династическим интересам самодержавия. Создание такой силы и имеет в виду партия Народного Права. По мнению партии понятие о народном праве включает в себя как понятие о политической свободе, так и понятие о праве народа на обеспечение его материальных интересов на началах организации народного производства"...

Итак, новая партия, подавляющую массу которой составляла мелкобуржуазная интеллигенция, думала бороться с самодержавным чудовищем „сорганизованной силой общественного мнения". Мы увидим далее, как понятие „народного производства", каким оперировала партия „Народного Права" в руках эпигонов народничества 90-х годов, окончательно превратилось в формулу, скрывающую весьма недвусмысленные мелкобуржуазные вожделения, а сейчас только укажем, что эта мелкобуржуазная партия явно и определенно стремилась к об'единению всех мелкобуржуазных и либерально буржуазных элементов. Как же иначе можно характеризовать программу и сущность партии, которая, выдвигая требования представительного правления, свободы вероисповеданий, независимости суда, свободы печати, собраний, ассоциаций и неприкосновенности личности, ни слова не говорит не только о социализме, но и о каких-либо мерах, касающихся интересов широких трудящихся масс и вместе с тем „ставит своей задачей об'единение всех оппозиционных элементов страны". Партия, правда, мечтает об организации „такой активной силы, которая всеми доступными ей моральными и материальными средствами добилась бы освобождения от современного политического гнета самодержавия и обеспечила бы за всеми права человека и гражданина", но мечты эти должны были остаться мечтами, ибо „об'единение всех оппозиционных элементов" знаменовало собою тот глубокий процесс разложения, какой переживали остатки народовольчества, то наметившееся уже расслоение русской интеллигенции, какое очень скоро заставило ее разойтись по разным далеко не революционным партиям.

Что касается народников экономистов, то они, несмотря на огромный статистический материал, собранный земской статистикой, ясно подтверждавший взгляды немногих еще тогда марксистов—соц.-демократов на экономическую эволюцию России, продолжали упрямо кричать о коммунистических основах общины и о спасении этого общинного коммунизма организацией „народного производства". А факты текущей действительности между тем говорили иное.

Разорение крестьян.

Разорение крестьян, страдающих от пережитков феодального режима, увеличивалось. Мы видели, как проникающий в деревню капитал, еще более способствовал этому разорению и дифференцировал крестьянство. В течение 90-х годов эта дифференциация еще более увеличивалась.

По сравнению с концом 80-х годов, если цифры этого времени принять за 100, оказывается, что к 1901 году изменения в числе лошадей в крестьянском хозяйстве выражались в таких соотношениях:

	Безлош.	1 лош.	2 лош.	3 лош.	4 лош.	5 лош.	6 лош.
Конец 80-х годов, число хоз. принято за 100. .	100	100	100	100	100	100	100
Конец 90-х годов. . . .	125	122	96	65	57	45	40

За десятилетие очень сильно возросло число безлошадных и однолошадных хозяйств и выражалось в общих цифрах так: в 1888 году число хозяйств, на каждое из которых приходилось 3 и более лошадей, составляло 10,5% всех хозяйств 31 губернии Европейской России, а к 1901 году уже только 5,7%, число одно- и двух-лошадных 60,8%, а безлошадных 33,5%. Это означало, без сомнения, огромное расслоение деревни, чего никак не хотели признать экономисты - народники, ссылаясь на то, что община своими тенденциями к уравнительности препятствует разрушительным тенденциям и что, стало быть, стоит только укрепить общину, как „народное производство" начнет процветать, и коммунистические начала, заложенные в общине, проявят себя.

Действительно, умирающее общинное крестьянское хозяйство судорожно боролось с разрушительными процессами, вызванными капиталистической экономикой, с одной стороны, и пережитками феодального строя, с другой.

Больше всего крестьянин общинник страдал от той земельной тесноты, какая ему досталась в наследство от „великой реформы". Так называемые отрезки при все более и более развивающемся капитализме в земледелии ставили крестьян в невыносимо тяжелое положение. Как мы знаем, „отрезками" обозначались те земли, которые, при освобождении крестьян, помещичье землевладение отобрало себе, „отрезало" у крестьян, оставив им нищенские наделы. Развитие капиталистического помещичьего хозяйства, производства хлеба на рынок, увеличение народонаселения, варварские феодальные способы эксплоатации крестьянина помещиком, земельная теснота—все это заставляло крестьян искать выхода,—отход крестьян на фабрики, ежегодная увеличивавшаяся тяга безлошадных, пролетаризовавшихся крестьян на юг на заработки, наконец, так называемые, общие переделы общинных земель и было ответом на так называемое „оскудение центра", т.-е. на разорение крестьянского хозяйства,—расслоение деревни и проникновение в нее капитала.

К концу 80-х годов в России все еще как будто бы господствовало общинное хозяйство. Действительно, в 50 губерниях Европейской России из 142 миллионов крестьянской земли 80% находилось в общинном владении и только 20% в подворном, при этом три четверти всего крестьянства были общинники, и только четверть подворники. Народник Качаровский в начале девятисотых годов в своей работе об общине подверг рассмотрению огромный статистический материал, собранный земской статистикой, больше, чем за четверть века, и пришел к очень утешительному выводу не только о жизненности общины, но и о преимуществах этой формы хозяйства над всеми прочими. Что же, однако, говорили собранные им цифры? Оказалось, что в 35 губерниях имелось 73.811 общин, где жило

3.582.780 крестьянских семей или 22 миллиона крестьянского населения, обладавшего 38.611.000 десятин общинной земли. Бывшие помещичьи крестьяне жили в 42.415 общинах, а бывшие государственные крестьяне в 24.750 общинах и только 6.646 общин занимали бывшие удельные крестьяне. Оказывалось, что 46% общин б. помещичьих крестьян и 72% общин бывших государственных крестьян, т.-е. более половины (55%) всего населения общин прибегали к переделам земли. Оказалось кроме того, что общины, обладавшие большим количеством и более населенные, и прибегали больше всего к переделам.

Это видно из следующей таблицы:

		Процент земли в каждой из этих категорий ко всей надельной земле.
Процент общин, где вовсе не было переделов	13%	9%
Процент общин, где переделы производились как исключение	10%	8%
Процент общин, где переделы стали обычным явлением . .	71%	74%
Процент общин, где имелись еще незанятые земли . . .	6%	9%

Таким образом, оказалось, что все большее и большее количество общин прибегало к переделу земель, т.-е. к более или менее справедливому, по мнению общинников, распределению земли. Этого мало, уравнительные тенденции в общине шли и в другом направлении: после первых десяти или пятнадцати лет пореформенного периода крестьяне, получившие землю по ревизским душам, вообще не прибегали к переделам; затем, когда начались переделы, они стали совершаться уже по наличным *мужским душам*, далее переделы земель по большей части происходили по *числу работников* или *по рабочим силам семей* и, наконец, по *едокам*. Смысл этой эволюции понятен: теснота в земле вызывает более „справедливое“ распределение по числу мужчин, но вот оказывается, что в одних семьях больше мужчин, в других больше женщин, создается вопиющее неравенство; начинается борьба, в результате которой приходят к новой форме дележки, когда малолетние члены семьи не наделяются землей, а надел получают *работники*, без различия пола; но в одних семьях больше работников, чем в других, создается новая несправедливость, и возникает раздел земель по *едокам*, как мужского, так и женского пола.

В качестве иллюстрации можно привести цифры, относящиеся к 2570 общинам Саратовской губернии за периоды 1870—1900 г.г.

Категории общин по отношению к переделам.	Годы. 1870	1880	1890	1900
Переделов не было . . .	42%	36%	22%	16%
Переделы происходили частично	22%	21%	20%	17%
Переделы по рабочим силам семей	32%	34%	32%	22%
Переделы по едокам. . .	1%	5%	23%	41%

Из этих цифр видно, что число общин, где не производились переделы вовсе, уменьшилось за 30 лет; уменьшилось и число проме-

жуточных общин (с частичными переделами), но зато очень сильно увеличилось вообще число общин с переделами: в 1876 г. их было 33% (32 и 1), а в 1900 уже 63%; и больше всего увеличилось число общин с переделами по едокам, поднявшись от 1% до 40%.

Можно было, конечно, утешаться вместе с народниками тем, что „коммунистические“ тенденции крестьянина заставляли его совершать распределение земли по божьему, по справедливости, но нельзя было закрывать глаз на массу сопутствующих этим общинным порядкам явлений. Без сомнения, эти уравнительные тенденции крестьянства создавали некоторого рода уравнительную психологию, психологию ненависти к богачу, к кулаку, вообще к крестьянину, выделяющемуся своей зажиточностью, но, с другой стороны, этим переделам сопутствовали такие факты, как борьба многосемейных, сильных хозяйств с малосемейными, как борьба крестьян, округливших свои владения, для которых передел был невыгоден, с маломощными крестьянами, жаждавшими передела, косность общинника и застой хозяйства, вызываемые этой самой сутью переделов,—дробление земли, чересполосица, нежелание крестьян удобрять поля и т. п.

Если же принять во внимание, что рядом с этим нищенским крестьянским хозяйством существовало помещичье и кулаческое торгово-промышленное хозяйство, пользовавшееся во всю феодальным режимом для эксплуатации остальной массы крестьянства, то станет понятным, что у самого-то носителя этих народнических якобы „коммунистических“ начал никакого утешения не было. В деревне была теснота, кипела классовая борьба, классовое расслоение шло все глубже и „некуда было податься“; „хоть ложись да помирай“, формурировали крестьяне свое положение и, вместо утешений народнического оттенка, прибегали... к частичным восстаниям и бунтам, или „беспорядкам“, как официально квалифицировало эти явления правительство.

Но, прежде чем перейти к описанию этого стихийного движения, необходимо хотя бы кратко перечислить те условия и причины, какие толкали крестьян на бунты и волнения.

Крестьянин был обременен податями и налогами. Взамен старой подушной подати он платил—по выкупным платежам, государственный земский сбор, подушную подать, мирские сборы и т. п.

Все это, конечно, поглощало и даже превышало доход, получаемый крестьянином с земли. О стеснительности мирского устройства крестьян говорилось выше: круговая порука и право волостного правления выдавать паспорта по своему усмотрению являлось самым удобным средством закабалить иными средствами все тому же помещику. Над миром в качестве начальника стоял земский начальник, т.-е. все тот же помещик, которому слепо подчинялось волостное правление в лице писаря, превратившегося повсюду в послушное орудие бюрократии. Крестьянин был опутан сетью ограничительных, стеснительных законов. Даже в области семейных отношений власть не давала свободы крестьянину: законом 18 марта 1886 года разделы были поставлены в полную зависимость от земских начальников.

В результате такого положения крестьянин вынужден был либо бежать из деревни, либо брать в аренду землю у помещика. В различных районах страны положение крестьянского хозяйства было, конечно, различно. В промышленном районе, где уже издавна развива-

лись промыслы и отход крестьян на фабрику, пожалуй, крестьянское хозяйство находилось в лучшем состоянии, чем в черноземной полосе, так как близость фабрики спасала крестьянина, по крайней мере, от голодной смерти. Здесь в некоторых местах крестьянское хозяйство даже поднималось.

Зато в центральном земледельческом районе положение и крестьянского и даже помещичьего хозяйства было ужасающее: кабальные условия толкали крестьян к пролетаризации, а дешевизна рабочих рук и помещика не побуждала повышать тип своего хозяйства: не было смысла затрачивать капиталы, когда к услугам помещика были такие дешевые руки.

Положение крестьян в прибалтийских и северо-западных губерниях коренным образом отличалось от положения их в остальной России: здесь меньшинство крестьян имели возможность даже укреплять и расширять свое хозяйство и в то же время образовалось настоящее капиталистическое хозяйство, где и работали в качестве самых настоящих батраков остальные окончательно разорившиеся крестьяне.

Южные, югозападные и украинские губернии, после освобождения крестьян, вследствие гигантского развития промышленности,—постройки заводов, развития горной индустрии и железных дорог, быстро шли по пути капиталистического развития и в области земледелия: в южных губерниях вследствие большого земельного простора развивалось экстенсивное земледелие, а в югозападных губерниях, и отчасти украинских, крестьянское население либо поглощалось промышленными предприятиями (напр., свекловичными плантациями), либо потреблялось настоящими хлебными фабриками, как в Екатеринославской губ.

Крестьянину жилось невыносимо тяжело, и он готов был бросать насиженные места и брести „розно", на новые земли, — в Сибирь и в среднюю Азию.

Но и здесь самодержавное правительство поставило такие препоны, что переселение крестьян становилось почти невозможно. Правда, никакие силы не могли уже удержать крестьянина на месте, где жили его отцы, и переселенческая волна все росла и росла. Вместе с тем, законом о найме сельско-хозяйственных рабочих правительство опять почти закрепило крестьян за помещиком: крестьянин, нанявшийся к помещику, не мог бросить помещика и перейти к другому, за это грозила ему уголовная ответственность; что бы ни делал предприниматель-помещик с рабочим, как бы ни эксплуатировал он его, рабочий не мог найти управы, зато помещик мог уволить рабочего за „грубость", „леность", „нерадение" и решительно за все, что угодно.

Все эти обстоятельства толкали крестьян бежать из своих родных мест, причем подавляющее большинство переселенцев приходилось на черноземный район. За период от 1887 по 1893 г.г. из 67.041 семьи, зарегистрированных прошедшими в Сибирь, 57.140 приходилось на средне-черноземный район, юго-восточный, северо-восточный и северный. Только из самых черноземных губерний (Полтавской, Черниговской, Курской, Орловской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Самарской), выселилось 25 тысяч крестьянских семей. Бежали при этом не только крестьяне безлошадные, но по большей части имеющие лошадей и вообще хозяйство. Но и новые места их встречали не радостно: не говоря уже о высоких налогах (более 10 руб.

на хозяйство), они встречали на новых местах такие препятствия со стороны местных властей, что и там их ждало разорение и нищета.

Все эти обстоятельства, –разорение крестьян, образование пролетарских крестьянских слоев, дешевая рабочая сила, необходимость крестьян прибегать к аренде помещичьих земель и т. д., и т. п. не повышало типа помещичьего хозяйства. Помещик, в черноземной полосе особенно, имея почти даровую рабочую силу, не улучшал хозяйства и либо затрачивал деньги в более выгодные отрасли хозяйства, либо проживал их. Мы видели, что помещики получили огромные выгоды от освобождения крестьян, но постепенно суммы, получаемые ими из этого источника доходов, уменьшались: в первое десятилетие они, как известно, выражались цифрой в 722 мил. р., а в конце 90-х равнялись только 213 мил. р. (1893—1897 г.г.). Это заставляло помещиков продавать свои земли, конечно только там, где эксплуатация земли не приносила особенных выгод.

Вот цифры, указывающие количество земли, потерянной помещиками путем продажи:

периоды	колич. дес. земли
1863—72	644.691
1873—82	949.072
1883—92	830.780
1893—97	896.607

В чьи же руки перешла эта земля? Оказывается, что за это же время другие сословия приобрели следующие количества земли:

	купцы и поч. гражд.	крестьяне лично	крест. товарищ. и общ.
1863—72	445.064	73.488	66.154
1873—82	450.226	157.723	174.840
1883—92	219.492	119.300	353.434
1893—97	138.240	112.522	323.136

В высшей степени важно при этом то обстоятельство, что больше всего было продано помещиками земли в промышленном и южном степном районе: если принять цифру помещичьего землевладения 1862 г. за сто, то окажется, что потеря помещичьего землевладения выразится такими цифрами.

	1862 г.	1897 г.
Центр. промышл. район	100	49
Северный	—	44
Северо-западный	—	87
Центр.-землед.	—	73
Малороссийский	—	68
Юго-западный	—	87
Степной	—	56
Нечерноземная полоса	—	58
Черноземная	—	70

Стало быть, на юге, где крестьянское хозяйство само превращалось в капиталистическое, там крестьяне особенно много покупали помещичьей земли.

Такое же явление происходило и в промышленном районе, где помещик находил невыгодным держать мало плодородную землю.

Какие же крестьяне покупали больше всего помещичью землю? Цифры говорят о том, что чем богаче был крестьянин, тем больше у него было земли, чем, стало быть, крепче было его хозяйство, тем он больше покупал земли.

Так, из каждых ста десятин приходилось на мелкие и крупные покупки в черноземном районе:

	На мелкие и средние покупки (до 25 дес.).	На крупные покупки.
1805 г.	22	78
1875 г.	16	84
1885 г.	20	80
1895 г.	16	84

При этом каждый более крепкий крестьянин покупал больше земли, чем средний хозяин; так, имеющие более 6 дес. на душу покупали в среднем 5,6 дес. в то время как имеющий 3 дес.—2,6 дес., а имеющий до 1$^1/_2$ дес. только 0,8 дес.

Для облегчения помещиков был образован дворянский банк, а для облегчения крестьян—крестьянский, но все это облегчение пошло на пользу дворянам, так как дворяне воспользовались крестьянским банком, чтобы продавать свои земли крестьянам за непомерно высокие цены.

Все эти условия развития крестьянского хозяйства очень сильно понизили производительные силы в земледелии. В общем по сравнению с 70 годами площадь посевов Европейской России увеличилась в конце 900-ых годов на 3%, но зато по отдельным районам произошло колоссальное сокращение посевов на надельных землях,—в черноземном районе на 18%, в промышленном на 11%, на Украине на 10%, и в средне-волжском районе на 6,3%, а в общем, если сделать расчет по отношению к населению Евр. России, то оказывается, что в период 1861—70 г.г. на 1000 душ населения приходилось 825 дес. посева, а в 1891—900 г. только 547 дес. Конечно, произошло уменьшение и количества посева на душу населения и только на юге в Новороссии и на Северном Кавказе, т.-е. в районе капиталистического земледелия, произошло огромное увеличение посевов и в частновладельческом и в крестьянском хозяйстве (на 346,8% и на 44,5% в Новороссии и на 290% на Кавказе). До какой степени отразилось это падение производительности на крестьянском хозяйстве, видно из того, что если принять за продовольственную норму 18 пудов на душу, то окажется, что крестьян, живших с продовольствием ниже этой нормы, было 52,3%, живших с этой нормой 31,8% и имеющих хлеба выше этой нормы только 15,9%. Стало быть, половина крестьянского населения всегда недоедала, а то и просто голодала.

Влияние притока крестьян на рабочее движение.

Отсюда получалось очень своеобразное явление, которое нам придется учесть, когда во втором томе мы перейдем к изучению „экономизма“ и вообще русского ревизионизма. Это явление, оказавшее большое влияние на характер русского рабочего движения, со-

стоит в том, что постоянный приток в города крестьянских масс оказывал двоякое действие на русское рабочее движение,—он, с одной стороны, придавал рабочему движению стихийность и, если можно так выразиться, темпераментность, а с другой, вливая в рабочую среду малосознательную, мелкобуржуазную, связанную с деревней, искавшую в фабрике только подсобного промысла массу, он, этот приток, принижал рабочее движение, и минутные эфемерные успехи его заставлял ставить выше отдаленных, но коренных задач его.

Что это действительно так, об этом свидетельствует решительно вся современная,-- специальная экономическая литература: земские статистические исследования, отчеты фабричных инспекторов, наконец, нелегальная литература.

О связи с землей рабочих не только центрального промышленного района, но и петербургских рабочих (напр., текстилей) говорят единогласно все источники (Дементьев в своей „Фабрике" о Московском районе, отчеты фабричных инспекторов о других местах).

В нелегальной нашей литературе это влияние притекавших в города крестьянских масс очень хорошо выражено в известных отчетах о рабочем движении в 90-х годах и в многочисленных корреспонденциях о стачках и забастовках („Рабочее движение в Твери", „Рабочее движение в Иваново-Вознесенско-Шуйском районе", „Рабочее движение в Одессе и Николаеве", Женева 1900 г., в „Работнике" № 1—2, 3—4, 5—6, „Рабочей мысли" и в „Рабочем деле" (№№ 1, 2, 5, 8 и т. д.).

В брошюре о рабочем движении в Твери автор делит всех рабочих на три разряда,—рабочих, порвавших с деревней, рабочих, связанных с нею, и рабочих, уходящих из деревни только на зиму, видящих в фабрике только подсобный промысел. В то время как первые составляют наиболее сознательную часть, а последние готовы итти на какие угодно унижения за каждый выпрошенный у хозяина пятачок, средняя категория рабочих является той анархической частью, которая от крестьян не отошла и к рабочим не пришла (отсюда и выходили, по мнению автора брошюры, громилы во время забастовок).

Это деление рабочих на указанные категории отмечается решительно всеми наблюдателями рабочего движения, равно как и то обстоятельство, что именно это разбавление рабочих крестьянским элементом превращало рабочие стачки то в погромы, то в борьбу, которая ставила себе исключительно задачи минуты, — небольшие экономические завоевания и улучшения.

Это влияние крестьянства на рабочий класс необходимо запомнить и подчеркнуть, чтобы в дальнейшем, при изучении „экономизма", учесть этот фактор со множеством других, создавших это оппортунистическое течение.

Волнения крестьян в 80-х и 90-х годах XIX в.

Нет ничего удивительного, что уже вскоре после освобождения, крестьяне начали волноваться. К величайшему сожалению, о крестьянских волнениях доселе нет почти никаких данных; их нужно еще извлекать из архивов, так как буржуазно-либеральная пресса находилась, ведь,

в руках тех, кто выгадывал от существующих земельных отношений, и потому заинтересованных в неоглашении таких сведений, о правительстве говорить нечего. К счастью, нелегальные революционные издания (главным образом „Народная Воля") давали кое-какие сведения об этих волнениях. Так за 80-ые годы имеются известия о следующих „беспорядках" крестьян: в апреле 1880 г. произошло столкновение крестьян в Новгород-Северском уезде, Черниговской губ. в имении князя Голицына по случаю потравы помещичьих полей. Крестьяне избили урядника, были вызваны войска и зачинщики арестованы. В мае того же года в той же губернии в селах Солоповке и Автузчинах беспорядки по случаю размежевания, результат—присылка войск и аресты.

В 20-х числах мая беспорядки опять в Черниговской губ., в июле в Псковской губ. и с теми же результатами—присылка войск и аресты. В 1881 году поджоги помещичьих имений в Воронежской губ. В 1882 году в Саратовской губ. поджоги имений, столкновения с урядниками и войсками. В 1883 году беспорядки в Уфимской губ., в 1884 году опять в Черниговской, в 1885 году в Воронежской, Киевской, Черниговской, Херсонской, Пензенской, Подольской, Екатеринославской, Курской, Самарской, Харьковской, Калужской и, вероятно, многих других. С каждым годом эти беспорядки становятся все чаще и захватывают все большее число населения. По каким же причинам волнуются крестьяне и какой характер носят их волнения? Причины волнений самые разнообразные: то помещик загонит крестьянский скот, который забрел на помещичью землю; то крестьяне недовольны несправедливым размежеванием; то идет борьба крестьян за спорный выгон; то крестьяне свозят помещичий хлеб в свои усадьбы; то они, просто, жгут помещиков. И в подавляющем большинстве случаев дело кончается избиением крестьянами местных властей—урядников, присылкой в бунтующие губернии солдат и арестом зачинщиков. Вот как, например, описываются волнения крестьян в № 11—12 журнала „Народная Воля" за октябрь 1885 года: „В Воронежской губернии у богатого землевладельца, бывшего предводителя дворянства, произведен поджог, *счетом тридцать пятый.* В Чигирине, Киевской губернии военный суд рассматривал дело *о составлении преступного сообщничества с целью производства потрав на помещичьих полях*, причем обвинялось 14 человек. Они в течение долгого времени вытравляли и разоряли землю арендатора Гальперина и нагнали такого страху на полицию и сторожей, что у Гальперина за один месяц переменилось двадцать сторожей. Равным образом мстили они тем, кто доносил на них. Однако, когда один сторож попросил их дать ему возможность заработать жалованье на подати, они прекратили свои действия на один месяц. Являлись к ним в село мировой посредник, исправник и становой пристав и просили все общество прекратить нападения, но тайные потравщики ночью произвели еще большее опустошение, чем прежде. Наконец, под Ильин день, произошло столкновение между потравщиками и об'ездом, и один из сторожей убит. Несмотря на отсутствие прямых улик, суд приговорил к каторге (от 2 до 12 лет) девятерых, в том числе трех несовершеннолетних..." „...В Могилевской губернии аграрные волнения значительных размеров приняли хронический характер. Циркулируют слухи о переселениях

в мифические страны и о даровых наделах, так что многие села посылают ходоков к Гурке (губернатору. В. Н.) для „записыванья". Являются самозванные землемеры, вооруженные астролябией из лучинок, и производится нарезка якобы от имени правительства. Было несколько случаев самовольного захвата земли, окончившихся военными экзекуциями, очень тяжкими".

Итак, мы видим, что в деревне идет колоссальный процесс: под давлением невыносимо тяжелых пут феодального режима, пережитков крепостничества—с одной стороны, и под ударами капитализма, с другой—старая деревня радикально меняется,—нет и в помине старых патриархальных отношений, происходит расслоение крестьян, как сословия, в деревне образуются с ярко-выраженными экономическими признаками классы—крестьян-пауперов и пролетариев-батраков, середняков и крестьянской буржуазии (в действительности это деление значительно сложнее, о чем удобнее будет сказать впоследствии), а стало быть, идет и политическая дифференциация, кипит и там уже беспощадная классовая борьба, и крестьянин, поставленный в безвыходное положение, поднимается единым фронтом против своего векового угнетателя и вместе с тем низы деревни борются и со своей собственной крестьянской буржуазией. Происходит процесс внедрения капитализма в земледелие со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Марксистская критика Ленина народнических теорий.

Как же относятся к этому явлению народники-экономисты? Они попрежнему продолжают толковать о вреде капитализма и о поддержании „устоев", т.-е. старых общинных порядков; они обволакивают их романтической дымкой мелкобуржуазных реакционных фантазий и, вместо развития и обострения классовой борьбы и руководства ею, говорят о гармонии интересов и помощи правительства кустарю-крестьянину. „Мы свернули с пути", восклицал народник-экономист Н—он: „которым шли в продолжение многих веков; мы стали устранять производство, основанное на тесной связи земледелия и обрабатывающей промышленности, и положили в основание своей хозяйственной политики принцип развития производства капиталистического, основанного на экспроприации непосредственных производителей от средств производства со всеми сопровождающими его бедствиями, которыми теперь страдает Западная Европа". Нужно возвратиться к этим „вековым народным устоям", советует Н—он, и тогда все будет хорошо.

Русским марксистам надлежало, стало быть, прежде всего разбить эти романтические реакционные взгляды и показать, что капитализм уже настолько завоевал русскую деревню и настолько поколебал эти устои, что вопрос шел не о том, как сохранить эти устои, а о том, как использовать все то положительное, что, вместе с страшными бедствиями, принес России капитализм.

Необходимо было доказать на том же самом материале, каким пользовались и экономисты-народники, что выводы из этого материала вытекают совершенно иные, и что путь, какой рисуется на основании этих выводов, не путь сотрудничества пролетариата и крестьянства с буржуазией, а путь борьбы, путь революции.

С этой задачей уже в начале 90-х годов блестяще справился В. И. Ленин. В одной из ранних своих работ, предназначавшейся для печати, хотя и не вышедщей в свет, „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни“ (статья по поводу книги В. Е. Постникова: „Южно-русское крестьянское хозяйство“), В. И. уже тогда в 1893 г. дал блестящий анализ капиталистической эволюции крестьянского движения на юге России. Вот, что по этому поводу говорит один из первых учеников В. И. Ленина—С. И. Мицкевич: „Молодой тогда автор (В. И. было тогда 23 года) овладел уже марксистским методом и с большим искусством приложил его к анализу статистических данных о крестьянском хозяйстве.

В. И. ЛЕНИН.

„При сравнении с работами народнических исследователей крестьянского хозяйства сразу чувствуются огромные преимущества марксистского метода. Народники беспомощно барахтались в громадном цифровом материале статистических исследований, искусственно выделяя какую-нибудь сторону явлений, но вместе с тем смешивая в одно самые разнородные данные, и в результате появились такие „солидные“ труды, как В. В. Кочаровского „О крестьянской общине“, или Карышева „О крестьянских вненадельных арендах“ и т. п., из которых нельзя сделать никаких правильных выводов.

Наш автор на данных трех уездах Таврической губернии произвел анализ крестьянского хозяйства в этих уездах, взятых во всем целом, и показал всю глубину расслоения тогдашней деревни в многоземельном и плодородном южном черноземном районе—$^1/_5$ всех зажиточных крестьянских хозяйств, засевающих более 25 десятин, пользуются половиной всей земли, находящейся в пользовании крестьян, $^2/_5$ середняцких хозяйств, засевающих от 10 до 25 десятин, пользуются $^2/_5$ земли, а $^2/_5$ бедных и беднейших крестьян, засевающих менее 10 десятин, пользуются всего $^1/_8$ всей земли. Богатые крестьяне нанимают работников, а бедные нанимаются в работники; богатые имеют много скота, применяют в своих хозяйствах жатки, косилки и др. земледельческие орудия, ведут более рациональное и выгодное хозяйство, побивая этим на рынке бедноту, захватывая все больше и больше земли покупкой и арендой и тем лишая ее бедноту. Средняя группа является неустойчивой: немногие из нее имеют шансы перейти в высшую группу, сельской буржуазии, а большинство опускается в низшую группу являющуюся классом наемных рабочих с наделом.

И все эти явления неизбежны постольку, поскольку крестьянское хозяйство подпало влиянию законов рынка, товарного обращения, и не помешать этому явлению теми паллиативами, которые предлагали народники.

Таковы выводы автора из его марксистского анализа".

В легальной печати, без сомнения, нельзя было продолжить этих выводов, и потому в следующем году В. И. Ленин обратился к помощи подполья. В 1894 году он написал замечательную критическую работу под названием „Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов" *).

В этом сочинении показана вся несостоятельность „суб'ективного метода социологии" Н. К. Михайловского и его последователей и вскрыта вся реакционная сущность разложившегося народничества.

Михайловский исходил из положений, которые никак нельзя назвать научными. „Существенная задача социологии", говорил он: „состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение". С этой точки зрения, „признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного".

Таким образом, вся история общества, по мнению суб'ективных социологов, представлялась, как история достижения или задержки определенных идеалов, как история развития таких или иных идей.

Ясно, что это был самый безнадежный метод рассматривать мир с идеалистической точки зрения, а историю общества, как историю „героев и толпы", воздействия на мир критически мыслящих личностей.

Изложив основные положения теории Маркса на развитие общества и подчеркнув „зависимость хода идей от хода вещей", Ленин показывает всю идеалистическую легковесность критики Маркса Михайловским и раз'ясняет, что ошибочность и ложность суб'ективной социологии заключается в том, что эта социология стремится совершенно бесплодно изучить какое-то абстрактное, никогда не существовавшее общество. Шаг за шагом Ленин отбрасывает детские возражения Михайловского против теории Маркса и доказывает, что Михайловский, во-первых, сочинений Маркса не понял и, во-вторых, что были времена (70-ые годы), когда Михайловский, хотя и не понимал сущности учения Маркса, но все же был в состоянии, по крайней мере, уловить революционное значение этого учения (в своем споре против Жуковского).

На примере Михайловского возразить по существу против материалистического понимания истории, Ленин показал всю нищету и убогость теоретической мысли суб'ективных социологов (Михайловский утверждал, что институт наследства совсем не зависит от экономической структуры общества, а есть надстройка над половыми и семейными отношениями и немыслим без продуктов „детопроизводства" и без напряженной и сложной психики, которая к ним примыкает). Ленин далее развил те положения Маркса, в силу которых „общество рассматривается, как живой, находящийся в постоянном развитии организм, а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов".

*) См. „К 25-летию первого с'езда", Истпарт, 1923 г. и „Что такое друзья народа и как они воюют с с.-д.", изд. „Моск. Рабоч." и „Нов. Москвы", под ред. Каменева.

Указав на то, что ошибка прежних экономистов в том и состояла, что они „не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии“, и что заслуга Маркса в том и заключается, что он сумел подойти к рассмотрению истории общества, как естественно-исторического процесса, Ленин вскрывает абсолютное невежество Михайловского в области философии и в частности в области диалектики Гегеля.

Он берет излюбленную идею народников о том, что „в состав нравственно-политических идеалов“ необходимо „вводить принадлежность земли земледельцу и орудий труда производителю“, и показывает, что под этими хорошими словами народников скрывается нечто иное, как увековечение мелко-буржазных отношений русской деревни.

В своей полемике против марксистов Михайловский, пользуясь тем, что русские социал-демократы не могли отвечать на критику своих взглядов в легальной печати, позволил себе исказить взгляды своих противников настолько, что эти взгляды можно было принять за взгляды самых от‘явленных буржуа, и утверждал, что существуют марксисты, которые радуются и даже активно содействуют разорению крестьян.

Отмечая эти недостойные выпады, Ленин на богатейшем цифровом материале земской статистики показывает, что „капитализм представляет из себя не противоречие „народному строю“, а прямое ближайшее и непосредственное продолжение и развитие его“. Приведя цифры, рисующие дифференциацию крестьянства, и показав, что кустарная промышленность в большинстве случаев организована капиталистически, что разложение деревни создает внутренний рынок, что в России, вследствие развития капитализма, происходит в гигантских размерах процесс экспроприации крестьянства, Ленин говорит о той теоретической работе, какую уже проделали социал-демократы: „Необходимо было показать, что те самые факты, которые для суб‘ективного социолога представляются так, что крестьяне „обеднели“, а „охотники“ да „живоглоты“ учли прибыли в свою пользу,—с точки зрения материалиста представляются буржуазным разложением товаропроизводителей, разложением, необходимо вызываемым силою самого товарного хозяйства. Необходимо было показать, на каких фактах основано то положение, которое приведено было выше (в первом выпуске), *что борьба имущих с неимущими идет в России везде не только на фабриках и заводах*, а и в самой глухой деревушке и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата, складывающихся на почве товарного хозяйства. Разложение раскрестьянование наших крестьян и кустарей, которое можно изобразить в точности благодаря такому превосходному материалу, как земская статистика—дает *фактическое* доказательство верности именно социал-демократического понимания русской действительности, по которому крестьянин и кустарь представляют из себя *мелкого производителя* в „категорическом“ значении этого слова, т.-е. *мелкого буржуа*“.

Резюмируя работу, уже тогда произведенную социал-демократами в области применения марксистского метода к анализу русской действительности, Ленин так характеризует эту работу:

„Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно

ненавидят „друзья народа“,—не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком. Когда они несут эту идею тем представителям трудящегося класса, которые по своему положению одни только способны усвоить классовое самосознание и начать классовую борьбу, тогда их обвиняют в желании выварить мужика в котле.

И кто обвиняет?

Люди, которые сами возлагают свои упования относительно освобождения трудящихся на „правительство“ и „общество“, т.-е. органы той самой буржуазии, которая повсюду и сковала трудящихся!“

Последнюю, третью часть своей работы В. И. Ленин посвятил разоблачению реакционной сущности политической программы „друзей народа“.

„...Как настоящие идеологи мещанства, они хотят не уничтожения эксплуатации, а смягчения ее, хотят не борьбы, а примирения. Их широкие идеалы, с точки зрения которых они так усердно громят узких социал-демократов, не идут далее „исправного“ крестьянства, отбывающего „повинности“ перед помещиками и капиталистами, лишь бы только помещики и капиталисты справедливо к ним относились“.

Раз‘яснив сущность революционного народничества, Ленин описывает постепенную эволюцию двух струй этого народничества,—одной, превратившейся в борьбу радикалов с правительством за политическую свободу, и другой, которую он характеризует так: „...это совсем не народничество (в старом привычном значении слова), и успех этот и это громадное распространение в ширь достигнуты ценой опошления народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии“.

Ленин характеризует народнические политические программы Кривенки, Южакова, Михайловского, как программы реакционные, потому что все эти „друзья народа“ не понимали, что „никаких других общественно-экономических отношений, кроме буржуазных и отживающих крепостнических, в России не было и нет, что поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение“.

И поскольку мелкая буржуазия и народники, выражающие ее интересы, борются с остатками крепостничества, постольку пролетариат и социал-демократы будут итти в этой борьбе рядом с радикальной демократией, поскольку же эта радикальная демократия и мелкая буржуазия выдвигают программы мещанского социализма, в сущности отстаивающие интересы буржуазии, постольку социал-демократы должны отмежеваться от этого мещанского социализма и об‘явить ему беспощадную борьбу.

Ленин нисколько вместе с тем не отрицает важности демократизма и даже говорит, что „вообще русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим следует именовать себя *социал-демократами* и никогда не забывать в своей деятельности о громадной важности *демократизма*“

Но делать это нужно совсем не потому, что демократизм последнее слово революционной борьбы, а потому, что и в борьбе за уничтожение самодержавия и достижение демократизации русской жизни пролетариат и его партия является также передовым борцом, могущим в момент революции повести за собой все революционные элементы страны.

Это́, однако, нисколько не означает ни того, что социал-демократы должны забыть коммунистические основы своего учения, ни того, что они должны, забыв о своей программе, примкнуть к „союзу" всех фракций революционеров для завоевания политической свободы.

Ленин замечает, что это „об'единительное" течение, этот союз не социал-демократических элементов „выражает собой одну из последних стадий" „...процесса превращения боевого, революционного народничества в политически-радикальный демократизм", и указывает, что это об'единение возможно будет только тогда, когда русская демократия раз навсегда покончит с самобытничеством, т.-е. с верой в коммунистические начала общины, с отрицанием капиталистического развития России и с мелкобуржуазным социализмом, по сути дела прикрывающим далеко не социалистические вожделения.

Показав затем, что как и весь строй России, российская интеллигенция претерпела бо̀льшое развитие и классовое расслоение, Ленин показывает, что дожна делать социалистическая интеллигенция.

„Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. *Теоретическая* работа ее должна будет при этом направиться на *конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития*; *она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие*".

Где же та опора, на какую должна опереться социалистическая интеллигенция в своей практической работе? Это не буржуазия, это не либералы, это, наконец, не мелкая буржуазия с мелкобуржуазной народнической интеллигенцией—это передовой отряд революции—пролетариат. Работа среди пролетариата это и есть та практическая работа, какая стоит пред социал-демократами.

„Studieren, propagandieren, organisieren". Изучать, пропагандировать и организовать—вот что нужно делать социал-демократам.

„На класс рабочих", заканчивает свою работу Ленин: „и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский *ра-*

бочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет *русский пролетариат* (рядом с пролетариатом *всех стран*) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции".

Таким образом, в этой замечательной работе была дана картина экономической эволюции России под влиянием капитализма, классовый анализ русской действительности, взаимоотношения и характер политических течений, выросших на основе этих классовых группировок и, наконец, начертана программа деятельности социал-демократии, как мы это увидим дальше, на целую четверть века вперед.

Огромное значение этой работы, между прочим, заключалось в том, что в ней кроме задач, стоявших перед социал-демократией, очень хорошо была вскрыта истинная природа русской либеральной буржуазии.

Либеральная буржуазия первой половины 90-х г.г.

Эта последняя, как известно, пыталась организовываться еще в 70-ые годы прошлого века, опираясь главным образом на либерально-настроенные помещичьи круги земского дворянства.

Тогда, в момент наивысшей напряженнейшей борьбы русских радикалов с самодержавием, земские либеральные круги организовались в „Либеральную Лигу" и „Земский Союз". Издавалась заграницей даже либерально-конституционная газета „Вольное Слово". В программе „Земского Союза" стояло даже требование политической свободы, а в программе действия, опубликованной в № 37 „Вольного Слова", рекомендовалось пользоваться для достижения поставленных целей даже средствами „помимо закона". Если правительство не даст добровольно конституции (не только социализмом, но даже настоящим демократизмом в этой конституции и не пахло), то „Союз будет готов и к побуждению силой". О том, что это была за сила, видно из того, что либералы намеревались взять правительство *измором*. Кульминационного пункта деятельность либералов достигла вскоре после смерти Александра II, когда многие земства на своих собраниях высказывали пожелания и принимали адреса и петиции, с которыми они обращались к царю, моля его даровать конституцию. Самарское, Тверское, Новгородское, Казанское и другие земские собрания обращались к правительству с просьбами и указывали на то, что единственным выходом из тупика, в какой пришла страна, является конституция. Но голос этих адресов был настолько робок и главное настолько умерен, что не оставалось ни одного социалиста, который бы не понимал реакционности всех этих земских стремлений. Да, земцы, впрочем, и не скрывали умеренности своих желаний: Тверское земство прямо заявляло, что „когда беда поражала отечество—в непосредственном единении земских людей и верховной власти, русский царь и народ всегда приобретали могучую, неодолимую силу", а рязанские земцы уверяли царя в своей безграничной к нему преданности и обещали ему, что с их помощью все его враги исчезнут с лица земли.

„Общее Дело", орган буржуазно-либеральной оппозиции, издававшийся при ближайшем участии (с 1877 по 1890) А. Белоголового, В. А. Зайцева (до его смерти в 1882 г.), А. Х. Христофорова и др.,

также не шло дальше очень умеренных требований, еще даже более умеренных, чем конституционные вожделения земцев начала 80-х годов.

Программа этой оппозиции очень хорошо выражена в статье Белоголового (в № 97, май 1887 г.) и „заключается в борьбе с самодержавием посредством обнаружения во всей наготе его отживших форм и порядков, и в призыве к содействию нам всех убежденных, как мы, что без ограничения самодержавия и без получения русскими прав личности, свободной от теперешнего произвола,—у России нет выхода...".

Здесь уже не было намека даже на желание взять правительство „измором" и действиями „вне закона", как мечтали либералы начала 80-х годов.

Чем, однако, эта программа отличается от того исповедания веры, какое вылилось из-под пера Михайловского, написавшего для группы народовольцев начала 90-х годов прокламацию „Свободное Слово", в которой вождь народников восклицал: „Только созыв выборных представителей земли и свободное обсуждение настоящего положения рассеют вялость и недоверие общества, сделают ненужными развращающие лотереи, вызовут энтузиазм самоотвержения, который всегда спасал Россию". Сближение народников с либеральной буржуазией шло все быстрее и быстрее, и В. И. Ленин только констатировал этот факт и давал прогноз дальнейшей эволюции народничества, указывая, что единственной революционной силой является пролетариат.

Это превращение когда-то революционного народничества в сущности в партию конституционалистов либеральной буржуазии наиболее ярко выразилось в образовании, как раз в первой половине 90-х годов, уже упомянутой партии „Народного Права", с которой очень тесно был связан и Н. К. Михайловский.

Приветствуя образование этой партии и отметив ее заслуги в деле образования демократической партии, Ленин, однако, говорит: „Партии, так горячо призывающей к борьбе с иллюзиями, не следовало бы других вводить в иллюзии первыми же словами своего „манифеста"; не следовало бы говорить о *социализме* там, где нет ничего кроме *конституционализма*. Повторяю, однако, нельзя оценивать народоправцев, не приняв во внимание их происхождение от народовольцев. Нельзя не признать поэтому, что они делают шаг вперед, обосновывая политическую исключительно борьбу, не имеющую отношения к социализму, политической же исключительно программой. Социал-демократы от всей души желают успеха народоправцам, желают роста и развития их партии, желают более тесного сближения с теми общественными элементами, которые стоят на почве данных экономических порядков и *житейские* интересы которых действительно теснейшим образом связаны с *демократизмом*".

Под данными экономическими порядками Ленин разумел порядки капиталистические и подчеркивал, что на почве отрицания этих порядков и борьбы с ними буржуазная демократия сорганизоваться не может; наоборот, организация буржуазной демократии под знаменем социализма принесла бы огромный вред рабочему классу и делу социализма, затемняя классовое самосознание пролетариата и его организацию. Поэтому социал-демократы, приветствуя всякое самоопределение буржуазной демократии, как политической партии, не должны

забывать буржуазной сущности буржуазной демократии и всеми силами стремиться к созданию боевой социалистической классовой партии пролетариата.

Хотя уже социал-демократы второй половины 90-х годов не могли читать этой замечательной работы (она быстро исчезла, арестованная жандармами), значение ее для социал-демократии было огромно: социал-демократы, первые ученики Ленина, действовавшие тогда в России, читая и переиздавая эту брошюру, учились по ней и сами, усвоивши основные ее положения, сумели внедрить их в сознание своих последователей. Первый раз в сущности в этой работе, независимо и от работ группы „Освобождения Труда" и от чьего бы то ни было влияния, были формулированы основные положения учения Маркса, применены к анализу русской действительности и начертаны задачи, стоящие перед русской социал-демократией.

Ни работы Плеханова, например, „Наши разногласия", ни тем более работы П. Н. Скворцова не имели такого значения для развития русской социал-демократической мысли, как эта брошюра Ленина, изданная на гектографе. Работа Плеханова при всех ее крупных достоинствах страдала одним крупным недостатком,—оторванностью от России, между тем как в брошюре чувствовалась сила „земли", сила той массы, какую вызывал к действию автор, т.-е. пролетариат, уже грозно заявивший о себе.

Б. И. Горев-Гольдман очень метко характеризует то впечатление, какое произвела работа Ленина на современников: „настоящим голосом из подполья, голосом полным злобы на „легальную" и „салонную" публицистику, травившую марксистов, как каких-то выродков в семье благородной русской интеллигенции — голосом, полным сдержанной революционной страсти, прозвучала появившаяся осенью 1894 года анонимная брошюра... „Что такое друзья народа". Говорит об этом и С. И. Мицкевич, указывая на то, что три части этой работы „дали марксистам богатый материал для полемики с народниками, многих привлекли к марксизму и указали работникам правильный путь в их практической работе".

Можно сказать, что эта работа подвела итоги первому периоду истории русской социал-демократии и начала второй период появления социал-демократии, как политической партии.

Первый период возникновения и упрочения теории социал-демократии завершался именно этой работой: были подведены итоги, дана характеристика всем политическим течениям русской жизни, дано обоснование стремлений социал-демократии, была дана программа, хотя бы и в общих основных контурах ее, как теоретическая, так и практическая. Очень долго после этого социал-демократы будут практически биться над ее осуществлением, бороться за нее не только против идейных и классовых врагов, но и в своей собственной среде, и, пройдя через раскол, через неоднократные поражения и победы, только четверть века спустя, после появления этой работы, приблизятся к более или менее полному ее осуществлению.

Несомненно, что, в связи с только что рассмотренной работой Ленина, было бы удобнее перейти к описанию тех организаций, которые и являются самыми типичными для второго периода истории русской социал-демократии—союзов борьбы за освобождение рабочего

класса,—но прежде чем сделать это, необходимо сказать еще несколько слов о социал-демократических кружках в других городах России начала 90-х годов.

Казанская с.-д. организация первой половины 90-х годов.

Кружки переходного типа от народничества к марксизму продолжали свое существование в течение всей первой половины 90-х годов.

К таким кружкам переходного типа следует отнести и казанские кружки 1892—1895 годов. Это кружки, с одной стороны, оставшиеся еще от Федосеева, а, с другой, вновь возникшие в этот период самостоятельно под влиянием пропаганды отдельных социал-демократов.

Это были типичные кружки самообразования, стоявшие на распутьи. Вернее будет определено положение, если сказать, что в это время в Казани из общей массы революционно - настроенной молодежи выделялись две группы,—одна народнического направления, другая марксистского. Вся эта молодежь на почве самообразования об‘единилась в одну общую организацию „клуб“, куда входили и народовольцы—Д. Соскис, П. и О. Аргуновы, Е. Чириков и М. Е. Березин и марксисты: М. Иолшин, В. В. Португалов, адвокат М. Л. Мандельштам, студент З. Таланцев, ст. В. Н. Трапезников, учитель Е. Барамзин.

Здесь на собраниях этого клуба путем докладов и дискуссий выяснялись основные вопросы революционной тактики и программы, и тем самым разделение на совершенно отдельные—народническую и марксистскую—организации только еще больше ускорялось. Ведя споры по поводу таких рефератов, как, напр., реферат о брошюре Плеханова „Всероссийское разорение“, члены клуба только скорей определяли свое мировоззрение. Но независимо от этого клуба И. Х. Лалаянц (он готовился тогда в 1892 г. к поступлению в Ветеринарный Институт) и студент сначала Казанского, а затем и Московского Университета, Митрофан Иолшин, несомненно, уже тогда пытались организовать самостоятельный социал-демократический кружок. Оба они были определенными социал-демократами: И. Х. Лалаянц, как мы видели еще в Федосеевские времена, занимался изучением Маркса, а М. Иолшин также стал соц.-демократом раньше 1892 г. Он имел социал-демократическую литературу („Социал-демократ“ Плеханова и другие издания группы „Освобождения Труда“), сам писал и читал рефераты социал-демократического характера (напр., „О революции пролетариата“) и старался организовать социал-демократический кружок. По крайней мере он намечал для этого кружка О. Кирьянову, ее брата ст. Н. Кирьянова и ст. К. Е. Острянина.

Уже будучи в Москве, он деятельно поддерживал переписку с Остряниным и, повидимому, пытался организовать издание или печатание брошюр „рабочей библиотеки“. В одном из писем к Острянину он писал: „...я думаю, что наша совместная деятельность может иметь при всей невыработанности нашего мировоззрения громадное значение—можно было бы переиздавать русские и переводные популяризации для рабочих, в чем в настоящее время чувствуется настоятельная необходимость почти всеми практиками рабочего класса“... В Казани образовалась группа: И. Х. Лалаянц, Е. Барамзин, Барамзина, Вячеслав, Керчикер, Сигорский и Таланцев.

Но, насколько можно судить, и этот кружок носил переходный характер, так как и по официальным данным и по воспоминаниям он входил в очень близкое соприкосновение с молодежью народнических взглядов. И. Х. Лалаянц, однако, был, как сказано, марксистом, и при его помощи кружку удалось связаться с Вильной, откуда Лалаянц имел возможность получить социал-демократическую литературу. Работа кружка, однако, была прервана в самом начале вследствие провала: Острянин оказался провокатором. Все члены кружка за немногим исключением были арестованы и пошли либо в ссылку, либо под надзор полиции.

Но помимо этого кружка уже с 90-х годов, стало быть, вслед за Федосеевским кружком в Казани образовался социал-демократический центр, откуда и развилось уже более широкое и прочное социал-демократическое движение, так как в организацию вошли рабочие. Организатором и родоначальником этого движения следует считать одного из старейших русских коммунистов Александра Митрофановича Стопани. Сын врача на Пороховом Казанском заводе еще гимназистом он близко, по-товарищески, сошелся с рабочими. Наблюдая жизнь своих интеллигентов-товарищей и жизнь рабочих, он предпочитал общение с последними, потому что интеллигентские кружки самообразования дальше слов не шли. Когда гимназист Стопани своим уменьем подходить к рабочим, своим организаторским талантом и горячим желанием поднять и развить рабочую молодежь собрал вокруг себя несколько человек молодых пролетариев, его работой стали интересоваться более старые революционеры-студенты. К нему обращается студент-медик Н. П. Васильевский с предложением вступить в „революционную“ организацию. С трепетом берет новые связи молодой революционер, но его ждет разочарование: организация „оказалась студенческим землячеством, правда, лучшим из всех, ему современных, как по составу, так и по времяпрепровождению“. „Суть“ была, „повидимому“, не столько в этом землячестве, а в том, что отдельные члены его, уже вполне сложившиеся радикально-народнического склада люди, имели что-то за кулисами этого землячества. Это „что-то“ я вскоре и узнал, и то, что я узнал, не оправдало моих ожиданий. Меня тут же свели с некоторыми из „законспирированных стариков“ народнического типа, имевшими связь с рабочим кружком. Связь эту словно со вздохом облегчения передали мне в полное и безраздельное „владение“, и я, как умел, ею воспользовался, устраивая беседы, снабжая литературой и пр.“ *). Так пишет сам Стопани об этих временах, и, действительно, все то, чему его учили народники,—они ему в наследство передали несколько книг, в роде „Эммы“ Швейцера,—все это Стопани проделал уже давно, когда он еще участвовал в кружке самообразования, оставшемся от Федосеева. Больше того, работа, какую он вел среди пролетариата, была глубже и шире: он сам составил очень хорошую библиотеку, набравши книг из заводской библиотеки, так что в ней была представлена вся лучшая социально-экономическая литература 60 и 70-х годов. Рабочая молодежь скоро выделила из своей среды выдающихся рабочих—Александра Карповича Петрова, Е. П. Табейкина, А. Бурцева и др. Скоро к Стопани присоединился и другой

*) „Пролет. рев.“, № 3 (15)—1923 г.

молодой марксист Н. Э. Бауман. Связи стали расти. А. Петров, через своего брата И. Петрова, завязал связи с Пороховыми заводами, через школьного своего товарища Н. Есюнина—с заводом Крестовникова, через Сапожникова—с районом Адмиралтейской и Игумновой слободы, через Богумеля—с водяной мельницей и заводом Рама, через Семенова—с мелкими предприятиями Казани.

С Алафузовским заводом связи дал рабочий Еф. Табейкин.

Начались регулярные собрания рабочих кружков; но скоро и здесь, как везде, выделилось нечто в роде рабочего комитета, собрание „стариков", более старых рабочих.

Организация разросталась. Интеллигенция и рабочие бились над разрешением одной и той же задачи. Но Стопани и Бауман не нашли ни советов, ни средств у старых революционеров народнических взглядов. Вот как характеризует Стопани влияние этих старых революционеров на новые социал-демократические кружки: „...к моменту зарождения в Казани серьезных предпосылок, нужных для развития марксизма и социал-демократии, эти люди казались уже не нужными и, даже больше того, уже мешавшими образованию новой, действительно революционной формации работников" *). Первым учителем в области марксизма в кружке самообразования являлся присяжный поверенный М. Л. Мандельштам (впоследствии левый кадет), но ясно, что скоро его уроки оказались недостаточными, и Стопани и Бауман ищут самостоятельно ответов на мучительные вопросы, что считать первоосновой,—политику ли, в частности террор, или путь экономической борьбы?

К счастью, в Казань попадает в 1891 и 1892 г.г. социал-демократическая литература (книжки „Социал-демократа", „Наши разногласия", „Всероссийское разорение" Плеханова, „Экономическое ученье" К. Каутского, отдельные номера „Neue Zeit"), и молодые революционеры находят теоретическую опору в своей работе.

Кружок „стариков" тоже ставит перед собой мучительные вопросы. „Они считали", говорит А. К. Петров в своих воспоминаниях **): „что интеллигенция только „навещает" рабочих, что нужно создавать своих рабочих *организаторов*, которые бы создали крепкое рабочее движение. Они предлагали (ставя меня в пример) дать возможность ряду молодых рабочих получить знание в размере средней школы. Для этого предлагалось провести среди рабочих отчисление из своего скромного жалованья, и на собираемые деньги покупались ящиками продукты: чай, сахар, распределялись между рабочими по лавочной цене, и процент, шедший к лавочнику, теперь шел на литературу для рабочих". Отсюда вырос тайный кооператив рабочих.

Есть, однако, основания предполагать, что еще в Федосеевские времена, сам Федосеев организовал такой тайный кооператив в целях об'единения рабочих на кооперативной почве.

Но суть дела, конечно, не в этом, а в том, что и здесь в Казани организация социал-демократии идет тем же путем, что и повсюду,—сначала интеллигентские кружки самообразования, затем критика народничества, искание новых путей, нахождение их и привлечение к делу

*) Пролет. рев., № 3 (15).

**) Там же.

организации пролетариата; рабочие медленно путем долгой и усиленной революционно-культурной подготовки выделяют отдельных выдающихся рабочих. Эти рабочие уже опираются на самую настоящую рабочую массу, и перед ними возникает вопрос, как же взять рабочее дело в свои руки; как в Петербурге, так и везде, они держатся того мнения, что нужна длительная подготовка, чтобы превратиться в организатора и заменить пропагандистов-интеллигентов рабочими.

Жизнь, однако, заставляла отступать от этих схем, и тогда уже рабочим самим приходилось руководить рабочими кружками пропаганды в особенности летом, когда учащаяся молодежь уезжала на дачи.

Постепенно движение росло и ширилось. К организации примыкали новые интеллигенты и рабочие—М. М. Петрова, Пузырийская, Масинзон, Друскина из интеллигентов; из рабочих—Г. С. Кондрашов, Тихонов, Зариф Галеев.

Организовались кружки—мусульманский (организовал Зариф Галеев), еврейский (И. Богумель) и женский (Бурцева, Табейкина).

Пропаганда давала свои плоды. Собрания происходили регулярно по воскресеньям, человек по 20 у Табейкина, Петрова, Сапожникова, Бурцева, Есюнина, Тихонова, Кондрашова, Богумеля и Семенова. Сами рабочие очень часто вели в этих кружках пропаганду.

Пропаганда велась сначала с помощью легальных книг—Эркмана Шатриана, Шпильгагена, Беллами, журналов „Отечественные записки", „Дело" и т. п.; затем переходили к литературе нелегальной—Рабочий день", „Кто чем живет", „Чего хотят социал-демократы", „Коммунистический манифест" и прочие издания группы „Освобождения Труда". По мере развития движения возникал сам собой вопрос,—что же делать дальше, ограничиться ли только пропагандистской работой или перейти к каким-либо другим методам работы.

Стали делать попытки освещать жизнь рабочих в легальной печати: в 1895 г. появились заметки рабочего М. Аргакова в „Волжском Вестнике" об обысках рабочих при окончании работ на Алафузовских заводах, а также заметка Е. Табейкина о недостойном поведении Алафузовского приказчика, но все это не было разрешением вопроса. Расслоение началось и среди казанских марксистов уже в 1894 г.: они делятся на пассивных и активных. Пассивные, по преимуществу старые рабочие стоят за прежние методы работы,—медленное воспитание немногих рабочих путем самообразования, активные, по преимуществу молодежь—стоит за переход к более широкой работе, агитации в массах. Очень хорошо характеризует это деление соц.-демократии В. Н. Трапезников. „Старые", говорит он в одном из своих писем: „стоят за мирные занятия в келье, за какую-то серьезную науку; они хотят „пыль веков от хартий отряхнуть", создать что-то, открыть какой-то таинственный X, открыть который нужды нет, так как он давно известен..." „...Напротив, „новые..." „...не в силах запереться от жизни и не давать ответа на те запросы, которые ставит им несведущая, но жаждущая знаний масса молодежи". Спор разгорался. Между тем А. М. Стопани в 1894 г. уехал в Ярославль; уехали вслед за ним в Н.-Новгород А. К. Петров, Г. А. Тихонов и Г. Д. Коновалов, затем студ. А. М. Петров и временно Г. С. Кондрашов. Работу подхватили новые товарищи Масинзон, Друскина, Пузырийская, Аладьин. Но дни

кружка были уже сочтены. Случайно жандармы напали на след и произвели обыск у рабочего Аргакова, а затем, найдя дневник, который вел один из учеников земледельческого училища, товарищ А. К. Петрова и Г. С. Кондрашова, жандармы произвели полный разгром этой большой организации, о существовании которой они узнали значительно позже ее образования. Жандармы захватили 30 человек, и только Масинзон (впоследствии профессор в Америке) и Аладьин (б. член Госуд. Думы) бежали заграницу, остальные получили ссылку, надзор полиции и тюрьму.

Казанский социал-демократический кружок—один из типичных провинциальных кружков начала 90-х годов; мы увидим далее, что такие кружки появляются в это время во всех более или менее крупных русских городах. И везде в этих кружках рядом с интеллигентами социал-демократами очень скоро под влиянием социал-демократической пропаганды появляются выдающиеся рабочие, как А. К. Петров или Еф. Табейкин. „Это был", говорит А. Петров о Табейкине: „лет 35, молодой, сильный, энергичный рабочий, светлый духом и стойкий в борьбе. У него уже сильно было развито и, можно сказать, кристаллизовалось классовое самосознание. Он был лидером сознательных Алафузовских рабочих и напоминал современного хорошего секретаря районного комитета Р. К. П. Каждый день встречаясь со мной, Табейкин давал сведения о каждом отделении своей фабрики, какая у него связь, кто ее держит, какие настроения среди рабочих, чем живет масса" *).

Эта небольшая по числу, но значительная по своему развитию группка рабочих, гонимая правительством, обыкновенно расходилась в разные стороны и везде, куда не попадала, снова становилась организующим центром, из которого расходились лучи социал-демократической пропаганды. Казань, Нижний-Новгород, Тула, Орел, Харьков, Одесса, Ростов на Дону и множество других городов имели такие кружки и таких рабочих.

С.-д. организация в Нижнем, в первой половине 90-х г.г.

В Нижнем-Новгороде зерно социал-демократического учения было занесено П. Н. Скворцовым и его учеником М. Г. Григорьевым: в 1891 году ими был образован первый марксистский кружок в Нижнем.

До этого времени и здесь существовали, главным образом, студенческие кружки самообразования народнического переходного типа. В этих кружках (еще с 1885—7 годов) (братья и сестры Метлины, Губарев, Богданович, Духовской, Мицкевич и др.) читалась все та же, что и везде, литература („Эмма" Швейцера, „Исторические письма", Чернышевский и т. п.), велись все те же споры, и молодежь ощупью искала новых путей. Окружающая действительность помогала этому самоопределению социалистической молодежи,—растущее рабочее движение, дифференциация буржуазной интеллигенции, ее классовое самоопределение, переоценка ею всех народнических ценностей—все это заставляло искать выхода из того тупика, куда зашла революционная теория и практика.

*) „Прол. рев.", № 3 (15)—1923 г.

Связь с Москвой только ускоряла этот процесс, и, когда в 1890 г. в Нижний попали высланные из Петербурга уже социал-демократы братья Красины, там имелась налицо уже достаточно восприимчивая аудитория.

В течение 1891 года под влиянием П. Н. Скворцова и М. Г. Григорьева образовался марксистский кружок учащихся, а вскоре затем и кружок рабочих заводов Курбатова и Добровых-Набгольц. Состав этих первых социал-демократических кружков был таков: М. А. Сильвин, А. И. Пискунов, З. П. Невзорова-Кржыжановская, С. П. Невзорова-Шестернина, А. П. Невзорова-Лозовская, О. И. Чачина (петербургская курсистка), Кранк, В. Г. Григорьева-Чирикова, М. Ф. Дмитриева, Н. А. и Л. А. Рукавишниковы, реалисты—В. И. Юдин, он же Кудин, Н. М. Степанов, Н. Л. Горячев, Г. И. Сергеев, И. Масловский, П. И. Яшнов, Я. Н. Соснин, А. Кузнецов, М. И. Котов, А. А. Ванеев, П. М. Марышев, И. П. Гольденберг, Е. Е. Лякур, Н. А. Сахаров и А. И. Попов, гимназисты—Р. И. Гайкович, Б. Д. Фридман и Н. А. Вигдорчик; к этому же кружку принадлежали—Н. Н. Распопов, О. Н. и М. Г. Распоповы, А. Е. Сучкова, Н. Л. Киселев, А. В. Амстердамский (врач), Л. А. Кальянова, М. И. Харитина, Л. Н. Добролюбская, Н. Розанова и семинаристы—П. И. Малиновский и А. А. Вилков.

Кружок рабочих, между прочим, включал рабочих Курбатовского завода —А. Н. Замошников (работает теперь в Н.-Новг.), его брат, Ф. Бритов, В. К. Сорокин, Я. Пятибратов-Роганов, А. И. Парфенов; Сормовского завода—А. И. Бронин (работает на зав. Сименса), В. Ф. Шишкин, М. И. Громов; зав. Добровых-Набгольц—Гурвич; типографщики—П. В. Беляевский, Н. С. Лукомский и П. М. Любимцев и ремесленник-позолотчик Яхонтов.

Эта многочисленная группа, без сомнения, не могла не двинуть дела быстрыми шагами вперед. Действительно в течение 1892 и 1893 годов работа развивалась и ширилась. Теперь, под влиянием Скворцова и Григорьева, уже опытного революционера, отсидевшего год в „Крестах“ по Казанскому делу, от народничества не осталось и следа; пропаганда велась в строго социал-демократическом духе: изучали „Капитал“ Маркса, штудировали и вели дискуссии по поводу статей П. Н. Скворцова, работ Эрисмана, Дементьева. В 1893 году вследствие связей с Москвой через С. И. Мицкевича доставали и нелегальную литературу,—сочинения Маркса, Энгельса, Каутского, Блоса, „Neue Zeit“, издания группы „Освобождения Труда“: „Социализм и политическая борьба“, „Наши разногласия“, „Социал-демократа“ Плеханова и т. п. В 1893 году в Нижний был выслан инженер Круковский за связи с рабочими; он и наезжавший из Москвы Мицкевич распространяли уже и более злободневную литературу,—агитационные брошюры и листовки. Работа все же в общем до 1894/5 г.г., когда из-за границы возвратился А. Кузнецов и высланный из Москвы А. С. Розанов, велась так же, как и в других городах, не приобретая широкого агитационного характера. По словам И. С. Мицкевича идейный руководитель нижегородского движения П. Н. Скворцов так представлял себе ход общероссийской социал-демократической работы: „во всех промышленных центрах образуются кружки рабочих, изучающих марксистскую литературу; число их постепенно растет, они заводят между собой связи и образуют рабочую соц.-демократическую партию, которая уже поведет борьбу с правительством и капиталистами. О формах борьбы, об агитации, об

использовании стачек, о демонстрациях он ничего не сказал, очевидно, тогда еще не выяснились те формы рабочего движения в России, которое оно приняло в дальнейшем" *).

Переход к агитационной работе среди широких масс пролетариата, выход, так сказать, на пролетарскую улицу, начался не здесь и несколько позже,—на Западе в районе еврейского рабочего движения и в таких крупных центрах, как Петербург и Москва, и целиком характеризует уже следующий период движения. Тогда же в Нижнем недоверчиво смотрели на эти попытки новаторов и поэтому, когда в 1893 году С. И. Мицкевич пытался применить эти методы и в Н.-Новгороде, тот же „П. Н. Скворцов „не очень одобрительно отнесся" к этой новой тактике. Она стала господствовать уже в 1894 и после и в Нижнем, как и в большинстве городов России".

Как видно из перечня работников соц.-демократов в Н.-Новгороде, это было целое большое ядро, которое выделило очень много выдающихся коммунистов, будущих видных деятелей нашего рабочего движения. С. И. Мицкевич, старейший деятель нашей партии (не только работник Москвы, но и Нижнего), М. А. Сильвин, член Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса", тоже и Ванеев (умер после ссылки от чахотки), З. П. Кржыжановская-Невзорова, ее сестры, Н. А. Вигдорчик, один из организаторов первого с'езда партии (секретарь на заседаниях с'езда и виднейший деятель в Киеве во второй половине 90-х годов, теперь меньшевик), И. П. Гольденберг-Мешковский (член нашего большевистского Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.) и многие другие.

Так социал-демократическая работа разных городов, идущая как будто бы без связи, тем не менее стихийно шла по одному и тому же руслу и, выражая об'ективные течения и стремления растущего с каждым днем стихийного рабочего движения, тысячью нитей связывалась в одну могучую струю: города—центры социал-демократической работы обменивались пропагандистами социал-демократами, из города в город перевозилась новая социал-демократическая литература, завязывались связи с заграницей, с группой „Освобождения Труда".

В настоящее время не имеется данных, как шло образование и формирование социал-демократических организаций по всему поволжью, кроме уже указанных пунктов,—но несомненно одно, что и в Саратове, и в Симбирске и в Пензе и в других крупных центрах, расположенных на Волге, одиночки марксисты работали уже в первой половине 90-х годов, хотя более или менее солидная социал-демократическая организация там возникла только во вторую половину десятилетия. Впрочем, в Пензе еще в конце 80-х и начале 90-х годов работал Теплов и Алабышев, но каковы были формы и содержание его работы, пока еще в подробностях не известно, и вопрос подлежит обследованию. То же самое приходится сказать и о востоке, северо-востоке, России и Сибири. На Урале первое социал-демократическое об'единение возникает, повидимому, к концу 90-х годов, так же как и в Сибири, где социал-демократические организации образуются не раньше второй половины десятилетия.

---

*) Материалы по истории рев. движения, под ред. В. Илларионова, т. II.

Есть, правда, некоторые основания утверждать, что еще в конце 80-х и начале 90-х г.г. существовали социал-демократические кружки саморазвития в Екатеринбурге, где жили Точисский и Протасов, в Перми, где жил благоевец Хлопин, и в Оренбурге, где жили и учились будущие благоевцы — Харитонов, Пушков и где жил также и П. Маслов.

Центр, юг и запад гораздо раньше, чем только что названные местности, были затронуты пропагандой марксизма. Владимир (собственно—Собиновская мануфактура), Орехово-Зуево, Тула, Харьков, Киев, Одесса, Екатеринослав, Ростов на Дону и западный край уже в первой половине девяностых годов и даже, как мы видели, некоторые пункты раньше, переживают переходный момент. Но везде и в этих местах социал-демократические организации выростают из старых в борьбе за новое социал-демократическое мировоззрение.

С.-д. во Владимире в первой половине 90-х г.г.

Во Владимире кружковая работа велась давно среди интеллигенции (там остались еще кружки от Сабунаева и один из членов Федосеевского социал-демократического кружка Кривошея был сабунаевец). К концу 80-х годов там уже существовал социал-демократический кружок самообразования, а в начале 90-х годов, когда во Владимир попал Н. Е. Федосеев, Кривошея вел уже правильную пропаганду среди Орехово-Зуевских рабочих. С приездом Федосеева социал-демократическая организация приобрела очень большую теоретическую силу и постепенно перешла от теоретических разговоров к практике.

В конце лета 1892 г. решено было перейти к широкой агитации на экономической почве. Прокламация, написанная Н. Н. Ивановым, была отпечатана на пишущей машинке на гектографе и распространена среди рабочих. Вскоре после этого состоялось собрание Орехово-Зуевских рабочих, вовлеченных в организацию (кроме Кривошеи очень хорошие связи с вознесенскими и шуйскими рабочими имел еще и Н. Н. Иванов), где присутствовал и Федосеев с Кривошеей.

Несчастная случайность открыла жандармам глаза, и они с радостью воспользовались ею, чтобы арестовать такого выдающегося человека, как Н. Е. Федосеев. Кроме него, были арестованы Кривошея, Яков Попков и рабочие Алексей Алекторский, Иван Щиблетов, Ефим Гусев и А. А. Андреевский.

Федосеев жестоко поплатился за эту первую и последнюю попытку начать работу среди пролетариата, но дело, начатое им и его товарищами, не заглохло, и работа среди Орехово-Зуевских рабочих продолжалась все время в течение девяностых годов.

И там уже выделились рабочие, которые сами могли вести дело.

Один из старейших участников Владимирского кружка, Н. Л. Сергиевский, дает такую характеристику одному из подобных рабочих: „Штиблетов, „потомственный пролетарий", как его называл Н. Е. (Федосеев), совершенно оторвавшийся от земли. Уже отец его окончательно переселился на фабрику, а сам он воспитывался в фабричной среде; никаких собственнических тенденций в нем не наблюдалось. Для него была ясна невозможность выйти из положения эксплоатируемого капиталом иначе, как при условии радикального изменения буржуазно-

капиталистического общества. Будучи социалистом по психологии и признавая необходимость борьбы с капитализмом, он не заблуждался в вопросе о политике; на ряду с экономической борьбой, он считал необходимым для пролетариата участие в борьбе за лучшие политические условия. Выработав свое миросозерцание, помимо всяких интеллигентских влияний, он представлял собою образчик рабочего-социалиста, вышедшего из недр самого пролетариата с вполне готовой идеей класса" *).

Но таким же, или близким к этому типу, был и другой, уже старый, рабочий Алекторский; из него жизнь тоже сделала „непримиримого врага существующего политического и социального строя, с которым он готов был бороться, не покладая рук".

И кроме этих двух, не подлежит никакому сомнению, были еще рабочие, уже подготовленные всем ходом экономики и жизни к восприятию социал-демократических идей и методов борьбы. Орехово-Зуево, Шуя и Иваново-Вознесенск в этом отношении ничем не отличались от других местностей страны.

С.-д. организация в Туле в первой половине 90-х г.г.

Социал-демократические организации в Туле ведут свое начало с первой половины 90-х годов и связаны с именами старейших деятелей социал-демократии в России—Мефодиевым, Хинчуком, А. А. Богдановым (Малиновским) и В. А. Рудневым (Базаровым).

Но революционное рабочее движение в Туле, без сомнения, началось гораздо раньше. И здесь, как везде, пропаганду среди рабочих начали народовольцы. В 1883 году высланные в Тулу народовольцы—Минор, Ив. Гусев, Чеслав Петрашкевич, В. Новицкий, В. Головкин, Терешкович и рабочий Иван Едуков организовали несколько кружков: в 1883 году железнодорожный, городской, а в 1884 году при техническом железнодорожном училище и при Патронном заводе. В железнодорожный кружок входили: Егор Ананьев, И. М. Жигалев, Ломоносов и Киреев; городской кружок состоял из С. А. Басова-Верхоянцова (потом с.-р., а с 1917 г. коммунист), Афанасьева, Е. Некрасова и др. В кружок технического училища входили: Гр. Прокофьев, Егор Фирсов и Николай Баконин, в кружке же при Патронном заводе находились: Воропаев, Дмитрий Некрасов и Едуков.

Эти народовольческие кружки, организованные, повидимому, главным образом Едуковым и Воропаевым, и подготовили почву для социал-демократии. Кружки эти проделали большую революционно-подготовительную работу: в них читались произведения Лаврова, Крапоткина и вообще нелегальная литература. В 1885 году ссыльные народовольцы уехали из Тулы, но работа среди рабочих не замирает; в следующем году организуется новый кружок на Оружейном заводе в составе Гр. Прокофьева, Акима Спасского, Василия Щербакова и Алексея Кондратьева. Аресты 1884 года в связи с провалами в Москве и разгром нелегальной типографии в 1887 году революционной работы не остановили, и только влияние социал-демократи-

*) Н. Е. Федосеев. Сб. Истпарт. М. 1923 г.

ческой пропаганды в начале 90-х годов направляет эту работу в другую сторону. Революционеры, тяготевшие к народовольцам, образовали особую группу (М. Лаврусевич, Ломакин, М. Шульгина, С. Басов, Холевинская, Петрашкевич О. и рабочий Прокофьев), а приехавшие в Тулу, высланные из Петербурга, брусневцы повели уже настоящую соц.-демократическую работу.

Этими рабочими были члены брусневской группы Гавриил Мефодиев, Василий Буянов, Николай Руделев, М. Минаков, Побединский-Словинский, Николай Дмитриев, Лебедев, Г. П. Можайский; их приезд падает на 1891—2 годы, а в 1893—4 годах к ним прибавилось еще несколько высланных—Макаров, Еремеев, Поляков и др.

Таким образом, мы встречаем здесь старых знакомых брусневцев Мефодиева, Буянова, Руделева, связанных, как мы знаем, очень крепкими узами с Петербургским и Московскими брусневскими центрами. Эти рабочие, уже определившиеся социал-демократы, привезли в Тулу свой опыт, свои знания, конспиративную выучку, уменье организаторов, а также и свои связи. Они и начали дело в Туле на тех же началах, как в Петербурге: организовали рабочие кружки пропаганды и рабочий революционный центр из пяти человек по одному представителю от кружка. В этот центр входили: от железнодорожных мастерских Егор Ананьев, от Патронного Завода—Г. Мефодиев, от Оружейного Завода—Григорий Прокофьев, от Городского района—Сергей Басов и от Технического училища—Николай Баконин. Центр развил очень большую работу. Руделев, Буянов и Мефодиев сорганизовали кружки в Заречье и Чулкове. Во все эти кружки входило человек до 50 рабочих. Наиболее выдающимися, кроме уже названных членов, были еще М. Полосатов, Красулин, Руднев, Димитриев („Матросик"), Григорий Павлович Можайский (член „Северно-Рабочего Союза" С. Халтурина). Центр поддерживал очень деятельные сношения с Петербургом и Москвой.

Что же это были за кружки и что за работа велась в этот период в Туле? Несомненно, что, несмотря на социал-демократические взгляды таких людей, как Мефодиев, Буянов, и другие тульские кружки первой половины 90-х годов были переходного типа: в них читались нелегальные марксистские брошюры, напр., Каутского, В. Либкнехта, Маркса, велась социал-демократическая пропаганда, но элементы народничества все же были налицо, ведь много участников движения жили еще народнической идеологией, напр., С. Басов, Можайский, Прокофьев; о городской интеллигенции говорить не приходится, она, пожалуй, целиком стояла на народнических позициях.

Организация была разбита жандармами в течение 1892—1893 годов вследствие провалов в Москве и разгрома брусневской организации. Мы знаем теперь, что причинами этих провалов было предательство не только Егупова, но и Руделева.

В связи с разгромом этой организации полиция напала на след и другой налаживавшей дела организации, связанной с именами Хинчука и Шлихтера (последний был связан с Хинчуком по загранице).

Хинчук еще в 1890 году, живя в Симферополе, а затем в Севастополе, организовал кружок самообразования. В этот кружок входили Полонский, Гершанович, Роза Клячко и Левин. В то же время С. Р. Гольденберг в Туле близко связалась с рабочими, являвшимися частью Брусневской организации, Н. Руделевым (потом предателем),

Г. Ананьевым, Е. Марущуком и Шемякиным. Кроме этих связей у нее были еще связи с Саратовом (фельдшер И. В. Розанов, Сафонов и Сердобинцев), а также с народниками С. А. Басовым (ныне коммунист) и рабочим Г. И. Прокофьевым и с Петербургом (фельдшерица А. А. Тейтельбаум).

В 1890—91 году Хинчук и Полонский уехали за границу, где и поступили слушателями в Бернский университет. Здесь они встретились с А. Шлихтером и Т. Лувищук (впоследствии Шлихтер), тоже слушателями университета, и все они втроем вошли в кружок самообразования. Хинчук скоро очень близко сошелся с Плехановым и это знакомство имело огромное значение для ознакомления юных революционеров с основами марксизма. „В Берне", говорится в воспоминаниях Хинчука: „образовался кружок из 12—13 человек. В этот кружок вошли я, Шлихтер с женою, тогда еще Лувищук, и другие. Настроение было бодрое, боевое. Из этого кружка только я и Шлихтер с женою приняли точку зрения „Наших разногласий" или „Группы Освобождения Труда" *).

Здесь заграницей молодые люди окончательно оформили свое миросозерцание и рисовали себе планы своей будущей деятельности в России. В одном из своих писем к Гольденберг он развивает мысли, что для успеха работы среди пролетариата необходимо поступить рабочим на завод, „чтобы работать не только физически, но и духовно среди рабочих, способствуя, главным образом, их классовому сознанию".

Как представлял себе задачи социал-демократа тогда этот кружок Хинчука, можно видеть хотя бы из собственных писем Хинчука по этому поводу:

„При условии правительственного гнета в России, отсутствии свободы печати и т. п. возможно лишь медленное достижение цели путем поднятия умственного уровня рабочих". Подготовить протестующую силу из рабочих Хинчук считает бесспорно хорошей задачей, „но необходимо действовать", говорит он: „по отношению к рабочему „сверху вниз"... „... при нынешних условиях иная деятельность невозможна: прежде развития протестующего чувства необходимо поднять умственное и нравственное сознание... Только тогда возможно ждать благоприятных результатов, так как понявшие, при разумных руководителях, смысл жизни, несомненно, проникнутся протестующим чувством, и тогда уже деятельность определена и функции общества будут осуществляться с удивительной быстротой; но мешкать нечего..." **). Эта выдержка из письма Хинчука в Тулу к Гольденберг, где уже существовало оставшееся еще от брусневских времен общество или кружок с целью поднятия умственного и нравственного уровня рабочих. В этом кружке, как уже было указано, участвовали не только сочувствующие социал-демократии, но и народники, и потому попытки Хинчука двинуть развитие рабочих необходимо рассматривать, как попытки превратить этот кружок переходного типа в социал-демократический.

За эти попытки самодержавие жестоко расправилось с Хинчуком и его товарищами: Труш, привлекавшаяся по его делу, получила 8 лет

*) См. „Пролетарская револ." №. 7—22 г.
**) Обзор жанд. дозн. за 1892 г.

восточной Сибири, а супруги Хинчуки по 5 лет, Шлихтер, Лувищук и Прокофьев были высланы в Вологодскую губернию по 5 лет, Тейтельбаум на 3 года, остальные попали под надзор полиции в разные местности, назначенные жандармами.

Социал-демократы в Одессе в первой половине 90-х годов.

Но если в центральной России, даже в таких крупных рабочих центрах, как Тула, дело социал-демократической пропаганды не выходило за пределы первоначальных небольших кружков просвещения рабочих в социал-демократическом духе, то на юге России пропаганда в таких крупных центрах, как Одесса, Екатеринослав, Ростов на Дону, Харьков и Киев, уже в начале 90-х годов получила более значительное развитие, захвативши широкие круги рабочих. В этом отношении Одесса выделилась уже в конце 80-х и начала 90-х годов. Работа, начатая Д. Б. Рязановым, не пропала даром. Из тех интеллигентских кружков, что соприкасались с ним и где он вел пропаганду, вышло несколько выдающихся соц.-демократов, играющих роль и сейчас в нашем движении, это—Ю. М. Стеклов (Нахамкес), Г. В. Цыперович и Павлович (Вельтман).

Кружки самообразования в Одессе ведут свое начало еще со времен народничества; в этом отношении большую роль здесь сыграло Одесское ремесленное училище „Труд". Учащиеся этого училища, несмотря на свое в большинстве случаев буржуазное происхождение, представляли очень развитой и революционно настроенный элемент: это были молодые люди, которые не могли ужиться в душных стенах наших казенных гимназий и которые очень часто вынуждены были покидать эти стены за свой протестующий характер и революционные устремления. Хороший же состав учителей (напр., Л. Шахрай, Мезеричер и др.) способствовал очень основательному развитию учеников в общественном отношении: Шахрай, напр., давал такие темы классных и домашних сочинений, как об утопическом и научном социализме, о Фурье, Лассале, Чернышевском. Большое влияние на учеников оказывал и преподаватель Фокс, мастер-модельщик, знакомивший учеников с пролетарским движением Западной Европы.

Большое значение для кружков саморазвития, составленных из учеников и подмастерьев, из мастерских училища „Труд", так называемых „трудников", имел социал-демократ полтавец Орловский. Под его руководством образовались кружки, дожившие до времен первого с'езда и, стало быть, давшие деятелей социал-демократического движения этого периода. Рядом с Орловским работал и другой соц.-демократ Вейнштейн (б. в период 1905—1907 г.г. секретарем ЦК РСДРП), курсистка Ганелина, и под их руководством функционировало несколько мужских кружков, куда входили М. Г. Даргольц, Гринштейн, Мильман, Рудавский, Даревский, М. Вернер, Лехтман, Шер, Меерсон и, впоследствии, кружок женщин, где находились А. Л. Соколовская (впоследствии руководительница Николаевской организации), И. Даргольц (Липовецкая), М. Барвинская („Зверь"), Р. Ляховецкая и др. И Орловский и Вейнштейн были связаны с другими марксистскими кружками самообразования (где, между прочим, участвовали сестра Рязанова и будущая жена Стеклова) и наоборот—Стеклов вел пропаганду в кружках

трудников. И Стеклов и Цыперович стали соц.-демократами под влиянием пропаганды Д. Б. Рязанова. После недолгого увлечения народовольчеством путем основательной подготовки и Стеклов и Цыперович самостоятельно подошли вплотную к вопросу о несостоятельности народовольческой теории и программы, но только влияние Д. Б. Рязанова положило конец всем колебаниям и сомнениям молодых революционеров.

„Стоило одному пропагандисту, незадолго до того прибывшему из-за границы, начать перед нами свою речь следующими словами: „в основе всего исторического процесса лежат факторы экономические", и мы сразу почувствовали, что внутри нас что-то оборвалось и что незаметное, постепенно совершавшееся в области нашего „подсознательного" накопление идей нашло себе выражение в этой короткой и решительной формуле. Мы сразу признали себя социал-демократами. И хотя наш старший товарищ (теперь известный с.-д.) затем прибавил: „я не с.-д., а просто марксист", но это не могло уже изменить дела. Мы признали себя именно с.-д." *).

Ю. М. СТЕКЛОВ.

Так рассказывает Ю. Стеклов о влиянии на них, молодых людей, пропаганды марксиста Д. Б. Рязанова. Это влияние, впрочем, не ограничилось кратковременной пропагандой: очень скоро арестованный и надолго запертый в „Кресты", Д. Б. Рязанов, однако, оставил в наследство соц.-демократическим одесским кружкам систематические каталоги для чтения, которыми пользовались в своей пропаганде и Стеклов и Цыперович.

Что не удалось сделать Рязанову, то очень скоро осуществили Стеклов и Цыперович. Пользуясь старыми связями революционных кружков с рабочими, Стеклову и Цыперовичу удалось связаться с рабочими и затем при помощи двух выдающихся личностей Одесского движения—штурмана дальнего плавания Ивана Михайловича Калашникова и слесаря Леонида Павловича Яковлева, развить большое движение (Связи с Калашниковым дал ст. Волошкевич, тогда толстовец, а затем видный большевик).

На личности этих двух замечательных людей стоит остановиться, так как они до известной степени являются типичными для движения

*) „Борцы за социализм", Ю. Стеклов. М. 1918 г.

первой половины девяностых годов и напоминают такие же фигуры рабочих, какие мы имели случай наблюдать в других пунктах России того времени. Вот какими чертами описывает Ю. М. Стеклов Калашникова: „Вольный штурман Иван Михайлович Калашников оказался самым ценным приобретением для нашего кружка. Несмотря на свою молодость (ему было около 20 лет), он до знакомства с нами успел уже побывать в разных странах, потереться среди людей и нахвататься с разных сторон обрывков знаний и впечатлений, сложившихся в его горячей голове в своеобразную систему бунтарства. Самоуверенный, бойкий, как все матросы, он был хорош, когда, широко расставив ноги и заложив руки в карманы, вдруг начинал развивать какой-нибудь блестящий план рабочего движения. Развернутая перед ним картина могучей рабочей организации, охватывающей все слои одесского пролетариата, затем распространяющейся по всему югу России и, наконец, соединяющейся с другими русскими городами для создания гигантской социал-демократической рабочей партии, увлекла его своей грандиозностью. С этого момента он знал „одну лишь пламенную страсть, одной лишь мысли вдохновенье“ и все силы своей богато одаренной натуры посвятил пропаганде среди рабочих. Ознакомившись с нашими целями, он сразу отказался от своих кровавых замыслов и впоследствии вспоминал о них с добродушной улыбкой. Для большой продуктивности своей работы он поступил на службу в качестве простого матроса и, переходя с парохода на пароход, нигде не заживаясь долго, он пропагандировал, агитировал, просвещал, убеждал, организовывал и вообще не знал ни минуты отдыха. С его присоединением к нашему кружку дело сразу было поставлено на широкую ногу“ *).

Калашников, как Стеклов и Цыперович, получил самое тяжелое наказание: десять лет ссылки в Восточную Сибирь.

Другая не менее интересная фигура это—слесарь Яковлев.

По словам его товарищей, это был „самый выдающийся из наших рабочих. Умница, начитанный, говорит, как оратор. И смелый на удивление, не боится никого. Всегда во главе рабочих, которые преклоняются перед ним“.

„Внешность этого человека“, описывает его Стеклов: „сразу привлекала и приковывала к себе внимание. В парусиновой блузе, подпоясанной шелковым шнурком с бледным выразительным лицом, обрамленным черною окладистою бородою, стройный и изящный, с певучим голосом, он производил впечатление профессора, писателя, вообще человека интеллигентного в лучшем смысле этого слова. Что сразу бросалось в глаза при взгляде на этого человека, так это глубокая грусть, сквозившая и в выражении его тонкого, благородного лица, и в тоне его мелодического голоса и в усталых движениях“ **).

Дошедший почти до отчаяния среди мрака и гнета рабочей жизни, он пил запоем и безнадежно смотрел на будущее Но, познакомившись с социал-демократами, открывшими ему глаза, он окунулся с головой в революционную работу.

С помощью таких рабочих скоро организация соц.-демократов проникла почти повсюду. В 1894 году уже действовали кружки паро-

*) Ю. Стеклов. „Борцы за социализм“.
**) Там же.

ходных машинистов и слесарей, городские кружки ремесленников, матросов и кочегаров, рабочих железнодорожных мастерских, сапожников на Молдаванке, кружки строительных рабочих. Никакой общегородской организации не существовало, и все кружки связывались двумя главными действующими лицами—Стекловым и Цыперовичем. Кружки испытывали недостаток в литературе, так как, несмотря на связи с заграницей завязать сношения с группой „Освобождения Труда" не удалось. Пропаганда велась устно и при помощи той немногочисленной литературы, какая имелась тогда налицо в Одессе,—„Кто чем живет" Дикштейна, „Коммунистический манифест" и т. п.

Недостаток нелегальной литературы пополнялся подходящими легальными книгами и статьями,—„Пролетариат во Франции" Михайлова, Ланге „Рабочий вопрос", Луи-Блана „История революции", брошюра Ватсона о коммуне, Ланжеле и Корье „История революции 18 марта", сочинения Чернышевского и т. п.

Какие же задачи ставили себе социал-демократы в Одессе в 1893 и 1894 годах?

Они полагали, что им „придется ограничиться только созданием кружков и подготовкой сравнительно немногих сознательных рабочих, которые в момент революции могли бы стать во главе народных масс". Считая политическую революцию очень близкой, они полагали, что создать сильную рабочую партию невозможно и что потому необходимо поскорее подготовить сознательных и выдающихся рабочих, которые могли бы стать во главе пролетариата в тот момент, когда абсолютизм под напором революционной стихии пойдет на соглашение с буржуазией и когда, стало быть, организованное выступление пролетариата может не дать буржуазии использовать победу исключительно в своих эгоистических классовых интересах.

Пропаганда велась исключительно в социал-демократическом духе, но, как видно из только что сказанного, ход революционного движения представлялся самим руководителям далеко не ясно: слишком близки еще были времена „Народной Воли", слишком сильны были еще пережитки старых взглядов, и нужно было, чтобы широкое рабочее движение заявило о себе, как о факторе, действующем по всей стране; нужно было, чтобы в результате этого движения не осталось ни одного крупного центра в России, где не существовало бы социал-демократической организации; нужно было все это, чтобы был поставлен вопрос об общероссийском об'единении и, главное, чтобы он был разрешен. Правда, как раз в тот момент, когда Одесская организация доживала свои последние дни, этот вопрос был поставлен Лениным в его работе „Что такое друзья народа", но потребовалось еще не менее четырех лет для того, чтобы сделать хотя первые попытки общероссийского об'единения.

Конечно, Одесская организация уже чисто социал-демократическая, народничества в ней нет, но вместе с тем в ней нет и той четкости, резкости и удивительной теоретической ясности, какой обладала соц.-демократическая организация последующих времен, особенно там, где выступало левое ортодоксальное ее крыло (Цыперович, рассказывая на допросе о своей работе, прямо называет себя соц.-демократом и говорит, что он изучил Маркса и составил себе соц.-демокр. программу; также показывал на допросе и Стеклов).

Одесская организация это—тип организации уже окончательно переходящей к социал-демократии, последний, так сказать, шаг в той эволюции, какую переживала революционная работа в этом городе.

Провал организации, последовавший 28 января 1894 г., очень дорого обошелся одесским соц.-демократам: в тюрьму попало множество народа и более полсотни человек понесли очень суровые и тяжелые кары: 54 человека в административном порядке были высланы в Сибирь, северные губернии, в тюрьму, под надзор полиции. Стеклов, Г. Цыперович и Калашников получили 10 лет ссылки в Колымск, Вельтман и Шиф—пять лет Восточной Сибири; Волошкевич, Яковлев, Березовский и Я. Цыперович—ссылку в Вологодскую губернию; Бугаевский, Вейнштейн, Санжур, Нагоров, Ошманец, Дериглазов, Пименов, Малицкий, Сойфер—получили тюремное заключение на разные сроки, остальные—надзор полиции.

Соц.-дем. организация в Ростове на Дону в первой пол. 90-х г.г.

Рабочая организация Н. Мотовилова, развернувшая свою работу в Ростове на Дону отчасти рядом с организацией Ю. Д. Мельникова еще в 1889 г., особенно энергично работала в 1890 и 1891 годах. Но эта интересная попытка об'единения рабочих еще обеими ногами стояла на почве народнических взглядов, несмотря на то, что некоторые методы ее работы носили уже новый не народнический характер (напр., мысль Мотовилова о рабочей открытой политической демонстрации на улице). Интересна эта организация еще и тем, что рабочие, подготовленные ею, в начале девяностых годов перешли прямо в первую ростовскую социал-демократическую организацию.

В этой организации выдающуюся роль играли В. Я. Алабышев и А. Машицкий.

Эта организация, между прочим, замечательна тем, что А. Машицкий, здравствующий и поныне, по словам члена этой организации, работающего в нашей партии коммуниста Карпузи, не имея под руками подходящей соц.-дем. литературы, сам взялся за переводы такой литературы с немецкого. Что касается Алабышева, то он был очень хорошо связан с Казанью, откуда он прибыл в Ростов уже определенным социал-демократом.

Им удалось завязать связи с рабочими в мастерских Владикавказской жел. дороги и образовать несколько кружков.

Рабочие слесаря Ф. А. Великий, И. Вовк, А. Солдатов, Е. Ф. Ананьев и котельщик П. И. Шамуров сами руководили кружками. Особенно же деятельное участие в работе принимали рабочие Иван Козин, Алексей Болдырев, Д. Шестопалов и Солдатов.

Рабочий Прокофьев связал организацию железнодорожников через Торсуева (служащего Влад. жел. дороги) с работницами табачной фабрики Асмолова.

Связи разростались; к началу 1894 года в организации было уже около 150 рабочих и кружки существовали на всех крупных предприятиях города. В организацию вступил и П. А. Моисеенок, руководитель Морозовский стачки, недавно возвратившийся из ссылки. Он и здесь сыграл крупную роль: в ноябре 1894 года организация руководила большой железнодорожной забастовкой, которая была подготовлена

всей работой нелегальных кружков. Имелась и довольно хорошая группа интеллигентов, обслуживавшая кружки. Организация провалилась вследствие предательства рабочего П. Ветрова, но, несмотря на большие аресты, дело не остановилось, и кружки продолжали существовать: в 1895 году снова создается центр (Тимохин, Мелешко, Торсуев, Торсуева, Невский и др.) и рабочая периферия. Из этих рабочих кружков и интеллигентской группы и выросла потом та замечательная организация, которая была впоследствии известна под именем „Донского Комитета".

Характер этих рабочих кружков 93—95 годов был, несомненно, уже социал-демократический, вернее из кружков и остатков народнического направления создавались чисто социал-демократические кружки. Одна из деятельниц ростовского рабочего движения так рассказывает о характере вновь возникавших кружков под воздействием пропаганды Машицкого и Алабышева:

„Наш кружок начал новое дело, питаясь литературой из обособленного, почти растаявшего кружка интеллигентов. Кружок получился смешанный. Торсуев уже был знаком с учением Маркса и предложил читать „К развитию монистического взгляда на историю" Плеханова. Горбунов и Прокофьев стояли за „Экономические записки" Карышева, В. В. Михайловского и прочих народников.

Я же хотела узнать, как можно больше, и читала и то и другое. Торсуев вел непрерывную полемику с народниками" *). Автору воспоминаний казалось, что их кружок начал новое дело, но в действительности эти кружки 95—6 годов были только продолжением кружков Машицкого и Алабышева 93—94 годов, кружков, которые сами родились в борьбе с народническим течением организации Мотовилова и одновременно и даже еще ранее существовавшей организации Ю. Д. Мельникова. Уже тогда в первой половине девяностых годов социал-демократическое движение разрывало кое-где узкие местные рамки и стремилось охватить более широкую территорию, чем один город: Мельников связывает Харьков и Ростов, Мотовилов—Ростов и Таганрог. Мало того, уже тогда одиночки марксисты, как Машицкий и Алабышев ведут социал-демократическую работу и вырабатывают выдающихся рабочих, являющихся дальнейшими организаторами движения. И в Ростове, как и в других городах, выделяются замечательные рабочие, собирающие под соц.-демократическим знеменем еще новые незатронутые массы: Козин, Мочалов, Торсуева и др.

Соц.-дем. организация в Екатеринославе в первой пол. 90-х г.г.

И в Екатеринославе развитие социал-демократической организации прошло такой же путь, как и везде.

Т. М. Рубач **) считает, что после провала народовольческих организаций Оржиха в Екатеринославе в 1886 году наступает период переходных кружков, о которых он говорит так: „В последующее время

*) См. сб. Истпарта „К 25-летию Первого с'езда".

**) См. его статью в книге изданной Екатеринославской комиссией по истории Окт. рев. и РКП. „История Екатеринославской соц.-демокр. организации 1889—1903 г.г." Екатер. 1923 г.

до 1889 года, здесь в Екатеринославе из числа высланных сюда под надзор полиции народников и местной интеллигентной молодежи существовали разные полулегальные кружки, являющиеся по своему идейному направлению смесью народничества и толстовства. Некоторые носили характер почти легальный, занимаясь изучением специальных вопросов литературы и вообще самообразованием".

Действительно, до 1889 года до приезда в Екатеринослав Павла Точисского и Мунблита собственно соц.-демократических кружков в Екатеринославе не было. Такие кружки, как кружок, где участвовали Л. Сталь, А. Перель, Гр. Полонский, Гр. и Д. Нейфельды, были настоящими кружками переходного типа: в самом деле, в этом кружке принимали участие народовольцы Григорий Энштейн, читалась народовольческая и народническая литература („Исторические письма" Миртова, Чернышевский и т. п.). Л. Сталь характеризует этот кружок, подобный сотням таких же кружков самообразования тех времен в других городах, следующими словами: „Народничество сливалось с толстовством. Струю толстовщины внес в нашу среду Григорий Нейфельд, который марксистом не был. Мы переживали тогда эпоху маленьких дел, и проповедь Толстого о непротивлении злу насилием вызывала сочувствие среди молодежи. Мы читали „Исповедь" Толстого и другие его нелегальные произведения. Но мы воспринимали только их революционную сторону, которая заключалась в критике существующего строя. Мы горим революционным огнем и хотим бороться насилием против насилия" *).

Дело сразу меняется, когда приезжают в Екатеринослав Мунблит и в особенности Точисский. Влияние Григория Ефимовича Мунблита было очень велико в теоретическом отношении, а с приездом П. Точисского в 1889 году кружки самообразования превращаются в соц.-демократические кружки. П. В. Точисский приехал в Екатеринослав уже сложившимся с.-демократом, проделавшим огромную работу в Петербурге, с организационным опытом и с определенными, как мы видели, взглядами на роль интеллигенции в рабочем движении: он видел в интеллигенции только временную подсобную силу.

Вскоре вслед за Мунблитом и Точисским в Екатеринослав приехал Тейтельбаум. Он учился в Швейцарии, был связан с группой „Освобождения Труда" и, как утверждает т. Рубач, возвратился в Россию по поручению группы с целью обследовать местные с.-д. организации. Он и Мунблит доставляли в Екатеринослав и нелегальную марксистскую литературу. Под влиянием Тейтельбаума и Мунблита образовалась новая соц.-демократическая группа, в которую входили члены гимназического кружка самообразования: Г. Лейтайзен (Линдов), Р. Фрейдель, Лейбов и Вульфович.

Работа этой группы становится уже в полном смысле соц.-демократической: все участники кружка с самого начала примыкают к соц.-демократии, они не имеют народнических традиций, и, завязав связи с рабочими, они несут в рабочую среду уже чисто соц.-демократическое учение.

Сначала организуются рабочие ремесленники (Кац, Файн, Метлицкий), а затем в 1893 году и рабочие Брянского завода.

*) Т. М. Рубач, стр. 2.

В следующем 1894 году в Екатеринослав приезжает Григорий Мандельштам, а в начале 1895 А. Винокуров. Таким образом, работа, начатая В. Тейтельбаумом, была подхвачена А. Н. Винокуровым, Г. Мандельштамом, Г. Лейтайзеном (Линдов) и Фрейделем. Эта группа интеллигентов соц.-демократов завязала связи с ремесленниками и рабочими Брянского завода. В 1894 году уже организовался в полном смысле соц.-демократический кружок в составе, кроме перечисленных интеллигентов, следующих рабочих: И. П. Мазанова, А. И. Смирнова, Афанасьева Б. А., И. Гудимова, Тома А. Ф., Белкина С. И., Димитрия Ефимова (это были рабочие Брянского завода), а затем и Норинского, высланного из Петербурга и ремесленников Файна, Каца и Рольника.

Распропагандировал своих товарищей Брянского завода Димитрий Ефимов, уже знакомый с группой интеллигентов: он начал свою пропаганду с разговоров о непорядках, какие царили на заводе, и о той нечеловеческой эксплуатации, какую чувствовали все рабочие на своей спине.

Увидав, что его товарищи Смирнов и Мазанов сами ищут ответов на тревожащие их вопросы, он дал им брошюру Дикштейна „Кто чем живет", „Речь Алексеева" и „Речь Варлена", затем, познакомил их с Линдовым и, таким образом, положил начало первому кружку.

Деятельность этого первого кружка в Екатеринославе заключалась в экономической агитации среди екатеринославских рабочих,—за 8-ми часовой рабочий день и вообще за улучшение жизни рабочих; собирании сведений о положении рабочих; распространении нелегальной литературы и ознакомлении с рабочим движением Западной Европы и наконец в политической агитации (требования свободы собраний, слова. печати и т. п.).

Но, чтобы проводить такую работу, необходимо было выработать из самих рабочих организаторов, пропагандистов и агитаторов. Для этого интеллигенты соц.-демократы вели занятия с центральным рабочим кружком более серьезные, чем со вновь возникающими кружками: здесь, кроме обычной нелегальной литературы, читались такие книги, как лекции Ключевского, Липперт, Тейлор, Шелгунов и, наконец, сочинения Энгельса и даже „Капитал" Маркса.

Литература (нелегальная и легальная) доставлялась из Москвы, с которой установилась прочная связь в лице А. Н. Винокурова, тогда уже вполне определившегося марксиста. В этом кружке вели занятия Винокуров по политической экономии, естествознанию и охране труда, Линдов по истории рабочего движения, Григорий Мандельштам по общей истории и истории революций.

Мандельштам играл в организации очень большую роль: он был тем революционным бродилом, которое создавало из революционеров не любителей просвещения, а настоящих революционеров борцов.

„Сутулый, изможденный, с удушливым кашлем, он казался нам как бы затравленным, совершенно беззащитным человеком. Помню, после обычных наших расспросов о положении дел на заводах и фабриках города, он заявлял: „ну, а теперь перейдем к истории" и начинал свои устные передачи каких-либо событий из истории народов или государств.

Нужно было видеть его в это время: он преображался, из сутулого он делался прямым, и удушливый кашель оставлял его.

Каждый из нас старался не проронить ни слова и мы уходили с его исторических рассказов просветленными и еще с большим жела-

нием послушать нашего историка. Помню его определение истории: „История есть повествование о борьбе двух классов: класса угнетателей и класса угнетаемых; как в природе есть свет и тьма, тепло и холод, огонь и вода, два вечно борющихся начала, так и в жизни народов, через всю историю человечества проходит красной нитью классовая борьба, принимая ту или иную форму, но по существу оставаясь неизменной“ *).

По существу, формы организации и в Екатеринославе были таковы же, как и в других городах: во главе стояла группа интеллигентов и вместе с распропагандированными ею рабочими составляла центральную группу; интеллигенты занимались с рабочими и подготовляли из них самостоятельных работников соц.-дем.; они же связывали Екатеринослав с Москвой и другими городами; рабочие вели работу в массах и завязывали новые связи с рабочими.

Очень быстро связи у этой первой организации расширились настолько, что, несмотря на воздержание от устройства больших собраний, организация в августе 1895 г. провалилась.

Были арестованы и, после 17 месяцев предварительного заключения, отправлены на 3 года в Восточную Сибирь—Мазанов, Смирнов, Гудимов, Томм, Файн, Кац, Афанасьев и Белкин. Другие понесли менее суровые наказания.

Конечно, эти аресты движения не прекратили и рабочие сами дальше повели работу и во второй период движения создали уже более прочную и широкую организацию.

Южно-русские организации первого периода истории русской социал-демократии получили свое наиболее совершенное и типичное выражение в лице Киевской социал-демократической организации, к описанию которой мы и переходим.

Киевская с.-д. организация первой половины 90-х г.г.

Киевский кружок интеллигенции образовался в 1891 году, состоял сначала из четырех человек—Я. М. Ляховского, Д. К. Лаврентьева, Мержвинского и И. И. Чорбы и задался целью,—заняться изучением и пропагандой социал-демократических идей среди учащейся молодежи и завязать связи с рабочими. Тогда же вошел в эту группу молодой студент Б. Л. Эйдельман, а затем к этому основному кружку примкнули Б. Э. Шен, Д. В. Лесенко, В. М. Сапежко. Еще позже присоединились Н. А. Вигдорчик, Р. В. Розенберг; в кружке находились еще Ангелов-Стоянов, Н. В. Кульчицкий и Прокофьев.

Это была хорошо спевшаяся группа с прекрасными связями в других городах (Москве, Вильне, Петербурге, Нижнем), так как многие члены группы только учились в Киеве, а постоянно жили в других центрах рабочего движения, и были людьми с основательнейшей марксистской подготовкой и с идеальной конспиративной выучкой.

„...Группа знала и ценила опыт народовольцев“, говорит по этому последнему поводу Б. Л. Эйдельман. Но связей с рабочими у группы сначала не было. „Найти рабочего и распропагандировать его—вот мечта соц.-демократа того времени“, говорит тот же Б. Л. Эйдельман.

---

*) См. „На заре рабочего движения в Москве“, „Летопись революции“. Всеукраинск. Госизд. „Пролет. револ.“

Группа вышла из этого затруднения старым испытанным народническим путем: один из членов группы И. И. Чорба, кандидат прав Киевского Университета, выучился токарному ремеслу и работал недолго на заводе.

Группа просуществовала без провала очень долго и в 1893 году у нее уже имелись кружки пропаганды среди рабочих.

Теперь накопилось уже достаточно материала об этих кружках, и некоторые из них можно было бы даже подробно описать, но это не имеет существенного значения, и важно только указать, как расширялись и крепли связи.

Ляховский распропагандировал ремесленника-ювелира Вешнера и познакомил с ним Эйдельмана, а этот последний и собрал с помощью Вешнера свой первый рабочий кружок. Вешнер познакомил Эйдельмана с Люльевым, а тот дал ему связи с Кадецким, Красильщиковым и Зеликманом. Кроме того, Эйдельман завязал связи с братьями А. и С. Сонкиными, муж же сестры Сонкиных, Леон Беркович, был еще в кружке Абрамовича.

Люльев дал связи с заготовщиками и в том числе с Рудерманом, а С. Сонкин отличался необыкновенной способностью завязывать связи с рабочими и в особенности с заводскими. Б. Л. Эйдельман говорит, что успеху Киевской работы способствовали следующие обстоятельства,—отсутствие большого количества пролетариата в Киеве, конспиративная выучка первых соц.-демократов, существование польской группы, выдающиеся качества распропагандированных рабочих и гениальная организаторская личность Ю. Д. Мельникова. Это бесспорно,—первые два обстоятельства давали возможность членам группы основательно работать над собой и над рабочими, уверенность в своем существовании располагала к длительной культурно-просветительной революционной обработке пролетариев, существование другого польского центра ставило вопрос об об'единении; выдающиеся способности первых соц.-демократов, как и роль Мельникова, понятны, но несомненно также и то, что и все остальные члены группы, как Эйдельман, напр., обладали необыкновенным уменьем подходить к рабочему.

Пропаганда велась и носила такой же характер, как везде. Изучалось естествознание (начатки, конечно) и читались такие книжки, как „Пролетариат во Франции и Англии“ Шелгунова, Эркман Шатриан, Писарев, „Спартак“, „Девяносто третий год“ Гюго, „Экономические беседы“ Карышева, „Капитал и Труд“ Свидерского, „Программа работников“ Лассаля, а затем „Кто чем живет“ Дикштейна и т. п.

„Но центр тяжести занятий“, говорит Эйдельман: „лежал в беседах, которые по мере возможности переходили на практические вопросы о количестве часов работы, о заработной плате, о прибыли хозяина и пр.“ С. Сонкин так рассказывает о первых шагах своего развития: „Однажды в разговоре с Эйдельманом, на вопрос: что я думаю? что читаю? я ответил, что до военной службы я работал в качестве кузнеца, а теперь хочу поступить на другую работу. Он меня пригласил к себе. Я охотно пошел в условленный час и день. Эйдельман стал со мной заниматься, читать разные книги по истории культуры и много других. После нескольких дней таких посещений мне уже Эйдельман давал читать брошюры: „Кто чем живет“ Дикштейна,

Лафарга, „Машина, как фактор прогресса“ и другие“ *). Такой постепенный, умелый подход и большое культурное развитие рабочих и давало возможность пропагандисту добиваться того, что желательные для него революционные выводы рабочие делали сами. Эти рабочие сами проходили большую культурную школу, но отнюдь не превращались в культурников, а становились настоящими выдержанными, но вместе с тем полными страсти и пыла революционерами.

Бесспорно, однако, что огромное значение в деле формирования и выработки социал-демократов рабочих не только в Киеве, а и вообще для нашего последующего движения имел выдающийся революционер соц.-демократ Ю. Д. Мельников.

Говоря об этом замечательном человеке Б. Л. Эйдельман, между прочим, бросает замечание, что „само собою напрашивается параллель между харьковским слесарем и вятским столяром, между выразителем рабочего движения конца 70-х годов, Халтуриным, и движением конца 80-х годов, Мельниковым **).

И это действительно верно.

Незаконный сын помещика, еще в реальном училище познакомившийся с народнической революционной идеологией, он бросает ученье, обучается слесарному ремеслу и превращается в рабочего. В 1889 году в Харькове он входит в революционную рабочую организацию, руководимую интеллигентами, быстро выдвигается на первый план, становится руководителем рабочей организации и тогда уже критически подходит к традиционной революционной теории и практике. Он мучительно ищет ответа на вопросы, какие ставит жизнь рабочему движению, многое отбрасывает из народнических программ и совершенно самостоятельно нащупывает путь, почти совершенно расходящийся с народниками. Рабочие сами ведут свое дело, они сами помимо интеллигенции организуют рабочий класс, дело их освобождения в их собственных руках—вот как можно формулировать эти стремления Мельникова. Завоевание политической свободы—вот важнейшая очередная задача рабочего движения. Вместе с тем он пытается создать рабочую организацию, которая охватила бы крупнейшие центры юга, создается план, посылаются товарищи в разные города, сам он едет в Ростов. Арест запирает Мельникова надолго в тюрьму. Входит туда, в „Кресты“, он еще не социал-демократом, а оттуда выходит уже настоящим марксистом. Выйдя из тюрьмы, он остается все тем же пламенным революционером и в течение нескольких дней пребывания в Петербурге встречается с другой крупной фигурой того времени Брусневым, чтобы поставить не праздные вопросы простого любопытства, а вопрос об об'единении теперь уже социал-демократических организаций всей России. Бруснев пытается об'единить работу Киева, Харькова, Тулы, Москвы, Петербурга; арест разрушает это дело, но Мельников снова в Киеве и здесь очень скоро превращается в центральную фигуру движения. Он основывает кузницу, и здесь в этой кузнице-школе проходят курс революционного обучения выдающиеся рабочие, будущие деятели социал-демократического движения. Вот какими словами описывает эту школу мастерскую Б. Л. Эйдельман: „Надо

*) Сб. Истпарта „К 25-летию первого с'езда“.

**) Там же.

было проникнуть на машиностроительные заводы Ю. Д. Мельникову. Как отбывшему наказание политическому преступнику, жандармы мешали ему работать на заводе. Так было при его поступлении электротехником к Савицкому, Страусу и К°. Так было, кажется, и при поступлении его в железнодорожные мастерские. Поэтому мы решили открыть мастерскую, подготовить двух-трех учеников ремесленных мастерских других ремесл и, отправив их на заводы, таким образом открыть себе путь к массе фабричных. Так и сделали. Был куплен токарный станок, слесарные инструменты; Юв. Дм. Мельников сделался учителем-хозяином школы-мастерской. По специальности он был слесарь, но знал кроме слесарного множество ремесл. Школа выпустила несколько токарей по металлу, которые сослужили потом хорошую службу рабочему делу. А квартира Юв. Дм. Мельникова на Лукьяновке, где помещалась школа-мастерская, сделалась штаб-квартирой социал-демократов-интеллигентов, клубом и университетом для многочисленных посетителей рабочих. Сюда приводили наши ученики своих знакомых. Интеллигенты пропагандисты присылали сюда для последней высшей шлифовки своих слушателей. Сюда приходили интеллигенты всех киевских групп. Здесь некоторые учились говорить и писать понятным языком. Здесь в тесном кружке обсуждались планы организации и намечались наиболее выдающиеся посетители в члены рабочей организации. Там обсуждались новости газетные, велись споры о пропаганде и агитации и раздавались книжки. Душою Лукьяновского клуба был Ю. Д. Мельников" *).

Ю. Д. МЕЛЬНИКОВ.

Из этого клуба вышли братья Сонкины (Мельников их выучил токарному ремеслу), Люльев, там получили окончательную шлифовку Рудерман, Плетат, Кровацкий, рабочие, оказавшие большие услуги Киевскому движению; там получил свой закал другой выдающийся рабочий Поляк, там и интеллигенты соц.-демократы учились уму-разуму у слесаря Мельникова. Решительно все, и интеллигенты и рабочие, вспоминающие о работе соц.-демократов первой половины 90-х годов— Эйдельман, Перазич, Тучанский, Поляк, Сонкины, Кровацкий, Рудерман и другие рисуют этого человека, как центральную фигуру движения. Можно смело сказать, что организационное и идейное свое об'единение Киевская социал-демократическая работа получила под не-

*) См. „Пролет. револ.", № 1—1923 г., сб. Истпарта „К 25-летию Первого с'езда".

посредственным влиянием Мельникова. Самая идея о с‘езде партии, несомненно, уже давно была в общем плане работы, созданным Мельниковым: еще в начале 90-х годов, выйдя из тюрьмы, как было уже сказано выше, он делает попытки связать Юг и Север, Киев и Петербург. Об огромном значении Мельникова в деле об‘единения киевских кружков нечего и говорить. „Смелый, опытный агитатор, воспитанный российскими порядками конца 80-х годов; на редкость одаренная и гармонически развитая натура, с громадным тактом и проницательностью, добрейший человек, умевший всегда откликаться на непосредственную нужду встречавшихся на его пути людей, простой, прямой, чуткий, искренний, с ясным умом и беспощадно последовательный, Мельников всегда оказывался центром и душой того дела, которому он отдал свою жизнь“ *).

Это был, действительно, человек большого масштаба и только преждевременная смерть (он умер от чахотки 35 лет) не дала развернуться во всю ширь этой поистине выдающейся фигуре. Его, поистине, должно поставить в первом ряду самых выдающихся организаторов нашей партии и совершенно правильно Б. Л. Эйдельман сравнивает его с Халтуриным. Больше того, Мельников совмещал в одном лице и теоретическую силу мышления, как Обнорский, и организаторские способности, как Халтурин.

„Ювеналий Дмитриевич Мельников *был большим человеком, человеком большого политического масштаба...*“ говорит Б. Л. Эйдельман и так отзывается о его роли и значении в Киевской организации: „Кто играл в этой живой машине роль двигателя, передаточной части и рабочего инструмента? В разное время разные лица. Но роль Мельникова была чрезвычайно велика. Уже одна только прочность нашей позиции в рабочей среде чего стоит. И это в значительной степени благодаря его влиянию. То же самое и в самые острые моменты борьбы. Шла ли речь о пропаганде и агитации, шла ли борьба с враждебными группами (соц.-революц. и рабочих-революционеров), была ли это борьба за второй рабочий комитет,—всегда для нас было чрезвычайно важно, что он был с нами“.

Нельзя, наконец, забывать, что он первый заговорил о созыве всероссийского с‘езда соц.-демократов и о создании партии, не только классовой организации рабочих, как этот вопрос ставил Обнорский вслед за Заславским, а о создании социалистической партии пролетариата, российской социал-демократической рабочей партии. Могут сказать, Мельников не был чистокровным рабочим, тогда как Халтурин настоящий пролетарий. Но прежде всего Халтурин, крестьянин—да еще из очень зажиточной семьи, затем Халтурина ни как нельзя назвать создателем „Северно-русского Союза рабочих“, его идейным и действительным создателем был Обнорский, чистокровный рабочий, хоть и сын кронштадтского мещанина и, наконец, Мельников был настоящим лучшим представителем рабочей интеллигенции 90-х годов.

Конечно, его интеллигентское происхождение, его подготовка в интеллигентской среде играла огромную роль, но ведь еще В. И. Ленин учил экономистов, что „о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть

---

*) „Пролет. револ.“, № 1, 1923 г.

и речи" и что рабочие, проникнутые социалистическим сознанием, внесенным в рабочую среду извне, распространяют его в массах и пронизывают всю классовую борьбу пролетариата. Да и кроме того горожанин Мельников с 18 лет, ставший рабочим и бывший им до смерти, нисколько не меньше рабочий, чем горожанин Обнорский или крестьянин Халтурин, также бывшие рабочими и умершие ими. Разница только та, что Мельников сумел окончательно сбросить с себя народнические путы и поставить вопрос о создании социалистической рабочей партии в полном смысле этого слова.

Не удивительно, что, имея в своих рядах такого выдающегося человека, как Мельников, киевляне к маю 1894 года имели уже настоящую прочную организацию и отпраздновали первую киевскую маевку.

В 1895 году связи с рабочими настолько расширились, что пришлось думать уже не столько о расширении этих связей, сколько об оформлении и укреплении организации. Приходилось думать о какомлибо едином руководящем центре. Такой центр собственно был—это руководящая группа—Мельников, Эйдельман, И. Д. Поляк, наборщик и заготовщик Рудерман (все самые выдающиеся члены организации, последние трое и сейчас члены нашей партии). Таким путем и образовался первый Рабочий Комитет, руководивший рабочим движением в Киеве и, несомненно, оказывавший одно время, огромное влияние на все южно-русское социал-демократическое движение.

Таким образом в Киеве существовали две организации,—Русская социал-демократическая интеллигентская группа и Киевский рабочий комитет.

Взаимоотношения этих двух центров были очень просты и естественны. Задачи рабочего комитета заключались в том, чтобы „знать все, что происходит в рабочей среде и целесообразно использовать своим вмешательством все подходящее". На самом деле благодаря тому, что членами рабочего комитета были такие выдающиеся члены Русской группы, как Эйдельман, а членом рабочего Комитета такой единогласно признаваемый авторитет, как Мельников, по существу оба центра работали, как один идейно-практический центр, как бы разделенный на две вспомогательных организации. Действительно, ни разу за все время существования первого рабочего комитета, до ареста Мельникова (18 апреля 1896 г.), никаких трений или разногласий среди киевских работников и не возникало. Это и не удивительно, так как состав этой первой киевской организации был действительно блестящий: всесторонне образованные марксисты, хранящие лучшие революционные традиции лучших времен народничества, выдержанные, конспиративные, неуловимые для жандармов, опирающиеся на прочно сорганизованную передовую часть рабочих—киевские соц.-демократы до определенного момента могли не бояться разногласий, да они и возникли в зависимости не только от местных условий, но и по причинам общероссийского характера.

Мы изложили главнейшие факты первого периода истории русской социал-демократии и теперь вполне возможно подвести итоги этому молекулярному процессу, протекавшему почти незаметно для современников и наблюдателей, находившихся еще всецело под обаянием героической борьбы народовольцев.

Прежде всего, каковы те главнейшие факты, которые мы изучили? Эти факты следующие:

Торжество капитализма.

1) Выяснившийся с очевидностью факт торжества в русском хозяйстве победно шествующего капитализма.

Этот факт признается всеми, не только социал-демократами, марксистами и официальными учеными-экономистами, но и народниками.

Факт этот различно оценивается, из него делаются различные выводы, но самый факт никем почти в серьез не оспаривается.

Правительство совершенно сознательно поддерживает и поощряет капиталистов и только в такие острые моменты классовой борьбы, когда стихийное рабочее движение вырывает у правительства хотя и уродливый закон о штрафах, верный холоп дворянства Катков вопил о том, что лучше закрыть все российские мануфактуры лишь бы не было рабочего движения. Однако, в более или менее мирные времена тот же Катков толковал о настоятельной необходимости охранять промышленное дело в России. От торжествующего капитализма отмахнуться было уже нельзя, и правительство не только не отмахивалось, но все усилия прилагало к тому, чтобы облегчить фабрикантам эксплуатацию рабочего класса. Русское рабочее законодательство при самодержавии—это блестящая иллюстрация уступок, делавшихся дворянско-землевладельческим самодержавием торгово-промышленной буржуазии и рабочему движению. Необходимо заметить, что в очень большой степени инициаторами рабочего законодательства являлись сами капиталисты. Еще в 1859 году, когда особая комиссия при С.-Петербургском генерал-губернаторе выработала весьма либеральный „проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде", самым существенным пунктом проекта была статья, которой запрещался прием детей на фабрику моложе 12 лет, вводился не более, как 10-часовой рабочий день для детей от 12 до 14 лет и запрещалась ночная работа детей моложе 16 лет. Когда этот проект был разослан столичным и провинциальным фабрикантам, то оказалось, что почти все провинциальные капиталисты высказались против проекта и только петербургские стояли за него. Провинциальные фабриканты доходили до такой наглости, что заявляли, будто запрещение ночной работы детей и сокращение рабочего дня принесет только один вред, потому что „дети, лишась заработков на фабриках, не принесут своим родителям никакого материального пособия, будут пребывать во вредной для их возраста праздности и расстроят свое здоровье, находясь вместо светлого и здорового помещения фабрики, в душной атмосфере своей избы".

Петербургские фабриканты, наоборот, произносили самые гуманные фразы и стояли за либеральный проект. Но дело, без сомнения, было не в добрых чувствах капиталистов: петербургским фабрикантам был невыгоден детский и женский труд, а провинциальные фабриканты, наоборот, получали огромные барыши как раз от применения детского труда. Об'яснялось это тем, что северные фабрики, расположенные в редко населенных губерниях, давно уже были вынуждены вводить усовершенствованные машины, не требовавшие детского и женского труда в таком размере, как в провинции, где фабрики были хуже и где, при густоте населения, рабочей силы имелось сколько угодно и где стоила она дешевле, чем в Петербурге. Москва и провинция вели

борьбу с петербургскими фабрикантами, между прочим, и по этой причине. Правительство уступило капиталистам, и этот проект так и остался проектом, как и проекты следующих комиссий: Штакельберга в 1859 г. при министерстве финансов, комиссии гр. Игнатьева 1870 г., комиссии мин. внутр. дел 1872 г. и комиссии Валуева 1874 г. Предположения всех этих комиссий, клонившиеся к некоторому ограничению капиталистической эксплуатации, остались на бумаге, так как провинциальные и, главным образом, московские фабриканты единодушно протестовали против какого бы то ни было законодательного вмешательства в их эксплуатацию пролетариата. Московское отделение мануфактурного совета в 1869 г., московское биржевое общество в 1871 г., а также в 1872 году резко выступали против правительственных проектов. Зато северные фабриканты и заводчики высказывались и за сокращение рабочего дня и за ограничение труда малолетних. Некоторые из капиталистов прямо заявляли, что это прежде всего выгодно самим хозяевам; сокращение рабочего дня при увеличении числа рабочих дней увеличит производительность труда, а сокращение женского и детского труда только избавит фабрикантов от перепроизводства.

Так далеко не идеальные мотивы двигали „гуманными" северными фабрикантами, а их чисто узкие классовые интересы, более высокий тип фабричных предприятий на севере и конкуренция с провинциальными фабрикантами, пользующимися при отсталой технике дешевым детским и женским трудом. Поэтому и на „гуманные" заявления всякого рода капиталистических организаций нельзя смотреть, как на акты человеческой любви и милосердия (напр., ходатайство управляющего Кренгольмской мануфактуры в 1867 г., председателя постоянной комиссии по техническому образованию Андреева в 1874 г., постановления с'езда машиностроителей в 1875 г., ходатайство некоторых земств и т. п.): все это вызывалось весьма материальными интересами самих капиталистов. Но до 1882 г. правительство и не внимало голосу „гуманных" фабрикантов севера: оно слушалось москвичей. Только 1-го июня 1882 г. был издан первый закон, ограничивший работу детей: работа детей ниже 12 л. запрещалась, рабочий день детей от 12 до 15 лет ограничивался 8-ю часами, а ночная работа, также как и в праздники и воскресенье, вовсе запрещалась. Несомненно, что закон этот был результатом больших стачек конца семидесятых годов в Петербурге и вообще увеличивающегося стачечного движения в стране. Так как закон 1 июня 1882 г. предлагалось вводить постепенно, то опять петербургские фабриканты высказывались за немедленное введение его, а Москва и провинция резко высказывались против. Однако вслед за этим законом были изданы—12 июня 1884 года закон о школьном обучении малолетних, работающих на фабриках и заводах, и о фабричной инспекции; 3 июня 1885 года закон о запрещении ночных работ женщин моложе 17 л. на бумажных, полотняных и шерстяных фабриках, наконец, 3 июня 1886 г. знаменитый закон о штрафах и вообще о найме рабочих на фабрики и заводы. Мы уже говорили выше, что обнародование закона 3 июня 1886 г. было вызвано прямым давлением рабочей массы—Морозовской и другими стачками этого периода, но несомненно очень большую роль играл здесь и промышленный кризис первой половины 80-х годов. Петербургские фабриканты и не думали вовсе скрывать этого обстоятельства: так, вслед за изданием закона

1882 г. они шли значительно дальше закона и предлагали даже совершенно запретить ночную работу женщин и ограничить работу детей—6 часами в сутки, а взрослых—10-ю, но при этом мотивами их желаний являлись,—1) малая производительность женского, детского и ночного труда и 2) перепроизводство и кризис.

Закон о фабричной инспекции и ограничение прав фабрикантов законом 1886 г. встретили бешеное сопротивление капиталистов, в особенности, когда в медовый месяц фабричной инспекции первые фабричные инспектора, просто честные и добросовестные люди, вскрыли такую ужасающую картину нищеты, эксплуатации, угнетения, невежества, бесправия, вырождение рабочих и издевательства над ними, что перед этой картиной побледнели все ужасы, вскрытые знаменитыми отчетами английских инспекторов, которыми пользовался Маркс в своем „Капитале". Началась явная, прямая борьба капиталистов с фабричной инспекцией и правительством, и капиталисты победили! В 1887 году купцы и фабриканты, встречавшие министра финансов Вышнеградского на Нижегородской ярмарке, выражая свое неудовольствие на политику его предшественника, прямо заявляли о неудовлетворительности нового фабричного закона и фабричных инспекторов и потребовали его изменения. Очень скоро, а именно 24 апреля 1890 г. и в 1893 году законы 1885 и 1886 года были изменены: фабриканту опять предоставлялся огромный простор, и фабричная инспекция превращалась в послушный аппарат, защищающий интересы капиталистов.

Так экономическая структура общества, основа, на которой развивались общественные отношения, влияла на те надстройки, какие создавались в таких областях, где, как казалось, как будто витает только одна отвлеченная юридическая мысль.

Новые факты в области хозяйства, развитие производительных сил, капиталистический способ производства стал господствующим со всеми его отличительными признаками—ростом и концентрацией капитала, внедрением капитала в земледелие, диференциацией деревни, ростом рабочего класса, классовой борьбой и развивающимся стихийно рабочим движением, классовым самоопределением элементов, дотоле еще не оформившихся и не сознавших себя. Все эти факты нужно было понять и об'яснить, и это сделала народившаяся социал-демократия с такой определенностью и ясностью, что выводы как будто напрашивались сами собой.

Рост стихийного рабочего движения.

2) Вторым фактом, имевшим огромное значение для развития социал-демократии, был рост стихийного рабочего движения. Это движение носило, действительно, стихийный неорганизованный характер, им не руководили сознательно за очень редким исключением политические партии или группы, так что совершенно правильно определение первого периода нашей истории, принадлежащее В. И. Ленину, как периода, когда „социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития".

Не было не только планомерного, организованного рабочего движения, но не было даже широкого рабочего движения, хотя с каждым годом оно становилось все шире и шире, захватывало все большее

число пунктов и предприятий и приобретало все большее значение в общественно-политической жизни. Нужно было понять и осмыслить это движение, и мы видели на примере Морозовской стачки, что только представители двух главных сил поняли все огромное значение нового фактора русской жизни: Плеханов и Катков.

Народники и в этом случае продолжали твердить о государственной помощи „народному производству", не желая понять, что за „народное производство" стояли и капиталисты, эксплуатируя рабочих во имя „свободы труда".

Подготовка рабочих революционеров народниками.

3) Третий факт, обнаружившийся при нашем изучении, это переход народовольцев и народников 80-х годов и даже начала 90-х годов к работе среди пролетариата. Народовольцы имеют рабочие кружки и организации во всех крупнейших рабочих центрах и совершают большую подготовительную работу для социал-демократии: социал-демократы почти повсюду находят развитых, революционно-настроенных рабочих, прошедших большую революционно-культурную подготовку.

Это рабочие, сплошь и рядом, ничем не отличающиеся от интеллигентов по развитию и об'ему знаний, имеющие целые библиотеки и ведущие самостоятельно незаметную революционно-просветительную работу.

Возникновение первых соц.-демократических рабочих организаций.

4) Появляется новая сила—социал-демократия. Возникают два, так сказать, параллельных течения—одно идет из-за границы от группы „Освобождения Труда", другое возникает в России, хотя и позже, но самостоятельно, и оба эти течения вытекают из общего источника,—кризиса народничества, вызванного, в свою очередь, экономическим развитием страны. Буржуазное по своей сути народничество раскалывается и в лице „Народной Воли" в лучшие ее времена получает свое классовое оформление, как буржуазный радикализм в лучшем смысле этого слова, а в лице „Черного передела" живет, как народничество старого типа. Далее эта эволюция идет все глубже и шире и героический радикализм Желябова и Перовской вырождается в самую оппортунистическую идеологию мелкой буржуазии, плетущейся в хвосте торжествующей крупной капиталистической буржуазии. Вместе с тем эта идеология становится реакционной и вносит окончательное разложение в умирающее старое народничество.

„Черный Передел" так же эволюционирует к социал-демократии и дает в России первых социал-демократов, пытающихся создать первую в России социал-демократическую организацию. В благоевской группе работают бывшие чернопередельцы, члены благоевских групп передают свои связи с рабочими Брусневской группе и группе Точисского. Сохраняется самая строгая преемственность революционных рабочих кружков. Совершенно неверно представление, что будто бы рабочие совершенно самостоятельно вырабатывают свое социал-демократическое сознание. Совсем неправильно, например, утверждение В. Астрова, который в своей работе об экономизме при

рассмотрении истории рабочих кружков до 1894 г. говорит: „Совершенно установлено, что интеллигенты (народовольцы и с.-д.) не являлись, по общему правилу, *организаторами* рабочих кружков“. Это совершенно не установлено теми воспоминаниями, на какие ссылается Астров. Рабочие, конечно, были организаторами рабочих кружков; это не подлежит никакому сомнению, даже больше того, вероятно, и все те кружки собирали, конечно, для интеллигенции рабочие, но не в этом дело; дело в том, кто вносил в рабочую среду социалистическое сознание, кто делал рабочих *организаторами-социалистами?*

В. Астров говорит: „Для правильного понимания рабочего движения необходимо так же резко отбросить ту схему, отстатки которой все еще проскальзывают в литературе, что якобы революционное настроение в рабочую среду проникало из „общества“, разбуженного голодом 91-92 годов...“ „...В Петербурге за несколько лет до голода, в эпоху реакции, рабочие группы существовали и были гораздо жизненней тогдашнего интеллигентского движения. Студенты пропагандисты были лишь связующей нитью между ними. В 1889 году эти кружки уже приступили к созданию об‘единенной организации...“ Здесь верно только то, что не голод пробудил рабочую среду, но и только. Социал-демократическое учение проникло в рабочую среду из „общества“ и гораздо раньше еще, чем в 1889 году. Интеллигенты благоевцы пишут первую в России программу „партии русских социал-демократов“ еще тогда, когда рабочие Н. Богданов, Шелгунов и др. были мальчиками, и являются не только связующим звеном между кружками; студенты и инженеры Благоев, Харитонов и Андреев в своих кружках и в своей организации были настоящими организаторами всего дела. Мы видели, что рабочий Афанасьев был связан с группой Точисского, что с ним же был связан Шелгунов, а Точисский был чистокровный интеллигент, хотя ушедший „в народ“. Точно также В. С. Голубева, который являлся представителем Бруcневской группы в рабочем центре, свел с рабочими, как мы видели, благоевец. Сам Н. Богданов говорит, что первым человеком, толкнувшим его на революционный путь, был какой-то народоволец. Ссылаться на то, как это делает Астров, что были рабочие, у которых имелись библиотеки в тысячу томов, смешно: Мельников был фигурой покрупнее Тимофеева, несомненно, распропагандированного народниками, сам еще в 1889 году додумался до почти социал-демократической программы, а в начале 90-х первый поставил вопрос об об‘единении кружков в партию и вопрос о с‘езде и, однако, социал-демократом стал под влиянием интеллигента Абрамовича. И это нисколько не умаляет Мельникова: Абрамович все же ниже ростом, чем Мельников и не имел такого значения для социал-демократии, как Мельников. В. Обнорский, несомненно, являлся учеником Заславского, но это не мешало ему превзойти своего учителя.

Процесс образования первых рабочих кружков был значительно сложнее и вместе с тем понятнее, чем это рисуется Астрову. Никакого самопроизвольного зарождения не было. Да это и понятно. Т. Ленин это очень давно раз‘яснил тем самым экономистам, изучению истории которых посвятил свой труд В. Астров. Вот, что говорит Ленин в своей работе „Что делать“, как раз о кружках конца 80-х и первой половины 90-х годов: „Мы сказали, что социал-демократического сознания у ра-

бочих и *не могло быть.* Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред'юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости об'единиться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно также и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло, как естественный и неизбежный результат мысли у революционно-социалистической интеллигенции". Так было в Петербурге и провинции и совершенно неверно такое категорическое утверждение т. В. Астрова, что „в Петербурге мы видим, что кружки организуются *самими рабочими*, а затем, сталкиваясь с пропагандистами-интеллигентами, рабочие ассимилируют, растворяют их в себе, получая в то же время отчасти их отточенное острие *марксистской теории*". Без сомнения, рабочие *сами* организовали кружки, но, в одно и то же время и раньше их организовали кружки *интеллигенты*, конечно, через рабочих: иначе рабочих кружков не организуешь. Богданов, несомненно, бывший одним из самых выдающихся организаторов кружков конца 80-х годов *), организовал свой первый кружок в 1886 году, а в 1884 году уже были благоевские кружки, организованные интеллигентами, и в 1885 году Точисским, куда входил между прочим и Афанасьев.

Дело было значительно сложнее.

Несомненно, интеллигенты соц.-демократы являлись первыми организаторами рабочих кружков: для этого они, как это сделал Точисский и его товарищ Лазарев и как это делали некоторые соц.-демократы в других городах, совершенно сознательно идут в рабочую среду, на завод, на фабрику и там, занимаясь пропагандой организуют рабочие кружки.

Это было общее явление, повидимому, всей России конца 80-х и начала 90-х годов: так поступил в Киеве Абрамович, в первой половине 80-х годов, так сделал там же И. И. Чорба в конце 80 или начале 90-х годов, так поступил Мельников в Харькове, совершенно сознательно, еще будучи интеллигентом, отказавшись от высшего учебного заведения и сделавшись слесарем, так поступил Калашников в Одессе, по сути бывший интеллигентом, работая там матросом, так думал поступить Хинчук в Туле, так хотел поступить и Б. Л. Эйдельман.

*) И уж абсолютно неверно, что руководящей четверкой были Шелгунов, Фигнер, Кайзер, Норинский. Руководящую роль играли: *Богданов, Климанов, Федор Афанасьев, Мефодиев*, Евграфов, Буянов, в особенности первые четыре. Четыре товарища, названные В. Астровым, даже не входили в центр организации, но, разумеется, они организовали кружки, однако, еще энергичнее их организовали Климанов, Афанасьев, Богданов. Кружок же, в который впервые вступил Норинский, существовал до него и был организован либо благоевцами, либо народовольцами.

Под влиянием этой работы интеллигентов и создавались первые организаторы рабочие, которые рядом с интеллигентами и сами организовывали рабочие кружки (Так, впрочем, было еще долго спустя после этого первого периода нашей истории). Заслуга таких рабочих, как Богданов, Афанасьев, Климанов, Фишер, Норинский, Шелгунов и другие, главным образом, не в том, что они организовали рабочие кружки саморазвития (такие образованные интеллигентные рабочие, как они, делали то, что делали все интеллигенты—образовывали кружки самообразования), а в том, что они сумели, под влиянием социал-демократической пропаганды интеллигентов-марксистов, благодаря своему классовому чутью понять, где истина, — на стороне ли старой народнической идеологии, или на стороне нового учения марксизма. В этом огромная заслуга этих рабочих пионеров социал-демократии в России, и до них и после них были рабочие и интеллигенты, организовавшие рабочие кружки (напр., народоволец рабочий Крутов), но только рабочие конца 80-х и начала 90-х годов сумели вместе с социал-демократической интеллигенцией взять определенную линию и заложить фундамент первых социал-демократических организаций в России. Преемственно связанные с „Народной Волей“ и „Черным Переделом“, вышедшие из народнических кружков, рабочие—деятели конца 80-х и начала 90-х годов постепенно освобождаются от старой идеолгии и под влиянием двух могучих идейных течений—группы „Освобождения Труда“ и своего местного, российского (Благоев, Харитонов, Андреев, Точисский, Мельников, Федосеев, Скворцов, Н. Ленин) и сами становятся социал-демократами и создают новые социал-демократические кружки.

Интеллигенты соц.-демократы культивируют старые народнические приемы работы, своеобразного хождения в народ, но появившиеся под влиянием их пропаганды рабочие соц.-демократы делают излишними эти приемы, и сами становятся организаторами движения.

Появление выдающихся рабочих социал-демократов.

5) Появляются выдающиеся рабочие такие, как Н. Богданов, Афанасьев, Климанов, Фишер, Шелгунов, Норинский, наконец, такие, как Мельников.

Мельников, одна из самых выдающихся фигур этого периода, человек большого политического размаха, большого почина.

Появляется, стало быть, совершенно новый тип рабочего социал-демократа, марксиста.

Народническая рабочая организация, как общее правило, отходит на задний план и на политическую арену выходит новая сила—социал-демократия.

Образование социал-демократических организаций в промышленных городах.

6) Создаются повсюду в крупнейших центрах рабочие социал-демократические организации,—в Петербурге, Москве, Казани, Нижнем, Самаре, Киеве, Одессе, Ростове на Дону и в других городах. Аресты и высылки социал-демократов только внедряют социал-демократическую

пропаганду в места, дотоле не слыхавшие ее. Но организация еще носит кустарный характер, она охватывает только единицы, в лучшем случае десятки. Социал-демократическое движение не об'единено, оно распылено.

Попытки вынести организации за пределы одного центра терпят неудачу, и об'единение осуществляется, как общее правило, только в одном городе или небольшом районе. Но связи растут, и влияние соц.-демократических организаций крупных центров на более отсталые и мелкие увеличивается, и движение разростается.

Наконец, в конце этого периода, хотя и робко и не во весь свой рост, выдвигается новая задача,—организационное об'единение (на практике) всех действующих соц.-демократических организаций.

Рост влияния группы „Освобождения Труда“ в России.

7. Влияние группы „Освобождения Труда“ также растет, и произведения как ее членов, так и Маркса и Энгельса начинают распространяться в России все больше и больше.

Социал-демократические организации в России завязывают с группою связи и получают от нее литературу. Устанавливается, хотя и не регулярная, личная связь с вождями группы. Все более или менее солидные социал-демократические организации России принимают программу, выработанную группой „Освобождения Труда“. „Партия русских социал-демократов“ (Благоевская группа), выработавшая свою программу, посылает эту программу за границу Плеханову для критики и исправлений; Брусневская организация так же в общем и целом разделяет эти взгляды; об огромном идейном влиянии произведений группы и особенно ее вождя Г. В. Плеханова на все существующие организации в России говорят решительно все документы и свидетельства.

Литературная деятельность заграничных социал-демократов между тем с каждым годом увеличивается.

В 1891 году выходит в свет отчет по международному конгрессу в Брюсселе Плеханова и его же „Ежегодный всемирный праздник рабочих“; в 1892 году: брошюра „1 ое мая 1891 г.“ с приложением адреса Шелгунову и предисловием Плеханова; четвертая книга „Социал-демократа“; „Русский рабочий в революционном движении“ Плеханова, его же „Всероссийское разорение“, и „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России“ и затем Фр. Энгельс, „Людвиг Фейербах“, пер. и пред. Плеханова, и „Развитие научного социализма“, пер. В. Засулич с приложениями—„Диалектика в современном естествознании“ и „Теория насилия“; Г. Плеханова и В. Засулич „Задачи русской социал-демократии“ (в Нью-Йорке).

Дело издания марксистской литературы теперь берут на себя и другие издательские группы, напр., „Социал-демократическая библиотека“ и „Группа популярной Рабочей библиотеки“.

В 1893 году появляется брошюра П. Аксельрода „Задачи рабочей интеллигенции“, и Плеханова, „О социальной демократии в России“ (правда, на польском языке); в 1894 г.—брошюра „Рабочий день“ и Фр. Энгельса „Ответ Ткачеву и послесловие к нему“, пер. В. Засулич с пред. Плеханова.

Кроме того, за границей в издании „Соц.-демократической библиотеки“ вышли в 1893 г.: Первое мая 1892 г., Четыре речи, с пред. Б. Кричевского; в 1894 г. в том же издании: К. Маркс, „Наемный Труд и Капитал“, пер. Б. Кричевского, К. Маркс, „18-е Брюмэра“ Луи Бонапарта, пер. Б. Кричевского, К. Каутский, „Основные положения с.-д-тии“ (Эрфуртская программа), пер. и пред. Б. Кричевского, и Б. Кричевского же, „Борьба английских рабочих за свободу“.

Русские социал-демократы получили возможность знакомиться с основами учения Маркса и Энгельса и с программой самой революционной рабочей партии того времени—Германской—из первых рук.

Авторитет группы „Освобождения Труда“ стоит теперь в глазах русских социал-демократов очень высоко. Голод 1891—92 годов, ударивший русское образованное общество, как обухом по голове, и заставивший оппозиционно настроенную интеллигенцию броситься в деревню на борьбу с бедствием, был поводом и для группы „Освобождения Труда“ откликнуться и поставить вопрос о борьбе с самодержавием во всем его об'еме.

В брошюре „Всероссийское разорение“ подчеркивалась задача борьбы чисто политической, которую социалисты и „все те, кто не продали царю своей совести“, должны вести с самодержавием, но в следующей же работе, „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России“, раз'яснялась и подчеркивалась необходимость и борьбы „социальной демократии“ за социализм.

Плеханов указывает, что социальная демократия ни в каком случае не должна отказываться от руководства всеми революционными элементами в борьбе за политическую свободу; но вместе с тем он подчеркивает, что, оставаясь гегемоном в этой борьбе, пролетариат и социал-демократия должны не забывать и своих чисто классовых, особых пролетарских интересов и борьбы за социализм. Напоминая, что крестьянство есть сословие, а не класс, и что только сельский пролетариат будет бороться рука об руку с рабочими до конца, Плеханов говорит: „Мы не только не хотим раствориться в какой-нибудь другой партии, но, напротив, думаем, что русские социал-демократы должны и очень легко могут собрать вокруг своего знамени все те слои русского населения, самое положение которых заставляет их колебаться между буржуазией и пролетариатом“.

„Но“, рассуждает Плеханов, „содействие росту классового самосознания пролетариата“ есть „путь, ведущий социалистов к их великой цели“. Содействовать же росту классового самосознания пролетариата „значит ковать оружие, наиболее опасное для существующего строя. Очень плохой совет дают нам люди, убеждающие нас „на время оставить социализм“. Не доктринерство, а самый зрелый расчет и самый верный революционный инстинкт заставляют нас твердо и неизменно держаться социализма“.

Совершенно правильно определяет роль и значение группы „Освобождения Труда“ Д. Б. Рязанов в своей известной брошюре. Сказав о том, что создание обширной рабочей литературы на первых порах для группы оказалось неосуществимым (для того требовались связи с рабочими, а у группы их не было), Рязанов далее говорит: „предстояла другая, не менее важная задача, гораздо более доступная и осуществимая: создание кадров социал-демократической революционной интеллигенции,

которая понесла бы идеи социал-демократии в среду рабочих..." Эти задачи группа выполнила блестяще: можно смело сказать, что ни одна социал-демократическая организация не развивалась в России, не испытав на себе так или иначе идейного влияния группы „Освобождения Труда". Начиная с 90-х годов, Плеханов, организатор и идейный вождь группы, надолго становится и идейным вождем российской социал-демократии.

Мысль, высказанная Плехановым на международном конгрессе в Париже в 1889 году: „Революционное движение в России может восторжествовать только, как революционное движение рабочих", эта мысль пронизывает всю деятельность группы и является великим стимулом, толкающим и русские социал демократические организации к созданию российской социал-демократической рабочей партии.

Возникновение и упрочение теории и программы русской соц.-демократии.

8. Самый важный факт этого периода—возникновение и упрочение теории и программы российской социал-демократии.

Она, как мы видели, возникла, как естественный и неизбежный результат тех экономических изменений, какие в результате развития производительных сил пережила страна. Вместе с ростом капитализма, вместе с классовой дифференциацией страны, вместе с появлением на историческую арену новой силы—рабочего класса, возникает и в России теоретическое обоснование его революционной роли и значения. Формируются новые революционные силы, создается программа русской социал-демократии.

Ее теоретическое обоснование выковывается совершенно самостоятельно и провозглашается раньше за границей группой „Освобождения Труда", а затем в России работающими на местах марксистами. Сначала эти марксисты идут ощупью, им приходится самим „сжечь то, чему они поклонялись", стряхнуть с себя народнические предрассудки и традиции, им приходится сделать много ошибок и ложных шагов, но постепенно шаг за шагом их попытки становятся увереннее и их теоретическая мысль правильнее, реже, выпуклей и сильнее. Они проходят увлечение лассальянством, от их программ отдает еще лавризмом, они невольно отдают дань народничеству и „народной воле", они иногда еще говорят обо всех оппозиционных элементах, они иногда переоценивают роль интеллигенции и крестьянства, но чем дальше, тем больше и больше они отбрасывают эти ошибки и, наконец, становятся революционерами социал-демократами, ортодоксальными учениками Маркса и Энгельса.

От „партии русских социал-демократов" Благоева в Петербурге с его лавризмом и лассальянством, от промежуточных народнических программ вроде Мельниковской в провинции, через группу Бруснева, через интеллигентские программы кружков саморазвития, русские социал-демократы приходят к взглядам Федосеева, Скворцова и, наконец, В. И. Ульянова-Ленина, в работе которого („Что такое друзья народа"), наконец, и происходит это упрочение теории и программы российской социал-демократии.

Л. Б. Каменев в высшей степени удачно указывает на сущность и значение этой работы Ленина.

„...Работа Ленина, говорит он, явилась не только первой формулировкой марксизма на русской почве, она явилась вместе с тем и лучшей, наиболее отвечающей и революционному духу марксизма и специфическим условиям России формулировкой задач пролетарского социализма".

„.. Плеханов блестяще изложил, обосновал и проиллюстрировал учение Маркса, но в нем не было той почвенной силы, тех глубоких корней, той громадной чуткости, той стихийной связанности с миллионными массами трудящихся России, которые дали возможность Ленину не остаться *только* истолкователем марксизма, но превратили его в вождя русской революции и поставили во главе захваченного трудящимися государства".

Не говоря уже о том, что в работе были нарисованы для русской социал-демократии перспективы, далеко выходящие за пределы ближайших лет развития, перспективы, к осуществлению которых мы подошли только теперь, четверть века спустя, в ней были отчетливо и ясно формулированы и задачи ближайших лет,—создание боевой классовой социалистической рабочей партии.

Авгиевы конюшни народнических, мелко-буржуазных, оппортунистических, а под час и реакционных взглядов и предрассудков, были расчищены, теоретические основы программы социал-демократии созданы, вехи предстоящего пути указаны—нужно было действовать,—создавать партию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Второй период истории русской социал-демократии, как политической партии

(1894—1898 г.г.).

Рабочее движение и классовые взаимоотношения в 90-х годах.

Развитие промышленности во второй половине в 90-х годах.

С развитием капитализма в России связь русского государственного хозяйства с экономической жизнью Западной Европы и Америки чувствовалась с каждым годом все больше и больше.

Уже с первых десятилетий XIX века эта связь ощущалась особенно сильно, так что малейшее расстройство хозяйственной жизни на Западе отзывалось решительно во всем и здесь, на востоке Европы.

Европейский кризис и последовавшее затем оживление промышленности и торговли в пятидесятых годах сказалось и в России: годы 1855 и 1856 и у нас были годами оживления.

Это оживление и у нас, как и в Европе, очень быстро закончилось, и наступил кризис конца пятидесятых годов (1858 1859) годы. Наступившее затем оживление начала семидесятых годов в Европе и Америке и у нас были также годами оживления (1870—1872 годы) и депрессии (1873—1876 годы). Затем снова последовало оживление конца восьмидесятых годов (1878—1880 годы) и очень тяжелого особенно в России кризиса (1882—1887 годов). После этого началось постепенное оживление хотя и с промежуточной депрессией в начале девяностых годов (голод 1891 года). Оживление промышленности особенно характерно для второй половины девяностых годов.

В начале девяностых годов наблюдался мировой застой торговли и промышленности, а в России он обострился голодом, но в общем по сравнению с предыдущим десятилетием особенно к началу девятисотых годов промышленность гигантски двинулась вперед. Особенно же заметен этот рост, если сравнивать начало 90-х годов с срединой и концом их. Возьмем для иллюстрации несколько самых показательных цифр. В тяжелой индустрии, напр., производство чугуна за период 1890—93 года выражалось цифрой 197 милл. п., а за период 1894—1896 г.г. уже в 269 милл. п. и достигло к 1900 году 450 милл. пуд.

Точно также добыча угля увеличивалась особенно значительно во вторую половину 90-х годов: в 1890 году было добыто угля 367,2 милл. п., в 1895 г.—555,2 м. п., а в 1900 г.—уже 995,2 м. п. Этому соответствовал и рост капитала: если в 1890 году рост акционерного капитала

выражался цифрой 580,1 милл. р., а в 1895—746,3 м. р., то в 1900 года акционерный капитал равнялся 1742,3 милл. р., что в процентах за десятилетие выражалось цифрой 200. Рост промышленности за эти годы особенно виден из следующих цифр:

Годы.	Число предприятий.	Сумма произв. (м. р.).	Число рабочих (тыс.).
1890	32.254	1,502,6	1,424,7
1893	30.333	1,734,9	1,582,9
1896	35.827	2,590,9	1,818,4
1897	39.029	2,839,1	2,098,2

О состоянии торговли можно судить по цифрам вывоза нашего хлеба за границу по 50 губ. Европейской России:

Годы.	Чистый сбор пред. года.	Вывоз.	Остаток.	Тоже на душу. ч. сб.	В.	О.
1885/6—89/90	211.527	46.585	164.942	2,51	0,55	1,96
1890/1—4/5	288.517	50.345	178.172	2,55	0,56	1,99
1895/6—7/8	245.775	56.228	189.548	2,61	0,60	2,01

Несмотря, стало быть, на страшный голодный год (1891), вывоз хлеба за границу продолжал возрастать до 1895 года, после чего он немного уменьшился в следующее пятилетие.

Таким образом, наша промышленность и торговля, испытав некоторую заминку в связи с голодом, продолжала бешено развиваться в девяностые годы.

Голод 1891 года.

Положение же рабочих не только нисколько не улучшилось, но в некоторых отношениях стало даже неизмеримо хуже прежнего. В первой главе уже говорилось о невыносимом положении рабочего класса в девяностые годы, оно стало особенно тяжелым в голодный 1891 и следующие за ним годы, когда голодное и разоренное крестьянство пораженных бедствием губерний бросилось в города в поисках за работой.

Несчастные крестьяне собирались десятками тысяч в городах особенно на юге и здесь также не находили заработка и только понижали и так нищенскую заработную плату городских рабочих. Они, эти беженцы из деревень, ютились под открытым небом вблизи шумных и блестящих городов и в лучшем случае находили временную работу, а то по большей части погибали от эпидемий тифа и холеры, как это было на юге. В Новороссийске, Ростове на Дону и Одессе выростали целые города из крестов, которые торчали на братских могилах русских крестьян, изгнанных голодом из своих родных деревень.

Помощь, которую оказывало голодающим крестьянам взбудораженное голодом русское буржуазное общество, в конце концов, все же была недостаточна.

Толстой, Короленко и другие лучшие люди старого мира взывали о помощи, сами самоотверженно шли на помощь, за ними тянулись в деревню тысячи интеллигентов—студентов, курсисток, просто сердобольных совестливых людей, устраивались столовые, чайные, а кре-

стьянин вымирал, бежал из деревни, и вся эта ужасающая картина голода, нищеты, невежества и бесправия принесла пользу только в одном отношении—она заставила наиболее вдумчивую часть молодежи понять, что благотворительными спектаклями, лотереями-аллегри и чайными да столовыми горю не помочь. В этом смысле, конечно, голод 1891 года имел некоторое значение в смысле пробуждения русского общества от апатии и сна 80-х годов, тем более что две брошюры Плеханова, изданные как раз в это время—„О задачах социалистов в борьбе с голодом в России" и „Всероссийское разорение", ударили русскую интеллигенцию по самому больному месту: они показали, что в бедствии, надвинувшемся на Россию, виновато и само буржуазное общество, вместо борьбы с самодержавием предавшееся проповеди малых дел.

Призывы Плеханова звучали, как набат.

Он указывал русским социал-демократам, что, не отказываясь повсюду поддерживать всякое революционное движение, направленное против самодержавия, они должны вместе с тем не забывать, что единственной реальной силой в борьбе с самодержавием может быть только пролетариат, к развитию классового самосознания которого и должна быть направлена работа русских социалистов. „Мы не только не хотим раствориться в какой-нибудь партии," говорит Плеханов в третьем письме, „но, напротив, думаем, что русские социал-демократы должны и очень легко могут собрать вокруг своего знамени все те слои русского населения, самое положение которых заставляет их колебаться *между* буржуазией и пролетариатом".

Обращая внимание на демократическую интеллигенцию и на крестьянство, Плеханов подчеркивает, что крестьянство не класс, а сословие и что пролетариат не найдет во всем крестьянстве того борца, который пойдет с ним до конца в борьбе за социализм и что только внесение и в деревню классовой борьбы есть единственное средство всколыхнуть толщу крестьян и повести беднейшие слои их за собою сначала в борьбе за политическую свободу, а затем и в борьбе за социализм. В той программе, которую предстоит защищать и проводить социал-демократам в жизнь, указывается „не только окончательная цель—*полное экономическое освобождение трудящихся*—но и ведущее к ней средство—*непрерывная и непримиримая борьба классов*". Социальная демократия в России должна явиться не только самой смелой и решительной боевой силой в битве за политическую свободу, но и боевой партией рабочего класса, опирающейся на массы этого класса.

В то же время пока партия будет создавать революционеров, исторический ход развития будет подготовлять среду, воздействие партии на которую создаст ту силу, что сломит самодержавие. Но для того, чтобы эта среда была действительно силой, нужно именно воздействие на нее партии социал-демократов, революционеров,—нужна агитация. „Ей принадлежит главная роль в драме, называемой *общественным переворотом*", говорит Плеханов и сейчас же добавляет, что политическая агитация, как бы она хорошо ни велась, сыграет положительную роль только тогда, когда „она будет *содействовать росту классового сознания русского пролетариата*".

Таким образом, то непонимание, каким были встречены в России призывы Плеханова поднять политическую агитацию в связи с голодом в России (в брошюре „Всероссийское разорение"), рассеялось

вслед за появлением его писем о голоде, где главнейшие задачи русских социал-демократов, как выразителей стремлений пролетариата, были раз'яснены и подчеркнуты.

Однако нельзя себе представлять дело так, что эти две брошюры Плеханова и голод бросили особенно большие массы интеллигенции в рабочую среду, эта среда под влиянием чисто об'ективных условий и имманентных законов капиталистического развития не только давно уже притягивала к себе, как мы видели, социалистическую интеллигенцию, но выдвигала и из самой гущи своей новых вождей, руководителей и организаторов.

Эти организаторы и руководители выдвигались особенно в острые моменты классовой борьбы и рабочего движения.

Влияние голода на заработную плату.

Рабочее же движение в 90-ые годы не только не замирало, а усиливалось.

Движение голодных крестьян в города прежде всего отразилось на понижении заработной платы городских рабочих. Действительно, заработная плата в первую половину девяностых годов понизилась даже в таких крупных центрах как Москва: здесь на одной из лучших мануфактур, на фабрике Циндела, средний заработок мужчины в пятилетие 1891—1895 г. равнялся 231 р. 60 коп. в то время как в предыдущее пятилетие он исчислялся в 236 р. 60 коп.; плата присучильщикам на фабрике Викулы Морозова в 1883 году была 14 р. 37 коп., а в 1896 году только 12 р. 36 коп.; на той же фабрике холстовщик в 1883 году получал 10 р. 75 коп., а в 1896 г. только 10 р. 6 коп.; на фабрике А. Баранова ткачи в 1883 году получали 15 р. 37 к., а в 1896 г. только 13 р. 50 коп.; что же касается заработной платы сновальщиков и моталок, то она в среднем вообще понизилась у последних, например, на 10%. Приведенные цифры только иллюстрируют высказанное выше положение *).

Это понижение заработной платы и безработица в связи с холерной эпидемией на Волге были причиной сильных беспорядков в виде холерных бунтов, а в Западном крае в форме разгрома хлебных лавок по причине вздорожания хлеба. Все эти стихийные вспышки подавлялись силой, „зачинщики“ отдавались под суд и даже шли в некоторых случаях на виселицу.

Рабочее движение во вторую половину 90-х г.г.

Забастовочное движение рабочих, начавшееся в 1890 году, было ответом на стремление фабричной администрации понизить заработную плату в виду огромного предложения рабочих рук; это движение, конечно, не носило такого чисто стихийного характера, как холерные

*) Туган-Барановский считал, что заработная плата в Московской и Владимирской губерниях вообще, *повидимому*, в 1896 г. по сравнению с 1883 г. повысилась % на 10-15; думается, что это, действительно, «повидимому», так как приведенные нами цифры взяты из тех же данных, какими пользовался и Т.-Барановский (отчеты Янжула, Пескова и изд. деп. торг. и мануф.).

бунты, но все же порой оно достигало такой остроты, что правительство прибегало к вооруженной силе и действию свинца.

Еще в 1890 году в Польше на Варшавско-Венской дороге рабочие мастерских угрозой стачки добились повышения заработной платы на 10%; таких же уступок добились строительные рабочие в Варшаве и фабричные Згержа, Томашова, Здунской Воли и Пабианицы; Лодзинские рабочие на многих фабриках угрозами стачек заставили фабрикантов уменьшить рабочий день на час. В Варшаве еще в 1890 году началось движение, окрашенное в политический цвет: первого мая забастовка охватила 10 тыс. рабочих. В следующем году Польша стала свидетельницей грандиозного рабочего движения. Уже стачки 1890 г. показали, что без помощи организации рабочие ничего добиться не могут. И вот в Польше, уже начиная с 90-х годов, идет усиленная организация касс борьбы, стачечных касс. В деле организации этих касс приняли очень энергичное участие две польских социалистических организации „Союз польских рабочих", основанный Танским, и „Пролетариат". К началу 1892 года такие кассы в Варшаве охватывали уже 6 тыс. человек. Следующий 1891 год был годом очень больших выступлений польских рабочих. В Варшаве забастовало 8 т. чел., в Лодзи остановилась одна из самых крупных фабрик (Познанского) с 3 т. рабочих; в Жирардове забастовка привела к кровавым столкновениям с войсками; избиением беззащитных рабочих руководил губернатор Медем, в результате чего несколько человек убито и около тысячи человек арестовано и выслано на родину. Забастовка охватила больше 10 т. ч.

Празднование первого мая 1892 г. в Польше было настоящей классовой битвой пролетариата за политическую свободу; еще в начале весны возникла грандиозная стачка каменщиков, окончившаяся победой рабочих (сокращен рабочий день с 14 до 12 ч. и увеличена плата с 60 коп. до 1 р.), но это явилось прелюдией майской стачки. Центром движения стала Лодзь. Рабочие Польши призывались к стачке прокламациями, в которых требования политической свободы и 8-часового рабочего дня стояло на первом месте. В Лодзи началась забастовка 5 мая. При попытке рабочих снимать своих товарищей с работы, в ход были пущены войска и нескольких агитаторов арестовали. Рабочие фабрики Познанского бросились отбивать арестованных, дан был залп и 5 человек рабочих легло на месте (в том числе двое малолетних и женщина). Эти события подняли все рабочее население Лодзи, за Лодзью, где насчитывалось тогда до 100 т. рабочих, остановились фабрики в Пабианицах, Здунской Воле, Згерже и Томашове. В самой Лодзи рабочее население устроило грандиозную демонстрацию, двинулось по улицам города со знаменами, где красовались требования политической свободы и 8-часового рабочего дня. Фабриканты и буржуазное население бежало из города. Генерал-губернатор Гурко отдал распоряжение „стрелять, патронов не жалеть", и кровь рабочих полилась: лодзинские забастовки стоили 46 убитых, множества раненых и массы арестованных.

Это движение заставило лодзинских фабрикантов обратиться к русскому правительству с ходатайством об издании закона о длине рабочего дня, правительство отклонило ходатайство, и лодзинские предприниматели сами в следующем году уменьшили рабочий день на час.

Кровопускание в Лодзи надолго затормозило рабочее движение в Лодзи, но зато оно вспыхнуло в горнопромышленном Домбровском районе с неменьшею силой. (Текстильные рабочие Польши, однако, бастовали в 1894 г.). Там начались стачки еще в начале девяностых годов. В 1896 году в мае стачки начинаются снова; они оканчиваются победой рабочих. В 1897 году в сентябре стачка на заводе „Гута Банкова" привела к кровавому столкновению; рабочие требовали прекращения злоупотреблений в пенсионной кассе, вычетов в эту кассу и улучшения врачебной помощи. Стачка продолжалась более 3 недель; вызванные в конце ее войска стреляли в рабочих и убили 8 человек.

В то же время в Варшаве в течение всего 1897 г. идет стачечное движение булочников, кожевенников и металлистов; оно приводит к частичным победам рабочих.

Движение среди еврейского пролетариата началось также с 90-х годов.

Положение еврейских ремесленников было ужасающим. Если русский рабочий страдал от капиталистического и самодержавного гнета, то еврейский ремесленник задыхался еще в душных условиях ремесла и национального гнета. Еврейский буржуа пользовался бесправием ремесленника еврея и делал с ним, что хотел. Отчет „Бунда" международному социалистическому конгрессу в Лондоне говорит, что „фоном картины еврейского рабочего движения является быстро капитализирующееся ремесло и развивающаяся в некоторых центрах крупная промышленность"; рамками—„черта оседлости".

К тому времени, когда писался этот отчет, влияние крупной промышленности и торговли сказывалось уже и на еврейском ремесле. Заказная работа вытесняется магазинной; сделаться самостоятельным мастером становится все труднее, и хозяин этим очень искусно пользуется—рабочий день продолжается от 14 до 16 часов, заработная плата понижается. Большинство ремесленников попадает в самое безнадежное положение, разница между ремесленником и хозяином увеличивается. Кроме того, с начала 90-х годов еврейский ремесленник начинает втягиваться и в крупную промышленность. В Белостоке, Вильне, Сморгони и местечках Гродненской губ. возникает кожевенная промышленность, в Белостоке текстильная, в Борисове, Речице и Мозыре деревообделочная и спичечные фабрики. Кроме того, еврейские рабочие работают на фаянсовых фабриках Юго-Западного края и, конечно, на предприятиях Варшавы и вообще Польши, где они работали исключительно на еврейских капиталистов. Однако все же в начале 90-х годов не этот еврей-рабочий крупных капиталистических предприятий был типичным явлением Западного края, — ремесленник составлял подавляющее большинство еврейского пролетариата.

В то время как еврейская буржуазия даже при самодержавии получила право свободно эксплуатировать своего обездоленного собрата, этот собрат страдал как от национального бесправия, общего всем евреям, и общего капиталистического гнета, так еще и от того, что самодержавие отдало управление еврейской общиной всецело в руки еврейской буржуазии, которая и не постеснялась наложить свою тяжелую пяту на спину бедняка.

„Здесь пред нами причудливая смесь социальных группировок, родившихся на базе новых капиталистических отношений, с ветхими

остатками феодального бесправия и царской кнутократии, издевавшейся над массой инородцев.

Еврейская плутократия в совершенстве использовала оба эти момента. Обеими ногами стоя на базе капиталистических отношений, и не стесняясь в деле эксплоатации своего родного брата, эта самая плутократия в то же самое время при помощи раввината использовала бесправие еврейских масс, репрессии и погромы для того, чтобы под лозунгом „все евреи—братья" держать эти массы в повиновении и удерживать их от всякого протеста.

Если русская буржуазия с самого своего рождения никогда не отличалась никакими гражданскими чувствами и всегда была склонна предпочесть соглашение с царем и его сатрапами открытой борьбе за свои права, то что же сказать о еврейской буржуазии? Еврейских рабочих Каутский некогда назвал „париями среди пролетариев"; еврейскую буржуазию можно было бы назвать: „пресмыкающимися среди пресмыкающихся".

Так пишет историк „Бунда" М. Рафес и, пожалуй, к этой характеристике нечего добавить кроме того только, что еврейскому пролетариату было невыразимо трудно организоваться еще и потому, что евреи, вкрапленные в поры польского и русского общества, встречали даже и со стороны трудящихся русских и польских масс недружелюбное отношение и презрение, воспитанное самодержавным чудовищем.

И тем не менее уже в 1888 году в Вильне существовали рабочие ссудные кассы, т.-е. прежде всего экономические об'единения на случай безработицы и помощи в иных случаях. Очень скоро эти ссудные кассы превратились в революционные организации борьбы и послужили прочным фундаментом для будущей социалистической организации еврейского пролетариата. В нашу задачу не входит история „Бунда", и потому, отсылая читателя к специальным работам по этому вопросу, подчеркнем тот факт, что начало девяностых годов застало еврейский пролетариат до известной степени сорганизованным на основе указанных касс, этих классовых организаций борьбы.

Естественно, что рабочее движение еврейских рабочих становится весьма заметным фактором в общей борьбе российского пролетариата уже с начала 90-х годов.

Согласно с авторами, занимавшимися этим вопросом (Рабинович, Прокопович, Рафес, Бухбиндер) от виленской кассы чулочниц 1888 г. эта форма организ ции уже в 1893 году захватила массу еврейских ремесленников в Вильне, Минске, Сморгони, Гомеле и Варшаве—чулочниц работниц конвертных фабрик, портных, сапожников, ювелиров, щетинщиков, табачников и т. д.

В 1895 году в Вильне считалось 23 таких кассы и 850 организованных рабочих, а в Минске—870 человек.

Уже в 1892 году виленский еврейский пролетариат вел успешные стачки в борьбе за сокращение рабочего дня, используя старинный закон еще Екатерины второй о 12-часовом рабочем дне ремесленников.

Начиная с этого времени, стачечное движение еврейских рабочих ширится и вливается могучей струей в общероссийское пролетарское движение.

В 1894 году стачки охватывают виленских и варшавских ремесленников; в 1895 году происходит в августе забастовка ткацких фабрик и мастерских Белостока. Эта стачка длилась более двух недель, охватила мелкие заведения всего белостокского района и около 20 т. рабочих и хотя формально она возникла из-за введения расчетных книжек, но по существу, без сомнения, имела причины общ -экономического характера. Стачка окончилась частичными победами рабочих.

В 1896 году бастовали—в Сморгони чулочницы (до 2 т. чел.) за повышение заработной платы; сапожники, столяры (1897 г.) и ремесленники Витебска, Слонима, Брест-Литовска, Белостока и Минска—за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Годы 1898—1899 были годами большого стачечного движения еврейского пролетариата в Белостоке, Вильне, Двинске, Витебске, Гомеле, Гродне, Ковне, Бобруйске, Вильковышках, Минске и Орше.

Все это стачечное движение еврейских рабочих захватывало самые разнообразные профессии и носило организованный характер, так как руководителем этого движения являлась социал-демократическая организация.

Забастовочное движение в центре России и в исконных пунктах российской промышленности вообще началось забастовками на Урале. Там произошло 6 стачек из-за повышения заработной платы; в 1891 году произошла стачка на фабрике Богданова в Петербурге; в 1892 году стачки—на Ярославской Корзинкинской мануфактуре, сопровождались столкновением с войсками; в железнодорожных мастерских Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороги, на Юзовском заводе, вылилась в погром и закончилась столкновением с войсками; в 1893 году,— на Егорьевской мануфактуре и общая стачка рабочих г. Шуи, которая длилась неделю, отличалась удивительной выдержкой и организованностью и закончилась победой рабочих—введением 12-часового рабочего дня вместо 13-часового; в 1894 г.—стачка на Вышневолоцкой ткацкой мануфактуре, в Петербурге на фабрике Воронина и в Ростове на Дону в мастерских Владикавказской жел. дор.; эта стачка, как указывалось выше, прошла под руководством соц.-демократической организации, окончилась победой рабочих, хотя и стоила рабочим разгрома организации и ареста почти 200 человек.

Следующий 1895 год был ознаменован стачками рабочих металлургического и механического производства. В этом году бастовали—рабочие Нового Адмиралтейства в Петербурге за сокращение рабочего дня и одержали победу; летом в Москве прошли стачки металлистов: Бромлея Гужона, Добровых и Набгольц и Вейхельта за увеличение платы и сокращение рабочего дня, стачка проводилась соц.-демократическим Московским Рабочим Союзом; в Петербурге неудачная стачка на Путиловском заводе против понижения расценок и в железнодорожных мастерских Пинска и Минска.

Текстильные рабочие в 1895 году провели очень бурные стачки в центральном районе. Стачки происходили в Иванове Вознесенске у Гандурина и Бурылина, в Ярославле на Корзинкинской мануфактуре, в Тейкове Шуйского уезда, в Москве у Прохорова и у Мазурина, в Петербурге у Торнтона и Лебедева, в августе уже упомянутые забастовки ткачей в Белостоке и осенью опять в Иванове, на Иваново-Вознесенской мануфактуре. Забастовки в Москве на Прохоровской

мануфактуре и у Мазурина окончились беспорядками, в Тейкове рабочие убили стрелявшего в них директора фабрики Каретниковых, а в Ярославле власти арестом рабочих вызвали массу на выступление и после этого Фанагорийский полк расстрелял рабочих, за что и получил благодарность царя (знаменитые „молодцы фанагорийцы").

Всюду эти забастовки были встречным движением в ответ на попытки фабрикантов удлинить рабочий день и понизить заработную плату.

О забастовочном движении текстильных рабочих в Петербурге 1896—97 годах подробно мы скажем далее, теперь же ограничимся только указанием, что это движение охватило около 30 т. рабочих и имело, как известно, огромное значение на развитие рабочего движения в России вообще. В Петербурге бастовали в этом году фабрики Кенига, Воронина, Сампсониевская и Калинкинская мануфактуры, Максвель, Паль, Кожевникова, мануфактуры—Митрофановская, Триумфальная, Новая, и Невская, Российская и др.

Под влиянием этой забастовки в 1896 году бастовали и добились успеха (уплаты за коронационные дни) в Москве рабочие—Измайловской мануфактуры и зав. Гужона, а в Петербурге заводов—Балтийского, Путиловского, Александровского и Варшавских железнодорожных мастерских.

В этом же году—в Нижнем-Новгороде рабочие механического производства отвоевали у капиталистов $10^1/_2$-часовой рабочий день; в Москве успешно провели стачки против понижения заработной платы и за уничтожение сверхурочных работ рабочие заводов Бромлея, Гужона и железнодор. мастерских Северной и Рязанской дорог. Осенью же рабочие г. Костромы и Ковровского уезда добились успехов в борьбе за сокращение рабочего дня.

В 1897 году движение Петербургских ткачей оказало огромное влияние на развитие стачечного движения. Под влиянием этой стачки рабочие московских механических заводов и некоторых мелких предприятий добились сокращения рабочего дня; в Москве же бастовали рабочие ткацкой фабрики Шлихтермана; в провинции возникли забастовки на фабрике Коншина в Серпухове (закончилась разгромом фабричных лавок и применением вооруженной силы властями); в Иванове-Вознесенске, Шуе, в Судогде, в Юже, Колобове Ковровского уезда здесь везде рабочие добились сокращения рабочего дня.

Успешные стачки за сокращение рабочего дня прошли и в Твери, в Орехове-Зуеве (у Викулы Морозова), на Митрофановской мануфактуре в Петербурге и в белостокском округе: везде рабочие добились сокращения рабочего дня. Только на 3 фабриках Вычугского округа Костромской губернии рабочие потерпели поражение. Огромная стачка Иваново-Вознесенских рабочих в декабре 1897 г., охватившая до 20 т. человек, закончилась победой рабочих, которые проявили очень большую выдержку и организованность: рабочие добились установления 3 праздничных дней в году, отмененных администрацией, уменьшения работы перед праздниками и отпуска для рожениц — 2-х недель до и после родов. Урал также проявил себя в этом году: рабочие пудлингового цеха Златоустовского завода $2^1/_2$ месячной забастовкой добились замены сдельной платы поденной, а весь завод добился реформы существующего горнозаводского товарищества—борьба велась под руководством социал-демократической организации во главе

с рабочим А. Тютевым. В этом же году продолжали стачечную борьбу и прибалтийские рабочие (они вступили в стачечное движение еще в 1896 г. удачной забастовкой грузчиков и портовых рабочих Либавы), добиваясь повышения заработной платы на механических заводах Риги и лесопилках. В большинстве случаев движение рабочих в 1896—97 годах было успешно, что об‘ясняется, главным образом, промышленным под‘емом. Но уже в 1897 году и особенно в 1898 г. капиталисты сами начинают наступление на рабочих, стараясь понижением расценков ослабить значение закона 2 июня 1897 г. и уменьшением праздников удлинить рабочий день. Поэтому в 1898 году во многих местах рабочими ведется защитная борьба против этих попыток капиталистов. По первому поводу рабочие бастовали в 1898 году—в Москве на мануфактурах Прохорова и Побнера, в Вышнем Волочке, Риге, на Норской мануфактуре близ Ярославля и на Гусе Хрустальном, в Наволоках Костромской губернии, на фабрике в Иванове-Вознесенске, в Твери на Морозовской мануфактуре, на фабриках Максвеля и Паля; в 1899 г.— в Твери, Серпухове, Риге, Кинешме, Костроме и Слободе Муромского у. По второму поводу бастовали в 1898 г. — в Петербурге на фабрике Воронина, Максвеля, Кожевникова, Гольдарбейтера, Печаткина, Гука, Чешера и Паля. В большинстве случаев эти стачки оканчивались успешно. Стачечное движение за повышение заработной платы продолжалось и в 1898 г.: в Петербурге на Газовом заводе, на металлургическом заводе и на адмиралтейских в Колпине и на Новом адмиралтействе (за регулярную выдачу заработной платы 2 раза в месяц). В Польше стачечное движение тоже являлось защитительной борьбой против попыток капиталистов понизить плату и удлинить рабочий день (применяя закон 2 июня 1897 г., по которому рабочий день был длиннее, чем в Польше). В 1898 году также произошла успешная всеобщая стачка варшавских типографов, закончившаяся увеличением заработной платы на 30%. Незначительные стачки в Риге и стачка на Цантенгофской мануфактуре Лифляндской губернии шли за повышение расценков. На юге в 1898 году бастовали—в Екатеринославе франко-русские вагонные мастерские в марте, в мае вагоностроительный завод в Нижнеднепровске, в Харькове заводы — Пильстрема, Тренке, Бельке и Бельгийского общества. Все эти забастовки происходили за повышение заработной платы.

Уже в 1898 году замечались признаки приближающегося кризиса, и капиталисты, в свою очередь, начали наступление на рабочих. Стачки приобретают упорный характер и кончаются поражением. Правительство всячески помогает капиталистам; пускаются в ход войска, рабочие арестовываются и предаются суду. Так за забастовку на Гусе Хрустальном 22 рабочих предано суду и приговорено к тюремному заключению на 6 месяцев; во время забастовки на фабрике Паля и Максвеля в 1898 г. произошло настоящее избиение рабочих; полиция осадила рабочих в казармах и „рабочие народы“, как говорит один из участников стачки, несмотря на геройскую защиту, были избиты до полусмерти, „зачинщики“ преданы суду и понесли тяжелое наказание. Бурные стачки, окончившиеся разгромом фабричных лавок и еврейских магазинов, произошли летом на Брянском металлургическом заводе и в Бежице Орловской губ. В 1899 году забастовки продолжались и велись, главным образом, за сокращение рабочего дня,

так как капиталисты повсюду начали наступательное движение в виду ясно обозначавшегося кризиса; этим обстоятельством в значительной степени об'ясняется неудача стачечного движения этого года. Большие стачки происходили летом в Варшаве на прядильных фабриках Познанского и Шейблера, на мелких мануфактурах, ремесленных мастерских и крупных механических заводах, бастовало свыше 30 т. чел.; в августе бастовали домбровские рудокопы (12 т. чел.); в Либаве первого мая и в последующие дни началась всеобщая экономическая забастовка, охватила 10 т. челов. и окончилась победой рабочих. В Риге частичная стачка на Джутовой фабрике против понижения платы вследствие попыток полиции арестовать работниц, собравшихся в городском саду, быстро превратилась во всеобщую протекала очень бурно и закончилась настоящими уличными сражениями и десятками рабочих трупов. В этом же году бастовали механические заводы в Ковно, Сормове, Екатеринославе, в Мариуполе и других местах. В Сормове стачка закончилась разгромом лавок, а в Екатеринославе (в железнодорожн. мастерских) и в Николаеве еврейскими погромами.

Из только что данного очерка забастовочного движения можно сделать некоторые выводы. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что стихийный характер движения и в этот период еще налицо — во многих местах, не только в отсталом центре и на юге России, но кое-где и даже на окраинах социалистическая организация не в состоянии руководить движением, и это движение, носящее частью бурный характер, выливается в уродливые формы разгрома лавок и еврейские погромы. Зато в Польше и районе Бунда, а также в Петербурге и Москве (частично) движение в значительной степени проходит под руководством социал-демократии: российская социал-демократия развивается теперь на фоне грандиозного классового движения рабочих и, развиваясь, сама во многих случаях является фактически, а не только в теории, боевым авангардом пролетариата.

К сожалению до настоящего времени стачечное движение русских рабочих 80-х и 90-х годов не изучено с исчерпывающей полнотой: такие труды, как работы Пажитнова, Т.-Барановского, Шестакова, Дементьева, Мартова и др., не говоря уже об официальных источниках, по весьма понятным причинам не дают полной картины движения. Правительство боялось давать сведения о стачках, а буржуазная пресса также замалчивала их из чисто классовых соображений. До 1895 г. в России нет даже статистических официальных сведений о стачках, да и сведения с 1895 г. далеко не полны.

Характер русского стачечного движения и его результаты.

По самым грубым подсчетам числа бастовавших рабочих за период 1890—1893 годы, общее количество рабочих, принимавших участие в стачках, выражается не менее 180 т. человек. Варшавская майская забастовка 1890 г. дает 10 т. ч., первомайская же стачка 1891 г.— 8 т. ч., Лодзинская 1891 г.—5 т. ч., Жирардовская этого года—10 т. ч., всеобщая забастовка в Лодзи 1892 г.—не менее 120 т. чел. и Домбровская—2 т. ч.; если считать, что все остальные забастовки в России (бастовали такие крупные предприятия, как Корзинкинская мануфактура, все фабрики Шуи и т. п.) за три года охватили только

25 т. рабочих, то и в таком случае число бастовавших за этот период достигало не менее 180 т. челов. Если прибавить к этой цифре еще 17 т. стачечников за 1894 г., то за пятилетие 1890—1894 г. число (далеко не полное) стачечников выразится цифрой около 200 тысяч человек. Число же бастовавших за следующее пятилетие по официальным данным выражается цифрой 262.340. Но, насколько отстали эти цифры от действительности, видно по цифрам Мартова (тоже, очевидно, не полным), который считает за пять лет цифру 434 т., что и видно из следующих данных:

	Офиц. данные.	Данные Мартова.
1895 г.	31.195	48.000
1896 г.	29.527	67.000
1897 г.	59 870	102.000
1898 г.	43.150	87.000
1899 г.	97.498	130.000
	262.340	434.000

Итак, число бастовавших, достигавшее в пятилетие 1890—1894 г. двухсот тысяч, за второе пятилетие больше чем удвоилось.

Мы не можем, к сожалению, детально анализировать эти цифры (434 т. за период 1895—1899 г.г.), так как для этого не имеется достаточных данных, но такой анализ имеется для официальных цифр за десятилетие 1895—1904 г.г., и этот анализ дает картину, думается, применимую и для первого пятилетия этого периода.

По этим официальным данным („Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 г.г.") выходит, что большая половина стачек приходится на крупные промышленные предприятия, именно 52% стачек охватили предприятия, имевшие в среднем рабочих от 100 до 1000 и свыше; кроме того оказалось, что и в каждом разряде предприятий большее число стачек приходится на разряд крупных предприятий:

Разряды.	% числа стачек в заведениях каждого разряда.
До 20 раб.	2,7%
От 21 до 50 раб.	7,5%
„ 51 „ 100 „	9,4%
„ 101 „ 500 „	21.5%
„ 501 „ 1000 „	49,9%
Свыше 1000 „	89,7%

Таким образом, почти 90% всех крупных предприятий были вовлечены в движение, в то время как мелкие предприятия участвовали в ничтожном количестве. Не менее интересный вывод можно сделать из цифр, говорящих о том, какие были стачки—одиночные или групповые—процент групповых стачек с каждым годом повышается.

Годы.	% групповых стачек к общему числу.
1895	41%
1896	67%
1897	73%
1898	76%
1899	54%

Металлисты и текстильные рабочие идут во главе движения. По Мартову за шестилетие (1894—1899 г.г.) из всего числа 452 т. бастовавших рабочих на текстилей приходилось 177 т. чел. и на металлистов 107 т. чел. К таким же выводам приходят и авторы „Отчета“ русской делегации международному конгрессу в Париже в 1900 году, когда по их данным за период 1895—1899 г.г. из 200 т. стачечников (без Польши и Западного края) ³/₄ приходилось на металлистов и текстилей.

Официальные данные за десятилетие (1895—1904 г.г.) говорят также, что и по числу участников в каждой стачке обработка хлопка и волокнистых веществ и металлург. и механ. промышленность дают большие числа, чем в остальных производствах: текстили 692 и 244, металлисты—348, пеньки и льна—299; из остальных производств только обработка минеральных веществ дает в среднем число участников на стачку—122, остальные дают значительно меньшие числа.

Причины стачек распределяются так:

Заработная плата	60,8%
Рабочее время	21,7%
Порядок в заведениях, действие заводоупр. и условия быта	7,4%
Разные причины	10,0%

Около 70% стачек носят явно наступательный характер со стороны рабочих, остальные характер защитительный.

Для того, чтобы ясно представить то, чего добились рабочие этими стачками, необходимо прежде всего показать, сколь интенсивно правительство помогало капиталистам, что и видно из следующих данных:

Условия, сопровождавшие течение стачек

Призыв войск	в 269 случаях
Аресты и высылки	„ 164 „
Судебные преследования	„ 31 „
Общий расчет	„ 137 „
Частичный расчет	„ 190 „
Невмешательство	„ 930 „
	в 1721 случаях

Таким образом, почти четверть стачек протекала при вооруженной помощи правительства хозяевам.

Исход стачек показывает, что 28,2% их окончились в пользу рабочих, 45,4% в пользу хозяев, 21,8% взаимным соглашением и 46% исход неизвестен, при чем по главным требованиям успехи рабочих были таковы:

	В пользу рабочих	В пользу хозяев	Соглашение
Стачки из-за увелич. заработной платы	18,16%	40,05%	31,43%
Сопротивление ее сокращ.	46,87%	29,08%	23,43%
Сокращение раб. дня	24,29%	52,81%	22,88%
Сопротивление его увел.	63,41%	24,39%	12,19%
Из-за штрафов	23,07%	69,23%	7,69%
Действия фабр. адм.	27,27%	58,44%	14,28%

Вывод из всех этих цифр один: около 70% стачек наступательных по главным вопросам (заработная плата, рабочий день и штрафы) кончились неудачей для рабочих, и, как раз наоборот, почти такой же процент удачных стачек для рабочих приходится на стачки оборонительные.

Несмотря в общем на огромные успехи рабочего движения, положение пролетариата осталось попрежнему ужасающим: 12-ти, 13-ти и 14-ти и даже 17-часовой рабочий день был попрежнему не редкость; перечисление мест и производств, где был такой продолжительный рабочий день, только утомило бы читателя да и само собой ясно, что в этом отношении рабочие не могли добиться радикально улучшения, 1) потому, что закон 2 июня не распространялся на всех рабочих, и 2) потому, что рабочая партия еще на сумела охватить своей организацией даже верхушки рабочего класса, профессиональной же организации почти не существовало.

До какой степени в этом отношении плохо обстояло дело, видно из данных, приводимых Прокоповичем:

Всякого рода профессиональных об'единений было к концу 80-х годов:

среди ремесленников	70
„ приказчиков	34
„ типографов	13
„ горных рабочих Польши	14
„ „ „ Урала	13
„ „ „ других мест	13
„ „ „ фабрик и заводов	13
	170

О микроскопическом характере этих организаций можно судить потому, что во всех кассах горных рабочих Урала, Кавказа и Олонецкой губ. насчитывалось только 7934 члена.

Если судить по официальным данным („Продолжительность рабочего дня и заработная плата“), а также по работам, где вопрос этот рассматривался (Пажитнов, Т.-Барановский, Шестаков, Янжул и др.), то заработная плата и во Владимирском и Московском районе в 90-ые годы повысилась. Но мы уже указывали выше, что, внимательно анализируя даже данные этих исследователей, можно показать, что этого повышения не заметно; наоборот обнаруживается во многих случаях явное понижение заработной платы; если же при этом принять во внимание повышение продуктов первой необходимости и вообще увеличившуюся дороговизну жизни, то можно смело сказать, что, как общее правило, заработная плата осталась на прежнем уровне, во многих отраслях понижалась и только в редких исключительных случаях повысилась. Нужно также учесть и то обстоятельство, что во многих предприятиях, как правило осталась нерегулярная расплата с рабочими, что очень часто равносильно понижению заработной платы.

Что касается жилищных и санитарных условий, то они, как увидим дальше, оставались ужасающими еще на протяжении почти всей двадцатилетней борьбы рабочих с самодержавием и хозяевами в конце XIX и начале XX веков. О санитарном состоянии фабрик (отчасти) и о врачебной помощи в 90-ые годы можно судить по следующим

цифрам (по Дементьеву: „Врачебная помощь фабричным рабочим" 1899 г. изд. м-ва фин.):

	Итого	Число фабрик с числом рабочих: до 15	от 16—50	от 51—100	от 100—500	от 501—1000	Свыше 1000
Всего фабр. подч. фабр. инспекции	19292	8778	6795	1961	1812	352	194
Число фабрик, не дающих врачебную помощь	15804	8625	5375	1243	529	43	9
Число фабр., оказывающих врачебную помощь	3488	155	838	718	1283	309	185

Таким образом, только 18% фабричных заведений таких, где оказывалась хотя какая-либо врачебная помощь рабочим.

Каковы были условия работы внутри мастерских и на месте работ, видно хотя бы из числа несчастных случаев на горнозаводских предприятиях (мы приводили эти цифры выше по 1895 г., о числе несчастных случаев в других производствах за более поздний период мы коснемся ниже):

Годы	убитых	изувеченных	Всего
1896	379	9499	9978
1897	406	9998	10404
1898	611	20004	20615
1899	591	12730	13321

О том, как велико число несчастных случаев, можно судить по тому, что в горной промышленности в 1901 году числилось 683.150 чел. рабочих и несчастных случаев среди них 23.360 челов., в 1903 году рабочих уменьшилось до 609.911 чел., а число несчастных случаев увеличилось до 44.662 человек, т.-е. увеличилось на 20 т. челов.

Соотношение классовых сил к концу XIX в. в России.

В борьбе русских рабочих за дело своего освобождения было бы много неясностей, если бы марксисты не учитывали соотношения классовых сил, как оно сложилось к концу девятнадцатого и началу двадцатого века.

Как в капле воды, это соотношение отражается в двух рядах цифр, какие мы приведем сейчас.

Вся частная личная поземельная собственность в Европейской России к 1905 году (стало быть сложилась она задолго до этого) распределялась так:

Группы владений	Владений	Земли дес.	В средн. на 1 вл. д.
10 дес. и менее	409.864	1.625.226	3,9
10—50 дес. вкл.	209.119	4.891.031	23,4
50—500 „ „	106.065	17.326.495	163,3
500—2000 дес вкл.	21.748	20.590.708	947
2000—10000 „ „	5.386	20.602.109	3,825
Свыше 10000 „ „	699	20.798.504	29.754
Всего свыше 500 дес.	27.833	61.991.321	2.227
Итого в Европ. России	752.881	85.834.073	114

„Мы видим здесь“, говорит В. И. Ленин, об'ясняя эти цифры: „во-первых громадное преобладание крупного землевладения: 619 тысяч мелких землевладельцев (до 50 дес.) имеет всего 6½ мил. дес.

Во-вторых, мы видим необ'ятно большие латифундии; 699 собственников имеют 30.000 десятин каждый! Двадцать восемь тысяч собственников концентрируют 62 мил. дес., т.-е. по 2227 дес. на одного.

Подавляющее большинство этих латифундий принадлежит дворянам, именно 18.102 владения (из 27.833) и 44.471.994 дес. земли, т.-е. 70% всей площади под латифундиями. Средневековое землевладение крепостников помещиков обрисовывается этими данными с полною очевидностью“.

Другой ряд цифр, тоже в высшей степени показательный, таков:

Годы	Число разрешенных акционерных комп.	Их капиталы (в тыс. франков)
1894	3	7.350
1895	7	30.050
1896	25	95.370
1897	19	59.165
1898	36	127.725
1899	71	215.190
1900	30	99.270

Все эти 191 компания вложили в русскую промышленность 634.120 тыс. франков или, как подсчитывают некоторые экономисты, только во вторую половину 90-х годов иностранные капиталисты вложили в русскую промышленность не менее 500 мил. руб. золотом.

Эти простые цифры способны рассеять всяческие недоразумения и вздорные мнения о внеклассовом происхождении русской государственной власти и о влияниях, каким подвергалась эта самая государственная власть.

Если правильно мнение Маркса, что государственная власть это—комитет, защищающий интересы господствующих классов, то не менее правильно и то, что такая государственная власть, как самодержавие, это власть тех 28 т. феодальных владельцев, в руках которых было 70% всей частновладельческой земли и прежде всего власть тех 699 магнатов аграгриев (во главе с царем, крупнейшим помещиком), в руках которых было больше 20 милл. дес. земли.

Отсюда понятно, что все высшие государственные,—военные и гражданские, должности равно, как и органы, так называемого, самоуправления „земства“, были в руках именно этих магнатов, этих 28 т. помещиков.

Это, с одной стороны, а с другой—огромный иностранный капитал, вложенный в русскую промышленность, делал и без того трусливую русскую крупную буржуазию очень мало заинтересованной, в так называемых, представительных учреждениях.

Если взглянуть в свете этих экономических отношений на борьбу двух классов в России—крупных землевладельцев и крупной буржуазии—многое в той истории рабочего движения, какую мы изучаем, становится ясным и понятным.

Крупное землевладение, в руках которого была вся власть, вполне естественно держалось за эту власть и ни с кем не собиралось делиться ею.

Однако, под давлением общего мирового развития оно должно было уже давно допустить развитие другой силы — крупной промышленной буржуазии. Но допуская это и, как мы видели, даже способствуя и помогая этому развитию, самодержавие все же пыталось создать и в этой области свою собственную опору, и мы видим, что в руках государства, т.-е. все той же кучки крупных земельных собственников, оказываются такие могучие средства, как монополия железных дорог, винная монополия, участие самого правительства через своих агентов в частных капиталистических предприятиях.

Этими средствами, как и государственным кредитом, самодержавие пыталось держать крупную буржуазию в зависимости от себя и широко, поэтому, раздавало заказы русским заводчикам, помогало нормировкой продуктов сахарозаводчикам, выдавало премии и субсидии, устанавливало цены на продукты винокурения, производило всякого рода конверсии, выгодные капиталистам, оказывало покровительство, вводя запретительные таможенные пошлины и запрещая ввоз иностранных товаров, словом, всячески покровительствовало русским промышленникам.

За одни рельсы, которые русские железные дороги должны были покупать обязательно на русских заводах, переплачено капиталистам более 100 милл. рублей; частным железнодорожным обществам передано 1300 мил. р. при помощи государственного кредита, да вообще переплачено по другим статьям покровительства около 400 милл. рублей.

Эта постоянная помощь правительства крупной буржуазии к концу XIX века была закреплена бесчисленными комиссиями и организациями по вопросам промышленности и торговли, где обязательно заседали представители буржуазии. Значение буржуазии очень сильно возросло, и старый тип купца Островского отошел в область предания. Само правительство устами своих агентов заявляло постоянно и повсюду, что без согласия и мнения капиталистов оно не предпримет ни одного начинания в области промышленности. В 1896 году министерство финансов на Нижегородской выставке устами своего уполномоченного заявило о том, что „министерство всегда чутко прислушивалось к голосу промышленников и купечества".

Капиталисты очень охотно шли навстречу такому попечению о них самодержавия, их аппетиты разгорались до того, что даже правительству приходилось отечески журить их за это: стоит только просмотреть, напр., ответы с'ездов горнопромышленников юга России, чтобы убедиться в этом. Не проходило с'езда, когда бы эти рыцари капитала не просили о пошлинах на ввозимый уголь или чугун и когда бы они так или иначе не добивались этого (в 1882/3 г. получили пошлину на уголь в 2 коп. зол. с пуда, в 1890/91 г. получили 4 коп., а на чугун в 15 коп. с пуда в 1881—3 гг.). Эти пылкие южане однажды договорились до того, что внесли проект о прикреплении рабочих к заводам, т. е. о введении крепостного права только так, что помещиками становились капиталисты!

В своих требованиях к правительству капиталисты доходили до цинизма и, напр., устами одного из своих представителей протестовали не против такого грабежа народной казны, а только против неравномерной дележки награбленного; „...в дележе правительственных суб-

сидий должны участвовать все металлургические заводы", заявлял Гужон в 1902 году.

Но, ссорясь из-за награбленного между собой, капиталисты, когда дело касалось их общих классовых интересов, выступали огромной, сплоченной организованной силой. Так, напр., когда правительство пыталось урегулировать рабочий вопрос законодательным путем, как уже было показано выше, капиталисты, особенно московские и владимирские, горой отстаивали свои интересы, заставили правительство отложить свои проекты в долгий ящик и только давление рабочего класса вынудило 699 магнатов издать кое-какие законы из чувства самосохранения. Впрочем и в рабочем вопросе самодержавие шло всячески навстречу капиталистам,—ни один проект по рабочему вопросу не обсуждался без участия капиталистов (правительственные чиновники иногда робко указывали буржуазии, как это было при обсуждении закона 2-го июня 1897 г., что нельзя делать так, чтобы проект закона обсуждался чуть ли не без участия правительства), ни одна более или менее крупная стачка не обходилась без работы „молодцов фанагорийцев" и ни один прокурор или судья, когда того хотели капиталисты, не отказывался судить рабочих. Мы это видели из тех цифр, какие выше приведены о стачечном движении; это видно и из того, что капиталисты, жалея свои деньги на содержание особой фабричной полиции (на это капиталисты тратили изрядные суммы), беспрестанно просили у правительства войск для постоянного постоя в фабричных поселках, и самодержавие никогда почти в этом не отказывало буржуазии.

Когда дело касалось посягательства самодержавия на прибыли капиталистов (напр., при обсуждении законопроекта о промысловом налоге), буржуазия дружно отстаивала свои интересы, и здесь их трибуны говорили чуть ли не языком Маратов и Робеспьеров.

Зато как консервативна и реакционна была та же буржуазия, когда дело касалось „представительных учреждений": ей не нужны были эти „вольности". „В предыдущие десятилетия," говорит по этому поводу М. Н. Покровский: „всего приходилось ждать не от роста национального богатства—при данной кон'юнктуре на хлебном рынке этот рост мог быть лишь очень медленным—а от заграничного кредита. Но посредником в сношениях с заграницей было правительство—и чем прочнее было оно, тем надежнее был кредит: играть в оппозицию при таких условиях значило подрубать тот сук, на котором сидишь—и российское купечество было слишком умно для этого. С другой стороны, тот же заграничный кредит делал это правительство (да и не один только кредит. В. Н.) независимым от туземной буржуазии, более, нежели в какой бы то ни было другой стране: отношение правительства и туземных капиталистов было в России диаметрально противоположным тому, какое установилось, напр., с XVII века в Англии. Там буржуазия держала в руках кошелек правительства, у нас последнее держало в руках кошелек буржуазии". Отсюда-то и вытекает та реакционность русской буржуазии, которую так хорошо подметили и оценили русские марксисты. Но этим же обстоятельством об'ясняется и классовая боязнь русской буржуазии всех тех либеральных веяний, какие шли из среды дворянства. Дворянский либерализм коренится также без сомнения в той экономической структуре, на

какой покоилось русское землевладение. Мы только что видели, как 699 магнатов при поддержке 27 слишком тысяч своих меньших собратий были вынуждены ходом вещей вскармливать русскую буржуазию. Но вскармливая ее, эти 27 тысяч землевладельцев надеялись поставить себя в независимое от нее положение (путем займов и всякого рода монополий, в роде железнодорожной); однако кроме этих 27 т. крупнейших аграриев на земле сидело еще более 20 т. средних помещиков и более сотни тысяч дворянской мелкоты с 37 мил. десятин земли. Всю эту массу ничуть не устраивала политика 699, покровительствующая крупному буржуа. „Оскудение центра" и прочие оскудения били по карману как раз это дворянство; землю спускала тоже эта часть помещиков, всякие покровительственные тарифы били по карману больше всего этих помещиков.

Мы уже видели, какую роль играли в деле освобождения крестьян различные классовые группировки дворянства. Мы видели так же, как под влиянием чисто экономических обстоятельств, в качестве оппозиции выступали сначала только дворяне нечерноземных губерний; черноземное среднее дворянство пыталось вплоть до 90-х годов обойтись без оппозиции. Аграрный кризис начала 90-х годов и голод начала этого десятилетия отбрасывает в оппозицию и это черноземное среднее дворянство.

Теперь большинство среднего дворянства уходит в оппозицию. Правда, и теперь оно стоит все на той же почве феодальных отношений, перекладывая со своих плеч все тяготы на крестьян: вплоть до самой революции крестьяне оплачивают все расходы на фельдшеров, докторов, учителей, на содержание дорог и т д.; все так же и это дворянство пользуется и варварским законом о найме сельско-хозяйственных рабочих и отработками и „отрезками" и дворянским и крестьянским банком, беря ссуды у правительства и продавая втридорога свои земли через банк крестьянам. Но разрушительный процесс „оскудения" продолжал действовать безостановочно: самая-то основа помещичьего хозяйства — масса крестьянства разорялась и „бежала розно", куда глаза глядят, лишь бы освободиться от помещичьей кабалы.

Возникающая земская оппозиция во имя спасения страны выдвигает теперь либеральную программу: 1) поддержание общинного землевладения; 2) помощь малоземельным крестьянам путем перехода в их руки земли; 3) организация мелкого кредита и переселений; отмена круговой поруки и паспортной системы; 4) понижение выкупных платежей; и 5) увеличение налогов, платимых крупной буржуазией, и сокращение непроизводительных государственных расходов—вот главные тезисы либеральной программы земцев.

Но если 699 магнатов и 27 тысяч их меньших братий сочувствовали идее укрепления общины и с грехом пополам шли навстречу идеям о мелком кредите и переселениях (да и то так, что только „самотечный" уход крестьян приходилось отмечать в законе post factum), то уже никак не в интересах крупных аграриев было отменить круговую поруку, паспортную систему и т. п. Наоборот, аграрии ответили на эту либеральную программу законом о земских начальниках (закон этот впрочем был поддержан и черноземным средним дворянством) и реформой земства на сословном начале.

Что же касается переложения тяготы налогового обложения на плечи крупной буржуазии, то этого просто нельзя было сделать уже по той простой причине, что этого не хотела сама крупная буржуазия. Впрочем и здесь дворянство стояло все на том же старом ките, о благе которого оно кричало в своих либеральных программах: налоги на землю попрежнему падали на крестьян:

Налоги на землю:

	1869	1875	1885	1904
Частновл.	6,5	6,2	12,9	20,0
Надельную	10,33	14,5	17,7	26,0

Борьба с крупной буржуазией по вопросу о подоходном налоге и новый закон о сословном земстве 1890 г. показал среднему дворянству, что земельные магнаты и крупная буржуазия—огромная сила и что и ему, среднему дворянству, нужно на что-то или на кого-то опереться. Либеральное земство ищет такой опоры и вставляет в свои программы новые пункты, которыми надеется убить сразу двух зайцев, — поднять свое падающее хозяйство и опереться на среднего и крепкого мужичка,—изменение таможенной политики в интересах сельского хозяйства, поднятие техники сельского хозяйства и культурный под'ем страны.

Противоречие классовых интересов крупной буржуазии и среднего дворянства чувствовалось очень давно, и, когда Муромцев на с'езде землевладельцев в 1895 году заявил, что, „сельско-хозяйственный кризис есть последствие колоссального нарушения равновесия между обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством", он только выразил в краткой формуле суть тех экономических противоречий, на каких покоилось развитие русского хозяйства. Что касается двух других пунктов, то либеральные земцы начинают в течение 90-х годов усиленно проводить их в жизнь: улучшение земской медицины, развитие земской агрономии, всякого рода мероприятия по улучшению крестьянского хозяйства, улучшение в деле народного образования, привлечение в земство третьего элемента—все это ведет начало с девяностых годов и продиктовано либеральному среднему помещику железной экономической необходимостью и чувством классового самосохранения против совершенно новой, молодой, но уже грозно проявившей себя исторической силы—рабочего класса!

Да, если у либеральной земской земельной буржуазии и была хоть маленькая надежда, взявши в свои руки народную агрономию, народное образование, медицину, овладевши крестьянскими товариществами и кооперативами, и фактически и идеологически вести за собой крестьянство, то по отношению к рабочему классу надежд не было никаких. Тот кратковременный роман, что затеяла либеральная буржуазия в лице Струве с социал-демократами и какой известен у нас под именем „легального марксизма", был непростительной ошибкой или, вернее, жестом отчаяния и угрозы наших либералов. Он, этот роман, очень скоро прекратился вследствие грубости и невоспитанности жениха, марксиста-ортодокса и революционера.

Это классовое предчувствие, это предвидение еще нового более опасного врага и заставило либеральную помещичью оппозицию искать себе друзей и в городе в лице городской либеральной бур-

жуазии. Третий элемент, которым так любили щеголять либералы — все эти земские либеральные врачи, статистики, агрономы, страховики, фельдшера, фельдшерицы, студенты, курсистки и всякого рода иные служащие — это довольно большая прослойка *мелкой* либеральной буржуазии, которая являлась связующим звеном между земской либеральной буржуазией и средней городской либеральной буржуазией — всеми этими богатыми адвокатами, докторами, директорами крупных предприятий, профессорами и прочими либеральными элементами, составившими вместе с земельным либеральным дворянством основу будущей конституционно-демократической партии, третий элемент придавал особенно в первое время нашей либеральной оппозиции характер некоторой „революционности" и „демократичности".

Земский либерал охотно мечтал о руководстве сельским учителем, не смущаясь его даже часто эс-эровскими симпатиями, городской либеральный буржуа втайне давал деньги на организацию убийства министра Плеве (ведь этот последний защищал только свои интересы да интересы 699 магнатов), и тот и другой даже помогал оформиться и определиться мелкой буржуазии, как партии, нисколько не боясь ее кровавых террористических замыслов, но тот и другой пуще огня боялся рабочего класса и его авангарда социал-демократии.

Все эти отношения в девяностых годах только завершались, оформлялись, но уже все были на лицо, и не далек был тот день, когда это размежевание должно было произойти резко и определенно. В девяностых годах идет только собирание этих либеральных элементов: в 1894 году некоторыми земствами ставится вопрос об областных земских с'ездах для выработки общей политики в области сельского хозяйства; на Нижегородской выставке 1896 г. осуществляется совещание земских представителей; в 1897—8 годах выдвигается уже мысль об общеземском печатном органе; разработать программу этого органа поручается Московской Городской Управе, во главе которой стоял Шипов. Программа эта обсуждается в 1899—900 годах и возбуждается ходатайство перед правительством о разрешении такого общеземского органа. Но правительство 699 магнатов и 27 тысяч аграриев отвечает отказом и начинает усиленную борьбу с либералами. Все консервативные органы печати во главе с „Московскими Ведомостями" начинают борьбу с либералами еще с начала 90-х годов, и „Русские Ведомости", этот неофициальный орган либерализма, принимает эту борьбу и скрещивает свою дворянскую шпагу с феодальной дубиной.

Вместе с тем либеральная буржуазия все усиленней и резче нападает на социал-демократию: подобрав остатки выродившихся народников в лице Михайловского, Кривенки и компании, она открывает беглый огонь по марксистам. Положение уясняется все больше и больше: как ни страшно самодержавие, а новый враг еще грознее, с 699 магнатами можно еще, быть может, сговориться, как никак, это свой брат дворянин; крупный буржуа хотя и не любит дворянского, отзывающегося 70-и годами „конституционного романтизма", а все же и с ним можно договориться, а вот рабочий не то: им разве можно только попугать 699 магнатов.

Это положение, правда, немного позже, в 1900 году выразил П. Струве в своем предисловии к известной записке Витте о земстве.

Напомнив о том, что совершенно правильно Витте указывает правительству на невозможность одновременно вести игру и на черный и на красный квадрат, Струве угрожает развивающимся социал-демократическим движением и говорит: „Формы этого движения мы не беремся предсказывать, но в том, что оно явится, в этом мы убеждены. О размерах социал-демократического „хождения в народ“ когда-нибудь поведают архивы департамента полиции. Социал-демократические агитаторы и пропагандисты в рабочей среде, отчасти уже выходящие из этой самой среды, идут в нее с практическими и обдуманными предложениями и приемами, основанными на действительном знакомстве с бытом рабочих. Словом, между современным социал-демократическим рабочим движением, глубоко практическим и именно в силу своей практичности в то же время политическим по своим приемам и воспитательным результатам, и романтическим „хождением в народ“ 70-х годов очень мало общего. Для социал-демократического движения характерно то, что оно, имея готовую и чрезвычайно широкую теорию, на практике начинается с мелких местных нецентрализованных организаций и попыток, которые постепенно органическим путем растут и централизуются, не теряя своего местного характера, а, наоборот, все глубже и прочнее проникая в местную почву“...

Указавши затем, что репрессии правительства не остановят этого движения, Струве так пугал самодержавие: „С глубокой скорбью мы предвидим те ужасные жертвы и людьми и культурными силами, которых будет стоить эта безумная агрессивная консервативная политика...“ „...Только в этом случае дело не дойдет до конечной и кровавой борьбы революционной России с самодержавно-бюрократическим режимом, если среди власть имущих окажутся лица, у которых найдется мужество — смириться перед историей и смирить перед ней самодержца, выросшего в нелепой и безнравственной вере в свое всемогущество“.

Это смирение по Струве означало соглашение самодержавия с либеральной буржуазией и передача власти всероссийскому земству.

То, как происходило это соглашение, выходит пока из круга нашего обсуждения, и, обрисовав классовые отношения в эпоху 90-х годов, мы возвращаемся к истории развития нашей партийной организации на фоне этих классовых отношений и конфликтов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Второй период истории русской социал-демократии (1894—1898 г.г.).

Петерб. Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Образование и состав „Петербургского Союза борьбы“.

Разгром Брусневской группы произошел весною 1892 г., но, конечно, с этим разгромом не закончилось социал-демократическое движение как в Петербурге, так и в Москве. Правительство не могло не только уничтожить движения, но даже арестовать всех революционеров, принимавших участие в группе. Кроме того, социал - демократическое учение и помимо группы имело уже много сторонников. Осталась группа молодежи в Технологическом Институте, бывшая уже явно социал-демократической. Это, так называемая группа „стариков“, существовавшая уже в 1892 г.—С. И. Радченко и его жена Л. Н. Радченко, инженер Г. М. Кржижановский, В. И. Старков, инж. А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, З. П. Невзорова, технолог-студ. Я. П. Пономарев, учительница Н. К. Крупская и др. Эта группа и вошла в состав новой организации, как преемница Брусневских организаций. Впоследствии к ней присоединились Ю. О. Мартов (Цедербаум) в 1895 году, и присоединил к ней марксистов революционеров М. Наделя, переехавшего из Вильны в Петербург по совету Мартова же, группу инженер-технологов во главе с А. П. Лурье, врача Ф. И. Гурвича (Дана), только что окончившего Дерптский университет, петербургского студента С. А. Гофмана, Тренюхина и доктора, оконч. Киевский университет, Я. М. Ляховского, с которыми Мартов был связан уже давно отчасти по работе в Питере, отчасти по Вильне. Еще раньше к группе „стариков“ присоединился В. И. Ульянов (Ленин), приехавший в Петербург в 1894 г.

Мартов еще в 1891 году познакомился с группой студентов, которые в большинстве затем стали социал-демократами и принимали деятельное участие в движении,—И. Д. Ставский, Н. Д. Соколов, Е. П. Радина и др.

Огромное влияние на Мартова и его кружок оказал Д. В. Странден.

Это был племянник каракозовца Страндена и один из первых русских марксистов. „В начале 90-х годов“, говорит о нем Мартов в своих воспоминаниях: „он был одним из немногих русских петербургских революционеров, признававших себя без оговорок социал-демократами. Он был членом Брусневской группы и, как уже сказано было раньше, вел кружки рабочих, во время арестов брусневцев был арестован и он. Отправленный в Сибирь он отошел от политической

работы навсегда. Но для эпохи начала 90-х годов работа Страндена имела большое значение.

„Как *политическая программа действия*", говорит по этому поводу Мартов: „марксизм в конце 1891 года в Петербурге не был известен или, вернее, был известен лишь по некоторым брошюрам Плеханова. Д. В. Странден в своих беседах со мной старался лишь внушить мне необходимость выработки цельного социологического миросозерцания и пропагандировал материалистическое понимание истории, считая, повидимому, преждевременным посвящать в программные особенности того кружка, к которому он принадлежал. А. Н. Потресов, стоявший еще на распутье, лишь усвоил себе, насколько помнится, определенно отрицательное отношение к теоретическим основам народничества, в области же общественных задач выдвигал лишь необходимость широкой борьбы за политическую свободу в противоречии с программой „малых дел" и культурничества. Мой друг Ставский в поисках за руководящей нитью добрался до П. П. Струве, репутация которого, как отменно начитанного человека, высоко стояла в радикальном мире. Но беседы с будущим редактором „Освобождения" и „Вех" его не удовлетворили. „Не поймешь его", говорил он мне как-то с досадой, „то он—немецкий социал-демократ, то либералец „Вестника Европы".

Огромное значение, по словам Мартова, на их кружок оказали четыре речи рабочих-брусневцев, произнесенные 1-го мая 1891 года, то-есть все та же брусневская группа, которая работала почти до середины лета 1892 г. Осенью этого же года Потресов и Гофман, первый из которых побывал летом за границей в Цюрихе и Женеве, привезли комплект изданий группы „Освобождения Труда", немецкую и французскую социал-демократическую литературу. Под влиянием этой литературы и новых связей через курсистку Л. Н. Баранскую (позже Радченко) с остатками брусневской организации самоопределение кружка Мартова пошло очень быстро: в конце 1892 г. мартовский кружок в знак солидарности с группой „Освобождения Труда" называет себя „Петербургской группой Освобождения".

К. М. Тахтарев и его группа студентов-медиков, начавшие работу в кружках в конце 1893 и начале 1894 года, составляли третью социал-демократическую группировку в Петербурге („обезьяны"). (Тахтарев получил связи с рабочими кружками через народовольцев незадолго до провала „Группы народовольцев", впрочем некоторые члены будущего союза, как, напр., Л. А. Якубова, вели работу среди пролетариата, пользуясь всякого рода обстоятельствами, курсами и т. п.).

К 1895 г. сорганизовалась и еще одна группа социал-демократов, так называемых „молодых" во главе с Н. В. Чернышевым (по преимуществу технологов, Б. И. Горев называет их „желторотыми").

Из вышеприведенных данных о составе социал-демократических групп в Петрербурге видно, во-первых, что все эти группы выросли под непосредственным влиянием петербургской же социал-демократической организации—брусневской: влияние на мартовскую группу брусневца Страндена, преемственная связь С. И. Радченко с брусневцами, о чем говорит, напр., Л. Б. Красин; Тахтарев ничего не говорит об образовании своей группы, но судя по тому, что связь с рабочими

Тахтарев получил через В. А. Шелгунова, принимавшего участие в движении уже давно и имевшего связи и с группой Бруснева и даже с группой Точисского, можно сказать, что и „обезьяны“ выросли из одного общего социал-демократического корня в Петербурге.

Что касается „молодых“ или „петухов“, то эта группа, получившая свое образование позже, уже на основе всех пред'идущих влияний, так сказать, была пятым поколением петербургских социал-демократов, если считать первым поколением благоевскую организацию (1883—1887 г.г.); вторым группу Точисского (1887—1889/90 г.г.), третьим—брусневскую (1889/90—1892 г.г.) и четвертым группу стариков (1892—1894 г.г.), которая и положила вместе с мартовской группой работников начало „Петербургскому Союзу борьбы“.

Приехавший в Петербург В. И. Ульянов, уже с начала девяностых годов марксист, выработал свое мировоззрение, как мы видели, совершенно самостоятельно и независимо от каких-либо петербургских групп.

Второй вывод, какой необходимо сделать, изучая состав этих групп, это очень большое идейное влияние теперь в начале девяностых годов на русских и в частности петербургских марксистов группы „Освобождения Труда“: не только получается литература группы, но устанавливается и организационная связь русских социал-демократов с Плехановым и его товарищами: летом 1892 года эти очень прочные связи устанавливает Потресов; в 1893 г. в декабре или начале 1894 г. П. А. Красиков, студент Петербургского Университета, тоже к этому времени уже марксист, ездил за границу в Швейцарию для связи с группой „Освобождения Труда“ (Красиков вошел в связь с группой Мартова через Гофмана); летом 1895 года за границей был и завязал сношения с Плехановым и Аксельродом и В. И. Ленин. Но не только здесь в Петербурге, а и в провинции эта связь с группой „Освобождения Труда“ расширялась и крепла (Хинчук в Туле, Тейтельбаум в Екатеринославе, Шлихтер в Киеве и т. д.).

Работа „Союза“.

Социал-демократическое движение получает идейную крепость и теоретическую обоснованность.

Мартов в своих воспоминаниях, говоря об образовании „Петерб. Союза борьбы“, придает, по нашему мнению, несколько преувеличенное значение виленскому влиянию на Петербург. В самом деле, каковы факты, сообщаемые Мартовым? Высланный в июне 1893 года из Петербурга в Вильно, Мартов пробыл там с небольшими перерывами до осени 1895 г., и когда возвратился снова в столицу, то вступил в организацию, откуда вырос „Союз“. Руководящие роли в Вильне играли в это время А. Кремер (Александр), И. А. Айзенштадт (Юдин), дантист Копельзон („Тимофей“), М. Д. Средницкая, С. Гожанский, А. Мутникович („Глеб“), В. Левенсон (Коссовский), Тобиас („Макс“), Минна Волк и сам Мартов.

В каком направлении велась в это время работа в Вильне и вообще в Западном крае? Зародившись еще в 1892 году, социал-демократическая работа велась на основе тех экономических касс борьбы, устав которых так хорошо известен.

Судя по первомайским речам в 1892 году в Вильне, можно вполне согласиться с характеристикой этой работы, даваемой Рафесом: „Здесь нет никаких политических идей, нет лозунгов борьбы с царизмом, но есть совершенно определенная социалистическая окраска, социалистическая идеология“ *). Параграф первый „Устава рабочей организации“, а именно § 1 „кассового устава“ гласит: „Цель кассы об'единить рабочих, чтобы бороться за лучшую жизнь, и давать средства, которые необходимы для ведения такой борьбы“, далее говорится о солидарности, борьбе путем стачек и т. д.; параграф первый устава библиотечной комиссии так же говорит о том, что цель библиотеки—„развить массу в знании и понимании“; цель центральной комиссии „бороться за лучшую жизнь“ и только в уставе Ремесленной Комиссии говорится о том, что ее цель „улучшить экономическое и политическое положение всего ремесла“. Но если этот устав своей общей формулировкой уже во-второй половине 90-х годов позволял охватывать действительно массу, то о массовой не только политической, но и экономической работе в 1893 году в Вильне говорить нельзя.

Работа и там велась так же, как и везде во всей России, кружковая, в кружках пропаганды и самообразования. Говорилось все о той же первобытной культуре, что и в Петербурге, давался очерк развития земли, читалась история и политическая экономия и затем уж Дикштейн, „Коммунистический манифест“ и т. п. Словом, как говорит Мартов, работа страдала „некоторым схематизмом, абстрактностью, книжностью“, „оторванностью от жизни“.

Две, три сотни рабочих, которые были затронуты этой пропагандой к началу 1894 года, были „аристократией“ деcятитысячного пролетариата Вильны. Мало того, оказывалось, что очень часто такой ремесленник или ремесленница Вильны, получившие культурное развитие в кружке пропаганды, пользовались своим развитием только для того, чтобы порвать с революционерами и рабочей средой и сделаться, — рабочий мелким хозяйчиком, а работница выскочить замуж.

Но это было и в Петербурге, с тою только разницей, что такой аристократии в столице было побольше и что там выскочить в хозяйчики было потруднее, чем в Вильне. Правда, в Вильне об'ективный ход экономической жизни приводил к крушению и таких отдельных хозяйчиков и те артели, путем которых некоторые товарищи хотели спасти рабочий класс, и уже тогда, т. е. в 1893 году, как мы видели кассы, уставы коих мы цитировали, превращались в настоящие боевые организации „общества сопротивления“. Но и Мартов, да и все историки еврейского рабочего движения рассказывают о том, поистине бешеном, сопротивлении, какое оказала такая аристократия, когда в 1893—94 году Кремер и Мартов решили, что центр тяжести в их работе „должен быть перенесен в сферу *агитации*“. Главою и организатором этого сопротивления был А. Гордон, и борьба с его направлением велась ожесточенно и упорно. Больше того, временно Кремер и Мартов были побеждены. Мышление их противников показывало, что они мыслят идеалистически, как утописты, и что в их мышлении есть нечто и от Лаврова с его верой в критически мыслящие личности. Но такая же борьба велась с этой аристократией и в других

*) См. его „Очерк истории Бунда“.

местах, и в Петербурге, и в Киеве, и в Москве, и борьба эта началась независимо от брошюры „Об агитации“, написанной Кремером и Мартовым: переходить к широкой массовой работе заставляло широкое и бурное массовое рабочее движение, начавшееся в 90-х годах.

Еще в 1893 году, то есть в то время, когда брошюра „Об агитации“ еще не появлялась и когда в Петербурге „дело сводилось к политической пропаганде и к вербовке *отдельных личностей* из рабочей среды, по словам Тахтарева, „в среде некоторых рабочих, называвших себя социал-демократами, стал раздаваться протест против подобного положения вещей. Нет! — говорили они, — успех дела лежит в рабочем движении“. То же самое происходило и в Киеве в 1895 году, так как уже в конце 1894 года киевляне перешли к агитации и Мельников, сторонник агитации, говорил: „Лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж“.

Брошюра „Об агитации“ имела большое значение потому, что она во время и удачно формулировала то общее настроение наиболее чутких социал-демократов, которые уже в 1894 году понимали, что первый кружковой период развития русской социал-демократии прошел и что наступило время широкой массовой работы.

Огромное значение брошюры „Об агитации“ бесспорно, оно заключалось именно в этом вопросе о широкой агитационной работе в массах на почве их непосредственных нужд и интересов. Но известны также и те ошибки этой брошюры, которые были потом подхвачены оппортунистическим крылом нашей социал-демократии, экономистами и расцвели таким пышным цветом в „Credo“ Кусковой.

„Как ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, при том еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор, пока не перестанет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей не будет невозможным в пределах существующих политических условий. Задачей социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и в конце концов поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный таким образом к более серьезной борьбе, рабочий класс приступит к решению своих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом более сознательном виде создаст почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса...“

Здесь уже, в этих строчках брошюры Кремера и Мартова, кроются зачатки знаменитой оппортунистической теории стадий экономистов, из которой затем, как логическое следствие, вырос весь русский меньшевизм. Здесь, в этих мотивах брошюры „Об агитации“, по собственному признанию Мартова, отражается „изрядная ограниченность политического горизонта, сда ленного еще не изжитой эпохой полной общественной апатии, ограниченность, в силу которой мы

догматически и доктринерски предписывали развитию русского рабочего движения какую-то самодовлеющую логику, проектируя его в неизменяющейся обстановке междуклассовых отношений". И не только, конечно, это: брошюра „Об агитации" в самых слабых местах своих отражает и ту мелко-буржуазную атмосферу, атмосферу рабочего движения ремесленников, движение, которое, дойдя до определенной точки развития, не могло уже перешагнуть своих узких рамок. Это обстоятельство наложило печать и на другие взгляды Мартова; как совершенно правильно замечает Рафес, уже в речи Мартова на первомайском празднике в Вильне 1895 г., подчеркнут тот момент, за который страстно ухватились руководители „Бунда" в девяностых годах, — момент национальной обособленности еврейского рабочего движения.

О. Ю. Мартов.

Как бы то ни было, но в то время, в период (1894—95 год) перехода от кружковой работы к широкой массовой агитации, брошюра Мартова и Кремера сыграла свою роль. Не следует только преувеличивать эту роль, ибо еще в 1891—2 году Плеханов более ярко и талантливо подчеркнул, как мы видели, этот момент необходимости перехода к широкой политической агитации („Агитации", говорит он в брош. „О задачах в борьбе с голодом в России": „принадлежит главная роль в драме, называемой *общественным переворотом*", а „отсюда следует, что если русские социалисты хотят сыграть деятельную роль в предстоящей русской революции, они должны уметь быть *агитаторами*"). Да, наконец, и В. И. Ульянов уже в 1894 году независимо от какого-то ни было влияния в своей полемике с народниками, определяя в брошюре „Что такое друзья народа" теоретические задачи русской социал-демократии, говорит: „Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед *практической*..." „Напротив, добавляет он: на 1-е место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во 1), что теоретическая работа дает только ответы на те вопросы, которые пред'являет вторая, а во 2), социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них независящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая". И когда вслед за этим в краткой формуле Либкнехта: „Studieren, propagandieren, organisieren" В. И. выразил свою мысль, то этим самым он со всей полнотой охватил задачи момента перехода от кружковой работы к массовой агитации.

Вот почему указание Мартова на то, будто старики на деле как бы нехотя или по инерции еще сопротивлялись переходу к агитации, просто не соответствует действительности.

Осенью 1895 года сформировалось основное ядро организации. В нее вошли: Мартов, Гофман, Ляховский и Тренюхин от Мартовской группы; Ленин, Радченко, Кржижановский, Старков, Малченко, С. Невзорова, Ванеев, Сильвин, Запорожец, З. П. Невзорова, Крупская, Пономарев и Якубова от группы стариков, всего 17 человек по словам Мартова (эти сведения совпадают с тем, что говорит Н. К. Крупская). Это и был руководящий центр организации. Кандидатами по словам Мартова были намечены — Ф. Гурвич (Дан), П. И. Гольдман (Горев), инж. А. Лурье, ст. В. К. Сережников и курсистка И. Смидович. В таком составе группа просуществовала до первых больших арестов в ночь с 8 на 9 декабря, когда попали в тюрьму — В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, А. Л. Малченко, И. Г. Запорожец и наиболее выдающиеся рабочие Б. Зиновьев, П. Карамышов, В. А. Шелгунов, Меркулов, Кайзер, Яковлев и др. Из группы народовольцев были арестованы: Л. Л. Ергин, Н. В. Полетаев, Агринская, Сибилева, П. Н. Лепешинский и др. Был избран новый центр в составе С. И. Радченка, Ляховского, Сильвина и Мартова, и теперь-то организация в конце 1895 г. получила название „Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ (по предложению Мартова).

Н. К. Крупская.

В ночь с 4 на 5 января были арестованы: Мартов, Ляховский, Пономарев, рабочие Бабушкин, Львов, Димичев, Шепелев, Морозов, Самохин и из „молодых“ Малишевский, инж. Г. Богатырев, студент Муранов и из „обезьян“ Тахтарев. Из старых основателей Союза, таким образом, осталось меньше половины, восемь человек; теперь в центральную группу вошли некоторые из намеченных кандидатов, в том числе Ф. Дан. В течение лета 1896 года произошли дальнейшие аресты—Сильвин, Г. Невзорова, Шестопалов и др. После этого на собрании в Шувалове, под Петербургом было решено слить все существующие соц.-демократические группы в одну (в том числе и группу „молодых“, которую не включили в первоначальную организацию 1895 г. в виду того, что к этой группе был близок провокатор, зубной врач, Михайлов). В августе (12 числа) 1896 г. произошел новый провал, когда были арестованы Дан, Лурье, Г. П. Невзорова, Бауэр, Ленгник

(из группы „молодых") Н. К. Крупская (вскоре освобожденная), Гофман, Щеглов, Желабина. Из старых основателей „Союза" уцелели С. И. Радченко и его жена, Н. К. Крупская, А. А. Якубова, уехавшая на время в Вологду, из группы Чернышова один Митров, почти не пострадала группа Тахтарева. В сентябре 1896 г. был образован новый центр „Союза" в составе Б. Гольдмана (Горева), Потресова, Тахтарева и Иваньшина, который впрочем скоро от „Союза" отошел. В декабре 1896 г., когда Потресов был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, руководителем „Союза" оставался один Б. Горев вплоть до первого мая 1897 года, когда произошел новый провал и были арестованы Б. Гольдман и около сотни других социал-демократов. В работе этого состава принимали еще участие Н. К. Крупская, Катин-Ярцев, С. И. Радченко (которого берегли, как одного из зачинателей движения, хранившего все связи, дела и печать „Союза") и Тахтарев, который впрочем вскоре после вступления в центр эмигрировал в Англию. Незадолго до ареста Б. Гольдмана к работе „Союза" примкнул Акимов-Махновец и множество новых молодых социал-демократов, так что, когда в феврале 1897 года старые основатели „Союза"—Ванеев, Запорожец, Кржижановский, Ляховский, Малченко, Старков, Ульянов и Мартов перед отправкой в ссылку сошлись с новым составом „Союза", это было уже совершенно новое поколение социал-демократов, наметивших в своей работе совершенно новую оппортунистическую тактику.

Мы с определенной целью проследили смену личного состава руководящего центра „Петербургского Союза борьбы", ибо это имеет существенное значение для определения перемены тактики „Союза", о чем только что сказано. Незаметно, постепенно менялся состав руководящего центра и уже в начале 1897 года из старых членов „Союза" оставались только Б. Гольдман и С. И. Радченко, не принимавший в делах близкого участия. Вошли совершенно новые люди с совершенно иными взглядами и методами работы, чем те, что отличали группу, во главе которой стоял Ленин.

В первый период существования Союза, когда во главе стоял выделявшийся уже и тогда вождь русских социал-демократов, работа распределялась так. Руководящим центром было Бюро в составе Ленина, Мартова, Старкова, Ванеева и Кржижановского. Ленин же был редактором изданий организации. Супруги Радченки оставались вне района, как заведующие конспиративными, техническими и финансовыми делами „Союза" (С. И. Радченко был образцовый конспиратор типа киевских работников).

Остальные товарищи распределились на пропагандистско-агитационной работе среди пролетариата. Весь Петербург делился, если выражаться современным языком, на три района, с тремя районными комитетами во главе. Один район Заречный ведал работу на Васильевском Острове, Петербургской стороне и на Выборгской с Охтой. Здесь велась пропаганда на заводах—Балтийском, Розенкранца, Металлическом, Феникс, Арсенале, Новом Адмиралтействе, Франко-Русском и текстильных фабриках. Районный Комитет состоял из Сильвина, Невзоровой, Ванеева, Гофмана и Тренюхина. Второй район Шлиссельбургский (Невский). Здесь велась работа на заводах: Семянниковском, Александровском, Обуховском и на фабриках: Паля, Максвеля и Варгунина. Районный Комитет здесь состоял из Малченки, Кржижановского, Н. К.

Крупской (зав. легальной библиотекой в районе) и Ляховского. Третий район Нарвско-Московский включал заводы: Путиловский, Речкина, Резиновую Мануфактуру, Н. Бумагопрядильню и другие заводы по Обводному каналу. Районный Комитет состоял из Мартова, Старкова, Якубовой, Запорожца и Пономарева. В центре организации рабочих не было, но не потому, что руководители не считали это допустимым. Мартов перечисляет все причины этого отсутствия рабочих в центральной группе. Старых рабочих нельзя было вводить потому, что почти все они были „книжниками"—противниками широкой агитационной работы; вводить же одного кого-либо по своему выбору было тоже неудобно: ведь из этих „книжников" многие помнили еще народовольцев Михайлова, Халтурина и даже Обнорского; молодых нельзя было вводить вследствие их неподготовленности; наконец, конспиративные условия также заставляли осторожно относиться к введению в центр рабочих. Так и в Петербурге создалась организация по общему типу тогдашних обычных социал-демократических организаций: интеллигентский центр и рабочая центральная группа. Но такой тип организации нисколько не походил на тот тип организации „экономистов", когда рабочая группа считалась центром, интеллигенты подвергались контролю рабочих и т. п. Да и совершенно излишне это было даже в организационном- практическом отношении: центральная группа была построена так, что ее члены являлись вместе с тем и членами районных организаций (Мартов, Ванеев, Кржижановский), что и обеспечивало самую непосредственную близость с рабочей массой.

Такова схема организации по Мартову, такова она в общем и по другим свидетельствам. Остальные товарищи работали в кружках, по технике, по сбору денег по указанию главных руководителей. Каков же был состав всех этих организаций в смысле интеллектуальном и идейном? Если исключить таких выдающихся людей, как те, что были молчаливо признаны руководителями движения, как Мартов, Кржижановский, Ванеев, Сильвин и вообще весь центр организации, все 17 человек его (не говоря уже о Ленине, проявившем себя и тогда, как вождя), то и обо всех остальных членах Союза, за немногими исключениями, интеллигентах и рабочих можно сказать, что это были *цвет русской молодежи, наиболее развитой, передовой и революционный слой русского общества конца девятнадцатого века.*

Н. К. Крупская так характеризует подготовку членов первого „Союза" (группы): „Членов ее связывала полная идейная солидарность. Взгляды свои эта группа окончательно оформила в борьбе с народниками. Прежде чем она сформировалась в активную группу, члены ее прошли довольно основательную марксистскую школу. Правда, большинство читали только первый том „Капитала", „Происхождение семьи, собственности и государства" Энгельса—и то последнее читали в рукописи,—но I-й том „Капитала" знали на зубок. Лучше были подкованы Ленин и Мартов. По рукам ходили желтенькие гектографированные тетрадки „Друзья Народа", написанные Лениным и критиковавшие Михайловского, В. В. Кривенко".

Нечего говорить, что у всех была блестящая общая подготовка: ведь подавляющее большинство членов „Союза" были люди с высшим образованием.

Состав центра первого „Союза“ был таков: 5 инженеров, 1 врач, 1 учительница, 1 пом. присяжного поверенного, 7 студентов и студенток, 1 акушерка и 1 профессионал (Мартов).

Но, быть может, рабочие, входившие в „Союз“, были не высокого развития? Но чтобы ответить на этот вопрос, стоит только назвать таких рабочих, как В. А. Шелгунов, Шаповал, Бабушкин, Зиновьев и многое множество им подобных. Многие из них уже до того проделали большую революционную работу, как Шелгунов, многие долгим мучительным процессом, как Шаповал, дошли до соц.-демократии от народовольства, многие из молодых выделялись своими исключительными способностями. Вот, например, характеристика В. А. Шелгунова, данная Тахтаревым:

Фишер. В. А. Шелгунов. Норинский.

„В. А. Шелгунов был положительно самый выдающийся из всех рабочих, каких я когда-либо знал. Он решил употребить все свои силы на то, чтобы поддержать, развить и направить, как следует, рабочее дело. Он отдавался всецело служению общему делу рабочего движения, не упуская из виду ни малейшей мелочи фабричной жизни. Об‘единение рабочих представителей отдельных рабочих районов Петербурга, начавшееся к осени 95 года (как уже было упомянуто), было обязано ему и его товарищам. В то же время вы могли увидать его и в университете на защите какой-либо интересной диссертации, и в аудитории высших женских курсов на публичных лекциях“.

А вот два других представителя пролетариата. „Оба очень молодые“, рисует их Мартов: „Зиновьеву минуло 20 лет, а Карамышеву

всего 18—мои новые знакомые выделялись во всей организации и большой политической и теоретической подготовленностью, и даровитостью. Борис Зиновьев был просто на редкость одаренной натурой. Оба они горели жаждой активной боевой деятельности в массах и охвачены были верой в возможность поднять эти массы на широкую арену классовой борьбы. Оба были прирожденными агитаторами, говорили бойко, остроумно, горячо. В Карамышеве еще проскальзывало нечто от его молодости и в соприкосновении с более пожилыми рабочими он мог производить временами не солидное впечатление. Но Зиновьев, несмотря на молодость, недурно владел собой, обладая способностью применяться к аудитории и влиять на людей разных складов. Высокий и стройный, с симпатичными чертами лица и упрямо свисавшей на лоб прядью волос, он казался воплощением боевой заводской молодежи, полной жажды знаний и действия, и что-то неуловимое в интонациях молодого голоса и вспышках глаз говорило о магнетической силе влияния на толпу, которую этот юноша должен был, хотя еще и смутно, ощущать в себе“.

А вот еще один представитель пролетариата Иван Васильевич Бабушкин, автор прокламации „Что такое социалист и Государственный преступник“, молодой, правда не бросавшийся в глаза, но зато практичный, развитой, умеющий подходить к массе, организатор по натуре, пользующийся большим авторитетом среди товарищей, он умел отстаивать свои убеждения, и, раз задавшись какой-нибудь целью, не знал препятствий в ее достижении.

И такие рабочие, как эти трое, в „Союзе“ считались не единицами. Это были настоящие вожди масс, организаторы и пропагандисты, рабочие писатели и теоретики, новая настоящая доподлинная рабочая интеллигенция. Правда, они были не Обнорские, не Халтурины, не Мельниковы, но все же они были вожди рабочих в полном смысле этого слова, цвет рабочего класса.

Не менее сильной и стойкой была и та периферийная интеллигенция, что в процессе борьбы становилась марксистской.

Прочтите эту прекрасную книгу Лепешинского, и вы увидите рельефный красочный образ молодого человека-интеллигента, жадно ищущего ответа на свои проклятые вопросы, кипучего, энергичного человека, у которого слово не расходится с делом. Это человек, который не принимает ничего на веру, который только с бою отдает свои позиции или, верней, умирает за них, но человек, раз убедившийся в чем-либо, идущий бесстрашно до конца, какие бы ужасы ни рисовались этими выводами.

И интеллигенты и рабочие социал-демократы девяностых годов — это было героическое поколение нашей партии, создавшее, укрепившее и подготовившее всемирное торжество ее.

Большинство интеллигентов того времени доселе работают в нашей партии: стоит назвать таких товарищей, как Горев, Ленгник, Скорняков, Лепешинский и т. д.

Вот с каким человеческим материалом приходилось В. И. Ленину приниматься за создание нашей партии.

Какие же задачи предстояло разрешить новой петербургской организации? В теоретическом отношении задача эта, по словам Ле-

пина заключалась в том, чтобы на основании теории Маркса „дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие", а в практическом задача состояла в том, чтобы, перейдя к массовой широкой агитационной работе, приступить к постройке прочной социал-демократической организации, т.-е. кратко, обе задачи сводились к тому, чтобы практически начать создание партии и выработку и формулирование программы и тактики этой партии. Обе эти задачи организация выполнила блестяще: ее члены создали ряд работ, которыми, с одной стороны, было наголову разбито народничество и „легальный марксизм" Струве и Т.-Барановского, а, с другой, дали картину русской действительности, и кроме того „Союз" практически показал, какое огромное значение имеет широкая массовая работа и руководство движением социал-демократами (во время стачечного движения в 1896—97 г.г., являющемся историческим поворотным пунктом нашей истории) и один из первых поставил вопрос об об'единении работы в общероссийском масштабе, о с'езде.

Пропагандистская работа, что вели интеллигенты среди петербургских рабочих, уже зимой 1895 года начала постепенно приобретать агитационный массовый характер. Обыкновенно во время своих занятий в кружке пропагандист незаметно с теоретических вопросов переходил на злобы дня: и сами рабочие и пропагандист чувствовали, что жизнь с ее практическими, не терпящими отлагательства вопросами заставляла удаляться от теоретических тем. По словам Мартова, ему удалось раза два, не больше, прочесть в кружке нечто в роде лекции о социализме, — жизнь очень скоро заставила бросить все силы союза на широкую массовую работу. Об'ективные условия толкали рабочих на борьбу, и достаточно было вспыхнуть забастовке на одной фабрике, чтобы движение очень быстро приняло массовый характер.

Уже зимой 1894 года рабочие Петербурга стали волноваться: то там, то здесь вспыхивали „беспорядки". Так, под самое Рождество 1894 года произошел „бунт" на Семянниковском заводе. Здесь ко всем невзгодам и по-истине ужасному житью рабочих присоединялось и еще одно обстоятельство,—администрация задерживала выдачу заработной платы. И вот, когда под самое Рождество рабочие узнали, что денег к празднику они не получат, они бросились к конторе и стали громить ее: полетели камни и снег в окна, зазвенели стекла, рамы и двери были выбиты, толпа пыталась поджечь дом управляющего, появилась полиция, казаки, пожарные, рабочих зимой обливали холодной водой... но жалованье к Рождеству выдали. Это очень подняло настроение всех рабочих Шлиссельбургского тракта и Петербурга. На масленице 1895 г. произошла стачка в порту; причиной стачки в Новом Адмиралтействе послужило распоряжение командира порта Верховского об отмене некоторых старых льгот: права рабочих приходить утром в 7 ч. 15 м. и в 1 ч. 15 м. после обеда (рабочий день считался с 7 ч. утра до 6 ч. вечера с перерывом на обед в один час), по новому распоряжению нужно было являться в $6^1/_2$ ч. утра, а на обед

давалось три четверти часа. Это распоряжение было сделано 5-го января, а 7-го часть рабочих явилась по старому и, увидавши товарищей, уже работавших по новым правилам, уговорила и их бросить работу. Те тоже забастовали. Тогда администрация попыталась обратить протест рабочих в бунт, появились городовые, но рабочие вели себя так выдержанно и спокойно, что администрации пришлось уступить, а с первой недели поста работа шла по старому. Этой же зимой 1894—1895 г.г. была забастовка на бумагопрядильне Воронина.

Конечно, руководителями всех этих событий являлись рабочие социал-демократы, пользовавшиеся, как например, Шелгунов, огромной популярностью в массе. Все эти события показывали одно—именно что нужно что-то предпринять, пойти по какому-то новому пути, что старый метод работы—только пропаганда в кружках, уже отжил свой век и что *сама масса ищет каких-то новых путей борьбы*: задача социал-демократической организации и состояла в том, чтобы *уловить эту тенденцию стихийного рабочего движения и своим вмешательством превратить его в организованное рабочее движение*. Это и сделал „Союз", собравши молодых рабочих социал-демократов и силою своего влияния заставив и „книжников" пойти за собою.

С. И. Радченко.

Лето 1895 года прошло в большой организационной работе в кружках, были завязаны связи с новыми молодыми рабочими, произошло соглашение с группой народовольцев (А. А. Ергин, В. М. Книпович, П. Ф. Кудели и др.), у которых была хорошо оборудованная типография. В виду того, что в третьем номере „Летучего Листка" народовольческая группа высказывала такие взгляды, которые были близки к социал-демократическим, а также потому, что народовольцы собирались издавать рабочую газету и обещали не поднимать в ней вопросов об экономическом развитии России и пропагандировать террор, то решено было договориться о совместном издании этого рабочего органа. Переговоры поручили вести В. И. Ленину, и в результате этих переговоров народовольцы согласились даже поручить составление первого номера соц.-демократам. Кроме этой народовольческой типографии была еще и примитивная гектографическая и мимеографическая техника в кружках интеллигенции, группировавшихся вокруг Мартова.

Стачки, организованные „Союзом“.

Осенью, в ноябре, произошла стачка на фабрике Торнтона. Порядки здесь были ужасающие, а рабочие, главным образом, темные крестьяне; администрация делала все, что угодно, тем более, что изолированное положение фабрики (она находится на правом берегу Невы и, таким образом, разобщена от остальных фабрик и заводов Невской заставы) делало почти невозможным проникновение туда сознательных рабочих. Тем не менее после долгих усилий рабочие социал-демократы завязали связи и там. Сделали это рабочие металлисты, сумевшие через других уже затронутых пропагандой текстильных рабочих познакомиться с торнтоновцами и подробно разузнать о порядках на фабрике. Рабочие металлисты в Петербурге, как и вообще везде, сыграли очень большую роль в революционном рабочем движении. Мы уже видели, что и в самые ранние периоды движения рабочие металлисты шли во главе движения,—Мельников, Шелгунов, Богданов, кузнец Афанасьев, Фишер, Норинский и сотни других выдающихся металлистов составляли авангард рабочего класса, настоящую революционную пролетарскую интеллигенцию. И во времена „Союза“ рабочие таких заводов, как Путиловский, Франко-Русский, Балтийский Металлический, Семянниковский, Речкина шли впереди остальной массы. Из этой группы заводов выделялся несколько Обуховский. Здесь рабочие зарабатывали больше, чем рабочие других заводов, и имели большую склонность к тред'юнионизму и мирным способам борьбы.

Как бы то ни было рабочие социал-демократы проникли и к торнтоновцам. Когда на собрании торнтоновцев с представителем от группы социал-демократов „стариков“ были выяснены все требования торнтоновцев, был написан листок и распространен на фабрике,; эффект был необыкновенный: 5 ноября забастовало 500 ткачей. Полиция арестовала несколько невинных рабочих, но их пришлось скоро выпустить за недостаточностью улик. Администрация обещала кое-какие уступки. Организация же выпустила новый прекрасный листок с ясно формулированными требованиями рабочих. Через две недели рабочие добились частичных уступок, хотя это и стоило увольнения нескольких рабочих. Почти одновременно 10-го ноября происходила бурная забастовка на табачной фабрике Лаферм. Поводом послужила усиленная браковка вырабатываемых работницами продуктов: администрация пользовалась введением новых машин. Работницы ломали новые механизмы, рвали бумагу, выбрасывали табак на улицу. Полиция действовала в руку капиталистам и рабочих окатывали из пожарной кишки водой. Мартов рассказывает, как во время этой забастовки В. И. Ленин и М. А. Сильвин ходили по улицам, где скоплялись работницы, чтобы завязать с ними связи, заходили в трактиры, чтобы из разговоров посетителей узнать положение и требования работниц. Связи были так слабы с этой частью пролетариата, женщины работницы были так темны, что самым выдающимся из руководителей организации приходилось ходить по улицам и трактирам, чтобы завязать связи. Когда организация отпечатала листок, то не было почти никакой возможности распространить его: один из членов организации С. А. Гофман просто подходил к работницам, знакомился с ними, про-

вожал их до дому и затем, заметив их квартиры, он заходил туда на обратном пути и оставлял там листки, лишь изредка решаясь непосредственно предложить их работницам.

Так на заре русского рабочего движения даже гениальнейший вождь этого движения и его ближайшие товарищи исполняли самые разнообразные работы вплоть до разноски листков по дворам и знакомства с рабочими по трактирам! А сколько вследствие этой отсталости масс на первых же порах своей деятельности было арестовано рабочих интеллигентов во время расклейки и разброски прокламаций.

Забастовка на фабрике кончилась арестами, но вместе с тем и уступками администрации и циркуляром фабричного инспектора, запрещающим фабрикантам произвольную браковку товара и предписывающим штрафные деньги употреблять на нужды рабочих.

За забастовкой табачниц последовала забастовка рабочих фабрики „Механического производства обуви“ за Московской Заставой. Через три дня администрация уступила.

Эти забастовки, эти листки, эти, наконец, хотя и частичные уступки хозяев производили огромное впечатление на рабочих. В рабочую среду вносилось какое-то возбуждение, рядовые рабочие стали прислушиваться к речам рабочих социал-демократов, организация ширилась, росла. Кружковой период уступал свое место новым методам работы, массовой широкой агитации. Сами рабочие социал-демократы, „книжники“, еще так недавно протестовавшие против этих новых методов работы, теперь охотно брались за массовую агитацию, видя, что можно с успехом пустить в оборот тот умственный капитал, что был ими накоплен за долгие годы развития в своих узких кружках саморазвития.

Стачки и нужда, с самого же начала забастовки выступавшая наружу, заставляли рабочих подумать о кассе. Рабочие старики выдвигали мысль об особой рабочей кассе: это было привычное и знакомое дело для петербургских рабочих еще со времен народной воли, Точисского, Бруснева. Но руководители „Союза“ воспротивились этому течению и указывали, что все средства должны сосредоточиться в одном месте, в едином центре.

Как бы то ни было дело развивалось; как вдруг вследствие предательства провокатора, зубного врача Михайлова произошли первые декабрьские аресты социал-демократов в 1895 г.

Это был очень чувствительный удар, так как организация теряла таких руководителей, как В. И. Ленин, В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. А. Шелгунов, А. А. Ванеев.

Однако, организацию это не разбило, и 15 декабря 1895 года появилась об этих арестах прокламация за подписью „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса“. Это название организации предложил Мартов, его приняли, имея в виду, между прочим, этим названием показать правительству, что не арестованные товарищи являются руководителями движения, а особая нелегальная рабочая социал-демократическая организация. Пятнадцатое декабря 1895 года, таким образом, и есть официальная дата основания „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса“.

В прокламации, написанной Мартовым, между прочим, говорилось: „Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитала. Товарищи, будем же попрежнему защищать свои интересы“.

За этой прокламацией последовала вторая, а в январе произошел новый провал организации, когда и был арестован Мартов и большая группа интеллигентов и рабочих.

Но движения рабочих остановить уже было нельзя. Стачки следуют одна за другой, начиная с января до самого мая, когда начинается знаменитая забастовка ткачей 1896 г.

Стачки ткачей 1896—7 г.г.

Бастует фабрика Лебедева, Кенига, Сампсониевская мануфактура, бумагопрядильня Воронина, Новое Адмиралтейство, Александровский завод (уже в апреле), тогда же снова—Воронина, Сестрорецкий Оружейный завод, Калинкинская мануфактура, мастерские Варшавской жел. дороги, Балтийский завод, фабрика „Лаферм“.

Перед стачками, во время стачек, после них на фабриках и заводах появлялись листки, — то напечатанные в подпольной типографии, то на мимеографе, то просто на гектографе—и эти бумажки беленькие, синенькие — рабочие находили у себя на станках, в карманах, видели их на заборах, на воротах и стенах мастерских и фабрик. В этих листках впервые петербургский рабочий читал о своем тяжелом положении, о своих классовых врагах капиталистах, о властях, что помогают этим капиталистам; он читал, что рабочие об'единились в какой то „Союз“, что „Союз“ этот отстаивает интересы рабочих, что в листках этих пишется правдиво о порядках на фабриках и заводах и что хозяева и правительство боятся этих правдивых бумажек...

Действие этих прокламаций было поразительное: рабочие их ждали всегда, как какой-то благой вести, при появлении листовок начиналось всеобщее волнение и радость, и полиции никогда не удавалось прекратить или предотвратить их распространение.

Особенно большое впечатление произвел первомайский листок, написанный Лениным в тюрьме. Его удалось доставить на волю и отпечатать на мимеографе в количестве 2 тыс. штук, по тому времени огромном.

В этой прокламации уже чувствуются новые нотки, новые мотивы, — в листке говорящем об экономическом гнете рабочих, об их тяжелом материальном положении, рисующем соблазнительную картину свободного празднования первого мая за границей, вдруг прорывается такое замечание:

„Союз распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их прислужников властей. Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, проявления нашей могучей силы, которую мы им не раз показали. Мы, петербургские рабочие, члены Союза, приглашаем всех остальных наших товарищей присоединиться к нашему Союзу и способствовать великому делу

об'единения рабочих для борьбы за свои интересы. Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми спутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора и нам присоединиться к борьбе наших братьев-рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано: „Рабочие всех стран, соединяйтесь!“

Листок заканчивается такими словами: „И подымется наша мускулистая рука и падут позорные цепи неволи; подымется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и всех прочих врагов рабочего класса“.

Это было начало политической агитации „Союза“ среди широких пролетарских масс и совершенно правильно замечает по этому поводу Б. Горев: „весну и лето 1896 года можно считать началом новейшего революционного периода, началом подлинной предреволюционной эпохи“.

Не прошло и месяца после выпуска этого листка, как началось массовое движение рабочих. Петербургские стачки 1896 г. Повод, как всегда почти бывает в таких случаях, явился совершенно случайно: рабочим не заплатили за коронационные дни. Двадцать третьего мая на Калинкинской (Российской) мануфактуре рабочие потребовали уплаты за эти дни. Деньги выдали, явился фабричный инспектор, подручные заявили ему, что рабочие требуют уплаты за те лишние минуты, что приходится им работать вследствие того, что машины пускаются ежедневно раньше времени. На другой день после обеда все рабочие забастовали. Не работали до 27 мая, в этот день приступили было к работе, но через несколько времени снова забастовали. И в этот же день внезапно остановилась „Екатерингофская“ мануфактура, а затем в следующие дни остановились: Митрофаньевская, Триумфальная, Новая, Кожевниковская мануфактура за Нарвской Заставой и на Обводном канале и Невская (фабрики Штиглица).

За Невской Заставой фабрики еще работали, но вот там появляется рукописная прокламация какого-то рабочего с описанием хода забастовки на Обводном канале и с приглашением присоединиться к стачке, и почти вся Невская бросает работы: бастуют Паль и Максвель и волнуются заводы Семянниковский, Александровский, Обуховский.

Рабочие всех фабрик и заводов собираются по фабрикам и заводам, обсуждают свои нужды и выбирают своих представителей; те собираются в количестве ста человек в Екатерингофском парке, вырабатывают требования петербургских рабочих и передают их „Союзу“; 30 мая „Союз“ выпускает следующую историческую прокламацию:

„Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких.

1) Мы хотим, чтобы рабочий день у нас продолжался от 7 час. утра до 7 час. вечера, вместо теперешних от 6 час. утра до 8 час. вечера.

2) Чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался $10^1/_2$ час. вместо 13 час.

3) Чтобы расценки были повышены так, чтобы наши заработки не уменьшались бы.

4) Чтобы шабашили везде по субботам одновременно в 2 часа.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени.

6) Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и вó-время, а не оттягивали.

7) Чтобы было заплачено сполна за коронационные дни.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса".

30-го мая 1896 года.

За этим листком был выпущен второй более пространный, но листок 30 мая сделался, действительно, историческим, так как требования, указанные в нем, обошли вскоре всю Россию, и рабочие всех крупнейших городов повторяли их и пред'являли во время своих забастовок.

После этих листков к забастовке присоединились фабрики Выборгской и Петербургской стороны—„Сампсоньевская", „Новая Сампсоньевская", „Охтенская", „Бека", „Невка", Воронина, Гука и сахарный завод Шухера.

Петербург пришел в движение. Союз выпускал листок за листком. Не только рабочие, но решительно все в Петербурге говорили о забастовке. Какое-то невиданное, боевое настроение охватывало рабочих. Возбуждение царило повсюду — на Путиловском, Балтийском заводе, на писчебумажной фабрике Варгунина.

Собрания рабочих происходили одно за другим, сами рабочие писали листки, устраивались собрания представителей всех фабрик и заводов (одно самое многолюдное на Волковом кладбище). Забастовка распространялась быстро и дружно и, как всегда во время всеобщих забастовок, рабочие сами выделяли небольшие отряды, ходившие по городу и снимавшие еще работавших товарищей, устраивались импровизированные митинги, и рабочие сами читали прокламации и произносили речи. Полиция сначала растерялась и только наблюдала. Происходило, действительно, грандиозное движение рабочих; впервые за многовековую историю самодержавной России трудящиеся люди—рабочие подняли свой голос и под руководством социалистической организации бросили свой вызов своим угнетателям и их защитникам, правительству.

Последнее, впрочем, вскоре оправилось. Появилась полиция, войска, — казаки и пехота, жандармы; их вводили внутрь фабрик, собрания разгонялись, начались аресты. Градоначальник Клейгельс выступил с об'явлением, где предлагалось рабочим стать на работу, после чего начальство разберет требования рабочих. Стачка продолжалась. Появилось обращение министра финансов Витте. Стачка продолжалась. Начались повальные обыски. Стачка продолжалась, и, если бы не нужда и не обещания фабрикантов сделать уступки, она тянулась бы еще долго. Восемнадцатого июня стачка кончилась и попрежнему застучали станки и задымили трубы.

Рабочие не могли больше сопротивляться. Нужда заставила их стать на работы, и никакие призывы „Союза" уже не могли в данный момент поднять на забастовку рабочих; 27 июня Союз еще призывал к забастовке в очень удачно написанной и пропитанной политическим содержанием прокламации; прокламация эта начиналась так:

„Товарищи! Стачка ткачей так напугала царское правительство, что оно пускается на всякие средства лишь бы замять ее...“

Действительно, правительство сделало все, что могло, чтобы разбить стачку. Сам министр финансов Витте, заявивший, что „правительству одинаково дороги, как дела фабрикантов, так и рабочих“, на заседании, где присутствовали министр внутр. дел и фабричные инспектора, категорически возражал против уступок, на какие шли некоторые фабриканты.

Но замолчать стачку было нельзя. Она имела огромное значение. Прежде всего она неизмеримо высоко подняла самосознание рабочих. Не только в Петербурге, но и повсюду в провинции рабочие начали понимать, какое большое значение имеет организованная борьба рабочего класса и какую огромную силу представляют рабочие, когда они выступают организованно. В описании стачки на фабрике Кожевникова рабочий автор, между прочим, говорит: „...духом мы не упали и при первой возможности повторим то же самое“. Он же об'ясняет и причину прекращения стачки: „Будь у нас хлеб, мы не прекратили бы стачки, и царское правительство не могло бы похвастать своими „разумными мерами“. Если принять во внимание, что все описание стачки под пером этого рабочего пестрит эпизодами насилия полиции, которая не стеснялась ночью стаскивать с постелей спящих работниц и гнать их на работу, то станет ясно, что этой стачкой рабочие научились, как методом наглядного обучения, понимать, что такое царское правительство. Стало быть, экономическая стачка петербургских ткачей логически превратилась в борьбу политическую и тем самым очень сильно подняла политическое сознание петербургских рабочих. Да и не только петербургских. Тахтарев в своем рассказе об этой стачке передает слова рабочего петербуржца, высланного за стачку в провинцию. Он и его товарищи попали на Хлудовскую мануфактуру. „Когда рабочие узнали, что мы из Питера, как мухи начали льнуть. Расскажи да расскажи о стачке. Ну и рассказываешь. Слушают да удивляются. Вот так, молодцы, говоряг. И нам бы, ребята, так надо; долго ли мы будем терпеть. И пошли ходить истории про нашу славную стачку, про Союз, про листки и про наши требования“.

Это повышение политического и классового самосознания способствовало тому, что забастовка, начатая в 1896 году, неминуемо должна была вспыхнуть снова. Правительство пыталось частичными уступками и репрессиями остановить забастовочное движение. Что касается репрессий, они были ужасающие: более тысячи человек было арестовано, много стачечников выслано на родину, создано дело „О тайном сообществе“, усилена слежка за рабочими. Вместе с тем по распоряжению министра финансов была созвана комиссия по обследованию причин беспорядков на петербургских фабриках в составе Лангового, Рыковского, Фомина и Михайловского. Даже эти верные слуги Витте (это были фабричные инспектора) дали такую ужасающую картину жизни и бесправия русских рабочих, что пришлось сейчас же устранить кое-какие безобразия на фабриках и заводах. Так, было предложено фабрикантам уплатить рабочим за лишнее время, которое фабриканты заставляли рабочих работать даром, выдать деньги за коронационные дни (не на всех фабриках), кое-где уволить ненавистных мастеров. Но это были все же уступочки. заплаты. Давление капита-

листов на правительство было настолько сильно, что надеяться на мирное разрешение вопроса и на удовлетворение требований нечего было и думать. Да и рабочий вышел из петербургской стачки уже не тем.

Само Виттевское совещание писало по этому поводу так: „Нынешний рабочий уже не тот. Легко опасаться, что нынешними крупными стачками, характеризующимися невиданной для наших фабричных рабочих выдержанностью и стойкостью, дисциплиной, благопристойностью с внешней стороны и ясной формулировкой о сокращении рабочего дня, дело не окончится. Легко можно ожидать новых стачек и притом все более и более трудных к разрешению, так как несомненно, что опыт будет сплачивать рабочих в лучше и лучше организованную массу“?

Стало быть, само правительство прекрасно понимало, что стачки вспыхнут снова и все же медлило с изданием закона об ограничении рабочего дня: все еще очень много фабрикантов центрального района было против сокращения рабочего времени, как же могло не прислушиваться к ним правительство.

Январь 1897 года застал рабочих достаточно подготовленными к стачке: „Союз“ своими прокламациями, как обращенными ко всем рабочим, так и к рабочим отдельных фабрик постоянно напоминал, что дело борьбы за сокращение рабочего дня петербургскими рабочими не закончено.

Настроение у рабочих было бодрое, и нужен был только незначительный повод, чтобы забастовка началась снова. Повод такой имелся. Дело в том, что правительство в 1896 г. во время стачки пообещало разобрать причины забастовок и принять меры к урегулированию вопроса о рабочем дне. Рабочие терпеливо ждали полгода, и вот зимой, в январе, когда даже социал-демократы, считаясь с зимним временем, не решались совершенно справедливо призывать к стачке, рабочие самостоятельно начали движение. Дело началось на фабрике Максвеля. Рабочие Максвеля и Паля еще во время летней стачки заявили, что, если к новому году рабочий день не будет сокращен, они забастуют. И вот после нового года, третьего января, забастовали Максвель и Паль. По распоряжению Витте собралось совещание из фабрикантов, полиции и фабричных инспекторов для решения вопроса, как заставить рабочих работать и воспрепятствовать стачке. Председательствовал Витте. На совещании выяснилось, что стачки остановить нельзя по той простой причине, что рабочие ведут себя в высшей степени организованно. По словам самого Витте, градоначальник Клейгельс, малокультурный человек, „гораздо более знающий природу жеребцов, чем природу людей“, однако на этот раз обнаружил большую мудрость и ответил министру, что рабочих можно было бы заставить работать, если бы они бунтовали, а то они просто... сидят смирно по домам.

Между тем волнения перебросились на другие фабрики: четвертого января волнения охватили весь рабочий Петербург, к текстильным рабочим присоединялись металлисты. Екатерингофская мануфактура, Новая, Чешер, Александровский завод, Балтийский находились в брожении. Седьмого января, в день, назначенный для начала всеобщей забастовки, волнение охватило весь Петербург. Не помогло даже об'-

явление, вывешиваемое фабрикантами после первого совещания, что рабочий день будет сокращен. Не помогло об'явление, потому что „Союз" с самого начала волнений взял руководство стачкой в свои руки. Как раз в то время, когда фабриканты второй раз совещались с министром и решили сократить рабочий день, причем постановили об'явить о том, что с 16 апреля вводится в действие именно это сокращение рабочих часов, у рабочих, представителей от фабрик и заводов, шло свое совещание, где было постановлено пред'явить летние требования и начать всеобщую забастовку 7-го января. В этот день и в следующий забастовка охватила все крупнейшие фабрики Петербурга.

Результаты и значение стачек 1896—7 г.г.

И фабриканты и фабричные инспектора стояли теперь уж за уступки рабочим. Девятого января состоялось собрание организованных рабочих „Союза", представителей фабрик и заводов; здесь снова были обсуждены требования рабочих и решено было, в случае, если начнутся расчеты, расчетов не брать и продолжать забастовку. Но правительство явно вызывало рабочих на бунт и кое-где городовые и жандармы пытались спровоцировать толпу; не было недостатка и в провокаторах, пытавшихся подбить рабочих на разгромы и всякого рода эксцессы. Так, 9 января произошел разгром на Екатерингофской мануфактуре. В то же время на фабриках появились об'явления о расчетах рабочих, не желавших становиться на работу. Все эти обстоятельства, а также зима и явное, хотя и вынужденное, стремление самих фабрикантов итти на уступки заставило рабочих с 10 января становиться на работу. Стачка кончалась. Но все чувствовали, что рабочие одержали колоссальную победу.

Уже 16-го апреля был на всех петербургских фабриках введен $11^1/_2$-часовой рабочий день, а тотчас же после январской стачки была созвана комиссия специально для выработки закона. Быстрота прохождения проекта через законодательные инстанции для России была поистине изумительная, — через 4 месяца проект стал законом 2-го июня 1897 г.

Быстрота эта, несомненно, об'яснялась двумя причинами,—колоссальным давлением рабочих на правительство и сознанием капиталистов, что уступки, какие они дают рабочим, не так уж велики. После летних забастовок 1896 года петербургские фабриканты, конкурировавшие с московскими, снова высказались за сокращение рабочего дня. Но теперь уж и большинство московских фабрикантов стояло за сокращение, но, конечно, не из желания уступить рабочим, а просто потому, что они убедились в меньшей производительности продолжительного рабочего дня, в убыточности его. На ряде своих совещаний, на своих с'ездах и комиссиях фабриканты центрального района еще до петербургских стачек, и в особенности в 1896 г., обсуждали этот вопрос, и один за другим приходили к одному и тому же выводу: на крупном капиталистическом предприятии менее продолжительный рабочий день выгодней. Вернее, фабрикантами ставился вопрос в несколько иную плоскость: рабочего нужно эксплуатировать так, чтобы он не превращался, как заявил директор Никольской мануфактуры

Морозова, в „переутомленного тупицу", который „ломает машину, портит и мешает материал". А один ткацкий фабрикант в 1896 году выболтал еще и другую причину уступок, на какие шли фабриканты: дело по его мнению оказывалось в том, что за продолжительный рабочий день борются слабосильные фабриканты. Это было, конечно, верно, но еще верней было то, что сокращением рабочего дня, которое могли ввести крупные фабриканты, уничтожались только лишние маленькие фабриканты. Кроме того, сокращение рабочего дня на некоторых фабриках показало увеличение производительности рабочего на 25 и даже на 30% в час. Это с лихвой покрывало убытки фабрикантов.

Но, признавая для себя выгоду сокращения рабочего дня, московские фабриканты предлагали введение закона в полном об'еме продлить на четыре года, исходя из тех соображений, что, конечно, быстрый переход к новым порядкам, как мы уже говорили выше, поставил бы их в худшие условия, по сравнению с петербургскими и польскими капиталистами.

В чем же, однако, главные положения закона 2-го июня, завоеванного рабочими? Они сводятся к следующему:

1) Рабочий день продолжается 11½ часов, время обеда и завтрака сюда не входит, это то время, которое рабочий проводит у станка; 2) ночная работа ограничивается 10-ю часами; 3) накануне праздников и в субботы рабочий день тянется 10 часов; 4) в праздники и воскресные дни работы не производятся; 5) сверхурочные работы производятся только по соглашению рабочих с фабрикантами, при чем каждый рабочий не может иметь в году более 120 сверхурочных часов. Вот и все. Что касается прав рабочих, то они и в этом законе были не оговорены, наоборот в то время, как фабриканту не угрожала никакая уголовная ответственность за нарушение договора, рабочий продолжал отвечать за нарушение договора, как уголовный преступник. „Добровольные соглашения" по поводу сверхурочных работ при зависимости рабочего от капиталиста, конечно, являлись фикцией и насмешкой над рабочим. Никаких новых статей об ограничении детского, женского и ночного труда в этом законе нет. Далее, самый об'ем применения нового закона был очень узок, и в этом отношении закон этот был даже шагом назад. Дело в том, что ко времени издания закона в России были фабрики, где уже работали не более 11 часов, — пользуясь новым законом, такие фабриканты с успехом могли удлинять рабочий день. Если взять распределение рабочих по длине рабочего дня в конце 90-х годов, то оказывается, что приблизительно 34 рабочих из ста работали не более 11 часов в сутки, 46 не более 12 ч. и 20 более 12. Таким образом, если наше соотношение верно (а оно, несомненно, верно) только для двух третей всех фабричных рабочих, закон действительно давал небольшое облегчение, для трети же он мог принести прямой вред. И так это в действительности и было: в течение всех последующих лет рабочим очень часто приходилось бороться против увеличения рабочего дня по закону 2 июня 1897 г.

Нужно кроме того не забывать то огромное содействие, какое оказывало правительство фабрикантам, которые так или иначе нарушали закон. Еще накануне введения 11½-ч. рабочего дня в Петер-

бурге (16-е апреля назначили днем введения, потому что 19-е апреля был первомайский праздник, который так хотелось не допустить правительству), именно 8-го апреля 1897 г. Витте, разослал гнуснейший циркуляр своим фабричным инспекторам, где в числе прочих репрессивных мер по отношению к рабочим рекомендовалось работать в содружестве с жандармами, не соглашаться на требования рабочих во время стачек и организовывать штрейкбрехеров! „Во время забастовки", говорилось в циркуляре: „полициею будут приниматься надлежащие меры к охранению тех рабочих, которые желают работать, но боятся угроз забастовавших рабочих. Фабричным же инспекторам надлежит озаботиться предоставлением рабочим, непричастным к стачке, возможности производства работ; рабочие, явившиеся на фабрику для работы, должны оставаться на ней все время, положенное правилами внутреннего распорядка, хотя бы обычная работа и не могла итти фактически по недостатку рабочих..." Так фабричные инспектора, уже давно превращенные в агентов полиции, окончательно превращались в ненавистных для рабочих защитников и агентов капитала.

И за всем тем, несмотря на свои огромные недостатки, закон 2 июня, был, действительно, огромным завоеванием рабочего класса. Если морозовская стачка, вызвавшая закон о штрафах, являлась поворотным пунктом *стихийного* рабочего движения, то петербургские стачки 1896—1897 г.г., вызвавшие на свет закон 2 июня, являлись поворотным пунктом русского рабочего движения вообще, началом его организованного развития, слияния с социализмом, так сказать, рождением классового массового организованного рабочего движения, идущего под руководством социал-демократии.

Это отметили все. Прежде всего сами же социал-демократы. В Плехановском „Работнике" в передовой статье „По поводу С.-Петербургской стачки" отмечалось, что „*новой* была в этой стачке *связь между русской рабочей массой и социал-демократическим движением*", и высказывалась уверенность, что „*русское рабочее движение, проникнутое социал-демократическими идеями, будет главнейшей силой, которая своим непрерывным развитием низвергнет существующий в России политический строй, основанный на полном бесправии народных масс и отдельных личностей*".

„*Русская революция нашла, наконец, народ*: он об'явился на глазах всех западно-европейских людей в том *классе*, который по собственному опыту Запада, является призванным носителем революционной энергии".

Только этим обстоятельством, т.-е. новой чертой рабочего движения, и можно об'яснить, что наиболее чуткие даже из народовольцев, в самом начале нового стачечного движения, в декабре 1895 г., в своем 4-ом номере „Летучих листков группы народовольцев", писали: „В стране с определившимся капиталистическим направлением в промышленной жизни просты, ясны и определенны общественные силы, цели, интересы и партии с их девизами. У нас налицо абсолютизм во всеоружии реакции; дворянство, им вновь возрожденное; буржуазия, крепнущая и растущая; крестьянство, распадающееся на мелкую буржуазию и сельский пролетариат; и, наконец, городской пролетариат. Абсолютизм и дворянство принадлежат прошлому; буржуазия и рабочий класс будущему. Нет оппозиционного течения, которое, опираясь

на реальные интересы,—а только такое и имеет силу,—не коренилось бы в том или другом из этих последних классов".

Правда лидер народников Михайловский и его товарищи продолжали еще брюзжать на марксистов, но и их стачки девяностых годов заставили несколько призадуматься. Правда, уже в „Народовольце" 1897 года народовольцы опять заговорили старым языком, но ведь они были уже пред'историческими людьми.

Зато правительство прекрасно оценило все огромное значение петербургской стачки 30 тысяч ткачей и прядильщиков. Оно не только было вынуждено действовать, как всегда, арестами и обысками, но и пред всем светом признать факт огромного рабочего движения и социал-демократической организации. Жандармы безнадежно путали лица и факты, валили в одну кучу социал-демократов и народовольцев, приписывали одним революционерам то, что делали другие, но одно они знали хорошо, что перед ними представители серьезного классового движения. И если в семидесятых годах еще можно было замолчать организацию Заславского, то нельзя было замолчать „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", руководителя 30-ти тысячной стачки. В известном циркуляре министра вн. дел губернаторам от 12 авг. 1897 г. правительство констатирует факт повсеместно развивающегося рабочего движения под руководством „Союзов борьбы" и рекомендует губернаторам множество мер борьбы с крамольниками. Правда, правительство все стачки приписывает проискам интеллигенции и рекомендует „обратить особое внимание на появление интеллигентов среди рабочих" и, в случае обнаружения „крамолы", немедленно подвергать их аресту и передавать в руки жандармов, но вместе с тем предписывает в случае забастовки стачечников арестовывать и отправлять по этапу на родину, при чем определенно предлагается все такого рода дела расследовать в административном порядке. Рабочее движение и обществом и правительством было, таким образом, признано, хотя и различно оценено и взвешено. И не только в России, но и во всем цивилизованном мире было теперь признано, что русский рабочий класс новая сила, такая же могучая, как и на западе и что отныне появился в стране насилия и гнета новый могучий фактор революции; так петербургский рабочий и его идеолог „Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса" ввел и Россию в великую пролетарскую семью международного пролетариата. Английские рабочие, пославшие приветствие петербургским забастовщикам, как бы санкционировали это введение своим адресом. И без всякого самохвальства и преувеличения Мартов только констатирует великий исторический факт, когда говорит:

„Ведь, в некотором роде мы участвовали в своеобразном социологическом эксперименте, повторявшем в малом и конкретном то, что в большом и общем проделала Группа „Освобожд. Труда". Она за 12 лет до того из теоретического изучения русского общественного развития „предсказала" появление классового рабочего движения и теперь могла констатировать, что везде, где дымят в России фабричные трубы, происходит зарождение этого движения. Мы же, на основании анализа механики общественных процессов, предсказали неизбежность стихийных профессионально-стачечных движений и их пре-

вращение в классово-политическое и приспособили свою собственную организацию и работу к задаче ускорения этих процессов".

В начале 1897 года „Союз" старого состава был разрушен: 88 человек народовольцев и социал-демократов, интеллигентов и рабочих получили приговор в административном порядке. Жандармы разделили всех обвиняемых на четыре категории. В первой категории были— П. Запорожец, А. Ванеев, Г. Кржижановский, В. Старков, Я. Ляховский, В. Ульянов (Ленин), Ю. Цедербаум, П. Лепешинский, получившие ссылку в Восточную Сибирь, при чем Запорожец, которого жандармы считали чуть ли не главным лицом, получил 5 лет; затем были сосланы под надзор полиции на 3 года в Архангельскую губернию,— П. Романенко, А. Малченко, Е. Агринская, В. Сибилева, Е. Богатырев, Н. Иванов, Н. Меркулов, В. Шелгунов, Н. Рядов и В. Антушевский. Во вторую категорию попали рабочие, получившие тюрьму (Кресты) на шесть месяцев—Т. Самохин, К. Царьков, И. Федоров, С. Шепелев; на три месяца—П. Степанов, И. Львов, Ф. Михайлов и В. Койнов и на два месяца И. Егоров и М. Кириллов. Все они, после тюремного заключения, в той или другой форме получили ограничения (надзор, запрещение жить в столицах и т. п.).

В третью группу были включены Н. Малишевский, С. Муромов, И. Чернышев и рабочий И. Кайзер, все они пошли в Вологодскую губернию на 3 года.

И наконец в четвертую группу жандармы включили лиц, по их мнению менее опасных и подчинили их только гласному надзору (в местах, избранных обвиняемыми, но вне столиц и губернских городов); это были: К. Тахтарев, А. Никитин, С. Быковский, С. Гуляницкий, М. Шат, П. Карамышев, П. Зиновьев, П. Михайлов, И. Бабушкин и И. Яковлев—на три года; Е. Агринская, Ф. Норинская, В. Волынкин и В. Галл—на два года; К. Давыдов, П. Зиновьев, Н. Кроликов, И. Петров, С. Афанасьев, И. Ионов, П. Малинин, Д. Морозов, Е. Калинин, В. Богатырев и Ф. Петров—на один год.

Петр Акимов и Порфирий Михайлов дали откровенные показания и потому они, как и провокатор Николай Михайлов и рабочий-предатель Василий Галл по сути дела наказания не понесли (для проформы и они упоминались в приговоре). Таким образом, понесли наказание 63 человека, остальные за недостатком улик получили свободу. По второму делу „Петербургского Союза Борьбы"—тоже было привлечено множество народа и также последовали высылки и тюремное заключение. Из 88 привлеченных по этому первому делу Союза меньше половины являлись интеллигентами (33 чел.), остальные были рабочие.

Как видно из этого приговора, члены Союза понесли сравнительно небольшое наказание. В то время как, напр., Д. Б. Рязанов в начале девяностых годов за попытку начать пропаганду среди рабочих получил 4 года одиночного заключения в „Крестах" или Ю. М. Стеклов многолетнюю ссылку в В. Сибирь, здесь после стачки, имевшей огромное значение, главные руководители ее получили всего три года Восточной Сибири, за исключением одного Запорожца, которого жандармы вообще считали идейным вдохновителем Союза.

Кто же, однако, в действительности являлся руководителем Союза?

Если исключить таких лиц, как народовольцы Ергин, Агринская и вся их группа, пристегнутая к делу о Союзе потому, что жандармы не

сумели разобраться в деле, и часть молодежи, которая подобно Лепешинскому, формально считала себя народовольческой, то останется та самая группа „стариков" что начала дело. В этом отношении правительство нащупало их верно: это были все те же—Ленин, Мартов, Кржижановский, Ванеев, Запорожец, Старков, Ляховский и Малченко; здесь была половина той первоначальной группы, что начинала дело, и в том числе самый выдающийся В. И. Ленин.

В. И. Ленин, несомненно, уже тогда являлся настоящим руководителем движения не только в теоретическом отношении, но и в практическом. Это говорят все участники, об этом свидетельствуют все документы, об этом, наконец, говорит сама деятельность В. И. В 1892--1894 годах в области теоретической он выступает с такими произведениями, как „Новые хозяйственные течения в крестьянской жизни", „Кто такие друзья народа и как они воюют с социал-демократами" и „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве". Теоретическое и практическое значение этих работ в истории развития русской социал-демократии огромно.

Именно появление таких работ как „Что такое друзья народа" дало массе русских социал-демократов твердую базу в их работе и *борьбе с народниками.* Но и в непосредственной практической работе В. И. Ленин занимал руководящую роль: он, учась сам, не отказываясь ни от какой работы, выполнял вместе с тем самую ответственную работу руководителя организации.

Посещая кружки рабочих, ведя там пропаганду, редактируя издания Союза, он сам пишет прокламации (напр., листки к рабочим фабрики Торнтона), брошюры (напр., „Об'яснение закона о штрафах"), составляет первый номер журнала „Рабочее Дело" и даже, находясь в заключении, в тюрьме составляет прокламации и брошюры все для той же организации и рабочей массы, руководителем которой он был. Он вместе с теоретической подготовкой соединяет большое практическое чутье, опыт, конспиративность и уменье нащупать тот путь, по которому нужно итти.

И на всей этой деятельности лежит печать необыкновенной талантливости, самостоятельности мысли и оригинальности, словом, гениальности.

Хотя и менее выдающиеся, но выделяющиеся целой головой среди остальной массы социал-демократов, товарищи окружают вождя Союза—Ю. О. Цедербаум (Мартов). Воспитанный еще брусневцем Странденом, прошедший школу практической работы в Вильне, Мартов несет Союзу свой пыл, блестящие публицистические способности, огромные знания фактов, закрепленные его феноменальной памятью. Ограниченность Виленского партикуляризма и национализма не дают еще себя чувствовать в этот период его работы. С. И. Радченко, разносторонне образованный человек, священная твердыня конспирации, ученик еще славных брусневцев как бы самой судьбой был предназначен для того, чтобы хранить конспиративные революционные заветы прошлых поколений (он хранитель печати и документов и продержался дольше всех); Ванеев и Сильвин, оба уже прошедшие стадию кружковщины, люди с хорошей теоретической подготовкой и уменьем подходить к работе; Запорожец, необыкновенно преданный делу, стойкий и твердый, теоретически хорошо подготовленный; Стар-

ков, Кржижановский, Ляховский, Невзоровы, Крупская, а затем после них Б. Горев, Потресов и множество других образованных марксистов-революционеров,—все это были цвет. русской интеллигенции.

Интеллигентная молодежь, притягиваемая учением Маркса и блеском и шумом рабочего движения и, наконец, рабочие, опытные революционеры, как Шелгунов, Бабушкин и Полетаев (хотя и народоволец), и пылкие рвущиеся в бой молодые пролетарии, как Зиновьев и Карамышев—все это и дало возможность развить такую интенсивную деятельность, какую проявил Союз.

Несомненно, что большое внимание, какое возбудила деятельность „Союза борьбы" во всем цивилизованном мире помешало правительству по-зверски расправиться с деятелями петербургского рабочего движения: даже царскому правительству неудобно было на виду у всей Европы прятать в каменный мешок социал-демократов, требовавших того закона, который правительство собиралось провести в жизнь. Но, поступая так, правительство нисколько не забывало, что грозный враг стоит перед ним: оно в тысячу раз лучше, чем, напр., экономисты, оценивало характер движения. Если Акимов (Махновец) в своих очерках уверяет, что „старики", т. е. представители той группы, что основала „Союз", не поняли в 1897 году задач и запросов рабочей массы, желавшей демократизма в организации и экономической борьбы, и что старики отказались от своих взглядов 1895 г., то правительство на этот счет нисколько не заблуждалось. Путая народовольцев с социал-демократами (впрочем, это было понятно, так как много народовольцев, как, напр., Ергины, Шаповал, Агринская, Лепешинский уже во время дела стали социал-демократами), жандармы очень хорошо понимали, что не в экономической борьбе только дело и что в программу „Союза" входят и борьба с самодержавием. „Но сами социал-демократы", говорится в заключении прокурора по делу Союза: „не выдерживали в агитационной деятельности своей программы и, вместо подготовления рабочих к политическому движению путем подстрекательства их на борьбу с хозяевами исключительно на экономической почве, они начинали с того, что возбуждали рабочих против верховной власти". Дело, конечно, не в „невыдержанности", а в том, что, ведя борьбу экономическую, марксисты ни на минуту не забывали и о борьбе политической, т. е. ни на минуту не переставали быть марксистами-революционерами, они просто были не тред'юнионистами. Поэтому совершенно неправильно трактуют характер работы Союза Тахтарев и Акимов, пытающиеся представить дело так, что никакого „экономизма" как будто бы и не было и что этот ярлык прицепили им заблуждающиеся искровцы. Мы уже отмечали несколько преувеличенное мнение Мартова насчет влияния брошюры „Об агитации" на петербургское движение. В тысячу раз правильнее смотрят на дело такие историки, как Батурин и Лядов. Последний, отмечая политическую струю в работе московской организации того периода и отмечая борьбу с кружковщиной, говорит, что уже наличность большой, наступательной экономической борьбы рабочих логически приводила и к борьбе политической. Батурин совершенно верно отмечает, что и в Вильне еще в 1892—94 годах господствовала кружковщина. Обыкновенно указывают на одно место в майской речи работницы в Вильне в 1892 году, как на доказательство того, что виленское движение

опередило петербургское. Это то место, где говорится: „Наша покорность и безропотность ни к чему не поведут,—мирным путем мы ничего не сделаем...“ „...мы должны устраивать стачки“. Но и в Петербурге еще в 1891 году на маевке рабочий Федор Афанасьев призывал своих товарищей „действовать“, „более энергично“, что означало, конечно, не только кружковую работу самообразования.

Союз, организованный стариками, вел не только экономическую, но и политическую борьбу. Эта политическая струя проявлялась, как нами уже показано, и в прокламациях „Союза“ к рабочим и в литературе, какую он распространял и сам издавал *) и, наконец, в тех статьях, какие исходили от членов „Союза“. Вот, например, каково содержание первого номера журнала „Союза“ „Рабочее Дело“ (правда, целиком еще в рукописях попавшего в руки жандармов при обыске): 1) Вступительная статья „К русским рабочим“ В. И. Ленина. В этой статье прямо указывается на необходимость одновременно с экономической борьбой вести и борьбу с самодержавием. Статья заканчивается такими словами: „итак, борьба с фабрикантом за человеческие условия жизни, борьба с произволом и всевластием правительства“... 2) „Фридрих Энгельс“ В. И. Ленина, по поводу его смерти с призывом к русским рабочим сбросить иго самодержавия для того, чтобы откликнуться на призыв великого учителя „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, 3) „О чем думают наши министры“ В. И. Ленина по поводу письма Министра Вн. Дел от 18 марта 1895 г. Победоносцеву о необходимости борьбы с революционерами, поступающими учителями в школы для рабочих, 4) „О стачке у Лаферма“ Сильвина и Ванеева, 5) „О стачке у Торнтона“ Кржижановского, 6) „Ярославская стачка 1895 г.“, 7) Статьи о стачках в Иванове-Вознесенске и 8) корреспонденции (написаны, быть может, Запорожцем). Во всех этих статьях проводится мысль о необходимости борьбы с самодержавием.

Сам руководитель Союза впоследствии так характеризовал работу этого периода: „...И в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т.-е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы „Освобождения Труда“, но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

„Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом очень важно

*) Вот, например, далеко не полный перечень литературы, какую распространял Союз: „О стачках с прил. истории 5 стачек“, „Рабочий день“, „Речь на первое мая 1895 г.“, „Царь-голод“, „О штрафах“, „Кто чем живет“, издания Гр. „Осв. Тр.“,— „Социализм и политическая борьба“, „Всеросс. разорение“, „Социал-демократ“ Плеханова, Дикштейн, „Кто чем живет“, „Что такое социалист и политический преступник“, соч. Маркса и Энгельса, в издании группы „Осв. Тр.“ и т. п.

Например, в брошюре „Рабочий день“ автор, говоря о том, что стачки представляют самое сильное орудие в руках рабочих, заканчивает указанием на необходимость *добиваться низвержения самодержавия и бороться за политическую свободу*.

установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией*—(и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры „Об агитации")—не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив, *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности". Сказав далее о содержании журнала „Рабочее Дело", о котором было упомянуто выше, В. И. Ленин так характеризует этот журнал: „Таким образом, этот, если не ошибаемся, „первый опыт" русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узкоместного, тем более не „экономического" характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия".

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Второй период истории русской социал-демократии (1894—1898 г.г.).

Начало борьбы с легальным марксизмом.

Изложение борьбы с так называемым легальным марксизмом в полном об'еме не входит в задачу настоящей первой части наших очерков; этот вопрос удобнее рассмотреть в другой связи, поэтому подробное изложение этой борьбы, развернувшейся особенно ярко в 1897, 98 и 99-х годах, отнесено ко второй части нашей работы; но обозрение фактов второго периода истории русской социал-демократии было бы неполно, если бы мы обошли молчанием ту теоретическую борьбу, какую вела русская социал-демократия уже в первой половине 90-х годов с буржуазной демократией, выступившей в общественной жизни в виде в высшей степени интересного явления легального марксизма.

История и возникновение легального марксизма—это история того перехода от народнического мещанского, крестьянского, мелкобуржуазного социализма, который пережило русское общество в девяностые годы прошлого столетия.

Экономическое развитие страны подготовило этот переход и помогло, с одной стороны—буржуазной демократии эволюционировать к либерализму, а с другой, социалистической интеллигенции, ее определенному слою, эволюционировать к пролетарскому социализму, т. е. к марксизму.

Задача, которую предстояло разрешить русским социал-демократам, между прочим, заключалась в том, чтобы окончательно разбить народническую мелкобуржуазную идеологию, помочь эволюционировать социалистической интеллигенции и передовой части рабочих от мелкобуржуазного мещанского социализма к пролетарскому. Народничество стало реакционной силой, поскольку оно возводило в перл создания мелкое хозяйство мелкого буржуа, не замечая того, что оно тем самым только укрепляет „устои“ и ставит препятствия новым формам хозяйства. Без сомнения, об'ективный ход экономического развития рано или поздно и так привел бы к поражению народничества и мелкобуржуазного социализма, но в том и заключалось революционное зерно марксизма, что русские марксисты-революционеры, понимая эту тенденцию экономического процесса, понимали и то, что революционный марксизм обязывает всякого его сторонника не оставаться простым и спокойным зрителем совершающихся перед его взором явле-

ний, а наоборот, деятельнейшим образом усиливать торжество этой тенденции.

Это, конечно, нисколько не означало, как думали и говорили народники во главе с Михайловским, что социал-демократы должны открывать кабаки и помогать кулакам эксплоатировать крестьян, но это вместе с тем не означало и спокойного попустительства всяким народническим утопиям и нелепым планам и экспериментам. А между тем благонамеренные народники господствовали в литературе, науке и отчасти в земстве.

Самые влиятельные органы печати, как например, „Русское Богатство", находились в их руках, самые уважаемые и распространенные газеты, как „Русские Ведомости", давали приют их статьям на своих страницах. В науке тоже насчитывалось не мало людей, которые, пуская в ход всю тяжелую артиллерию псевдонаучных доводов, отстаивали идеалистические взгляды народников. Не говоря уже о Н. К. Михайловском и профессорах и ученых 70-х годов (Ю. Жуковский, И. Кауфман, А. Антонович и др.) в 80-ые годы в поход против Маркса выступили,—проф. Л. Ходский, Н. Бунге, проф. Георгиевский, а за ними Н—он (Даниельсон), В. В. (Воронцов), С. Кривенко и проф. Н. Кареев. В девяностые годы критика марксизма продолжалась с еще большим ожесточением: поход открыло „Русское Богатство", напечатав статью Н. Кареева — „Источники исторических перемен", затем появилась книга Л. Оболенского „Изложение и критика неомарксизма" в 1893 г., в этом же году в „Русском Богатстве" (в № 12) напечатана статья С. Кривенка „По поводу культурных одиночек"; в 1894 году Михайловский выступил против марксистов в статьях „Литература и жизнь" (№ 1 и 2), за ним бросился в атаку опять Н.—он (в № 4 и 6 „Нечто об условиях нашего хозяйственнного развития").

Необходимо было подумать об отражении этих ударов наседающего мещанского социализма. В 1893 году против народников выступил, наконец, П. Струве, называвший себя тогда еще марксистом; он напечатал в немецкой газете „Sozialpolitisches Zentralblatt" (№ 1—1893 г.) статью „К вопросу о капиталистическом развитии России", где критиковал взгляды Н.—она. Струве, студент Петербургского Университета, имел связи с марксистскими кружками саморазвития еще с начала девяностых годов и принимал участие в их работе, главным образом, в области теоретических споров и борьбы с народническими взглядами. С тех пор эти связи с марксистами у него расширились и окрепли. В 1894 году он выпустил (в сентябре) свою известную книгу: „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России", а в декабре этого же года появилась, наконец, книга Г. В. Плеханова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю". Это последнее произведение предполагалось издать сначала за границей, но Потресову удалось добиться ее издания в России.

Оба эти произведения, а особенно книга Бельтова имели колоссальный успех. Нет нужды здесь излагать подробно взгляды Плеханова, достаточно сказать, что автор в блестящей доступной форме критикует основные положения суб'ективного метода в социологии и вместе с тем излагает основы материалистического взгляда на природу и общество. Показав в первой главе все революционное и научное значение французского материализма XVIII в., Плеханов затем вскры-

вает идеалистические черты французских материалистов в их взглядах на общество.

Пользуясь методом Маркса, он показывает далее, как представители революционного класса буржуазии в конце XVIII в. могли, когда их классу это было и выгодно и нужно, об'яснять историю общества, как историю борьбы классов, и как историки и ученые времен реставрации во Франции превращались либо в прямых реакционеров, желавших закрепить отвоеванное ими у феодальной аристократии, либо в утопистов, видевших только отрицательные стороны нового капиталистического способа производства. Очертив затем развитие немецкой идеалистической философии и показав, что в ней являлось революционным, Плеханов раз'ясняет, что именно эти революционные элементы немецкой идеалистической философии были исходным пунктом для построения научного социализма Маркса и Энгельса. В заключительной главе Плеханов излагает основы современного материализма.

В блестящей остроумной форме мысль Плеханова проникает в самые укрепленные позиции суб'ективистов и выбивает их оттуда, разбивает все их аргументы и доводы и вскрывает мелкобуржуазную, мещанскую подоплеку их взглядов. Книга Плеханова произвела впечатление разорвавшейся бомбы в народническом лагере, таков был этот блестящий сильный удар по противнику. Казалось нет той силы, которая бы могла поколебать авторитет всех этих столпов народничества и вот вдруг выступает не кто-нибудь, а Плеханов, сам когда-то бывший идеологом народничества, народником-революционером, а не только легальным писателем самодержавной России. Но что особенно смущало народников, это то, что в их собственных рядах среди молодежи начались колебания и сомнения под влиянием этой замечательной книги Плеханова.

П. Н. Лепешинский, сам в те времена еще сочувствующий народовольцам и работавший с ними, так рассказывает в своей прекрасной книге „На повороте“ об этих колебаниях и сомнениях: „Казалось, что наши витии не оставили своей жестокой критикой камня на камне от теоретических построений Бельтова. Мы пустили в ход весь свой сарказм, со смехом подхватывая идею диалектического развития с его „отрицанием отрицания“, мы придумывали юмористические примеры для иллюстрации пресловутой триады, мы, наконец, просто ругали нехорошими словами и Бельтова и его марксизм. Не помню уж, долго ли мы упражнялись таким образом, но разошлись мы после собрания, нужно правду сказать, не с просветленными мозгами и не с облегченной душой.

По крайней мере, что касается меня, то с этих пор я все чаще и чаще стал заглядывать в еретическую книжку Бельтова и все больше и больше стал призадумываться над ней, при чем, как и следовало ожидать, со мной приключилась скверная история: я и сам в конце концов заразился микробом марксизма... С этих пор я стал испытывать „миллион терзаний“. Мысль о том, что я могу обратиться в презренного вероотступника, что я, чего доброго, сожгу все, чему поклонялся, что от меня все мои добрые друзья и товарищи станут отворачиваться, как от жалкого ренегата, не устоявшего против софизмов обольстителя,—мысль об этом наполняла смятением и тревогою

мою душу. Единственный человек, которому я решался приоткрывать болезненные язвы этой души, был Орлов.

— А, что, Николай, разве ты не допускаешь мысли, что у марксистов есть своя доля правды? — осторожно спрашиваю я у моего закадычного приятеля, с тревогою заглядывая в его зеленовато-серые суровые глаза.

— Н-да, брат, вижу, что ты уже готов к восприятию новой веры,—отвечает мне Орлов, печально качая головой.

— Но ведь пойми же, Николай... Они вовсе не зовут нас к насаждению буржуазного строя, а подсказывают лишь, на кого в революционной борьбе можно и должно опереться... Рабочий класс— вот на кого, по их мнению, нужно делать нашу ставку...

— Ах, брось ты эти песни насчет рабочего класса,—раздражается мой собеседник,—не люблю я этого твоего фетиша... А впрочем бесполезно спорить! Тебя уж все равно не вернешь на старый путь...

Нисколько не удовлетворенный такого рода „никодимовой" беседой, я всякий раз уходил от Орлова с еще более смятенной душой".

Здесь в высшей степени удачно обрисована та умственная ломка, какая происходила в мировоззрении русской социалистической интеллигенции. Кто из старых членов нашей партии, вырабатывавших свое коммунистическое миросозерцание в 90-ые годы, не участвовал в такого рода „никодимовых" беседах, кто не уходил со смущенной душой после чтения книги Бельтова? Не было провинциального крупного центра, где бы не происходили такие беседы и где молодежь не сжигала бы то, чему еще так недавно поклонялась, — свои народнические идеалы. Но рядом с книгой Бельтова были и такие книги, как „Критические заметки" Струве, легального марксиста. „В стране самодержавной,—говорит Ленин,—с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая Эзоповским, но для всех „интересующихся" понятным языком"... „... выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг"...

В этом была положительная сила легального марксизма. Ряды народников колебались, под ударами марксистской теории они терялись и становились в тупик, были „без дороги", как картинно выразился Вересаев. „Ты хочешь идеи", говорил такой „герой" бездорожья вопрошавшей молодежи: „которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила целиком и упорно вела к определенной цели; ты хочешь, чтоб я вручил тебе знамя и сказал: „вот тебе знамя,—борись и умирай за него..." Я больше тебя читал, больше видел жизнь, но со мною то же, что с тобой; я не знаю!—в этом вся мука". Художник Вересаев подметил то же самое явление, какое переживал революционер Лепешинский, какое наблюдал и оценивал вождь социал-демократии Ленин и какое переживали сотни и тысячи вересаевских Наташ по всему лицу земли русской. Известно, чем кончились эти переживания и эти „никодимовы" беседы, что вели вересаевские Наташи с

Киселевыми-Орловыми (рассказ „Поветрие“ и „Без дороги“): молодежь уходила к социал-демократии.

Марксизм становился достоянием широких масс социалистической интеллигенции. В этом заключалась положительная сторона легального марксизма. Но в том, что за проповедь легального марксизма взялись буржуазные демократы, таилась большая опасность. Такие люди как П. Струве, Туган-Барановский, Булгаков, брали от марксизма те его стороны, то его оружие, при помощи которого легче было разбить мещанский, мелкобуржуазный социализм народников, и отбрасывали от марксизма то, что не подходило, что било буржуазную демократию, либерализм, что было опасно этой буржуазной демократии. Отсюда понятно, что усвоение марксизма из произведений таких марксистов означало усвоение искаженного, опошленного марксизма, приспособленного к нуждам либерализма, словом псевдомарксизма. Следовало ли отсюда, что революционеры-марксисты не должны были вступать в соглашение с легальными марксистами? Нисколько. Революционерам марксистам нужно было во что бы то ни стало победить народников и завоевать себе общее сочувствие среди социалистической молодежи и здесь можно было пойти на соглашение и с буржуазной демократией, тогда в обстановке 90-х годов, когда и ей, этой буржуазной демократии, необходимо было расчистить себе путь. Люди это были ненадежные, но „бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких „условий“. Доказательство: сожженный в 1895 году цензурой марксистский сборник „Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России“. Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором“. Так говорит Ленин в „Что делать“. И в этих условиях весь вопрос. Весь вопрос в том, что выступая против общего врага вместе с легальными марксистами, революционные марксисты в то же время выступали и против легальных марксистов, против их вульгаризации марксизма. И, конечно, не прав тов. Рязанов, когда он в своих „Материалах для выработки партийной программы“ во втором выпуске, в главе „Кукольная комедия с букетом марксистской идеологии или первый политический договор русской социал-демократии с буржуазной демократией“, в общем правильно оценивая значение легального марксизма, упрекает Ленина и его товарищей за политическое соглашение с буржуазной демократией, возлагая ответственность именно на социал-демократов за весь вред, какой принес легальный марксизм. Вступая в соглашение со Струве, социал-демократы ни на минуту не забывали всех ошибок легального марксизма и не замалчивали этих ошибок, а смело и решительно говорили об этих ошибках и разоблачали своих союзников. Несомненно, что легальный марксизм был одной из причин возникшего затем оппортунизма в русском рабочем движении, но

только одной и самой маленькой; причины этого оппортунизма глубже и, как увидим дальше, легальный марксизм только освящая то, что выростало из тех классовых соотношений, какие сложились к концу 90-х годов.

Первая встреча Ленина и его товарищей со Струве и его единомышленниками произошла на масленице 1895 года и в этом же году, осенью, произошло выступление Ленина против Струве.

„Союз" попытался издать легально книгу, содержащую полемические статьи против легальных марксистов, и, хотя эта книга была сожжена цензурой, в сотне ее уцелевших экземпляров революционеры-марксисты почерпали истинно марксистские аргументы против вульгаризации Струве и его друзей.

Сожженная книга „Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России" состояла из следующих статей:

1. П. Скворцов. Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям.

2. В. И. Борьба общины с хутором.

3. А. Потресов. Кризис в замочном промысле Павловского уезда, Нижегородской губернии.

4. Третий том „Капитала". Перевод очерка Э. Бернштейна о только что вышедшем 3-м томе „Капитала". Перевод сделан Р. Классоном (в сборнике это не указано).

5. К. Тулин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.

6. П. Струве. Моим критикам.

7. Д. Кузнецов. Пессимизм, как отражение экономической действительности.

8. Утис. Несколько слов нашим противникам (Материалы для истории цивилизации в нашей литературе).

В. И. это В. А. Ионов, саратовский земский статистик (умер в начале 90-х годов), а Д. Кузнецов и Утис—Плеханов.

Первая статья Плеханова была посвящена Чаадаеву, а вторая являлась ответом на критику книги Бельтова Михайловским и Н-оном. Стало быть в этом сборнике борьба была начата по всему фронту: если Плеханов обстреливал философские и социологические позиции народников, то в статьях остальных авторов содержалась критика экономической их теории.

Самыми основательными статьями являлись—П. Скворцова и К. Тулина. Статья П. Н. Скворцова представляет большое экономическое исследование, написанное на основе земских статистических исследований, охвативших большинство губерний Европейской России (Нижегородской, Смоленской, Московской, Тамбовской, Новгородской, Пермской, Рязанской, Орловской, Таврической и т. п.). Работа эта рассматривала вопросы о соотношении между размером надела и размером семьи, размером надела, величиной двора и количеством скота, способ обработки надела и соотношение между ним и размером надела, аренду вненадельной земли, промыслы и эксплоатацию наемного труда и, наконец, распределение крестьянской поземельной собственности в Европейской России и падающие на землю платежи. Некоторые главы этой работы уже раньше появлялись в печати (начало и конец в „Юридическом Вестнике" за 1892 г.), но большая часть работы

была снабжена новым свежим и прекрасным фактическим материалом. Автор так говорит о главной мысли своего труда: „Моя задача, таким образом, сводится к тому, чтобы на основании земско-статистических исследований показать, насколько совершается преобразование русских крестьян в пролетариев“.

П. Н. Скворцов показывает, действительно, как быстро под ударами капитализма происходит дифференциация деревни, как тот процесс экспроприации земледельца от земли, который происходил в Англии так долго, происходит в России со стремительной быстротой, и как в особенности на юге в области капиталистического земледелия „менее двух третей крестьянских хозяйств самостоятельно занимается земледелием“ (стр. 39).

Словом на материале, накопленном земской статистикой, Скворцов показал, что не в развитии артелей, не в общине, а в буржуазных отношениях, создаваемых капитализмом, живет русская деревня.

В основу статьи Ленина был положен его реферат „Отражение марксизма в буржуазной литературе“, читанный на квартире Потресова в 1894 г. (осенью). Здесь прежде всего на критическом разборе старой, народнической статьи конца 70-х годов показана политико-экономическая сущность народничества—именно, что народничество есть „результат отражения интересов и точки зрения мелкого производителя“. Показав затем, как с точки зрения мелкого производителя народник об'ясняет новые факты экономической эволюции России, Ленин показывает, как те же факты об'ясняет марксизм и как он находит свой критерий в формулировке и в теоретическом об'яснении развертывающейся в стране борьбы классов и их экономических интересов. Переходя к книге Струве и отметив отвлеченность („об'ективность“) его профессорской критики, Ленин вскрывает попытки Струве критиковать Маркса, исправить его и дополнить.

Струве уже тогда полагал, что чисто философского обоснования своего учения Маркс не дал, что это учение еще нужно проверить на фактах, что кроме того учение Маркса страдает односторонностью. Заметив на это, что с точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет права на свое отдельное самостоятельное существование и что ее материал распадается между разными отраслями положительной науки, Ленин берет одну из „поправок“ Струве и показывает, что в основе этой поправки лежит буржуазно-демократическое преклонение пред буржуазным государством. Дело в том, что Струве не нравится Марксово отрицание буржуазного государства, и он исправляет Маркса, считая государство прежде всего организацией порядка. Государство прежде всего организация порядка, а потом уж, когда налицо подчинение одних классов другим, оно становится организацией классового господства. Ленин показывает, что Струве искажает Маркса и как бы не замечает одного из главных признаков буржуазного государства— это господство ничтожного меньшинства над подавляющим большинством народа и что публичная власть этой кучки отделена от народа. Это пристрастие Струве к государственному „порядку“ вскрывается Лениным и в попытке Струве доказать, что Маркс вовсе и не предполагает свержения буржуазного строя революционным путем. По мнению Струве Маркс мыслит себе переход от буржуазного строя к

социалистическому путем „реформ", всякого рода мер, путем эволюции, так что социализм, как бы постепенно выростает из капитализма.

Ленин подчеркивает эту „поправку" Струве и показывает, что борьба рабочего класса за временные улучшения еще в пределах буржуазного строя нисколько, однако, не отрицает постоянного стремления пролетариата довести дело до революции, до гибели буржуазного общества.

Заметив далее, что определение Струве, будто народничество есть „идеология натурального хозяйства и первобытного равенства", неверно, Ленин подвергает критике и следующую поправку Струве, а именно, будто открытие Маркса о том, что „вообще каждому исторически особенному способу производства соответствует свой собственный закон возрастания народонаселения, имеющий только историческое значение", и что „абстрактный закон размножения существует только для растений и животных", не верно и будто прав Ф. Ланге, когда он исправляет Маркса. Вслед за Ланге и другими буржуазными экономистами Струве с чисто мальтузианской точки зрения подходит и к вопросу о перенаселении и к вопросу о дифференциации деревни.

Точно так же и в теории рынков Струве делает ошибки и как бы одобряет взгляды народников по этому поводу. Он не замечает, что главная ошибка народников в их утверждении, будто капитализм только разоряет крестьянство, между тем как капитализм и дифференцирует деревню, создает буржуазию и пролетариат и тем самым при посредстве этого процесса не сокращает, а расширяет рынок.

Рассматривая далее взгляды Струве, Ленин показывает, что и в основе его миросозерцания лежат зародыши буржуазного либерализма, который одобряет и поддерживает такую политику государства, которая стремится поддержать крепкое крестьянство, сделать Россию из бедной капиталистической страны богатой капиталистической страной, и что поэтому нужно итти „на выучку к капитализму".

Ленин подчеркивает по этому поводу, что не дело марксистов учиться у капитализма и что было бы сплошной ошибкой отрицать, что в той части своей программы, где народники защищают интересы мелкого производителя, они это делают гораздо лучше, чем буржуазные демократы.

„...Узкий об'ективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма—об'ективизм характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс", вот как определяет Ленин основной недостаток „Критических заметок" Струве.

Между тем как социал-демократы отыскивают корни общественных явлений в производственных отношениях и сводят эти явления к интересам определенных классов, Струве пытается замазать эти классовые антагонизмы и отношения таким ученым надклассовым об'ективизмом, за которым и прячет свою буржуазно-либеральную сущность, которая хочет реформ, а не крушения капиталистического строя.

Таким образом, мирное выростание социализма из капитализма, затушевывание классовой борьбы, буржуазное учение о государстве,

сотрудничество классов, отрицание материализма—вот та вульгаризация марксизма, которую Струве выдавал за самый подлинный марксизм.

Борьба с таким „марксизмом“ являлась обязанностью революционного марксизма, и Ленин начал ее.

В течение всего 1895, 6 и 7 годов народники продолжают вести отчаянную борьбу с социал-демократами. В „Русском Богатстве“, тогда еще в народническом „Новом Слове“, в отдельных книжках они открывают борьбу по всему фронту: Михайловский, Кривенко, Южаков, Кудрин, Ветринский, В. В. Слонимский, Яроцкий и другие экономисты и публицисты народнического направления обрушиваются на социал-демократов.

Марксисты отвечают в легальной и нелегальной печати. Социал-демократам удается получить в свои руки несколько органов печати.

Прежде всего социал-демократам удалось утвердиться в журнале „Новое Слово“, который с марта 1897 г. стал печатать статьи марксистов (журнал выходил под редакцией П. Струве, Т.-Барановского, А. М. Калмыковой и В. Поссе). В течение 1897 года до закрытия журнала правительством в „Новом Слове“ появились статьи Ленина, Плеханова, Череванина, Мартова (А. Егорова). В. И. Засулич (Иванова), Струве, Туган-Барановского и других марксистов-ортодоксов и легальных марксистов. Ленин напечатал там свою работу „К характеристике экономического романтизма“ (апрель, май, июнь, июль), рецензию „По поводу одной газетной заметки“ (в октябре); Плеханов—„Судьбы русской критики“, Туган-Барановский—„К вопросу о влиянии низких хлебных цен“ и части своей работы о фабрике, Булгаков „Закон причинности и свобода человеческих действий“ (май), Струве—„Еще о свободе и необходимости“, И. Гурвич—„Развивается ли капитализм в русском землевладении“, К. Качаровский — „Разложение общины под влиянием малоземелья“ и т. д.

В журнале был прекрасно поставлен отдел провинциальной хроники, где освещалось положение рабочих и деревни,—напр., „Хлебная торговля на юге“ А. Сераф-ча, „Из Елизаветграда“ (Артема Левицкого) (№ 11), „Из Рязани“ (Дворянский. вопрос (№ 11) Ар. Смоленского, Письмо из Сибири („Капитал идет“), П. П ва и т. д. Горький печатал там свои рассказы („Бывшие Люди“).

И здесь на страницах этого журнала такие марксисты, как Ленин, продолжали отмежевываться от легального марксизма, а легальные марксисты продолжали дальнейшую эволюцию к идеализму и буржуазному либерализму. Булгаков оспаривал правильность материалистических основ и утверждал свободу воли, а Струве ему отвечал, что „наши разногласия оказались либо мнимыми, либо несущественными. Чего же лучшего желать от полемики?“ (в мае 1897 г.).

Так постепенно Струве расчищал себе дорожку к конституционно-демократической партии.

Еще раньше в 1896 г. марксистам удалось утвердиться в провинции в „Самарском Вестнике“.

В этой газете, прекратившей свое существование тоже в 1897 г., принимали участие—А. Алексеев (псевд.), В. Е. Андреев, Е. А. Валльеде-Барр, Н. Гарин (Михайловский) — беллетрист, В. Гермес (псевд.), Р. Гвоздев (псевд.), М. М. Грин, В. С. Голубев, Дикс (псевд.), И. А. Карчикер, П. П. Маслов, А. Санин, Н. Е. Федосеев, А. Н. Потресов,

Н. П. Подбельский, Яблоновский, Чириков, Гарин (беллетристы) и т. д. Здесь, между прочим, были помещены следующие статьи: „Философия идеального добра (по пов. ст. Вл. Соловьева „Экономические вопросы с нравственной точки зрения") П. Струве (№ 5); Критические наброски (Южаков „Днёвник журналиста" Д. П. №№ 11 и 12) П. Маслова (№ 6); „Новая книга по истории культуры" (по пов. книги Мензиса „История религии") Н. Подбельского (№ 7); „Промышленность Поволжья" А. (№№ 6 и 7); „Нечто об истории" (по поводу книги Лакомба „Социальные основы истории") № 8; „Новая книга по русской истории и литературе", Князь Сергеи Волконский, П. Струве (№ 20); „Процесс первоначального накопления кустарной промышленности" R. Z. № 23 и 31; „Журнальное Обозрение" (Н. И. Кареев „Экономический материализм и закономерность социальных явлений") П. Струве; „Свобода и историческая необходимость" (Вопр. филос. и психол. № 1 и 2 — 1887 г.) П. Скворцова, № 59 и т. п.

В газете помещались и переводы с немецкого, напр., К. Каутского „Чего можно ожидать от материалистического понимания истории" (№ 256—1896 г. и № 17— 1897 г.). Его же „Картели", пер. А. Магницкого. „Второй конгресс рабочих союзов в Австрии" (с нем.), „Результаты полемики о материалистическом понимании истории" д-ра Конрада Шмидта (№ 57); печатались прекрасные корреспонденции из России и заграницы: „Письма из Вены". О К-ш, „Кузнецы-кустари в Таврии" (Письмо с Юга) № 9; освещалось положение рабочих, напр., „Болезни фабричных рабочих" № 55, „По фабрикам и заводам" (Санитарное исследование фабрик и заводов Самарской губ.). В. Г—в (№ 36) и наконец печаталась беллетристика, напр., Н. Гарина: „Карандашем с натуры" (по Западной Сибири) и т. п.

И здесь, конечно, шла полемика ортодоксов с легальными марксистами-народниками. Так, П. Н. Скворцов, разбирая статью Струве „О свободе и исторической необходимости", приходит к выводу, что „П. Струве запутался в диалектических противоречиях"; А. С(анин) в статье „Вульгарное Народничество" отвечал критикам И. Гурвича, вскрывая мелкобуржуазную сущность народничества. Однако, газета просуществовала недолго, цензура скоро обратила на нее внимание, стали появляться белые полосы (напр. № 32), и газета была закрыта. В 1896 году в Риге также удалось некоторое время издавать местную газету „Deenas Lapa", превратить ее почти в марксистскую и помещать там статьи и переводы марксистов, но и она в 1897 г. прикончила свое существование. Марксисты после этого перекочевали в „Научное Обозрение" (редактор Филиппов); в 1899 г. снова удалось поставить свой журнал „Начало", где успели напечатать свои статьи—В. И. Ленин („Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим в современном русском земледелии", март № 3), Плеханов, П. Маслов, Булгаков, Изгоев, Т.-Барановский, Струве и пр. „Начало" было закрыто на пятой майской книжке *). Такая же участь скоро постигла и журнал „Жизнь", издаваемый В. Поссе. Но дальнейшая и подробная история эволюции легального марксизма в данный момент выходит из нашего обсуждения, и мы ограничимся пока указанием на то, что в течение 1895, 1896, 1897, 1898 и 1899 годов в литературе и на книжном рынке появляются

*) „Начало" выходило под редакцией П. Струве и М. Туган-Барановского.

статьи, и даже отдельные книги марксистов, в таком количестве, что народники мобилизуют все свои силы против торжествующего марксизма. Вслед за статьей Тулина-Ленина против Струве выходит Волгина (Плеханова) „Обоснование народничества в трудах г. Воронцова", затем Бельтова, затем работы Ленина („Экономические этюды и статьи"—1897—1898 г.)., „Развитие капитализма в России" (рецензии и полемические заметки и т. д.), Туган-Барановского, Струве, Засулич, Потресова, Мартова, Румянцева, Скворцова, Санина (статьи, послесловие к книге И. Гурвича „Экономическое положение русской деревни"); „Капитал" Маркса (первый том) выдерживает третье издание (в 1898 г.); в 1896 г. выходит в свет в переводе П. П. Румянцева „Критика некоторых положений политической экономии" (Zur Kritik der Politischen Oekonomie), словом наступает период, когда по выражению Ленина „Марксистами повально становились все". Дальше мы остановимся на вопросе, что сделалось с этими „всеми марксистами", а пока еще раз подчеркнем, что ради такого широкого распространения марксистских идей не только в столице, но и в самой глухой провинции стоило вступать во временное соглашение с Т.-Барановским и Струве, тем более, что дальнейшая борьба с легальным марксизмом еще более сплотила марксистов-ортодоксов и только помогла им еще лучше выкристаллизовать свою теорию и программу, отмежеваться от буржуазной демократии, а этой последней поскорее самоопределиться и причалить к берегу либерализма. Умственная спячка покидает русское интеллигентное общество, и споры из области отвлеченной теории спускаются в самую гущу жизни. В самой жизни сталкиваются два направления. Старая народническая интеллигенция еще цепляется за обрывки своего знамени, но уже оказывается без дороги.

По картинному выражению беллетриста идет какое-то новое „поветрие" и охватывает даже буржуазную молодежь.

Не только в квартире Потресова, но везде и даже в глухой провинции идут споры, рвутся старые связи, воздвигаются новые жертвенники. Вот глухая деревня в глубине России. На балконе домика земского врача-народника встречаются старый народник организатор артелей Киселев и молодые марксисты, студент из семинаристов Даев и помещичья дочка Наташа, бывшая ученица врача-народника. Загорается спор. Старый народник с энтузиазмом пропагандирует свои артели, но скептические и ядовитые замечания марксистов спускают его на землю. Стоят два враждебные лагеря—один старый, народнический „без дороги", отвечающий на вопрос „что делать?",—„не знаю" или предлагающий итти устраивать артели, и другой, новый, молодой, сильный, уже нащупавший новую твердую дорогу, и—на полный ненависти взор и слова бездорожников, что потускнели идеалы, что жизнь скучна и тяжела,—отвечающий: о нет. жизнь интересна и полна борьбы и надежд.

„Инвалиды!" скоро скажет история этим бездорожникам устами другого беллетриста Чирикова; „безумству храбрых поем мы песнь" произнесет та же старушка история новому поколению этих смелых и храбрых.

Правда, будет много попутчиков, много попавших в эти новые ряды по недоразумению, но железный об'ективный ход экономического процесса отсеет все ненужное, лишнее и преходящее, и останется одна железная когорта революции.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Провинциальные организации второго периода.

Быть может, лучшим примером того, как, уже во время легального марксизма, организации, созданные социал-демократами, не поддавались его влиянию, оставаясь верными основам революционного марксизма,— является московская социал-демократическая организация. Мы уже говорили кратко о возникновении социал-демократии в Москве. Остановимся более подробно на этом вопросе сейчас.

Московский рабочий союз.

Еще в связи с Брусневской организацией правительство обнаружило самостоятельный марксистский кружок в Москве—кружок Круковского, где велись очень серьезные занятия по изучению марксизма. Там читался „Капитал" и другие сочинения Маркса и Энгельса. Кружок, по словам С. И. Мицкевича, изучал также Лассаля, Каутского, знакомился и с русскими работами, как, напр., сочинения Зибера, статьи П. Н. Скворцова в „Юридическом Вестнике", Харизоменова, сочинения по исследованию фабрик Московского района Погожева, Дементьева, Эрисмана. Как и везде, в это время литература, издаваемая группой „Освобождения Труда", в Москве находилась в таком ничтожном количестве и была такой редкостью, что кружок должен был пойти другим самостоятельным путем, — члены кружка стали доставать немецкие социал-демократические книги и переводить их. Так были переведены „Анти-Дюринг", „Происхождение семьи, собственности и государства" Энгельса, „Эрфуртская программа" Каутского, некоторые брошюры из серии „Arbeiter-Bibliothek", напр., Шиппеля, Кампфмейера, а также статьи из „Die Neue Zeit", с французского брошюры Гэда, Лафарга и т. п. *).

Как видно из только что перечисленной литературы, подготовка московских марксистов была весьма основательна, а если принять во внимание, что в лице члена этой группы, С. И. Мицкевича, группа имела человека, который был уже тогда (1891 г.) знаком с такими выдающимися марксистами, как П. Н. Скворцов, а затем вскоре и В. И. Лениным в 1893 году, который читал в Москве на реферате Струве и выступал с успехом против В. В., то вполне понятно, что не-

*) Однако, литература группы „Освобождения Труда" и Сочинения Маркса циркулировали в московских революционных кружках еще с начала 80-х годов. Так, например, еще в 1884 г. „Общестуденческим Союзом" были изданы некоторые сочинения Маркса и Энгельса: „Буржуа и пролетарии" (Ком. маниф.), „Социализм и политическая борьба" (См в Моск. Истор. рев. архиве дело „Общестуденч. Союза" за 1884 г.).

которые члены кружка, как Григорий Мандельштам, Давыдов, Калафати и Спонти с успехом выступали, как марксисты, уже тогда на разных интеллигентских собраниях. Калафати не без успеха вступал в споры даже с такими людьми, как Милюков, уже тогда выдвинувшийся молодой ученый. Оказал влияние на московский кружок и Федосеев своей рукописью о падении крепостного права в России. Уже в это время, как мы видели, нападение на русских марксистов вели с разных сторон,—марксизм громило и „Русское Богатство", его всячески поносили народники и в отдельных статьях и специальных трудах, выступали против него и народовольцы и партия „Народного Права". Но московские социал-демократы были хорошо подготовлены и к теоретической борьбе и к практической работе. У членов этого кружка были отдельные связи с рабочими,—старый рабочий, ткач, участвовавший еще в кружке Петра Алексеева, другой рабочий, кузнец из кружка лавристов, выдающийся помощник машиниста на Смоленской жел. дор. (Брестская) С. И. Прокофьев, также распропагандированный еще народниками. Первый из этих рабочих, хотя и малообразованный, вел работу в одиночку и, как хороший агитатор, пользовался большим уважением среди товарищей; кузнец, имевший склонность к культурничеству, тоже работал одиночкой, выписывал „Русские Ведомости" и пользовался прочитанным в своей пропаганде среди рабочих. Рабочие Бойэ, С. Хозецкой, Федор Поляков, Самохин и Андрей Карпузи (доселе жив и работает в Коммунистической партии) являлись вместе с С. И. Прокофьевым самыми выдающимися в то время в возникающей социал-демократической организации в Москве. Все они прошли самостоятельно очень большую для рабочего подготовку, так что некоторых из них товарищи принимали за интеллигентов. Все они много читали, некоторые из них впоследствии побывали за границей (Бойэ и Хозецкой) и изучали языки и были умелыми организаторами и агитаторами.

Так Федор Поляков, ткач, еще работая мальчиком в аптеке Раменской мануфактуры, много читал по естествознанию, медицине и философии. Талантливый агитатор, он был изгоняем хозяевами с фабрик, переходил из одной в другую и вел деятельную агитацию. О его интеллигентности можно судить по тому, что уже будучи в ссылке в Енисейской губ., он печатал в сибирских газетах свои повести и рассказы. Оба они, и Хозецкой и Поляков, умерли от чахотки. Модельщик фабрики Гоппера, Самохин имел большую подготовку по рабочему вопросу (перечитал множество книг, изучал французский язык и эсперанто, мечтая завести переписку с французскими рабочими); познакомившись с кружком Мицкевича и прочитав полученную от него „Эрфуртскую программу", занялся самостоятельно пропагандой в кружке им же самим и организованным. Подготовивши товарищей модельщиков в своем кружке, он передал этот кружок марксистской группе для дальнейшей обработки (для изучения истории и политических вопросов). Интересной фигурой движения являлся Карпузи, интеллигент, ставший рабочим-слесарем (работал на заводе Вейхельта) с целью завести связи и начать работу среди пролетариата. Таким образом, марксистский кружок Мицкевича в Москве к тому времени, когда из него выделилась группа в шесть человек, задавшаяся целью начать работу среди пролетариата (С. И. Мицкевич, М. Н. Мандельштам-Лядов, А. Н. и

П. И. Винокуровы, Е. И. Спонти и С. И. Прокофьев), имел уже очень хорошие связи среди рабочих. И здесь, стало быть, дело шло как везде, — как в Киеве, Харькове, Петербурге и других городах,—интеллигенты и рабочие в кружках саморазвития или в одиночку прошли основательную подготовку, интеллигент „пошел в народ“ (Карпузи-интеллигент становится рабочим), завязались связи с заводами и фабриками, и работа развернулась. Но как только организация достигла такой ступени, марксисты Москвы повели работу сразу же несколько иначе, чем в других местах.

Москвичей социал-демократов не смущало ни нападение народников на марксистов, ни оживление народнической агитации в студенческих организациях, политически тяготевших к народникам, но организационно аморфных. В противовес атаке народников социал-демократы получили такое подкрепление, как брошюра Ленина „Что такое друзья народа“ (кстати сказать, и напечатанная впервые москвичами) и „К вопросу о монистическом взгляде на историю“ Бельтова. Что же касается студенческих организаций, то социал-демократы прекрасно понимали их бессилие и эфемерность и потому, выбирая из студенческой массы наиболее подходящих для себя отдельных работников, в студенческое дело не входили и вели осторожно свою работу. Работа же эта заключалась в следующем. Прежде всего с помощью указанных выше рабочих были организованы рабочие кружки пропаганды. Каково же было содержание этой пропаганды? С. И. Мицкевич по этому поводу говорит так: „сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала; далее, лекция за лекцией, излагался первый том „Капитала“, при чем изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни, и таким образом попутно рисовалась картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и др., потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которое может быть у нас совершено только рабочим классом.“

В этот период, т. е. в 1894 году, в Москве уже не читают рабочим о луне, о рыбах и птицах, о землетрясениях, все это, может быть, и делалось в отдельных случаях, но как общее правило это уже отошло в область предания. Мало того, работа эта начинает принимать постепенно, но неуклонно массовый характер. Во-первых, рабочие, затронутые пропагандой, распространяли литературу уже среди рядовых рабочих. Теперь и в Москве стало побольше такой литературы, как брошюрочная социал-демократическая литература. Эта литература получалась из двух источников: приходила из-за границы, это брошюры группы „Освобождения Труда“, — „Речь Петра Алексеева“, „Речь Варлена“, „8 часовой рабочий день“ Плеханова, „Кто чем живет“ Дикштейна, „Четыре речи Петербургских рабочих на 1-ое мая“, затем кружок сам очень усиленно занимался литературной и издательской деятельностью. Во-вторых, самый метод работы и архитектоника организации сразу были таковы, что естественно вся работа должна была превращаться в массовую работу. В начале по словам М. Н. Лядова организация вылилась в такие формы: Центральная группа, куда входило на первых порах четверо, а затем шестеро интеллигентов и пять или шесть наиболее сознательных рабочих; этот центр руководил всей работой,

т. е. писал брошюры и листки, ведал техникой и стало быть издавал эту литературу, доставал уже печатные соц.-демократические издания, добывал деньги и вел сношения с иногородними группами. Затем шли „кружки высшего типа", как выразился бы социал-демократ позднейшей эпохи, т. е. сравнительно немноголюдные кружки сознательных развитых рабочих, где подготовлялись агитаторы и пропагандисты для более широкой и неподготовленной аудитории. Вот эти-то агитаторы рабочие и руководили кружками, через которые пропускалась самая широкая и довольно обширная аудитория. Это были кружки „низшего типа", как выразился бы социал-демократ девятисотых годов (М. Н. Лядов называет эти кружки № 1 и № 2). Довольно обширная аудитория получалась в периферийных кружках (выражаясь терминами последующего времени), потому что состав их сознательно почаще меняли, что достигалось небольшой программой занятий в 8-10 лекций. Вот в этих-то кружках и распространялась популярная литература, получаемая из за границы и подготовляемая самими москвичами. О характере этой литературы можно судить уже по темам, каких она касалась: Круковский написал популяризацию Маркса с примерами из русской жизни; Винокуров о первоначальном накоплении, тоже иллюстрированную фактами из русской действительности; Лядов — „Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превращаются" и переделку „На русский лад" „Религии Капитала" Лафарга; кто-то из членов центрального кружка переделал с польского: „О конкуренции", „Рабочая революция", „Что должен знать и помнить каждый рабочий", „Рабочий день", „Родовое общество", намечена была целая серия популярных листков, из которых по словам Лядова вышли: о заработной плате, — „Много ли мы зарабатываем", о фабричной гигиене и санитарии, — „Долго ли мы живем?", о фабричном законодательстве, — „У фабричного инспектора". Стало быть, часть литературы носила более пропагандистский характер, часть — более агитационный.

Уже отсюда видно, как широко была задумана и поставлена организация: из прошлых периодов движения была взята конспиративная выучка, некоторые методы — наконец, некоторые старые связи; новое, свое москвичи дали в том смысле, что сразу же повели массовую работу, которая немедленно привела их и к массовому стачечному движению. Самый характер пропаганды в Москве носил массовый и, главное, жизненный характер: свою пропаганду москвичи связывали с жизнью; они у своих рабочих узнавали об их положении — о длине рабочего дня, о заработной плате, о злоупотреблениях мастеров и т. п. и, добавляя это еще фактами о жизни рабочих из таких книг, как Погожева, Эрисмана и т. д., они свою пропаганду иллюстрировали этими фактами близкими и понятными рабочим. *Ясно, что такая пропаганда неминуемо переходила в массовую агитацию,* ибо велась она в той самой периферии, о которой говорилось выше и даже больше на „летучках". „Летучки", т. е. небольшие собрания рабочих человек 20-30, стали общераспространенным явлением уже в следующий период движения, но заслуга москвичей и бундовцев в том и заключается, что они первые ввели этот вид агитации в жизнь еще в те далекие времена, когда подготовлялись только элементы партии. Но, могут сказать на все вышеизложенное, что ведь содержание пропаганды и агитации было

экономическое. Да, это верно, но эта экономическая пропаганда и агитация велась так, что неизбежно приводила к политическим выводам: и сами пропагандисты и рабочие логически доходили до корня русских зол, до самой чистой политики.

Чем же об'ясняется такой характер работы в Москве? Сами деятели об'ясняют его большими массами пролетарита в Москве, невыносимо тяжелыми условиями рабочей жизни и отчасти влиянием Е. И. Спонти, приехавшего из Западного края, где уже начиналась массовая агитация. Это без сомнения, бесспорно, но бесспорно и то, что одной из важнейших причин был личный состав руководителей; москвичи—социал-демократы как и социал-демократы 90-х годов (первой половины и отчасти второй) были действительно ортодоксальными марксистами, упорным трудом, самостоятельно выработавшими свое революционное марксистское миросозерцание; выйдя из народнических кружков, они еще в конце 80-х годов (как Мицкевич, Мандельштам, Круковский, Карпузи, и др.) стремились от мещанского, мелкобуржуазного социализма к пролетарскому социализму, к марксизму. И легальный марксизм со своей вульгаризацией и брошюра „Об агитации" со своими стадиями застали их уже сложившимися марксистами; им нечего было бояться ни вульгаризации Струве, ни хвостизма брошюры „Об агитации"; они реагировали на это критикой ложных положений, критикой, которая теоретически была особенно ярко выражена Лениным в работе „Что такое друзья народа", а практически стачками 1896 и 7 годов в Петербурге и стачками в Москве, экономической и политической агитацией в широких рабочих массах. Личный состав организации играл вообще большую роль в русском рабочем движении: тяжелые, по-истине ужасающие условия нелегальной работы, каторжные кары за самые невинные факты, необходимость проходить большой подготовительный и теоретический и практический период выработали из русских старых революционеров-социал-демократов особый тип. Нам еще придется об этом сказать ниже, но несомненно, что и здесь в Москве, как и в Петербурге, так и везде эти особые условия предыдущей хорошей подготовки оказали свое благотворное влияние.

Не даром с таким уважением говорил об этих свойствах русских социал-демократов-практиков их враг Струве, не даром многие из них доселе в наших первых рядах, как те же Мицкевич, Мандельштам, Лепешинский, Невзорова, Кржижановский, Крупская и многие другие товарищи.

В апреле 1894 года организовался в Москве „Московский рабочий Союз". Организация его сводилась к следующему: в каждом заводе имелся соц.-демократический кружок (в наших терминах Заводский Комитет, бюро заводского коллектива); он вел всю работу, — пропаганду, агитацию, распространял литературу и т. д., около него группировались рабочие соц.-демократы из заводской массы; представители таких заводских кружков и составляли центральный рабочий коллектив или, как его называет Мицкевич, Центральный рабочий Союз. Рядом с ним или вернее над ним стоял настоящий центр из интеллигентов и рабочих, настоящий руководящий центр; Центральный рабочий Союз был при этом центре совещательным органом, — в нем обсуждались проекты листков, собирались сведения. Это тип органи-

зации, почти повсеместно господствовавший в то время, — в Киеве, Ростове на Дону и т. д., но только не в Петербурге. Там хотя и была центральная рабочая группа, но она не была узаконена, наоборот, с самого начала организации, как это видно из всех материалов, петербургские соц.-демократы определенно высказались за единый центр, а когда по выходе из тюрьмы В. И. Ленин встретился со своими преемниками, „молодыми“ и когда в числе других был поднят и этот вопрос о каком-то особом рабочем центре, он высказался против этого со всей силой своей аргументации, — должен быть один центр, социал-демократический.

На первом апрельском собрании Московского рабочего Союза присутствовали представители заводов Гужона, Вейхельта, Листа, Бромлея, Добровых и Набгольц, Гоппера, Грачева, из мастерских Брестской и Казанских жел. дорог, с фабрик Михайлова, Филиппова и некоторых других. Теперь с образованием Союза работа расширяется; захватываются самые отсталые элементы рабочих; организуется женский кружок, — С. И. Муралова, П. И. Винокурова и А. И. Смирнова, — который начинает работу среди женщин. Летом Союз руководит небольшими стачками (у Цинделя, напр.). Союз поднимает вопрос об издании газеты, но за отсутствием техники мысль эта не получает осуществления.

В декабре, в связи со студенческими волнениями попадают в тюрьму и затем высылаются почти все интеллигенты соц-демократы центрального кружка. Но состав его быстро пополняется, — в него вступают А. Н. и В. Н. Масленниковы, Ганьшин и Кирпичников. Связи с рабочими растут, крепнут связи и с другими городами, и к весне 1895 года организация этого первого Союза достигает своего апогея. К майскому празднику Союз выпустил три листка, и решено было отпраздновать первое мая. Стачки решили не устраивать, так как боялись провалов. По этой же причине майское собрание решено было устроить 30 апреля. Оно состоялось за городом вблизи ст. Перово, собралось человек 250, не менее как от 30 фабрик и заводов. Говорились речи Мандельштамом, Карпузи, Поляковым и многими рабочими. Настроение собрания было настолько приподнятое, что расходились с песнями. На собрании вынесли резолюцию начать самую широкую массовую работу и создать массовую организацию.

В июне состоялось второе собрание в Сокольниках, где присутствовало уже только 80 человек, и обсуждался Устав Общей Московской рабочей кассы. Решено было устроить такое же второе, более многочисленное собрание тысячи в две (эта цифра у Мицкевича, отчет Союза в № 3—4 „Работника“ называет цифру скромнее: 500), но уже близился конец этого первого периода Московского Союза: 9-го июня произошел первый провал. Союз еще успел провести стачку на Прохоровской мануфактуре, как вскоре вслед за этим в августе начались аресты и первый Союз погиб, завещав дело своим преемникам. Еще раньше, в декабре арестовали Мицкевича, а затем во время последующих арестов и следующих членов Союза: А. Н. и П. И. Винокуровых, С. И. Прокофьева, Ф. Ф. и К. Ф. Бойе, А. Д. Карпузи, студента-техника А. Н. и В. Н. Масленникова, инженера А. А. Ганьшина, б. подпоручика Е. И. Спонти, студента А. В. Кирпичникова и П. Д. Дурново, М. Н. Лядова, А. И. Рязанова, А. И. Смирнову, Н. А. Желвакову, Л. И. Биронта, М. З. Левита, студ. Я. Л. Гинсбурга, М. Е.

Цейтлина, Н. И. Блинова, конторщика А. И. Косарева, рабочих В. В. Лунева, М. Маслова, М. Добрынина, И. Е. Попова, Ф. Полякова, А. И. Хозецкого, Д. Я. Малинова, А. М. Богомолова, В. М. Каверина (ст.), раб. В. И. Ананьева и Г. Н. Мандельштама, Д. П. Калперати, Н. К. Чекерулькуша, И. А. Давыдова и многих других. Всего захвачено арестами было несколько сот человек; многих очень скоро освободили, но главные руководители просидели 20 месяцев (17 человек). Приговор был очень суровый: 13 человек получили ссылку в Архангельскую губ. на 3 года, 1 в Восточную Сибирь на 3 г., а 4 на 5 лет в Якутскую область.

Двое из привлекавшихся сошли с ума в тюрьме, — Кирпичников и Григорий Николаевич Мандельштам. Последний вскоре умер в больнице.

Разгромы 1895 года дела организации рабочих не разрушили. Зимой 1895—96 годов она снова возродилась и даже увеличилась. Дело в том, что в Москве всегда существовало много одиночек интеллигентов, ведущих социал-демократическую работу (это явление было знакомо Москве еще и в начале 900-х годов). Из таких одиночек Мицкевич называет А. Н. Орлова, начавшего работу еще в 1893 году и провалившегося только в 1897. П. Колокольников, давший потом при вторичном провале Союза откровенные показания, тоже работал сначала в одиночку. „Моя революционная деятельность", говорит он: в своих показаниях, „началась в Москве по приезде из Петербурга в апреле 1895 года. До этого времени я действовал почти исключительно на легальной почве, *занимаясь преподаванием в воскресных школах и рассчитывая в будущем занять место народного учителя.*

Первые шаги мои на революционном поприще были на *Прохоровской фабрике.* Знакомство с рабочими свел я во время прогулки тамошней воскресной школы в Зоологический сад, на которой был я, как бывший учитель этой школы. *Летом я возобновил* сношения с знакомыми на гуляньи и затем видался с ними за заставой. В то время у меня не было под руками никакой нелегальной литературы, и *пропаганду я вел* исключительно *устную*; читать давал подходящие легальные книги. Сношения с фабричными прохоровскими продолжались всю *зиму у меня на квартире, здесь уже пошла в ход и нелегальная литература*".

Как бы ни рассматривать это показание, оно во всяком случае характерно: учитель или учительница воскресной школы, знакомство с учениками — рабочими, собрания для чтения сначала легальных, а затем и нелегальных книг и, наконец, связи с организацией социал-демократов. Таков был ход знакомств с рабочими во многих местах,— Москва, Петербург, Харьков.

Как бы то ни было после разгрома Московского Союза в 1895 г., уже в январе 1896 г. такие отдельные кружки интеллигентов об'единились и образовался новый центр, руководивший всей работой в Москве.

В январе и феврале 1896 г. организация очень разрослась, рабочих, желающих участвовать в кружках, было так много, что не хватало подготовленных интеллигентов; была типография, издательская деятельность направлена была, главным образом, на выпуск листков. О направлении работы Московского рабочего Союза в это время можно

судить, как по его литературе, так и по рассказам его участников. В феврале, по случаю 25-летия Парижской коммуны, московские рабочие послали адрес французским рабочим, покрытый подписями 605 московских пролетариев от 28 крупных предприятий. В этом адресе, между прочим, говорилось: „... Ничто не в силах остановить раз начавшееся движение. Русские рабочие, поднявши старое революционное знамя, обагренное кровью стольких мучеников из их среды и среды интеллигенции, вооружившись идеями научного социализма, стали под общее красное знамя пролетариата всего мира. Они горды сознанием, что передовой бастион европейской реакции, который предстоит взять пролетариату всех стран — царизм — должен быть *ими* разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого не мыслима победа всего пролетариата, должен быть *ими* свергнут.

Пусть рабочие Франции будут уверены, что в тот момент, когда призыв революции раздастся со стороны рабочих Запада, русские рабочие откликнутся, чтобы принести им посильную помощь". Собрание по подготовке адреса происходило на квартире В. П. Мягкова в Доброслободском переулке; здесь присутствовали — интеллигенты Колокольников, Кварцев, Величкин и рабочие З. Лавров, В. Дешевый, Богомолов, П. Емелин, А. Меликов и еще один от Лемана.

Здесь на этой сходке закончился подготовительный период организации, намечен был план ее и решено было его обсудить на отдельных заводских собраниях, так как число членов Союза перевалило за тысячу, и нельзя было найти подходящего помещения для общего собрания. План этот в общем не отличался от того, что был выработан в 1895 году: собрание представителей по одному от каждого завода или фабрики; Центральный Комитет Союза в составе нескольких социал-демократов интеллигентов и рабочих, приблизительно по одному из каждого рабочего района. Центральный Комитет руководит всем движением: распоряжается средствами, доставляет и печатает нелегальную литературу, ведет сношения с другими организациями и с заграницей. Собрания этого Ц. К. происходят не реже раза в месяц. Собрание представителей — совещательный орган и только.

Союз имеет свою кассу и библиотеку. По вопросу о кассе разгорелись страстные споры. Часть товарищей, меньшинство, главным образом рабочие заводов, где и условия работы и заработная плата были выше, чем в других местах (как, напр., зав. Гоппера), стояли за отдельные кассы по заводам и фабрикам; большинство же стояло за образование сразу единой центральной кассы. О характере кассы не спорили,—она должна была иметь боевое назначение, т. е. служить для экономической и политической борьбы, стачки и т. п.; спорили о форме организации и в этих спорах уже сказывалось то течение, которое вскоре окрасило наше рабочее движение во многих местах в тред-юнионистский, экономический оттенок: призилегированные слои рабочих стремились выделиться от остальной массы, отгородиться от нее. Однако это течение быстро замерло, и касса создалась единая. В особенности дело по организации кассы погибло быстро после стачки на заводе Вейхельта, где царила страшная эксплуатация. Стачка вспыхнула по поводу понижения расценок незадолго до Пасхи. Даже, если бы на заводе был введен $10^1/_2$-часовой рабочий день, то и тогда рабочие поденно получали бы не больше 55 коп. в день, а хозяин практиковал

исключительно сдельную и поштучную плату, рассчитывался с рабочими в очень неопределенные сроки и вообще срок найма считал в 2 месяца. Токарям приходилось работать по несколько дней в месяце даром. И вот эту нищенскую плату хозяин решил еще понизить. Рабочие обратились в Комитет с просьбой написать воззвание, оно было написано, распространено, и завод забастовал. Рабочие требовали: 1) Чтобы снова была введена и утверждена фабричным инспектором плата за брак; 2) Чтобы при сдельной работе был введен и поденный оклад, как на других заводах; 3) Срок найма должен быть 2-х недельный, а не 2-х месячный. Бастовало 100 человек Нового Завода Вейхельта (был еще старый завод, где работало 300 чел.). Вейхельт ответил отказом, тогда рабочие стали брать паспорта и раз'езжаться, а завод об'явили под бойкотом: ни один рабочий не посмел итти на работу к Вейхельту, и хозяин, имевший срочные заказы для Нижегородской выставки, через две недели пошел на уступки. Стачка на этом маленьком заводе показала большую силу организации, увеличила чувство солидарности среди рабочих и их классовое самосознание. Когда рассчитанные рабочие раз'езжались по домам, они не только не выражали недовольства, но наоборот устроили прощальное собрание человек в 30, где были Колокольчиков и Кварцев, благодарили интеллигенцию и просили на дорогу нелегальной литературы с целью распространения ее в провинции. Конечно, они ее получили.

Наступил май. В Москве происходила коронация. Работу пришлось сократить, так как кое-кого из рабочих выслали (человек 40), шпионы ныряли повсюду, кое-кто из руководителей на время скрылся из Москвы. После коронации организация развила весьма значительную деятельность. Занятия в кружках прекратились и заменились сходками, собиравшими довольно значительное число рабочих.

Первая сходка произошла в Тюфелевой роще, на ней присутствовало человек 60 рабочих, руководил собранием Кварцев. Здесь был окончательно решен вопрос о боевой, единой, центральной кассе: каждый сознательный рабочий уплачивает 1 р. вступительного взноса, а затем вносит ежемесячно 2% с заработка. Деньги собирает свой местный кассир и передает их в общую кассу. На этом же собрании внесены некоторые изменения в устав организации: она принимает еще более централистический характер. Было постановлено, что в Центральный Комитет от рабочих входят представители не по районам, а просто наиболее выдающиеся и авторитетные рабочие, так как представительство по районам часто ведет к провалам в виду известности и деятельности таких районных представителей на виду у всех в своем районе. Так как на первой сходке было мало народа, решено было созвать вторую; она и состоялась 9-го июня. На этом собрании было уже человек около 200. Обсуждался снова вопрос о кассе и здесь-то и произошли большие споры с модельщиками зав. Гоппера, которые уже имели свою кассу и настаивали на том, чтобы она осталась. Остальные рабочие требовали упразднения этой кассы, а в случае несогласия Гопперовцев прекращения с ними сношений. Руководители, однако, сумели сойтись на компромиссе: Гопперовцы имели свою кассу, но с тем, чтобы $^2/_5$ сборов поступают в общую кассу, $^1/_5$ идет на местную заводскую легальную и нелегальную библиотеку, а $^2/_5$ остаются в местной кассе и идут на местные нужды и т. п. После этого

общего собрания происходили собрания по заводам, где и выбирались местные кассиры, обсуждался способ взимания денег и намечались участники кассы. В конце июня (23 числа) снова было устроено собрание преимущественно фабричных рабочих, где снова обсуждался вопрос о кассе, единогласно одобренный. На этом собрании были уже намечены представители в собрание представителей фабрик и заводов. Это число 23 июня отчет Союза, напечатанный в „Работнике“ (№ 3—4), и считает настоящим началом второго Союза.

Организация ширилась и переходила решительно на *массовую* агитационную работу. Огромное значение имел в этом отношении Петербург—его стачки.

Известия о Петербургских стачках всколыхнули и Москву. Это известие, если верить „откровенным“ показаниям деятелей Союза, принесли сами рабочие и сами же требовали и в Москве забастовки. Колокольников (в откровенных показаниях которого есть стремление большую часть вины взять на себя одного) говорит по этому поводу так:

„На второй сходке рабочие сообщили о Петербургской стачке, передали полученные кем-то из них оттуда воззвания“. Верно это или нет (есть данные предполагать, что чуть ли не сам Колокольников ездил для связей и информации в Петербург), но решено было выпустить воззвания. Воззвания в количестве 600 штук были напечатаны на гектографе и распространены по заводам. Воззвание, написанное Колокольниковым, излагало требования петербургских рабочих и приглашало московский пролетариат поддержать петербургских товарищей. Политических мотивов прокламация не содержала и заканчивалась так: „Товарищи! Не забывайте, что у нас с петербургскими рабочими, как и с рабочими всего мира, один общий лютый враг—ненасытные и безжалостные эксплуататоры капиталисты! А с общим врагом надо и дело вести сообща. Так протянем же братскую руку помощи нашим товарищам, не стерпевшим ненавистного гнета хозяев“. Шестнадцатого июня решено было устроить общее собрание, где бы можно было проверить впечатление от листков и решить, что делать дальше.

Собрание состоялось недалеко от ст. Люблино; присутствовало около 300 чел. (человек 200 не нашли дороги). Здесь на этом собрании под двумя красными знаменами произносились речи, и Колокольников и Кварцев об'явили об организации Московского рабочего Союза. Выяснилось, что, несмотря на большое впечатление от прокламаций Союза, общей стачки провести не удастся, и решено было поднять частичные забастовки, а петербургским рабочим помогать деньгами. После этой сходки появилось новое воззвание о петербургской стачке, написанное также Колокольниковым. Оно заканчивалось уже полупризывом к стачке. Это об'ясняется тем, что на Измайловской (в селе Измайлове в нескольких верстах от Москвы) мануфактуре началось брожение, поддержанное листком Рабочего Союза, оно хотя и не вылилось в крупную стачку, однако хозяин, несмотря на расчет рабочих, произведенный им, все же сделал кое-какие уступки.

В воззвании по поводу петербургских событий Московский Союз между прочим писал: „В Измайлове, напр., хозяин только услышал о петербургской стачке, сейчас же на несколько копеек поднял расценки.

Если же мы об'явим стачку, то добьемся еще больших уступок. Стряхнем же, товарищи, глубокий сон, пойдем по стопам наших петербургских братьев и будем вместе с ними бороться с нашим общим врагом-хозяевами".

Несомненно и в Москве движение вылилось бы во всеобщую забастовку, если бы не аресты: 2-го июля забастовали мастерские Курской ж. д., требуя уплаты за коронационные дни; к ним присоединились рабочие мастерских Брестской (Смоленской) дороги, где были распространены незадолго до этого специальные листки; начались волнения в мастерских Рязанской и Ярославской ж. д., на заводах Нового Бромлея и Гужона. Начальство всюду шло на уступки, но организация развивала агитацию все больше и больше. Однако аресты, разразившиеся в июле, опять разбили организацию и затормозили надолго дело. В „Работнике" по отчету Центрального Комитета Московского рабочего Союза так описываются результаты этого периода. „В июне Центральным Комитетом Союза был отправлен мандат на имя В. И. Засулич для представительства на лондонском рабочем с'езде. Этот мандат был послан от имени тысячи членов Союза, на самом же деле число их простиралось до 2000. К результатам широко развившегося движения мы относим так же сильно увеличившийся спрос на легальную и нелегальную литературу. За зимний период с октября по апрель, т. е. за шесть месяцев, было распущено до двух тысяч экз. нелегальной литературы и до пяти тысяч легальной. В июне же месяце, по расчету Центрального Комитета, за одну только неделю должно было бы разойтись не менее 1000 экз. одних только нелегальных книжек".

Кроме того, на развитие движения сильно повлияли описанные выше сходки. На них рабочие с разных концов Москвы перезнакомились друг с другом и, благодаря этим знакомствам, завелись более прочные связи между сознательным народом отдельных заведений. Сходки приучили рабочих различных отраслей промышленности сообща обсуждать свои интересы и таким образом развили и укрепили в них чувство солидарности и усилили способность к сопротивлению".

Здесь нет преувеличения, здесь есть только одно упущение, а именно, что Петербург дал очень сильный толчок и Московскому движению. А что действительно здесь нет преувеличения, это видно из тех связей, какие имел Союз. У него были связи:

1) В Смоленских мастерских: рабочие Делогуров и Немчинов;
2) на заводе Грачева;
3) на заводе Гоппера, рабочие: П. Егоров, Ф. Ремизов;
4) на заводе Добровых, рабочие: П. Емелин, С. Дуплин, М. Ефимов и „Поляк";
5) на заводе Листа, И. А. Семенов (Пушкин);
6) Старый Бромлей, связи через А. Мешкова;
7) Новый Бромлей, Зиновий Литвин;
8) Людвиг Смит;
9) Рязанские мастерские, В. Опекунов;
10) Вейхельт, Мария Федоровна Бойэ (работал Величкин);
11) Фугельзанг, Н. Федоров;
12) Дангауэр, связи Колокольникова;
13) Газовый завод, В. Никулин;

14) Перенцо, В. Дешевый;
15) Курские мастерские, Семичкин;
16) Гужон, Дешевый;
17) Филиппов, Осип Васильев, старый участник еще организации Петра Алексеева;
18) Фабрика Михайлова и Агафонова, связи Колокольникова;
19) Фабрика Прохорова, Н. Смирнов;
20) Фабрика Гилля (Измайловская), П. Трусов;
21) Гакентал, связи Дешевого;
22) Алексеевская Канительная, связи Мешкова;
23) Алексеевская шелковая, связи Малахова;
24) Носовская фабрика, И. Иванович;
25) Варца, связи З. Лаврова;
26) Мориц Пальма, связи Мешкова;
27) Бостанжогло, связи Мешкова;
28) Людвиг Смит.

Кроме того были связи с следующими фабриками и заводами: серебряными заведениями Овчинниковых, Андреевых, Ганшинской фабрикой, Жако, Грессара, Анонимного Общества, Бахрушина, Шрадера, Машарина, Досужева и Цинделя.

Словом, организация охватила 41 предприятие и около 2 тыс. рабочих на них. Кроме того имелись обширные связи с провинцией: через Белогурова с Раабэнской фабрикой (по Ярославской дороге в 20 в. от Москвы); через Дешевого с фабриками Богородска; с Серпуховым через Вл. Смирнова; с Иваново-Вознесенском через Колокольникова; с Рязанью через М. П. Беспалого; с Тулой через Колокольникова и Немчинова; с Пензой, Саратовом, Ярославлем, Вильной, Киевом и Харьковом через Рума и с Петербургом через Колокольникова. Эти сведения официального источника, но они подтверждаются и откровенными показаниями таких деятелей союза, как Колокольников и Кварцев.

Главную руководящую роль в союзе играли интеллигенты; учитель, б. студент Павел Николаевич Колокольников, Николай Михайлович Величкин, б. студент Дмитрий Дмитриевич Солодовников, окончивший Московский Университет.

В организации принимали участие Кварцев и Рума. Первый дал настолько откровенные показания, что его смело можно назвать предателем, а второй оказался провокатором. Выдающаяся роль, несомненно, принадлежала Колокольникову.

После июльского провала 1896 года работа быстро восстанавливается; организуется новый Центральный Комитет, но он существует недолго, в ноябре 1896 г. происходят огромные аресты; новая организация разрушается жандармами снова в апреле.

Над московской организацией висит тень Зубатова: провокаторы по проторенной дорожке Рума сидят в самом центре.

Следующий состав Московского Союза (после провала 6 июля 1896 г.) был арестован 11-го ноября. В тюрьму попали кандидат математических наук Л. Радин, студенты В. Руднев, Н. Горячев, А. Финн, Н. Корчагин, С. Синицын, М. Семенов, М. Горюшин, Е. Полянский и множество рабочих,—Я. Ларионов, А. Пантелеев, М. Пантелеев, К. Барютин, С. и Г. Липатовы, И. Дробиков, А. Данилов, К. Карышенский,

Д. Александров, Е. Андреев, С. Дубинкин, И. Листиков, Т. Лукьянов, М. Лихачев, П. Кочергин, А. Никитин, Н. Александров, Н. Власов, А. Богатырев, Дубов и Н. Галеев.

Ноябрьские аресты, однако, движения не остановили. Организуется новый Центральный Комитет, который также снова идет в тюрьму. В конце 1896 г. и начале 1897 г. производятся новые аресты: студенты К. Батурин, А. Финн, А. Никитин, Н. Чичкин, Г. Масленников, А. Войткевич и множество рабочих,—В. Шашкин, М. Малинин, Ф. Балакирев, Г. Жаров, Н. Авдеев и другие.

Наступает тот период московской организации конца 90-х и начала 900-х годов, который характеризуется покойным Бауманом, как „История провалов“. Но даже в этот период провалов об'ективный ход вещей расширял работу и организацию: жандармы не в силах были выследить и арестовать те тысячи рабочих, которые становились сторонниками социал-демократии. Рабочие сами начинают и ведут борьбу. Весь конец 1896 года проходит в борьбе рабочих за сокращение рабочего дня, за повышение заработной платы, и вообще за улучшение условий работы. В августе идет движение в мастерских Курской жел. дороги, на заводе Бромлея в сентябре, на заводе Гужона, в мастерских Ярославской ж. д.; на зав. Старого Бромлея, Данглера, в мастерских Рязанской жел. дороги. И повсюду борьба рабочих кончается хотя бы частичными победами. Отчет Центрального Комитета Московского рабочего Союза так характеризует этот период движения (конец 1896 и начало 1897 г.): „Московское движение за последние месяцы отличается двумя особенностями. Первое—это почти полное отсутствие вмешательства в него интеллигенции; вызвано оно отчасти тем, что беспрерывные аресты не дают ей возможности слиться с движением, отчасти же тем, что, желая держаться старого, узкого способа действий, она оказывается бессильной руководить движением и принуждена постоянно итти в его хвосте. Вторая особенность, о которой мы уже говорили выше — это борьба за сокращение рабочего дня, охватившая все московские заводы и переходящая в последнее время на фабрики“.

Впрочем было бы абсолютно неверно утверждать, что Центральный Комитет Московского Союза в этот период только плывет по течению: Комитет организует пропаганду, издает листки, организует доставку нелегальной литературы, при чем в этом отношении большую деятельность развивает Вера Михайловна Величкина и В. Д. Бонч-Бруевич, которые уезжают за границу и там налаживают снабжение литературой Москвы.

Весь 1897 год проходит в организации нового центра. Подготовляется организация Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Виктор Ванновский, его брат Александр, Владимир Перазич (Солодухо), Л. Карпов, А. Любимов, А. Малинин, А. Варапаева, И. Биск, С. Щербаков, К. Ситнин и другие работают по организации Союза борьбы. В конце 1897 г. Ванновский собирает собрание, где и постановляется начать работу уже под именем Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Мы видели, что работа русских социал-демократов в различных крупных центрах России в первой половине 90-х годов развивается изолированно, вне организационной связи с такой работой в других

городах, где также имеются социал-демократические организации или кружки. Но мы видели также, как само рабочее движение заставляло итти почти все организации одним и тем же путем. Но этого мало. Рабочее движение,—стачки, выбрасывание рабочих за ворота фабрик и заводов, безработица, голод, наконец, репрессии правительства, заставлявшие первых социал-демократов бродить по всей России,—все это понемногу связывало отдельные организации. Да и сами организации при всяком удобном случае старались связи такие установить. Мы знаем уже, насколько обширные связи были в Московской организации 1895—1897 годов. Она была связана с Петербургом, Нижним, Югом, Западом и соц.-демократической эмиграцией. Правда, такие, часто случайные, связи сплошь и рядом рвались, но очень скоро возобновлялись опять. Такие связи имелись не только в Москве; и „Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса" имел связи с группой „Освобождения Труда", с „Бундом", с Иваново-Вознесенском, с Костромой, с Москвой, Новгородом; такие связи были у каждой крупной организации,—в Вильно, Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринославе.

Соц.-дем. организация в Нижнем Новгороде.

Были такие связи, как мы видели, и в Нижнем-Новгороде. Мы оставили эту организацию на пороге второй половины девяностых годов, когда она только что намеревалась перейти к широкой массовой работе. В этом отношении большую роль сыграл во второй половине девяностых годов Александр Африканович Кузнецов, правда в 1896 году давший откровенные показания жандармам, но до этого момента, несомненно, бывший вождем нижегородских рабочих, как выражается один из участников движения той эпохи.

Скворцов, Круковский, Мицкевич, Григорьев являлись в Нижнем деятелями первого кружкового периода движения и только Кузнецову с его ближайшими товарищами А. С. Розановым и А. Второвым удалось выйти из кружкового периода на дорогу массовой работы. Затронутый пропагандой Скворцова и Григорьева А. Кузнецов сразу меняет свои взгляды и жизнь. По окончании Реального Училища он поступает в Харьковский Ветеринарный Институт, но через три месяца уезжает в Швейцарию. Там он знакомится с Плехановым, Аксельродом и другими социал-демократами—эмигрантами, окончательно утверждается в своих социалистических убеждениях, посылает социал-демократическую литературу в Россию и, наконец, возвращается в Нижний-Новгород с намерением начать соц.-дем. работу в массах. Занятия с рабочими велись в Нижнем давно. Пропагандой занимались как сам Кузнецов, Григорьев, так и другие интеллигенты—Сильвин, Невюра, Яшнов, Розанов, Второв. Для этой цели еще в 1893 году по решению организации работница А. Сучкова сняла конспиративную квартиру, и там происходили занятия Григорьева и Кузнецова с кружком рабочих с Курбатовского завода (М. Замошников, М. Громов, М. Багаев, Я. Пятибратов-Роганов и А. И. Парфенов). Такие же кружки были и на других заводах—Сормовском, Добровых и Набгольц, кружок типографов; но только по возвращении Кузнецова из-за границы именно втечение 1895 и 1896 годов работа развертывается шире и глубже. Кузнецов вторично едет за границу и, на этот раз очень скоро возвратившись, пытается придать разрозненной работе отдельных кружков

планомерность и определенную идею. Зимой 1895 года созывается собрание отдельных кружков, но в виду слежки за ним и плохой квартиры его приходится распустить. Только в мае этого года удается организовать общее собрание на Моховых горах. Здесь собралось до 50 человек, самых выдающихся и сознательных рабочих—членов организации. Эта маевка, хотя и немногочисленная, еще больше сплачивает организацию. Уже в 1894 году социал-демократы приступают к выпуску листков: первый листок выходит 19 октября 1894 г., затем 12 января, 3 апреля и 30 апреля 1895 г. Прокламации сначала печатаются на гектографе на квартирах Казарина, Марышева и самого Кузнецова; затем печатанием занимаются типографы, и делается попытка поставить настоящую типографию. Особенно успешно пошла работа в 1896 году. Майское празднование в этом году было особенно удачно. На этот раз рабочих было значительно больше, говорились речи, пелись песни, распространялась литература. О значении первомайского праздника говорил Розанов. Выступали и рабочие: П. Попов—о пользе кружковых касс, Романов и др. Однако эта же маевка послужила и причиной провала. В июне все участники маевки были арестованы. Кузнецов в тюрьме держался замкнуто, дал откровенные показания и клятву, что не будет больше принимать участия в соц.-демократическом движении. Он выполнил свое слово и в сущности с тех пор ушел от рабочих. Впоследствии в Симбирске во вторую Думу он прошел от Кадетской партии.

Но не в Кузнецове, конечно, было дело: он являлся только выразителем стремлений рабочих в определенный период движения. Работа после этого провала не остановилась и в августе подхватывается оставшимися на свободе товарищами. Семнадцатого августа 1896 года снова в Нижнем появляется прокламация к нижегородским рабочим по поводу стачек в Петербурге. Какой же характер носила работа в эти годы 1895 6 и начале седьмого? И пропаганда и агитация в этот период носила, несомненно, экономический характер. Содержание прокламаций свидетельствует об этом,—в них говорится о штрафах, о стачках, о 8-часовом рабочем дне. Даже в первомайской прокламации, выпущенной Кузнецовым, нет политических мотивов, как нет их и в других его листках; даже после провала Кузнецова в прокламациях преобладает экономический момент; достаточно вчитаться в прокламацию, например, по поводу петербургских забастовок, чтобы убедиться в том, что агитация ведется на чисто экономической почве. Рассказав в общих чертах о петербургской стачке, автор заканчивает так свое „Письмо к нижегородским рабочим“: „Очнемся же, товарищи, как очнулись петербургские товарищи! Откроем глаза на свое положение! Сбросим с себя проклятые камни, которые натерли нам столько глубоких ран! Об‘единимся, устроим союз, накопим средств для борьбы и вступим в борьбу со своими притеснителями! К делу, товарищи! *Да здравствует рабочий союз!* Да здравствует борьба за лучшую жизнь!“

(Материалы по истории революционного движения. Под. ред. В. Т. Илларионова, т. I, стр. 9).

Прокламация не имеет подписи какой-либо организации, а просто подписана: „Ваши товарищи“.

В кружках распространялась обычная литература того времени: „Петр Алексеев“, „Речь Варлена“, „Кто чем живет“ Дикштейна; в

кружках наиболее развитых рабочих читались „Коммунистический Манифест", „Эрфуртская программа" и даже „Капитал"; циркулировала и московская и петербургская агитационная литература.

Несомненно очень интересной и важной чертой Нижегородской организации является организационная постановка дела: организация имела несколько конспиративных квартир (Сучковой, слесаря Сормовских заводов А. Колина), типографию (только т. Лядов ошибается, считая ее первой в России соц.-демократической типографией) и, наконец, стремление заставить рабочих самих взяться за дело организации. Кузнецов, Розанов, Второв, Сильвин и другие интеллигенты постоянно проводили мысль, что дело организации пролетариата должны взять сами рабочие в свои руки.

Способы и приемы агитации в массах в Нижегородской организации очень похожи на такие же приемы в Москве: как там, так и в Нижнем соц.-демократы очень подробно узнавали условия жизни рабочих (длина рабочего дня, заработок, сверхурочные работы, гигиенические условия и т. п.) и затем уж на основании этих данных писали свои листки и вели пропаганду, связывая, таким образом, общетеоретические положения своего учения с жизнью рабочих. Поэтому их чисто экономическая агитация и пользовалась таким успехом и несомненно часто неизбежно приводила и к постановке вопросов политических. (При обыске у Кузнецова были найдены тетради с подробным описанием положения рабочих на Сормовских заводах). В высшей степени важным фактом является и то, что нижегородцы пытались уже тогда выйти из узкого круга нижегородской работы,—они пытались завязать сношения с другими городами и заграницей. О связях с Казанью и Москвой мы говорили; но если от этих двух городов нижегородцы больше брали, то по отношению к Поволжью они являлись революционным бродилом: так еще в 1895 году работницу Сучкову организация отправляла с прокламациями в Рыбинск для установления связей; в том же 1895 году рабочие Пятибратов, Шишкин и Беляевский уехали в Самару и там в течение 1896 года создали организацию среди рабочих депо Самаро-Златоустовской жел. дороги; была связь у нижегородцев с Самарой и позже в 1897 году, когда там уже издавался „Самарский Вестник". Больше того, Кузнецов еще по возвращении из-за границы поднимал вопрос о созыве с'езда русских соц.-демократических организаций, но само собою понятно, что вопрос этот заглох: движение было еще так слабо и, главное, нижегородская организация не имела тех данных, которые помогли бы ей осуществить мысль Кузнецова.

По делу Нижегородской организации было привлечено 72 человека соц.-демократов и 16 человек, которых власти считали народовольцами, хотя в их числе были и соц.-демократы.

В этом утверждении жандармов есть некоторая доля правды. Называя кружки Н. В. Романова и Александра Карповича Петрова (ныне здравствующего коммуниста) народовольческими, они ошибались, пожалуй, только в слишком определенной и резкой формулировке: кружки были переходного типа. Сам А. К. Петров в своих воспоминаниях называет их социал-демократическими, но едва ли это утверждение правильно. Другой деятель организации, тоже рабочий, А. Замошников так характеризует миросозерцание членов этих кружков, организованных Петровым: „Мы, марксисты, в то время еще такие слабые, мы

небольшая горсточка, об'ятая одним общим желанием, целью, с пеной у рта спорили о правильности программы партии.

Из'ятием высших представителей правительственной власти, рабочие и крестьяне могут добиться политических свобод, а через политические свободы рухнет весь экономический гнет—говорили народовольцы.

Только организацией пролетариата, его сплоченностью и сознанием своих классовых интересов, пролетариат может сбросить с себя цепи рабства и пробьет пути к социализму—неуклонно отвечали мы".

(Матер. по истор. рев. движ. Под ред. В. Т. Илларионова, Н. Новг. т. II, стр. 12).

Эта характеристика, пожалуй, верней, хотя А. К. Петров, несомненно, выдающийся революционный деятель, и был учеником А. М. Стопани: Н. В. Романов был определенным народовольцем или вернее народником и это, без сомнения, накладывало отпечаток на его занятия в кружках. Проверка, которой подвергали рабочие характер занятий Романова, едва ли помогала делу, так как по замечанию А. Замошникова сами рабочие являлись марксистами слабыми.

Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что кружки в Нижнем были смешанного типа. Это очень важное обстоятельство потому, что к концу девяностых г.г. соц.-демократы повсюду вытесняют народников, и 1895 и 1896 годы—это годы, когда умирающее народничество давало свой последний бой торжествующему марксизму: повсюду социал-демократы вытесняли народников из рабочей среды, рабочие шли за новым учением, и теперь уже народник становится rara avis, как такою редкою птицей еще пять, шесть лет назад был марксист. Под напором жизни и проповеди социал-демократов эти неопределенные полународнические, полумарксистские кружки быстро превращались в самые революционные социал-демократические организации, и из их рядов выходили такие выдающиеся деятели, как А. К. Петров или другой нижегородский рабочий Пятибратов.

Вот какими чертами Замошников характеризует этих двух деятелей того времени: „Своим образом жизни, поведением в мастерских, он резко выявлял собою революционера того времени. В своей революционной работе он дошел до того, что во время завтраков в мастерских, прикрываясь легальной газетой, прочитывал перед рабочими нелегальную литературу..." Так говорит он о Петрове, а вот каков по его словам был Пятибратов:

„Руководительство соц.-демокр. кружком на заводе, несомненно, принадлежало тов. Пятибратову, целиком посвятившему себя делу организации рабочих. В своих агитационных приемах он был особенно резок и невольно заставлял мысль работать в нужном ему направлении. Положительность, которая проглядывала во всех его словах и действиях, вызывала среди рабочих полное доверие и уверенность, что он не только словами, но и делом будет верен идее". (Матер. по истор. рев. движ. Т. II, стр. 12). Из этих кружков вышел и известный нижегородец, рабочий Заломов.

Из числа 72 соц. демократов привлекалось 33 интеллигента. Из них получили ссылку: Кузнецов в Уфимскую губернию, Розанов, Григорьев в Архангельскую губернию на 4 года; П. П. Румянцев получил самое тяжелое наказание 1 год тюрьмы, так как было уста-

новлено, что он писал прокламацию о штрафах; тюремное же заключение (не больше 6-ти месяцев) получили—Н. А. Киселев, сестры Рукавишниковы, А. В. Второв, М. Г. Распопова; Сильвин и Невзорова получили приговор по Петербургскому делу; остальные интеллигенты получили либо надзор полиции, либо были совершенно освобождены, как Юдин давший откровенные показания, либо за недостатком улик. Из рабочих — П. Н. Попов, Н. И. Романов, А. Т. Третьяков, Г. В. Пермяков, Г. В. Владимиров, В. П. Говердовский—получили тюремное заключение не более 6-ти месяцев; рабочие Беляевский, Лукомский, Пятибратов, Шишкин и некоторые другие получили гласный надзор в Уфимскую губ.; а остальные рабочие как Сучкова, братья Замошниковы и др. просто отделались надзором полиции или совсем были освобождены.

Соц.-демократическая организация в Иваново-Вознесенском районе.

Во второй половине девяностых годов, в соответствии с развитием рабочего движения, социал-демократия захватывает все больший и больший район. Теперь социал-демократические организации имеются уже почти во всех крупнейших пунктах центрального промышленного района; Иваново-Вознесенск, Кострома, Ярославль, Шуя, Кохма становятся центрами движения.

Крупнейшим после Москвы промышленным центром давно уже являлся Иваново-Вознесенск. Во всем этом районе в конце 90-х годов насчитывалось не менее 50 тысяч фабрично-заводских рабочих. В самом Иваново-Вознесенске числилось 12.438 ткачей, 10 тыс. ситцепечатных рабочих, $2^1/_2$ тыс. прядильщиков и небольшое число механических рабочих, а всего 26.280 фабрично-заводских рабочих, т. е. ровно 50% всего населения города. Точно также и в Шуе из 20 тыс. жителей 10 тыс. приходилось на рабочих (5 тыс. ткачей, $1^1/_2$ тыс. ситцепечатников, остальные прядильщики); в Кохме — 5 тыс., в Тейкове—4 тыс. и в Лежневе около 3 тыс. Если же принять во внимание, что в это число 50 тыс. не входят ремесленники, возчики, строительные рабочие, то станет ясным, что в Иваново-Вознесенско-Шуйском районе рабочие с их семьями составляли подавляющее большинство населения и что вся эта масса пролетариата об'ективным ходом экономического развития рано или поздно должна была прийти в движение. И действительно мы видели, что уже в середине 80-х годов стихийное рабочее движение развернулось в этом районе.

Кострома и Ярославль являлись двумя другими крупными рабочими пунктами: в первом из этих городов из 41 тыс. жителей (в конце 90-х годов) рабочих насчитывалось до 15 тыс. человек (Новая Костромская льняно-прядильная мануфактура с 5 — 7 тыс. рабочих, фабрика Зотовых—3.000 чел. рабочих, фабрика Сидорова—1.000 чел. рабочих, бумажная мануфактура—4.000 чел. рабочих и т. д,), а во втором находилась огромная Корзинкинская мануфактура.

Естественно, что в таком районе вслед за развитием стихийного рабочего движения должно было обнаруживаться стремление и революционеров и самих рабочих так или иначе внести планомерность в развертывающееся стихийное брожение трудящихся масс.

Но пионерам рабочего движения приходилось преодолевать страшные трудности в своей работе, чтобы побороть тупую покорность раба фабричного. Вот как описывает Талантов рабочую массу того времени, т. е. начала девяностых годов: „... масса тогда была так тупа, запугана и забита, что без протестов покорялась насилию и произволу администрации, как полицейской, так и фабричной“ (Мин. Годы, 1908, № 5—6, стр. 468). А. Рябинин в „Минувших Годах“ дополняет эту характеристику следующими чертами: „Мне лично памятны случаи, относящиеся уже к 1897 году, когда урядник, проходивший по деревне и видевший юношу-рабочего с книжкой хотя бы совершенно легальной (например, биографии в изд. Ф. Павленкова) в руках, безнаказанно вырывал эту книжку и конфисковывал ее. Рабочим вообще в то время не полагалось читать, иметь книгу“ (Там же). Темнота массы рабочих доходила до того, что они своих развитых товарищей, занимавшихся чтением, считали какими-то отчаянными людьми, чуть ли не продавшими свою душу нечистой силе. Это в общем подтверждает и старейший член Иваново-Вознесенского рабочего Союза Н. И. Махов (XXV лет РКП (б). Воспоминания Иваново-Вознесенских подпольщиков, стр. 14).

Эта забитость, темнота и приниженность об'ясняется, конечно, еще и тем, что очень много рабочих было связано с землей и деревней. Но, без сомнения, не вся рабочая масса подходила под общий уровень, обрисованный Талантовым. В брошюре „Положение тверских рабочих“ (Женева, 1900 г., изд. „Союза русск. соц.-дем.“), авторы делят всю массу тверских пролетариев того времени на несколько групп: фабричные, заводские, ремесленники. Шестая часть всех тверских фабричных рабочих, по мнению авторов брошюры, связана с землей и на лето уходит в деревню. „Это группа“, говорится в отчете: „наиболее отсталая,—тупа, набожна, своекорыстна, способна рабски унижаться. Не редкость, напр., что такой рабочий — „Лапоть“, вымаливая прибавку, раз пять бухнет в ноги Морозову, чего никогда не сделает профессиональный фабричный, не говоря уже о заводском. Эта группа смотрит на зимнюю работу на фабрике, как на случайный доход, а потому за высоким заработком не особенно гонится. Хлеб и картошку, а иногда и капусту ему везут из дому, даровую квартиру он ухитрится выстучать лбом у ног Морозова и большего ему не надо—он доволен“.

Вторая группа рабочих это переходный слой от рабочих, связанных с деревней, к чистым пролетариям. Эти рабочие еще имеют кое-какие связи с деревней (родственные, изредка уходят в деревню на косьбу или жатву), но вообще работают круглый год на фабрике. „При стачках эта группа выделяет и изменников и отчаянных громил, которые громят контору и фабричные корпуса с какою-то отчаянной дикостью“.

„Группа профессиональных рабочих отколота от деревни экономически и связана с нею только паспортом да отчасти податями, на половину уже акклиматизировалась в городе и на фабрике. Своими экономическими интересами она привязана к фабрике, умственный уровень и уровень потребностей ее гораздо выше первой и даже второй. Приняв в расчет, что профессиональные фабричные не получают экономической поддержки из деревни и располагают при своих более высоких культурных привычках и потребностях тем же самым 12-ти рублевым заработком, становится вполне понятным, почему ядро всех стачек

образует именно эта группа рабочих, почему она именно берет на себя инициативу забастовок, а затем и „уплату по счетам“ после стачек, почему эта группа пользуется самой плохой репутацией у полиции и Морозовых, почему она, наконец, находится в постоянном движении и меняется в своих составных частях: она подновляется новыми деревенскими выходцами и в то же время выделяет из себя целые партии рабочих в столицы и другие фабричные центры“ (Рабочее движение в Твери. Жен. 1900 г.).

Можно смело утверждать, что эта характеристика тверских рабочих в общем применима и к рабочим всего промышленного района с тою лишь разницей, что в каждом пункте изменялись только соотношения трех указанных групп между собою: в то время, как в Москве, напр., было больше рабочих профессиональных, чистых пролетариев, в Иванове, Твери или Костроме большей группой оказывалась вторая или первая. Впрочем существовала еще одна черта, присущая Ивановским, Ореховским и подобным рабочим, черта которая отсутствовала, напр., у тверяков: Ивановцы и Ореховцы были рабочими специфических чисто рабочих городов. Такие города или поселения, как Иваново или Орехово-Зуево, коренным образом отличались не только от любого губернского города, но и от Твери и от Москвы. Москва или Тверь или любой промышленный город не только „промышлял“, т. е. не только производил товары на своих фабриках и заводах, но и торговал, учился, создавал чиновников, писал отношения и циркуляры, а такие города, как Иваново и Орехово, по преимуществу производили товары; фабрика накладывала свой отпечаток в таких городах на все,— на внешний вид города, на его дома, улицы, церкви, нравы, обычаи, домашний быт.

Иваново—это огромная фабрика и только. Все остальное в нем для фабрики и при фабрике. Это настоящий фабричный город, где почти нет постороннего народа — есть только фабричные рабочие и обыватели, живущие фабрикой и для фабрики,— администрация, полиция, власти, небольшие торговцы.

Чужой, посторонний человек сразу бросается в глаза в таком городе; он выделяется из обычной толпы, он не укроется, не затеряется среди этих десятков тысяч похожих друг на друга рабов капитала. Здесь почти все встают и ложатся по гудку, в определенные часы дня и ночи наполняют улицы и исчезают в воротах фабрики, высыпают из нее и разбегаются по казармам и жалким хибаркам. И только в большие праздники несется из кабаков шум и гам голосов подгулявших фабричных, заливающих свое горе скверной сивухой.

Вот почему так трудно было работать в Иванове и Орехове приезжим социал-демократам, профессионалам, особенно интеллигентам.

И тем не менее история революционного движения, действительно, должна отметить Иваново-Вознесенск, как один из пунктов, где первые социал-демократические кружки пропагандистского характера возникли еще в 1891 году.

Как один из крупнейших рабочих центров Иваново-Вознесенск обратил на себя внимание еще революционеров народников. Судившиеся затем по известному процессу пятидесяти народники вели революционную работу здесь в первой половине 70-х годов. Их органи-

зация была разрушена, но пропаганда не прерывалась до начала девяностых годов. Об одном из таких кружков саморазвития еще в 1885 году рассказывает Н. И. Махов (XXV лет РКП большевиков. Воспоминания Иваново Вознесенских подпольщиков). Кружок состоял из интеллигентов и рабочих. Руководили кружком народовольцы Спасский, Миловзоров и др. В кружок входили — Котомин, Степанов, Полонников, Слуховский, Крестов, Ноздрин, Эрасси, Ларионов, Суховский, Багаев, Барышников, Кондратьев, А. А., Косяков, Кудряшов, Новиков и другие, всего человек 30. Это был типичный переходный рабоче-народнический кружок; руководители его делали попытки осуществить свои народнические идеалы и организовали артель (огородную колонию в Кинешемском уезде). Кружком издавался журнал (гектографированный), велась пропаганда. В 1891 году кружок выпустил прокламацию и устроил встречу Нового года. Арест Крестова, Слуховского, Эрасси, Ларионова, Ноздрина и других разбил эту организацию, но арестовать самую идею организации, по замечанию одного из ветеранов Ивановского движения, было уже невозможно. В высшей степени важно, что своей культурнической работой народники подготовляли почву для своих преемников соц.-демократов. Стоит только ознакомиться с перечнем книг, какие читались в этих народнических кружках, чтобы согласиться с этим. В кружках читались: Иванова, — „О земле и небе"; К. Фламариона,—„Общедоступная астрономия"· А. Эспинаса,—„Социальная жизнь животных"; К. Тимирязева,—„Дарвинизм и его учение"; Ланге,—„Рабочий вопрос"; Карышев,—„Экономические беседы"; Лассаля,—„Собрание сочинений".

В 1892 году в Иваново-Вознесенске организовался новый кружок, из которого затем и вырос Иваново-Вознесенский рабочий Союз, а также организации в Шуе и в Кохме. Организаторами этого союза являлись Федор Алексеевич Кондратьев, Андрей Андреевич Евдокимов и рабочие Отроков и Н. Н. Кудряшов.

Федор Алексеевич Кондратьев получил образование в земской народной школе, откуда перешел в Реальное училище в Иваново-Вознесенске; поступив в 1889 году в Петербургский Технологический Институт, он быстро сошелся с революционными кружками социалдемократов (в Петербурге, как мы знаем, как раз в это время действовала Бруснeвская группа) и за участие в демонстрации на похоронах Шелгунова был уволен из Института.

Приехав в свой родной Иваново-Вознесенск, Кондратьев нашел темную несознательную массу и невиданную эксплуатацию. Положение рабочих здесь на фабриках Иваново Вознесенска, да и не только одного Иванова, а всего Ивановского района (включая сюда и Шую и Кохму), пожалуй, было значительно хуже, чем где бы то ни было в других местах центральной промышленной области. В своем месте мы уже приводили некоторые данные по этому вопросу и потому здесь ограничимся только указанием, что рабочие, чувствуя гнет, стихийно поднимались не раз против своих эксплуататоров, но, вследствие разрозненности и неорганизованности этого движения, оно в большинстве случаев кончалось неудачей. Даже такие историки Иваново-Вознесенской промышленности, как Я. П. Гарелин, характеризуют положение рабочих, как крепостных рабов фабриканта.

Лучше же всего это положение охарактеризовано самими рабочими в стихотворении поэта пролетария И. Фролова:

„...Жмет фабричного контора,
Как в тюремном замке вора;
Цен сбавляют, пишут штраф,
На защиту нету прав.
И не охни, не вздохни
Спорить,—боже сохрани!
Кто не хочет подчиниться,
Надо с фабрикой проститься...“

[А. Рябинин. М. Г. 1908, № 5-6, стр. 465].

При каких трудных условиях приходилось работать пионерам рабочего движения видно из записок рабочего Д. Талантова, приводимых в отрывках А. Рябининым в журнале „Минувшие Годы“ [1908 г. № 5—6]. „Открытая агитация была тогда совершенно немыслима: Во-1-х потому, что организация только основалась, и надо было принимать величайшие предосторожности, чтобы не провалить столь важное дело и дать возможность вырости и окрепнуть новорожденному детищу рабочей мысли. Во-2-х, рабочая масса была так задушена и темна, не могла отличить плохого от хорошего, друга от врага, благодаря в особенности стараниям правительства и, единственной доходившей до народа лубочной литературе, затуманивавшей всякую рождавшуюся в народной среде живую мысль. Народ боялся всякого нововведения, если оно не исходило от правительства, твердо верил, что тяжелая жизнь ему послана от самого бога. Людей со светлыми убеждениями, пытавшихся изменить его мировоззрение,—он или избивал, предавая в руки полиции, или сторонился, считая за грех их слушать“.

При таких условиях организаторам первых кружков приходилось в своей работе соблюдать величайшую осторожность и двигаться вперед очень медленно,

„Борьбу“, говорит тот же Д. Талантов, „приходилось вести совершенно замкнуто. Для собраний снималась квартира, куда сходились по поздним вечерам, соблюдая всяческие меры предосторожности. На собраниях основателем их Ф. А. Кондратьевым читались лекции, в которых он знакомил нас с существующим общественным строем и будущим социальным. Делу просвещения масс он призывал нас посвятить все наши способности и энергию, не взирая ни на какие препятствия. Вторым организатором был А. А. Евдокимов, обладавший ораторским талантом и богатыми знаниями по социальным вопросам и устно знакомивший собрание с вопросами социализма“.

Андрей Андреевич Евдокимов, переплетчик по ремеслу, окончил всего только Суздальское городское училище, но самообразованием достиг больших знаний и пользовался огромным влиянием среди местной организации.

„...А. А. Евдокимов, или Бельт, как он подписывал свои брошюры по вопросам профессионального движения“, говорит в своих воспоминаниях член Ивановского кружка Д. Бутин, „был неотразим для нас... Как иллюстрацию приведу, каким авторитетом он у нас пользовался после ареста его и других; будучи освобожден, он жил в Суздале, и мы ездили к нему, почти за 50—60 верст, только затем,

чтоб посмотреть на него и послушать, как он думает о текущих событиях, а также и поговорить о том, как вести организацию. Ездили зимой. К Кондратьеву ходили пешком верст за 13—14, рискуя, конечно, провалиться". [А. Рябинин. Р. М. Семенчиков (из истории рабочего движения в Иванове-Вознесенске) Изд. Истп. 1922 г. Москва]. Не меньшим авторитетом пользовался и рабочий, слесарь Николай Никифорович Кудряшов, энергичный, хороший организатор, игравший очень большую роль в деле создания Иваново-Вознесенского рабочего Союза. Под влиянием пропаганды Кондратьева и Евдокимова образовался сплоченный хорошо спевшийся кружок руководителей рабочих. В эту организацию входили, кроме уже упомянутых, следующие лица: Михаил Яковлевич Тепляков, рабочий; Александр Федорович Орехов, токарь; Андрей Леонтьевич Леонтьев, слесарь; Иван Кузьмич Котомин, слесарь; Василий Степанович Полыгалов, слесарь; Василий Андреевич Полонников, слесарь; Василий Михайлович Пузанов, кузнец; Дмитрий Авилович Маслянников, гравер; братья Борис и Василий Ивановичи Беловы, рабочие; Иван Алексеевич Белогубов, ткач; Никифор Иванович Махов, ткач; Иван Акимович Махов, рабочий; Виктор Арсеньевич Головкин; Сергей Николаевич Беляков, конторщик; Николай Павлович Грачев; Макаров, Роман Матвеевич Семенчиков и Диомид Яковлевич Талантов.

В 1892 или 1893 году примкнула к социал-демократическому кружку Ольга Афанасьевна Варенцова, родившаяся и выросшая в Иваново-Вознесенске, курсистка московских женских курсов Герье, еще в 1887 году привлекавшаяся по народовольческому делу в Москве. Выдающимися рабочими Иваново-Вознесенского движения, бес сомнения, являлись Талантов, Семенчиков, Отроков, Кудряшов, Махов. Последний в своих воспоминаниях, перечисляя участвующих в основном кружке, называет Кондратьева, Евдокимова, Кудряшова, Новикова, А. Д. Трегубова, К. Н. Отрокова, Д. С. Маслова, А. Ф. Обухова, И. П. Соколова, Д. А. Масленникова, М. А. Багаева, Н. П. Грачева, В. И. Муравьева и Закса.

Кондратьев связывал рабочие кружки с социалистической интеллигенцией — О. А. Варенцовой, С. П. Шестерниным, Ф. И. Щеколдиным. Им удается на паях с либеральной интеллигенцией организовать книжную лавку, приказчиком куда садится Кудряшов. Вследствие усиленной слежки шпионов он оставляет это место, и приказчицей становится М. А. Капацинская.

Эта книжная лавка сыграла большую роль в деле организации Иваново-Вознесенского рабочего Союза: отсюда рабочие снабжались книгами, здесь интеллигенты встречались с рабочими, здесь начинались знакомства, велись разговоры. Лавочка просуществовала до второго Иваново-Вознесенского процесса, когда ее в июне 1897 года закрыли, а Капацинскую выслали из Иванова.

Талантов (родился в 1878 г. в селе Стромыхине, близ Кохмы) провел детство по кабакам, так как отец его был сидельцем. Отец хотел пустить сына по торговой части, но мальчик оказался негодным для этого: еще читая жизнеописание святых, он развил чувствительность и воображение, а грубые сцены в кабаке навсегда отвратили его от пьянства и торговли. Попавши 15-ти лет на фабрику Новикова в Иванове в 1893 году, Талантов увидел настоящий ад и уже поду

мывал бросить фабрику, как знакомство с рабочим Ефимом Соловьевым дало толчок его развитию.

Соловьев начал давать Талантову легальные книжки; „Гаспар Фикс" Эркмана Шатриана произвел целый переворот в мировоззрении Талантова. Через несколько времени, убедившись в честности Талантова, Соловьев познакомил его с членами с.-д. организации, Маховым и Шаровым. Талантов очень скоро стал одним из деятельнейших членов организации и в 1896 году вместе с Семенчиковым положил начало организации в Кохме.

Роман Матвеевич Семенчиков родился в 1877 году в селе Сидоровском, близ Кохмы. Окончив школу, он попал на службу к Иваново-Вознесенскому театралу Барскому, но не вынес лакейской службы и поступил на фабрику, где он и вошел скоро в революционное движение.

Семенчиков был человек решительный и энергичный. „Всякое убеждение", характеризует его Рябинин: „воспринимавшееся им, бесповоротно влекло его к известным действиям в духе этого убеждения. Казалось, для него не было ничего недостижимого...

Вместе с тем он обладал весьма недюжинными способностями и рос умственно, в период моего с ним знакомства чрезвычайно интенсивно. В противоположность многим, долго сомневающимся натурам, Р. Семенчиков р зко обрубал всякую связь с религией. Мне вспоминается следующая картина. Это было в лесу. Когда Семенчиков окончательно из слов товарищей убедился, что существующая религия — ложь, стремящаяся своими сетями опутать народ, он сорвал у себя с груди крест и с силой вонзил его в кору березы"... (М. Г. 1908 № 5—6).

Вот с такими рабочими Кондратьев и Евдокимов начали дело организации Иваново-Вознесенского рабочего Союза.

Работа велась исключительно по кружкам, в кружках читалась обычная нелегальная литература того времени „Царь-голод", „Кто чем живет", „Коммунистический манифест" и т. д., связи между кружками не было. Так шло дело до лета 1895 года. В это время по инициативе выдающегося рабочего Отрокова решено было приступить к об'единению этих отдельных кружков и к образованию Иваново-Вознесенского рабочего Союза. В течение лета были разработаны Устав Союза и кассы. Союз обнимал не только Иваново-Вознесенских рабочих, но и рабочих Шуи, с которой ивановцев связывали Тепляков, Леонтьев, Беляков.

Каков же характер этого рабочего Союза, стоящего на рубеже кружковой пропаганды и массовой агитации?

Как это видно из „Практического обоснования рабочего движения", рукописи, найденной у Евдокимова, „Конечная задача Союзов: 1) отнять накопленный труд из рук частных лиц и сделать его собственностью общества, 2) выработать способ пользования этим сокровищем".

Союз организуется постепенно, сначала возникают отдельные кружки из наиболее развитых рабочих, где ведется пропаганда по следующей программе: „изучение политической экономии, как „науки работников"; общее научное образование; чтение литературных и публицистических произведений, проникнутых принципами рабочего движе-

ния; разные брошюры и статьи по рабочему вопросу; ознакомление с рабочим движением в России и заграницей; журналы, изданные рабочими и для рабочих; устные беседы о положении рабочего класса и т. п.".

Члены каждого кружка устраивают кассу, отчисляя 2% своего заработка. На средства этих касс покупаются книги, содержатся конспиративные квартиры, оказывается помощь пострадавшим от правительства членам и т. п. Когда число таких кружков достаточно увеличится, они образуют местный Союз.

„Союз борется с капиталистами путем строго рассчитанных стачек, достигая этим повышения заработной платы и укорочения рабочего дня, и в то (же) время способствуя развитию в рабочем классе солидарности и человеческого достоинства.

„Местные Союзы об'единяются в рабочую партию, которая имеет свое правление и борется на политической почве. Рабочая партия поддерживает сношения с рабочими партиями всех стран".

Эта рабочая партия, сделавшись достаточно сильной, пред'являет правительству следующие требования:

1) „Признание законом рабочих союзов, касс, библиотек без контроля правительственных чиновников.

2) Дозволение рабочим совещаться о своих делах и бороться с фабрикантами путем стачек.

3) Неприкосновенность без суда личности рабочего и всякого члена государства.

4) Установление законом 8-часового рабочего дня.

5) Полнейшая свобода слова и печати.

6) Контроль над фабричными работами".

Впоследствие, когда только что указанные требования будут осуществлены, рабочая партия станет такой силой, что добьется социалистического переворота „без пролития крови".

В этой программе есть еще один параграф, в котором говорится: „Возникновение такого кружка возможно при наличности хотя бы двух критически мыслящих личностей, желающих осуществить прогресс в человечестве".

В этих „критически мыслящих личностях" и в этом „прогрессе" чувствуется, как еще сильно влияние старых народнических догм, выражений и образов даже в рабочих кружках 1895 г., хотя несомненно правильно характеризует Иваново-Вознесенскую работу О. А. Варенцова, говоря о том, что: „В 1895—1896 г.г. велась исключительно кружковая пропагандистская работа. Следует отметить, что рабочие кружки отличались замкнутостью, оторванностью от масс и не оказывали на последние никакого прямого воздействия". (А. Рябинин, Р. М. Семенчиков из истории Ив.-Вознес. раб. движ.).

Однако, социал демократическая организация в Иванове-Вознесенске и Шуе еще в 1895 и даже в 1896 году не была организацией „экономистов", хотя один из деятелей движения Семенчиков и характеризует эту организацию, как кружок „экономистов" и ее деятелей, напр., выдающегося рабочего Павла Арефьевича Курочкина он называет „экономистом". И Курочкин и другие рабочие, в особенности, первые члены кружков, являлись типичными рабочими старого кружкового периода: все они проходили продолжительную пропагандист-

скую школу, над их развитием очень долго работали интеллигенты в роде Кондратьева, они превращались в типичных пролетарских интеллигентов из рабочей среды, и потому многие из них были потом в следующий период массового рабочего движения против массовой агитационной работы. „Экономизм“ в Иваново-Вознесенске явление позднейшее, в эти же годы, 1893—1896, Иваново-Вознесенское движение это—типичное кружковое движение отдельных замкнутых кружков начала девяностых годов, характерное и для остальной России. Об этом свидетельствует и цитированная выше рукопись Евдокимова, вся проникнутая тред'юнионистским духом мирной борьбы и достижения социализма в очень отдаленном будущем „без пролития крови“. Не даром, когда движение приняло массовый и ярко-революционный характер, пионеры Иваново-Вознесенского движения отошли от рабочего движения (Кондратьев и Евдокимов). Н. И. Махов так характеризует работу этого начального периода Союза:

„Работа в кружке по форме своей мало отличалась от предыдущего и только направление было несколько иное, не народническое, но и не определенно социал-демократическое, а какое-то межеумочное, с небольшим уклоном в сторону новейшего течения мысли, марксистского, т. к. сам организатор и руководитель кружка Ф. А. Кондратьев стоял на грани двух течений мысли и делил свои симпатии между народниками Михайловским, Н. К., Чернышевским, и марксистами Плехановым и Туган-Барановским. Но рабочий состав кружка в процессе своего развития, постепенно обогащаясь теоретическими познаниями и опознавая свое классовое положение и бедственное печальное, экномическое бытие, начинал делать определенный уклон в сторону новейшего течения, марксистской мысли, что и выявилось на первом же первомайском празднике 1895 г.“. [XXV лет РКП. (б.) Восп. Ив.-Возн. подп., стр. 17]. Празднование произошло близ фабрики П. Витовой по Афанасьевскому тракту. Всего собралось 22 человека, только мужчины (Кондратьев, Евдокимов, Кудряшов, Махов, Грачев, Шаров, Отроков, Трегубов, Обухов, В. и Б. Беловы, Ерофеев, Масленников, Кукин, Соколов и др.). Присутствовали и Закс и Муравьев, оказавшиеся впоследствии предателями. Здесь-то и решено было организовать Рабочий Союз кассы, библиотеки. В речах, произнесенных здесь ораторами, зазвучала уже определенная соц.-демократическая нота, и было подчеркнуто, что для русских рабочих путь освобождения такой же, как и для западно-европейского пролетариата, путь *организованной* борьбы, *путь создания партии*.

С этого момента организация растет: пропаганда приобретает более глубокий и правильный характер,—рабочие и интеллигенты подготовляют и делают доклады (на тему: „Для чего рабочему нужно развитие?“ написали доклады Махов и Муравьев, на другую тему: „Выгоды 8-часового рабочего дня“ написали уже многие), организуются конспиративные квартиры (в одной жили И. М. Кукин, Шаров, Белов и Махов) и, наконец, обсуждается вопрос о переходе к новой тактике—массовой агитации. Правда, по поводу стачки „Компанийских“ союз принимает решение компромиссное, но самостоятельное активное выступление Махова решает дело: Союз в лице своего члена пытается принять участие в забастовке „Компанийских“ ткачей, т. е. рабочих на фабрике „Компании“ (Иваново-Вознесенская ткацкая мануфактура).

Забастовка вспыхнула 24 сентября 1895 года вследствие понижения расценков. Бросили работу 2000 чел. Как всегда в ход были пущены нажим, полиция, жандармы и избиения. Рабочие, однако, не сдавались. Член союза Махов по своей инициативе пробрался к бастующим и, ознакомившись с положением дел, устроил первый иваново-вознесенский митинг под открытым небом. Впечатление от его речи осталось огромное; власти, пытавшиеся склонить рабочих на уступки, ничего не добились, наоборот, решено было устроить новое собрание.

Однако аресты помешали этому. Махову удалось избежать ареста случайно. Это обстоятельство внушило подозрение бастовавшим, что Махов и был причиной ареста; однако выступление Махова показало, что путь массовой агитации вполне возможен и в Иванове.

После этого организации еще удалось встретить новый 1896 год. Встречали новый год на двух квартирах: произносились речи, пелись песни, читались стихи.

В Иванове теперь чувствуется веяние нового духа. Но работа на время расстраивается арестами. В самом начале этого года, 29-го января, не просуществовал Иваново-Вознесенский рабочий Союз и полугода, как произошел первый провал Союза: были арестованы Кондратьев, Евдокимов, Махов. Это однако не помешало Ивановцам продолжать работу. Арестованные в январе были освобождены жандармами в апреле, вероятно для того, чтобы получше выследить их связи и остальных членов организации. В июне 1896 г. произошли новые аресты; на этот раз кроме Кондратьева, Евдокимова и Махова попали в тюрьму почти все активные члены Союза—Кудряшов, Орехов, Полонников, Котомин, Палычалов, в Иваново-Вознесенске и в Шуе—Тепляков, Леонтьев, Беляков.

Организация была разрушена как раз в то время, когда она приступила к расширению своей работы.

„Квартировал я тогда в Ямах (предместье Иваново-Вознесенска)", рассказывает Талантов: „ночи проводили почти без сна: на квартире собирались каждый вечер, дым стоял коромыслом—споры, обсуждения злободневных вопросов, чтения шли без конца. Голова без сна отказывалась иногда совершенно работать, веки невольно слипались,—и я, сидя, засыпал, но возникал какой-нибудь вопрос,—общими усилиями меня будили и разрешали его совместно". [М. Г. 1908. № 5—6].

Аресты однако не разрушили дела.

В 1896 году присоединились к движению Кисляков, Корнилов, Семенчиков, Володина. Рабочие сначала сами пытаются наладить дело.

Брат арестованного Кондратьева Иван Алексеевич вместе с Д. Бутиным вновь организуют дело: устраивается конспиративная квартира у рабочего Соловьева, собираются старые уцелевшие и новые члены организации. Из Москвы приезжает фельдшер Николай Семенович Кондратьев; Анна Ивановна Хрящева и Ольга Афанасьевна Варенцова ставят работу на новые рельсы.

Летние стачки в Петербурге оказывают влияние и на Иваново; завязываются связи с Петербургом и Москвой, и Иваново заполняется нелегальной литературой. В мае 1897 года удается устроить маевку с речами интеллигентов и рабочих. А. И. Хрящева поступает ткачихой на фабрику Гарелина и связи с рабочими ширятся и растут. В то же время завязываются связи с Кохмой. Сюда уезжают Талантов и Семенчиков,

и там в 1896 г. вместе с рабочими фабрики Ясюнинских Ф. Н. Алалыкиным и П. А. Кашниковым организуют Кохомский рабочий Союз. Кашников и Алалыкин были учениками Орехово-Зуевского рабочего Бучитова, соц.-демократа принесшего в Кохму социал-демократическую литературу и пропаганду. До какой степени тяжело было начинать дело в Кохме, видно из того, что не только фабриканты и мастера, но и ясюнинские рабочие встретили первых соц. демократов в высшей степени враждебно. Всякий раз, когда Талантов и Семенчиков проходили мимо Ясюнинской фабрики, рабочие цинически ругали их и кричали: „социалисты остроломы“ (Последняя кличка произошла потому, что Кашников и Алалыкин под влиянием Бучитова читали книги по астрономии и рассказывали о прочитанном рабочим). Весною 1897 года сформировалась основная группка рабочих в составе Кашникова, Алалыкина, Талантова, Семенчикова, Сибрина, Першина, Куранова и Косякова.

Кашников предоставил для собраний свою квартиру, а в теплое время собирались в лесу. Лето и осень прошли в накоплении сил, устройстве библиотеки и пропаганде. В союз вступили новые члены,— Смирнов, Тюрин, Морковин, Китаев и другие товарищи. Литература, как легальная так и нелегальная, получалась из Иваново-Вознесенска, где, как сказано выше, усилиями С. П. Шестернина и Ф. А. Кондратьева была открыта книжная лавка. Дела Кохомского Союза развивались; в конце 1897 года в союз вступил новый член—А. Рябинин и вместе с Талантовым, Кашниковым и Алалыкиным составил руководящее ядро Союза. Кроме прекрасной библиотеки Союз имел еще и кассу, устроенную так же, как и в Иванове: члены Союза вносили 2% из своего заработка. И в Кохме, как в Иванове и в Шуе весь 1898 год, т. е. первые месяцы существования Организации прошли в самообразовании и развитии самих членов Союза. В самом Иванове организация ширится и растет. В начале 1897 года туда приезжает Федор Афанасьевич Афанасьев к брату Егору, который там уже работал раньше. Он приносит в Иваново свой опыт, выучку и конспиративные навыки столичного революционера и, главное, ту струю, которая характеризовала Петербургское рабочее движение. В этом году ивановские рабочие переживают грандиозное столкновение с капиталом.

Ивановский Союз в 1897 г. выходит на широкую арену массовой работы (Кохма только в 1898 году). В июне 1897 года аресты сильно подорвали дела Ивановского Союза; были арестованы—О. А. Варенцова, фельдшер И. С. Кондратьев, кузнец Д. Л. Бутин, фабричные рабочие—В. И. Муравьев, Н. П. Грачев, Л. В. Кулдин, А. И. Хрящева (ткачиха интеллигентка), И. А. Кондратьев (реалист, работавший на фабрике), Е. Соловьев, Жарков, Мокруев, Новиков, Архангельский, приказчица книжной лавки Капацинская. Эти аресты однако не остановили движения и в конце 1897 г. в Иваново-Вознесенске вспыхнула всеобщая стачка. Причиной стачки послужило использование фабрикантами закона 2-го июня 1897—сокращение праздничных дней. Стачкой руководили сами рабочие, члены Союза. В особенности выделялись из этих рабочих Кирилл Николаевич Отроков. Рабочие пред‘явили следующие требования: 1) установить старое число праздничных дней [по закону 2 июня 1897 г. фабриканты уменьшали это число]; 2) кончать работу в 6 ч. вечера накануне праздников; 3) контролировать штрафной капитал ежемесячно самим рабочим; 4) дозволять работу

сменщикам; 5) освобождение беременных на 2 недели до и после родов; 6) помощь роженицам не только из штрафного, но и из страхового капитала и 7) уплата за время стачки.

Стачечники держались очень дружно и проявили стойкость и организованность, несмотря на то, что администрацией и властями было пущено в ход все, чтобы сломить стачечников. Стачка была проиграна рабочими; фабриканты сделали небольшие уступки, но она очень сильно сплотила рабочих, вселила в них бодрость и разбудила рабочих окрестных фабрик. Значение Союза растет, и члены Союза приобретают огромный авторитет в глазах рабочей массы. В Шуе и Кохме забастовки не вспыхнули только потому, что фабриканты пошли на уступки и оставили старое число праздников. (Повод к стачке—сокращение праздничных дней. Впрочем, и в Кохме вскоре (в 1898 г.) вспыхнула забастовка, руководителями которой являлись члены Союза Алалыкин и Першин. Были пред'явлены такие требования, как повышение заработной платы, своевременная ее уплата, вежливое обращение и т. п. Фабриканты пошли на уступки уже через 3 дня, и стачка кончилась победой рабочих.

Правда, стачка эта стоила ареста трех членов Кохомского Союза,— Алалыкина, Кашникова и Першина, но это еще больше подняло Союз в глазах рабочей массы.

Правительство вообще жестоко расправилось с членами Ивановской, Шуйской и Кохомской организации: Кондратьев Ф. А. получил 6 мес. тюрьмы, Евдокимов 4 мес., Махов, Кудряшов, Поляков и Тепляков по 2 м. каждый, остальные привлекавшиеся получили надзор полиции (как равно и те, что отбывали тюремное заключение) от 1 до 3 лет. Варенцова и Хрящева получили ссылку в Уфимскую губернию на 3 года; рабочие И. А. Кондратьев, Соловьев, Мокруев и Новиков получили тюремное заключение от 1 до 4 м., остальные надзор полиции и запрещение проживать в промышленных губерниях.

Ясно, однако, что этими репрессиями уже сломить соц.-демократическую организацию было нельзя: создавшаяся, как и везде, из пропагандистских и кружков самообразования, она постепенно превратилась в боевую организацию массовой экономической борьбы рабочих с капиталистами и, затем, неизбежно с правительством. И в Иванове, и в Шуе, и в Кохме в 1898 году борьба рабочих превращается в массовое рабочее движение, а соц.-демократия в руководительницу этого движения. Необходимо отметить еще одну черту Иваново-Вознесенской и Шуйской соц.-демократической организации, это выделение из серой пролетарской массы организаторов и руководителей движения рабочих. Мы уже подчеркивали эту роль таких рабочих, как Семенчиков и Талантов. К ним нужно прибавить еще четырех безвременно погибших пионеров соц.-демократического движения, в Ивановском районе—Отрокова, Курочкина, Гаравина и Орехова.

Кирилл Николаевич Отроков (родился в 1871 г.) крестьянин по происхождению, 14 лет попадает на фабрику, на 21 году жизни является членом рабочего соц.-демократического кружка.

Как и большинство распропагандированных рабочих, он проходит мучительную стадию религиозных сомнений, пережив которые он бросается на изучение рабочего вопроса и, как естественный выход из тяжелого положения, в каком живет пролетариат, он видит сначала в

создании экономических рабочих организаций. Скоро, впрочем, он оставляет эту мысль: события увлекают его, и он является руководителем крупнейшей стачки в Иванове в 1897 г. Брошенный жандармами в тюрьму, испытавши все ужасы северной ссылки, он погибает 28 лет (в 1899 г.) от болезни сердца, явившейся в результате чрезмерной работы.

Павел Арефьевич Курочкин, тоже крестьянин (родился в 1879 г.) уже с 17 лет работал на фабрике. Восемнадцати лет он вступает в соц.-демократический кружок и очень скоро выделяется, как хороший агитатор (хотя и не обладал ораторскими данными) и завоевывает положение авторитетного и уважаемого товарища, к словам которого прислушивались даже старики. Арестованный в августе 1898 г. он погибает в Московской тюрьме в ноябре этого года.

Третий герой и мученик Ивановского движения, Филипп Яковлевич Гаравин, также преждевременно погиб в царских казематах. В брошюре „Рабочее движение в Шуйско-Ивановском районе за последние 15 лет" он характеризуется так: „Честность и преданность его делу были прямо трогательны. Работая ткачем на фабрике Александра Гарелина, он самостоятельно заведывал небольшим кружком рабочих, а летом 1898 г. ездил в гор. Ярославль, чтобы образовать там рабочий Союз". 23 ноября 1898 г. он покончил с собой в Московской тюрьме.

Наконец Александр Федорович Орехов—тоже выдающийся рабочий Иваново-Вознесенска, подававший большие надежды и обладавший талантом писателя. Попавши в тюрьму, он вышел из нее социалистом. Высланный в Ростов-на-Дону, он скоро занял там руководящую роль. Но неудовлетворенный кружковой работой, он искал путей двинуть рабочее движение гигантскими шагами вперед. Разочарованный медленным темпом движения он также покончил с собою.

Конечно, все эти четверо Ивановских рабочих были значительно ниже Талантова и Семенчикова, но все они уже тогда на заре рабочего движения являлись примером того неисчерпаемого источника, откуда скоро должны были выйти сотни и тысячи таких Курочкиных, Гаравиных, Отроковых, Ореховых, которые не только не опустят в отчаянии руки, но создадут своей работой стойкие полки пролетарской армии.

Социал-демократическая организация в Ярославле.

Другие крупнейшие пункты рабочего движения, как Ярославль, Кострома и Тверь были вовлечены в социал-демократический поток только во второй половине девяностых годов.

Пионером соц.-демократических организаций в Ярославле явился А. М. Стопани, создавший такие же организации, как мы видели, и в Казани. В 1894 году он приехал в Ярославль и пытался тогда уже завязать знакомство с рабочими Корзинкинской мануфактуры. Дело однако подвигалось с большим трудом, и Стопани удалось в 1895 году создать только кружок молодых социал-демократов-интеллигентов. Ближайшие сотрудники Стопани фельдшерица П. Дулерянина и фельдшер больницы Корзинкинской мануфактуры Н. С. Кондратьев связей с рабочими установить также не могли. Не мог расширить работу и казанский рабочий А. Бурцев, приехавший в Ярославль по вызову Стопани, и поэтому

пришлось на время ограничиться работой в марксистском кружке интеллигентов. В этом кружке работали сестры Дидрекиль (Нина Августовна, впоследствии Подвойская и Ольга Августовна, впоследствии Кедрова), Соловьева, Крылова, Соколова и Алексеева. Существовал и студенческий кружок. Дело соц.-демократической организации шло туго: рабочие после неудачной подавленной выстрелами царских солдат Корзинкинской забастовки неохотно откликались на призывы соц.-демократов.

Однако Стопани при помощи Кондратьева удалось поместить на фабрику Корзинкина в качестве слесаря Бурцева. Его работа была скоро прервана вынужденным от'ездом в Казань, и опять Стопани пришлось ограничить свою работу распространением нелегальной литературы и занятиями в интеллигентских кружках. В этом направлении работали и двое товарищей Стопани, студенты П. П. и Н. Н. Покровские, марксисты. Были завязаны связи с Москвой, с Кирпичниковым, Меньшиковым, Величкиной и Бонч-Бруевичем (бывшим в те времена еще толстовцем). Кроме литературы связи эти ничего, однако, не дали. В 1896 году в Ярославль прибыл из Кзани рабочий Е. П. Табейкин, один из самых старейших казанских соц.-демократов. Он устроился в Ростове, сорганизовал и здесь соц.-демократическую группу, но скоро должен был покинуть этот город и переселился в Гусь-Хрустальный Владимирской губ. и приступил к организации и там. Настоящей рабочей организации в Ярославле все же не было до 1899 года. Попытка члена Иваново-Вознесенского с.-д. комитета Гаравина в 1898 г. создать в Ярославле соц.-демократическую организацию также не увенчалась успехом и только в 1899 году Власову, Горну и Носкову удается создать рабочую соц.-демократическую организацию на фабрике Корзинкина.

Социал-демократическая организация в Костроме.

Такой же интеллигентский характер сначала носила и соц.-демократическая организация в Костроме в начале 90-х годов. В течение всей первой половины десятилетия в Костроме существовали только народовольческие кружки саморазвития. По сути они никакой революционной работы в массах не вели и задавались целью выработать отдельных революционеров. Только в 1895 году чиновник казенной палаты Николай Дмитриевич Красовский пытался поставить серьезно вопрос о революционных рабочих кружках, но и его работа была работой не социал-демократической. Социал-демократическая работа началась лишь в 1896 году, когда какой-то высланный социал-демократ начал организовать кружок рабочих. К этому кружку примкнули интеллигенты, и работа стала принимать более планомерный и серьезный характер. Из рабочих этого периода выделялись Сысоев, Набегин, портной Николай Лукич, Владимир и Василий Балашевы, Яков Волчков. Этот кружок в 1896 году выступил, как руководитель крупной забастовки на фабрике Зотовых. Рабочие пред'явили требования: 1) оставление на зиму летней расценки, 2) уничтожение примерок в куске выработанного полотна, 3) смещение управляющего в ткацком отделении, грубого с женщинами, 4) освобождение рабочих от обязанности переносить машины и сырые материалы, 5) сокращение ра-

бочего дня с 13 до 9 час. и 6) прием в фабричную больницу членов семейств рабочих и добросовестное отношение к больным со стороны медицинского персонала.

Администрация и власти ответили на стачку издевательством и арестами, но рабочие стояли дружно. Были арестованы рабочие Шипунов, Каратаев, Цицерин и Симановский. Рабочим пришлось выдерживать неимоверный нажим, но они продержались 2 недели; на помощь им пришли „Московский рабочий Союз", „Петербургский Союз борьбы", Московская студенческая организация, рабочие других фабрик и даже Вяземские гимназисты. Московский Союз прислал 200 р., Петербургский Союз—200 р., Московская студенческая организация—50 р. и т. д.

Это помогло костромским рабочим продержаться, и они добились удовлетворения некоторых требований. Дело о стачке разбиралось в суде, и некоторые рабочие были осуждены к отсидке в тюрьме на срок до 2-х недель. После этой стачки в Костроме не осталось видных социал-демократов рабочих: кто был выслан, кто получил расчет. Среди пролетариата снова пользуются влиянием народники да небольшой кружок с.-д. молодежи. Однако, стачка на Зотовской мануфактуре имела большое значение: на соседней фабрике Кашина, фабрикант, не желая доводить дело до стачки, сделал кое-какие уступки. Самое же важное следствие Зотовской стачки состояло в том, что рабочие сплотились и почувствовали свою силу. Кружок интеллигентов работу свою ограничивал лишь распространением литературы, и только один член этой небольшой с.-д. группы рабочий Димитрий Антонович Семенов проявлял настоящее революционное творчество. „Лишь благодаря его энергичной работе", говорится в брошюре „Рабочее движение в Костроме" (Женева, 1900 г., изд. Союза р. с. д.): „этой группе удалось сорганизовать рабочую кассу. Костромские рабочие много обязаны покойному Димитрию; энергично распространяя среди них соц.-демокр. литературу, устраивая неоднократно рабочие собрания в несколько десятков человек и раз'ясняя на этих собраниях положение рабочих, покойный Димитрий много сделал для распространения соц.-демократических идей. По своим взглядам Димитрий являлся ярым социал-демократом в отличие от остальных членов группы. В 1897 году Димитрий отправился в Петербург, чтобы, по его подлинному выражению, там поучиться революционной работе. Скоро по приезде в Петербург Димитрий вступил в ряды „Петербургского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса", но не долго пришлось ему прожить в столице: в мае 1898 г. он заболел и умер". После от'езда Семенова в Костроме соц.-демократической организации не было вплоть до 1900 г.: рабочие сами поддерживали кое-как свои кружки, вели пропаганду и устраивали кассы. Движение носило кустарный характер.

Небольшие размеры носило движение и во Владимире. Здесь после Федосеева остались его ученики—Николай и Михаил Львовичи Сергиевские, а также рабочие Гусев, Алекторский и Андреевский. Существовал социал-демократический кружок, имелась прекрасная библиотека, велась пропаганда среди интеллигенции и, несомненно, были связи с рабочими таких пунктов, как Орехово-Зуево.

Тверская социал-демократическая организация.

Тверь была настоящим промышленным городом уже в начале 90-х годов. Кроме огромной фабрики Морозовых с 10 тысячами рабочих, там находилась фабрика Берха с 4 тыс. человек, ткацкая фабрика Залогиных ($1^1/_2$ т. чел.), вагоностроительный завод (3 т. чел.), железнодорожные мастерские, ремонтные пароходные мастерские, стеклянный завод, типографии, ремесленные заведения, вблизи от города (1—$1^1/_2$ часа железнодорожного пути), в Завидове, небольшие ткацкие фабрики и по берегу Волги Кузнецовская фарфорово-фаянсовая фабрика и Кувшиновская писчебумажная фабрика; тоже вблизи от Твери в Вышнем-Волочке находились две прядильно-ткацкие фабрики Прохоровых (с 4 т. рабочих).

Состав рабочих был такой же, как и везде, в фабричных районах, т. е. делился на фабричных, заводских и ремесленных. Их положение в общем ни чем не отличалось от положения, которое описано нами выше, и, стало быть, вся эта масса таила в себе такие же возможности движения, как и весь пролетариат центрального промышленного района.

Первые попытки поставить социал-демократическую работу в районе Твери принадлежали братьям Мельницким, членам „Петербургского Союза борьбы", высланным из столицы в 1896 году. В Вышнем-Волочке в 1895 году организовалась воскресная школа, где и работал народный учитель Дружинин и Мельницкие (братья и сестра их Ольга). Пользуясь занятиями в школе, Мельницкие и Дружинин незаметно переходили на своих уроках к рассказам о положении рабочих и таким путем знакомились с наиболее способными рабочими и составили, наконец, кружок. Здесь начались занятия уже более серьезные, читалась и нелегальная литература. Скоро, однако, последовал провал, и Дружинин и Мельницкие были высланы на 3 года в Вятскую губернию.

В Твери интеллигентские кружки с марксистским уклоном начались еще в первой половине 90-х годов, но для развития рабочего движения они не имели никакого значения (Анна и Егор Кугушевы). Только с приездом в Тверь рабочего Трошина, участника Бручевской организации, и Бориса Зиновьева, члена „Петербургского Союза борьбы", в 1896—99 годах организуется первый рабочий кружок в составе—Трошина, Зиновьева, Андрея Лазарева, Сумеркина, Михаила Толстикова и интеллигентов В. Новодворского и Б. Савинова. Весною 1899 г. кружок провалился, так как в руки жандармов попали письма Зиновьева, переписывавшегося с Екатеринославскими соц.-демократами. О Борисе Зиновьеве мы уже говорили. Здесь следует отметить, что этот необыкновенно яркий человек проявил себя и в Твери: он сам сделал типографский станок весьма совершенный по отзыву специалистов. Зиновьев умер в тюрьме неожиданно для всех от заворота кишек по небрежности тюремного врача и властей. После разгрома Зиновьевской организации работа собственно среди пролетариата замирает; функционируют только интеллигентские кружки гимназистов, гимназисток и реалистов. В первом участвуют Крапоткин Михаил, Дм. Полтев, Н. Швейковский, Мартьянов, Брехов. (Это кружок

народников). В кружок гимназисток (соц.-демократический) входили Татьяна Николаевская, Арцева, С. К. Муравьева, Е. А. Рагозина, Дьякова, Мартьянова, Л. В. Филиппова (ныне Невская) и др. Кружок этот имел связи с Грамматиковым и Зиновьевым. Существовал еще кружок семинаристов, состоящий сплошь из соц.-демократов, руководила им Рагозина; кружок вел занятия с рабочими Морозовской фабрики (братья Митягины). Велась также работа в социал-демократическом направлении и в обществе народного образования, где работали Евгения Петровна Александрова и Анна Кугушева. Центром всех этих кружков являлось социал-демократическое ядро в составе Вл. Дм. Новодворского, Б. П. Савинова, Логовского и О. П. Савиновой. Члены этого центра кроме руководства интеллигентными кружками вели еще работу и среди пролетариата. Характер всей этой работы был пропагандистский и самообразовательный; кружки располагали прекрасными библиотеками (напр., гимназический в 600 томов). В 1899 году жандармы ликвидировали центр этих кружков, арестовав Лазарева, Савинова, Новодворского, Сумеркина, Николаевскую, Мих. Кропоткина, Кугушеву Анну и других. Жандармы настолько основательно производили разгромы соц.-демократических организаций (пользуясь между прочим и провокацией), что А. П. Смирнову, члену „Петербургского Союза борьбы за освобождение раб. класса“, начавшему в Твери соц.-демократическую работу, пришлось начинать почти что заново.

По крайней мере, он, начавши свою работу в Твери в 1899 году, не нашел там следов предшествующей работы (Николай Кугушев вошел в организацию Смирнова). „Общее настроение рабочих и крестьян“, говорит А. П. Смирнов, вспоминая конец 90-х годов: „где мне, как тверскому крестьянину, удалось быстро ознакомиться, было ко всякой политике совершенно отрицательно...“

Однако, работа Б. Зиновьева оставила большие следы, так как Смирнов опирался на распропагандированных рабочих, удержавшихся в Твери еще от Зиновьева. И в Твери, без сомнения, эта зачаточная социал-демократическая организация возникает на фоне стихийного рабочего движения: в 1897 году на Морозовской фабрике происходила забастовка, окончившаяся частичными уступками фабриканта. Руководили этой забастовкой, однако, не социал-демократы, и только с начала следующего десятилетия социал-демократы становятся полными и единственными организаторами и руководителями движения. (Работа А. П. Смирнова относится уже целиком к девятисотым годам и потому мы о ней здесь не говорим).

Соц.-демократическая организация в Туле.

Вторая половина девяностых годов является в Туле периодом окончательного перехода к социал-демократической работе.

После провала Хинчука кружковая деятельность не замерла. В течение 1894 и 1895 годов ее вели, повидимому, те рабочие, что остались от кружков начала десятилетия. По крайней мере следы этой работы зафиксированы документами: в июле 1895 года на Оружейном заводе появились воззвания от „Рабочего Союза“. Что это за организация, пока установить трудно, но рабочие Александр Егоров (он же

Нарышкин), гармонный мастер Николай Блинов, Маслов, самоварный мастер Добрынин, Александр Косырев, Александр Козлов и Александр Гузаков (железнодорожники) имели какое-то отношение к этому кружку и привлекались к дознанию.

В течение 1894 и 1895 годов особенно интенсивную кружковую работу вел рабочий Оружейного завода Иван Иванович Савельев, которого А. А. Богданов и считает основателем Тульской Соц.-демократической организации *).

Савельев был очень хороший конспиратор и выдающийся организатор. Ему удалось охватить своими кружками весь город; эти кружки состояли из рабочих Оружейного завода, железнодорожников, самоварщиков, гармонщиков.

Сам оставаясь незаметным, как бы в тени, Савельев был душой всего дела, и, когда в конце 1894 года в Тулу из Москвы был выслан студент Моск. Университета А. А. Малиновский (Богданов), ему было предложено Савельевым вести занятия в рабочих кружках по политической экономии.

В этот первый кружок вошли рабочие — И. И. Савельев, С. А. Чижов, В. И. Щербаков, Кондратьев, Кукарекин и Меховников. Занятия здесь велись с весны 1895 года, а летом Савельев организовал второй кружок в составе С. И. Степанова (ныне директор Патронного завода), Александра Морозова, братьев Салищевых, Квасова, Кобылина, Валикова. братьев Голиковых, Филиппова в этом же кружке находились еще Н. М. Немцов, П. И. Денисов и Федоров, вступившие в него несколько позже.

Содержание и характер кружковой работы очень точно определяется как самим руководителем кружков А. А. Богдановым, так и оставшимися в живых его слушателями.

Лекции и беседы велись в духе популярных в те времена руководств: „Экономические беседы“ Карышева, „Политическая экономия“ Иванюкова, но вскоре, почувствовав неудовлетворительность этих книг, Богданов по совету Савельева повел занятия самостоятельно, составляя свои собственные лекции специально для своего кружка рабочих. Отсюда и получился тот общественный „Краткий курс экономической науки“ Богданова, который так широко распространен повсюду.

Работа в кружках, как это видно из воспоминаний участников, проходила очень оживленно: лектор не только читал, а рабочие слушали, наоборот в течение двух или трех часов велась оживленная беседа, задавались вопросы, обсуждались не только отвлеченные теоретические экономические проблемы, но и текущая злоба дня, затрагивались и философские темы, в результате чего и явилась философская работа А. А. Богданова „Основные элементы исторического взгляда на природу“.

В том же 1895 году начал работу в тульских рабочих кружках, высланный из Москвы студент Университета В. А. Руднев (Базаров), а в 1896 году к Богданову и Рудневу присоединился тоже высланный

*) О тульской орг. см. статью Н. Добротворова, воспом. А. А. Богданова, Гр. Прокофьева и др. в сб. „Революционное Былое“, Орг. Тульского Истпарта (№ 2 и 1), „Обзоры жанд. дознаний“ за соотв. годы, дело о Хинчуке в Истор. револ. Архиве в Петербурге (см. Обз. Ист.), „Рабочее Дело“, № 1.

из Москвы И. И. Скворцов, М. П. Полякова и вызванные из Харькова, члены Харьковской полу-марксистской организации Череванин (Нежданов) и П. И. Фомин.

В высшей степени важно то обстоятельство, что все только что указанные руководители нелегальных рабочих кружков в Туле, приступая к работе, не были еще марксистами. Это точно устанавливается самими участниками движения. А. А. Богданов по этому поводу выражается так: „Определенно марксистскую, социал-демократическую позицию, мы, интеллигенты, заняли только в начале 1896 г.; раньше я и Базаров стояли на народовольческой точке зрения, Скворцов и Поляков приехали тоже с таким настроением...“ *). Череванин и Фомин приехали в Тулу из Харьковской, как выражается Богданов, из полу-марксистской организации, значит, из организации переходного характера, типичной для всей России первой половины девяностых годов.

Марксистами руководители Тульского движения стали в процессе самой работы уже в Туле. „...Нас всех быстро „определили“, говорит А. Богданов: „самый характер работы и психология рабочих кружков на меня лично, да, кажется, и на Базарова и Скворцова, оказал сильное влияние, очень сильное влияние оказал также и случайно попавший к нам экземпл. „Сборника материалов по экономическому развитию России“ со статьей Тулина (Н. Ленина) о Струве; для меня эта статья была решающим толчком в сторону марксистской теории“.

Характер кружковой работы в это время был, главным образом, пропагандистский, если можно так выразиться, культурно-революционный. „Здешние интеллигенты“, говорится в небольшой корреспонденции из Тулы в первом номере „Рабочего Дела“: „считали необходимым прежде всего образовать несколько кружков среди рабочих, где бы рабочие могли заниматься самообразованием и приобрести знакомство с теоретическими основами программы рабочего движения, а затем уже только при достаточном количестве сознательных рабочих, они считали бы возможным приступить к борьбе с капиталом на почве ежедневных мелких требований.“

Эта характеристика работы в общем совпадает с той картиной, которая рисуется всеми участниками движения. „Занятия в кружках“, говорит А. Богданов: „длительные и систематические, приобрели характер довольно высокой пропаганды, некоторого прообраза „рабочих университетов“ **).

Необходимо отметить, что тульские социал-демократы, как и в других местах, напр., в Иваново-Вознесенске широко использовали легальные средства, культурно-просветительные учреждения, втянув в дело просвещения интеллигенцию, сочувствующую революционерам и вообще оппозиционно настроенную. Тульская воскресная школа и общество трезвости были теми средствами, при помощи которых местная соц.-демократия углубляла и расширяла свою работу: в легальных библиотеках, читальнях и школах в сущности продолжалась или начиналась та работа, какую соц.-демократы вели в своих нелегальных кружках: здесь одни рабочие подготовлялись к работе в подполье, а рабочие подпольщики углубляли свои знания, пользуясь легальными книгами.

---

*) „Революц. Былое“ № 2.
**) „Революц. Былое“ № 2.

С. М. Серебровский (см. „Революц. Былое") называет Литкенса, Басову, Васильева, О. Аносова, О. Богданову, Степанова (раб.), Немолодышеву, Холевинскую, Л. Воропанову, Блеклова, Муринова (пис.), Муринову, И. И. Скворцова, мужа и жену Херсонских, Розановых, Руднева (Базарова), Зубрилова, Чехова, Коблова и Гвоздецкого, т. е. довольно внушительную группу интеллигенции (и, без сомнения, не только соц.-демократов), помогавшей своей работой подпольной организации.

В общественной библиотеке работали В. В. Смидович (Вересаев), Блеклов, Васильев, Баташев (врач), Зеленецкий, настроенные оппозиционно и помогавшие все той же нелегальной организации.

Богданов особенно отмечает культурно-революционную работу учительницы Л. А. Басовой, которая, кроме своей работы в земской школе, являлась и деятельной помощницей в работе чисто нелегальной.

Нелегальная литература получалась в Туле как из Москвы, так и из-за границы, приезжавшими из Швейцарии товарищами (напр., М. В. Смидович, теперь доктор Милютина).

Но, несмотря на такой размах, работа все же носила чисто пропагандистский характер; это была стадия кружковщины. Массовый агитационный характер работа стала приобретать уже в конце девяностых годов. Осенью 1897 года по случаю недовольства рабочих Патронного завода тульские соц.-демократы распространили по заводу написанные от руки листки с требованиями рабочих, и испуганная администрация тотчас же уступила, не допустив стачки. Однако, это, конечно, не была еще работа в массах. Только с приездом из Москвы высланных Николая и Клавдии Михайловны Величкиных и М. П. Бойкова работа приняла, действительно, массово-агитационный уклон.

Группа старых тульских соц.-демократов (Богданов и др.), не соглашаясь с методом работы Величкина, шла по своему прежнему пути, считая почву для широкой массовой агитации еще не подготовленной.

В конце 1897 г. группа Величкина была арестована и после долгого пребывания в тюрьме участники этой группы М. П. Бойков, Н. М. Величкин, М. П. Еремеев, Н. А. Полосатов, Н. А. Боков, Н. Т. Кириллов, Н. Ф. Афанасьев, И. К. Самохин, Д. И. Бобылков, П. С. Малинин, Н. В. Козлов, З. К. Самохин, П. С. Малинин и М. А. Тейхман, Кукарекин, Воронцов, Якубовский, И. Н. Назаров и др. получили ссылку, тюрьму и надзор полиции. (Величкин получил 5 лет ссылки в Вятскую губ., Кириллов и Еремеев по 6 мес. тюрьмы и т. д.).

Провалы не останавливают работы, и Тула является попрежнему подготовительной школой для настоящей нелегальной работы. Рабочие, получившие эту подготовку, уезжают из Тулы в другие города и там уже вступают в настоящую нелегальную организацию.

Весной 1898 года в Тулу приехал после отбытия трехгодичной ссылки в Архангельской губ. Алексей Павлович Скляренко.

Он проработал здесь до конца 1899 года. Условия работы в Туле в это время для поднадзорных были ужасающими. Не говоря уже о том, что за Скляренкой шпионы ходили по пятам, трудно было достать и заработок. „Скляренко, поселившись на окраине, вовсе, однако, не очутился вдали от центра своих интересов; кругом в таких

же маленьких полухатах, полугородских домах ютились те, кому было суждено разделять с ним подневольное существование. У всех была нужда, это делало жизнь, конечно, еще тяжелее. Алексей Павлович добывал там заработок то укладкой рельс на жел. дор. путях, то конторской работой. Духовный интерес давала революционная социал-демократическая работа с тульскими рабочими" („Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко. 1870—1916 г.г." Сб. Статей. М. 1922. стр. 39). Однако, несмотря на эти тяжелые условия были завязаны связи со всеми крупными заводами Тулы, с окрестными заводами и фабриками также имелись связи (напр., завод Бельгийского акционерного общества на Косой горе), велась пропаганда, раздавалась литература и устраивались собрания.

Соц.-демократы в Орле.

Если во второй половине 90-х годов не осталось ни одного крупного промышленного города центральной России, где бы не было социал-демократического рабочего кружка, то тем более это приходится сказать о социал-демократических кружках интеллигентов: во второй половине 90-х годов не осталось буквально ни одного губернского или мало-мальски крупного города коренной России, где бы не существовал в такой или иной форме социал-демократический кружок интеллигенции, — Орел, Калуга, Воронеж, Симбирск, Самара, Саратов, Курск, Чернигов, Астрахань, Смоленск, Борисоглебск, словом почти в каждом губернском городе имелись социал-демократы, пытавшиеся не только теоретически выработать свои марксистские взгляды, но и практически применить их.

Было бы излишним подробно останавливаться на всех этих кружках, но некоторым из них стоит уделить хотя бы небольшое внимание, как типичным и кроме того, как организациям, откуда вышли почти все деятели и члены нашей старой гвардии.

В Орле социал-демократические кружки выросли из народнических кружков самообразования. Еще в первой половине девяностых годов (1891—92 г.г.) в Орле существовали народовольческие кружки интеллигенции. С одним из членов этого кружка Семеновой познакомился молодой гимназист 17 лет. Этот гимназист был Дубровинский, Иосиф Федорович, один из замечательнейших русских революционеров, блестящий организатор и выдержанный марксист-революционер. В 1894 г. Дубровинский, затронутый пропагандой, выходит из 6 класса реального училища, уезжает в г. Севск, Орловской губ., и весь отдается революционной работе. Арестованный там, он после непродолжительного тюремного заключения высылается в Курск. Встретившись здесь с И. Чернышевым, он под его влиянием становится определенным марксистом. В конце 1894 г. Дубровинский в Москве, принимает здесь участие в социал-демократической работе. В 1896 году Дубровинский работает в Калуге, участвует в „Орловском Вестнике", пишет в марксистской газете „Самарский Вестник", печатает литературу для Москвы; в 1897 году он снова в Москве, вскоре опять садится в тюрьму и после годового заключения в 1898 г. отправляется в ссылку на 4 года в Вятскую губернию. В 1902 году по болезни переведен в Астраханскую губ., но там остается недолго и в том же году работает уже

в Перми и снова попадает в тюрьму. В 1903 году после второго с'езда избирается в члены Ц. К. партии и с тех пор до самой смерти, в 1913 году, он является одним из самых выдающихся революционеров-марксистов. В 1904 году он работает в Самаре, в 1905 г. участвует в Кронштадтском восстании, работает во время революции в Москве, в 1906 и 1907 годах работает в Петербурге, выбирается на Лондонском с'езде в члены ЦК, попадает снова в ссылку в Вологодскую губ., бежит оттуда, с 1910 года является членом большевистского центра в Москве, в октябре выслан в Туруханский край и, наконец, измученный тюрьмой, ссылкой, нелегальной жизнью, кончает с жизнью в 1913 году.

Биография этого замечательного человека еще откроет не одну блестящую страницу его деятельности, здесь же необходимо подчеркнуть необыкновенную выдержанность этого человека, его блестящий литературный талант, выдающиеся организаторские способности и удивительные нравственные качества его натуры. Все это создало ему огромный авторитет в нелегальных кругах российской социал-демократии, и нет ни одного старого социал-демократа, который бы не знал „Иннокентия", способного, уравновешенного в самые критические минуты борьбы, приходящего на помощь повсюду и словом и делом. Партия в эпоху реакции особенно обязана Дубровинскому: своей энергией и верой он много способствовал собиранию и сплочению расстроенных рядов нашей партии. Но работа Дубровинского протекала не в Орле, это был работник общероссийского масштаба уже с первых шагов своей деятельности. Социал-демократия Орла в девяностые годы гораздо больше обязана другому работнику Максиму Пенесу, который еще в 1894 году вместе с домашней учительницей Надеждой Смерчинской организовал соц.-демократические кружки обычного в то время типа. Из этих кружков и выросла потом настоящая социал-демократическая организация, начавшая работу среди местного пролетариата.

Соц.-демократия в Калуге.

Калуга и Воронеж эти два города в свою очередь являются типичными городами средней России, где, за отсутствием местного широкого рабочего движения, производится иная не менее важная работа: здесь в тиши и вдали от бурной политической атмосферы крупных промышленных центров ведется подготовка идейных соц.-демократических сил. Правительство во второй половине 90 годов, с началом массового рабочего движения выбрасывает политически неблагонадежных интеллигентов и рабочих в глухие города страны, где нет рабочего движения. Там эти марксисты быстро собирают вокруг себя молодежь интеллигентную и рабочую, обучают ее и вырабатывают из нее марксистов, составляющих затем нашу армию профессиональных революционеров. В Калуге „самым первым по времени, самым определенным и последовательным по убеждениям и самым деятельным социал-демократом" был Михаил Петрович Доброхотов. Он вырос в генеральской семье, обедневшей после смерти отца и в лице всего своего молодого поколения отдавшей все революции и пролетариату. Он стал социал-демократом еще в начале 90-х годов и, приезжая в Калугу, постоянно привозил с собой соц.-демократическую литературу. Член первых марксистских интеллигентских кружков Д. Разломилин

называет следующих участников этих организаций- Т. И. Лебедева, П. И. Черенкова, С. В. и В. В. Остроумовых, А. Д. Бурмистрова, Д. В. Розанова, О. Н. Шарапову, М. В. Шольц, З. И. Воскресенскую, Куколевскую, Ганьшину, Чулицкую и др. (Из партийного прошлого. Сб. воспом. Калуга, 1921 г.). Впрочем, здесь все еще было вместе, и народники и марксисты. Только под влиянием пропаганды М. П. Доброхотова стала выкристаллизовываться социал-демократическая часть (В. В. Остроумов, Черенков, Разломилин и др.). Организация эта ютилась около воскресной школы, открывшейся тогда в Городской Думе. Ставши преподавателями этой школы, Черенков, Т. Н. Лебедев и Разломилин занялись в свою очередь марксистской пропагандой. Доброхотов снабжал всю эту компанию нелегальной литературой и помогал разобраться в теории марксизма.

Рядом с этим кружком возник и кружок семинаристов,—Д. Д. Панютин, К. А. Сергиевский, А. А. Паршин, В. Д. Паталин, Д. В. Кариженский, И. П. Азбукин. Этот кружок находился под воздействием И. Г. Голубева.

Но несомненно самыми влиятельными марксистами из местной молодежи были М. П. Доброхотов и Б. В. Авилов, тоже, как М. П., студент Московского университета. Характер этих кружков был таков же, как и везде, самообразовательный. Читалась нелегальная литература, серьезные марксистские легальные издания: Зибер, Маркс, Каутский, Энгельс, Плеханов и обширная экономическая литература, — К. Бюхер, Дементьев, Гиббинс, Водовозов, Чупров, Туган-Барановский, а в конце 90-х годов „Новое Слово" и „Начало", где писали Авилов, Луначарский, Румянцев, Санин, Маслов и др. марксисты. Кружок семинаристов издавал нелегальный гектографированный журнал „Вперед", а когда в 1896 году в Калугу приехали в качестве статистиков И. Ф. Дубровинский, С. П. Середа, М. С. Перес (из Орла) и другие (К. М. Остров, Н. И. Новиков, А. Я. Минаев, Н. И. Ливенцов) уже ясно определившиеся марксисты, то работа стала выходить из узких пределов кружков самообразования. Установились связи с рабочими. Перес и Остров завязали знакомства среди железнодорожных деповских рабочих, а Разломилин дал связи с рабочими Полотняного завода Гончарова. Высланные из Москвы рабочие Аркадий Алексеевич и Михаил Алексеевич Пантелеевы и Константин Петрович Барютин и были первыми социал-демократами на Полотняном заводе.

В конце 90-х годов в Калугу выслали А. В. Луначарского, А. А. Богданова, И. И. Скворцова (Степанова), В. А. Руднева (Базарова), Я. К. и Г. К. Знаменских и рабочих Н. А. Петрова, П. К. Засорина, М. П. Еремеева и З. Я. Литвина. В это время уже оформился нелегальный соц.-демократический кружок, куда входили И. А. Голубев, М. П. Доброхотов, А. М. Ларин, Г. К. Знаменский, В. Н. Радилова, Н. И. Попов, И. К. Никитин, П. П. Суханов, П. Н. Бабашев и Д. Разломилин.

Калуга теперь представляла необычайное зрелище: в ней собрался цвет тогдашней соц.-демократии, — Луначарский, Богданов, Базаров, Знаменский, Авилов, Доброхотов, довольно много рабочих. Одна часть этих соц.-демократов занималась философскими и вообще научными проблемами, проводили время в кругу таких людей, как либеральный фабрикант Д. Д. Гончаров, а другая, как Доброхотов, Знаменский, Разломилин, Литвин, начала практическую работу на заводе того же самого фабриканта, за столом которого социал-демократы не раз пили и ели.

Впрочем и фабрикант был не обычный, — разносторонне образованный, гуманный, знаток искусства, Д. Д. Гончаров ввел 8-часовой рабочий день, построил для рабочих театр и библиотеку, открыл школу и занимался, пожалуй, тем же, чем и его частые гости,—изучением философии и искусства.

Его завод являлся большим соблазном для окрестных фабрик: под влиянием его рабочих стали волноваться и рабочие фабрик Говарда; на завод Гончарова наехали жандармы, прокурор и, конечно, мечтать о переселении туда нечего было и думать (Это сделать предполагали Луначарский и Радилова). Только, без сомнения, в России, в стране, где рядом с самым последним словом капиталистической техники мирно уживались самые патриархальные пережитки феодальной эпохи, возможно было заниматься революционной пропагандой на заводе фабриканта, водившего компанию с соц.-демократами и вводившего по их совету 8-часовой рабочий день.

Соц.-демократическая работа в Самаре.

Другого характера работа велась в Самаре; здесь во второй половине 90-х годов обосновалась группа социал-демократов, уже давно ставших марксистами, — П. П. Румянцев, М. Григорьев, Ионов, А. Санин, П. П. Маслов и другие. Им удалось взять в свои руки газету „Самарский Вестник". Редактором ее считался М. Григорьев, но и кроме него список сотрудников сразу показывает ее марксистское направление.

Кроме названных выше в газете писали: П. Н. Скворцов, А. Н. Потресов, Н. Е. Федосеев, В. С. Голубев, Н. П. Подбельский, Циммерман (Гвоздев), Туган-Барановский, Струве, И. А. Керчикер и многие другие.

В газете печатались переводы Каутского и других немецких марксистов, помещались выдержки из „Neue Zeit" и т. п. (Струве, напр., поместил там „Философия идеального добра или апология реального зла" № 5—1897 г., „Новая книга по русской истории и литературе". Князь Сергей Оболенский № 20—97 г.; появились переводы из Каутского „Чего можно ожидать от материалистического понимания истории" № 17—97 г., „Картели" № 28—97 г.; Скворцов П. И. поместил полемические статьи против Струве; печатались переводы из Гумпловича и т. п.).

В высшей степени хорошо составлялась в газете хроника и корреспонденции. Стоит только прочесть заглавие статей, чтобы понять, что в этом отношении „Самарский Вестник" является прямым родоначальником, верней, прообразом наших последующих газет, в том числе „Правды"—1912 г.

Рабочая жизнь, — положение рабочих, высота заработной платы, длина рабочего дня и т. п. все это находило место на страницах „Самарского Вестника". „Кузнецы-кустари Таврии" (№ 9), „Процесс первоначального накопления кустарной промышленности" (№ 23), „К вопросу о нормировке рабочего дня" (№ 30), „По фабрикам и заводам" (№ 36), „О фабричных лавках" (№ 55), „Болезни фабричных рабочих" (№ 55) — вот образцы тех статей, в которых освещалось положение рабочего класса, а сообщения о забастовках и несчастных случаях дополняли общий тон газеты. Газета пользовалась большой популярно

стью не только в Самаре, но и в крупнейших центрах рабочего движения, — ее выписывали в Петербурге, Москве, Нижнем, Симбирске, Ростове на Дону, Одессе, Киеве и т. п. В средине 1897 г. она была закрыта правительством.

Но, конечно, не только теоретической и литературной работой занимались самарские социал-демократы. При помощи нижегородских рабочих из Кузнецовской организации Павла Беляевского, Шишкина и Пятибратова М. Григорьев организовал несколько рабочих соц.-демократических кружков,—в типографии Яковлева и депо Самаро-Златоустовской ж. дор. В кружках занимались пропагандой и чтением нелегальной литературы. В 1896 году эти кружки праздновали маевку. В этом же году последовал и провал этой организации; были арестованы,—М. Григорьев и рабочие Беляевский, Шишкин, Пятибратов (по нижегородскому делу), а также Тимофей Козлов, Димитрий Волокитин, Евстратий Киселев, Николай Муравьев, Яков Соловьев, Василий Пивоваров, Алексей Овчинников, Николай и Иван Ивановичи Семеновы, Николай Баконин и железнодорожный конторщик Александр Малышев.

Воронежская соц.-демократическая организация.

Воронеж типичный дворянский город средней полосы России 90-х годов. Еще начиная с 60-х годов прошлого века, имя Воронежа заносится на страницы революционной истории. В 70-х годах здесь работали народники-пропагандисты, происходил с'езд землевольцев, где „Земля и Воля" разделилась на 2 партии: „Народную Волю" и „Черный передел"; в 80-х годах здесь существовали разнообразные кружки народников и народовольцев, в Воронеже жили такие представители „Народной Воли", как Якимова, Мартынов, чернопеределка Крылова и др.

В девяностые годы Воронеж становится местом ссылки для отбывания гласного надзора полиции. Здесь создаются всяческие народнические кружки, перечислять которые, конечно, нет никакой надобности. Соц.-демократическая работа начинается с приездом в Воронеж рабочего Николая Дементьевича Богданова - брусневца, в 1893 году. Богданов организовал кружок железнодорожных и заводских рабочих— Ив. Ан. Рыбакова, М. Л. Порхаева, М. Ф. Бернгарда, Н. П. Гусева, Ер. Яковл. Верещагина, Лобызева, Павловича. В 1893 году приехал и рабочий Путиловского завода Федор Петрович Петров. Организатором этого кружка бесспорно нужно считать Н. Д. Богданова, а руководителями В. П. Махновца (ныне покойного, б. студента Пет. Технологического Института, лидера экономистов), народников—В. Я. Богучарского и П. П. Мануйлова. Уже судя по руководителям можно прямо заключить, что кружки носили переходный характер—все три руководителя в те времена марксистами не были (двое последних так и остались народниками). Летом 1894 года кружок становится определенно марксистским; в его работе принимают участие и сестры В. П. Махновца Юлия, Людмила и Лидия, а также Владимир Павлович Кранихфельд. В 1894 г. Богданова привлекают по Петербургскому делу и увозят в столицу, а на смену ему выступают новые силы: Николай Андреевич Ряховский, Г. В. Барамзин (имя, знакомое нам еще по Казани), Н. Н. Исполатов (доктор) и А. О. Сыцянко. Организация разростается.

Существует несколько кружков: кружок молодежи—Гордей Рыбаков, Давыдов П., Яков и Павел Виноградовы, Жабко, М. А. Косых, А. Лобызев, руководителем кружка был один из самых выдающихся марксистов Воронежа, уже привлекавшийся в Харькове и Москве Н. А. Ряховский, студент-естественник Московского Университета; другой кружок, где руководил занятиями А. О. Сыцянко (Бородовицын, Матвеев, Менялкин) и кружок стариков, — Гусев, Порхаев, Баранов, Ив. Рыбаков, Лобызев, где руководителем был Т. В. Барамзин. Большую роль в организации играли еще „дед“ П. П. Мануйлов и Н. Н. Исполатов, железнодорожный врач, доселе остающийся на революционном посту, несмотря на свой преклонный возраст (более 70 лет).

Из числа рабочих самую выдающуюся роль несомненно играли два человека, — Никифор Поликарпович Гусев (умер) и Иван Антонович Рыбаков, воспитавшие не одно поколение русских социал-демократов рабочих. Тогда уже выделялся, как интересная и цельная натура, покойный ныне Иван Яковлевич Жилин. Ф. Е. Берг, И. Ю. Чернышев, Я. И. Часовников также играли видную роль. Однако Гусев (казначей) и Рыбаков (организатор на жел. д.) в рабочей среде являлись душою всего дела.

Работа развернулась широко и интересно. Велась уже не только пропаганда, но и агитация; распространялась и печаталась своя литература, завязывались связи с соседними пунктами (ст. Козлов и Грязи Юго-Вост. жел. дор , Борисоглебск, где находились большие железнодорожные мастерские, Ростов), велась широкая пропаганда среди учащихся и в обществе; социал-демократы пользовались большим сочувствием не только среди рабочих, но и среди либералов и б. народовольцев (С. В. Мартынов, Кравцова и т. п.); под новый 1897 год организация устраивает смотр своим силам; здесь присутствует вся организация во главе с руководителями — Ряховским, Гусевым, Рыбаковым, Сыцянкой, Барамзиным, Исполатовым, Мануйловым; в мае устраивается маевка, Ряховский выступает с речью о значении праздника.

Необходимо обратить внимание еще на одно в высшей степени важное обстоятельство в работе Воронежской с.-д. организации.

Одним из ее членов было выработано нечто в роде манифеста. Автор этого интересного документа бывший народоволец Сыцянко излагает основные положения программы социалистической революционной партии и между прочим говорит:

„Пропаганда принципов социализма и критика существующего социального и политического строя. Так как задачей русских социалистов-революционеров должна быть организация сильной рабочей партии, которая, отстаивая интересы трудящихся классов в борьбе их за экономическое освобождение, стремилась бы овладеть политической властью для проведения социальных реформ и реорганизации существующего общества на социалистических началах; так как главным препятствием к подобной организации является отсутствие политической свободы, то к пропаганде принципов социализма мы должны присоединить пропаганду политической свободы; мы должны внести в сознание трудящихся классов мысль о необходимости свободы слова, печати, сходок и организации успешной борьбы за экономическое освобождение“.

Есть некоторые данные утверждать, что программа эта написана Сыцянкой по предложению социал-революционеров, но как бы то ни было в ней уже чувствуется, что бывший народоволец Сыцянко, принимавший участие в Воронежской организации, отдает дань времени и под влиянием новой революционной силы, выступившей на арену истории, рабочего класса, ставит вопрос о создании рабочей партии.

Организация однако дожила только до конца года: в декабре 1897 г. она была разрушена жандармами. После более чем годичного тюремного заключения пришел приговор: Барамзин, Н. Ряховский, Росляков и Крапп получили по 3 года Восточной Сибири; Исполатов—3 года Вятской губ., И. Чернышев, М. Пушкарев, А. Ширкин и И. Жилин—2 года Вятской губ., Н. П. Гусев и А. А. Рыбаков получили легкое наказание—гласный надзор в то время, как рядовые рабочие М. Черенков и А. Баранов получили 6 месяцев тюрьмы, Гордей Рыбаков—3 месяца. Остальные получили незначительные наказания, некоторые же были оправданы, а А. О. Сыцянко покончил расчеты с жизнью в тюрьме (7 н. 1896 г.).

После этого разгрома социал-демократическая организация в Воронеже долго не могла оправиться; работу ведет семья Махновцев, и только с приездом новых ссыльных в начале 900-х годов организуется соц.-дем. комитет (один акимовский—„экономистов" и другой искровский, организованный В. И. Невским и И. Э. Россоловским).

Мы так подробно остановились на Калужской и Воронежской соц.-демокр. группах потому, что это типичные кружки губернских городов, где нет массового рабочего движения, где очень мало рабочих и где тем не менее социал-демократы интеллигенты будят сонное болото обывательщины, несут в пролетариат и мелкобуржуазную массу интеллигентской молодежи учение Маркса и создают уже не единицы, а десятки и сотни последователей, многие из которых сыграют потом в революции видную роль.

Такие же кружки интеллигентов социал-демократов возникают в Смоленске, где Н. С. Клестов и И. А. Теодорович организовали прекрасную библиотеку легальных и нелегальных книг и являлись организаторами первых социал-демократических кружков, в Курске (И. Чернышев, учитель И. Ф. Дубровинского, Богатырев, Львов-Рогачевский, рабочие Демин, Новиков), Саратов (Фофанов, Ксандров *), Малинин, Львов, Архангельские, Иванов, Голубев), Пенза (Теплов), Симбирск и т. д. В Саратове прочная социал-демократическая организация образовалась только в 1900 г. В это время начинал свою работу и А. И. Рыков **).

*) В 1896 году в Саратовской организации принимали участие: Я. П. Хазин, Д. Е. Шутарин (слесаря ж. д.), а с 1898г. и интеллигенты,- Е. О. Зеленский, А. А. Панфилов, а после их ареста с конца 1898 г.—Н. И. Малинин, К. С. Касперович и С. М. Фофанов. В 1898 г. группа приняла название: „Саратовская соц.-дем. группа". В 1899 г. группа издавала нелег. газету „Саратовский рабочий".

**) В 1897 году была в Саратове уже довольно солидная организация. В нее, кроме А. И. Рыкова, входили: С. Фофанов, А. и Н. Архангельские, А. Богданов, Ф. Рыкова, рабочие москвичи,—Н. Петров, Н. Трусов, Н. Иванов, А. Богомолов и др., питерец С. П. Шепелев, местные рабочие,—Н. Калашников, М. Карев, В. Плаксин и др. Работа организации до 1899 г., когда вспыхнула забастовка на жел. дор., носила кружковой пропагандистский характер. Организация, правда, выпускала изредка прокламации, но массовый характер организация приняла только с 1899 г. (См. „Вестн. Сар. Губк." №№ 6 (31) и 5 (30)—1923 г.).

Соц.-демократическая организация на Урале.

Урал приобщается к социал-демократическому движению еще в первой половине 90-х годов. Вслед за народническими кружками А. Н. Бахарева возникают первые марксистские кружки молодежи, организованные в Перми, Кунгуре и Красноуфимске Николаем Васильевичем Арефьевым. Кружки эти, повидимому, были кружками переходного типа, но они подготовили почву для настоящих социал-демократических кружков второй половины 90-х годов. Огромное влияние на образование этих кружков оказала литература „легального" марксизма, как, напр., „Критические заметки" Струве и книга Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю". По словам работников того времени В. Южакова и К. Ольховского организаторами этих кружков являются студенты Казанского Университета Евгений Пузырев (умер в 1898 г.) и Петроградского— Иван Павлович Ладыжников и Владимир Николаевич Трапезников, помощник прис. поверенного. В этот период появляется и нелегальная литература группы „Освобождения Труда". У кружка есть библиотека, конспиративная квартира (хозяин Н. Г. Лучинин), имеются прочные связи с рабочими заводов—Исетского Ив. Секичев, рабочие Мотовилих—Новиков, Аристов, Витте (отец и сын), Колчин, И. И. Борисов, Пахомов, Бабинцев, Саботинский. В организации принимают участие учителя Ирбитского уезда М. Асанов, И. И. Липин. Но об'единение всей работы во всеуральском масшабе исходит из Челябинска и Златоуста. Организация „Уральского рабочего Союза", по словам его членов И. Годлевского и Ст. Полузадова, возникает из небольшой группы, составившейся при Управлении постройки Сибирской жел. дороги: студента Казанского Университета, б. народовольца, Николая Михайловича Зобина, ст. Павла Васильевича Балашова, б. народовольца, б. народного учителя Алексея Алексеевича Белякова, Иосифа Ивановича Годлевского, литератора, и Степана Полузадова (жил в Екатеринбурге).

Годлевский являлся организатором марксистских кружков самообразования среди молодежи, главным образом, воспитанников Уральского Горного Училища. При помощи этих бывших „Уральцев" Владимира Рогожникова и Андрея Тютева удалось завязать связи с златоустовскими рабочими. Рогожников и Тютев создали экономическую организацию среди златоустовских рабочих и начали экономическую борьбу на легальной почве с администрацией завода. В высшей степени интересен прием агитации, пущенный в ход уральскими социал-демократами. Весь материал о легальных собраниях златоустовских рабочих, где обсуждался вопрос о борьбе с администрацией, был собран Рогожниковым и доставлен Челябинской группе; здесь его тщательно обработали, при помощи Белякова, сотрудника „Степного Края", напечатали в газете, и затем тысячи экземпляров „Степного Края" пошли гулять по всему Уралу. Это послужило могучим толчком для об'единения.

В 1897 году Златоустовцы и Челябинцы устраивают с'езд, где и вырабатывается план дальнейшей работы: Челябинская группа берет на себя доставку нелегальной литературы из-за границы (без

различия партий), издание прокламаций (экономического и политического характера), постановку нелегальной типографии, посылку агитаторов и т. п.

27 декабря 1897 г. состоялся второй с'езд уральских соц.-демократов в Екатеринбурге, представителей северных и южных организаций Урала.

В это время легальная борьба златоустовских рабочих вылилась в стачку. Рабочие огромного завода пред'явили требования: сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, ограничение труда малолетних, продовольственное обеспечение, социальное обеспечение инвалидов труда и изменение состава администрации.

Начались аресты. Были арестованы: Рогожников, Тютевы, Павел Земсков, бр. Гордеевы и бр. Авладеевы.

В то же время вспыхнула забастовка и в Н.-Тагильском заводе, куда так же попали номера „Степного Края". Арестовали Хорькова, который начал выдавать. Теперь аресты захватили не один Златоуст: в Екатеринбурге арестовали Степана Полузадова, в Челябинске Иосифа Годлевского, бр. Зобиных и А. Белякова.

В результате Годлевский попал на 5 лет в Архангельскую губ., а бр. Зобины, Беляков и Полузадов на 3 года; дело златоустовцев рассматривалось очень долго, и только в 1899 году бр. Гордеевы, Авдеевы и П. Земсков отправлены в ссылку в Архангельскую губ., а Рогожников и Тютев освобождены на поруки (Андрей Тютев не вынес сурового режима тюрьмы и по выходе на волю вскоре умер).

Вторая половина 90-х годов характеризуется возникновением социал-демократических организаций и в Сибири. Высланные социал-демократы и здесь начинают организацию социал-демократических кружков. Сибирская интеллигентная молодежь, соприкасавшаяся со ссыльными социал-демократами, становится марксистской и вместе с ссыльными организует первые социал-демократические кружки, напр., в Красноярске в конце 90-х годов возникает социал-демократическая рабочая организация. Здесь появляются уже умудренные опытом социал-демократы, высланные из Петербурга П. А. Красиков, Л. Н. Скорняков, Е. И. Окулова и вместе с сибирской молодежью (Г. И. Окулова) создают первый Красноярский соц.-демократический кружок. Подобные организации вырастают повсюду и дают затем уже в начале 900-х годов возможность построить сильную всесибирскую организацию.

Соц.-демократия на Кавказе.

Конечно и наши окраины, как Кавказ, прошли тот же путь соц.-демократического развития, что и остальная Россия. Как бы ни расценивать ту группу радикальной кавказской интеллигенции „месамедасистов", которая выражала свои взгляды и убеждения в газете „Квали", как бы далеко вправо ныне ни ушли отдельные представители этой группы, но несомненно, что эта группа радикальной интеллигенции очень долго являлась теми учителями, которые формировали кавказскую соц.-демократическую молодежь. Жордания, Ниношвили, Джибладзе, Чхеидзе, Рамишвили, Цхакая, Махарадзе, Дарчиашвили, Цулукидзе и некоторые другие составляли эту группу кавказской

интеллигенции, об'явившей войну отживающим взглядам интеллигенции 80-х годов*).

С. Т. Аркомед характеризует взгляды этих участников и сотрудников „Квали", как взгляды эклектиков, но признает вместе с тем, что в последние моменты своего существования газета „Квали" по его же словам „с течением времени все более и более очищалась от плевел, так что можно смело сказать, что в период, предшествующий закрытию она en bloc стала на правильную точку зрения пролетарской классовой борьбы и социал-демократии".

Во всяком случае, несомненно одно, по словам того же С. А. Аркомеда, да и М. Махарадзе, именно что „Квали" „преобразовалась, сделалась органом грузинских рабочих, она же в свою очередь имела воздействие и по возможности способствовала развитию рабочего класса". (С. Т. Аркомед. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе с 80-х год. по 1903 г. С предисл. Г. В. Плеханова, стр. 177).

Как бы то ни было, но ясно, что и на Кавказе первые социал-демократические кружки возникали из интеллигентских нелегальных кружков самообразования, каким, напр., являлся кружок тифлисских семинаристов, где принимали участие в 1895—1897 годах Кецховели, крупный организатор нелегальной типографии ЦК нашей партии и учитель в этой области, создавший множество учеников „техников", Джугашвили Сталин, А. Энукидзе и др. Из этих-то кружков и рабочих русских и местных и выросла первая тифлисская соц.-демократическая организация. Русские рабочие также сыграли довольно большую роль в деле формирования кавказских соц.-демократических организаций. Еще в 1893 году в Тифлисе организуется типичный рабочий кружок самообразования русских рабочих—Алилуева, Майорова, Рогачева, Гладышева, Гайге, бр. Дунюковых, машинистов—Языковского, Маругина, Скородумова, Малиновского. Организатором и „душой" этих кружков, по словам Алилуева, являлся механик швейных машин „Зингера" Федор Афанасьев. С 1896—7 годов работа этих кружков сливается с работой грузинских соц.-демократов — А. Джапаридзе, З. Чодрашвили, А. Окташвили, Арчил, Жордания, Джеблалзе, Джугели, Церетели, Соколов, Сергеев, Домостроев, Алилуев, Джугашвили, В. Стуруа, Г. Дшвеладзе, Г. Марсяков, Копалейшвили, Кочетков, Бажанов. Абросимов, Тулупов, Губин, Оводков, Петухов, Соломатин, Афанасьев и др.**).

В 1898 и 1899 годах в Тифлис приезжают высланные рабочие из России—Н. Г. Полетаев, И. Назарев, из Тулы—Салищев, Татаринов, Вальков, из Орла,—Кириллов и Романов, М. И. Калинин и Литвин (Седой).

Путь, каким шла грузинская в частности и кавказская вообще соц.-демократия, стало быть, был такой же, как и в остальной России:

---

*) Н. Жордания еще с 1891—93 г.г. познакомился с соц.-демокр. учением в Варшаве. В Тифлисе Жордания об'единяет тов. С. Джибладзе, М. Цхакая, И. Ингороква (Ниношвили), Р. Каладзе и Какабидзе Происходит с'езд соц.-дем. в Квирилах,

**) В конце 1896 и нач. 1897 г.г. Ф. Махарадзе устанавливает связь с рабочими мастерских А. Окуашвили и Е. Чадришвили. В первый соц.-дем. комитет входят: Чадришвили, Окуашвили, В. Цабадзе, Г. Чхеидзе и А. Бакарадзе (1897 г.), а в 1898 г. к этим товарищам присоединяются: С. Джибладзе. Р. Каладзе, С. Джугели, Л. Кецховели, М. Бочарашвили и А. Шатилов. (См. Сб. 25 РКП Тифл. 1923 г.).

сначала интеллигентские кружки самообразования (соц.-демократы кавказцы были уже в 80-е годы, напр., у С. Т. Аркомед), затем кружки саморазвития и пропаганды из рабочих и, наконец, настоящие социал-демократические рабочие кружки, из которых и выросла кавказская социал-демократия.

Произведения группы „Освобождения Труда“, в частности Г. В. Плеханова имели огромное значение в деле формирования взглядов кавказских социал-демократов. „Я никогда не забуду“, пишет С. Т. Аркомед в предисловии-письме к своей работе, обращаясь к Г. В. Плеханову: „того момента, когда, после чтения появившегося в 1888 году первого номера „Социал-демократа“, я послал Вам глубоко сочувственное восторженное письмо“... *).

Но уже тогда же, т. е. в 90-е годы, было ясно, что кавказское социал-демократическое движение, несмотря на все национальные черты, законно ему присущие, является только отдельной струей в одном большом потоке общероссийского рабочего движения.

В высшей степени интересной организацией на Кавказе, по словам одного из участников ее, была организация революционеров армян.

Еще в 1892 году двое молодых людей, интеллигент Сергей Ханаян (теперь председатель Краевой Контрольной Комиссии на Кавказе) и рабочий наборщик Ашок Хумарьян организовали небольшой кружок и приступили к изданию журнала. Хумарьян работал в типографии Агбюри Тарас (Родник и Костюм), где издавался детский журнал Арор (Плуг) и там воровал шрифт во время перерыва на завтрак и обед.

Собравши достаточно шрифта, приготовивши деревянную раму и кассу, запасшись валиком, Ханаян и Хумарьян напечатали первый номер журнала Дзайн (Голос), в июле-августе 1892 г. Направление этой газеты было социалистическое вследствие чего „Генчак“ (орган национальной партии Армении) отметил в своем отзыве о „Дзайне“ именно это направление журнала.

Первый номер набирался в конспиративной квартире, специально нанятой для этого на Авлабаре (часть Тифлиса близ тюрьмы). Вследствие некоторых осложнений с квартирой дальнейшее печатание пришлось перенести на квартиру С. Ханаяна.

В 1893 году Ханаян переводит на армянский язык биографию С. Халтурина и издает ее.

С этого же времени начинается расширение работы и завязывание знакомств с рабочими. К Ханаяну присоединяется Хажакнян и Сисак Тер-Симоньян (ныне зав. Гос. торговлей Армении). На первом собрании уже оформившейся организации были: Ханаян, Тер-Симоньян, Хажакнян и Петрос Мнацакьян (ныне член редакционной коллегии армянской газеты „Коммунист“). Теперь организуются кружки среди рабочих, ремесленников и приказчиков. Таким путем возникает в Тифлисе первая армянская рабочая организация под именем *Армянской рабочей Ассоциации* Азам Айястан (Свободная Армения), несомненно социалистического характера, так как Ашок Хумарьян и Хажакнян, члены этой организации, выпустили первый номер журнала „Крыв“ (Борьба) с лозунгом „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Этого журнала вышло несколько

*) С. Т. Аркомед. „Раб. движ. и соц.-демокр. на Кавказе“.

номеров. Кроме того, организация успела выпустить в 1894 г. первомайскую прокламацию, в которой об'яснялось значение первого мая.

В 1895 году организация была разгромлена; в тюрьму попали — Симоньян, Ханаян, Хумарьян и другие. Хажакнян убежал в Персию, а Хумарьян после тюремного заключения попал в ссылку в Вятскую губернию, где окончательно и стал социал-демократом.

Организация эта, несомненно, носила все типичные черты организаций переходного периода. И начало и развитие в общем таково же, как и развитие русских социал-демократических организаций.

Учителем Хажакняна был учитель Тер-Степаньян, вращавшийся среди народовольцев и имевший народовольческую литературу. Первые кружки, из которых вышли Ханаян и его товарищи, носили такой же характер кружков самообразования, как и русские кружки интеллигентов. Из этих кружков, между прочим, вышли Габриель Сафтьян (теперь комиссар продовольствия Армении) и Мартыкьян (ныне член контрольной комиссии Армении); из таких же ученических кружков самообразования вышел и известный революционер-коммунист Шаумян. Эти ученические кружки, организованные еще в 1894 году Хизановым (в этих кружках участвовал и Ханаян), издавали в 1896 году гектографированный ученический журнал „Циацан" (Радуга).

Вообще в развитии и подготовке социалистически настроенной интеллигенции кружки самообразования сыграли на Кавказе, как и в России очень большую роль, причем особенно большое значение имели в этом деле учащиеся Учительского Института.

Во второй половине девяностых г.г. все эти организации и кружки окончательно оформляются и приобретают уже чисто марксистский характер. В 1898 году Караджян (С. Аркомед), один из основателей партии Генчакистов, тоже становится ортодоксальным марксистом и начинает социал-демократическую работу среди пролетариата, издается журнал „Мурч" (Молот), и работа армянских социал-демократов сливается с обще-социал-демократической работой на Кавказе.

Социал-демократические организации в Прибалтийском Крае.

Социал-демократические организации Прибалтийского края возникали, как и в России, тоже в зависимости от роста промышленности и развития широкого рабочего движения. И здесь сначала создавались интеллигентские соц.-демократические кружки, постепенно завязывавшие знакомство с рабочими. Однако здесь „распространению социал-демократических идей, в период возникновения первой рабочей организации, много способствовали латышские ремесленники, побывавшие в Германии, а также некоторые немецкие социал-демократы, заброшенные судьбою в Прибалтийский край" *).

Так говорит П. К. о возникновении первых рабочих организаций в Прибалтике. В течение всех 90-х годов социал-демократические кружки учащейся молодежи возникают в Риге, Юрьеве, Ревеле и Либаве (напр., в Риге кружок студентов П. Марышева, Н. Степанова, Н. Горячева, В. Мишейко, В. Нигофа, О. Остера в 1893—94 г.г. и в

*) П. К. Революционная соц.-демократия в Прибалтийском крае.

Юрьеве кружок К. Чикерулькуша, А. Н. Барабачи, И. Давыдова, Н. и Е. Адамовичей, А. Скворцова, Н. Байздренко, Ю. Исаева в 1895—96 г.г. и др.). Во всех этих кружках велась агитационно-подготовительная работа, а легальная газета „Deenas Lapa", симпатизировавшая социал-демократии, способствовала также внедрению в массы социал-демократических идей. Имелась возможность некоторое время выписывать совершенно свободно: „Die Neue Zeit", „Leipziger Volkszeitung", „Der wahre Jakob" и т. п.

В 1897 году произошел большой провал организации, арестовали около сотни социал-демократов, но, конечно, этим движения не остановили. Часть уцелевших товарищей переселилась в Америку и там стала издавать латышские соц.-демократические органы—„Ansekuus" и „Latweeschin Stroehdneeks" и доставлять их в Россию.

Развитие же промышленности и превращение Риги и Либавы в крупные торгово-промышленные центры с десятками тысяч пролетариата создали почву для широкого рабочего движения. В 1899 году Рига, Либава, Митава и Ревель становятся ареной большого революционно-стихийного движения латышского и эстонского пролетариата и вместе с тем являются пунктами, где создается уже более прочная социал-демократическая организация.

По свидетельству П. Дауге и других деятелей движения Дерпт и Рига явились в Прибалтике рассадниками марксизма, при чем сторонники нового учения группировались в национальных марксистских кружках. В. Чернов в своих „Записках социалиста-революционера" называет двух марксистов студентов поляков в Дерпте,—Богдана Кистяковского и Кулаковского, а также Н. В. Водовозова. В то же приблизительно время П. Дауге, ознакомившийся вместе со своим братом с „Капиталом" Маркса, сошелся с группой студентов латышей, организовавших в противовес корпоративному союзу „Леттония" кружок самообразования. В этом кружке были—во главе Александр Дауге, Пипкайлес, К. Каспарсон, Эд. Вейденбаум, талантливейший поэт и мыслитель (умер 24 лет от роду) и покойный Розин Азис.

В 1890—91 годах П. И. Стучка и Я. Плекшан становятся редакторами „Deenas Lapa". Газета приобретает необычный для русских газет характер: в ней печатаются переводы из „Die Neue Zeit" (П. Дауге), изложение программ партий германского рейхстага (с особым выделением соц.-демократической). В 1893 году П. Дауге уезжает учиться в Берлин, там через члена германской с. д. партии дантиста Супрочинского, знакомится с германскими с. д. и даже с самим А. Бебелем. П. Дауге посылает в „Deenas Lapa" марксистские корреспонденции из Берлина и собирает немецкую социал-демократическую литературу для России. Возвращаясь домой на родину, П. Дауге в чемодане в специально заделанном дне, привез немецкую соц.-демократическую литературу. Таким образом, дерптские и рижские кружки получили возможность изучать марксизм по первоисточникам.

Вместе с тем устанавливается связь латышских студентов марксистов с русскими соц.-демократами. П. Дауге, переехавший в 1895 году из Дерпта сначала в Петербург, а затем и в Москву, входит здесь в латышский соц.-демократический кружок, где членами состояли Янсон, Браун, П. Калнин (известный меньшевик) и Эрнст Ролау. Этот кружок связался с московскими соц.-демократами (Ради-

ным, напр.) и в то же время поддерживал деятельные связи с Дерптом и Ригой.

Кроме польского и латышского кружка в Дерпте и Риге из русских студенческих кружков выросли настоящие марксистские группы.

В Дерпте уже в 1894 году стали выделяться марксистские студенческие кружки. Эти кружки имели своим опорным пунктом студенческое общество „Concordia" (другое студенческое общество „Общество русских студентов" состояло из радикалов, будущих кадетов, а третье „Societas" из народников, будущих соц. революционеров).

В стороне несколько стояли уже вполне сформировавшиеся марксисты И. А. Давыдов и К. К. Чикерелькуш. Они оказали огромное влияние на дерптскую учащуюся молодежь и многие из действовавших затем членов нашей партии были их учениками. Своими выступлениями на собраниях, рефератами, советами они формировали марксистское миросозерцание дерптской молодежи. В Дерпте же в этих кружках вращался и Ф. М. Дан (Гурвич), вскоре вступивший в Петербургский Союз борьбы.

В начале 1894 г. в Дерпт приехал В. Шанцер. Этот выдающийся впоследствии деятель русской социал-демократии (он умер в 1911 году) сразу расшевелил тихую жизнь марксистского кружка,—сам выступал на собраниях, втягивал в дело студентов, сам вступил в общество „Concordia" и заинтересовал марксизмом даже профессорские круги. В то же время он не терял связи и с Россией: писал в „Орловский Вестник" и сотрудничал в другой легальной газете того времени, „Самарском Вестнике".

Эти кружки Прибалтийского края имели большое значение для развития русской социал-демократии; в 1897 г. организация рижских соц.-демократов во главе со Стучкой села в тюрьму, но связи русской социал-демократии с Прибалтикой остались; попрежнему через Ригу и Дерпт в Россию просачивалась соц.-демократическая литература, сами дерптские марксисты, раз'езжаясь по России, становились организаторами русских соц.-демократических кружков. (Один из старых воронежских деятелей Н. А. Ряховский рассказывает, что И. А. Давыдов, приезжая домой на каникулы, привозил в Москву марксистские издания и знакомил с ними русскую учащуюся молодежь). Так самыми разнообразными путями распространялись идеи марксизма в России девяностых годов: в Казани—Скворцов и Федосеев, в Симбирске—Ленин, в Нижнем—Скворцов, Григорьев и Кузнецов, во Владимире—Федосеев и Сергиевский, в Москве—Г. Мандельштам, Мицкевич и М. Мандельштам, в Киеве—Мельников, Эйдельман, Тучапский, Вигдорчик, Шлихтер, в Одессе—Рязанов, Стеклов и Цыперович, в других городах сначала единицы, затем десятки и сотни прежде всего интеллигентов, а затем и рабочих делают общее дело, строят основы будущей российской коммунистической партии.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Южно-русские социал-демократические организации второй половины девяностых годов.

Юг России, как мы видели, приобрел большое значение уже в восьмидесятые годы. Девяностые и девятисотые годы это—гигантское движение вперед южно-русской промышленности. Города растут со сказочной быстротой, проводятся железные дороги, создаются новые центры промышленности и торговли. Юг окончательно вытесняет Урал по выплавке чугуна, возникают настоящие гиганты заводы, добыча угля растет со сказочной быстротою, создаются настоящие хлебные фабрики, портовые города, как Новороссийск, Ростов, Одесса ежегодно выбрасывают сотни миллионов пудов хлеба за границу, безлюдные раньше степи видят теперь сотни тысяч сельско-хозяйственных рабочих. Заводы железоделательные, винокуренные, свеклосахарные возникают повсюду, в городах увеличивается население в небывалой для остальной России пропорции, и пролетариат, настоящий фабрично-заводский пролетариат, становится отныне главнейшей частью этого населения. Киев, Харьков, Екатеринослав, Одесса, Ростов превращаются в крупнейшие торгово-промышленные центры. За ними идут такие города, как Новороссийск, Луганск, поселок Юзово не уступающий любому губернскому городу.

В Одессе и ее округе уже в начале девяностых годов числилось около 350 тысяч жителей, причем из этого числа на долю рабочих всякого рода приходилось около 120 т. челов. По переписи 1892 г. было: рабочих обрабатывающей промышленности 69.417, добывающей—18.559 чел., транспортн. - 22.458, строительных рабочих—13.417; к этому числу нужно прибавить поденных служащих всякого рода 35.206 и 10.665 всякого рода прислуги в трактирах, кофейных и т. п. Приказчиков, конторщиков, техников и лиц всякого рода так называемых либеральных профессий числилось не менее 20 слишком тысяч человек. В городе и его окрестностях находилось более двухсот пятидесяти крупных фабрик и заводов: 18 литейно-механических заводов, сахаро-рафинадный завод, 12 табачных фабрик, 7 химических заводов, 18 паровых мукомольных мельниц, 7 водочных винокуренных заводов, 6 мыловаренных и свечных, 27 типографий, множество мелких ремесленных заведений, мелких фабричек и заводов. Это был настоящий торгово-промышленный город западно-европейского типа. Прекрасные постройки центра и торговой части города с его театрами, университетом, банками, ресторанами, садами, роскошными магазинами, разодетой и разноязычной толпой и убогие хибарки Пересыпи и Дальницкого района, окутанные дымом заводов и фабрик с их испитой и суровой толпой пролетариев, роскошный

буржуазный центр и убогие, жалкие предместья без типичных для обычных русских городов незаметных переходов от главных улиц губернского города к его слободкам и предместьям.

Такой же характер имели и остальные крупные города юга: Харьков, Ростов, Екатеринослав, Николаев.

Харьков в девяностых годах являлся также крупнейшим промышленным центром, почти что с двухсоттысячным населением. По данным официальной статистики даже в 1901 году из этих двухсот тысяч на долю рабочих, занятых на 131 заводах и фабриках, приходилось что-то около 15 тыс. человек. Но без сомнения эти цифры далеко не верны. В Харькове уже тогда действовали такие крупные заводы, как паровозо-строительный, Гельферих Саде, железнодорожные мастерские (только три этих завода занимали более 10 т. рабочих), несколько средних и мелких механических заводов, завод Беркенгейма (гончарный), сахарный завод (на Ивановке), типографии, конфектные фабрики, всякого рода мелкие ремесленные мастерские и заведения, так что количество рабочих в действительности превышало официальные цифры по меньшей мере вдвое.

Несколько десятков тысяч приказчиков, прислуги, строительных и транспортных рабочих необходимо также причислить к пролетариату. Как и в Одессе прекрасно застроенный центр, с широкими улицами, роскошными магазинами как небо от земли отличался от грязных рабочих предместий (Лысая и Холодная горы, Ивановка, Петинская улица) закопченных дымом, утопающих в грязи и темноте.

Екатеринослав только что начал тогда выделяться, как крупный чисто промышленный центр. В начале девяностых годов население Екатеринослава еще не достигало даже сотни тысяч (несколько более 80 т. в начале 90-х г. и 121.216 чел. по переписи 1897 г.). По официальным данным в Екатеринославе в начале девяностых годов было всего 63 фабрик и заводов с 3.628 рабочими, что, конечно, далеко ниже действительности, так как уже тогда действовали такие гиганты, как Александровский—Южно-российский рельсопрокатный завод, железоделательный и механический завод акционерного общества Брянских заводов, причем только здесь, на одном этом заводе было не менее 3 т. человек, затем трубопрокатный завод, две табачных фабрики, четыре чугунно-литейных завода, семь паровых мельниц, девять паровых лесопилен, четыре пивоваренных завода, четыре типографии, множество мелких ремесленных заведений.

Ростов-на-Дону уже тогда вместе с Нахичеванью (эти два города составляют в сущности один город) имел около 150 т. жителей (в 1897 г. Ростов 119.886 и Нахичевань 29.312), причем в начале девяностых годов в Ростове на 92 фабриках и заводах числилось 5.756 рабочих, а 45 заводов и фабрик Нахичевани занимали 3.098 рабочих. Но и эти цифры, конечно, далеки от действительности. В Ростове уже тогда находились крупнейшие табачные фабрики (Асмолова и Кушнарева), большие железнодорожные мастерские, писчебумажная фабрика, мелкие чугунно литейные заводы, корабельная верфь (небольшие доки и мастерские), десять типографий, мелкие ремесленные заведения.

Как и Одесса, и Харьков и Екатеринослав, Ростов являлся типичным южным городом: европейский центр, с прекрасными домами, мостовыми, освещением, роскошными магазинами, театрами, кафешанта-

нами, разряженной разноязычной толпой и грязными, вонючими улицами предместий Темерника, Нахаловки и Богатого Источника.

Николаев также представлял к концу девяностых годов крупный промышленный центр: в 1898 году число рабочих Николаева достигало уже десять тысяч человек, причем там находились два крупнейших завода,—Французский и Черноморский („Общества судостроительных, механических и литейных заводов" и „Общества механического производства в Южной России").

Только Киев из всех этих городов выделялся своей своеобразной физиономией. Это не крупный промышленный центр. В нем нет таких гигантов заводов, как в Харькове, Николаеве или Екатеринославе, в нем преобладают предприятия среднего или мелкого типа.

Впрочем, нельзя думать, что в Киеве было немного пролетариата. Вот цифры, рисующие рост киевской промышленности в 90-х годах:

Рост фабрик и заводов Киевской губернии

ГОДЫ.	Общее количество фабрик и заводов губ.	Из них в Киеве.	Число жителей.
1860	—	45	70.000
1880	563	89	—
1891	—	—	176.151
1895	689	163	193 151
1897	—	—	247.723
1899—900	826	—	—

Число рабочих в 1897 г. достигает 31.509 чел., если сюда причислить число лиц, занимающихся „либеральными" профессиями,—личной службой (прислуга), техники, кельнеры, прачки и т. п., неквалифицированным трудом и т. п., которых в 1897 г. числилось 35 217, то все пролетарское население (за немногим исключением из этих цифр) достигало 66.726 чел. Правда, преобладали предприятия мелкого типа (85,4% заведений в среднем с числом рабочих от 1 до 50) и кроме того, большинство этих рабочих были ремесленники; например, в Киеве в 1889 году числилось: 2.370 сапожников, 1.984 портных, 1.101 столяров, 873 модистки, 814 кузнецов и т. д. *)

Нечего и говорить, что положение этого пролетариата было ужасающее.

Зато в Киеве много интеллигенции, здесь на каждого распропагандированного рабочего приходится несколько интеллигентов социал-демократов, здесь нет массы пролетариев, брошенных крупным производством тяжелой индустрии в цех или мастерскую огромного современного завода, здесь преобладает ремесленник мелкой мастерской. Но об этих особых условиях киевской работы придется сказать особо в связи с подготовкой первого с'езда.

Как видно из только что сказанного, наши крупные промышленные центры юга России носят совершенно другой характер, чем промышленные центры севера. Если исключить такие города как Москва и Петербург, этот мозг и сердце российского пролетариата, то остальные крупнейшие промышленные центры, как Иваново, Орехово, Тверь, Кострома, Шуя, Кохма резко отличаются от наших южных промышлен-

*) Цифры взяты из статьи В. Манилова в „Путях революции" „Соц.-демокр. движение в Киеве (90-ые годы)".

ных городов. Последние —шумные, живые города, узлы, центры промышленной торговой и культурной жизни своего района. Здесь резче контрасты между центром и рабочим предместьем, здесь пестрее население, здесь ярче и разнообразнее толпа. Трудно, конечно, согласиться с теми авторами, которые почему то полагают, что „южные фабричные рабочие в культурном отношении стоят, надо думать выше среднего уровня русского фабричного рабочего“ (Слова автора брошюры „Рабочее движение в Одессе и Николаеве“). Ведь на юге есть и доселе десятки тысяч шахтеров—вагонщиков, коногонов, глейщиц и т. п., ничем не выделяющихся от такой же серой массы текстильных рабочих. Но бесспорно, конечно, то обстоятельсто, что тяжелая индустрия юга требует на свои металлургические и механические заводы—развитого, высококвалифицированного рабочего,—слесаря, токаря, механика, вообще металлиста, т. е. сознательного, технически подготовленного, обученного рабочего. Вот эта часть рабочих и является характерной чертой всех крупнейших механических заводов юга. Это, главным образом, пришлые рабочие северяне, Петербуржцы или Москвичи, выгнанные из столицы нуждой или царской репрессией. Они-то и являются ядром той социал демократической организации, что создается в девяностые годы; они-то и являются руководителями массового движения. Остальная масса рабочих, рекрутируемая либо из местного населения, либо из пришлых элементов, мало чем отличается от типичного среднего рабочего севера. Только в одном отношении отличается от северян и эта масса южных рабочих: это люди, по большей части, не знавшие крепостного права и помещика, люди, являющиеся потомками того беглого люда, — крестьян, мещан, цеховых, что бросали насиженные места и могилы предков и уходили от гнета и нужды в привольные южные степи. Еще их деды, а иногда и отцы, были вольны, как волен ветер тех степей, среди которых они жили и бродили, строили свои поселки, прокла́дывали железные дороги, рыли шахты или строили города. „Это тип рабочего—смелый, готовый итти на смерть за товарищей, легко воспламеняющийся, но мало знающий и легко погасающий, живущий аффектами, южанин“.

Наконец, юг, так богатый всякого рода сектами, давал еще один тип рабочего—сектанта, штундиста, раскольника, человека критически относящегося и к властям предержащим и к порядкам буржуазного общества.

Близость же моря, интернациональный характер портовых и вообще крупных южных городов делал рабочее население вообше и в особенности верхушки его еще более восприимчивым ко всякой пропаганде и агитации. Нечего говорить о том, что и само экономическое положение толкало рабочих на протест, на борьбу со своими угнетателями.

Мы говорили в своем месте о положении русских рабочих и здесь, быть может, будет достаточно нескольких слов, чтобы охарактеризовать это положение, тем более, что слова эти принадлежат не кому-либо, а рабочему Г. И. Петровскому, испытавшему на себе весь ужас эксплуатации иностранного и отечественного капитала на юге России.

„Рабочий день“, говорит т. Петровский в своих воспоминаниях в харьковской „Летописи Революции“ (т. II—1923 г.): „на заводе продолжался с половины седьмого утра до 7 часов вечера с полуторачасовым перерывом на обед. Завтрака не полагалось, но все рабочие в

узелках приносили с собой завтрак, урывками, прячась от всех рангов начальства, где-нибудь в уголке под доской с'едали его. Некоторые приспособлялись кипятить себе чай и также потихоньку распивали его. Но начальство все время боролось с этим. Этот самый Массоков *) (тип, который часто описывают социалисты, как французские или бельгийские капиталисты расправлялись с невольниками в Африке), иногда на своем пути случайно нападал в тот момент, когда рабочий, развернувши тряпочку, ел кусок хлеба. Массоков подходил и ногой отшвыривал тряпку и кусок хлеба, приказывал штрафовать, на половину поденного жалованья, нарушившего заводские правила рабочего с предупреждением, что если это повторится, он выкинет его совсем с завода. Если он натыкался на ведерко с кипяченым чаем (а чай тогда, нагревавшийся на курнике, отчего пропитывался запахом серы, представлял для рабочих лакомое блюдо), разбивал ведерце о землю с таким же последствием для рабочих—штрафом и предупреждением на выкидку.

Громадина-завод поражал своей капиталистической стихией. В то время работало здесь тысяч пять или шесть народу. Редко когда проходил день, чтобы не было убийств на заводе, а то обычно 5—6 и даже десяток жертв всегда бывало. Что же касается траматических повреждений, то они считались десятками.

И слышен был кругом стон от тяжелой работы, слышались всегда жалобы между собой рабочих о том, когда из этой невылазной бедности придется выйти. Я помню тогда свое положение. На завтрак себе я мог брать только небольшой кусочек хлеба и больше ничего. Иногда видя, что я в сухомятку жую хлеб, иной мастеровой, получая 1 р. 20 коп.—1 р. 40 коп. в день, подойдет и даст мне огрызочек сахару и нальет остаток старого провонявшего серой чая: „пей, Петровский“. И такую доброту я помню по отношению к себе не от одного старшего моего собрата по тискам в инструментальной мастерской нашего цеха, бедность рабочих была необычайная. Если нужно было закурить, то по очереди одной спичкой закуривали 3—5, 7 человек. Если первый раз закурка была, предположим, у Максимова, то через часок, когда вновь собирались курить, закурка происходила уже у какого-нибудь Белкина и т. д. Так что спичка никогда не тратилась на одну закурку собственника этой спички. Бедность порождала такую экономию. Обращение с рабочими было, что называется „галантерейное“: при малейшем сопротивлении рабочие расчитывались, при малейшем сопротивлении и строптивости требовались архангелы, выносили в знаменитую кордегардию проходных ворот и там уже кулаки черкесов и полицейских уснащали сознание пролетария в незыблемость установленных порядков. С особой жестокостью к рабочим относился этот самый Массоков, его помощник Ильин и знаменитый начальник прокатного цеха Удовенко.

Среди рабочих носились легендарные слухи о том, как будто бы они спорили между собой, кто из них больше сумеет эксплуатировать, а главное в своей эксплуатации и жестокости дойти до садизма в издевательстве над рабочими. Здесь были не только избиения—это было тогда в порядке вещей, — но истязание с отборной руганью, плевки в лицо, сбивание с ног рабочего и топтание ногами“.

*) Начальник мостового цеха.

Но довольно... читатель и так уже, вероятно, проникся этими картинами, перед которыми бледнеет сам Дантов Ад. Нужно только принять во внимание, что же делалось на других более мелких заводах, где эксплуатация, быть может, в несколько измененных формах, но уже совсем не знала границ? Могут ли вызвать после этого сомнение слова работницы Е. Торсуевой, которая такими краткими, но яркими чертами описывает развитие ростовских рабочих:

„Рабочие были почти сплошь неграмотны. По социальному положению мелкие мещане или домовладельцы. Лишь в депо и мастерских выделялись грамотностью квалифицированные рабочие. Темнота на табачных фабриках была так велика, что театр считали неприличным местом. Слово социализм уже знали, но оно произносилось шопотом, с ужасом. Некоторые мне рассказывали, что социалистов сажают в железные башни, где они бесследно пропадают" *).

Ясно, что при таких условиях протест рабочих выливался нередко в стихийной форме бунта, разгрома и погрома и что первым работникам социал-демократии на юге России приходилось преодолевать невиданные затруднения, насилия, гнета, невежества, рабства. Правда, ко второй половине девяностых годов самоотверженными усилиями народников и первых социал-демократов везде на юге удалось пробить первую брешь: Абрамович в Киеве, Мельников в Харькове и Ростове на Дону, Машицкий, Алабышев в Ростове же, Рязанов, Стеклов, Цыперович в Одессе, Литайзен (Линдов), Винокуров, Григорий Мандельштам в Екатеринославе уже проделали первоначальную работу и подготовили кадр развитых молодых сознательных рабочих, на долю которых и выпала вся тяжесть работы во вторую половину десятилетия.

В самом деле, вспомним, как развивалась организация, напр., в Киеве? После пропаганды Абрамовича в конце 80-х годов и в начале девяностых годов организуется новый центр работы: Б. Л. Эйдельман, С. К. Мержвинский, Д. К. Лаврентьев, И. И. Чорба и Я. М. Ляховский. Это первый период организации, когда более опытные и знающие товарищи этой группы учат своих молодых сотоварищей марксизму и конспирации, занимаются самообразованием, изданием социал-демократической литературы (напр., Эрфуртской программы Каутского). Связи с рабочими слабые.

Затем наступает второй период организации; центральная группа пополняется новыми членами, — Шен, Лесенко, Сапежко, Вигдорчик, Розенберг. Связи с рабочими расширяются, как вследствие пропаганды польской группы (P. P. S.), так и вследствие работы Д. Д. Мельникова. Работа организуется и расширяется настолько, что в 1894 году уже представляется возможность отпраздновать первое мая. Создается первый рабочий комитет в составе Мельникова, Эйдельмана, Поляка и Рудермана. В конце 1895 и весь 1896 год это был период ожесточенной борьбы, когда в Киевской организации решался вопрос о переходе от пропаганды в отдельных кружках к массовой агитации путем распространения агитационной литературы в рабочих массах. Теперь, стало быть, киевская организация состояла из двух центров:

*) К 25-летию первого с'езда партии. Сб. Истпарта М. 1923 г. Воспом. работницы табачной фабрики.

основной интеллигентской группы (куда вошли О. В. Яцимирская, Е. А. Лисянская, П. И. Белоусов, П. Л. Тучапский, С. В. Померанц, Л. В. Теслер, Е. С. Эгингер) и рабочего комитета *). Мы знаем соотношение этих двух центров, — руководящая роль принадлежала интеллигентскому центру, а задачей рабочего комитета было: „знать все, что происходит в рабочей среде города и целесообразно использовать своим вмешательством все подходящее“ **).

Интеллигентская группа имела в своем составе и одного члена рабочего комитета, и, когда поднялись споры о методах работы, весь рабочий комитет и, стало быть, тот его член, который входил в состав интеллигентской („Русской“) группы, стоял за агитацию. „Лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж“—так формулировал Мельников точку зрения сторонников агитации и необходимости перехода к массовой работе. Какие возражения выдвигали противники массовой работы и агитации? Преждевременный провал организации, понижение уровня руководителей движения. В сущности же здесь, в Киеве, повторилось то или вернее происходило то, что происходило в других местах работы,—Вильне, Петербурге, Одессе и т. д. Люди, выросшие в первую эпоху социал-демократии, когда долгими годами пропагандистской выучки в кружках создавались высоко образованные одиночки марксисты, часто благодаря этому самому развитию, отрывавшиеся от массы, порвавшие с нею связи, эти люди стремились частенько уйти и от рабочих и от борьбы. Рабочее движение стихийно росло, становилось массовым, требовались новые методы работы, изменялась экономическая основа, а идеология этого периода еще только вырабатывалась, задачи момента понимали еще далеко не все, а старая идеология еще была жива, и носители ее страстно отстаивали свои методы и приемы работы. Споры эти велись и в польской и в русской группе. Один из членов русской группы Сапежко предложил вырешить вопрос о методах работы в рабочих кружках. Б. Л. Эйдельман протестовал против этого решения. Сапежко ушел из русской группы. Организация как будто бы расстраивалась, но за новую тактику была жизнь и русская группа киевских социал-демократов, переименовавшись в группу „Рабочее Дело“, на работе показала, что тактика, ею принятая, единственно правильная и является огромным средством к дальнейшему развитию и организации движения. В чем же состояла тактика киевских социал-демократов 1896—1897 годов, об'единившихся в группу „Рабочее Дело“?

Сущность этой тактики можно характеризовать тремя чертами: во-первых, это была *массовая агитация* за стачки на почве непосредственных нужд и интересов рабочего класса; во-вторых, эта экономическая агитация сознательно сливалась киевскими соц.-демократами *с политической* агитацией и, в-третьих, это была работа по превращению стихийного рабочего движения в организованное соц.-демократическое движение в общероссийском масштабе, т.-е. это была работа по созданию российской рабочей социалистической партии.

*) Первый рабочий Комитет существовал с декабря 1895 г. по 18 апреля 1896 г., день ареста Мельникова.

**) „Пролет. Рев.“, № 1. Статья Б. Эйдельмана.

В самом деле, еще до образования группы „Рабочее Дело" у киевлян были хорошие связи с рабочими, а к 1896-97 годам эти связи настолько расширились, что киевские соц.-демократы охватили весь город. У киевлян тогда были кружки на заводе Гретера и Криванека, затем в пароходных мастерских. Эти кружки образовали братья А. и С. Сонкины, обученные токарному и слесарному ремеслу Ю. Д. Мельниковым. В мастерских юго-западных железных дорог так же существовал кружок, в котором большое значение имели рабочие Э. Ф. Плетат и А. Кровацкий. Были кружки ремесленников и женский кружок.

Кружковые занятия вели такие испытанные соц.-демократы пропагандисты, как Эйдельман, Сапежко, Чорба, Вигдорчик. Работали в кружках В. Г. Крыжановская, С. В. Померанц (женские кружки), П. Л. Тучапский, Ю. Д. Мельников и прочие члены организации. Но это были кружки, куда бросались лучшие силы организации. В массе работали распропагандированные выдающиеся рабочие: Г. Рудерман, Э. Ф. Плетат, К. А. Зборович, А. и С. Сонкины, Б. Люльев, Р. Страж-Фридман, М. Альтшулер, А. Кровацкий. В чем же заключалась работа этих пропагандистов и агитаторов, интеллигентов и рабочих?

„Первое время после организации Рабочего Комитета", говорит Рудерман: „велась подготовительная работа. Организовывали кружки, передавали интеллигентам для занятий и таким образом подготовляли агитаторов". „Скоро эта работа", продолжает Рудерман: „перестала нас удовлетворять. Движение быстро росло: установилась связь с заводами и мастерскими; масса стала восприимчива и чувствовалась необходимость реагировать на злободневные вопросы. Начались споры о том, настало ли уже время выпускать открыто прокламации. Наконец, решили. Я помню это событие. Это был настоящий праздник" *).

Итак, самих рабочих не удовлетворяла старая тактика, и у них была потребность „реагировать на злободневные вопросы", а так как эти злободневные вопросы упирались в самые насущные экономические и политические нужды рабочих, то переход к новой тактике логически приводил и к организации стачек и к политической агитации. Эту динамичность новой тактики группы „Рабочее Дело" очень живо воспроизводит рабочий С. Сонкин в своих воспоминаниях. „После долгих споров с другими товарищами интеллигентами", говорит он: „которые примыкали к с.-р., мы решили перейти к активной работе, т. е. поднять массы, так как единичные рабочие кружки нас не удовлетворяли. И вот в 1897 году была распространена по всем заводам прокламация о Петербургской грандиозной забастовке рабочих... Эта прокламация наделала столько шума и разговоров среди рабочих, так что об этом только и говорили целый день". „Каждый раз, когда на заводе бывали какие-нибудь случаи, напр., уменьшение расценки, увечье какого-нибудь рабочего, грубость или побои мастера, непременно при этом появлялся листок, с призывом бороться за свои экономические и политические интересы, с указанием разных требований для достижения своих целей. Главным орудием борьбы мы советовали об'явить стачку тогда, когда на заводе много работы и срочные заказы. И не долго пришлось ждать. Летом того же года

*) К 25-летию первого с'езда. М. 1923. Воспом. Рудермана.

я и Бычков и другие наши товарищи подготовили стачку всего механического и котельного цехов, в числе 1200 человек" *).

О таком методе работы говорят решительно все участники движения, не только Сонкины, но и Люльев, и Поляк, об этом говорят и те прекрасные прокламации, какие издавала группа „Рабочее Дело" и затем Киевский Союз борьбы. За год с небольшим, с ноября 1896 г. (авторы мемуаров ошибаются, когди считают, что прокламация по поводу петербургских событий была первая) по декабрь 1897 г. было выпущено шестнадцать прокламаций. Рассмотрим же для примера хотя некоторые из этих листков, чтобы убедиться в правильности тактики, взятой киевлянами. Вот прокламация „письмо к папиросницам табачной фабрики Эгиза". Содержание ее таково: рассказав о том, как тяжела жизнь фабричной работницы-папиросницы на фабрике Эгиза, листок напоминает, что уже все рабочие Киева и других городов начали борьбу с хозяевами, и приглашает и их бороться путем стачек. „Последуем же и мы примеру наших товарищей и товарок! Будем и мы бороться с хозяином. Он наш враг". Далее, перечислив требования папиросниц, листок заканчивается таким призывом: „Работницы! Заявим хозяину все эти требования, а если он не согласится выполнить их, то устроим стачку и заставим его уступить нам. Подумайте, ведь дело идет не о каком-нибудь пустяке. Дело идет о единственном нашем богатстве — *о нашей жизни*. Пусть молчат те, кому жизнь не дорога. А кто не хочет подобно теленку, безропотно подставлять свою шею под нож, кто хочет жить — тот должен *бороться и защищаться!* Будем же дружно бороться за лучшую жизнь!" Эта чисто экономическая прокламация, призывающая к стачке, выпущена 15 мая 1897 г., но еще раньше, еще в 1896 г. киевляне выпускали такие прокламации: в ноябре 1896 г. „К рабочим завода Графа", в январе 1897 г. „Ко всем киевским рабочим" по поводу стачки в мастерских общества пароходства по Днепру, в апреле 1897 г. „К рабочим завода Шиманского" и т. п. Эта агитация на почве чисто экономических нужд, кончавшаяся стачками, лучше, чем тысячи кружков и книг, развивала массы и в политическом отношении. С. Сонкин прекрасно рассказывает об этом в своих воспоминаниях по поводу стачки на заводе Гретера. „Скоро весь завод был окружен казаками и жандармами. Стали звать в контору отдельных рабочих и расспрашивать у них, кто агитатор и кто бросил директора на строгальный станок. Обещали за это многое, но к чести наших товарищей никто из 1.200 человек не выдал ни одного товарища; вот какая спайка у нас была в механическом цехе". Так в результате повышалась сознательность и организованность *массы* рабочих и в свою очередь давала возможность руководителям движения расширять и углублять работу. „Начались стачки на других заводах и среди ремесленников. Устраивали сходки очень часто, по праздникам, в лесу, за городом, и нас, товарищей, собиралось много, со всех заводов и мастерских".

Это же расширение и углубление работы, расширение пролетарского базиса ее, укрепляло и организацию. Уже в конце года группа „Рабочее Дело" приступила к изданию, повидимому, первой русской соц.-демократической газеты, если не считать „Рабочего" Благоева и

*) К 25-летию первого с'езда. Воспом. Сонкина.

рукописной газеты Бруснева. Первый (гектографированный) номер „Вперед" вышел 6 января 1897 г., второй 28 февраля 1897 г. Содержание газеты было приноровлено к пониманию широких масс: в передовой статье первого номера толковалось о том, что освобождение рабочих дело рук самих рабочих и что только они сами могут рассказать о себе всю правду. Была в газете и хроника и сообщения из других пунктов рабочего движения. Эти первые два номера нельзя назвать литературой, окрашенной в ярко политический цвет, но это нисколько не означает, что киевские социал-демократы проповедывали только экономическую борьбу. Еще на майском празднике 1896 г. читалась в рукописи брошюрка Вигдорчика „Как министр заботится о рабочих". Стоит только прочесть первые две страницы этой брошюры, чтобы понять, как уже тогда организация киевлян обращалась к рабочим с политической агитацией. „...Чуть только вспыхнула на фабрике стачка, чуть только рабочие заявят какое-нибудь общее требование, как в дело вмешается полиция. Пристава, полицмейстеры, жандармские полковники, губернаторы — все поднимаются на ноги, чтобы „восстановить порядок"... ...А чуть стачка покрупнее, на фабрику являются, войска. Адъютанты, капитаны, полковники и целая стая полицейских— все они к услугам хозяина... ...За кого ни возьмись: полицейский или министр, чиновник или жандарм,—все стоят за хозяйские барыши, все защищают хозяина". „Пока рабочие держатся врозь,—они слабее соломинки, когда же они выступят, как один человек,—они станут такой силой, которую не сломит ни один министр".

Здесь не было еще прямого призыва к борьбе с самодержавием, здесь еще очень осторожный подход к политической агитации, но он есть налицо, и если он осторожен, не отличается резкостью и отчетливостью, то это делается совсем не потому, что киевляне против политической агитации, а потому, что они еще не уверены в своей силе, в своей организации. Правда, еще 23 марта 1897 г., т.-е. спустя год после того, как была написана брошюра Вигдорчика, появилась прокламация группы по поводу приглашения соц.-рев. на демонстрацию (по поводу самоубийства курсистки Ветровой в тюрьме), прокламация, которая как будто бы проповедывала только экономическую борьбу, откладывая надолго борьбу политическую. Пускай рабочие, рассуждали киевские соц.-демократы, „пройдут необходимую школу борьбы экономической, и тогда зовите их на политическую борьбу". Но если принять во внимание, что прокламация эта была написана как раз в то время, когда заседала с.-д. конференция в Киеве (киевляне боялись, что демонстрация повлечет за собой аресты и может быть провалена конференция), а главное если принять во внимание, что в это же почти время, через несколько месяцев, киевляне печатали в первом номере своей „Рабочей газеты" (от имени Петербургских рабочих) следующее: „Нам нужно, чтобы правил нами не самодержавный царь и его самодержавные чиновники... ...а выборные от всего русского народа, в том числе и от нас рабочих", если принять это в расчет, то станет ясным, что никогда в этот период киевские соц.-демократы „экономистами" не были, как это пытается доказать Акимов и как это казалось Плеханову. И чем дальше, тем эта политическая струя во всех действиях и во всей агитации проявляется ясней и резче: второй номер „Рабочей газеты" не оставляет в этом отношении никакого со-

мнения. „Как воздух нужен всякому живому существу, так нужна нам *политическая* свобода", говорится в передовой статье второго номера „Рабочей газеты": „Вот почему, борьба с самодержавным правительством за политическую свободу—есть ближайшая задача русского рабочего движения".

Организация, считающая ближайшей задачей рабочего движения борьбу за политическую свободу, не может быть причислена к организациям, которые проповедуют теорию стадии экономистов.

Мы сказали, что массовая работа группы „Рабочее Дело" укрепляла и самое группу. Действительно, по мере расширения связей с рабочими, по мере развития массовой работы крепнет и растет и сама организация. Первый рабочий комитет закончил свое существование с арестом Мельникова 18 апреля 1896 г. В течение 1896 г. организуется второй рабочий комитет. В него входили кроме Эйдельмана еще следующие рабочие: от завода Гретера входили С. Сонкин и Бычков, от юго-западных жел. дорог — Плетат и Кровацкий,—от заготовщиков П. Люльев и Рудерман, от столяров—Зборович, от печатников—Поляк и Алексеев.

Такой состав рабочего комитета обеспечивал полный охват той рабочей массы, на которую опиралась организация: она была связана с этой массой, знала ее нужды и интересы, знала ее жизнь, сама жила этой жизнью. Здесь в Киеве, как и в Петербурге, как и в Москве, как в Нижнем, как в Иванове, как в любой социал-демократической организации того времени уже чувствуется, что социал-демократия вырастает из самой гущи рабочих, связывается с ними самыми прочными и близкими узами.

Работа киевской организации, таким образом, стала расти в ширь и в глубь. И по мере того, как она росла в ширь и в глубь, перед организацией вставали новые более важные задачи и более широкие перспективы. Чувствовалось, что силами одних киевлян нельзя придать надлежащего размаха движению: не хватало литературы, финансов и материальных средств, не хватало осведомленности о движении в других городах. Сам собою напрашивался вопрос о связях с другими пунктами рабочего движения, о координации своих действий с работой других мест, об общерусской газете.

Движение других городов врывалось в Киевскую работу, связи с этим движением росли. Эти связи сыграли очень большую роль в истории Киевской организации, так что необходимо остановиться на них подробно.

Как дело обстояло в это время, т.-е. во вторую половину девяностых годов в других южных городах?

Мы оставили Одессу в момент провала Стекловской организации. Погром был очень сильный, но он не остановил движения, работа не замерла. Мы имеем теперь воспоминания тогдашних работников, с помощью которых можем, внеся поправки в официальные документы, восстановить картину работы в Одессе.

Организация второй половины девяностых годов в Одессе выросла из кружков, которые были созданы отчасти еще во времена Стеклова, отчасти возникли самостоятельно. М. Г. Даргольц различает три периода этих кружков: 1) 1892—1893 г.г. первый нелегальный

кружок „Трудников“; 2) 1894—1895 г.г. кружок марксистов и 3) 1894—1898 г.г. рабочая социал-демократическая организация.

О первом периоде мы уже говорили. Это был период, когда, с одной стороны, Стеклов, Цыперович и Вельтман попытались организовать массовую работу, а. с другой, учащаяся молодежь замечательного ремесленного училища „Труд“ организовала кружок самообразования (кружок, где вели занятия Орловский и Лазаревич и куда входили Даргольц, Гринштейн, Мильман, Рудавский, студ. Даревский, М. Вернер, Лехтман, Шеер и Меерсон). Этот кружок был арестован в начале 1895 г. Скоро освобожденные молодые люди, остававшиеся в движении и освободившиеся от случайного и наносного элемента, ставят своей задачей изучить более основательно марксизм и политическую экономию, выработать твердое и определенное миросозерцание, подготовить пропагандистов, создать новые кружки из молодых „трудников“, распространять социал-демократическую литературу и создавать кассы борьбы. В это же время возникает женский кружок портних и белошвеек, куда входят Ц. Липовецкая, Оля Левинская и К. Душман. Этот кружок соприкасался с теми кружками саморазвития, которые были организованы А. Л. Соколовской, Р. Ляховецкой, Маней Барвинской („Зверь“) и во главе которого стояла П. Гордон, приехавшая из Вильны. Из этих двух кружков мужского и женского выкристаллизовался центр, состоявший из П. Гринштейна, Нудельмана (б. студент, поступивший в училище „Труд“ с целью изучения ремесла), Ц. Липовецкой, О. Левинской, К. Душман, М. Вернера, Я. Финкельштейна, ст. Рудавского, Бактина и Даргольца. Этот центр уже в 1895 году перешел от кружковой пропаганды к массовой работе и организации стачек. Большое влияние в этом отношении оказали на одесскую работу приехавшие из Вильны ремесленники П. Гордон, Эмма Сахарова—ученица акушерских курсов, Роза—чулочница из Минска, Соня—портниха из Вильны и Айзенштадт („Борода“). В Одессе появилась брошюра „Об агитации“ и под ее влиянием и под влиянием „оппозиционеров“ (так называли виленцев, не согласных с положениями брошюры „Об агитации“) и в одесских кружках начались споры о методах работы. В мае 1895 г. женский кружок организовал празднование первого мая, на котором Поля Гордон говорила о значении праздника и где было положено начало кассе со взносом 50 коп. в месяц. В правление кассы вошли Липовецкая, Душман и Левинская. Скоро кружок перешел к массовой работе и в сентябре организовал стачку портных, привлекшую всеобщее внимание и внесшую большое возбуждение в рабочие массы. Популярность социал-демократов росла и число кружков и связи с рабочими увеличивались. В конце 1895 и начале 1896 года функционировали следующие кружки: кружок кошелочников, переплетчиков, заготовщиков, два кружка портных и белошвеек, кружок на фабрике Вальтуха и кружки молодых трудников, из которых готовились пропагандисты.

О характере этой работы среди ремесленников Одессы этого второго периода можно судить по работе кружка Мильмана и Айзенштадта среди табачников. Мильман поступил на завод Вальтуха. Вместе со своими товарищами Ф. Койгеном, П. Вайнштейном, Розой и М. Розенблюмами он организовал кружок, куда входили рабочие, Алексей Дегтяренко, Осип Сидоренко, Никифор Шабаев, Спиридон

Божков, Иван Лащенко, Григорий Андреев, Петр Крутилин, Христофор Париано, Абрам Подберезкин, З. Воронкер, И. Гарушеин и Г. Шахнович.

Руководил кружком М. Розенблюм, а после его ареста Моисей Винокур. Этот кружок имел связи и с женским кружком, где участвовала П. Гордон, а также с кружком табачной фабрики Асвадурова. В кружок табачников входили рабочие — И. Шур, М. Нориц, Г. Владимирский, Ш. Поляк, А. Козлов, М. Шляк, М. Тросман, Я. Ловинский, В. Шимкин, Ш. Галацкий, П. Фрак, А. Зунихес, О. Фридвальд, М. Штерман и О. Фурман. Работали в этих кружках виленец Исай Айзенштадт, пролетариатец Владислав Зимировский и Николай Васильевич Кульчицкий. Жандармы, не разобравшись, приписали главную роль в этих кружках Айзенштадту, полагая, что он именно об'единил всех упомянутых лиц в одно „преступное сообщество". Между тем, как мы знаем, это была только часть общей организации. Айзенштадт же работал, главным образом, среди табачников. И среди рабочих завода Вальтуха и среди табачников были организованы такие же кассы, как и среди остальных рабочих. Кто писал эти уставы, неизвестно, жандармы приписывают составление их Айзенштадту и Кульчицкому. Сравнивая же эти одесские уставы с уставами бундовских касс, придется прийти к заключению, что эти уставы есть только переработка уставов касс западного края, завезенных в Одессу виленцами. В самом деле, вот первый параграф бундовского кассового устава:

„Цель кассы об'единить рабочих, чтобы бороться за лучшую жизнь и давать средства, которые необходимы для ведения такой борьбы".

Другими словами то же самое говорится и в Одесском уставе:

§ 1. „Кассы учреждаются для: 1) предохранения ее соучастников от уменьшения заработной платы, от удлинения рабочего дня и от всякого посягательства хозяев на общие интересы рабочих, 2) предохранения соучастников и их семейств от голода во время безработицы, или болезни.

§ 2. Для достижения вышеизложенного соучастники: 1) устраивают, по решению общего собрания, стачки, выдавая во время таковых каждому из соучастников безвозвратные пособия, 2) выдают беспроцентные заимообразные пособия на случай болезни или безработицы".

Эти же мысли подробно развиваются в первом параграфе бундовского устава (подробная мотивировка приведенного выше параграфа). Таким же сходством по духу отличаются и другие существенные параграфы; например, четвертый параграф бундовского устава говорит: „Каждый член должен держать в секрете все, что с ним говорят и что он слышит на общем собрании, даже родному брату нельзя рассказывать"; параграф девятый одесского устава гласит: „Действительные члены общества обязаны сохранять в тайне всю организацию кассы: имена и фамилии всех членов действительных и соревнователей, время и место заседаний правления и общего собрания, словом все то, что прямо или косвенно может дать полиции возможность раскрыть организацию". Нет смысла дальше продолжать сравнение. Несомненно виленцы оказали большое влияние на южнорусское рабочее движение (особенно ясно это мы увидим ниже) и в частности на борьбу одесских рабочих.

Принесли они в Одессу и науку организовывать стачки. Айзенштадт во всяком случае еще в 1895 г. постарался научить этому одесских табачников. Предлогом для стачки послужило об'явление Асвадурова о понижении заработной платы. В ответ на это об'явление был выпущен листок с изложением требований рабочих и с призывом рабочих к стачке, которая и тянулась две недели. (Кончилась частичной победой рабочих).

Но как бы ни были велики успехи такой работы, все же это были только кружки ремесленников. Члены одесской группы недовольны своей работой, они начинают понимать, что нужно выйти из узкого круга ремесленников, и вот решается вопрос перейти к работе на заводах: члены группы поступают на фабрики и на заводы и завязывают знакомства с заводскими рабочими *). Этого мало: чтобы расширить свою работу и уничтожить оторванность от других центров движения, группа решает послать своих членов в соседние города,— связаться с ними или начать и там социал-демократическую работу. С этой целью командируются: Гринштейн в Николаев и Кременчуг, Нудельман (и вскоре за ним Фрид и Липовецкая) в Екатеринослав и Даргольц в Елисаветград. Едут, конечно, с литературой. В Одессе же работа растет, — организуются конспиративные квартиры, доставка литературы, устраиваются кассы.

Все больше и больше, однако, чувствуется ограниченность и узость метода одесской работы. Чувствуется потребность сделать какой-то новый решительный шаг. И вот летом, в июне, устраивается собрание (на квартире у Клары Бернштейн на Пересыпи), где присутствует и работник Николаева Л. Бронштейн (Троцкий). На собрании сошлись все активнейшие работники Одессы. Ставится основной вопрос о переброске всех сил на фабрики и заводы и о прекращении работы среди ремесленников. Нудельман формулирует эту точку зрения так: „Ни одного человека, ни одной книжки ремесленникам— все на заводы и фабрики". С этим взглядом соглашается большинство организации; горячо, однако, возражает Л. Бронштейн, указывавший на необходимость работы и среди ремесленников. Так в 1897 г. одесская организация переходит к массовой работе среди фабрично-заводского пролетариата. В сентябре в Одессе появляется А. Поляк, привозит первый номер „Рабочей газеты", входит в одесскую организацию и связывается с Николаевым.

В Николаеве между тем уже кипит чисто массовая работа. Выросши из кружка самообразования переходного типа (братья Франц и Вячеслав Швиговские, братья Илья и Григорий Соколовские, сестры Александра и Мария Соколовские, реалист Лев Бронштейн, студенты Зив и Китай, акушерка Вонская, Осипович, Калафати, Берлин, Гершкович, Стрельцов, Ласкина, Погребецкая и Канариги), организация в 1897 г. оформилась, как рабочая соц.-демократическая организация, так как из двух организаторов и главных руководителей дела, Бронштейна и А. Соколовской, последняя была уже, несомненно, опреде-

*) Даргольц работал на мельнице Шапиро и Вейнштейна, Нудельман на заводе Бертрана, Рудавский на зав. Нотовича, Р. Шапировский у Кравковчинского, Лавров на зав. Беллино-Фендерих, Башкин у Вальтуха, столяр Иван у Жако, Розенфельна у Инбер.

ленной марксисткой. Апрель 1897 г.—это начало уже настоящей рабочей организации. Она имеет кассу, библиотеку, устав, охватывает до 300 чел. рабочих, выпускает прокламации и даже два номера журнала „Наше Дело". Устанавливается связь с Одессой; А. Поляк появляется и здесь, присутствует на собраниях, доставляет литературу, связывает Николаев с Киевом и другими южными городами. Организация вела настоящую массовую работу устраивала общие собрания, распространяла в массах листки и подготовлялась к стачечной борьбе.

Лев ТРОЦКИЙ.

Важной и интересной чертой Николаевской организации, носившей название „Южно-Русский Рабочий Союз", является то, что, безо всякого влияния извне, под давлением стихийных сил рабочих масс, эта несомненно марксистская группа перешла к массовой работе.

Сам главный деятель этой группы выражается так о существе ее работы: „Теорию „Стадий" (экономическая агитация, политическая агитация и пр.) мы не то, что не признавали, а просто не знали. Вопросы тактики мы решали на-ощупь. Южно-Русский Союз имел наполовину характер политической партии Влияние Союза росло быстрее, чем формирование ядра вполне сознательных революционеров. Наиболее активные рабочие нередко говорили нам: „насчет царя и революции пока поосторожнее". После такого предупреждения мы делали шаг назад, на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию... Тактические наши воззрения, повторяю, были очень смутны" (См. письмо Л. Д. Троцкого в книжке В. Невского: Южно-Русский Рабочий Союз в г. Николаеве). Но, по словам самого же Троцкого, и прокламации и журнал „Наше Дело" были проникнуты духом марксизма, хотя и примитивного. Во всяком случае, Николаевской организацией была развита очень серьезная работа, захвачена довольно большая масса рабочих, выпущено 9 прокламаций, в то время как в Одессе, напр., где было и больше средств и больше работников, в 1897 году появлялись только случайные листки (напр., майский листок, распространенный И. Корнблюмом, членом особого кружка, где велась работа четырьмя членами семьи Корнблюмов) и, наконец, издавался журнал. Только провал 21 января 1897 г. прервал эту работу.

Жандармы основательно разделались с „Южно-Русским рабочим Союзом": они арестовали 28 человек (Л. Бронштейна, братьев и сестер Соколовских, Зива, Р. С. Короткова, И. А. Мухина, Ф. Швиговского, И. И. Белецкого, В. М. Немченку, М. А. Левандовского, А. Э. Дорна, Г. В. Лейкина, П. И. Соколова, В. И. Кубылюса, Д. М. Ставоржинского, Г. М. Яковенку, Г. П. Грищенку, В. Ф. Вошколуба, И. З.

Короткова, А. С. Бабенку, Н. П. Дорофеева, П. Т. Самусенку, Г. А Смирного, Ш. Гуревича, М. Явича и М. Франкфурта).

Главные деятели Союза (после почти 2-летнего одиночного заключения) Л. Бронштейн, А. Л. Соколовская и И. Г. Соколовский. пошли на 4 года в Восточную Сибирь, Зив и Гуревич на 3 года, Швиговский, Дорн, Коротков и Мухин в Вятскую губ. на 2 года. (Остальные отчасти были отданы под гласный надзор полиции, отчасти отделались только предварительным заключением в тюрьме).

Екатеринослав являлся следующим крупным городом, где велась соц.-демократическая работа в таком же направлении, как в Киеве и Одессе. Вспомним основные существенные черты этой работы кружков Григория Мандельштама, студентов Литайзена, А. Н. Винокурова, Ю. И. Вульфовича, Р. Фрейделя и Э. Лейбова. В кружках ремесленников (М. Файм, З. Родов, М. и Г. Сульские, А. Метлицкий, С. Бляхер, Д. Елентух, А. Шпитальский, М. Кац и Г. Рольник) и Александровского Южно-Российского Завода (И. Гудимов, С. Белкин, И. Мазанов, А. Том, А. Смирнов, М. Ефимов, И. Богатенков, Д. Андронов, Н. Дедяков, Ф. Зайцев, А. Игнатов, Б. Афанасьев, К. Норинский, Белкин и Метлицкий) работа велась чисто пропагандистская, но уже и там Мандельштам и его товарищи подчеркивали необходимость политической борьбы и свержения самодержавия.

По словам участника движения этого периода 1895 г. А. Смирнова, сущность работы сводилась в это время к агитации за 8-часовой рабочий день, собиранию сведений о злоупотреблениях на заводе и выставлению при забастовках требований свободы собраний, слова и печати. В августе 1895 г. правительство разгромило эту организацию, но элементы новой организации были налицо: в Екатеринославе оказался член Петербургского Союза, высланный сюда из Петербурга, И. В. Бабушкин. Он организует на Брянском заводе новый кружок, в который кроме него входят в 1896—9 годах—Г. И. Петровский, Матлахов, Лавренов, П. Мазанов.

Тогда же организуются кружки железнодорожников (Дубовец, Орлов, Перчинский, Шевченко, Погорелов, Корецкий и др.).

К 1897 году создается и центр в составе: присланного из Киева К. А. Петрусевича, федосеевца И. Х. Лалаянца (прибывшего сюда из Пензы после отбытия наказания в Крестах), его жены П. И. Лалаянц („Мышь"), П. С. Захарова, А. Александрова, Ю. П. Кулябки, М. Александровой, Румянцевой, Зеликман, Дунаевской, Петрусевич и Эстрик.

Направились в Екатеринослав и работники Западного края — трое Гурвичей „Борис", „Эммануил" и „Матвей", Рабкин „Исаак" и Илья Виленский.

В начале лета 1897 года туда прибыли новые работники из разных городов Западного края: из Витебска Э. Шевелева, из Гомеля — Б. Вольфсон (Оля маленькая) и Х. Рихтерман и из Полтавы—Рабинович. Эта приехавшая группа „Западников" встретила здесь уже хорошо спевшуюся группу тоже „Западников"—виленца Моисея Душкана и десять человек ремесленников—Евсея Германа, слесаря Адольфа, перчаточницы Раисы, токаря Дамского, табачника Якова, переплетчика Ефрема, портнихи Эсфири и интеллигента Гельфонда-Литвака.

Эти социал-демократы очень скоро после своего приезда организовали работу среди ремесленников (виленцы и витебчане) и, выделив

небольшую группу из витебских с Борисом Гурвичем во главе и еще трех товарищей виленцев, поставили им задачей связаться с железнодорожными и мельничными рабочими. Но на железных дорогах уже работали упомянутые Дубовец, Орлов и др., а среди ремесленников группа Петрусевича и Лалаянца также имела кружки работниц (Дунаевской и других). Таким образом, в Екатеринославе оказались две параллельные группы соц.-демократов. Первые попытки столковаться ни к чему не привели, хотя никаких принципиальных разногласий, повидимому, не было. Это, без сомнения, страшно вредило делу. Наконец, когда из Кременчуга и Полтавы приехали А. И. Александров и М. Орлов и вступили в группу виленцев и витебчан, об'единение состоялось. „О принципиальных разногласиях не могло быть и речи. Все сходились на том, что необходимо побольше организовать кружков и поглубже пустить корни среди рабочих, главным образом, фабрично-заводских, но так же и среди ремесленников. Все сходились на том, что до поры до времени приходится ограничиваться устной агитацией и пропагандой. О массовом движении пока и речи быть не могло". Так говорит об этом периоде Екатеринославской работы И. Виленский (к 25-летию первого с'езда партии, М. 1923 г.). Но это не совсем так: разногласия были как организационного, так и тактического характера. Организационные разногласия сводились к тому, что приехавшие из Западного края принесли с собой и свой опыт *организации ремесленников* и потому предлагали положить в основу организации ремесло, между тем, как местные соц.-демократы предлагали каждое ремесло разделить еще на более мелкие группы, руководствуясь конспиративными соображениями. Сообразно с этим был выработан и устав. Кроме того виленцы и витебчане придавали самостоятельное значение организации ремесленников, местные же соц.-демократы, пустившие глубокие корни в заводах и имевшие уже прекрасную организацию, видели центр тяжести в сплочении фабрично-заводских рабочих. Имело огромное значение и еще одно обстоятельство: виленцы и витебчане обращали внимание, главным образом, на экономическую борьбу, а такие работники, как Бабушкин и особенно Лалаянц, уже тогда указывали на необходимость подчеркивать и политическую сторону движения.

В общем обе группы столковались: преобладание получили взгляды таких соц.-демократов, как Лалаянца, Петрусевича и др. (т. е. не виленцев и витебчан, а основной группы Лалаянца, Петрусевича, А. А. Машицкого: в работе в то время еще принимали участие Франкфурт, Н. Зеликман, Е. Рабинович, Р. Левина, Ф. Пружинина, Р. Цейтлин, И. Бункина). Как бы то ни было к началу 1898 года уже существовала единая организация, которая и приняла название „Екатеринославского Союза борьбы за освобождение Рабочего Класса" (в силу постановления Киевской конференции 1897 г.). Союз начинает работу массовой агитации. В феврале 1898 г. уже было выпущено семь прокламаций к рабочим заводов—Брянского, Каменского, сталелитейного Эзау, вагонного, гвоздильного, железнодорожных мастерских и земледельческих орудий Галлерштейна. О характере этих листков можно судить хотя бы по листку к железнодорожным рабочим. Листок чисто *экономический:* в начале в нем говорится о необходимости изменить расписание поездов из Амура и Нижнеднепровска,

где живет очень много рабочих, для которых установленное расписание неудобно, а затем идет речь о плохой постановке врачебной помощи.

О политической борьбе нет ни слова. Только в двух местах есть призыв к дружной совместной борьбе: „... Только об'единенной борьбой можно заставить наше начальство делать улучшения в нашей жизни..." „... Вот как начальство к нам относится, только силой, только борьбой можно вырвать у него уступки..." Листок оканчивается изложением двух требований: изменить расписание и улучшить медицинскую помощь.

Мы видим, таким образом, что в Екатеринославе создается организация под влиянием трех элементов—социал-демократов, так сказать, „туземного" происхождения, это местная интеллигенция и местные рабочие (Литайзен, рабочие); социал-демократов виленцев и витебчан и социал-демократов, приехавших из других мест России (Лалаянц, Машицкий и т. п.). В Екатеринослав, наконец, командируются работники сначала из Одессы, а затем из Киева. В описываемый период, без сомнения, руководящую роль играла группа Лалаянца, Петрусевича, Машицкого.

Точно также под воздействием одесских и киевских социал-демократов возникла организация в Елисаветграде. Туда был командирован из Одессы сначала Даргольц в 1897 г. Затем туда же в начале 1898 г. приехал Нудельман. Елисаветград уже тогда имел заводы земледельческих орудий и машин Яскульских, Эльворти, фабрики и мельницы. Были, конечно, там и ремесленники. Даргольц завязал связи с рабочим столяром Л. Каменецким и его сестрой Марией и с чертежником Лещинским, Даргольц создал небольшую соц.-демократическую группу. Арест Даргольца не разрушил дела, так как сменивший его Нудельман нашел здесь уже сплотившуюся группу местных соц.-демократов (столяр А. Вельтер, токарь С. Гопнер, В. Даревский, столяр И. Краснобродский, столяр А. Мильман, швея О. Фельдман, Ю. и А. Гройсманы (интеллигенты), С. Файнлейб, Д. Лехтман). В этой же организации работал и А. Р. Таратута. Работа в Елисаветграде велась чисто пропагандистская и только в самое последнее время стала принимать характер агитации.

Одесская организация направила своего работника и в Кременчуг. Это был Гринштейн. Здесь еще с 1896 года существовали кружки самообразования, организованные А. Е. Соркиндом.

„Особенностью этих кружков, в том числе нашего марксистского, являлось отсутствие мысли о практической революционной работе, которая сама собою откладывалась в далекое будущее, ибо чем шире становился наш кругозор и развивались умственные запросы, тем больше хотелось учиться. Рабочие, вкрапленные в эти смешанные кружки, соприкасаясь с интеллигенцией и учащейся молодежью, имели также возможность, получая „даровые уроки", пройти курс учебного заведения и очень часто начинали „экстерничать". Среди работниц было в моде поступать на фельдшерские и акушерские курсы". Так характеризует работу этого кружка в Кременчуге один из его участников (К 25-летию первого с'езда партии, воспом. Р. Л.). Но что удовлетворяло единицы, то не могло удовлетворить сотни и тысячи ремесленников, придавленных эксплуатацией. Эту массу гораздо более

удовлетворяли те призывы к забастовкам, какие привезли с собой прибывшие из Гомеля социал-демократы Ольга Вольфсон, Альтер Драбкин и А. Поляк. „...Они впервые заговорили о „стачке“, об „агитации“ в противовес бесконечному „накоплению знаний“ *). Агитацией теперь стали заниматься все. Особенно энергичную работу в этом направлении вел чернорабочий мельницы Белого и Корнесса—Лейзер Шепель и приехавший из Киева Лев Ратнер. Начались собрания рабочих у Шепеля по 40—50 человек и в других местах; на этих собраниях обсуждались вопросы о кассе и о стачках, при чем рабочие очень скоро перешли от слов к делу, организовав стачку 53 портных. В этой стачке принял участие не только Кременчугский кружок: Николаевская организация выпустила даже специальный листок с призывом о помощи стачечникам.

Организация в Кременчуге подверглась разгрому летом 1898 г. (с 28 июля). Были арестованы—Л. Ратнер, Карнаухов, З. И. Тихоцкая, Роза Вайнштейн, Хана Баландер (акушерка), Довба Райрин, Е. З. Куперман (интел.), Е. Батхан, Шепель, Я. Варшавский, Г. Хухрия, Ш. Любарский, М. Ольшанский, Я. Маркин, М. Вексер, С. Лившиц, Кохман, П. Тиркельтауб, Е. Копержинский (интел.), С. Гелькин, Казановский и П. Вайнштейн. Провал захватил такое большое число лиц потому, что Карнаух, рабочий мельницы Белого, давал совершенно откровенные показания.

Как об этом свидетельствует список литературы, которая найдена у арестованных в Кременчуге, а также их связи с Киевлянами, с Николаевом, Одессой и агитация, какую вели приехавшие соц.-демократы о кассе и о стачках, Кременчугская организация уже вышла из стадии пропагандистских кружков и перешла к массовой экономической агитации.

Таким образом, во всех главнейших пунктах Южной России шло не только массовое рабочее движение, но и создавалась повсюду социал-демократическая организация: Киев, Одесса, Екатеринослав, Елизаветград, Кременчуг, Николаев имели такую организацию и, что самое важное, были связаны друг с другом. Только Ростов на Дону как будто бы не имел прочных связей с этими центрами движения, да Харьков, хотя и хорошо связанный и с Киевом и с Екатеринославом, держался как-то в стороне.

В Харькове после провала первых рабочих кружков в начале девяностых годов организация рабочих не замерла. Интеллигенция попрежнему вырабатывала свое миросозерцание в кружках переходного типа. Так, в первой половине девяностых годов существовали народнические кружки самообразования (А. Гольденберг, М. И. Сыцянко, Ястребова), откуда вышли социал-демократы, напр., Н. М. Флеров; (в этом кружке принимала участие и одна из старейших деятельниц нашей старой гвардии Евгения Николаевна Адамович). В начале второй половины девяностых годов эти кружки дифференцируются, из них выделяются определенно социал-демократические ядра. В Харьков приезжают социал-демократы из Западного Края, из Москвы, из Петербурга.

*) Сб. „К 25-летию I-го с'езда партии“.

После студенческих беспорядков в Москве часть студентов соц.-демократов попадает в Харьков: Б. В. Авилов, один из первых соц.-демократов Калуги; Н. А. Ряховский (связанный с дерптским соц.-демократом Иосифом Алекс. Давыдовым), впоследствии во второй половине девяностых годов деятель Харьковской организации Е. А. Левин имеет прочные связи с виленскими социал-демократами Мартовым, Кремером и др. Работает в Харькове и Череванин в кружках полумарксистского, полународнического характера. Выделяется группа студентов харьковцев—Ксандров, В. Марков, П. Фомин. В начале второй половины девяностых годов уже формируется прочная социал-демократическая группа, в которой играют руководящую роль (комитет) Л. Николаев, Е. Я. Левин (впоследствии делегат второго с'езда Егоров, известный меньшевик), Е. Сысоева-Левина, В. Марков, Н. Иванов, Л. П. Фейнберг.

Этот центр имеет прочные связи с рабочими заводов, железнодорожниками и ремесленниками (Л. Батуров, А. Воейков, Л. Геффен, С. Гринштейн, Бибик, известный беллетрист, П. Линцер, Н. Романенко, Н. М. Федоров, В. Флейдерман, Н. Скрыпник, В. Матросов, Н. Федоров, Н. Т. Певзнер, А. Шпигель, Г. Пузырийский, Т. Курилло, В. Павлов, А. Казарновская, Е. Рыскинд). Одни из этих соц.-демократов скоро уезжают из Харькова, напр., Ряховский, Авилов, Адамович, другие, наоборот, как группы Левина и Николаева остаются и закладывают прочные основы организации.

И Харьков, как и все остальные города Юга, прошел такие же этапы развития—интеллигентские кружки саморазвития, кружки пропаганды и, наконец, организации массовой агитационной работы. Некоторые члены и руководящей и периферийной группы Харьковской организации были очень хорошо связаны с руководящей группой Вильны и часто, будучи студентами уроженцами Вильны, приезжали на каникулы домой и здесь, без сомнения, многое заимствовали и переносили в свою харьковскую практику. Кроме Е. Я. Левина к числу таких лиц относились Л. П. Вейнберг и А. Штессель. Киевские товарищи хотя и считали „Харьковскую социал-демократическую организацию“ (так она называла себя) молодой и не установившейся, однако, когда возник вопрос о созыве с'езда, они не могли пройти мимо Харькова и послали приглашение и Харьковским социал-демократам.

Ростов на Дону во второй половине девяностых годов тоже формирует ясно определенную социал-демократическую группу. Выросшая из рабочих и соц.-демократических организаций первой половины девяностых годов—Мельникова и Мотовилова, Машицкого и Алабышева—она организует в конце девяностых годов Донской Комитет. Над его созданием работают, как местные работники, рабочие и интеллигенты (раб. Мочалов, раб. Е. Торсуева, Мелешко, интел. Тимохин, студ. Ф. Кривобоков-Невский), так и приезжие соц.-демократы из других городов Фофанов (Саратовский социал-демократ, работавший перед этим в Москве), впоследствии уже в начале 900-х годов студ. Харьковского Университета М. Серебряков, Драбкин (С. И. Гусев) и др. Через рабочих, оставшихся еще от Мельникова, у Ростовской организации устанавливается связь с Харьковом и с Киевом, через ст. Московского Университета Кривобокова и А. Нефедова с Москвой, через Фофанова с Саратовом, через рабочего Орехова с Иваново-Вознесенским райо-

ном. Ростовские рабочие социал-демократы устанавливают связи с Таганрогом, Сулином, Донецким бассейном (напр., раб. Д. К. Тимофеев дает связи с рабочими шахт), с Новороссийском и т. д.

Характер работы Ростовской социал-демократической организации в этот период несомненно кружковой, пропагандистский. Е. Торсуева определенно говорит о кружках пропаганды в этот период работы: „читалась такая же литература, как и повсюду в России, также рабочие подвергались длительному обучению основам марксизма, также устраивались кассы взаимопомощи („Комитетом была“, говорит Торсуева, „организована касса взаимопомощи. Взнос взимался в зависимости от жалованья“) *). Массовый агитационный характер работа приобретает уже в самом конце девяностых годов, когда в Ростов на Дону приехали социал-демократы из Тулы, Харькова, Иванова, Луганска, когда связь Ростова с окружающим рабочим районом стала прочной и постоянной.

*) См. ее воспом. в сб. „К 25-летию первого с'езда партии“.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Первый с'езд российской социал-демократической рабочей партии.

Итогом предшествующего периода развития русской социал-демократии (1894—1898 г.г.), его завершением явился с'езд партии.

Для уяснения того, при каких обстоятельствах и в результате каких процессов явился этот с'езд, необходимо остановиться на трех вопросах, ставших во весь рост перед русским рабочим движением во вторую половину девяностых годов.

Вспомним, что говорит В. И. Ленин о втором периоде развития русской социал-демократии.

„Второй период обнимает три-четыре года, 1894—1898 г.г. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как под'ем народных масс, как политическая партия. Это—период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем молодые люди, далеко не достигшие того „тридцатилетнего возраста", который казался Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий.

Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись пред героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными Народной Воле и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, „ни на минуту" не забывая ни теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы" *).

Чтобы уяснить себе смысл тех социальных изменений в русском обществе, какие по характеристике В. И. Ленина происходили на фоне развертывающегося массового рабочего движения, обратимся к неко-

*) См. послесловие „Что делать".

торым статистическим данным, рисующим эти социальные изменения, сдвиги и пертурбации.

Рассмотрим статистику, так называвшихся, в те времена „государственных преступлений“. К величайшему сожалению, за восьмидесятые годы не имеется таких подробно разработанных данных, как за 90-ые годы, так что полного сравнения сделать нельзя, но, впрочем и то, что имеется в нашем распоряжении, дает поразительную картину. За восьмидесятые годы есть распределение политических преступников по родам репрессий, каким подвергались политические преступники:

Роды репрессий.	Годы.						
	1882	1883	1884	1885	1888	1889	1890
I. По суду:							
Смертная казнь	3	1	3	6	—	3	—
Каторжные раб.	34	39	16	23	1	20	3
Ссылка на посел.	18	5	3	1	86	1	3
Сослано на житье в Сибирь и др. места	2	1	3	2	—	2	—
Подверг. аресту	—	—	—	—	—	—	—
Тюрьма	—	—	—	—	—	1	—
Оправдано судом	—	—	—	—	—	1	—
Отправлено в подл. суд. места	—	—	—	—	—	—	—
Другие наказ.	5	1	—	—	—	—	—
II. Администр. порядком:							
Тюрьма	—	—	—	—	153	95	218
Высылка под надз. пол. в Вост. Сибирь	34	42	19	12	—	30	6
„ „ „ „ „ Зап. „	61	41	68	52	42	5	2
Гласный надзор полиции в др. местах	293	183	236	235	81	—	—
Выслано за границу	7	1	—	3	3	—	—
Под надзор полиции в Вост. Сибири	—	—	—	—	—	12	4
„ „ „ „ Зап. „	—	—	—		—		2
Подчинено надз. пол. в других местностях	—	—	—	—	—	42	78
Надзору начальства	—	—	—	—	3	9	13
Строгий выговор	—	—	—	—	1	—	—
Вменено в нак. предв. заключение	—	—	—	—	12	—	8
Заключение в тюрьме	—	—	—	—	—	4	—
Арест	—	—	—	—	—	27	39
Приостановлено	—	—	—	—	20	5	130
Прекращено	—	—	—	—	88	43	109
Другие наказания	122	36	76	121	—	—	—

В этих цифрах прежде всего бросается в глаза два обстоятельства: падение, так называемой, политической преступности к середине 80-х годов и повышение числа привлеченных к концу десятилетия; второе обстоятельство это — чрезмерное увеличение административной расправы и именно применение одного вида наказания, — одиночного тюремного заключения, — в 1888 году 153 человека отбывали это наказание, в 1888 — 95, а в 1890 уже 218 человек.

Если взять число политических преступников за девяностые годы, то возрастание этого числа видно из следующих цифр: подвергнуто наказанию

в 1891 г. —	358 ч.	в 1896 „ —	1027 ч.
„ 1892 „ —	619 „	„ 1897 „ —	1984 „
„ 1893 „ —	568 „	„ 1898 „ —	1140 „
„ 1894 „ —	819 „	„ 1899 „ —	1414 „
„ 1895 „ —	904 „		

Таким образом, мы видим, что по мере того, как народовольческое движение исчерпывало себя и наступала эпоха „малых дел“, оказывалось все меньше и меньше людей из буржуазной среды, способных жертвовать собой ради общего блага. Только с конца 80-х годов и начала 90-х, когда поднимается рабочее движение и увеличивается число лиц, вовлекаемых этим движением в борьбу с правительством, максимум рабочего движения дает и максимум пострадавших за политические преступления, именно 1896 и 97 годы, период стачечной борьбы в Петербурге и 1898 и 1899 годы периоды стачечной борьбы по всей России, дают самые большие цифры; мало того, за период с 1880 по 1896 год, т. е. за 16 лет всего подверглось карам несколько более 6 т. человек, а только за три года (1897, 8 и 9 г.г.) подверглось наказанию за политические преступления почти на две тысячи более, чем за весь шестнадцатилетний период! (За 1897—1984 ч. и 1123 по ст. 246—248 улож. о наказ., т. е. за оскорбление Величества, в 1898—1140 ч. и 692 и в 1899—1414 чел. и 1312, т. е. 7699 человек).

Чтобы лучше осветить значение этих цифр, возьмем характер тех преступлений, за которые жандармы накладывали свои кары.

Род преступления.	Годы.					
	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Принадлежность к прест. сообществам	45	94	189	342	346	175
Принадлежность к загран. револ. кружкам	50	10	9	34	11	2
Организация тайных кружков	72	200	81	144	184	55
Водворение из загр. революц. литературы	4	9	84	24	28	44
Пропаганда среди рабочих	49	92	55	79	154	536
Подстрекательство к стачкам	—	—	—	—	—	56
Составление, распространение и хранение нелег. литературы	100	94	122	147	195	291
Порицание сущ. порядка	4	16	4	8	3	10
Снош. с иностранцами	12	82	5	27	11	6
Военное шпионство	—	9	—	—	6	—
Распростр. ложных слухов	22	13	17	14	21	31
Укрывательство	—	—	—		1	—
Ложный донос	—	—	—		—	1

Всего, таким образом, за шесть лет предшествующих году, когда с‘езд подготовлялся и организовывался, подверглось каре за политические преступления 4297 человек, и оказывается, что *четверть этих лиц, а именно 1019 привлекались за пропаганду среди рабочих и подстрекательство к стачке;* если же принять во внимание, что и в трех других крупнейших видах преступлений (принадлежность к преступному сообществу, водворение из-за границы литературы и составление, хранение и распространение ее) не малая доля принадлежит участникам рабочего движения, то станет ясным, что рабочее движение и его носители, действительно, становятся важнейшим фактором политической жизни *).

Может показаться странным, что введением к главе о с‘езде мы делаем обзор политических преступлений, но на самом деле здесь нет ничего странного. Жандармы не занимались историей соц.-демократии

*) Здесь число „преступников“ взято без тех, кто привлекался по ст. 246—248 Угол. Улож.

и не составляли словарей соц.-демократов, но они вели статистику „государственных преступлений“, и в этой статистике, как в зеркале, отражается, как изменялся тот социальный слой, который был носителем революционной идеологии и деятелем революции. В самом деле, возьмем состав „преступников“ по их социальному положению, занятиям, экономическому состоянию и образованию.

Сословие.	Годы.								
	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899
Дворяне	79	135	108	211	137	131	152	111	203
Офицеры и чиновники	20	28	30	54	46	46	—		
Духовн. звания	38	11	35	28	43	38	53	26	69
Пот. поч. гражд.	2	9	8	16	22	18	84	68	30
Купцы	22	18	21	27	22	22	47	30	40
Мещане	112	210	175	233	255	354	488	416	490
Крестьяне	64	149	155	181	326	538	1097	479	561
Разночинцы	—	5	4	9	2	15			—
Солд. дети	6	7	10	4	5	9	—	—	
Цеховые	—	—	—	2	3	1	—		
Неизв. происхождения	15	42	22	54	43	35	—	—	—
Иностранцы	—	—		—		—	63	10	21

Стоит только вглядеться в цифры, стоящие под чертой, поставленной нами, чтобы убедиться, что в революцию пошел новый слой: привилегированные сословия отходят на задний план, крестьянин, мещанин, цеховой, солдат, т. е. рабочий и крестьянин, начинает господствовать в тюрьме и, стало быть, на политической арене, ибо тюрьма была в царской России аттестатом политической зрелости. В 1900 году одних крестьян и мещан уже 1106 человек, дворян только 257, купцов 81, духовных 89. Что в высшей степени интересно в этих цифрах, так это ничтожное число разночинцев.

Распределение „преступников“ по занятиям еще более поразительно.

	Годы.					
	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Разн. проф. зан.	-	15	4	7	4	80
Рабочие (квалиф.)	87	78	42	90	154	375
Простые раб.	—	66	19	16	21	—
Ремесленники	—	100	81	110	126	191
Земские служащие	11	24	33	49	—	105
Торговцы	12	22	17	32	27	42
Заним. промыслом	2	—	—	—	2	—
Частные уроки	19	62	40	82	78	83
Частные занятия	—	7	6	—	26	54
Зан. литературой	10	13	6	14	7	14
Разл. занятия	—	5	4	23	12	64
Неопр. занятия	105	-	—	—	88	145
Дом. хозяйство					18	23

Эти поразительные цифры увеличения рабочего и ремесленника-революционера говорят сами за себя; число революционеров рабочих растет из года в год точно так же, как растет и число ремесленников, при чем число фабрично-заводских рабочих с каждым годом увеличивается больше, чем число ремесленников. Увеличивается и число интеллигентов-пролетариев, живущих тяжелым трудом частных уроков

и других личных заработков. Но соотношение революционеров-интеллигентов видно гораздо лучше из нижеследующих цифр распределения политических по профессиям:

Профессии.	Годы.					
	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Духовные правосл.	—	—	1	—	—	—
„ неправосл.	2	3	27	—		—
Служащие в учрежд. сословн.	2	4	2	2	1	—
„ „ земских	3	4	16/5	24 7	16.6	1
Чиновники	12	13	20	22	23	18
Железнодор.	10	8	20	22	21	1
Врачи	6	1	11	5	5	13
Фельдш., акушерки, зубные врачи, фармацевты	6	9	11	15	12	17
Присяжн. поверенн.	1	3	1	2	2	3
Частн. поверенн.	3	28	2	—	—	—
Учителя низших школ	17	14	15	15	12	40
„ средних „	2	2	—	—	—	—
Инженеры	3	9	13	17	7	11
Студенты	44	20	94	136	140	115
Учащиеся средних уч. зав.	5	10	18	18	8	17
Нижние чины	2	48	32	44	38	49

Эта таблица показывает пестрый состав интеллигенции, но цифры эти станут совершенно ясны для нас, если мы осветим их следующими даными:

Из всего числа государственных преступников было:

	Годы.					
	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Имеющих материальное обеспечение	106	154	183	210	307	239
Не имеющих его	234	433	347	558	567	938
Нет сведений	18	32	38	51	30	30

Цифры говорят сами за себя: в революцию идет пролетарий и физического и умственного труда. Люди, которые имеют материальное обеспечение, хотя и составляют значительную часть преступников (это будущие конституционные демократы, октябристы и т. п.), но они уже в 1896 году составляют только четверть всех, идущих на борьбу. Революцию совершает рабочий, студент, имеющий грошовые уроки (сотни человек членов нашей старой гвардии), земский статистик (П. Н. Скворцов, Дубровинский и ему подобные), изредка захудалый литератор, изредка инженер (Красин, Радченко и им подобные), изредка врач (Мицкевич и ему подобные), в общем физический и интеллигентный пролетарий, но только пролетарий.

Это преобладание пролетариата, это заполнение пролетариатом политической арены в России наглядно из распределения лиц, пострадавших за политические убеждения, по образованию:

	Годы.								
	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899
Окончившие высш. учебн. завед.	22	27	63	62	45	56	60	56	25
Неоконч. их	66	30	63	86	76	48	161	124	486
Окончившие средн. учебн. завед.	131	199	223	329	255	276	103	69	51
Неокончившие их	104	78	130	176	128	109	161	47	44
С низш. образ.	—	—	—	—	—	—	305	702	712
Не оконч. низш. образ.		—	—	—	—		871		
Неграмотн.	12	17	25	36	40	74	323	142	96

В 1900 году неграмотных было 126, окончивших высшие учебные заведения 79, не окончивших — 428, окончивших среднюю школу 107.

Мы видим, как к концу девяностых годов на политическую арену выходит человек либо совсем неграмотный, либо окончивший только низшую школу: таких лиц в 1898 — 702 и 1899 — 712, т. е. подавляющее большинство опять все тех же рабочих — горожан, мещан и рабочих из крестьян. Из интеллигенции — подавляющее большинство лиц, либо не окончивших среднюю школу, либо только что вступивших в высшие учебные заведения и тотчас же из'ятых оттуда самодержавной юстицией и жандармами. Таким образом, ясен социальный состав носителя нового революционного течения: это рабочий физического труда и это рабочий умственного труда, человек, лишенный собственности в большинстве случаев, слабо связанный с землей, если он из крестьян, бывший студент, бывший гимназист, земский статистик, продающий свою умственную и физическую силу, бедняк, словом пролетарий; вот кто отныне является главным деятелем революции. Кто же он по национальности? Цифры, как нельзя лучше показывают и это:

Национальность.	Годы. 1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900
Русские	171	241	226	305	374	693	670	591	629	739
Поляки	114	254	207	325	270	298	594	237	367	380
Евреи	52	71	60	91	97	134	171	213	351	384

Все национальности дают все больше и больше преступников, но господствующая национальность дает больше всего протестующих против самодержавных порядков, — их ровно столько же, сколько поляков и евреев вместе. Кроме того из этих цифр видно, как рабочее революционное движение, найдя себе сначала обильную почву на Западе России, выдвинуло в первые годы большее число революционеров из среды евреев и поляков, и как оно по мере своего роста вовлекало все большее и большее число русских отсталых рабочих и крестьян, как оно становилось все больше и больше действительно всероссийским и интернациональным. Для того, чтобы иллюстрировать это последнее обстоятельство, возьмем хотя за один год распределение преступлений по месту их происхождения.

Распределение преступлений по месту их совершения за два крайние года

	за 1892 г.	за 1896 г.
Во внутренних губерниях	112	515
В Восточной части России	39	12
В Южной „ „	65	96
В Западной „ „	76	58
В Северной „ „	2	241
Привислинского края	210	206
Прибалтийского края	5	14
Кавказа	13	5
Сибири	9	10
Финляндии	—	2
Вне России	9	6
Неизвестно	28	42

Здесь взяты совершившие преступления по месту рождения, но и эти цифры приблизительно более или менее отражают отмеченные нами тенденции.

Таким образом, видно, что в течение восьмидесятых годов экономическим развитием России подготовляется широкое рабочее движение, в девяностые годы оно становится фактом. Самодержавный режим ставит ему всевозможные путы и препятствия. Стачки преследуются законом, кассы взаимопомощи и профессиональные организации запрещаются. До какой степени жалкую роль играли эти последние организации, видно хотя бы из того, что, по подсчетам С. Прокоповича, начавшаяся с 1862 года организация ремесленных касс дала в 1899 году только 16 таких об'единений с ничтожным количеством участников. Из чисто рабочих организаций, напоминавших хотя немного профессиональные союзы, самым видным, имевшим значение в истории рабочего движения, было харьковское „Общество взаимопомощи лицам, занимающимся ремесленным трудом". О потребительских заводских обществах говорить не приходится, стоит только вспомнить ту борьбу, какую вели рабочие против всякого рода потребительских лавок, являвшихся по большей части придатком при фабрике для выжимания лишней прибыли из рабочих. Даже приказчичьи общества взаимопомощи, которых насчитывалось к концу девяностых годов 74 и которым правительство разрешало даже с'езды, не имели почти никакого значения в истории рабочего движения, так как носили характер отчужденности от остальной рабочей массы и так как командовали в них наиболее приближающиеся к хозяевам элементы.

Боевые стачечные кассы, те, что мы встречали в предыдущем изложении, это были действительно истинно рабочие революционные организации, но их было мало, они были нелегальными об'единениями, и потому, сослужив свою службу в определенную историческую эпоху, они сошли быстро со сцены, пожалуй, за исключением Польши и Западного края.

Ясно поэтому, что сдавленное со всех сторон рабочее движение выбрасывало именно в революционную среду наиболее лучших, смелых, активных и преданных рабочему делу сынов своего класса.

Но этот процесс шел стихийно и, как всякий стихийный процесс, требовал большой траты лучших сил и множества средств. И этот рост *чисто рабочего* революционного движения не ускользнул от вдумчивых деятелей социал-демократии. Его неоднократно отмечают современные деятели 90-х годов. Все чаще и чаще поднимается вопрос об об'единении разрозненных отдельных попыток социал-демократов разных городов в одно стройное, могучее целое. Эта мысль не есть достояние одной какой-либо организации, она, на той ступени развития движения, на какой мы застаем его в девяностые годы, *должна была явиться во многих головах сама собою.*

Мы видели, как в каждом из крупнейших русских промышленных центров невольно в силу об'ективных условий являются тенденции к об'единению под своим руководством организаций ближайших городов. Киевская организация уже к 1897 году имеет прекрасные связи с Вильной, Гомелем и Минском, с Одессой, Екатеринославом и Харьковом, с Петербургом, Москвой и Иваново-Вознесенском. Одесская организация ставит задачу об'единить движение Екатеринослава, Николаева, Елисаветграда и Кременчуга, о том же невольно думают и Николаевцы. Эти вопросы стоят перед Петербургом и

Москвой и даже организации Нижнего-Новгорода и Ростова на Дону делают к этому попытки.

„Москва уже в 1894 году", пишет М. Н. Лядов в первой части своей Истории, „поддерживает сношение с Петербургом, Нижним, Екатеринославом, Тулой, Вильной, Иваново-Вознесенском, Ковровом, Минском и Дерптом. Все эти организации обмениваются друг с другом своим опытом, литературой, передают личные связи. Правда, связь между ними более или менее случайная, непостоянная, основанная в большинстве случаев на личных знакомствах; общая осведомленность действует очень плохо, вследствие чего, напр., нередко случается, что одно и то же предприятие, в ущерб экономии сил, затевается одновременно в различных местах, как это было с переводом и изданием Эрфуртской программы, „Изложение теории Маркса" Каутского, „Женщина и Социализм" Бебеля..."

Это поразительно верно. Это мы видели в предыдущем изложении. Но это же обстоятельство наталкивало на мысль поскорее покончить с этим хаосом и беспорядочностью. Тот же М. Н. Лядов пишет дальше и о другой причине этой беспорядочности и непланомерности, — отсутствии единой направляющей воли из-за границы. Группа „Освобождения Труда", идейно полнее и ярче всего выражавшая задачи русской социал-демократии, *организационно практически* не могла об'единить этого движения: Плеханов был очень оторван от действительного русского рабочего движения, больше того, практически он этих задач не понимал. Это будет ясно из самой истории первого с'езда. Между тем требовалось не только практически дело об'единения совершить, но во всей полноте этот вопрос прежде всего практически поставить. Частично его ставят почти повсюду и еще в первой половине девяностых годов. Об этом думают еще Брусневцы (их попытки связаться с Москвой, Харьковом, Киевом и т. д.), вопрос о с'езде ставит и Мельников в Киеве. Во время празднования первого мая еще в 1891 году в Петербурге брусневцы оглашали письмо, в котором они обращались даже к полякам, приглашая польских рабочих об'единиться. „Соединитесь же, пролетарии всех стран, и скоро уже наступит последний час наших врагов, и заблестит солнце социалистического строя". Так заканчивали свое обращение петербургские рабочие: мысль об об'единении подсказывалась логикой самого движения" *). М. Н. Лядов во второй части своей истории рассказывает, как еще в 1894 году Московская организация поставила вопрос об об'единении работы. Московские работники думали издать манифест с изложением своей точки зрения по важнейшим вопросам движения.

„Инициаторы этой идеи в самом факте издания Манифеста видели первый шаг к созданию единой партии. Московский союз, говорили они, послужит ядром для группировки всех единомыслящих. Географическое положение Москвы прямо навязывает ей роль центра рабочего движения. Весь центральный промышленный район, все Поволжье легко могут связаться с Москвой, и московская организация будет снабжать остальные организации однообразной литературой, будет сосредоточивать и распространять по другим организациям сведения о рабочем движении всей России и содействовать таким обра-

*) „Кр. Лет." № 4.

зом действительно общей и единообразной деятельности всех социал-демократов". „Тогда эта идея была оставлена..." говорит Лядов и сообщает дальше, что в 1895 году москвичи социал-демократы снова ставят этот вопрос. Теперь вопрос ставится уже более основательно и полно: должен состояться с'езд делегатов от всех более серьезно зарекомендовавших себя организаций, здесь, на с'езде должны быть выработаны основные положения манифеста, и он должен быть издан от имени с'езда, здесь же должно быть положено и организационное начало партии утверждением самой важнейшей и отвечающей этому назначению местной организации в качестве центральной организации. иными словами, должен быть выбран центральный комитет партии. Москвичи, по словам Лядова, даже командируют двух членов своей организации для об'езда России с целью познакомиться с другими организациями.

Мы уже говорили о группе народовольцев—М. С. Александрова (Ольминского), А. Федулова, Ергина, Е. Александровой, Белевского и других. В декабре 1895 года эта группа издала в своей прекрасной типографии (переданной в ее распоряжение доктором Фейтом) четвертый номер „Летучего Листка группы народовольцев", мы указывали, что взгляды, высказанные здесь, очень сильно сближали группу народовольцев с социал-демократами. Это сближение происходило и фактически, не только один из руководителей этой группы М. С. Александров стал соц.-демократом и затем коммунистом. но и многие члены ее, работающие доселе в рядах нашей партии (Е. Александрова, П. Ф. Кудели, Н. Л. Мещеряков и др.). Группа, как известно, практически помогала „Петербургскому Союзу борьбы" в его работе,—печатала его листки, предполагала печатать журнал и т. п.

Она предлагала созвать с'езд социал-демократов и об'единиться в партию; этой партии группа предполагала передать и свою типографию.

Разгром группы 13 июня 1896 г. расстроил эти планы группы. Но мысль о с'езде, конечно, не оставляется втуне. Тогда же летом, член „Петербургского Союза борьбы" Н. К. Крупская едет в Киев. чтобы выработать план подготовки с'езда. Она заехала в Полтаву и там, повидавшись с Тучапским, Румянцевым, Аароном Лурье и Саммером столковалась с ними и возвратилась обратно в Петербург, вызванная Якубовой. Аресты в декабре 1896 года в Петербурге прикончили и эту попытку начать подготовку по созыву с'езда.

Об'единительные тенденции российского рабочего движения между тем росли с неудержимою силой: в 1895 году произошел с'езд литовских социал-демократов, об'единивших около 80 рабочих касс двух групп—Виленской и Сувалкской. В 1896 году Литовская партия имела уже второй с'езд.

Киевская группа „Рабочее Дело" или вернее наиболее спевшиеся из ее членов так же ставят вопрос о с'езде. П. Тучапский в своих воспоминаниях утверждает, что главный организатор с'езда Б. Л. Эйдельман уже в конце лета приступил к работе по созыву с'езда. Как бы то ни было, но уже в 1896 году Б. Л. Эйдельман и вся группа „Рабочее Дело" ставят вопрос об издании общерусской партийной газеты. Совершенно правильно полагая, что создание такой газеты явится одним из самых действительных средств для подготовки с'езда, кие-

вляне энергично принимаются за осуществление этого дела. В воспоминаниях С. В. Померанц (Перазич) подробно рассказано, как подготовлялось осуществление этой газеты, с какими препятствиями и трудностями приходилось бороться и как первая русская общепартийная газета печаталась у нее на квартире в Киеве неуловимым А. Поляком *). Параллельно с подготовкой выпуска газеты шла и подготовка с'езда. Киев имел все данные для того, чтобы взяться за это дело.

Прежде всего это была организация, наиболее спевшаяся и подготовленная в конспиративном отношении.

В большом университетском городе с небольшим рабочим движением киевские социал-демократы долгие годы могли невозбранно заниматься соц.-демократической революционной работой, сам организатор с'езда работал без провала, пожалуй, так долго, как редко кому приходилось из русских революционеров,—с начала 90-х годов по 11 марта 1896 г., т. е. шесть лет, срок неимоверно продолжительный при русских условиях. Это об'ясняется несомненно тем, что очень долгие годы киевские социал-демократы не выходили из узких рамок чисто пропагандистской работы. Но это об'ясняется, несомненно, и необыкновенной конспиративной выучкой киевских революционеров. Эта необыкновенная конспиративная выучка у киевлян достигала действительно совершенства. В одном из документов, приписываемых жандармами Эйдельману (хотя он и отрицает его принадлежность себе) и во всяком случае написанном в Киеве, подробно рассказывается, что требуется для того, чтобы стать настоящим конспиратором-революционером. В этом замечательном документе изложены двадцать правил конспирации, и вот как заканчивается последнее из этих правил: „Очень часто люди вначале чрезвычайно осторожные, современем делаются слишком самоуверенны и пренебрегают правилами конспирации; этого не должно быть: деятель и так рискует каждую минуту очутиться в тюрьме, многим этого не избежать, зачем же своевольно ускорять эту неизбежность? Погрешивший против основных правил конспирации подвергается суду наиболее опытных товарищей, избранных организационным правлением. Наказания соответствуют степени виновности, начиная выговором и устранением на время от работы и кончая совершенным запрещением заниматься организационными делами“ (См. дело Историко-революц. архива о „Киевском Союзе борьбы“ и Обзор за 1898 г.). Если принять во внимание, что при этом самое понятие революционера у этих киевских деятелей было таким же высоким и строгим, то станет ясно, почему их тесная компания сумела так сработаться, так дружно браться за разрешение какой-либо задачи и разрешать ее... „Необходимо“..., говорится в этом документе, „стараться узнать характер человека и причины, побудившие его примкнуть к революционному движению. Если такой причиной являются некоторые научные убеждения, поддерживаемые нравственными качествами человека, если этот человек не только на словах, но и в домашней обыденной жизни проявляет способность на самопожертвование, — он искренно предан делу и сумеет постоять за свои идеалы, это деятель в самом благородном и полном смысле этого слова“.

---

*) „Красная Летопись“ № 7.

Вот как понимали деятеля киевские революционеры—социал-демократы и вот почему из них вырабатывались такие люди, как А. Поляк. Мы позволим себе здесь привести ту характеристику этого последнего, которую мы дали в работе о Николаевской организации 1897 г.

„Александр Давыдович Поляк, рабочий, наборщик, организатор одесских рабочих кружков, видный член „Киевского Союза борьбы" вместе с Эйдельманом, организатор первого с'езда Российской социал-демокр. раб. партии и хозяин нелегальной типографии, работавший на весь Юг даже по тем неполным и отрывочным данным, которые остались в архивах, представляется в высшей степени колоритной фигурой своего времени.

В августе 1897 г. мы встречаем А. Поляка в Одессе в кружке „Пересыпцев" в качестве одного из видных членов его, в то же время он вместе с Б. Эйдельманом организует нелегальную типографию для Киева. Подозревая провокацию, Поляк держится в высшей степени осторожно. Жандармы приставляют к нему провокатора и целую свору шпионов; сам Зубатов и департамент полиции, затаив дыхание, занимаются слежкой за Поляком; они знают, они уверены, что он стоит во главе типографии, ходят и ездят за ним по пятам на извозчиках, велосипедах, пароходах и поездах и тем не менее в течение целого года не могут открыть, где же та типография, в которой этот неуловимый Азик Поляк печатает свои прокламации.

Он быстр, как ветер: сегодня он в Николаеве, а через сутки шпионы наблюдают его где-нибудь в Киеве или Екатеринославе, откуда он исчезает бесследно на целые недели, чтобы снова внезапно появиться где-нибудь в самом центре кипучего рабочего движения. Все дела „Южно-русского Союза борьбы" переполнены шпионскими дневниками наблюдений, и „сам Зубатов" делал почти ежедневные доклады о том, где и с кем был Поляк.

Очень долго жандармы даже не знали настоящего имени Поляка, и им было только известно, что появился какой-то „Альберт", который играет большую роль во всем Южно-русском рабочем движении. А скромный, нелегальный типографщик делал свое тяжелое дело и давал образцовые уроки конспирации и жандармам, и своим более молодым товарищам".

„... Сообщения провинциальных охранок о Поляке иногда дышат неподдельным уважением и страхом к этому чудодею конспирации: стоило Поляку переменить штаны или очки, как это отмечалось в дневниках шпионов с величайшей заботливостью.

... Даже состояние здоровья нелегального типографщика отмечалось в этих бюллетенях... „Он был в очках,—пишет жандарм о Поляке,—стоял на мосту и осматривался по сторонам. По наружному виду заметно, что он болен, едва ходит и очень похудел".

Теперь, благодаря воспоминаниям С. В. Померанц, в квартире которой в Киеве А. Поляк печатал первый номер „Рабочей Газеты", мы знаем, почему Поляк так похудел и едва стоял на ногах; вот что она рассказывает о том, как Поляк печатал этот первый номер: „Очень тяжелые были условия, при которых пришлось работать у меня Поляку. Водворился он в небольшой полутемной комнате с окном на лестницу, ведущую на чердак. На окно было куплено плотного непро-

ницаемого кретону, и повешена была двойная или тройная занавеска. Электричества не было, в комнате круглый день горела керосиновая лампа. Воздух освежался в ней только, когда открывалась дверь, ведущая из нее в кабинет, в котором я принимала больных, что и делалось, когда у меня не было пациентов"... „...Обелать Поляк выходил к нам, также и вечера просиживал он с нами. Пока печатался первый номер „Рабочей Газеты", он не выходил даже вечером на прогулку, так как жил он у меня без прописки"... *).

И таких самоотверженных, невидных, но полных героизма и самопожертвования минут каждый старый революционер киевлянин и вообще русский революционер знал в своей жизни тысячи. Растущее молодое поколение знает героизм быть в открытом бою, смерть в ужасном сражении, но на виду у товарищей, готовых поддержать и помочь ему. А старый конспиратор сплошь и рядом, умирая, не открывал своего имени, так как это могло повредить организации. Прочтите хотя бы ту самую сцену из воспоминаний Померанц, где она рассказывает, как она перевозила шрифт, или то место ее статьи, где она описывает свое конспиративное свидание с другим выдающимся конспиратором нашего движения Ст. Ив. Радченко, и вы поймете, почему именно киевляне могли осуществить практически идею с'езда.

Вторая причина, давшая возможность именно киевлянам организовать созыв с'езда, заключалась в том, что именно Киевская социалдемократическая группа имела наибольшее число и наиболее прочные связи. В тот период это была, пожалуй, самая сильная наша организация. Киев нельзя было сравнить с Петербургом: там в столице жило более 200 т. рабочих, там было огромное число интеллигенции, там были, наконец, такие силы, как Ленин и Мартов, и все же Киевская организация была лучше связана со всеми более или менее известными соц.-демократическими группами России.

Прежде всего Киевляне имели хорошие связи с виленцами, т. е. с тою организацией, из какой вышел „Бунд". Эти связи были настолько прочны и близки, что обе организации постоянно оказывали друг другу всяческую помощь. С помощью виленских социал-демократов киевляне получали, напр., нелегальную литературу. Хорошо были связаны киевляне с Одессой. Особенно хорошо связал киевлян с Одесской организацией А. Поляк. Он даже вступил в Одесскую группу членом при помощи своей сестры, приехавшей туда из Гомеля. Тот же А. Поляк связал Киев и Николаев, где он был даже на собрании и куда он так же, как и в Одессу, доставлял нелегальную литературу и в том числе „Рабочую Газету". Поляк же бывал в Харькове, Гомеле, Кременчуге и всюду, без сомнения, завязывал связи, информировал местных работников о работе в Киеве и других городах. Да и помимо Поляка связи с этими городами существовали и поддерживались. Киевляне вообще были хорошо осведомлены о работе на юге, даже о положении дел в таких городах, как Ростов, Полтава. С Елисаветградом и Екатеринославом имелись тоже хорошие связи; в последнем городе, как известно, была поставлена даже типография „Рабочей Газеты", и там были арестованы в ночь с 11 на 12 марта 1898 г. Поляк, Виленский и Гуревич.

*) „Кр. Лет." № 7.

Имелись связи у киевлян и с Петербургом и с Москвой, а через Москву и с Иваново-Вознесенском. Как раз перед с'ездом в центральный промышленный район на работу направился В. Д. Перазич по нелегальному паспорту на имя К. К. Солодухи. Во всяком случае о положении дел в других организациях киевляне были осведомлены хорошо. Первый номер „Рабочей Газеты" вышел 22 августа 1897 г., и в этом номере уже имеются корреспонденции из Петербурга, Харькова, Риги, Варшавы и Вильны. Во втором номере „Рабочей Газеты" уже большая часть его содержания посвящена известиям из других городов — Москвы, Костромской губ., Иваново-Вознесенского района, Вильны, Польши. Как это видно из проспекта предполагавшегося содержания третьего номера „Рабочей Газеты", там должны были пойти корреспонденции из Петербурга, Нижнего, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Твери, Екатеринослава, Вильны, Варшавы, Корюковского завода, Черкасс, Юзова и Перми.

Связи с главнейшими российскими организациями были закреплены с такими выдающимися работниками, как А. Кремер и Коппельзон (Бунд), Сильвин, Радченко, Гольдман и Саммер (Петербург), Перазич (Москва и Иваново).

Наконец, Киевская группа социал-демократов и в идейно-теоретическом направлении уступала только Петербургу. В Киеве, конечно, не было таких крупных сил, как Ленин или Мартов, но все же, по сравнению с остальными организациями, Киев представлял очень солидную организацию. Не говоря уже о том, что все старые члены Киевской организации прошли солидную теоретическую подготовку, среди них находились такие лица, как Н. Вигдорчик и П. Тучапский, прекрасные литераторы и публицисты. Вигдорчику принадлежат брошюры — „Как министр заботится о рабочих" и „Новая победа русского рабочего движения". Первая из этих брошюр довольно долго употреблялась и другими организациями, как орудие пропаганды. П. Тучапский и впоследствии в 1905 и 1906 годах являлся сотрудником большевистского журнала „Вестник Жизни" и других изданий.

Что же касается других организаций, то из предыдущего очерка видно, что хотя в головах их руководителей и бродили мысли об об'единении, но эти мысли были не оформлены не продуманы, а главное, осуществление этих мыслей было не под силу им.

Характеристику Николаевской организации мы дали выше словами Троцкого, и из этой характеристики, да и из ее положения, ясно, что она не могла взять почин в деле с'езда. К тому же в декабре 1897 г. она была разрушена.

Харьковская организация состояла из молодых товарищей. Б. Эйдельман рассказывает, что когда харьковцы получили приглашение принять участие в с'езде, то, давши на это согласие при первом об'езде киевскими делегатами иногородних организаций, они при втором об'езде отказались от участия, мотивируя свой отказ двумя причинами: слабостью Петербургской и Московской организаций и несвоевременностью и неподготовленностью вообще. Б. Эйдельман прав, характеризуя Харьковскую организацию того периода, как группу молодых товарищей, только что переходивших к массовой работе. Эта характеристика группы(связи с которой дал А. Поляк) подтверждается и словами Д. Гершановича, работавшего тогда (в 1896 г.) в Харькове, в кружке

студента медика И. М. Ромма. „Подходить тогда к рабочим с политикой считалось очень рискованным и смелым делом“, так определяет характер тогдашней работы в Харькове Гершанович, рассказывая, что она сводилась к пропаганде и организации стачечных касс и что в Харькове только что начинались споры, уже изжитые в других местах, — пропаганда или массовая агитация. Состояние работы в Одессе было также на такой ступени, что почина в деле созыва с‘езда она взять на себя не могла. Правда, с декабря 1897 г. наступает третий период жизни Одесской организации, по словам Дargольца: организация, действительно, вступила окончательно на путь массовой работы. Одесситы стояли всецело на такой же позиции, как и киевляне о созыве с‘езда: они ясно и отчетливо понимали необходимость и своевременность с‘езда, они даже производили выборы делегата, по словам Даргольца, но взять дело созыва на себя они, конечно, не могли. Ни сил, ни людей, ни связей таких, как у киевлян, у них не было.

Более солидной организацией являлась Екатеринославская, но и она, несмотря на свои связи с Москвой и с другими городами, только что вступила в период своей юности,—ведь она еще переживала, как и Харьков, период борьбы старых и новых методов работы.

Нечего говорить о других провинциальных организациях: они все, хотя и чувствовали необходимость об‘единения, хотя и пытались собирать силы, завязывать связи с другими городами, но выйти из узкого круга своей провинциальной ограниченности они не могли. Ростов, Воронеж, Курск, Орел, Казань, Самара, Саратов и даже Нижний все это были тогда небольшие провинциальные организации, только что развертывавшие свои первые силы, делавшие свои первые шаги.

В Самаре, правда, издавался „Самарский Вестник“, там писали и работали испытанные социал-демократы, но сам-то город являлся все же обыкновенным губернским городом без промышленности, без центрального положения.

Оставались Петербург и Москва. О Петербурге мы говорили. Здесь прекрасно понимали необходимость и своевременность об‘единения, даже больше, *здесь только и понимали*, как увидим скоро, *задачу в полном и грандиозном ее об‘еме*, здесь, наконец, и практически предпринимали шаги к разрешению задачи, но разгромы организаций в 1896 и 1897 годах (аресты группы 4-го листка, декабрьские и январские аресты членов Союза в Петербурге) обессилили Петербургских социал-демократов, да и дела, большого и важного своего дела, у них было много: они ведь давали предметный урок, имевший огромное значение для всей России: *как можно и нужно руководить действительно массовым, многотысячным рабочим движением*. Что же касается Москвы, то после арестов 1896 и 1897 годов Москва была обессилена чрезвычайно. В. Перазич дает прекрасную характеристику тогдашней (начала 1898 г., как раз перед с‘ездом) Московской организации. Он говорит: „...Московский Союз борьбы и вправду был слишком молодою и слишком слабосильной организацией. Пишущему эти строки довелось в те времена, так сказать, с налету ознакомиться с положением дел Московского Союза после столь же быстрого ознакомления с делами Киевского Союза Борьбы. Контраст был громаднейший. При относительно незначительном рабочем населении в Киеве местный Союз

борьбы ко времени с'езда представлял после Бунда наиболее сильную в России социал-демократическую организацию. Это был прекрасно подобравшийся круг революционеров из интеллигенции и из рабочих со стажем в 3—4—5 и более лет нелегальной работы, сумевший, об'единив несколько первоначально раздельных и разнородных местных организаций, не только подчинить своему влиянию все местное рабочее движение, но и оказавшийся в состоянии развернуть свою работу для обслуживания и обще-русского движения. Не то в Москве. В городе с многочисленнейшим рабочим населением Московскому Союзу удалось еле-еле завязать сношения с несколькими рабочими, при помощи которых только-только начинали складываться оформленные кружки для занятий интеллигентов с рабочими. Союзу не удалось даже вобрать в себя все работавшие в то время в Москве организации" *).

Перазич называет самостоятельно работавшую в то время в Москве *одну* группу, а в действительности их было далеко не одна. Рядом с группой Кугушева-Немчиновой работала самостоятельно и другая группа студентов Квиты, Нефедова и Кривобокова (обе группы имели связи друг с другом), да и только ли две эти группы работали самостоятельно? Архивы Охранного отделения скрывают еще имена одиночек соц.-демократов, работавших в Москве, независимо друг от друга.

В Москве полицейская организация была несколько посерьезней, чем в Киеве, и вносимая ею деморализация в среду социал-демократов была настолько велика, что еще в 1901 году такие одиночки в Москве были не диво. Самой видной фигурой в Москве являлся Виктор Вановский, он и был душой всего дела. Покойные теперь А. И. Любимов и Л. Я. Карпов (выдвинувшиеся впоследствии в движении и игравшие в нем роль) были еще тем „молодняком", о котором говорит Перазич, а такие уже испытанные деятели, как сам Перазич, еще не успели войти в работу Иванова и Москвы.

О положении дел в Москве киевляне хорошо знали, так как еще задолго до с'езда приезжавший к ним Финн - Енотаевский делал доклад.

Могла ли взять на себя дело об'единения еще какая-либо другая организация? Уже существовала к тому времени Литовская партия соц.-дем. (первый с'езд ее состоялся в начале 1895 г.), но круг ее влияния был настолько мал и национально ограничен, и сама она потерпела такой урон, что и она не могла взяться за об'единение русского движения. Польская социал-демократия была очень мало известна киевлянам и даже не была приглашена на с'езд.

Киевляне вели переговоры с пепэсовцами (Польской партией социалистичной), но П. П. С. поставила два условия: „1) чтобы будущая наша партия включила в свою программу требование отделения Польши от России и 2) чтобы наша партия отказалась иметь связь с другими партиями кроме п. п. с., действующими на территории Польши и Литвы (разумелись „Бунд" и литовская с.-д.)". Так говорит П. Тучапский, а Б. Эйдельман прибавляет, что киевляне не считали п. п. с. соц.-демократами, на эти условия не согласились и приглашение получила только литовская соц.-демократия.

*) „Кр. Лет." № 7.

Таким представлялось положение дел в соц.-демократических организациях России, а между тем потребность об'единения была необыкновенно велика. Воспоминания И. Виленского являются прекрасной иллюстрацией этой потребности. Он рассказывает, как социал-демократы Витебска еще в 1896 году задумывались над вопросами об'единения. Они разослали своих уполномоченных, или, если это слово слишком громко, то просто товарищей в разные города—Вильно, Минск, Могилев, Гомель, Киев, Кременчуг, Полтаву, Феодосию и Екатеринослав с целью ознакомления с практической постановкой дела. В апреле 1897 года все снова с'ехались и с товарищами, прибывшими из-за границы, устроили нечто в роде с'езда. На этом совещании присутствовали братья Гурвичи („Борис", „Эммануил" и „Матвей"), Б. Плагов, И. Абрамов (до наст. времени работает член РКП), М. Шалыт, В. Минц, И. Рабкин и Виленский. После совещания, продолжавшегося 8 или 10 дней, было выработано нечто в роде программы, и участники совещания двинулись на работу в Екатеринослав (Гурвичи, Рабкин и Виленский). И сам Виленский не рассматривает этого совещания и своей программы и своей группки ни как подготовки к с'езду, ни как программы, ни как партии, но и это совещание и эта формулировка ими задач момента являются прекрасной иллюстрацией того, как велика была потребность в об'единении.

Есть и другая иллюстрация этой потребности, это партия „Рабочего Знамени", выпустившая манифест одновременно с манифестом первого с'езда. Когда шла работа по подготовке первого с'езда, группа „Рабочего Знамени", история которого по сути относится уже к следующему периоду нашей общей истории, только зарождалась. Одним из ее основателей был Моисей Лурье, являвшийся членом белостокской „Группы рабочих-революционеров".

Эта группа, в которую входили кроме Моисея Лурье еще двое Х. и М. Лурье, а из киевлян Г. Рудерман и Р. Страж Фридман (М. Лурье откололи их от Киевской организации), появилась, как оппозиция чисто экономическому направлению работы тогдашних социал-демократов *). Сторонники этой группы выступали, уже тогда против „засилья" интеллигенции и, как известно, некоторые из членов этой группы примкнули впоследствии к махаевцам.

Во время подготовки с'езда эта группа в Киеве боролась с киевской организацией и, конечно, об'единить большинство организаций не могла. Но все же она об'единила часть белостокских, киевских, харьковских и петербургских соц.-демократов и выступила с особой программой „Русской социал-демократической партии". Уже один факт этого выступления указывает на огромную потребность об'единения, которая сознавалась всеми.

Чувствовали потребность об'единения и социал-демократы западной России, будущие бундовцы. В октябре 1897 года произошло формальное закрепление тех фактических завоеваний, какие совершило

*) Осенью в Петербурге возникла группа „Рабочего Знамени", в которую входили С. В. Андронов, М. Б. Смирнов, В. П. Ногин (один из старейших членов нашей партии), а в 1901 году группа „Рабочего Знамени" (Петербургский комитет ее) об'единилась с группою „Социалист". История „Рабочего Знамени" целиком находится в третьем периоде истории русской соц.-демократии. В. П. Ногин, как известно, был одним из видных искровцев.

еврейское рабочее движение, т. е. образование „Бунда". Это была самая прочная организация соц.-демократов того периода в России. В задачу этой книги не входит история организации „Бунда" (очерк еврейского рабочего движения будет дан особо), но отметить здесь огромное организационное влияние, какое имело еврейское рабочее движение на развитие соц.-демократии в России, необходимо. В предыдущем изложении мы именно с этой целью наполняли изложение именами и указанием тех связей—имен и городов—откуда являлись социал-демократы в русские города и видели, что именно социал-демократы Западного края, социал-демократы евреи—из Гомеля, Витебска, Вильны, Минска раз'езжались по русским городам. Они попадали особенно часто в Киев, Одессу, Харьков, Екатеринослав, Кременчуг, Елисаветград, Ростов на Дону и т. д., они особенно во второй половине девяностых годов приносили туда и уставы своих касс, и свой опыт участия в этих кассах, а затем и свой стачечный азарт, и свой конспиративный и вообще организационный опыт и вносили в мирный пропагандистский темп русской работы определенную живую струю, „агитацию", и постепенно содействовали скорейшему переходу к массовой работе и в русских городах. Они, эти социал-демократы, вообще очень много дали общероссийскому движению. Их опыт, их навыки работать, их выучка очень сильно подняли и организационные приемы русской работы. Здесь пока не место останавливаться на отрицательных сторонах бундовской организации, они сказались особенно сильно уже в следующий период истории, а тогда, будучи самой значительной организацией, „Бунд" был сам заинтересован в об'единении русских товарищей: ему приходилось доставлять литературу русским организациям, ему приходилось переправлять беглецов за границу, ему приходилось постоянно сталкиваться с русскими рабочими и на юге и на западе России, у него, наконец, в общем была одна и та же цель и задача, что и у русских социал-демократов, и для того, чтобы все это разрешать и скорей и лучше, удобнее было иметь дело с единой общерусской организацией, а не с разрозненными группами. Вот почему „Бунд" так энергично работал и по созданию общероссийского об'единения.

Таким образом, все—невозможность для Петербурга взяться за дело, слабость всех остальных организаций России, огромный опыт и теоретическая выдержанность киевлян, необыкновенно удачный личный состав Киевской организации, помощь наиболее значительной социал-демократической организации „Бунда" и, наконец, об'ективные условия момента, толкавшие к об'единению и поставили именно Киевскую организацию на гребень волны, на ту кульминационную точку изучаемого периода, какая носит название „Первый с'езд российской соц.-демокр. рабочей партии". Истории угодно было второй раз сделать Киев тем пунктом, откуда „пошла и стала есть Русская земля".

Другой вопрос, кто дал наиболее полное марксистское истолкование этого момента, но начало, формальное и фактическое начало новой русской истории вышло, как и тысячу лет тому назад, из Киева. Фактическая сторона подготовки и созыва с'езда общеизвестна.

В то время как шло в самом Киеве укрепление и об'единение работы, киевские делегаты об'ехали русские организации и созвали с'езд в Киеве. На с'езд прибыли представители из Москвы и Петербурга. Виленцы не приехали потому, что не получили приглашения, а

Иваново-Вознесенцы не могли приехать „по независящим обстоятельствам“. Московский делегат произвел на киевлян неблагоприятное впечатление по своей молодости, и потому ему об'явили, что с'езд не состоялся.

Он уехал, и в Киеве остался только представитель Петербурга Б. Гольдман-Горев. Решено было устроить совещание, и таким образом 17—18 марта 1897 г. в Киеве состоялась пред'с'ездовская конференция, на которой присутствовали представители группы „Рабочее Дело“ (Вигдорчик), представители группы польских соц.-демократов (Петрусевич) и представитель Петербурга (Гольдман) *).

На этой конференции („коллоквиум“, как ради конспирации прозвали киевляне эту конференцию и с'езд, откуда и получил название документ-проспект вопросов, разосланный после конференции всем организациям приглашаемым на с'езд) был поставлен ряд вопросов, которые предварительно должны были обсудить организации и делегаты: 1) созвать с'езд, 2) организовать в Киеве общерусскую газету, 3) разослать всем организациям перечень вопросов, подлежащих обсуждению на с'езде (это и было сделано Б. Л. Эйдельманом в виде так называемого „Устава коллоквиума“) и 4) переименовать все местные организации в „Союзы борьбы“ по примеру Петербурга. После конференции все три существовавшие в Киеве группы, — русская и польская группы соц.-демокр. и группа П. П. С. (эволюционировавшая к соц. демократам) соединились и согласно постановлению конференции назвали себя „Киевским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса“. Для подготовки же с'езда образовалась особая группа „Рабочей Газеты“, названная так по имени этого органа.

П. Л. ТУЧАПСКИЙ

Таким образом, в Киеве образовались три организации: местная— „Киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ (число его членов 30), вторая местная организация—„Рабочий комитет“ и третья общероссийская группа „Рабочей Газеты“. Это были совершенно самостоятельные группы, члены группы „Рабочей Газеты“ (Эйдельман, Вигдорчик, Тучапский, Померанц, Крыжановская, Розенберг, Шен, Белоусов, Этингер и Теслер) были и членами Союза, но задачи гр.

*) Делегат от Москвы назвал себя Ивиным, а от Иваново-Вознесенска должен был приехать Шестернин.

„Рабочей Газеты“ были общероссийские — подготовка с'езда. Союз выбрал исполнительный орган (президиум или бюро на нынешнем языке), один из членов которого и входил в Рабочий Комитет (это были последовательно: Эйдельман, Вигдорчик, Тучапский).

Отношения между Союзом и Рабочим Комитетом были такие же, как между первым рабочим Комитетом и группой „Рабочее Дело“, т. е. фактически руководил движением и организацией Союз, а Рабочий Комитет являлся только совещательным органом, хотя формально у него было больше прав (его подпись становилась рядом с подписью Союза на изданиях Союза).

Работа в Киеве с этого времени принимает, действительно, массовый характер. Все организации бывших трех групп, все их кассы слились в одну; „Союз“ продолжал издание своей газеты „Вперед“, выпускал прокламации (в течение только 1897 г. вышло 6½ т. экземпляров листков), печатал листки для других организаций, вел пропаганду и агитацию (читались, напр., лекции Тучапским), устраивал собрания, снабжал литературой Кременчуг, Николаев, Одессу, Екатеринослав, т. е. фактически постепенно превращался из киевского в южнорусский Союз борьбы, хотя формально он так и не назывался. Жандармы только констатировали факт, когда, желая раздуть дело или не разбираясь в группировках и наименованиях, придали Киевскому Союзу наименование, охватывающее почти все южно-русские организации.

В мае 1897 года Союз выпустил первомайскую прокламацию. Уже в этой прекрасной прокламации звучат призывы ко всероссийскому об'единению, и ярко и определенно звучит новая нота—призывы к политической борьбе.

Подготовка с'езда между тем продолжалась. Летом 1897 года, наконец, поставили типографию, организация которой началась еще в первые месяцы 1896 года. В ее оборуловании участвовали Гомель (оттуда Мельников привез шрифт), Ромны (здесь сделал железную раму для типографии Мельников, живший здесь под надзором полиции), Белосток (здесь у Лурье Эйдельман купил вал), Минск (отсюда привезли стол с потайною кассой) и Киев (здесь заказали мраморный столик). Печатание первых двух номеров производилось на квартире у С. В. Померанц, и только после этого типография переехала в Екатеринослав. По отпечатании первого номера С. В. Померанц отвезла некоторое количество газеты в Петербург для распространения и ознакомления. Это имело огромное значение, так как Киев должен был добиться того, чтобы, сделавши свою газету популярной и общерусской, и самому превратиться в общероссийский центр. Первый номер, по мнению самих киевлян, был не удовлетворителен. Они выделили для газеты специальную группу (Вигдорчика, Тучапского, Розенберга и Этингера), но это оказалось недостаточным. Киевлянам хотелось, чтобы газета была популярной, доступной массам и вместе с тем теоретически выдержанной общерусской газетой, а для этого требовались недюжинные силы. Летом 1897 г. приезжали из Самары сотрудники „Самарского Вестника“, Румянцев и Санин, но редакторами „Рабочей Газеты“ не стали.

Как видно из всего вышеизложенного, киевляне делали все от них зависящее, чтобы оправдать свои попытки созвать с'езд или вер-

ней, чтобы делом доказать, что киевская организация может осуществить созыв с'езда. Первая попытка этого созыва, как уже сказано, была неудачна.

Конференция с очевидностью показала, что нужна более тщательная подготовка и выработка заранее порядка дня с'езда и кроме того наиболее тщательное ознакомление с организациями, которые предполагалось пригласить на с'езд.

Все это в течение 1897 года и выполнили киевляне: их представители снова об'ехали все организации, был выработан порядок дня с'езда, разослан по намеченным организациям, и были сделаны попытки завязать связи с группой Плеханова.

В конце лета же П. Тучапский, отправлявшийся за границу по своим делам, получил поручение повидаться с представителями группы „Освобождения Труда" с тем, чтобы узнать их мнение о газете и привлечь их к сотрудничеству. Тучапский видался с Плехановым, Аксельродом, Засулич и Кольцовым. Ветераны движения в общем сочувственно отнеслись к предложению киевской организации, одобрили направление „Рабочей Газеты" и обещали свое сотрудничество. Плеханов прислал известное письмо в „Рабочую Газету", Кольцов статью „Город и деревня", а Аксельрод часть своей брошюры „К вопросу о задачах и тактике русских социал-демократов". Все это однако не успело пойти во втором номере газеты и было взято при обыске у Эйдельмана. Группа „Освобождения Труда" в общем сочувствовала деятельности киевлян. Это видно хотя бы из того одобрительного отзыва, какой мы находим в предисловии Аксельрода к работе Ленина „Задачи русских социал-демократов". Там, между прочим, говорится: „Считаю не лишним отметить тот факт, что около того времени, когда предлагаемое произведение писалось, готовился к печати № 2 „Рабочей Газеты", вышедшей в свет, если не ошибаюсь, в декабре прошлого или январе настоящего года.

Этот номер газеты по самому своему содержанию, по подбору фактов и явлений русской жизни, по известиям, сообщаемым в нем, и по задачам, которые редакция выдвинула на первый план, представляет собою практическое применение в области литературной пропаганды тактики, указываемой нашим автором". И Плеханов в своем письме в „Рабочую Газету" писал: „Товарищи! Вы спрашиваете: сочувствую ли я вашему изданию? На этот вопрос я отвечу вам другим вопросом: как мог бы я не сочувствовать вам? В моих глазах ваш орган—так же и наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии". Таким образом, в то время как Аксельрод считает, что киевляне правильно применяют на практике те положения, какие высказал как раз в 1897 году Ленин, Плеханов солидаризируется также и с общим направлением, взятым киевлянами. Лучшей аппробации от группы „Освобождения Труда" нечего было и ждать. Одобряли киевлян не кто-нибудь, а старые ветераны революции Аксельрод и Плеханов. Первый из них сам много работал среди рабочих, еще будучи народником, а второй уже тогда становился авторитетом не только для одних русских. Почему же однако ничего не вышло из этих сношений с группой „Освобождения Труда"? Первою причиною являлась затрудненность сообщений работающих русских соц.-демократов с группой; но главной причиной,

конечно, было не то: оторванность Плеханова от русской действительности. Плеханов придавал огромное значение *ясности и правильности теоретических позиций русских соц.-демократов*, он боролся за эту правильность и ясность, и это имело огромное положительное значение, но Плеханов и его друзья не понимали, что и ясность и правильность позиций у руководителей движения в России есть [Ленин, Мартов и другие видные марксисты] и что дело теперь идет уже не об отдельных кружках пропаганды, к которым Плеханов обращался в начале девяностых годов, а об элементах рабочей партии.

Было бы, разумеется, смешно упрекать Плеханова в непонимании таких элементарных вещей, но у Плеханова просто не было достаточного количества фактов из русской жизни, чтобы судить, как далеко зашло движение. Однако было бы еще смешнее сказать, что русские практики охватили и теоретически все задачи движения, конечно нет, и только Ленину удалось это понять и блестяще формулировать.

Оторванность Плеханова от русской действительности констатируют все современные работники, но теперь, когда прошло четверть века после этих событий, раздражавших обе стороны, казалось бы, из-за мелочей, мы видим, что не напрасны были предостережения и боязнь Плеханова: как раз в это время зарождался в России оппортунизм в социал-демократии, тот самый „экономизм", на борьбу с которым пришлось потратить столько сил.

Первым номером „Рабочей Газеты" остались недовольны сами ее создатели. Второй номер вышел в ноябре 1897 г. Он был гораздо лучше первого.

Первый номер был посвящен, если так можно выразиться, доказательству необходимости общерусской рабочей газеты. Передовая статья этого номера, написанная Н. А. Вигдорчиком, так и называется— „Значение рабочей газеты для русского рабочего движения". [Другие статьи „Выборы в Австрийский рейхсрат" написана П. Л. Тучапским, а „Крестьянские с'езды в Венгрии"—Этингером].

В этой статье между прочим говорится: „Мы думаем, что наша газета нужна теперь не только потому, что она будет раз'яснять все вопросы, касающиеся рабочего движения у нас и за границей, но и потому, что она будет *об'единять* русских рабочих. Русское рабочее движение теперь так выросло, что нужно подумать о постоянном общении русских рабочих между собою, о взаимной их поддержке в борьбе, об их тесном братском союзе. Ведь только соединившись в один могучий союз, в одну могучую рабочую партию, русские рабочие победят фабрикантов и правительство. Эта рабочая партия представит такую силу, бороться с которой никто не будет в состоянии, сопротивляться которой никто не посмеет. Вот наша рабочая газета и будет содействовать такому великому делу".

Никто, за исключением одного Ленина, никто из русских социал-демократов практиков не ставил вопроса так ясно и определенно, и если в первом номере характер борьбы русского рабочего класса был недостаточно освещен, то во втором номере и этот пробел был пополнен. В передовой статье этого второго номера, написанной Вигдорчиком, при ближайшем участии Эйдельмана, и носящей заглавие: „Ближайшие задачи русского рабочего движения", задачи эти определяются

так: „Наступает пора, когда отдельные, разбросанные повсюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию... ...Русские рабочие, выступая, как об'единенная сила, как *партия*, должны развернуть свое знамя, должны показать своим друзьям и врагам, кто они, к каким целям они стремятся и какими средствами пользуются для достижения этих целей.

Какое же знамя будет развеваться над русским рабочим движением? Конечно, то самое знамя, на котором великие учителя рабочих, Маркс и Энгельс, начертали слова: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", то знамя, под которым борются передовые рабочие всех стран земного шара, *к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы.* Это красное знамя международной социал-демократии. *Русская рабочая партия будет партией социал-демократической...*

...Образование *русской социал-демократической партии* даст сильный толчек развитию русского рабочего движения. Окрепшее и усилившееся русское рабочее движение свергнет иго самодержавия и добьется политической свободы".

Эта статья, да и все содержание номера показывает, что группа „Рабочей Газеты" ясно и отчетливо представляла себе задачи русского рабочего движения. Во всяком случае, два основные момента проходят красной нитью через все статьи и заметки этого второго номера газеты: необходимость и своевременность создания русской рабочей партии, которая должна быть только отрядом международной социал-демократии и подчеркивание борьбы за политическую свободу, борьбы с самодержавием. В том же номере „Рабочей Газеты" напечатано приветствие международному конгрессу для законодательной защиты труда, заседавшему в Цюрихе в августе 1897 г., от Бунда и Киевского Союза борьбы; это приветствие оканчивается такими словами: „Труды ваши дадут и нам, как и западно-европейским собратьям нашим, агитационный боевой клич в борьбе с нашими эксплоататорами. Долой русское самодержавие! Да здравствует международная социальная демократия!"

Предположения некоторых исследователей о том, что именно письмо Плеханова из-за границы повлияло на политическую окраску второго номера, правильны в том смысле, что эта сторона борьбы со второго номера стала оттеняться сильнее, чем прежде, но она была уже раньше, была и в первом номере (в особенности ярко выразилась она в корреспонденции из Петербурга).

Стало быть, все предположения на этот счет устраняются теми документальными данными, какие у нас находятся перед глазами,— статьями „Рабочей Газеты". Киевляне не могли охватить всех задач рождающейся партии, но их не охватывала и группа „Освобождения Труда", которая вообще преуменьшала силу и значение русского рабочего движения: группа все еще мыслила его как стихийные вспышки и как кружки пропаганды, а на деле это было массовое движение, руководимое социал-демократами (стачки в Петербурге в 1896—7 г.г.) с почти созревшими во многих местах элементами партии. Второй номер „Рабочей Газеты" показал с очевидностью, что киевляне достойны той задачи, за разрешение которой они взялись. И действительно, они развили большую работу в течение всего 1897 г. и под-

готовили уже в начале 1898 г. все для предстоящего с'езда. На с'езд были приглашены: „Бунд", Литовская соц.-демокр. партия, Союзы— Петербургский, Московский, Киевский и Екатеринославский и группа „Рабочей Газеты".

От Литовской соц.-демократии на с'езде делегата не было, аресты помешали сделать это. Представителями организаций являлись: Эйдельман, Борис Львович, и Натан Абрамович Вигдорчик от группы „Рабочей Газеты", Степан Иванович Радченко (умер) от „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса"; Александр Алексеевич Ванновский от Московского союза; Казимир Адамович Петрусевич от Екатеринославского союза; Павел Лукич Тучапский от Киевского союза и Киевского рабочего комитета; Александр Кремер, Мутник (Глеб) и рабочий Ш. Кац (Шмульдершварцер) от „Бунда".

От заграничного „Союза русских социал-демократов" представителя не было. Организаторы с'езда не пригласили эту организацию на с'езд потому, что считали членов союза не практиками, не знающими условий русской работы.

С'езд происходил в Минске, в домике на Захарьинской улице, существующем и доныне и обращенном сейчас в музей, с 1 по 3 марта 1898 г. (с 14 по 16 по нов. стилю).

Б. Л. ЭЙДЕЛЬМАН.

Председателем с'езда являлся Б. Л. Эйдельман, а его секретарями Вигдорчик и Тучапский. Протоколов не в лось прения происходили свободно, без всякого регламента, каждый гово ил, сколько хотел.

Порядком дня с'езда служил упомянутый выше „Устав коллоквиума", написанный Эйдельманом.

„Устав коллоквиума" был разослан всем организациям, участницам с'езда, для обсуждения, но только Петербургский Союз внес дополнение в определение задач Ц. К.: руководство движением.

Первым вопросом, обсуждавшимся на с'езде, был вопрос о названии партии. Как это видно из „Устава коллоквиума" и документа, опубликованного нами в первом номере „Прол. рев.", за 1922 г., организаторы с'езда предложили обсудить между прочим такие названия: русская с.-д. партия, русская рабочая партия, русский рабочий союз. С'езд остановился на всем теперь известном названии: Российская социал-демократическая рабочая партия. Этим словом российская под-

черкивалось, что партия об'единяет рабочих всех национальностей, населяющих Россию.

Вторым вопросом с'езда был вопрос об отношении к П. П. С. Взгляды с'езда по этому вопросу выразились в восьмом параграфе решений с'езда: „Партия“ через свой Центральный Комитет вступает в отношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждой национальностью право самоопределения“.

Здесь, как совершенно правильно замечает председатель с'езда Эйдельман, был дан ответ на один из важнейших вопросов рабочего движения—национальный. Затем был решен вопрос о том, что заграничным представителем партии является заграничный „Союз русских соц. демократов“.

Следующими вопросами были—вопросы об автономии местных комитетов и „Бунда“.

Результаты прений по этому вопросу вылились в § 7 и в конце § 1 „решений с'езда“. Местным комитетам была предоставлена довольно широкая автономия и инициатива. Во-первых, выполнение постановлений Ц. К. местные комитеты осуществляют в той форме, „какую они найдут более подходящей по местным условиям“. Далее, в исключительных случаях, местным комитетам предоставлено право даже не выполнять директив Ц. К., и вообще местные комитеты в своей деятельности руководствуются программой партии, действуя вполне самостоятельно.

Что касается „Бунда“, то он входит „как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата“.

Совершенно правильно замечает по поводу этих решений М. Н. Лядов в своей истории партии, что здесь отразилось то бытие наших русских социал-демократических организаций, которое всегда так сильно определяет сознание. Как мы видели из всего предыдущего изложения, русские социал-демократические организации, хотя и выростали из интеллигентских кружков саморазвития и пропаганды, как и народнические кружки, однако имели еще две черты, которые их очень сильно отличали от всех когда бы то ни было существовавших кружков и организаций: они росли и развивались в зависимости от роста и развития рабочего движения. Начиная с благоевской группы и до самых последних дней, наша организация с точностью самых точных физических инструментов отражает состояние рабочего движения в каждый данный момент, его победы и поражения, его успехи и недостатки, словом, наша организация есть производная в очень большой степени большой переменной величины,—рабочего класса и его движения.

Другою чертой нашей организации является участие в ней самого рабочего, того народа, во имя которого и для которого и строится эта организация.

Обнорский, Халтурин, Афанасьевы, Бабушкин, Мельников, Шелгунов, сначала единицы, затем сотни и сотни тысяч рабочих—вот кто строители нашей партии. Мы нисколько не умаляем роли социалистической интеллигенции, мы все время старались оттенить ту огромную роль, какую играла эта интеллигенция в истории нашей партии, но несомненно, что главной отличительной чертой нашей партии является массовая активная самостоятельная деятельность пролетариата в этой

партии. С самого начала рабочего движения из рабочих масс выделяются пролетарии—вожди, пролетарии организаторы, собирающие и строящие свою рабочую партию. Не сверху строится эта партия, а своеобразным синтетическим процессом двух сил,—массового стихийного рабочего движения и социалистического учения, вносимого в рабочую массу сначала по преимуществу социалистической интеллигенцией из буржуазной среды, а затем все больше и больше и чисто пролетарской интеллигенцией.

Поэтому там, где не было налицо двух этих условий, там долго не создавалась социалистическая рабочая организация; поэтому-то наши социал-демократические организации носили на себе (да носят и доселе) очень сильный отпечаток местных особенностей рабочего движения. В девяностые годы при условиях подпольного существования эти местные провинциальные условия сказывались еще настолько сильно, что некоторые делегаты первого с'езда (напр. московского) высказывали их вполне определенно. Почти два десятка лет то разрушавшиеся, то возникавшие вновь местные организации, выраставшие вполне самостоятельно каждая в своей области, творили жизнь так, как они хотели; жили по своим обычаям и уставам, были вполне самостоятельны. Вполне понятно, что, несмотря на огромную потребность создать единую общую организацию, местные организации на с'езде и отстояли такую широкую местную автономию.

Уже М. Н. Лядов показал в своей истории, что ко времени первого с'езда у нас в революционном рабочем движении наметилось три типа организации: один старый заговорщический, вернее народовольческий, его пропагандировала группа „Освобождения Труда" (Лядов, по нашему мнению, всесторонне осветил и доказал это), второй тред'юнионистский, принижавший задачи социал-демократии до уровня отсталых стихийных масс и вылившийся затем в „экономизм" и, наконец, революционно-марксистский, который полнее и лучше всего был формулирован Лениным.

Ошибки группы „Освобождения Труда" были понятны: она была оторвана от русского рабочего движения. Эти взгляды, проповедывавшиеся Плехановым и Аксельродом в начале девяностых годов, русские практики не разделяли. Еще за три, за четыре года до первого с'езда Аксельрод мыслил себе организацию рабочей партии на манер партии „Земля и Воля" и „Народной Воли", т. е. в виде заговорщической организации, создающейся сверху, создание же массовой рабочей, социалистической партии мыслилось и им, и в особенности Плехановым, как дело, могущее совершиться только после свержения абсолютизма (см., например, брошюру Аксельрода „Задачи рабочей интеллигенции в России" или „О социальной демократии в России", написанные в 1897 г.). Здесь, в этой точке зрения было приемлемо только одно: сильная централизованная власть, сильный центр, без которого немыслима никакая сильная партия.

Нужно было как-то сочетать ту положительную черту старой народовольческой организации, с теми новыми чертами рабочей социал-демократической организации, какие уже выявлялись в России и на местах,—демократизмом, словом, нужно было пойти по тому пути, который привел к демократическому централизму нашей партии.

Организатор с'езда Б. Эйдельман полагает, что это и было достигнуто на первом с'езде. Однако, едва ли это так. Демократическим централизмом или сильной центральной властью нельзя назвать такую организацию, в которой местный комитет мог по Уставу не исполнять постановлений своего Ц. К. В этих постановлениях с'езда, без сомнения, отразилась вся незрелость движения, вся провинциальная разобщенность и ограниченность его. Центробежные процессы тогда были еще очень сильны и местные интересы часто превалировали над общими задачами партии. Эта провинциальная и национальная обособленность особенно ярко выразилась в том пункте решений, которым предоставлялась полнейшая автономия „Бунду".

„Бунд" входил в партию на автономных началах, а по сути дела так, что он оставался вполне самостоятельной партией со своим центральным комитетом, своими с'ездами и т. п. Это особенно хорошо видно из тех раз'яснений, которые давались „Бундом" в своем органе Arbeiterstimme (в № 9-10) по поводу решений с'езда. „Кроме широкой свободы", говорится между прочим там: „самостоятельно вести свои местные дела, комитеты имеют право отказаться от резолюций и решений Центрального Комитета Партии, если местный комитет не находит возможным выполнение этих решений в силу условий данного места". Приведя эту цитату, М. Н. Лядов совершенно правильно замечает: „У себя дома „Бунд", конечно, рассуждал иначе: постановления его Ц. К. были обязательны для всех „рабочих групп", входящих в состав бундовской организации".

А. КРЕМЕР.

После вопроса об автономии местных комитетов решен был вопрос о созыве следующего с'езда и о центральном органе партии, каковым с'езд признал „Рабочую Газету". Затем был выбран центральный комитет в составе трех членов: Б. Эйдельмана, А. Кремера и С. Радченки. Второй С'езд решено было созвать через 6 месяцев, а до этого времени Ц. К. должен был прочно связаться с местами, устроить на Волге новые комитеты партии и т. д.

С'езд имел шесть заседаний (начался вечером и затем каждый день имел по два заседания, закрылся вечером третьего марта). Новому Центральному Комитету поручалось выпустить манифест партии и провести другие постановления с'езда,—начать переговоры с „Союзом русских соц.-демократов" (на первом же заседании Ц. К. было принято решение считать заграничный „Союз р. соц.-дем." своим представителем), группой „Рабочего Знамени", создать организации в Поволожье

Сравнивая „Решения С'езда" с документами, которые были созданы в Киеве еще во время подготовки с'езда, например, „Устав коллоквиума", записка найденная при обыске у Б. Эйдельмана (она опубликована в „Пролетарской революции"), приходится согласиться с тем мнением, что и порядок дня, намеченный группой „Рабочей Газеты", и основные положения устава, как они мыслились организаторам с'езда, с'ездом были приняты и выполнены, за исключением, быть может, только того, что автономистские стремления местных организаций победили несомненно централистические взгляды, которые, по словам Б. Эйдельмана, господствовали среди организаторов с'езда.

Манифест с'езда, как известно, был написан Струве по поручению Ст. И. Радченки. Возникает вопрос, почему такой огромной важности документ был написан именно Струве, „социал-демократом", взгляды которого оспаривались уже тогда Лениным? Почему автором этого документа был не Плеханов, признанный вождь социал-демократии, или Ленин и Мартов, бесспорно уже тогда самые выдающиеся русские социал-демократы?

Ленин и Мартов в то время находились в ссылке, а Плеханов не мог принять участия в этом деле в силу множества причин: первая из них та, что вскоре после с'езда произошли большие аресты, во время которых попали в тюрьму и два члена только что избранного Ц.К—Эйдельман и Кремер. Остался только Радченко. Он и поручил, руководствуясь указаниями с'езда, сделать это Струве, недавно возвратившемуся из-за границы, беседовавшему там с Плехановым и полагавшему, что в общем у него с Плехановым нет разногласий. Затем сыграла, бесспорно, известную роль и та оторванность Плеханова от русского движения, которая, как мы отметили уже, чувствовалась так остро во время переговоров киевлян с группой „Освобождения Труда".

Манифест был одобрен Радченкой и его товарищами и почти без поправок выпущен в свет.

Содержание его общеизвестно.

Указав на то, что пролетариат впервые выступил на историческую сцену, как крупная сила, в 1848 г. и что затем, несмотря на свое поражение в этой революции, он в следующие этапы истории выступает с еще большей решительностью, чем прежде, Струве говорит о возникновении русского рабочего движения, как неизбежного последствия капиталистического развития страны.

Очертив дальше характер русского рабочего движения и успехи, достигнутые им в последние годы, автор подчеркивает революционный характер этого движения и формулирует политические требования, без осуществления которых дальнейшее успешное развитие рабочего класса и его движения невозможны. Контр-революционность русской буржуазии заставляет русский пролетариат разрешение задачи о завоевании политической свободы взять целиком на себя, что только и даст возможность пролетариату успешно бороться за социализм. Сказав о том, что развитие русского рабочего движения достигло такой степени, что возможно об'единение отдельных соц.-демокр. групп в партию, автор заканчивает извещением об образовании партии из четырех союзов и Бунда и напоминанием, что росс. соц.-демокр. рабочая партия, несмотря на различие методов деятельности в своей борьбе

за политическую свободу, продолжает славные традиции „Народной Воли“.

Вглядываясь в решения с‘езда и Манифест, современный деятель может сказать: как мало сделано! С‘езд не только не выработал программы партии, не только не формулировал подробно задачи момента, он даже не написал хорошего устава! Это отчасти верно, и тем не менее значение первого с‘езда огромно. Тотчас же после с‘езда, правительство как бы в отместку за то, что оно не могло арестовать самый с‘езд, произвело колоссальный разгром наших организаций: в течение весны и лета было арестовано более 500 человек социал-демократов (в том числе два члена Ц.К) и четыре типографии — в Екатеринославе, Минске, Бобруйске и Белостоке.

Первые аресты, разрушившие южно-русские организации и захватившие „Бунд“, коснулись Киева, Екатеринослава, Елисаветграда, Кременчуга, Одессы, Москвы и Петербурга и Западных городов и произошли в ночь с 11 на 12 марта 1898 г. Затем в течение весны и лета аресты происходили в Петербурге, Минске, Бобруйске и Белостоке и других городах. Николаевская организация была разрушена еще в конце 1897 г. Обысков жандармы произвели еще больше.

Казалось все погибло.

И тем не менее значение с‘езда было огромно.

„Рабочие на местах“, говорит Лядов: „читая прокламации и листки с заголовком Р. С.-Д. Р. П., знали теперь, что они не одиноки в борьбе за рабочее дело, что и в других городах выпускаются листки с таким же заголовком, что их организация не единственная, что в других местах существуют такие же организации, которые преследуют общую с ними цель и ведут борьбу тем же оружием. Манифест партии, попадая в какую-нибудь местную организацию, которая до этого времени очень мало задумывалась над принципиальными вопросами и была занята исключительно своей маленькой текущей работой, заставляет ее теперь горячо обсуждать его содержание, высказывать свое отношение к нему и под именем Комитета партии сознательно становится под общее идейное знамя. Правда, с‘езду не удалось создать партию в собственном смысле этого слова, как нечто органически целое: местные комитеты остались такими же изолированными, не связанными друг с другом, какими были до с‘езда; разгромленная центральная организация не восстанавливается вновь, а восстановленные после провала местные комитеты не спешат с‘ехаться опять, чтобы возобновить попытку первого с‘езда; на местах замечается еще больший страх перед партийной централизацией, которой именно и об‘ясняют возможность такого общего и крупного провала; комитеты еще более уходят в свою скорлупу и зарываются исключительно в местную работу. И все-таки, несмотря на все это, первый шаг к партийному единству был сделан. Если не фактически, то в идее, в уме *каждого работника партия уже существует, и он чувствует себя членом одного великого целого*“.

Почти то же самое, что и М. Н. Лядов, говорит и другой неизвестный деятель, иваново-вознесенец, повидимому, умерший Н. П. Грачев: „Летом 1898 года в Иванове было сведение о первом С‘езде Р. С.-Д. Р. П., а также получен и Манифест партии. На первое время это известие и манифест не произвели должного впечатления на чле-

нов союза. Об'ясняется это отчасти тем, что члены союза были сильно удручены провалом, отчасти и тем, что тогда члены Союза еще не были в состоянии понять всю важность этого события. Но уже к осени, оправившись от провала, стали горячо обсуждать манифест. В итоге этого обсуждения Иваново-Вознесенский рабочий Союз преобразовался в Ив.-Вознесенский Комитет Российской Социал-демократической рабочей партии" *).

К этим словам остается прибавить немного. Организаторы первого с'езда поставили новую веху в истории русского рабочего движения, перевернули новую страницу, на которой своей кровью написали: Российская социал-демократическая рабочая партия. Они доказали, что об'единение не мечта, не утопия, а самое неотложное, самое насущное дело русских социал-демократов и, главное, что это дело мыслимое практически, осуществимое даже в стране с самодержавным режимом. И этого мало, они выступали, как сторонники ортодоксального революционного марксизма, они шли под знаменем международного рабочего движения с неурезанными лозунгами воинствующего, непримиримого марксизма.

Они подвели итог всему предшествующему развитию русской социал-демократии и доказали, что отныне будущее ее в единой боевой социалистической рабочей партии. Киевские социал-демократы не сумели многое сформулировать, не могли втянуть в дело организации *все* мало-мальски серьезные социал-демократические рабочие группы, они кое-что разрешили на с'езде не так, как следовало (напр., вопрос об автономии комитетов), пускай все это так, но они за всем тем сделали большое дело, они начали строить уже не отдельный кружок или группу, а единую рабочую партию, и в этом их бессмертная заслуга.

Они не сумели полно, отчетливо и вполне правильно формулировать все задачи момента, но они сделали главное, они указали на одну главную, существенную задачу этого момента — *необходимость и возможность организации партии.* Вот почему, когда через пять лет все элементы этой партии были уже налицо, она сказала: да будет *второй* с'езд партии!

Нашелся однако человек, сумевший вполне отчетливо, всесторонне и так широко и глубоко, как только возможно было в то время, сформулировать задачи, какие предстояло разрешить русской социал-демократии в данную историческую эпоху. Это был В. И. Ленин, выступивший как раз в период первого с'езда со своей замечательной работой: „Задачи русских социал-демократов".

Из рассмотрения вопросов, поставленных Лениным в своей брошюре, станет ясно, как нужно было поставить вопрос об об'единении и чего не доставало в постановке вопроса организаторам первого с'езда.

Ленин начинает свою брошюру указанием на то оживление в постановке революционных вопросов, какое замечалось во второй половине девяностых годов, и перечисляет появившиеся в то время издания, пытающиеся так или иначе разрешать эти вопросы: „Работник" Плеханова, „Насущный вопрос" и „Манифест" народоправцев, „Летучий листок группы Народной Воли".

---

*) XXV лет Р. К. П. (больш.). Воспом. Ив.-Вознес. подпольников, стр. 44.

Что же ставит Ленин в центре внимания социал-демократов? Вопросы практические. Теоретические воззрения социал-демократов представляются ему в главных и основных чертах выясненными.

„Нельзя сказать того же о *практической* стороне социал-демократизма, о его политической программе, о его приемах деятельности, его тактике".

Практическая деятельность русской социал-демократии ставит две задачи,—социалистическую и демократическую. Далее Ленин разъясняет социалистическую сторону деятельности и подчеркивает, что в неразрывной связи с пропагандой социализма стоит агитация.

„Наша задача", говорит Ленин: „слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата. Организация кружков среди рабочих, устройство правильных и конспиративных сношений между ними и центральной группой социал-демократов и распространение рабочей литературы, организация корреспонденций из всех центров рабочего движения, издание агитационных листков и прокламаций и распространение их, подготовление контингента опытных агитаторов,—таковы в общих чертах проявления социалистической деятельности русской социал-демократии".

Главная база русских социал-демократов—рабочий класс.

„Создание прочной революционной организации среди фабрично-заводских городских рабочих является поэтому первой и насущной задачей социал-демократии, задачей, отвлекаться от которой в настоящее время было бы в высшей степени неразумно".

Итак, создание „*прочной революционной организации среди рабочих*"—вот задача момента. Как же возможно наиболее быстро и плодотворно разрешить эту задачу? Разве рабочий не соприкасается с кустарем, разве он не является крестьянином, разве можно оставить работу среди крестьян? Да, все это верно, но „русские социал-демократы считают несвоевременным *направлять* свои силы в среду кустарей и сельских рабочих". Не забывая работы и среди этих слоев рабочих или полупролетариев, центр тяжести, главное, основное—фабрично-заводский, городской пролетариат, его *революционная* организация. Мало этого, нужно добиться того, чтобы к этой важнейшей задаче, к ее практическому разрешению привлечь всех тех революционеров, „которые приходят на практике к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата"...

„Теоретические соображения доказывают, а практическая деятельность социал-демократов показывает, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*", говорит Ленин и подчеркивает, что это нисколько не означает отказа от учения марксизма, наоборот, „практические союзы с другими фракциями революционеров не могут и не должны вести к компромиссам или уступкам в теории, программе, в знамени".

Переходя затем к обрисовке демократической работы социал-демократии, Ленин подчеркивает огромное значение политической аги-

тации для развития классового самосознания и организации пролетариата и говорит: „если нет такого вопроса в рабочей жизни в области экономической, который не подлежал бы утилизации его для экономической агитации, то точно также нет и такого вопроса в области политической, который бы не служил предметом политической агитации".

Итак, социалистическая и демократическая пропаганда и агитация идут рядом в работе социал-демократов, но, в то время как в работе социалистической пролетариат одинок, в работе демократической рядом с пролетариатом стоят оппозиционно-настроенная буржуазия, угнетенные национальности, секты и т. д.

Далее Ленин дает краткую, но блестящую характеристику крупной буржуазии, мелкой и средней буржуазии и демократической интеллигенции и указывает, что только „пролетариат может быть—и, по своему классовому положению, не может не быть—последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, не способным ни на какие уступки, компромиссы", и только он, „пролетариат, способен до *конца* довести демократизацию политического и общественного строя, *ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих*" (курсив последних строк наш).

Читая теперь, спустя 25 лет, эти строчки, начинаешь понимать, какой гениальностью, какой прозорливостью отличался уже тогда этот необыкновенный ум, сумевший с помощью теории Маркса вскрыть пружины современного русского общества и понять, что полная, всесторонняя, радикальная демократическая ломка русского строя под силу только пролетариату, идущему под руководством своей рабочей партии, социал-демократии. Как естественный вывод, отсюда следовало: „все истинные и последовательные *демократы* в России должны стать *социал-демократами*".

Означает ли это, однако, смешивание в одну кучу всех партий, направлений и групп? Нет, отвечает Ленин, потому что, будучи передовым борцом в демократической революции и ведя на штурм самодержавия все, что есть революционного в стране, пролетариат в лице его партии всегда будет „подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться против своих сегодняшних союзников". И это подчеркивание не ослабит, а усилит его, так как привлечет к пролетариату все, способное на решительную борьбу с самодержавием.

Чтобы выяснить задачи социал-демократии в текущий момент и показать разницу между социал-демократами и другими революционными партиями, Ленин разбирает программы тогдашних народовольцев и народоправцев. Анализируя взгляды Лаврова, он показывает, что основная ошибка народовольцев заключается в их неверии, что уже сейчас в 1897 году можно приступить к созданию массовой революционной рабочей партии, и в их мнении, что только путем заговорщической организации возможно свергнуть самодержавие. Показывая утопичность этих взглядов, Ленин такими словами очерчивает контуры той революционной рабочей партии, которая рисуется перед его взорами: „Союз борьбы" основался, как известно, лишь в 1895—96 году, и его обращения к рабочим ограничивались лишь гектографированными и литографированными листками. Возможно ли отрицать, что

подобная организация, об'единяющая, по крайней мере, крупнейшие центры рабочего движения в России (округа спб., моск.-владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, каким пользуется „Союз борьбы" среди с.-петербургских рабочих,—что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России—фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей внутренней и внешней политике? Руководя классовой борьбой пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически, неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства,—подобная организация была бы, в одно и то же время, и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма".

Итак, создание подобной организации—вот очередная задача социал-демократии, „рассуждать же наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки,—рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время было бы пустым доктринерством". Отметив, затем, что задача тех из народоправцев, которые, хотя и не будучи социалистами, но являются истинными демократами, состоит в том, чтобы „сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии, стараясь пробудить политическое самосознание класса нашей мелкой буржуазии, мелких торговцев, мелких ремесленников и т. д. этого класса, который везде в Западной Европе сыграл свою роль в демократическом движении", указав это, Ленин так заканчивает свою замечательную брошюру: „Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по об'единению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую *социал-демократическую рабочую партию*".

Вот как еще до с'езда (брошюра была написана в 1897 г.) ставил вопрос о создании партии тот, кто очень скоро сделался общепризнанным вождем российского пролетариата.

Здесь, в этой брошюре дан всесторонний анализ классовых отношений в России, характер и роль каждого из классов и вытекающие отсюда задачи социал-демократии; не в общих выражениях, как это сделано в манифесте Струве, не простой ссылкой на славные традиции „Народной Воли", а глубоким анализом классовой природы каждой из борющихся сил и в особенности пролетариата намечены конкретные задачи момента и указаны пути, идя по которым социал-демократия сумеет разрешить предстоящие ей задачи. *Вот почему мы*

с полным правом можем назвать не манифест Струве, а „Задачи русских социал-демократов" Ленина истинным манифестом нашей партии конца девяностых годов, революционной, ортодоксальной части той русской социал-демократии, которая попыталась, хотя и неудачно, на деле осуществить задачи, намеченные в брошюре Ленина.

Не имеет, конечно, значения, что брошюра Ленина писалась вдали от Киева, что она стала известна киевлянам долго спустя после их попытки построить партию; в ней, в этой брошюре, наиболее полно, рельефно, научно, ясно, кратко и революционно было формулировано то, что неполно, неясно, отрывочно возникало в головах всех вдумчивых и наиболее последовательных революционно мыслящих социал-демократов России. Было бы, без сомнения, бесполезным занятием гадать, что было бы, если бы Ленин оказался на с'езде в Минске, но ясно одно, именно потому, что на с'езде не было такого деятеля, такого человека, который, как революционер, по словам Аксельрода, счастливо соединяет в себе „опыт хорошего практика с теоретическим образованием и хорошим политическим кругозором", именно поэтому с'езд разошелся и без настоящего манифеста, и без устава, и без основных положений программы и тактики.

Однако, было бы смешно точно также отрицать те огромные заслуги, которые имеют перед рабочим классом России организаторы первого с'езда: они умели дерзать, и перед этим дерзанием меркнут все их ошибки и промахи.

Кто же являлся главным деятелем и организатором с'езда? Мы уже знаем их,— это небольшая группа киевских и бундовских социал-демократов—Эйдельман, Вигдорчик, Тучапский, Кремер, Поляк и все вообще то ядро киевлян, которое сумело зажечь всю остальную массу работников энтузиазмом, преданностью, героизмом, желанием борьбы и победы. Не будем останавливаться на каждом отдельном лице, а скажем, что эта группа социал-демократов в то время в Киеве представляла один из передовых отрядов русской социал-демократии: теоретически образованные, вышколенные долгими годами подпольной борьбы, скромные, преданные делу пролетариата, энергичные, настойчивые, решительные—они шли тесно сомкнутым строем, высоко держа наше знамя, на приступ капиталистических и самодержавных твердынь. Они потерпели поражение. Многие из них пали в борьбе, многие устали и, израненные, ушли из наших рядов, но знамя их подхвачено другими, более сильными борцами, и на нем написаны все те же славные, зовущие на бой слова: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Да, это был один из наших передовых отрядов девяностых годов, и было бы странно, если бы мы не сказали, что с виду незаметным, но всегда присутствующим, всегда толкающим, всегда ободряющим, всегда зовущим вперед этот отряд—был замечательнейший из русских рабочих Ювеналий Димитриевич Мельников.

Первым с'ездом российской социал-демократической рабочей партии закончился второй период истории русской социал-демократии. Подведем же теперь итоги тому, что было сказано на протяжении всей нашей работы.

Русская социал-демократия получила свое начало из двух источников. Один из этих источников народничество. В недрах „Земли и Воли“, идеологов мелкобуржуазного строя, рождается „Черный передел“, и путем медленной эволюции чернопередельцы приходят к выводу,— неправильности основных положений своей программы. Плеханов, Аксельрод, Дейч, Игнатов, Засулич и небольшое число их сторонников под влиянием двух факторов изменяют свои взгляды и приходят к выводу, что и в России единственным оплотом революции является пролетариат,—под влиянием развивающегося капитализма в России, растущего рабочего движения и под влиянием учения Маркса, с которым чернопередельцы особенно хорошо познакомились за границей. Эволюция чернопередельцев от социализма мелкобуржуазного к социализму пролетарскому протекает сравнительно быстро. В 1883 г. бывшие чернопередельцы уже формулируют свою новую программу и в том же году в Петербурге Благоев вместе с остатками чернопередельческих кружков организует партию социал-демократов. Это громкое название прикрывает, однако, невыдержанную еще программу, в которой зерна революционного учения Маркса переплетаются с элементами лассальянства и лавризма, да небольшое число рабочих кружков.

Создавши эти кружки, выработавши программу, поставив газету „Рабочий“, завязав связи с группой „Освобождение Труда“, благоевцы существуют всего несколько лет. Во второй половине восьмидесятых годов правительство уничтожает эту организацию, главным образом, интеллигентов, но на фоне возникающего рабочего движения (вспомним, что как раз в это время происходит Морозовская стачка) рождаются новые социал-демократические группы в Петербурге („Товарищество“ Точисского) и в провинции (напр., в Киеве—Абрамович).

Эти группы многочисленней, и связи с рабочими у них шире и глубже. Они родились из среды благоевцев: члены партии русских соц.-демократов являлись учителями бруcневцев: как чернопередельцы (напр., Благославов и Латышев) входили в благоевские кружки, так некоторые из благоевцев (напр., Лавров) передали связи брусневцам.

Брусневцы не выработали программы, они не поставили такой газеты, как благоевцы, зато они сумели расширить и углубить работу, как об этом даже и не мечтали их предшественники.

Мало этого, они сумели протянуть щупальцы своей организации далеко за пределы Петербурга: Москва, Нижний, Тула, Харьков, Киев и Рига были связаны друг с другом. Они имели связи даже с польской социал-демократией.

Но и благоевцы и брусневцы имеют десятки организованных кружковых рабочих: ни массовой организации, ни массового движения еще не существует. Оно начинается уже в следующий, второй период истории, когда на сцену выступает рабочий, когда раздается шум массового рабочего движения.

Рядом с этой ветвью русской социал-демократии выростает другая самобытная, русская, родившаяся в России, независимо от народничества или вернее в противовес ему. Как в недрах самого рабочего класса в семидесятые годы родились такие гиганты, как Обнорский и Халтурин, так и в восьмидесятые годы в среде мелкобуржуазной интеллигенции выдвигаются вдумчивые люди, которые, анилизируя факты современной действительности, — развивающийся капитализм,

расслоение деревни, развитие рабочего движения, разложение старых революционных идеологий—приходят медленным мучительным процессом к тому же самому пути, к которому пришли чернопередельцы, к марксизму.

П. Н. Скворцов, Н. Федосеев, Санин и, наконец, Ленин в конце восьмидесятых и начале девяностых годов становятся марксистами. Так же и в Петербурге, независимо от „Черного передела“ и группы „Освобождения Труда“, Точисский додумывается до марксизма. Он подготовляет рабочих марксистов (Климанов и другие), и эти рабочие марксисты вместе со своими товарищами, ставшими марксистами под влиянием марксистской пропаганды благоевцев и брусневцев, и составляют тот удивительный рабочий центр Петербурга, на который, с одной стороны, оперся „Петербургский Союз борьбы“ и который, с другой, дал пионеров рабочего движения, социал-демократов, рассеявшихся по всей России и начавших строить социал-демократическую организацию в провинции.

Независимо от этого процесса и в рабочей среде совершаются молекулярные процессы, в результате которых появляются такие выдающиеся фигуры, как Мельников, пытающийся подобно Обнорскому и Халтурину самостоятельно осмыслить совершающийся перед ним процесс новых экономических и политических явлений.

Он еще не социал-демократ, но он на пути к социал-демократии, он скоро станет социал-демократом.

Конец первого периода истории русской социал-демократии характеризуется ростом стихийного рабочего движения и ростом социал-демократических кружков интеллигентов и рабочих: не говоря уже о Западном крае, такие кружки растут и множатся и в России: Казань, Нижний, Киев, Одесса, Екатеринослав, Москва, Тула, Рига, Самара, Симбирск, Харьков и некоторые другие пункты имеют уже такие кружки.

Какими же приемами работы характеризуется этот „утробный“ период развития русской социал-демократии? Это по преимуществу период пропаганды в небольших кружках, период длительной подготовки путем самообразования первых марксистов, — организаторов, пропагандистов, агитаторов, публицистов и теоретиков. В теоретическом смысле это период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии, в практическом это единицы, десятки и в лучшем случае сотни сторонников нового учения. Социал-демократия оторвана от рабочего движения. Приемы работы старые, народнические. Первые социал-демократы по преимуществу интеллигенты, пришедшие со своей идеологией в рабочий класс извне; они знакомятся с одиночками рабочими и медленно создают десятки рабочих марксистов, они нередко сами становятся рабочими (Мельников в Харькове, Абрамович в Киеве, Точисский и Лазаревский в Петербурге, Хрящева и Кондратьев в Иванове и т. п.), они сливают свою судьбу с судьбой рабочего класса, они вербуют сторонников и в то же время путем борьбы с народниками и народовольцами выковывают свою новую идеологию (Скворцов, Федосеев, Ленин, Санин и др.).

Им на помощь выступает в области теоретической группа „Освобождения Труда“. Под могучими ударами несокрушимой диалектики Плеханова шаг за шагом отступают противники марксизма, и все больше и больше становится сторонников нового учения.

А ход экономического развития между тем делает свое дело. С шумом и блеском выступает рабочий класс во второй половине девяностых годов на историческую арену. Небывалые по своей силе, солидарности и организованности, потрясают весь мир русские стачки 1896—97 годов.

Пораженный этим явлением международный социалистический конгресс посылает приветствие русским рабочим. „Конгресс“, пишут наши западные товарищи, „конгресс считает нужным указать на чрезвычайно важный и небывалый до сих пор факт присутствия представителя от русских рабочих организаций на международном с‘езде. Он приветствует пробуждение русского пролетариата к самостоятельной жизни и от имени борющихся рабочих всех стран желает русским братьям мужества и непоколебимой бодрости в их тяжелой борьбе против политической и экономической тирании. В организации русского пролетариата конгресс видит лучшую гарантию против царской власти, являющейся одной из последних опор европейской реакции“.

Это приветствие вызвано небывало стойкой борьбой петербургских рабочих, руководимых русскими социал-демократами.

Наступил второй период истории русской социал-демократии. Социал-демократия теперь уже общественное движение, социал-демократическое учение становится модой, оно захватывает уже не единицы, не десятки, тысячи молодых людей из буржуазии увлекаются учением Маркса, появляется даже особое своеобразное течение, „легальный марксизм“, т.-е. марксизм на время завоевывает право гражданства в науке и литературе, буржуазия пытается использовать его учение в борьбе с отживающим строем, приспособить его и вульгаризировать в своих классовых интересах. Перед социал-демократией встает задача на ряду с борьбой против народников, суб‘ективных и иных социологов, начать борьбу и против „легального марксизма“. Эти обе задачи блестяще выполняет целая плеяда наших теоретиков и публицистов: Плеханов, Ленин, Аксельрод, Засулич, Мартов, Скворцов, Санин и другие. Появляются такие произведения, как „Обоснования народничества в трудах г. Воронцова“, „К вопросу о монистическом взгляде на историю“, многие статьи Ленина (против Струве и др. народников), издаются легальные марксистские органы „Новое Слово“, „Самарский Вестник“ и т. п.

Рядом с этой борьбой растет и борьба фактическая: в дыму фабрик и заводов, в предместьях растущих городов, среди шума буржуазного хаоса раздается железная поступь молодого гиганта—русского рабочего класса.

Теперь движение рабочего класса—это под‘ем народных масс, это хотя еще и не организованное, стихийное, но массовое и могучее движение.

В соответствии с этим и социал-демократия выступает, наконец, как политическая партия.

Теперь социал-демократические организации уже насчитывают сотни, а кое-где (как в Западном крае) тысячи своих сторонников, и это сторонники—рабочие. Организации теперь существуют почти во всех крупных центрах: Петербурге, Москве, Твери, Вышнем-Волочке, Ярославле, Костроме, Иванове-Вознесенске, Кохме, Шуе, Тейкове, Владимире, Орехове-Зуеве, Перми, Екатеринбурге, Уфе, Челябинске, Казани,

Нижнем, Самаре, Саратове, Симбирске, Пензе, Калуге, Туле, Орле, Курске, Чернигове, Воронеже, Киеве, Екатеринославе, Елисаветграде, Кременчуге, Николаеве, Одессе, Ростове на Дону, Таганроге, Кутаисе, Батуме, Тифлисе, Баку, Риге, Ревеле, Либаве, Виндаве, Дерпте, Вильне, Гомеле, Минске, Белостоке, Бобруйске, Витебске и во многих других городах Западного края, Польше, Красноярске и, вероятно, во многих других местах Сибири и вообще нашей страны.

Движение растет, ширится, захватывает отсталые слои пролетариата, словом, достигает громадных успехов.

Каков же численный и социальный состав нашей партии в этот период? Трудно, конечно, ответить на этот вопрос точными цифрами, но, судя по тем отрывочным данным, которые рассыпаны по разным документам, можно без преувеличения сказать, что число сторонников социал-демократии, активно-борющихся в ее рядах к концу 90 х годов, достигало не менее, а может быть и больше трех тысяч, не считая Польши и Западного края. (Понятно, что точные цифры могут быть получены только после окончания словаря социал-демократов хотя бы до 1905 г., но вот основания, из которых исходили мы при подсчете. По разным воспоминаниям такие города, как Нижний, Николаев, Киев, дают примерно по 150 человек на каждый город, десять—пятнадцать кружков по 10 человек в среднем, в общем дает 450 чел.; Елисаветград, Кременчуг вместе до 100 чел.; Ростов на Дону 100 чел.; Екатеринослав от 100 до 150 чел.; Одесса от 100 до 150 ч.; Ярославль, Кострома, Иваново, Шуя, Кохма не менее 500 ч.; Казань, Воронеж в общем до 200 чел.; Саратов, Самара, Симбирск, Орел, Курск, Калуга, Тула до 400 чел.; Петербург и Москва до 1.000 чел.).

Правда, все эти силы разбросаны и раз'единены, но все они исповедуют одну и ту же программу, все они борются одними и теми же средствами и приемами.

Каков же социальный состав этой новой армии? Два основных элемента входят в эту социал-демократическую армию—интеллигентный пролетариат и высшие квалифицированные верхушки рабочих.

Первоначальный состав наших социал-демократических организаций сплошь интеллигентский; рабочие, входящие в эти кружки, по своему умственному развитию ничем не отличаются от этой интеллигенции.

Что же это за интеллигентный пролетариат, наполняющий наши организации? Это беднейшие слои мелко-буржуазной учащейся молодежи, за редким исключением; привилегированные сословия входят в эту интеллигенцию в ничтожном количестве; дворяне, купцы, почетные граждане только исключение в этой толпе. Это дети мелких чиновников, мещан, бедного духовенства. Это уже не разночинцы шестидесятых и семидесятых годов, это не кающиеся дворяне эпохи хождения в народ, это новый слой мелко-буржуазной, так называемый трудовой интеллигенции,—бывшие студенты, бывшие гимназисты, статистики, служащие и в небольшом числе люди так называемых свободных профессий,—инженеры, адвокаты, публицисты и ученые. Это, стало быть, новый слой умственного пролетариата—этот обычный и нормальный сгусток всякой капиталистически растущей страны.

Эта интеллигенция, остатки ее, и составляет доселе вместе с теми рабочими, что выращены, созданы, воспитаны ею, основное ядро той

железной когорты, той славной старой гвардии, что создала и укрепила нашу партию.

Вторым слоем, с каждым днем все увеличивавшимся, являлся слой рабочих, прежде всего высоко-квалифицированных и постоянно пополнявшийся из самой гущи рабочего класса, все те пионеры нашего движения и их ученики, имена которых неоднократно упоминались на протяжении этой книги.

Они совершили великое дело.

Поднявшись из самых глубин народных масс, они воспитали себя, выработали свое марксистское миросозерцание и понесли его в ту же массу, из которой вышли сами. Заслуга их велика, ибо они не только сами сумели понять ход исторического процесса и руководящую роль в нем пролетариата, они сумели убедить в этом и массы, передать и им весь свой пыл, всю свою веру, все свои знания и убежденность.

Вся эта армия в изучаемый нами период дышит молодостью и жаждой борьбы. Только немногие из них унаследовали от народовольцев их революционный опыт,—выдержку, конспиративную выучку, осторожность, терпение и уменье действовать в подполье. Зато на их стороне вера, пыл, энтузиазм и широкий размах. Они полны избытком сил и бросаются смело в работу, создают грандиозные планы и нередко достигают огромных успехов.

Многие из них пережив увлечение героизмом народной воли критически, мучительно, после большой борьбы приходят к новому учению. Тем энергичнее, тем упорнее они бросаются на изучение новой теории Маркса, основательно штудируют ее и в конце концов, все равно, одинаково и интеллигенты и рабочие, вырабатывают тот замечательный тип русского революционера, перед которым в изумлении останавливался и Лафарг еще во времена первого Союза борьбы в разговоре с Лениным, и Бебель, и любой товарищ социалист Запада, в недоумении разводящий руками, как в полуазиатской стране, под гнетом самодержавия, в бедной комнате статистика или за станком в душной мастерской завода, в ужасающей нищете западно-еврейского местечка или в схоластическом ужасе нашей школы, мог выработаться высокообразованный, стойкий, решительный, энергичный, полный веры в рабочее дело революционер, энтузиаст, немного философ, немного романтик, но всегда готовый на борьбу, всегда готовый отдать свою жизнь за великое дело коммунизма.

А самодержавие с его тюрьмами и ссылками доканчивало образование этой железной когорты, и вот почему эти социал-демократы шли в массы, в рабочее движение и независимо от своего происхождения ни на одну минуту не забывали, что перед русской социал-демократией две великие задачи: социализм, и для расчистки ему пути, свержение самодержавия.

Какими же материальными средствами располагала наша организация и откуда она доставала их?

Для того, чтобы получить представление об этих средствах, возьмем для примера отчет Московского Рабочего Союза. Вот он полностью:

Отчет денежных сумм Московского Рабочего Союза

по 15-е октября 1896 года.

Приход:

От 5957, 4758	200	руб.
„ 5511, 6241	300	„
„ провинция через Б. на Работника	10	„
„ либерала	150	„
„ М. Н. на Костромских стачечников	10	„
„ Лизы	10	„
„ Liberté	35	„
„ Рабочих *)	45	„
„ Занято для Костромских стачечников	200	„
„ организации	50	„
Итого	1.010	руб.

Расход:

Легальная литература	2	руб.
Литература Тяжелому	50	„
„ Смолянке	40	„
„ Простоте	25	„
Заем	18	„
На погашение долга	20	„
Помощь высланным рабочим	73	„
Рабочим	45	„
Костромским стачечникам	250	„
Поездки	27	„
На предприятие	100	„
Итого	650	„
Осталось к 15 октября	360	„

Большая нелегальная организация за четыре месяца (примерно с июля по октябрь) получила всего 1 010 р., т. е. по 333 р. в месяц; это ничтожно мало, но если посмотреть на приход, то все станет ясно. Откуда получались эти средства? Во-первых, из взносов рабочих в кассы, существовавшие тогда; это составляло ничтожную часть всех доходов; во-вторых, от всякого рода предприятий,—благотворительных лотерей, спектаклей, концертов и наконец от либералов.

Благотворительные спектакли, концерты и пр. давали средства обыкновенно потому, что учащиеся социал-демократы, студенты или курсистк , иногда тайно, иногда с общего согласия студентов брали часть выручки со спектаклей, конц ртов, балов, маскарадов.

В редких случаях удавалось самим сорганизовать подобный спектакль, найти захудалых певцов и певиц и собрать несколько десятков рублей, а иногда понести и убыток.

*) Деньги эти поступили в кассу М. Р. С. от различных заведений летом настоящего года, но, так как записей не сохранилось, мы не можем сказать, сколько откуда получено.

Продажа литературы давала тоже немного, так как нелегальная литература была нужна самим, да и покупали социал-демократическую литературу либералы не так охотно, как литературу народников.

Правда, изредка у социал-демократов появлялись свои Лизогубы но как их было немного, этих Шмидтов, Поповых, Калмыковых *) и подобных товарищей, отдавших все свое состояние нашей партии! Нужно их помнить рабочему классу.

Судя по приводимому отчету Московского Рабочего Союза, годовой бюджет солидной организации в изучаемый период не превышал трех-четырех тысяч в год. И это было еще счастье, бюджеты провинциальных организаций были совсем тощие, они исчислялись сотнями рублей.

Правда, такие организации, как Петербургская, в минуты, напр., под'ема стачечного движения, располагали, судя по современным отчетам, большими средствами, но, во-первых, это было временное явление, а, во-вторых, деньги эти шли на специальные цели (стачки). А между тем нужды организаций были неизмеримы: необходимо было покупать литературу, оплачивать конспиративные квартиры, содержать, хотя и примитивные, техники, давать на раз'езды и пр.

Вот почему наши организации испытывали постоянные денежные затруднения и почему очень часто постановка какой-нибудь нелегальной техники тянулась так долго.

Несмотря на это, однако, уже к концу девяностых годов наши организации обладали довольно хорошими техническими средствами; мы видели, что прекрасную технику арестовали в Екатеринославе в ночь с 11 на 12 марта 1897 г. Это была техника, на которой печаталась „Рабочая Газета"; хорошо оборудованные техники, принадлежавшие „Бунду" и „Рабочему Знамени", были взяты жандармами в этом же году в Бобруйске, Минске и Белостоке.

В восьмидесятые годы погибла хорошая типография группы Благоева; в девяностых годах погибла типография на Лахте, принадлежавшая группе Народовольцев.

И постановка типографий и в особенности работа в них требовали особой выдержки, уменья и героизма. Читая теперь описание работы, напр., А. Поляка, только старый партийный работник понимает весь героизм этой работы. Недели, а часто месяцы людям приходилось сидеть взаперти, в подвале или темной комнате, без общения с товарищами, ожидая неминуемого ареста и затем, после продолжительного одиночного заключения, ссылки в Сибирь. Редко кто из наших партийных техников кончал свою типографскую деятельность благополучно. И тем не менее литература печаталась и распространялась и, как мы знаем теперь, в довольно большом количестве. Без сомнения, те $6^1/_2$ тысяч листков, что распространили Киевляне в 1897 г. или немногим большее число прокламаций, выпущенных Петербургским Союзом во время стачек 1896 — 97 г.г., на нынешний масштаб, когда мы выбрасываем в рабочие массы миллионы экземпляров наших книг и брошюр, есть число ничтожно малое, но в тот период начала массового движения и эта литература играла колоссальную роль. Тахтарев в своем очерке дает бесподобную картину того успеха, каким пользо-

*) Имена трех товарищей, давших средства нашей партии.

вались социал-демократические бумажки, распространяемые Союзом; любое воспоминание рабочего рисует то огромное значение, которое сыграла эта наша агитационная литература. И не один исследователь посвятит свои дни изучению этой литературы. В ней отразился быт, положение рабочего класса, она богатейший источник революционной истории, она огромный фактор нашего движения.

Кто же был автором этих прокламаций и листовок? В изучаемый период, как общее правило, агитационная литература писалась социал-демократической интеллигенцией, точно так же, как ей, принадлежат и статьи в журналах и газетах и отдельные брошюры, книги и исследования. Не говоря уже о таких капитальных трудах, как произведения Плеханова и Ленина, масса брошюрочной литературы написана социал-демократической интеллигенцией. Мы знаем только немногих авторов рабочих изучаемого периода, напр., Бабушкина, автора прекрасного листка.

Это и понятно. По совершенно справедливому замечанию Ленина в „Что делать", развитие классового самосознания и русского пролетариата совершалось так же, как на Западе: социализм привносился извне, выходцами из буржуазной среды, социалистами, ставшими идеологами пролетариата.

Мы не перечисляем здесь нашу литературу, читатель отчасти найдет этот перечень в обзоре источников и литературе, и подчеркнем еще раз, что наша нелегальная литература, как оригинальная русская, так и иностранная, переводная, была могучим фактором движения.

Необходимо, однако, напомнить здесь, что не меньшую роль играла и та легальная литература, которой пользовалась социал-демократия в своей пропаганде: такие книжки, как „Эмма", „Спартак", „Гаспар Фикс" Эркмана Шатриана, легальная литература журналов 60 годов и т. п. являлись прекрасным подготовительным средством для совсем незатронутых рабочих.

Какие же организационные формы носила работа социал-демократов в описываемый период?

Читатель уже заметил то обилие разнообразных названий, какие носили наши организации: „партия русских социал-демократов" Благоева, группа „Рабочее Дело", группа „Рабочая Газета", „Московский Рабочий Союз", „Южно русский Рабочий Союз" в гор. Николаеве и т. д. и т. п.

Единообразной терминологии не было; название „Союз борьбы за освобождение рабочего класса" получили организации—Екатеринославская, Киевская и Московская лишь по постановлению киевской конференции 1897 г.; после с'езда в Минске, т. е. только в 1898 году, входит в употребление и становится господствующим термин—российской социал-демократической рабочей партии. Точно также и организация не имела однообразного вида. Конечно, однообразие, общие тенденции развития рабочего движения вырабатывали и общие формы организации, но в каждом городе, в силу своих особых условий, организация принимала и особые формы. Однако уже тогда намечалось кое-какое единообразие. Прежде всего из Западного края пришла на юг и юго-запад касса борьбы, стачечная касса. Эта форма организации, впрочем, была известна еще со времен Заславского, Обнорского и Халтурина. Была она известна и в Петер-

бурге и в Москве и в 80-ые и 90-ые годы. Кроме этого, как мы видели, почти общей формой являлись так называемые рабочие комитеты: рядом с центром, по преимуществу интеллигентским, существовал „Рабочий Комитет", так было в Киеве, так одно время было и в Петербурге. В Москве да и в Петербурге времен Ленина такого деления не было, и мы приводили уже рассказ Б. Гольдмана о том, как протестовали „старики" в Петербурге по выходе из тюрьмы, когда обнаружили какие-то новые попытки создать рабочий центр: „Организация должна быть одна", ответили старики.

Но и при существовании рабочего комитета, как это было в Киеве, руководство обыкновенно находилось в руках единого конспиративного центра.

Каков был принцип этой организации? Мы уже отметили, что в 80-ые и 90-ые годы намечалось три типа организации - один, так сказать, заговорщический, как остаток, как отрыжка народнических переживаний. Группа „Освобождения Труда", склонявшаяся к нему уже в девяностые годы (в конце), отказалась от него; другой тип организации, который известен теперь под именем демократического централизма—массовая рабочая партия с максимумом демократизма ее составных частей при максимуме централизации; ясно, что этот тип тогда только намечался (резче и яснее всего в Петербурге и Москве времен Лядова), но он уже был, и его отстаивали затем в девятисотых годах искровцы и большевики; наконец, третий тип организации рабочих касс с широким выборным началом, это будущая организация „экономистов"; этот тип тоже только что намечался, как и породившее его течение „экономизм", и потому мы на нем не останавливаемся.

Понятно, что никакого деления на районы, подрайоны, никаких районных конференций и комитетов не было, хотя, как мы видели, зачатки и этих форм уже наблюдаются в нашей работе: в Петербургском Союзе времен Мартова и Ленина уже происходило естественное деление на районы по числу важнейших пролетарских районов (отличное от нынешнего), намечалось что-то похожее на районные комитеты, хотя и созданные сверху. Такие же зачатки районов были и в Москве и в Иванове и в других городах. Но в общем все это были зачатки, все это еще только намечалось и рождалось. Более прочной, постоянной единицей являлся „кружок", нечто напоминающее нашу первичную ячейку позднейших времен, более или менее длительно существующую и более или менее постоянную. Во второй половине 90-х годов кружки эти носили текучий, непостоянный состав, так как начавшееся массовое движение вовлекало постоянно новых членов. Без сомнения, почти везде имелся кадр более старых опытных пропагандистов и агитаторов, как из рабочих, так и из интеллигентов. То, что называлось впоследствии—ответственные организаторы, пропагандисты, секретари и т. п., тогда еще не существовало; все эти термины получили свое существование тогда, когда массовое движение создало, действительно, массовую организацию и когда кадр профессиональных революционеров выработал точнейшее разделение функций.

Таким образом, переходный период отразился и на организации: ведь социал-демократия только что вышла из переходного состояния—от полународнического, полумарксистского кружка саморазвития первого периода она вступила в период социал-демократического кружка

пропаганды и подошла к организации массовой агитации. Она не успела еще отрешиться от старых заговорщических форм „Народной Воли", но она уже отбрасывала их и искала новых организационных форм, которые бы соответствовали необыкновенно сложному невиданному в движении масс содержанию: массовая революционная рабочая социалистическая партия в подполье самодержавного государства.

Как бы то ни было разрастающееся рабочее движение вело социал-демократию именно к этой форме его организации. Мы уже видели, как в силу об'ективных условий завязывались связи у отдельных центров движения друг с другом, как создавались эти центры, как перед каждым из них вставал вопрос о более планомерной работе в связи с другими соседними организациями, как более острые экономические конфликты на Западе России поставили вопрос об об'единении, как это об'единение произошло сначала у литовских социал-демократов (март 1895 г.), как затем был создан „Бунд" (в октябре 1897 г.) и как в результате этого стремления к об'единению встал вопрос и о создании российской рабочей партии.

Мы теперь знаем, что созыв с'езда, его организация и образование партии—разрешение этой задачи выпал на долю киевских социал-демократов, именно деятелей группы „Рабочей Газеты", но мы видели точно так же, что и Петербургские и Московские социал-демократы делали попытки разрешить эту задачу, словом, что идея созыва с'езда носилась в воздухе, что с'езд, организация партии был естественным логическим завершением всего предшествующего развития русской социал-демократии. Русская социал-демократия вступила в третий период своего развития. Только что образовавшаяся партия была разрушена напором врага, но слова, сказанные на первом с'езде: „социалистическая рабочая партия"—уже не умрут, они будут собирать под свои знамена все большие и большие массы, которые, наконец, и создадут в 1903 году настоящую боевую организацию русского пролетариата, из которой и выросла наша коммунистическая партия.

Второй период истории кончился, раскрывалась новая страница этой истории и какой верой, какой бодростью веет от слов призыва нашего вождя, слов, с какими он обращался к нам как раз в начале третьего периода: „... только пролетариат способен до *конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих. . ."

Замечания, источники, литература.

Изучение истории нашей партии только что началось. Мы не имели возможности не только рыться в архивах, у нас не было времени заглянуть даже в ту богатую литературу, какая накопилась за двадцатипятилетнее существование нашей партии со времени первого с'езда. Да и сейчас, пожалуй, еще нельзя написать сравнительно полной истории нашей партии, так как целые периоды этой истории не только не изучены, а к ним можно сказать еще и не прикасалась рука историка. Для примера укажем хотя бы такой период как 1898 и 1899 годы, т. е. ближайший период после первого с'езда или хотя бы годы реакции 1908, 9 и 10, о которых мы знаем очень мало.

Если же обратиться к более ранним временам, то здесь тоже непочатый угол работы. Даже малейшее прикосновение к материалам, напр., по истории 80-х и начала 90-х годов, сразу же показывает, что и здесь нас ожидают такие сюрпризы и неожиданности, что придется, очевидно, пересмотреть многие из установившихся взглядов и шаблонов, созданные в пылу борьбы и вследствие скудости источников, но, прежде чем приводить примеры таких сюрпризов и неожиданностей, необходимо сказать заранее несколько слов в свое оправдание.

Если по нашему мнению еще не время писать историю нашей партии, то почему же мы взяли на себя смелость выступить с предлагаемыми очерками? Причин тому несколько. Первая, это поручение ЦК РКП Истпарту написать учебник истории. Это поручение было дано комиссии из пяти товарищей (т.т. Лепешинскому, Мицкевичу, Батурину, Бубнову и Невскому). Комиссия, как можно было ожидать, распалась, ибо мудрено писать коллективный учебник, имея совершенно различные взгляды на задачи и характер работы и подходя совершенно различно к разрешению задачи.

После этого, написание учебника и было поручено одному лицу.

Это лицо прекрасно понимало, какое огромное затруднение представляет составление учебника по истории партии в особенности, когда живут и действуют те, кто эту партию строил. Но не это, конечно, обстоятельство служит препятствием; главное затруднение состоит в том, что к величайшему сожалению доселе в этой области сделано так мало, что, берясь за работу, приходится заранее учесть, что многое нужно будет разрабатывать впервые, работая над сырым совершенно неизученным материалом. Стоит подумать только о том, что мы не имеем не только перечня деятелей движения, но даже сносной библиографии, в нашем распоряжении нет хотя бы изданий, подобных „Государственным преступлениям" Базилевского.

Принимая же во внимание богатейший архивный материал, без которого работать теперь нельзя, и которого необозримые горы, всякий согласится с тем, что иначе, как очерками, мы наш труд назвать и не смеем.

Нечего говорить, что при нашей работе мы руководствовались методом Маркса. Мы исходили из того положения, что в основе всяческих исторических изменений лежит развитие производительных сил, изменение экономической структуры общества. Отсюда понятно, что мы старались об'яснить развитие революционной истории нашего общества теми класовыми соотношениями, которые выростали на фоне экономики данного времени.

По этой же причине мы считали необходимым предпослать собственно истории нашей партии краткий очерк развития революционного движения в течение 19-го века, вернее краткий очерк смены революционных идеологий. Без этого, кажется, нам неясна и наша собственная революционная идеология. Само собой понятно, что вследствие этого нам пришлось дать краткий же очерк развития рабочего движения до 70-х годов, вернее движения посессионных рабочих, так же как для уяснения событий начала девятнадцатого века необходимо было хотя бы кратко сказать несколько слов и о развитии промышленности в предшествующее столетие. Вот причина, в силу которых так разрослось наше введение.

Мы делим историю нашей партии на периоды, как их наметил В. И. Ленин в послесловии в известной книге „Что делать". Думается, что деление научно оправдывается и подтверждается историей нашего хозяйства и рабочего движения. Т. Ленин считает первым периодом время от 1883 года до 1894 г., т. е. от момента выступления группы „Освобождения Труда" со своей программой до первого партийного об'единения, начавшего массовую организованную борьбу с самодержавием, т. е. до организации Петербургского Союза борьбы. Второй период, по мнению Ленина, это от 1894 до 1897—8 г.г., т. е. до момента первого с'езда. Первый с'езд завершает этот период. Действительно, возникновение социал-демократии и упрочение ее программы как раз совпадает с началом массового рабочего движения, а создание первой массовой боевой организации, Петербургского Союза борьбы, возможно только на фоне первого массового выступления русского пролетариата, совпадающего с развитием массового рабочего движения вообще в связи с под'емом промышленности. Думается, что это доказано нами и в тексте книги. Мы поэтому считаем неправильным деление истории нашей партии на те три периода, которые предлагает т. Бубнов. Он в своих „Основных моментах развития коммунистической партии" три первые ленинские периода об'единяет в один (1883—1903 г.г.), считая, что весь этот период есть развитие от народнического кружка к социал-демократической партии. Но как раз этой чертой характеризуется только период первого десятилетия,—именно в это время существовали кружки переходного типа; их уже, как общее правило, нет во втором периоде, и о них слухом не слыхать в период от 1898—1903 г. Нельзя точно также отождествлять (если имеет только какой-либо смысл вообще делить историю на периоды) время от 1894 до 1898 г., когда в среде самой социал-демократии, по словам деятеля того периода т. Ленина, нет принципиальных разногласий, с временем от 1898 по 1903 год, когда в лагере самих социал-демократов кипит ожесточенная борьба. Период 1894—1898 г.г. характеризуется дружной борьбой всей социал-демократии (даже и легальных марксистов) против народничества, а период 1898—1903 г.г.—борьбой ортодоксов с.-д. и против народников и либералов и против своих же товарищей экономистов. Как же возможно смешивать такие два резко различные периода? Довод же, что с 1903 до 1917 г. это период большевизма, явления, какого не знал период с 1883 до 1903 г., мало убедителен, потому что, ведь, если внимательно посмотреть работу Ленина „Что такое друзья народа" и „Задачи русских социал-демократов", то и там можно найти (и они есть) зачаток позднейших взглядов Ленина, который ведь и является наилучшим выразителем большевизма. Нельзя поэтому считать, что весь период 1883—1903 г.г. характеризуется только одной чертой: подготовление коммунизма. Ленин кладет в основу деления этапы экономического развития России и выростающего на фоне этого развития рабочего движения и уже в связи с этим характеризует и социал-демократию каждого данного периода. (Кстати, Благоевская группа ведет свое начало с 1883 г. по словам самого же Благоева, а не с 1884 г., как помечено у т. Бубнова).

Изучение первоисточников по истории первого периода нашей истории показало, что наше общее представление о возникновении первых рабочих кружков немного неточно. С легкой руки некоторых историков да и по воспоминаниям самих участников этих кружков выходит так, будто рабочие кружки Богданова, Шелгунова, Норинского и др., в конце 80-х и начале 90-х годов со-

здались сами собой, будто бы эти рабочие додумались сами до марксизма. Это неверно. Документы, опубликованные нами в „Красной Летописи“ (№ 7) о кружке Точисского, показывают, что один из главных организаторов рабочей группы начала 90-х годов получил свою выучку в кружке Точисского, с которым в соприкосновение приходил и Шелгунов (по крайней мере с Брейтфусом, учеником Точисского), да и народники много поработали над подготовкой этих первых кружков. Пример Мельникова в Харькове—блестящая тому иллюстрация. Народники делают революционером этого замечательного интеллигента рабочего, а, получив революционную закваску, он уже ощупью, оригинально и самостоятельно идет к марксизму. Но только интеллигент Абрамович окончательно делает его марксистом. Да такой ход развития как будто бы соответствует и нашему старому и, несмотря на это, а может быть именно поэтому, правильному взгляду о привнесении социализма в рабочую среду извне, о чем долго рассказывал и учил Ленин „экономистов“.

В связи с этим необходимо сказать, что и в семидесятые годы мы встречаем это явление в истории замечательных рабочих организаций того времени. Начать с того (как это мы доказываем на основании новых архивных данных), что идейным вдохновителем, а, стало быть, создателем „Северно-русского союза“ был не один Халтурин, а прежде всего В. Обнорский, этот, действительно, замечательный рабочий-горожанин, чистокровный пролетарий, не имевший абсолютно никакой связи с землей, родившийся и выросший в городе и с измальства ушедший на завод. Обнорский же был учеником Заславского (см. нашу работу в сб. Центрархива „Южно-русские рабочие Союзы“). И здесь, стало быть, налицо то же самое привнесение социализма извне, как и в случае с рабочими кружками конца 80 и начала 90-х годов. Вообще вопрос об образовании первых социал-демократических кружков значительно сложнее, чем казалось прежде; процесс этот длительный, интересный и своеобразный. На долю народников в деле подготовки первых рабочих кружков выпадает большая заслуга; марксисты исходили из этих кружков в своей работе, реже начинали дело сами (напр., Точисский), заслуга же рабочих пионеров нашего движения состоит в том, что, ставши социалистами, они сумели скорей социалистов из буржуазной среды эволюционировать от мещанского социализма к марксизму.

Эволюция чернопередельцев к марксизму тоже дает кое-что новое. Еще т. Стеклов показал это, теперь же после издания нами „Черного Передела“ это проследить легко. Чернопередельческое „Зерно“ тоже представляет большой интерес, как и вообще вся литература 80-х годов, отражающая, как в зеркале, ломку старой идеологии.

С этой точки зрения огромный интерес представляет „партия русских социал-демократов“, или то, что мы привыкли называть группой Благоева.

В тексте книги мы подробно старались показать два момента,—элементы, из которых сложилась сама группа, и элементы их программы. И то и другое как раз и отражает ту сложность формирования первых социал-демократических кружков 80-х и начала 90-х г.г., на которую мы только что указали.

Эта пестрота, этот переходный тип кружка вообще очень характерное явление для всей эпохи 1883—1894 г.г., только к концу этого периода тип социал-демократического кружка становится более или менее устойчивым явлением, до этого же времени этот переходный характер присущ почти всем кружкам в том числе и брусневцам. Иначе как же об'яснить себе брусневскую программу? Не тем же, что Егупов навязал ее насильно Брусневу.

Как на весьма интересный факт, мы указываем на преемственность наших организаций (буквально персональную) прямо от „Земли и Воли“ до „Петербургского Союза борьбы“. Это наглядно представлено нами на схеме с указанием весьма сложной связи между народническими и нашими кружками. Рассматривая эту схему, действительно, убеждаешься, что все лучшее от народников унаследовали не социалисты-революционеры, а мы социал-демократы—коммунисты.

Кружок Мельникова одно из интереснейших явлений конца 80-х годов. Аналогичное явление представляет, повидимому, и Мотовиловский кружок в Ростове на Дону, но он подлежит еще подробному изучению.

Как на интересное явление, на что имеется только намек в одном замечании Ленина, указываем мы на совершенно самостоятельную выработку марксистского мировоззрения независимо от группы „Освобождения Труда" Точисским, Федосеевым, Скворцовым, отчасти Рязановым и Лениным. Это явление было совершенно не освещено в нашей истории, и дело обыкновенно представлялось так, что появилась группа „Освобождение Труда", и родился марксизм в России. Дело было значительно сложнее и, главное, оригинальнее. Вопрос этот для 70-х годов отчасти уже рассматривался, а что касается 80-х, то он почти и не затрагивался.

Возникновение социал-демократии или вернее марксизма шло значительно сложнее, чем нам казалось прежде. В течение всего первого периода в хаосе разложения народнической идеологии рождалось новое направление, причем история производила как бы своеобразный отбор: она, как природа, создавала ряд несовершенных переходных типов, пока не выработался тот тип марксиста, совершенным образцом которого является Ленин. Народничество изживало себя, при чем наиболее жизнеспособные элементы эволюционировали к марксизму, а разлагающиеся части его пополняли ряды только еще намечающихся буржуазных группировок.

В наших очерках этому процессу уделено достаточное внимание.

Освещены новыми данными и кружки начала девяностых годов, но в этом отношении, за немногим исключением, не появлялось за последнее время почти никаких исследований. Кружки и организации второй половины девяностых годов подверглись нашему рассмотрению точно также с точки зрения нового неизвестного материала, а вопрос о первом с'езде рассмотрен на основании всего того нового, что опубликовано и провинцией и нами к юбилею партии, как в специальном сборнике, так и в „Красной Летописи". Не оставили в этом вопросе мы без внимания и архивы.

Источниками, на основании которых написана предлагаемая читателю книга, являлись: 1) материалы Историко-революционных архивов в Петербурге, Москве и провинции и 2) историко-литературные издания, — исторические исследования, мемуары, периодические исторические издания и т. п.

Материалы историко-революционных архивов, которыми мы пользовались, были двоякого рода: подлинные дела и всякого рода печатные произведения, касающиеся истории революционного движения.

Дела, которыми мы пользовались, это дела б. третьего отделения (как оно называлось—„3-е отделение собственной Е. И. В. канцелярии"), особого присутствия Сената и быв. Департамента полиции.

Делами первых двух категорий мы пользовались при изучении в высшей степени важного вопроса о „Южно-русском союзе рабочих" и о „Северно-русском союзе рабочих".

Дела эти следующие: б. 3-го отделения 1. Дело № 144. О распространении молодыми людьми книг социально-революционного содержания и о пропаганде их в народе. Часть 207 (на 77 листах). „О Павле Монакове, Владимире Томашевском, Викторе Обнорском и двор. Александре Левашове". 1874/6—1878 г.г.

2. Дело о „Южно-российском союзе рабочих". Это дело составлено из нескольких дел:

а) Часть 166 дела б. третьего отделения № 144 за 1874/6—1878 г.г. л. А и Б (288 л.).

б) №№ 42/I 42/II, 42/III, 42/IV и 42/V. Судебной Одесской Палаты за те же годы и

в) 42/VI и 42/VI (№ 23) б. Особого присутствия Сената.

3. Дела о кружках переходного типа восьмидесятых и начала девяностых годов.

Дела Историко-революц. Архива в Петербурге (б. деп. пол.).

А. Это прежде всего о харьковских и ростовских кружках доктора Бекарюкова и Мельникова за 1889—1891 г.г.

а) 3-е делопроизводство б. Деп. полиции №№ 707, 708 230 и 761.

б) 4-е делопроизвод. п. №№ 160 и 880 и

в) 5-е делопроизвод. б. д. п. № 116 и

г) Особого Отдела б. д. п. № 273 ч. 6.

Б) Дела о „партии русских соц.-демократов", т. е. группы Благоева, а именно: 3-е делопроизвод. б. д. п. № 294, 1886/7 г.г. сведения о Кирилле Петровиче Бушкове, Михаиле Михайловиче Теселкине, Александре Мефодьевиче Редько и Прасковье Петровне Сюзюмовой.

3-е делопроизвод. № 457/1886 г. об Оресте Макаровиче Говорухине и Евдокии Ивановне Желтухиной.

3-е делопроизвод. № 100/1886 г. сведения о Николае Васильевиче Носкове, Андрее Балтазаровиче Станишевском, Павле Петровиче Шатько, Надежде Алексеевне Латышевой, Марье Ильиничне Югилевич, Николае Прокофьевиче и Петре Прокофьевиче Андреевых, Петре Алексеевиче Латышеве, Аполинарии Алексеевиче Герасимове, Сергее Алексеевиче Платунове, Цецилии Самойловне Гуревич, Елене Федоровне Зауэр, Николае Михайловиче Книповиче, Петре Флегонтовиче Коропочинском, Вячеславе Александровиче Кугушеве.

3-е делопроизвод. № 91/1893 г. о Матрене Григорьевне Голубенко, Семене Константиновиче Орлове, Гордее Ильиче Руэр и Давиде Иосифиче Мауэр, (а также о Станишевском и Носкове).

3-е делопроизв. № 91/1893 г. о бывшем студ. Лесного Института мещ. Давиде Иосифовиче Гофман.

3-е делопроизв. № 467/1893 г. о Георгие Николаевиче Лаврове.

Эти два последние дела заключают в себе подробные заключения прокурора, которые будут нами опубликованы в особой работе о Благоевской группе.

3-е делопр. № 74/1889. О полицейском надзоре за Благословым.

3-е делопр. № 281/1893 г.

3-е делопр. № 678/1894 г. О куп. дочери Цецилии Сам. Гуревич.

3-е делопроизв. № 443/92 о Михаиле Михайловиче Теселкине.

В) Дела о соц.-демокр. кружках в Одессе за 1891 г.:

Дело № 295 и № 243 о Давиде Гольденбахе, рабочем маляре, Рубинштейне, Гуревиче, Карфункеле, Розалии Бергере и Леопольде Залесском, а также дело Одесского жанд. упр. об этих же лицах. За № 35, 1891 г. и № 160, 1891 г.

Г) Дела о соц.-демократических организациях 90-х годов:

а) Большое дело о „Южно-русском рабочем Союзе", 4-е делопр. 1898 г. № 120 т. I („Южно-русский рабочий Союз") № 120 т. II, № 120 т. III („Киевский союз рабочего класса") № 120 ч. 1 т. 1 и 2 и № 120 ч. 2 л. А все 1898 г. делопр. 4-го. Дело о „Южно-русском рабочем Союзе" № 120 ч. 1, 126 ч. 2 за 1898 г. 4-е делопр.

б) Дела о „Южно-русском раб. Союзе в г. Одессе" 4-е делопр. № 23 и 23 ч. 1 и 2—1897 г.

в) Дела о Южно-русском рабочем Союзе в г. Николаеве. Особ. отд. № 5 ч. 2 л. А, Б, В—1898 г. „Преступная пропаганда среди раб. и распространение среди них преступных воззваний. Южно-русский рабочий союз" и д. № 56/1898 г. 4-е делопр.

г) Дело о „Киевском Союзе борьбы" из Историко-рев. архива в Киеве (находится в Истпарте, в Москве часть его) за 1898 г. Киевск. Губ. Жанд. Упр. т. V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XII, XIV и XV.

д) О рабочих кружках в Риге 4-е делопр. №№ 168, 168 т. II, 168 ч. 1 и 2, №№ 201, 201 т. II и 201 ч. 1 и 2 все 1897 г.

е) О воронежском революционном кружке. 4-е делопр. №№ 370, 370 т. 2, 3 и 4, 370 ч. 1 и 2—1897 г.

ж) Дело о Московском рабочем Союзе. 4-е делопроизв. № 314/1894 г. Т. I „О враче Сергее Мицкевиче“, т. II „О Московском соц.-демократическом кружке“ и т. III „О тайном сообществе московских соц.-демократов“.

з) 7-е делопр. д. № 295/1896 г. „О Московском социал-домократическом кружке союза рабочих“.

и) 4-е делопр. 1896 г. №№ 395, 395 ч. 1 Б, 395 ч. 2, 395 т. II и III.

к) О нижегородских рабочих кружках в Нижнем-Новгороде. (Кузнецовский кружок) 4-е делопроиз. № 255/1894 г. т. т. I/1894 г., т. II/1896 г., т. III/1896 г. и т. IV/1896 г. и № 255 ч. 2, 1896 г.

л) Дело о Петербургском Союзе борьбы („О лицах, обвиняемых в принадлежности к преступной организации, именующейся „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса“)—1897 г. 4-е делопроизв. д. №№ 96 т. I, 96 ч. 1 л. А, 96 ч. 1 л. Б, 96 ч. 2, 96 т. II, III и IV.

Часть этого дела находится в Московском Истор. рев. архиве.

Результаты работы над этими материалами уже отчасти опубликованы в виде отдельных небольших исследований („Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других“ в сб. „От группы Благоева к „Союзу борьбы“ 1921 г. Донск. отд. Гос. Изд. „Южно-русский рабочий Союз“ в Николаеве в 1897 г. Москва Госуд. Изд. 1922 г., вводная статья в сборнике Центроархива „Южно-русские рабочие союзы“, о Заславском и Обнорском), частью подготовляются к печати (напр., о группе Благоева).

Внешний вид и характер расположения материала всех этих дел, вообще говоря, однообразен.

Что же представляют эти дела по внутреннему своему содержанию, по существу и исторической ценности документов, в них находящихся?

Но, прежде чем говорить об этом, рассеем одно недоразумение, прочно вкоренившееся в сознании наших товарищей, работающих над материалами, подобными перечисленным нами, о так называемом мутном, нечистом происхождении этих материалов и отсюда о „сомнительности“ их с точки зрения исторической достоверности.

Наиболее рельефно это недоразумение, чтобы не сказать больше, выражено в статье у Н. Милютиной в сб. Московского Истпарта „Путь к октябрю“ (ч. I стр. 246). „Несколько слов о работе в Историко-революционном архиве“. Тов. Милютина делит все источники на две группы: 1) „Источники—историческая достоверность которых не представляет сомнений и 2) Источники—историческая достоверность которых находится под вопросом“. К источникам первого рода т. Милютина относит большинство произведений нелегальной литературы, а к источникам второго рода, к источникам, историческая достоверность которых сомнительна, она относит все материалы собранные охранными отделениями, жандармскими управлениями и судебными палатами.

Мы думаем прежде всего, что автор названной нами статьи просто, деликатно выражаясь, не заглянул в элементарное руководство по источниковедению, иначе бы он никогда не рискнул избрать такой шаткий principium divisionis. В самом деле, начать с того, что источник может быть абсолютно достоверен, а историческая ценность его—грош цена. И наоборот, происхождение источника может быть очень мутное и за всем тем историческая ценность его огромна и несомненна. Возьмем простой пример. Нам нужно установить, получал ли деньги от охранного отделения или нет, скажем, соц.-дем. Коновалов. В наших руках оказывается несколько документов,—напр., письма самого Коновалова, в подлинности которых мы не сомневаемся, показания его товарищей по организации и, наконец, документы, принадлежащие, скажем, начальнику охранного отделения.

Подлинность всех этих документов нами проверена, критически взвешена. и все они в один голос твердят, что Коновалов денег не брал и никогда на жалованьи в охранке не состоял. Но вот мы находим книгу, где записывалась выдача жалованья сотрудникам, и там, среди других оправдательных документов, обнаруживаем собственноручные расписки Коновалова в получении тридцати сребренников. Как же нам быть? Провокатор расписывается в получении денег,

а мы, в виду того, что документ мутного происхождения (чего уже там мутнее провокатора), говорим, что Коновалов перл создания. Тов. Милютина скажет: неудачный пример. Именно потому, что нач. охранного отделения уверяет, что Коновалов денег не брал, я и буду уверена уже заранее, что он их брал, так как документ, исходящий из такого сомнительного источника, как охранка, недостоверен. Ну, а если будет наоборот: начальник охранного отделения уверяет, что Коновалов деньги брал, а этот последний будет отрицать это, как быть тогда? По Милютиной выходит так: Коновалов честный человек, ибо утверждение, что он провокатор, исходит из сомнительного источника. Как раз так и поступают здравствующие ныне гапоновцы. Они упрямо не верят, что Гапон деньги брал, причем рассуждают так же, как т. Милютина: так как де уверение, что Гапон деньги брал, исходит от Зубатова и директора департамента полиции, а свидетельства эти заранее сомнительны, то Гапон денег не брал. Не поступит ли в данном примере каждый исследователь так: изучит прежде всего происхождение источника, состав его, содержание и затем уже на основании его содержания будет решать вопрос, представляет ли он ценность для данного изучаемого вопроса.

Не должен ли смотреть марксист историк на источник так, что в нем, в этом источнике, прежде всего отражается то бытие, которое создает источник, что в словах и фразах, в форме, во всем существе источника отражается та социально-экономическая почва, из которой вырос источник, что его словами, его документами, его выражениями прикрывается или выражается определенная классовая структура общества.

И решительно все равно,—является ли таким источником гениальное произведение кисти какого-либо художника, изображавшего придворные балы, скажем, времен Людовика или причудливое изображение из камня какого-нибудь каменотеса времен Фараонов или донесение какого-либо жандармского полковника Дремлюги, везде—и в картине кистью живописца, и в камне резцом скульптора, и на пожелтевшей и вонючей бумаге охранки пером жандарма в той или иной форме выражается только одно: сгусток того, как претворялись в головах людей определенные классовые соотношения определенной эпохи, кричит либо торжество победившего класса, либо раздается крик проклятия и призывы к борьбе порабощенного, угнетенного класса. Обязанность историка суметь найти в источнике этот подлинный дух классовых соотношений, заставить источник заговорить понятным для нас языком, извлечь из-под его самой разнообразной формы самую суть социальных, классовых отношений, создавших и самый источник и его форму, классовых битв, выраставших на определенном экономическом фундаменте.

С этой точки зрения все источники ценны, и деление, подобное выдуманному т. Милютиной, является просто детским. Осторожность же и скепсис необходимы по отношению ко всякому источнику.

По Милютиной же выходит так: раз какой-нибудь документ создавал прокурор Судебной палаты или какой-нибудь охранник, кончено, это не достоверный, не ценный источник.

Возьмем еще пример. Перед вами стоит вопрос, определить дату какого-либо события; вы находите показание шпиона, что он видел, скажем, первого марта, как раз то лицо, относительно которого вы желаете определить дату, и как раз в том месте, где событие происходило. По Милютиной выходит так, что показание филера документ не достоверный. Что же может быть хуже: писал шпион.

По Милютиной выходит так, что раз документ составлен революционером, то тем самым ценность источника обеспечена, ибо он достоверен.

Мы же думаем, что деление источников, выдуманное т. Милютиной, есть чепуха и что историк не боится таких источников, как документы охранки и пр., ибо он ко всякому источнику подходит критически, и что определенное происхождение документа (в данном случае охранное) нисколько не делает источник обязательно не достоверным и не ценным.

Мы извиняемся перед читателем, что занимали его такими общеизвестными вопросами, но это нужно было сделать именно потому, что так, как т. Милютина, смотрят на источники очень многие из наших товарищей.

Мы лично при пользовании материалов, находящихся в указанных выше делах, не отбрасывали эти документы только потому, что они родились в охранке, а все решительно документы подвергали критике и только после этого решали вопрос о его ценности для данного конкретного случая.

С внешней стороны характер этого архивного материала однообразен, общеизвестен, и мы подробно на нем останавливаться не будем, а скажем всего несколько слов.

Большинство дел представляет собрание документов, образовавшихся в процессе следующих действий агентов правительства: материалы охранных отделений, где они существовали, или жандармских отделений, где охранных отделений не было, материалы жандармского дознания по делу в жандармском управлении, предварительного следствия Судебной Палаты и судебного следствия Особого Присутствия Судебной Палаты, если дело шло в суд, и наконец переписка по поводу исполнения либо „высочайшего“ повеления (если дело шло административным порядком), либо судебного приговора, если дело разбиралось судом.

Дело в охранном отделении начиналось задолго до того, как „преступники“ уловлялись и отправлялись в тюрьму. Организаторы, пропагандисты, техники еще делали свое дело на воле, в подполье, а охранные и жандармские управления уже плели свою сеть: филеры следили за „преступниками“ и подозреваемыми, писали свои дневники, эти дневники разрабатывались в охранных и жандармских управлениях, и результаты этой разработки с докладами о фактах революционной деятельности направлялись в Департамент полиции. Здесь эти данные сопоставлялись с данными такой же работы в других местах Империи, и, если устанавливалась какая-либо связь революционеров разных городов или департамент имел сведения, полученные им самостоятельно, он давал новые задания на места или требовал дополнительных сведений или помогал местным своим органам советами, указаниями, фактами и силами. Так накоплялся материал в руках охранников или жандармского управления, — дневники филеров, доклады осведомителей, провокаторов, доклады местных жандармов Департаменту, переписка жандармов разных городов, перлюстрированные письма, собранная всякими путями нелегальная литература, — на заводах после разброски, полученная от осведомителей и т. д. и т. п., прокламации, брошюры, ответы Департамента местным властям,—жандармам, губернатору, результаты пока—либо случайных либо предварительных обысков, — вещественные доказательства, найденные при обысках (письма, рукописи, литература и т. п.). Все это подшивалось, нумеровалось и своеобразно изучалось. Наконец, когда жандармы в согласии с Департаментом полиции находили момент подходящим для арестов („ликвидации“ на их языке), производились аресты по спискам, согласованным с Департаментом. Арестованные по результатам обысков, предварительного ознакомления с ними и их показаниями отчасти освобождались, отчасти задерживались в тюрьме в порядке охраны, отчасти, если жандармы находили достаточные основания, переходили в следующую стадию дела,—жандармского дознания в содружестве с лицами прокурорского надзора, которое тянулось иногда годами. Опять накоплялись материалы,—протоколы показаний, вещественные доказательства, доклады жандармов в Департамент о ходе дознания, всякого рода справки о деятельности привлеченных к дознанию, переписка между ведомствами, документы о личности подсудимых, фотографические портреты их и т. д. и т. п. Дело выяснялось, обвиняемые разделялись на группы, составлялось заключение о деле, которое и направлялось прокурору Судебной палаты.

Следствие заканчивалось заключением обыкновенно товарища прокурора и предположением прокурора Палаты о мере наказания. Это заключение поступало Министру Юстиции, который или соглашался с мнением прокурора или вносил изменения. Департамент полиции тоже вносил свои изменения. После

этого дело поступало на рассмотрение Министра Юстиции, который докладывал царю и по „высочайшему повелению“ дело разрешалось в административном порядке.

Это постановление сообщалось прокурору Судебной Палаты, Департаменту полиции и Жанд. Управлению, где производилось дознание. Теперь наступала заключительная стадия дела: выполнения „высочайшего повеления“, — рассылка „преступников“, отдача их под надзор, отправка в тюрьму и т. д. Опять собирались документы, — переписка по поводу высылки, прошения высылаемых, справки жандармских управлений и Департамента, переписка с тюремным ведомством и т. п.

Это типичный ход дела. Но мог быть и иной ход политических дел, например, отдача под суд либо военный, либо особого присутствия Судебной палаты, либо дело разрешалось в административном порядке без представления его Министру Юстиции.

Из дел, которыми мы пользовались, только по двум делам обвиняемые пошли под суд: первое дело о „Южно-росс. союзе рабочих“ Заславского 1874/6—8 г. и второе дело о военных кружках Шелгунова, связанных с благоевским делом, разбиравшееся военным судом. Но второе дело почти не использовано нами, и о нем мы подробно будем говорить в специальной работе о благоевцах, а первое — дело Заславского подробно рассмотрено нами в особой работе. Оно также состоит из нескольких частей, — данных жандармского дознания (д. 3 отд. № 144 ч. 166), Одесской Судебной палаты (т.т. 42, I, II, III, IV) и Особого Присутствия Сената (т.т. 42/V и 42/VI).

Все остальные дела, какими мы пользовались, дела обычного типа, только что описанные нами.

Что же за документы содержатся в этих делах и какова их ценность? Ценность этих документов самая различная. Прежде всего эти документы самого разнообразного происхождения, — полицейские протоколы обысков, протоколы показаний обвиняемых, протоколы показаний свидетелей, филерские дневники, их сводки, перлюстрированные и подлинные письма, рукописи привлеченных к дознанию, описи вещественных доказательств, доклады жандармских и судебных органов власти, прошения обвиняемых, справки жандармов и Департамента полиции, документы полицейского характера, — рапортички об отбывании гласного надзора, отзывы и отношения тюремного начальства, прокламации, брошюры, книги, телеграммы, шифры и т. д. и т. п.

В зависимости от задач и вопросов, которые вставали в процессе работы, тот или другой из этих документов представлял большую или меньшую ценность. Здесь, конечно, приходилось принимать во внимание решительно все, — время, место, обстоятельства создания документа, его подлинность, характер и содержание и главное ту задачу, тот вопрос, который подлежал выяснению. Очень часто оказывалось, что источник, в достоверности которого, по мнению т. Милютиной, нельзя было никак сомневаться, оказывался самым бесценным для выяснения интересующего нас вопроса.

Приведем один пример. Надлежало определить, какой характер носила агитация Московского рабочего Союза. Прокламации, распространяемые Союзом, носят экономический харак ер, а между тем утверждения некоторых участников дела сводятся к тому, что в устной агитации была уже определенная политическая струя. Взявши показания одного из участников дела, принявшего на себя всю вину и старавшегося выгородить всех остальных соучастников дела, мы нашли такое его показание (4 д. № 314 т. II, 1894 г., лист. 122): „Желаю дать показание по всем обстоятельствам настоящего дела. Принадлежа по своим убеждениям к сторонникам рабочего движения в духе марксизма, я давно задумал вести пропаганду в рабочей среде с целью развития классового самосознания и необходимости рабочей организации... Я стоял на той точке зрения, что развитие экономического классового самосознания должно стоять на первом плане, что политическое переустройство не может принести какую-нибудь пользу рабочему классу до тех пор, пока он не приобретет экономической

организации, и потому считал, что политическая агитация не должна иметь места"...

Таково было показание одного из видных деятелей Союза. Но рядом с этим показанием находятся показания других, не менее видных деятелей, которые говорят, как раз обратное, именно, что лицо, отрывки показания которого мы привели, вело самую явную политическую агитацию.

Чьи же показания достоверны, чьи нет? и представляют ли для разрешения поставленного нами вопроса взятые нами источники? Конечно, нет, ибо и те и другие показания ложны: первые потому, что лицо, дававшее их, желало выгородить своих товарищей, вторые потому, что лицо, дававшее их, руководилось несколько иными мотивами, чем первое, т. е. по-просту писало (может быть, невольно) то, что хотелось жандармам. Ясно, что для разрешения поставленного нами вопроса эти документы большой ценности не имели.

Скажут, показаниям верить нельзя (это и говорит т. Милютина), да, вообще говоря, на допросах говорили не правду, но иногда даже и не так называемые „откровенные" показания имеют огромную ценность. Необходимо, скажем, выяснить автора корреспонденции „Рабочей Газеты" из Иваново-Вознесенска. Т. Б. Эйдельман не помнит, кто был автором этой корреспонденции, хотя, по его мнению, она как будто бы принадлежала Солодухе. В показаниях Солодухи, вообще очень скупых, к счастью как раз по этому поводу говорится: да, писал я. И если вы сопоставите с этими двумя данными еще и то соображение, что Солодухо был связан с Киевом и что кроме него, пожалуй, и писать-то было некому, то его показание приобретает некоторую ценность.

Но, если мы захотели бы искать во всяких показаниях обвиняемых точной картины работы революционеров, то, конечно, результатов никаких не добились бы.

Стало быть, в зависимости от задачи, которая ставилась в каждый данный момент, те или другие документы приобретали ту или другую ценность. Масса документов в делах Жандармских и охранных отделений, представляя огромную ценность в других отношениях, для наших целей никакой ценности не представляли (напр., документы, рисующие постановку сыска и т. п.).

Стало быть, только с привлечением всякого рода иных источников удавалось восстановить приблизительно верную картину. Однако, и документы дел все же представляют богатейший материал для выяснения некоторых вопросов: для выяснения, напр., характера литературы, распространяемой организациями, служили протоколы обысков о найденной литературе, для выяснения лиц, принимавших участие в той или другой организации, и для установления связи между организациями часто помогали даже филерские показания (так, напр., участие некоторых одесситов в организациях других городов можно было проверить по наблюдениям филеров при сопоставлении их с воспоминаниями); для установления связей организации в рабочей среде пригодились некоторые откровенные показания (напр., для Москвы Кварцева).

Переписка революционеров давала возможность устанавливать совершенно новые факты или глубже и шире освещать старые уже известные события и явления революционной истории (например, переписка благоевцев с заграницей, или переписка, найденная нами в федосеевском деле, хранящемся в Московском историко-революционном архиве, и опубликованная т. А. И. Елизаровой, помогла выяснить взгляды такого интересного социал-демократа, как Федосеев). Богатый материал, с которым нам пришлось встретиться в делах,—это еще не опубликованные памятники агитационной и пропагандистской литературы,—прокламации, брошюрки, программы (наприм., прокламации Одесской, Киевской, Нижегородской и других организаций, устав кассы благоевцев и т. п.). Этого рода первоисточники сослужили свою службу при определении характера работы той или другой организации, содержания пропаганды и агитации. Образцы таких памятников нашей агитационной литературы мы прилагаем.

В качестве первоисточника мы пользовались помимо дел и нелегальными произведениями революционной печати. Обзор этой литературы мы дадим в конце, а сейчас заметим только, что кое-что из этой литературы является большой редкостью (напр., упоминаемая нами брошюра 1884 г., напечатанная в литографии Янковской в Москве, „Зерно“ чернопередельцев и т. п.).

Само собой, что приходилось прибегать к помощи всякого рода источников, имеющихся в Историко-революционном архиве помимо дел.

Так приходилось часто обращаться к общеизвестным обзорам важнейших жандармских дознаний, к мало-кому известным „еженедельным запискам“, издававшимся Департаментом Полиции, именным регистраторам революционеров (по особому отделу б. Деп. Пол.), розыскным циркулярам и т. д. Список их прилагается. Наконец, в нашем распоряжении имелось и небольшое количество неопубликованных еще воспоминаний разных лиц, которые также указываются в ссылках. Использование литературных источников легального характера само собой понятно.

При печатании книги мы решили не делать по возможности подстрочных ссылок, а либо оговаривать их в тексте, либо отнести в конец книги при обзоре литературных источников. В этом имеется большое неудобство, так как приходится всякий раз заглядывать в этот обзор, но зато имеется и огромное преимущество, так как не нарушает внимания читателя, не интересующегося детальной проверкой цитат и ссылок, читатель же, интересующийся этим, легко может проверить нас, заглянувши в список литературных источников.

Литературные источники.

Из огромнейшей литературы вопроса мы указываем только главнейшие, с которыми будет небесполезно познакомиться и тем из читателей, кто желал бы либо лично углубиться в вопрос, либо почерпнуть интересующие его данные. Необходимо только при этом помнить, что *почти вся* эта литература, трактующая историю движения до 80-годов включительно, принадлежит авторам немарксистам. Литература эта не одинаковой ценности. Прекрасным критическим руководством в этом море литературных источников является „Русская история с древнейших времен“ М. Н. Покровского.

Обширная работа Н. А. Рожкова социологического характера охватывает поистине необ'ятные горизонты, хотя те ее части, какие касаются России, часто включают в себя в высшей степени интересный материал и обобщения. Опять же и здесь путеводителем могут быть работы М. Н. Покровского. Поместили мы в своем перечне и краткий учебник Покровского, который, по нашему мнению, так же блестяще, хотя и кратко, излагает взгляды нашего марксиста на течение русского прошлого.

Курс Ключевского мы помещаем для того, чтобы не знающие общеизвестных фактов русской истории могли почерпнуть их из действительно прекрасно написанного произведения. Следует только помнить, что Ключевский не марксист и об'ясняет исторические явления на идеалистический лад. Так, напр., в своей работе „Происхождение крепостного права в России“ он пытается свести вопрос о происхождении этого института к „юридическому процессу“ распространения на крестьян прежде существовавшего холопского права. Правда, добросовестное отношение к фактам (и к тем пресловутым „источникам“, в которых кое-кто видит своего рода вещь в себе) заставляет его признать, что самое-то кабальное холопство (а, стало быть, и юридическая норма, его освящающая и узаконяющая) появилось в результате, как он выражается в другой своей работе „Подушная подать и отмена холопства в России“, переломов в народном хозяйстве, а, значит, в конечном счете экономических явлений. М. Н. Покровский характеризует курс Ключевского, как состоящий из частей неодинаковой ценности. Мы рекомендуем его, однако, потому, что понять развитие хозяйства при Петре и далее, не понимая основной черты его—крепостного права—

нельзя; познакомиться же со многими фактами, уже раз'ясненными русскими историками, лучше по таким корифеям русской исторической науки, чем из вторых рук. Мы тем не менее не ограничиваемся одним Ключевским, а рекомендуем и такие работы, как „Крестьяне на Руси“ Беляева, Иванюкова, Семевского, Игнатовича и др., а для желающих указываем такие источники, как, напр., „Материалы редакционных комиссий“ или А. Скребицкого.

Можно было бы указать ещё на „Приложения к трудам редакционных комиссий“. (В первом приложении содержатся интересные сведения о помещичьих имениях, во втором и третьем мнения и отзывы членов редакционных комиссий и губернских комитетов), но думается, что для преподавателя курса в Советской и партийной школе и тех источников, какие указаны, больше чем достаточно. (У Скребицкого, напр., можно найти многое, могущее заменить данные, содержащиеся в „Приложениях“ к трудам редакционных комиссий, см. хотя бы во втором томе приложения — ведомости (стр. 1227), рисующие помещичьи имения, число дворовых и прочих крестьян, размер оброка и „потери“ помещиков и т. п.).

Работы Семевского интересны в том отношении, что они дают яркую картину крестьянского движения при Екатерине, чем мы и воспользовались для нашего очерка. До настоящего времени не только марксистского, но и вообще какого бы то ни было исчерпывающего труда по истории крестьянского движения и поссесионных рабочих не написано: груды сырого неиспользованного материала ждут еще марксиста исследователя.

Работами Милюкова о хозяйстве при Петре и Струве мы воспользовались во введении и далее, говоря об экономике петровской эпохи и XVIII века. Три работы о торговле и промышленности в XVI, XVII и XVIII веках (Фирсова, Костомарова и Лаппо-Данилевского) являются источником, располагающим фактами, которые вместе с „Фабрикой“ Туган-Барановского и послужили для того, что кратко сказано нами о торговле и промышленности до эпохи Екатерины, тем более, что все эти факты освещены в соответствующих местах истории Покровского.

Работа А. Соколовского понадобилась для того, чтобы уяснить картину колонизации юго-востока России; статьи же Рожкова из „Истории России в первой половине XIX в.“ дают общую картину экономического развития с марксистской точки зрения. Работы Дитятина о городском самоуправлении могут дать представление о городах дореформенной России и вместе с работой Рожкова („Город и деревня“) дают материал для суждения об эволюции одного из важнейших факторов современного общества—города. Городское население и по преимуществу, так называемая, интеллигенция в течение всего периода, предшествующего периоду последней четверти XIX в., выступает, как передовой застрельщик революции (мы не говорим о движении крестьян): рабочий, как организованная сила, выступает только начиная с 70-х годов. Вот почему пришлось прибегнуть и к сочинениям Щапова, дающего в этом отношении кое-что ценное: его рассуждения о составе и характере образованной верхушки России и народа. Впрочем, по этому вопросу (о составе и числе образованных людей в России) мы пользовались и другими источниками, напр., Исторические очерки истории университетов Шевырева, Григорьева, Владимирского-Буданова и Загоскина—Московского, Петербургского, Киевского и Казанского.

Этими источниками мы и ограничились при составлении первых страниц (от 1 до 24) нашего введения, трактующих о хозяйстве и движении масс до начала XIX века. Цифровой материал последних страниц этой части взят отчасти из перечисленных источников, отчасти из „Фабрики“ Туган-Барановского, отчасти из источников, которые укажем далее. Здесь необходимо сказать несколько слов о некоторых цифрах, приводимых нами на стр. 10. Мы пользовались цифрами Туган-Барановского. М. Балабанов в недавно выпущенной им работе (М. Балабанов „Очерки по истории рабочего класса в России“) приводит данные—и все разноречивые—из трех источников А. Семенова, „Сборника сведений и материалов по министерству финансов“, и Туган-Барановского и говорит по этому поводу следующее (на стр. 16-й): „На статистику крепостного вре-

мени вообще положиться нельзя, в особенности на промышленную статистику... Никакого действительного представления о строе промышленности эта статистика не дает, и в лучшем случае, может говорить лишь об общем, подвигавшемся вперед, промышленном развитии России". Даже если это и так, наши цифры достаточно хорошо рисуют тенденцию развития, а большего нам и не требуется (тем более, что в этой части очерков мы и не претендуем на оригинальность).

В этой, так сказать, вводной части нашей библиографии мы указываем еще и на три книги по методологии, на книги—М. В. Нечкиной, В. И. Пичета и А. С. Лаппо-Данилевского. С какой целью мы указываем их? Для ознакомления и справок, во-первых, и, во-вторых, потому, что в трех названных книгах уделяется внимание нашим историкам-марксистам. Правда, В. И. Пичета в этом отношении менее всех удовлетворительно отвечает на запросы нового студента, а Лаппо-Данилевский, как и полагается настоящему геллертеру идеалисту, так излагает учение Маркса и Энгельса, что выходит будто Маркс „не нашел полного сочувствия среди своих последователей" (стр. 233) и будто даже Энгельс разошелся со своим великим учителем и соратником; однако, в первой из этих книг находятся довольно полезные предварительные указания, необходимые для всякого приступающего к изучению истории, а у второго, несмотря на его пристрастие к гносеологии идеализма, можно найти и полезные указания и довольно обширную литературу (в примечаниях). Книга М. В. Нечкиной целиком посвящена вопросам методологии „экономического материализма" и нашим историкам-материалистам, однако, с очень и очень многими положениями М. В. Нечкиной согласиться никак нельзя, напр., с утверждением, что в учении Маркса нет „ясного и отчетливого представления о связи психологических явлений с рядами явлений, стоящих ранее (социальных и политических)", с утверждением, что работа Ленина „Развитие капитализма в России" не представляет „приложения теории экономического материализма" к изучению исторических явлений (стр. 47, тезис 4-й), с утверждением, что ни одному стороннику нашего марксистского метода не удалось остаться верным своей теории до конца при изучении конкретного исторического материала и т. д. и т. п.

Общие курсы по истории России.

1. *М. Н. Покровский* при участии *Н. М. Никольского*. Русская история с древнейших времен. Первое изд. еще и при участии *В. Н. Сторожева*. Москва, изд. „Мир", т.т. I—V. Изд. второе и третье. Москва. 1920, изд. „Мир", и Гос. Изд. Это лучшее и до настоящего времени единственное историческое произведение по истории России. Сущность этого замечательного труда выражена самим автором следующими словами: „Трудность нашего положения в том и состоит, что материал, собранный историками—*идеалистами*, нам приходится обрабатывать с *материалистической* точки зрения. „Новизна" нашего метода (не давно отпраздновавшего полувековой юбилей *) вынуждает нас поэтому в своих *об'яснениях* быть оригинальнее, чем полагается обыкновенно историку популяризатору, а так как новое об'яснение вынуждает очень часто и к новой фактической обосновке, то нам придется больше привлекать к делу сырого материала, чем мы бы сами хотели, и выступать иногда в роли, если не исследователей, то передовых разведчиков, нащупывающих новые пути и для разрешения чисто специальных вопросов".

Таким образом, работа *М. Н. Покровского*—это попытка изложить русскую историю с точки зрения метода Маркса. Хотя автор и не задавался целями исследовательскими, однако, как он сам говорит, ему приходилось во многих случаях привлекать и сырой материал и об'яснять его с точки зрения своего

*) Цитата взята из первого издания

метода, так что с полным правом „Русскую историю с древнейших времен“ нужно назвать и трудом исследовательским.

Блестящий язык, необыкновенно оригинальные подходы к явлениям русского прошлого, удивительно строгое отношение к источникам, об'яснение самого источника, как материала, отражающего ту самую экономику, которая была фундаментом эпохи появления и создния этого источника, яркость и точность характеристик, блестящие аналогии, и главное, выведение всех исторических явлений из экономической структуры общества и обоснование этого выведения огромным количеством материала, словом, необыкновенно яркое и талантливое применение диалектического метода Маркса к изучению русской истории делает труд М. Н. Покровского единственным и непревзойденным доселе по своей научности, яркости и талантливости.

2. *М. Н. Покровский.* „Очерк истории русской культуры“, ч. I, II—1914 и 1918 г.г. и 4-е изд. I ч. 1921 г. и др. изд.

Не менее блестящая работа русского марксиста историка, ознакомление с которой обязательно для всякого работающего в области истории русского революционного движения, так как, не понявши хода всей русской культуры с точки зрения исторического материализма, нельзя разобраться и в тех сложнейших социально-политических образованиях, какие приходится изучать историку революционного движения.

3. *Н. А. Рожков.* Обзор русской истории с социалистической точки зрения. Часть I, Киевская Русь с VI до конца XII в. Спб. 1903 г. и часть II, Удельная Русь XIII, XIV, XV и половины XVI в. Спб. 1905.

Тогда автор не окончил своей работы и новым изданием и вместе с тем продолжением и дальнейшим развитием своих взглядов автор посвятил пока семь выпусков новой работы: „Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)“. Том I. Первобытное общество. Дикари. Варвары. Феодальная революция. II. Феодализм. III. Падение феодализма. IV. Дворянская революция в России. V. Конец дворянской революции в России. VI. Дворянская революция в Южной Руси, Западной Европе, на древнем Востоке и в античном мире и VII. Старый порядок. Господство дворянства. Изд. „Книга“. Спб. Первое изд. I т. в 1919 г. Второе изд. 1923 г. пяти первых томов.

Этот труд—интереснейшая попытка дать „формулировку общих законов сосуществования и развития общественных явлений“. „... Представляя себе развитие общества, как единый и цельный процесс, развертывающийся с закономерной необхолимостью из хозяйственных условий, дальнейшее звено этой цепи мы видим в социальных отношениях, причем в сфере этих последних первенствующее место принадлежит классовому строю. Естественным продолжением этого являются политический строй, выражающий интересы господствующих классов, и духовная культура, в которой об'единяющим элементом служит психический тип“ [Введ. стр. 13 изд. 1923 г.]. В противовес историкам идеалистам Рожков для об'яснения общественной психологии, религии, морали, литературы, искусства, науки, философии выдвигает „теорию развития психических типов“.

Для доказательства своих взглядов автор охватывает колоссальный материал и обещает дать в будущем специальные исследования по русской истории, которые будут являться иллюстрациями и подтверждениями его теории." Работа Н. А. Рожкова одна из самых интересных попыток дать нечто новое в области социологии и истории. Интересны том седьмой, глава двадцатая:

„Россия в последние три четверти XVIII в.“.

4. *Его же.* „Происхождение самодержавия в России“.

5. *М. Н. Покровский.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I и II (от древнейших времен до второй половины 19-го столетия) Гос. Изд. Москва 1920 года.

6. *В. О. Ключевский.* Курс русской истории. Изд. автора в пяти частях. Москва 1904 г. и затем 1910 и 1912 г.; так же Гос. Изд. в Петерб. (Часть I вышла в 1920 г., часть V в 1923 г.).

7. *П. Н. Милюков.* Очерки по истории русской культуры. Изд. ред. „Мир Божий“, 3 ч. Спб. 1896—1903 г.г., а также 1909, 1913 и 1916 г. изд. 6-е. Это популярная переработка лекций, читанных Милюковым в 1894—95 г.г.

8. Сочинения *А. П. Щапова.* Три тома Спб. Изд. М. В. Пирожкова (I и II т.т. 1906 г., а III т.—1908 г.).

9. *М. В. Нечкина.* Русская история в освещении экономического материализма. (Исторический очерк). Казань, Гос. Изд. 1922 г.

10. Проф. *В. И. Пичета.* Введение в русскую историю. (Источники и историография).

11. *А. С. Лаппо-Данилевский.* Методология истории. Выпуск первый. Посмертное изд. Петр. 1923 г.

12. *В. О. Ключевский.* Опыты и исследования. Здесь исследов. „Происхождение крепостного права в России“ и „Подушная подать и отмена холопства в России“. Москва. Изд. 2-е 1915 г.

13. *И. Д. Беляев.* Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе.

14. *В. И. Семевский.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Спб. 1901—1903 г.г.

15. *В. И. Семевский.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Спб. 1888 г.

16. *И. И. Игнатович.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

17. *И. И. Иванюков.* Падение крепостного права в России.

18. *Александр Скребицкий.* Губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле. По официальным источникам. Бонн на Рейне. Печатано в типогр. Фридриха Крюгера 1865—6 г.г. т. I, II, III, IV.

19. *Н. А. Рожков.* Из русской истории. Ч. I. Изд. Academia, 1923 г. (статья: „Денежное хозяйство и формы землевладения в Новой России“).

20. *Материалы редакционных* комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Второе изд. в 3 томах. Первое в 18 том. Спб. 1859—1860 г.г.

21. *П. Н. Милюков.* Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого. Спб. 1892 г.

22. *Петр Струве.* Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX в.в. Изд. М. и С. Сабашниковых 1913 г.

23. *Н. Фирсов.* Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в.

24. *Н. И. Костомаров.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII стол. Спб. 1862 г.

25. *А. С. Лаппо-Данилевский.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в.

26. *А. Семенов.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. Спб. 1859 г.

27. *П. А. Соколовский.* Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. Спб. 1878 года.

28. *Н. Рожков.* „Экономическое развитие России в первой половине XIX в. Из „Истории России в XIX в.“. Изд. Гранат.

29. *И. И. Дитятин.* Городское самоуправление в России. Городское самоуправление до 1871 г.

30. *Его же.* Статьи по истории русскаго права. Спб. 1895 г.

Ниже указана литература, далеко не исчерпывающаяся нашим списком по истории революционного движения XIX века. Опять же и здесь мы не претендуем на что-либо оригинальное и самостоятельное и держимся взглядов, уже доказанных такими крупными историками, как М. Н. Покровский, Рожков и др.

Поэтому здесь и указана на первом месте в качестве вводной в историю декабристов работа М. Н. Покровского в „Истории России“ и в записках Ком. Унив. им. Свердлова; затем идет новая работа Рожкова. После этого мы даем

всем известную литературу—работы Пыпина, Семевского, Довнар-Запольского, Щеголева, Павлова-Сильванского и т. д. Для тех же, кто пожелал бы познакомиться с сырым материалом деятелей первого русского революционного выступления, приведена, правда, далеко не исчерпывающая вопроса, литература источников,—официальных донесений, собраний материалов и документов и воспоминаний. Воспоминания Якушкина, Волконского, Розена, Бестужева, Завалишина и т. д. желающему изучить идеологию декабристов дают богатый материал. В этом отношении еще лучшим источником являются „Русская Правда“, конституция Н. Муравьева и т. п. Пособием является также работа М. Мебеля—тезисы и планы кружковых занятий в Ком. Унив. им. Свердлова.

Далее указана литература, вообще характеризующая царствование Николая первого. Сюда относятся такие работы, как М. К. Лемке, Пыпина и пр.

Революционное движение России есть следствие глубоких экономических изменений, вот почему в очерках вслед за отделом о декабристах идет небольшой отдел, рисующий аграрный кризис в первой четверти XIX в. и новый под'ем сельского хозяйства к 50-ым годам. Центральным вопросом становится вопрос об освобождении крестьян. На сцену выступают Петрашевцы и их общество, это одно из самых интересных явлений в области революционных течений России.

Литература по движению 60-х, 70-х и 80-х годов указана вообще далеко не исчерпывающая вопроса и только в таком размере, чтобы не подготовленный читатель, если бы пожелал хотя бы немного ознакомиться с вопросом, мог бы ориентироваться в этом богатом событиями периоде. Здесь, точно так же как работы М. Н. Покровского, путеводной нитью должны считаться сочинения Г. В. Плеханова. Его блестящие работы о Н. Г. Чернышевском, о Герцене, Погодине, его критические статьи по поводу трудов русских историков революционного движения и т. д.—все это должно быть усвоено читателем обязательно. Библиография Г. В. Плеханова дана т. Ваганьяном, к которому мы и отсылаем читателя, что же касается главных работ Плеханова, то они указываются в соответствующих отделах.

Первая половина XIX в. (Эпоха Александра I и Николая I).

Декабристы.

Г. Плеханов. 14 декабря 1825 г. Речь. Спб. 1906 г. и Госизд. 1921 г.

М. Н. Покровский. „Декабристы“ в „Истории России XIX в.“. Изд. т-ва „Гранат“.

Его же. Декабристы. (Легенда и действительность). Записки Ком. Унив. им. Свердлова. Т. I. Янв. 1923 г.

Н. Л. Рожков. Декабристы. „Русское прошлое“. Кн. I. М. П. 1923 г.

В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб. 1909 г.

Его же. Крестьянский вопрос в обществе декабристов. Сборник „Крестьянский строй“. Т. I. Спб. 1905 г.

К. Левин. Декабристы. История вооруженного восстания 1825 г. Спб. 1907 и 1919 г.г.

Его же. Политические и социальные воззрения декабристов. Сб. „Текущий момент“. Москва. 1906 г.

В. И. Семевский, В. Я. Богучарский и П. Е. Щеголев. Общественные движения в России в первую половину XIX в. Т. I. Декабристы: М. А. Фон-Визин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнгель. Спб. 1905 г.

П. Е. Щеголев. Исторические этюды. Спб. Изд. „Шиповник“. 1913 г.

Его же. Петр Григорьевич Каховский. Москва. „Альциона“. 1919 г.

М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев. 1906 г

Его же. Тайное общество декабристов. Москва. 1906 г.

М. В. Довнар-Запольский. Декабрьская революция 1825 г. „Голос минувшего“. 1917 года № 7—8.

Н. П. Павлов-Сильванский. Декабрист Пестель перед верховным уголовным судом. Спб. 1906 г.

Его же. Материалисты двадцатых годов. Былое. 1906 г. № 7.

Его же. Павел Ив. Пестель. Биогр. очерк. Истор. рев. библ. Петр. 1919 года.

„Русская Правда“ Пестеля. Изд. под ред. П. Е. Щеголева. [П. И. Пестель. Русская правда. Наказ временному верховному правлению]. Спб. 1906 г.

Проект конституции Н. И. Муравьева. [Библиотека декабристов, под ред. Балицкого. Москва, 1906 г. Вып. 4. Записки декабриста М. А. Фон-Визина и проект конституции Н. И. Муравьева].

Н. Коробка. Декабристы бр. Борисовы и „Общество соединенных славян“. Совр. 1911 г. № 5.

Записки, проекты и письма декабристов Н. В. Басаргина, Г. С. Батенкова, А. П. Беляева, Бестужевых, Бобрищева-Пушкина, Борисовых, А. И. Вегелина, С. Г. Волконского, А. С. Гангеблова, Вал. Голицына, И. И. Горбачевского, В. Л. Давыдова, Д. И. Завалишина, В. П. Зубова, В. П. Ивашева, К. Г. Игельстрома, П. Г. Каховского, А. О. Корниловича, С. И. Кривцова, В. К. Кюхельбекера, Н. И. Лорера, Л. В. Львова, М. С. Лунина, М. Н. Муравьева, Н. И. Муравьева, М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов, Е. П. Оболенского, А. И. Одоевского, М. Ф. Орлова, П. И. Пестеля, А. В. и О. В. Поджио, И. И. Пущина, В. Ф. Раевского, А. Е. Розена, К. Ф. Рылеева, И. И. Сухинова, С. П. Трубецкого, Н. И. Тургенева, П. И. Фаленберга, А. Ф. Фролова, М. А. Фон-Визина, Ф. П. Шаховского, А. Н. Юшневского и И. Д. Якушкина. [Библиография по этому вопросу, см. А. А. Шилов „Что читать по истории русского движения“. Спб. 1922 г. Стр. 38—46].

С. Я. Штрайх. Восстание Семеновского полка в 1820 г. Историко-револ. библиотека. Гос. изд. Петр. 1920 г.

В. Семевский. Волнение в Семеновском полку в 1820 г. „Былое“. 1907 г. № 1—3.

В. С. Иконников. Крестьянское движение в Киевской губ. 1826—27 г.г. в связи с событиями того времени. Спб. 1905 г.

Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских. Изд. Саблина. Москва, 1907 г.

М. Лемке. Тайное общество бр. Критских. „Былое“. 1906 г. № 6.

Записки несчастного (В. П. Колесникова) со вступ. статьей П. Е. Щеголева. Изд. „Огни“. Спб. 1914 г.

М. Мебель. Тезисы и материалы по русской истории. Тезисы и планы кружковых занятий 8-мес. курса Ком. Универ. им. Свердлова созыва 1921/22 г. Москва 1922 г.

Петрашевцы.

В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и Петрашевцы. Ч. I. Москва 1922 г.

Его же. Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях. „Гол. Мин.“ 1917 г. № 2.

Его же. Петрашевцы. С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев. „Гол. Мин.“ 1915 г. № 11—12.

Его же. Петрашевцы. Кружок Н. С. Кашкина: Н. С. Кашкин, А. В. Ханыков, К. М. и И. М. Дебу, Д. Д. Ахшарумов, А. И. Европеус. Собрания у Кашкина и Отто. Обед 7 апреля 1849 г. в память Фурье. „Гол. Мин.“ 1916 г. № 2, 3, 4. Студенты Толстов и Данилевский. Мещанин П. Г. Шапошников. Литератор Катенев. В. И. Утин. „Гол. Мин.“ 1916 г. № 11—12.

Его же. Петрашевцы. А. П. Беклемишев и К. И. Тимковский. „Вестник Европы“. 1916 г. № 11.

Его же. М. В. Буташевич-Петрашевский. Биографический очерк. „Гол. Мин.“ 1913 г. № 1—5, 7, 11—12.

В. И. Семевский. Петрашевский в Сибири. „Гол. Мин." 1915 г. № 1, 3 и 5.
Его же. Салтыков—Петрашевец. „Русск. Бог." 1917 г. № 1.
Его же. Следствие и суд по делу Петрашевцев. „Русск. Записки" 1916 г. №№ 9—11.
Его же. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях Салтыкова. Изд. „Задруга". Москва, 1918 г.
Его же. Петрашевцы и крестьянский вопрос. Сб. „Великая реформа". Том III.
Его же. Из истории общественных идей в России в конце 1840-ых г.г. Изд. Задруга. Москва, 1917 г.
Политические процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы. Изд. В. Саблина. Москва 1907 г. [Содержит след. материалы: официальные сведения, доклады, записка Липранди, показания Достоевского, записка о действиях секретной следственной комиссии].
Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний. Вступ. статья В. И. Семевского. Изд. „Общ. Польза". Спб. 1906 г.
Р. Зотов. Наши энциклопедические словари. „Ист. Вестн.", 1888 г. Т. 32.
„Солдатская беседа" Григорьева (к истории Петрашевцев. Соч. Григорьева „Солдатская беседа". „Былое", 1906 г., № 5).
Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым. Спб. 1845 г. [Очень редкое издание]
Г. Бешкин. Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев. Гос. изд. 1923 г. О других петрашевцах (Достоевском, Дурове, Н. С. Кашкине, П. А. Кузьмине, Ф. Львове, Н. А. Момбели, А. И. Пальме, А. Н. Плещееве, М. Е. Салтыкове и И. Ястржембском) см. у *А. А. Шилова*, стр. 62—64.

Кроме указанных источников об эпохе Александра I и Николая I в общих изданиях и исследованиях:
История России XIX в. Изд. „Гранат". Т. I.
История русской литературы XIX в. Изд. т-ва „Мир". Т. I.
Н. К. Шильдер. Имп. Александр I. Его жизнь и царствование. 4 т. Изд. Суворина. Спб. 1904 г.
Его же. Имп. Николай I. Т. I и II. Спб. 1903 г.
М. Полиевктов. Николай I. Биография и обзор царствования. Изд. Сабашниковых. 1918 г.
Отечественная война и русское общество. Под ред. общ-ва распр. техн. знаний. Москва 1911—12 г.г.
А. Корнилов. Курс истории России XIX в. Москва 1912 и 1919 г.г. 3 т.
А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. Спб. Изд. 2-е 1885 г.
Его же. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Истор. очерки. Изд. 4-е. Спб. 1909 г.
А. А. Кизеветтер. Исторические очерки. Москва 1912 г.
Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Изд. Сытина. 1911 г.
Н. Котляревский. Литературные направления Александровской эпохи, Изд. 2-е. Спб. 1913 г.
Эпоха Николая I. Под ред. М. О. Гершензона. Изд. т-ва „Образование".
К. Пажитнов. Развитие социалистич. идей в России. Харьков. 1913 г. Т. I.
С. Г. Сватиков. Общественное движение в России (1700—1895 г.г.). Изд. Парамонова. Ростов на Дону, 1905 г.
М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.г. Спб. 1908 года.
Его же. Очерки по истории русской цензуры в связи с развитием русской печати (1703—1903 г.г.). Спб. 1904 г.
Д. Рязанов. Карл Маркс и люди сороковых годов. Петр. 1918 г.
Полное собрание сочинений *И. В. Киреевского.* 2-е изд. под ред. Гершензона. Москва, 1910 г.

А. С. Хомяков. Собр. сочин. 8 том. Москва 1910 г.
Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, сост. П. В. Анненковым.
Ю. Ф. Самарин. Соч. в 10 том. С примеч. Д. Ф. Самарина. Москва. 1877—1898 г.г.
М. О. Гершензон. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление.
Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Под ред. М. Гершензона. 2 том. Москва 1914 г.
М. Гершензон. История молодой России. Москва 1908 г.
Г. В. Плеханов. „Идеология мещанина нашего времени", „П. Я. Чаадаев" и „История молодой России" в сб. от „Обороны к нападению".
А. А. Корнилов. Семейство Бакуниных. В Русской мысли за 1909, 11 и 12 г.г. и отд. изд.

Революционное движение 60, 70 и 80-х годов.

М. Александров. Группа народовольцев. Былое, 1906 г., № 11.
Его же. Из прошлого. Москва, 1919 г.
М. Ю. Ашенбреннер. Воспоминания. Шестидесятые и семидесятые годы. Былое. 1907 г. № 4—6.
Его же. Военная организация партии „Народной Воли". Воспоминания. „Былое". 1907 г. № 4—6.
Н. Ашешов. Софья Перовская. Истор. рев. библ. Гос. изд. Петр. 1921 г.
Его же. А. И. Желябов. Матер. для биографии. Истор. рев. библ. Гос. изд. Петр. 1919 г.
Его же. Н. И. Рысаков. Истор. рев. библ. Гос. изд. Петр. 1920 г.
О. В. Аптекман. Из истории революционного народничества. „Земля и Воля" 1870-х г.г. По личным воспоминаниям. Изд. 1907 г. „Русск. историч. библ." № 19.
Его же. Из воспоминаний землевольца. „Мин. Годы". 1908 г. № 5—6.
Его же. Записки семидесятника. „Совр. Мир" 1913 г. № 4 и 1914 г. № 6.
Его же. „Черный передел". Вступ. статья к изд. Истпарта „Черный передел орган социалистов-федералистов". Петр. 1922 г.
А. Аргунов. Наши предшественники. Очерк револ. движ. 70—90-х г.г. Петр. 1917 г.
М. А. Бакунин. Собрание сочинений. Изд. „Знамя Труда". Петр., 1909 г.
M. Bakounine. Oeuvres 6 vol. Paris. 1908 г.
М. А. Бакунин. Исповедь и письмо Александру II. Вступит. статья В. Полонского. М. Бакунин в эпоху сороковых—шестидесятых годов. Москва, 1921 г.
В. Батуринский. Герцен, его друзья и знакомые. Спб., 1904 г.
Бах. Воспоминания народовольца. Былое. 1907 г. № 1—3.
В. Я. Богучарский. Активное народничество. Москва. 1912 г.
Его же. Из истории политической борьбы с 70 и 80-х. г.г. XIX в. Партия „Народной Воли", ее происхождение, судьбы и гибель. Изд. „Русской Мысли". Москва 1912 г.
Его же. Из прошлого русского общества. Изд. Пирожкова. Спб. 1904 г.
Его же. А. И. Герцен. Изд. кружка им. Герцена. Спб. 1912 г.
В. В. Берви. Краткая автобиография. „Русск. мысль". 1905 г. № 5.
Его же. Воспоминания. „Голос Мин." №№ 2—4, 6—9. 1915 г. и „Из моих воспоминаний". „Голос Мин." №№ 5—9.
В. Бурцев. За сто лет. (1800—1896 г.г.). Лонд. 1897 г. (очень редкое изд.).
Т. Богданович. Хождение в народ. Петр. 1917 г.
Его же. Революционные попытки 60-х г.г. Петр. 1917 г.
Е. Брешковская. Из воспоминаний пропагандистки. Русск. истор. библ. № 5. Переп. из „Общины" 1878 г. №№ 6—9.
Ее же. Из воспоминаний (С. А. Лешерн). „Голос Мин." 1908 г. № 10—12.
Ее же. Ипполит Мышкин и Архангельский кружок. Москва 1906 г

И. Белоконский. Земское движение. Задруга, 2-е изд. Москва, 1914 г.

Н. Васильев. В семидесятые годы. Из моих воспоминаний. „Мир Божий". 1906 г. № 6—7.

Н. Виташевский. Первое вооруженное сопротивление. Первый военный суд. Процесс И. М. Ковальского. „Былое" 1906 г. № 2 и в „Русск. истор. библ." № 17. Спб. 1907 г.

Ф. Волховский. Отрывки одной человеческой жизни. Страничка из автобиографии „Совр." 1911 г. № 4.

Его же. Воспом. о П. Алексееве. Спб. 1906 г.

Н. Волков. Из жизни Саратовских кружков. „Русск. истор. библ." № 5. переп. из загр. „Былое" (№ 4).

Г. Ветринский. Н. Г. Чернышевский и Каракозовцы. „Русская мысль". 1913 г. № 2.

Его же. А. И. Герцен. Изд. „Светоч". Спб. 1908 г.

Б. П. Веселовский. История земства за сорок лет. 4 т. Спб. 1908—1910 г.

П. Витязев. П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский. Петр. 1917 г.

Б. Глинский. Революционный период русской истории 1861—1881 г.г. Истор. очерки, т. I и II. Спб. 1913 г.

Б. Горев. М. А. Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение. Москва 1919 г.

Государственные преступления в России в XIX в. Изд. под ред. В. Я. Богучарского, 3 т. и 3 прибавл. к ним. Изд. Парамонова. „Русск. истор. библ." №№ 1, 6 и 8. Ростов на Дону 1906 г.

Галлерея Шлиссельбургских узников.

А. И. Герцен. Полное собрание сочин. и писем под редакц. М. К. Лемке. Петрогр.

Дж. Гильом. М. А. Бакунин. Биогр. очерк. Былое, 1906 г.

В. А. Данилов. Из воспоминаний. Былое, 1907 г., № 8.

Л. Дейч. У начала легенды (Либерально-конституционное движение 70-х и нач. 80-х г.г.). Совр. мир, 1913 г. № 11—12.

Его же. Один из последних семидесятников Д. А. Клеменц. „Гол. Мин.", 1914 г. № 6.

Его же. В. И. Засулич. „Гол. Мин." 1917 г. № 5—12.

Его же. Молодость Г. В. Плеханова. „Былое", 1918 г. Кн. 13.

Его же. Русская революционная эмиграция. Петр. 1920 г.

Его же. От народничества к марксизму. „Совр. Мир." 1914 г. № 1—2.

Его же. Рабочие революционеры. В. Обнорский. „Рабоч. мир", 1919 г. № 10—12.

Его же. Г. А. Лопатин. „Гол. Мин." 1919 г. № 5—12.

Его же. На рубеже. „Вестн. Евр." 1912 г. № 7.

Его же. Баловень судьбы. С. Кравчинский, „Истор. рев. библ.". Гос. изд. Петр. 1920 г.

Джаншиев. Эпоха великих реформ. Спб. 1907 г.

В. Дебагорий-Мокриевич. Воспоминания. Спб. 1906 г.

И. С. Джабадари. Процесс 50-ти. Всероссийская соц. револ. организация 1874—77 г.г. „Былое", 1907 г. № 8—10.

С. Жебунев. Отрывки из воспоминаний. „Былое", 1907 г. № 5.

В. Засулич. Воспоминания. „Былое", 1919 г. № 17.

Ее же. Сочинения. 2 т.

Ее же. „Вольное Слово" и Эмиграция. Соврем., 1913 г. № 6.

Записка министра юстиции Палена. Успехи революционной пропаганды в России. „Былое", 1907 г. № 9.

А. Иванчин-Писарев. Из воспоминаний о хождении в народ. Изд. „Заветы", Спб. 1914 г.

Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Петр. 1918 г.

А. Корнилов. Общественное движение при Александре II. Истор. 1909 г.

Его же. Молодые годы Бакунина. Из истории русского романтизма. Москва 1915 г.

Н. Котляревский. Канун освобождения. Петр. 1916 г.

Т. Куклин. Итоги революционного движения за сорок лет. Женева 1903 г.

Ю. Каменев. О А. И. Герцене и Н. Г. Чернышевском. Петр. 1916 г.

Его же. Либерализм, демократия и 19 февраля. Чернышевский и Герцен. „Мысль", 1911 г. № 3—4.

Его же. Самый остроумный противник Герцена. „Вестн. Евр." 1914 г. № 4.

С. Ф. Ковалик. Движение семидес. годов по большому процессу. „Былое", 1906 г. № 10—12.

П. А. Кропоткин. Записки революционера. Спб. 1906 г.

Его же. Пропаганда среди Петерб. рабочих в начале 70-х г. „Былое", № 1. (Загр.). Перепеч. в Русск. истор. библ., № 4.

Кудрин (Русанов). Социалисты Запада и России. Спб. 1908 г.

М. Лемке. Очерки освободительного движения. Спб. 1908 г.

Его же. Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей. „Мир божий", 1906 г. № 1, 2, 4 и 7.

Его же. Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского. Изд. Поповой. Спб. 1908 г. Новое изд. Гос. изд. Спб. 1923 г.

Его же. За что арестовали Чернышевского. „Былое", 1906 г. № 1.

Его же. Как был создан процесс Чернышевского. „Былое", 1919 г. № 14.

Его же. Материалы для биогр. А. Серно-Соловьевича. Былое, 1907 г. № 4.

Г. А. Лопатин. Автобиография. Показания. Статьи собр. А. Шилов. Истор.-революц. библ. Гос. изд. Петр. 1921 г.

Е. Ляцкий. Статьи о Чернышевском в журн. „Совр. мир" за 1908 г. №№ 5—6, 12; 1909—3 и 11; 1910—3, 4, 10 и 11; 1911—9 и 11; 1912—2, 3, 5, 6, 9—12; 1913—1 и 4 и в „Гол. Мин." 1916—№ 1.

О. Любатович. Далекое и недавнее. „Былое", 1918 г. № 13.

П. Л. Лавров. Народники пропагандисты. Спб. 1907 г.

Его же. Исторические письма.

Его же. Собр. сочинений. Изд. не закончено.

П. Л. Лавров. Сборн. статей и воспоминаний. Изд. „Колос". Ред. П. Витязева. Петр. 1922 г. и Материалы для биогр. П. Л. Лаврова под ред. П. Витязева. Петр. 1921 г.

Его же. Формула процесса Михайловского. 1906 г.

Н. Ленин. Памяти Герцена. Петр. 1920 г.

Литература партии „Народной Воли". Третье приложение к сб. „Гос. преступления в России" под ред. Б. Базилевского (В. Я. Богучарского) Ростов на Дону. 1907 г. Перепеч. с Парижск. изд.

Материалы для истории револ. движения в России в 60-х г.г. Ред. В. Я. Богучарского. Первое прилож. к сб. „Госуд. преступления в России".

Л. Мартов. Обществ. и умственные течения 70-х г.г. „История русск. литер. XIX в." т. IV. Изд. „Мир".

Н. А. Морозов. Повести моей жизни. 4 т. 1916—1918 г.

Его же. Возникновение „Нородной Воли". „Былое", 1906 г. № 12, а также „Мин. годы" 1908 г. №№ 1, 3 и 4.

И. Майнов. Революционные кружки в Саратове 1870—1880 г.г. Спб. 1906 г.

Его же. На закате народовольчества. „Былое", 1917 г. № 5—6.

М. Нетлау. Жизнь и деятельность М. Бакунина. Петр. 1920 г.

М. Новорусский. Воспоминания в журн. „Былое" 1906 г. № 4, 6—12; „Совр. Мир" 1906 г. № 10 и 1908 г. № 1 и „Мин. Годы" 1908 г. №№ 3 и 12 или „Записки Шлиссельбуржца". Истор. рев. библ. Петр. 1920 г. (подробн. библ. о втором первом марта см. у А. Шилова, стр. 140).

Овсянико-Куликовский. История русской интеллигенции.

Огарева-Тучкова. Воспоминания. М. 1903 г.

М. Ольминский. См. М. Александров.

Г. В. Плеханов. См. след. отдел.

Пажитнов. Развитие социалистических идей в России. Т. I.

И. Г. Прыжов. Исповедь. Предисловие Р. Хин. „Мин. Годы", 1908 г., № 2.

Политические процессы шестидесятых годов. I. Центроархив. Гос. изд. М. 1923 г.

Первая русская соц. рабочая газета „Работник“. „Русск. истор. библ.“ 1906 г. Переп. из № 5 загр. „Былое“.

Процесс 50-ти. Изд. Саблина М. 1907 г.

„ 193-х. Составил Л. Д. Стопневич. Спб. 1906 г.

„ 1 марта 1881 г. Изд. И. Балашева. Спб. 1906 г.

1 марта 1881 г. Прокламации и воззвания. С предисл. Н. Тютчева. Истор. рев. библ. Гос. изд. Петр. 1920 г.

К двадцатипятилетию 1881—1906 г. Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. Правит. отчет со статьей и примечаниями Л. Дейча. Спб. 1906 г. [Подробную библ. см. А. Шилов, стр. 130].

Процесс Нечаева. Стеногр. отчет в Правит. Вестн. 1881 г. №№ 155—206. Подр библ. см. у А. Шилова, стр. 96.

Процесс 21-го. С прилож. биогр. заметки о Г. А. Лопатине (П. А. Лаврова). Жен, 1888 г.

Процесс 17-ти народовольцев в 1883 г. „Былое“, 1906 г. № 10—11, 12.

Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С предисл. Б. Богучарского. Русск. Истор. библ. № 11.

М. Р. Попов. Из моего революц. прошлого. „Былое“, 1907 г. № 5—7.

Его же. Из моего прошлого. „Мин. Годы“, 1908 г. № 2.

Его же. „Земля и Воля“ накануне Воронежского с‘езда. „Былое“, № 2.

Его же. Военный суд в Киеве в 1880 г. Из моих воспоминаний. Сб. „О минувшем“. Спб. 1909 г.

Его же. К биогр. И. Н. Мышкина. „Былое“, 1906 г. № 2.

Его же. Л. А. Волкенштейн. „Гол. Мин.“ 1918 г. № 4—6.

В. Панкратов. Из деятельности среди рабочих с 1880—84 г.г. „Былое“, 1906 г.

Его же. К процессу 12-ти в Киеве. „Былое“, 1907 г. № 2.

В. Полонский. М. А. Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление. Т. I. Бакунин-романтик. Гос. изд. Москва, 1922 г.

Его же. Материалы для биографии М. Бакунина. По архивным делам б. б. III отделения и Морского Министерства. Ред. и прим. В. Полонского Гос. Изд. т. I—1923 г.

Д. Рязанов. Две правды. Народничество и марксизм. Очерк из истории русской интел. Изд. 3-е. Петр. 1918 г.

Степняк-Кравчинский. Петр. 1919 г.

Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. В трех частях. Москва 1920 г. т. I.

Его же. Борцы за социализм. Москва 1919 г.

С. Синегуб. Воспоминания „чайковца“. „Былое“ 1906 г. № 8—10 и „Русск. Мысль“, 1907 г. №№ 9—11.

Е. Серебряков. Очерки по истории „Земли и Воли“ Спб., 1906 г.

Его же. Революционеры во флоте. Петр. 1920 г.

С. Слетов. К истории возникновения партии соц.-револ.

Я. Стефанович. Дневник карийца. Спб. 1906 г.

Его же. Русская револ. эмиграция. Записка. „Былое“, 1921 г. № 16.

Н. С. Тютчев. Разгром „Земли и Воли“ в 1878 г. Дело Мезенцева. „Былое“, 1918 г. № 2.

В. Фигнер. Запечатленный труд. М. 1922 г.

М. Фроленко. Воспоминания о движении 1870—1880 г. „Совр.“, 1913 г. № 11.

Его же. Из далекого прошлого „Мин. Годы“, 1908 №№ 5—6, 7. Сб. „О минувшем“. Спб. 1909 г.

Его же. Липецкий и Воронежский с‘езды. Воспоминания. „Былое“. 1907 г. № 1.

Л. Шишко. Собр. сочинений. Петр. 1918 г.

Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. Работа о нем Плеханова. См. в библ. о Плеханове у Т. Ваганьяна.

Библиографию по истории „Народной Воли", см. *Дрей,* Опыт указателя по истории „Народной Воли". Вестник Соц. Акад., 1923 г., кн. 5.

Переходя теперь к литературе собственно нашего рабочего и социал-демократического движения, нужно сказать, что доселе нет исчерпывающей работы по этому вопросу. Ее, впрочем, и не могло быть, так как жизнь нашей партии протекала в таких условиях, что нечего было и думать о писании истории: ее нужно было делать.

Из общих трудов по истории нашего движения и партии нужно прежде всего назвать работу *М. Лядова* „История Российской социал-демократической рабочей партии", 2 части; первая охватывает период от возникновения группы „Освобождения Труда" до первого с'езда. Вторая часть начинается рассказом о подготовке первого с'езда и положении партии накануне этого события и заканчивается событиями 1902 г., т.-е. подготовкой второго с'езда. Думается, что такое деление на периоды не оправдывается фактами. Если деление живой действительности текущей беспрерывно для удобства изучения и понимания этой действительности и допускает такое деление, то только так, что эти периоды включают в себя факты прежде всего экономического характера и вызванные ими явления политического бытия, принципиально отличные друг от друга. Именно вследствие этого т. Ленин в своем послесловии к брошюре „Что делать" предложил принятое нами деление. До 1894—5 годов социал-демократия переживала утробное развитие, как он выражается, что и об'яснялось тем, что *широкого организованного* рабочего движения не было. Морозовская стачка, правда, вынудила у правительства уступку, и был издан закон о штрафах, но стачкой руководила не социал-демократия, не ее организация. Не случайно, конечно, Морозовская стачка совпадает с первой попыткой построить соц.-демократическую организацию в Петербурге, к этому вынуждали вообще все факты рабочего движения, но все же это были только первые попытки, даже программа соц.-демократии еще не была упрочена ни в группе „Осв. Труда", ни в России. Только к концу восьмидесятых годов выясняются контуры и основные черты программы для Плеханова и еще позже для русских соц.-демократов у себя дома. По свидетельству Мицкевича, напр., П. Н. Скворцов представлял себе ход развития партии очень медленным. К этому вынуждал медленный темп развития рабочего движения, что об'яснялось чисто экономическими причинами—кризисом 80-х годов. С наступлением промышленного оживления дело меняется. Растет промышленность, растет и рабочее движение. Форма организации неизбежно меняется: от кружка пропаганды, замкнутого и изолированного, она переходит к зародышу партии, к организации, лучшим образцом которой и явился „Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Такого типа организации уже не имеют того смешанного характера, какой отличал все почти организации предшествующего периода,—не то народники, не то соц.-демократы; впитывание народников продолжается, связи с ними остаются, но организации наши в своих уставах и программах стоят целиком на соц.-демократической платформе. Это стало возможным потому, что *широкое рабочее движение стало фактом,* мало того, оно становится организованным, а организатором его может быть только рабочая социалистическая боевая партия: теперь почти всюду (мы это видели в Киеве, Нижнем, в Западном крае, в Москве, не говоря уже о Петербурге) стачками руководит соц.-демократия: она их часто подготовляет и, подготовивши, руководит, во всяком случае, она *сознательно* стремится к руководству ими, к руководству движением вообще. Экономически это об'ясняется тем, что шел огромный процесс, огромный рост промышленности, ее расцвет и неизбежно вызванное им рабочее движение особенно рельефно выразилось в стачке ткачей в Петербурге и уступкой правительства; организационно это выразилось в попытке создать партию, идеологически—завершением основ своей программы в борьбе с врагами—народниками.

Следующий период—подготовка второго с‘езда протекал уже на основе *широкого рабочего политического движения*; организационно нужно было довершить дело, начатое еще в девяностых годах, — создать *единую* организацию (как известно, она не была создана, произошел раскол), а идеологически отбросить в сторону все оппортунистические привески. Конечно, можно сказать так, как говорит т. Бубнов в своей книжке, что весь период до 1903 г. есть подготовление большевизма: ведь Ленин уже в брошюре „Что такое друзья“ и в „Задачах русских соц.-демократов“ высказывал взгляды, которые потом вылились в то, что теперь характеризуется словом „ленинизм“ и что по сути дела есть революционный марксизм. Без сомнения, можно сказать, что до момента появления большевиков весь предшествующий период был подготовительным периодом для большевизма. „Но в то же время“, говорит т. Бубнов: „каждому из трех периодов истории партии присущи свои особенности, которые делают каждый из предыдущих периодов подготовлением к следующему“. А как же иначе? А разве бывает когда-нибудь так, что предшествующий период не подготовляет последующего? С таким же правом можно сказать, что весь период до 1905 г. был подготовительным периодом первой русской революции. Ленин выступил уже в девяностых годах с определенной и ярко выраженной платформой (если так можно назвать взгляды, формулированные им в брошюрах „Что такое друзья“ и „Задачи русских социал-демократов“), в которой уже лежали основы большевизма, и с полным правом поэтому можно сказать, что борьба с мелко-буржуазными оппортунистическими течениями в русской революции велась Лениным с самого начала появления его на исторической арене. Всем только что сказанным мы хотим подчеркнуть, что деление на периоды нашей истории должно строго соответствовать фактам тех экономических и социальных процессов, под влиянием которых партия наша развивалась. Процессы же эти—массовое рабочее движение, выроставшее из экономических предпосылок капитализма. Это рабочее движение окрашивало нашу историю в ярко красный коммунистический цвет и отбрасывало вправо идеологов мелкой буржуазии. В истории этого рабочего движения наблюдаются определенные моменты, и они указаны Лениным в послесловии к брошюре „Что делать“; изучать историю партии, деля на периоды, указанные Лениным, удобнее потому, что это естественное деление, потому что, деля именно так, можно яснее и лучше оттенить как раз именно революционную струю социал-демократии уже в ранний период ее существования в девяностые годы, а это и нужно сделать, чтобы показать, что большевизм не выдумка праздных голов, а естественное и неизбежное следствие революционного массового рабочего движения. Словом, в делении на три периода нашей истории, как это делает т. Бубнов, никакого греха нет, но и никакой „философии истории“ не скрывается; дело идет просто о том, что т. Бубнов три предшествующие периода об‘единяет в один. Против этого не стоит и спорить. Весь вопрос заключается в том, чтобы показать, как развивалась русская социал-демократия на основе экономического развития страны и растущего рабочего движения, а для этого схема т. Ленина удобнее: первый период до 1894 г.—самоопределение и борьба с мелко-буржуазным социализмом; второй до 1898 г.—борьба с мелко-буржуазным социализмом и попытка создать боевую партию, третий период борьба с мелко-буржуазным социализмом внутри самой социал-демократии и выделение боевой социалистической партии—большевики в 1903 г. и т. д.

С этой точки зрения деление, принятое Лядовым, вернее, форма его изложения, конечно, неправильна: второй период закончился первым с‘ездом, и первый с‘езд удобнее и естественнее при изложении не отрывать от фактов, изученных на протяжении этого второго периода. Но не только, конечно, это делает книгу Лядова устаревшей: новые факты, ему просто неизвестные, требуют таких изменений в его труде, что его нужно просто переработать заново. Изучение истории партии подвинулось настолько далеко, что многое с фактической стороны представляется просто неправильным: расширились наши сведения о восьмидесятых годах, мы лучше и полнее изучили эпоху первого с‘езда и т. д.

И за всем тем работа т. Лядова интереснейший документ, сохраняющий доселе черты, свойственные документу, созданному активным участником борьбы.

Многие страницы этой книги стоят сотен книжек на тему об истории партии, ибо вся книжка со множеством ценнейших показаний самого автора активного борца партии, передает сотни фактов, известных ему, и содержит освещение этих фактов с точки зрения как раз того воинствующего против оппортунистов марксизма, который только и может осветить нашу историю. Но книга Лядова не только устарела, она кроме того и библиографическая редкость. Книжечка т. Бубнова не является историей партии, и потому о ней говорить нечего: это попытка дать руководящую нить при изучении истории нашей партии и с этой точки зрения ее мимо пройти нельзя.

Второй попыткой дать историю нашей партии является книжка Батурина. Это, бесспорно, лучшая из книг по истории партии, и, несмотря на неполноту сведений, даваемых ею, она является доселе лучшей книгой по истории партии. Написанная прекрасным языком, сжато и ясно, она вся проникнута тем самым революционным марксизмом, который только и является путеводной нитью при изучении сложных явлений общественной жизни. К сожалению, и в последних изданиях этой прекрасной книжечки остаются (не по вине автора, а повидимому, издателей) все те же ошибки, на какие указывали мы еще в первом номере „Прол. рев.“; так напр., в пятом издании 1923 г. (издатель „Прибой“) на стр. 66, как делегаты первого с'езда упоминаются представители Харьковского Союза и „Союза русских соц.-демократов“, чего в действительности не было.

За всем тем книга Батурина доселе остается лучшей, несмотря на то, что многие страницы требуют дополнений и исправлений.

Книга Ю. Мартова „История российской социал-демократии“ выходит уже вторым изданием с исправлениями и дополнениями Ежова. Эта книга написана с талантом, присущим недавно умершему лидеру меньшевиков, содержит много ценных указаний, но, к сожалению, пропитана тем духом меньшевизма, вождем которого Мартов был и остался. Кроме того более чем пятнадцатилетнему периоду нашей истории от начала соц.-демократии до первого с'езда уделено всего 40 слишком страниц. Совершенно не раз'яснено возникновение соц.-демократии из народничества с тою полнотой, какой заслуживает это явление; не указано и не подчеркнуто самостоятельное, параллельно группе „Освобождения труда“, возникновение соц.-демократии в России (Федосеев, Скворцов, Точисский, Ленин и др., обстоятельство, между прочим не раз'ясненное и в других книжках по истории партии), совершенно искажена история разногласий на втором с'езде партии, чисто по-меньшевистски рассказана история революции 1905 г. и т. д. и т. п. Книга, однако, написана с тем знанием истории, каким отличался Мартов, и изучающий историю нашей партии пройти мимо этой книги также не может.

„История российской коммунистической партии (большевиков)“ т. Зиновьева не является попыткой дать в строгом смысле этого слова историю партии, это, так сказать, та самая „философия истории“, которую пытался дать т. Бубнов. Особенно хорошо начало книги, где на примере определения понятия „партия“ автор блестяще разоблачает всю буржуазную контр-революционность мандаринов науки, пытающихся за ученой фразеологией скрыть контр-революционное содержание. Как говорит сам автор, его задачей было „только помочь... *приступить* к изучению истории партии“ (стр. 166).

Действительно, в книге имеется много неточностей и даже ошибок. Автор называет дату первого с'езда случайной потому, что первый с'езд „прошел, сравнительно, бесследно“ (стр. 17). Не то, как известно, говорят участники тогдашнего движения и т. Ленин, считающий первый с'езд завершением второго периода истории партии. Вообще насчет дат автор, будучи прав в том смысле, что дата сама по себе ничего не значит, допустил много ошибок. Укажем хотя бы на следующие: на стр. 46 говорится о том, что Благоев был студентом в Петербурге в 1887 году, тогда как в действительности он был выслан из России уже в 1885 году и в августе этого года писал уже из-за границы русскому пра-

вительству, что типография, найденная у благоевцев, принадлежит ему; на той же странице говорится, что в Иваново-Вознесенске „Союз борьбы“ образовался в 1895 году, а в Москве в 1896 году, между тем как ранее 1897 года такое название организация носила в одном Петербурге, и только на конференции в Киеве в 1897 году было постановлено присвоить это наименование всем крупным организациям, и только в 1898 г. (в январе) московская организация получила такое имя; на стр. 49 третьим делегатом от Бунда на первом с‘езде называется Коссовский, в то время как им был рабочий Кац; на стр. 54 возникновение „Рабочей мысли“ отнесено к 1896 году, а в действительности первый (гектографированный) номер ее вышел не ранее октября 1897 года. Есть и еще много неточностей, кроме указанных (напр., о южно-русском союзе), и потому, как учебник, книгу, конечно, рекомендовать нельзя, как совершенно справедливо говорит сам автор, это просто введение в историю нашей партии.

Книга Шелавина „Рабочий класс и его партия“ — это книга, вышедшая за последнее время по истории партии. Но в этой бесспорно недурной книге есть и крупные недостатки и прямо недопустимые ошибки. Прежде всего нет картины возникновения социал-демократии в России в 80-ые и 90-ые годы: нельзя же ограничиваться несколькими фразами о движении в провинции, когда уже имеется богатейшая литература по этому вопросу. Иначе получается такое впечатление, что появились соц.-демократы в Петербурге и Москве, а затем оттуда марксизм какими-то неизвестными путями проник в провинцию или что [illegible] возник там путем самопроизвольного зарождения. Того огромного и инте-ст[illegible]ного процесса возникновения русской социал-демократии в 80-ые годы, что со[illegible]рисовывается перед нами, в книге нет.

Полнее, чем в других книгах, рассказаны события 1905 года, но и здесь ка[illegible]огое упущено и не дорисовано: очень мало внимания уделяется движению в П[illegible]йсках, крестьянское движение не освещено, а ведь именно на фоне горевших [illegible]адьб большевики меняли свою аграрную программу. Вооруженное восстание н[illegible]декабре 1905 совершенно не очерчено, а ведь нельзя же ограничиваться одной Москвой: рабочие дрались повсюду, и, напр., в Ростове на-Дону восстание не уступало Московскому, и для его подавления правительству пришлось пустить в ход артиллерию. Сведения об этом (как и других пунктах России), хотя и скудные, имеются. Картины грандиозного массового движения, под давлением которого созывалась Гос. Дума, нет. Вообще, не чувствуется той огромной живой, революционной стихии рабочего класса, которая двигала революцию 1905 г. Крупным недостатком книги является отсутствие описаний самого механизма партии: ведь партия имеет свой аппарат, который как-то живет, действует. Его в книжке совершенно нет. Затем, книга, носящая заглавие „Рабочий класс и его партия“, должна бы обрисовать подробнее положение рабочего класса, этого в книге тоже нет.

Но уж что является абсолютно недопустимым—это такие грубые ошибки, как определение состава первого с‘езда партии. Тов. Шелавин упорно не желает читать до конца статьи, печатаемые Истпартом в своих журналах. И в приложении к юбилейному номеру „Петроградской Правды“ в своей работе и в большой работе, о которой идет речь сейчас, т. Шелавин повторяет мою ошибку, допущенную мною в статье, напечатанной в первом номере „Пролетарской революции“. Мною писалась статья о с‘езде, когда сведений о составе с‘езда еще не было и по архивным документам, и потому там названы делегатами люди, не бывшие делегатами (Теслер и Коссовский). Теперь состав с‘езда нами выяснен окончательно и нужно было только заглянуть в примечания к статье т. Эйдельмана в том же первом номере „Прол. рев.“, чтобы ошибки не сделать.

Перечисленные книги, пожалуй, и исчерпывают список работ, которые охватывают историю партии в целом. Дальше идут либо популярные очерки либо маленькие брошюрки: напр., М. Н. Лядов „25 лет российской коммунистической партии (большевиков)“, Г. Линдов „Краткий очерк истории Рос. Соц.-Демократ. Раб. партии“, Г. Зиновьев „Из истории нашей партии“, Ю. Каменев „История партии коммунистов в России и Вл. Ленин“ и т. д.

Некоторые из этих брошюр заслуживают внимания, напр., брошюра Ю. Каменева, но все они учебниками по истории партии служить не могут. (В книге т. Лядова, напр., в самом начале есть такое место, где говорится о „Заре Рабочего“ Халтурина и Обнорского: „В ней все корреспонденции и статьи, кроме передовой, были написаны самими рабочими“ (стр. 8). Если бы т. Лядов увидел эту „Зарю Рабочего“, то он не сказал бы этих слов: как известно, вся газета состояла всего на всего из одной статьи!). О таких книгах, как работа В. Акимова-Махновца „Очерк развития социал-демократии в России“, как об учебнике, говорить нечего; эта интересная, хотя и пристрастно написанная работа „экономиста“ учебником тоже быть не может: кругозор „экономиста“ мешает ему быть об'ективным даже там, где, казалось бы, для разноречивых толкований фактов уже нет места. Книжки в роде брошюрки Конст. Молотова „К истории партии“, пожалуй, не только ничего не дают, а приносят прямой вред, такая масса ошибок в них: только на 39 страницах этой книжки мы насчитали 19 ошибок! Встречаются такие перлы, как на стр. 5, где говорится, что Северный Союз был организацией буржуазного движения. Литература более или менее полная по истории по различным моментам приведена ниже. Но прежде чем переходить к общей характеристике этой литературы приведем литературу по двум замечательным русским рабочим организациям Северному и Южному Союзам рабочих.

Литература о Южном и Северном рабочих союзах, Заславском, Обнорском и Халтурине.

1. *В. Бурцев.* Северный Союз русских рабочих, „Былое“, 1906 № 1 и заг. „Былое“ № 3—5, перепечатано в „Русской Истор. библиотеке“ № 4 и 5.

2. *П. Владыченко.* Памяти учителя и погибших друзей „Каторга и ссылка, № 5—1923 г. Несколько ценных замечаний о кружке молодежи при Южно-русском Союзе.

3. *Л. Дейч.* Русские рабочие революционеры. В. Обнорский. „Раб. Мир“, 1919 г. № 10—12.

4. *Его же.* Виктор Обнорский. „Прол. рев.“, № 3, 1922 г.

5. *А. Ельницкий.* Северный Союз русских рабочих. Степан Халтурин. Библ. великой русск. рев. № 8—11. Спб. 1917 г.

6. *Жебунев.* Отрывки из воспоминаний. „Былое“, 1907 г. № 5. *Из записок народника,* загр. „Былое“ № 4. (несколько замечаний о содержании Заславского в Одесской тюрьме).

7. *Р. Кантор.* К биографии Виктора Обнорского. Красная Летопись, 1923 г. № 5.

8. *П. Лавров.* Народники-пропагандисты.

9. *Д. Маркушевич.* Детство и отрочество Степана Халтурина. „Прол. рев.“, № 3—1922 г.

10. *Его же.* „Еще о Степане Халтурине“. Прол. рев. № 5—1922. Ценные биографические указания.

11. *В. Невский.* Статья о Южно-российском союзе рабочих в сборнике Центр-архива „Южно-русские рабочие Союзы“ М. 1923 г.

12. *Коробков.* Там же, статья о „Южно-русск. союзе рабочих“.

13. *Письмо в редакцию „Земли и Воли“* от рабочих Северного Союза. „Земля и Воля“, № 5, 1879 г. Перепеч. в „Революционной журналистике“ 1870 г.г.

14. *Пребывание* С. Халтурина в Зимнем Дворце „Всем. Вестник“ 1907 г., № 4 перепеч. из „Календаря Народной Воли“, Загр. „Былое“, № 5 и „Русск. Истор. библ.“ № 5.

15. *М. П. Сквери.* Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. (1875 г.). Од. 1921 г. Воспоминание участника Союза, в некоторых частях представляющее большую ценность.

16. *М. П. Сквери.* Южно-российский Союз рабочих (К истории одесского Союза 1875 г.). Каторга и Ссылка. № 5—1923 г. Приведены в извлечении важные документы из судебного дела о Союзе.

17. *Степняк-Кравчинский.* Ст. Халтурин. Собр. Соч., т. V.

18. *Г. Плеханов.* Русский рабочий в революционном движении. Спб. 1907 г. и 1920 г. и др. и изд

19. *И. Халтурин.* Семейные воспоминания о Ст. Халтурине. Былое, 1921 г. № 16.

20. *А. А. Шилов.* Последняя страница из деятельности „Сев. р. раб. Союза", „Красн. Лет." № 2—3—1922 г. Статья содержит ценнейшие сведения о типографии.

21. *А. Шехтер.* Из далекого прошлого (К характеристике Желябова, Заславского, Железняка и других работников начала 70-х годов). Каторга и ссылка, № 5—1923 г.

Кроме того см. у *Г. А. Куклина* „Итоги револ. движения в России за сорок лет", Жен. 1903 г.; у *В. Богучарского* Активное народничество и в других общих книгах о револ. движений и соц.-демокр. в России.

Приговор по делу Южно-русск. союза раб. напечатан у Базилевского в „Госуд. преступлениях" и в выше-названном издании Центрархива.

Ценные материалы находятся в названном выше деле о „Южно-росс. союзе рабочих".

Южно-росс. союз рабочих не следует смешивать с „Южным рабочим Союзом" Ковальской в Киеве, литература о котором приведена у А. А. Шилова на стр. 128 и 129. У него, конечно, не могла быть приведена работа Е. Ковальской, содержащаяся в названном выше сборнике Центрархива. В этой работе по делам Истор. револ. архива и по личным воспоминаниям дана почти исчерпывающая картина организации. Приложены ценные документы. См. также послесловие П. Аксельрода к брош. „Об агитации", Женева, 1896 г., стр. 32.

Переходя теперь к литературе собственно соц.-демократического движения, необходимо указать, что по вопросам экономического развития России существует огромнейшая литература (стоит только указать статистические земские исследования). Дать ее библиографию со сколько-нибудь исчерпывающей полнотой нет сейчас никакой возможности, да и нет в том надобности, а потому мы ограничиваемся только указанием тех источников, которыми пользовались и которых совершенно достаточно, чтобы представить себе ясную картину процесса экономических явлений. Путеводной нитью может служить классическая работа В. Ильина „Развитие капитализма в России", где дана сводка всего почти огромного земско-статистического материала и других источников почти до 900-х годов.

Кроме всем известных работ Ильина, Туган-Барановского, Струве, Люксембург, Зибера и т. п., мы указываем и главнейшую *полемическую литературу народников* против марксистов 80 и 90-х годов. Это статьи и работы,—В. В. Н—он'а, Михайловского, Кривенка, Южакова и т. п. статьи и работы, в которых народники обрушились на марксистов и в 80-ые и особенно в 90-ые годы вслед за выходом в свет книг Струве („Критические заметки", Бельтова-Плеханова: „К вопросу о развитии мон. взгляда на историю" и Волгин, „Обоснование народничества"). Литература эта приведена не в исчерпывающем списке, особенно в отношении полемики против философских основ марксизма; это лучше сделать во второй части „Очерков", когда придется заниматься экономизмом и ревизионизмом всяческих лагерей и оттенков, а теперь достаточно ограничиться указанием, что хотя и неполные, но достаточно удовлетворительные перечни этой литературы приведены в примечаниях ко второму тому сочинений Ленина под ред. Ю. Каменева и в очень ценной книге В. Ваганьяна „Опыт библиографии Г. В. Плеханова", стр. 26. Далее мы приводим небольшой перечень литературы по аграрному вопросу. Здесь путеводной нитью являются опять же работы т. Ленина, три главные работы которого здесь и указываются. Остальные читатель найдет либо в собр. его сочинений, либо в отдельных изданиях, что нами указано так же. В нашем же перечне указаны только главные работы народников по вопросу об общине и главные работы марксистов с критикой этих народнических работ. Литература по истории крепостного права и осво-

бождению крестьян приведена в общем перечне литературы по 60-м и 70-м годам.

Литература по крестьянскому движению 18-го и нач. 19 в. почти не приведена, указаны только такие работы, как Горна и Маслова. Марксистского сводного труда по этому вопросу еще нет. Известные труды Семевского нами указаны и использованы очень широко, а что касается деталей крестьянского движения, то оно не являлось целью наших „Очерков". Впрочем можно еще указать такие источники, как наша нелегальная литература, напр. „Работник" за 70-ые годы, где есть некоторые данные (очень мало), „Вестник Народной Воли" и „Народная Воля" (которые нами использованы; перечень нелегальной литературы см. ниже).

Литература о положении рабочего класса и о рабочем движении приведена нами в главнейших своих всем известных источниках. Кроме Н. Флеровского (весьма устарелого и в сущности картины *положения рабочих* не дающего) мы приводим такие труды, как „Положение рабочего класса" Пажитнова, Семевского, Колычева и затем отчеты фабричных инспекторов, рисующие достаточно полно ужасное существование русских рабочих. Богатый материал дают работы статист. бюро б. с'езда нефтепромышленников юга России; из работ о железнодорожном хозяйстве мы взяли статист. сведения о несчастных случаях на жел. дорогах. По истории рабочего движения только в самое последнее время вышли две интересных работы К. Пажитнова и М. Балабанова. Первая работа касается рабочего движения в эпоху крепостного права, написана на основании свежего материала,—архивного (историко-револ. архива и др.) и литературного (журн. „Архив истории труда в России", „Дела и дни" и т. д., этими источниками пользовались и мы); вторая также пока не вышла за пределы крепостной России, написана на основании богатого литературного и вообще печатного материала (но архивный материал не затронут). Уже на основании этих двух работ во многих отношениях можно было бы дать кое-что новое, но, к сожалению, обе книги вышли в свет, когда текст первых листов „Очерков" был набран и воспользоваться полезными данными обеих работ не пришлось.

Прекрасным общим очерком рабочего движения доселе является книга Мартова „Развитие промышленности и рабочее движение с 1893 до 1903 г." Книга написана на основании богатого материала нелегальной прессы, которую пришлось также использовать и нам (см. ниже). Статистические данные, приводимые Мартовым, конечно, не полны, но исчерпывающе они могут быть исправлены только после разработки всякого рода архивного материала по рабочему движению (напр., и число забастовок и число бастовавших рабочих в 80 и 90-ые годы в действительности значительно больше, чем приводится и в официальных данных и у Мартова, см., напр., хотя бы „Красную Летопись" сообщ. Власовой в №№ 5 и 7. „Материалы для истории русского рабочего движения за 1881—1895 г.г." и „Архив истории труда в России" от № 1 до 8).

Профессиональное движение в 70-ые, 80-ые и 90-ые годы в России не имело широкого развития, и потому оно еще не затронуто в „Очерках", и здесь указаны источники, рисующие общую картину движения, а не работы по отдельным отраслям движения.

Литературу по истории крестьянского и рабочего движения, см. *Мороховец*, Опыт библиограф. указателя по истории крестьянского движения. Вестн. Соц. Акад., кн. 3, 4 и 5 — 1923 г.

Каплун. Положение рабочего класса (Указатель литер. на русском яз.). Вестн. Соц. Акад., кн. 5 — 1923 г.

Экономика, положение рабочих и рабочее движение в России в 80-ые и 90-ые годы XIX в.

1. *М. Туган-Барановский*. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. Первое изд. Спб. 1898 г.

2. *В. Ильин*. Развитие капитализма в России. Спб. Изд. I и изд. „Моск. раб." 1923 г.

3. *Проф. И. М. Кулишер.* История русской торговли до 19 в. вкл. Изд. „Атеней". Спб. 1923 г.

4. *Шульце-Геверниц.* Очерки общественного хозяйства и экономической политики в России. Спб. Изд. 1901 г. Под ред. Б. В. Авилова и П. П. Румянцева, перев. с пред. П. Струве.

5. *Р. Люксембург.* Промышленное развитие Польши. Изд. „Знание", 1904 г.

6. *П. Струве.* Критические заметки об экономическом развитии России. Спб. Изд. 1894 г.

7. *Ковалевский.* Экономический строй России. Изд. Сойкина.

8. *Проф. В. И. Пичета.* История народного хозяйства в России XIX—XX в.в. Москва, 1923 г.

9. *И. Блиох.* Финансы России XIX в. 4 т. Спб. 1882 г.

10. *Н.—он.* (Даниельсон Н. Ф.) Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. Спб. 1893 г.

11. *В. В.* (В. П. Воронцов). Наши направления. Спб. 1893 г.

12. *В. В.* Судьбы капитализма в России. Спб. 1883 г.

13. *В. В.* Очерки теоретической экономии. Спб. 1895 г.

14. *И. Кауфман.* Точка зрения политико-экономической критики Карла Маркса. „Вестник Европы", V—1872 г.

15. *Ю. Жуковский.* Карл Маркс и его книга о капитале. „Вестник Европы". IX—1877 г.

16. *Н. Михайловский.* Карл Маркс пред судом Г. Ю. Жуковского. Отеч. Зап. X—1877 г.

17. *Э. Вредэн.* Курс политической экономии, 1874 г.

18. *А. Антонович.* Теория ценности. Варшава, 1877 г.

19. *Л. Ходский.* Политическая экономия в связи с финансами. Спб. 1884 г.

20. *Б. Чичерин.* Немецкие социалисты: II. К. Маркс. „Сборник госуд знаний", Безобразова. Спб. 1888 г.

21. *Н. Х. Бунге.* Очерки политико-экономической литературы.

22. *Н. Карсев.* Источники исторических перемен. Рус. Бог. I—1892 г.

23. *С. Кривенко.* По поводу культурных одиночек. Русское Бог. XII—1893 г.

24. *Н. Михайловский.* Литература и Жизнь. Рус. Бог. I и II и X—1894 г.; I—1895; I, II, IV и V—1896 г. и X—1897 г.

25. *Его же.* Сочинения. Т. VII. Собр. соч.

26. Письма Маркса и Энгельса к Николаю —ону. Изд. 1909 и след.

27. Письма Маркса к ред. „Отеч. Зап.", Юрид. Вестник 1885 г. и „Вестн. Нар. Воли".

28. Письма марксистов к Н. К. Михайловскому (1897 г.). „Былое", № 23—1923 г.

29. *Н.—он.* Нечто об условиях нашего хозяйственного развития. Русск. Бог. IV и VI—1894 г.; „Апология власти денег, как признак времени". Русск. Бог. I и II—1895 г. „Что же значит экономическая необходимость". Р. Б. III—1895 и „Несколько слов об основных положениях теории К. Маркса". Р. Б. I—1897 г.

30. *В. В.* „Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм". „Неделя" 1894 г. №№ 47—49; „Экономический материализм на русской почве". „Новое Слово" 1895 г. № 2 и 3; там же „Очерки современных направлений", № 6 1896 г. и в № 7.

31. *Н. Флеровский.* Положение рабочего класса в России. Спб. 1869 г.

32. *К. Пажитнов.* Положение рабочего класса в России. Спб. 1906 г.

33. *В. И. Семевский.* Рабочие на Сибирских золотых приисках. 2 т. Истор. исследов. Спб. 1898 г.

34. *А. Колычев.* Рабочие на приисках Сибири. Изд. „Сев. Эхо". Спб. 1904 г.

35. *Дементьев.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. 1893 г.

36. *Давыдов.* Отчет фабричного инспектора Спб. округа за 1885 г.

37. *Янжул.* Фабричный быт Московской губ. 1885 г.

38. *Песков.* Фабричный быт Владимирской губ. 1885 г.

39. *В. Святловский.* Отчет фабричного инспектора Харьк. окр. за 1885 г.

40. *Новицкий.* Отчет фабричного инспектора Киевского округа за 1885 г.

41. *Блюменфельд.* Отчет фабричного инспектора Варшавского окр. за 1885 г.

42. *Шидловский.* Отчет фабричного инспектора Казанского окр. за 1885 г.

43. *Своды* отчетов фабричных инспекторов.

44. *Я. Гарелин.* Город Иваново-Вознесенск. 1885 г.

45. *В. Святловский.* Фабричный рабочий. 1899 г.

46. *А. В. Погожев.* Фабричный быт в Германии и России. Москва 1882 г.

47. *Варзар. Статистические сведения* о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг. Изд. Минист. торг. и промышл. Спб. 1905 г.

48. *В. Поссе.* Русские стачки. Вып. IV. Спб. 1907 г.

49. *Чернышев.* Стачки в России. „Вестн. техн.", Москва 1906 ч. I и II тот же год. „Милостивый критик".

50. *Ч. Ветринский.* „Модная теория", Нов. Слово, № 11—1894 г.

51. *С. Южаков.* Из современной хроники. „Русск. Бог." № 1—1895 г.

52. *В. Яроцкий.* „Односторонняя теория экономического развития" Нов. Слово, I—1896 г.

53. *Н. Кудрин.* „На высотах об'ективной мысли". Русск. Бог. V—1896 г.

54. *Л. З. Слонимский.* Экономическое учение К. Маркса. Спб. 1898 г. (Статьи из „Вестн. Европы" за 1896 и 1897 годы).

55. *А. И. Скворцов.* Влияние парового транспорта на сельское хозяйство.

56. *В. Е. Постников.* Южно-русское крестьянское хозяйство. 1891 г.

57. *Волгин.* Обоснование народничества в трудах г. Воронцова.

58. *П. Н. Скворцов.* Статьи в „Юрид. Вестнике" за 1893 и 4 г.г.

59. *Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития.* Спб. 1895 г. (Сожжен цензурой, сохранилось несколько экземпляров; редкое изд. имеется в Истор. револ. архиве в Петерб. и в Москве в Истпарте и у отдельных лиц). В этом сборнике статьи: *П. Скворцов.* Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям (Часть этих статей из „Юрид. Вестника" за 1893 и 4 г.г.); *И. И.* (В. А. Ионов)—Борьба общины с хутором; *А. Потресов*—Кризис в замочном промысле Павловского уезда Нижегородской губ.; Третий том „Капитала"—Очерк *Бернштейна* в переводе Р. Классона; *К. Тулин* (В. И. Ульянов-Ленин)—Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве; *Д. Кузнецов*—„Пессимизм, как отражение экономической действительности", и *Утис*—„Несколько слов нашим противникам" (Материалы для истории цивилизации в русской литературе). Кузнецов и Утис—псевдонимы Плеханова.

60. *П. Струве.* Zur Beurteilung der kapitalistischen Entwickelung Russlands Socialpolitisches Centralblatt.

61. *Н. И. Зибер.* Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях. 1885 г.

62. *Его же.* Экономическая теория К. Маркса. „Знание" 1876—7 гг. и „Слово" 1878 г. Собрание сочинений 2 т. и отд. изд. „Очерки первобытной культуры".

63. *Протоколы заседаний и доклады* с'езда горнопромышленников Юга России. Изд. Совета С'ездов Горн. Ю. Р. (Его стат. бюро под ред. П. И. Фомина, в Харькове, отчетные доклады за 80-ые и 90-ые годы: „Железная промышленность Юга России", „Железорудная промышленность", „Каменно-угольная промышленность" и т. д.).

64. *Материалы* по истории и статистике железной промышленности России. Изд. С'езда Горн. Юга России.

65. *Сборники* статистических сведений о горнозаводской промышленности России (ежегодные изд. Горного Ученого Комитета).

66. *Донецкий бассейн* за XXV лет. Харьков 1899 г. Юбил. изд. XXIV с'езда Горнопр. Юга России.

67. *Е. Колодуб.* Труд и жизнь горнорабочих на Грушевских антрацитовых рудниках. Москва 1905 г.

68. *А. Микулин.* Сверхурочные работы в промышленных заведениях Киевского окр. 1894 г.

69. *П. Матвеев.* Очерк южно-русской метал. промышленности России. Вестн. фин. 1896—7 г.г.

70. *Очерк* сети русских железных дорог, ее устройства, содержания, деятельности по 1892 г., составленный и изданный по поручению Русского Отдела Постоянной Комиссии Междунар. Железнодор. Конгрессов VIII Отд. Импер. русск. техн. общ. в 2-х томах. Спб. 1896 г.

71. *А. В. Погожев.* Учет численности и состава рабочих в России.

72. *Краткий истор. очерк* развития деятельности м-ва путей сообщения за сто лет существования (1798—1898 гг.) Спб. 1898 г. Изд. м-ва путей сообщ.

73. *В. Святловский.* Санитарное положение фабричного рабочего в Привислянском крае и Малороссии. 1889 г.

74. *Свирский.* Фабрики, заводы и проч. промышленные заведения Владим. губ. 1890 г.

75. *Общая сводка* по санитарным исследованиям фабричных заведений Моск. губ. с 1879—85 г.г. т. I, II, III, и IV.

76. *Верещинский.* Рабочий шахтер в Донецком бассейне. 1892 г.

77. *Л. Бетерсон.* Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении. 1897 г.

78. *Н. Бельтов.* К вопросу о развитии монистического взгляда на природу. Спб. 1895 г. и послед. изд.

79. *Владимир Ильин.* Экономические этюды. Спб. 1899 г. (Сюда вошли статьи: 1) „К характеристике экономического романтизма", 2) „Пермская кустарная перепись", 3) „Перлы народнического прожекторства", 4) „От какого наследства мы отказываемся", 5) „К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике". Первая статья была напечатана в апрельской книге „Нового Слова" за 1897 г.

80. *Н. Ленин.* Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов. (Ответ на статьи „Русского Богатства" против марксистов). Выпуск первый и второй. Изд. „Московский рабочий" и „Новая Москва" 1923 г. и найденный нами экземпляр (гектографированный), с которого это издание было перепечатано, в Петрограде в Истор.-революц. архиве.

81. *Н. Ленин. (В. Ульянов).* Собр. сочинений том II и другие, а также „За 12 лет" и т. д.

82. *Н. Ленин.* Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни в сб. Истпарта под ред. В. Невского. „К двадцатипятилетию первого с'езда партии". Гос. Изд. Москва 1923 г.

83. *Н. Ленин.* Аграрный вопрос в России к концу 19 в. „Жизнь и знание". Спб. 1918 г. и след. изд.

84. *Его же.* Из истории с.-д. аграрной программы. „Жизнь и зн." Спб. 1917 г. и след. изд.

85. *Его же.* Аграрная программа с. д. в первой русской революции. 1905—7 г.г. „Жизнь и Знание". Спб. 1917 г. и след. изд.

86. *Его же.* За 12 лет. 1908 г.

87. *Его же.* Аграрный вопрос и критики Маркса.

88. *Волгин.* Обоснование народничества в трудах г. В. В.

89. *Плеханов.* Наши разногласия.

90. *Н. А. Рожков.* Город и деревня в русской истории. Краткий очерк экономической истории.

91. *Горн.* Крестьянское движение за полтора века. Москва. 1909 г.

92. *И. Гурвич.* Экономическое положение русской деревни. 1896 г. со статьей Санина.

93. *В. В.* К истории общины в России. Москва, 1902 г.

94. *В. В.* Крестьянская община. Итоги экономического обследования России по данным земской статистики.

95. *А. Кауфман.* Крестьянская община в Сибири. Спб. 1897 г.

96. *К. Качаровский.* Русская община. Спб. 1900 г.

97. *А. А. Корнилов.* Крестьянская реформа. Спб. 1905 г.

98. *Н. П. Огановский.* Закономерность аграрной эволюции I, II и III т. (Второй том „Очерки по истории земельных отношений в России". Саратов, 1911 г.).

99. *Его же.* Революция наоборот (Разрушение общины).

100. *А. Энгельгардт.* Письма из деревни.

101. *Н. Суханов.* К вопросу об эволюции сельского хозяйства. Спб. изд. „Сотрудничества".

102. *Булгаков.* Капитализм и земледелие 2 т. 1906 г.

103. *П. Маслов.* Аграрный вопрос в России. Т. I и т. II (с истор. обзором крестьянск. движ.). Спб. 1906 г.

104. *П. Лященко.* Очерки аграрной эволюции. *Проф. В. И. Пичета.* История крестьянских волнений в России. Изд. „Белтрест печать". Минск. 1923 г.

105. *Энгельман.* История крепостного права в России. Москва. 1900 г.

106. *М. Н. Покровский.* Крестьянская реформа. т. III „Истории России в XIX в." изд. т-ва „Гранат".

107. *Лосицкий.* Хозяйственные отношечия накануне падения крепостного права. „Образов". 1911 г.

108. *К. Пажитнов.* Рабочее движение в России. 1906 г.

109. *А. Ельницкий.* Первые шаги рабочего движения в России. 1906 г.

110. *А. Ельницкий.* История рабочего движения в России. Ч. I, XIX в. и ч. II, XX в. Петр. 1918 г.

111. *Л. Мартов.* Пролетарская борьба в России. Изд. Глаголева. 1906 г.

112. *Его же.* Красное Знамя в России. 1905 г.

113. *Его же.* Рабочее дело в России. 1906 г.

114. *А. Серафимович.* Рабочее движение в России.

115. *М. Балабанов.* Очерки по истории рабочего класса в России. Часть первая. Крепостная Россия. Киев, 1923 г. и ч. II—XIX и XX в.в.

116. *К. Пажитнов.* Рабочее движение при крепостном праве. Изд. Кр. Новь. Москва, 1923 г.

117. *Общественное движение в России* в начале XX в. под редакц. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I, 1909 г. и след.

118. *С. Н. Прокопович.* К рабочему вопросу в России. 1900 г. и 1905 г.

119. *И. Х. Озеров.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. Изд. Сытина, 1906 г.

120. *Литвинов-Фалинский.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. 1900 г.

121. *Материалы* по изданию закона 2 июня 1897 г. Изд. мин. фин. 1905 г.

122. *Л. Мартов.* Т. IV. История России XIX в. Изд. т-ва „Гранат". Развитие промышленности и рабочее движение с 1893 до 1903 г. Том VIII, „Истории России в XIX в. Изд. т-ва „Гранат".

123. *Его же.* Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Изд. „Книга" 1923 г. Москва и Петр.

124. *„Архив истории труда в России"*, №№ 1—8.

125. *Красная Летопись"*, №№ 5 и 7 ст. О. Власовой.

126. *В. Святловский.* Профессиональное движение в России. Изд. Пирожкова. Спб. 1907 г.

127. *Гриневич.* Профес. движение рабочих в России.

Общие труды и очерки, посвященные истории социал-демократии в России.

1. *В. Акимов-Махновец.* Очерк развития соц.-демократии в России. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г.

2. *Его же.* Строители будущего (Социал-демократия в России). Образов. 1907 г. № 4—6.

3. *П. Б. Аксельрод.* Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении.

4. *Его же.* Социализм и мелкая буржуазия. „Вестн. Нар. Воли", № 1 и № 2. 1883 г.

5. *Его же.* Рабочее движение и социальная демократия. С прилож.: „Об издании рабочей библиотеки". Жен. 1884 г.

6. *Его же.* Отношение революционной интеллигенции в России к борьбе за политическую свободу. „Рабочая Газета", Нью-Иорк, №№ 10—14. 1889 г.

7. *Его же.* Письма к русским рабочим об освободительном движении пролетариата. Письмо 1-е.

8. *Его же.* Задачи рабочей интеллигенции в России. Жен. 1893 г.

9. *Его же.* Рабочий класс и революционное движение в России. Изд. „Обществ. Польза". Спб. 1907 г.

10. *Его же.* Пережитое и передуманное. Кн. I. Изд. 3 и Гржебина. 1923, Берлин.

11. *В. Астров.* „Экономисты" предтечи меньшевиков („Экономизм" и рабочее движение в России на пороге XX века). Москва, 1923 г.

12. *В. Базаров.* Пионеры марксизма. Русская литература XX в. под ред. С. А. Венгерова. Т. I.

13. *Н. Батурин.* Очерк истории соц.-демократии в России. Лекции и рефераты. Москва, 1906 г. и далее. 5-е изд. „Прибоя", 1923 г. в Спб. снабжено небольшой библиографией.

14. *А. Бубнов.* „Основные моменты в развитии коммунистической партии в России". Москва, 1921 г. и след. изд.

15. *Доклад* о русском социал-демократическом движении международному социалистическому Конгрессу в Париже 1900 г. Жен. 1901 г. Здесь же „История Еврейского рабочего движения в России и Польше".

16. *А. Егоров.* Зарождение политических партий и их деятельность. Общественное движение в России в начале XX в. Т. I.

17. *Г. Зиновьев.* Из истории нашей партии. Изд. Коммуны Северн. Обл. Петр. 1919 г.

18. *Его же.* История российской коммунистической партии (большевиков). Петр. 1923 г.

19. *К возникновению группы „Освобождения Труда".* (Письма Засулич, Лаврова, Грачевского и др.). Пролет. рев., № 4 (16) 1923 г.

20. *Ю. Каменев.* История партии коммунистов в России и В. Ленин. Москва, 1919 г.

21. *Е. Кускова.* Дополнения к „Очерку развития соц.-демокр. в России" Махновца в виде рецензии в № 5 „Былого" за 1906 г.

22. *С. Канатчиков.* К 25-летнему юбилею российской коммунистической партии. Прибой. Петроград 1923 г. и *М. Лядов.* 25 лет Российской Коммунистической партии (большевиков), 1923 г.

23. *В. Левицкий.* Исторический очерк развития Рос. соц.-демокр. раб. партии. М. 1917 г.

24. *Н. Ленин (В. И. Ульянов).* Что делать. Жен. 1902 г.

25. *Его же.* „За 12 лет". Вл. Ильин. Собр. статей. Т. I.

26. *Его же.* Детская болезнь „левизны" в коммунизме. Петр. 1920 г. (Здесь несколько очень ценных замечаний).

27. *Г. Линдов*. Краткий очерк истории Рос. соц.-дем. партии в России. Изд. „Муравей". Петер. 1917 г.

28. *М. Лядов*. История Рос. соц.-демократ. рабочей партии. Ч. I. Возникновение соц.-демократического движения в России. Спб. 1906 г. Ч. II. Создание Рос. соц.-демократ. рабочей партии. (1897—1903 г.г.). Спб. 1906 г.

29. *Л. Мартов*. История Рос. соц.-демократической рабочей партии. Изд. „Книга". Спб. 1918 г. История партии до Лондонского с'езда, 2-е изд. с послесловием Ежова. М. 1922 г.

30. *Его же*. Современная Россия. Жен. 1898 г.

31. *Его же*. Красное знамя в России. С пред. П. Аксельрода. Жен. 1900 г.

32. *Его же*. Рабочее дело в России. С предисл. автора и с прилож. проекта программы. Жен. 1903 г.

33. *Его же*. Развитие крупной промышленности и рабочего движения до 1892 г. т. VI „История России XIX в." Изд. т-ва „Гранат" и Развитие крупной промышленности и рабочего движения с 1893 по 1903 г.г. т. VIII, там же.

34. *Его же*. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Изд. „Книга", 1923 г.

35. *Конст. Молотов*. К истории партии. Москва. 1923 г.

36. *П. Мартынов*. Главные моменты в истории русского марксизма. Т. II Обществ. движение в начале XX в.

37. *В. Невский*. К двадцатипятилетию партии. (1898—1923 г.г.) „Пролет. револ.", № 14—1923.

38. *Его же*. К двадцатипятилетию первого с'езда партии. Сб. Истпарта. К 25-летию первого с'езда партии. М. 1923 г.

39. *П. Орловский (В. В. Воровский)*. Коммунистический манифест и его судьба в России. „Образов." 1907 г. № 4.

40. *Его же*. К истории марксизма в России. Сб. „Памяти К. Маркса". Изд. Петр. Совета. Петр. 1918 г. и след.

41. *М. Ольминский*. Из прошлого. Золотой век народничества и марксизм. Москва, 1919 г.

42. *Б. Павлов*. Пролетарская борьба в России до революции 1905 г. М. 1919 г.

43. *К. Пажитнов*. Эволюция русского марксизма. „Вестник Знания". 1914 г. № 1.

44. *В. Португалов*. Идейные вожди социал-демократии. Изд. „Нов. Россия". Петр. 1917 г. (Плеханов, Ленин, Потресов, Мартов).

45. *А. Потресов*. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху. „Общ. движ. в России в начале XX в.". Т. 2.

46. *Н. Ракитников*. Марксизм и народничество. Совр., 1914 г., № 13.

47. *Социал-демократический календарь*. Изд. группы „Борьба", Женева, 1902 г. ст. Группа „Освобождение Труда".

48. *А. Спиридович*. Революционное движение в России. Вып. I. Рос. соц.-демократическая рабочая партия. Спб. 1914 г.

49. *Его же*. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883—1903—1917 г.г. С прилож. документов и портретов. Париж. 1922 г.

50. *Ю. Стеклов*. Историческое подготовление социал-демократии в России. Спб. 1906 г. или в сб. „Борцы за социализм". Москва, 1918 г., там же, „Материалы по истории русской соц.-демократии".

51. *Н. Суханов*. Наши направления. „Марксизм и народничество". Петр. 1916 г.

52. *В. Фриче*. Очерки истории мирового рабочего движения. III. Рабочее движение в России. М. 1920 г.

53. *К. Шелавин*. Рабочий класс и его партия. Петр. 1923 г.

54. 25 *лет РКП (большевиков)*. Юбилейное изд. Истпарта. Москва, 1923 г.

55. *Л. Каменев.* Ко дню пятидесятилетия со дня рождения Владимира Ильича Ульянова (Ленина) 23 апреля 1870—1920 г.г. Москва, 1920 г. (Хронологическая канва жизни В. И. Ульянова (Ленина) в связи с общей политической обстановкой и деятельностью различных партий и с ходом рабочего движения).

56. *Его же.* Перечень напечатанных работ В. И. Ленина. Вып. I. 1894—1914 г.г. Москва, 1920 г.

57. *В. Ваганьян.* Опыт библиографии Г. В. Плеханова Гос. Изд. 1923 г.

58. *Л. Каменев.* Русская политическая литература за границей. Выпуск I. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке 1883—1905 г.г. Гос. Изд. 1922 г. См. также Тезисы к 25-летию в №№ 43, 44, 45 и 46 „Правды“ за 1923 г. и отдельн. брош. „Краткий очерк развития РКП“. Буревестн 1923. г.

Черный передел.

1. *О. Аптекман.* Из истории революционного народничества. „Земля и Воля“. Спб. 1907 г. Письмо бывшим товарищам.

2. *Его же.* Черный передел. (Страница из истории общества „Земля и Воля“ 70-х годов). Вступит. статья к изд. „Черный передел“, Орган.-соц. федерал. (1880—1881 г.г.). Гос. изд. 1922 г.

3. *В. Богучарский.* Активное народничество. Активное народничество семидесятых годов. М. 1912 г.

4. *Е. Брешковская.* (Из воспоминаний, М. К. Крылова). „Гол. Мин.“. 1918 г. №№ 10—12.

5. *Б. Глинский.* Революционный период русской истории. Т. II.

6. *Л. Дейч.* См., названные выше, его воспоминания, а также рецензию на Воспом. Аксельрода в 22-ой кн. „Пролет. Револ.“.

7. *За сто лет.* Сост. Вл. Бурцев. 1897 г. Лондон.

8 *Г. А. Куклин.* Итоги революционного движения в России за сорок лет. Жен. 1903 г.

9. *Н. Морозов.* Возникновение „Нар. Воли“. „Былое“, 1906 г., № 12.

10. *Международный конгресс в Хуре,* загр. „Былое“, № 5. Здесь отрывок речи П. Аксельрода на конгрессе, в которой он раз'яснял разницу между „Народ. Волей“ и „Черным перед.“.

11. *Ю. Невзоров* (Ю. Стеклов). Отказываемся ли мы от наследства? С приложением Н. Рязанова. Две правды. Изд. группы „Борьба“, Женева.

12. *Г. Плеханов.* Статьи из „Черного передела“ в I томе собрания сочин. под ред. Д. Рязанова. 1923 г. 108—134.

13. *Его же.* Предисловие к русскому изданию. *А. Тун.* История революционых движений в России. Пер. В. Засулич, Д. Кольцова и др. Спб. 1918 г. (Здесь возражения на статью Н. Невзорова. Отказываемся ли мы от наследства?).

14. *Е. Серебряков.* Очерки по истории „Земли и Воли“. Спб. 1906 г. Возражения на эту работу см. у Плеханова в названном выше предисловии к „Истории рев. движ. в России“ А. Туна.

15. *Ю. Стеклов.* Историческая подготовка русской социал-демократии. Сб. „Борцы за социализм“. Москва, 1919 г. „Эволюция Чернопередельчества“.

16. *М. Фроленко.* Липецкий и Воронежский с'езды. „Былое“. 1907 г. № 1.

17. *Хроника* социалистического движения в России 1878 — 1887 г.г. Москва, 1907 г.

18. Кроме того издание: „*Черный передел.*“. Орган социалистов федералистов. 1880—1881 г.г. Предисловие В. Невского. Вступ. статья О. В. Аптекмана. „*Зерно*“ Рабочий Листок. Экземпляры в библиотеке Истор. революц. архива и в Истпарте в Москве (№№ 3, 4, 5 и 6), а также „Из моих воспом.“. А. С. Русанова. Берл. 1923 г.

По вопросу о группе «Освобождения Труда» та же литература, что выше перечисленная и следующая.

59. *Д. Рязанов.* Г. В. Плеханов и группа „Освобождения Труда“. Петр. 1918 г.

60. *Его же.* Предисловия к I, II, III и IV томам собр. соч. Г. В. Плеханова.

61. *Г. В. Плеханов.* Сочинения. Институт К. Маркса, Энгельса. Библиотека Научного социализма. Вышли томы I, II, III и IV. В первом томе содержатся статьи из „Черного передела“, корреспонденции Плеханова о стачках на Петроградских фабриках в 70 годах (на Новой бумагопрядильне и Кенига и т. д.). Статья о поземельной общине, об издании русской Социально-революционной библиотеки, предисловие к русскому изданию „Маниф. Ком. Партии“ и др., во втором „*Социализм и Политическая борьба*“ и „*Наши разногласия*“; об издании „Библиотеки Современного Социализма“, „А. П. Щапов“ и „Приветствие немецкой социал-демократии в Копенгагене“.

В третьем томе собраны статьи Плеханова, писанные в период 1888—1892 г., посвященные полемике с народовольцами („Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова, разбор книги Тихомирова „Почему я перестал быть революционером“, предисловие к речи Алексеева, статьи из „Социал-демократа“ („Внутреннее обозрение“), „О задачах социалистов в борьбе с голодом в России“ и т. д. В четвертом томе статьи 1888—1894 г. г., между прочим речь Г. В. Плеханова на международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже в июле 1889 г.

Каждый том сопровождается предисловием *Д. Б. Рязанова,* которое необходимо рекомендовать не только потому, что оно принадлежит лучшему знатоку истории социализма, но еще и потому, что оно принадлежит одному из современников Плеханова и одному из первых марксистов в России, вместе с Лениным, Федосеевым, Скворцовым в России утверждавшим марксизм.

Более или менее полный перечень работ и статей, написанных Плехановым, о Плеханове и по поводу статей и работ Плеханова см. *В. Ваганьян.* Опыт библиографии Г. В. Плеханова. Гос. Изд. 1923 г.

62. *Г. В. Плеханов.* От обороны к нападению.

63. *Его же.* За двадцать лет.

64. *Его же.* Критика наших критиков.

65. *Его же.* Н. Г. Чернышевский.

66. *Его же.* К вопросу о развитии монист. взгляда на историю.

По вопросам, освещающим историю революционного движения за 19 век, см. работы Плеханова в нелегальной и легальной русской прессе (о Чаадаеве, Герцене, Погодине, Белинском, Некрасове, народниках беллетристах и т. д.). См. у Ваганьяна.

67. *Л. Дейч.* Молодость Плеханова, „Былое“, 1918 г., № 13.

68. *Его же.* Как Плеханов стал марксистом. „Прол. рев.“, № 7—1922 г., а также Дейча: „Г. В. Плеханов. Материалы для биографии“. Вып. I. От народничества к марксизму. „Нов. Москва“, 1922 г. (Обе указанные выше статьи).

69. *Его же.* Примечания к „Письмам Г. В. Плеханова к П. Лаврову“. „Дела и дни“, № 2 1921 г. Важные документы, рисующие эволюцию взглядов Плеханова.

70. *Его же.* Рецензия на воспом. Аксельрода в 22-ой кн. „Прол. Рев.“.

Большой интерес и значение представляют также для выяснения эволюции взглядов Плеханова и всех чернопередельцев, написанные Плехановым „*Предисловие к русскому изданию*“ и о „*Социальной демократии в России*“ к *А. Тун.* История революц движ. в России“.

71. О П. Б. Аксельроде *А. Потресов.* П. Б. Аксельрод. 45 лет общественной деятельности. Спб. 1917 г.

72. *О Л. Дейче;* его воспоминания: „Когда я сделался революционером“. „Гол. Мин.“ 1919 г. № 5—12; „Как мы в народ ходили?“ „Вестн. Европы“, 1910 г. № 10; „Один из первых марксистов“ „Вестн. Евр.“ 1911 г. № 12; „16 лет в Сибири“, Спб. 1906 г.; „На рубеже“. Из воспом. „Вестн. Евр.“ 1912 г. № 7; „Четыре побега“ сб. „Знания“, т. XXI и отд. изд. воспом. Л. Дейча:

73. *Я. Стефанович.* Дневник карийца. Спб. 1906 г.

74. *Г. Османовский.* Картины. „Мин. Годы". 1908 г. № 7.

75. *Е. В. Тарле.* Выдача Дейча. Сб. „Запад и Россия". Спб. 1918 г.

76. *Я. Стефанович.* Чигиринское дело. Приложение к загр. изд. А. Туна под ред. Г. В. Плеханова, а также „Черный передел", „Чигиринское дело. Крестьянская Общ. Тайная Дружина", № 1 и 2.

77. О В. И. Засулич см. *В. Засулич.* Воспоминания. Былое, 1919 г., № 14. Л. Дейч. В. И. Засулич „Гол. Мин." 1919 г. № 5—12 и 2 т. Собр. соч. *В. И. Засулич*, а также Процесс Веры Засулич. Суд и после суда. Спб. 1906 г., Степняк-Кравчинский, Подпольная Россия.

78. *Т. Ваганьян.* В журн. „Под знам. марксизма" №№ 9, 10. (Прекрасная работа о Плеханове и гр. „Осв. Тр.").

79. *Письма Г. В. Плеханова* к Ф. Энгельсу и Фишеру. „Под знам. марксизма", кн. 11—12, 1923 г.

80. *П. Б. Аксельрод.* Пережитое и передуманное, кн. I. Берлин. Изд. Гржебина.

По вопросу о возникновении группы „Осв. Труда" и эволюции ее идей полезно обращаться к ее изданиям, как напр.: *П. Аксельрод*, „К вопросу о современных задачах и тактике русских соц.-демокр." Женева, 1898; *Его же.* Задачи рабочей интеллигенции в России, Женева, 1893 г.; *Об агитации*, Женева, 1896, здесь очень важно послесловие П. Аксельрода; отдельные изд. отдельных работ Г. В. Плеханова: „Соц. и полит. борьба", „Наши разногласия", „Новый защитник самодержавия, или Г. Тихомиров", „Всероссийское разорение" и „О задачах в борьбе с голодом в России". Манифест Ком. партии К. Маркса и Ф. Энгельса с предисл. Г. Плеханова (напр., изд. 1900, Женева); такие изд. группы „Осв. Труда", как: „Социал-демократ" литер. пол. сб. и „Соц.-демократ" литер. полит. обозр., кн. 1, 2, 3 и 4 и т. п.

Рабочее движение и социал-демократия в 80-е и 90-е годы.

Петербург.

I. Группа Д. Благоева.

Как вводная работа служит работа *Г. В. Плеханова*:

1. *Г. В. Плеханов.* Русский рабочий в революционном движении.

2. *Б. Николаевский.* Программа первого в России с.-д. кружка. Из материалов по истории с.-д. движения в России. „Былое", № 13—1918 г. Здесь приведена программа благоевцев и их письмо группе „Осв. Труда" и в „Вестник Нар. Воли".

3. *В. Невский.* К истории „Партии русских соц.-демократов" (Благоевская группа). „Прол. рев.", № 5—1922 г. Здесь приведена программа из № 1 „Рабочего".

4. *Н. Книпович.* Заметка о группе Благоева. „Прол. рев." № 5—1922 г.

5. *Д. Кольцов.* „Конец „Народной Воли" и начало социальной демократии". Прилож. к А. Туну. „Истор. рев. движ. в России".

В сущности этим исчерпывается фактический материал о группе Благоева, если не считать тех небольших мест, какие отведены этой группе в общеизвестных работах Лядова, Махновца, Батурина и т. п.

Для изучения истории этой группы важны материалы Историко-револ. архива, разрабатываемые Истпартом. Перечень дел приведен выше, также важны еще „*Рабочий.* Газета партии русских соц.-демократов". № 1 январь и № 2 июль 1885 г. (Истор. рев. архив, библ.). Это издание, напечатанное в собственной типографии благоевцев, очень важно для определения взглядов и программы благоевцев.

6. *Обзоры* важнейших дознаний, производившихся в Жандармских Управлениях Империи, по государственным управлениям за 1885, 1886 и 1887 годы, и „*Ведомости* дознаний, производившихся в Жанд. Управл. Империи по госу-

дарственным преступл." за 1886 и 1888 годы. *„Еженедельные записки"* Департамента Полиции за 1885, 1886 и 1887 годы.

7. Этот материал обрабатывается и подготовляется к печати. См. также *В. Невский.* Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г. под инициалом *Благоев, Андреев* и т. д.

8. Очень важны для связи благоевцев с привлекавшимися по делу „второго" первого марта 1887 г. материалы, опубликованные А. С. Поляковым во втором выпуске „Из истории революционного движения в России". Изд. „Голос Мин." №№ 10—12—1918 г. К сожалению, эта связь благоевцев с группой А. Ульянова, как и с военным кружком Шелгунова не выяснена и подлежит выяснению в связи с работой над материалами по благоевской группе. См. также воспом. И. Лукашевича в „Былом" № 2 (24)—1917 г., а также литер. у А. А. Шилова.

В связи с лассальянскими мотивами благоевской программы см. 9. Пользовались мы также и воспоминаниями Харитонова, которые подготовляются к печати.

9. Сочинения Фердинанда Лассаля в 2 томах с портретом автора. Перевод В. Зайцева. Том I, С.-Петерб., изд. Н. П. Полякова, 1870 г.

II. „Товарищество С.-Петербургских мастеровых" П. Л. Точисского.

По этому делу совсем мало материалов.

10. *Точисский Павел.* Некролог, принадлежащий т. Л. Сталь и напечатанный в „Братской могиле". Биограф. словарь умерших и погибших членов Московской орг. РКП. Изд. „Моск. Раб." 1923 г. В нашем распоряжении имеется также более полная биография Точисского, написанная т. Л. Сталь.

11. *Андрей Брейтфус.* Точисский и его кружок. „Красная Летопись", № 7—1923 г.

12. *Н. Л. Сергиевский.* О кружке Точисского. „Кр. Лет.", № 7—1923 г.

13. *Доклад* департамента полиции министру внутренних дел. „Кр. Лет.", № 7—1923 г.

14. Имеются также некоторые указания в воспом. В. А. Шелгунова в сб. *„От группы Благоева к „Союзу борьбы"*. Ростов на Дону. 1921 г.

Если не считать маленькой (в несколько строчек) заметки в „Памятнике борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 г.г.", то перечисленным, пожалуй, и исчерпываются все известные источники. „Товарищество" еще ждет всестороннего исследования.

О рабочем движении эпохи Благоева и Точисского смотри:

15. *Морозовская стачка.* Под ред. и с предисл. Д. Б. Рязанова. Изд. „Моск. Раб." 1923 г.

16. *О штрафах.* Об'яснение закона о штрафах. Жен. 1897 г.

17. *С. Н. Валк.* К истории Морозовской стачки. См. № 107, стр. 560.

18. *Десятилетие Морозовской стачки.* Изд. 1897 г. и „Искры" 1901 г. 2-е изд.

19. *Народная Воля.* Социально-революционное Обозрение. См. „Литература Социально-революционной партии „Народной Воли". Спб. 1905 г. Типогр. партии соц.-рев. 12 номеров. Кончается 1885 годом.

20. *„Вестник Народной Воли"*. Революционное социально-политическое обозрение. Вышло 5 книг, последняя в 1886 г. И в „Вестнике Народной Воли" и в „Народной Воле" либо в статьях, особо посвященных рабочему вопросу (напр., во втором номере „Вестника Народной Воли" 1884 г. прекрасная статья Н. М. „Положение рудокопов и заводских рабочих на Урале" (Отрывок по личным воспоминаниям), ярко описывающая положение уральских рабочих), либо во внутреннем обозрении уделяется внимание рабочему движению.

См. также „Рабочую газету“ народовольцев (№ 1 от 15 дек. 1880 г. и № 2 от 27 янв. 1881 г.).

Для середины 80-х годов также „*Рабочий*“ Благоева.

III. Период переходный от Благоева и Точисского к Бруснезцам и группа Бруснева.

(Конец 80-х и начало 90-х г. г.).

21. *В. Б—в.* Воспоминания петербуржца о второй половине 1880 г.г. „Мин. годы“, 1908 г. №№ 10—11.

22. *Мих. Могилянский.* В девяностые годы. „Былое“, № 23, 1913 г.

23. *В. Голубев.* „Страничка из истории рабочего движения“ (1890 г.). „Былое“. 1906 г. № 12.

24. *М. И. Бруснев.* Возникновение первых соц.-демократических организаций. „Прол. рев.“ № 2 (14)—1923 г.

25. *Л. Б. Красин (Никитич).* Дела давно минувших дней (1887—1892 г.г.). „Прол. рев.“, № 3 (15).

26. *(Ольминский) М. Александров.* „Группа народовольцев“. „Былое“, 1906 г. № 11.

27. *В. Святловский.* К истории первого мая. Историческая справка. „Былое“, № 16—1921.

28. *Его же.* На заре росс. соц.-демокр. „Былое“, № 19.

29. *Его же.* „Петр. Правда“, № от первого мая 1922 г.

30. *В. Карелина.* На заре рабочего движения в С.-Петербурге. „Красн. Лет.“, № 4—1922 г.

31. *Н. Д. Богданов.* Воспоминания в „Освобождении Труда“, № 2, 4 и 7—1918 г. Замеч. к этим воспом. в сб. „От группы Благоева к „Союзу Борьбы“, М. Ольминского и там же К. Норинского „Дополнения к воспоминаниям“.

32. *К. Норинский.* Мои воспоминания. Сб. „От группы Благоева к „Союзу борьбы“, Ростов на Дону, 1921 г.

33. *В. А. Шелгунов.* Воспоминания. В сб. „От группы Благоева к „Союзу борьбы“. Там же.

34. *М. Ольминский.* Пробел в нашей истории. Там же.

35. *Его же.* Давние связи. Там же.

36. *Речи рабочих* на первомайском собрании. Более правильный текст этих речей в статье *С. Н. Валк.* Материалы к истории первого мая в России, „Кр. Лет.“ № 4—1922 г.

37. *Материалы по делу М. И. Бруснева* в сб. „От группы Благоева к „Союзу борьбы“.

38. *В. Невский.* Рабочий сборник. „Кр. Лет.“, № 4—1922 г.

39. *Анна Болдырева.* „Минувшие годы“. Текстильщик № 1—2 (42—43). М. 1923 г.

40. *В. Забрежнев.* Первые годы моей партийной работы (1895—99 г.г.). „Прол. Рев.“ № 10 (22).

IV. Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

41. Рабочее движение конца 80-х и начала 90-х г.г. освещено очень плохо не только в легальной прессе, но даже и в нелегальной.

Современная народническая и народовольческая печать мало уделяла внимания рабочему движению. Исключение составляет „Рабочий сборник“ Ольминского, но он уже относится к 90-м годам. В таких, напр., заграничных изданиях, как „*Материалы для Истории Русского социально-революционного движения*“, с приложением „С родины на родину“, больше говорили об арестах и движении интеллигенции. Хотя и здесь в хронике революционного движения встречаются указания на стачки, см., напр., „Материалы для Истории Русского рево-

люционного движения", X, октябрь, 1896 г. Женева. „С родины на родину", №№ 6—7. Здесь перечень стачек за 1895 г. и о Петербургской стачке.

Жандармы, регистрировавшие нелегальную литературу выходившую в стране, из 21 издания, напечатанного революционерами внутри страны в 1891 г., насчитали только пять вещей, обращенных к рабочим; в 1892 и 1893 г. г. из 45 изданий только 9 относится к рабочим, да и то 8 из них на польском языке. (На русском интереснейшая прокламация „Братцы товарищи"); в 1894 году из 57 революционных вещей, обнаруженных жандармами, только один „Рабочий сборник" трактовал о стачках и рабочих, не считая, конечно, польских газет и листков, где рабочему движению уделялось большое внимание.

И социал-демократическая пресса конца 80-х и начала 90-х годов почти ничего не говорит о стачках. Плехановский *„Социал-демократ"* (Литер. пол. сб. кн. I—1888 г. и литер. пол. обозр. кн. I, II и III—1890 и IV—1891 г.) только в последних номерах во „Внутреннем обозрении" начинает использовать сведения о стачечном движении. С выходом в свет „Работника" дело меняется и во второй половине 90-х годов и в заграничной *соц.-демократической* прессе рабочее движение освещается полно и всесторонне.

Работник. Непериодический сборник. Женева, № 1 и 2—1896 г. № 3 и 4—1897 и № 5 и 6—1899. Отдельно майский номер „Работник"—1896 г.

В „Работнике" уже много уделяется внимания рабочему движению.

В первом номере немного сведений о Петербургском движении, но уже в № 4—5 петербургскому движению уделяется очень много места. Здесь же сводка данных по городам за период 1895—97 годы (в Каменевском издании соц.-дем. литер. опечатка: сказано за 1885—1897 г.).

Точно также *Листок работника,* №№ 1 до 10 (3—4 и 9—10 двойные). 1896 до 1899 г.г.

Пресса социалистов-народников со второй половины 90-х годов начинает также интересоваться рабочим движением в своих органах: *„Русский рабочий".* Издание союза русских социалистов революционеров (С января 1894 по февраль 1899 г., издат. В. Л. Бурцев), *„Народоволец"* (3 номера в 1897 году), *„Социалист"* (один номер в 1889 году). Из русских нелегальных изданий девяностых годов необходимо упомянуть киевские издания: *„Рабочую газету"* и *„Вперед",* в обеих этих газетах („Вперед" к концу 90-х годов вышел 8—9 номером) очень хорошо представлена хроника рабочего движения; в „Николаеве" выходило *„Наше Дело"* Троцкого в 1897 г., *„Южный рабочий",* орган Екатериносл. Комитета Р. С.-Д. Р. П. выходил с 1899 г.

Органами Петербургской организации были „С.-Петербургский рабочий листок", вышло всего два номера,—первый гектографированный (составлен целиком Б. Горевым), а второй напечатан в Женеве в 1897 г. *„Рабочая мысль"* с октября 1897 г. (первые 2 номера на мимеографе). Здесь содержится богатая хроника, главным образом о Петербургском, меньше о провинциальном рабочем движении, начиная с конца 90-х годов. *„Рабочее Знамя"* (номер 1 в мае 1898 г., № 3 в феврале 1901 г.). Здесь также имеются сообщения о рабочем движении, хотя и не в таком изобилии, как в „Рабочей Мысли". Наконец в *„Рабочем Деле",* выходившем с 1899 по 1902 г. (всего вышло 12 номеров), содержится обильный материал, освещающий и историю рабочего движения 90-х годов. Вот в сущности все, что так или иначе дает материалы по рабочему стачечному движению России и в частности Петербурга. Сюда еще нужно прибавить доклады русских социал-демократов международным конгрессам, из которых доклад парижскому конгрессу в 1900 году особенно ценен для Петербурга, так как в нем содержится общий очерк русского рабочего движения за 90-ые годы. *„Доклад"* о русском социал-демократическом движении международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г. История еврейского рабочего движения в России и Польше. Изд. Союза русских социал-демократов. Женева. 1901 г.

42. *К. М. Тахтарев.* Очерк Петербургского рабочего движения. Изд. 3-е. Петроград. 1918 г. первое нелег. Лондон. 1902 г. Изд. „Жизни". (Начало печататься в № 4 журн. „Жизнь").

43. *Ю. Мартов.* Записки социал-демократа. Книга первая. Изд. З. И. Гржебина. Берлин. 1922 г.

44. *П. Н. Лепешинский.* На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Петерб. 1922 г.

45. *Б. Горев.* Рабочее движение в Петербурге в 1890-х г.г. „Красная Новь". 1921 г. кн. II.

46. *В. Акимов (Махновец).* Очерк развития социал-демократов в России. Спб. 1906 г.

47. *Его же.* Первое мая в России. „Былое". 1906 г.

48. *А. Фишер.* В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921 г.г.). Москва, 1922 г. Гос. Изд.

49. *А. И. Шаповалов.* По дороге к марксизму. (Воспоминания рабочего революционера, ч. I до лета 1896 г.). Изд. Истпарта.

50. *Н. Крупская.* Союз борьбы за освобождение рабочего класса. „Творчество", № 7—10—1920 г.

51. *В. Шелгунов.* Воспоминания о петербургском рабочем движении первой половины 90-х годов. „Творчество", № 7—10—1920 г.

52. *З. Невзорова-Кржижановская.* Наброски воспоминаний о „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса". „Творч.", № 7—10—1920 г.

53. *Н. Ангарский.* Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. „Творч.", № 7—10. 1920 г.

54. *В. Колпенский.* Рабочее движение 90-х г.г. и меры правительственной борьбы с ним. „Красн. Лет.", № 2—3—1922 г.

55. *Его же.* К истории рабочего движения в Петербурге в 1896 г.

56. *Революционное движение в России* в докладах министра Муравьева с предисл. Л. Мартова. Спб. 1907 г. Книгоизд. „Летописец".

57. *Обзоры* важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям (от 1880 по 1902 годы).

58. *А. Шотман.* Записки старого большевика. „Пролет. рев.", № 9.

59. *А. Митревич.* Воспоминания о рабочем революционном движении 1895—1896 г.г. „Прол. рев.", № 4—1922 г.

60. *М. Ольминский.* Черный гектограф. „Прол. революц.", № 2—1921 г.

61. *П. Лепешинский.* И дешево и сердито. „Прол. рев.", № 2—1921 г.

62. *Я. А. Андреев.* 1897—1898 г.г. в Колпине. „Пролет. револ.", № 2 (14)—1923 г.

63. *С. И. Мицкевич.* О работе В. И. Ульянова-Ленина „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов" (1894 г.). „Пролет. рев.", № 2 (14) 1923 г.

64. *Доклад* по делу о возникших в Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя социал-демократами. Сборник материалов и статей. Ред. журн. „Истор. архив". Вып. I Госизд. 1921 г.

65. *В. Ленин.* „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов", Москва. Изд. „Моск. раб." со статьями Каменева, Мицкевича, Елизаровой и др. 1923 г.

66. *Его же.* Что делать. 1902 г. Жен.

67. *Его же.* Собрание сочинений т. 2. Москва, 1923 г.

68. *Его же.* За 12 лет. Спб. 1906 г.

69. *П. Статковский.* С.-Петербургское охранное отделение в 1895—1901 г.г. „Былое", 1921 г., № 16.

Москва и ее округа

(Орехово, Тверь, Серпухов и т. д.).

70. *С. М.* На заре рабочего движения в Москве в сб. „Текущий момент". Москва 1906. (Во всех статьях своя особая нумерация).

71. *М. Лядов.* История Рос. Соц.-Демокр. рабочей партии, 2 т. Спб. 1906 г.

72. *С. Мицкевич.* Очерки истории московской партийной организации. Сб. „На заре рабочего движения в Москве". Москва, 1919 г.

73. *Его же.* На грани двух эпох. „Пролет. рев.", № 2 (14)—1923 г.

74. *Его же.* О работе В. И. Ульянова-Ленина. „Прол. рев." № 2 (14)—1923 г. „Что такое друзья народа".

75. *Его же.* На заре рабочего движения в Нижнем Новгороде. Материалы по истории революционного движения, под ред. В. Т. Илларионова. Н.-Новгород, 1922 г.

76. *А. И. Елизарова.* Страничка воспоминаний. (Первое выступление Вл. И. в Москве) „Пролет. рев." № 2 (14)—1923 г.

77. *Н. Овсянников.* Особенности московского движения. Сб. „На заре рабочего движения в Москве". М. 1919 г.

78. *Н. Бухарин.* От нелегального кружка к государственной власти. Там же.

79. *Ел. Максаков.* Пионеры социал-демократы в Москве. Там же.

80. *М. Владимирский.* Из истории московской с.-д. организации. Там же.

81. *И. Степанов.* Из воспоминаний. Там же.

82. *С. Муралова.* Из прошлого. Там же.

83. *Никитин.* Четверть века назад. Там же.

84. *А. Ульянова.* Воспоминания. Там же.

85. *Е. Смидович-Луначарская.* 1898—1901 г.г. Там же.

86. *Семашко.* Былое. Там же.

87. *Вл. Бобровский.* На заре юности. Там же.

88. *С. Мицкевич.* Зубатовщина. Там же.

89. *Рыков.* Из воспоминаний. Там же.

90. *Н. Овсянников.* Из прошлого московской окружной организации. Там же.

91. *Виктор.* Первое мая в Москве. Там же.

92. *А. Мандельштам.* Там же.

93. *Вл. Максаков.* На революционном посту. Там же.

94. *В. Д. Бонч-Бруевич.* Первый русский мимеограф. „Пролет. револ." № 2—1921 г.

95. *Мишин.* Воспоминания о революционном движении в Серпухове. Сб. „Путь к Октябрю". Изд. „Моск. раб." 1923 г. Вып. I.

96. *Овчинкин.* История Раменской фабричной ячейки. Там же.

97. *И. М.* Завод „Динамо" (1897—1922 г.г.). Там же.

98. *Н. Милютина.* Краткий очерк истории московской организации. Там же. Вып. II.

99. *Спутник Коммуниста* орган Тверского Губ. Ком. РКП № 2—3—1923 г. *Отдел.* Истпарт.

100. *Полидоров, Мицкевич, Смирнов Н., Розанова, Н.* Сб. Путь к Октябрю, Москва, 1923 г.

101. *Терентьев, Николаев.* Вечер воспоминаний. Там же. Вып. II.

102. *Антипов и Горшков.* Воспоминания об Егорьевской организации. Там же. Вып. II.

103. *Матвеев.* Воспоминания о Богородске. Там же. Вып. II.

104. *Демидов.* Описание революц. работы в Воскресенском уезде. Там же. Вып. II.

105. *Калинин.* М. И. 38-летней юбилей Морозовской стачки. Там же. Вып. II.

106. *Моисеенок.* Воспоминания о стачке 1885 г. Там же. Вып. II.

107. *Виноградов.* Личные впечатления свидетеля Морозовской стачки. Там же. Вып. II.

108. *С. Н. Валк.* К истории Морозовской стачки. Сб. материалов и статей. Ред. журнала „Исторический Архив" Гос. Изд. Москва 1923, а так же см. литер. о Морозовской стачке в связи с Петербургом.

109. *Ц. Зеликсон-Бобровская.* Записки рядового подпольщика, ч. I, 1922.

110. *А. Н. Винокуров.* Воспоминание о партийной работе в Екатеринославе. „Летопись рев." Укр. изд. 1923. (Важно для установл. связи с Москвой).

111. *В. Перазич.* Показания А. и В. Ванновских. „Красн. Лет." № 7—1923 г.

См. так же *П. К. Александров.* Очерк рабоч. движения Тверской Ком. Рос. Ком. Партии. Тверь, 1923 г. Положение тверских рабоч. Женева.

Нелегальная литература та же, что указана по Петербургскому движению, особенно в „Работнике“ № 3—4 *„Рабочее движение в Москве“* (на стр. 33—52 и 94—99).

Также и *Обзор дознаний* за 1898 г., где много места уделено Москве.

Кроме того *„Братская могила“*, Биогр. словарь умерших и погибших членов Моск. орг. РКП. Вып. I и II. *„Памятник борцам“*, *Невский*, „Материалы для словаря“ и т. п.

Киев, первый с‘езд Р. С.-Д. Р. П. и связи Киева с другими городами.

Кроме уже указанных выше источников общего характера по этому вопросу следующие:

112. *Н. А. Бухбиндер.* К истории социал-демократического движения в Киевской губ. I. Киев. (По неизданным архивным материалам) „Красн. Лет.“, № 7—1923 г.

113. *А. Воронин.* Кружок на заводе Гретеры-Криванека. „К 25-лет. первого с‘езда партии“. М. 1923 г.

114. *М. Гринченко.* Киевский рабочий в с.-д. движении 90-х годов. „Путь революции“. Киев, 1923 г.

115. *М. Г. Даргольц.* Одесская рабочая группа середины 90-х годов к моменту первого с‘езда партии. Сб. „К 25-летию первого с‘езда“. М. 1923 г.

116. *Ц. И. Даргольц.* Беглые заметки о состоянии Одесской организации к моменту 1-го партийного с‘езда. Там же.

117. *Д. Гершанович.* О Моисее Владимировиче Лурье. Там же.

118. *И. Виленский.* Социал-демократич. работа в Витебске в 90-х годах. Там же.

119. *Б. Е. Люльев.* Воспоминания. Там же.

120. *В. Малинин.* К истории возникновения соц.-демокр. движения в Киеве. „Пути революции“. Киев, 1923 г.

121. *В. Манилов.* Очерк из истории соц.-дем. движения в Киеве (80—90-е годы). „Летопись Рев.“ № 4. Журнал Всеукр. Ком. по изуч. истории Окт. рев. и РКП.

122. *А. Ноткин.* Отрывки воспоминаний о первом социал-демократическом кружке в Гомеле в 1894 г. „К 25-летию первого с‘езда“. М. 1923 г.

123. *Р. Л.* Кременчуг накануне первого с‘езда партии. Там же.

124. *А. Я. Кровацкий.* Мои воспоминания. Там же.

125. *А. М.* и *С. М. Сонкины.* Воспоминания. Там же.

126. *А. И. Поляк.* Воспоминания. Там же.

127. *Г. Е. Рудерман.* Из прошлого. Там же.

128. *Е. В. Торсуева.* Воспоминания работницы табачной фабрики. Там же.

129. *А. Кремер.* „Основание Бунда“ Пролет. рев., № 11—1922 г.

130. *Его же.* Та же статья на еврейском языке в „Рабочем календаре“ в 1902 г.

131. *Н. К. Крупская.* „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“. „Творчество“, № 7—10—1923 г.

132. *Ее же.* „К вопросу о первом с‘езде Р. С.-Д. Р. П.“. „Пролет. рев.“ № 11—1922 г.

133. *А. Луначарский.* „Великий переворот“. Москва, 1921 г.

134. *Ю. Мартов.* „Записки социал-демократа“. Берлин, 1922 г.

135. *В. Махновец (Акимов).* „Первый с‘езд Российской Социал-демократической рабочей партии“. „Мин. Годы“, №№ 1—2 1902 г.

136. *В. Невский.* „К вопросу о первом с‘езде Рос. социал-демокр. раб партии“. „Прол. рев.“, № 1—1921 г.

137. *Его же.* Южно-Рос. Раб. Союз в гор. Николаеве в 1897 г. Москва 1922 г.

138. *Его же.* „К 25-летию партии". „Пролет. рев.", № 2 (14)—1923 г.
139. *Его же.* К 25-летию первого с'езда. Сб. „К 25-летию первого с'езда". М. 1923 г.
140. *Его же.* „Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других". Сб. „От группы Благоева к Союзу борьбы". Ростов на Дону, 1921 г.
141. *Б. Н—ский.* „Письмо Г. В. Плеханова" в редакцию „Рабочей газеты". „Летопись революции", Берлин, 1922 г. № 1.
142. *Г. Новополин.* „Из истории рабочего движения (1880—1903)". „Летопись рев.", № 2—1923 г. Укр. Изд.
143. *В. Перазич.* „Ювеналий Мельников и Харьковский рабочий кружок". Еженедельник „Правды", № 14, Москва, 1921 г.
144. *Его же.* „Еще о Харьковском рабочем кружке конца 80-х годов". „Красн. летоп.", № 4.
145. *Его же.* Показания А. и В. Ванновских. „Красн. летоп.", № 7—1923 г.
146. *П. Л. Тучапский.* „Из пережитого. Девяностые годы". Одесса 1923 г.
147. *Фин-Енотаевский.* „К вопросу о первом с'езде Р. С.-Д. Р. П.". „Прол. рев.", № 6—1922 г.
148. *Б. Эйдельман.* „К истории возникновения Рос. соц.-демокр. раб. партии". „Прол. рев., № 1—1921 г.
149. *Его же.* „К истории возникновения Рос. соц.-демокр. раб. партии". Ист. сб. „Наша Страна", № 1—1907 г.
150. *Его же.* „Именины Рос. Ком. Партии" и след. в сб. „К 25-летию первого с'езда". М. 1923 г.
151. *Его же.* Письмо в ред. „Пролет. рев." № 6.
152. *Его же.* Письмо в ред. „Пролет. рев." № 8.
153. *Его же.* Письмо в ред. „Пролет. рев." № 9.
154. *Его же.* „О партийном архиве". „Правда", № 23—1919 г.
155. *Его же.* О первом партийном с'езде. „Правда", № 55, 12. III—1919 г.
156. *Первое мая в Киеве.* „Сб. прокламаций и воззваний 1897—1923 г.". Киев, 1923 г.
157. *Д. Кац (Тарас).* К вопросу об участии делегации „Бунда" на 1 с'езде Р. С.-Д. Р. П. Перевел с евр. Н. А. Бухбиндер. „Красн. лет.", № 7—3—1923 г.
158. *С. Валк.* К документальной истории „Рабочего Знамени". „Красн. лет." № 2—3—1922 г.
159. *С. Шрейбер.* От кружков пропаганды к 1-му с'езду Р. С.-Д. Р. П. „Пути рев.", № 1. Киев, 1923 г.
160. *Материалы и документы* к истории с'езда перепечатаны в сб. „К 25-летию первого с'езда", а также в № 7 „Красной Летописи" и в № 1 „Пути революции".
161. *Труд и Меч.* Сборник к 55-летнему юбилею главных мастерских юго-зап. жел. дор. и 5-летнему юбилею январского восстания против центральной рады в 1918 г. Киев, 1923 г.

Связи Киева и юга вообще с Вильною указаны и у *Мартова*, „Записки социал-демократа", необходимо также принять во внимание и *Рафеса*, Очерки по истории Бунда, Москва, 1923 г., и вышеназванный „Очерк истории рос. соц.-демократии", В. Акимова-Махновцева, и „Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения", *Обзоры* жандармских дознаний (в особенности за 1898 год). Нелегальная литература та же, что указана выше, особенно „Рабочая Газета", „Вперед", „Новая победа русского рабочего движения" Вигдорчика (В сб. Истп. „К 25-летию первого с'езда") и т. д. Для общего понимания и значения с'езда *В. Ленин:* „Задачи русских социал-демократов", „Что делать".

См. также перепечатку уже известного материала. *25 лет Р. К. П., изд. Октябрь*, *Первый с'езд Р. С.-Д. Р. П.* Гос. Изд. Украины. История РКП Укр. *Равича Черкасского* и *Возникновение социал-демократии в России.* Изд. „Гомельский Раб."

Одесса и Николаев, Кременчуг, Елисаветград.

162. *Ю. Стеклов.* Из воспоминаний о соц.-демократическом движении среди одесских рабочих в 1893—1894 г.г. „Мин. Годы", 1908 № 9. Перепечат. в сб. „Борцы за социализм". М. 1919 г.

163. *Рабочее движение в Одессе и Николаеве.* Женева. 1900 г.

164. *Рабочее движение* в Одессе. Женева. 1900 г.

165. *М. Г. Даргольц.* Одесская рабочая группа средины 90-х годов к моменту 1-го с'езда партии. Сб. „К 25-летию первого с'езда". М. 1923 г.

166. *И. И. Даргольц.* Беглые заметки о состоянии одесской организации к моменту 1-го партийного с'езда. Там же.

167. *А. И. Поляк.* Воспоминания. Там же.

168. *Р. Л.* Кременчуг накануне первого с'езда Р. С.-Д. Р. П. Там же.

169. *В. Невский.* Южно-русский рабочий союз в г. Николаеве в 1897 г. М. 1922 г.

170. *В. Стратен.* Николаевский южно-русский союз (1897 г.). Прол. Рев., № 9—1923 г.

171. *Его же.* К истории рабочего движения на юге. Там же.

172. *В. Невский.* Ответ моему критику. Там же. См. также сб. „К 25-летию первого с'езда" и „25 лет РКП (б.)". М. 1923 г., а также „Обзоры", „Наше дело" (Истор. рев. архив в Петербурге и Одессе), „Рабочую Газету", „Вперед" и т. д.

173. *Страницы борьбы.* Очерки и материалы по истории революционного движения в Николаеве. Под ред. В. Федоровского и Гр. Магри. Изд. Одесск. бюро Истпарта. 1923 г.

Екатеринослав.

174. *Рабочее движение в Екатеринославе.* Женева. 1900 г.

Сборник „*К 25-летию первого с'езда партии*". М. 1923 г., там статьи А. Поляка, И. Виленского, А. Ноткина, а также статьи *Б. Эйдельмана* в литературе по первому с'езду.

175. *Г. Новополин.* Из истории рабочего движения (1880—1903 г.) „Летопись рев.". № 2. Изд. Харьк. бюро Истпарта.

176. *Его же.* Первые беспорядки горнорабочих. (1887 г.). Там же.

177. *Г. Петровский.* Воспоминание о работе на Брянском заводе в девяностых годах. Там же.

178. *А. В. (инокуров).* Воспоминания о партработе в Екатеринославе. Там же.

179. *А. Смирнов.* Воспоминание о первом кружке соц.-дем. рабочей партии Екатеринослава в 1894 г. Там же.

180. *Его же.* О первом рабочем кружке соц.-демократической рабочей партии в г. Екатеринославе „Прол. рев." № 7.

181. *Юбилейный альбом Истпарта ЦККПУ* вождю русского и международного пролетариата основателю РКП, дорогому нашему Владимиру Ильичу свой собственный альбом посвящает Истпарт ЦК КПУ (б.), Харьков. 1923 г.

См. также:

182. „*Рабочее дело*". № 1. „Рабочее движение в Екатеринославе с 1895 г.".

183. „*Бунт на Брянском заводе* в Екатеринославе". Там же.

184. *Из Нижнеднепровска.* (Екатерин. г.). Там же.

185. *Обзоры* особ. за 1898 г.

186. *История Екатериносл. соц.-дем. орг.*—1889—1903 г.г. Воспом. и материалы под ред. Рубача. Изд. Екат. Комиссии по истории Окт. рев. и РКП. Екатеринослав, 1923 г.

Харьков и Ростов на Дону.

187. *Рабочее движение в Харькове.* Женева. 1900 г.

188. *В. Невский.* Харьковский кружок Ювеналия Мельникова и других Сб. „От Группы Благоева к Союзу борьбы". Ростов на Дону. 1921 г.

189. *В. Перазич.* Ювеналий Мельников и Харьковский рабочий кружок. Еженед. „Правды". № 14. Москва. 1921 г.

190. *Его же.* Еще о Харьковском рабочем кружке конца 80-х годов. „Красн. Лет.". № 4—1922 г.

(О Мельникове см. так же в статьях Б. Эйдельмана, литература по Киеву).

191. *Пролетарская мысль.* Ежем. журнал Харьк. Губ. Ком. Партии. № 3—4—1923 г. Отд. Истпарта.

192. *Е. Торсуева.* Воспоминания работницы табачной фабрики. Сб. „К 25-летию первого с'езда". М. 1923 г.

193. *Обзоры* жанд. дознаний за соответств. годы.

194. *Юбилейный альбом Истпарта ЦК КПУ.*

См. также вообще *И. Диброва.* Из истории рабочего движения на Юге России (из записок соц.-дем.). „Былое". 1907—№ 8.

Иваново-Вознесенский район.

(Иваново, Ярославль, Кострома, Шуя, Кохма, Рыбинск, Владимир, Ростов, Яросл. и др.).

195. *Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе.* Женева. 1900 г.

196. *Рабочее движение в Костроме.* Женева. 1900 г.

197. *А. Рябинин.* Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенском промышл. районе 1897—1900 г.г. „Мин. Годы". 1908 г. №№ 5—6.

198. *Его же.* Р. М. Стенчиков (Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске).

199. *Зеликсон-Бобровская.* Записки рядового подпольщика. Ч. I. М. 1922 г.

200. *А. М. Стопани.* Первые шаги с.-д. работы в Ярославской губ. „Прол. рев.". № 4 (16).

201. *Иваново-Вознесенские губернские ежегодники* на 1919, 1920, 1921, 1922 годы.

(См. статью Махова в ежег. за 1922 г.).

202. *М. Растопчина.* Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома. 1922 г.

203. *Из истории рабочего и коммунистического движения в городе Ярославле.* Сб. 1. Ярославское бюро Истпарта. Яросл. 1922 г.

204. *Гусевская организация* Р. С.-Д. Р. П.—РКП (большевиков) 1898—1923 г. (к 25-летнему юбилею существования). Владимир. 1923 г.

205. *XXV лет Р. К. П. (большевиков).* Воспоминания Иваново-Вознесенских подпольщиков. Иваново-Возн. 1923 г.

206. *Федосеев, Николай Евграфович.* Один из пионеров революционного марксизма в России. Сб. воспоминаний. М. 1923 г. Здесь см. особенно статью Н. Л. Сергиевского.

Нижний-Новгород.

207. *Материалы* по истории революционного движения. Под редакцией В. Т. Илларионова. Четыре тома. Нижний Новгород. 1921—1922 г.г. (Для 90-х годов особ. I и II т.).

208. *С. И. Мицкевич.* На грани двух эпох. „Прол. Рев.". № 2 (14)—1923 г.

209. *Его же.* Казанцы в Нижнем (конец 80-х и начало 90-х г.г. XIX в.) „Пути Рев.". Казань. № 2—1922 г.

210. *А. К. Петров.* Воспоминания. Прол. Рев. № 18—1923 г.

Воспоминания Григорьева (в рукописи).

Казань, Симбирск, Самара, Саратов.

211. *С. Лившиц.* Очерки истории Казанской социал-демократии (1887—1916 г.г.) „Пути революции“. Казань, № 1—1922 г.

212. *А. М. Стопани.* На заре соц.-демократии в Казани „Прол. рев.“ № 2 (14) 1923 г.

213. *А. К. Петров.* Первые с.-д. рабочие кружки в Казани. Там же.

214. *Федосеев, Николай Евграфович.* Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний). Изд. Истпарта. Москва 1923 г. Здесь особенно см. ст. Н. Л. Сергиевского.

215. *Г. П. Саар.* Саратовская организация Р. С.-Д. Р. П. до 1907 г. XXV. 1898—14 марта—1923 г. Вестник Саратовского Губкома. Юбилейный номер. (См. также и другие номера отдел „Истпарт“).

216. *Его же.* Сарат. соц.-дем. орг. в 1898—99 г.г., там же № 5 (30).

217. *С. П. Шепелев.* Воспоминания о Саратове с 1897 г., там же № 6 (31).

218. *Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко.* (1870—1916 г.г.). Сб. статей. Москва. 1922 г.

219. *Н. Л. Сергиевский.* О федосеевском кружке. „Красн. Лет.“ № 5—1922 г.

220. *Его же.* Федосеевский кружок. „Красн. лет.“ № 7—1923 г.

221. *Григорьев.* Воспоминания в рукописи.

222. *Обзоры* жанд. дознаний.

223. *Л. Ильинский.* Семейство Ульяновых. „Красная Летопись“ № 1—1923 г. Изд. Симб. бюро Истпарта.

224. *А. Табейко.* Из прошлого тов. Ленина (по воспоминаниям крестьян) „Пути революции“ Казань. № 3—1923 г.

225. *А. И. Елизарова.* Примечания к статье т. Табейко. Там же.

226. *Ее же.* О жизни Владимира Ильича Ленина-Ульянова в 1887—89 г.г. „Пути рев.“ № 2—1922 г.

227. *С. И. Мицкевич.* Казанцы в Нижнем (конец 80-х—начало 90-х г.г. XIX в.) Пути рев. № 2—1922 г.

228. *Н. А. Семашко.* Казанская с.-д. группа 1899—1901 г.г.

229. *В. Н. Залежский.* Мои первые шаги (Воспоминания старого парт. работника). Там же, а также: Сборн. Истпарта, № 1. Изд. Тат. Обл. Ком. РКП.

Калуга, Тула, Воронеж.

230. *Из партийного прошлого.* Материалы по истории партии и Октябрьской революции. Сб. воспоминаний. Калуга, 1921 г.

231. *А. Луначарский.* Великий переворот. М. 1921.

232. *Материалы по истории* революционного социалистического движения в Воронежской губ. Под ред. М. И. Лызлова. Сост. А. Н. Татарчуков. Вып. I и II.

233. *О Туле,* данные в „Революц. Былом“, № 1 и 2. Изд. Тульск. Истпарта, 1923 г., в источниках по Бруснευской группе в отношении начала 90-х годов и средины в „*Рабочем Деле*“, № 1 Апрель, 1899 г., а также „*Обзоры*“.

Урал и Сибирь.

234. *Борьба за власть.* Том I. Дни неоконченной борьбы. Пермское бюро Истпарта.

235. *В. Быков.* Из жизни Уральских организаций. Екатер. 1923 г.

236. *Четверть века назад.* Воспоминания Иос. Годлевского и Ст. Полузадова. (Архив Истпарта).

237. *Сибирские огни.* Художественно-литературный и публицистический журнал 1922 и 1923 г.г.

238. *П. Лепешинский.* На повороте. П. 1922 г.
239. Сборн. Испарта, № 1. Сибирское бюро ЦК РКП (б.) (О 90-х годах ничего нет).
240. *А. К. Петров.* Первые соц.-дем. кружки в Архангельске, „Пролет. Рев.“, № 10 (22).

Рига, Ревель, Дерпт.

241. *П. К.* Революционная социал-демократия в Прибалтийском Крае. Книгоизд. Н. С. Щетинина. 1907 г.
242. *Виктор Чернов.* Записки социалиста-революционера. Берлин. Изд. З. И. Гржебина 1922 г.
243. *В. М.* Дерпт. Группа марксистов 1894—96 г.г. и В. Шанцер.
Воспоминания Дауге. (В рукописи, архив Истпарта).

Кавказ.

244. *С. Т. Аркомед.* Рабочее движение и соц.-демократия на Кавказе (с 80-х г.г. по 1903 г.). С предисл. к первому изд. Г. В. Плеханова. Гос. изд. 1923 г.
245. *С. Я. Аллилуев.* Мои воспоминания. Кр. Лет. № 5 1923 г.
246. *А. Енукидзе.* История организации и работы нелегальных типографий Р. С.-Д. Р. П. на Кавказе за время от 1900 по 1906 годы. „Прол. рев.“ № 2 (14)—1923 г.
247. *Партия на Кавказе.* Сб. *25 лет борьбы за социализм.* Хрест. по истории РКП. Тифлис, 1913 г. См. здесь статью т. Махарадзе.

Кроме приведенной литературы всякого рода сведения рассыпаны по многочисленной партийной (известия комитетов) и специальной исторической (истпартовской) литературе. Мы особенно пользовались:

Известия Новгородского Губернского Комитета Р. К. П. (б.). (Спец. для связей с Пет. Союзом борьбы см. № 1—3—1923 г.).

Революционное Былое. Орган Тульского Истпарта № 1—2, 1923 г.

Из истории Красноярской организации РКП. (К 25-летнему юбилею партии 14 марта) под ред. А. С. Муслимова и А. М. Ревзина.

Известия Гомельского Губ. Ком. Партии 1922 и 1923 г. См. отдел: Материалы Истпарта (для 90-х годов см. №№ 37 и 38 статьи М. Гезенцвей и № 29 ст. Ш. Левина).

Красная Быль. Большевики в Витебске. Витебск. Губ. Бюро Истпарта 1923 г.

Известия Ив.-Вознесенского Губ. Ком.

Красная Быль. Сб. Самарск. бюро Истп. Т. I и т. II. 1922 и 1923 г.

Источниками также служили журналы: „Былое“ внепарт. истор. журнал, посвященный истории русского освоб. движения 1906—1907 г. Спб. под ред. В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева.

„*Былое*“. Историко-революц. сб., изд. под ред. В. Бурцева (за границей).

„*Минувшие Годы*“. Изд. под ред. Н. Я. Селюка 1908 г. изд. Н. В. Мешкова.

„*Былое*“. Ежемес. журнал, издав. Н. Е. Парамоновым. Под. ред. В. Л. Бурцева, В. В. Водовозова и П. Е. Щеголева, потом одного П. Е. Щеголева, с 1917 г. изд. продолжается, вышел № 23.

„*Голос Минувшего*“. Журнал истории и истории литературы, издав. в Москве при постоянном участии А. К. Дживеллегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина и В. И. Семевского.

„*Пролетарская революция*“. Истор. журнал Истпарта. Гос. изд.

„*Красная Летопись*“. Журнал Петрогр. Истпарта от 1 до 7 номера под ред. В. И. Невского, а дальше под ред. Петр. Истпарта.

„*Календарь русской революции*“. Под ред. В. Л. Бурцева. Спб. 1917 г.

„*За сто лет*“. Под ред. Бурцева и др.

Г. А. Куклин. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862—1902). Женева 1903 г.

Его же. Материалы по изучению революционного движения. Т. I (1800—1854). Женева 1905 г.

„Государственные преступления в России в XIX в." 3 т. и 3 прибавл. к ним. Ростов на Дону, 1906 г.

Революционная журналистика семидесятых годов. Первое прилож. к „Гос. прест.".

Материалы для истории революционного движения в России 60-х годов. Второе прил. к „Гос. прест.".

„Красный архив". Истор. журнал под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

„Архив истории труда в России". Выпускаемый ученой комиссией по исследованию истории труда в России, в Петербурге с 1921 г.

„Русское прошлое". Исторические сборники под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Юлия Гессена с 1923 г.

„Коммунистическая революция". Двухнед. журнал политики, экономики, агитации и пропаганды. Орган ЦК РКП.

„Наша страна" № 1. Истор. сборник. Спб. 1907 г.

„О Минувшем". Истор. сб. 1909 г.

„Печать и революция". Журнал критики и библиографии под ред. А. Луначарского и др. Госизд. Москва.

Книга и революция. Ежем. крит. библиогр. журн. Госизд. Петр.

Литература партии „Народной Воли". Третье приложение к „Гос. прест.".

Л. Каменев. Социал - демократические издания. Указатель соц.-демокр. литер. на русском языке 1883—1905 г.

Его же. Ко дню пятидесятилетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина (Ульянова). 23 апр. 1870—1920 г.г. М. 1920 г.

Кроме указанных выше общих трудов по истории рев. необходимо указать еще: *А. Кульчицкий.* История русского революц. движ. в 2-х томах. Спб. 1908 г. т. I и *Конни Цилиакус.* Революционная Россия. Возникновение и развитие революц. движ. в России. Спб. 1906 г.

Из справочных изданий укажем:

Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза-Ефрона (большой).

Настольный энциклопедический словарь. Изд. Т-ва „Гранат".

Большая энциклопедия. Изд. Т-ва Просвещение.

Н. А. Бухбиндер. Материалы для истории еврейского рабочего движения в России. Вып. I. Матер. для биографического словаря участников еврейск. раб. движ. с пред. В. Невского.

В. Керженцев. Библиотека коммуниста. Системат. указатель социалистической литературы. М. 1919 г. 4-е изд.

А. А. Шилов. Что читать по истории русского революционного движения.

В. Невский. Матер. по истор. раб. движ. Матер. для словаря социал-демокр. т. I.

Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. Петр. 1923 г.

Из нелегальной литературы, кроме указанных выше, пользовались: „Искрой", „Зарей" и т. п.

Приложения.

I. Устав „Южно-Российского Союза рабочих“ (Е. О. Заславский, Одесса, 1875 год).
II. Программа „Северно-русского Союза рабочих“ (В. Обнорский и С. Халтурин, Петербург, 1878 г.).
III. Программа рабочих членов партии „Народной Воли“ (А. Желябов и др. народовольцы, 1881 г.).
IV. Программа соц.-демократической группы „Освобождение Труда“ (Г. В. Плеханов, Женева, 1883-84 г.).
V. Программа „Партии русских социал-демократов“ (Благоев, Благославов, Петербург, 1884-85 г.).
VI. Устав Кассы (Шатько, Петербург, 1884-85 г.).
VII. Проект программы русских социал-демократов (Г. В. Плеханов, Женева, 1887 г.).
VIII. Опыт программы русской социально-революционной группы рабочих (Докт. Бекарюков, Ю. Ю. Мельников, Харьков, 1889 г.).
IX. Программа группы Бруснева (Егупов, Москва, 1891 г.).
X. Устав Иваново-Вознесенского рабочего Союза (Евдокимов, Ив.-Вознесенск, 1895 г.).
XI. Устав Екатеринославской Кассы (Екатеринослав, 1894-95 г.).
XII. Проект манифеста социал-демократической партии (Киев, 1897 г.). (Рукопись, отобранная у Б. Эйдельмана в 1898 г.).
XIII. Устав коллоквиума (Киев, 1897 г.).
XIV. Манифест Рос. соц.-демократической партии (П. Струве, 1898 г. Первый с‘езд в Минске).
XV. Решения с‘езда (Минск, 1898 г.).
XVI. Из брошюры „Об агитации“.
XVII. Воззвание Моск. Раб. Союза 1894 г.
XVIII. Всем рабочим Нижнего Новгорода.
XIX. Союз борьбы за освобождение рабочего класса царскому правительству. (П. Союз борьбы, Ноябрь, 1896 г.).
XX. Письмо ко всем Киевским рабочим (Киев, Ноябрь, 1897 г.).
XXI. Воззвание к первому Мая (Киев, Апрель, 1898 г.).
XXII. Преемственная связь социал-демократической организации в 80 и 90-ых годах. Таблица.
XXIII. Схема связей главнейших соц.-дем. организаций России в конце 90-х годов.
XXIV. Указатель.

I. Уставъ „Южно-Россійскаго Союза Рабочихъ“ (Е. О. Заславскій, Одесса, 1875 годъ) *).

I. Сознавая,

что установившійся нынѣ порядокъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ справедливости относительно рабочихъ;

что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только посредствомъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привилегіи и преимущества и поставитъ трудъ основою личнаго и общественнаго благосостоянія;

что этотъ переворотъ можетъ произойти только при полномъ сознаніи всѣми рабочими своего безвыходнаго положенія и при полномъ ихъ объединеніи, Мы, рабочіе Южно-Россійскаго края соединяемся въ одинъ союзъ подъ названіем: „Южно-Российскаго Союза Рабочихъ“, поставляя себѣ цѣлью:

во-первыхъ: Пропаганда идеи освобожденія рабочихъ изъ-подъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ;

во-вторыхъ: Объединеніе рабочихъ Южно-Россійскаго Края;

въ-третьихъ: Для будущей борьбы съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ.

II. При союзѣ находится касса, суммы которой въ первое время предназначаются для пропаганды идей освобожденія рабочихъ, а впослѣдствіи и для борьбы за эту идею.

III. Членомъ союза можетъ быть каждый трудящійся человѣкъ, ведущій близкія сношенія съ рабочими, а не съ привилегированными классами и сочувствующій своими поступками основному желанію рабочихъ—борьбѣ съ привилегированными классами во имя своего освобожденія.

IV. Обязанности личности каждаго члена къ союзу и союза къ личности обусловливаются слѣдующимъ: Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

V. Членъ союза, проговорившійся постороннему лицу о существованіи союза или не исполняющій въ точности своихъ обязанностей къ союзу, считается измѣнникомъ.

VI. Каждый членъ долженъ быть готовымъ на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасенія союза.

VII. Каждый членъ долженъ распространять между своими товарищами основныя идеи нашего союза и побуждать ихъ присоединиться к нашему дѣлу освобожденія рабочихъ.

VIII. Каждый членъ обязанъ вносить въ кассу еженедѣльно по 25 копеекъ (въ продолженіе года).

IX. Членъ, не вносившій въ продолженіи пяти недѣль никакого взноса и не представившій никакихъ уважительныхъ причинъ, долженъ быть исключенъ изъ союза.

X. Каждый кружокъ имѣетъ право давать разныя льготы своимъ членам относительно взносовъ въ кассу.

---

*) Перепечатано с копии, находящейся в деле о Южно-рос. союзе рабочих, хранящемся в истор. рев. арх. в Петерб. (См. Обзор источн.).

XI. Внесенныя деньги дѣлаются принадлежностью цѣлаго общества. Ни одинъ членъ не имѣетъ права взять свои деньги обратно.

XII. Распредѣленіе денегъ и расходъ ихъ можетъ быть производимъ съ согласія всѣхъ членовъ союза.

XIII. Для храненія денегъ общество избираетъ изъ своей среды кассира, который по требованію общества обязанъ давать подробный отчетъ о деньгахъ.

XIV. Первые шесть мѣсяцевъ со дня устройства кассы, деньги не должны быть расходуемы.

XV. Союзъ раздѣляется на общестза, которыхъ теперь два: Одесское и Ростовское; общества на кружки; каждый кружокъ имѣетъ своего депутата (представителя), который избирается на одинъ мѣсяцъ. Обязанности депутата слѣдить за взносами въ кассу, заботиться, чтобы всѣ правила союза были въ точности исполняемы въ его кружкѣ, заботиться о нуждахъ союза и присутствовать каждое воскресенье, при собраніи депутатовъ.

XVI. Уставъ этотъ можетъ быть измѣняемъ и дополняемъ съ согласія всѣхъ членовъ союза.

II. Программа „Сѣверно-русскаго Союза рабочихъ“ (В. Обнорскій и С. Халтуринъ, Петербургъ 1878 г.) *).

Сознавая крайне вредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силою своего неумолимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего соціальнаго положенія, лишающаго насъ всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціею духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30-го декабря 1878 г. пришли къ мысли объ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія, служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы.

Организація Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ должна имѣть строго опредѣленный характеръ и преслѣдовать именно тѣ цѣли, какія поставлены въ ея программѣ.

Въ члены этого союза избираются исключительно только рабочіе и черезъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, числом не менѣе двухъ.

Всякій рабочій, желающій сдѣлаться членомъ Союза, обязанъ предварительно ознакомиться съ нижеслѣдующей программой и съ сущностью соціальнаго ученія.

Всѣ члены Союза должны сохранять между собой полную солидарность, и нарушившій ее подвергается немедленному исключенію.

Членъ же, навлекшій на себя подозрѣніе, изобличающее его в измѣнѣ Союзу, подвергается особому суду выборныхъ.

Каждый членъ обязанъ вносить въ общую кассу Союза извѣстную сумму, опредѣляемую на общемъ собраніи членовъ.

Дѣлами Союза завѣдываетъ комитетъ выборныхъ, состоящій из 10 членовъ, на попеченіи котораго лежатъ также обязанности по кассѣ и библіотекѣ. Общія собранія членовъ происходятъ разъ въ мѣсяцъ, гдѣ контролируется дѣятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собранія уполномочиваютъ комитетъ только въ дѣйствіяхъ, являющихся непосредственно въ интересахъ всего Союза. На обязанности комитета лежитъ также право сношенія съ представителями провинціальныхъ кружковъ и фракцій рабочихъ Россіи, принявшихъ программу Сѣвернаго Союза.

Провинціальныя фракціи Союза удерживаютъ за собой автономное значеніе въ сферѣ дѣятельности, опредѣляемой общею программою, и подчиняются только рѣшеніямъ общихъ представительныхъ собраній.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполненія плановъ Союза, и на поддержку рабочихъ во время стачекъ.

*) Перепечатано из журнала „Былое“.

Библіотека имѣетъ цѣлью безплатно удовлетворять потребностямъ столичныхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ союзу.

Расходы на ея содержаніе и на выписку книгъ идутъ изъ кассы Союза и изъ суммъ, жертвуемыхъ рабочими.

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ, тѣсно примыкая по своимъ задачамъ къ соціально-демократической партіи Запада, ставитъ своею программою:

1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣна ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Правильную ассоціаціонную организацію труда, предоставляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ человекомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати; право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ та программа, руководиться какою поставило себѣ задачею общее собраніе петербургскихъ рабочихъ от 23 и 30 декабря.

Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ, Сѣверный Союзъ надѣется достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинутъ и у насъ рабочее сословіе и заставятъ его заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга его не останется забытою потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины, занесется въ лѣтописи исторіи.

Рабочіе! васъ зовемъ мы теперь, къ вашему голосу совѣсти и сознанию обращаемся мы.

Великая соціальная борьба уже началась — и намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія милліоновъ—и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную боевую силу...

На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло—дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго в роскоши и истощающаго наши силы,—и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, перевернувшаго весь старый міръ—простые поселяне... Мы тоже зовемся къ проповѣди, мы тоже призываемся быть апостолами новаго, но въ сущности только непонятаго и позабытаго ученія Христа. Насъ будутъ гнать, какъ гнали первыхъ христіанъ, насъ будутъ бить

и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашимы и не постыдимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ уже покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ нравственнымъ величіемъ идей, въ борьбѣ съ тою силою, какую мы представимъ собою.

„Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію. „Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ, не мы развращаемъ міръ, а вы, не мы причина зла, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ...

Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя соціальнаго переворота, сомкнитесь въ дружную братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечемъ истины, идите проповѣдывать свое ученіе по городамъ и селамъ! Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей; съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ.

Знайте, что въ васъ заключается вся сила и значеніе страны, вы—плоть и кровь государства, и безъ васъ не существовало бы другихъ классовъ, сосущихъ теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у васъ нѣтъ организаціи, нѣтъ идеи, которой бы руководились, нѣтъ, наконецъ, нравственной поддержки, столь необходимой для дружнаго отпора врага. Но мы, рабочіе-организаторы Сѣвернаго Союза, даемъ вамъ эту руководящую идею, даемъ вамъ нравственную поддержку въ сплоченіи интересовъ и наконецъ, даемъ вамъ ту организацію, въ какой нуждаетесь вы.

Итакъ, за вами, рабочіе, послѣднее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго Союза и успѣх соціальной революціи въ Россіи“.

„Петербургская Вольная Типографія“. 12 января 1879 г
Печатано по просьбѣ рабочихъ.

III. Программа рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“ (1881 г.) *)

[Изданіе редакціи „Народной Воли“].

А.

Историческій опытъ человѣчества, а также изученіе и наблюденіе жизни народовъ убѣдительно и ясно доказываютъ, что народы тогда только достигнутъ наибольшаго счастья и силы, что люди тогда только станутъ братьями, будутъ свободны и равны, когда устроятъ свою жизнь согласно соціалистическому ученію, то-есть, слѣдующимъ образомъ:

1) Земля и орудія труда должны принадлежать всему народу и всякій работникъ вправѣ ими пользоваться.

2) Работа производится не въ одиночку, а сообща (общинами, артелями, ассоціаціями).

3) Продукты общаго труда должны дѣлиться, по рѣшенію, между всѣми работниками, по потребности каждаго.

4) Государственное устройство должно быть основано на союзном договорѣ всѣхъ общинъ.

5) Каждая община въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вполнѣ независима и свободна.

6) Каждый членъ общины вполнѣ свободенъ въ своихъ убѣжденіяхъ и личной жизни; его свобода ограничивается только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она переходитъ въ насиліе надъ другимъ членомъ своей или чужой общины.

Если народы перестроятъ свою жизнь такъ, какъ мы, соціалисты-работники, этого желаемъ, то они станутъ дѣйствительно свободны и независимы, потому что не будетъ болѣе ни господъ, ни рабовъ. Каждый можетъ тогда работать, не попадая въ кабалу къ помѣщику, фабриканту, хозяину, потому что этихъ тунеядцевъ не будетъ и въ поминѣ. Землею станетъ пользоваться каждый желающій заниматься хлѣбопашествомъ. Фабрики и заводы будутъ въ рукахъ тѣхъ общин, которыя пожелаютъ пристать къ фабричному труду. Каждый будетъ имѣть все, что ему нужно для жизни, а потому не станетъ продавать себя, свой трудъ, свои убѣжденія, да и покупать-то будетъ некому.

Работа общиною, артелью дастъ возможность широко пользоваться машинами и всѣми изобрѣтеніями и открытіями, облегчающими трудъ; поэтому у работниковъ, членовъ общины, производство всего нужнаго для жизни потребуетъ гораздо меньше труда и въ ихъ распоряженіи останется много свободнаго времени и силъ для развитія своего ума и занятія наукою. Такая жизнь дастъ работнику много наслажденій, о которыхъ онъ теперь и понятія не имѣетъ; дастъ ему научное знаніе и сдѣлаетъ его самого способнымъ служить дальнѣйшему развитію науки, облегченію труда и

*) Перепечатано с подлинного печатного экземпляра, находящегося в библиотеке Истор. рев. арх. в Петр.

улучшенію жизни. Число всякихъ улучшеній сдѣлается безконечно больше, чѣмъ теперь, и люди-работники достигнутъ высокой власти надъ природой.

Личная свобода человѣка, т. е. свобода мнѣній, изслѣдованій и всякой дѣятельности сниметъ съ человѣческаго ума оковы и дастъ ему полный просторъ.

Свобода общины, т. е. право ея вмѣстѣ со всѣми общинами и союзами вмѣшиваться въ государственныя дѣла и направлять ихъ по общему желанію всѣхъ общинъ, не дастъ возникнуть государственному гнету, не допуститъ того, чтобы безнравственные люди забрали въ свои руки страну, разоряли ее въ качествѣ разныхъ правителей и чиновниковъ и подавляли свободу народа, какъ это дѣлается теперь.

Б.

Мы глубоко убѣждены, что такой общественный и государственный порядокъ обезпечилъ бы народное благо, но мы знаемъ также по опыту другихъ народовъ, что сразу и въ самомъ близкомъ будущемъ невозможно добиться полной свободы и прочнаго счастія народа. Намъ предстоитъ долгая и упорная борьба съ правителями и расточителями народнаго богатства—постепенное завоеваніе гражданскихъ правъ. Слишкомъ долго, цѣлые вѣка правительство и всѣ прихвостни его, которымъ теперь хорошо и тепло живется, изъ силъ выбивались, чтобы держать русскій народъ въ послушаніи и забитости. Имъ это почти всегда удавалось. Дѣйствительно, темные люди въ большинствѣ случаевъ не сознаютъ и не чувствуютъ, что они граждане своей родной страны и не должны дозволять, чтобы страною распоряжались коронованные проходимцы и всякіе охотники до чужого труда и кармана; бѣднымъ, голоднымъ людямъ слишкомъ часто приходилось дрожать и унижаться передъ сильными и богатыми, даже мошенничать и продаваться и все изъ-за насущнаго куска хлѣба... Потому люди настоящаго времени не могли бы устроиться и жить въ ладу при такихъ хорошихъ и справедливыхъ порядкахъ, гдѣ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни господъ-тунеядцевъ, ни слугъ-работниковъ, гдѣ всѣ равно обезпечены, всѣ трудятся, всѣ свободны. Унывать однако не приходится.

Если въ наше время такіе порядки намъ не по плечу, то слѣдуетъ къ нимъ приближаться постепенно, добиваясь, если не полной свободы и счастья, то во всякомъ случаѣ большей свободы и значительнаго улучшенія своей жизни. При лучшихъ порядкахъ и лучшей жизни люди станутъ умнѣе, нравственнѣе, поймутъ, наконецъ, что они граждане, т.-е. полноправные хозяева своей страны, и пойдутъ далѣе, т.-е. устроятъ свою жизнь еще лучше, еще справедливѣе. При этомъ тотъ общественный и государственный порядокъ, котораго желаемъ мы, соціалисты-работники, долженъ служить людямъ путеводною звѣздою, чтобъ они не сбились и не попали въ новыя цѣпи, въ еще худшую кабалу.

Мы ставимъ задачею своей жизни помочь всему русскому народу выйти на новый путь свободы и лучшей жизни. Положеніе народа такъ тяжело, жизнь его такъ безобразна, что обязанность всѣхъ понимающихъ дѣло и честныхъ людей поддержать насъ и положить конецъ этому безобразію. Такъ итти дѣла далѣе не могутъ и не должны. Поглядите: въ деревняхъ крестьянская земля постепенно переходитъ въ руки кулаковъ и спекуляторовъ; въ городахъ фабричные и заводскіе рабочіе попадаютъ все въ большую кабалу къ фабриканту; капиталисты становятся силой, съ которой разъединеннымъ рабочимъ бороться трудно; государство и правительство стягиваютъ къ себѣ все богатство и силу страны при содѣйствіи цѣлой арміи чиновниковъ, вполнѣ независимыхъ отъ народа и вполнѣ покорныхъ волѣ правительства; весь народъ отданъ подъ надзоръ жадной и невѣжественной полиціи (урядниковъ и другихъ полицейскихъ чиновъ). Въ послѣднее время правительство нашло, что волостные суды и сходы даютъ слишкомъ большой просторъ народному духу, и порѣшило прибрать ихъ къ рукамъ. Всякому видно, что этими мѣрами желаютъ въ конецъ обезсилить русскій народъ и заглушить въ немъ всякое стремленіе къ вольной жизни. Можемъ ли мы, соціалисты-работники, могутъ ли всѣ понимающіе дѣло рабочіе допустить, чтобы русскій народъ вели по этому

опасному пути? Нѣтъ! Всѣ мы должны добиваться такихъ порядковъ, гдѣ бы самъ народъ сталъ господиномъ страны, гдѣ бы не правительственные чиновники, а онъ самъ рѣшалъ, какой путь приведетъ его къ благоденствію и свободѣ. Необходимо сдѣлать первый шагъ!

В.

Но этотъ шагъ слѣдуетъ обдумать. Слѣдуетъ прежде всего выяснить себѣ, кто наши враги, кто наши друзья, и какихъ измѣненій въ теперешнихъ порядкахъ слѣдуетъ добиваться. Мы должны знать, что

1) Всѣ, кто живетъ теперь на счетъ народа, т. е. правительство, помѣщики, фабриканты, заводчики и кулаки никогда по доброй волѣ не откажутся отъ выгодъ своего положенія, потому что имъ гораздо пріятнѣе взваливать всю работу на спину рабочаго, чѣмъ самимъ приняться за нее. Эти господа смекаютъ, что рабочій народъ будетъ служить имъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ теменъ, задавленъ нуждою и разоренъ, — пока онъ не понимаетъ, что сила его в союзѣ всѣхъ работниковъ. Поэтому безполезно ждать отъ этихъ господъ улучшенія теперешнихъ порядковъ. Правда, они устраиваютъ иногда комиссіи для улучшенія быта рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ; но всѣ заботы ихъ напоминаютъ заботы хозяина о содержаніи рабочаго скота. Никогда не станутъ они думать о поднятіи народнаго образованія, никогда не дозволятъ рабочему человѣку устроиться такъ, чтобы онъ пересталъ въ нихъ нуждаться. Стало быть, рабочій народъ долженъ разсчитывать на свои силы: враги ему не помогутъ.

Но народъ всегда можетъ разсчитывать на вѣрнаго союзника — соціально-революціонную партію. Люди этой партіи набираются изъ всѣхъ сословій русскаго царства, но жизнь свою отдаютъ народному дѣлу и думаютъ, что всѣ станутъ равны и свободны, добьются справедливыхъ порядковъ только тогда, когда дѣлами страны будетъ заправлять рабочее сословіе, т. е. крестьянство и городскіе рабочіе, потому что всѣ другіе сословія, если и добивались свободы и равенства, то лишь для себя, а не для всего народа. Поэтому соціально-революціонная партія лучшій союзникъ, и рабочій народъ всегда можетъ братски протянуть ей руку.

Кромѣ нея у народа нѣтъ другихъ вѣрныхъ союзниковъ; однако во многихъ случаяхъ онъ найдетъ поддержку въ отдѣльныхъ лицахъ, изъ другихъ сословій, въ людяхъ образованныхъ, которымъ также хотѣлось бы, чтобы въ Россіи жилось свободнѣе и лучше. Ихъ не очень тревожитъ то обстоятельство, что русскій крестьянинъ въ кабалѣ у хозяина и кулака, потому что этотъ гнетъ имъ незнакомъ, но они испытали на своей шкурѣ произволъ полицейскій и чиновничій и охотно помогли бы народу съ нимъ покончить. Народъ, конечно, выигралъ бы отъ послабленія правительственнаго гнета: всѣмъ дышалось бы вольнѣе, мысль каждаго человѣка работала бы сильнѣе, знанія стали бы доступнѣе всѣмъ, число доброжелателей народа возросло бы, но главное—народъ могъ бы сговориться и сплотиться. Поэтому рабочій народъ не долженъ отвергать этихъ людей: выгодно добиться расширенія свободы рука объ руку съ ними. Нужно только, чтобы рабочіе не забывали, что ихъ дѣло на этомъ не останавливается, что вскорѣ придется разстаться съ этимъ временнымъ другомъ и итти далѣе въ союзѣ съ одною соціально-революціонною партіей.

2) Перемѣны въ порядкахъ, которые мы желаемъ совершить, должны быть понятны и согласны съ его требованіями, иначе онъ не станетъ ихъ вводить и поддерживать, на другія же сословія, какъ мы сказали, разсчитывать нельзя, потому что они сдѣлаютъ не то, что выгодно для народа, а то, что выгодно имъ самимъ.

3) Перемѣны въ порядкахъ должны приближать жизнь къ соціалистическому строю.

Г.

Принимая все это во вниманіе, мы признаемъ, что въ ближайшее время мы можемъ добиваться слѣдующихъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ и народной жизни:

1) Царская власть въ Россіи замѣняется народоправленіемъ, т. е. правительство составляется изъ народныхъ представителей (депутатовъ); самъ народъ ихъ назначаетъ и смѣняетъ; выбирая, подробно указываетъ, чего они должны добиваться и требуетъ отчета въ ихъ дѣятельности.

2) Русское государство, по характеру и условіямъ жизни населенія, дѣлится на области самостоятельныя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, но связанныя въ одинъ Обще-русскій Союзъ. Внутреннія дѣла области вѣдаются Областнымъ Управленіемъ; дѣла же общегосударственныя — Союзнымъ Правительствомъ.

3) Народы, насильственно присоединенные къ русскому царству, вольны отдѣлиться или остаться въ обще-русскомъ союзѣ.

4) Общины (села, деревни, пригороды, заводскія артели и проч.) рѣшаютъ свои дѣла на сходахъ и приводятъ ихъ въ исполненіе чрезъ своихъ выборныхъ лицъ — старостъ, сотскихъ, писарей, управляющихъ, мастеровъ, конторщиковъ и пр.

5) Вся земля переходитъ въ руки рабочаго народа и считается народною собственностью. Каждая отдѣльная область отдаетъ землю въ пользованіе общинамъ или отдѣльнымъ лицамъ, но только тѣмъ, кто самъ занимается обработкой ея. Никто не вправѣ получить земли больше того количества, которое онъ самъ въ силахъ обработать. По требованію общины устанавливаются передѣлы земель.

6) Заводы и фабрики считаются народною собственностью и отдаются въ пользованіе заводскихъ и фабричныхъ общинъ; доходы принадлежатъ этимъ общинамъ.

7) Народные представители издаютъ законы и правила, указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочихъ, опредѣляя количество рабочихъ часовъ для мужчинъ, женщинъ и дѣтей и пр.

8) Право избирать представителей (депутатовъ), какъ въ союзное правительство, такъ и въ областное управленіе принадлежитъ всякому совершеннолѣтнему; точно такъ же всякій совершеннолѣтній можетъ быть избранъ въ союзное правительство и областное управленіе.

9) Всѣ русскіе люди вправѣ держаться и переходить въ какое угодно вѣроученіе (религіозная свобода); вправѣ распространять устно или печатно какіе угодно мысли или ученія (свобода слова и печати); вправѣ собираться для обсужденія своихъ дѣлъ (свобода собраній); вправѣ составлять общества (общины, артели, союзы, ассоціаціи) для преслѣдованія какихъ угодно цѣлей; вправѣ предлагать народу свои совѣты при избраніи представителей и при всякомъ общественномъ дѣлѣ (свобода избирательной агитаціи).

10) Образованіе народа во всѣхъ низшихъ и высшихъ школахъ даровое и доступное всѣмъ.

11) Теперешняя армія и вообще всѣ войска замѣняются мѣстнымъ народнымъ ополченіемъ. Всѣ обязаны военной службой, обучаются военному дѣлу, не отрываясь отъ работы и семьи, и созываются только въ случаѣ опредѣленной закономъ надобности.

12) Учреждается Государственный Русскій Банкъ съ отдѣленіемъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи для поддержки и устройства фабричныхъ, заводскихъ, земледѣльческихъ и вообще всякихъ промышленныхъ и ученыхъ общинъ, артелей, союзовъ.

Вотъ какія, по нашему мнѣнію, перемѣны въ народной жизни могутъ быть совершены въ ближайшее время; мы думаемъ, что весь народъ—городскіе рабочіе и крестьянство—пойметъ всю ихъ полезность и готовъ будетъ ихъ отстаивать. Городскимъ рабочимъ слѣдуетъ только помнить, что отдѣльно отъ крестьянства они всегда будутъ подавлены правительствомъ, фабрикантами и кулаками, потому что

главная народная сила не въ нихъ, а въ крестьянствѣ. Если же они будутъ постоянно ставить себя рядомъ съ крестьянствомъ, склонять его къ себѣ и доказывать, что вести дѣло слѣдуетъ заодно, общими усиліями, тогда весь рабочій народъ станетъ несокрушимой силой.

Д.

Надъ этимъ придется много и усердно поработать, и мы думаемъ, что работу нужно повести такъ:

а) Тѣ изъ рабочихъ, которые твердо порѣшили, что теперешніе порядки и всю народную жизнь слѣдуетъ измѣнить, составляютъ небольшіе, но дружные общества (кружки) рабочихъ, выясняютъ себѣ, чего слѣдуетъ добиваться и готовятъ себя къ тому времени, когда общими усиліями нужно будетъ приступить къ выполненію переворота. Кружки должны быть связаны между собою, но въ то же время должны быть тайными, недоступными для правительственныхъ ударовъ.

б) Члены кружковъ должны выяснять народу, что изъ теперешняго гибельнаго порядка одинъ выходъ—насильственный переворотъ; что переворотъ необходимъ и возможенъ. Съ этою цѣлью члены кружковъ размѣщаются по заводамъ, фабрикамъ и деревнямъ и заводятъ новые кружки рабочихъ и крестьянъ подъ разными предлогами, преимущественно вполнѣ законными, (такъ напр., кружокъ заводитъ свою кассу, библіотеку, чтенія, общежитія и пр.). Пользуясь уваженіемъ и любовью рабочихъ, члены кружка поддерживаютъ бунтовской духъ въ рабочей средѣ, устраиваютъ, гдѣ нужно, стачки противъ фабрикантовъ и готовятся къ борьбѣ съ полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта. Тѣ изъ рабочихъ кружка, которые выкажутъ свою умѣлость и настойчивость въ веденіи рабочаго дѣла, поступаютъ въ главные рабочіе кружки, и, такимъ образомъ, тайный союзъ рабочихъ укрѣпляется.

Е.

Невозможно угадать, при какихъ именно условіяхъ придется дѣйствовать рабочимъ союзамъ (рабочей организаціи). Но каковы бы они ни были, необходимо постоянно имѣть въ виду общіе правила:

1) Для того, чтобы добиться чего бы то ни было, рабочіе должны составлять силу, способную напирать на правительство и, при надобности, готовую поддержать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ. Дойдетъ ли дѣло до кровавой борьбы или враги народа уступятъ безъ бою, — все равно: нужно готовить силу, и, чѣмъ больше эта сила готова вступить въ бой, тѣмъ скорѣе враги отступятъ безъ бою.

2) Напасть на враговъ съ надеждою на побѣду можетъ только вся соціально-революціонная партія, въ которую рабочая организація входитъ, какъ часть. Партія собираетъ въ народѣ и обществѣ силы для совершенія переворота; устраиваетъ союзы въ крестьянствѣ и въ средѣ городскихъ рабочихъ, въ войскѣ и другихъ общественныхъ слояхъ. Партія выдѣляетъ изъ себя боевой союзъ, который нападаетъ на правительство, разстраиваетъ его, приводитъ въ замѣшательство—и этимъ облегчаетъ всѣмъ недовольнымъ—народу, рабочимъ и всѣмъ доброжелательнымъ имъ людямъ—подняться и произвести повсемѣстный переворотъ.

Разъ началось надежное возмущеніе въ городѣ или въ деревняхъ, партія должна поддерживать его своими силами, внести въ него свои требованія, вызвать подобныя же волненія в другихъ мѣстахъ, гдѣ только возможно; должна объединить эти волненія въ одно общее возстаніе и расширить его на всю Россію. Одновременно нужно разстроить правительство, уничтожить крупныхъ чиновниковъ его (чѣмъ крупнѣе, тѣмъ лучше), какъ гражданскихъ такъ и военныхъ; нужно перетянуть войско на сторону народа, распустить его и замѣнить народнымъ ополченіемъ изъ крестьянъ, рабочихъ, бывшихъ солдатъ и всѣхъ честныхъ гражданъ.

Для успѣха крайне важно овладѣть крупнѣйшими городами и удержать ихъ за собою. Съ этою цѣлью возставшій народъ, немедленно по очищеніи города отъ врага, долженъ избрать свое Временное Правительство изъ рабочихъ или лицъ, извѣстныхъ своею преданностью народному дѣлу. Временное Правительство,

опираясь на ополченіе, обороняетъ городъ отъ враговъ и всячески помогаетъ возстанію въ другихъ мѣстахъ, объединяетъ и направляетъ возставшихъ. Рабочіе зорко слѣдятъ за Временнымъ Правительствомъ и заставляютъ его дѣйствовать въ пользу народа.

Когда возстаніе одержитъ побѣду по всей странѣ, когда земля, фабрики и заводы перейдутъ въ руки народа, а въ селахъ, городахъ и областяхъ установится выборное народное управленіе; когда въ государствѣ не будетъ иной военной силы, кромѣ ополченія—тогда немедленно народъ посылаетъ своихъ представителей въ (Союзное Правительство) Учредительное Собраніе, которое, упразднивъ Временное Правительство, утверждаетъ народныя завоеванія и устанавливаетъ порядокъ общесоюзный. Представители дѣйствуютъ по точной инструкціи, какую дадутъ имъ избиратели.

Вотъ общій планъ дѣятельности партіи во время переворота.

Можетъ быть однако и другой случай.

Если бы правительство изъ боязни общаго бунта рѣшилось сдѣлать обществу кое-какія уступки, т. е. дать конституцію, то деятельность рабочихъ не должна отъ этого измѣниться. Они должны заявлять себя силой, должны требовать себѣ крупныхъ уступокъ, должны вводить своихъ представителей въ парламентъ (т. е. законодательное собраніе) и, въ случаѣ надобности, поддержать ихъ требованіе массовыми заявленіями и возмущеніями.

Напирая такимъ образомъ постоянно на правительство, набираясь силъ въ борьбѣ съ нимъ, партія Народной Воли выжидаетъ лишь удобнаго момента, когда старый, негодный порядокъ окажется неспособнымъ противостоять требованіямъ народа, и совершаетъ переворотъ съ полной надеждой на успѣхъ.

IV. Программа Соціалъ-Демократической группы „Освобожденіе Труда“ (Г. В. Плехановъ. Женева, 1883—84 г.) *).

Группа Освобожденіе Труда задается цѣлью пропаганды соціалистическихъ идей въ Россіи и выработки элементовъ для организаціи русской рабочей соціалистической партіи.

Сущность ея воззрѣній можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ:

I. Экономическое освобожденіе рабочаго класса будетъ достигнуто лишь путемъ перехода въ коллективную собственность трудящихся всѣхъ средствъ и продуктовъ производства и сообразной съ общественными потребностями организацій функцій соціально-экономической жизни.

II. Современное развитіе техники въ цивилизованныхъ обществахъ не только даетъ матеріальную возможность такой организаціи, но дѣлаетъ ее необходимою и незбѣжною для разрѣшенія противорѣчій, препятствующихъ, спокойному и всестороннему развитію этихъ обществъ.

III. Эта радикальная экономическая революція повлечетъ за собою самыя коренныя измѣненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

Устраняя борьбу классовъ—путемъ уничтоженія самихъ классовъ; дѣлая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумовъ—путемъ устраненія товарнаго производства и связанной съ нимъ конкуренціи; короче, устраняя борьбу за существованіе между личностями, классами и цѣлыми обществами,—она дѣлаетъ излишними всѣ тѣ общественные органы, которые развились въ многовѣковый періодъ этой борьбы за существованіе, въ качествѣ ея орудій.

Примѣчаніе 1. Предлагаемая нами на судъ товарищей программа, отнюдь не разсматривается нами, какъ нѣчто совершенно законченное, не подлежащее никакимъ частнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Напротивъ, мы готовы внести въ нее всякія поправки, если только онѣ не противорѣчатъ основнымъ понятіямъ научнаго соціализма и соотвѣтствуютъ практическимъ выводамъ, вытекающимъ изъ этихъ понятій по отношенію къ дѣятельности соціалистовъ въ Россіи.

Не вдаваясь въ утопическія фантазіи относительно общественной и международной организаціи будущаго, можно теперь уже предсказать уничтоженіе важнѣйшаго изъ органовъ хронической борьбы внутри обществъ — именно государства, какъ политической организаціи, противостоящей обществу и охраняющей, главнымъ образомъ, интересы его господствующей части. Точно такъ же и теперь уже можно предвидѣть международный характеръ предстоящей экономической революціи. Современное развитіе международнаго обмѣна продуктовъ дѣлаетъ необходимымъ участіе въ этой революціи всѣхъ цивилизованныхъ обществъ.

*) Перепечатано изъ II т. соч. Г. В. Плеханова подъ ред. Д. Б. Рязанова.

Поэтому соціалистическія партіи всѣхъ странъ признаютъ международный характеръ современнаго рабочаго движенія и провозглашаютъ принципы международной солидарности производителей.

Группа „Освобожденія Труда“ также признаетъ великіе принципы бывшей „Международной Ассоціаціи Рабочихъ“ и тождество интересовъ трудящихся всего цивилизованнаго міра.

IV. Внося сознательность туда, гдѣ господствуетъ нынѣ слѣпая экономическая необходимость, замѣняя современное господство продукта надъ производителемъ — господствомъ производителя надъ продуктомъ, соціалистическая революція упрощаетъ и осмысливаетъ всѣ общественныя отношенія, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ каждому гражданину реальную возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ общественныхъ дѣлъ.

Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣдываніи всѣми общественными дѣлами предполагаетъ устраненіе современной системы политическаго представительства и замѣны ея прямымъ народнымъ законодательствомъ.

Въ своей современной борьбѣ соціалисты должны имѣть въ виду эту необходимую политическую реформу и всѣми зависящими отъ нихъ средствами добиваться ея осуществленія.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что политическое самовоспитаніе и господство рабочаго класса составляетъ необходимое предварительное условіе его экономическаго освобожденія. Только вполнѣ демократическое государство можетъ совершить экономическій переворотъ, сообразный съ интересами производителей и требующій разумнаго участія ихъ въ организаціи и регулированіи производства.

Въ настоящее время рабочій классъ передовыхъ странъ всего болѣе и болѣе выясняетъ себѣ необходимость указаннаго соціально-политическаго переворота и организуется въ особую партію труда, враждебную всѣмъ партіямъ эксплуататоровъ.

Совершаясь на началахъ „Международной Ассоціаціи Рабочихъ“, организація эта имѣетъ, однако, прежде всего въ виду завоеваніе рабочими политическаго господства внутри каждаго изъ соотвѣтствующихъ государствъ. „Пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ прежде всего покончить съ своей собственной буржуазіей“.

Это вноситъ элементъ разнообразія въ программы соціалистическихъ партій различныхъ государствъ, заставляя каждую изъ нихъ сообразоваться съ общественными условіями своей страны.

Само собою понятно, что практическія задачи, а слѣдовательно, и программы соціалистовъ должны имѣть болѣе своеобразный и сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ капиталистическое производство не сдѣлалось еще господствующимъ и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства.

Въ этихъ странахъ соціалистамъ приходится одновременно организовывать рабочій классъ для борьбы съ буржуазіей и вести войну противъ вредныхъ — какъ для развитія рабочаго класса, такъ и для благосостоянія всего народа — остатковъ старыхъ, до-буржуазныхъ общественныхъ отношеній.

Русскіе соціалисты находятся именно въ такомъ положеніи. Трудящееся населеніе Россіи непосредственно несетъ на себѣ всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотическаго государства и въ то же время переживаетъ всѣ бѣдствія, свойственныя эпохѣ капиталистическаго накопленія, а мѣстами — въ нашихъ промышленныхъ центрахъ — оно испытываетъ уже гнетъ капиталистическаго производства, не ограниченный еще ни сколько-нибудь рѣшительнымъ государственнымъ вмѣшательствомъ, ни организованнымъ противодѣйствіемъ самихъ рабочихъ. Современная Россія страдаетъ, — какъ говорилъ когда-то Марксъ о западѣ европейскаго континента, — не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостатка этого развитія.

Однимъ изъ вреднѣйшихъ слѣдствій этого отсталаго состоянія производства было и есть до сихъ поръ неразвитое состояніе средняго класса, который неспособенъ у насъ взять на себя иниціативу борьбы съ абсолютизмомъ.

Соціалистической интеллигенціи пришлось, поэтому, стать во главѣ современнаго освободительнаго движенія, прямой задачей котораго должно быть созданіе свободныхъ политическихъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, при чемъ соціалисты, съ своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активнаго и плодотворнаго участія въ будущей политической жизни Россіи.

Первымъ средствомъ для достиженія этой цѣли должна быть агитація въ пользу демократической конституціи, обезпечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ какъ въ Законодательное Собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ за извѣстныя строго опредѣленныя закономъ позорныя дѣйствія къ потерѣ политической правоспособности.

Примѣчаніе 2. Къ числу такихъ дѣйствій могутъ быть отнесены, напримѣръ, подкупы при выборахъ, вопіющія притѣсненія нанимателемъ своихъ работниковъ и т. п.

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ.

4) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій.

5) Свободу передвиженія и занятій.

6) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и иноплеменнаго происхожденія.

7) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

Примѣчаніе 3. Этотъ пунктъ логически заключается въ § 4, требующемъ между прочимъ, полной свободы совѣсти; но мы считаемъ нужнымъ оттѣнить его въ виду того, что теперь существуютъ у насъ цѣлые слои населенія, какъ напр. евреи, не пользующіеся даже тѣми жалкими „правами", которыя предоставлены другимъ обывателямъ".

8) Пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ человѣка.

Но цѣль эта останется недостигнутой, политическая самодѣятельность рабочихъ будетъ немыслима, если паденіе абсолютизма застанетъ ихъ въ совершенно неподготовленномъ и неорганизованномъ состояніи.

Поэтому, на соціалистической интеллигенціи лежитъ обязанность организаціи рабочихъ и посильной подготовки ихъ къ борьбѣ, какъ съ современной правительственной системой, такъ и съ будущими буржуазными партіями.

Она должна немедленно взяться за организацію рабочихъ нашихъ промышленныхъ центровъ, какъ передовыхъ представителей всего трудящагося населенія Россіи, въ связанные между собой тайные кружки съ опредѣленной соціально-политической программой, соотвѣтствующей современнымъ нуждамъ русскаго производительнаго класса и основнымъ задачамъ соціализма.

Понимая, что подробности такой программы могутъ быть выработаны лишь въ будущемъ и при томъ самимъ рабочимъ классомъ, призваннымъ къ участію въ политической жизни и сплотившимся въ особую партію, группа „Освобожденіе Труда" полагаетъ, что главнѣйшими пунктами экономическаго отдѣла рабочей программы должны быть требованія:

1) Радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленіе ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ, и т. п.

2) Устраненія современной податной системы и установленія прогрессивнаго подоходнаго налога.

3) Законодательнаго регулированія отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организаціи соотвѣтствующей инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ.

4) Государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Группа „Освобожденіе Труда“ убѣждена, что не только успѣхъ, но и самая возможность такого осмысленнаго движенія русскаго рабочаго класса въ огромной степени зависитъ оть указанной выше работы интеллигенціи въ его средѣ.

Но названная группа полагаетъ, что сама интеллигенція должна предварительно стать на точку зрѣнія современнаго научнаго соціализма, лишь постольку удерживая народническія традиціи, поскольку онѣ не противоречатъ его положеніямъ.

Въ виду этого, группа „Освобожденіе Труда“ задается цѣлью пропаганды современнаго соціализма въ Россіи и подготовки рабочаго класса къ сознательному соціально-политическому движенію; этой цѣли она и посвящаетъ всѣ свои силы, призывая нашу революціонную молодежь къ помощи и содѣйствію.

Преслѣдуя эту цѣль всѣми зависящими отъ нея средствами, группа „Освобожденіе Труда“ въ то же время признаетъ необходимость террористической борьбы противъ абсолютнаго правительства и расходится съ партіей „Нар. Воли“ лишь по вопросамъ о такъ называемомъ захватѣ власти революціонной партіей и о задачахъ непосредственной дѣятельности соціалистовъ въ средѣ рабочаго класса.

Группа „Освобожденіе Труда“ нимало не игнорируетъ крестьянства, составляющаго огромнѣйшую часть трудящагося населенія Россіи. Но она полагаетъ, что работа интеллигенціи, въ особенности при современныхъ условіяхъ соціально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на болѣе развитый слой этого населенія, какимъ и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, соціалистическая интеллигенція можетъ съ гораздо большею надеждою на успѣхъ распространить свое воздѣйствіе и на крестьянство, въ особенности, если она добьется къ тому времени свободы агитаціи и пропаганды. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что распредѣленіе силъ нашихъ соціалистовъ должно будетъ измѣниться, если въ крестьянствѣ обнаружится самостоятельное революціонное движеніе, и что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей деятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Группа „Освобожденіе Труда“ не только не отталкиваетъ отъ себя такихъ людей, но приложитъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ положеніяхъ программы.

V. Программа „Партіи русскихъ соціалъ-демократовъ“ (Благоевъ, Благословъ, Петербургъ, 1884—85 г.г.[1]).

Объединеніе людей въ общественныя формы имѣетъ цѣлью подъемъ и развитіе матеріальныхъ и нравственныхъ силъ человѣка.

Наиболѣе сложною и наиболѣе могучею общественной формой является государство, т. е. общество, обладающее политической организаціей наряду с экономической [2]).

Государственный строй, въ той или другой формѣ, всегда является воплощеніем извѣстнаго нравственнаго принципа; но до сихъ поръ государство, благодаря узости этихъ принциповъ, всегда служило интересамъ отдѣльныхъ классовъ въ ущербъ народу.

Современное государство служитъ выраженіемъ принципа индивидуализма, который въ политикѣ требуетъ свободы личности, въ экономической сфере—свободной конкуренціи.

Подъ вліяніемъ конкуренціи распредѣленіе продуктовъ, при всякихъ политическихъ формахъ, идетъ путемъ неправильнымъ: масса трудящагося населенія остается при minimum'ѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей, весь избытокъ сосредоточивается въ рукахъ класса капиталистовъ.

Но конкуренція приводитъ индивидуализмъ неизбѣжно къ отрицанію самого себя: подъ ея вліяніемъ рабочее сословіе организуется путемъ обобществленія труда въ крупныя формы производства, какъ наиболѣе выгодныя и путемъ долгихъ страданій—доходитъ до идеи соціализма—равенства и братства.

Соціализмъ является какъ логическій выводъ изъ историческаго хода вещей. Онъ требуетъ обобществленія труда и равномѣрнаго распредѣленія продуктовъ между всѣми; это достижимо въ полной мѣрѣ лишь путемъ экспропріаціи земли и орудій производства (фабрикъ и заводовъ) въ государственную собственность, и организаціи труда на началахъ коллективизма. Только въ этихъ формахъ возможно полное развитіе силъ человѣчества—матеріальныхъ и нравственныхъ.

Но процессъ обобществленія труда подъ властью капитала идетъ путемъ медленнымъ и мучительнымъ, и нельзя ждать сложа руки того времени, когда желѣзные законы конкуренціи сорганизуютъ рабочее сословіе и поставятъ его противу кучки капиталистовъ, того времени, когда будетъ возможенъ полный и радикальный переворотъ соціальныхъ отношеній.

Необходимо устремить усилія на то, чтобы ускорить и облегчить этотъ процессъ, подготовить путь грядущему воцаренію соціализма, что возможно лишь путемъ вмѣшательства государственной власти въ экономическія отношенія.

Остановить развитіе крупнаго производства и нѣтъ возможности и незачѣмъ. Задача государства должна заключаться въ томъ, чтобы замѣнить капитализмъ

---

[1]) Перепечатано с копии, находящейся в подлинном деле о благоевцах (См. „Обзор Ист.).

[2]) Надо замѣтить, что слову государство мы придаемъ широкое значеніе и подразумѣваемъ подъ нимъ не только современное централизованное государство, но и федеративный строй; этотъ послѣдній и является нашимъ идеаломъ.

индивидуальный производительными ассоціаціями рабочихъ, земледѣльческихъ и промышленныхъ, оставляя за собой верховное право собственности на земли и орудія производства.

Но для того, чтобы государственная власть дѣйствительно послужила на пользу народа, необходимо, чтобы она являлась выраженіемъ народной воли, что достижимо лишь при всеобщей подачѣ голосовъ безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

—

Русское государство, съ отмѣной крѣпостного права вступило на тотъ же путь экономической конкуренціи, какъ и Западная Европа. Капитализмъ у насъ уже зародился и растетъ.

Но благодаря тому, что Россія вступила на этотъ путь значительно позже, чѣмъ западныя государства,—ей трудно съ ними конкурировать въ „борьбѣ за внѣшній рынокъ, а внутренній рынокъ весьма ограниченъ, благодаря бѣдности населенія. Развитіе капитализма у насъ встрѣчаетъ затрудненій болѣе чѣмъ гдѣ-либо; процессъ, обобществленія труда подъ законами [1]) конкуренціи пойдетъ у насъ путемъ еще болѣе медленнымъ, еще болѣе мучительнымъ, чѣмъ на Западѣ. Отношенія классовъ опредѣлились у насъ слабѣе, интересы не отлились въ формы достаточно опредѣленныя, крестьянское населеніе разбросано на огромномъ протяженіи и труднодоступно для организаціи, — поэтому государственное вмѣшательство у насъ является еще болѣе необходимымъ для облегченія процесса формированія новаго общественнаго строя.

Разсчитывать на единичный переворотъ, который бы сразу привелъ къ переходу земли и орудій труда въ руки народа, нѣтъ никакихъ основаній. Единственно возможный путь заключается въ постепенной демократизаціи государства и переходѣ экономическаго и политическаго вліянія изъ рукъ привилегированныхъ классовъ въ руки народа, что возможно лишь при его активномъ содѣйствіи путемъ цѣлаго ряда народныхъ движеній, которыя кореннымъ образомъ перестроятъ государственную власть и обратятъ ее въ пользу народа, а не кучки привилегированныхъ классовъ.

Сообразно съ этимъ развивается наша программа. Мы должны указать тѣ требованія, которыя являются логическимъ приближеніемъ къ нашему идеалу, а с другой стороны—указать значеніе всѣхъ элементовъ русской жизни въ борьбѣ за этотъ идеалъ и опредѣлить наше къ нимъ отношеніе.

Основными требованіями для перехода къ осуществленію соціалистическаго строя, являются:

1) Отмѣна частнаго землевладѣнія и переходъ всей земли въ государственную собственность; переходъ фабрикъ и заводовъ въ руки рабочихъ ассоціацій.

2) Коренная реформа податного обложенія—замѣна всѣхъ прямыхъ налоговъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

3) Организація политическихъ формъ государства на федеративныхъ началахъ.

4) Даровое начальное обученіе. Для осуществленія этихъ требованій въ полной мѣрѣ необходима организація государственной власти на демократическихъ началахъ, что достижимо лишь при слѣдующихъ условіяхъ:

5) Свобода совѣсти, слова, печати, преподаванія и сходокъ.

6) Передача государственной власти представительному собранію, члены котораго избираются путемъ прямой и всеобщей подачи голосовъ, и организація по тому же типу мѣстнаго самоуправленія.

7) Переводъ постоянной арміи въ милицію (земское ополченіе).

Таковы задачи, которыя мы ставимъ себѣ при достаточной зрѣлости народныхъ революціонныхъ силъ. Но и въ подготовительный періодъ, во время назрѣванія, силы эти не могутъ молчать. Они будутъ необходимо заявлять себѣ въ тѣхъ или

[1]) В ст. Николаевского (Былое, № 13)—Знаками.

другихъ формахъ активнаго протеста; онѣ будутъ оказывать давленіе на правительство, прежде чѣмъ окажутся въ состояніи его низвергнуть вовсе. Результатомъ этого давленія будутъ различныя уступки со стороны правительства въ смыслѣ указанныхъ требованій. Но ихъ необходимо дополнить еще другими требованіями, которыя имѣютъ существенное значеніе для этого подготовительнаго періода и послужатъ наилучшимъ предметомъ агитаціи, какъ требованія наиболѣе доступныя и наглядныя. Сюда относятся:

1) Гарантія личной неприкосновенности отъ правительственнаго произвола и подсудность политическихъ преступленій общему суду присяжныхъ.

2) Созваніе Земскаго Собора съ дѣйствительнымъ представительствомъ отъ крестьянъ и рабочихъ.

3) Расширеніе мѣстнаго самоуправленія и отмѣна имущественнаго ценза.

4) Уравненіе правъ подчиненныхъ національностей съ преобладающей народностью.

5) Широкая агитація*) долгосрочнаго государственнаго кредита крестьянскимъ обществамъ и рабочимъ ассоціаціямъ для приобрѣтенія въ пользованіе земли, фабрикъ и заводовъ.

6) Организація дешеваго государственнаго кредита для удовлетворенія текущихъ потребностей и нуждъ народнаго хозяйства.

7) Государственная эксплуатація желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей сообщенія.

8) Государственная регуляція рынка, т. е. устройство складовъ для хлеба и продуктовъ кустарнаго производства.

9) Государственная организація переселеній и отхожихъ промысловъ.

10) Пониженіе платежей. лежащихъ на народномъ трудѣ и переложеніе ихъ на капиталъ земельный и промышленный.

11) Сокращеніе срока военной службы.

Въ настоящее время въ средѣ русскаго народа революціонные элементы уже существуютъ и растутъ; это—безземельный пролетаріатъ. Благодаря прогрессивному развитію кулачества и капитализма, пролетаріатъ будетъ необходимо расти и умножаться; съ другой стороны, затрудненія для развитія русской промышленности, закрывая ему поле труда, будутъ вызывать въ его средѣ постоянное броженіе. Нельзя еще предсказать, въ какія формы выльется это народное движеніе, но наше дѣло урегулировать по мѣрѣ возможности ходъ революціи, направить ея матеріальную силу путемъ наиболѣе продуктивнымъ, путемъ сочетанія. крестьянской революціи съ политическимъ движеніемъ рабочихъ и интеллигенціи въ центрахъ.

Главную массу населенія составляетъ у насъ крестьянство. Въ его средѣ существуетъ взглядъ на землю, какъ на достояніе государства (земля Божья, да царская), и идетъ аграрное движеніе въ смыслѣ борьбы съ частнымъ землевладѣніем. Общая цѣль нашей работы въ данной средѣ должна заключаться въ томъ, чтобы внести свѣтъ и пониманіе въ соціальное движеніе народа, указать ему наиболѣе разумныя и практичныя формы требованій, которыя онъ долженъ предъявить государству, и тѣ пути, которыми должна итти борьба.

Отрицая возможность широкой боевой организаціи въ крестьянской средѣ, мы видимъ свою ближайшую задачу въ томъ, чтобы упрочить связь интеллигенціи соціализма съ народомъ. Это возможно лишь путемъ организаціи мѣстныхъ группъ изъ интеллигенціи и подготовленныхъ къ этому въ городахъ рабочихъ, съ цѣлью привлеченія къ себѣ наиболѣе подходящихъ элементовъ изъ крестьянъ и постановки на ноги самостоятельной народной пропаганды. Въ отдѣльныхъ случаяхъ крестьянскихъ волненій или аграрнаго террора инниціатива должна принадлежать самому населенію; наше дѣло будетъ только указать наилучшіе пріемы

*) В ст. Николаевского (Былое, № 13)—широкое применение.

и воможные результаты, содѣйствовать осуществленію готоваго стремленія, когда оно справедливо и потому имѣетъ воспитательное значеніе.

Въ средѣ городскихъ рабочихъ, проводя тѣ же идеи, что и среди крестьянъ, мы должны обратить особенное вниманіе на ихъ политическое воспитаніе, такъ какъ они представляютъ для этого элементъ наиболѣе подходящій. Та часть рабочихъ, которая возвращается въ деревню, достаточно подготовленная и снабженная подходящей литературой, послужитъ лучшимъ проводникомъ революціонныхъ идей и политическаго развитія въ крестьянскую среду. Тѣ же рабочіе, которые остаются въ центрахъ, должны послужить ядромъ грядущей политической силы народа. Атмосфера политическихъ интересовъ, созданная въ ихъ средѣ, послужитъ имъ необходимою школою политическаго воспитанія. Но активное ихъ выступленіе на поприщѣ политической борьбы желательно не ранѣе, чѣмъ будутъ подготовлены такія рабочія группы по всѣмъ крупнымъ центрамъ, не ранѣе, чѣмъ онѣ составятъ значительную силу; иначе всѣ частныя попытки будутъ легко раздавлены и поведутъ къ деморализаціи и непроизводительной затратѣ силъ. Поэтому въ случаѣ отдѣльныхъ волненій среди рабочаго населенія, а также въ случаѣ стачекъ, проявленій фабричнаго террора и т. д., мы относимся, какъ и къ подобнымъ же явленіямъ въ крестьянской средѣ.

Въ арміи пропаганда среди солдатъ возможна лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ—путемъ проникновенія въ ихъ среду подготовленныхъ рабочихъ и путемъ воздействія офицеровъ на отдѣльныя приближенныя личности изъ солдатъ. Но большое вниманіе должно быть обращено на самихъ офицеровъ въ томъ расчетѣ, что они своимъ нравственнымъ вліяніемъ и властью даже безъ предварительной пропаганды въ моментъ дѣйствія окажутъ давленіе въ желательную сторону.

Въ средѣ привилегированныхъ классовъ и интеллигенціи наше вниманіе должно быть обращено на пропаганду нашихъ идей и привлеченіе новыхъ силъ. Силы свои мы не будемъ сосредоточивать воедино, въ одномъ пунктѣ, а будемъ стараться организовать ихъ въ мѣстныя провинціальныя и городскія центральныя группы. Группы эти должны организоваться между собой въ смыслѣ взаимной поддержки, обмѣна свѣдѣній и постановки литературнаго дѣла. Для удобства этихъ сношеній—регуляціи свободныхъ денежныхъ средствъ, направленіе людей въ желательныя и доступныя мѣстности, редактированіе руководящаго органа—необходимъ извѣстный центръ съ представителями отъ мѣстныхъ группъ. Но онъ не долженъ являться принудительной властью, его функція только распорядительная, мѣстныя группы сохраняютъ полную самостоятельность.

Остается еще сказать о нашемъ отношеніи къ существующимъ направленіямъ и программамъ.

Признавая желательность и пользу требованій либераловъ относительно ограниченія всѣхъ формъ правительственнаго произвола, мы относимся отрицательно къ оборотной сторонѣ либеральной конституціи — къ покровительству имущимъ классамъ въ ущербъ народу. Центральный захватъ власти съ нашей точки зрѣнія можетъ имѣть прочное значеніе только тогда, когда онъ является завершеніемъ общенародной революціи крестьянъ и рабочихъ, но не тогда, если онъ совершается путемъ предварительнаго заговора военнаго или какого иного.

Относительно политическаго террора, какъ системы вынужденія уступокъ у правительства, мы должны сказать, что при настоящихъ условіяхъ,—при отсутствіи прочной рабочей организаціи, могущей непосредственно поддержать эффектъ террористическаго факта,—мы не признаемъ продуктивности террора въ томъ смыслѣ и будемъ его практиковать лишь въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда само населеніе намѣчает жертвы изъ среды администраціи.

2) когда жертвы намѣчаются партіей изъ лицъ высшей администраціи и ихъ гибель не можетъ вооружить противъ себя общественнаго мнѣнія и недовольства народа.

3) въ случаяхъ самозащиты отъ шпіоновъ.

VI. Уставъ кассы (Шатько, Петербургъ, 1884—85 г.) *).

Поставивъ своей ближайшей цѣлью соединеніе возможно большаго числа рабочихъ въ одну „рабочую партію“, которая могла бы измѣнить существующій порядокъ вещей въ пользу рабочаго класса, мы думаемъ, что успѣхъ дѣла будетъ только тогда обезпеченъ, когда рабочіе будутъ сильны и знаніемъ и сознаніемъ нравственнаго единства и матеріально.—Безъ этихъ 3-хъ условій борьба за лучшее будущее, если не возможна совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ крайне тяжела.—Каждый человѣкъ, стремящійся къ лучшему будущему для всего народа, а не лично для себя одного, можетъ отдаться дѣлу народнаго освобожденія съ полнымъ сознаніемъ правоты его и съ безграничною преданностью ему только тогда, когда онъ будетъ знать причины тяжелыхъ условій жизни народа, когда онъ пойметъ всю ту неправду, на которой покоится современный строй, и тѣ предразсудки, которые освѣщаютъ эту неправду. Когда онъ, наконецъ, можетъ ясно представить себѣ хотя въ главныхъ чертахъ—въ чемъ должно состоять измѣненіе современныхъ условій народной жизни; какъ оно повліяетъ на нее и на сколько легче будетъ житься тогда народу.—Да, онъ долженъ ясно представить себѣ это, долженъ увѣровать въ возможность осуществленія этой задачи и вложить всю свою жизнь въ борьбу за нее.—Вѣра въ справедливость этой задачи и трудъ на пользу ея каждаго честнаго человѣка должны соединить ихъ всѣхъ воедино, заставить ихъ поддерживать другъ друга въ тяжелой борьбѣ.—Легче должно быть каждому жертвовать собою, когда знаешь, что ты не одинъ, что тебя всегда поддержатъ твои товарищи, когда знаешь, что не останется твоя семья безъ пищи и крова, что всегда она найдетъ себѣ и ласку и утѣшеніе и поддержку у твоихъ товарищей.—Только тогда, когда человѣкъ пойметъ это, онъ сдѣлается настолько нравственно и умственно выше окружающихъ, что будетъ въ состояніи вліять на нихъ, привлекать лучшихъ изъ нихъ въ ряды борцовъ за правду и способствовать ихъ соединенію въ одну народную партію.—Конечно, одного только нравственнаго вліянія мало; нужно многое сдѣлать, прежде чѣмъ достигнуть цѣли.—Нужно употребить много усилій на мелкую подготовительную работу. Найти тѣхъ немногихъ сознательныхъ людей, которые теперь идутъ въ разбродъ и соединить ихъ, устроить кружки для занятій съ рабочими, въ которыхъ они могли бы выработаться въ дѣятельныхъ членовъ народной партіи, образовать библіотеки, основать матеріальную помощь дѣлу. Вотъ задачи, которымъ мы должны посвятить массу времени и труда, прежде чѣмъ изъ всего этого создастся могучая народная партія, которая въ силахъ будетъ открыто потрясти основы современнаго строя и создать новый.

Пускай же каждый изъ насъ принесетъ посильную лепту, на народное дѣло, пускай же каждый изъ насъ будетъ стараться работать самъ, а не сваливать работу на другихъ.

Какъ на одно изъ средствъ, съ котораго должно начать осуществленіе задачи объединенія рабочихъ,—мы укажемъ на кассы. Изложимъ же программу ихъ.

Кассы, устраивающіяся теперь, должны носить кружковый характеръ и только съ большимъ развитіемъ ихъ и при тѣсной связи между отдѣльными

*) Перепечатано с копии, находящейся в деле о благоевцах в Петр. истор. рев. арх. (См. Обзор источн.).

кружками,—всѣ эти кассы должны слиться въ одну общую кассу:—„Кассу рабочей партіи“.

Главная цѣль кассы:

1) [1]) Помощь лицамъ, пострадавшимъ за дѣло и ихъ семействамъ.

2) [1]) Пособіе лицамъ, зарекомендовавшимъ себя полезною дѣятельностью въ пользу дѣла, въ случаѣ, если они лишатся работы.

3) Пособіе лицамъ, снявшимъ квартиры, въ которыхъ должны будутъ происходить занятія или какія-либо другія собранія.

4) Устройство летучихъ библіотекъ.

5) Доставленіе средствъ для поѣздокъ и выдача вознагражденія лицамъ, не вышедшимъ на работу, если этого потребуетъ дѣло.

Средства кассы получаются:

1) Изъ единовременныхъ взносовъ въ 1 руб., дѣлаемыхъ каждымъ членомъ при поступленіи.

2) Изъ ежемѣсячныхъ членскихъ взносовъ, которые должны быть не менѣе 30 коп.

3) Изъ случайныхъ доходовъ: пожертвованій, лотерей и т. п.

Доходы кассы распредѣляются такимъ образомъ:

во-1-хъ, удовлетвореніе текущихъ расходовъ,

во-2-хъ, часть откладывается въ запасный капиталъ, который отдается въ ссудо-сберегательную кассу и

въ-3-хъ часть идетъ на поддержку „коренной кассы“.

Если расходы не могутъ быть удовлетворены средствами кассы, то недостатокъ пополняется изъ „Коренной Кассы“. Такъ какъ касса не является благотворительнымъ учрежденіемъ, въ программу котораго входила бы выдача ссуды своимъ членамъ за извѣстный %, а должна служить, какъ одно изъ средствъ объединенія рабочихъ для борьбы за лучшее будущее, то членами кружка могутъ быть только лица, стремящіяся къ измѣненію современнаго строя, поэтому для поступленія въ кассу необходима рекомендація по крайней мѣрѣ 3-хъ человѣкъ. При выходѣ изъ кассы почему бы то ни было—никто не можетъ требовать возвращенія своихъ взносовъ, т. к. они предназначаются на поддержку дѣла народнаго освобожденія. Деньги, поступающія въ кассу, передаются кассиру. Такъ какъ здѣсь все основывается на довѣріи, то кассиромъ можетъ быть лицо, выбранное единогласно. При развитіи кассы, когда членовъ будетъ много и сумма взносовъ увеличится, слѣдуетъ выбрать двухъ кассировъ. Кассиры выбираются на время (на 1/2 года) и мѣняются по желанію членовъ. Члены кассы по очереди, по 2 человѣка, провѣряютъ еженедѣльно кассира. Ежемѣсячно должны быть кассовыя собранія для принятія отчета отъ кассира. На этихъ собраніяхъ устанавливаются смѣты расходовъ на будущій мѣсяцъ и остатокъ отъ предыдущаго мѣсяца дѣлится на 2 части, какъ сказано выше. Вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ. При большомъ числѣ членовъ они раздѣляются на кружки, имѣющіе сношеніе чрезъ своихъ представителей; въ каждой такой кружковой кассѣ должно быть по 10 человѣкъ.

---

[1]) Пособіе выдается с тѣмъ, чтобы взявшій при возможности возвратилъ въ кассу деньги безъ %.

VII. Проектъ программы русскихъ соціалъ-демократовъ (Г. В. Плехановъ, Женева, 1887 г.) *).

Русскіе соціалъ-демократы, подобно соціалъ-демократамъ другихъ странъ, стремятся къ полному освобожденію труда отъ гнета капитала. Такое освобожденіе можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность средствъ и предметовъ производства, перехода, который повлечетъ за собою:

а) устраненіе современнаго товарнаго производства (т.-е. купли и продажи продуктовъ на рынкѣ), и

б) замѣну его новой системой общественнаго производства по заранѣе составленному плану, въ виду удовлетворенія потребностей, какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго изъ его членовъ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время.

Эта коммунистическая революція вызоветъ самыя коренныя измѣненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

Замѣняя современное господство продукта надъ производителемъ—господствомъ производителя надъ продуктомъ, она внесетъ сознательность туда, гдѣ господствуетъ нынѣ слѣпая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая всѣ общественныя отношенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ общественныхъ дѣлъ.

Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣдываніи общественными дѣлами предполагаетъ устраненіе современной системы политическаго представительства и замѣну ея прямымъ народнымъ законодательствомъ.

Кромѣ того, теперь уже можно предвидѣть международный характеръ предстоящей экономической революціи. При современномъ развитіи международнаго обмѣна, упроченіе этой революціи возможно лишь при участіи въ ней всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ цивилизованныхъ обществъ. Отсюда вытекаетъ солидарность интересовъ производителей всѣхъ странъ, признанная и провозглашенная еще Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ.

Но такъ какъ освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, такъ какъ интересы труда въ общемъ діаметрально противоположны интересамъ эксплоататоровъ и такъ какъ поэтому высшіе классы всегда будутъ препятствовать указанному переустройству общественныхъ отношеній, —то неизбѣжнымъ предварительнымъ его условіемъ является захватъ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соотвѣтствующихъ странъ. Только это временное господство рабочаго класса можетъ парализовать усилія контръ-революціонеровъ и положить конецъ существованію классовъ и ихъ борьбѣ.

Эта политическая задача вноситъ элементъ разнообразія въ программы соціалъ-демократовъ различныхъ государствъ, сообразно общественнымъ условіямъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

*) Впервые напечатан, как приложение к брошюре „Чего хотят социал-демократы“. Женева, 1888. Составлен в 1887 г.

Практическія задачи, а слѣдовательно, и программы соціалъ-демократовъ естественно должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ такихъ странахъ соціалъ-демократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. Россія находится именно въ такомъ положеніи. Капитализмъ сдѣлалъ въ ней громадные успѣхи со времени крѣпостного права. Старая система натуральнаго хозяйства уступаетъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самымъ открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной промышленности. Патріархальныя, общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются, община превращается въ простое средство закрѣпощенія государству крестьянскаго населенія, а во многихъ мѣстностяхъ она служитъ также орудіемъ эксплоатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Въ то же время, пріурочивая къ землѣ интересы огромной части производителей, она препятствуетъ ихъ умственному и политическому развитію, ограничивая ихъ кругозоръ узкими предѣлами деревенскихъ традицій. Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ которыхъ противоречитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что он равнодушенъ къ ихъ призывамъ. Отсюда—неустойчивость политическихъ воззрѣній, а временами уныніе и полное разочарованіе нашей интеллигенціи.

Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежно, если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспріимчивый, подвижной и развитой, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеров, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе. Между тѣмъ какъ идеал общинника лежитъ назади, въ тѣхъ условіяхъ патріархальнаго хозяйства, необходимымъ политическимъ дополненіемъ которыхъ было царское самодержавіе, участь промышленнаго рабочаго можетъ быть улучшена лишь благодаря развитію новѣйшихъ, болѣе свободныхъ формъ общежитія. Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса онъ можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленияхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи русскіе соціалъ-демократы считаютъ первой и главнѣйшей своей обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ, однако, въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе.

Поэтому борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружков, которые представляютъ собой теперь зачатки будущей русской рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей.

Главнымъ средствомъ политической борьбы рабочихъ кружковъ противъ абсолютизма русскіе соціалъ-демократы считаютъ агитацію въ средѣ рабочаго класса и дальнѣйшее распространеніе въ немъ соціалистическихъ идей и революціонныхъ организацій. Тѣсно связанныя между собой въ одно цѣлое, организаціи эти, не довольствуясь частными столкновеніями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти въ удобный моментъ къ общему, рѣшительному на него нападенію, при чемъ не остановятся и передъ такъ называемыми террористическими дѣйствіями, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы.

Цѣлью борьбы рабочей партіи съ абсолютизмомъ является завоеваніе демократической конституціи, обезпечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ какъ въ Законодательное Собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ за извѣстныя, строго опредѣленныя закономъ позорныя дѣйствія къ потерѣ политической правоспособности.

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Всеобщее, свѣтское, даровое и обязательное образованіе, при чемъ государство должно снабжать бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями.

4) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ.

5) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій.

6) Свободу передвиженія и занятій.

7) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племенного происхожденія.

8) Замѣна постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

9) Пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ человѣка.

Опираясь на эти основныя политическія требованія, рабочая партія выдвигаетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ, напр.:

1) Радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленіе ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобным, и т. п.

2) Устраненіе современной податной системы и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога.

3) Законодательное регулированіе отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организаціи соотвѣтствующей инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ.

4) Государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требованія настолько же благопріятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины, пролетарій вернется въ нее социалъ-демократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею бѣднѣйшая часть крестьянства.

Примечаніе. Какъ видно изъ вышесказаннаго, русскіе соціалъ-демократы полагаютъ, что работа интеллигенціи, въ особенности при современныхъ условіяхъ соціально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на болѣе развитой слой трудящагося населенія, какимъ и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, соціалъ-демократы могутъ, съ гораздо большей надеждой на успѣхъ, распространить свое воздѣйствіе на крестьянство, въ особенности въ то время, когда они добьются свободы агитаціи и пропаганды. Само собой, впрочемъ, разумѣется, что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Соціалъ-демократы не только не оттолкнутъ отъ себя такихъ людей, но приложатъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и приемахъ своей дѣятельности.

VIII. Опытъ программы русской соціально-революціонной группы рабочихъ (докт. Бекарюковъ, Ю. Ю. Мельниковъ, Харьковъ, 1889 г.) *).

Мы,—соціалисты, потому что считаемъ наилучшимъ устройствомъ общества то, при которомъ орудія труда составляютъ собственность производителей и распределеніе продуктовъ труда совершается соразмѣрно участію каждаго въ общественномъ производствѣ. Мы,—революціонеры, потому что считаемъ себя вправѣ насильственно свергнуть существующій строй для замѣны его лучшимъ. Мы не думаемъ, что въ ближайшемъ будущемъ возможно устроить общество на началахъ соціализма, но мы считаемъ возможнымъ и необходимымъ цѣлый рядъ крупныхъ измѣненій, которыя приблизятъ насъ къ соціализму, и при своемъ осуществленіи значительно поднимутъ благосостояніе большинства населенія, т. е. рабочихъ классовъ. Эти измѣненія должны касаться, какъ государственнаго, такъ и экономическаго устройства общества.

А. Измѣненія въ области государственнаго устройства.

1) Учрежденіе въ качестве верховной государственной власти собранія составленнаго изъ представителей народа, избранныхъ прямой общей подачей голосовъ.

2) Свобода сходокъ, слова, печати и вѣроисповѣданія.

3) Неприкосновенность личности безъ судебнаго постановленія.

4) Гласное, устное судопроизводство съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по всѣмъ безъ исключенія преступленіям.

5) Отмѣна постояннаго регулярнаго войска и замѣна его постоиннымъ ополченіемъ.

Б. Измѣненія въ области экономическаго устройства.

1) Отобраніе земли въ государственную собственность и передача ея въ пользованіе сельскимъ землевладѣльческимъ общинамъ; при чемъ распределеніе ея должно находиться въ рукахъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія.

2) Отобраніе въ государственную собственность всѣхъ фабрикъ и заводовъ и передача ихъ въ пользованіе артелямъ рабочихъ; при чемъ артели эти составляются по собственному почину и желанію рабочихъ и пользуются содѣйствіемъ государства.

3) Если не образуются артели для веденія какого-либо предпріятія, то оно временно, впредь до образованія таковой, остается въ рукахъ прежняго хозяина подъ строгимъ надзоромъ рабочихъ.

4) Фабричное законодательство и наблюденіе за исполненіемъ его находится въ рукахъ рабочихъ.

5) Измѣненіе системы налоговъ по принципу подоходнаго налога.

6) Организація кружка для производительныхъ артелей и земледѣльческихъ ассоціацій.

*) Перепечатано из книги „От группы Благоева к „Союзу борьбы", из статьи В. Невского о Мельникове".

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этихъ реформъ есть современная Государственная организація. Уничтоженіе этой организаціи и замѣна ея новою возможны только революціоннымъ путемъ.

Учрежденіе новаго государственнаго и общественнаго строя должно лежать на учредительномъ собраніи, составленномъ изъ представителей народа, избранныхъ общею прямою подачею голосов. Благо рабочаго класса, по нашему мнѣнію, требуетъ, чтобы преобладающее большинство собранія составлялось изъ лицъ рабочаго класса, принадлежащихъ къ нашей группѣ, или, по крайней мѣрѣ, сочувствующихъ нашей программѣ. Кромѣ того, необходимо, чтобы значительное количество промышленныхъ рабочихъ и крестьянъ понимало значеніе своихъ представителей въ собраніи и, въ случаѣ необходимости, было бы готово поддержать ихъ требованіе. Поэтому, наши главнѣйшія и ближайшія задачи суть: 1) Пріобрѣсти какъ можно болѣе сознательныхъ сторонниковъ среди крестьянъ и рабочихъ. 2) Распространить по возможности болѣе раціонально-критическое отношеніе къ существующему государственному и экономическому строю среди тѣхъ же классовъ. 3) Сдѣлать среди крестьянъ и рабочихъ популярнымъ имя соціалистов въ смыслѣ защитниковъ народныхъ интересовъ и этимъ установить связь и пониманіе между революціонерами-соціалистами и массою и, такимъ образомъ, обезпечить поддержку требованій соціалистовъ со стороны массы. Признавая дѣятельность, направленную къ разрѣшенію этихъ задачъ, главнымъ пунктомъ нашей программы, мы вполнѣ признаемъ необходимость одновременной борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ. Иниціативу борьбы мы пока взять на себя не можемъ. Мы будемъ содѣйствовать всякой, борющейся въ этомъ смыслѣ, партіи, насколько это содѣйствіе не будетъ отвлекать силъ, нужныхъ намъ для главнаго пункта нашей дѣятельности. Содѣйствіе наше террористической борьбѣ противъ центральной правительственной организаціи будетъ опредѣляться каждый разъ: 1) солидарностью требованій борющейся группы съ нашими собственными требованіями. 2) Продуктивностью даннаго факта съ точки зрѣнія рабочей организаціи. Терроръ противъ лицъ мѣстной администраціи, а также фабричный и аграрный терроръ мы признаемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣетъ пропагандистскій характеръ. Терроръ въ смыслѣ самозащиты отъ шпіоновъ и лицъ, особенно вредныхъ для революціонеровъ, мы признаемъ полезнымъ во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ. Мы пока составляемъ самостоятельную группу, но готовы войти, какъ часть въ организацію партіи, воззрѣнія которой согласны съ вышеуказанными положеніями.

———

IX. Программа группы Бруснева (Егуповъ, Москва, 1891 г.) *).

IV. Программа группы.

Да здравствуетъ всеобщій союзъ соціалистовъ!

Программа временнаго организаціоннаго исполнительнаго комитета.

1) Убѣжденные соціалисты-революціонеры, мы стремимся къ созданію въ ближайшемъ будущемъ боевой соціально-революціонной организаціи.

2) Мы глубоко убѣждены въ томъ, что лишь цѣлостное воплощеніе соціалистическаго идеала въ общественныхъ формахъ приведетъ человѣчество къ осуществленію тѣхъ лучезарныхъ идей свободы, равенства и братства, которыя намѣчены были великой французской революціей.

3) Послѣдователи научнаго коллективизма, — мы утверждаемъ, что соціалистическій идеалъ можетъ цѣлостно воплотиться въ общественныхъ формахъ лишь въ мучительномъ процессѣ экономическаго развитія, при активномъ, однако, воздѣйствіи на общественныя формы живой человѣческой личности съ ея свободной волей, направленной на осуществленіе ясно поставленной цѣли.

4) Исповѣдуя соціализмъ, какъ политику, направленную на освобожденіе трудящихся классовъ общества, мы утверждаемъ, что содержаніе и формы этой политики опредѣляются временемъ и мѣстомъ.

5) Обращаясь къ конкретнымъ условіямъ русской дѣйствительности, мы видимъ злѣйшаго врага активнаго соціализма въ строго-централизованномъ, построенномъ на началахъ крайняго абсолютизма, полицейскомъ государствѣ съ его самодержавіемъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются безконечныя муки несчастнаго и въ то же время великаго русскаго народа.

6) Мы глубоко убѣждены, что лишь строгая политическая свобода можетъ обезпечить народу, какъ совокупности трудящихся классовъ общества и соціалистамъ правильное гармоническое развитіе всѣхъ ихъ силъ въ направленіи пропаганды идей соціализма и посильнаго воздѣйствія на общественныя формы, а равно въ направленіи концентраціи и подготовки общественныхъ силъ къ совершенію соціальнаго переворота.

7) Измученные безысходными страданіями окружающаго насъ народа, мы непосредственно стремимся къ достиженію политической свободы и въ ней видимъ первый шагъ на пути цѣлостнаго осуществленія соціалистическаго идеала.

8) Мы глубоко убѣждены, что при современномъ соотношеніи общественныхъ силъ въ Россіи, политическая свобода въ ближайшемъ будущемъ можетъ быть достигнута лишь путемъ систематическаго, въ формѣ политическаго террора, воздѣйствія на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной партіи при дружномъ содѣйствіи всѣхъ живыхъ силъ страны.

9) Стремясь къ созданію боевой соціально-революціонной организаціи, мы утверждаемъ, что таковая можетъ и должна быть создана на почвѣ широкой

*) Перепечатано из книги „От группы Благоева к „Союзу борьбы", Ростов на Дону, 1921 г.

устной и письменной пропаганды идей соціализма, въ связи съ пропагандой идей политическаго террора, среди демократической интеллигенціи всѣхъ общественныхъ категорій, среди рабочаго пролетаріата и, отчасти, среди сектантовъ-раціоналистовъ.

10) Признавая рабочій пролетаріатъ, какъ экономическую категорію, верховнымъ носителемъ идей соціализма, мы приложимъ всѣ старанія къ возможно болѣе широкой постановкѣ пропаганды и агитаціи среди фабрично-заводскихъ рабочихъ съ цѣлью непосредственнаго созданія элементовъ будущей рабочей партіи.

Къ этому насъ обязываютъ специфическія особенности переживаемаго нами момента общественно-экономическаго развитія.

11) Въ то же время мы утверждаемъ, что рабочій пролетаріатъ, идя рука объ руку съ демократической интеллигенціей, можетъ и долженъ въ ближайшемъ будущемъ бороться за свое освобожденіе путемъ политическаго террора.

12) Признавая наступательный политическій терроръ главнымъ орудіемъ борьбы съ самодержавіемъ, мы однако же утверждаемъ, что систематическій терроръ возможенъ лишь при такомъ развитіи организаціи, которая обезпечитъ живой притокъ силы.

Заключеніе.

Приложеніе къ статьѣ В. Невскаго „Харьковское дѣло Ювеналія Мельникова и другихъ".

X. Уставъ Иваново-Вознесенскаго рабочаго Союза (Евдокимовъ, Ив.-Вознесенскъ, 1895 г.) *).

Практическое обоснованіе рабочаго движенія, выработанное согласно съ условіями даннаго момента.

А. Конечная задача союзовъ: 1) отнять накопленный трудъ изъ рукъ частныхъ лицъ и сдѣлать его собственностью общества, 2) выработать способъ пользованія этимъ сокровищемъ.

Б. Для большаго удобства, союзъ возникаетъ въ видѣ мѣстныхъ, отдѣльныхъ, хотя и имѣющихъ между собою связь кружковъ.

1) Возникновеніе такого кружка возможно при наличности хотя бы двухъ критически мыслящихъ личностей, желающихъ осуществить прогрессъ въ человѣчествѣ.

2) Пропаганда направляется на болѣе развитыхъ рабочихъ обоего пола.

3) Для собранія имѣется особая квартира, которая должна стоять внѣ подозрѣній полиціи, такъ что частыя собранія на одной квартирѣ не желательны.

4) Кромѣ общихъ собраній необходимы собранія для лицъ, еще не подготовленныхъ къ вступленію въ кружокъ, гдѣ болѣе опытные члены занимаются ихъ подготовкой.

5) Каждый вновь вступающій членъ долженъ быть извѣстенъ одному или двоимъ старымъ членамъ.

6) Лица, возбуждающія почему-либо сомнѣніе въ своей искренности, въ кружокъ не принимаются.

7) Прежде введенія новаго члена въ кружокъ необходимо дать ему нѣкоторую подготовку, чтобы принципы рабочаго движенія освѣщались для него работой собственной мысли.

8) Члены кружка обязаны сохранять тайну организаціи, личная же безопасность предоставляется собственному усмотрѣнію каждаго члена, ибо найти границу между благоразумной осторожностью и пискариной премудростью поистинѣ невозможно.

9) Средствами пропаганды служатъ: изученіе политической экономіи, какъ „науки работниковъ"; общее научное образованіе; чтеніе литературныхъ и публицистическихъ произведеній, проникнутыхъ принципами рабочаго движенія; разныя брошюры и статьи по рабочему вопросу; ознакомленіе съ рабочимъ движеніемъ въ Россіи и за границей; журналы, изданные рабочими и для рабочихъ; устныя бесѣды о положеніи рабочаго класса и т. п.

10) Члены кружка основываютъ кассу, отчисляя 2% мѣсячнаго заработка, средства которой употребляются на выписку книгъ, наемъ квартиры и пр.; кромѣ того, изъ этой кассы отчисляется особый фондъ на помощь пострадавшимъ за пропаганду членамъ, или ихъ семействамъ.

11) Кружокъ долженъ завести сношеніе с другими мѣстными организаціями.

12) Члены кружка могутъ быть командированы въ другія мѣстности для направленія, въ желательномъ смыслѣ, гдѣ-либо происходящихъ безпорядковъ, для пропаганды и основанія новыхъ кружковъ.

*) Перепеч. из „Обзора жанд. дозн." за 1895 г.

В. Разросшіеся въ данной мѣстности кружки объединяютъ рабочихъ въ мѣстный союзъ, принимающій, для болѣе успѣшной борьбы съ фабрикантами, цеховую организацію.

Г. Дѣлами союзовъ завѣдуетъ особое выбранное правленіе изъ нѣсколькихъ лицъ.

Д. Союзъ борется съ капиталистами путемъ строго разсчитанныхъ стачекъ, достигая этимъ повышенія заработной платы и укороченія рабочаго дня, и въ то же время способствуя развитію въ рабочемъ классѣ солидарности и человѣческаго достоинства.

Е. Мѣстные союзы объединяются въ рабочую партію, которая имѣетъ свое правленіе и борется на политической почвѣ. Рабочая партія поддерживаетъ сношенія съ рабочими партіями всѣхъ странъ.

Ж. При первой же возможности, достаточно объединенные рабочіе предъявляютъ правительству свои требованія:

1) Признаніе закономъ рабочихъ союзовъ, кассъ, библіотекъ, безъ контроля правительственныхъ чиновниковъ.

2) Дозволеніе рабочимъ совѣщаться о своихъ дѣлахъ и бороться съ фабрикантами путемъ стачекъ.

3) Неприкосновенность безъ суда личности рабочаго и всякаго члена государства.

4) Установленіе закономъ 8-часового рабочаго дня.

5) Полнѣйшая свобода слова и печати.

6) Контроль надъ фабричными работами.

З. Когда рабочіе добьются исполненія этихъ требованій, то дѣло ихъ объединенія пойдетъ еще быстрѣе, и скоро они достигнутъ такой силы, для которой измѣнить существующій строй, на началахъ братскаго труда, будетъ возможно безъ пролитія крови.

XI. Уставъ Екатеринославской Кассы (Екатеринославъ, 1894—5 г.г.) *).

УСТАВЪ.

I. Рабочая Касса.

§ 1.

Кассы учреждаются для:

1) предохраненія ея соучастниковъ отъ уменьшенія заработной платы, отъ удлиненія рабочаго дня и отъ всякаго посягательства хозяевъ на общіе интересы рабочихъ.

2) предохраненія соучастниковъ и ихъ семействъ отъ голода во время безработицы, или болѣзни.

§ 2.

Для достиженія вышеизложеннаго соучастники:

1) устраиваютъ, по рѣшенію общаго собранія, стачки, выдавая во время таковыхъ каждому изъ соучастниковъ безвозвратныя пособія.

2) выдаютъ безпроцентныя заимообразныя пособія на случай болѣзни, или безработицы.

II. Составъ членовъ соучастниковъ.

§ 3.

Соучастники состоятъ изъ членовъ:

1) Дѣйствительныхъ, раздѣленныхъ на группы, по равному числу членовъ въ каждой, и

2) соревнователей.

§ 4.

Условія поступленія въ союзъ: а) дѣйствительныхъ членовъ:

1) кандидатъ рекомендуется правленію однимъ изъ членовъ соучастниковъ.

2) по рекомендаціи, правленіе, не созывая спеціальнаго общаго собранія, предлагаетъ всѣмъ членамъ навести справки въ теченіе одной недѣли о честности кандидата, его энергіи и умѣньи держать въ тайнѣ организацію кассы.

3) по истеченіи этой недѣли правленіе созываетъ общее собраніе, на которомъ, по возможности, единогласно, рѣшается вопросъ о принятіи кандидата.

4) послѣ утвердительнаго рѣшенія общаго собранія кандидатъ долженъ быть лично представленъ правленію, которое получаетъ первый взносъ у новаго члена.

5) результаты личнаго знакомства правленія съ новымъ членомъ докладываются ближайшему общему собранію, которое только тогда разрѣшает кандидату посѣтить слѣдующее собраніе.

*) Переп. изъ „Обзора жанд. дозн." за 1895 г.

§ 5.

Дѣйствительными членами могутъ быть рабочіе, продающіе свою рабочую силу въ . . . . и его уѣздѣ.

§ 6.

Члены соревнователи рекомендуются однимъ изъ членовъ соучастников и принимаются съ согласія правленія.

§ 7.

Членами соревнователями могутъ быть лица, заявившія желаніе заботами, совѣтами и пожертвованіями содѣйствовать цѣлямъ учрежденія кассы.

III. Права и обязанности членовъ соучастниковъ.

§ 8.

Дѣйствительные члены уплачиваютъ единовременно 1 рубль и затѣмъ ежемѣсячно по 50 коп.

Примѣчаніе. Единовременный взносъ можетъ быть внесенъ въ два или нѣсколько пріемов.

§ 9.

Дѣйствительные члены обязаны сохранять въ тайнѣ всю организацію кассы: имена и фамиліи всѣхъ членовъ дѣйствительныхъ и соревнователей, время и мѣсто засѣданій правленія и общаго собранія, словомъ—все то, что прямо или косвенно можетъ дать полиціи возможность раскрыть организацію.

§ 10.

Дѣйствительнымъ членамъ возбраняется принимать во время стачки какія-либо насильственныя мѣры, которыя могли бы дать право полиціи и войску произвести нападеніе на стачечниковъ; также возбраняется прибѣгать къ насиліямъ при уговариваніи своихъ товарищей, не принадлежащихъ къ организаціи, бросить работу.

§ 11.

Дѣйствительные члены, не внесшіе своевременно слѣдующихъ съ нихъ въ кассу взносовъ, могутъ уплатить таковые въ теченіе 1-го мѣсяца. Если по истеченіи срока уплаты взносовъ не послѣдуетъ, то правленіе предлагаетъ неисправному плательщику пополнить состоящій за нимъ долгъ въ теченіе 1-го льготнаго мѣсяца. Если же и за симъ уплаты взносовъ не послѣдуетъ, то правленіе входитъ въ личные переговоры съ неисправнымъ плательщикомъ съ цѣлью узнать причины его неаккуратности и предлагаетъ общему собранію (спеціально не созываемому) вопросъ объ исключеніи или оставленіи его въ числѣ членовъ.

§ 12.

Въ общихъ собраніяхъ присутствуютъ и имѣютъ право рѣшающаго голоса только дѣйствительные члены.

§ 13.

Каждый дѣйствительный членъ имѣетъ одинъ голосъ, который никому не можетъ быть передаваемъ за исключеніем представителя цѣлой группы.

§ 14.

Въ должностныя лица могутъ быть избираемы только дѣйствительные члены.

§ 15.

Члены соревнователи вносятъ при вступленіи единовременно 2 руб. и затѣмъ ежегодно не менѣе 5 руб.

§ 16.

Членамъ соревнователямъ не должна быть извѣстна вся организація.

IV. Средства кассы.

Всѣ средства кассы раздѣляются на капиталы: основной и оборотный.

§ 17.

Основной капиталъ организуется изъ 1/4 всѣхъ поступающихъ въ кассу суммъ. Капиталъ этотъ остается неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаяхъ безотлагательной необходимости позволяется съ разрѣшенія общаго собранія, расходовать и часть основного капитала которая должна быть, въ такомъ случаѣ, пополнена спеціальными взносами членовъ.

§ 18.

Оборотный капиталъ образуется изъ 3/4 всѣхъ поступающихъ въ кассу суммъ; 3/4 оборотнаго капитала предназначаются исключительно для стачекъ; въ текущія нужды остальная 1/4.

§ 19.

Основной капиталъ можетъ быть обращаемъ въ государственныя, или гарантированныя правительствомъ, процентныя бумаги, оборотный же вносится въ частныя кредитныя учрежденія.

V. О пособіяхъ.

§ 20.

Дѣйствительнымъ членамъ выдаются пособія безвозвратныя и заимообразныя.

§ 21.

Безвозвратныя пособія выдаются дѣйствительнымъ членамъ въ томъ случаѣ, если они единовременно оставили работу: 1) съ цѣлью увеличенія заработной платы, или укороченія рабочаго дня, 2) съ цѣлью противодѣйствовать уменьшенію заработной платы, или задѣльной, 3) вообще по какому-либо утѣсненію хозяевъ.

§ 22.

Безвозвратныя пособія выдаются только въ томъ случаѣ, если общее собраніе (спеціально созываемое) утвердило рѣшеніе дѣйствительныхъ членовъ устроить стачку.

§ 23.

Размѣры безвозвратныхъ пособій стачечникамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ назначаются общимъ собраніемъ.

§ 24.

Заимообразныя пособія (ссуды) выдаются дѣйствительнымъ членамъ безъ всякихъ %, на срокъ не болѣе . . . . мѣсяцевъ.

§ 25.

Размѣръ ссудъ опредѣляется правленіемъ.

§ 26.

Дѣйствительный членъ, не имѣющій возможности, въ силу какихъ-либо критическихъ обстоятельствъ, уплачивать причитающіеся съ него въ кассу платежи, освобождается отъ уплаты таковыхъ, съ обязательствомъ внести ихъ по минованіи этихъ критическихъ обстоятельствъ.

VI. Управленіе.

Дѣлами рабочей кассы управляютъ: 1) правленіе, 2) общее собраніе.

§ 27.

Правленіе состоитъ изъ предсѣдателя, 3 членовъ правленія и казначея, избираемыхъ общимъ собраніемъ каждые 4 мѣсяца. Къ предсѣдателю и казначею избирается на тотъ же срокъ и тѣмъ же порядкомъ по кандидату.

§ 28.

По истеченіи 4 мѣсяцев, правленіе даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствияхъ передъ общимъ собраніемъ, созываемымъ для избранія новыхъ членовъ управленія и кандидатовъ.

§ 29.

Предсѣдатель и члены правленія избираются посредствомъ закрытой баллотировки.

§ 30.

Члены правленія собираются не менѣе 1-го раза въ недѣлю, а въ случаѣ надобности и чаще, в опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время.

§ 31.

На правленіе возлагается: 1) пріемъ просьбъ о включеніи новыхъ членовъ; 2) пріемъ единовременныхъ и другихъ взносовъ и пожертвованій; 3) храненіе суммъ кассы и взносъ ихъ въ кредитныя учрежденія; 4) выдача пособій и ссудъ, допускаемыхъ уставомъ; 5) собираніе свѣдѣній о нуждахъ члена, просящаго ссуду, 6) веденіе счетовъ, составленіе протоколовъ и годовыхъ отчетовъ; 7) созывъ общихъ собраній обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ; 8) составленіе своихъ заключеній по всѣмъ предложеніямъ членовъ, представленнымъ и сообщеннымъ правленію.

§ 32.

Общее собраніе состоитъ изъ предсѣдателя и одного представителя каждой группы.

§ 33.

Общія собранія бываютъ: 1) обыкновенныя и 2) чрезвычайныя; первыя созываются одинъ разъ въ мѣсяцъ; вторыя созываются по заявленію не менѣе пяти дѣйствительныхъ членовъ, а также по дѣламъ, превышающимъ власть правленія.

§ 34.

На общее собраніе возлагается: 1) выборъ правленія; 2) назначеніе ревизіонной комиссіи, которая состоитъ изъ 5 дѣйствительныхъ членовъ и выбирается каждые 4 мѣсяца; 3) пріемъ новыхъ членовъ, 4) рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, превышающихъ власть правленія, 5) дополненія, или измѣненія всего устава.

§ 35.

Общее собраніе считается состоявшимся, когда на немъ присутствовали представители не менѣе 1/2 всѣхъ группъ. При выборахъ правленія и ревизіонной комиссіи необходимо присутствіе представителей не менѣе 3/4 всѣхъ группъ.

§ 36.

Ревизіонная комиссія назначается для пересмотра всѣхъ денежныхъ счетовъ.

XII. Проектъ манифеста соціалъ-демократической партіи (Кіевъ, 1897 г.). (Рукопись, отобранная у Б. Эйдельмана въ 1898 г.) *).

„Вторая половина XIX вѣка составляетъ для Россіи знаменательный моментъ въ это время совершился въ Россіи переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и развился капитализмъ со всѣми его послѣдствіями. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, со времени уничтоженія крѣпостного права, крупная промышленность развилась съ гигантской быстротой: желѣзныя дороги, банки, фабрики, заводы и т. д. и т. д.—вотъ тѣ проявленія развитія капитализма, которыя бросаются въ глаза на каждомъ шагу. Создалась крупная буржуазія, которая сдѣлала правительство своимъ послушнымъ слугой. Политика правительства сдѣлалась политикой русской буржуазіи, и почти все, что сдѣлалось и дѣлается правительствомъ какъ внутри государства, такъ и внѣ его, объяснялось и объясняется интересами буржуазіи.

Но развитіе капитализма повлекло за собой не только созданіе буржуазіи: оно создало и русскій пролетаріатъ. Теперь въ Россіи стоятъ лицомъ къ лицу двѣ силы: буржуазія съ правительствомъ и антиподъ ея—пролетаріатъ. Интересы этихъ двухъ классовъ діаметрально противоположны. Между ними должна была неизбѣжно возникнуть борьба, та борьба, которая ведется во всѣхъ капиталистическихъ странахъ міра и которая неизбѣжно ведетъ къ соціалистическому строю. И эта борьба возникла. Намъ незачѣмъ приводить факты этой борьбы: они слишкомъ извѣстны. Сначала эта борьба велась стихійно: пролетаріатъ возсталъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ гнета своего положенія, не сознавая ясно, къ чему ему нужно стремиться и чего требовать отъ буржуазіи и правительства. Второй ступенью явилось образованіе въ отдѣльныхъ промышленныхъ центрахъ рабочихъ организацій, которыя, сознательно ставя свои цѣли въ духѣ по большей части соціалъ-демократической программы, руководили борьбой мѣстныхъ рабочихъ за улучшеніе своего положенія. Третьей ступенью должно было явиться объединеніе этихъ отдѣльныхъ рабочихъ организацій въ единую рабочую партію, которая направила бы борьбу рабочаго класса по всей Россіи къ одной цѣли: политическому и экономическому освобожденію всего русскаго пролетаріата. Это объединеніе наступило теперь: русскіе соціалъ-демократическіе организаціи слились въ одну *русскую соціалъ-демократическую партію*.

Русская соціалъ-демократическая партія, стремясь организовать подъ своимъ знаменемъ весь русскій промышленный и земледѣльческій пролетаріатъ и имѣя въ виду исключительно его интересы, добивается въ *ближайшемъ будущемъ*:

I. *Свободы слова, печати, союзовъ и собраній, а также созыва русскаго парламента на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго избирательнаго права.*

а) Восьмичасового рабочаго дня съ уничтоженіемъ сверхурочной работы. Воспрещеніе ночной работы. Непрерывнаго воскреснаго отдыха въ 36 часовъ. *Воспрещеніе работы дѣтей моложе 15 лѣтъ. Обязательнаго*

*) Переп. изъ № 1 „Гол. рев." изъ ст. В. Невского о первом с'езде.

государственнаго страхованія рабочихъ отъ болѣзни, старости, несчастныхъ случаевъ и безработицы.

б) Распространенія всѣхъ какъ нынѣ существующихъ фабричныхъ законовъ, такъ и тѣхъ, которые будутъ издаваемы въ будущемъ, на всѣ ремесленныя заведенія съ какимъ бы то ни было числомъ рабочихъ.

в) Распространеніе рабочаго законодательства во всемъ его объемѣ на сельскихъ рабочихъ примѣнительно къ условиямъ земледѣльческой промышленности.

Конечной же цѣлью стремленій русской соціалъ-демократической партіи является:

Соціалистическій строй, т. е. переходъ всѣхъ средствъ производства — земли, копей, фабрикъ, заводовъ и путей сообщеній — въ руки всего народа.

Болѣе подробно излагаетъ свои стремленія соціалъ-демократическая партія въ своей программѣ, которая приготовляется къ печати.

Своими представителями за границей партія объявляетъ заграничный „союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ".

Своимъ органомъ партія признаетъ „Рабочую Газету".

Русская соціалъ-демократическая партія, являясь представительницей интересовъ русскаго пролетаріата и вступая въ борьбу за эти интересы съ русскимъ правительствомъ и русской буржуазіей, не допускаетъ никакихъ уступокъ въ своихъ требованіяхъ, но охотно вступитъ въ союзъ съ другими революціонными и оппозиціонными партіями и группами, если это не нарушитъ интересовъ русскаго пролетаріата.

Да здравствуетъ русскій пролетаріатъ!

Да здравствуетъ международная соціалъ-демократія!

Центральный Комитетъ русской соціалъ-демократической партіи.

№ 5, ч. 2 В. Дѣло департамента полиціи. Дѣлопроизводство. Преступная пропаганда среди рабочихъ и распространеніе среди нихъ преступныхъ воззваній.

Южно-русскій рабочій союзъ.

XIII. Уставъ коллоквіумъ (Кіевъ, 1898 г.) *).

1. Главная задача наст. К. является объедин. донынѣ разрозн. с.-д. группъ Россіи въ един. организ.

2. Въ виду этого участіе въ К. огранич. тѣмъ С.-Д. группамъ или союзамъ, кот. принципіально признаютъ своевременность такого объедин.

3. С.-Д. группы или союзы, участв. въ К-тѣ присыл. по возможн. 2 делег.— одного отъ интел., другого отъ раб., при чемъ желательно, чтобъ делегатомъ отъ рабоч. былъ раб. Же. Если будетъ присланъ одинъ делегатъ, то онъ долженъ представлять собою и интел. и рабочихъ.

4. Полномочія делегатовъ должны б. возможно шире, чтобъ не мѣшать имъ присоединиться къ общимъ рѣшен. и тѣ не тормозить занятій К-а. Во всякомъ случаѣ каждая группа или союзъ долженъ снабдить своихъ делегат. опредѣленнымъ рѣшен., но главнѣйш. пунктами.

А. Какую форму объединенія предлагаетъ группа въ видѣ Центр. Ком. съ постоян. полномочіями, въ видѣ періодическихъ съѣздовъ представителей или въ какомъ-либо другомъ видѣ.

В. Какое названіе предлагаетъ группа для имѣющей образоваться организаціи — русск. с.-д. парт., русск. раб. парт., русск. раб. союзъ и проч.

С. Какія функціи группа считаетъ нужнымъ передать тому органу, въ которомъ будетъ вѣдать дѣла организаціи, будетъ ли то Ц. К. или что-либо другое.

a) Литер. предпріят. общ. характер завѣдыв. „рабоч. газетъ", изд. Бро и к;

b) между груп. снош. созывъ К-овъ распр. и средств., присоедин. нов. группъ и пр.

c) сношеніе съ груп. другихъ направл.

d) снош. съ русск. с.-д. союзъ, загран. (перевозка нелег. лист. и пр.);

e) организац. общ. предпріятій (празд. 1 мая, распростр. общаго листа по всей Россіи по нов. какъ ниб. фалш. и пр.

II.

Въ исполненіе постановленій конспек. Какія права и обязанности долженъ имѣть органъ, вѣдающій дѣла организаціи въ предѣлахъ своихъ функцій:

а) какими финансовыми средствами будетъ располагать,

б) въ какихъ вопросахъ можетъ онъ дѣйствовать самостоятельно, и какими только по предварительному опросу группъ,

в) какъ будетъ избираться этотъ органъ;

г) имѣетъ ли онъ право самостоятельно привлекать свой составъ лицъ, которыхъ онъ найдетъ полезнымъ.

---

*) Перепеч. изъ „Красной Лет.", № 7, 1923 г

Д. Согласна ли группа въ интерес. скорѣйшаго образов. организац. предоставить наст. К. слѣд. права:

а) избрать изъ своей среды перв. орган., долженствующ. вѣд. дѣлами.

б) объявить въ „Раб. газ.," органъ и спеціальн. листк. объ образов. единой с.-д. организаціи (партіи, союза и пр.).

в) Утвердить проектъ программы, составлен. Плехановымъ, если таковой будетъ представленъ на коллокв.

г) по какимъ изъ перечислен. вопросовъ группа согласна подчиниться рѣшенію простого большинства и по какимъ она безусловн. остается при своем мнѣніи.

д) Согласна ли группа, чтобъ члены настоящ. К. остались въ ближайш. буд. агентами-посредник. между мѣстн. группами Ц. Комитета.

XIV. Манифестъ Россійск. Соц.-демократ. партіи (П. Струве, 1898 г. Первый съѣздъ въ Минскѣ) *).

1898 г.

50 лѣть тому назадъ надъ Европой пронеслась живительная буря революціи 1848 г.

Впервые на сцену выступилъ—какъ крупная историческая сила—современный рабочій классъ. Его силами буржуазіи удалось смести много устарѣлыхъ феодально-монархическихъ порядковъ. Но буржуазія быстро разсмотрѣла въ новомъ союзникѣ своего злѣйшаго врага и предала и себя, и его, и дѣло свободы въ руки реакціи. Однако, было уже поздно: рабочій классъ, на время усмиренный, черезъ 10—15 лѣтъ снова появился на исторической сценѣ—съ удвоенными силами, съ возросшимъ самосознаніемъ, какъ вполнѣ зрѣлый боецъ за свое конечное освобожденіе.

Россія все это время оставалась, повидимому, въ сторонѣ отъ столбовой дороги историческаго движенія. Борьбы классовъ въ ней не было видно, но она была, и главное, все зрѣла и росла. Русское правительство съ похвальнымъ усердіемъ само насаждало сѣмена классовой борьбы, обездоливая крестьянъ, покровительствуя помѣщикамъ, выкармливая и откармливая на счетъ трудящагося населенія крупныхъ капиталистовъ. Но буржуазно-капиталистическій строй немыслимъ безъ пролетаріата или рабочаго класса. Послѣдній родится вмѣстѣ съ капитализмомъ, растетъ вмѣстѣ, крѣпнетъ, и по мѣрѣ своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу съ буржуазіей.

Русскій фабричный рабочій, крѣпостной и свободный, всегда велъ скрытую и явную борьбу со своими эксплуататорами. По мѣрѣ развитія капитализма, размѣры этой борьбы росли, они захватывали все большіе и большіе слои рабочаго населенія. Пробужденіе классового самосознанія русскаго пролетаріата и ростъ стихійнаго рабочаго движенія совпали съ окончательнымъ развитіемъ международной соціалъ-демократіи, какъ носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательныхъ рабочихъ всего міра. Всѣ новѣйшія русскія организаціи всегда въ своей дѣятельности сознательно или безсознательно дѣйствовали въ духѣ соціалъ-демократическихъ идей. Силу и значеніе рабочаго движенія и опирающейся на него соціалъ-демократіи всего ярче обнаружилъ цѣлый рядъ стачекъ за послѣднее время въ Россіи и Польшѣ, въ особенности знаменитыя стачки петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ въ 96 и 97 г.г. Стачки эти вынудили правительство издать законъ 2 іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго времени. Этотъ законъ—какъ бы ни были велики его недостатки—останется навсегда достопамятнымъ доказательствомъ того могущественнаго давленія, которое оказываютъ на законодательную и иную дѣятельность правительства соединенныя усилія рабочихъ. Напрасно только правительство мнитъ, что уступками оно можетъ успокоить рабочихъ. Вездѣ рабочій классъ становится тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ больше ему даютъ. То же будетъ и съ русскимъ пролетаріатомъ. Ему давали до сихъ поръ тогда, когда онъ требовалъ, и впредь будутъ давать лишь то, чего онъ потребуетъ.

*) Перепеч. съ печатного подлинника, хранящегося въ Ист. рев. архиве въ Петр.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Онъ совершенно лишенъ того, чѣмъ свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участія въ управленіи государствомъ, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы союзовъ и собраній—словомъ, всѣхъ тѣхъ орудій и средствъ, которыми западно-европейскій и американскій пролетаріатъ улучшаетъ свое положеніе,—и вмѣстѣ съ тѣмъ борется за свое конечное освобожденіе,—противъ частной собственности, за соціализмъ. Политическая свобода нужна русскому пролетаріату, какъ чистый воздухъ нуженъ для здороваго дыханія. Она—основное условіе его свободнаго развитія и успѣшной борьбы за частныя улучшенія и конечное освобожденіе.

Но нужную ему политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только самъ.

Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій классъ долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шагъ къ осуществленію великой исторической миссіи пролетаріата къ созданію такого общественнаго строя, въ которомъ не будетъ мѣста эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Русскій пролетаріатъ сброситъ съ себя ярмо самодержавія, чтобы съ тѣмъ большей энергіей продолжать борьбу съ капитализмомъ и буржуазіей до полной побѣды соціализма.

Первые шаги русскаго рабочаго движенія и русской соціалъ-демократіи не могли не быть разрозненными, въ извѣстномъ смыслѣ случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить мѣстныя силы, кружки и организаціи русской соціалъ-демократіи въ единую „Россійскую Соціалъ-демократическую Рабочую Партію". Въ сознаніи этого, представители: „Союзовъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса", группы, издающей „Рабочую Газету", и „Общееврейскаго Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ" устроили съѣздъ, рѣшенія котораго приводятся ниже.

Мѣстныя группы, соединяясь съ Партіею, сознаютъ всю важность этого шага и все значеніе вытекающей изъ него отвѣтственности. Имъ они окончательно закрѣпляютъ переходъ русскаго революціоннаго движенія въ новую эпоху сознательной классовой борьбы. Какъ движеніе и направленіе соціалистическое, Россійская Соціалъ-демократическая Партія продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи; ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ Партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, соціалъ-демократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой „Народной Воли". Но средства и пути, которые выбираетъ соціалъ-демократія, иные. Выборъ ихъ опредѣляется тѣмъ, что она сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ. Она твердо убѣждена, что „освобожденіе рабочаго класса можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ", и будетъ неуклонно сообразовать всѣ свои дѣйствія съ этимъ основнымъ началомъ международной соціалъ-демократіи.

Да здравствуетъ русская, да здравствуетъ международная соціалъ-демократія!

XV. Рѣшенія съѣзда (Минскъ, 1898 г.) *).

1. Организаціи „Союзовъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса", группы „Рабочей Газеты" и „Общееврейскаго Рабочаго Союза въ Россіи и Польшѣ" сливаются въ единую организацію подъ названіемъ „Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи", причемъ „Общееврейскій Рабочій Союзъ въ Россіи и Польшѣ" входитъ въ Партію, какъ автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата.

2. Исполнительнымъ органомъ Партіи является Центральный Комитетъ, избранный съѣздомъ Партіи, которому онъ и отдаетъ отчетъ въ своей дѣятельности.

3. На обязанности Центральнаго Комитета лежитъ:

а) Забота о планомѣрной дѣятельности Партіи (распредѣленіе силъ и средствъ, выставленіе и проведеніе однообразныхъ требованій и проч.); Центральный Комитетъ руководится при этомъ общими указаніями, даваемыми съѣздами Партіи.

б) Созданіе и доставка мѣстнымъ комитетамъ литературы.

в) Организація такихъ предпріятій, которыя имѣютъ общее для всей Россіи значеніе (празднованіе 1-го мая, изданіе листковъ по поводу выдающихся фактовъ, помощь стачечникамъ и проч.).

4. Въ особо важныхъ случаяхъ Центральный Комитетъ руководится слѣдующими принципами:

а) Въ вопросахъ, допускающихъ отсрочку, Центральный Комитетъ обязанъ обращаться за указаніями къ съѣзду Партіи.

б) Въ вопросахъ, не допускающихъ отсрочки, Центральный Комитетъ, по единогласному рѣшенію, поступаетъ самостоятельно, отдавая отчетъ въ сдѣланномъ ближайшему очередному или экстренному съѣзду Партіи.

5. Центральный Комитетъ имѣетъ право пополнять свой составъ новыми членами.

6. Средства Партіи, которыя находятся въ распоряженіи Центральнаго Комитета, составляются:

а) изъ добровольныхъ единовременныхъ взносовъ мѣстныхъ комитетовъ въ моментъ образованія Партіи,

б) изъ добровольныхъ періодическихъ отчисленій изъ средствъ мѣстныхъ комитетовъ и

в) изъ спеціальныхъ сборовъ на Партію.

7. Мѣстные комитеты выполняютъ постановленія Центральнаго Комитета въ той формѣ, какую они найдутъ болѣе подходящей по мѣстнымъ условіямъ. Въ исключительныхъ случаяхъ мѣстнымъ комитетамъ предоставляется право отказаться отъ выполненія требованій Центральнаго Комитета, извѣстивъ его о причинѣ отказа. Во всемъ остальномъ мѣстные комитеты дѣйствуютъ вполнѣ самостоятельно, руководствуясь лишь программой Партіи.

*) Здѣсь приводятся лишь тѣ постановленія съѣзда, которыя сообразно съ соотвѣтствующими въ Россіи политическими условіями, могутъ быть опубликованы.

Перепечат. съ печатного подлинника, хранящегося въ Истор. рев. архиве въ Петр.

8. Партія, черезъ свой Центральный Комитетъ вступаетъ въ сношенія съ другими революціонными организаціями, поскольку это не нарушаетъ принциповъ ея программы и пріемовъ ея тактики. Партія признаетъ за каждою національностью право самоопредѣленія.

Примѣчаніе. Мѣстные комитеты вступаютъ въ сношенія с такими организаціями только съ вѣдома и по указаніямъ Центральнаго Комитета.

9. Высшимъ органомъ Партіи является съѣздъ представителей мѣстныхъ комитетовъ. Съѣзды бываютъ: очередные и экстренные. Каждый очередной съѣздъ назначаетъ время слѣдующаго очередного. Экстренные съѣзды созываются Центральнымъ Комитетомъ, какъ по собственной иниціативѣ, такъ и по требованію двухъ третей числа мѣстныхъ комитетовъ.

10. „Союзъ Русскихъ Соціалъ-демократовъ“ заграницей является частью Партіи и ея заграничнымъ представителемъ.

11. Офиціальнымъ органомъ Партіи является „Рабочая Газета“.

XVI. Изъ брошюры „Объ Агитаціи“.

(Женевское изд. 1896 г.).

. . . .
политическому классовому самосознанію должно предшествовать сознаніе противоположности интересовъ. Противоположность же интересовъ будетъ сознана тогда, когда въ жизни пролетаріата появится эта противоположность. Она должна давать себя чувствовать на каждомъ шагу, постоянно долбить рабочаго, давать себя чувствовать во всѣхъ мелочахъ (стр. 12) . . . .
. . . чтобы разнаго рода уловки и хитрости не отклонили рабочихъ отъ ихъ справедливыхъ требованій, необходимо выдвигать эти требованія постоянно, и не только по крупнымъ вопросамъ, но,—что особенно важно, какъ подготовительная работа, и по вопросамъ, съ виду самымъ ничтожнымъ. Въ требованіяхъ мелкихъ хозяинъ не такъ отуманитъ рабочихъ, потому что возможность удовлетворить мелкія требованія очевидна для всякаго, она зависитъ только отъ даннаго хозяина, и неудовлетвореніе требованія легко объясняется рабочимъ лишь только нежеланіемъ самого фабриканта, и такимъ путемъ отчасти выясняется и противоположность интересовъ его и хозяина. При этомъ мелкія требованія, безъ особенной настойчивости въ борьбѣ за нихъ, легче могутъ имѣть успѣхъ, а это приноситъ съ собою вѣру въ свои силы, научаетъ рабочаго практическимъ пріемамъ борьбы, подготовляетъ и выдвигаетъ единичныя личности, которыя до того терялись въ массѣ, даетъ и другимъ рабочимъ примѣръ того, какъ успѣшно бороться съ хозяевами. При борьбѣ даже за мелкія требованія рабочіе должны поневолѣ соединяться вмѣстѣ, убѣждаясь на практикѣ въ необходимости возможности объединенія. Эта практика много больше значитъ въ воспитаніи массы, она много убѣдительнѣе, чѣмъ книжники, говорящіе о томъ же. Въ борьбѣ обостряются отношенія сторонъ, и хозяинъ является въ истинномъ своемъ видѣ, только тогда онъ сбрасываетъ свою маску отцаблагодѣтеля и проявляетъ свои задушевныя мысли и стремленія. Въ этой борьбѣ рабочій можетъ замѣтить солидарность всѣхъ хозяевъ, всей буржуазіи вообще — крупной и мелкой — противъ него, рабочаго. На почвѣ возбужденія, вызываемаго борьбою, рабочій болѣе воспріимчивъ къ принятію такихъ идей, которыя раньше ему самому показались бы бреднями (стр. 13—14).

Эта борьба за мелкія требованія, ... , ...
. . . должна служить для русскаго пролетаріата, еще не искусившагося въ классовой борьбѣ, какъ бы первоначальной школой (14) . . . .
Между тѣмъ, какой характеръ носили и носятъ пріемы пропаганды въ большинствѣ соціалъ-демократическихъ кружковъ? (18)...

. . . .

Лучшіе, способнѣйшіе люди получали теоретическія свѣдѣнія, которыя самымъ внѣшнимъ образомъ связывались съ реальной жизнью, съ условіями, въ которыхъ жили эти личности. Стремленіе рабочаго къ знанію, къ выходу изъ темноты, эксплуатировалось для того, чтобы пріобщить его къ выводамъ и обобщеніямъ научнаго соціализма: послѣдній брался, какъ нѣчто обязательное, постоянное и для всѣхъ одинаковое. Вотъ почему большинство спропагандированныхъ рабочихъ при всемъ ихъ увлеченіи научнымъ соціализмомъ,

носили всѣ черты, характеризовавшія въ свое время соціалистовъ-утопистовъ, всѣ, кромѣ одной: послѣднія были убѣждены во всемогущей силѣ проповѣди новаго евангелія, и вѣрили, что только отъ ихъ собственныхъ усилій зависитъ привлеченіе на ихъ сторону всей народной массы, между тѣмъ какъ наши соціалъ-демократы-утописты отлично знаютъ, что отсталое состояніе русской промышленности указываетъ всякому соціалистическому движенію узкіе предѣлы, и эта увѣренность отнимаетъ у нихъ всякую энергію въ дѣлѣ пропаганды и заставляетъ ограничивать свою дѣятельность узкимъ кругомъ болѣе развитыхъ единицъ. Наши спропагандированные рабочіе гораздо лучше знаютъ и понимаютъ условія дѣятельности западной соціалъ-демократіи, чѣмъ условія своей собственной дѣятельности (19).

. . . .

при этой системѣ пропаганды, масса оставалась совершенно въ сторонѣ, на нее смотрѣли, какъ на матеріалъ, изъ котораго надо черпать, и черпать по возможности больше. Это черпанье роковымъ образомъ ослабило интеллектуальныя силы массы, лучшіе элементы отнимались у нее, и она лишалась такихъ людей, которые и безъ всякаго сознанія, по своему умственному и нравственному превосходству, служили ей прежде и могли служить вожаками и передовыми бойцами въ чисто стихійной борьбѣ ея за существованіе. Съ другой стороны, эти лучшіе элементы пролетаріата образовали особую группу людей со всѣми признаками, характеризующими нашу революціонную интеллигенцію, обреченную на вѣчно кружковую жизнь и дѣятельность, съ неизбѣжно вытекающими отсюда результатами (20).

. . . .

При кружковой пропагандѣ были необходимы большія жертвы для достиженія ничтожныхъ результатовъ. При системѣ работы въ массѣ число жертвъ сравнительно съ достигаемымъ результатомъ уменьшается, и чѣмъ больше движеніе будетъ итти вширь и глубь, тѣмъ труднѣе будетъ справляться съ нимъ, тѣмъ труднѣе вырывать съ корнемъ соціалистическіе элементы (22).

XVII. Воззваніе Моск. Раб. Союза 1894 г. *).

Товарищи рабочіе.

Наше положеніе съ каждымъ годомъ все ухудшается и ухудшается. Надѣясь увеличить свои заработки, мы удлиняемъ рабочее время, работая ночи и праздники. Но что же изъ этого выходитъ? Улучшается ли наше положеніе? Тамъ, гдѣ прежде работало 150 человѣкъ, при усиленной работѣ хозяинъ обходится сотнею, остальные 50, лишенные работы, ходятъ съ фабрики на фабрику и волей-неволей вынужденные соглашаться работать за самую низкую плату, понижаютъ и наши заработки. Если кто изъ насъ заикнется о низкой плате, то хозяинъ въ отвѣтъ на это указываетъ на безработныхъ, дескать, не желаешь— на твое мѣсто десятокъ у воротъ.

Товарищи, что же намъ дѣлать, какъ намъ бороться? Мы видимъ, что в одиночку ничего не подѣлаешь. Еще можно, пожалуй, вести борьбу цѣлыми фабриками и заводами, но и это крайне трудно и рѣдко кончается успѣхомъ. Только, когда рабочіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ соединятся вмѣстѣ, возьмутся сообща за свое рабочее дѣло, только тогда можно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ.

Поэтому рабочіе, понявшіе необходимость бороться сообща, объединились въ „Рабочій союзъ“ и приглашаютъ рабочихъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ присоединиться къ нимъ для общей борьбы за общее рабочее дѣло.

Соединимся, товарищи, и станемъ дружно бороться за право свободно собираться для обсужденія своихъ дѣлъ, будемъ бороться до тѣхъ поръ, пока не свергнемъ ига капиталистовъ, пока вся земля, всѣ фабрики и заводы не сдѣлаются общественной собственностью.

*) Из подлинного дела о Моск. рабочем союзе (См. Обзор источн.).

Къ [illegible] РАБОЧИМЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА.

Товарищи!

[illegible]

XVIII. Всѣмъ рабочимъ Нижняго Новгорода*).

Товарищи!

Быть можетъ, не всѣ изъ васъ знаютъ, что значитъ Майскій рабочій праздникъ. Почему этотъ праздникъ названъ Рабочимъ? Кто и зачѣмъ установилъ этотъ праздникъ? Чѣмъ этотъ праздникъ отличается отъ другихъ праздниковъ?

Большинство изъ Васъ, вѣроятно, слыхало, что въ другихъ государствахъ происходитъ такъ называемое „Рабочее движеніе". Въ другихъ государствахъ рабочіе поняли, что если они будутъ сидѣть сложа руки, то ихъ и безъ того трудное положеніе сдѣлается невыносимымъ. Они видѣли, как постепенно все ниже и ниже падаетъ ихъ заработная плата, как ихъ хозяева въ погонѣ за прибылью все удлиняютъ и безъ того достаточно длинный рабочій день, они видѣли, какъ быстро растетъ число людей, не имеющихъ работы, а потому вынужденныхъ умирать съ голоду или просить подаянія. Такое положеніе не могло длиться долго. Подъ страхомъ смерти отъ голода и истощенія, рабочіе должны были положить ему конецъ. И началась неравная борьба. Борьба, въ которой, съ одной стороны, стояли тогда еще разрозненные рабочіе, а съ другой, сильные своими богатствами хозяева, на сторонѣ которыхъ были всѣ власти съ ихъ полиціей и судами, съ ихъ тюрьмами и войсками. Рабочіе скоро поняли, что съ такимъ противникомъ бороться въ одиночку нельзя, они скоро поняли, что ихъ сила заключается въ ихъ числѣ, въ ихъ единодушномъ дѣйствіи. Они поняли, что всѣ рабочіе должны соединиться. Горькій опытъ жизни научилъ ихъ, что недостаточно соединиться рабочимъ одного цеха, одного завода, одного города, даже одной страны. Они увидѣли, что вездѣ во всѣхъ государствахъ рабочіе стонутъ подъ однимъ и тѣмъ же игомъ, подъ игомъ капиталистовъ. Они поняли, что для рабочихъ не существуетъ подраздѣленій на различныя народности. Они поняли, что всякій рабочій будетъ-ли онъ французъ или нѣмецъ, русскій или турокъ, полякъ или еврей - братъ имъ. Они поняли, что у всѣхъ рабочихъ есть одно общее дѣло: полное уничтоженіе существующаго порядка съ его подраздѣленіями на богачей и бѣдняковъ, на тунеядцевъ и людей, умирающихъ отъ непосильной работы. И они написали на своемъ Знамени: Работники всѣхъ странъ, соединяйтесь! И они на дѣлѣ доказали свою вѣрность этимъ дорогимъ для каждаго рабочаго словамъ. Не говоря уже о томъ, что въ другихъ государствахъ рабочіе не задумываясь цѣлыми тысячами бросаютъ работу изъ-за того, что хозяинъ обидѣлъ одного ихъ товарища. Не говоря о такой готовности рабочихъ одного завода всегда и вездѣ поддержать товарища, тамъ сплошь и рядомъ рабочіе разныхъ странъ единовременно бросаютъ работу, чтобы поддержать другъ друга. Напримѣръ, нѣсколько времени тому назадъ въ Германіи забастовало 100 тысячъ человѣкъ рабочихъ въ горныхъ копяхъ. Капиталисты рѣшили нанять рабочихъ изъ другого государства, изъ Австріи, но австрійскіе рабочіе единодушно рѣшили не наниматься къ германскимъ капиталистамъ, и тѣ должны были уступить. Чтобы дѣйствовать всегда за-одно, чтобы знать другъ о другѣ и общими

*) Из подлинного дела о Кузнецовском кружке (См. Обзор источн.).

силами бороться противъ общаго врага, рабочіе образованныхъ странъ решили устраивать по временамъ съѣзды, на которые съѣзжались представители отъ рабочихъ всѣхъ странъ (Въ нынѣшнемъ году такой съѣздъ будетъ в англійскомъ городѣ Лондонѣ). Первый такой съѣздъ былъ въ 1889 году во французскомъ городѣ Парижѣ. Вотъ на этомъ-то съѣздѣ и было постановлено ежегодно праздновать 1-ое Мая. Этотъ праздникъ долженъ служить рабочимъ напоминаніемъ о томъ, что интересы рабочихъ всего міра одинаковы, что у нихъ всѣхъ есть только одинъ общій врагъ капиталисты. Это тезоименитство высокопоставленнаго лица, которое помогаетъ капиталистамъ грабить рабочихъ, это не церковный праздникъ, въ которомъ и капиталисты принимаютъ лицемѣрное участіе и который, если и даетъ что рабочимъ, такъ нѣсколько часовъ отдыха (да и то не всегда); отдыха, отравленнаго мыслью необходимости завтра вновь приступить къ своему каторжному труду. Это праздникъ рабочихъ! Каждый рабочій, принимающій въ немъ участіе, знаетъ, что вездѣ, гдѣ только есть рабочіе, вездѣ идетъ празднество, вездѣ его товарищи одушевлены одной общей мыслью о необходимости борьбы и борьбы сообща. Правда и послѣ 1-го Мая ему придется итти на работу, но онъ не забудетъ того, что было вчера, онъ не забудетъ, что его товарищи—его союзники, онъ не забудетъ, что вчера милліоны рабочихъ выражали готовность положить, если будетъ нужно, свою жизнь за правое дѣло, и это воспоминаніе укрѣпитъ въ немъ увѣренность, что недолго страдать ему, что скоро наступить время, когда рабочіе, напрягши всѣ свои силы, сметутъ съ лица земли старое общество и на его мѣстѣ устроятъ новое, гдѣ всѣ люди будутъ равны и свободны. Великое зрѣлище представляетъ этотъ день въ большихъ городахъ образованныхъ государствъ. Рабочіе прекращаютъ работу и десятками, иногда сотнями тысячъ проходятъ по городу стройными массами. Всѣ улицы запружены народомъ. Высоко въ воздухѣ развѣваются знамена, на которыхъ написаны требованія рабочихъ, громко играетъ музыка. Что играетъ она? Здесь слышенъ и призывъ къ борьбѣ и за увѣренность въ скорой побѣдѣ. Полиція притаилась и не смѣетъ мѣшать рабочимъ. Капиталисты не рѣшаются показаться въ это время на улицѣ. А рабочіе все идутъ. Какая ихъ масса! Кого только нѣтъ среди нихъ. Здѣсь и дряхлые старики, которые борются уже не за себя, а за своихъ дѣтей и внуковъ, здѣсь и женщины, которыхъ капиталъ придавилъ так же, как и мужчинъ, здѣсь и подростки, которые только что вступили въ борьбу и обѣщаютъ въ будущемъ стать такими же твердыми и непоколебимыми борцами, каковы теперь ихъ отцы. Вотъ толпа подошла къ зданію, гдѣ засѣдаетъ правительство, музыка смолкла и изъ тысячей грудей въ одинъ разъ вырывается единодушное требованіе. Капиталисты приходятъ въ ужасъ отъ такихъ праздниковъ и въ испугѣ бросаютъ рабочимъ одну уступку за другой, чтобы хотя на время успокоить взволновавшіяся массы. Чтобы праздновать 1-ое Мая такъ, как празднуютъ его наши заграничные товарищи, мы еще недостаточно сильны, но пусть, товарищи, и для насъ не пройдетъ безъ слѣда этотъ день. Пусть каждый, кому попадется этотъ листокъ, прочтетъ его вмѣстѣ с товарищами, пусть каждый постарается собрать вечеромъ товарищей и вмѣстѣ подумать, что намъ дѣлать, чтобы стать такими же сильными, какъ и наши заграничные товарищи и какъ намъ добиться того, чего добились они. А мы, въ свою очередь, при каждомъ удобномъ случаѣ будемъ разъяснять вамъ, товарищи, что вы должны дѣлать, чтобы скорѣе и вѣрнѣе добиться побѣды.

Нижегородское Отдѣленіе
Русской Рабочей Партіи.

XIX. Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса царскому правительству (П. Союзъ борьбы, Ноябрь, 1896 г.) *).

Въ настоящемъ 1896 году русское правительство вотъ уже два раза обращалось къ публикѣ съ сообщеніемъ о борьбѣ рабочихъ противъ фабрикантовъ. Въ другихъ государствахъ такія сообщенія не въ рѣдкость, тамъ не прячутъ того, что происходитъ въ государствѣ, и газеты свободно печатаютъ извѣстія о стачкахъ. Но въ Россіи правительство пуще огня боится огласки фабричныхъ порядковъ и происшествій: оно запретило писать въ газетахъ о стачкахъ, оно запретило фабричнымъ инспекторамъ печатать свои отчеты, оно даже перестало разбирать дѣла о стачкахъ въ обыкновенныхъ судахъ, открытыхъ для публики, однимъ словомъ, оно приняло всѣ мѣры, чтобы сохранить въ строгой тайнѣ все, что дѣлается на фабрикахъ и среди рабочихъ. И вдругъ, всѣ эти полицейскія ухищренія разлетаются, какъ мыльный пузырь, и правительство само вынуждено открыто говорить о томъ, что рабочіе ведутъ борьбу съ фабрикантами. Чѣмъ вызвана такая перемѣна. Въ 1895 году было особенно много рабочихъ стачекъ. Да, но стачки бывали и прежде, и однако правительство умѣло не нарушать тайны, и эти стачки проходили безгласно для всей массы рабочихъ. Нынѣшнія стачки были гораздо сильнѣе предыдущихъ и сосредоточены въ одномъ мѣстѣ. Да, но и прежде бывали не менѣе сильныя стачки, напр. в 1885—6 годахъ въ Московской и Владимирской губ. Но правительство все-таки еще крѣпилось и не заговаривало о борьбѣ рабочихъ съ фабрикантами. Отчего же на этотъ разъ оно заговорило? Оттого, что на этотъ разъ на помощь рабочимъ пришли соціалисты, которые помогли рабочимъ разъяснить дѣло, огласить его, повсюду и среди рабочихъ и въ обществѣ изложить дикія насилія правительства. Правительство увидѣло, что становится совсѣмъ глупо молчать, когда всѣ знаютъ о стачкахъ, и оно тоже потянулось за всѣми. Листки соціалистовъ потребовали правительство къ отвѣту, и правительство явилось и дало отвѣтъ.

Посмотримъ, каковъ былъ отвѣтъ.

Сначала правительство пыталось уклониться отъ гласнаго и публичнаго отвѣта. Одинъ изъ министровъ, министръ финансовъ Витте, разослалъ циркуляръ фабричнымъ инспекторамъ, и въ этомъ циркулярѣ обзывалъ рабочихъ и соціалистовъ „злѣйшими врагами общественнаго порядка", совѣтовалъ фабричнымъ инспекторамъ запугивать рабочихъ, увѣрять ихъ, что правительство запретитъ фабрикантамъ дѣлать уступки, указывать имъ на хорошія побужденія и благородный помыселъ фабрикантовъ, говорить о томъ, какъ фабриканты заботятся о рабочихъ и ихъ нуждахъ, какъ фабриканты полны „хорошихъ чувствъ". О самыхъ стачкахъ правительство не говорило, оно не сказало ни слова о томъ, изъ-за чего были стачки, въ чемъ состояли безобразныя притѣсненія фабрикантовъ и нарушенія закона, чего добивались рабочіе, однимъ словомъ, оно прямо-таки и з о л г а л о всѣ бывшія лѣтом и осенью 95-го года стачки, попыталось отдѣлаться избитыми казенными фразами о насильственныхъ и „противозаконныхъ" дѣйствіяхъ рабочихъ, хотя рабочіе не дѣлали насилій: насильничала одна только полиція. Министръ хотѣлъ оставить этотъ циркуляръ въ тайнѣ, но

*) Перепеч. съ подлинного экземпляра, хранящегося в Истор. рев. архиве в Петрограде.

СОЮЗЪ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧАГО КЛАССА.

ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

[illegible]

сами чиновники, которымъ онъ ввѣрилъ ее, не сдержали тайны, и циркуляръ пошелъ гулять по публикѣ. Затѣмъ его напечатали соціалисты. Тогда правительство, видя себя по обыкновенію одураченнымъ со своимъ всѣмъ извѣстнымъ „тайнымъ“, напечатало его въ газетахъ. Это было, какъ мы уже сказали, отвѣтомъ на лѣтнія и осеннія стачки 1895 года. Но вотъ весной 1896 года стачки повторились еще гораздо сильнѣе. Къ слухамъ о нихъ присоединились листки соціалистовъ, правительство сначала трусливо молчало, выжидая какъ кончится дѣло, и затѣмъ, когда уже возстаніе рабочихъ улеглось,—оно выступило заднимъ числомъ со своей канцелярской мудростью, какъ съ запоздалымъ полицейскимъ протоколомъ. На этотъ разъ пришлось уже выступить открыто и притомъ всему правительству цѣликомъ. Его сообщеніе было напечатано в номерѣ 158 „Правит. Вѣстника“. На этотъ разъ не удалось уже по-прежнему изолгать рабочія стачки. Пришлось разсказать, какъ было дѣло, въ чемъ состояли притѣсненія фабрикантовъ, чего требовали рабочіе, пришлось признать, что рабочіе вели себя „чинно“. Такимъ образомъ, рабочіе отучили правитель, ство отъ гнусной полицейской лжи: они заставили его признать правду, когда поднялись массой, когда воспользовались листками для оглашенія дѣла. Это большой успѣхъ. Рабочіе будутъ знать теперь, въ чемъ состоитъ единственное средство добиться публичного заявленія своихъ нуждъ, оповѣщенія о борьбѣ рабочихъ всей Россіи.

Рабочіе будутъ знать теперь, что ложь правительства опровергается только соединенной борьбой самихъ рабочихъ и ихъ сознательнымъ отношеніемъ,— добиться своего права. Разсказавши въ чемъ было дѣло, министры стали придумывать отговорки, они стали увѣрять, въ своемъ сообщеніи, что стачки вызваны были только „особенностями бумагопрядильнаго и ниточнаго производства“. Вотъ какъ. А не особенностями ли русскихъ государственныхъ порядковъ, позволяющихъ полиціи травить и хватать мирныхъ рабочихъ, которые защищаютъ себя от притѣсненій? Отчего же, добрые г.г. министры, рабочіе читали нарасхватъ и требовали листковъ, въ которыхъ говорилось совсѣмъ не о бумагѣ иниткахъ, а о безправіи русскихъ гражданъ и о дикомъ произволѣ правительства, прислуживающагося къ капиталистамъ; нѣтъ, это новая отговорка, чуть ли еще не хуже, гнуснѣй той, которой отдѣлывался въ своемъ циркулярѣ министръ финансов Витте, валившій все на „подстрекателей“. Министръ Витте разсуждаетъ о стачкѣ такъ же, какъ разсуждаетъ о ней любой полицейскій чиновникъ, получающій подачки отъ фабрикантовъ; пришли подстрекатели—явилась стачка. Теперь, увидѣвъ стачку 30 тысячъ рабочихъ, всѣ министры вмѣстѣ принялись думать и додумались наконецъ, что не отъ того бываетъ стачка, что являются подстрекатели-соціалисты, а отъ того являются соціалисты, что начинаются стачки, начинается борьба рабочихъ противъ капиталистовъ. Министры увѣряютъ теперь, что „соціалисты“ потомъ „примкнули“ къ стачкамъ. Это хорошій урокъ для министра финансовъ Витте. Смотрите же, господинъ Витте, учитесь хорошенько. Учитесь разбирать впередъ изъ-за чего вышла стачка, учитесь смотрѣть на требованія рабочихъ, а не на донесенія вашихъ полицейскихъ крысъ, которымъ, вѣдь, сами вы ни на грошъ не вѣрите. Г.г. министры увѣряютъ публику, что это только „злонамѣренныя личности“ пытались придать стачкамъ „преступный политическій характеръ“ или, какъ они говорятъ въ одномъ мѣстѣ, „соціальный характеръ“, г.г. министры хотѣли сказать соціалистическій, но, по безграмотности или по канцелярской трусости, сказали соціальный, и вышла безсмыслица: соціалистическій, значитъ поддерживающій рабочихъ въ борьбѣ съ капиталомъ, а соціальный—просто общественный. Какъ же можно стачкѣ придать общественный характеръ? Вѣдь это все равно, что придать министрамъ министерскій чинъ. Вот это забавно! Соціалисты придаютъ стачкамъ политическій характеръ, да само правительство прежде всякихъ соціалистовъ приняло всѣ мѣры, чтобы придать стачкамъ политическій характеръ. Не оно ли стало хватать мирныхъ рабочихъ, точно преступниковъ, арестовывать и высылать? Не оно ли разослало повсюду шпіоновъ и провокаторовъ? Не оно ли забирало всѣхъ, кто попадаетъ подъ руку.

Не оно ли обѣщало оказать помощь фабрикантамъ, чтобы они не уступали? Не оно ли преслѣдовало рабочихъ за простые сборы денегъ въ пользу стачечниковъ? Правительство само лучше всѣхъ разъяснило рабочимъ, что война ихъ съ фабрикантами должна быть войною неизбѣжно съ правительствомъ. Соціалистамъ осталось только подтвердить это и опубликовать въ листкахъ. Вот и все. Но русское правительство прошло уже огонь и воду въ искусствѣ лицемѣрить, и министры постарались промолчать о томъ, какими средствами наше правительство „придавало политическій характеръ стачкамъ"; оно разсказало публикѣ, какими числами были помѣчены листки соціалистовъ; отчего не разсказало оно, какими числами были помѣчены приказы градоначальника и прочихъ башибузуковъ объ арестѣ мирныхъ рабочихъ, о вооруженіи войска, о посылкѣ шпіоновъ и провокаторовъ? Они перечислили публикѣ, сколько было листковъ, соціалистовъ; отчего не перечислили они, сколько было схвачено рабочихъ и соціалистовъ, сколько разоренныхъ семей, сколько высланныхъ и заключенныхъ безъ суда въ тюрьму. Отчего? Да оттого, что даже русскіе министры, при всемъ ихъ безстыдствѣ, остерегаются говорить публично о такихъ разбойничьихъ подвигахъ. На мирныхъ рабочихъ, возставшихъ за свои права, защищавшихъ себя отъ произвола фабрикантовъ, обрушилась вся сила государственной власти, съ полиціей и войскомъ, жандармами и прокурорами, противъ рабочихъ, державшихся на свои гроши и гроши ихъ товарищей, англійскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и австрійскихъ рабочихъ,—выступила вся сила государственной казны, обѣщавъ поддержку бѣднякамъ фабрикантамъ.

Рабочіе были не объединены. Имъ нельзя было устроить сборъ денегъ, привлечь другіе города и другихъ рабочихъ, ихъ травили повсюду, они должны были уступить передъ всей силой государственной власти. Господа министры ликуютъ, что правительство побѣдило!

Хороша побѣда! Противъ 30 тысячъ мирныхъ рабочихъ, не имѣвшихъ денегъ,—вся сила власти, все богатство капиталистовъ. Министры поступили бы умнѣе, подождавъ хвастаться такой побѣдой, а то ихъ хвастовство очень ужъ напоминаетъ хвастовство полицейскаго солдата, который похваляется тѣмъ, что ушелъ со стана не *битымъ*.

„Наущенія" соціалистовъ не имѣли успѣховъ—торжественно объявляетъ правительство, успокаивая капиталистовъ.—Да, никакія наущенія, отвѣтимъ и мы на это, не могли бы произвести и сотой доли того впечатлѣнія, которое произведено на всѣхъ петербургскихъ, на всѣхъ русскихъ рабочихъ поведеніемъ правительства въ этомъ дѣлѣ. Рабочіе увидѣли ясно политику правительства—замолчать рабочія стачки и изолгать ихъ. Рабочіе увидѣли, какъ ихъ соединенная борьба заставила отбросить полицейскую лицемѣрную ложь. Они увидѣли, чьи интересы оберегаетъ правительство, которое обѣщало поддержку фабрикантамъ. Они поняли, кто ихъ настоящій врагъ, когда на нихъ, не нарушающихъ закона и порядка, точно на непріятелей послали войско и полицію. Сколько бы ни толковали министры о безуспѣшности борьбы, но рабочіе видятъ, какъ присмирѣли вездѣ фабриканты, и знаютъ, что правительство созываетъ уже фабричныхъ инспекторовъ совѣщаться о томъ, какія уступки надо сдѣлать рабочимъ, ибо оно видитъ, что уступки необходимы. Стачки 1895 годовъ не прошли даромъ. Онѣ сослужили громадную службу русскимъ рабочимъ, онѣ показали, какъ имъ слѣдуетъ вести борьбу за свои интересы. Онѣ научили ихъ понимать *политическое положеніе и политическія нужды рабочаго класса*.

Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Ноябрь 1896 года.

XX. Письмо ко всѣмъ Кіевскимъ рабочимъ. (Кіевъ, ноябрь, 1897 г.) *).

Товарищи. Между рабочими и хозяевами вездѣ, гдѣ они существуютъ, идетъ постоянная, непримиримая вражда. Хозяева всегда заботятся лишь о томъ, какъ бы удлинить рабочій день, какъ бы сократить заработную плату и этимъ увеличить свои барыши, а рабочимъ, наоборотъ, выгодно и необходимо имѣть гораздо болѣе отдыха и болѣе заработка, чѣмъ они имѣютъ теперь. И фабриканты и рабочіе всячески стараются добиться своей цѣли. Въ началѣ борьбы, пока у рабочихъ нѣтъ еще достаточно опыта и пониманія своего дѣла, выигрышъ обыкновенно остается на сторонѣ хозяевъ. Однако у рабочихъ есть одно могущественное средство—союзъ. Пока каждый изъ рабочихъ въ одиночку добивается для себя какихъ-либо уступокъ, то его, конечно, и слушать не станутъ. Когда же всѣ рабочіе какой-нибудь фабрики или мастерской вмѣстѣ потребуютъ сокращенія рабочаго времени или повышенія платы, капиталисты, т.-е. хозяева заводовъ и фабрикъ, становятся уступчивѣе и внимательнѣе: они вынуждены исполнять требованія рабочихъ, если не хотятъ вывести ихъ изъ терпѣнія и вызвать на время забастовку, лишающую фабрикантовъ барыша. Что единственная, но зато непреодолимая сила рабочихъ—союзъ, въ этомъ раньше или позже долженъ убѣдиться всякій рабочій. Чѣмъ рабочіе развитѣе, смышленнѣе, сознательнѣе, тѣмъ лучше они понимаютъ, что имъ нужно объединиться и стоять всѣмъ за каждаго, за всѣхъ. Заграничные рабочіе и работницы—англійскіе, бельгійскіе, германскіе, французскіе—давно уже поняли это и успѣли многаго добиться своимъ единодушіемъ. Русскіе рабочіе въ этомъ отношеніи сильно отстали отъ своихъ заграничныхъ товарищей. Тѣмъ не менѣе, притѣсненія и лишенія и ихъ научили искать защиты отъ хозяевъ въ союзѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ во всѣхъ большихъ русскихъ городахъ рабочіе начинаютъ дружно заявлять притѣснителямъ-капиталистамъ свои требованія, грозить имъ оставленіемъ работы и устраивать стачки, и этимъ они принудили фабрикантовъ не къ одной уступкѣ. Кіевскіе рабочіе и работницы стали сознательнѣе и дружнѣе стоять за свое дѣло всего какихъ-нибудь два года. Стремленіе кіевскихъ рабочихъ облегчить свое положеніе стало особенно замѣтно за послѣдній годъ. За это время у насъ въ Кіевѣ произошли такія событія, о которыхъ знать и подумать слѣдуетъ всякому рабочему. Борьба рабочихъ за лучшую жизнь у насъ началась недавно, и все-таки рабочимъ нѣкоторыхъ заводовъ, гдѣ они дѣйствовали смѣлѣе и дружнѣе, удалось добиться уступокъ. Стачкой ли, угрозой, единодушнымъ заявленіемъ требованій или однимъ выраженіемъ неудовольствія рабочіе достигли нѣкоторыхъ измѣненій къ лучшему на заводѣ Графа, въ мастерской Рожнецкаго, въ мебельной фабрикѣ Кимаера, въ табачной фабрикѣ Когена, на заводѣ Гретера, въ южно-русскомъ машиностроительномъ заводѣ, въ корсетной фабрикѣ Дютуа, на заводѣ Шиманского, у Людменара, Кравеца Хмельницкаго, Глозмана и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Одни хозяева вынуждены были сократить число рабочихъ часовъ, другіе—повысить плату, третьи—обязались ввести правильную расплату, возвратили беззаконно

*) Перепеч. съ подлин. экземпляра, хранящегося в Истор. рев. архиве въ Петр.

[illegible] рабочихъ.

[illegible] где они чувствуют [illegible] борьба всегда вооб- [illegible] роль, если бы он [illegible] свои борцы, и [illegible] тогда было [illegible] вынимали и ра- [illegible] борьбу [illegible] положения своего [illegible] Когда же [illegible] которой работѣ потребуютъ [illegible] платы, капиталисты [illegible] уступчиве и внимательн- [illegible] рабочихъ, если не [illegible] на время забастовки [illegible] что при [illegible] долго [illegible] рабочіе [illegible] англійскіе, [illegible] французскіе - [illegible] добиться своимъ единод[illegible] [illegible] въ этомъ отношеніи сильно отстали от[illegible] [illegible] въ союзы. Вотъ [illegible] рабочіе [illegible]

Борьба рабочихъ [illegible]

удерживаемыя деньги и уменьшили несправедливо взимаемые штрафы. Нѣкоторыя изъ этихъ уступокъ были незначительны, но для рабочаго дѣла онѣ очень важны: онѣ показали, какой трепетъ на фабрикантовъ, мастеровъ и фабричнаго инспектора наводятъ объединенные рабочіе.

Всѣ эти событія указываютъ на то, что и въ Кіевѣ рабочіе, по примѣру Петербурга, Москвы и заграничныхъ городовъ, поднимаются въ защиту своихъ правъ противъ капиталистовъ. Число рабочихъ, понимающихъ необходимость бороться общими силами противъ врага, число сознательныхъ рабочихъ растетъ изо дня въ день. Болѣе толковые рабочіе учатъ менѣе сознательныхъ товарищей. Запрещенныя (нелегальныя) книжки, описывающія жизнь и борьбу заграничныхъ рабочихъ и указывающія путь къ лучшей жизни русскимъ рабочимъ, читаются нарасхватъ. Наконецъ, въ послѣднее полугодіе на фабрикахъ и заводахъ стали появляться листки, напоминающіе рабочимъ про несправедливыхъ фабрикантовъ и убѣждающіе ихъ требовать уступокъ. Эти листки (прокламаціи), издаваемые Кіевскимъ рабочимъ комитетомъ и Кіевскимъ союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, до сихъ поръ были распространены болѣе, чѣмъ на 25 кіевскихъ фабрикахъ и заводахъ Во многихъ мѣстахъ они появлялись по нѣсколько разъ. Кромѣ листковъ на нѣкоторыхъ заводахъ были распространены и книги, въ которыхъ говорилось о рабочемъ дѣлѣ. Листки находили на улицахъ, на фабричныхъ дворахъ и на базарахъ, ихъ наклеивали на телеграфныхъ столбахъ и на заборахъ. Всѣхъ ихъ было распространено 6.500 экземпляровъ. 6.500 разъ они призывали рабочихъ къ борьбѣ за свои права, за лучшую жизнь. Этотъ призывъ разнесся по всему почти Кіеву, и теперь у насъ немного найдется такихъ рабочихъ, которые не читали листковъ, или, по крайней мѣрѣ, не слыхали о нихъ.

Усиливается стремленіе кіевскихъ рабочихъ къ лучшей жизни, растетъ и крѣпнетъ рабочее движеніе въ Кіевѣ. Оно возрастало бы еще быстрѣй, если бы рабочіе принимались за свое дѣло съ большею смѣлостью. Но у нихъ не всегда хватаетъ рѣшительности заявить свои требованія или стачкой добиться исполненія ихъ. Рабочихъ часто смущаетъ то, что имъ приходится имѣть дѣло не съ одними фабрикантами. но и съ ихъ сильными защитниками и помощниками—съ правительствомъ. Въ борьбѣ рабочихъ съ капиталистами, полиція и жандармерія, фабричные инспектора и министры, законъ, судъ и войско—однимъ словомъ все правительство всегда на сторонѣ фабрикантовъ и всегда противъ рабочихъ. Для кого это не совсѣмъ было понятно, того легко могутъ въ этомъ убѣдить недавнія кіевскія событія.

Съ появленіемъ листковъ, жандармы стали требовать рабочихъ на допросы, пытаясь узнать, кто принесъ листки, кто подбросилъ ихъ и что говорили читавшіе ихъ. Нѣкоторыхъ рабочихъ подвергали аресту, надѣясь тюрьмой добиться отъ нихъ указаній относительно распространителей листковъ. Въ истекшее полугодіе было арестовано около 30 рабочихъ; такъ какъ они могли сказать только то, что нашли или видѣли листки, то ихъ, продержавъ одинъ или два дня въ тюрьмѣ, освобождали. Лишь нѣсколькимъ рабочимъ пришлось сидѣть болѣе. Чтобы узнать, кто подбрасываетъ листки, полиція сдѣлала у рабочихъ болѣе 40 обысковъ. Но и обыски не помогли найти виновниковъ.. Жандармскому генералу и полицейскимъ мало дѣла до того, что рабочимъ плохо живется, что ихъ грабятъ и обижаютъ. Но и жандармы и полиція сразу всполошились, когда замѣтили, что рабочіе могутъ потребовать лучшихъ условій и тѣмъ уменьшить доходы капиталистовъ. Они стали разыскивать страшныхъ преступниковъ, осмѣлившихся напомнить рабочимъ про постоянные обиды и грабежи и призвать ихъ къ борьбѣ съ безсовѣстной эксплуатаціей (обираніемъ). Они хотѣли наказать ихъ и отучить рабочихъ отъ всякой мысли о борьбѣ за лучшую жизнь. „Я тюрьмой вышибу рабочимъ изъ головы эти мечтанія"- оралъ однажды предъ „преступниками" жандармскій генералъ. Ни онъ ни полиція и не стараются скрыть того, что они защищаютъ только хозяйскіе интересы и въ обиду хозяйскаго кармана дать не хотятъ. У фабрикантовъ деньги, а деньги—такая сила, предъ которой преклоняется и державное начальство. Обыскать

рабочаго, какъ преступника, арестовать его, продержать безъ вины въ тюрьмѣ— все это готовы сдѣлать полиція и жандармерія, лишь бы обезпечить фабрикантамъ спокойствіе и доходы. И не въ одномъ Кіевѣ такіе фабриканты, не въ одномъ Кіевѣ такіе жандармы. Вездѣ, гдѣ рабочіе вступаютъ въ борьбу съ хозяевами, будетъ ли это въ Кіевѣ или Петербургѣ, въ Москвѣ или въ Варшавѣ, въ Ярославлѣ или въ Одессѣ, въ Бѣлостокѣ или Домбровѣ—вездѣ начальство и власти спѣшатъ къ фабрикантамъ съ содѣйствіемъ и помощью. Исполненные любезности по отношенію къ капиталистамъ, полицейскіе пристава, полиціймейстеры и жандармскіе генералы поступаютъ такъ же, какъ и высшее начальство—губернаторы, генералъ-губернаторы и министры. Всѣ они, все правительство— всегда къ услугамъ фабрикантовъ, всегда противъ рабочихъ.

Многимъ рабочимъ, конечно, это было извѣстно и раньше. Кто изъ сознательныхъ рабочихъ не знаетъ, что правительство только потому наказываетъ за стачки, чтобы не лишать фабрикантовъ дешевыхъ и послушныхъ рабочихъ? Не затѣмъ ли оно запрещаетъ печатать, распространять и читать книжки, описывающія нужды рабочихъ и средства борьбы съ хозяевами, чтобы не мѣшать капиталистамъ поживиться на счетъ рабочихъ? Не затѣмъ ли оно объявляетъ противозаконнымъ всякій рабочій союзъ, всякое собраніе, гдѣ рабочіе обсуждаютъ свое дѣло, чтобы препятствовать рабочимъ сговориться противъ хозяевъ? Не для того ли слѣдятъ за рабочими и подслушиваютъ ихъ разговоры сыщики, чтобы сажать въ тюрьму тѣхъ рабочихъ, которые учатъ товарищей бороться противъ обидъ и обмана. Лицемѣрное правительство иногда старается убѣдить рабочихъ, что оно хлопочетъ о нуждахъ рабочихъ, но всякій рабочій долженъ помнить, что оно заботится лишь о барышахъ ихъ притѣснителей.

Но вѣдь правительство—сила. Когда оно вступаетъ въ союзъ съ капиталистами, то съ такимъ врагомъ не легко справиться. Поэтому, можетъ быть, рабочимъ слѣдовало бы бросить мысль объ улучшеніи своей участи и покорно переносить все, что не пошлетъ судьба не пытаясь собственными силами завоевать для себя счастье?—Нисколько. Всегда и вездѣ, за границей и въ Россіи, правительство стояло и стоитъ на сторонѣ капиталистовъ, а между тѣмъ заграничные рабочіе успѣли значительно сократить рабочій день, повысить заработную плату и добиться такой свободы, о какой не имѣютъ даже понятія многіе русскіе рабочіе. А когда-то и заграничнымъ рабочимъ жилось такъ же, какъ теперь живется русскимъ, и даже хуже. Всѣ улучшенія, которыя они имѣютъ, не съ неба къ нимъ свалились: они были достигнуты упорной и продолжительной борьбой. Вѣдь и въ Петербургѣ правительство помогаетъ капиталистамъ не хуже, чѣмъ въ Кіевѣ; жандармы и сыщики слѣдятъ за рабочими не менѣе усердно, чѣмъ у насъ. Тѣмъ не менѣе, петербургскіе рабочіе устраиваютъ громадныя стачки, въ одной изъ которыхъ участвовало 35.000 человѣкъ, и принуждаютъ фабрикантовъ и само правительство къ уступкамъ. Наконецъ, и у насъ въ Кіевѣ, как это ни огорчаетъ капиталистовъ и жандармовъ, рабочие собираются, читаютъ запрещенныя книги и листки, устраиваютъ стачечныя кассы, празднуютъ первое мая и заставляютъ хозяевъ исполнять свои требованія. А жандармы ничего не добились арестами и обысками.

Противъ правительства у рабочихъ то же средство, которымъ они борются съ хозяевами, т. е. союзъ. Когда сотни или тысячи рабочихъ празднуютъ первое мая, то правительство не можетъ ни посадить ихъ всѣхъ въ тюрьму, ни отдать всѣхъ подъ судъ, ни выселить изъ города. Когда лучшей жизни потребуютъ всѣ русскіе рабочіе—а въ Россіи рабочихъ милліоны, тогда не хватитъ на нихъ ни тюремъ, ни сыщиковъ, ни жандармовъ, и правительство будетъ вынуждено исполнить всѣ требованія.

Борьба русскихъ рабочихъ первоначально была направлена исключительно противъ хозяевъ. Это была борьба чисто экономическая: больше заработка, больше отдыха, больше справедливости—вотъ все, чего на первыхъ порахъ требовали русскіе рабочіе. Но правительство само поторопилось заявить рабочимъ, что оно—слуга капиталистовъ и врагъ рабочихъ. Оно бросило рабочимъ вызовъ къ борьбѣ, и рабочимъ остается только принять этотъ вызовъ. Доби-

ваясь уступокъ отъ капиталистовъ, рабочіе будутъ въ то же время вести войну противъ всѣхъ полицейскихъ и жандармскихъ хитростей и беззаконій, помогающихъ фабрикантамъ грабить и притѣснять рабочихъ. Всякая стачка, всякое рабочее собраніе, всякій союзъ будутъ средствомъ борьбы не только противъ капиталистовъ, но и противъ правительства, преслѣдующаго, въ угоду капиталистамъ и рабочіе союзы и стачки. Кромѣ борьбы съ хозяевами, борьбы экономической, рабочимъ приходится вступить въ борьбу съ правительствомъ — борьбу политическую. Хорошо сдѣлало правительство, сразу показавъ рабочимъ, чего отъ него можно ожидать. Всегда лучше имѣть дѣло съ открытымъ врагомъ, чѣмъ съ тайнымъ...

Итакъ, то, что за послѣдній годъ случилось в Кіевѣ, должно научить кіевскихъ рабочихъ, что и для нихъ наступила пора подумать объ улучшеніи своего положенія. У нихъ есть сила, сила эта заключается въ союзѣ. Эта сила доставитъ имъ побѣду и въ экономической и въ политической борьбѣ за лучшую жизнь, за счастье.

Пусть же скорѣе придетъ то время, когда передъ могучей силой рабочаго союза дрогнутъ испуганныя сердца капиталистовъ и ихъ прихвостней—жандармовъ, полицейскихъ и чиновниковъ.

Кіевскій рабочій комитетъ.

Изданіе „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса". 26 ноября 1897 года.

XXI. Воззваніе къ первому Мая (Кіевъ, апрѣль 1898 г.) *).

Рабочіе и работницы!

Первое мая — международный праздникъ рабочихъ. Сегодня рабочіе всего міра братски привѣтствуютъ другъ друга; они выражаютъ свою международную солидарность, заявляя, что рабочее дѣло есть международное дѣло. На красномъ знамени пролетаріата выставлено сегодня требованіе восьмичасового дня.

Но въ то время, какъ заграничные рабочіе перваго мая въ торжественном шествіи, съ пѣснями и знаменами, свободно и громко заявляютъ о своихъ требованиях, мы, русскіе рабочіе, вынуждены тайкомъ устраивать свои собранія, рискуя при этомъ личной свободой и безопасностью. И если наши заграничные товарищи открыто празднуютъ первое мая, то это потому, что они пользуются политической свободой правомъ собираться, устраивать сходки, издавать газеты, въ которыхъ говорится о нуждахъ рабочихъ; они могутъ свободно распространять листки и брошюры и т. п. Мало того, право издавать новые законы, уничтожать старые, право назначать подати и вводить налоги принадлежитъ въ иностранныхъ государствахъ парламенту, въ которомъ засѣдаютъ выборные отъ всего народа и въ которомъ рабочіе имѣютъ своихъ представителей. Мы же, русскіе рабочіе, лишены политической свободы; законы издаются у насъ царемъ и министрами; у насъ запрещены собранія и сходки, и ослушникамъ грозитъ тюрьма, ссылка и каторга; русская цензура оберегаетъ рабочаго отъ слова правды и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никакое свободное слово не доходило до ушей рабочаго. Повсюду рыщутъ полиція, жандармы и шпіоны, выискивая „бунтовщиковъ". Надъ всѣмъ царитъ царскій произволъ. Повсюду являются нагайки и ружья — эти неизмѣнные спутники царскаго правительства.

И если мы спросимъ нашихъ заграничныхъ товарищей, какъ они добились политической свободы, то въ отвѣтъ услышимъ: „Тяжелой, безпрерывной, упорной борьбой. На каждый натискъ нашихъ враговъ мы отвѣчали дружнымъ отпоромъ. Умирая, мы завѣщали своимъ дѣтямъ продолжать нашу борьбу". Вотъ что скажутъ намъ наши заграничные товарищи. Да, они вели борьбу и побѣдили. Будемъ же и мы, товарищи, бороться.

Товарищи, мы не одни въ этой борьбѣ. Сегодня милліоны пролетаріевъ со всѣхъ концовъ привѣтствуютъ насъ и протягиваютъ намъ свои братскія руки.

Товарищи, мы не безсильны въ этой борьбѣ. Мы — сила, и сила наша въ нашемъ единеніи. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, среди рабочихъ Литвы и Польши, въ Царствѣ Польскомъ существуютъ Союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Въ цѣломъ рядѣ городовъ разбрасываются въ громадномъ количествѣ листки и брошюры. Печатаются въ Россіи рабочія газеты.

Все это,—безспорно, признаки растущей силы русскаго пролетаріата; все это—несомнѣнныя свидѣтельства растущей в нем организаціи.

Царское правительство выбивается изъ силъ, чтобы подавить рабочее движеніе. Увѣренное, что рабочее дѣло есть дѣло рукъ какихъ-то „бунтовщиковъ",

*) Перепеч. с подлин. экземпляра, хранящегося в Истор. рев. архиве в Петрогр.

„злонамѣренныхъ людей“, царское правительство производитъ обыски и аресты, хватаетъ людей на улицахъ, думая вырвать этимъ „бунтовщиковъ“ изъ рабочей среды и такимъ образомъ покончить съ рабочимъ движеніемъ. Таковъ смыслъ послѣднихъ арестовъ, которые произведены были въ одну ночь во всѣхъ крупныхъ городахъ, и во время которыхъ было забрано около 500 человѣкъ какъ интеллигентовъ, такъ и рабочихъ. Но оно горько ошибается. Рабочее движеніе создано не „агитаторами“ и „бунтовщиками“, а промышленнымъ развитіемъ страны. По мѣрѣ развитія и роста въ странѣ промышленности, увеличивается и армія пролетаріата, растетъ его сила. На мѣсто каждаго выбитаго изъ строя борца вступаютъ десять новыхъ, воодушевленныхъ такимъ же желаніемъ бороться. Нѣтъ! Обысками и арестами, ружьями и нагайками, тюрьмой и каторгой не остановить рабочаго движенія!

Товарищи! Сегодня первое мая, рабочіе всѣхъ странъ выставляютъ свои требованія. Заявимъ же и мы о нашихъ требованіяхъ:

Мы требуемъ свободы стачекъ, слова, печати, собраній и союзовъ.

Мы требуемъ свободы совѣсти и вѣроисповѣданія.

Мы требуемъ равноправія всѣхъ національностей.

Мы требуемъ созыва парламента, куда народъ будетъ посылать своихъ выборныхъ людей путемъ общаго, тайнаго и прямого и равнаго для всѣхъ выбора.

Мы требуемъ закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Дадимъ же, товарищи, сегодня слово бороться во имя этихъ требованій! Призовемъ къ нашей борьбѣ всѣхъ товарищей! И своей сплоченностью создадимъ тотъ могучій молотъ, подъ ударами котораго разобьются вѣковыя цѣпи самодержавія.

Да здравствуетъ первое мая!

Да здравствуетъ русское движеніе.

Да здравствуетъ международное рабочее движеніе!

Кіевскій „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“.

Апрѣль 1898.

ПРЕЕМСТВЕННАЯ СВЯЗЬ
СОЦИАЛ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
в 80 и 90 годах

Земля и Воля
Семидесятые годы
Плеханов

Южно Русс. Союз Раб.
1875-77 г.
Заславский
Обнорский

Черный Передел
1879 г.
Аксельрод
Плеханов
Дейч
Благославов
Латышев

Народная Воля
1879 г

Северно Русс. Союз
1877 г.
Халтурин

Группа Благоева
1883-87 г.
Благосправов
Латышев
Благоев
Герасимов
Андреев
Харитонов
Петровский
Лавров

Морозовская Стачка
1885 г.
Моисеенко

Товарищест. Рабоч.
1885-88 г.
Брейтфус
Тонисский

Группа Освоб. Труда
1883 г
Плеханов
Дейч
Аксельрод
Засулич

В С Голубев
1888 г.

Руделев
Федор Афонасьев
Колоданов

Брусневцы 1889-91 г.
В С Голубев
Иванов
Баньковский
Косинский
Странден
Красин
Родзевич
Бруснев
Цивинский
Богданов
Евграфов
Шелгунов
Климанов
Буянов
Мефодиев
Руделев

Группа Народовол.
1891 г.
Федулов
Александров (Ольминский)

Рига
Райчин

Москва
Егупов
Бруснев
Кашинский

Варшава

Харьков

Нижний
Красин

Петербургск. Союз Борьбы за Освобожд. Рабоч. Класса
1895-96 г.
Потресов
Крупская
Ляховский
Якубова
Старков
Радченко
Мартов
Ленин
Сильвин
Ванеев

Киев
Мельников

Ростовская Стачка
1894 г.
Моисеенко

Тула
Клопов
Буянов
Руделев

Эта табличка указывает только на преемственную связь наших организаций; размеры и значение организаций на чертеже не показаны.

УКАЗАТЕЛЬ *).

*) Портреты выделены жирным шрифтом.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Ленинградский гублит. № 3938. Тип. „Коминтерн" Изд-ва „Красная Новь".

Цена 3 руб. 75 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки

Москва: Московское отделение издательства „**ПРИБОЙ**",
Петровские линии, под'езд № 1. **Телеф.** 2-24-09.